

ORNÍK PRO STUDIUM RECUEIL POUR L'ETUDE
BYZANTSKO- DES RELATIONS
OVANSKÝCH VZTAHŮ BYZANTINO-SLAVES

VYDÁVÁ
 BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
 OVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR
 LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
 DE L'INSTITUT SLAVE

CHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚTY

ROČNÍK **III** TOME
SVAZEK **1** VOLUME

VYDÁN DNE 30. VI. 1931

P R A H A

V GENERÁLNÍ KOMISI KNIHKUPECTVÍ ORBIS, PRAHA-XII, FOCHOVA 62
VYTISKLA STATNÍ TISKÁRNA V PRAZE

1931

OBSAH – TABLE DES MATIÈRES

ČLANKY – ARTICLES.

Str. - Page

(DR = Deutsches Résumé — RF = Résumé en Français)

KAREL ŠKORPIL (Varna): Надписи отъ първото българско царство в черноморската област на балканския полуостровъ (продължение)	1-6
RF: Inscriptions de l'époque du premier empire bulgare dans la région de la mer Noire	7-1.
KAREL ŠKORPIL (Varna): Стратегически постройки въ черноморската област на балканския полуостровъ (продължение)	11-28
RF: Constructions militaire stratégiques dans la région de la mer Noire	28-32
V. A. MOŠIN (Skoplje): Начало Руси. Нормани в восточной Европе	33-58
Les Normans dans l'Europe orientale.	
FR. DVORNÍK (Praha): La carrière universitaire de Constantin le philosophe	59-67
NIKOLAJ DURNOVO (Moskva): Ещё о происхождении старославянского языка и письма	68-78
RF: Encore sur les origines de la langue et de l'écriture vieux-slave	78
G. IL'INSKIJ (Moskva): Где, когда, кем и с какою целью глаголица была заменена «кириллицей»?	79-88
RF: Où, quand, par qui et dans quel but l'alphabet glagolitique fut-il remplacé par le «cyrillique»?	88
N. van WIJK (Leiden): Eine Vulgatalesart im slavischen Evangelium (Mat. XIII, 48)?	89-91
N. ПОРОВ (Moskva): Спорное место в сар. IX. De admin. imperio Константина Багрянородного	92-96
DR: Über eine Stelle Const. Porph. De admin. imp. c. IX.	96
S. P. ŠESTAKOV (Moskva): К истории греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X-го века	97-101
DR: Zur Geschichte der griechisch-bulgarischen Beziehungen in dem 3. Jahrzehnte des X. Jahrh.	102
D. ANASTASIJEVIĆ (Beograd): Болгария 973-го года	103-109
RF: La Bulgarie de l'an 973	109
M. SPERANSKIJ (Moskva): Малоизвестное византийское «Видение» и его славянские тексты	110-132
RF: Une «Vision» byzantine peu connue et ses textes en vieux-slave	132
LUDMILA WRATISLAW-MITROVIC ET N. OKUNEV (Praha): La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe	134-174
ČR: Smrt Panny Marie ve středověkém pravoslavném malířství	174-180
FR. DVORNÍK (Praha): † August Heisenberg (nekrolog)	181-183

POSUDKY – COMPTE-RENDUS:

184–255

- Mélanges Charles Diehl*, 2 vol. Paris 1930 (FR. DVORNÍK) 184–197
- Sborník prací věnovaných A. Heisenbergovi*, Byzantinische Zeitschrift XXX. (JAN FRČEK) 198–202
- František Hýbl*: Dějiny národa bulharského. Díl I. a II. V Praze 1930 (JAROSLAV BIDLO) 202–220
- Статии по истории византийских и славянских политических идей V. E. Вальденберга (M. ANDREEVA) 220–223
- Tb. Pb. Papaconstantinou*: 'Η Καστορία. Athènes 1930 (D. A. ZAKYTHINOS) 223–224
- Kr. Sandfeld*: Linguistique balkanique. Paris 1930 (M. WEINGART) 224–226
- J. Ivanov*: Български старини изъ Македония. Sofija 1931 (M. WEINGART) 226–228
- B. von Arnim*: Studien zum altbulgarischen Psalterium. Leipzig 1930 (G. IL'INSKIJ) 228–231
- Iv. Ohienko*: Українська літературна мова XVI. стол. и український Крехівський Апостол. Т. I. II. Varšava 1930 (G. IL'INSKIJ) 231–232
- Nic. Cartoian*: Cărțile populare în literatura româneă. Vol. I. București 1929 (H. JARNÍK) 232–235
- Witold Klinger*: Doroczne święta ludowe a tradycje grecko-rzymskie. Kraków 1931 (VL. ROZOV) 235–240
- Phil. Schweinfurth*: Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag 1930 (N. OKUNEV) 240–244
- P. Henry*: Les églises de la Moldavie du Nord des origines à la fin du XVIe siècle. I. II. Paris 1930 (M. ANDREEVA) 244–247
- Ouvrages ukrainiens sur l'art byzantin parus pendant la période de 1917 à 1930 (V. SIČYNŠKYJ) 247–255

ZPRÁVY – CHRONIQUE

256–276

podávají:

par:

M. ANDREEVA, FR. DVORNÍK, G. IL'INSKIJ, M. WEINGART, D. ZAKYTHINOS.

- Le IIIe Congrès international des études Byzantines à Athènes 1930. (FR. DVORNÍK) 256–264
- Le 60e anniversaire de M. N. Jorga – Portraits des princes roumains (Jorga) – Époque et caractère de l'établissement des Slaves dans la pén. des Balkans (Jorga) – Revista istorica Româna – 60. na-rozeniny Ferd. Šišice (Zbornik naučnih radova. Letopis popa Dukljanina) – V. A. Gorodcovu k 40. jubileju naučnoj dejatel'nosti – Trudy V. G. Vasil'evskogo – Les conférences du père de Jerphanion à Prague – Hatzidakis, L'hellénisme de la Macédoine – Tzopotou – Sotiriou – Balasčev – Šachmatov i Čiževskij, Platon v drevnej Rusi – Meyer, Fontes historiae religionis slavicae – N. Radojčić, Srpski Abagar – Istorijaska hronologija jugoslov. zemalja – Ohienko, Wzory pism cyrylickich – Vaillant, Méthode d'Olympe – Les études byzantines en Pologne (Sajdak) – Molè, Historia sztuki starochrześcijańskiej i wczesnobizantyńskiej – Teniševa, Emal'i inkrustacija – Andreeva, Neobchodimya raz'jasnenija – † E. F. Karskij – Note de la rédaction.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ – EXTRAITS DES PÉRIODIQUES 277–283

Epeirontika chronika (D. A. ZAKYTHINOS).

KAREL ŠKORPIL (Varna):

НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО ВЪ ЧЕРНОМОРСКАТА ОБЛАСТЪ НА БАЛКАНСКИЯ ПОЛУОСТРОВЪ.

Продължение отъ томъ II/2.

Часть II.

ПЕЧАТЪТЪ НА КНЯЗА БОРИСЪ-МИХАИЛЪ (852—889)
ВЪ ВАРНЕНСКИЯ МУЗЕЙ.

(Табл. I, II.)

На северозападъ отъ гр. Варна (отъ пристанището 5 км.), въ лозята на западъ отъ шосето отъ гр. Варна до с. Голѣма Франга, въ половина на склона отъ високата Добруджанска равнина (Батовската) къмъ долината на Варненскитѣ езера, въ мѣстността наречена Теке Караачъ (теке = гробъ; караачъ = черна топола), до единъ изворъ, се намиратъ остатъци на старъ мѣнастиръ, на едно пространство отъ около 15 декара.

Изгледътъ отъ това мѣсто е очарователенъ, като обема цѣлата долина на Варненскитѣ езера и Варненския заливъ и задъ нея къмъ югъ всичкитѣ северни разклонения на Източния балканъ.

Въ развалинитѣ на мѣнастира се познаватъ остатъци на мѣнастирска ограда, мѣнастирската църква и мѣнастирскитѣ здания. Една отъ главнитѣ постройки се е намирала въ югоизточната частъ на заграденото пространство, която е била издадена отъ южната ограда, до източния ѝ край, къмъ югъ; отъ постройката сж били запазени основи, които сж били унищожени съ основане на лозе. На северъ отъ постройката, въ източната ограда сж били намѣрени остатъци на главната порта въ мѣнастира, която е била пазена съ една кула издадена отъ оградата.

Срещу портата сж остатъци на мѣнастирската църква, която до сега не е изследвана. Църквата е била малка, съ нартикъ и една полукръгла апсида.

Около църквата, особено край източната ѝ половина, и до апсидата, намѣрени сж гробове.

До развалинитѣ на мѣнастира има изворъ (1, 2 литри въ секунда); водата отъ извора е била проведена и въ градъ Варна и построенъ резервоаръ отъ камъкъ въ видъ на каналъ 52 м. дълъгъ, 0,8 м. широкъ и 1,5 м. високъ, покритъ съ голѣми плочи, за каптиране на водитѣ.

За мѣнастира има запазени разни предания. Подъ мѣнастира, въ северната частъ на долината на Варненското езеро е полесражението отъ

1444 г., въ което загиналъ кралъ Владиславъ. До мѣнастира е билъ заровенъ единъ отъ водителитѣ на турскитѣ войски, отъ което е произлѣзло названието «Теке» (= гробъ).

Въ развалинитѣ на църквата сж намѣрени остатъци на фрески, на подова мозаика (opus sectile) отъ малки мраморни (порѣдко изпечени глинени) плочки, отъ сжщитѣ форми и размѣри, каквито сж намѣрени въ християнскитѣ постройки въ развалинитѣ на българскитѣ столици: Плиска и Преславъ.¹

Въ мѣстността Караачъ-теке найстрата до сега намѣрена монета е анонимна монета на ИВАНЪ ЦИМИСХИЙ (969—975); останалитѣ, до сега намѣрени монети сж отъ второто българско царство: царь ТОДОРЪ СВЕТОСЛАВЪ (1295—1322); такиви монети сж намѣрени и въ гр. Варна въ близкитѣ села Пашакъой и Кестричъ; царь МИХАИЛЪ III ШИШ-МАНЪ (1323—1330) и царь ИВАНЪ АЛЕКСАНДЪРЪ и синъ му МИХАИЛЪ (1331—1355). Намѣрени сж и стари турски монети.

*

Найинтересна находка въ развалинитѣ на мѣнастира е печатътъ на княза БОРИСЪ-МИХАИЛЪ. Печатътъ е намѣренъ при обработване на лозето на мѣстото на развалинитѣ на постройката, която е била издадена отъ южната ограда, до източния ѝ край. Печатътъ найнапредъ е билъ обнародванъ въ «Извѣстия на Варненското Археол. Дружество», Кн. VII. Въ сжщитѣ мѣста сж намѣрени и фрагменти на мраморни стълбове, корнизи и други архитектурни камъни, което показва, че издадената постройка е била найважната сграда въ мѣнастира.

Печатътъ (Табл. I, II) е отъ олово, съ диаметръ 30 мм., дебелина 4 мм. и при издутитѣ крайща 5 мм., съ тежина 27 гр. Печатътъ е много добре запазенъ съ изключение на незначителната повреда, причинена отъ ударъ съ мотика при обработване на лозето; по дебелината си, печатътъ е пробитъ презъ срѣдата му, за закрепване къмъ документа, съ дупчица (4 × 2 мм.) посредствомъ една вървѣ, прокарана презъ дупчицата.

Отъ дветѣ страни на печата има по две концентрически окръжности, изпъкнали съ явни следи, че първоначално сж били зрънчести и, то, вътрешната окръжностъ съ диаметръ 16 мм., а вънкашната 24 мм.

Между окръжноститѣ има надписи безъ съкращения и въ вътрешната окръжностъ бюстове.

а) На лицето е образа на Св. Богородица, първоначално съ зрънчестъ, сега изпъкналъ нимбъ. Дрехата отъ лѣвата страна е повредена съ мо-

¹ Абоба-Плиска (Извѣстия русскаго археол. института въ Константинополѣ). Томъ X. Стр. 140. Табл. XXXIII. обр. 26; «България 1000 години» стр. 255—256. Табл. XXX и XXXI.

тика при копане лозето. Главата е забулена. Ржцетѣ на Св. Богородица сж сложени върху гърдитѣ за молитва (Maria Orans), съ дланитѣ напредъ. Лицето на Св. Богородица е овално съ изпжкнали очи и широкъ носъ. (Табл. I, обр. 2.)

Надписътъ между дветѣ окръжности е релефенъ и се почва съ малко равнорамено кръстче прямо надъ главата на Св. Богородица и е писанъ отъ лѣво на дѣсно къмъ срѣдата на печата, съ букви 1,5 мм. високи. (Табл. II, обр. 2.)

+ ΘΚΕ ВОНΘΝ ΜΗΧΑΝΑ ΑΡ[Χ]ΟΝΤΑ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑ[С]

Богородице помози (на твоя рабъ) Михаилъ, князь на България.

в) Върху опакото е бюста на Христа съ дълги коси разпуснати и достигающи до раменетѣ, особено върху лѣвото рамо въ гжста струя. Лицето на Христа е кръгло съ кжса заострена брада, съ изпжкнали очи и, сравнително съ образа на Св. Богородица, кжсъ носъ. Вмѣсто нимбъ има кръстъ задъ главата, на който рамената симетрично изпжкватъ надъ главата и отъ дветѣ ѣ страни. Рамената на кръста сж 2 мм. широки, направени отъ контурни изпжкнали линии и въ срѣдата съ изпжкнали пръчки.

Дрехата на Христа е двойна, долната върху гърдитѣ, а горната прехвърлена презъ дветѣ рамена. Дѣсната ржка на Христа е сложена върху гърдитѣ, съ дланѣта напредъ и благославя, а въ лѣвата ржка, която е скрита, държи затворено евангелие, отъ което се вижда горната частъ въ корици въ двойна изпжкнала рамка. (Табл. I, обр. 1.)

Надписътъ е релефенъ, и почва съ малко, неясно отпечатано кръстче и написанъ, както на отвѣдната страна. (Табл. II, обр. 1.)

+ ΚΕ ВОНΘΝ ΜΗΧΑΝΑ ΑΡΧΟΝΤΑ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑС

Господи помози (на твоя рабъ) Михаилъ князь на България.

Въ развалинитѣ на църквата е намѣренъ:

1. Фрагментъ на тухла съ дебелина 4,5 см., съ печать, който е 0,027 м. високъ, а на дѣсно неограниченъ (Табл. II, обр. 5) въ една изпжкнала рамка; буквитѣ сж релефни Μα[ρ]ία въроятнo съкращение ѣ αὔα Μαρία. Тухлата се съхранява въ Варненския Музей (инв. IV, № 344).

2. Фрагментъ на плоска керемида на дебелина 2 см., съ остатъци на 6 реда надписъ. Въ фрагмента личи ΜΗΧ(аилъ?).

Християнството се разпространило въ гр. Варна и околността му още въ I-вия вѣкъ сл. Хр. Въ Варна се споменува първи епископъ Св. апостолъ Амплий до 56 г. сл. Хр., а неговъ наследникъ Св. апостолъ Карпъ до 59 г.

Първитѣ християни сж се крили въ особени тайни скривалища въ скални стени, на които остатъци се намиратъ по Черноморското край-

брѣжии и въ планинитѣ въ Източния балканѣ. Това е първата християнска епоха въ Черноморието.

Мънастири, особено на мѣстата на първитѣ християнски скривалища съ великолеппи църкви се явяватъ въ Варна и околността, отъ времето на КОНСТАНТИНА ВЕЛИКИ и разцѣвтаването имъ трае до образуването на българската държава (679 г.). Това е втората християнска епоха.

Третата епоха — разрушаване християнскитѣ паметници — въ ново-създадената държава, трае отъ основанието на държавата до покрѣстването на княза БОРИСА-МИХАИЛА (865 г.), а четвъртата епоха — създаване нови християнски паметници — се почва съ тая година.

Найстариятъ до сега намѣренъ паметникъ въ развалинитѣ на манастира Теке-Караачъ е печатътъ на княза Бориса Михаила, отъ което може да се сѣди за основанието на манастира; постройкитѣ показватъ сѣщо, че манастирътъ принадлежи на четвъртата християнска епоха въ тия страни. Отъ всичко това може да се дойде до заключение, че манастирътъ Теке Караачъ е основанъ въ времето на княза Бориса Михаила и, може би, отъ самия князь и, че съ намѣрения печатъ е билъ скрепенъ документътъ за основание на манастира, или документъ, съ който князь Борисъ е далъ известни привилегии за манастира; затова министърътъ г. Ст. Омарчевски е изпълнилъ високо патриотически дългъ, като е разпоредилъ, да се отчужди мѣстността на манастира, както се очуждаватъ днесъ постепенно всичкитѣ старини свързани съ исторически събития на Българското царство, благодарение на дейността на сдружението «Българска Старина».

Въ «Статии изъ българската история» (1920) издание на комитета отъ офицеритѣ на Варненския гарнизонъ, а не въ Извѣстията на Варненското археол. дружество (VII. 1921)² — Херм. ШКОРПИЛЪ изказва мнението, че князь БОРИСЪ живѣялъ въ последнитѣ си години въ манастира Теке Караачъ, гдето е билъ и погребенъ. Моитѣ мнения по тия въпроси сѣ публикувани въ издания на комитета за българска старина кн. I-ва — Карелъ ШКОРПИЛЪ «Въ защита на българската народна старина» (1924 г., стр. 7—8), — което за жалость останало неизвестно на г. Н. МУШМОВЪ.

Издазанитѣ мнения сѣ следнитѣ:

1. За мѣстото къдѣ е живѣлъ царь Борисъ?

Като имамъ предъ видъ, че манастирътъ въ Абоба-Плиска е основанъ веднага следъ покрѣстването на българитѣ отъ Бориса съ такава великолеппа църква (базилика, построена върху 2870 квадр. метра),

² Н. Мушмовъ. «Извѣстия на бълг. археолог. институтъ». Томъ V. стр. 227.

можемъ да заключимъ, че Борисъ е основалъ този, въ всѣко отношение царски мѣнастирь, за себе си, и че въ този мѣнастирь той е прекаралъ последнитѣ си години, като монахъ близо до царската вътрешна крепостъ.

2. Къде е гробътъ на царь Бориса?

Още преди покръстването, на западъ отъ тронния царски палатъ въ вътрешната царска крепостъ Плиска, е била въздигната една постройка само съ едно помещение въ видъ на салонъ, съ 21 м. дължина и 12 м. ширина, която безъ съмнение е служила за обществена, и вѣроятно за религиозна цель. Следъ покръстването тази постройка е била обърната на църква, която е служила за царска гробница. Отъ всичкитѣ страни на старата постройка сж били построени нови църковни пристройки и, то, отъ източната ѝ страна — олтарната часть въ видъ на три апсиди, а отъ другитѣ три страни, помещения въ видъ на нартики — юженъ, западенъ и северенъ. Въ южната нова вънкашна стена на южния нартикъ, близо до южната апсида на църквата, е построена особена гробница, въ видъ на параклисъ, съ една малка апсида въ източната ѝ часть. Тази гробница е строена заедно съ църквата, а не е отъ после встроена въ стената на църквата. Между гробницата и южния нартикъ има широкъ отворъ, въ който е намѣренъ гробъ и до него, въ западната часть на отвора, настилка на входа въ гробницата.

Отъ гроба е запазена само долната часть, напѣравена отъ дѣлани камъни, въ която намѣрихъ само, почти напълно изгнили на прахъ кости и части отъ черепа, които сж запазени. Отъ саркофага, който е билъ издигнатъ надъ гроба, между гробницата и южния нартикъ на църквата, не сж останали никакви остатъци.

Като имамъ предъ видъ постройката на гробницата, градена отъ сжщия, който преобърналъ старата постройка въ църква, което е станало веднага следъ покръстването на Бориса, и като имамъ предъ видъ, че българскитѣ владетели сж имали обичай, да си строятъ своитѣ гробници още въ време на живота си, който обичай ясно се потвърждава отъ надписа на Омортага въ църквата Св. 40 мжченици въ Търново, споредъ който Омортагъ си построилъ всеславна гробница между стария си домъ (до с. Абоба-Плиска) и новия всеславенъ домъ на Дунава до с. Каджкѡй, между гр. Тутраканъ и гр. Силистрия, дохождамъ до заключение, че гробътъ на първия християнски царъ е билъ въ неговата столица, и то, въ придворната църква — мавзолей, която е била построена отъ него, заедно съ неговата гробница.

ПЕЧАТЪТЪ НА КНЯЗА БОРИСЪ МИХАИЛЪ ВЪ СОФИЙСКИЯ МУЗЕЙ.

Подобенъ печатъ, сеченъ отъ същата матрица, се намира въ Софийския музей, купенъ презъ 1904 г., но опредѣленъ отъ Н. МУШМОВЪ 1929 г. въ «Новооткрити сръдновѣковни печати отъ България» въ «Известия на българския археологически институтъ», Томъ V. стр. 225—230, обр. 119, 120. Печатътъ е купенъ отъ Пловдивъ, отъ което обаче не може да се заключава, че произлиза отъ Пловдивско.

*

ОБРАЗЪ НА ЦАРЬ ПЕТРА (927—969). Табл. I, обр. 3. Табл. II, обр. 3.

Въ развалинитѣ на Плиска презъ 1926 г., до западната ограда на Малкия дворецъ е намѣрена бронзова плочка, крѣгла съ диам. 43 мм., съ изображение само отъ една страна въ зърнистъ крѣгъ отъ три реда, отзадъ гладка.

Плочката е публикувана отъ Н. А. МУШМОВЪ «Новооткрити сръдновѣковни печати отъ България» въ «Известия на българския археологически институтъ», Томъ V. стр. 230—239, обр. 121, 122, подъ заглавие «Бронзовъ печатъ на царъ Петра».

Царьтъ е изобразенъ въ бюстъ, съ брада, на главата низка византийска корона съ кръстъ, съставенъ отъ 4 релефни топчици и отъ страни висулки. Царската дреха съ квадрати; при лѣвото рамо съ щитъ; въ дѣсната рѣка държи кълбо съ двоенъ, сравнително голѣмъ, кръстъ.

Отъ дѣсната страна бюста има надписъ съ релефни букви въ негативъ, четенъ отъ долу на горе *Πετρ | царъ | въ три реда и съ съкращение на сръдния редъ.*³ На лѣвата страна на бюста има подобенъ надписъ, четенъ отъ долу на горѣ *българъ* въ два реда.

«Πετρ царъ българъ».

Мушмовъ предполага, че плочката не е печатъ, но матрица за печатъ или за монета.

Образътъ се съхранява въ Шуменския Музей.

³ Подобни съкращения въ монограмовитѣ знаци върху тухлитѣ въ Преславъ. *Кар. Шкорпилъ* «Паметници отъ столица Преславъ» въ «България 1000 години» стр. 221. Табл. XLVIII, обр. 20, 21. (Табл. II. обр. 4).

INSCRIPTIONS DE L'ÉPOQUE DU PREMIER EMPIRE BULGARE
DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE.
(Péninsule des Balkans.)

(Résumé.)

Dans la partie orientale de la péninsule des Balkans, on trouve, outre de nombreuses inscriptions grecques (sur le littoral et à l'intérieur) et romaines (le long du Danube), des inscriptions datant de l'époque du premier empire bulgare (679—1018) écrites en grec et très rarement en vieux-slave.

La première inscription de ce genre a été découverte en 1701 au village de Pravista; puis en 1831 à Šumen, en 1859, une inscription a été copiée dans l'église « des 40 martyrs » de Trnovo par Chr. Daskalov. Kanic a copié deux inscriptions du même genre et K. Jireček a entendu parler d'une inscription qui se trouvait à Šumen. C'est K. Škorpil qui a trouvé et publié le plus grand nombre d'inscriptions de ce genre (1886—1895). Ce fut lui aussi qui copia le premier les inscriptions qui se trouvaient auprès du relief de Madara (1895). On a trouvé également des inscriptions du même genre au cours des fouilles d'Aboba-Pliska (1899 et 1900). Plus récemment on a trouvé des tels fragments d'inscriptions: un dans les fouilles des environs du village de Madara, un dans le grand domaine de Teke-Kozludža et un dans le village de Kalugerica.

D'après leur contenu, on peut diviser ces inscriptions en quelques groupes comme le fait Th. Uspenskij. En ce qui concerne leur date ces inscriptions appartiennent à l'époque de Krum, surtout à l'époque d'Omortag, à celle de Malamir, de Presjan, de Boris et de Siméon (de 803 à 927).

Première partie. (Tableau 1.)

Colonnes avec noms de villes.

Elles appartiennent à une seule époque. Les inscriptions d'après tous les indices sont gravées pour la plupart par un seul tailleur de pierres. Elles sont de deux sortes:

noms de villes (κάστρον) et noms de batailles (πόλεμος).

Toutes les colonnes émanent de la résidence impériale de Pliska d'où elles ont été distribuées. Une d'elles date de 1230 et se trouve dans l'église des 40 martyres à Trnovo.

Les noms appartiennent aux villes de Thrace situées sur les deux versants de la chaîne de Strandža: à savoir

au N. de la chaîne de Strandža

1. + Κάστρον Μεσημβρίας
2. + Κάστρον Ἀγγιαλέων
3. + Κάστρον Σοζοπόλεως

au Sud de la chaîne de Strandža près du rivage de la mer de Marmara;

4. + Κάστρον Ῥεδεστοῦ

5. + Κάστρον Πάνιον (ou Δαονιον)

6. + Κάστρον Θεοδοσπολεως (d'après Jireček Θεοδωρονπόλεως);

sur la rive de la rivière Erkene;

7. + Κάστρον Βιζύης

8. + Κάστρον Ἀρκαδιονπόλεως

9. + Κάστρον Βουρδίζον

10. + Κάστρον Νικιον;

sur la rive de la Marica

11. + Κάστρον Λιδυμοτείχου

12. + Κάστρον Σκοντάρεως

13. + Κάστρον Βούκελλον et 5 fragments non déterminés (14—18).

Noms de batailles:

19. + Πόλεμος τῆς Σέρας

20. Πόλεμος τῆς Τοῦτζα et 1 fragment.

Au début de chaque inscription, il y a une croix gravée en même temps que l'inscription; ce qui indique que la ville conquise était chrétienne. Les grandes croix en relief sur les colonnes sont d'origine plus ancienne et les inscriptions qui y sont jointes sont écrites en caractères retournés.

Il y a deux opinions sur l'origine des inscriptions.

La plus juste est exposée par K. Jireček et adoptée par V. Zlatarski: d'après cette théorie, ces inscriptions seraient des signes des victoires de Krum et Thrace (812—813).

D'après Th. Uspenskij, ces inscriptions datent de l'époque de Siméon (923—924).

Théophane parle du transfert des colonnes par Krum de Thrace. Les colonnes avaient été à l'origine élevées ou forme de colonnade devant le palais de Pliska. Au temps de Boris, elles furent pour la plupart utilisées lors de la construction de la basilique de Pliska.

Quant à la bataille de la ville de Serres, V. Zlatarski suppose qu'elle date de l'année 808.

Voir la suite dans Byzantinoslavica III/1.

IIème partie.

Sceau du prince Boris Michel (852—889) du Musée de Varna.

(Tableau I, II.)

Gisement: au nord-ouest de la ville de Varna, sur l'emplacement des ruines d'un ancien monastère situé à mi-chemin sur le versant sud de la haute plaine

К. ШКОРПИЛЪ: НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО.

1.

2.

3.

Табл. 1.

1

+ КЕ ВОНОНМНХАНААРХОНТАВОУЛГАРИАС

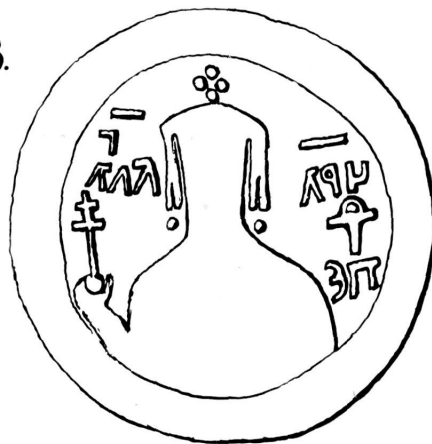
2

+ Θ Κ Ε Β Ο Η Θ Η Μ Η Χ Α Η Λ Α Ρ Χ Ο Ν Τ Α Β Ο Υ Λ Γ Α Ρ Ι Α Σ

4.

3.

5

Табл. 2.

de la Dobrudža vers la plaine des lacs de Varna, appelée maintenant Teke Karaaç (tombeau du peuplier noir). Description des ruines du cloître et de la petite église. Au-dessous du cloître, dans la plaine, bataille mémorable de 1444 où mourut le roi Vladislav. Monnaies trouvées dans les ruines (de 969 à 1355). Trouvaille du sceau du prince Boris-Michel. Le sceau est en plomb; diamètre de 30 mm, épaisseur de 4 mm, poids de 27 gr. Il est bien conservé.

Des deux côtés du sceau, il y a des images dans un cercle de 16 mm de diamètre, tout autour une inscription grecque sur une bande circulaire d'une largeur de 8 mm.

a) d'un côté, buste de la Sainte Vierge, la tête entourée d'un nimbe, les mains sur la poitrine pour la bénédiction (Maria Orans). Inscription (Tabl. I, fig. 2 et Tabl. II, fig. 2).

+ ΘΚΕ ΒΟΗΘΗ ΜΗΧΑΗΛ ΑΡΧΟΝΤΑ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑΚ

b) de l'autre côté; buste du Christ avec la chevelure dénouée, tombant sur les épaules, surtout vers la gauche. Visage ovale avec une courte barbe. Au lieu de nimbe, derrière la tête, une croix dont les bras dépassent la tête des deux côtés. Le vêtement du Christ est double. De la main droite, il bénit, de la main gauche il tient un évangile fermé. Inscription. (Tabl. I, fig. 1 et tabl. II, fig. 2.)

+ ΚΕ ΒΟΗΘΗ ΜΗΧΑΗΛ ΑΡΧΟΝΤΑ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑΚ

Dans les ruines de l'église on a trouvé un fragment de brique avec un sceau. Μαρία (Tabl. II, grav. 5) et un fragment de céramique avec l'inscription ΜΗΧ (ail?).

Quatre époque chrétiennes pour l'histoire du littoral de la Mer Noire:

1. Epoque des persécutions qui commence au Ier siècle ap. J. C. (à Varna, l'évêque Saint-Apôtre Amplias jusqu'en 56 et l'évêque Saint-Apôtre Karp jusqu'en 59).

2. L'époque de floraison, commence avec le règne de l'empereur Constantin le Grand.

3. Époque de l'anéantissement, qui commence avec la fondation de l'Empire bulgare dans la péninsule des Balkans (679 ap. J. C.).

4. Époque de la nouvelle floraison qui commence par le baptême du prince bulgare Boris (865 ap. J. C.).

Le monastère de Teke-Karaaç appartient à la quatrième époque; il a été fondé à l'époque du prince Boris et peut-être par Boris lui-même. Le sceau qu'on y a trouvé appartient soit à la charte de fondation, soit à un autre document d'après lequel certains privilèges étaient accordés au monastère.

On discute sur le lieu où le prince Boris passa ses dernières années comme moine et sur l'emplacement de sa tombe. Mon opinion a été exposée dans ma brochure: «V zaštita na balgarskata narodna starina» (1924). D'après moi:

1. *le prince Boris passa ses dernières années comme moine au cloître de Pliska près Aboba, qui a une magnifique basilique (2870 mq.).*

2. *Le prince Boris est enterré* dans l'église du château fort de la capitale. On avait construit en premier lieu un édifice (21 m. $\times$ 12 m.) qui servait au culte païen. Après le baptême des Bulgares, cet édifice fut transformé en église; on construisit encore un autel avec 3 absides et trois narthex. Sur le mur méridional de l'annexe S, près de l'autel avait été en même temps construite une chapelle-sépulture; dans cette chapelle on a découvert un tombeau avec des ossements desséchés et des débris de crânes.

Le tombeau avait été construit avec l'église chrétienne par Boris immédiatement, après son baptême, les souverains bulgares avaient l'habitude de construire leur tombeau de leur vivant, comme le dit clairement l'inscription d'Omortag à l'Eglise des 40 martyrs de Trnovo. On y trouve la mention qu'Omortag avait construit un admirable tombeau entre sa résidence originaire — Aboba-Pliska — et sa nouvelle résidence sur le Danube, près du village de Kadakoï, entre les villes de Tutrakan et de Silistrie.

Annexe.

Le sceau du prince Boris-Michel au Musée de Sofia.

Acheté (provenance de la région de Plovdiv) par le Musée de Sofia en 1904, identifié en 1929. Publié dans le Bulletin de l'Institut archéologique bulgare de Sofia (M. Mušmov, T. V. P. 225—230, grav. 119—120).

Portrait du tsar Pierre.

(927—969) (Tabl. I, gr. 3 et tabl. II, gr. 3) découvert dans les ruines du palais dans la ville-résidence de Pliska, actuellement au Musée de Šumen, reproduit dans le Bulletin de l'Institut archéologique bulgare de Sofia (N. Mušmov; le sceau de bronze du tsar Pierre, Tome V, p. 230—239, fig. 121, 123).

Portrait-buste du tsar, barbu, une couronne byzantine basse sur sa tête. Des deux côtés: inscription en slave. L'inscription est un négatif et on doit la lire de bas en haut. Mušmov pense que l'objet servait de moule pour des monnaies ou des sceaux.

KAREL ŠKORPIL (Varna):

СТРАТЕГИЧЕСКИ ПОСТРОЙКИ ВЪ ЧЕРНОМОРСКАТА ОБЛАСТЪ НА БАЛКАНСКИЯ ПОЛУОСТРОВЪ.

(Продължение отъ томъ II/2.)

I.

ГЛАВНАТА ПРЕГРАДНА ЛИНИЯ ВЪ ИЗТОЧНО-БАЛКАНСКАТА КРЕПОСТНА СИСТЕМА.

2-ра часть.

*Преградната линия отъ пролома
на рѣка Елешница до Сливенския проходъ.*

Обранителната балканска линия на западъ отъ р. Елешница, не се явява въ видъ на почти непрекъсната преграда насочена къмъ северъ, но се явява въ видъ на отдѣлни преградни стени въ балканскитѣ проходи, насочени къмъ сѣщото направление.

9. Преградата «Маркова преграда» (или «Казашкитѣ колиби»). Обр. 22.

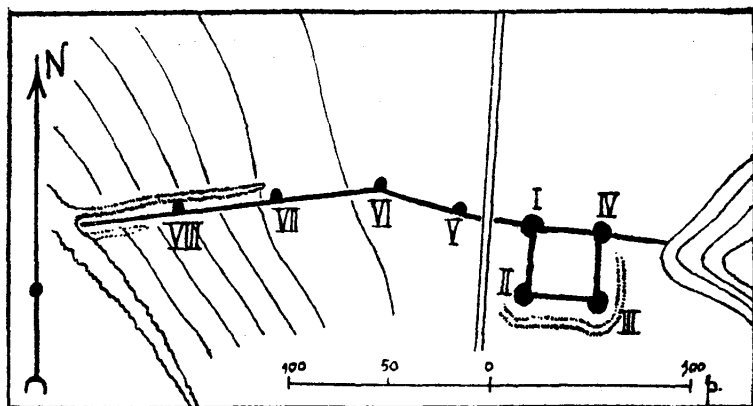
На водораздѣла на рѣкитѣ Елешница и Кривица (Балабанъ-дере) и то между Дюзъ-гечидъ дере (къмъ р. Елешница) и единъ сухъ долъ, който слиза къмъ р. Кривица, се намиратъ развалини на единъ кастелъ съ преграда, въ мѣстността «Гермето» (или «Казашки колиби»), наречени «Маркова преграда».¹

Върху найвисокото мѣсто, по което минава пѣтьтъ «Касабъ-йолъ», отъ с. Надиръ за с. Ченге (Овчага) на Луда рѣка, презъ главния балкански гребенъ, сѣ развалини на кастелъ отъ квадратна форма съ страна 30 крачки; въ жглитѣ на кастела е имало по една голѣма крѣгла кула съ диаметръ до 10 кр. (I—IV); направлението на странитѣ на кастела незначително се отклонява отъ свѣтовнитѣ страни и съборенитѣ зидове се явяватъ въ видъ на камѣни насипи.

Отъ североизточната кула на кастела слиза преградната стена къмъ изтокъ, въ направлението на северната стена на кастела, къмъ Дюзъ-гечидъ дере, на разстояние 30 кр., следъ което се губи по склона къмъ

¹ Вл. и Кар. *Шкорпилъ* «Нѣкои бѣлѣжки върху археологическитѣ и историческитѣ изслѣдования въ Тракия». Пловдивъ. 1885, стр. 13.

дола. Отъ северозападната кула на кастела, преградната стена продължава въ сѣщата линия къмъ западъ (65° СЗ) на разстояние 75 кр.; въ срѣдата и на края на тази частъ има полукръгли, къмъ северъ изпъкнали, кули (V, VI); отъ последната кула преградата продължава въ почти западно направление (85° ЮЗ) и се свършва на разстояние 150 кр.

Обр. 22.

въ сухъ долъ, на който отсрещния брѣгъ е стрѣменъ. Въ тази частъ на преградата личатъ две кули (VII, VIII). Зидътъ на преградата е запазенъ въ видъ на камененъ насипъ.

Ровъ отъ северната страна на преградната стена се забелязва край западния ѝ край (100 кр.) и край източната и южната стени на кастела.

Названието на мѣстността «Казашки колиби» произлиза отъ времето на руско-турската война презъ 1828—29 год.; тукъ сж намерени руски и австрийски монети отъ началото на XIX-ти вѣкъ.

Мѣстото на портата на преградата неличи. На северъ отъ преградата има нови развалини на една стражарница (беклеме) на пѣтя Касабъ-йолъ отъ турско време. Споредъ едно предание е имало желѣзни врата на мѣстото, гдето днешния пѣтъ пресича преградата на западъ до кастела и затова се среща и названието «Демиръ-капу» (Желѣзни Врата).

10. Преградата до с. Байрямъ-аланъ.

За тази преграда имамъ само сведение, което не е провѣрено. Върху гребена Мандра-баиръ, който се издига на западъ отъ с. Байрямъ аланъ и на западъ отъ пѣтя отъ с. Уланли на югъ подъ Балкана, за с. Чифликъ-махле, на пролома на Луда рѣка, край върха Карасанлий, въ главния балкански гребенъ (620 м.), се намиратъ развалини на крепостъ на върха Асаръ-доорусу.

11. Преградата въ пролома на Луда рѣка между с. с. Чифликъ-махле и Късъкларъ.

На лѣвия брѣгъ на пролома на Луда рѣка, срещу устието на дѣсния ѝ притокъ р. Кривица (Балабанъ дере), между казанитѣ села, се намиратъ развалини на балканска преграда, която се спуска по югоизточния склонъ на върха Гюней къмъ пролома.

Името на с. Късъкларъ² произлиза отъ думата «Кесикъ» (пресечено). На западъ отъ в. Гюней, къмъ с. Текенликъ се издига в. Кейкъ-тепе (Еленски върхъ) надъ лѣвия брѣгъ на пролома, съ нѣкакви развалини.

Самата преграда е напълно съсипана, но личи, че тя е била строена здраво съ хоросанъ. На острещния дѣсенъ брѣгъ на Луда рѣка се издига върха Ючъ-кая, въ планинска група между р. Кривица и Чифлишка рѣка, въ която стърчи скалистия върхъ «Голѣмъ камъкъ» (Коджа кая, 616 м.) съ найширокъ изгледъ въ източната частъ на Балканитѣ, който е служилъ за важенъ наблюдателенъ пунктъ. На в. Ючъ-кая се намиратъ развалини на крепостъ.

12. Преграда-Кале до с. Бояларъ.

Западниятъ край на върха Каялжкъ баиръ, на северозападъ отъ с. Той-къой, който се вдава въ единъ отъ завоитѣ на Луда рѣка, срещу устието на лѣвия ѝ притокъ р. Капавица (Дамлж-дере, Дамъ-дере), носи названието Герме-кая (Преграденъ камъкъ).

Преградата се намира срещу Герме-кая на лѣвия високъ брѣгъ на Луда рѣка, на северъ отъ устието на рѣчката Дерѣ-бою (Айваджикъ дере), до пѣтя отъ с. Той-къой за с. Каравелилеръ.

Самата порта въ преградата е била пазена съ две кули, споредъ развалинитѣ имъ, полукръгли и изпъкнали къмъ югъ.

Преградата е била въ права линия и то отъ портата къмъ изтокъ до склона на брѣга къмъ Луда рѣка — 30 крачки, а отъ портата къмъ западъ — 55 кр.

Дебелината на зида е 2,5 м.; строителниятъ материалъ е отъ простъ камъкъ, по лицата съ поголѣми камъни и бѣлъ хоросанъ.

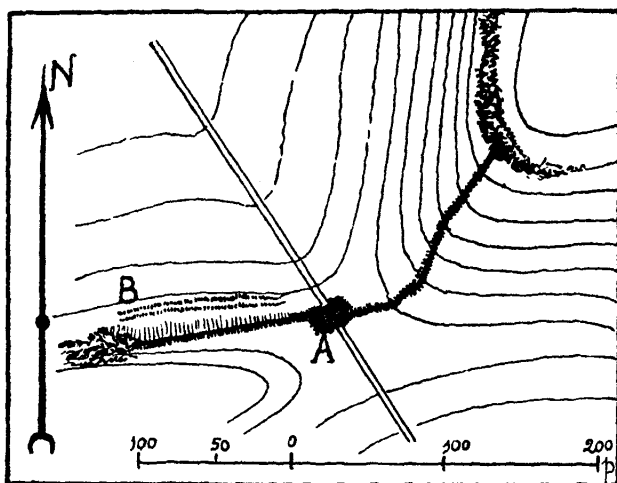
Стариятъ пѣтъ е вървѣлъ отъ северъ по едно равно мѣсто къмъ портата и отъ нея слиза къмъ югъ по склона на Айваджикъ дере и къмъ с. Бояларъ. Новото шосе Провадия-Айтосъ върви по срещния дѣсенъ брѣгъ на Луда рѣка.

На края на гребена, който се протака на югъ надъ Айваджикъ дере, на западъ надъ с. Бояларъ, се намира могилообразенъ върхъ Асалжкъ-тепеси съ развалини.

² Селото се състою отъ три махали: Емиръ-махле и Кайрякъ-махле на дѣсния, а Хаджи махле на лѣвия брѣгъ на пролома.

13. Преградата «Коджа капу» (Голѣма порта) до с. Лопушна (обр. 23).

Преджанската котловина на р. Тича е ограничена отъ южната страна съ планински гребенъ Капу-баиръ; презъ гребена минава пѣть отъ с. Лопушна (стариятъ пѣть Провадия-Айтосъ) за с. Текенликъ, презъ мѣстността Кючукъ Капу (Малката порта); найстариятъ пѣть е мина-

Обр. 23.

валъ по западъ презъ мѣстността Коджа капу (Буюкъ капу, Голѣмата порта). На западъ отъ Коджа капу, гребенътъ, подъ името Чиплакъ-кайрякъ, продължава къмъ пролома на Доруджа дере (Дружа дере, Сующа), отъ гдето извива къмъ югъ по бившата румелийско-българска граница.

Между гребена Капу-баиръ, на западния му край и Чиплакъ кайрякъ, на вододѣла на р. Тича и Луда рѣка се намира преградата «Коджа-капу». Северозападниятъ склонъ на гребена Капу-баиръ е скалистъ и стрѣменъ (Коджа-канара, Голѣмата скала). Отъ скалната стена се спуска по склона на гребена преграденъ зидъ къмъ седлото на дължина 105 крачки и после завива (50 кр.) къмъ пѣтя презъ седлото: Портата въ преградата (А) е била до северния край на седлото и надъ стрѣмния му склонъ къмъ северъ, и то въ видъ на правоѣгълна постройка, развалинитѣ на която иматъ 20 кр. дължина и 10 кр. ширина; презъ срѣдата на постройката е минавалъ стариятъ и минава и новиятъ пѣть.

Зидътъ продължава отъ портата къмъ западъ по северния склонъ на гребена Чиплакъ кайра (135 кр.), до скалната на сѣщия склонъ, която образува естествено продължение на преградата. Подъ западната частъ на преградата по стрѣмния склонъ е трапъ изкуствено изкопанъ (В).

Преградниятъ зидъ има дебелина 2,5 м. и е почти напълно разрушенъ; вътрешността на зида е неправилно изливана съ хоросанъ смѣсенъ съ парченца тухли. На югъ отъ преградата до една чушма се намиратъ квадрите отъ лицето на преградния зидъ ($0,8 \times 0,5$ м. и дебелина 0,5 м.).

Гребенътъ Чиплакъ-кайра, при западния си край, завива къмъ югъ и вилообразно се разклонява; до разклонението на гребена има развалини на крепостъ «Кайрякта Кале», която е служила за наблюдателенъ пунктъ и за гарнизонъ на преградата.

Въ мѣстността Кючукъ-капу, надъ изворитъ на р. Сирписа нѣма остатъци на преграда; на гребена има три естествени ями (въртопи) и край тѣхъ минава пѣтъ «Кесикъ йолъ» по самия гребенъ къмъ крепостта «Градището» на източния край на гребена.

Кайрякта Кале (обр. 24)

представлява нераздѣлима частъ на преградата Коджа капу.

Скалнитъ стени (70 кр.) образуватъ естествено укрепление на северо-западната страна на крепостта. Формата на крепостта е неправиленъ петоѣгълникъ, на който основата е гореказаната скална стена и срещуположения върхъ на която е отѣпенъ. Стенитъ, които се допиратъ до скалата (I, II), иматъ дължина по 75 кр. и се изкачватъ по стрѣмния склонъ на гребена, гдето на крайщата на стенитъ имало по една кръгла кула съ диаметръ по 8 кр. (III, IV). Крепостнитъ стени по гребена иматъ дължина по 47 кр.

Въ стената на отѣпения върхъ (35 кр.) е имало порта (А) въ крепостта, почти въ срѣдата ѝ. Портата е била проста, 5 кр. широка, безъ крепостни постройки.

Строежътъ на зидовѣтъ е билъ на вънкашното лице отъ голѣми, просто обработени камъни, до 0,55 м. дълги, и вътрешността имъ изливана.

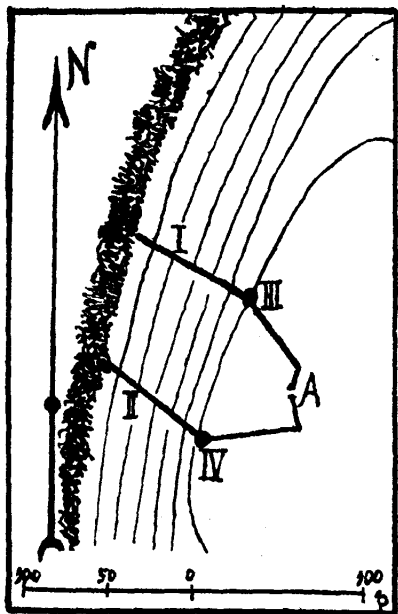
14. Преградата въ Ришкия проходъ.

Забележително е, че въ Ришкия проходъ (южната частъ на Драгоево-Ришки проходъ), единъ отъ найважнитъ проходи въ източния Балканъ, до сега не сж намѣрени остатъци отъ преграда, каквито сж намѣрени въ други, помало важни проходи.

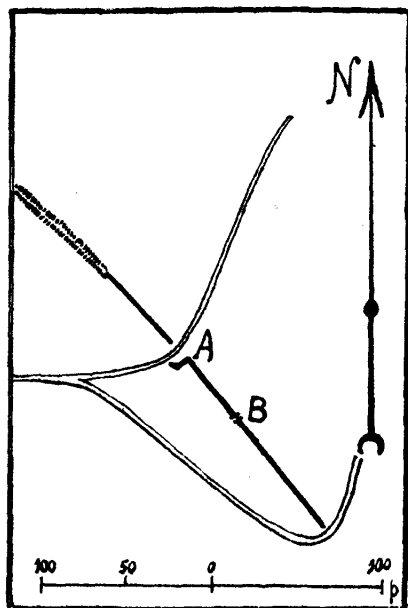
Действително проходътъ е добилъ голѣмото си значение по-късно, съ основането на столицата на новата българо-славянска държава Плиска до с. Абоба отъ ИСПЕРИХА (679—701), съ основането на новата крепостъ на р. Туча (Тича) отъ Омортага (814—831), и съ въздигането на последната за нова държавна столица Бел. Преславъ отъ Симеона (893—927).

Проходътъ е билъ известенъ подъ името Верегава (Βερεγάβον, Βερεγάβα) и се споменува често въ борбитъ между дветъ съсѣдни държави.

Найудобното мѣсто за балканска преграда въ Ришкия проходъ е вододѣлната седловина въ главния балкански гребень, между р. Тича

Обр. 24.

Обр. 25.

и Луда рѣка, между върховетъ Малки Дебелецъ и гребена Божурица, въ мѣстността Буюкъ Конакъ. На това мѣсто е насипанъ окопъ «Еркесия» отъ поново време и е възможно, че окопътъ покрива остатъци на преградата. Окопътъ и близкото окопово укрепление «Тоиракъ Хи-саръ» подъ северното подножие на гребена Божурица, произлизатъ вече отъ българско време.

Окоповото укрепление принадлежи къмъ редъ подобни укрепления, които сж били построени край найважния български пътъ отъ гр. Силистра, презъ столица Плиска (отпосле отъ столица Преславъ), презъ Драгоево-Ришкия проходъ къмъ пограничния юженъ окопъ «Еркесия» между дветъ държави, въ пограничната византийска крепостъ Маркелли.

Камененъ насипъ «Преградата» презъ седловината между гребена Божурица и върха Стайовецъ, на изтокъ отъ Буюкъ Конакъ е ималъ друго значение и произлиза сжщо отъ българско време.

Преградата Буюкь-Конакъ е била свързана съ крепостта «Калето въз кучкитѣ» на югъ отъ преградата, надъ лѣвия брѣгъ на р. Орлица (доазъ дере), на пѣтя къмъ Луда рѣка. Между преградата и крепостта има изпечена две скали, наречени Демиръ Капия.

15. Преградата «Кале Рупче» (обр. 25).

Притокътъ на Луда рѣка — Каламаръ дере, извира отъ балканския гребенъ на северъ отъ върха Сейписа (Сийбица), тече въ южно направление, а на североизтокъ отъ с. Рупче (Карнобатска околия), взема югоизточно направление; въ завоя си приема отъ дѣсно рѣчката Памуклу дере (Памукчи д.). Въ жгъла на дветѣ рѣки се спуска югоизточния склонъ на Чиплакъ-баиръ, на края на който сж развалини на преградата наречена «Кале Рупче».

Преградната стена върви по гребена на склона въ права линия, въ югоизточно направление.

Отъ портата въ преградата (А) сж останали малки остатъци; портата е била снабдена съ кули, или е била въ особена постройка, отъ които личатъ само развалини отъ югозападната страна до преградата. Преградниятъ зидъ върви отъ портата къмъ северозападъ, сега въ видъ на камененъ насипъ (45 кр.) и се познава още на разстояние 55 кр.

Отъ портата къмъ югоизтокъ стената продължава по права линия (108 кр.) и развалинитѣ ѝ образуватъ камененъ насипъ; въ тази частъ на преградата е имало една малка порта (В) отдалечена отъ главната порта 45 кр.

Зидътъ е строенъ пластообразно по лицата, но пластоветѣ не сж хоризонтални; хоросанътъ е твърдъ и подхожда на хоросана при крепостта на югъ отъ с. Салихлеръ, на западъ отъ с. Рупче. Дебелината на зида е 2,05 м.

Презъ преградата минава пѣтъ отъ прохода Буюкь-конакъ за с. Рупче. Стариятъ пѣтъ, споредъ едно съобщение, е минавалъ презъ друга преграда въ балканския гребенъ, която се е намирала на западъ отъ прохода Буюкь конакъ (Ришки проходъ), надъ изворитѣ на р. Бѣла-вода (Акъ-су), гдето минава сегашниятъ пѣтъ отъ с. Ришъ за с. Рупче.

На изтокъ отъ преградата Кале-Рупче, на срещения брѣгъ на Каламаръ-дере, се издига върхъ Хасаръ-довреси съ нѣкакви развалини.

Изгледътъ отъ преградата Кале-Рупче е закритъ на западъ отъ върха Чиплакъ-баиръ, на северъ се ограничава съ долинката на Каламаръ дере, а на югъ и на изтокъ се отваря широката долина на Луда рѣка къмъ с. Камчимакле и възвишенията между сс. Баръкъ и Керемитликъ, задъ които се подаватъ повисоки върхове надъ с. Дискотна и частъ отъ Айтошката планина. Къмъ югъ се подаватъ, въ видъ на могили, Добралската (Прилепъ) и Подвиската крепости.

16. Българската преграда «Япджик-кале-ери» (обр. 26).

От вододѣлния гребенъ на рѣкитѣ Тича и Луда рѣка — Кюлявъ баиръ (783 м.), се спуска единъ гребенъ къмъ северозападъ между дветѣ малки рѣчки, които образуватъ р. Япджикъ дере, притокътъ на Бѣла рѣка (Коджа дере), на югъ отъ балканския гребенъ Геришъ Съртж.

На западъ отъ р. Япджикъ дере води пѣтъ отъ с. Ташъ-аржъ въ с. Бѣла-рѣка-стара (с. Акъ-дере).

Въ жгъла между дветѣ малки рѣчки (западна собствена Япджикъ-дере а източна Мандралъкъ дере), на югъ отъ стока имъ (140 кр.), се намира балканска преграда «Япджикъ-Кале-ери».

Преградата прѣпречва напълно края на гребена между дветѣ рѣчки, на разстояние 170 кр. На найвисокото мѣсто на преградата, почти по срѣдата ѝ, сѣ остатъци на портата (А), която е била пазена съ две кули (I, II), полукръгло изпъкнали къмъ северъ; разстояние на оситѣ на кулитѣ е било около 8 м. Преградната стена, отъ дветѣ страни на портата се намира на хоризонталенъ теренъ (50 кр.) и предъ нея къмъ северъ има остатъци на ровъ (В). Отъ гребена се спуска преградата отъ дветѣ страни по склоноветѣ къмъ дветѣ рѣчки (по 60 кр.). Дебелина на стената е била 2,2 м., и построятъ по сѣщия начинъ както при другитѣ прегради. До брега на Япджикъ-дере сѣ запазени остатъци на дебелина 4,2 м., вѣроятно отъ квадратна кула (III).

Стариятъ пѣтъ отъ с. Ташъ-аржъ се изкачва къмъ гребена надъ изворитѣ на р. Читаклъкъ-дере (Ташлъкъ-дере), минава край естествени каменни групи и единъ турски гробъ (Моланапъ-мезареяна), на западъ подъ в. Къочекъ-аланъ (690 м.), минава седлото между този върхъ и в. Мая-баиръ и слиза къмъ преградата.

Отъ в. Мая-баиръ, между р. Япджикъ-дере и Коджа-дере (Елешница) се спуска гребенъ Кале-бурну, споредъ сведение, съ остатъци на крепостъ, която, вѣроятно, е била въ връзка съ преградата.

Демиръ капу до с. Върбица.

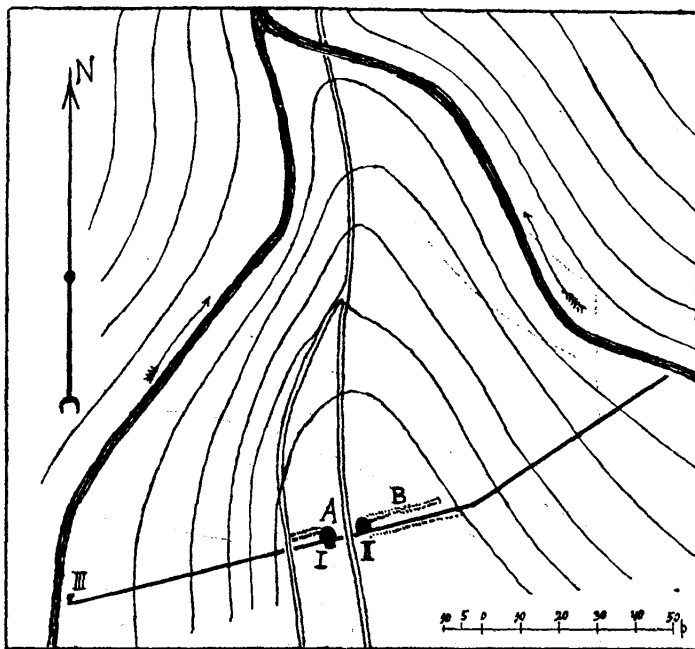
До крепостъта Гайда-ташъ или Орлица, на стария пѣтъ презъ Върбишкия проходъ има два скални блока, въ които е имало желѣза отъ стара порта и до сега носи название Вратница или Демиръ-капу.

17, 18 Преградитѣ «Завоятъ» и «Япджикъ» въ Върбишкия проходъ.

На югъ надъ Герловската котловина, между рѣкитѣ Герилово и Българската Коджа дере (Елешница), се издига северенъ балкански гребенъ, състоящъ се отъ западната група съ върховетѣ Голѣмъ Бѣлъ

градъ (690 м.) и Малък Бѣлъ градъ, а източната група «Балабана», която се свършва съ в. Кечи-гюне (Кози припекъ, 611 м.) надъ р. Коджа-дере.

Паралелно съ северния гребенъ къмъ югъ, се протака главниятъ балкански гребенъ, който образува водораздѣлъ на р. Тича и Луда

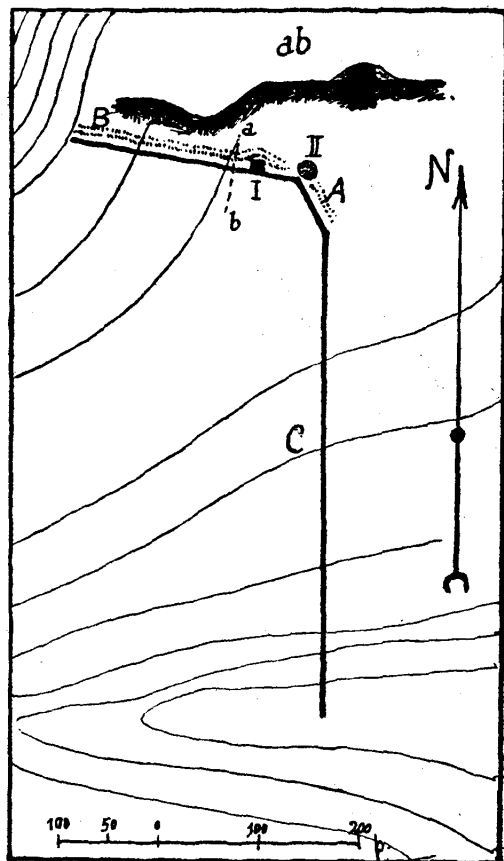
Обр. 26.

рѣка. До в. Мандра (896 м.), главниятъ гребенъ образува единъ завои къмъ югъ, по който върви пътъ презъ Върбишкия проходъ. Двата балкански гребена сѣ свързани съ единъ напреченъ гребенъ между върховетъ Бѣлъ-градъ и Мандра, който образува водораздѣлъ на рѣкитъ Герилово и Коджа дере. Южната частъ на напречния гребенъ, отъ в. Мандра къмъ североизтокъ, носи название «Япѣджикъ» и се свършва съ Завойската поляна. Отъ поляната, напречниятъ гребенъ стрѣмно слиза къмъ сръдната му частъ Плѣвница и върви къмъ седловината между Голѣмъ и Малък Бѣлградъ. По напречния гребенъ е минавалъ и стариятъ балкански пътъ отъ Върбишкото Градище презъ Върбишкия проходъ.

Въ Върбишкото Градище трѣба да се търси столицата на славянското племе Северитѣ, която при похода на императора Константинъ Копронимъ, презъ 768 г., се споменува подъ името Цика или Чика

(ἕως τοῦ Τζίκας, Theophanes; ad Tzikas въ превода на Анастасия Библиотекаръ).

Стариятъ пѣтъ слиза отъ главния балкански гребень къмъ югъ, къмъ града Диамполисъ, въ завоя на р. Тунджа, на северъ отъ гр. Ямболъ и по течението на р. Тунджа къмъ гр. Одринъ.

Обр. 27.

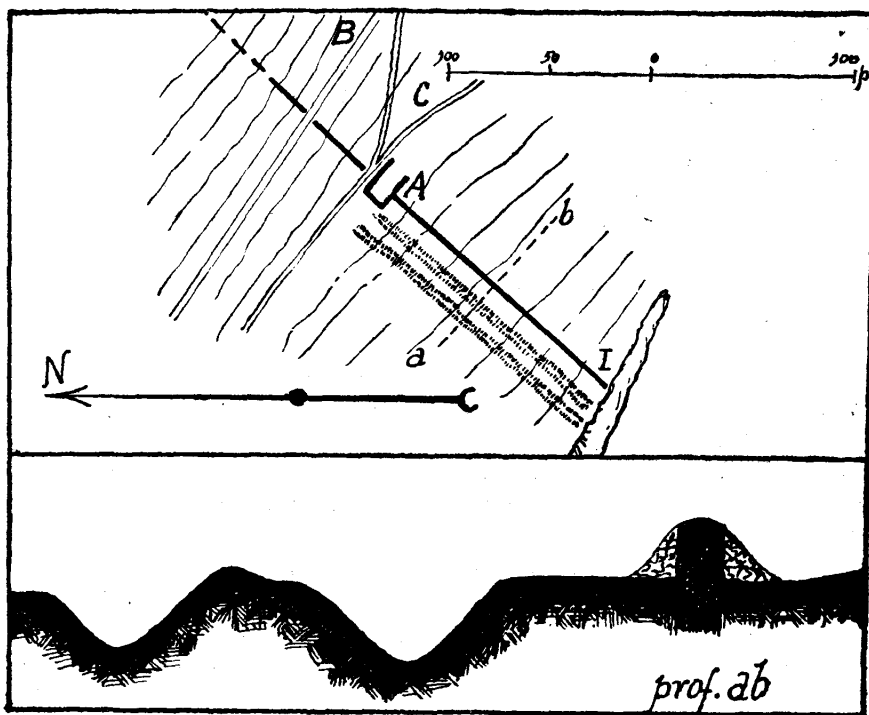
Върбшкиятъ проходъ е тождественъ съ историческия проходъ Сидира (пили Сидири).³

На двата края на гребена Япѣджикъ се намиратъ по една балканска преграда, а то на източния му край преградата «Завоятъ» върху Завойската поляна, а до западния му край, между него и гребена Дългата поляна, на северъ отъ в. Мандра, преградата «Япѣджикъ»

³ Σιδηρά, Πύλαι Σιδηραι.

Преградата «Завоятъ» (обр. 27)

има форма на правъ жгълъ съ отжпенъ върхъ [55 кр. (А)] на найвисокото мѣсто на поляната. Северната частъ (В) на преградата (215 кр.), въ източния си край е на найвисокото мѣсто на поляната; тукъ сж остатъци на една кула, 28 кр. на западъ отъ източния край на пре-

Обр. 28.

градата (I). Кулата е правоъгълна, отвътре 3,9 м. широка, съ запазени стени до 0,7 м. височина; до кулата по предание е имало порта, отъ която неличатъ никакви следи. Отъ кулата преградата слиза (180 кр.) по незначителенъ склонъ къмъ западъ и се губи по стръмния склонъ, гдето не се познава. Предъ стената, отъ северната ѝ страна е запазена берма, до 8 м. широка и до нея ровъ отъ части засипанъ. Дебелината на стената е 1,7 м. (разр. а б).

До пречупката на преградата въ севоронизточния ѝ жгълъ, се намира единъ крагълъ транъ съ диаметръ 12 м. (II).

Южната частъ на преградата (С) слиза къмъ югъ по склона къмъ долчето Копаналкъ-дере (всичко 490 кр.), въ което изчезва. Дебелината на стената е 1,8 м., ровъ до стената не се забелязва.

Преградата Япджикъ (обр. 28)

препечва тѣсния гребенъ, по който слиза новото шосе край в. Мандра къмъ с. Върбица. Портата на преградата е била на найвисокото мѣсто на гребена (А); отъ портата се познаватъ развалини на една продълговата постройка, която е била ок. 10 м. широка и ок. 8 м. издадена отъ преградната стена къмъ северъ и ок. 16 м. къмъ югъ. Дебелина на зидоветъ на постройката е 1,1 м. Новото шосе (В) е врѣзано въ североизточния склонъ на гребена, 50 кр. подъ развалинитъ на портата, а по старото шосе е вървѣло край портовата постройка, отъ източната ѝ страна (С).

Отъ портовата постройка, преградата се спуска въ една права линия по склоноветъ на гребена. Стената се ясно познава само по североизточния склонъ до новото шосе; ровътъ е почти напълно изтритъ.

По югозападния склонъ преградата слиза (145 кр.) къмъ едно сухо долче и ясно се познава по цѣлата дължина, на дебелина 1,8 м. и съ развалини на една кула (I) до долния ѝ край. Предъ преградната стена личи берма до 8 м. широка, къмъ северъ, и до нея двоенъ ровъ; рововетъ сж съ еднакви размѣри, склоноветъ имъ съ по 6 м.; дъната на двата рова сж отдалечени до 20 м., и между тѣхъ личатъ остатъци на насипъ (разр. а b).

Преградната стена е строена отъ простъ мѣстенъ камъкъ и съ бѣлъ хоросанъ смѣсенъ съ едъръ пѣськъ, а на рѣдко съ тухлени парченца.

Въ портовата постройка сж намѣрени три стари желѣзни лемеш.

Дветъ прегради сж били пазени съ балканска крепостъ, наречена «Курвинъ-градъ» или Ороспу-Кале (Рупчосъ Калеси), която е разположена на края на тѣсния гребенъ, който се протека отъ в. Мандра къмъ югоизтокъ между рѣкитъ Коджа дере и притока ѝ Курвинъ-градъ рѣката; крепостта е вѣроятнѣ тождествена съ крепостта Теофилакть у Мануилъ Филь. (Θεοφυλάκτου.)

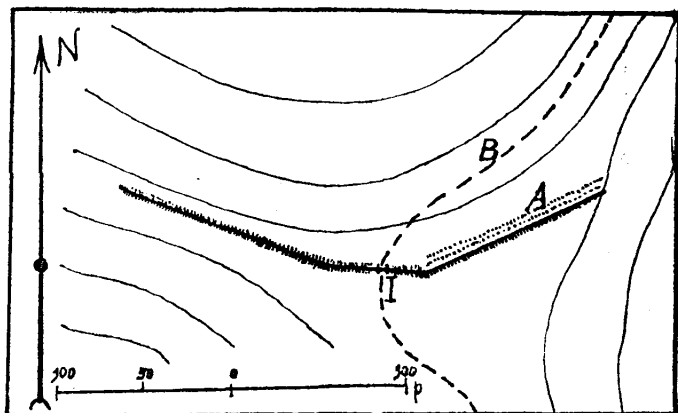
Дветъ балкански прегради Завоятъ и Япджикъ се намиратъ почти на едно и сѣщо мѣсто, на разстояние 1,5 Км., отъ което е ясно, че мѣстото въ балканския гребенъ около върха Мандра е имало голѣма стратегическа важностъ въ римско-византийското време и отъ нея сж слизали два пѣтя къмъ северъ, къмъ Герловската котловина.

Сейменъ-конакъ. (Паша-конакъ.)

На северния склонъ на в. Кара-бурунъ, върху една могилообразна височина, се намиратъ остатъци на камененъ насипъ, 100 кр. дългъ въ една линия, незначително изпъкнала къмъ северъ. Мѣстността се нарича Сейменъ-конакъ и презъ нея е минавалъ стариятъ пѣтъ, нареченъ Гявуръ-йолъ.

19. «Гермето» въ Садовския Балканъ (обр. 29).

Върху вододѣлната седловина между притоцитѣ на р. Ана-дере (Садовската рѣка) — Черна Вода (Кара-су) и Алмаджикъ-дере — и недалечъ отъ вододѣла на р. Тича (р. Гига) и Луда рѣка, на седловината между гребенитѣ Дюдюкчу и Малъкъ-Въшковъ Кайрякъ (Битли баиръ)

Обр. 29.

въ главния балкански гребень, се намира преграда «Гермето»; близо до преградата е гребень «Метеризъ-бурну» (Граниченъ носъ).

Преградата има форма на чупена линия, 300 кр. дължина, и се намира на северния склонъ на седловината. Стената е 2,5 м. дебела и край нея, отъ северната ѝ страна има ровъ. Въ срѣдата на преградата, върху найнизкото мѣсто на седловината личатъ остатъци на проста порта безъ кули, 1,55 м. широка (I).

Стената е строена по типичния начинъ за римско-византийскитѣ стратегически постройки. Ровътъ е запазенъ само край източната половина на преградата (А).

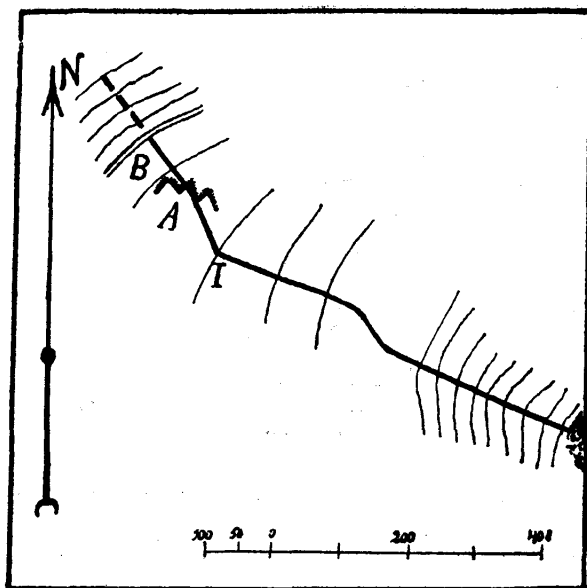
Презъ преградата минава пѣттътъ «Гявуръ йолъ» (В) отъ Върбишкото Градище, по течението на р. Гурелка (Герилово), презъ главния балкански гребень, презъ преградата «Гермето» къмъ Садовското Кале; пѣттътъ отъ преградата минава надъ изворитѣ на р. Черна Вода (Карасу), между върха Стрѣмница (845 м.) и Елли-Кая (851 м.) и край в. Кара-бурунъ, и по гребена Грамада, слиза въ долината на р. Ана-дере (Садовска рѣка).

За пазене на преградата е служила крепостъ-та Черна Вода-Кале (Карасу-Кале), на която остатъцитѣ се намиратъ на края на гребена Равни-Букакъ, който се вдава между долините на р. Дюдюкчу-дере и р. Черна Вода.

Крепостъта се споменува у Мануила Фила подъ името Петровунось (Петровъ градъ, Πετροβουνος).

20. Преградата подъ в. Орушка Стена «Маркови прегради» (обр. 30).

Главниятъ балкански гребенъ — водораздѣлътъ на рѣкитѣ Тича

Обр. 30.

и Луда рѣка — се протака по бившата българско-румелийска граница, на северъ надъ малката котловина, въ която е разположенъ гр. Котелъ.

Надъ Котленския проходъ на изтокъ се издига върхъ Орушка Стена (Калабакъ-кая) съ балканска преграда.

Преградата се спуска по югозападния склонъ на в. Орушка Стена и то найнапредъ по стръменъ склонъ, въ който е почти напълно изтрита, по долу образува изкривена линия (350 кр.) и после по почти хоризонталенъ теренъ (87 кр.) стига до турското укрепление [табия (A)], което покрива остатъци на преградата; на западъ отъ укреплението личи преградата (67 кр.) и после е пресечена съ дълбокитѣ стари пѣтища и новото шосе [40 кр. (B)] и по стръмния склонъ подъ шосето личатъ само следи отъ преградата.

Надъ турското укрепление преградата е била пресечена (I) и въ стената намеренъ каналъ, строенъ по цѣлата дължина на стената; каналътъ е 0,7 м. широкъ и покритъ съ цилиндрически сводъ отъ простъ

ломенъ камъкъ. Отъ канала произлиза и названието на преградата «Лакхана» (отъ турска дума лъмъ). Вътрешността на канала е измазана съ сивкавъ и дробливъ хоросанъ.

Преградата е построена въ завоя на склона, по който завива новото шосе въ видъ на серпентина къмъ изворитъ «Кадина чушма». Дебелина на преградната стена е 2,45 м.

Недалечъ отъ източния край на преградата, върху едно могилообразно възвишение, подъ скалнитъ спускове на Орушка Стена, личатъ развалини на правоъгълна постройка (30 × 15 кр.), вѣроятно стражарница на преградата. Отъ тукъ изгледътъ е широкъ: На западъ гребена Сухъ-дѣлъ отъ в. Еленица до в. Дрънова могила, на дѣсно отъ него Сакаръ Балканъ съ една частъ отъ Герловската котловина; къмъ изтокъ и югоизтокъ частъ на близкия Котленски балканъ и задъ него частъ отъ Сливенскитъ балкани и разклонения на първия балканъ.

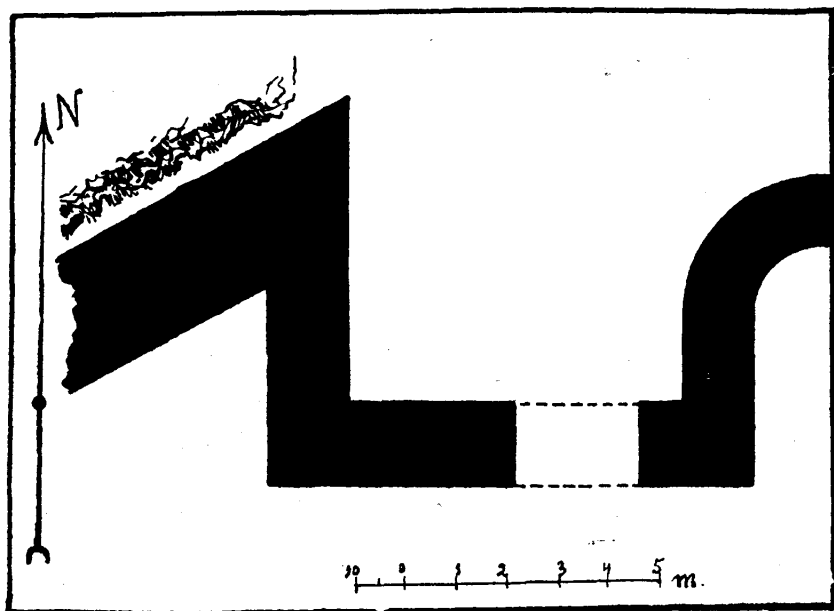
На изтокъ отъ Орушка Стена се намиратъ развалини на единъ мѣнастиръ и крепостъ «Кале Калабакъ-кая» и развалини на друга крепостъ «Исаръ Калеси» надъ Златовъ пѣтъ. Последната крепостъ отговаря на крепостъта «Козякосъ» (Κοζιάκος) у Мануила Филъ и «Κωζίκι» въ единъ надписъ, намѣренъ въ крепостъта. Мѣстността до разваленитъ крепости до днесъ носи название «Гъозекъ» (Козница).

21. Преградата «Демиръ Капия» подъ крепостъта Вида (обр. 31).

Втората преграда въ Котленския проходъ се намира на югъ отъ гр. Котелъ. Малката Котленска котловина е затворена отъ южната страна съ гребена «Ветрила», който се спуска отъ в. Разбойна (1125 м.) и къмъ изтокъ е свързанъ съ върха Вида надъ пролома на р. Котлешница. Върхъ Вида се разклонява по склоноветъ си къмъ рѣката прѣстообразно; въ подножието на североизточния на тѣзи рѣтове, надъ завоя на рѣката, между моста и скалата «Плочата» на склона на срещуположения върхъ Плешувецъ, се намиратъ развалини на преградата «Демиръ Капия» (Желѣзни Врата), на разстояние 80 кр. надъ сегашното шосе.

Отъ преградата сж запазени остатѣци на порта, която е била 2,5 м. широка. На изтокъ до портата е имало подковообразна постройка полукръгло изпъкнала къмъ северъ (4,6 м.) — вѣроятно кула; дебелината на зида е 1,5 м. На югоизтокъ отъ постройката сж развалини на друга постройка съ дължина 60 кр. На западъ до портата сж запазени остатѣци на счупенъ зидъ, лицето на който къмъ портата (1,55 м.) е добре запазено; зидътъ е строенъ отъ обикновенъ плочовъ камъкъ въ хоризонтални пластове. Зидътъ се чути найнапредъ подъ правъ жгълъ; първата му частъ отъ портата къмъ западъ е съ дължина 4,85 м. и е снабдена съ цокълъ 0,17 м. широкъ; надъ цокъла, зидътъ

е запазенъ на височина 0,6 м. и въ него се забелязватъ поправки; по-стариятъ строежъ е съ хоросанъ смѣсенъ редко съ парченца тухли, а по-новиятъ строежъ съ сивъ, твърдъ хоросанъ отъ едъръ рѣченъ пѣськъ. Зидътъ е строенъ пластообразно (0,11—0,15 м.) отъ плочови камъни, до 0,45 м. дълги; фугитѣ отвънъ сѣ измазани съ хоросанъ отъ

Обр. 31.

по-новия строежъ. Втората частъ на счупения зидъ е съ дължина 4,0 м. и отъ нея се отдѣлва подъ остъръ ъгълъ (63°) трета частъ на зида съ дебелина 2,5 м., която се изкачва по склона къмъ крепостта върху. Вида, безъ да може да се опредѣли до къде е достигалъ; споредъ предание зидътъ е достигалъ до горната крепостъ и край него е слизалъ пѣтъ отъ крепостта къмъ рѣката.

Найстариятъ пѣтъ е минавалъ презъ портата; следи отъ стария пѣтъ личатъ и къмъ гр. Котелъ. Старъ турски пѣтъ е минавалъ по отсрешния брѣгъ на рѣката, по подножието на в. Плешювецъ.

Споредъ предание е имало две прегради — Котленска и Медвенска. Северната — Котленска е била до северозападния входъ на пролома на рѣката, на подножието на рѣта, който слиза отъ в. Вида къмъ северъ; остатъци на тая преграда сѣ били открити при постройка на шосето. Южната — Медвентска преграда е по горе описаната Демиръ-капия; отъ южната ѣ страна сѣ били намѣрени остатъци на постройките въ видъ на малки правоѣгълни отдѣления.

Крепостъта на в. Вида, наречена Градо (Кѣзъ-кале, Момина крепостъ или Шайтанъ Кале), се споменува у Мануила Филъ, подъ името «Диавина». (Διαβινᾶ.)

22. *Преградата Сливенска Демиръ Капия съ крепостъта Хърсулъ-градъ.*

Описани въ «Byzantinoslavica» II, 2 (1930), стр. 200—204, обр. 1—5.

*

Въ преградната главна линия между рѣка Елешница и Сливенския проходъ не се срещатъ отдѣлни малки прегради, каквито срещаме въ преградната линия между р. Елешница и Черноморския брѣгъ, съ изключение на една въ Сливенския проходъ, наречена

Градището Арсеновецъ.

Преградата се намира до южния край на прохода, въ Арсеновския боазъ, на западъ отъ гр. Сливенъ.

Отъ върха Кара-кютукъ (Черенъ пѣнь) къмъ югъ се спуска гребенъ Бобище, който завива къмъ югозападъ между доловетъ на рѣките Арсеновска и Боровецъ; отъ гребена се отцѣпва къмъ западъ дългъ рѣтъ (380 кр.), който се свършва въ скалистъ носъ «Предѣлъ», съ което название се означава и скалистиятъ проломъ на р. Арсеновска между върховетъ Богово и Градище.

Върху дългия рѣтъ сѣ развалини на преградата, наречена «Градище Арсеновецъ». Преградата върви въ една права линия (280 кр.) и после се чупи незначително къмъ северозападъ (100 кр.). До източния край на преградата, на найвисокото ѝ мѣсто, личатъ остатъци на напреченъ зидъ и една кула. Дебелина на преградния зидъ е само 1,20—1,50 м. Остатъци на зидъ се забелязватъ край пѣтеката, която слиза отъ в. Бобище къмъ Арсеновския боазъ.

*

К. JIRECEK въ своето съчинение «Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe» изброява само петъ проходи въ източната частъ на Балкана а именно:

1. Крайбрѣженъ проходъ.
2. Проходъ Провадия-Айтосъ.
3. Преславски проходъ.
4. Котленски проходъ.
5. Сливенски проходъ.

Споредъ описанитѣ 22 прегради, които сж пазили проходите въ източния Балканъ, е имало обаче 19 проходи, отъ което ясно се очертава голѣмото стратегическо значение на Балкана за защита на империята.

Проходитѣ по цѣлото имъ протяжение сж били пазени съ система крепости, които сж разсѣвени по всичкитѣ разклонение на Източния Балканъ. Описание на окопи, крепости, селища и на пѣтища отъ северна въ южна България, влиза въ други отдѣли на настоящата статия.

Въ проходите въ Централния и Западния Балканъ, на западъ отъ Сливенския проходъ до рѣката Тимокъ, е имало сжщо прегради, но крепостната имъ система е била по-проста, поради по-мѣжното преминаване на главнитѣ по-високи гребени въ тѣзи части на Балкана.

CONSTRUCTIONS MILITAIRES STRATÉGIQUES DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE.

(Péninsule des Balkans.)

Byzantinoslavica, année II/2.

(Résumé.)

La péninsule des Balkans est largement ouverte du côté N et limitée seulement par le cours du Danube inférieur et de son affluent, la Save. Le cours de ces rivières n'a pas constitué un important obstacle aux peuples qui se pressaient dans la moitié orientale de l'Empire romain universel, où ils étaient parvenus malgré le système rationnel de fortification organisé pour la défense de la frontière du N, avec une série de puissantes forteresses situées sur la rive droite du Danube et réunies par une route longeant la fleuve. Ce fut là la première ligne de défense de la Péninsule des Balkans.

Aussi avait-on envisagé une seconde base plus sûre pour une seconde ligne de défense nouvelle — la forteresse naturelle des Monts des Balkans — entre la mer Egée et la Mer de Marmara. Dans toute la chaîne des Balkans — du Timok (Timacus) à la Mer Noire (Pontus Euxinus), la partie orientale, la plus basse et qui formait quelques chaînes nouvelles sur le versant N et S de la chaîne principale des Balkans, était la plus inaccessible aux expéditions ennemies. A cause de cela cette partie basse fut fortifiée par un système rationnel de défense — *qui n'a point d'égale dans l'art stratégique de l'empire mondial*. La principale ligne de ce système de défense s'appuie sur la chaîne principale des Balkans. Elle prend naissance sur la pente du versant N de cette chaîne près du village actuel de Gjozek (Kozek), sur la rive droite, près de l'embouchure de la Likarnica, au-dessus de la côte de la Mer Noire.

Pour la défense de la presqu'île de Byzance et par là-même de Constan-

tinople, on avait organisé une troisième ligne de défense dans la partie orientale de la péninsule balkanique dont la base était formée par les montagnes de Strandžja. On y avait construit une muraille de défense appelée le « Mur d'Anastase » (Anastasius I, 419—518), qui allait de la côte de la Mer Noire près du village de Karadžaköi jusqu'à la côte de la Mer de Marmara (Propontis) près de Silivrie.

La première ligne de défense balkanique, celle du Danube avait été complétée artificiellement et raccourcie par une forteresse avec vallum entre le Danube et Axiopolis (près de Černá Voda) et la Mer Noire près de Tomis (Constanța), à savoir la fortification à vallum plus ancienne ainsi que les murailles fortifiées plus récentes.

Avec la fondation du nouvel empire bulgare-slave (679) dans la péninsule des Balkans, les lignes de défense danubienne et balkanique perdirent toute leur importance.

Des trois lignes de défense de la partie orientale de la péninsule des Balkans — les murs de la Dobrudža (Axiopolis-Tomis), les murs des Balkans et d'Anastase — la première et la troisième sont soigneusement décrites, tandis que la plus importante et la plus compliquée d'entre-elles, celle des Balkans, n'est pas connu jusqu'ici (sauf exceptions insignifiantes).

Les moyens défensifs de ces lignes étaient des barrages-verrous (germe, zátvory, pregrady) des remblais en terre (jerkezia, přesečená zem), de « castella » des postes d'observation, des grilles et des routes stratégiques et commerciales.

On trouve dans la partie E de la péninsule des Balkans outre les lignes de défense stratégiques, également une ligne frontière: à savoir le vallum frontière appelé digue de Malakokop (la première digue bulgare-byzantine entre le Danube (près de Černá Voda) et la Mer Noire (près de Constanța) en Dobrudža et la vallum frontière d'Erkesia — deuxième frontière bulgare-byzantine qui se développait du lac de Mandra près de Burgas jusqu'à la localité de Sejmen sur la Marica.

I.

La principale ligne de défense dans le système de fortification de la partie E de la péninsule des Balkans.

Cette ligne est d'importance au point de vue de la défense; ce n'est pas une ligne-frontière (limes); elle se développe pour la plus grande partie le long du versant N de la principale chaîne des Balkans et, cela d'une manière presque ininterrompue depuis la côte de la Mer Noire jusqu'à la vallée de l'Elešnica, soit comme ligne de fortification artificielle, soit sous la forme d'un vallum renforcé par des tours maçonnées. Dans les défilés des Balkans, où

passent les routes on a trouvé dans la fortification des postes ou de petits « castella » soit dans la fortification elle-même, soit dans son voisinage.

De la vallée de l'Elešnica jusqu'au défilé de Slivna la ligne de défense n'est pas ininterrompue: n'apparaissent que des barrages (verrous dans les défilés soit sous forme de fortification simple en maçonnerie avec un poste ou un petit « castellum » près d'une fortification en maçonnerie).

A l'époque bulgaro-slave, certaines modifications furent apportées à la ligne de défense tournée vers l'ennemi du côté du Sud. De nouvelles lignes de défense furent organisées sur la côte de la Mer Noire contre des débarquements byzantins (Denis-Germe).

Des deux côtés de la principale ligne de défense on a trouvé de nombreux châteaux qui servaient à la défense des Balkans contre les ennemis de l'empire venant du N. Ils formaient avec la principale ligne de défense un système compliqué pour la protection de l'Empire.

Pour éclairer les relations des châteaux avec les barrages (zátvory) de défilés, il paraît indispensable à décrire le château-fort de Chrsul-grad (plan, fig. 1, restes de porte et de fortifications, grav. 2—4) et les « přehradý » de Slivenská Demir-Kapia (Portes de Fer) dans le défilé de Sliven (Slivno—Vel. Trnovo), fig. 5.

Ière partie.

La ligne de défense entre la Mer Noire et la trouée de l'Elešnica.

1. La ligne de défense part des environs du village de Gjozek où on a trouvé les ruines de la colonne de Mesemvrija (*Naulochos*), d'après la carte dite Table de Peutinger de la ville romaine de Templo Jovis sur la route littorale Odessos-Anchialos. Dans le voisinage se trouvent les ruines du château médiéval de Kozjak (Κοζέακος). Plan de la ville — fig. 6.

Suit la description de la ligne de défense et des « castella » de cette ligne.

2. Kale Germe près de l'embouchure de l'Jenikojska (fig. 7).

3. « Karamandža Kale » à l'E du village de Karamandža (fig. 8).

La défense de la ligne sous forme de vallum à l'W du village de Karamandža avec une coupe du vallum (fig. 9, II).

4. Malkoto Erkečko Gradište.

5. Běloto Gradište (fig. 12) avec un mur bien conservé dans la ligne de défense (fig. 13).

6. Adama Buruna Gradišteto — fig. 14.

7. Les « Portes d'Hem » (Πύλαι — τοῦ Αἴμου) avec trois « castella » et une muraille de défense avec de nombreuses tours (fig. 15) entre le village de Gulica et celui de Belibe.

8. Niazlarsko Germe — fig. 16.

A toute la longueur de cette ligne de défense, dans les principaux défilés des Balkans, au S de la ligne principale, on trouve ci et là des petites murailles de défense.

1. Pregradata « Keremis » près du village de Sv. Vlas (fig. 17) dominant le littoral et 2. « la grande Porte de Fer » sur la route littorale des Balkans du Templum Jovis à Mesembria.

3. 4. « Malkata et Golemata porta » (fig. 18, 19) sur la route directe entre ces deux dernières villes.

5. 6. « Ajvadžiskoto Gradištë » (Siněško Gradištë) et « Germeto » près du village de Kašlaköi sur la route directe d'Odessos à Anchialos (fig. 20).

7. « Kalgamač Germe » (fig. 24) sur la route de Marcianopolis à Anchialos par les portes d'Hem.

Suite dans le tome III/1.

2ème partie.

La ligne de défense depuis la percée de l'Elešnica jusqu'au défilé de Slivno.

Principales lignes:

9. « Markova pregrada » entre le village de Nadir et Čenge (fig. 22).

10. « Pregradata » près du village de Bajram-Allan.

11. « Pregradata » dans la percée de la Luda entre Čiflik-mahle et Kazaklar.

12. « Pregrada Kale » près du village de Bojalar.

13. « Pregradata de Kodža-Kapu » près du village de Lopušna (fig. 23) avec le castellum de « Kajrakta Kale » (fig. 24).

14. Pregradata dans le défilé impérial connu sous le nom de Veregava (Βεβιγάβον, Βεβεγάβα) pendant les guerres bulgare-byzantines, sur la route menant de la capitale de l'Empire bulgare-slave Pliska près du village d'Aboba, fondée par Isperich (679—701) et de la forteresse sur la Tuča (Tiča), fondée par Omortag (814—831) et qui fut élevée à la dignité de capitale sous le nom de « Veliký Preslav » par le tsar Siméon (893—927), jusqu'à Constantinople et Adrianople.

15. « Pregradata » Kale Rupča (fig. 25).

16. « Bèlořeškata pregrada » Japadžik-Kale-eri (fig. 26).

17—18. Pregradité « Zavojat » et « Japadžik » (fig. 27—28) dans le défilé de Vrbica, défilé historique de Sidera (Σιδηρά, Πύλαι Σιδηραῖ) partant de la forteresse dite « Vrbiško Gradištë » où on doit placer le siège de la tribu slave des Sěverci (Σεβάρεις) dont il est question à propos de l'expédition de l'empereur Constantin Copronyme en 768 [sous le nom de Cika ou Čika (ἕως τοῦ Τζίκας)]. A la défense des barrages-fermetures de Zavojat et de Japadžik, servait le château qui porte maintenant le nom de « Kurvin Grad ».

Ce semble être d'après tous les indices le château-fort de St. Théophylacte (Θεοφυλάκτον) d'après Manuel Phile.

19. « Germeto » dans le Balkan de Sadova (fig. 29) dans le défilé menant du Vrbiško Gradišće au château-fort dit « Sadovskoto Kale ». Pour défendre le barrage, on avait construit le château de Černá Voda-Kale (Karasu Kale) qui semble être le château « Petrov grad » (Πετροβοῦνος) d'après Phile.

20. « Markovy přegrady » au pied du Mont « Oruška Stena » dans le défilé de Kotel au N de Kotel (fig. 30). A l'Est du « Markovy pregrady » vestiges de l'ancien château de « Hisar-Kalesi » appartenant au château de Kozjakov (Κοζιάκος) d'après Phile.

21. Pregradata « Demir Kapia » (Portes de Fer) au pied du Mont « Vida » (fig. 31) sur lequel se trouvent les ruines du château Momina Krepost-Dévin (Kaz-Hisar, Šajtan-Kale), de la vieille forteresse de Diavina (Διαβαινᾶ) d'après Phile.

22. Pregradata « Slivenská Demir Kapia » avec le château-fort de Chrsulgrad (Byzantinoslavica, t. II, p. 200—204, fig. 1—5).

Parmi les fortifications de défense situées au Sud de la principale ligne de défense balkanique on ne peut citer que le « Pregradata Gradišće Arsenovec » à l'entrée méridionale du défilé de Sliven à l'Ouest de la ville de Sliven.

*

Il apparaît qu'il existait dans le Balkan E 22 barrages-fermetures artificiels dans 19 défilés tandis que le Dr Konst. Jireček dans son ouvrage sur « Die Heerstraße von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe » ne cite que cinq défilés:

1. Le défilé littoral Odessos-Mesembria.
2. Le défilé Provadia-Ajtos.
3. Le défilé de Preslav.
4. Le défilé de Kotlen.
5. Le défilé de Sliven.

Tous les défilés étaient protégés sur toute leur longueur par un système de châteaux-forts. La description des « vallums », des châteaux-forts, des villages et des villes, des routes de passage balkaniques est donnée dans d'autres parties de ce travail.

On a trouvé aussi des lignes de défense dans le Balkan central et occidental du passage de Sliven jusqu'au Timok. Cependant le système de fortifications défensives était ici plus simple à cause de la difficulté du passage à travers cette partie du Balkan.

V. A. MOŠIN (Skopljje):

НАЧАЛО РУСИ. НОРМАНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.¹

I.

Имаху дань Варязи, приходяще изъ заморья на Чюди и на Словѣ-
нехъ, на Меряхъ и на всѣхъ Кривичахъ.» В 862-м году «изгнаша
Варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ
володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ; и быша усо-
бицѣ въ нихъ, и воевати сами на ся почаша, и ркоша: поищемъ сами
въ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду по праву.
Идоша за море къ Варягомъ, къ Руси, сице бо звахуть ты Варягы Русь,
яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмани, Аньглыне, инѣи и Готе;
такое и си. Ркоша Руси Чудь, Словенѣ, Кривичи и вси: земля наша велика
и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидете княжить и володѣть нами.
И изъбрашася трие брата съ роды своими и пояша по собѣ всю русь,
и придоша къ Словѣномъ первѣе. И срубиша городъ Ладогу и сѣде
старѣишии въ Ладозѣ Рюрикъ, а другии Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а тре-
тѣи Труворъ въ Изборьсцѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля.

¹ Решившись присоединить настоящую статью к огромному числу исследований о варяжском вопросе, я не имел намерения ни систематически излагать одну из господствующих теорий, ни тем менее предлагать «новую теорию». Эта статья является отрывком большой работы, в которой я пытался подвести итоги всему сделанному до сих пор в этой области. Не имея надежды напечатать ее целиком, я воспользовался любезным согласием проф. М. Мурко напечатать в «Славии» первую ее часть — историю вопроса и библиографический обзор, — которые и печатаются в текущей, X-й книге этого журнала. Но благодаря этому потеряло смысл печатание второй части работы, представляющей систематический пересмотр положений, вытекающих из изложения истории вопроса. Исключением является настоящий отрывок — о норманской колонизации в Восточной Европе, — представляющий для меня особый интерес в связи с моими занятиями над проблемой черноморской руси. Поэтому я позволяю себе предложить его в виде отдельной статьи. Вначале же ее помещаю краткое изложение аргументов, на которых покоится норманская теория. Конечно, не для убеждения родоначальников почти ежегодно являющихся «новых гипотез» (ибо эти аргументы можно найти в каждом обширном учебнике русской истории), а для того, чтобы обратить внимание инако-мыслящих на те основные положения из которых я исхожу в настоящей работе. Имея в виду: во первых — синтетический характер настоящей статьи, оперирующей с хорошо известными данными, а во вторых — печатающийся одновременно с ней в «Славии» библиографический обзор, я позволяю себе ограничиться здесь лишь самыми необходимыми библиографическими примечаниями. При этом считаю долгом упомянуть, что некоторые подстрочные ссылки заимствованы мною из цитат, найденных в чужих исследованиях, так как, работая до последнего времени в маленьком провинциальном городке Югославии (Копривнице), я не имел возможности ознакомиться с несколькими, вышедшими в последние годы, трудами, о которых мне все-же хотелось упомянуть в целях регистрации библиографии.

По дѣвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ и пришедъ къ Ильменю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша и Новгородъ и сѣде ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и города рубити: овому Польтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро, и по тѣмъ городомъ суть находницѣ Варязи, — пѣрви населници въ Новгородѣ Словени, и въ Полотъскѣ Кривичи, Ростовѣ Меряне, Бѣлѣозерѣ Веси, Муромѣ Муромы, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.»²

Так начинается летопись Нестора свой рассказ о том «откуда есть пошла русская земля». Не трудно увидеть простейшую канву этой легенды: подчинение «варягами из за моря» славянских и финских племен, занимавших в IX-м веке северные пределы Восточной Европы; бунт и освобождение их от дани; межоусобия среди этих племен, и вскоре после этого основание варяжского русью княжества, охватившего северную и среднюю Россию.

Извѣстно, какую огромную литературу породил вопрос о том, кто были эти варяги и русь, сыгравшие по словам летописца решающую роль в создании русского государства.

Относительно варягов теперь уже почти нет разногласий. Этим именем (варяги, веринги, варанги) славянские, восточные, византийские и скандинавские источники называли *скандинавских дружинников*, путешествовавших на Восток для торговли, грабежа или наемнической военной службы. Позднее славяне и их соседи стали называть варягами вообще всех скандинавов. Варангия — скандинавская страна: византиец, рассказывая сагу о норвежском королевиче ГАРАЛЬДЕ, называет его сыном короля Варангии.³ Варяжское море — Балтийское море: по летописи Нева и Двина текут в море Варяжское.⁴ По берегам его сидят с одной стороны ляхи, пруссы и чудь, с другой — «по сему же морю сѣдять Варязи».⁵

Значительно сложнее вопрос о руси. В цитированном отрывке о призвании князей русь является одним из северо-германских племен: «сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмани, Аньглыне, инѣи и Готе; тако и си».⁶ Однако летописец часто приводит имя руси и в других значениях: иногда оно означает территорию Киевского княжества,⁷ иной раз — территорию всей славянской

² Ипатьевская летопись в Полн. Собр. Русск. Летоп. II, Петроград, 1923, стр. 15.

³ Васильевскій. Совѣты и отвѣты визант. боярина XI вѣка. (Труды I, 1908.)

⁴ Ипат. летоп. стр. 6—7.

⁵ Ibid. 4.

⁶ Ibid. 15.

⁷ «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (ibid. 19), и много других примеров см. у Грушевскаго. Киевская Русь. Спб. 1911, I, 473 и сл.

России,⁸ наконец иногда различаются варяги, русь и славянские племена.⁹ К тому же и в самом рассказе о призвании князей свидетельство о «руси» — неустойчиво: во многих списках призывается не русь, а варяги, а русь оказывается среди призывающих племен. Указанный факт послужил поводом к тому, что многие историки провозгласили традицию о призвании варягов басней и взамен неа строили свои теории о начале русского государства и русского имени. Выводили их от готов, финнов, хазар, балтийских славян, иранцев, угров, евреев; каким только хитросплетениям не подвергались исторические свидетельства, какие лингвистические трюки не проделывались творцами этих, и многих других гипотез! Но думается, что против главного положения норманской теории теперь уже нельзя спорить. Сколь слабым не считали бы мы влияние норманов на славянскую культуру, сколь не выдвигали бы значение других этнических элементов на заре русской истории, нельзя совершенно отрицать участие скандинавов в создании русского государства. Слишком стройное и систематическое целое образуют аргументы, служащие для доказательства поставленного тезиса.

1. Летописная традиция ясно свидетельствует, что русская княжеская династия происходила «от племени варяжска», и что славяне «от варягъ прозвашася русью».

2. Подтверждается это прежде всего тем неоспоримым лингвистическим фактом, что финны и теперь еще зовут славян их древним именем венедов (*venäjä, vene, veneä*), а шведов — русью (*Rúotsi, Rúossi*) или росью (*Rôtsi, Rots*). Несомненно также и то, что финский термин *Ruotsi* — *Rôtsi* не является исконным финским словом, а произошел от какого-то скандинавского слова, которое вызвало и образование терминов *Ryzaland* (ср.-готланд.), *Ryds* (ср. шведск.), *Ryss* (ново-швед.), *Rûzaland* и *Ruciland* (ср. норск.), *Rûz* (др.-верхне-нем.), *Riuze* (ср.-верхне-нем.). По всей вероятности от этого же скандинавского слова произошло и название шведской области *Roslagen*, находящейся на берегу Балтийского моря напротив Финского залива. Из названия *Rúotsi*, которым финны называли шведов, совершенно правильно должно было образоваться славянское слово «русь», аналогично тому, как из финского *Suomi* — *Somi* (= Финляндия) образовалось славянское «сумь».¹⁰

⁸ «Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане..., а се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чудь, Вель, Меря, Муромъ, Черемись, Мордва, Пѣрмь, Печера, Ямь, Литва, Зимѣгола, Корсь, Нерома, Либь» (*ibid.* 9).

⁹ «Игорь же совокупивъ воя многы: Варягы и Русь, Поляны и Словѣны и Кривичи и Тѣверцы и Печенѣгы» (*ibid.* 36).

¹⁰ См. исследования Куника, Томсена, Брауна, Шахматова, А. Погодина, Эклбома. Не останавливаясь здесь на гипотезах Маркварта, Кёнига и Брима, ибо в данном случае не имеет значения, явилась ли форма *рось* как вариант северной формы, или было

3. Третьим аргументом являются *прямые свидетельства древних источников, которые называют руссов норманами.*

Бертинские анналы ПРУДЕНЦИЯ ГАЛИНДО († 861 г.) под 839-м годом рассказывают о прибытии в Ингельхейм с византийским посольством каких то людей, называвших себя племенем Rhos, относительно которых выяснилось, что они «gentis esse Sueonum».¹¹

Венецианский хронист IX-го века ИОАНН ДИАКОН о случившейся в его время осаде Константинополя русью (в 860-м году) говорит: «eo tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire aussi sunt...»¹²

Кремонский епископ ЛИУТПРАНД (X в.) на основании слов своего отчима, бывшего послом в Константинополе во время войны Византии с Игорем, и видевшего русских, пишет: «Gens quedam est sub aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant rusios (ῥούσιοι), nos vera a positione loci nominamus nordmannos, lingua quippe Teutonum nord-aquilo, man autem dicitur homo, unde et nordmannos aquilonares homines dicere possumus».¹³ В другом месте он пишет, что Византия имеет своими соседями на севере угров, пачинаков, хазар и «Rusios, quos alio nomine Nordmannos apellamus».¹⁴

Византийский историк СИМЕОН ЛОГОФЕТ (X в.) о нападении руси на Константинополь в 941-м году говорит: «κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες...»¹⁵ очевидно разумея под франками вообще германцев.

4. *Лингвистический анализ личных и местных имен, названных в источниках X-го века русскими и в противоположность славянским названиям, убеждает в скандинавском происхождении этих «русских» имен.*

Византийский император КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОРОДНЫЙ, рассказывая о торговых экспедициях руси в Константинополь, упоминает семь днепровских порогов, приводя их «русския» и «славянския» имена (ῥωσιστὶ καὶ σλαβινιστὶ), и прибавляя, что, по его мнению, означают эти названия в греческом языке. Уже одно это различие русских и славянских¹⁶ имен показывает, что в глазах греков X-го века руссы и славяне не были одним народом. Лингвистический же анализ «русских» имен, не смотря на то, что большинство имен сильно иска-

древним именем какого нибудь народа южной России, перенесенным в IX-м веке на викингов, носивших сходное имя — русь.

¹¹ Monum. Germ. Hist. Script. I, 434.

¹² Blondi Historiarum... decades, 177.

¹³ Monum. Germ. hist. Script. III, 331.

¹⁴ Ibid. 227.

¹⁵ Simeon Logoth., ed Bonn., 746.

¹⁶ Большинство славянских имен имеет болгарскую форму.

жено, позволяет с наименьшими затруднениями считать их скандинавскими названиями. Первый порог называется Ἑσσοντή, что по русски [ne suefe, ne sófi — др.-норск., sof-éi — др. швед.] и по славянски значит «не спи». Второй порог по русски — Οὐλβορσί [Holm fors — остров порога], по славянски — Ὀστροβονίπραχ [островънь прагъ], что значит «остров порога». Третий порог Γελανδρί, что по славянски значит «шум порога».¹⁷ Четвертый порог, большой, по русски Ἀειφάρ [Ei farr — вечно стремящийся, ненасытный; Aeft far — лебединый лет; Aeðr far — гагачий лет],¹⁸ по славянски Нεασίт [Ненасытец], «потому что неасыты (пеликаны) скрываются в камнях порога». Пятый порог по русски Βαρουφόρος [Bará, родит. пад. Báru + fors — волны порог], по славянски Βουλνῆπράχ [Вольный прагъ, теперешний «Вольный»], «так как делает большой залив». Шестой порог по русски Λεάντι [Gloandi, gloendi — блестящий, бурный, шумный; hlaejandi, lelande — смеющийся; vellandi — клокочущий], по славянски Βερούτζη [вручи рус. от глагола врѣти — кипучий, кипящий], «то есть кипение воды». Седьмой порог по русски Στρούβουν [Strom + buna; strok, stryx — узкое место в течении; strok, stroup + on = binde an; straum um — обойти], по славянски Ναπρέζη [на праге, т. е. в конце или в начале = первый или последний порог; набръзъ — наборзый; на брезе; напрягай], что значит «малый порог».¹⁹

В качестве другого лингвистического аргумента служат имена русских князей, бояр, дружинников и купцов, обнаруживающие их несомненно скандинавское происхождение. Рюрикъ — Hroerekr (Hrurikr, Rorik, Roricus, Hredric, Ruodrih); Синеусъ — Signiutr (Sikniutr и др.); Трувор — Þorvarðr (Thórvid, Thruwar); Олегъ (в хазарско-еврейском источнике X-го века Хелгу) — Helgi; Ольга (в визант. источнике Ἑλγα — Helga; Игорь (в визант. источнике Ἰγγωρ, Ἰγγορ, в латинском — Inger, в Иоакимовской летописи — Ингорь) — Ingvarr (Inkvar, Ikvar,

¹⁷ Ни одной попытки объяснения этого имени славянскими словами нельзя признать удачной [гул ядрый — по Гедеонову, Гуландарь (?) по Иловайскому]. Вероятнее видеть здесь ошибку и считать Γελανδρί «русским» именем — gellandi, gjallandi — звучащий, звонящий, как думали Куник, Томсен, Гутцейт и другие.

¹⁸ Этот порог упомянут и на известном Пильгардском руническом камне: «Ярко раскрашенный поставили этот камень братья Гегбиарн, Радсвил, Ойстайн и (Эймунд), которые воздвигли камни в память Рафна на юге, на Руфстайне. Они доехали далеко до Айфура. Вифиль приказал это» (Браунъ. Днѣпровскій порогъ въ рунической надписи. Сборникъ археологическихъ статей, поднесенныхъ гр. А. Бобринскому. Спб. 1911, стр. 270—276; H. Pipping. De skandinaviska Dnjeprnamnen. Studier i nordisk filologi. Helsingf. I, 1911; Arné. La suède et l'Orient, Upsala 1914, p. 11).

¹⁹ De adm. imp., cap. 9. Среди многочисленных толкований этих имен из других языков было, конечно, несколько удачных сопоставлений (напр. Ἀειφάρ — литовск. Aithwaros — морская птица; Βαρουφόρος — арабск. вару + форос — бросающийся скакун), но только приведенное толкование с помощью скандинавских слов дает стройное объяснение всего отрывка в целостности.

Ingvar, Inguarus, Inger); Якунь или Акунь — Hakun; Аскольдъ или Оскольдъ — Höskuldr; Рогнѣда или Рогнѣдъ — Ragnheiðr, Ragneiðr; Свѣнѣльдъ или Свѣнальдъ — Sveinaldr; Рогволодъ — Ragnvaldr, Röngvaldr; Диръ — Dyri; Асмудъ — Asmundr (Osmund, Ansemund), или Asmóðr (Asmuod, Asmuot, Asmot). Все пять послов Олега в Царьград (907 г.) имеют норманския имена: Карлъ — Karl; Фарлофъ — Farulf, Farulfr; Велмудъ или Верѣмудъ — Vilmundr или Vermundr; Рулавъ — Hroðleifr, Hrolleifr (Rulaif, Rulefr и др.); Стемидъ или Стемиръ — Steinvíðr. Из четырнадцати послов Олега 911-го года кроме двух неясных (Бидульфоста и Актеву), все остальные — норманы: Карлъ, Фарлофъ, Велмудъ, Рулавъ, Стемиръ, Инегельдъ — Ingjaldr (Ingeldus, Ingeld, Ingild и т. п.), Гуды — Kuði, Góði (Gothe, Guode, Guði, Gude и т. д.), Руальдъ или Роальдъ — Hroaldr, Карнъ — Karni, Фрелафъ — Friðleifr, Frilleifr, Рюаръ — Hróarr (Hruar, Ruar и т. д.), Труанъ — Þroandr (Thronder, Throand). Из 71-го имени приведеннаго в договоре Игоря 945-го года славянскими можно считать только 9: Святославъ, Владиславъ, Предслава, Войко, Тудко, Пубьскаръ, Вуздѣвъ, Синько, Боричъ. Если исключить 4 спорныхъ имени (Каницаръ, Алдень, Стеггетонъ и Фрутанъ), племенное имя Ятвягъ и англо-саксонское Искусеви, то все остальные имена оказываются норманскими: Иворъ — Ivarr; Выефастъ — Vilfastr, Слуды — Slóðu; Улѣбъ — Ulfr, Oleifr; Шихбернъ — Sigbjörn, Sikbiorn; Сфандра—женское имя от Svanhildr; Фрастенъ или Прастѣнъ — Freysteinn, Fraistain, Frustain и т. д.; Турдъ — Þorðr; Либиаръ — Leikviðr, Leifr и т. п.; Фостъ — Fasti, Fastr; Гримъ — Grímr (Krim и т. п.); Сфиркъ — Sverkir; Акунъ — Hákun; Кары — Kari; Каршъ (в форме родит. падежа — посол Каршев) — от Karlsefni; Егпиевльскъ — составлено из двух особых имен: Hegri и Evlisk (или Erlisk); Истръ — Istur, Eistr; Аминьдъ — Amund; Бернъ — Björn; Гунаръ — Gunar; Шибридъ — Sigfrid; Коллекъ — составлено из двух имен Kollz и Klek; Алвадъ или Алвардъ — Hallvaldr или Eivaldr; Фруды или Фудри — Fróði; Мутуръ — Möðróir; Утинъ или Устинъ — Austain, Eystein; Адунъ — Audunn; Адулбъ — Audulfr, Audulf; Иггивладъ — Ingivlad, Ingivaldr; Олѣбъ — Oleifr; Гомоль — Gamall, Kamal; Куци — Kussi (Kutzi и т. п.); Емигъ — Hemingr, Hemig; Турбидъ или Турбридъ — Þorfridr; Фурстенъ — Þorsteinn; Бруны — Bruni; Роальдъ или Руальдъ — Hroaldr (Hruallr и т. п.); Гунастръ — Gunnfastr, Gundfastr; Игельдъ = Инегельдъ — Ingjaldr; Турбернъ — Þorbjörn; Моны — Manni; Свѣнь — Svein; Алданъ — Halfdand (Halftan и т. п.); Тилена — Þilínfr.²⁰ Приведенное толкование этих имен не раз оспаривалось. Гедеонов, например, объяснял имя Рюрикъ чешским словом rарoh и польским rарog — сокол; Костомаров — литовским rju + rikys = терзаю + князь; Рудановский —

²⁰ См. Thomsen. Der Ursprung des russ. Staates. Gotha, 1879, 140—151.

арабским рюр + ик = громоздкий суб'ект. Одгадку имени Игоря искали и в имени реки Ингул, и в имени хорутанскаго князя Ingo, и в литовском iggoras — стремящийся. Турберна толковали как славянское тур + берн (боярин); как литовское turri (turreti) — получать, обладать + bernas — отрок, молодец; как арабское тур + берн — гора красоты. В Шихберне видели арабское «начальник красавец» (ших-б-эри); в Аминъде — еврейское имя Аминодав; в Адулбе — тюркское Абдул и т. д. Естественно, что в отдельных случаях такие сопоставления могут казаться весьма остроумными и вероятными, но даже беглый просмотр всей совокупности имен, большинство которых являются несомненно норманскими, очень быстро подрывает доверие к приведенным антинорманским толкованиям.

5. Пятую группу доказательств составляют свидетельства современников, которые, хотя и не называют русь норманами, но различают руссов от славян, и описывают русские обычаи таким образом, что они, сильно отличаясь от славянских, очень напоминают скандинавские.

Кроме летописи, Русской Правды и византийских источников руссов от славян различают многие восточные писатели: ФЕРГАНИ, ИБН-РОСТЕХ, ГАРДИЗИ, ИБН-ФОДЛАН, ИБРАГИМ ИБН-ЯКУБ, епископ ЕВТИХИЙ, МАСУДИ, ЯКУТ, КАМУС, ИБН-ЭЛЬ ВАРДИ, БАКУВИ, ДИМЕШКИ АБУЛЬ АББАС АХМЕД и другие. Правда, что большинство позднейших источников (Якут, эль Варди и др.) лишь повторяют слова более ранних писателей, и часто вносят в них большую путаницу, но зато свидетельства IX—X веков имеют огромную ценность. Славяне, по описаниям этих авторов, — земледельцы и скотоводы, занимающиеся к тому же пчеловодством; верховых коней не имеют; оружие их составляют дротики, щиты и копья; любят музыку; следят за чистотой, моются в банях.²¹ Совсем не таковы руссы — торговцы и разбойники, на кораблях путешествующие в славянские земли, где они «выходят на берег и полонят народ, который посылают затем в Хазеран и к болгарам, и продают там».²² «Пашень русь не имеет, а питается тем, что добывает в земле славян».²³ «Руссы не имеют недвижимаго имущества, ни сел, ни пашень; единственное их занятие — торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые они продают всякому, кто пожелает; а плату, полученную в монетах, вяжут крепко в свои поясы.»²⁴ Уже эти несколько цитат из сочинения автора первой половины IX-го века (вероятно Муслим бен Абу Муслим аль-Джарми),²⁵ сохранившагося в ком-

²¹ Хвольсонъ. Извѣстія о Славянахъ... и Руссахъ... Ибнъ Дада. Спб., 1869, 28—33.

²² Ibid. 35.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. 35—36.

²⁵ О нем см. Marquart: Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, стр. XXXI и др.

пилящих писателей следующего столетия, показывают, что автор-очевидец наблюдал условия быта славян на их родине, и что для этих славян руссы были чужеземными грабителями, еще не обосновавшимися на местах в Восточной Европе. О том же говорят и все другие наблюдения этого драгоценного современного источника. «Руссы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отступают, пока его не уничтожат до конца. Женщинами побежденных сами пользуются, мужчин же обращают в рабство.»²⁶ Разумеется, что совершенно также поступали и славяне во время своих нападений на Византию в VI—VII веках, так что эта характеристика не указывает безапелляционно на норманов, но указание на такие поступки руси в земле славян во всяком случае изобличает в руссах чужеземцев, а хронология этих событий — IX-й век — заставляет предполагать в них прежде всего именно норманов. «Ростом они высоки, красивы и смелы в нападениях, но не показывают этой храбрости на коне: все свои набеги и походы они совершают на кораблях.»²⁷ «Все они всегда носят при себе мечи, так как не питают ни малейшего доверия один к другому, и потому что вероломство между ними самое обычное дело: если кому нибудь удастся приобрести хотя бы небольшое имущество, уже ему родной брат или приятель сейчас же начинает завидовать и старается убить его и ограбить.»²⁸ «Когда у кого нибудь из руссов родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: не оставляю тебе в наследство никакого имущества; будешь иметь лишь то, что приобретешь себе этим мечом.»²⁹ Ибн ФОДЛАН описывает виденное им сожжение мертвого русса в ладье и прибавляет, что если умрет славянин, руссы его оставляют на месте, пока его не с'едят псы.³⁰ Ибн ХОРДАДБЕХ³¹ и ГАРДИЗИ³² говорят, что славянские рабы служили

²⁶ *Хвольсонъ. Ибнъ Даста, 38.* Об обращении руссами женщин побежденного племени в наложниц рассказывает также Ибн Фодлан (*Frähn. Ibn Fosclan's und anderer Araber... Berichte. S.P.B. 1823, стр. VII*). То же рассказывают западные писатели о поступках норманов с пленными женщинами. Адам Бременский напр. говорит, что они, презирая золото и другое богатство, «*in sola mulierum copula modum nesciunt, — quisque secundum facultatem suarum virium duas aut tres et amplius simul habet divites et principes absque numero*» (*lib. IV, cap. 21*); в другом месте: «*capitali pena mulcatur (у норманов) si quis uxorem alterius cognoverit, aut vi oppresserit virginem.*» С.-Кентенский декан Дудон пишет о норманах, что они во время своих походов «*uxores stuprabant, puellas divirginabant*» (*Dudo Viromandensis. De moribus et actis primorum Normanniae ducum libri tres, I у Миня Patrologia, t. 141, стр. 662*).

²⁷ *Хвольсонъ. 38—39.*

²⁸ *Ibid. 39—40.*

²⁹ *Ibid. 35.*

³⁰ *Frähn. Ibn Fosclan... 11—21.*

³¹ *Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. De Goje. IV. Ibn Hordadbeh. Lugduni Batavorum, 1889, p. 115.* Русский перевод у Вестберга «Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ» (*Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III*).

³² *Вестбергъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III, стр. 24.*

руссам в качестве переводчиков. Можно было бы привести еще много примеров различия современными источниками руссов от славян.

6. В качестве шестой группы доказательств можно привести свидетельства летописи и других источников об оживленнейших отношениях, существовавших в IX—XI-м веках между Россией и скандинавскими землями.

Если бы можно было отвергнуть вообще какую бы то ни было вероятность предания о призвании варягов, все же нельзя игнорировать множество других мест в летописи, где варяги выступают как важный политический фактор в жизни древней Руси. По городам сидят «находники» РЮРИКА, варяги. АСКОЛЬД и ДИР в Киеве «многи варяги совокуписта». Олег в 882-м году идет на Киев с *варягами*, чудью, славянами, мерей и кривичами. Он дает заповедь: «*варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 30 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяша варягомъ*». ИГОРЬ в 941-м году «*посла по варяги многи за море, вабя я на греки*». Владимир в 977-м году испугавшись брата Ярополка «*бѣжа за море*», и оттуда «*приде съ варягы Новугороду*». Победив брата с помощью варягов, он «*избери отъ нихъ мужа добры и съмыслны и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Цесарю граду въ гръкы*». ЯРОСЛАВ в 1015-м году, приготавливаясь к войне с отцом, собирает варяжскую дружину. Три года позднее новгородцы дают ему денег для найма варягов. В войне с Мстиславом Ярославу помогает витязь Якун с варяжскою дружиной. В битве с печенегами в 1036-м году варяжская дружина составляет центральную часть войска Ярослава. Титмар Мерзебургский свидетельствует, что еще в 1018-м году население Киева состояло «главным образом из проворных данов».³³

Скандинавские источники сохранили много вестей о русско-скандинавских отношениях IX—XI-го веков. Существует сага о норвежском витязе ОДДЕ, который воевал на востоке, был князем в России, и умер по предсказанию колдуньи от своего коня; не трудно узнать в этом витязе князя Олега Вещаго, котораго Иоакимовская летопись называет князем Урманским. Сага о БЬЁРНЕ рассказывает, как этот витязь служил у князя Гардарикии Валдимарра (Владимира Св.), которому помогал в борьбе с родственником Калдимарром (?). Норвежский король ОЛАФ ТРИГТИАСОН (993—995) должен был долго скитаться по разным иностранным дворам, и между ними жил у конунга Валдимарра в Гардарикии. Дочь норвежского короля Олафа, ИНГИГЕРДА, выйдя замуж за русского князя Ярослава Мудрого, получила от мужа в дар город Aldeigaburg (старую Ладогу) и дала его в управление своему родственнику Ярлу Рагивальду. Выгнанный с родины, норвежский король ОЛАФ СВЯТОЙ был хорошо принят при дворе Ярослава; сын Олафа,

³³ Monum. Germ. III, lib. VIII, cap. 16.

МАГНУС долго жил в России. При дворе Ярослава жили дети английского короля Эдмунда, выгнанного из Англии Кнутом Великим. Киево-Печерский патерикъ рассказывает о варяжском князе ШИМОНЕ, убежавшем с многими родственниками к Ярославу в Россию. Сага о сыне коголя Гейдмаркского ЭЙМУНДЕ рассказывает, как этот витязь оказал огромные услуги Ярославу за время трехлетней борьбы с киевским государем; перейдя потом на сторону Ярославова брата, он привез ему захваченную лукавством жену Ярослава; после примерения братьев Эймунд получил в награду целую область. Сага о ГАРАЛЬДЕ ГААРДРАДЕ (полубрате Олафа Святого) повествует, как этот принц явился в Россию, выступал позднее на службе в Византии, где показывал чудеса геройства, путешествовал в Иерусалим, вернулся в Киев, где женился на красавице Елизавете, дочери Ярослава, после чего вернулся в Норвегию, где позднее стал королем. Русский князь ВИСИВАЛДР (вероятно Всеволод Владимирович) в начале XI-го века сватал прекрасную вдову шведского короля Сигриду Сторраду, которая сожгла его вместе с другим просителем, королем Вестфольдским «за такую их дерзость». Втечение XI—XII веков известен целый ряд браков между русскими и скандинавскими государями. И саги и рунические камни свидетельствуют о частых путешествиях норманов на восток — в Россию (Reidhgotaland, Garðariki, Kulfingaland), Пермскую область (Биармию) и Цариград (Миклиград).

Эти свидетельства о норманских походах на восток на заре русской истории, и о непрерывных живых связях, существовавших в течении IX—XII веков между русскими князьями и скандинавскими государями, увеличивают вероятность летописной легенды о создании русского государства пришельцами варягами, привилегированное положение которых в России засвидетельствовано и законодательным сборником, Русской Правдой.³⁴

7. Свидетельствует о норманской колонизации в Восточной Европе и археология, открывшая *остатки целого ряда скандинавских поселений*, разсеянных по территории России вблизи ее великих речных путей.³⁵

8. В связи с этим нельзя упускать из вида восточно-европейских *топографических имен* скандинавского происхождения.

9. Наконец в качестве последнего доказательства могут послужить *следы скандинавского влияния в русской культуре*. После исследований Булгарина, Артемьева, Срезневского, Гедеонова, Забелина, Тарановского, Сыромятникова и других не может уже существовать ультранор-

³⁴ Новый обзор материала о русско-скандинавских отношениях IX—XII вв. дает проф. Браун в статье «Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV. Jahrhunderts» (Festschrift E. Mogk, Halle, 1924). См. также работу Н. Беяева в Seminarium Kondakovianum, III и статьи Лященко в Извест. отд. рус. яз. 1924 и в Извест. Акад. Наук, 1926.

³⁵ См. ниже.

манистское понимание этого влияния, выведившее некогда почти всю древне-русскую культуру из скандинавского источника. Но невозможно и совершенно отрицать это влияние. На первом месте нужно поставить слова, заимствованные славянами от варягов: аскъ, берковецъ, гридь, спудъ, судъ — для обозначения морского пролива (сканд. Sund), якорь; м. б. еще тиунъ (сканд. þjonn — слуга, рабъ), если только это слово не заимствовано из готского языка; ябедникъ, который толкуется и из монгольско-манджурского языка. ТОМСЕН приводит еще несколько таких русских выражений, заимствованных от скандинавов, но они не бесспорны.³⁶ Вообще в русском языке мало варваризмов, заимствованных от норманов, и те являются главным образом такими терминами, которыми должен был пользоваться варяжский княжеский двор в своей судебной, административной или хозяйственной практике. Отразилось скандинавское влияние и в русском праве. Русская Правда различает «людина русскаго» от славянина. Для принесения обвинения в преступлении обычно требуется семь свидетелей, «оже ли будетъ Варягъ или Колбязгъ» — только двух. В устройстве княжеского двора, в организации управления можно открыть следы варяжского влияния.³⁷ Языческая вера восточных славян обогатилась некоторыми примесями из религии и культа северных германцев.³⁸ Скандинавский эпос дал русским славянам несколько своих мотивов.³⁹ В инициалах и заставках некоторых севернорусских рукописей наблюдаются следы скандинавской орнаментики.⁴⁰ Наконец одежда и вооружение русских воинов на древних миниатюрах

³⁶ Thomsen. Der Ursprung... 1879. О влиянии скандинавских языков на славянские, и славянских на скандинавские см.: Артемьевъ. Имѣли ли Варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло, 1845; Геденовъ. Отрывки изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. Записки Имп. Акад. Наукъ, 1862, I, III; 1863, III, гл. XIV; Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка; F. Tamm. Slaviska Lånord från nordiska språk. Upsala Universitets Arsskrift, 1882; Svenska Ord, belysta genom Slaviska och baltiska språken of Fred. Tamm, Upsala Univ. Arsskr., 1881; Sophus Bugge. Oldsvenske Navne i Rusland. Arkiv vor Nordisk Filologi, II; Adolf Noreen. Små grammatiska och etymologiska bidrag. Arkiv v. Nord. Fil. I; Сыромятниковъ. Древлянский князь и варяжский вопросъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1912, VII.

³⁷ См. Estlander. Tidskrift utg. of Juridiska Föreningen i Finland, 1902; Тарановскій. Норманская теорія въ исторіи русскаго права. Варшав. Унив. Изв. 1909; Максимейко. Опытъ критическаго изслѣдованія Русской Правды. Харьковъ, 1914; Щепкинъ. Варяжская вира. Зап. Одесск. Общ-ва Ист. и Древн. 1915, т. XXXII; Wadstein. Ett vittnesbörd om gammal Frisisk Förbindelse med Ryssland. Festskrift til H. Falk, Oslo, 1927.

³⁸ См. Rožnicki. Perun und Thor. Archiv für slav. Philologie, XXIII; А. Погодинъ. Опытъ языческой реставраціи при Владимирѣ. Труды русскихъ ученыхъ за границей. II, 1923.

³⁹ Rožnicki. Vagaegiske Minder i den rusieske Heltedigtning. København, 1914; Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещаго. Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XXIX; Былина о Соловье Будимировиче и Сага о Гаральде. Петроград, 1922; Agrell. Fornnordiska element i den ryska folkpoesien. Ventenskaps societens i Lund Arsbok, 1922 и др.

⁴⁰ См. Стасовъ. Композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ русскихъ рукописей. Издание Об-ва любителей древней письменности.

и других изображениях очень похожи на одяние норманских вождей, вытканых на коврах королевы Матильды в Байё.⁴¹

Впрочем, говоря о скандинавском влиянии на Руси, нужно все время иметь в виду, что влияние это было ограничено лишь княжеским двором и ближайшей к нему средой, при чем и там его вскоре не стало под влиянием ассимиляционной силы славянского племени. Отсутствие женщин в варяжских отрядах, делавшее их слабыми с колонизаторской точки зрения, во первых, и невысокое развитие скандинавской культуры IX-го века в сравнении со славянской, во вторых — были причинами незначительности норманского влияния на древнюю Русь.⁴² Можно полагать, что главное значение варягов в истории России состояло в том, что они: 1. дали толчок к образованию русского государства, выполнив внешнее объединение разбросанных славянских племен, 2. своими военными и торговыми предприятиями сблизив восточных славян с Византией, и содействуя распространению христианства, создали почву для подготовки внутреннего объединения русской земли, и 3. передали восточным славянам имя «руси».

Приведенные аргументы позволяют, по моему, без колебаний утверждать высказанное положение: восточные славяне были объединены и организованы в государство с помощью норманских пришельцев, занимавших в отношении славян господствующее положение, сохранявших в течение некоторого времени свои традиции, религию и устройство, но сравнительно быстро слившихся с подчиненным населением в один народ.

II.

Однако, считая доказанным высказанное положение, нужно признать, что целый ряд вызываемых им вопросов до сих пор еще недостаточно выяснен. Когда явились в Восточной Европе те варяги, которых летопись в самом начале выводит берущими дань от славян? Какая доля истины заключается в летописном рассказе о призвании варягов? Как мог Рюрик, едва утвердившись в Новгороде, послать своего «мужа» в далекий Ростов? Был ли уже мерянский Ростов в той совокупности, — т. е. какой то организации племен, которая сначала прогнала варягов, а потом призвала русь, или Рюриков «муж» завоевал его? Было ли появление варягов в Новгороде единичным фактом, или может быть в Восточной Европе существовало много подобных варяжских княжеств? Если много, то где они находились, когда и каким образом влиялись в русское государство Рюрика и его потомков? Короче говоря:

⁴¹ См. *F. R. Towke. The Bayeux tapestry. London, 1875.*

⁴² См. *Сыромятниковъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, VII.*

не вполне еще изучен процесс норманской колонизации в Восточной Европе. Настоящая статья представляет попытку, насколько возможно, ориентироваться в этом вопросе.

Путешествия норманов к Британским островам и в другие земли Западной Европы начались во второй половине VIII-го века. В это время (в 787-м году) они в первый раз появились в Англии. На Немецком море их разбои начинаются от времени КАРЛА Великого. В 811-м году этот государь из Булони наблюдал норманские корабли, плывшие в виду берега, но не осмелившиеся пристать к континенту. При ЛЮДОВИКЕ Благочестивом норманские набеги становятся частыми. В 843—844-м году норманы пришли на Пиринейский полуостров. В 859-м году одна их дружина, пройдя через Гибралтарский пролив в Средиземное море, дошла до берегов Византии. Во второй половине IX-го столетия грозные нападения неистовых разбойников были в Западной Европе повседневным явлением.

Много ранее явились норманы на Балтийском море и его восточных берегах. Тацит говорит, что в его время шведы были знамениты как прекрасные моряки. Значит, уже в то время должны они были войти в соприкосновение с финнами и литовцами, а через них — со славянами. Однако колонизация норманами берегов Балтийского моря нам почти совсем неизвестна. Объясняется это тем, что в сравнении с историей скандинавского запада (Норвегии и Дании) история древней Швеции остается покрытой густым туманом. Своих письменных источников шведы не имеют до XIII-го века. Их восточные соседи: финны, литовцы и славяне — точно также довольно поздно появляются на исторической сцене. Не существует ни одного сборника, который бы охватывал шведские легенды. Единственные письменные источники — некоторые предания у Саксона Грамматика, и несколько темных намеков, находящихся в фантастических исландских сагах. Эти саги называют восток краем чудес: сюда Тор предпринимает свои военные набеги; здесь обитают гиганты, финны-колдуны, амазонки.⁴³ Однако и в этой сказочной обстановке можно открыть некоторый исторический материал. Фольклор, скандинавская, литовская, финская и славянская филология, а в особенности археология — главные сотрудники истории для изучения вопроса о норманской колонизации на востоке.

Все финнологи сходятся в том, что скандинавско-финские отношения начались в очень глубокой древности. По мнению Куника прафинское имя Руотси для обозначения шведов возникло во всяком случае ранее II-го столетия. Многочисленные археологические данные доказывают, что в эпоху неолита, а значительно сильнее в эпоху бронзо-

⁴³ К. Θ. Тiандеръ. Общій взглядъ на развитие и задачи скандинавской филологiи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, IX, стр. 46.

ваго и ст.-железного века существовали оживленные торговые связи между средней Швецией и берегами Финского залива, в особенности южным берегом теперяшней Финляндии. Чрезвычайно любопытно проникновение скиадиновской бронзы в Поволжье, на Оку и Каму и обратное распространение камской (так назыв. Ананьинской) бронзовой культуры в Финляндию и Скандинавию. Точно также уже в весьма отдаленную — доскифскую — эпоху верхнее Приднепровье, земли по Висле, Двине и Волхову находились в культурной связи со Скандинавией.⁴⁴ Существование древних финно-скандинавских отношений подтверждается и данными языкознания, и переходом к финнам скандинавских легенд, и обратно — влиянием финской мифологии на скандинавские легенды. Через посредство литовцев и финнов вошли скандинавы в сношения и со славянами.⁴⁵

Нужно думать, что связи Восточной Европы с германским севером сделались особенно оживленными в эпоху существования великой готской державы в бассейне реки Днепра.

Иордан рассказывает, что готский король *Beric* вывел готов из Скандинавии на южный берег Балтийского моря, где они покорили ульмерунгов и вандалов.⁴⁶ «Когда население умножилось, то пятый король после Берика, Филимер, собрал (народ) на совет, чтобы увести оттуда войско готов вместе с их семьями. Отыскивая удобнейшие места для поселения, они дошли до скифских земель, которые называют на своем языке «*Oium*». Отсюда они пошли к племени спалов, и победив его, направились *ad extremam Scythiae partem, quae Pontico mare vicina est.*»⁴⁷ При этом же Филимере, по словам Иордана готы жили *juxta Maeotidem*, куда с Датских островов пришли вместе с готами и герулы.

Если предположить, что предание о переселении готов на Вислу из Скандинавии является полным вымыслом,⁴⁸ то уже самое его существование доказывает, что во времена Иордана гото-скандинавские отношения имели легендарную древность. Основав обширное государство в среднем Приднепровьи, готы положили начало созданию непосредственных культурных связей между славянами и северо-германским миром. Главным условием для создания этих связей была торговля, получившая в описываемую эпоху значение могущественнейшего куль-

⁴⁴ См. *A. Tallgren. La Pontide préscythique*, 1926; А. Спицынъ. Карта бронзового вѣка Восточной Европы (*Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines. II. Prague, 1928, стр. 77—84*).

⁴⁵ См. *Becke*. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань, 1890, (Извѣстія Казанск. Общ-ва Археологiи, Исторiи и Этнографiи, Томъ VII, вып. 1).

⁴⁶ Там их нашел и Птолемей, вблизи силезских вандалов на восточном берегу Вислы.

⁴⁷ *Jordan. De origine actibusque Geth. V.*

⁴⁸ См. *Браунъ*. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній (Сборникъ Академіи Наукъ, LXIV, 1899), стр. 258 и сл., 327 и сл.; *Bremer* (*Pauls Grundriss der Germ. Philol. III*).

турного фактора в жизни Восточной Европы. Готы распространяют по всей Восточной Европе способ денежной торговли, перенятый ими от римлян, с которыми они тогда вступили в торговые связи. Продолжая традицию торговых сношений скифо-сарматской эпохи, готы расширили терен днепровско-понтской торговли по всему пространству своей политической территории, простиравшейся при Германарике от Балтийского до Черного моря и от Карпат до среднего течения Волги, и обнимавшей большое число финских, славянских и литовских племен.⁴⁹ В готских могилах находим произведения классической индустрии, приходившая к ним как товар через посредство черноморских греческих городов. Готы понимают значение городов — щадят их, создают новые: Птолемей говорит о многих городах на Днепре.⁵⁰ Естественно, что при таких условиях подчиненные готам аборигены Восточной Европы не могли не поддаться сильному влиянию готской культуры, следы чего сохранились в языках финнов, литовцев и славян.⁵¹ Через посредство готов установились и прочные связи между Восточной Европой и скандинавскими народами. По словам Иордана скандинавы получали в ту эпоху соболя мех из восточно-европейских лесов. Доказывает эту связь и существование термина *Vindr*, заимствованного скандинавскими народами у готов для обозначения славян.⁵²

Великие этнические переселения, начатые гуннами в середине IV-го столетия, совершенно изменили карту Восточной Европы. Большая часть готов была выгнана в Западную Европу; меньшая приютилась в Крыму и на Азовских берегах, влившись в прежнее греко-иранское население. Между черноморскими готско-греческо-иранскими землями и славяно-литовско-финской лесной областью протянулась широкая степь, где бродили многочисленные кочевые племена, до сих пор не совсем еще выясненного происхождения, создавая от времени до времени недолговечные государства, быстро распадавшиеся под давлением новых пришельцев. Между тюркско-финскими волнами протекали по южно-русским степям струи славянских племен, остановившиеся на Балканском полуострове, и оставившие одну свою часть в северо-запад-

⁴⁹ Иордан перечисляет следующие племена, находившиеся под властью Германарика, среди которых можно узнать Чудь, Вель, Мерю, Мордву: «Habeat quos domuerat, Gothos, Scythos, Thuidos, in Auxis Vasinobroncos, Merens, Mordensimnis, Caris, Rocos, Tadzans, Athual, Navego, Bubegentas, Coldas.» См. *Grienberger*. *Ermanarik's Völker* (Zeitschr. f. deutsch. Altert. t. 39, 1895).

⁵⁰ См. *Rostovtzeff*. *Les origines de la Russie Kievienne*, (Revue des Etudes Slaves, 1922, I); *ergo* же *The Iranians and the Greeks in South Russia*. Oxford, 1922; *T. Arnt*. *Oltiden*, 1918; *M. Ebert*. *Das Altertum des Süd-Rußlands*. Leipzig, 1923 и др. Литература приведена у Грушевского, *Ист. Укр.-Руси*. I.

⁵¹ *Браун*. *Займствованные слова* («Беседа» № 3. Берлин).

⁵² *J. Mikkola*. *L'avance des Slaves vers la Baltique*. *Revue des Études Slaves*, I (1921).

ном углу понтского побережья. В VIII-м столетии хазарское государство, незадолго перед тем возникшее в степях нижнего Поволжья и северного Кавказа, распространило свою власть по всему пространству южной России до Карпатских гор. В IX-м веке с ослаблением хазарской мощи создают там же почти независимую область хазарские вассалы — мадьяры, вытесненные позднее на запад печенегами.

Втечение всего этого периода края, находящиеся к северу от черноморских степей, покрыты полной исторической мглой: византийские и западные источники молчат о них. Но, конечно, и здесь время не проходило без важных событий. Толкались и перемешивались славянские племена. Непрерывным потоком текла славянская колонизация на финский восток — к Волге и Дону, и на север — к Ильменю, врезаясь клином между финнами и литовцами. Не прекратились, вероятно, и отношения со скандинавскими народами.

Некоторые намеки на существование этих отношений находятся в северных источниках позднейшего времени. Гута-сага рассказывает как три брата, эпонимы гутского народа, разделили между собою остров Готланд. Когда их потомство настолько умножилось, что остров уже не мог их прокормить, то решили выселить с острова каждого третьего человека по жребию, позволив им унести свое имущество. Когда эти изгнанники не пожелали удалиться, а поселились на Торовой горе, соотечественники заставили их силой покинуть остров. Тогда они выселились на Овечий остров (Far-oy), но и там не могли прокормиться, и переехали на остров Даго у берегов Эстляндии, где выстроили город. Но не найдя и там возможности прокормиться, «они отправились водой, которая называется Двина (Dyna), и вверх через Россию (Ryzaland). Так далеко путешествовали они, что пришли в Грецию (Grikland). Здесь они попросили у греческого конунга разрешение поселиться...»⁵³ Новейшая критика относит это путешествие готландцев через Россию к концу пятого и началу шестого века, ставя с этим в связь появление в Прибалтийском крае готландского влияния, заметного на археологических находках, датируемых временем около 475-го года.⁵⁴ К VII-му веку относят описываемые Инглинга-сагой набеги шведских Инглингов, Ингваря и его сына Онунда Лесоруба, в страну эстов.⁵⁵ Скиольдунга-сага рассказывает, что дочь первого упсальского скиольдунга, Ауда, после смерти своего первого мужа, датского короля Нгоерекг'а бежала в Гардарики, где вышла замуж за короля Радбара (около 710-го года), и что их

⁵³ С. Сыромятниковъ. Балтійскіе готы и Гута-сага. (Живая Старина, 1892, вып. 1, стр. 42.)

⁵⁴ Birger Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbalticum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929. Другая литература указана у Н. Бѣляева «Рорикъ Ютландскій...» (Seminarium Kondakovianum III, стр. 221—222).

⁵⁵ «Heimskringla», Antiquités Russes, I, 235.

потомки вернули себе дедовский трон.⁵⁶ Даже и при нежелании видеть в упомянутом здесь конунге Радбаре какого нибудь норманского вождя, основавшего свой «gard» на Востоке, нельзя без серьезных аргументов отвергать всякую вероятность традиции о существовании в начале VIII-го века связей между Скандинавией и Восточной Европой.⁵⁷

III.

Сильный импульс восточной норманской колонизации дали новые политические и экономические условия, которые создались в Западной Азии с основанием арабского калифата. Чуть только улеглась буря, поднятая основателем ислама и первыми калифами, на всем огромном пространстве мусульманских земель развилась оживленнейшая торговля, распространившая сеть своих путей до удаленнейших частей Евразии и Северной Африки. Через хазарское государство, простиравшееся по степям на север от Черного моря, Кавказского хребта и Каспия, арабская торговля проникла в девственные леса Восточной Европы и достигла берегов Ледовитого океана и Балтийского моря, как о том свидетельствует множество арабских монет, найденных в этих пределах. Древнейшие арабские диргемы, найденные в России, датируются 699-м годом, и так как при каждом новом калифе арабские деньги перечеканивались, то можно утверждать, что торговые связи арабов с Восточной Европой существовали уже в начале VIII-го века, если не раньше (так как вообще арабы начали ковать монету лишь в конце VII-го века).⁵⁸ Эта торговля (которую описывают арабские писатели IX—X-го столетий) привлекла скандинавов на реки, которые вели к Каспийскому морю. Древность скандинавско-ориентальной торговли подтверждают и нумизматические данные, и тюркские слова, попавшие в скандинавские языки. Военные караваны норманов плыли через Финский залив и Неву в Ладожское озеро, а отсюда реками и озерами через славянские и финские земли на Волгу. Другой путь вел туда от Балтийского моря через Литву Западной Двиною к верховьям Волги. С товаром, собран-

⁵⁶ «Sögubrot», *Antiquités Russes*, I, p. 14, 66—73. (См. Н. Бѣляевъ, *ibid*, стр. 218)

⁵⁷ Для изучения скандинавской колонизации в Прибалтике особенно важны исследования: *Montelius*. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906; *Knut Stjerna*. Swedes and Geats during the migration period (Viking Club, Extra Series, v. III, 1912) и др.; *Birger Norman*. En utvandring från Gotland och öns införlivande med sveaväldet, 1923; Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929 и др.; *Lorentz*. Germanisch-slavische Beziehungen im Weichsellande in vorhistorischen Zeit. Danzig, 1927 и др.

⁵⁸ П. Савельевъ. Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. СПб. 1846; В. Григорьевъ. О кувическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находящихся въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ... (Записки Одесск. Общ-ва Ист. и Древн. I); А. Марковъ. Топографія кладовъ восточныхъ монетъ. СПб. 1910.

ным по дороге, проходили они через Булгар — тюркско-финское государство расположенное в среднем течении Волги — и достигали Итиля, хазарской столицы, находившейся при впадении Волги в Каспийское море. Большею частью уже тут они продавали свой товар, а некоторые, наиболее отважные искатели приключений и богатства, путешествовали иногда и далее до Багдада.⁵⁹

В VIII-м столетии, когда Хазария была в расцвете своего государственного могущества, ея столица являлась одной из важнейших мировых ярмарок, куда стекался товар со всех четырех концов света. Меха соболей, белок, куниц, горностаев, лисиц, бобров, козы кожи, воск, стрелы, «большая рыбы», меховая одежда, рыбий жир, китовый ус, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы, мечи, кольчуги, березовое дерево, славянские рабы, овцы, скот, византийская парча — все это мог найти торговец в Итиле,⁶⁰ а всегда мог найти там и покупателя на свой товар. Особая часть города была отведена для помещения иностранных купцов, которые строили в Итиле свои дома, жили особыми колониями, имели своих особых судей.⁶¹ Там норманы должны были познакомиться с купцами из других земель, слышали рассказы о других мировых центрах торговли, а особенно о Царьграде, куда до конца VIII-го века они еще не заходили.

Стремление к открытию новых ярмарок и надежда на грабеж в богатых понтских городах привлекли норманов на Черное море. Но во всяком случае на этом море они явились значительно позднее чем на Каспийском, — ни в каком случае не ранее второй половины VIII-го столетия. Нет никаких данных, которые допустили бы гипотезу о более раннем появлении скандинавов на Понте: ни византийские писатели не знают норманов в это время, ни византийских монет из этого периода не находим ни в России, ни на северо-западе Европы. На исходе же VIII-го или в начале IX-го века скандинавская «русь» становится известной в Византии. В 839-м году (по Бертинским анналам) послы народа

⁵⁹ Ибн-Хордадбех у *Вестберга* «Къ анализу восточных источников о Восточной Европѣ». Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 370. О восточной торговле скандинавов см.: *G. Jakob*. Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern, 1891; того же автора *Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter*, 1891; его же *Der nordisch-baltische Handel im Mittelalter*, 1887; *T. Arné*. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914; его же *Les rapport de la Russie avec la Suède et l'Orient au temps des vikings* (Le monde slave, 1925, V); *Шахматов*. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919; *Любомиров*. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—IX веках. Саратов, 1923.

⁶⁰ См. Мукаддеси у *Хвольсона*. Ибнъ Даста... стр. 180—181.

⁶¹ Ибн Фодлан описывает русскую колонию в Итиле (*Frähn Ibn Fosclan*...); Ибн Ростех рассказывает о итильских мусульманах (*Хвольсонъ. Ибнъ Даста*); Масуди говорит, что в Итиле было двое судей для мусульман, двое для евреев, двое для христиан и один для руссов, славян и других язычников (*Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей*... СПб. 1870).

Rhos, «шведского рода» находятся в Константинополе. Ибн Хордадбех рассказывает о путешествиях руссов к Румскому (Черному) морю в первой редакции своего труда, датируемой, как доказал Хвольсон, временем не позже 846-го года.⁶² Житие св. Стефана Сурожского описывает опустошительный поход руссов по Крымскому побережью «от Корсуня до Керчи» в конце VIII-го или в начале IX-го столетия.⁶³ Житие св. Георгия Амастридского, написанное до 842-го года,⁶⁴ рассказывая о нападении руси на Амастриду (город на южном берегу Черного моря), называет руссов *народом, хорошо всем известным* вследствие своей жестокости и безчеловечности.

Можно предполагать три пути, которыми могли норманы приплыть в Черное море: волжско-донской, волховско- или двинско-днепровский и вислинско-днестровский.

Нет сомнений, что первый путь существовал, идя системой рек и озер от Балтийского моря на Волгу, по которой доходил до волжско-донского водораздела. Недалеко от Царицына находился волок из Волги в Дон или его приток Иловлю, удаленную от Волги на 10—12 верст. Возможно, что некогда здесь существовал даже канал соединявший эти реки — на месте ручья, текущего к Иловле почти от самого Камышина. О существовании непосредственной связи Волги с Доном говорит целый ряд древних и средневековых писателей, начиная от Птолемея.⁶⁵ Особое же внимание посвящают этому пути восточные географы, интересовавшиеся связью Каспийского моря с Черным (Масуди, Ибн Хаукаль, Эдриси и др.). Эдриси, например, говорит: «Каспийское море от всех

⁶² См. Хвольсон в Трудах VIII-го археол. съезда; возражения Маркварта в *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, 1903, стр. 390.

⁶³ См. аргументацию у Васильевского (Труды, III). Житие говорит, что нападение произошло вскоре после смерти святого (умершего в 790—795 г.) при его преемнике архиепископе Филарете. В качестве нового аргумента необходимо привести интереснейшее наблюдение Н. Т. Беляева касательно имени осаждавшего Сурож «русского» князя — Бравлина или Браваллина. Толкования этого имени как «бранливый», готский «Варлиг», «Мравлинъ» — искаженное норман и т. п. не удовлетворяют. Беляев сопоставляет князя Браваллина с именем города Браваллы (Bravellir) в восточном Готланде, где в 770 г. происходила знаменитая Бравальская битва, в которой Швеция впервые выступила против датской гегемонии. По мнению Беляева имя Браваллин было прилагательным — прозвищем, данным соратниками скандинавскому вождю, прославившемуся в битве при Бравалле (Seminarium Kondakov. III, 220 и сл.; *Slavonic Review*, 1926, pp. XI).

⁶⁴ См. аргументацию у Васильевского, *ibid.* Васильевский указывает, что житие не могло быть написано позднее 842-го года, так как: 1. автор жития ничего не говорит об иконоборчестве, тогда как все жития, составленные после 842-го года, неизменно содержат осуждения иконоклавов, 2. св. Георгий не был столь знаменитым подвижником, чтобы его житие могло быть составлено через большой промежуток времени после смерти святого, и 3. в житии упоминаются только два поколения — современники святого и поколение следующее после его смерти († около 806-го года).

⁶⁵ Разбор вопроса см. у Маркварта, *Streifzüge*, 153.

отрезано и не находится в связи ни с одним другим морем, кроме того места, где река руссов, известная под именем Итиль (Волга), вливается в него; от этой реки у Булгара отделяется один рукав к западу и идет туда, связывая ее с Понтом.»⁶⁶ Любопытно, что как раз вблизи указанного места, где мог находиться волжско-донской волок или канал, существовали древняя укрепления: длинный вал, идущий от Качалинска на Дону до Царицына на Волге, и там же, около Царицына — остатки городища. Не принадлежали ли эти укрепления хазарам, державшим с их помощью в своих руках этот важнейший пункт волжско-донского пути? Во всяком случае сообщение между Черным и Каспийским морем по этому пути существовало. По нему (по словам Масуди) путешествовали восточные купцы из Каспийских земель в Черное море; этой дорогой прошла в Каспийское море в 913—914-м году из Черного моря русская флотилия из 500 судов.⁶⁷ Вероятнее всего предполагать, что именно этим путем скандинавы проникли впервые на Черное море, может быть, на возвратном пути из Итиля свернув волжско-донским волоком на запад.

Но, конечно, вскоре же были открыты и два других пути, вероятно — днестровский раньше днепровского. Последний путь хорошо нам известен и по описанию начальной летописи,⁶⁸ и по рассказу КОНСТАНТИНА Порфирородного⁶⁹ и по археологическим данным.⁷⁰ При этом нужно полагать, что с севера норманы проникали к Днепру не только Невой и Волховом, но столь же часто Западной Двиной. Такое путе-

⁶⁶ *Frāhn. Ibn Foslan...* 237.

⁶⁷ Об этом походе существует большая литература. Лучшие исследования Григорьева в Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, V и *Маркварта*, *Streifzüge*, стр. 330 и сл.; библиография у *Вестберга* в Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III.

⁶⁸ «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Ильмень озеро великое, изъ негоже озеро потечеть Волховъ и втечеть въ озеро Великое Ново, и того озера виднеть устье въ море Варяжское и по тому морю внити доже и до Рима. Днѣпръ бо потече изъ Волховскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и виднеть въ море Варяжское; изъ того лѣса потече Волга на вѣстокъ». (Ипатьевская летопись. изд. 1923, стр. 6—7.)

⁶⁹ 9-я глава «*De administrando imperio*» описывает путь, которым «однодеревки» из «внешней России» (ἀπὸ τῆς ἑξω Ῥωσσίας) спускаются в Царьград. «Оне из Новгорода (ἀπὸ τοῦ Νεμουράδας) ... а и из Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Все оне спускаются вниз по реке Днепру и собираются у города Киева ...» В месяце июне руссы спускаются из Киева вниз по Днепру до Витичева, где остаются до двух-трех дней, пока соберутся все однодеревки, и спускаются далее вниз по Днепру ...

⁷⁰ Известен, например, рунический камень с острова Березани у днепровского устья. Готландский рунический камень, найденный у Пильгорда, рассказывает, что Гегбиарн и его братья воздвигли рунические камни Рафну вблизи Руфстейна у Айфура — так назыв. «Рвучаго камня» на днепровском пороге «Неясытец» (см. Arné. *La Suède et l'Orient*. 1914, p. 11).

шествие скандинавов к Черному морю двинским путем описывает «Гута-сага», а и руническая надпись с берегов Мэлларского озера свидетельствует о постоянных связях Швеции с Западной Двиною.⁷¹

Однако «аргументация разстояний» говорит, что норманы для путешествий в Грецию должны были сначала пользоваться днестровским путем. Он значительно короче днепровского и во многих отношениях удобнее его. На нем нет опасных порогов; разстояние от Сана до Днестра не больше 15—20-ти верст, тогда как волок от Ловати до Днепра не короче 200-т верст. Днестровский путь столь же стар, как и путь по Днепру: еще в классическую эпоху по нему шел в Грецию янтарь с балтийского побережья. На его северной оконечности норманы были столь же частыми и старыми гостями, как и на Ладожском озере: вспомним рассказ Иордана о переселении готов из Скандинавии на берега Вислы. Чрезвычайно любопытно существование в бассейнах Вислы и Днестра ряда топографических имен, указывающих на скандинавскую колонизацию в этой области.⁷² Нельзя упускать из вида и того обстоятельства, что в конце VIII-го и в первой половине IX-го века вислинско-днестровский путь, протекая по западной окраине хазарского государства, был свободнее днепровского, на котором стоял большой город — Киев, населенный в одной части хазарами, служивший резиденцией хазарского наместника — «пашенга» (жившего на краю хазарской части города в особой усадьбе «Пасынгге»),⁷³ и защищенный хазарской крепостью Самбатом-Вышгородом.⁷⁴ Вряд ли случайность, что

⁷¹ «Сигрида приказала воздвигнуть этот камень в воспоминание Свейна, своего господина,

Он часто плавал в Земиголу
На милой лодке через Думиснес.

(Dr. Gudbrand Vigfusson. *Iseländic Prose Reader*. Oxford, 1879, p. 449, N. 46; Сыромятников. Древлянский князь и варяжский вопрос. Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, VII, стр. 134 и сл.).

⁷² См. *Lorentz*. Germanisch-Slavische Beziehungen im Weichsellande in vorhistorischer Zeit. Danzig, 1927; *R. Ekblom*. Die Varäger im Weichselgebiet. (Archiv für Slav. Phil. XXXIX, 1925).

⁷³ Ипатьевская летопись под 945-м годом.

⁷⁴ Константин Порфирородный в 9-й главе «De adm. imp.» упоминает, что крепость Кюва (τὸ Κιοῦβα) иначе называется Самватас. Нужно считать, что это имя, долгое время бывшее неразрешимой загадкой, безукоризненно объяснено Ю. Бруцкусом. Он указывает, что «слово bat у тюрков означает крепкий, а приставка sam употребляется очень часто хазарами для обозначения населенного места. Так напр. Сам-карш — значит город пролива, Сам-ендер — город племени Ендер, Сам-киор — город Кюрского перевала, Сем-бюртес — город племени бюртасов (Симбирск). Следовательно: Самбат по хазарски значило крепость, и Константин Порфирородный правильно дал нам два названия: русское — «Крепость Кюва» и хазарское — Самбата. Блестящее подтверждение этого предположения можно, по нашему мнению, найти в письме царя Иосифа, где город, находящийся на северной границе царства, на реке Варгуз, назван «Бецура»,

древнейшие византийские монеты, найденные в Киеве, датируются концом IX-го века, т. е. эпохой, когда Киев уже освободился от хазарской власти и сделался центром русского княжества. Нет никаких данных, которые бы позволили предполагать путешествия норманов к Черному морю днепровским путем в первой половине IX-го века. Естественнее думать, что первые, прорвавшиеся на черноморье, норманские отряды, нападавшие на Амастриду, грабившие берега Крыма и основывавшие свои колонии на понтском побережье в начале IX-го, а м. б. и в конце VIII-го века, проникали туда вислинско-днепровским путем.⁷⁵

IV.

Таким образом стремление к Черному морю привлекло норманов на Днестр и на Днепр. Однако в VIII—IX веке скандинавские караваны идут не только этими путями: кажется, именно в это время восточные

что по еврейски также значит крепость. И впоследствии вплоть до XV века Киев называется у татар и других тюркских народностей Манкерман, что обозначает — верхняя крепость или Вышгород.» (Ю. Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924, стр. 19—20.)

⁷⁵ Можно было бы привести в связь с гипотезой о прибытии норманов на Черное море днепровским путем следующие соображения. Полное молчание византийских источников о руси до конца VIII-го века свидетельствует, что скандинавы не могли явиться на Понте ранее этого времени. В VI-м веке авары, пройдя черноморскими степями, не набрали на «руское» племя. Болгары в конце VII-го века должны были, если и не вытеснить русь на запад, то по крайней мере взволновать ее, если бы она жила в южной России; — этого не случилось. В начале VIII-го века безпокоенное внимание Юстиниана II-го, искавшего союзников на севере Черноморья, не открыло на понтских берегах русских поселений. За все это время византийские источники следят за событиями на северо-востоке. Но от смерти Юстиниана II-го до воцарения Константина V-го северная граница Византии живет в полном мире около 30-ти лет (если не считать незначительного столкновения с болгарами при Льве Исавре в 716-м году), в течение которых ни один источник ни слова не упоминает о болгарской границе и северных областях. Во второй же половине VIII-го века на северо-востоке происходят какие-то события, вызывающие передвижения племен среди нижне-дунайских славян. В 754-м году многие области Балканского полуострова заселяются славянами. В 759-м году 200.000 славян, переплыв Черное море, поселились в Вифинии. В 773-м году болгары шлют на север 12.000-е войско, которое должно было переселить в Болгарию славянское племя *τὴν Βεοϋτιάν* (Theophanis Chronographia, ed. de Boor, 429, 447; Nicephorus, 64, 68—69). Если в племени *τὴν Βεοϋτιάν* предположим Тиверцев, живших на Днестре, можно угадать то направление, откуда шло давление на славян, заставлявшее их переселяться на юг. Не была ли виною этого «русь», которая могла в половине VIII-го века прорваться Днестром на Черное море? Очень соблазнительно поставить с этим в связь пресловутые *ῥουσία χελάνδια*, по словам Феофана явившиеся в 773-м году в дунайском устье, в которых до сих пор еще некоторые исследователи видят русскую флотилию (см. напр. Станојевић. Византија и Срби, II, стр. 87 и 228; Dr Fritzler. Das russische Reich — eine Gründung der Franken, Marburg, 1923; обзор вопроса о *ῥουσία χελάνδια* см. у Куника «Каспий», Зап. Акад. Наукъ, XXVI, 1875, стр. 364—371).

путешествия норманов получают характер широкого колониционного процесса, охватившего территорию всей Восточной Европы. Главной причиной этого были, конечно, те же условия скандинавского быта, которые как раз в эту эпоху заставляли скандинавских викингов оставлять родину и завоевывать себе в западной Европе места для поселения. Возможно, что и открытие нового рынка на Черноморьи побудило норманов углубляться в дебри центральной и северной России в поисках за пушным товаром. Норманские отряды заходили в устье каждой встречавшейся реки; проникали в глубину финских, литовских и славянских земель, заводили торговлю с местными жителями, заключив с ними договор на определенное время, по истечении которого нападали на них, опустошая землю, полоня народ, и грабя что было возможно, пока их не выгнало бы население, или они сами не перешли бы в другое место. Саги о Эгиле сыне Скалагрима и о св. Олафе описывают две такие торговые и вместе с тем разбойничьи экспедиции, одна из которых имела место в Курляндии, другая — в Пермской области.

Исландская сага о Эгиле рассказывает, что в 916-м году «Торольф и Эгиль снарядили весной большую лодку, набрали людей и отправились на восток, и грабили там, и получили большое количество добра, и имели много битв. Приплыли и в Курляндию, и высадились на берегу, заключив мир на пол месяца для ведения торговли; а когда этот срок истек, начали грабить и нападать в разных местах.»⁷⁶

Сага о св. Олафе передает, что в 1025-м году король послал норвежцев Карли и Гунстейна в Биармию (Пермскую область). К ним присоединился третий норвежец Торир, носивший прозвище «собака». На двух лодках — с 25-ю людьми на одной и с 80-ю на другой — они обогнули скандинавский полуостров и по Белому морю и Северной Двине прибыли в середину Биармии (Bjarmanland). Когда они прибыли в Биармию, то бросили якорь у одного торгового места, где как раз в это время происходила ярмарка. Денег у них было много, и потому они накупили много товара. Торир купил беличьих мехов, а также бобров и соболей. У Карли также было много денег, за которые он купил много мехов. Когда ярмарка кончилась, они отплыли вниз по течению к морю, и объявили, что миру с местными жителями теперь конец. Выйдя в море, они стали договариваться, и Торир спросил, не хотели-ли бы его друзья пойдти с ним в одно место в лесу для грабежа. Все согласились, так как рассчитывали на хороший успех. Они снова поплыли вверх по реке, потом пошли в сторону, в густой лес, где находилось святилище главного биармийского бога Йомали. Ограбив храм, они едва спаслись от финнов (биармийцев), которые на них напали при возвращении.⁷⁷

⁷⁶ Egilssaga Skalagrímssonar. Ed. F. Jonsson, 2 изд. 1924, cap. 46; Antiquités Russes, II, 248.

⁷⁷ Olafssaga helga, cap. 183 (Heimskringla, ed. Jonsson, II); Antiquités Russes, I.

Эти два примера картинно показывают, каким образом предпринимались поездки норманов в Восточную Европу, и каковы были их отношения с местным населением. Если же появлялся большой отряд, чувствовавший себя достаточно сильным, чтобы удержаться на месте во враждебной среде, норманы основывали там свои колонии. Они строили укрепление — «gard», служивший им в качестве колонизационной базы и торговой фактории. Живший там гарнизон собирал с окрестного населения дань, накапливая ее до весны, когда можно было с этим товаром путешествовать к большим торговым центрам. Без сомнения в IX-м веке в областях финнов, литовцев и славян было разсеяно много таких норманских поселений, из которых многие превращались в центры обширных княжеств. Археология позволяет нам довольно точно определить местонахождение некоторых таких пунктов. Позволю себе процитировать отрывок из прекрасной статьи проф. Брауна «Варяги на Руси», представляющий сводку материала, даваемого археологией.

«Для изучения норманской колонизации в Восточной Европе важны две группы археологического материала: арабские монеты и скандинавские предметы. Хотя арабские монеты расширены на большем пространстве, нежели скандинавские предметы, между ними во всяком случае существует некоторая связь: там, где имеется больше скандинавских предметов, находится и большее количество арабских монет, чем подтверждается гипотеза, что норманы были главными посредниками в торговых отношениях, существовавших между Восточной Европой и арабским калифатом. Так как эти монеты расширены по всей Восточной Европе — на севере до Чердыни, на юге до широты Полтавы, и на востоке даже в заволжских и закаспийских землях — можем заключить, что *скандинавские ладьи путешествовали по всему пространству России*, заходя и в ее центральные области — в Московскую, Калужскую, Рязанскую, Курскую и Тульскую губернии, где найдено много арабских монет, хотя и не найдено скандинавских предметов.

Большую важность представляют находки скандинавских предметов: это — высокие курганы, показывающие характерный скандинавский способ погребения, иногда — «могильники», группы могил, реже — остатки скандинавских поселений, какими являются, например, найденные у Старой Ладogi. Предметы, которые там находятся, указывают, что на этих местах существовали оседлые поселки, где люди жили по своим обычаям, хоронили мертвецов своим способом, поддерживали налаженные отношения с соседями. Многие предметы, сохраняя свой скандинавский тип, обнаруживают ясное восточное влияние, т. е. говорят, что не привезены из Скандинавии, а сделаны на месте русскими мастерами, следовавшими вкусу своих заказчиков-варягов. Изучая топогра-

фию этих находок, и сравнивая этот материал с нумизматическими данными, можем таким образом определить, где находились главные норманские центры в Восточной Европе, и какие были главные пути, по которым шла здесь восточная торговля.

Магистральная линия торговли до половины IX-го века пересекала Россию с северо-запада к юго-востоку, пользуясь преимущественно волжским водным путем, и касаясь Днепра только в его верхнем и среднем течении. Южная Россия, занятая номадскими ордами, стояла в то время вне района скандинавско-ориентальной торговли. В северной же части на основании археологических данных можем открыть три главных пути, которыми норманы входили в Восточную Европу: 1. через устье Западной Двины во внутренние края. На этом пути стоял город Полоцк, где, как известно, владел варяг Рогволод. Недалеко от Полоцка, в Витебской губернии находится Люцинский могильник, в котором имеются скандинавские предметы; 2. через Нарову и Чудское озеро в реку Великую: там находились города Псков и Изборск (столица Трувора); 3. через Неву в Ладожское озеро, где этот путь раздваивался: один путь шел к югу рекою Волховом и Ильменским озером в реку Ловать и еще дальше до Смоленска на верхнем Днепре, проходя мимо городов Старой Ладogi, Новгорода и Старой Русы; другой путь от Ладожского озера переходил на реку Свирь, мимо Лодейного поля шел в Онежское озеро и дальше Вытегрой, Белым озером и Шексною к Волге.

Особенно край около Ильменского и Ладожского озера обилует находками скандинавских предметов с богатым инвентарем и характерным скандинавским способом погребения. Остатки скандинавских поселений, датируемые эпохой IX—XI вв. густой сетью покрывают целый край к югу от Ладожского озера по рекам Волхову, Сязи, Паше, Воронеге до Ильмена, заходя и южнее этого озера, что подтверждается и многочисленными следами имен «русь» и «варяги» в географической номенклатуре этой области. Вблизи Смоленска (в 8-ми верстах к западу) около села Гнездова откопан большой скандинавский могильник.

Точно также обозначена находками монет и скандинавских предметов и главная торговая артерия Восточной Европы — путь от Балтийского в Каспийское море. У реки Свири в Олонецкой и Вологодской губернии, у реки Шексны наталкиваемся на эти предметы, но больше всего их находится там, где Шексна приближается к Волге; очень много этого найдено в окрестности Ярославля. Много могильников со скандинавскими предметами находится и в области финских племен Мери и Муромы, в четырехугольнике, окаймленном нижней Окой и Волгой, где стоят города Ростов, Переяславль, Суздаль и Муром. Как раз около этих городов находится много скандинавских остатков, а и скандинавские саги знают имена Ростова, Суздаля и Мурома: исландские торговцы

приезжали сюда в гости к своим сородичам, которые здесь прочно поселились. Но к югу и к западу от нижней Оки скандинавских предметов нет, — там, следовательно, не было скандинавских поселений. Норманы, правда, путешествовали туда за товаром, оставляя в замен арабские диргемы, но не задерживались в этих краях, а возвращались на Волгу. Регулярны сношения с понтскими землями, и особенно с Византией. открываются лишь в конце IX-го века, когда центр политической жизни перешел из новгородского севера в Киев.»⁷⁸

Приведенные археологические данные по новому освещают туманные намеки топографической номенклатуры и неясные свидетельства письменных источников о норманской колонизации на востоке, и позволяют с большей вероятностью намечать местонахождение многочисленных, независимых варяжских княжеств, рассеянных по всему огромному пространству Восточной Европы, в бассейнах всех ее больших рек.

(Окончание следует.)

LES COMMENCEMENTS DE RUSSIE. LES NORMANS DANS L'EUROPE ORIENTALE. (Le résumé annexé à la IIe partie.)

⁷⁸ *Ө. Браун*. Варяги на Руси, («Беседа» VI—VII, Берлин, 1925, стр. 330—338). О скандинавском археологическом материале в России наиболее важны: *А. Спицын*. Археология в темах начальной русской истории (Сборник в честь С. Ф. Платонова. Петроград 1922) и другие статьи напечатанные в Извест. Археол. Комис. VIII, XV, Материалах по археологии России № 25, и др.; *T. Arné*. La suède et l'Orient, Upsala, 1914; *Н. Бранденбургъ*. Курганы южного Приладожья (Матер. по археол. Росс. № 18); его же Старая Ладога, СПб, 1896; *Л. Ивановский*. Курганы С. Петербургской губернии въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго. Обработалъ для изданія А. А. Спицынъ (Матер. по археол. Росс. № 20); *В. Сизовъ*. Курганы Смоленской губернии (Матер. по арх. Росс. № 28); *Абрамовъ*. Статья в Зап. Русск. Археол. Общ. VIII; *Н. Репниковъ*. О желательности археологич. изслѣдованій въ Старой Ладогѣ (Сборникъ Общ-ва любителей древностей въ Новгородѣ, 1911); *Городцовъ*. Статья въ Изв. Арх. Ком. VI; *И. Тихомировъ*. Кто насыпалъ ярославскіе курганы I, 1906 (Труды 2-го областного археологич. съѣзда въ Твери), II, 1909 (Труды 3-го област. археол. съѣзда во Владимірѣ); *И. Романцевъ*. О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губернии. Новгородъ, 1911.

FR. DVORNÍK (Praha):

LA CARRIÈRE UNIVERSITAIRE DE CONSTANTIN LE PHILOSOPHE.

Le problème — très compliqué dans son ensemble — de l'évolution de l'enseignement à Byzance vient d'attirer de nouveau l'attention des historiens byzantins. Grâce à quelques travaux de fraîche date, on commence peu à peu à voir plus clair dans quelques questions de détail qui, pendant longtemps, étaient demeurées fort obscures. Ce sera, par exemple, le grand mérite de M. BRÉHIER d'avoir relégué, pour toujours, dans le domaine de la fantaisie la légende relative à la prétendue suppression de l'enseignement supérieur par LÉON l'ISAURIEN.¹ Pourtant, bien des problèmes attendent encore une solution aussi heureuse et aussi définitive.

Nous voudrions attirer ici l'attention des spécialistes sur un petit détail de l'histoire de l'enseignement supérieur à Byzance au IXe siècle. Nous avons été amené à étudier cette question en nous efforçant de trouver une explication au chapitre IV de la Vie slavonne de CONSTANTIN le Philosophe. Dans ce chapitre le biographe raconte l'instruction que Constantin avait reçue à Constantinople, grâce à la protection du logothète THÉOCTISTE:² « Quand il fut venu à Constantinople, dit-il, on le confia aux maîtres pour qu'il soit instruit. Et après avoir appris la grammaire en trois mois, il s'attaqua aux autres sciences. Il étudia Homère et la géométrie, puis, auprès de LÉON et de PHOTIOS, la dialectique et toutes les disciplines philosophiques. Outre cela, il travailla la rhétorique et l'arithmétique, l'astronomie et la musique ainsi que les autres disciplines helléniques... » Ses études terminées, Constantin fut invité par le logothète à entrer au service de l'Empereur, mais il refusa. Il fut donc ordonné prêtre et devint bibliothécaire à Sainte Sophie. Mais ce poste même ne lui convenait pas. Il donna sa démission et fut employé comme professeur de philosophie. « Et comme on ne pouvait pas l'obliger à conserver cette charge, on le pria d'accepter une chaire de docteur et d'enseigner la philosophie aux indigènes et aux étrangers. Il accepta. »

Ce passage assez énigmatique n'a pas encore attiré l'attention autant qu'à notre avis il le mérite et on ne peut l'expliquer qu'en étudiant d'une façon dé-

¹ Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur de Constantinople, « Byzantion » vol. III, pp. 73—93, vol. IV, pp. 14—28. On y trouvera aussi l'indication de la bibliographie la plus récente. Voir également et surtout le travail de *Fuchs*, Die höheren Schulen von Konstantinopel, « Byzant. Archiv », vol. 8, 1926 et la critique de ce livre « à la fois instructif et décevant » — ce qui n'est malheureusement que trop vrai — qu'en a faite *Grégoire* dans le « Byzantion », vol. IV, pp. 771—778.

² Vita Constantini, chap. IV. *Pastrnek*, Dějiny slov. apoštolů, Praha, 1902, pp. 160 et suiv.

taillée la fameuse réforme de l'enseignement à Byzance dont on a pris l'habitude d'attribuer tout le mérite au seul Bardas. Nous allons donc voir si le logothète Théoctiste n'a pas également joué un certain rôle dans cette réforme. D'après le biographe de Constantin, l'ancien archevêque iconoclaste de Thessalonique, Léon, a enseigné à Byzance peu de temps après sa déchéance et bien avant la fondation de l'Université par Bardas. Il s'agit donc de savoir si c'était là un poste officiel ou si Léon enseignait à titre privé pour gagner son pain après la perte de sa charge épiscopale. Ce dernier, naguère si estimé par l'empereur iconoclaste Théophile, semble, en effet, disparaître comme par enchantement dès le rétablissement de l'orthodoxie et n'est retrouvé que par le César Bardas qui lui confie la direction de l'Université fondée par lui. Seule la Vie de Constantin nous le montre durant cet intervalle, s'adonnant à l'enseignement à Constantinople même. Que faut-il donc penser d'une découverte aussi inattendue?

On avait jadis coutume de considérer comme très brusque le revirement de la politique religieuse survenu après la mort de Théophile et de croire que tous les évêques iconoclastes avaient été simplement punis et remplacés par des évêques orthodoxes. On abandonnait donc Léon à son sort en s'imaginant qu'il avait été amené à faire quelque part pénitence pour son impiété. Mais déjà BURY³ démontra que les choses avaient évolué un peu plus lentement qu'on ne s'imaginait. De longs pourparlers précédèrent le rétablissement de l'orthodoxie et on montra souvent, dans la punition des anciens iconoclastes, une indulgence presque surprenante.

Plus d'un an s'écoula en effet avant que fût convoqué le concile appelé à rétablir le culte des images. La pieuse THÉODORA elle-même paraît avoir hésité à modifier la politique religieuse de son défunt mari. Et dès qu'elle se fut décidée en faveur du rétablissement, elle procéda avec une extrême prudence, s'abstenant surtout d'actes de violence à l'égard des anciens iconoclastes bien que ménageant en même temps les sentiments des défenseurs intrépides des images. THÉODORA fut particulièrement aidée dans cette voie par le logothète Théoctiste, le fidèle et dévoué serviteur de la dynastie amoréenne. Ce sont certainement des raisons d'ordre politique, en particulier la crainte de compromettre l'avenir de la famille régnante, qui ont fait hésiter l'impératrice; ce sont les mêmes raisons qui paraissent avoir amené THÉOCTISTE à abandonner ses opinions iconoclastes et à persuader THÉODORA que les intérêts de la dynastie commandaient un changement de politique religieuse. On ne peut douter que Théoctiste, serviteur si fidèle des deux empereurs iconoclastes MICHEL II—à qui il sauva presque la vie—et Théophile, n'ait eu les mêmes con-

³ J. B. Bury, *A History of the Eastern Roman Empire*, London, 1912, pp. 143 et suiv. Dès 1892, Th. Uspenski dans ses *Очерки по истории визант. образов.* (St. Pétersbourg) pp. 3—89 s'était prononcé dans ce sens, mais ses paroles ne semblent pas avoir trouvé alors l'écho qu'elles méritaient.

victions religieuses que ses deux maîtres; et le fait d'avoir finalement compris la nécessité d'un changement de politique et s'être efforcé de le réaliser, prouve précisément que le vaillant logothète avait un certain sens politique et des talents d'homme d'état. Dans la façon même dont fut liquidé le passé iconoclaste, on voit la main habile de THÉOCTISTE, ancien ennemi des images devenu champion de l'orthodoxie pour des raisons d'état. Théoctiste s'est efforcé d'écarter de la direction des affaires ecclésiastiques les éléments trop intransigeants afin de ne pas surexciter les passions de ceux qu'on obligeait à changer d'opinions religieuses. Cette préoccupation explique qu'il ait choisi comme successeur du patriarche iconoclaste JEAN LE GRAMMAIRIEN un prélat orthodoxe, MÉTHODE, dont la fidélité au culte des images ne pouvait pas être mise en doute, mais en qui on pouvait avoir confiance pour assurer à la politique de conciliation préconisée par THÉOCTISTE l'appui du trône patriarcal. Méthode vivait depuis un certain temps à la cour impériale, dans l'entourage de l'empereur THÉOPHILE qui l'avait persécuté autrefois mais qui l'estimait beaucoup pour sa science. Le prélat profitait, on le sait, de sa présence au palais impérial pour encourager l'impératrice et ses parents à pratiquer toujours le culte des images. Pourtant, son séjour prolongé au palais, au milieu des iconoclastes, le portait naturellement à la tolérance et à la modération pour liquider la querelle. Les intérêts de la maison régnante semblaient de plus trouver un appui dans sa personne. Voilà pourquoi les candidats du parti studite qui avait pourtant contribué le plus à la victoire de l'orthodoxie et qui paraissait avoir avant tous autres le droit aux honneurs du triomphe, furent écartés.⁴ La protection que le pieux Manuel, autre tuteur du jeune empereur MICHEL en même temps que régent, leur accordait, ne leur profita nullement. Théoctiste poursuivit sa politique avec une telle décision et une telle vigueur qu'il trouva le moyen d'écarter des affaires de l'état le pieux Manuel, heureusement moins énergique que lui-même. Manuel comprit et se retira, sauvant ainsi probablement sa vie, car Théoctiste n'aurait reculé devant rien s'il l'avait fallu.

Le traitement qu'on infligea au patriarche déchu, le fameux JEAN, illustre surtout très bien cette politique de conciliation. Cet homme qui avait été si dangereux pour l'orthodoxie et que sa science rendait si redoutable fut évidemment déposé, mais on se contenta de le mettre au couvent de Kleidion sur le Bospore. Auparavant on avait sévi bien autrement contre les défenseurs des images... Il est également plus que probable que les membres du clergé qui abjurèrent l'hérésie conservèrent leurs postes et il est curieux de noter qu'on évitait surtout de nommer aux postes vacants les intransigeants, Studites et

⁴ Voir ce que nous disons de ce conflit dans notre ouvrage « Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle », Paris, 1926, pp. 123 et suiv. Nous nous bornons ici à indiquer les principaux faits. Nous reviendrons sur cette question d'une façon approfondie dans un travail sur « Les légendes „pannoniennes" vues de Byzance », qui, actuellement en préparation, paraîtra sous peu.

leurs partisans. Il y a là tout un système destiné à donner à la nouvelle ligne de conduite politique, à la conciliation dans l'Église, une certaine durée et une certaine stabilité. THÉOCTISTE appuya Méthode de toute son influence et la cour elle-même se proclama solidaire du patriarche quand les Studites se livrèrent à une opposition ouverte et exaspérée. Fort de cet appui,⁵ Méthode lança contre ces irréconciliables l'excommunication dans sa forme la plus rigoureuse.

Telle était donc la situation après 842. Quel fut le sort de Léon le Mathématicien dans ces événements? Il a bien été destitué de son siège de Thessalonique, mais dans quelles circonstances? Il nous semble que ce soit lui surtout qui ait profité de la politique de conciliation inaugurée par THÉOCTISTE. Un fait particulier nous confirme dans cette conviction. Léon, selon toute vraisemblance, vivait en très bons rapports avec le logothète Théoctiste. A en croire le Continuateur de Théophane, c'était à lui que Léon s'était adressé, porteur de la fameuse lettre envoyée, dit-on, par le khalife et l'invitant à venir occuper un haut poste dans l'enseignement.⁶ On ne sait pas exactement ce qu'il faut penser de cette lettre, car le récit semble bien légendaire, mais il est caractéristique que le chroniqueur fasse intervenir le logothète Théoctiste et lui attribue le mérite d'avoir attiré l'attention de l'empereur sur le savant. C'est donc grâce à cette intervention que LÉON devint recteur de l'enseignement officiel réorganisé par Théophile. Ce témoignage, je suppose, nous autorise au moins à penser que Théoctiste était en bons rapports avec Léon qu'il estimait pour sa science. Pourquoi donc l'aurait-il sacrifié après le rétablissement de l'orthodoxie, lui, ancien iconoclaste, grand admirateur de l'oeuvre de Théophile? Pourquoi aurait-il ainsi désavoué son ancien maître qui tenait en si grande estime la science de Léon? Dans ce cas particulier surtout Théoctiste devait agir selon l'esprit de conciliation et de compromis et la destitution était une punition suffisamment forte pour Léon. Par elle on calmait les susceptibilités des orthodoxes, mais il n'y avait pas à aller plus loin. Du reste. Léon était, comme Théoctiste, un homme qui ne semble pas avoir pris la cause iconoclaste autant à coeur que ne le faisait son parent JEAN LE GRAMMAIRIEN.⁷ Il faut remarquer que les chroniqueurs — pour la plupart moines très susceptibles en ce qui concerne le culte des images —, sont en général assez favorables à Léon.⁸ Il est donc très possible, sinon certain, que le gouvernement

⁵ *Vita Methodii*, P. G., vol. 100, col. 1257.

⁶ *Théoph. Contin.*, Bonn, p. 189: (Λέων) πλὴν οὐκ ἀκίνδυνον εἶναι λογισάμενος τὴν ἐκ τῶν ἐχθρῶν γραφὴν, εἴ γέ ποτε κατάφωρος γένοιτο, τῷ λογοθέτῃ πρόσεισι (Θεόκτιστος οὗτος ἦν ὁ παρανάλωμα τῷ Βάρδα γενόμενος) ... καὶ δίδωσιν τὴν τοῦ ἡμεραμινουῆ γραφὴν. Τὸ δὲ γράμμα ἐμφανίζει τῷ Θεοφίλῳ ὁ λογοθέτης. . . .

⁷ *Hergensröther*, Photius, Patr. von Konstantinople, Regensburg, 1867, I, p. 323 le pense aussi.

⁸ *Theoph. Cont.*, Bonn, p. 185, *Genesios*, p. 98, *Symeon Mag.*, p. 640, *Kedrenos*, II, p. 166, *Zonaras* III, p. 400.

de Théodora et de Théoctiste, après avoir déposé Léon de son siège épiscopal lui ait offert, par souci de conciliation, le poste officiel qu'il avait déjà occupé autrefois dans l'enseignement. Et ainsi le récit de la Vie de Constantin semble correspondre parfaitement à la réalité: Constantin suivait bien à Byzance l'enseignement officiel dirigé par le fameux Léon.

Et PHOTIOS? La « Vie » le nomme également, parmi les maîtres de Constantin, au même titre que Léon, ce qui paraît indiquer qu'il occupait, lui aussi, un poste officiel dans l'enseignement. Ce n'est évidemment pas une preuve et nous avons malheureusement sur la carrière universitaire de Photios des renseignements si vagues, qu'il est extrêmement difficile de s'en faire une idée exacte. La description qu'a faite Photios lui-même dans sa lettre au pape Nicolas⁹ de l'enseignement qu'il donnait dans sa maison, semble indiquer plutôt qu'il y avait là comme une sorte de cercle où l'on se réunissait pour discuter de littérature et pour lire des ouvrages classiques et scientifiques. Mais, d'un autre côté, la pédanterie avec laquelle il corrige les fautes d'orthographe, de ses correspondants trahit plutôt un professeur ayant l'habitude d'enseigner publiquement. Qu'en penser? Il faut, à notre sens, distinguer deux périodes dans la carrière universitaire de Photios avant son accession au patriarcat. Tout paraît indiquer qu'il débuta, comme son collègue Léon, vers 843, dans l'enseignement officiel et qu'il devait également son poste à la générosité de THÉOCTISTE. C'est à cette époque qu'en qualité de professeur de l'enseignement public il eut comme élève le futur apôtre des Slaves. Nous ne savons pas combien de temps il occupa ce poste, mais, ses qualités le recommandant pour une charge plus importante encore, il fut nommé protoasécète,¹⁰ c'est à dire premier secrétaire, ce qui équivalait à peu près sans doute à l'importante charge de directeur des affaires étrangères. Les titulaires de ce poste avaient rang de protospathaire.¹¹ Nous ne savons pas à quelle époque placer cet avancement; il se peut bien que ce soit encore sous Théoctiste. Il avait alors probablement cessé d'enseigner publiquement, mais il réunissait ses anciens élèves, admirateurs et amis dans sa maison, fondant ainsi à Byzance une sorte de salon littéraire important. On peut penser que Constantin le Philosophe était un des habitués de la maison de l'illustre savant.

Serait-ce aller trop loin que de supposer que le successeur de Photios dans l'enseignement officiel ait été ce même Constantin, son ancien élève? La chose n'est pas aussi impossible qu'elle ne le semble au premier abord. En effet, d'après la Vie de Constantin, le futur apôtre des Slaves fut nommé professeur de philosophie par THÉOCTISTE après avoir été ordonné prêtre et avoir

⁹ P. G., vol. 102, col. 597.

¹⁰ Voir, à propos de la charge de protoasécète *Bury*, *The Imperial administrative systems in the ninth century*, London, 1910. Voir aussi *Schlumberger*, *La sigillographie de l'empire byzantin*, Paris, 1894, p. 443.

¹¹ Sur les protospathaires voir *Schlumberger*, l. c., p. 589, *Bury*, l. c.

donné sa démission de bibliothécaire du patriarche, ce qui doit probablement se placer aux environs de l'année 851. Si, comme on peut le supposer avec assez de raison, Photios fut, vers cette époque, nommé premier secrétaire par Théoctiste, cette suggestion a quelques chances de se trouver justifiée. On expliquerait ainsi la grande amitié qui liait Photios à Constantin, son ancien élève et successeur dans l'enseignement, amitié dont témoigne surtout le fameux bibliothécaire Anastase.¹²

Si ces déductions sont justes — et on pourra difficilement leur dénier toute vraisemblance, — le fameux logothète THÉOCTISTE nous apparaît dans une lumière nouvelle. D'après ce que nous venons de dire nous devons saluer en lui le digne devancier de Bardas dans la réforme de l'enseignement byzantin. C'est lui qui joua un rôle important dans la réforme tentée par Théophile et qui continua dans la même voie durant sa régence, lorsque son maître fut mort. Il plaça à la tête de l'enseignement officiel les deux grands savants byzantins de cette époque, Léon et Photios. A ce dernier il substitua Constantin que Photios avait, plus que quiconque, contribué à former. Théoctiste a donc bien été un homme de valeur, favorable aux courants « modernes », qui annonçaient la renaissance des études classiques et littéraires à Byzance, et, ce que la Vie de Constantin nous raconte des goûts intellectuels de Théoctiste, qui aimait à discuter philosophie avec le jeune savant, mérite un certain crédit. Le régime de Théoctiste représente la continuation de ce mouvement littéraire et scientifique qui, à Byzance, va du savant patriarche iconoclaste Jean le Grammairien, de Léon le Mathématicien et de Théophile à Bardas, à Photios et à leur école.

Remarquons encore une chose: l'influence que les savants ont exercée à cette époque dans les affaires de l'état. Il semble qu'avec le régime de Théoctiste soit revenu l'ancien état de choses. Les savants commencent à jouer de nouveau un rôle prééminent dans les affaires de l'empire. On leur confie des postes aussi importants que celui de premier secrétaire des affaires étrangères et on les emploie à des missions diplomatiques. C'est vraisemblablement comme protoasécète que Photios s'est rendu comme ambassadeur auprès des « Assyriens », ainsi qu'il le dit lui-même.¹³ Une mission analogue fut confiée à Constantin¹⁴ à moins qu'il ne faille plutôt supposer qu'il s'agit de la même ambassade, celle de PHOTIOS, à laquelle on avait adjoint le jeune professeur de philosophie. Les savants ne pouvaient donc plus se plaindre d'être écartés des affaires publiques comme il semble que ç'ait été le cas sous Léon l'Isaurien. Ils étaient redevenus les conseillers des empereurs.¹⁵

¹² Voir sa préface au VIIIe concile, *Mansi*, vol. XVI, col. 5.

¹³ Voir la dédicace de sa Bibliothèque, *P. G.*, vol. 103.

¹⁴ *Vita Constantini*, chap. VI, *Pastrnek*, l. c., pp. 165 et suiv.

¹⁵ Voir à ce propos la spirituelle observation de *L. Bréhier*, l. c., vol. IV, pp. 27 et suiv.

Reste à examiner un détail, la question des locaux de cet enseignement officiel réorganisé par THÉOCTISTE. Il y a là quelque chose d'également très compliqué. Il est sûr que l'enseignement dont LÉON a été recteur avant de devenir archevêque de Thessalonique s'est donné, pendant un certain temps, dans l'église des Quarante Martyrs. C'est, du moins, ce que nous indique le continuateur de THÉOPHANE.¹⁶ GEORGES LE MOINE, au contraire, parle de la Magnaure dans le palais impérial.¹⁷ La Vie de Constantin ne nous dit rien de précis sur le lieu où enseignait le successeur de Photios. Dans le chapitre XIII, pourtant, le biographe dit, qu'après son retour de la mission khazarienne, Constantin continua à vivre tranquillement, en priant Dieu, « assis dans l'église des Saints Apôtres ».¹⁸ On pourrait en conclure que c'est là que Constantin enseignait « les indigènes et les étrangers ».

On voit que les sources sont contradictoires. Faut-il supposer que l'enseignement de Léon se donna d'abord provisoirement dans la seule église des Quarante Martyrs et qu'il fut transféré par la suite à la Magnaure comme Georges le Moine semble l'indiquer? C'est bien possible et on s'expliquerait ainsi pourquoi BARDAS choisit cet emplacement pour son Université. Mais il est aussi possible que Georges confonde les locaux de l'enseignement de Léon avec ceux dans lesquels fut installée plus tard l'Université de Bardas. Nous avons d'ailleurs très peu de renseignements sur les cours donnés à l'église des Quarante Martyrs,¹⁹ de sorte qu'il est difficile de trancher la question.

Nous sommes également mal renseignés sur l'enseignement donné aux Douze Apôtres à cette époque. Nous savons seulement que cette école fut très célèbre par la suite et NICOLAS MEZARITÈS²⁰ nous en a conservé une très intéressante description dont les indications se rapportent, bien entendu, au XIIe siècle. A cette époque l'Université qui y est installée, se trouve sous la surveillance directe du patriarche. La mention, très vague, il est vrai, de la Vie de Constantin serait ainsi le premier document sur l'enseignement donné près de cette église. Il se peut aussi qu'avant la réforme de Bardas les différents locaux où se donnait l'enseignement supérieur aient correspondu aux différentes disciplines qui y étaient enseignées. Léon qui dirigeait l'enseignement des sept arts libéraux aurait donc enseigné aux Quarante Martyrs ou à la Magnaure tandis que les cours de philosophie se seraient faits aux Douze Apôtres. Tout cela est très possible, mais rien n'est certain.

Ne devrait on pas plutôt penser encore à l'Eglise des Saints Apôtres aux

¹⁶ *Theoph. Cont.*, Bonn, p. 189.

¹⁷ *Georg. Mon.*, Bonn, p. 806.

¹⁸ *Pastrnek*, I. c., p. 198.

¹⁹ Sous Michel Dukas par ex. enseignait à l'église des Quarante Martyrs Jean Italos; *Anna Comnena*, Bonn, I, p. 260.

²⁰ Voir sa description de l'église des Douze Apôtres, publiée par *Heisenberg*, Grabeskirche und Apostelkirche, Leipzig, 1908, II, pp. 17 et suiv. et surtout pp. 90 et suiv.

Scholes, dans l'enceinte du palais? On s'expliquerait mieux ainsi la centralisation de l'enseignement réalisée ultérieurement par Bardas. La Vie de Constantin parle tout simplement de l'église des Saints Apôtres, sans préciser, malheureusement, davantage. Mais, il est possible qu'on ait également désigné sous ce nom la fameuse église située en dehors du palais impérial. La conclusion est donc qu'il est bien difficile de préciser davantage.²¹

Mais ces considérations vont nous permettre de caractériser davantage la nature de la réforme tentée par Bardas et de la dater d'une façon plus précise. D'après ce que nous avons vu, l'initiative de Bardas n'est pas quelque chose de tout à fait nouveau. L'enseignement supérieur officiel a toujours subsisté à Byzance avec seulement plus ou moins d'éclat. La création de Bardas n'a été que le couronnement d'une oeuvre heureusement inaugurée par l'empereur Théophile et continuée, comme nous venons de le voir, par Théoctiste. Son initiative a eu pourtant quelque chose de grandiose, car elle a laissé un souvenir très profond chez les historiens. BARDAS a probablement réuni dans un même établissement²² et sous un seul recteur, LÉON LE MATHÉMATICIEN, tous les professeurs qui avaient enseigné jusqu'à ce moment dans des endroits différents, et il a précisé davantage les matières à étudier. On vante surtout l'appui matériel et moral qu'il a donné à l'Université réorganisée par lui. On peut donc parler depuis cette date d'une véritable Université, se présentant comme une unité avec différentes chaires confiées à des spécialistes.

Quant à la date de cette réforme, il faut la placer de préférence vers 863. Il faut même ici distinguer deux étapes. Devenu maître de la situation à Byzance, BARDAS a d'abord laissé subsister l'organisation de THÉOCTISTE. S'il avait réorganisé l'Université dès son arrivée au pouvoir, on devrait trouver parmi les professeurs le nom de CONSTANTIN le Philosophe puisque nous savons par ailleurs que c'était surtout Bardas qui s'intéressait à lui et qui lui avait confié deux importantes missions, celle auprès des Khazars et la mission morave. Constantin avait, il est vrai, donné sa démission vers 856, après l'assassinat de THÉOCTISTE par BARDAS, mais il est également certain que, peut-être sur l'intervention de Photios, il s'était reconcilié avec le nouveau régime; il accepta en effet la mission diplomatique auprès des Khazars, à lui confiée par le gouvernement en 860. Il serait donc inexplicable que Bardas eût omis de lui confier une chaire, surtout si Constantin, comme l'indique son biographe, avait occupé un poste dans l'enseignement sous le régime de

²¹ Voir sur l'église des Saints Apôtres *Du Cange*, Constantinopolis christiana, Paris, 1687, pp. 105—111, sur celle des Quarante Martyrs, p. 135; *J. Ebersolt*, Sanctuaires de Byzance, Paris, 1921, pp. 30 et suiv., 92 et suiv. Une église des Quarante Martyrs a peut-être existé aussi au Palais. Voir, *Ebersolt*, Le Grand Palais de Constantinople et le livre des cérémonies, Paris, 1910, p. 123.

²² C'est ainsi qu'il faut expliquer les paroles de *Genesios* par lesquelles il décrit cette initiative de Bardas. Bonn, p. 98. *Kedrenos* au contraire, Bonn, II, p. 165 semble attribuer aux diverses disciplines des locaux différents.

Bardas.²³ Il faut ainsi plutôt songer à l'époque où Bardas arriva à l'apogée de sa puissance, c'est à dire où, après les heureuses expéditions contre les Arabes, il fut nommé César, vers 863 par conséquent.

Voici comment, à notre avis, il convient d'expliquer les différentes phases de la réorganisation de l'enseignement à Byzance au IXe siècle. Les renseignements que, sur ce point, la Vie de Constantin nous apporte correspondent parfaitement à la réalité et complètent très heureusement nos maigres sources sur cet intéressant chapitre de l'histoire byzantine.

²³ Nous avons l'intention de revenir sur ces événements en détail dans notre étude en préparation sur les légendes « pannoniennes ».

NIKOLAJ DURNOVO (Moskva):

ЕЩЁ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

*Несколько разъяснений по поводу рецензии проф. Ст. М. Кульбакина
на мои «Мысли и предположения».*

Мои «Мысли и предположения» вызвали рецензию проф. Кульбакина в ИФ. VIII. Он возражает против всех моих положений, хотя и признаёт их интересными. К сожалению, он ограничивается признанием моих «мыслей» недоказанными, не приводя конкретных возражений. Но я и сам оговаривался, что отнюдь не считаю своих предположений доказанными, признаю их полную проблематичность и решаюсь опубликовать их только в надежде на то, что люди, лучше изучившие вопрос или более проницательные, чем я, сумеют их или подтвердить или опровергнуть. Пока этого не сделано, я не вижу надобности отказываться от своих предположений, хотя и соглашаюсь с рецензентом, что они еще нуждаются в доказательствах или пересмотре. Но на некоторых замечаниях проф. Кульбакина считаю нужным остановиться.

Он замечает мне, что я основываюсь только на фонетических особенностях старославянских памятников; между тем необходимо учитывать и морфологию и синтаксис, равно как и лексическую сторону. Но так как все памятники со старославянской фонетикой являются старославянскими и со стороны своей грамматики и лексики, между тем как многие памятники со старославянской грамматикой и лексикой по своей фонетике не могут быть отнесены к числу старославянских, то старославянский фонетический облик памятника достаточен для того, чтобы отнести его к числу старославянских.

Не могу согласиться с К-ным, что «норма» старославянского языка «только же испреплетана са дијалекатским особинама да се може рећи да та норма постоји само идеално — у образили научника.» В большей части старославянских памятников вовсе не трудно отделать нормы того литературного языка, которым следовали их писцы, от тех особенностей языка или правописания, какие писцы вносили в нарушение принятых ими норм благодаря недостаточной грамотности или под влиянием особенностей своего родного говора или вследствие механического перенесения написаний оригинала. Эти «нормы» еще более конкретны, чем те особенности живых говоров, о которых можно судить по уклонениям писцов от своих норм. Они могут расходиться как с правописанием оригиналов, так и с живым говором писцов. Чтобы пояснить сказанное, приведу таблицу фонетических и некоторых морфологических норм одного русского церковнославянского памятника конца XI в., именно, 2-го почерка Арханг. ев. по сравнению с древнеболгарскими

нормами старославянского языка, лежащими в основе церк.-слав. языка этого памятника, и с живым говором писца, поскольку он проявился в памятнике, и с указанием процентного отношения соответствующих написаний памятника к общему числу написаний, относящихся к данному явлению.

Явления	Написания др.-болгарск. прототипа		Написания отража- ющие говор писца		Нормы правописания 2-го поч. Арх. ев.		
О.-сл. ѡ . . .	ж	1 ⁰ / ₀	оу	99 ⁰ / ₀	оу	99 ⁰ / ₀	2 Остальные 0,5 ⁰ / ₀ — ѣ.
" " је . . .	ѣ	0,5 ⁰ / ₀	ѣ	99 ⁰ / ₀	ѣ	99 ⁰ / ₀ ²	
" " dj . . .	жд	8 ⁰ / ₀	ж	92 ⁰ / ₀	ж	92 ⁰ / ₀	
" " tj . . .	щ	90 ⁰ / ₀	ч	10 ⁰ / ₀	щ	90 ⁰ / ₀	
" " tert . . .	-рѣ-	5 ⁰ / ₀	-ер-	1 ⁰ / ₀	-ре-	94 ⁰ / ₀	3 Остальные 2 ⁰ / ₀ — ѣрѣ.
" " tort . . .	-ра-	100 ⁰ / ₀	(-оре-)	0 ⁰ / ₀	-ра-	100 ⁰ / ₀	
" " telt . . .	-лѣ-	8 ⁰ / ₀	(-оло-)	0 ⁰ / ₀	-ле-	92 ⁰ / ₀	
" " tolt . . .	-ла-	100 ⁰ / ₀	(-оло-)	0 ⁰ / ₀	-ла-	100 ⁰ / ₀	
" " tьrt . . .	(-рѣ-)	0 ⁰ / ₀	-ър-	98 ⁰ / ₀	-ър-	98 ⁰ / ₀ ³	4 Остальные 5 ⁰ / ₀ — -ѣлѣ-.
" " tьrt . . .	(-рѣ-)	0 ⁰ / ₀	-ър-	100 ⁰ / ₀	-ър-	100 ⁰ / ₀	
" " tь/ьlt . . .	-лѣ-, -лѣ-	4 ⁰ / ₀	-ѣл-	91 ⁰ / ₀	-ѣл-	91 ⁰ / ₀ ⁴	5 Остальные 9 ⁰ / ₀ — ѣдин-.
" " ort- . . .	ра-	100 ⁰ / ₀	(ре-)	0 ⁰ / ₀	ра-	100 ⁰ / ₀	
" " edin- . . .	ѣдин-	87 ⁰ / ₀	один-	4 ⁰ / ₀	ѣдин-	87 ⁰ / ₀ ⁵	
" " enn . . .	(-ѣн-)	0 ⁰ / ₀	-ѣн-	100 ⁰ / ₀	-ѣн-	100 ⁰ / ₀	
" " ѣ ¹ . . .	-ѣ	92 ⁰ / ₀	-ѣ	8 ⁰ / ₀	-ѣ	92 ⁰ / ₀	
instr. sg. m. . .	-омѣ	3 ⁰ / ₀	-ѣмѣ	97 ⁰ / ₀	-ѣмѣ	97 ⁰ / ₀	
3-е л. глаг. . .	(-тъ)	0 ⁰ / ₀	-тъ	100 ⁰ / ₀	-тъ	100 ⁰ / ₀	

¹ Условное обозначение для падежного окончания основ на мягкие, давшего ѣ в ст.-сл., ё в русских и зап.-слав. языках.

¹ Условное обозначение для падежного окончания основ на мягкие, давшего ѣ в ст.-сл., ё в русских и зап.-слав. языках.

Конечно, далеко не во всех памятниках нормы, которым следовали писцы, выделяются так же отчетливо, но всё же в большей части памятников, как старослав., так и церковнослав., выделить эти нормы нетрудно; сопоставление норм отдельных памятников позволяет более или менее точно выяснить и общие нормы литературного языка, обязательные для всех писцов той или другой области или школы письма. Поэтому я продолжаю решительно настаивать на различии между языком старославянским, как литературным языком значительной части славян в IX—XI веках, и живыми славянскими говорами того времени, отразившимися в старославянских памятниках, а также на том, чтобы признавать диалектами старославянского языка только областные нормы этого литературного языка, а не те живые говоры, которые частью отразились только на некоторых написаниях рукописей, не повлияв на изменение норм литературного языка, частью вызвали самое появление

этих областных норм, но с ними не совпали.¹ Областные диалекты старославянского языка могли сильно отличаться от лежавших в их основе живых славянских говоров. Так, чешский диалект старославянского языка, в существовании которого сомневается К., имел, как и тогдашние живые чешские говоры, *z*, *c*, *šč* из о.-сл. **dj*, **tj*, **stj*, но, в отличие от этих живых говоров, *l* из о.-сл. **dl*, **tl* и другие южнославянские черты.

Возражая против признания Киевских листков (ниже — КЛ) памятником чешским, К. замечает, что никто еще не доказал их чешского или моравского происхождения. Но никто не доказал и обратного. Сам К. в разбираемой рецензии никаких доводов против чешского происхождения КЛ не приводит, а в заметке по поводу моей статьи о КЛ ссылается (ИФ. V. 324) лишь на то, что в КЛ. 1. глаголич. **ѣ** употребляется и в значении *ě* и в значении *ja*, тогда как в чешском *ě* и *ja* различались, 2. нет ни одного случая написания *-igo*, *-imo* в соответствии с чешским произношением в окончаниях род. и дат. ед. ч. муж. р. прилагательных, 3. нет ни одного чехизма, кроме тех, которые проведены последовательно, тогда как в Арх. ев., кроме руссизмов, проведенных последовательно, имеется 18 случаев единичных руссизмов. Этих доводов я не понимаю: 1. употребление буквы **ѣ** в двух значениях относится к графике и о языке писца ничего не говорит; писец, равно как и переводчик католического миссала, пользовались азбукой, которую составляли не они, и которая располагала только одной буквой и для *ě* и для *ja*. Так как других букв, которыми писцы могли бы передать эти звуки, в их распоряжении не было, то им оставалось только сохранить букву **ѣ** в обоих значениях. То же употребление представляют и Пражские отрывки, что однако не мешает К-ну считать их чешскими. Под влиянием глаголической орфографии некоторые сербские памятники кирилловского письма XII. в. и позднее также употребляют одну букву **ѣ** в тех же обоих значениях, несмотря на то, что в то время буква **ѣ** сербскому письму была известна, а в сербском живом языке звуки *ě* и *ja* этимологически различались так же, как и в чешском. Так, в грамоте Кулина 1189 г. буква **ѣ** четыре раза написана в значении *ja* и 13 раз в значении *ě*, а буквы **ѣ** совсем нет; другими же буквами **ѣ** ни в том, ни в другом значении не заменяется; в той же грамоте очень последовательно (без единого исключения) выдержаны такие сербизмы, как **ѣ** и **ѣ** вм. **ж** и **л**, **ѣ** и **к** из о.-сл. **dj*, **tj*, твор. ед. ж. р. на *-ock*. В Мирославовом ев. употребление **ѣ** то же; употребление **ѣ** обусловлено графически. Для писцов чехов и сербов XI—XII в. наличие одной буквы для *ě* и *ja* больших неудобств не представляло, п. ч. различие между *ě* и *ja* не в начале слова было фонетически обусловлено; в начале слова возможно, что писцы читали по-болгарски *исти* и т. п., подобно русским писцам, хотя в их живом говоре подобные слова произносились с *ě*.

2. Написаний *-igo*, *-imo*, (*-ego*, *-emi*) нет и в Пражских отрывках конца

¹ Ср. те же мысли в книге В. Погорелова, Изъ наблюдений въ области древнеславянской переводной литературы III. Опытъ изученія текста Саввиной книги. Bratisl. 1927, стр. 5—7.

XI в, и в Венских глоссах XII в.: в род. ед. прилагательных в обоих памятниках, так же, как и в КЛ, пишется только *-аго*, *-аго* (в Пр. отр. 5 раз, в В. гл. 1 раз); в дат. ед. в Пр. отр. один раз *-омѹ* (в В. гл. этой формы нет), хотя в тех же памятниках некоторые другие чехизмы, как *ц*, *з*, *шч*, *ш* из **tj*, **dj*, **stj*, **š* проведены вполне последовательно. Между тем, К. не сомневается в их чешском происхождении. Правда, в Пражских отрывках и Венских глоссах примеров на эти окончания очень мало. Но ту же картину мы наблюдаем и в сербских и в русских памятниках. Совершенно то-же, что в КЛ, правописание окончаний род. и дат. ед. муж. р. прилагательных, именно, род. ед. на *-аго*, дат. ед. на *-ѹмѹ* (*-юмю*) имеется, между прочим, в сербском Мирославовом евангелии, памятнике значительно большего размера, чем КЛ, хотя в живом языке писца, надо думать, соответствующие формы прилагательных оканчивались на *-ога*, *-оми*,² но эти последние окончания во всей рукописи не встречаются ни разу. В русских языках те же формы издавна оканчивались на *-ого* (*-оһо*), *-оми*; однако во всех русских рукописях XI и XII в. (более 10.000 листов!) в род. ед. пишется исключительно *-аго* и *-аго* и ни разу не встречается окончание *-ого*; в дат. ед. окончание *-омѹ* довольно часто уже в XI в., а от XII в. имеются рукописи, в которых оно проведено последовательно, но есть ряд обширных рукописей XI и XII в., в которых и в дат. ед. прилагательных муж. р. пишется последовательно *-ѹмѹмѹ* или *-ѹмѹ*, а окончание *-омѹ* или не встречается ни разу или пишется очень редко. Между тем в значительной части этих рукописей последовательно, иногда без единого исключения, иногда с немногими исключениями, проведён ряд безусловных руссизмов, как *ѹ* и *ѡ* вм. ст.-сл. *ж* и *ѡ*, *ж* из о.-сл. **dj*, *ѡ* и пр. из о.-сл. **br* и пр., *-ѡмѹ* в твор. ед. существительных, *-ѡ* в 3 л. глаголов и др. Окончание *-аго* в русских церковных памятниках сохраняется и после XII в.; во многих рукописях XIII и XIV в., где последовательно проводятся такие руссизмы, как *ж* из **dj*, *ѡ* и пр. между согласными и т. п., окончание *-ого* у прилагательных не встречается ни разу, хотя все русские нецерковные памятники того времени употребляют только это окончание.

3. Во 2-м почерке Арханг. ев. можно выделить куски сплошного текста, превышающие своими размерами КЛ, в которых, с одной стороны: а) всюду выдержано *ц* из о.-сл. **tj*, **kt* и нет ни одного случая с *ч*, б) нет ни одного случая полногласия при многочисленных случаях неполногласных форм с *ла*, *ра* и пр.; в) в начале таких слов как *рабѣ*, *расти*, *растворити*, *лакѣтъ* пишется всюду *ра-*, *ла-*; д) слово *ѡдинѣ* пишется только с начальными *ѡ* или *ѡ*; е) в известных падежных окончаниях основ на *палатальные* пишется последовательно *ѡ* (русская замена буквы *ѡ*), а не русское *ѡ*; с другой стороны всюду: а) *ѹ*, *ѡ* вм. ст.-сл. *ж*, *ѡ*, б) *ѡ* вм. ст.-сл. *ѡ*, в) *ж* из о.-сл. **dj*;

² Ст. Кульбакин. Палеографска и језичка питања о Мирослављевом јеванђељу, стр. 56. В грамоте бана Кулина 1189 г., современной Миросл. ев., имеется род. ед. *зѡлѡга* и нет форм на *-аго*, *ѹмѹмѹ*.

d) ѡр, ѡр, ѡл между согласными из о.-сл. **br*, **zr*, **bl*, **zl*; e) окончание твор. ед. муж. р. -ѡмъ; f) окончание 3-го л. глаголов -тъ. Таковы следующие части Арх. ев.: 1. лл. 112—122, около 10.500 букв, 2. лл. 132 об — 138, ок. 7.000 б., 3. лл. 145 об — 153, ок. 8.000 б. (в КЛ всего около 5.500 букв); кроме них можно выделить куски меньшего размера, от 4.000 до 5.000 букв с тем же выдержанным правописанием; это — 4. лл. 77—81, 5. лл. 82—86, 6. лл. 89—92 об., 7. лл. 96 об — 100, 8. лл. 159 об — 163, 9. лл. 170—174 об.

К этим замечаниям добавлю следующее. Правильное употребление юсов в КЛ объясняется тем, что в чешском языке, как показывают другие источники, т. наз. носовые гласные в X в. еще сохранялись. В Пражских отрывках последовательно выдержаны все чехизмы, имеющиеся в КЛ, — ц, з, шч из о.-сл. **tj*, **dj*, **stj*, твор. ед. муж. р. на -ѡмъ, -ѡмъ; чехизмы, отсутствующие в КЛ, кроме последовательно проведённого ш в основе кш-, в Пражских отрывках или тоже отсутствуют (как род. и дат. ед. на -ѡго, -ѡмоу) или проведены непоследовательно (как дл из о.-сл. **dl*); сюда относится и употребление юсов: замена ж, ѡ через ѡу, ю не проведена последовательно. Т. о., Пражские отрывки по своему правописанию примыкают к традиции КЛ, представляя её дальнейшее развитие. Ограничусь сказанным, предоставляя детальную разработку вопроса о происхождении КЛ другим.

Относительно глаголических букв для т. наз. носовых гласных замечу, что я оставляю открытым вопрос о дифтонгичности или монофтонгичности звуков, обозначавшихся этими буквами; во всяком случае носовой согласный звук или только носовой элемент носового гласного звука, обозначавшийся буквою ѡ, не совпадал со звуками, обозначавшимися буквами «м» и «н». Что касается буквы ѡ, то мысль, что она первоначально обозначала не йотацию о носового, а особый гласный звук, была высказана впервые не мною и основана отчасти на её начертании в глаголице, отчасти на соображениях, вытекающих из анализа звуковой системы старослав. языка, и мне нет надобности её доказывать.

К. не согласен с моим пониманием букв ѡ и ѡ и по поводу моего предположения, что ѡ в глаголице с самого начала занимала то место, какое она занимает в глаголической цифровой системе, ссылается на статью проф. Р. Нахтигала в 1-й книжке Razprav Люблянского Научного О-ва, где доказывается, что первоначально на этом месте было ѡ. К сожалению, этой статьи у меня не было под руками, когда я писал свои «Мысли» и статью о Мюнхенском алфавите, п. ч. Razprave не получают в Московских и Минских библиотеках, и только недавно познакомился с ней благодаря любезности проф. Г. А. Ильинского, у которого оказалась 1-я книжка Razprav.

Мне представляется весьма правдоподобной догадка Нахтигала, что 12-й стих азбучной молитвы Константина, соответствующий букве ѡ, начинался с этой буквы, а не с произвольно выбранной, но не в своём буквенном, а в цифровой значении. Очень убедительны и его соображения в пользу того, что 26-я буква глаголического алфавита, носившая название «пе» или «пѡ»,

была не *џ*, как думал я, а один из вариантов «*ѣ*»,³ То обстоятельство, что она стояла в алфавите после последней буквы, взятой из греческого алфавита, свидетельствует, по-моему, о том, что если она и стояла в генетической зависимости от греческого *ϑ*, то всё же уже самим составителем азбуки не рассматривалась как славянское соответствие этой букве.

От вопроса о 26-й букве славянского алфавита следует отделять вопрос о букве *џ*. Я признаю, что ошибался, предполагая, что именно она занимала в алфавите 26-е место, и объясняя отсутствие её на соответствующем месте в акростихе тем, что будто-бы в старославянском языке не было слов, начинавшихся на *џ* из о.-сл. **tj*, **kʲ*. На самом деле такое слово было. Это *џтѹдь* «*τρόλος, οἴτια*», имеющееся в Апостоле и в переведённых не позже начала X в. словах Ефрема Сирина и Кирилла Иерусалимского. Но отсюда не следует, что буквы *џ* в первоначальном славянском алфавите не было. При последнем предположении очень трудно понять её появление в славянском письме; видеть в ней лигатуру достаточных оснований нет; если кирилловское *џ* и можно разложить на *ш* + *т*, со второй буквой внизу (это был бы единственный случай подобной лигатуры: вторая буква в лигатурах всегда писалась сверху), то объяснять глаголическое *ѡ* из лигатуры «*ш* + *ѡ*» можно только путём больших натяжек. Кроме того, как видно, писцы не чувствовали в ней никакой надобности; так, писец Мар. ев. употребляет её в начале рукописи даже чаще, чем к концу. Между тем, она имеется уже в ряде рукописей, не уступающих или почти не уступающих по своей древности или архаичности рукописям, не имеющим буквы *џ*, как напр. в Мар. ев., Ассем. ев., Син. Пс., Охр. отр., Макед. глаг. л., Сав. кн., Хиланд., Остр. ев. и др.; отсутствие же её в ряде рукописей легко объясняется при предположении, что первоначально *џ* по своему значению отличалось от *шт*. Очень важным свидетелем в пользу принадлежности буквы *џ* первоначальному алфавиту является очень архаичный по своему составу Мюнхенский абecedарий. В кирилловском алфавите этого абecedария *џ* стоит после *ѡ*; можно думать, что и в глаголическом *ш* после *ѡ* — не что иное, как недописанное *ѡ*, а перевёрнутое *ш* после *ч* соответствует букве *ш* и только по ошибке не отделено от *ч*. То же место *џ* занимает и в 3-ей редакции Сказания Храбра. Без буквы *џ* трудно согласовать показания акростихов и абecedариев с показанием Храбра, что в первоначальной славянской азбуке было 38 букв; из них 24 соответствовали и славянским и греческим звукам, 14 — только славянским. Принимая, вслед за Нахтигалем, что 26-й буквой было *ѣ*, мы можем конец алфавита восстановить в таком виде: 26. *ѣ*, 27. *ѵ*, 28. *Ѷ*, 29. *ш*, 30. *ѷ*, 31. *Ѹ*, 32. *ѹѹ*, 33. *Ѻ*, 34. *ѻ*, 35. *Ѽ*, 36. *ѽ*, 37. *Ѿ*, 38. *ѿ*. Буквами, соответствовавшими только

³ Впрочем, начертание этой буквы в Мюнх. абecedарии может рассматриваться только как искажение другого её варианта, именно «*ѣ*», который в КЛ пишется с хвостиком внизу, как и соответствующая буква Мюнх. абecedария. Вариант *ѣ* в этом последнем стоит на 23 месте, соответствуя греч. *φ*, как и в *Abecedarium bulgaricum*.

славянским звукам, были: 1. ѡ, 2. ѡ, 3. ѡ, 4. ѡ, 5. ѡ, 6. ш, 7. ѡ, 8. ѡ, 9. ѡ, 10. ѡ, 11. ѡ, 12. ѡ, 13. ѡ, 14. ѡ.⁴ Без ѡ нужных цыфр не получится. Правда, называя слова, начинающиеся со звуков, которые нельзя «писати добрѣ грѣчьскими писмены», Храбр не приводит примера с начальным ѡ, что можно бы толковать как свидетельство об отсутствии этой буквы в первоначальном славянском алфавите, но это можно объяснять и тем, что сам Храбр или редактор его Сказания читал ѡ как *št'*, а потому считал лишним приводить пример на ѡ, как начинающийся с того же звука, что и слово *широта*. Отсутствие стихов на ѡ в стихотворениях с акrostихом можно объяснять и пропуском соответствующих стихов в списках.

В своей статье я высказал предположение, что первоначально *ћ* и *ѡ* передавали старославянские рефлексы о.-сл. **dj* и **tj*, **kč'*, отличные от рефлексов о.-сл. **zdj*, **zgj* и **stj*, **skj*. К. считает это предположение невероятным. Я с своей стороны на нём отнюдь не настаиваю, но считаю его не менее вероятным, чем традиционное предположение, что глаголическая азбука была составлена для говора, в котором рефлекс о.-сл. **dj*, **tj*, **kč'* совпали с рефлексами о.-сл. **zdj*, **stj* и пр. в сочетаниях *žd'*, *št'*. Если принять моё предположение то нетрудно объяснить судьбу *ћ*, *ѡ* в славянском письме. О причинах исчезновения *ћ*, как буквы для славянского звука, из чешского и македонского письма я говорил на стр. 56 (9) своей статьи. К. находит, что, раз в македонских рукописях сохранились моравизмы, то должны были сохраниться и случаи написания *ћ* в первоначальном значении. Но немногие моравизмы некоторых македонских памятников — факты, значительно более поздние, чем предполагаемое устранение *ћ* в значении рефлекса о.-сл. **dj*. Аналогичный вопрос мог бы быть предложен и сторонникам традиционных взглядов: почему в КЛ. и Пражских отрывках не сохранилось ни одного примера с *жд* и *шт*, хотя в КЛ. сохранились другие югославизмы, а буква *ћ* в значении рефлекса о.-сл. **dj* имеется уже в самых старших памятниках сербского письма, как Вукан. ев. и грамота Кулина? Всё дело в том, что и болгарский и чешский варианты старославянского языка установились задолго до конца X в. Если буква *ћ* первоначально передавала рефлекс о.-сл. **dj*, то понятно, что в этом значении она не могла сохраниться ни в чешских, ни в болгарских памятниках, так как в чешском таким рефлексом было *z*, а в болгарском *žd*; употреблению же в болгарском письме буквы *ћ* в значении *žd* мешало употребление этой буквы для передачи греческого *γ* перед палатальными гласными. Точно так же, если буква *ѡ* первоначально передавала только рефлекс о.-сл. **tj*, **kč'*, а не о.-сл. **stj*, **skj*, то отсутствие этой буквы в КЛ. и Пражских отр. объясняется тем, что она совпала по значению с *ц* и была поэтому

⁴ Ср. у Храбра: 1. ѡ, 2. жившѣ, 3. зѡло, 4. цѡковѣ, 5. чаанѣ, 6. ширѡта, 11. ѡдѣ, 12. ѡдоу, 13. ѡмѡсть, 14. ѡзѡкъ. Неясно, почему Храбр считал передающими только славянские звуки буквы *ѡ* и *ѡ*. Ведь *ѡ* передавало тот же звук, что и греч. *υ*, а *ѡ* могло употребляться и для передачи греч. *γ* перед *υ*, *ι*, *χ*. Впрочем, возможно, что Храбр уже греч. *υ* читал как *i*, а с буквой *ѡ* соединял только значение знака для *e*.

Конкретный вывод из этих рассуждений таков. Вопрос о старославянском языке следует отделять от вопроса о языке Кирилла и Мефодия. При характеристике старославянского языка мы должны исходить не из реконструкции языка Кирилла и Мефодия, которая является гадательной в большей степени, чем это до сих пор предполагалось, а из конкретных норм, которым следовали старославянские писцы, безразлично, были ли они чехи, сербы, болгары или русские, и признавать равноправность разных литературных диалектов старославянского языка.

С мнением К-на, что кириллица легче для письма, чем глаголица, я не могу согласиться. Он, конечно, прав, указывая, что большая часть глаголических букв не может быть написана с одного росчерка, но всё же таких букв, которые могут быть написаны с одного росчерка, 12, а именно в, г, д, ж (вопреки мнению К-на), л, н, о, р, т, х, ц, ю, в кириллице только 5, именно з, и, о; р, с, да и из них з в первоначальной кириллице отсутствовало, а р писалось в два росчерка. Но и те буквы глаголицы, которые не могут быть написаны с одного росчерка, рассчитаны на более скорое письмо, чем кирилловские; последние можно писать только медленно; они состоят из толстых,

⁶ Только щ — в глаг. Охр. отр. и Макед. л. и кирилл. Сав., Хиланд, Унд, Остром. и др.; только шт — в глаг. Зогр. и Клоц. и кирилл. Супр., Макед. л., Зогр. лл., Чуд. пс. и др.

резко обрывающихся и сходящихся по б. ч. под прямыми углами или даже не сходящихся прямых, с сохранением одного нажима во всю длину прямой, и петель, не заканчивающих и не начинающих прямых, а только примыкающих к ним; в глаголице очень мало прямых; петли, по б. ч., или начинают или заканчивают линию или связывают одну линию с другой; самое отрывание руки при написании букв естественнее и легче, чем в кириллице: написать резко обрывающуюся прямую, как в кириллице, труднее и дольше, чем закончить линию петель; поэтому глаголические в, г, д, о, т легче написать, чем кирилловское і. Для чтения кириллица легче глаголицы, как и нынешний прямой печатный шрифт легче курсива и скорописного. Мнение о большей вычурности и сложности глаголицы основано на том, что начертания глаголицы совершенно не похожи на те начертания, к которым мы привыкли.

К. ошибочно утверждает, что перевёрнутое ю ни разу не встречается в старых рукописях: оно имеется в Изборнике 1073 г. и в не менее старых Словах Григория Богослова и Пандектах Антиоха XI в.

К. не допускает, чтобы глаголическое «и на кружке» получилось из греческого скорописного $\epsilon\iota$; но последнее в греческом минускульном письме VIII—X вв. пишется обычно в виде кружка с одним или двумя хвостиками, а потому сходство с ним названной глаголической буквы мне представляется более заметным, чем признаваемое К-ным⁷ сходство глаголического ж с греческим минускульным « $\delta\delta$ » или глаголического з с греческим минускульным ζ . Впрочем я сходству начертаний большого значения не придаю и исходил при определении состава глаголической азбуки из соответствия этого состава составу греческой азбуки, а не из сходства начертаний, так как это сходство в большинстве случаев настолько отдалённое, что усмотреть его можно только при известном воображении не без натяжек.

В пользу моего мнения о принадлежности буквы ѣ первоначальной кириллице говорит не только присутствие её в сербских рукописях с XII в., но и кирилловский алфавит Мюнхенского абецедария. Отсутствие её в болгарской и русской кириллице X—XII в. (македонская кириллица этого времени представлена только ничтожными отрывками, а сербская не сохранилась) нельзя приравнивать к отсутствию моравизмов: болгарские писцы XI в., равно как и русские, этой буквы уже не знали и не могли, переписывая с глаголицы, поставить её на место соответствующей глаголической буквы.

К. считает достаточным свидетельством против признания буквы ѣ принадлежавшей первоначальной кириллице отсутствие её в надписи 993 года. Но в этой надписи имеется только один случай, где могло бы быть написано ѣ, а написано **ѣ**. Самое большее, о чём могла бы свидетельствовать эта надпись, это о том, что в конце X в. у болгар существовало правописание, употреблявшее **ѣ** в значении *ja*. Но такие памятники как Сав., Супр., Темничская

⁷ Кульбакинъ. Можно ли считать доказанной греческую основу глаголицы. Сб. Р. А. О-ва.

надпись, Райградская рукопись и др. свидетельствуют о том, что в конце X в., когда написана эта надпись, у славян существовало и правописание, употреблявшееся в том же значении буквы ѡ.

В заключение исправлю одну неточность своей статьи: буква «паукообразное х», несомненно занимавшая в глагол. алфавите место после *ѣ, имеется, кроме абecedариев (Abecen. bulg., Мюнх. абeced. и босн. абeced. XV в.⁸ и Ассем. ев.), также 3 раза в Син. Пс., все 3 раза в слове хлѣмъ, как и в Асс. ев. Вероятно, и название «хлѣ» во 2-й ред. Храбра — сокращение того же «хлѣмъ». Но в акростихах этой букве соответствует слово «хвала».⁹

Москва, 10. X. 1930.

РЕЗЮМЕ.

1. Нельзя отрицать наличие определённых *норм* литературного языка, которым следовали писцы старославянских памятников; в большей части памятников эти нормы нетрудно отделить от особенностей языка, внесённых писцами в уклонение от литературных норм.

2. Доводы проф. Кульбакина против чешского происхождения Киевских листков не убедительны: а) употребление одной буквы *ѣ в значении ѣ и ja относится к графике и на произношение не указывает; б) окончания gen. sg. adj. -аго и, отчасти, dat. sg. -ѡмѡ последовательно проводятся не только в Киевских листках, но и в сербских и русских богослужебных текстах; в) во 2-ом почерке Архангельского ев. можно выделить куски сплошного текста, превышающие своими размерами Киевские листки, в которых известные русизмы с одной стороны и известные южнославянские черты, не свойственные русским языкам, проводятся одинаково последовательно; г) правильное употребление юсов в Киевских листках объясняется тем, что т. н. носовые гласные в чешском языке в X в. ещё сохранялись.

3. Можно согласиться с проф. Нахтигалем, что 26-й буквой глаголического алфавита с названием «пе» (или «пѣ») был один из вариантов буквы ф.

4. Буква ѡ в первоначальном славянском алфавите была и занимала место, повидимому, после ѣ.

5. Хотя предположение, что первоначально буквы *ѣ и ѡ были введены в алфавит для передачи старославянских рефлексов о.-сл. *dj и *tj, и не может быть доказано, тем не менее оно является не менее вероятным, чем традиционное объяснение значения этих букв.

⁸ Ягич. Глаг. письмо 115.

⁹ После того, как настоящая заметка уже была послана в редакцию Byz.-Slav., вышла 3-я кн. IX т. журнала Slavica с рецензией В. Розова, в которой последний касается и моих «Мыслей и предположений». Некоторые из его соображений совпадают с теми, какие я высказываю, независимо от Розова, в настоящей заметке, другие заслуживают внимания, хотя я лично с ними и не согласен.

6. Перевёрнутое ю (ѡ) встречается в русских рукописях XI в.
7. Глаголическое «и на кружке» похоже на лигатуру «ei» греческого минускульного письма VIII—IX вв.
8. Буква ѣ в первоначальном кирилловском алфавите была.
9. Буква ѡ засвидетельствована кирилловскими памятниками не менее старыми, чем те кирилловские памятники, в которых эта буква отсутствует.

ENCORE SUR LES ORIGINES DE LA LANGUE ET DE L'ÉCRITURE VIEUX-SLAVE.

(Résumé.)

1. On ne peut nier l'existence des certaines règles de la langue littéraire, qu'observent les copistes des monuments vieux-slaves; dans la plus grande partie des monuments il n'est pas difficile de détacher ces règles des particularités de la langue, qui ont été apportées par les copistes — en déviation des règles littéraires.

2. Les arguments contre les origines tchèques des feuillets de Kief, du prof. Koulbakine ne sont pas persuasifs: *a)* l'emploi de la même lettre ꙗ pour *ѣ* et *ја* se rapporte à la graphique et n'indique pas sa prononciation; *b)* les terminaisons du gen. sg. adj. -aro et en partie du dat. sg. -ѡмѡѣ se retrouvent successivement non seulement dans les feuillets de Kief; mais aussi dans des textes liturgiques russes et serbes; *c)* on peut faire ressortir dans l'écriture de la 2e main de l'év. Archangelski des fragments de texte continu, surpassant par leur dimension les feuillets de Kief, dans lesquels se retrouvent successivement et dans la même proportion d'une part de certains russismes et de l'autre de certains traits yougoslaves, qui ne sont pas propres aux langues russes; *d)* l'emploi correcte des «juss» dans les feuillets de Kief s'explique par le fait, que les ainsi dites nasales se sont au Xme siècle encore conservées dans la langue tchèque.

3. On peut convenir avec le prof. Nachtigal, que la 26 lettre de l'alphabet glagolique, dénommée «ne» (ou «nъ») n'était qu'une variante de la lettre ꙗ.

4. La lettre ѡ de l'alphabet slave originel semble avoir eu sa place après ѡ.

5. Bien que la supposition, que les lettres originelles ꙗ et ѡ ont été introduites dans le but de transmettre les réflexes vieux slaves *dj et *tj, ne peut être prouvé, tout de même elle ne paraît pas moins invraisemblable, que l'explication traditionnelle de la signification de ces deux lettres.

6. On rencontre le «ю» (ѡ) retourné dans les manuscrits russes du XIme siècle.

7. Le «i posé sur un rond» glagolique ressemble à la ligature «ei» de la minuscule grecque du VIII—IX ss.

8. La lettre ѣ ne se trouvait pas dans l'alphabet cyrillique originel.

9. La présence de la lettre ѡ est certifiée par des monuments cyrilliques non moins anciens que ceux, où cette lettre ne se retrouve pas.

ГДЕ, КОГДА, КЕМ И С КАКОЮ ЦЕЛЮ ГЛАГОЛИЦА БЫЛА ЗАМЕНЕНА «КИРИЛЛИЦЕЙ»?

В 1925 г. известный болгарский историк, проф. В. Н. ЗЛАТАРСКИЙ поместил в «Сборникъ въ честь и въ память на Луи Леже» (София) интересную статью «Страница изъ старата културна история на българитѣ» (стр. 279—302),¹ в которой со свойственными ему эрудицией и талантом попытался разъяснить одно из самых загадочных известий древнейшей славянской истории. Я имею в виду здесь сообщение «Повести временных лет», а также той переработки древнеболгарского перевода Никифорова «Летописца вскоре»,² которая вошла в состав русских хронографов, — что от крещения болгар до «прѣложении книгъ ѿ ѿ, и от седьмого собора 77 л., а от Адама 6406». «Очевидно, говорит проф. ЗЛАТАРСКИЙ, что эти даты заимствованы из болгарской истории, так как и первая дата, и год 6406 от С. М., а также промежуточные года 30 и 77 вычислены по болгарской хронологии, по способу епископа Константина. 6406 г. продолжался от 27. V. 893 до 15. V. 894 г., следовательно: прѣложении книгъ относится ко времени между 1. IX. 893 г. и 15. V. 894 г.» (Сборник 287, История I, 2, 256). Но известно, что в это время ни Кирилла, ни Мефодия уже давно не было в живых, и что перевод св. Писания на славянский язык, — так обыкновенно принято понимать прѣложении книгъ, — даже в его окончательной (мефодьевской) редакции был окончен почти 15 годами раньше. Как же понять этот анахронизм?

Проф. ЗЛАТАРСКИЙ устраняет его очень просто, хотя и несколько двусмысленно. С одной стороны, под словами «прѣложении книгъ» он понимает перевод книг св. Писания, но не кирилло-мефодьевский, а тот, который был будто бы произведен или, лучше сказать, завершен учениками Мефодия в Болгарии. С другой стороны, принимая во внимание, что имя прѣложении в славянском языке имеет не только переносное значение «перевода», но и буквальное: «замена», «перемена» (μεταβολή, mutatio), ЗЛАТАРСКИЙ заключает отсюда, что прѣложении книгъ может означать и то, и другое: и «перевод св. Писания на славяноболгарский язык», и «замену греческих богослужебных книг славяноболгарскими». Последняя лишь увеличивала важность первого, так как пред-

¹ Статья эта почти целиком и без изменений вошла в состав 2-й части I т. его «История на българската държава» (София 1927), стр. 239 и слл.

² О славянских списках этого произведения ср. наблюдения Степанова в его обширной статье «Летописец вскоре» патр. Никифора (Изв. XVII, 2, 250; 3, 256), а также ценные замечания Weingart'a в его Byzantské kroniky I, 55 слл.

ставляла собой прямое последствие аннулирования СИМЕОНОМ официального значения греческого языка как в администрации, так и в школе. А для того, чтобы придать этому нововведению общеобязательный характер и, таким образом, парализовать как всякое противодействие внутри государства, так и эвентуальные осложнения со стороны Византии, показав, что данное мероприятие было произведено по желанию всего народа, — СИМЕОН, только что занявший место своего низвергнутого старшего брата Владимира, внес реформу на обсуждение и санкцию заседавшего в Преславе осенью 893 г. народного собрания. На нем торжественно был объявлен славяноболгарский язык государственным, а в церкви решено было ввести славяноболгарские книги на место безраздельно господствовавших до той поры греческих.

Нисколько не оспаривая верности общей картины дебюта великого болгарского царя, с таким искусством нарисованной ЗЛАТАРСКИМ, я, все-таки, не могу скрыть своего сомнения в правильности предложенного им толкования самих слов *прѣложении книгъ*.

Как я только что указывал, ЗЛАТАРСКИЙ видит в этих словах намерение на перевод св. Писания, якобы произведенный сподвижниками Мефодия при царе Симеоне с греческого языка на славяноболгарский. Но наука славянской филологии ничего не знает о таком переводе *en grand*. Как можно считать теперь окончательно установленным, болгары получили перевод св. Писания от учеников солунских братьев в *готовом* и притом в *двойном виде*: священный текст, приспособленный к богослужению (недельное евангелие, недельный апостол и т. д.), и священный текст *четий*, т. е. предназначенный для внецерковного употребления (евангелие тетр, деяния апостолов и их послания в систематическом порядке и пр.). Перевод первого текста был произведен КОНСТАНТИНОМ философом, а перевод второго его братом МЕФОДИЕМ, и притом так искусно, что затевать третий перевод царю СИМЕОНУ не было никакой нужды. Единственное, что он позволил себе сделать, — это, с одной стороны, исправить кирилло-мефодьевский текст св. Писания от некоторых сравнительно очень немногих неточностей и ошибок, а, с другой стороны, заменить некоторые устарелые слова, а также чехоморавские диалектизмы терминами, более понятными для болгарина. Но само собою разумеется, что эта генеральная ревизия славянского перевода св. Писания не могла быть проделана в один год, но продолжалась, вероятно, в течение всего царствования Симеона. И, конечно, ни сам он, ни его многочисленные сотрудники не видели в таком редактировании священного текста ничего особенного, никакого чрезвычайного подвига, с которого следовало бы начинать или кончать болгарское летоисчисление.

Напротив, вполне заслуживал бы этой части перевод *толкового*

текста св. Писания, который несомненно (хотя едва-ли полностью) был произведен в царствование «повелителя болгар и греков». Но и этот перевод не мог быть совершен в один прием, в течение одного года, но продолжался не один десяток лет; кроме того, он преследовал цели не богослужебные и не церковно-организационные, а чисто литературные и потому, с точки зрения самого ЗЛАТАРСКОГО, едва-ли мог бы служить темой дебатов на народном соборе, созванном для утверждения актов первостепенного *политического* значения. На этом основании приходится отвергнуть, — и ШАХМАТОВ³ уже давно это сделал, — предположение ГОЛУБИНСКОГО, который в своем «Кратком очерке истории православных церквей»⁴ доказывал, что под предложением книг в Никифоровом летописце разумелся будто не перевод богослужебных книг, совершенный Кириллом и Мефодием, а перевод Учительного Евангелия, произведенный их учеником, Константином епископом, — перевод, на котором действительно читается 6406 г.

Словно чувствуя сам шаткость своей аргументации, ЗЛАТАРСКИЙ, рядом с только что изложенным объяснением слов *предложении книгъ*, предложил другое, еще более смелое. А именно он догадывается, что новый перевод св. Писания был совершен при Симеоне с целью заменить в церкви греческие богослужебные книги славянскими, что будто бы явилось безусловно-необходимым после того, как греческий язык потерял в Болгарии значение государственного. Но и против такого толкования загадочных слов можно представить не мало возражений.

Во-первых, Симеон получил в наследство от отца огромное княжество, растянувшееся во всю ширь Балканского полуострова. На этой территории, особенно в городах, жило много тысяч греков, которые едва-ли могли бы помириться с отменой официального значения их языка даже в администрации. А о замене их родного языка «славяно-болгарским» в их богослужении не могло быть и речи.

Во-вторых, если даже допустить, что постановление народного собора 893 г. имело в виду только славянских подданных Симеона, и в таком случае оно едва-ли могло иметь реальное значение. Ведь для того, чтобы декрет не остался на бумаге, государство должно было бы располагать не только вышколенным в национальном духе духовенством, но и достаточным количеством написанных на славянском языке богослужебных книг. Ни того, ни другого в 893 г. в Болгарии еще не могло быть. Ибо какого высокого мнения о литературных способностях ничтожной горсточки моравских изгнанников, нашедших себе убежище в Болгарии после разгрома моравской церкви, мы не были бы, все же в течение семи лет (886—893) они, даже при максимальной затрате сил

³ Zbornik u slavu Jagic'a 174.

⁴ Moskva 1872, стр. 246.

и энергии, не сумели бы ни создать в нужном количестве кадров свободно-владельческого церковнославянским языком духовенства, ни снабдить болгарские церкви потребным количеством славянских богослужебных книг. Поэтому постановление собора в том смысле, в каком понимает его ЗЛАТАРСКИЙ, было более, чем преждевременно: оно было бы целесообразнее в конце царствования Симеона, чем в первые месяцы его управления обширным государством.

В третьих, если правда, что слова *прѣложеніе книгъ* означают отмену греческого богослужения и замену его славянским, то мы ожидали бы, что автор славянской обработки Никифорова Летописца выразится об этом акте величайшего государственного значения гораздо более определенно и точно. Во всяком случае, говоря о «книгах» он не обошелся бы без определения «греческие», а, может быть, даже и «святые». Ведь от одного простого слова «книги» до богослужения, да еще греческого — «дистанция огромного размера».

Таковы соображения, которые решительно не позволяют нам согласиться с гипотезой ЗЛАТАРСКОГО. Очевидно, слова *прѣложеніе книгъ* имеют совсем не тот смысл, который старается вложить в них почтенный болгарский ученый. Какой же именно?

На этот вопрос мы ответим легко, если вспомним, что имя *кънигы* в древнейшей славянской письменности может значить не только «книги» в теперешнем смысле этого слова: *libri*, βιβλοι, но и «буквы», «письмена», «письменные знаки»: *litterae*, γραμματα. Многочисленные примеры этого значения всякий желающий может без труда найти в словарях МИКЛОСИЧА и СРЕЗНЕВСКОГО; поэтому здесь я позволю себе привести лишь следующие, особенно наглядные: *бѣ же и написаниѣ написано на немѣ книгами єллинскими и римскими и євренскими: се исть црѣь иудейскѣ* (Остр. Ев., Четвероев. Гал. 1144 г.); ср. также *кънигы на листѣ написаны* (Шиш. Ап.), чему в Слѣпч. Ап. соответствуют: *букъви на листѣ написаны* (JAGIĆ, Zum altkirchenslav. Apostolus III 95); вопреки Н. К. НИКОЛЬСКОМУ (Изв. I, 1928, 13), несомненно тоже значение букв имеют *книгы* и в известном сообщении Жития Мефодия: *иже бѣ философу словѣньскы книгы, и абие оустроивѣ писмена и бесѣдоу съставляѣ, поучти сѧ ить моравьскаго* (ЛАВРОВ, Матерьялы 72).

Если мы теперь в словах *прѣложеніи книгъ* последнее имя, на основании только что приведенных данных, будем читать как «буквы», а первое, вместе с ЗЛАТАРСКИМ, как «перемена», «замена» (μεταβολή), или еще лучше — как изменение (μετάθεσις),⁵ то в итоге фраза: от крещения (болгар) «до прѣложениа книгъ ѿ ѿ» будет означать: «от крещения

⁵ Ср. это последнее значение во фразе: *просвѣщеніи освѣщеніи исть дѣиѣи, житію прѣложеніи* (μετάθεσις), отмеченное Срезневым в Словах Григ. Богослова XI в., несомненно переведенных при царе Симеоне.

болгар до перемены, resp. изменения букв, прошло тридцать лет» (864—894). О каком же изменении письмен здесь идет речь?

Ответ может быть только один. Очевидно, мы имеем здесь дело с хронологической датой введения т. н. «кирилловского письма» на место глаголического. В самом деле, если прав ЗЛАТАРСКИЙ, утверждая, что одной из главных задач Преславского собора 893 г. была национализация болгарской церкви и, в частности, богослужения, то для дальнейших судеб последнего было далеко не безразлично, какой азбукой должны писаться богослужебные книги. Как известно, ученики Мефодия принесли в Болгарию глаголические рукописи, но было бы ошибочно думать, что они всюду вызывали только один восторг. Против глаголической письменности должен был восстать прежде всего греческий клир, в руках которого находилось тогда не только управление молодой болгарской церковью, но и громадная часть болгарских храмов. Привыкши в течение 30 лет отправлять богослужение на родном языке, греческие священнослужители, даже в том случае, если они за это время успели овладеть языком преобладающего славянского населения страны, не имели, разумеется, никакой охоты изучать такое трудное и сложное письмо, какое представляла собой глаголица. А так как готовых кадров славянского духовенства, которые могли бы заменить греческое в то время еще не было, да и не могло быть, то Симеону не оставалось ничего другого, как предложить созванному им собору следующий компромисс: славянский язык провозглашался официальным языком как государства, так и церкви, но письмо должно было остаться чисто греческим в своей основе. Впрочем, последняя мера не была только простой уступкой для неславянской части подданных нового болгарского князя: как пламенный поклонник греческой литературы, как «полугрек» (*semigraecus*) по своему воспитанию и образованию, Симеон сам всей душой был привязан к греческому письму, в частности, унциальному: он видел в нем один из главных каналов, посредством которых нарождающаяся славянская письменность могла черпать питательные соки из неистощимого резервуара греческой мудрости!

Но все это не мешало СИМЕОНУ превосходно понимать, что свою высокую миссию на славянской почве греческое письмо с успехом может выполнить лишь в том случае, если оно будет приспособлено к славянским звукам и вообще славянскому языку, т. е. если оно будет преобразовано в *славянскую* азбуку. Имея перед глазами такой шедевр последней, как «глаголица», сделать это было не так трудно. Нужно было только найти лицо, которое, владея с одинаковым совершенством и греческим и глаголическим письмом, согласилось бы взять на себя труд реформы последнего по образцу и по мерке последнего. Естественнее всего было обратиться Симеону с таким поручением к самому

даровитому, опытному, энергичному и просвещенному ученику Мефодия — к КЛИМЕНТУ.

И, действительно, мы располагаем некоторыми указаниями, хотя и косвенного характера, на то, что такое предложение было ему сделано. Греческое пространное житие величского епископа сохранило драгоценное свидетельство, что Симеон, немедленно по своем воцарении, вызвал Климента из Кутмичевицы, что случилось на 8-м году его учительствования в этой области, т. е. в 894 г. (886 + 8). Принимая во внимание, что в то время новый год начинался с 1-го сентября, ЗЛАТАРСКИЙ совершенно верно вычислил, что указанное время продолжалось с 1-го сентября 893 г. по 31 авг. 894 г. Но народный собор, провозгласивший Симеона князем и объявивший национализацию болгарской церкви, происходил как раз осенью 893 г. А если так, то более, чем вероятно, что Климент принимал личное участие в работах собора.

Как верный ученик и «споспешник» организатора славянской церкви Мефодия, Климент имел все данные и все права на то, чтобы сделаться если не главой славянской церкви в Болгарии, то, во всяком случае, одним из главных ее устроителей. Поэтому было бы вполне естественно увидеть Климента главным помощником Симеона, его правой рукой во всех его церковных и культурных начинаниях. Но, к удивлению, ничего подобного не случилось. Климент, правда, был поставлен епископом, но послан был исправлять пастырские обязанности не в столицу Болгарии, не в Преслав, где бы он мог служить *spiritus movens* всех реформ Симеона, а в отдаленнейшую окраину болгарского государства, в западную Македонию. Здесь, у самых границ Албании, специально для него была выкроена величская (или, по ЗЛАТАРСКОМУ, дебрско-белицкая) епископия, как будто в Македонии не было других епископских кафедр, более богатых и более знаменитых. Это обстоятельство делает назначение Климента в македонское захолустье более похожим на мало почетную ссылку, чем на награду за его восьмилетнее неустанное служение на пользу славянского просвещения. Ясно, что он подвергся княжеской опале. За что же?

Догадаться не трудно. По всей вероятности, Симеон обратился на преславском соборе 893 г. к Клименту с просьбой взять на себя труд составления новой славянской азбуки на основе греческого унциального алфавита. Но тот не только ответил решительным отказом, но, надо думать, со всем пылом своего вдохновенного красноречия, защищал права глаголицы от посягательств на них болгарских грекофилов. Это навлекло на него гнев князя и, как его прямое последствие, — изгнание в глушь Македонии.

Обманувшись в Клименте, Симеон обратился с аналогичным предложением к другому видному сподвижнику Мефодия — к НАУМУ.

Но и этот «седмичисленник» не нашел возможным расстаться с драгоценнейшим наследием своего учителя: он оказался таким же непримиримым противником реформы Симеона, как и его старший «подруг», Климент. Поэтому ему пришлось разделить судьбу последнего. Не смотря на то, что в предыдущее царствование Наум успел развить весьма плодотворную просветительную деятельность у самых стен Преслава, в монастыре св. Пантелеймона, «при устье р. Тычи», Симеон принужден был не только отказаться от его дальнейших услуг, но, как рассказывает его древнейшее житие, «поусти», а на самом деле просто сослал его в один из самых отдаленных «медвежьих углов» Македонии, — на то только что освободившееся учительское место Климента.

По счастью для Симеона, среди учеников Мефодия нашелся, все-таки, один, который согласился сделаться исполнителем его предначертаний в области реформы азбуки. Это был младший современник «седмичисленников», блестящий оратор, широкообразованный писатель и поэт, пресвитер КОНСТАНТИН. По указаниям князя, он составил новый славянский алфавит на основе греческого уставного письма, заимствовав недостающие для славянских звуков знаки из глаголицы либо целиком (как ш), либо после известной их стилизации (как ъ, ѡ, ѣ, ж, ѿ и нек. др.). Но недостаточно было составить новую азбуку, — нужно было переписать ею огромное количество богослужебных и других книг. Конечно, эта грандиозная работа не могла быть произведена в один год, — она совершалась, без сомнения, впродолжении всего царствования Симеона и едва-ли закончилась даже при его сыне Петре. Поэтому глаголическая письменность продолжала долгое время существовать рядом с новой, чисто греческой по стилю, — и не только в Македонии, в центре деятельности обоих принципиальных противников новой азбуки, Климента и Наума, но даже в самой восточной Болгарии. А если так, то мы не должны удивляться, что такой типичный восточно-болгарский текст, как «Толкование Ипполита на книгу пророка Даниила», был написан первоначально глаголицей.⁶ Более скорым темпом новая письменность стала развиваться с тех пор, как возраст позволил Константину занять пост епископа Преславского, в каковом сане он перевел в 906 г. в вышеназванном монастыре св. Пантелеймона «Четыре слова Афанасия Александрийского против ариан». А еще раньше (в 897 г.)⁷ он перевел и переписал новым письмом упомянутое выше Учительное Евангелие, в приложении к которому он присоединил в несколько переработанном виде «Летописец вскоре» патриарха Никифора.⁸ Сюда он и вставил столь

⁶ Byzantinoslavica I, 86.

⁷ Михайлов, Заметка о времени происхождения Учительного Евангелия Константина Сборник статей в честь ак. А. Соболевского, стр. 459.

⁸ Златарски, Наистарият исторически труд в старобългарската книжница Спис. бълг. Акад. XXVIII, 149.

знаменательную для истории славянского просвещения дату реформы славянской азбуки. Как догадывается проф. ЗЛАТАРСКИЙ, первоначально в ней не отсутствовало и имя ее творца. Т. е. надо думать, что приведенная выше из Летописца цитата сначала звучала как *отъ крѣщенїа (българѣ) до прѣложенїа кѣнигѣ (пресвитеромъ) Константиномъ лѣтъ ѿ*.

В дальнейшей истории славянской письменности эта коротенькая и по существу вполне невинная фраза сыграла роковую и совершенно исключительную роль. Пока глаголические книги употреблялись наравне с книгами нового письма, всякий (по крайней мере, в Болгарии) хорошо знал, что слова *прѣложенїи кѣнигѣ* имеют в виду изменение или реформу письмен. Но по мере исчезновения из житейского обихода глаголических рукописей, и глаголическая азбука стала мало-по-малу отходить в область преданий и, наконец, даже самым ученым книжникам сделалась известной только по наслышке. Еще прошло несколько веков — и на всем православном юге и востоке память о ней исчезла почти совершенно. Зная только одну славянскую азбуку, никому из славянских книжников не могла придти в голову мысль, что *прѣложенїи* в известии Никифорова летописца обозначает что-нибудь другое, чем перевод, а книги — что-нибудь иное, чем св. Писание. А так как в то время все еще хорошо помнили, что перевод св. Писания есть дело рук Константина философа, то слова *прѣложенїи кѣнигѣ* в «Летописце» они неизбежно должны были бы толковать в этом смысле — даже в том случае, если бы в оригинале славянского перевода памятника не стояло имя *Константинъ*. Тем скорее должно было произойти это недоразумение, если так было действительно. Как удачно выразился акад. СОБОЛЕВСКИЙ, «Константин имел несчастье быть соименником своего знаменитого учителя. Как известно, славянский первоучитель долго почитался у славян под своим мирским именем. Лишь с течением времени за ним утвердилось его монашеское имя, и он стал известен как «Кирилл Философ». Тождество имен повело к тому, что заслуги епископа Константина с течением времени были приписаны славянскому первоучителю и его литературные труды явились в списках с именем Кирилла. Отрывок из Учительного евангелия в русском списке приписывается также Кириллу. С именем Кирилла является в русском списке «Предисловие евангельское», то древнее церковнославянское стихотворение, которое в трех сербских списках XIV в. признается произведением «Константина Философа» («Проглас св. Евангелия») и которое вполне может принадлежать нашему Константину.»⁹

Зная эти факты, нам не покажется странным, что и в известии о *прѣложенїи кѣнигѣ Константиномъ* болгарский пресвитер был смешан с его

⁹ *Соболевский*, Матерьялы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб. 1910, 130.

великим тезкой. Этот процесс субституции одного имени другим можно особенно наглядно иллюстрировать следующим сопоставлением: в то время как в русской обработке XIII в. Никифорова летописца читаем еще только: «а от 7-го сбора до преложения книг лет 77, а от Адама 6405», в кратком летописчике перед хронографом 1512 г. это известие имеет более точную формулировку: «от крещеніа до преложеніа книгъ летъ 30 на словенский языкъ святымъ Кирилломъ, а от Адама 6407»:¹⁰ подчеркнутые слова представляют здесь, без сомнения, позднейшую пояснительную вставку.

То обстоятельство, что КОНСТАНТИН, виновник *преложения книг* (т. е. изменения письмен), был смешан с КОНСТАНТИНОМ, виновником *преложения книг* (т. е. перевода св. Писания), и явилось причиной того, что название изобретенной последним азбуки — «кириллица»¹¹ было перенесено на азбуку, придуманную его болгарским соименником. В результате этого фатального *qui pro quo* и родилась легенда, что Константином Философом была изобретена не глаголица, а ее младшая сестра, *теперешняя кириллица*!

*

После вышеизложенных рассуждений мы можем очень просто и очень точно ответить на поставленный в заглавии настоящей статьи вопрос:

«Глаголица была заменена так-называемой кириллицей на Преславском соборе 893 г. пресвитером Константином по предложению князя Симеона, стремившегося посредством новой, гораздо более простой и более легко усваиваемой азбуки облегчить и ускорить процесс славянизации болгарской церкви и государства.»

РЕЗЮМЕ.

Автор предлагает в своей статье новую интерпретацию известия «Летописца» патр. Никифора, что от «крещения (болгар) до преложения книг прошло 30 лет». По его мнению, слова «преложение книг» обозначают здесь не «перевод св. Писания», а «реформу (точнее, изменение) письмен». Так как тридцатилетие крещения болгар падает на 893 г., когда по разысканиям проф. ЗЛАТАРСКОГО был создан Симеоном в Преславе народный собор для национализации болгарской

¹⁰ Шахматов, о. с., 174.

¹¹ Что так называлась глаголица еще в XI в., доказывает известная запись попа Упия Ляхого, списавшего в 1044 г. Книгу пророков с толкованиями не *коуриловицъ* (Карский, Слав. палеогр. 281).

церкви, то автор догадывается, что на этом соборе глаголица была заменена (по всей вероятности, пресв. Константином, переводчиком упомянутого «Летописца») т. н. «кириллицей». Впоследствии, смешение пресв. Константина с Константином Философом послужило причиной перенесения первоначального названия глаголицы «кириллица» на ее младшую сестру.

OU, QUAND, PAR QUI ET DANS QUEL BUT L'ALPHABET GLAGOLITIQUE FUT-IL REMPLACÉ PAR LE « CYRILLIQUE »?

Résumé.

L'auteur propose dans son article une nouvelle interprétation du renseignement donné dans les « Annales » du patriarche Nicéphore que depuis « le baptême (des Bulgares) jusqu'à la traduction des livres 30 années s'étaient écoulées ». D'après son opinion, les mots « traduction des livres » signifient ici non pas « traduction de la Sainte Ecriture » et « réforme (plus précisément, modification) de l'alphabet ». Etant donné que le trentième anniversaire du baptême des Bulgares correspond à l'année 893, date à laquelle, d'après les recherches du prof. Zlatarskij, avait été convoqué par Siméon à Preslav le synode national pour la nationalisation de l'église bulgare, l'auteur pense que c'est à ce synode que l'alphabet glagolitique a été remplacé (selon toute vraisemblance par le prêtre Constantin, traducteur des « Annales » mentionnées plus haut) par l'alphabet cyrillique. Dans la suite, la confusion entre le prêtre Constantin et Constantin le Philosophe fut cause que la translation de la dénomination primitive du glagolitique « cyrillique » au frère cadet du précédent a eu lieu.

EINE VULGATALESART IM SLAVISCHEN EVANGELIUM (MAT. XIII, 48)?

Die bereits von ŠAFAŘÍK ausgesprochene Vermutung, daß in dem altkirchenslavischen Evangelientext Einfluß der Vulgata wahrnehmbar sei (s. Památky hlaholského písemnictví XXXVI f., VAJS Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze 12), ist im Jahre 1925 an der Hand eines neuen Materials von POGOREĚLOV ausführlich begründet worden (Изъ наблюдений въ области древне-славянской переводной литературы. I. Латинское влияние въ переводѣ евангелія, Sborník filoš. fak. un. Kom. v Bratislavě III, 209–216), und das hat wieder einige andere Palaeoslovenisten veranlaßt, diesem schwierigen Probleme näher zu treten. VAJS hat in seinem Aufsatz: Jaký vliv měla latinská Vulgata na staroslovanský překlad evangelní, Slavia V, 158–162 das Pogoreělovsche Material kritisch geprüft, wobei er zum Resultate gelangt, daß einige Fälle der mutmaßlichen Beeinflussung durch die Vulgata »jsou ještě pochybné, jiné zdánlivé nebo zcela neodůvodněné«.

Am merkwürdigsten sind nach VAJS' Ansicht die Stellen Mc. 14,4: *къ себѣ* – *inter semet ipsos* – *πρὸς ἑαυτοὺς*, und Mc. 9,50: *между собою* – *inter vos* – *ἐν ἀλλήλοις*, und er entschließt sich nicht dazu, jeden Einfluß der Vulgata ohne Weiteres zu leugnen, derselbe dürfte aber nur darin bestanden haben, daß »byly provedeny některé změny – ojedinělé, nahodilé – podle latinské Vulgáty v překladě hotovém«. Im VI. Bande derselben Zeitschrift erschien der demselben Gegenstand gewidmete Aufsatz SŁONSKIS: O rzekomym wpływie łacińskiej Vulgaty na starosłowiański przekład ewangelji (Slavia VI, 246–264); dieser Forscher meint, daß scheinbare Abweichungen von der griechischen Vorlage und scheinbare Übereinstimmungen mit dem Vulgatatext, insofern sie nicht auf bisher unbekannten Varianten gewisser griechischer Redaktionen beruhen, am besten aus der kritischen Selbständigkeit erklärt werden, mit welcher der slavische Übersetzer seine Aufgabe erfüllt hat. Im 1. Bande der Byzantinoslavica hat VAJS dem Probleme der lateinischen Einflüsse auf das aksl. Evangelium abermals einige Seiten gewidmet (in dem Aufsätze: Byzantská recenze a evangeliíni kodexy staroslověnské, Byzantinoslavica I, 1–8, deutsches »Resumé« das. 8 f.); jetzt macht er der Pogoreělovschen Ansicht einige kleine Zugeständnisse: es gebe, meint er, »einige nicht zahlreiche Stellen, die man kaum anders als durch die bezüglichlichen Ausdrücke der Vulgata erklären kann. Es sind nämlich: Mat. 23,4 *събрахѣтъ* – *съблзыхѣтъ* wohl ein Mißverständnis: colligunt – alligant; Joh. 6,23 *хвалѣхѣся дахѣмъ богами* wohl eine Mißdeutung: *gratias agentes* (statt *agente*) Deo (statt Domino): *εὐχαριστήσαντος τοῦ κυρίου*; und Mat. 6, 11 *насѣишны*, was eine wörtliche Übersetzung des *hieronymianischen* supersubstantialis für *ἐπιούσιος* darstellt« (aaO. 9).

Die Beweiskraft dieser drei Stellen wird jedoch geleugnet von VL. ROZOV (Slavia IX, 619–621), der für diese seine Ansicht triftige Gründe anführt. Allerdings anerkennt auch Rozov die *Möglichkeit* eines Einflusses der Vulgata auf den Evangelientext Kyrills und Methods bzw. ihrer pannonischer und mährischer Schüler, — »но мы не имѣем до сих пор надежных примѣров такого влияния« (aaO. 621).

Bei diesem Stande der Forschung dürfte es nicht ohne Belang sein, auf eine Stelle der slavischen Evangelienübersetzung aufmerksam zu machen, welche, soviel ich weiß, bisher für die Feststellung des Grundtextes nicht benutzt worden ist, obgleich sie m. E. für dieses Problem besonders wichtig ist. Dieser Stelle (Mat. XIII, 48) hat vor kurzem der Amsterdamer Professor D. PLOOY eine Untersuchung gewidmet, welche, weil sie die altchristliche Überlieferung und nicht die slavische Übersetzung behandelt und weil sie als Nummer einer von Slavisten wenig benutzten Serie erschienen ist, unsern Fachgenossen wohl entgehen würde, wenn nicht in einer slavistischen Zeitschrift speziell auf sie hingewiesen würde. Die Arbeit heißt: Matthew XIII. 48^B in the textual tradition; sie wurde in den Mededeelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen in Amsterdam publiziert (afdeeling Letterkunde, deel 71, serie A, N° 1, 1931). Plooy hat in dieser Monographie nachgewiesen, daß dem griechischen συνέλεξαν (ἀναβίβασαντες ἐπὶ τὸν αἰγιαλὸν καὶ καθίσαντες συνέλεξαν τὰ κατὰ εἰς ἄγην, τὰ δὲ σαπρὰ ἔξω ἔβαλον) in dem Diatessaron von Tatianus und in zahlreichen von demselben beeinflussten syrischen und andern Texten ein Zeitwort gegenübersteht, das nicht 'sammeln', sondern 'auswählen' bedeutet. Zu diesen Texten gehören auch die Vulgata und andere lateinische Redaktionen; die Vulgata hat: *et secus litus sedentes elegerunt bonos in vasa sua, malos autem foras miserunt*. Als ich von dem Vortrage Plooy's, welcher der oben genannten Publikation zugrundeliegt, nach Hause kam und die Stelle in dem aksl. Codex Marianus aufsuchte, sah ich zu meinem Erstaunen, daß dieser Text dieselbe vom Griechischen abweichende Lesart hat wie die Gruppe von Redaktionen, zu welcher die Vulgata gehört: *сѣдѣша нѣдѣша добрыѣ въ сѣсѣдѣхъ, а злыѣ нѣверѣхъ конѣ*; ebenso Zogr. Ass. Savv. Ostr.¹ Offenbar geht *izboraše* auf die älteste slavische Redaktion zurück.

Woher stammt diese Lesart? Eine entsprechende griechische Lesart ist nicht bekannt, abgesehen vom Ausdruck *τὴν ἐκλογὴν τῶν ἀμεινόνων ποιούμενῳ* bei CLEMENS Alexandrinus, aber diese Stelle setzt für den griechischen Bibeltext keine Variante mit einer Aoristform von ἐκλέγειν oder ἐκλέγεσθαι voraus; s. Plooy. aaO. 8. Eine solche Variante ist gar nicht wahrscheinlich, — wenn wir nicht das slavische *izboraše* als einen Beweis für ihre Existenz betrachten. Wer wird sich aber beim jetzigen Stande der Wissenschaft dazu entschließen? Wenn man die theoretische Möglichkeit einer Beeinflussung des slavischen Textes durch die Vulgata anerkennt, liegt m. E. für Mat. XIII, 48 die Annahme eines solchen

¹ Dagegen beschränkt sich in Vers 47 die Lesart *нѣверѣхъ* 'συναγαγούση' auf den Marianus. Hier haben wir es mit einem durch den folgenden Vers hervorgerufenen Fehler einer Handschrift — oder vielleicht einer kleinen Gruppe von Handschriften? — zu tun.

Einflußes näher als die Vermutung, daß der griechische Text, welchen Kyrill und Method ihrer Übersetzung zugrunde gelegt haben, an dieser Stelle die übersetzte Diatesseronlesart gehabt habe. Vielleicht würde es gut sein, bei künftigen Untersuchungen über die Grundlage der slavischen Evangelienübersetzung auch die Diatessaronforschungen zu berücksichtigen; vielleicht würden sich dadurch auch für die Lösung des Problems von einer etwaigen Beeinflußung durch die Vulgata neue Perspektiven öffnen. Eine solche Arbeit soll aber den Spezialisten auf dem Gebiete der Bibelforschung überlassen werden. Durch diesen kleinen Aufsatz wollte ich nur die Aufmerksamkeit der in dieser Richtung geschulten Slavisten auf die aus Plooys Arbeit sich ergebenden Anregungen hinlenken.

СПОРНОЕ МЕСТО В CAP. IX DE ADMINISTRANDO IMPERIO КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО.

Когда наступает Ноябрь месяц», говорит Константин Багрянородный, «тотчас князья их (Россов) со всеми Россами выходят из Киева и отправляются εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα ἥγουν εἰς τὰς σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγοβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν σκλάβων, οἵτινες εἰσι πακτιῶται τῶν Ῥῶς.¹ Ученые издатели боннского корпуса визант. историков перевели начальные слова греч. цитаты εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα — proficiscuntur in oppida quae Gura appellantur, т. е. отправляются в города или городки, которые называются гирами. Основанием для этой версии было то, что у Страбона, которого Конст. Багр. знал и цитует в своих работах (напр. 63) встречается редкое слово πολεῖδιον как уменьшительное от πόλις; правда, здесь пишется εἰ вместо нашего υ, но это не должно смущать никого, кто знает, что средневековый греч. язык не затруднялся давать для звука и как εἰ, так и υ. Оставалось весьма и весьма неясным, как целый ряд или множество городков могли носить всего одно название γύρα, когда мы знаем, что обычно даже мелкие географические местечки имеют свои особые прозвища. С другой стороны, было неправдоподобно, чтобы Русь начала X века имела много городов и об них знал Конст. Багр., когда русская летопись за означенный период называет их весьма немного.² Наш знаменитый историк С. М. Соловьев первый освободился от навязчивого представления, внушенного ученому миру Нибуром с компанией западных филологов, и понял πολύδια не как уменьшительное от πόλις, а как греческую огласовку русского слова «полудье». Но вторая половина фразы ἃ λέγεται γύρα и до сих пор остается в латинском переводе, данном боннским корпусом, в доказательство того, с каким трудом оставляют головы людей идеи, когда-то им навязанные. Лавровский написал целую статью о гире Константина Багрянородного;³ Ласкин, переводя под редакцией проф. Кирпичникова 9 главу de adm. imp., предлагает чтение: «отправляются в полудье, которое называется гирой».⁴

Следя за тем, как поступает Конст. Багр. в других случаях, когда встречается с непонятным словом, нуждающимся в объяснении, наталкиваемся на такие факты. Перечисляя названия фем, наш автор неизменно пользуется при-

¹ Corp. script. byzant. Bonnæ 1840; цифры в скобках — страницы этого издания (кроме мест из Библии).

² Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк.

³ Жур. Мин. Нар. Просв. 1873, III, с. 113.

⁴ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1899, I, с. 75.

частью καλούμενον: πρῶτον θέμα τὸ καλούμενον ἀνατολικόν (13, ср. 17, 24, 26, 30, 32, 40, 46 и дрр.) и даже пускает в ход это слово заведомо плеонастически. В заключении описания 5-й фемы читаем: καὶ ταῦτα μὲν περὶ τοῦ καλούμενου θέματος τῶν ὀπτιμάτων (27), хотя здесь великолепно, — и с явной выгодой для красоты и силы стиля, — можно было обойтись без καλούμενον. В работе о народах (de adm. imp.) Конст. Багр. как будто несколько меняет фразеологию, но неизменно пользуется тою же причастной формой: ἐπισυνάγονται ἐπὶ τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα τὸ ἐπανομαζόμενον⁵ Σαμβατάς; οἱ δὲ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν οἱ Κριβηταινοὶ λεγόμενοι.⁶ Здесь же, при указании переправы, видим опять εἰς τὸ λεγόμενον πέραμα; при названии острова — εἰς τὴν νῆσον τὴν ἐπιλεγομένην. Если бы Конст. Багр. видел в γύρα прозвище, усвояемое πολύδια, он должен был выразиться в той форме, какую употребляет (не говоря об описании фем) в целом ряде случаев из 9-й главы, т. е. применить обычный для него причастный штамп. Интересующее нас место, судя по целому комплексу аналогичных явлений по соседству с ним, читалось бы: εἰς τὰ πολύδια τὰ λεγόμενα γύρα.

В других случаях Конст. Багр. не ограничивается указанием одного географического названия, но пытается и протолковать его. Нельзя ли и в нашем месте видеть толкования? Оставляя в стороне толкования нашего автора, обязанные своим происхождением рискованным филологическим или историческим сближениям, остановимся только на определенных объяснениях слов. В одних случаях, при названиях 1, 2, 3, 6, 7 порогов Конст. Багр. добавляет ὃ ἐρμηνεύεται ὥοισιτί καὶ σκλαβινισί — что истолковывается порусски и пославянски; в других (4 и 5 пороги) — к причастной форме (ἐπανομαζόμενον или ἐπιλεγόμενον) присоединяет одно ὥοισιτί. Судя по этим примерам, нет основания видеть в разбираемом нами месте, в словах ἃ λέγεται, элементов экспликации или одного из приемов в толковании географических названий. И совершенно параллельное приведенным словам выражение в начале той же 9-й главы закрепляет за Киевом непонятное σαμβατάς так точно, как за πολύδια закрепляется γύρα. Стиль Конст. Багр., как видно уже из приведенных, далеко не в полном количестве, примеров не отличается богатством и разнообразием, которое давало бы основание думать, что именно в изречении εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα автор взял да и выразился совсем поновому, позволив себе отступление от своих излюбленных шаблонов.

Все споры в гирах Конст. Багр. возникли из наваждения, созданного готовыми печатными текстами с их транскрипцией. Если же освободиться от печатной традиции и обратиться к рукописной, дело будет очень ясным и простым. В средневековом греч. языке обращалось прилагательное γύρος с значением круговой; у Конст. Багр. оно и употреблено в качестве предикатива при πολύδια, т. е. злосчастное место будет читаться порусски: «Отправля-

⁵ Ср. эту же форму при обозначении днепровских порогов: 1, 5, 7, 8-го.

⁶ Эта же форма при наименовании порогов: 2, 3, 4, 6-го.

ются на полюдье, которое называется круговым». Правда, в теперешних словарях прилаг. *γυρός* дается, — всего скорей для отличия от *γῦρος* - круг, — с ударением на конечном слоге, а у боннских издателей оно ударяется на втором слоге с конца. Но это нисколько не должно смущать нас, если вспомним, что Конст. Багр. выпустил в свет свою работу в начале X в., когда в рукописях часто на целом ряде слов совсем не бывало ударений.⁷ На словах же, где оно и проставлялось, оно странствовало на протяжении времен с одного слога на другой; не только ударения, сильно менялись даже самые роды имен.⁸

Слово *γῦρος* в классическом языке известно очень мало и обычно заменяется синонимичным *κύκλος*, в эллинистическую же письменность оно вошло всего скорей под влиянием библейских текстов, где его находим в книгах Иова (XXII, 14), Сираха (XXIV, 5) и прор. Исаии (XL, 22), а равно и у толковников на библию Акилы, Симмаха и Феодотиона. Для нас важно в данном вопросе употребление термина у Сираха, нравоучительными изречениями которого Конст. Багр. пользуется весьма обильно, делая из книги Премудрости Сираховой большие выписки, к очевидной невыгоде для целостности и стройности своего труда.⁹ Можно думать, что под влиянием Сираховых изречений Конст. Багр. употребляет в той же 9-той главе *γυρόθεν* (78) вместо ожидаемого в данном случае *κύκλῳθεν*.

В византийском законодательстве, куда и Конст. Багр. вложил свою лепту, имеется ряд постановлений об архонтах или начальниках областей. Цель этих постановлений — определить права провинциальных владык и по возможности пресечь злоупотребления, которые они себе позволяли. В *ἐκλογὴ νόμων* царей Льва и Константина (tit. VII, 8) читаем: *κελεύομεν μηδένα τῶν ἀρχόντων ἐξεῖναι χωρὶς ἀναγκαίας χρεῖας ἀποδημίας ποιεῖσθαι ἢ τὰς λεγόμενας γύρας*. Порусски: повелеваем, чтобы никто из начальников не смел без крайней необходимости устраивать отлучки (в провинции) или так называемые (окружные) объезды. «Если же», разъясняет дальше эклога, «какая необходимость вызвала бы что либо подобное, — да совершают это архонты, их приближенные и подчиненные им отряды на собственный счет и не обременяют наших подданных ни разъездными (почтовыми), ни подворными, ни какими либо другими взысканиями.¹⁰ Здесь с ясностью, не оставляющей места никаким сомнениям, слово *γύρας* употребляется синонимично с *ἀποδημίας* и может значить только особого рода поездки и ни в каком случае не города или городища.

Mutatis mutandis в эклоге Льва и Константина мы имеем зарисовку приблизительно того же положения, какое намечает, по дошедший до него рассказ, Конст. Багр. для современной ему Руси. В византийской провинции на-

⁷ Для примера см. N 16 в *Specimina codicum graecorum*, ed. Cavalieri-Lietzman, Bonnae, 1910, где *φωγῆ μιᾷ πλεῖ ἐγένετο ἐν τῷ χινίσαι* только с одним дыханием на 4-м слове.

⁸ См. Jannaris, *an historical greek grammar*, London 1897, § 249.

⁹ См., напр., предисловие и гл. 13 *De adm. imp.*

¹⁰ *Levenclavii, jus graecoromanum*, Francofurti 1596, p. 93.

ходился архонт с известным штатом подчиненных и отрядами; он должен был править областью из своей резиденции и только «крайняя необходимость» давала ему возможность совершать отлучки или поездки, индивидуальные и круговые. Эти поездки, вызванные строжайшей нуждой, он должен был, во избежание обременительных для населения поборов, совершать на собственные средства. Правитель Руси — князь также имел около себя подчиненных дружинников, нуждавшихся в содержании, должен был править подчиненными ему областями из одного центра и без крайней необходимости не выезжать за сбором дани. Крайней необходимостью, в условиях древнерусской действительности, являлось конечно оужное полюдь, которое Конст. Багр. приурочивает к Ноябрью, разумея, всего вероятней, его начало. С помощью такого кругового полюдья собиралась вся товарная масса, шедшая на содержание и самого князя, и правивших под его руководством дружинников, а в известной части продававшаяся и за пределами русской земли. Это ежегодное *круговое* или *окружное* полюдь и имеет в виду Конст. Багр., когда разъясняет в приведенной цитате, что князь отправляется в страны Дреговичей, Кривичей, Северян и других племен. Но, очевидно, как у византийских чиновников, так и у русских князей, кроме необходимых и потому законных *объездов* подвластного населения, существовали и незаконные, в видах примучивания людей и вымогательства лишних поборов. Византийское законодательство это несправедливое корыстоушество пресекало не только профилактическими мерами поездок на собственный счет, но и прямыми штрафами и наказаниями василевсов. На Руси IX—X вв. жизнь нормировалась главным образом обычаями, а не правом, — воспринятым из римского мира, как у Греков, — и здесь естественно отдельные, в отличие от обязательных круговых, полюдья могли пресекаться только недовольством или прямым бунтом подданного люда. Наша Повесть временных лет и отмечает на самых первых из своих страниц эти два сорта взимания дани князем и его дружинниками с подчиненных племен. В лето 6453, т. е. в 945 г., дружина Игоря из зависти к русскому архонту Свенельду, обогатившему своих приближенных (отроков Летописи), подбила князя на незаконный или специальный поход к Древлянам. «И послуша их Игорь», говорит летописец, «иде в Деревя в дань и примышляше к *первой*¹¹ дани и насыляше имъ». ¹² Дружина настолько раздражила аппетиты Игоря, что он уже прямо сказал ей: «идѣте съ данью домови а я возвращаюся похожу еще» и действительно возвратился к подданным, «желая больша имѣнья». Как известно, это необычное и незаконное полюдь вызвало бунт Древлян и они после окрика: «почто идеши опять, поимал еси *всю* дань» убили и самого Игоря, и ту, очевидно наиболее жадную, часть дружины, которая была при нем. Если Константин Багрянородный и слышал об этих специальных, необычных и незаконных, полюдьях, возникавших на почве злоупотреблений и край-

¹¹ Т. е. обычной или законной.

¹² Лавр. Летоп., ПСРЛ, т. 1, изд. 2, 1926, с. 54.

ней жадности отдельных носителей власти, во всяком случае он говорит не об них. В дополнение к русским летописям, византийский писатель изображает тот вид *кругового полюдья*, который являлся нормальным для Руси его времени и был хорошо знаком в Константинополе, в качестве русла, собирающего и проводящего русские товары на царградский рынок.

ÜBER EINE STELLE CONST. PORPH. DE ADMINISTRANDO IMPERIO CAP. IX.

(*Resumé.*)

Der Verfasser bespricht die Übersetzungen des Ausdrucks τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα, die von Niebuhr's Mitarbeitern, von Solov'ev und anderen Gelehrten gegeben wurden. Weiter wird Konstantin's Schreibart geschildert und ihre Eigentümlichkeiten, die für die Auffassung der betreffenden Stelle maßgebend sind. Die Erklärung des Wortes γύρος wird in dem Sinne »zum Umkreise gehörig« geboten und die Gründe dafür aus den biblischen und byzantinisch-juridischen Schriften angeführt. Konstantin versteht also — laut dieser Erklärung — unter γύρα normale Rundfahrt des Fürsten und seines Landwehrs inmitten der ihm untergeordneten Stämme.

S. P. ŠESTAKOV (Kazaň):

К ИСТОРИИ ГРЕКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ X-го ВЕКА.*

В первом из прилагаемых писем Арефа Кесарийский поздравляет императора Романа Лакапена с его крупным дипломатическим успехом, свадьбой его внучки, дочери его сына Христофора с болгарским царем Петром (8-го октября 927 г.). В этом письме хорошо отразились те чувства, которые переживала вся страна. Нужно перенестись в те времена, когда писались Арефой эти строки. Вторые и первые годы третьего десятилетия X-го в. были полны для Византии тяжелых неудач в борьбе с могучим соседом. Дважды, хотя и на короткое время, доставался в добычу жестокому завоевателю Адрианополь. Самая столица видела, как ближайшие села и поля и ее собственные предместья опустошались болгарами. Только теперь, наконец, наступала пора успокоения. Вселенский мир представлялся обеспеченным со вступлением в крепкий союз с Византией болгарского царства. Ни Венгрия, ни другие соседние царства уже не были страшны. Правда, еще в договоре Византии с Русскими 944-го г. находим статью, обещающую помощь русских Византии против Болгар в случае их нападений на Херсонскую область, но со времени смерти великого царя Симеона, о какой нибудь опасности для Византии от Болгар не могло быть и речи.

Определенным *terminus post quem* для *второго* письма является то обстоятельство, что Арефа несомненно титулет Романа в конце письма как единогодержавного правителя. Но дальше ведет нас собственный повод письма Арефы к митрополиту Ефеса Григорию, тот случай с диаконом Стефаном, в коем Григорий, бывший глава адрианопольской церкви (см. начало письма), выступал на защиту его, встречая отпор со стороны Арефы в настоящем его письме. Какова была провинность Стефана, об этом мы узнаем в строках 42—46 срв. 53—54. Повидимому, Стефан с другими представителями города, вероятно, Адрианополя (Григорий, бывший адрианопольский, защищает своего подчиненного), был оставлен болгарами заложником (другие бежали, он не успел, стр. 44 след.), при чем связал себя письменною клятвою, стр. 31 срв. стр. 4—5.

Можно предполагать, что проступок диакона Стефана относится к одному из тех захватов Адрианополя болгарским царем, какие нам известны из летописи (первый, 914 г., *Ἀμπερος*, *Ἰστ. τ. Ἑλλάδος*. IV. 311: *Theoph. Contin.* 387₁₄—388₄ cf. *Georg. mon. Contin.* 805_{14—18}, *Sym. Mag.* 723_{3—6}, *Cedr.* 284_{10—16}, второй, по

* L'article présent a été déjà publié dans le volume I du même journal (*Byzantinoslavica*. v. I. 1929). Comme il était impossible à cause de la difficulté de relations postales avec Kazaň obtenir des épreuves de l'auteur, le texte de l'article a paru dans un état corrompu. La rédaction se permet de représenter encore une fois aux lecteurs le texte rectifié.

Златарскому, 922, Theoph. Contin. 404₁₈—405₁₀ cf. G. Mon. Contin. 823_{7—23}, Sym. Mag. 734₁₉—735₈, Cedr. 302₂₁—303₁₄), скорее, думаем (см. ниже), второму. Здесь важно установить обстоятельства выступления на театре болгарской войны епископа Русия Евфимия, о стойкости коего с такой похвалой говорит Арефа в строках 46—49. Здесь с пользой могут быть привлечены письма патриарха Николая, рядом с перепиской императора Романа с Симеоном важный побочный источник для нашего периода. Авторитет господствующей церкви, ее влияние на τὸ νεοφώτιστον ἔθνος (с этой стороны письмо напоминает о мирном периоде глубокого культурного влияния Византии на Болгарию, в 893—913 г. г.) для автора письма вещь первостепенной важности, как видно в его возражениях митрополиту Григорию по делу Стефана. Нельзя никоим образом допустить, чтобы этот авторитет был поколеблен в глазах болгар.

Мы позволяем себе высказать догадку, что епископ Русия Евфимий, называемый в нашем письме, есть тот епископ, которого, не называя его по имени, упоминает патриарх Николай в своем 22-ом письме,¹ как своего посла к болгарам.

Полагаем, три соображения говорят в пользу такой догадки: 1. в переговорах о мире 921-го г. шла речь об обмене пленных, как в письме Арефы, стрр. 56—57; 2. общая картина положения на театре войны отражает в себе, в стрр. 52 сл., критическое положение Византии в 920—921 г. г.; 3. стойкость епископа, описываемая Арефой, хорошо подходит к характеру, какой мы можем предполагать у лица, уполномоченного патриархом в эту критическую минуту, обещенного его особым доверием, его «сына».

Город *Русий* находился в югозападной части Фракиевой ъемы, милях в 40 к западу от приморского города Редеста (Родосто).² Область уже в 921-му году была оккупирована болгарам.

Если вышеупомянутое отождествление Евфимия с епископом, «сыном» патриарха вероятно, то естественно думать, что Стефану ставился в пример подвиг этого лица; значит, проступок диакона Стефана относился ко второму захвату Адрианополя болгарам.

Но мы можем также думать, что протекло уже порядочное число лет от всех этих событий до поры написания Арефой данного письма. Об этом говорят не только выражения письма об Евфимии: θαυμάσιος καὶ ζηλωτὸς Βουλγάρους καὶ Ῥωμαίους εἰσέτι νῦν διατελὼν ἐμακαρίζετο, стрр. 48—49, но и вообще последняя часть письма: опасности давно миновали, мир заключен, и речь идет о том, чтобы не поколебать авторитета церкви в глазах болгар.

Относительно заключительного сообщения Арефы о передаче императором Романом письменного договора с болгарам в церковь, стрр. 81—82, заметим, что, по словам византийской летописи (см. и Λάμπρος. IV. 316), договор, последовавший за свиданием Романа с Симеоном в начале сентября 924-го г.,

¹ См. V. N. Zlatarski, История на Българската държава, т. I. ч. 2. (София. 1927) стр. 438 и 833, примеч. 4.

² См. Histor. Atlas of modern Europe by Lane-Poole, т. LXXIa. LXXII: The Eastern Roman empire in the X. century (Oxford 1902), p. 950.

сопровождался дурными предзнаменованиями. Это *vaticinium post eventum* дает основание заключать о некоторых осложнениях в отношениях с болгарями, последовавших в промежутке между 924 годом и смертью 27 мая 927-го г. Симеона, положившей конец затруднениям Византии. Возможно, что к этим неизвестным нам ближе обстоятельствам относится данное место письма Арефы.

ПИСЬМА АРЕФЫ КЕСАРИЙСКОГО, cod. Mosq. gr. bibl. s. Synodi, no. 315, fol. 105^v.

Ῥωμανῷ βασιλεῖ.

- Ἐπὶ μεγάλῳ κατορθώματι τῆς νῦν ἐνεργουμένης κοσμικῆς εἰρήνης καὶ ὁ μηδεὶς ἠλπισεν ἀνθρώπων, ἐκ μέντοι τῆς τοῦ ὑπεραγάθου Θεοῦ ἀνυπερβλήτου χρηστότητος ἐπιτελεσθέντι, αὐτῷ τῷ μεγάλῳ καὶ θαυμαστῷ ποιοῦντι Θεῷ τοὺς εὐχαριστηρίους ἀναπέμπομεν φωνάς, ὥς δυνατόν ἀνθρωπίνῃ φύσει· σὲ δέ, βασιλεῦ.
5. θεόστελτε, ἐφ' οὗ ταῦτα ἡδόκησεν ὁ ἀγαθὸς Θεὸς τοῖς ὑποχειρίοις ἡμῖν βραβευθέντα, τιμῶντες καὶ τῆς εὐτυχίας τοῦ τοσούτου μακαρίζοντες ἀγαθοῦ, ἀφ' ὧν ἡ πενία ἡμῶν εὐπορεῖ δεξιοῦσθαι τετολμήκαμεν, ἀνάξια μὲν ἴσως τῆς σῆς τοῦ λαμβάνοντος τύχης καὶ δόξης, ἀλλὰ τῆς προθυμίας ἡμῶν ἐκ περιχαρείας τῶν τελουμένων τοῦ μεγάλου νομισθῆναι οὐκ ἐλαττούμενα, καὶ μάλιστα ὅτι τοιοῦτοις
 10. τὸ ἐπίγειον κράτος δωροφοροῦμεν, ὁπόσοις καὶ τὴν ἀνώτερον πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας Θεόν· θυμίαμα γὰρ ἐκλεκτὸν τὸ δωρούμενον ἐν χρυσαργύρῳ σκεύει τεταμειμένον, καὶ διὰ τούτων αἰνιττόμενοι καὶ εὐχόμενοι τὸ εἰς ὁσμήν εὐωδίας Θεῷ καὶ ἀνθρώποις προβῆναι τὰ νῦν ἐπὶ τῇ κοσμικῇ εἰρήνῃ διοικούμενα, καὶ τῷ ἀπὸ τῆς βασιλείου ὁσφύος εὐγενεῖ βλαστήματι εἰς σύνδεσμον ἀδιάσπαστον τῆς
 15. εἰρήνης πρὸς γάμον ἐκδιδομένῳ, καλλιτέκνον καὶ πολύτεκνον προβῆναι τὸ ἔργον, ἵνα πῇ μόνον ἡ Ῥωμαίων ἀρχὴ καὶ βασιλεία διὰ τῆς σῆς διακοσμήται αὐτοκρατορικῆς δόξης, ἀλλὰ καὶ τὰ βάρβαρα ἔθνη ὅλα διὰ τοῦ συγγενοῦς ὑμῖν ἐγκεντρίσματος ἐξημερῶται καὶ πρὸς ἀνθρωπίνης ζωῆς ἀρετὴν μεταποιῇται καὶ μεθαρμόζηται.

Γρηγορίῳ μητροπολίτῃ Ἐφέσου.

- Ἀνεύθυνός σοι, σοφὲ τὰ πάντ' ἀδελφέ, κύριε Γρηγόριε, ὁ χρηστός οὗτος Στέφανος, ὃς ἦν ὅτε Ἀδριανουπόλεως ἀρχιερεὺς ἐξηματίσας, ἐφ' οἷς [f. 111] τὰς ἐνόρκους αὐτοῦ παρασπονδήσας ὁμολογίας, εἴτα φυγὰς ὑπὸ ἀρχίῳ κρυπτόμενος δρασ-
5. μὸν ἔξετέλει, τῶν φοβερωτάτων αὐτοῦ ἀφειδήσας ὄρκων· οὐ σοι γένοιτο φιλαδέλφῳ κατ' ἄκρας ἀναφανέντι καὶ τῇ ἀγχιστροφῇ σου περινοίᾳ μὴ μόνη τῇ παρ' ἐαυτῷ δεξιότητι ἀρκουμένῳ, εἰ μὴ καὶ θείᾳ πρὸς ταῦτα ὑποδείγματι παρακαλοῦντι πρὸς ἅμαχόν τινα πίστιν τὰ προτεθέντα ἐξάγειν προσηρημένῳ, ἥ καὶ αὐτὴ οὐκ ἀδόκιμος ταῖς ἀποδεικτικαῖς ἐφοδοῖς νενόμισται, ὧν ταῖς ἐκ βαθυτάτων τῶν λογισ-
 10. μῶν ἀποδείξεσιν ἐπαγομένη καὶ ἐπιρρωννῦσα τὸ κατασκευαζόμενον¹, καὶ τό γε κρεῖττον ἐν τούτοις ἀναντιρρήτως νομιζόμενον οὐκ ἐξ οἰκείας λαμβάνων εὐρέσεως,

¹ Перевод строка 6—12: «Пусть удастся здесь тебе, проявившему чрезвычайное братолюбие, и в своей изворотливой рассудительности, не удовлетворяясь только своим мастер-

- ἐκ δὲ τῶν Πέτρῳ ἱερομάρτυρι πεπονημένων κανονικῶν ἐπιστολῶν προάγων, ὡς ἔοικεν, εἰς ἀξιόπιστον τὸ σοὶ πρεσβευόμενον. τὰ δὲ ἦν Πέτρος τῶν ἀποστόλων, ὁ πρόκριτος καὶ Παῦλος τὸ σκεῦος τῆς ἐκλογῆς, καὶ δὴ καὶ αὐτὸς ὁ θεάνθρωπος
15. ἡμῶν Κύριος καὶ Σωτὴρ ἀπὸ τῶν αὐτοῖς πεπραγματευμένων τὸ ἀμώμητον δῆπου καὶ τῇ μετὰ χεῖρας περιστάσει δριζόντες, ἐπεὶ καὶ αὐτοὶ φυγαδεῖα τὸ κινδυνῶδες τοῦ καιροῦ ὑπεκκλίνοντες οὐδεμιᾶς ἐνοχῆς διὰ ταῦτα ἡξίωνται. ἀλλὰ γὰρ σκοπεῖν ἀξιάγαστον, ὡς οὐκ ἡ τοῦ πάθους ὁμοιότης κοινωνοὺς ἀναδείκνυσι καὶ τοὺς πάσχοντας τοὺς πρὸς οὓς ἀναφέρειν ὑμῖν ἡ σπουδὴ τὸν βέλτιστον Στέφανον, εἰ
 20. μὴ καὶ πολλῷ τῷ μέσῳ τοῦτον διαστελλόμενον ἐνθεωρεῖν ἔστι τῇ προκειμένῃ παραβολῇ, Πέτρος ὑπ' ἀγγέλου τοῦ Θεοῦ πρὸς τὴν φυγὴν παρορμώμενός τε καὶ συνεργούμενος, δι' οὗ ἡ περιτομὴ τὸ εὐαγγέλιον ὑποδέξεται, Παῦλος δὲ σαργάνῃ χρησάμενος καθιμασθῆναι τοῦ τείχους, ἐφ' ᾧ τε διαφύγοι τὸν ἀπολέσαι ζητοῦντα, καὶ αὐθις ὑπὸ τῶν ἀσιάρχων ἀποκρυβῆναι ἠνέσχετο, πρὸς τοῦτο Θεοῦ συγκαι-
 25. ρομένου τοῖς τοῦτο πραγματευσαμένοις πιστοῖς, ὡς ἂν δι' αὐτοῦ τοῖς ἔθνεσι διαδοθῇ τὸ σωτήριον μᾶθημα· ὁ δὲ Σωτὴρ ἡμῶν Θεὸς ἐκ σπαργάνων εἰς Αἴγυπτον φυγαδεύεται, καὶ οὐ μόνον ἵνα τὰ βδελύγματα τῶν Αἰγυπτίων τῇ τούτου παρουσίᾳ κατασεισθῇ, ἀλλὰ καὶ τῷ μῆπω καιρὸν εἶναι Ἡρώδην τῇ χριστοκτονίᾳ κατακριθῆναι. Καὶ οὗτοι μὲν οὕτως προβάντες οὐκ ἤδη ἀνοίας ὑπεύθυνοι, ἀλλὰ
 30. καὶ δόξης οὐ μὲν οὖν ὕψους ἔρειν ὑπὸ γε πράγμασι θείοις τυγχάνουσιν· οὐ γὰρ καὶ ὄρκῳ ἐγγράφῳ· τῷ μὴ ἀποδρᾶναι κατησφαλισμένοι μὴ πρὸς ἕτερον ἀποκλίνειν ὅλου βίου δεσπότην, ὡς οὗτος αἰσχροῦ καὶ ἀναξίως ἀρχιερέων Θεοῦ, εἰ τὰ μικρὰ τῶν ὄρκων φροντίσαντες τῆς κατ' αὐτὸν παλιντροπίας γεγόνασιν. πῶς οὖν Στέφανον τούτους· συνεξετάζειν ἐξ ὁμοιότητος μόνης τῆς περιτετείας οὐ το-
 35. λμηρὸν καὶ οὐδὲ πόρρω τοῦ θεοχόλωτος ὁ οὕτω φρονῶν κρίνεσθαι, ὡς εἴ τις καὶ τοὺς σταυρῷ [f. 111²⁰] διὰ ἀσέλγειαν ἐπιτετιμημένους μακρῶς τῷ Σωτῆρι Χριστῷ παραβάλλει καὶ Σίμωνα τὸν μάγον ἐγκλήματος ἀπολύει εἰς μίμησιν τῆς τοῦ Θεοῦ ἀναλήψεως ἢ καὶ τῆς Ἡλίου τοῦ Θεοσβίτου, ὑφ' ἧς συντριβεῖς ὁ κάκιστα ἀπολούμενος τὸν βίον κατέστρεψεν; ἀλλὰ γὰρ τῷ μὴ καταλλήλως προσνέμειν ταῖς
 40. ἀφορμαῖς καὶ τὰ τέλη, ἀλλὰ βιάζεσθαι τοῖς τέλεσι καὶ τὰς ἀφορμάς ὑποκλίνειν ὁρᾷς ὡς νομοθετοῦντός ἐστι καὶ βιαζομένου τὰ ἱερὰ γράμματα, οὐ πρὸς τὸν ἐνόντα σκοπὸν ἀπευθύνειν τὸν νοῦν τῷ συντάγματι. Πῶς γὰρ οὗτος ἐνάμιλλος τούτοις ὁ δείματι τοῦ φωραθῆναι, ὡς ἔφθηνεν εἰρηκότες, ἀρρίχῳ ἑαυτὸν ἀφανίσας τοῦ μὴ τῆς παραβάσεως τίσαι δίκην, ἣν φωραθεὶς ὕστερον ἀνέτλη τῆς γενειᾶδος αἰσ-
 45. χοῦ δηωθεὶς ἀποτίλσει καὶ ποδοκάκαις τοὺς πόδας περιβληθεὶς, ἐξὸν αὐτῷ μὴ τούτοις ὑποβληθῆναι, εἰ κατ' Εὐθύμιον τὸν τοῦ Ῥουσίου διεγένετο ἀρχιερέα, εἰς μηδὲν τῶν προταθέντων ὑπὸ Βουλγάρων ὑπεῖξαντα, ἀλλ' εὐσταθῶς ἄγαν τὰς ἀπειλὰς ὑπενεγκόντα, ἀφ' οὗ καὶ θαυμάσιος καὶ ζηλωτὸς Βουλγάροις καὶ Ῥωμαίοις

ством, но и приводя на то божественные примеры, довести поставленный вопрос до достоверности неопровержимой, задавшись этой задачей; каковая вера (здесь «вера» повид. в некотором контрасте с *ratio*) выдерживает, как принято думать, испытание и сама (т. е. и в этой области доводами от ума, как в логике) в методах доказательств, наводя и подкрепляя устанавливаемое посредством доводов из глубочайших недр ума». — Арефа, письмо к Григ., строки 6—12.

- εἰσέτι νῦν διατελῶν ἐμακαρίζετο; ἵνα δὲ τῇ φυγῇ σωτηρίαν Στέφανος ἐτέροις οὐχ
50. ἑαυτῷ διοικήσεται, ἥπερ οἷς παριστοῦν αὐτὸν ἐκθυμώτατα κρίνετε τούτοις ἐναθλεῖν, εἴλετο· ἀλλ' ἔστιν οὐκ ἄλλο οὐδὲν ἢ τὸ δυσμαχώτατον συγκροῦσαι τὰ φονικῶς ἑαυτοῖς ἐφορμῶντα Ῥωμαίων τε καὶ Βουλγάρων ἔθνη· ὃ καὶ δυστυχῶς ποιῶν ἐκτετέλεσται διαστασιαθέντων ἐντεῦθεν μανικώτερον Βουλγάρων τῇ τῶν ὄρκων
55. στοτέραις ἐλπίσιν τοῦ φιλίως συμβῆναι συγκροτουμένων καὶ τέλεον τὰ εὐμενέστερα ἀπεγνωκότων. καὶ οὐ τοῦτο μόνον, ἀλλὰ καὶ μετὰ τὴν τῆς εἰρήνης ἐπαγγελίαν ἐπὶ τοῖς πρὸς τὴν ἑαυτῶν ἀνασωζομένοις αἰχμαλώτοις, ὅσα καὶ οἷα πεπονήρεται οὐκ ἄκαιρον ἐπισκέψασθαι, ὥς ἂν ἡ διὰ πάντων τὸ ἐν ἅπασιν καταφανὲς πάντολμον καὶ αὐθελᾶστος πανοῦργον. Ἀλλ' ἴσως ἀντεφορμῆσεις ἡμῖν ὃ τὰ πάντα
60. πρᾶυς καὶ μετρίκιος, καλὰ μὲν εἶναι ταῦτα φάσκων καὶ ἀποδοχῆς ἀξία, καὶ ἐκ μετέρων δὴ τῶν πραγμάτων μὴ ἂν αὐτὸν ἀποκεκλείσθαι τῆς μεθ' ἡμῶν πρὸς τὴν πνευματικὴν θυσίαν προσλήψεως. πρὸς δὲ τοῦτο ἐροῦμεν ἐτοίμως, ὥς ἐπ' ἐκείνοις ἰσχυρὸν ἔσχηκεν ἀδαμαντίνην, ὃ χρηστὴ, τὸ σοφὸν διαβούλιον τοῦτο, ἐφ' οἷς οὐδεὶς τις ἔτι τῆς κατακρίσεως τοῦ αἰτιαθέντος παρατιγγάνων κατεῖληπται, οὐδὲ δῆμος
65. ὅλος ἰερωμένων καὶ τοῦτο νεοπαγῶν πρὸς εὐσέβειαν καὶ ἐπὶ μικροῖς καὶ τοῖς τυχοῦσι τὸ σκανδαλίζεσθαι προχειρότατος καὶ ἀφ' ἡμῶν ἐκδεχόμενος τὸ τὰ θεῖα ῥυθμίζεσθαι τῆς τούτου κοινωνίας ἀπέρρηξε [f. 112] στάδιον. ἡ φῆς, πρὶν ἀπ' ἐκείνων προσλαβεῖν τὸ ἐνδόσιμον, εἴτε σὺν λόγῳ εἴτε καὶ μὴ, τὰ τῆς πρὸς αὐτὸν διαστάσεως ἐνεργὰ τούτοις νενόμισται, ἕως ἂν κατὰ τὸ ἄμεινον ταῦτα διαιτηθῇ,
70. ἡμεῖς δὲ φθάνομεν ἐπιεικέα δῆθεν τὴν τῶν αἰτιαμάτων διάγνωσιν, ἥτις σκανδάλου αἴτιον ὑπάρξει δῆμῳ τοσούτῳ πιστῶν, οὐ τῷ τοῖς ἀψαύστοις μόνῳ προσλιπαροῦντι Θεῷ, ἀλλ' ἤδη καὶ τῷ λοιπῷ τῆς ἐκκλησίας πληρώματι; ἀλλ' ὅσος ὁ μῶμος καὶ οὐδὲ τυχὸν τὸ παράπαν ἀκίνδυνος, σκοπεῖν χρή. πλὴν εἴ τις ἄλλος τοῦ καὶ ἕνα σκανδαλίζοντος ὑπέχειν ἱκανὸς τὸ ζημίωμα, οὐδεὶς φθόνος. ἐμοὶ γοῦν οὐκ
75. ἀνεκτόν, ὅτι μὴδὲ ἐν ὄροις ὑπέληφα τὸ κακὸν ἡσυχάσειν, ἀλλ' ὑπερχεθῆναι τῶν ἑαυτοῦ τόπων καὶ ὃ μὴ εἶη, Κυριε τοῦ ἐλέους, δευτέρων ὑπάρξειν δυστυχιστάτων πραγμάτων ὑπόθεσιν ἐκ τοῦ καταγινώσκειν ἡμῶν τῆς περὶ τὰ θεῖα ὀλιγορίας ἀνασοβουμένης ἀκάθεκτα. ἀλλὰ γοῦν μικρῷ ἔτι τούτῳ λόγῳ ποθεῖ συνελασθῆναι ἡμῶν καλὴ γε αὐτῇ σπουδὴ καὶ ἐπαινουμένη. ἀλλὰ ἀφαιρούμενος Βουλγά-
80. ρων τὸ κύριον ἔγγραφον καὶ ἐπιδιδούς τῇ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίᾳ, ἕως δ' ἂν μὴ τοῦτ' ἦ, ὧδόν, τὸ τοῦ λόγου, τίλλειν ἐπιχειρεῖς. οὐδὲ γὰρ ὁ θεϊότατος ἡμῶν δεσπότης καὶ βασιλεὺς κύριος Ῥωμανὸς ἤνυσέ τι τῶν καταθυμίων αὐτῷ, ἐξ ὧν τὰ ἐξ ἀβουλίας ἡμῶν ἔγγραφα παρῆσθεν ἡμῖν, καίτοι γε οὐδενὶ κατησφαλισμένα ὄρωκα, — ὅσον δὲ τὸ ἀπλῶς λόγῳ τι ὑπισχεῖσθαι τοῦ μετὰ σκέψεως εἰς ἀθέτησιν ἀσθενέστερον —,
85. οὐκ οἶμαι ἀγνοεῖν οὐδὲ τὸν τυχόντα, ὥς οὐδὲ ἥττον, εἰ μὴ καὶ μᾶλλον ὁ κίνδυνος τούτου παρομαρτεῖ τῷ τὰς ἐνόρκους πίστει παρὰ φαῦλον τιθέντι καὶ τῷ μὴδενὶ παραρριπτεῖν ἴσῳ εὐεμπτώτως ἄγαν ἐνολισθαίνοντι·

ZUR GESCHICHTE DER GRIECHISCH-BULGARISCHEN BEZIEHUNGEN IN DEM DRITTEN JAHRZEHNTE DES X. JAHRHUNDERTS.

(Résumé.)

1. Im ersten der hier publizierten Briefe, in dem Arethas v. Caesarea dem Kaiser Romanos Lakapenos zu seinem großen diplomatischen Erfolge, nämlich der Vermählung seiner Enkelin, der Tochter seines Sohnes Christophoros, mit dem bulgarischen Zaren Peter (d. 8. Oktober 927), Glück wünscht, gibt er seinen großen Hoffnungen den lebhaftesten Ausdruck. Wir müssen uns in die Zeiten zurückversetzen, und die Ereignisse klar vorstellen, unter deren Eindrucke dieser Brief geschrieben wurde. Die ersten Jahre des dritten Jahrzehntes waren voll schwerer kriegereischer Mißerfolge . . . Endlich schien eine Zeit der Ruhe einzutreten und mit dem Tode des schrecklichen Gegners der Weltfriede gesichert.

2. Die eigentliche Veranlassung zu dem zweiten Briefe, das Vergehen Stephan's des Diakonos, dessen Verteidigung Gregorios übernimmt, soll im Adrianopel stattgefunden haben: Gregorios, jetzt Metropolit von Efesos, war früher, als Kirchenvorsteher in Adrianopel, Stephan's Vorgesetzter gewesen. Mann kann annehmen, das Stephan's Fall mit der zweiten Einnahme Adrianopel's, die dem Bulgarenfürst im Jahre 923 gelungen war, in gewissem Zusammenhange gestanden hat.

Die Briefe des Patriarchen Nikolaos, nebst dem Briefwechsel des Kaisers Romanos und des Zaren Symeon eine wichtige Nebenquelle für unsere Periode, können hier zur Erklärung unseres Briefes vorteilhaft benutzt werden.

Wir glauben die Vermutung äußern zu können, daß Euthymios, der Bischof von Rusion, der in unserem Briefe erwähnt wird, derselbe ist, den wir aus dem 22. Briefe des Patriarchen Nikolaos als seinen Gesandten zu den Bulgaren kennen, den der Patriarch, ohne ihn zu nennen, erwähnt. (cf. *Zlatarski*, Gesch. d. bulg. Reiches, I, 2, S. 438 u. 833 Anm. 4.)

Drei Beweise können wir für unsere Vermutung anführen: 1. In den Friedensverhandlungen d. J. 921 (*Zlatarski*, Geschichte d. bulgar. Reiches, I 2 [1927], s. 430) war, wie in unserem Briefe, von dem Austausch der Gefangenen die Rede. 2. In den Verhältnissen, wie sie unser Brief hier darstellt, spiegelt sich die kritische Lage des Reiches i. d. J. 921—922 ab. 3. Die Standhaftigkeit des Bischofs, die unser Brief beschreibt, paßt gut zu dem Charakter, den wir für die bevollmächtigte Person, der der Patriarch unter diesen Umständen einen wichtigen Auftrag anvertraut haben mußte, annehmen können.

БОЛГАРІЯ 973-го ГОДА.

Въ нѣсколькихъ средневѣковыхъ лѣтописяхъ записано, что западный императоръ Отонъ I и его сынъ Отонъ II, возвратившись въ 972 г. изъ Италіи въ Германію, праздновали 23 марта 973 г. Пасху въ Кведлинбургѣ. Туда къ нимъ прибыли съ дарами своихъ королей посольства грековъ, беневентанцевъ, венгровъ, болгаръ, датчанъ и славянъ.¹

Какъ видно, здѣсь упоминается, наряду съ остальными посольствами, и одно болгарское. Остается загадкой изъ какой Болгаріи и какимъ болгарскимъ царемъ оно было послано въ Кведлинбургъ. Ибо, съ одной стороны болгары, живущіе на Волгѣ, должны быть совершенно исключены. Они жили слишкомъ далеко, внѣ германскаго кругозора. Кромѣ того, едва ли бы имъ, какъ некрещеннымъ, нашлось мѣсто на пасхальномъ приѣмѣ, устроенномъ для христіанскихъ посольствъ христіанскимъ императоромъ.² Съ другой стороны, если принять за установленный фактъ все то, что намъ говоритъ современная наука, о судьбѣ Балканской Болгаріи Симеонидовъ въ 973 г., то окажется, что и эта Болгарія, въ которой въ 969 г. воцарился внукъ Симеона Борисъ II, не можетъ быть въ данномъ случаѣ принятой въ соображеніе. Ибо она, какъ обычно считается, именно, съ этого года совершенно исчезаетъ. Эта Болгарія тогда, вмѣстѣ со своимъ царемъ Борисомъ, попала въ руки кіевскаго князя Святослава Игоревича. Позднѣе, по однимъ историкамъ уже въ 971,³ по другимъ въ 972 г.,⁴ её, вмѣстѣ съ Борисомъ, вырвалъ изъ рукъ Святослава византійскій императоръ Іоаннъ I Цимисхій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цимисхій присоединилъ Болгарію къ Византіи. Онъ увезъ Бориса въ Константинополь и тамъ официально низложилъ его, предоставивъ ему титулъ византійскаго магистра.

Слѣдуя Дринову и остальнымъ приверженцамъ его гипотезы о «Западной Болгаріи» Самуила и его старшихъ братьевъ, Борисъ II не господствовалъ въ цѣлой Балканской Болгаріи своего великаго дѣда Симеона. Подъ властью Бориса осталась только первоначальная Болгарія, то есть дунайская часть ея, со столицей Симеона Великимъ Пре-

¹ Ann. Hildesheim. вмѣстѣ съ Lamberti Ann. въ Monum. Germ. III 62. — Ann. Altah. moiores въ Monum. Germ. XX 774. — Thietm., Chron. въ Monum. Germ. III. 753.

² О болгаряхъ на Волгѣ лучше всего см. у J. B. Bury, A history of the Eastern Rom. Empire, London. 1912, стр. 411.

³ Эта датировка, идущая еще отъ Дюканжа, была затѣмъ принята большинствомъ историковъ.

⁴ Эту датировку предложилъ, отступивъ отъ первоначальной, Pagi. Она была потомъ усвоена Васильевскимъ, Шлюмбергеромъ и др.

славомъ. Что же касается ея западной, македонской части, то её уже съ 969, по Дринову даже съ 963 г.,⁵ отнялъ у Бориса Самуиль со своими братьями, воздвигнувъ себѣ новый царскій престолъ въ Охридѣ Св. Климента «словѣнскаго». Другими словами, съ тѣхъ поръ существовали на Балканахъ два болгарскихъ государства: дунайская или, какъ её зовутъ вышеуказанные ученые, «Восточная Болгарія», съ законной династіей Симеонидовъ; и македонская, или, по выраженію тѣхъ же ученыхъ, «Западная Болгарія», подъ властью самозванцевъ Самуила съ братьями. Далѣе, согласно съ упомянутой гипотезой, Святославъ съ 969, и Цимисхій съ 971 или съ 972 г., уничтожили одну только «Восточную Болгарію» Бориса II, тогда какъ «Западную Болгарію» Самуила и его братьевъ ни тотъ ни другой не хотѣлъ или не успѣлъ занять. Последняя не только пережила первую, но и возстала послѣ смерти Цимисхія въ 976 г., съ цѣлью освободить первую отъ византійскаго ига. «Западная Болгарія» воевала съ Византіей, какъ независимое государство съ другимъ такимъ же государствомъ больше сорока лѣтъ. Такъ какъ эта «Болгарія» была единымъ христіанскимъ болгарскимъ царствомъ, существовавшимъ около 973 г., то она, по мнѣнію Дринова и остальныхъ его единомышленниковъ, единственно и могла отправить въ Кведлинбургъ вышеупомянутое болгарское посольство 973го года. Поэтому совсѣмъ неудивительно, если названные ученые считаютъ сохранившееся до насъ извѣстіе объ этомъ посольствѣ самымъ очевиднымъ доказательствомъ правдоподобности гипотезы о «Западной Болгаріи».

Однако, все это далеко отъ истины. Какъ было показано мною въ другомъ мѣстѣ,⁶ до насъ дошли достовѣрные источники, прямо свидѣтельствующіе и совершенно недвусмысленно о томъ, когда и какъ возникло въ первый разъ царство Самуила и его братьевъ. По указаннымъ свидѣтельствамъ, царство Самуила возникло въ результатъ общаго возстанія, какъ македонскихъ, такъ и придунайскихъ славянъ, вспыхнувшего противъ Византіи немедленно по смерти Цимисхія въ 976 г. Слѣдовательно, онъ въ свое время завоевалъ и тѣхъ и другихъ. Далѣе, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, Самуиль и его братья до этого возстанія не были болгарскими царями, а только болгарскими «графовичами» (ко-

⁵ *Златарскій*, Ист. на Бѣлг. Държава, I. 2, Софія, 1927, стр. 877, предполагаетъ что онъ, усвоивъ въ своихъ новѣйшихъ работахъ 969 годъ, предпочтенный Иречекомъ 963 году, предложенному Дриновымъ, этимъ самымъ пересталъ принадлежать къ приверженцамъ гипотезы Дринова о Западной Болгаріи! Интересна въ той же его книгѣ и попытка его подѣлиться со мной авторствомъ моихъ научныхъ результатовъ о хронологіи отправки Бориса II и Романа въ Константинополь заложниками мира между Византіей и Болгаріей! Моя статья въ которой были опубликованы эти результаты, будто-бы попала въ руки Златарскаго только когда печатался предпоследній листъ вышеприведенной его книги!

⁶ Въ моей работѣ *L'hypothèse de la Bulgarie occidentale*, напечатанной въ *L'Art byz. chez les Slaves des Balkans*, 1-er recueil d'éd. à la mém. de Th. Uspenskij, Paris 1930, стр. 27 сл.

митопулами»). Они были сыновьями одного изъ вельможныхъ «графовъ» болгарскаго царя Петра Симеоновича, отца Бориса II, по имени Николая. Въ возставшей дунайско-македонской Болгаріи, возникшей въ 976 г., они не воцарились въ началѣ возстанія, а немного позже. Извѣстіе о возстаніи дошло до бывшаго болгарскаго царя Бориса II въ Константинополь. Ему даже удалось своевременно бѣжать оттуда. Сопровождаемый своимъ младшимъ братомъ Романомъ, соучастникомъ своимъ въ этомъ бѣгствѣ, онъ уже спѣшилъ въ Болгарію, чтобы возвратиться на свой обновленный возставшими престолъ. Но онъ случайно погибъ въ пути, тогда какъ Романъ, хотя и добрался невредимымъ къ повстанцамъ, но не могъ наследовать брату, ибо задолго до этого былъ оскотленъ византіяцами. А онъ былъ послѣднимъ изъ оставшихся въ живыхъ Симеоидовъ. Только тогда, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вступили на престолъ Симеона Самуиль съ братьями. Они не заняли престола какъ самозванцы, а какъ представители свободно избранной возставшими новой царской династіи, смѣнившей старую угасшую династію Симеоидовъ.

Итакъ, слѣдуя источникамъ, до 976 г. никакого болгарскаго царства Самуила и его братьевъ нигдѣ не существовало. Впрочемъ, вышеупомянутые ученые и не обосновываютъ свою мнимую «Западную Болгарію», образовавшуюся подъ тѣмиже царями будто-бы до 976 г., на свидѣтельствахъ источниковъ. Напротивъ, они построили гипотезу объ ея существованіи исключительно на собственномъ толкованіи нѣсколькихъ текстовъ того же рода, какъ и разбираемое здѣсь извѣстіе о болгарскомъ посольствѣ 973 г.⁷ Подобные же тексты могутъ положить основаніе лишь для произвольныхъ объясненій, ибо ихъ смыслъ неясенъ. Но мы считаемъ недопустимымъ, чтобы ясныя и незаподозренныя данныя однихъ источниковъ оспаривались бы при помощи односторонней интерпретаціи другихъ, пока остающихся темными, текстовъ. Стало быть, «Западная Болгарія» есть химерическое государство, съ которымъ мы меньше чѣмъ съ какимъ либо инымъ имѣемъ право связывать вышеуказанное болгарское посольство 973 г.

Въ работѣ на которую я выше ссылался, мною была сдѣлана попытка найти для cadaго изъ текстовъ, толкуемыхъ въ пользу гипотезы о «Западной Болгаріи», иное лучшее объясненіе. Между прочимъ, тамъ были мною предложены два такихъ объясненія и для лѣтописнаго извѣстія о болгарскомъ посольствѣ 973 г. Я выставилъ предположеніе, что это было или какое-либо посольство Болгаріи Бориса II, отправленное до ея завоеванія Святославомъ въ 970 г.; или же, если оно прибыло въ Кведлинбургъ въ самомъ 973 г., то оно могло быть посланнымъ туда только изъ задунайскихъ областей Болгаріи Симеоидовъ, въ которыхъ, по одному

⁷ См. эти тексты въ той же моей работѣ, стр. 34 сл.

указанію Скилицы (Кедрина),⁸ передались Цимисхію одни только прибрежные дунайскіе города. Въ настоящей статьѣ я хочу дать этому извѣстію еще одно третье объясненіе, которое, какъ мнѣ кажется, естественнѣе всѣхъ остальныхъ.

Я почти увѣренъ, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не только съ посольствомъ Болгаріи Бориса II, но и съ посольствомъ выѣхавшимъ оттуда и прибывшимъ въ Кведлинбургъ въ самомъ 973 г. Вотъ на чемъ основывается моя увѣренность въ этомъ:

Какъ показали мои новѣйшія, въ иномъ мѣстѣ опубликованныя,⁹ изслѣдованія по хронологіи похода Цимисхіа въ Болгарію Бориса II противъ Святослава, общепринятое предположеніе о томъ, что этотъ походъ не только былъ начать, но и былъ законченъ въ одномъ и томъ же, 971 или 972, году, не достовѣрно. Во-первыхъ, этотъ походъ, по всѣмъ источникамъ, не исключая и самого Льва Діакона, на основаніи котораго, онъ датируется нѣкоторыми учеными 972 годомъ, начался весной 971 г. Во-вторыхъ, онъ только по двумъ авторамъ окончился въ томъ же 971 г. Одинъ изъ нихъ является вышеупомянутый Левъ Діаконъ, утверждающій въ одномъ мѣстѣ своей исторіи, что до послѣднихъ дней іюля, въ продолженіи которыхъ Болгарія Бориса II была отвоевана Цимисхіемъ отъ русскихъ, протекло четыре мѣсяца. Другой изъ указанныхъ авторовъ «Несторъ», относящій договоръ Святослава съ Цимисхіемъ въ Дристрѣ (Силистріи), вслѣдствіе котораго русскіе отплыли изъ Болгаріи домой, тоже къ іюлю 971 г. По тремъ же другимъ авторамъ, походъ былъ законченъ только въ 973, или даже въ 974 г. Эти три автора — Яхья Антиохійскій, Скилица (Кедринъ) и тотъ же Левъ Діаконъ. У Льва Діакона въ двухъ другихъ мѣстахъ его историческаго сочиненія встрѣчаются данныя то въ пользу 973, то въ пользу 974 г.; такимъ образомъ онъ въ этомъ пунктѣ трижды самъ себя противорѣчитъ.

Которая изъ этихъ двухъ группъ даетъ болѣе вѣроятныя свидѣтельства? Мнѣ кажется, что это послѣдняя группа. Ибо, иначе мы бы всѣмъ не знали, что дѣлалъ сильный и столь дѣятельный Цимисхій съ конца іюля 971 до 973/4 г.

Между тѣмъ, и изъ Льва Діакона и изъ Скилицы (Кедрина) намъ хорошо извѣстно, какъ относился Цимисхій, пока въ Болгаріи Бориса II длилась борьба съ русскими, къ самимъ болгарамъ и къ ихъ государственной идеѣ. Когда византійцы, взявъ въ великую субботу 971 г. бол-

⁸ Скилица (Кедр.), ed. Bonn. II, 401, 19 сл.

⁹ Левъ Діаконъ о годѣ отвоеванія Цимисхіемъ Болгаріи отъ русскихъ, въ *Semin. Kondakov. III* (1929), 1 сл. — *Les indications chronologiques de Jahya relatives à la guerre de Tzimisces contre les Russes* въ *Mélanges Ch. Diehl I*, Paris, 1930, стр. 1 сл. — *La chronologie de la guerre russe de Tzimisces*, въ *Byzantion IV* (1930) 337 сл.

гарскую столицу Великій Преславъ отъ русскихъ, привели къ Цимисхію захваченнаго тамъ Бориса II, византійскій царь не только принялъ его съ почтеніемъ, но и назвалъ его болгарскимъ царемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цимисхій объявилъ не только самому Борису, но и его болгарамъ, что онъ къ нимъ пришелъ не, какъ новый завоеватель, а, какъ освободитель, что онъ въ ихъ землѣ однихъ только русскихъ считаетъ своими врагами, и имъ однимъ несетъ войну. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ тотчасъ отпустилъ на свободу всѣхъ болгаръ, взятыхъ въ плѣнъ въ Великомъ Преславѣ византійцами, позволивъ имъ отправиться куда хотятъ.¹⁰

Болгары до этого времени, какъ это, между прочимъ, видно было и изъ дѣятельнаго участія населенія Великаго Преслава въ защитѣ тамошняго русскаго гарнизона противъ осаждающаго Цимисхія, продолжали больше ненавидѣть византійцевъ, чѣмъ своего завоевателя Святослава. Полные ненавистью они помнили, что виновникомъ русскаго нашествія на ихъ землю былъ предшественникъ Цимисхія Никифоръ II Фока, который, поссорившись съ отцомъ Бориса II Петромъ, нанялъ противъ него князя Кіевской Руси.¹¹ Правда, что Фока, какъ только увидѣлъ, что Святославъ намѣренъ не только остаться въ Болгаріи, но и напасть оттуда на Византію, поспѣшилъ примириться съ Петромъ. Онъ даже заключилъ съ нимъ союзъ противъ русскихъ. Договоръ былъ скрѣпленъ обрученіемъ византійскихъ царевичей Василія II и Константина съ двумя дочерьми Петра, посланными съ этой цѣлью немедленно въ Константинополь.¹² Болгары до самаго момента послѣдняго издыханія своего государства подъ русскимъ нашествіемъ напрасно взывали къ Фокѣ объ исполненіи заключеннаго договора.¹³ Фока вскорѣ погибъ, и болгары были предоставлены собственной судьбѣ.

Между тѣмъ, притворное великодушіе съ которымъ, убійца Фоки, Цимисхій, послѣ взятія Великаго Преслава, отнесся къ Борису II и къ остальнымъ плѣннымъ болгарамъ, какъ и щедрыя политическія обѣщанія, которыя онъ имъ далъ на будущее, значительно измѣнили настроеніе болгаръ въ его пользу. Повѣривъ царскому слову своего ложнаго спасителя, болгары съ этого времени стали рѣшительнѣе сопротивляться

¹⁰ Левъ Діак., ed. Bonn. 136, 15 сл. — Скил. (Кедр.), ed. Bonn. II. 396, 10 сл.

¹¹ Левъ Діак., ed. Bonn. 137, 21 сл.

¹² Левъ Діак., ed. Bonn. 79, 14 сл. Что это были дочери самого Петра, я, вопреки возраженію Златарскаго, продолжаю считать и дальше, исходя изъ того, что онѣ, по Льву Діакону, происходили отъ царской крови. Едва ли бы Фока принялъ отъ Петра въ невесты двумъ молодымъ византійскимъ царямъ, другихъ болгарскихъ княгинь, не царскихъ дочерей. Какого же иного болгарскаго царя дочерей, чѣмъ своихъ собственныхъ, могъ Петръ послать Фокѣ для обрученія съ молодыми царями?!

¹³ Левъ Діак., ed. Bonn. 81, 12 сл.

Святославу, и даже помогать византіѣцамъ при отвоеваніи отъ русскихъ болгарскихъ городовъ.¹⁴ Это, конечно, побудило Святослава, осажденнаго Цимисхіемъ въ Дристрѣ, принять противъ находившихся тамъ болгаръ жестокія мѣры. Опасаясь ихъ измѣны даже по отношенію къ себѣ лично, онъ въ Дристрѣ не только казнилъ 300 бояръ, оставленныхъ, вѣроятно, заложниками болгарской вѣрности русскому господству въ Болгаріи, но и бросилъ въ тюрьмы 20.000 простолюдинъ.¹⁵

Только послѣ того, какъ кіевскій князь въ Дристрѣ былъ принужденъ византіѣцами къ капитуляціи и къ отплытію съ остатками своей дружины домой, только тогда Цимисхій показалъ Борису II и его болгарамъ свое настоящее лицо. Онъ оплатилъ имъ за ихъ наивное довѣріе и за содѣйствіе противъ Святослава разореніемъ ихъ царства, присоединеніемъ ихъ земель къ Византіи, увозомъ ихъ царя Бориса II въ качествѣ плѣнника въ Константинополь и официальнымъ низложеніемъ его тамъ, при своемъ триумфальномъ возвращеніи во дворецъ.¹⁶

Какъ явствуетъ изъ свидѣтельствъ Льва Діакона и Скилицы (Кедрина), Цимисхій до самаго конца своей борьбы съ Святославомъ въ Болгаріи Симеонидовъ, не переставалъ признавать, хотя и неискренно, болгарское государство за существующее, и Бориса II за полноправнаго царя. А тогда, если указанная борьба, какъ я думаю, протянулась до конца іюля 973 или 974 г., не лишено вѣроятія, что и болгарское посольство 973 г., о которомъ намъ сообщаютъ вышеприведенныя средневѣковныя лѣтописи, было высланно въ Кведлинбургъ изъ Болгаріи Бориса II, и даже въ томъ же 973 году.

Между тѣмъ, какъ было мною выше замѣчено, это не только возможно, но и вѣроятнѣе всякой иной комбинаціи. Ибо, какъ видно изъ того же лѣтописнаго сообщенія, 23 марта 973 г., поздравило двухъ Оттоновъ въ Кведлинбургѣ съ Пасхой, кромѣ болгарскаго и иныхъ посольствъ, и одно византійское (греческое). Само собой разумѣется, что даже если оно прибыло туда изъ Константинополя, то оно не было отправлено оттуда безъ вѣдома Цимисхія. Можетъ быть онъ самъ отправилъ его изъ своего лагеря у Дристры. Цимисхій примирилъ Византію съ Отонами, измѣнивъ своимъ согласіемъ на отправленіе византійской княгини Теофанѣ въ Италію въ 972 г. для бракосочетанія съ Отономъ II, враждебную западной имперіи политику предшественника своего Фоки. Что бы ни было, лукавый армянинъ Цимисхій не могъ не усмотрѣть, что, если, пока онъ еще осаждалъ русскихъ въ Дристрѣ, посланное имъ въ Кведлинбургъ посольство появится тамъ въ сопровожде-

¹⁴ Левъ Діак., ed. Bonn. 139, 2, 8 сл.

¹⁵ Левъ Діак., ed. Bonn. 139, 12 сл. — Скил. (Кедр.), ed. Bonn. II, 397, 23 сл.; 400, 13 сл.

¹⁶ Левъ Діак., ed. Bonn. 157, 23 сл. — Скил. (Кедр.), ed. Bonn. II, 412, 19 сл.

ніи пословъ Бориса II, то онъ этимъ способомъ лучше чѣмъ какимъ-либо инымъ, закроетъ глаза не только Борису II и его болгарамъ, а и самимъ западнымъ императорамъ на свои завоевательныя намѣренія въ Болгаріи Симеонидовъ. Конечно, Борисъ II въ 973 г. не могъ бы безъ позволенія Цимисхія, въ рукахъ котораго онъ находился еще съ 971 г., отправить посольство въ Кведлинбургъ. Принимая во вниманіе выгоду, которую бы получилъ отъ этого Цимисхій, послѣдній не имѣлъ никакого повода отказать Борису въ позволеніи, отправить посольство, если Борисъ II этого потребовалъ. Возможно, что Цимисхій даже самъ вызвалъ отправленіе къ Отонамъ болгарскаго посольства наряду съ византійскимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я теперь едва ли могу допустить, что болгарское посольство о которомъ идетъ рѣчь, могло бы быть отправлено изъ задунайскихъ областей Бориса II, незавоеванныхъ Цимисхіемъ. Ибо едва ли византійское посольство сочло бы для себя возможнымъ участвовать въ торжественномъ пасхальномъ приѣмѣ Отоновъ вмѣстѣ съ посольствомъ изъ враждебной Византіи части Болгаріи Симеонидовъ.

LA BULGARIE DE L'AN 973.

(Résumé.)

Parmi les députations de différents peuples qui, d'après un certain nombre d'annalistes allemands, vinrent saluer l'empereur d'Occident Othon Ier, et son fils Othon II à Quedlinbourg à l'occasion des Pâques le 23 mars 973, nous voyons aussi une députation bulgare. Cette députation n'a pu être envoyée ni par les Bulgares de la Volga, trop éloignés de Quedlinbourg et païens, ni par la « Bulgarie occidentale » de l'historien bulgare Drinov et de ses imitateurs, qui, ainsi que je crois l'avoir prouvé ailleurs, n'a jamais existé. Selon moi, il ne peut s'y agir que d'une députation de la Bulgarie de Boris II le Siméonide. Car d'une part, d'après mes recherches publiées récemment là-dessus en d'autres endroits, Tzimiscès n'expulsa les Russes de la Bulgarie qu'à la fin du mois de juillet de 973 ou de 974. D'autre part, d'après les témoignages cités dans mon travail présent, le même empereur jusqu'à cette époque-là ne cessait de faire croire qu'il allait restaurer l'indépendance de l'empire de Boris II, après l'avoir délivré des Russes. De plus, le fait étant donné qu'une députation grecque était également présente à la susdite réception pascalle des deux Othon à Quedlinbourg, je suppose que Tzimiscès a peut-être lui-même suggéré à Boris II d'y envoyer aussi une députation bulgare, et qu'il l'a fait pour mieux dissimuler non seulement aux Bulgares, mais aussi aux Allemands, ses plans de conquête de la Bulgarie des Siméonides.

М. SPERANSKIJ (Moskva):

МАЛО ИЗВЕСТНОЕ ВИЗАНТИЙСКОЕ «ВИДЕНИЕ» И ЕГО СЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ.

После превосходного определения А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМ (Разыскания в области духовных стихов, XII, 117 и сл.) значения средневековых эсхатологических произведений в литературе вообще и в частности в художественно-поэтическом отношении (а сюда, как будет видно из последующего, относится и интересующее нас теперь «ВИДЕНИЕ» АНАСТАСИИ), говорить еще раз об интересе подобных произведений представляется, разумеется, излишним. Одно только можно добавить: большинство таких произведений, касающихся посмертной участи человека, в византийской литературе следует считать имевшими распространение преимущественно в средних и низших грамотных классах, отделяя их от строгой, иногда схоластической, богословской литературы трактатов на те же темы: те «Видения», «Откровения», о которых идет у нас речь, или возникали, или предназначались именно для широких народных или «простонародных» масс — в отличие от важных богословских сочинений, доступных лишь верхам византийского общества; этим объясняется их относительная безыскусственность, иногда стилистическая нестройность, иногда наивность (с нашей точки зрения) и близость к византийскому «фольклору» и мирозерцанию масс, связь их с устной легендой и т. д. Этим же социальным положением среды, где эти «Видения» и «Откровения» писались и вращались, объясняется и их положение в литературе: они в большинстве случаев не ценились в литературных верхах, получая названия «ложных», «отреченных», иначе сказать: считались «апокрифическими», попадая — хотя и не всегда — в так называемые «Индексы запретных книг», время от времени появлявшиеся в византийской письменности. Это положение интересующих нас писаний, стоящее, как было сказано, в связи с их стилем и композицией, необходимо иметь в виду при изучении самих произведений и с историко-литературной точки зрения.

С одним из таких памятников «народной» эсхатологии, еще мало изученным в византийской литературе и до сих пор вовсе не изученным и не изданным в югославянских литературах, мы и имеем дело, говоря о *«Слове Анастасии черноризицы, как она возведена была на небеса»*.

Греческий текст *«Апокалипсиса Анастасии»* (как принято называть наше «Слово Анастасии» в немецкой науке) давно уже известен среди интересующихся греческой письменностью: еще В. Hase (Notices et extraits, 9 [1813 г.], 2, стр. 129 и сл.), говоря о поздних византийских подражаниях «Некиомантии» Лукиана, отметил cod. Paris. 1631, на пер-

вых листах коего он нашел «ein bizarres Gemisch aus Lukian und der Apocalypsis» (по выражению К. Крумбахера — *Geschichte d. byzant. Litteratur*², S. 495): это и было «Видение Анастасии», как было установлено позднее.¹ Глухое указание на тот же текст по той же рукописи дает Н. Omont (*Inventaire sommaire des manuscrits grecs...*, II [1888], 142): «Anonymi cuiusdam visionis narratio, initio mutila», отнеся самую рукопись к XIV—XVI вв.² Сообщением Насе воспользовался К. KRUMBACHER (*Geschichte der byzant. Litteratur*² [1897], 495), отнеся текст к числу произведений публицистическо-сатирических вроде Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἀιδου (XV века).³ Только в 1898 г. на этот текст в cod. Par. 1631 обратил серьезное внимание и впервые сообщил о нем обстоятельные сведения, попытался осветить этот памятник L. RADERMACHER (в *Studien zur Gesch. der Theologie*, herausgg. von N. Bonwetsch, B. III, 2). Статья Radermacher'a (Anonymi byzantini de coelo et infernis epistula) обратила на себя внимание, которое и выразилось в ряде о ней отзывов (частью довольно суровых, каковы К. КРУМБАХЕРА и И. ДРЭЗЭКЭ).⁴ Наконец, в 1903 г. текст «Видения» напечатан был целиком в *Bibliotheca Teubneriana* (№ 1049) R. Homburg'ом, который в том же году в *Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie* (XLVI, 3, S. 434—466) поместил и исследование о происхождении «Видения» на основании уже трех греческих текстов: ему удалось, кроме cod. Paris. 1631, найти и издать еще два списка: cod. Ambrosianus (A. 56, Dupl.) — 1542 года — и cod. Panormitanus (III B. 25, S. 82, 83) — XV—XVI в.⁵

Содержание «Видения» шаблонно и следует обычной схеме средневековых «хождений» по раю и аду (ср. Хождение Богородицы по мукам, Откровение ап. Павла, Книгу Еноха, Видение Феодоры и т. п., кончая Дантом): благочестивая монахиня Анастасия обмирает, затем возвращается к жизни и по просьбе некоего старца Григория сообщает о ви-

¹ Точнее определить его В. Насе не мог: текст, им найденный, — без начала; передавши его содержание, он ограничился указанием, что, судя по языку, произведение следует отнести к 14 или 15 веку.

² По сообщению Омона, рукопись — на пергамене, бомбицине и бумаге на 196 листах; повидимому, она сборная из разных отрывков.

³ Что, как увидим, не верно; «Хождение» же Мазари, действительно, есть подражание, хотя и отдаленное, Лукриану.

⁴ Таковы: *Byz. Ztschr.* VII, 635 fg. (К. Krumbacher), X, 312 (его же), *Theol. Litter.-Ztg.* B. 28 (Ph. Meyer), *Deutsche Litter.-Ztg.* 18, II, 1899 (G. Kroll), *Theolog. Jahresbericht*, XVIII (Preussen), *Ztschr. für wissenschaft. Theologie*, B. 46, Heft 4. (1903 — в отзыве о Homburg'e — I. Dräseke).

⁵ Привожу остальную известную мне литературу о «Видении», какую удалось подобрать: S. G. Mercati, *Osservazione alla «Apocalypsis Anastasiae»* — *Byz. Ztschr.*, XXVIII (1928), 1—2, S. 12—13 — заметка об одном выражении в тексте; ср. *Byzantino-Slavica*, I, 259; R. Ganczyniec, *Zur Apocalypsis Anastasiae* — *Byzantinisch-neugriech. Jahrbücher*, IV, 3—4 (1923), S. 270—276 — о происхождении «Видения»; ср. заметку того же автора в *Real-Encyklopädie Pauly-Kroll*, s. v. § 44 g. E.

денном и слышанном в потустороннем свете, что Григорий и записывает, так как Анастасия, по приказанию водившего ее ангела, должна обо всем этом передать людям, чтобы заставить их страхом грозящих мучений перестать грешить; в конце — довольно обычное проклятие тем, кто усумнится в истинности этого писания, и благословение тем, кто будет его распространять. В то же время «Видение» Анастасии представляет тот интерес, что среди рассказа о разных муках, которым подвергаются грешники на «том» свете, упоминается несколько исторических лиц из византийской истории: имп. Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и какой-то Петр (или Павел), протоспафарий из Коринфа.⁶ Как видно из сказанного, «Видение», преследующее религиозно-обличительную и дидактическую цель, имеет своим центром описание грядущих наказаний грешникам: потому, ясно, оно не может быть сопоставляемо ни с Лукриановской «Некиомантией», ни с трактатами политико-сатирического характера вроде Мазари,⁷ а должно быть отнесено в указанную мною группу «Откровений».⁸

Самые греческие тексты «Видения» Анастасии большим распространением в византийской письменности, кажется, не пользовались: не смотря на тщательность поисков, ГОМБУРГУ удалось, как мы видели, найти только еще два сверх известного ранее списка; и древностью списки эти не отличаются: все они относятся к XV или XVI вв.⁹ Сверх того, и по сохранности тексты оставляют желать многого: только один из известных нам текстов (именно, Ambros.) сохранил начало. Не отличается этот текст «Видения» и большой устойчивостью чтений (что значительно могло бы облегчить реконструкцию первоначального текста памятника): он ясно уже распадается на две редакции: тогда как Ambros. и Paris. близки между собою, cod. Panormit. дает ряд своих чтений (это и заставило Гомбурга напечатать последний текст отдельно). Присмотревшись же к текстам одной редакции, мы заметим также расхождения между ними в деталях чтений (что также не будет говорить о близости этой редакции к первооригиналу). Ясно, т. о., что переписы-

⁶ И эта деталь (как ходячий литературный прием, восходящая, действительно, в конце концов, вероятно, к Лукиану) не составляет исключительной принадлежности «Видения» Анастасии: не говоря о Данте и мн. других, ее отражение мы найдем и в русской легендарной литературе: в последней она отмечена в т. н. «Волоколамском Патерике» (по рук. XVI в. б. Синод. библ., теперь Историч. музея в Москве № 927), по которому умершая во время чумы и вернувшаяся к жизни инокиня видела на «том» свете Ивана Калиту, князя Московского, и Витовта, кн. Литовского. Не исключена возможность предположения, что эта, как и другие, деталь Волоколамского Патерика явилась не без влияния нашего «Видения».

⁷ На это, не соглашаясь с Крумбахером и следом за ним с Радермахером, уже указал Homburg в своем исследовании (448).

⁸ Как, действительно, и поступает Р. Ганчинец в указанной выше своей статье.

⁹ Cod. Paris. 1631 Гомбург отнес приблизительно к XV в. (prolegg., p. VI).

вавшие текст относились к нему довольно свободно, не дорожа точностью копий относительно своего подлинника, по крайней мере в выражениях; если это и может указывать на среду, где вращались эти тексты, предположенную мною выше,¹⁰ то это обстоятельство еще более осложняет восстановление оригинала или вида текста, наиболее близкого к нему.

При таком положении дела с греческими текстами и для византиниста (не говоря уже о слависте) известный интерес представляют переводные югославянские тексты «Видения» Анастасии, до сих пор остающиеся не только не исследованными, но и вообще мало известными.¹¹ Уже при первом взгляде на славянские тексты и при самом поверхностном сличении их с изданными греческими, обращает на себя внимание то обстоятельство, что упомянутое разнообразие греческих текстов, повидимому, идет гораздо дальше, нежели о том можно судить, имея в виду только эти греческие изданные тексты: *славянский перевод не покрывается ни одной греческой редакцией вполне*. Второе наблюдение, получаемое из такого первоначального сопоставления греческих и славянских текстов, — то, что и по редакциям оригинал славянского перевода и известные греческие также различны. Третье, на что приходится указать на основании того же сопоставления, это — то, что перевод был сделан, повидимому, уже с дефектного греческого текста, т. е., оригинал переводчика был такой же плохой сохранности, как и известные нам греческие тексты. Наконец, пересматривая славянские тексты, убеждаемся, что в славянской письменности с именем «Видения Анастасии» известны были *два памятника* различных, из коих только один может быть поставлен в ближайшую связь с известными нам греческими текстами, хотя оба они говорят о видении мук, и в обоих рассказ приписан той же Анастасии. В таком отношении стоят оба эти памятника к греческому тексту «Видения» и друг к другу, видно будет, надеюсь, из дальнейшего. Так же, как и греческие, тексты славянские — сравнительно поздние по времени написания; из них мне доступны были следующие:

1. *Софийской Народной библиотеки № 629* (по описанию Б. ЦОНЕВА — № 433), болгарский, XVI века, л. 93 и сл.. Это — известный «Панагюриштский» сборник М. С. Дринова.¹² Обозначаю его — А.

2. *Белградской Народной библиотеки № 738* (по описанию Л. В. СТО-

¹⁰ Гомбург, кстати сказать, жалуется на малограмотность и небрежность найденных им текстов (см. его Prolegomena).

¹¹ Они до сих пор не изданы и только отмечались в печатных каталогах югославянских рукописных собраний; какой либо литературы о них мне найти не пришлось.

¹² О нем, кроме описания Б. Цонева (I, 442—449), см. у Ф. И. Буслаева «Сравнит. изучение быта и поэзии» (Русск. Вестн. 1873 г., стр. 601, примеч.) и у М. И. Соколова «Откровение Варуха» (Древности, труды Слав. Ком. М. А. О., IV).

ЯНОВИЧА — № 470), сербский, XVII века, л. 132 об. и сл.. Обозначение — Б.

Оба текста очень близки по чтениям друг ко другу, взаимно исправляют друг друга и имеют такое заглавие: »Слово Настасиѣ чръноризницѣ како възведена бысть на небеса» (А). Начинаются они словами: «Язь же Настасиѣ чръноризница повелѣниемъ господнемъ (вожіемъ — Б) възведе мѣ на небеса ангель видѣти всѣ бываема иже въ покаани и непокаани живѣше» (А).

3. Белградской Народной библиотеки № 370 (по СТОЯНОВИЧУ, № 503), сербский, 1750 года, л. 102 об. — а.

4. Той же библиотеки № 558 (по СТОЯНОВИЧУ, № 506), сербский, 1752 года, л. 129. — б.

5. Той же библиотеки № 447 (по СТОЯНОВИЧУ, № 505), сербский, 1812 года, л. 26 об. — в.

Эти три текста, также сходные между собою, озаглавлены: «Слово свете Анастасиѣ»; начало их: «Приде свети Мѣхѣиль и казе светѣю Анастасиѣ ка крила свои от земли на небеса, с неба ѹ рай. Пречиста, рече он ангель, зри окомъ и памѣтѣй ѹмомъ своимъ» (а).

Тогда как первые два текста обнаруживают несомненную свою зависимость от греческого текста, аналогичного изданным Гомбургом, остальные три почти ничего общего с ним не имеют, рассказывая об огненной реке, мосте через нее, о речах ангела праведным и грешным, перечисляя кратко муки; только в отдельных фразах здесь есть совпадение по смыслу с греческим текстом, и то самое общее. Т. о., при параллельном изучении греческих и славянских текстов, эти три сербские текста должны быть на время оставлены в стороне.

Сравнивая по составу тексты А и Б с греческими изданными, мы замечаем прежде всего: славянский текст дает соответствие греческому только к концу памятника (начиная с VI главы изданного текста, р. 26 и сл.); большая же часть греч. текста (рассказывающая хождение по местам не только мучения, но и блаженства, объясняющая кое-какие космогонические явления) почти не нашла себе отражения в славянском тексте; но, повидимому, у того греческого оригинала, с которого делался перевод, были все-таки кое-какие точки соприкосновения и с первой частью памятника что намекает на принадлежность этих мест (если не по тексту, то по содержанию) еще первоначальному тексту, к которому в конце концов восходят и известные греческие тексты и предполагаемый оригинал славянского перевода. Такие точки соприкосновения можно усмотреть в самом начале славянского текста: он (в отличие от известных греческих) ничего не говорит о самой Анастасии и о происхождении ее видения (ср. греч. р. 1, 4.), но все же в нем можно видеть отзвук того, что есть в греческом тексте, если сопоставить: «Язь же Настасиѣ чръноризницѣ повелѣниемъ господнемъ възведе мѣ на небеса

ангѣль», с читаемым в греческом: ἡγαγέ με (sc. ἄγγελος) εἰς τὰ ἐπουράνια προστάξει τοῦ φιλανθρώπου θεοῦ (p. 4). Такие же отзвуки не вошедшей в оригинал славянского части греческого текста можно видеть в тех местах славянского перевода, которых не нашлось в известных нам греческих текстах VI главы; сюда можно отнести:

и видѣхъ дроугиѣ висимиѣ по ногы
и влачахъ (=ж) дроугиѣ сквозъ ноздри
и оуши ждницами, и кровь хохлоуише
из ныхъ, и глаголахъ имъ ангели: от-
дадите доушѣ, еже сте издавали. и
въпросихъ ангела, и рече ми: то сѣтъ
кѣщницы, жже издавиши младенѣжъ.

показа ангѣль дроугѣжъ мѣжи. ви-
дѣхъ смола велиа бездна и видѣхъ
вънѣтъ хохлоуишѣ яко и смоли срьд-
ца, яко и от пекла исхождахъ хохлоуѣ.
ѿ. лактеи. и видѣхъ множество людеи
сѣдѣще тоу. и рече ми ангѣль: то сѣтъ
родителие еже право дашъ своимъ чедомъ.

καὶ πάλιν ἀπήγαγέ με ὁ ἄγγελος εἰς
τὴν λίμνην τῆς κρίσεως καὶ ἦσαν ἐκεῖ...
αἱ γυναῖκες [αἱ] ἀποκτείνουσιν τὰ τέκνα
ἐν ταῖς κοιλίαις αὐτῶν (p. 17.)

εἶδον λίμνην παμμεγέθη ἔχουσαν πίσ-
σαν καὶ τεάφην καὶ σκότος, καὶ λέγει
μοι ὁ ἄγγελος· αὕτη ἐστὶν ἡ κόλασις, ὅπου
κολάζονται οἱ γονεῖς οἱ ἐξ ἀμελείας τὰ
τέκνα αὐτῶν ἀφέντες ἀβάπτιστα (p. 10).

Самая отдаленность отзвуков (они скорее чувствуются, нежели могут быть доказаны) говорит только за то, что в обработке старшего текста, из которого получился оригинал славянского перевода, весьма возможно, принимал участие в качестве материала и текст первой части греческого текста, сохраненного (в первоначальном ли виде, или уже в переделке — иной вопрос) дошедшими до нас греческими. Если приведенные «отзвуки» не достаточно убедительно говорят о разнице по редакциям предполагаемого оригинала славянского перевода и наличных греческих текстов, то более в этом отношении нагляден состав сравниваемых текстов (разумеется, в пределах VI. главы печатного); так, в славянском находим ряд эпизодов, отсутствующих в наличных греческих (тем не менее таких, которые счесть вставками уже в славянский перевод нет никаких оснований), каковы: о властелях-хищниках, судящих не по правде, об отвергшихся Христа и за то пригвожденных к столпу, о молодых попах, водящих знакомство с чародеями, о чародеях, сидящих в черном озере, о грешниках связанных ногами «на-опако», разбойниках, сидящих во тьме, о ложно клянущихся, о ядущих человеческое мясо (дурно живущие с соседями), речь ангела грешникам, заключительные слова Анастасии. В свою очередь, в нем недостает кое-чего (правда, немногого) сравнительно с греческими, именно: обращения свыше к Анастасии (καὶ ἦλθεν φωνὴ πρὸς με λέγουσα· Ἀναστασία, ἀπελθε . . . ἔδειξα ὑμῖν τὰ φοβερά σημεῖα, ὅπως ἴδητε καὶ πιστεύητε, p. 31—32)

и немного ниже: βλέπετε, πῶς ἀνακαλεῖται ὁ θεὸς πατὴρ.... οὐ μὴ ἐκβάλω ἔξω р. 34—35).

Еще более убеждает нас в различии редакций оригиналов дешедших греческих текстов и предполагаемого для славянского перевода различие в изложении аналогичных в них мест, касающееся не только чтений самых текстов, но отчасти и в фактических подробностей самого состава этих мест; так напр.: Анастасия видит царские троны; в изданных находим только: καὶ εἶδον ἐκεῖ θρόνους βασιλέων, καὶ βασιλείαν οὐκ εἶχαν καὶ ἕτερος βασιλεὺς βασιλείαν οὐκ εἶχεν (р. 27, далее о Цимисхии); в славянском: «и видѣхъ прѣстоли царне зѣмни прѣоукрашени, и сѣдѣще на нихъ славни бѣхъ, позлащени и одеждѣ ихъ царскы. въпросихъ ангела, и рече ми: то ѿ Костандина царѣ прѣстоли и бленн матери его, ꙗже обрѣтоста скеты крысть господень, а дроугы ѿст прѣстоли скетаго Никифора царѣ: сѣи же Никифоръ царь носѣше одеждѣ позлащенѣ ксѣ.» Или:

и видѣхъ прѣвое патриарѣхи и архи-епископы и митрополиты и епископы на прѣстолѣхъ своихъ, и прѣдстоѣхъ тѣмъ клиросници, попове и диякони, пѣвци и четвци. и видѣхъ(=ъ) нни прѣстоли не имѣхъ епископы, понеже епископы нарекошѣ, а не бѣхъ достойны. и видѣхъ прѣстоли тѣхъ ангелъ стрѣгоми. Или:

и видѣхъ дроугаго чловека въ темнѣ мѣстѣ, весь пламенемъ бѣ опалѣемъ, ꙗко и разбѣи створише. и рече ми ангелъ: тыи ѿст Геменьскы царь Лаонъ, понеже оубы Никифора царѣ, брата своего, тѣмъ тако мѣхъ(=и)тѣи и свѣта не оузрѣти въ вѣкы. прихѣдитъ же Никифоръ царь и кличетъ и глагола емоу: Иоанне, брате мой, почто такоѣа створи? како не помилова доушѣ своѣ? не вѣдѣше ли тыи, ꙗко рѣцѣ положиховѣ на скетѣмъ еѣнгеле, възлюбившес, ти тако створи? и въ бранехъ и въ побѣдахъ не храниховѣ ли дроугъ дроуга, а ти тако вѣрѣ не съхрани и зломъ свѣтомъ и законопрѣстѣплениемъ погубивши доушѣ своѣ? Иоан же плачѣи отѣщаваше: о, не знаѣхъ, что створишѣ ти, брате мой! нно ничто глаголаше, нѣтъкмо: о горе! о горе! люте мнѣ, люте!

καὶ εἶδον ἐπισκόπους καθεζομένους ἐπὶ θρόνου καὶ παρισταμένους ὑπὸ τοῦ κλήρου (вар. - καὶ παρέστηκεν ὁ κληρὸς αὐτῶν), τῶν πρεσβυτέρων καὶ διακόνων καὶ ψαλτάδων, καὶ εἶδον ἐπισκόπους καὶ θρόνους οὐκ εἶχον, διότις ἐκαθέσθησαν καὶ οὐκ ἡξιώθησαν (р. 26).

καὶ ἕτερος βασιλεὺς βασιλείαν οὐκ εἶχεν. καὶ ὀπισθεν αὐτοῦ ἐκάθητο ἄνθρωπος ζοφώδης. καὶ εἶπέ μοι ὁ ἄγγελος· οὗτός ἐστιν Ἰωάννης ὁ Τσιμίσης, διότι ἀπέκτεινε βασιλέαν τὸν Νικηφόρον, καὶ ἔλεγεν αὐτῷ· κύριε Ἰωάννη, διὰ τί ἐποίησας τοῦτον τὸν ἄδικον φόνον εἰς ἐμὲ καὶ οὐκ ἠλέησας τὴν ἰδίαν ψυχὴν; οὐκ οἶδας, ὅτι χεῖρας ἡμῶν ἐθήκαμεν ἐν τῇ ἁγίᾳ Σοφίᾳ, ἵνα μὴ δόλος ἐν ἐμοὶ γενέσθαι, ἀλλὰ εἰρήνην πρὸς ἀλλήλους ἐποιήσαμεν; σὺ δὲ ταῦτα οὐκ ἐφύλαξας. ἰδοὺ, ἀπολαμβάνεις οἷον ἔργον ἐποίησας. αὐτὸς δὲ ὀδυρόμενος μετὰ κλαυθμοῦ οὐδὲν ἔλεγεν ἢ· οἶμοι τοῦ οὐαί (р. 27-28).

Полагаю, что приведенных параллельно выписок обоих текстов достаточно, чтобы судить об отношениях наличных греческих текстов и предполагаемого оригинала славянского перевода: те же отношения будем наблюдать и в других случаях. Все эти сопоставления, как по содержанию, так и по самым чтениям, приведенные выше, с уверенностью дают нам право сделать такой вывод: наличные греческие тексты и оригинал славянского перевода принадлежат к различным редакциям, иначе сказать: имея славянский текст «Видения» (хотя бы и в виде отрывка — одной VI главы изданного текста), мы должны предположить существование в византийской письменности еще одной редакции, помимо двух, установленных ГОМБУРГОМ, до сих пор по греческим рукописям не засвидетельствованной.

Несмотря на фрагментарность доступных нам славянских текстов «Видения», их свойства (resp. греческого оригинала) таковы, что мы можем характеризовать более или менее точно этот не дошедший до нас греческий текст; мало того: мы можем, при том иначе, нежели сделал это ГОМБУРГ в своем исследовании, представить себе самый путь возникновения «Видения», его источники и определить т. о. место его среди других письменных памятников византийских.

Так, прежде всего следует сказать, что приведенные сопоставления греческих и славянских текстов дают возможность, помимо различия их редакций, предполагать, что оригинал славянского перевода (по крайней мере в пределах VI главы) был значительно обширнее по содержанию, нежели известные греческие списки: на это указывают перечисленные выше эпизоды славянского текста, отсутствующие в греческих. Те же сопоставления дают право предполагать, что оригинал этот был обширнее и в самом изложении: об этом говорит сравнение по изложению аналогичных эпизодов того и других, также сделанное выше. Наконец, этот оригинал следует считать сохранившим местами содержание лучше, нежели дошедшие греческие, по крайней мере в конце памятника: тогда как греческие тексты заканчиваются (после слов о распространении «Видения» и награде за это) шаблонными словами: αὐτῷ (т. е. θεῷ) πρέβει δόξα, τιμὴ καὶ (р. 35—36), славянский текст дает естественное и стилистически ожидаемое заключение от лица Анастасии, согласное с основной тенденцией всего произведения: «азъ же, братиѣ моѣ..... Настасіѣ чръноризницѣ, недостоинѣ нарицаемаѣ, проповѣдаѣ всѣмъ, ꙗже видѣхъ и слышѣхъ, да кждо възвратитсѣ от пѣти сконъ злодѣянихъ поканіемъ, исповѣданіемъ измѣтсѣ от грѣхъ сконхъ, да подвижетсѣ и ѿ, братиѣ, да не въидетѣ въ мѣкы, еже сказахъ камъ....»¹³ — место, несомненно, принадлежащее

¹³ И в самом тексте «Видения» сказано, что свыше ей дано было приказание повѣдать людям и настаивать на необходимости покаяния под страхом мучений: теперь это приказание Анастасія и выполняет.

основному тексту памятника. Ввиду сказанного, естественнее всего предположить, что в известных греческих текстах мы должны видеть уже сокращение первоначального текста памятника (что вполне возможно при том характере списков, указанном выше, какой имеют все три дошедшие до нас), тогда как в славянском тексте, как более обстоятельном — видеть текст более близкий к первоначальному. Это дает право на определенное значение славянскому переводу в ряду греческих текстов.

Что касается *времени возникновения* «Видения», то в этом отношении ГОМБУРГ, повидимому, был прав, относя его к X—XI вв.: не находя возможным связывать создание «Видения» с деятельностью Симеона Метафраста (как это делает Гомбург), мы на основании выяснения возможных источников произведения, приходим, однако, к аналогичному представлению о времени создания «Видения».¹⁴

¹⁴ Согласиться с гипотезой *Гомбурга* об авторстве Симеона Метафраста мешает, на мой взгляд, следующее: 1. все построение Гомбурга страдает искусственностью и антиципацией вывода: для того, чтобы связать с именем Метафраста, пришлось допустить целый ряд условных, далеко не надежных предположений, как-то: говорить о тождестве Анастасии «Видения» с Анастасией Римлянкой, объяснять, как мог православный грек Метафраст сделать героиней своего произведения западную (католическую) святую, в житии коей никаких данных для того, чтобы приписать ей загробное видение, не имеется, истолковать распространительно известие о том, что Метафраст, помимо *Минология*, занимался обработкой *легенд*, которые не вошли в его основной труд, объяснять *анонимность* легенды об Анастасии при возможности открыть ее автора, и т. п. Самое отождествление Анастасии «черноризицы» со *святой* Анастасией римской слабо обосновано у Гомбурга и основано, повидимому, на том, что эта римская Анастасия, в отличие от другой, тоже римской, но матроны, была девица (*virgo*), что им сближено с греч. *μωαχή*, как называется наша Анастасия в тексте (р. I, 2, 31); дело-то в том, что наша Анастасия нигде в нем не называется *святой* (кроме заглавия в *cod. Ambros.*, могущего быть и позднее по тексту чтения), а только *μωαχή* — «черноризица», как она названа и в заглавии славянского перевода. Вероятнее всего, имя этой черноризицы явилось под влиянием этимологизации греч. *ἀναστασία* — воскресение, как отвлеченное от самого содержания легенды: ведь «черноризица» эта умерла и через три дня *воскресла*, что и дало повод окрестить ее Анастасией. В Константинополе — можно припомнить для аналогии — мощи Анастасии (египетской VII в.) положены были в храме именно *Воскресения* (недалеко от св. Софии), где их и видел русский путешественник Антоний Новгородский ок. 1200 года (Сергий, Правосл. месецесл. Востока², II, 102). 2. Связь составителя «Видения» именно с Метафрастом построена Гомбургом на случайном стилистическом сходстве одного места во введении «Видения» с предисловием принадлежащего Метафрасту жития Матроны, хотя сам же Гомбург допускает и иное объяснение этого сходства — как результат простой начитанности составителя «Видения». 3. Исходя из стремления анонимную легенду или ее обработку, также в рукописях анонимную, усвоить непременно какому либо из известных *нам* литературных деятелей Византии X—XI вв. (в чем нет совершенно никакой надобности при наличии в нашем распоряжении целого ряда произведений — и как раз в области легенды, — авторов коих мы не знаем, да, вероятно, не знала сама древность), Гомбург перебирает нескольких агиографов этого времени и отдаст предпочтение Симеону Метафрасту, опираясь на непрочную и для него самого аналогию «Видения» (и при том в *одном незначительном* случае) с житием Ма-

В числе источников, правда, едва ли непосредственных — с чем соглашается и Гомбург — еще РАДЕРМАХЕР наметил т. н. «славянскую» Книгу Еноха, к которой в конце концов надо возводить тѣ космогонические сведения, о которых говорится в «Видении» (р. 8 и сл.); ту же роль, по уверению тех же исследователей, играла и библейская книга Езекииля, этот своего рода классический образец небесных видений. Но этой части «Видения», как мы знаем, не находится в наших славянских текстах. Повидимому, более близким источником для составителя «Видения» послужила популярная апокрифическая «Епистолия о неделѣ».¹⁵ в первой части «Видения» мы находим (р. 6) в образах женщин, стоящих у трона и жалующихся на греховность людей, олицетворения дней недели: Среды (Τετράδη), Пятницы (Παρασκευή) и Недели (Κυριακή);¹⁶ они восходят, по всей вероятности, к какой-либо из редакций «Епистолии». Но несомненно, в связь с этой «Епистолией» (именно, «римской»),¹⁷ как одним из источников «Видения», следует поставить последнюю часть его: здесь текстуальная родственность текстов — на лицо:

Видение

Епистолия¹⁸

Ἐγὼ ἐβουλήθην τοῦ ἐξολοθρεῦσαι ὅ- ... καὶ ἡβουλήθην ἀπολέσαι πάντα ἄν-

троны, ничего специально метафрастовского в этом месте не заключающего в стиле надеясь подкрепить свое предположение ссылкой на устанавливаемый Ehrhard'ом факт, что Минологий за март месяц не был закончен Метафрастом, а связь с мартовским Минологием, якобы, у «Видения» есть: видение Анастасии, по самому тексту его, приурочивается к 25 марта. Все эти попытки, как видим, не решительны и страдают натянутостью. 4. Против гипотезы Гомбурга говорит и самый характер и стиль всего «Видения»: если Метафраст и интересовался легендой, то едва ли допустимо, чтобы он, высокообразованный византиец, выдающийся стилист своего времени, обрабатывавший жития в духе своего времени, исходя из представления о достоверности материала житий (как он эту достоверность понимал), мог взяться за обработку старшего произведения, почти целиком построенного на апокрифических мотивах, и дать его в таком далеко не искусном в стилистическом отношении виде. 5. Как было указано выше, по характеру содержания и изложению наше «Видение» должно быть отнесено к группе популярных, вращавшихся в средних и низших грамотных классах произведений, которые живут рядом с важной, большей частью схоластической, изысканной по стилю богословской литературой верхних классов; эта «средняя» и «низшая» письменность в силу своего положения, действительно, в большинстве случаев анонимна или представляет псевдэпиграфы: к числу их и в том и другом смысле принадлежит и наше «Видение». Да и самые источники его (поскольку они могут быть нами намечены) указывают на ту же «простонародную» легендарную литературу и на ту же среду, как это отчасти будет видно из ниже следующего.

¹⁵ На нее, равно как и на Книгу Еноха, указал уже *Р. Ганчин* в своей упомянутой выше статье (стр. 273).

¹⁶ Ср. *А. Н. Веселовский*, Опыт истории христианской легенды — ЖМНП. 1876, II.

¹⁷ Так называю ту редакцию, где небесное послание является в Риме.

¹⁸ Греч. тексты «Епистолии» привожу по изд. *M. Bittner'a* (Der von Himmel gefallene Brief Christi. — Denkschriften der Wiener Akademie, Philosoph.-Hist. Klasse, B. LI [1905], S. 17–25). Ср. *А. Васильев*, Anecdota graeco-byzantina, I (Москва. 1893), 23–28, а также русские тексты у *Н. С. Тихонравова*, Памятн. отреч. лит., II, 315–321.

μας ἀπὸ τῆς γῆς, ἀλλὰ διὰ τὴν δέησιν τῆς μητρὸς μου καὶ τῶν ἀχράντων δυνάμεων μου καὶ ἁγίων προφητῶν καὶ ἀποστόλων ἐμακροθύμησα.... ποιῆσαι ἔχω τὴν ἡμέραν σκότος καὶ κατασφάγητε ἀλλήλους... ἔὰν δέ τις εὕρεθῇ φλυαρὸς καὶ ἄπιστος καὶ εἴπη, ὅτι ψευδῇ εἰσιν τὰ γεγραμμένα, ἔχει τὴν ἀράν τῶν ἀχράντων δυνάμεων... μακάριος ὁ λαμβάνων τὴν ἀποκάλυψιν (var. ἐπιστολὴν) ταύτην καὶ γράφει αὐτὴν καὶ ἀποστελεῖ εἰς ἑτέραν πόλιν καὶ χώραν· ἔὰν ἔχη ἁμαρτίας ὑπὲρ τὰς τρίκας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, λέγει θεός, ἐγὼ ἐξαλείψω αὐτὰς.... (p. 32).

θρονον διὰ τὴν ἁγίαν κυριακὴν, καὶ πάλιν εὐσπλαγχνίσθην διὰ τὴν δέησιν τῆς παναχράντου μητρὸς μου καὶ ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἀποστόλων καὶ μαρτύρων, ἔτι δὲ καὶ τοῦ προδρόμου καὶ βαπτίστου· ἀπέστρεψαν τὸν θυμὸν μου ἀφ' ὑμῶν.... καὶ ποιήσω ἔχω τὸ φῶς σκότος, ἵνα καταφάγητε ἀλλήλους.... εἴ τις κακόφρωνος ἢ τις κακόδοξος εὕρεθῇ καὶ εἴπη, ὅτι οὐκ ἔστι ἡ ἐπιστολὴ αὕτη ὑπὸ τοῦ θεοῦ, κληρονομήσει τὸ ἀνάθημα.... εὐλογημένος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος, ὅπου νὰ πάρῃ τὴν ἐπιστολὴν ταύτην εἰς ἑτέραν χώραν καὶ ἀναγινώσκει αὐτὴν εἰς ἑτέρας ἐκκλησίας, καὶ ἂν ἔχη ἁμαρτίας ὑπεράνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, ἐγὼ ἐξαλείψω αὐτὰς....¹⁹

Особенно же эта связь с «Епистолией о неделе» видна по славянскому переводу «Видения» (resp. его предполагаемому греческому оригиналу): вот соответствующие места из этого перевода: «помислих погoубити васъ и озаобити и потрѣбити вы отъ лица земли, нъ за молитви прѣстѣхъ ми матере и молитвами ангель и апостолъ и пророкъ моихъ прѣчьстнихъ всѣхъ моихъ да тѣхъ ради раскаяхъ и послахъ.... и пакы светѣхъ не дѣлахъ аще не почитосте и прочихъ праздникъ моихъ не прославите — тако ми десницею моею високохъ.... створити имамъ днь мракомъ, да дрогъ дрогъ заколжтъ....» Такое пользование «Епистолией», памятником весьма распространенным в массах не только греческой, но и восточных, представляется для «Видения», сложившегося в X—XI в., вполне возможным: «Епистолию» относят чуть не к V веку по происхождению.

На основании славянского перевода намечается, хотя и не так решительно, еще один источник, вероятно, повлиявший на составителя или одного из редакторов «Видения». В числе лиц, которых имела случай на «том» свете видеть Анастасия, находится, по изданному греческому тексту, патриций ПЕТР, который о себе говорит: ἐγὼ ἐκ τῆς δύσεως ὑπάρχων, ὀνόματι Πέτρος ἀπὸ κάστρου Κορίνθου, τιμῆς ἄξιος ἐκλήθην πρωτοσπαθάριος²⁰ (p. 30). Славянский текст восходит к иному по чтению гре-

¹⁹ Варианты по иным спискам: εἴ τις δὲ εὕρεθῇ φλύαρος καὶ εἴπη, ὅτι ἡ ἐπιστολὴ αὕτη οὐκ ἔκ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.... κληρονομήσει τὸ ἀνάθημα... (Васильев, 27); εὐλογημένος ὁ ἱερεὺς ὁ ἔχων καὶ ἀναγινώσκων ταύτην ἐμπροσθεν τοῦ λαοῦ καὶ ἀντιγράψῃ αὐτὴν εἰς ἑτέραν πόλιν καὶ χώρας... (Bittner, 20).

²⁰ Вариант: τῇ ἀξίᾳ πρωτοσπαθάριος, καὶ ἐμπροσθέν μου ἄνθρωπος οὐκ εὐφράνθη οὐδὲ ἐπραξέν τι (ibid.). Далее он говорит о своих грехах: он был жесток, грабитель, стяжал на земле богатства; но теперь: ὁ θεὸς τὴν ψυχὴν μου ἀπέρριψεν εἰς τὸ πῦρ, или, как сообщает

ческому: «азъ есмь биль къ западоу чловѣкъ вѣли славень и богатъ именемъ чрънь Павлиъ Самонъ, прѣви протоспатарь въ градѣ Просѣцѣ, нарицаемъ Коренѣа, а прѣдъ мною нѣ бысть въ томъ мѣстѣ саномъ вѣщенъ мене».

Этого Петра Гомбург (иссл. стр. 445) находит возможным сопоставить с историческим Петром Торникием (Πέτρος Τορνίκιος ὁ Μακεδών), полководцем времени царей Василия и Константина (976—1028), бывшим одно время и префектом в Италии. Славянский текст называет другое лицо — ПАВЛА САМОНА — хотя в остальном говорит о нем то же, что греческий текст о Петре, прибавив не лишнюю, может быть, интереса подробность: он называет его «черным», а вместо Коринфа ставит «Коренѣа» и поясняет это название словом «Просѣк», очевидно имея в виду город в Македонии,²¹ т. е., действительно, на запад от Царьграда. Имя САМОН нам не безизвестно: мы его знаем из Жития Василия Нового, памятника в значительной доле родственного по характеру нашему «Видению» (имею в виду «видение» Феодоры, вошедшее в это Житие); но Житие Василия не дает нам крестного имени этого Самона: по Житию, он также важный византийский сановник (ὁ παρακοιμώμενος), выходец из Агарян (ἐξ Ἀγαρηῶν καταγόμενος), надменный, жестокий (он пытается Василия, приведенного в Константинополь и отказавшегося называть себя).²² Какое имя: Петра, или Павла, должны мы предполагать для первооригинала «Видения», за отсутствием определенных указаний, сказать нельзя; но прозвище «Самон» какбудто указывает на то, что составителю или редактору «Видения» это имя было известно из Жития Василия: он, какбудто, нашел некоторое сходство между вельможей с запада и паракимоменом Жития и, руководясь указанием Жития об агарянском происхождении Самона, придал ему эпитет «черный». Конечно, в данном случае, возможно и обратное предположение: в первоначальном тексте стоял Павел Самон, впоследствии замененный Петром протоспафарием. Разумеется, и то и другое предположение остаются лишь предположениями; но за которым из них более вероятия, увидим из дальнейшего.

Выясняя дальнейшие возможные источники «Видения», кажется, следует обратить внимание на указанную выше сцену между Иоанном Цимисхием и Никифором Фокой: на ней остановился и Гомбург в своем исследовании (стр. 441—444) и попробовал объяснить ее. Его несколько смутил образ имп. Никифора, приданный ему в «Видении»: в отличие

славянский текст: «и земаѣ ми тѣла моего не прѣмаетъ, нѣ измѣщѣтъ мѣ вѣнь, а доушжъ можъ не прѣмаетъ господѣ».

²¹ На р. Вардаре, ниже Велеса; известен в болгарской истории с XII в. по деятельности Стрелца.

²² См. С. Г. Вилинский, Житие Василия Нового в русской лит-ре, II (Одесса 1911), стр. 6—7 (греческий текст по списку XIII в.). Житие писано в половине XI века.

от исторического имп. Никифора Фоки (963—969)²³ здесь ему придан характер *положительный*; а самая сцена трогательного примирения Никифора и Цимисхия, оказывается, не засвидетельствована византийскими историками. Объяснение Гомбурга представляется мне искусственным и натянутым: объяснение разницы в представлениях о Никифоре у историков и в легенде «Видения» следует, как мне кажется, искать *именно в легенде*, а не у историков, так как наше «Видение» прежде всего принадлежит кругу легенды, а не истории, черпало из легендарной литературы, а не из истории. Если обратимся к устно-народной легенде, византийской, частью доступной нам в старой (в том числе и славянской) письменности, то найдем, что эта легенда, игнорируя Фоку-«мучителя» книжных памятников, обрисовывает его, как мужественного защитника Византии, богатыря, в то же время как девственника-аскета на престоле и подвижника, придала ему, т. о., тот *положительный* облик, с каким мы видим его в изображении «Видения». Так можно думать, исходя из сохранившейся в болгарских (а также сербских и русском) текстах «Повести об убиении Никифора Фоки», основанной, как это доказано исследованиями «Повести», именно на устных местных балканских легендах о Никифоре.²⁴ Если принять это во внимание и устную легенду о Никифоре (несомненно рассказывавшую не только об его убиении) признать в числе источников нашего «Видения», то не будет надобности прибегать к тем натяжкам, которыми страдает объяснение Гомбурга: составитель «Видения», вращаясь в кругу, где легенда пользовалась интересом и доверием, воспользовался легендой о загробной встрече Никифора и Цимисхия, о чем, вероятно, говорилось в одной из них. Что же касается самой формы, в которую отлилась эта легенда в «Видении», то здесь можно опять — и опять таки в виде вероятного предположения — указать на влияние того же Жития Василия Нового: в «Видении» речь Никифора, полная упреков, обращенная им к Цимисхию, напоминает такую же загробную речь Михаила к умирающему Василию Македонянину (своему убийце) в Житии; вот что читается здесь: *τελευτήσαντος δὲ Βασιλείου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ* (sc. *Στεφάνου*), *ὃς καὶ τελευτῶν ἔφασκε περὶ Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως, ὃν ἀνῆρτήκει καὶ κατέσχε τὰ σκήπτρα αὐτοῦ· Θεωρῶ, φησὶ, Μιχαὴλ τὸν βασιλέα πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν μου καὶ*

²³ По данным историков Фока, крутой, ненавидимый духовенством за ограничения распространения монастырей и массами — за непрерывные разорительные войны, сопряженные с особо тяжкими налогами, лично был человек благочестивый и, как помазанник при восшествии на престол, мог получить титул *ὁ ἅγιος*, как его получил даже убийца Цимисхий, получали и другие цари. Такова в общем мысль Гомбурга, искавшего примирения противоречия между историей и легендой.

²⁴ См. П. А. Сырку, Византийская повесть об убиении имп. Никифора Фоки (СПб. 1883), и мои к ней дополнения: в Извест. Нежинск. Инст. т. XVI (1898), Библиогр. летописи, II (СПб. 1915) и Сборнике в честь М. С. Грушевского (Киев 1928).

λέγοντά μοι τί σοι ἔπραξα ἢ τί σε ἠδίκησα, ὅτι οὕτως ἀνελῶς ἐτέβης μου καὶ ἀπέκτεινάς με; καὶ ἐπὶ τούτοις ἐξαγορεύων ὑπέβηκε τὸν βίον.²⁵ И здесь и там речь перенесена в обстановку видений, в одном случае умирающего, в — другом умершего. Если, наконец, обратить внимание на то, что, по словам «Видения» Анастасии, ею виденное и слышанное пересказано было старцу Григорию по его просьбе (и им, конечно, записано; ср. греч. текст, р. 3), то невольно напрашивается сопоставление опять-таки с Житием Василия Нового: оно приписывается также Григорию, которому по его просьбе Феодора пересказала свои видения рая и мучений. Все это, взятое вместе, дает, кажется, право допустить выдуманное выше предположение о знакомстве составителя «Видения Анастасии» с Житием Василия Нового и делает это предположение еще более вероятным.

Остается еще только упомянуть о тех источниках «Видения», на которые впервые указал ГОМБУРГ в своем исследовании (стр. 454):²⁶ такими в числе других, по его мнению, могли быть гимны в честь св. Анастасии, те же, которые имел в руках Никита Пафлагонский (ум. ок. 890 г.) при составлении службы этой святой, и, в качестве основного источника (die eigentliche Vorlage)—старый ἀπόκρυφον περὶ τῶν οὐρανίων или: περὶ τῶν κολάσεων, ближе им, однако не определяемый.²⁷ Не имея более ясных указаний на какой либо из доступных нам теперь апокриф, мы должны ограничиться характеристикой «Видения», как произведения литературного, на основании выясненного нами до сих пор: это — произведение, прежде всего, компилятивное, сборное; некоторые куски, из которых оно сложено, мы указать могли при анализе источников его, наметивши между ними более близкие и более отдаленные; основное же содержание всего памятника, как указано уже было, шаблонное: его мы находим с небольшими отклонениями в большинстве «Видений», «Откровений», «Хождений по раю и аду», каковы: Книга Еноха, Видение Павла, Видение Исаии, Хождение Богородицы по мукам²⁸ и многочисленные сказания о мытарствах (вроде: Слова т. н. Кирилла философа, Слова

²⁵ С. Г. Вилинский, назв. соч., II, 285; то же — А. Н. Веселовский, Разыскания в области дух. стихов, XII, 25 приложений.

²⁶ В анализ этих указаний я не вхожу, не имея на это достаточных данных и полагая, что, даже не определяя точнее их, можно уяснить общий путь сложения «Видения», достаточно определенно наметившийся при обзоре уже намеченных его источников.

²⁷ Такого апокрифа, с таким заглавием, мы не знаем; Гомбург пытается его охарактеризовать, исходя из содержания нашего «Видения». Можно заметить, что по плану, схеме и тенденции из известных нам ближе других к «Видению» Анастасии подходит апокрифическое «Видение Исаии», популярное, как известно, и в славянских текстах, в частности среди богомилов.

²⁸ Кстати будет отметить, что в cod. Panorm., где найден один из текстов «Видения», оно оказалось между другими того же характера: между Хождением Богородицы и Апокалипсисом Иоанна (ср. Prolegom. Гомбурга, стр. VII).

Палладия мниха, широко распространенных и в славянских литературах): этим кругом определяется и место «Видения» в литературе и отчасти все его источники.

Значение же славянского текста, как представителя одной из до сих пор неизвестных редакций византийского «Видения», ясно определилось из произведенного его анализа сравнительно с известными греческими: ему принадлежит выдающееся место в литературной истории «Видения» в самой византийской литературе.

Что касается самого перевода «Видения», как факта из истории югославянских литератур, то при наличии только двух, при том не старых, текстов его, сказать много не приходится. Как мы видели, старший его текст (А) — болгарский, второй (Б) — сербский, но восходящий также к болгарскому оригиналу, как показывают болгаризмы, оставшиеся в этом сербском списке. Это позволяет думать, что и самый перевод был сделан в Болгарии; косвенным подтверждением этому может служить глосса переводчика, пояснившего название Корен'еа названием Просѣка (в Македонии). Когда сделан этот перевод, также определить точно у нас нет средств: одно можно сказать предположительно, что сделан он едва ли позднее XIV века: в сравнительно поздних его списках, как болгарском, так и в сербском можно отметить довольно любопытные архаизмы (в сербском, как более позднем, их будет немного); так в тексте А (на фоне обычного позднего болгарского правописания: исключительное употребление *Ь*, почти исключительное *Ѣ*, падение *і*-отации и т. д.) обращает на себя внимание замечательно последовательное употребление паерка (графической замены глухого): *чет'цы, т'ми, в'сѣ*, (в разных формах; рядом — *всьи*), *нев'кр'ни, правед'ни, твар'ници, ог'немь, тьк'мо, ч'кротвор'ци, сосьдѣж'сѣ, испокѣдѣж'сѣ* вообще — 3 л. мн. ч. глагола, *молихом'сѣ*, (мн. ч.) *мжчищим'сѣ* (дат. мн.); рядом — *покланѣж'тьсѣ*: видимо, копия писалась с оригинала, хорошо еще выдерживавшего глухие; затем: при общем отсутствии *і*-отации находим: *прѣдстоиѣж, надѣихом'сѣ, дѣхастѣ, своѣ, знаихѣ, окаянѣмь, поканиѣмь, братиѣ* и т. п., т. е. в оригинале еще чувствовалась разница *і*-отированных и не *і*-отированных гласных, иначе: он восходил ко времени, когда отсутствие *і*-отации еще не стало характерным для болгарской графики; в согласии с этим в синтаксическом отношении естественно встретить такие обороты, как: божиями книгами, господнемъ поведѣніемъ, правильное, сознательное употребление двойственного числа (см. речь Никифора). Отчасти эти архаизмы дает и сербский текст, добавляя довольно частое употребление нестяженных форм в глаголах: *стрѣжааху, имааху, лежааху, глаголааше, послушааше, вѣдѣаше, хотѣаше* и т. п.

Не решаясь видеть «Видения» Анастасии прямо богумильский памятник (на это в самом тексте не находим ясных указаний), тем не менее,

исходя из «откровенного» характера памятника, можно сближать его с такими же по характеру и любимыми среди богомилов произведениями: весьма возможно, что самый перевод возник в этой среде, столь интересовавшейся Видением Исаии, Книгой Еноха, апокрифическим Откровением Иоанна, Откровением Варуха и т. д. Если бы такое предположение оправдалось, мы имели бы *возможность счесть перевод «Видения» Анастасии много старше XIV. века, м. б., века XII—XIII.* Во всяком случае, имея перед собою славянский перевод «Видения», мы имеем право сказать, что оригинал его был значительно старше, нежели все известные нам греческие списки; разумеется, и по редакции он будет их старше: не даром, изучая сравнительно со славянским текстом греческие, мы могли прийти к выводу, что он ближе к первооригиналу, нежели наличные греческие, представляющие уже некоторое сокращение старшего текста.

Вторая группа из указанных нами текстов с именем Анастасии трудно поддается учету: все рукописи ее — слишком поздние, в языке резко выражен живой сербский говор; кроме того, они бросаются в глаза своей беспорядочностью в изложении, малограмотностью, нося характер неумелого пересказа какого-то иного произведения; наконец, в общем они имеют очень мало общего с рассмотренным старшим текстом по самому содержанию. Все это сильно затрудняет выяснение отношений текстов этой группы к старшим текстам, славянскому и греческим. Тем не менее попытка в этом направлении, может быть, будет не бесполезной для истории «Видения» Анастасии на югославянской почве.

Если рассмотренный выше перевод «Видения» представляет отрывок из второй части греческого памятника, то тексты второй группы по содержанию представляют отчасти свободное изложение отдельных эпизодов первой его части; говорю: свободное изложение — потому, что текстуального совпадения в аналогичных по содержанию эпизодах мы не найдем, что исключает всякую мысль о непосредственной передаче в сербских текстах какого либо греческого в переводе. Вот для образца сказанного несколько примеров такого соотношения:

Видѣ(х) ꙗврама са множеством младенѣцъ

тү 4 лица различнаа: 1 — телчѣ, 2 — орлѣ, 3 — лаково, 4 — человекѣ. тү ангели саужѣ пресветому, по 2 држе криле другъ ка другъ, капиша: светъ, светъ светъ,

καὶ εἶδον ἄνθρωπον καθήμενον καὶ εἰς τὸ ὑποπόδιον αὐτοῦ ἴσταντο νῆπια πολλά. καὶ λέγει μοι ὁ ἄγγελος. ὁ ἄνθρωπος, ὃν ὀρᾷς, ἐστὶν ὁ Ἀβραάμ, τὰ δὲ νῆπιά εἰσιν, ἅπερ ἀπεκεφάλισεν Ἡρώδης (p. 5).

прѣсѡпа тѣсѡара, ѣтерон ἄλλον τοῦ ἄλλου οὐκ ἔφερεν прѣсѡпон прѣсѡпон, ἄλλὰ прѣсѡпон ἄνθρώπου, καὶ прѣсѡпон αἰετοῦ, καὶ прѣсѡпон λέοντος,

господь богъ Саваотъ, исплни небо и
земаѹ слави свое, осана ка вишни.

преко неѡа (реки?) мостъ с прѡа ши-
рокъ 20 дана премо (вар. — прѣх, прѣдѣ)
да на сриеди како лихъ (вар. — лики)
прстъ, на краю ѡко оштро мана(?), при-
дѣ множанство дѹша, станѹ по скемѹ
(вар. — скетомѹ) мостѹ, придоше ан-
гли...

καὶ πρόσωπον μόσχου, ἔχοντα τὰς χεῖρας
ἐπάνω τῶν περὺγῶν... τότε ἐπέβλεπτον
καὶ ἔκραγον ἀναπαύστως λέγοντες· ἅγιος,
ἅγιος, ἅγιος, κύριος Σαβαώθ, πλήρης ὁ
οὐρανὸς τῆς δόξης σου (p. 7).

μέσον τοῦ αὐτοῦ (sc. ποταμοῦ) εἰστή-
κει γέφυρα, τὸ πλάτος αὐτῆς δακτύλους
δώδεκα ὡς ζώνη, καὶ ἄγγελοι ἴσταντο τέσ-
σαρες ἔνθεν καὶ ἔνθεν... (p. 18).

В остальном «Слово свете Анастасие» имеет очень мало общего с греческим «Видением»; общего только то, что и там и здесь речь идет о грешниках и праведниках и о муках; «Слово» почти целиком занято словами ангелов к грешникам и праведникам, построенными по схеме канонических евангелий о страшном суде, описанием огненной реки, куда падают грешники с моста (здесь опять слабые точки соприкосновения с греческим текстом), перечнем ужасов мытарств. В результате, повидимому, надо дело появления «Слова свете Анастасие» представлять себе приблизительно так: составитель его поставил себе задачей изложить коечто по памяти из прочитанного о небесных чудесах, а больше о муках грешников; из этого источника он воспользовался и когда-то прочтенным им «Видением» Анастасии рядом с евангельскими воспоминаниями и другими эсхатологическими сказаниями, и сделал это, как видим, не особенно умело. Во всяком случае, существование «Слова свете Анастасие» на югославянской почве доказывает, что на этой почве существовал вероятно, перевод и первой половины греческого текста «Видения» Анастасии: трудно допустить, чтобы такой неуклюжий составитель, каков «Слова свете Анастасие», мог черпать из греческого текста непосредственно. Если это так, то у нас есть еще надежда найти этот перевод среди неизвестных нам еще югославянских рукописей.

Слово [А]настасиѣ чръноризицѣ, како възведена бысть на небеса.

(Соф. Нар. библ. 629).

Изъ же Настасиѣ чръноризица поклѣниѣмъ господнемъ¹ възведе мѣ на небеса ангель видѣти ми всѣ благама, иже въ покаянии и непокаянии живѣше.

И видѣхъ пръвое² патриархъ и архиепископы и митрополити и епископы на прѣстолѣхъ своихъ, и прѣдстоѣхъ тѣмъ клиросници, поповѣ и дияконн, пѣвци и четъцы. и видѣхъ ини прѣстоли не имахъ епископы, понеже епископы нарекошася, а не бѣхъ достойны. и видѣхъ³ прѣстоли тѣмъ ангелѣмъ стрѣгоми.⁴ и видѣхъ поповы на другимъ мѣстѣхъ⁵ и одеждѣ не имѣхъ,⁶ нѣ бѣхъ назн. и въпросихъ ангела о нихъ, и рече ми ангель: то сѣть поповѣ, иже сѣ достойни нарекош[с]я, да ѣко сѣ прѣставишъ отъ мира сего, съгрѣшишъ по нихъ попадишъ ихъ,⁷ да того ради стоѣхъ вънѣ заповѣди чиновъ своихъ; аще ли исповѣд[а]хъ покаянiемъ попадишъ ихъ подвигомъ многимъ и покланѣхъ въ монастырѣхъ вѣсѣмъ срдцемъ,⁸ смѣрнiемъ многымъ, то примѣхъ⁹ свои красотѣ поповѣ ихъ; аще ли сѣ не покажѣт, то стоѣтъ тако поповѣ, дондеже сѣ и тѣхъ приведехъ,¹⁰ и тако по дѣломъ осѣдѣхъ, и тако¹¹ поповѣ примѣхъ славу свою и красотѣ.¹²

и видѣхъ въ другѣхъ мѣстѣхъ чловѣки множество жегомѣхъ и единицами¹³ трѣзѣми и въпросихъ ангела, и рече ми: то сѣхъ властелiе еже быхъ на ономъ свѣтѣхъ хижници и пажници чловѣкомъ, иже¹⁴ по мѣздѣ съдѣхъ, правнихъ не творѣхъ.

и видѣхъ чръницѣ, иже не съхранишъ заповѣди господни по закону мнѣжескому, бѣху бо здѣ славны, а тамо беславны и оунилы, сѣхъ бо здѣ златолюбъци и миролюбъци.

и видѣхъ¹⁵ прѣстоли царне земни¹⁶ прѣоукрашени, и сѣдѣще на нихъ славны бѣхъ, позлащени и одеждѣ ихъ царскы. въпросихъ ангела, и рече ми: то и Констандина царѣ прѣстоли и блени матери его, ѣже обрѣтоста его светы¹⁷ крестъ господень, а други истъ прѣстоли светого¹⁸ Никифора царѣ; сѣхъ же Никифоръ царь носѣше одеждѣ позлащенѣхъ всѣхъ.

и видѣхъ прочиѣхъ царѣ и въ нны одежди обѣлчени, да не невѣрни бѣдѣхъ чловѣцы,¹⁹ тамо бо другъ друга знаетъ и еже дѣетъ чловѣкъ или зло или добро. праведници и грѣшници глаголетъ же и кличетъ ангель грѣшнихъ глаголюимъ.²⁰ немилостивы злодѣи, како не покористесѣ,²¹ како ли не покастесѣ, ни милостивасте своихъ доушъ плачущесѣ о нихъ.²¹ отвѣщавахъ: не надѣяхомсѣ ѣко здѣ хотѣли есмы прiити, и сѣ²² прѣдъ нами свои дѣла оудрѣхомъ: сѣдѣ праведни божни. паки же ангель къ праведникомъ рече.²³ да ѣко вы сѣдѣхъ добри пѣхъ, како ихъ не наказасте и не настависте на прави пѣхъ и не трѣбасте ихъ, да того ради оудавишасѣ²⁴ и погибешъ отъ милости божни? отвѣдашъ праведнихъ глаголюще: и нѣдѣхъ ихъ и молихомсѣ книгами божниими к' нымъ, нѣ не книмашъ нашимъ словесемъ, то ни божнихъ книгъ послоушашъ, нѣ паче рыгахъ насъ. и паки показа ми ангель другыѣхъ къ стѣлоу пригвоздени и ражни раждехъ сквозѣ оуши провлачахъ²⁵ имъ сквозѣ ноздри. и въпросихъ ангела: кто сѣхъ сии? и рече ми ангель: то сѣхъ отвергшесѣ Христа и отписахъ отъ него, того ради тако мѣхъхъ.

и пакн видѣхъ, тако млади попове дръжѣщесъ вышнѣго сана и честна сѣдища съ чѣротвор'ци и падотворныкы и прочими зло творещими пѣжт и падѣжт и коу-мироуѣжт и вѣсомъ покланѣѣщесѣ, и от нихъ пріемаѣжт что: не огонь ли вѣчны?

и видѣхъ дроуѣж наопако колѣнома скезани и въпросихъ ангела, и рече ми: то сѣжт грѣшницы, того ради бѣжт'сѣж и мѣжжт'сѣж.

и видѣхъ езеро зѣло чер'нѣж водѣж и чловѣкы оубо вѣмѣщахъ къ нѣж. и рече ми ангель: то сѣжт чѣродѣне твар'ници, злодѣне.²⁶

и видѣхъ дроуѣж висимиж по ногы и влачахъ дроуѣж скрозѣ ноздри и оуши ждицами и кровь хоулоуѣшѣ из ныхъ,²⁷ и глаголахъ имъ ангели: отдадите доушѣж, еже сте издавали. и въпросихъ ангела, и рече ми: то сѣжт вѣшницы, жже издавшиж младиенѣж.

и пакн видѣхъ дроуѣж чловѣкы въ тем'нѣ мѣстѣ сѣдѣжши, идеже свѣтъ николиже прізираетъ,²⁸ ти же милосты не имаѣжт ни облеп'ченна. и рече ми ангель: ти сѣжт иже разбон створишѣж.

и видѣхъ дроуѣгаго чловѣка въ тем'нѣ мѣстѣ, весь пламѣнь бѣ опалѣемъ,²⁹ тако и разбон створ'ше. и рече ми ангель: ты ест Геменъскы царь лаонѣ, да понеже оубы Никыфора царѣ, брата своего, тѣмъ³⁰ тако мѣжжт'сѣж и свѣта не оузрити въ вѣкы. приходитъ³¹ же Никифоръ царь и клнчетъ и глагола емоу: Иоанне, брате мой, почто такова³² створи? како не помилова доушѣж скож? не вѣдѣше ли ты, тако рѣцѣ положиѣ³³ на свѣтѣмъ еуангеліе възлюбшасъ,³⁴ ти тако створи? и въ бранѣхъ и въ побѣдахъ³⁵ не храниѣховѣ ли дроуѣж дроуѣга, а ты тако вѣрѣж не съхрани, нѣ злима свѣтома и закономъ прѣстѣплениемъ погоуѣшии скож доушѣж. Иоан же плачѣж отвѣщаваше: о, не знаяхъ, что створишъ ти, брате мой. ино ничто глаголаше, нѣ тѣк'мо: о горе! о горе! лютѣ мнѣ, лютѣ!

и видѣхъ ино мѣсто пламено ог'немъ³⁶ съ искрами, и посрѣдѣ огнѣ того видѣхъ множество людеи. и рече ми ангель: то сѣжт клнѣжщесѣж дроуѣж дроуѣга лѣжжами, а бога не боѣщесѣж и прѣклѣщаѣще жены и сквернѣжщи ихъ и пакы отмѣтаѣтсѣж ихъ.

и пакн показа ангель дроуѣжж мѣжжн. видѣхъ смола велиѣ безъ дна и вѣжжтрѣж видѣхъ хоулоуѣжж тако и с'моли срьдѣца, тако и от пекла искохождахъ (sic!) хоулоуѣж³⁷ .ѣ. лак'тен.

и видѣхъ³⁸ множество людеи сѣдѣжще тоу.³⁹ и рече ми ангель: то сѣжт родители, еже право дашѣж⁴⁰ своимъ чедомъ.

и видѣхъ дроуѣжж⁴¹: прѣд ними лежахъ мяса чловѣчѣ, и ангелы имъ въ оуѣста тикахъ,⁴² бѣжще ихъ. и въпросихъ ангела, и рече ми:⁴³ то сѣжт родители и братиѣ ихъ, иже зло дѣжт сѣсѣдомъ и ближнимъ своимъ.⁴⁴ егда мѣж хотѣше възвратити ангель въ миръ сѣж соуѣтнимъ⁴⁵ повелѣніемъ божиемъ, и веде мѣж по мѣжжн, гдѣ сѣж грѣшныи мѣжчѣхъ,⁴⁶ и рече ангель къ мѣжчещим'сѣж: видите ли сего чловѣка — от соуѣтнаго и мира оного, пакн бо възвратити⁴⁷ хоуѣж; глаголете къ ней,⁴⁸ иже хоуѣте. тогда възпыишѣж грѣшницы глаголаѣще съ плачемъ: помнѣоуи ни, господи! и гласати начешѣж къждо ихъ:⁴⁹ азъ оставихъ женѣж и дѣти,⁵⁰ да не приде⁵¹ въ снѣж мѣжжн и насъ грѣшныихъ помѣнѣните по в'сѣж съботи, въздаѣжще славу богу, и споминѣните ни въ молѣхъ и въ милостинѣхъ; не бѣхомъ ли и мало

милосты пріели вас ради. крадохомъ и хитихомъ, да бихомъ⁵² били богати въ соуетнѣмъ на семь свѣтѣ, и ничто же зде добра обрѣтохомъ, нъ кто⁵³ неправдѣ иже съдѣлахъ⁵⁴ злаа, и друѣи рече: оставихъ отца и матере и братиѣ своѣ, рѣци имъ: бдите и молитесь и подвижитесь и память ми творите о сихъ мѣкахъ и бѣдахъ, іако ничтоже не обрѣтохомъ от соуетнаго мира, тамо богатство оставльше приидохомъ и никоѣ полъж не имаме зде.⁵⁵ вѣрѣ же имѣмъ вси,⁵⁶ братіе, нбо сподоби ни, іако⁵⁷ от мира сего соуетнаго чловѣкъ полъж не имат ничто, тѣмъ⁵⁸ дѣла, еже ѿст дѣлаа, или добра или зла, понеже ви сѣще простираетесь на добро. и друѣи рече: азъ оставихъ имѣніи много и порѣчихъ женѣ моеи и дѣтемъ.⁶⁰ дадите црѣквѣмъ и нищимъ и братиѣмъ, и не дашь, то ни свѣщъ⁶¹ в сѣботѣ въжегошъ, нѣ и тие хотѣтъ само принѣти, и отсѣди⁶² ихъ праведныи сѣдиа, и рече имъ ангель: повѣдайте ми вѣсѣ, что имате зде добро или како мѣчитесь,⁶³ или зло или добро. тогда възпишѣ съ плачѣмъ и съ въздыханіемъ глаголюще: о горе намъ грѣшнымъ! рече же едины от нищихъ: егда идеши въ миръ оны, рѣци ми⁶⁴ жѣне и чедомъ моимъ и іаже видиши и слышиши. азъ есмѣ биль къ западоу чловѣкъ велии славы и богатъ⁶⁵ именемъ чрьнь Павелъ Самонъ прѣви, прѣви⁶⁶ протоспатаръ въ градѣ Просѣцѣ, нарицаемъ Коренѣа, а прѣдъ мноѣ нѣ не бысть въ томъ мѣстѣ саноу вещь мене.⁶⁷ азъ мноѣхъ прѣбидѣхъ и похитыхъ и отаехъ (sic!),⁶⁸ вдовицѣхъ пограбыхъ, сироти прѣбидѣхъ, разбои мноѣ створихъ и много богатство оставихъ тамо, а добра не створихъ, и землѣ ми тѣла моего не пріемлетъ, нъ измещетъ⁶⁹ мѣ⁶⁹ въ нѣ и доушѣ мож не пріемлетъ господѣ. да кто възвѣститъ женѣ моеи и чѣдомъ моимъ сице: молитесь поне ви, да не вънидете въ снѣжде мѣки, оуѣдайте от мене, іако того вѣсего⁷⁰ ничѣтоже ѿст, тѣмъ вѣчни огнь, нѣ поминанте мѣ въ милостинѣхъ вашихъ и молебамы о мѣ окопанѣмъ,⁷¹ іако крико⁷² пограбихъ и похитихъ, да⁷³ възвратите назадъ: не бихъ ли либо и ходѣ⁷⁴ оулегчєніи приѣхъ от горши сихъ мѣкѣ и бѣди.⁷⁵ И възпишѣ вси грѣшници сѣ (sic!) плачѣмъ глаголюще: владыко чловѣколюбче поустѣ к намъ знаменіе нѣкое и благосты сподоби ж на плодъ добри благи,⁷⁶ да не вънидѣт и⁷⁷ тинъ въ мѣкѣ вѣчнѣмъ. егда рече ми⁷⁸ ангель: помниши ли, Настасіе, вѣсѣ си. азъ рѣхъ: ен, господи мои. и рече ми къи (sic!) ангель: имашѣ въ оумѣ си приде и слыша вѣсѣ си и⁷⁹ шедъ възвѣсти сыномъ чловѣчьскимъ и не мози оубоѣтаться, и оустрашиться, нѣ, еже си слышала, по всѣмъ гради и вси и мѣста, идеже ѿст народъ крѣстьянскы повѣстѣ ми книгами,⁸⁰ еже еси видѣла и слышала, безъ зазора глаголы имъ: покантєсь, зли дѣлатєлє, възвратитєсь безъ милостыни,⁸¹ не вѣстє ли, чловѣцы, іако въ образѣ створихъ ви, глаголетъ господѣ, да волѣ мож створите, нбо азъ, еже ми просите, дахъ вамъ, елико възхотѣстє на земли, створихъ ви, ви же моего повелѣніа и не послушастє,⁸² и помислихъ погубити вас и озлобити и потрѣбити вы от лица земли, нѣ за молитви прѣскетѣ ми матере и молитвами⁸³ ангель и апостолъ и пророкъ моихъ прѣчестѣнихъ вѣхъ моихъ,⁸⁴ да тѣхъ ради раскаяхъ и послабихъ ви и вращахъ чловѣка к вамъ, да глаголетъ и⁸⁵ скажетъ вамъ вѣсѣ.⁸⁶ и аще не послушастє мене ни словєсъ моихъ принмете, ни възвратитєсь, къждо вас отстѣпитъ вашего злаго, и заповѣди моихъ аще не съхранитє,⁸⁷ ни оугодиа моего не

створите, и паки⁸⁸ светѣж недѣлѣ аще не почитосте и прочиѣх праз'ники моуѣх не прославите — тако ми десницеѣ моеѣ високоѣ и прѣстола моего с'трашнаго и молби ради прѣсветыѣх моеѣ матере⁸⁹ — не испощѣ ниѣх заповѣди, по земли створити имамъ⁹⁰ днѣх мракомъ, да дроугъ дроуга заколѣтъ,⁹¹ и поустити имамъ ангелы немилостивы, яко да желѣзными соулицы⁹² доушѣх вашѣх исхитыти имѣтъ и въ мѣжѣх вы въринѣтъ по дѣломъ вашим. аще ли възвратитесѣ⁹³ къ мнѣ, и азъ оумилосердѣю на вы и приложѣ лѣта вамъ паки и от злоби⁹⁴ прѣсквернаго дѣлакола и благословѣх вы на земли и на небеси, и обрѣщете покои доушамъ вашимъ. глаголетъ бо, кончина далече естъ, да покантесѣ, имате⁹⁵ нѣх за злихъ дѣлѣх вашихъ поспѣшити имамъ лѣта ваша, пишетъ бо сѣх, яко мѣжѣх крѣви лѣстыкѣх не прѣположити дни сконча. и аще кто обрѣщеть сѣх богоуоулаиѣх и речетъ въ срдци своемъ, яко глаголемъ сѣх лѣхъ естъ и полна дѣтъ, проклетъ да естъ и въ семъ вѣки и въ бѣдѣх,⁹⁶ занеже похощѣтъ божиѣ слово, нѣх да иматъ клятѣх от бога и от прѣчистѣхъ его матере и от светыѣхъ ангелъ и архангелъ и светыѣхъ апостолъ и от всѣхъ светыѣхъ, и положѣ емоу частъ съ Юдою, яко от бога естъ заповѣдъ сѣх, и повзати иматъ господъ богъ вас, яко и чѣда своѣх, господъ естъ нашъ отѣхъ искони намъ грѣшникомъ, а ми евога чѣда.⁹⁷ аще кто⁹⁸ обрѣщеть вѣрѣхъ христианинѣхъ и прочетѣт и прѣпишетъ посланиѣ сѣх и поуститъ въ гради,⁹⁹ и всѣхъ грѣси емоу потрѣбѣтсѣх, аще бѣдѣхъ еише глави ево, да бѣдѣтъ и азъ ми¹⁰⁰ благословѣхъ и на небеси покоѣхъ.¹⁰¹ азъ же, братиѣх мои, христианиѣх вѣрни,¹⁰² грѣшнаѣх Настасиѣх чер'норизиѣх, недостоина нарицаема, проповѣдаю¹⁰³ всѣмъ, таже видѣхъ и слышахъ, да кждо възвратитсѣх от пѣти своихъ злодѣиѣхъ покаянѣмъ, исповѣданѣмъ изметъ сѣх от грѣхъ своихъ, да подвижетесѣх, и вы, братиѣх, да не вънидете въ мѣжѣх, еже сказахъ вамъ, и ничтоже и ни въ ползѣх ни бѣдѣхъ въ непрѣдѣнными вѣкѣх.¹⁰⁴

Богоу же нашему слава въ вѣки.

ВАРИАНТЫ ИЗ БЕЛГР. 738.

1 божиѣмъ. — 2 прѣво. — 3 опуш. — 4 стрѣжааху. — 5 на другомъ мѣсто (=ѣ). — 6 имааху. — 7 попове и егда прѣставшесѣ, а попадѣхъ съгрѣшнше. — 8 аще ли се покаютъ подвигомъ попадѣхъ нѣхъ постомъ и молитвою. — 9 доб. чинѣх. — 10 приндѣтъ. — 11 тогда. — 12 доб. свою. — 13 оудниами. — 14 чловѣкъ. — 15 доб. нын. — 16 ц. з. — опуш. — 17 е. с. — опуш. — 18 опуш. — 19 вѣм. да — чловѣкъ: и разумѣйте, братіѣ. — 20 грѣшнымъ глаголааше. — 21 ТОЛЬКО: како не помнаувасте и да покадетесѣ. — 21 они же плачущесѣ глаголааху. — 22 доб. нынѣ. — 23 вѣм. е. п. б. — рече: и рече ангелъ къ праведнымъ. — 24 вѣм. и не трѣбе. — удавиши: и не помнаувасте нѣхъ, нѣхъ злѣхъ сътвориши. — 25 пролагааху. — 26 оба абзаца: и пакн видѣхъ яко маади... и: и видѣхъ дроуги наопако... опуш. — 27 ТОЛЬКО: крѣвы текущи. — 28 прозираетъ. — 29 опуш. — 30 за (=да) того ради. — 31 принде. — 32 тако. — 33 положишѣхъ. — 34 възлюбившесѣ. — 35 въ вѣдаахъ. — 36 на нно мѣсто пламень огнны. — 37 извънѣхъ нѣхъ ожидааше и срдца смолу яко. — 38 опуш. — 39 вънѣхъ мужіѣх и жены. — 40 не дѣлаши. — 41 доб. въ мукѣ (?). — 42 вѣтикаху. — 43 и рече ми ангелъ. — 44 то сѣхъ нѣхъ еише пѣютъ изнурити от чрѣхъ своего отрочета. — 45 доб. съ (=съ?) — 46 ТОЛЬКО: грѣшници. — 47 доб. ево. — 48 нѣхъ рѣцѣхъ емоу. — 49 доб. и рече еднѣх. — 50 доб. и рѣцѣхъ нѣхъ еднѣх. — 51 приндѣтъ и ти. — 52 от бога. понеже. — 53 тѣмъ. — 54 съдѣахомъ — 55 а зде никою ползу не обрѣтаемъ. — 56 ТОЛЬКО: имѣте. — 57 нѣхъ — яко опуш. — 58 никою. — 59 понеже

— добро опуш. — 60 чедом. — 61 вм. и братиѣмъ — свѣщѣ; а они ни свѣщитицу. — 62 да суче(=н)тъ. — 63 или коко мѣчнтеса — опуш. — 64 опуш. — 65 доб. наменѣмъ. — 66 опуш. — 67 самоѣмъ вѣщен мене — опуш. — 68 опуш. — 69 измѣтаетъ. — 70 от того. — 71 нж — окомѣмъ опуш. — 72 и идеже азъ. — 73 а еѣ е. — 74 еда бнхъ. — 75 и бѣди опуш. — 76 вм. и благосты — благи: еда покаются. — 77 придуть. — 78 тогда рече ен. — 79 вм. и рече ми — си н: имаю и въ оумѣ и слыша въса сіе и рече ен. — 80 вм. не мози — книгами: нѣ да не убѣошисе ни устранишисе. нѣ еже еси видѣла, то повѣдуи по въсе и мѣста идеже родъ христіанскыи естъ повѣсть съ книгами. — 81 обратите се немилостивы. — 82 вм. на земли — послѣшасте: ви же много повелѣнія не сътвористе. — 83 доб. светымъ. — 84 въсѣхъ моухъ — опуш. — 85 глаголетъ и — опуш. — 86 опуш. — 87 ни възвратитесѣ — съхраните — опуш. — 88 опуш. — 89 прѣчистые его матери (sic!). — 90 сътворѣ. — 91 погубитъ. — 92 ѹдницами. — 93 обратитесѣ. — 94 озабою (sic). — 95 глаголетъ. — имате опуш. — 96 вм. и поны — джш: то немѣ господѣ не простити грѣхъ. — 97 и да имате — егѣва чѣда опуш. — 98 нѣ аще. — 99 доб. или въ села. — 100 вм. аще вѣждѣ — азъ ми: и бѣдетъ. — 101 и на земли. — 102 христіане вѣрни опуш. — 103 проповѣдающы. — 104 занхъ. — 104 покашнѣмъ — прѣданимъ въкъ опуш.

РЕЗЮМЕ.

«Видение» Анастасии, служащее предметом статьи, принадлежит к числу малораспространенных памятников эсхатологического характера в византийской литературе X—XI вв. и редких в письменности славянской: известны только три его греческих списка XV—XVI вв., представляющих уже две редакции (изданы в *Bibliotheca Teubneriana*, № 1049, 1903 г. R. Homburg'ом), и два югославянских XVI и XVII вв. (не изданы). Славянский текст представляет перевод с дефектного греческого (начиная с гл. VI изданного), но оригиналом его был греческий текст, отличный по редакции от обеих изданных; эта, не известная по греческим текстам до сих пор, редакция, судя по отражению ее в славянском переводе — полнее, старше и ближе к первоначальному тексту «Видения», нежели обе изданные; поэтому славянский текст представляет значительный интерес и для византийской литературы, как один из источников для восстановления первоначального текста памятника.

Анализируя историю сложения «Видения» на греческой почве, автор статьи, отвергнув гипотезу Р. Гомбурга о принадлежности «Видения» перу Симеона Метафраста, устанавливает связь «Видения», не только с «Книгой Еноха», библейским «Видением» Езекииля, но и с «Епистолией о неделѣ», Житием Василя Нового и устной византийской легендой (в эпизоде о Никифоре Фоке), что дает ему возможность определить среду, где создано «Видение» Анастасии, занеся его (в отличие от К. Крумбахера, считавшего его, хотя отдаленным, подражением «Некиомантии» Лукиана) в одну группу с целым рядом апокрифических «видений» (Еноха, Павла, Исаии, Богоматери и др.): оно сложилось в среде средних и низших классов византийского грамотного общества, чем объясняется и его популярный характер.

Время славянского перевода определяется приблизительно — не позднее XIV века, место перевода — Болгария, может быть, Македония, среда — может быть, богомилская.

Известное, помимо «Видения», в югославянской письменности, по весьма поздним спискам (XVIII а XIX вв.) «Слово св. Анастасии» имеет мало общего с «Видением», представляя изложение на тему, аналогичную «Видению», на основании разных источников, в числе коих было и «Видение», именно в своей первой части, не сохраненное известными нам старшими его славянскими текстами.

К статье приложен текст «Видения» по рукоп. Соф. Нар. библ. № 629 с разночтениями по рукоп. Белградск. Нар. библ. № 738.

UNE « VISION » BYZANTINE PEU CONNUE ET SES TEXTES EN VIEUX-SLAVE.

(Résumé.)

La « Vision » d'Anastase qui est l'objet de l'article rentre dans la catégorie des monuments peu répandus de caractère eschatologique de la littérature byzantine des X—XIe siècles et rares dans la littérature slave: on ne connaît que trois de ses textes en grec des XVe et XVIe siècles qui représentent déjà deux rédactions (éditées dans la Bibliotheca Teubneriana, N° 1049, 1903 par R. Homburg) ainsi que deux textes yougoslaves des XVIe et XVIIe siècles (non édités). Le texte vieux-slave est une traduction d'un grec défectueux (édité à partir du Ch. VI), mais son texte original était en grec et sa rédaction diffère des deux textes édités; cette rédaction qui n'est pas connue jusqu'ici par des textes grecs — si on en juge d'après sa réflexion dans sa traduction en vieux-slave — était plus complète, plus ancienne et plus proche du texte primitif de la « Vision » que les deux rédactions éditées: aussi le texte vieux-slave est-il d'un puissant intérêt même pour la littérature byzantine, car il constitue une des sources qui permettent de rétablir le texte primitif du monument.

Analysant l'histoire de la composition de la « Vision » sur le sol grec, l'auteur de l'article, qui réfute l'hypothèse de R. Homburg d'après laquelle la « Vision » serait due à la plume de Siméon Métaphraste, établit une connexion de la « Vision » non seulement avec le « Livre d'Enoch », la vision d'Ezéchiel dans la Bible, mais aussi avec l'Épître du dimanche, la vie du nouveau Basile et la Légende byzantine orale (dans l'épisode de Nicéphore Phocas); ce qui lui donne la possibilité de déterminer le milieu où a été créée la « Vision » d'Anastase qu'il classe (à la différence de K. Krumbacher qui la considèrerait comme une imitation de la « Nécromancie » de Lucien) dans le groupe d'une série de « Visions » apocryphes (Visions d'Enoch, de Paul, d'Isaïe, de la Vierge etc.): d'après lui, elle a été composée dans le milieu des classes

moyennes inférieures de la société lettrée byzantine; ce qui explique son caractère populaire.

La date de la traduction en vieux-slave est approximativement déterminée: elle ne date pas plus tard que du XIVe siècle; le lieu de la traduction serait la Bulgarie et peut-être la Macédoine, le milieu doit peut-être être placé chez les Bogomiles.

« Le Verbe de St. Anastase » connu, outre la « Vision » dans la littérature yougoslave, par des copies très postérieures (XVIIIe et XIXe siècles) présente peu de traits communs avec la « Vision »; il est le développement d'un thème analogue à celui de la « Vision » sur la base de différentes sources, parmi lesquelles se trouvait également la « Vision », en particulier dans sa première partie, et qui n'a pas été conservée par ses textes en vieux-slave plus anciens et connus de nous.

En annexe à l'article se trouve le texte de la « Vision » d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Sofia N° 629 avec des lectures diverses d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Belgrade N° 738.

LA DORMITION DE LA SAINTE VIERGE DANS LA PEINTURE MÉDIEVALE ORTHODOXE.

La représentation de la Dormition de la Sainte Vierge dans la peinture orthodoxe médiévale n'est connue que pour l'époque relativement récente. Ce n'est qu'à partir du XIe siècle que l'on possède les plus anciens spécimens qui se laissent dater plus ou moins avec précision. Vers ce temps ont été exécutés la miniature de l'Evangile N° 1 de la bibliothèque du monastère Iviron au Mont-Athos,¹ la mosaïque de Daphni² et apparemment la fresque de l'église Qouchlouq de Qeledjlar en Cappadoce.³ Vers l'an 1080 le moine Léon dessina à la plume la Dormition du manuscrit de Montecassino N^o H. H. 98.⁴ Approximativement du même temps datent les ivoires historiés — la reliure de l'Evangile de la Bibliothèque de Munich⁵ et la plaque du musée de South Kensington à Londres.⁶ Actuellement il est devenu possible d'ajouter à ces monuments encore deux: les fragments de la fresque conservée dans l'église de Sainte Sophie à Ochrida⁷ et un relief sur la croix en argent de Kazchi en Géorgie.⁸

Dans tous ces monuments la composition de la Dormition apparaît comme déjà définitivement fixée dans ces traits essentiels, ce qui nous autorise à supposer que sa première apparition dans l'art chrétien doit être relatée à une époque considérablement plus reculée. Laquelle? C'est ce qui est impossible de dire à présent vu l'absence des monuments datés avec précision.⁹ Il n'y a d'indication que pour deux monuments desquels on peut supposer qu'ils sont antérieurs au XIe siècle. L'un d'eux, c'est la fresque dans le monastère syriaque Deir-es-Sourjani en El-Hadra en Egypte.¹⁰ On ignore la date

¹ G. Schlumberger. *L'épopée Byzantine à la fin du dixième siècle*. Paris, 1896, p. 441. Voir notre fig. 1.

² G. Millet. *Le monastère de Daphni*. Paris, 1899. Pl. XI, 4.

³ G. de Jerphanion. *Les églises rupestres de Cappadoce*. Texte I, p. 250. Album I, pl. 60. Paris, 1925. V. notre fig. 2.

⁴ E. Bertaux. *L'art dans l'Italie méridionale*. I. Paris, 1904, 201, fig. 56.

⁵ G. Schlumberger, o. c., 633. V. notre fig. 4.

⁶ Ib., 69. V. notre fig. 3.

⁷ N. Okunev. *Fragments de peintures de l'église Sainte-Sophie d'Ochrida*. « *Mélanges Ch. Diehl* », II. Paris, 1930, 123, fig. 3. Voir notre pl. V, 2.

⁸ W. Volbach. *Georgische Kunst*. « *Römische Quartalschrift* », 1930, I/II, 77, pl. II.

⁹ D'après un témoignage de St André de Crète (commencement du VIIe siècle) il y avait une représentation de la Dormition dans l'église de Sion à Jérusalem (*Migne*, *Patrol. gr.* XCVII, 1063).

¹⁰ J. Strzygowski. *Der Schmuck der älteren el-Hadrakirche im syrischen Kloster der sketischen Wüste*. « *Oriens Christianus* », I. Roma, 1901. 361—362.

de son exécution, et tout ce qu'on peut dire c'est qu'elle n'est pas antérieure à l'invasion arabe. Le professeur STRZYGOWSKI dont on possède une communication sur cette fresque, affirme que la Dormition qui y est peinte est la plus ancienne de toutes celles que l'on connaît. L'autre monument, également une fresque, se trouve dans une des églises rupestres de Cappadoce, nommée la Nouvelle église de Toqali-Kilissé (pl. I). ROTT date cette fresque du IXe siècle¹¹ et JERPHANION de la seconde moitié du Xe.¹² De ces deux monuments, le second seul est publié.¹³ L'autre n'est que sommairement décrit. Cette circonstance exclut la possibilité des conclusions définitives sur la plus ancienne iconographie de la Dormition qui fussent basées sur les données que ces monuments contiennent. C'est pourquoi, nous nous arrêterons à ces monuments seulement quand, par la suite de notre récit, il nous faudra indiquer les plus anciens exemples de certaines particularités iconographiques.

Dans les monuments du XIe siècle la composition de la Dormition est la suivante. La partie centrale est occupée par le lit, dans la direction horizontale. La Vierge y est couchée, les pieds ordinairement orientés vers la droite. Au chevet du lit et aux pieds il y a deux groupes d'apôtres. En tête du groupe à gauche se tient Saint Pierre, un encensoir à la main; à droite Saint Paul se penche vers les pieds de la Vierge. Au delà du lit, au milieu est figuré, ordinairement, un vieillard à la tête chauve; c'est l'apôtre Jean, qui se penche vers l'épaule gauche de la Vierge. Au second plan, au centre, on aperçoit le Christ debout, tenant dans ses bras, couverts d'un pan de ces vêtements, l'âme de la Vierge, figurée sous la forme d'un petit enfant au maillot. En arrière plan, des deux côtés, on voit deux petits édifices, et en haut, deux petits anges qui descendent du ciel.

Cette composition est née, sans aucun doute, du récit apocryphe de la mort de la Sainte Vierge. Elle n'en traduit qu'une partie, celle notamment où il s'agit du moment de la mort. Ce moment, dans toutes les rédactions connues de l'apocryphe, est relaté de la même manière: le Christ, descendu des cieux, reçut l'âme de sa Mère au moment où celle-ci, entourée des apôtres, gisait sur son lit. Ce n'est que dans l'*Homélie sur la Dormition de la Vierge* de Jean, archevêque de Thessalonique,¹⁴ que l'on trouve ajouté, à ce noyau commun de la légende, un trait qui a eu son reflet dans l'iconographie. Il y est dit que Saint Pierre se trouvait alors au chevet du lit. Le fait que Saint Paul se penche vers les pieds de la Vierge trouve son explication dans la plus ancienne version de la légende conservée dans l'*Homélie sur la Dormition*, attribuée à l'apôtre

¹¹ H. Rott, *Kleinasiatische Denkmäler*. Leipzig, 1928. 226.

¹² G. de Jerphanion, *La chronologie des peintures de Cappadoce*. « Échos d'Orient », 1931, N 161, pp. 12 et 22.

¹³ G. de Jerphanion, *Églises rupestres*, Album II, Paris, 1928. Pl. 83.

¹⁴ И. Порфирьевъ, *Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ*. СПетербургъ, 1891. 291.

Fig. 1. Miniature de l'Évangile N° 1 d'Iviron.

Jean, où il est dit que Pierre, Paul et Thomas ont baisé les pieds de la Vierge.¹⁵ Les deux petits anges qui descendent du ciel sont inspirés par les récits apocryphes que le Christ apparut entouré des anges et qu'ayant reçu l'âme de la Vierge, il l'a remise à l'archange Michel. Les deux édifices servent à indiquer que l'action se passe dans la maison de Marie ou dans la soit-disant *chambre de Sion*, une maison qui se trouvait dans le mont de Sion à Jérusalem, où, selon la tradition ultérieure, mentionnée pour la première fois dans les œuvres de Sophronios (VIIe s.),¹⁶ patriarche de Jérusalem, ont eu lieu la Sainte Cène et la descente du Saint Esprit sur les apôtres.

Dans tous les monuments les plus anciens la position de la Vierge sur son lit de mort est presque la même. Son corps est étendu tout au long de la couche et sa tête est un peu relevée sur le coussin. Les yeux sont fermés. La Vierge est déjà morte, elle a rendu son âme au Christ, lequel, présent, la tient dans ses bras. Les bras de la Vierge sont, dans la plupart des cas, étendus le long du corps; parfois, le bras droit repose sur la poitrine. Pourtant dans la miniature de l'Évangile N° 1 du monastère d'Iviron au Mont-Athos (fig. 1), non seulement la tête de la Vierge, mais aussi les épaules sont élevées sur le coussin, et les yeux sont ouverts. On voit la même chose dans la fresque de l'église Quchlouq de Qeledjlar en Cappadoce, où le corps de la Vierge, des reins jusqu'à la tête, est représenté relevé et où les yeux sont également ouverts (fig. 2). Dans ces deux monuments, derrière le lit, est peint Saint Jean, qui se penche vers le visage de Marie comme s'il écoutait ce qu'elle dit. Donc, ici, c'est le moment qui précède la mort qui est figuré, celui, où, apercevant le Christ descendu du ciel, la Vierge lui adressa sa prière.¹⁷ L'unité du temps dans ce cas, n'est pas observée, puisque la composition fait voir, aussi, le moment subséquent, celui où le Christ reçoit déjà l'âme de la défunte. Le

¹⁵ Ib., 79, 278; C. Tischendorf. *Apocalypses apocryphae*. Lipsiae, 1866. 110.

¹⁶ Migne. *Patrologia graeca*, LXXXVII, 3821.

¹⁷ C. Tischendorf, *Apocalypses apocryphae*. Lipsiae, 1866. 108, 117, 129; И. Порфирьевъ, о. с., 79, 86, 277 et 291. D'après la version syriaque la Vierge était encore vivante même quand les apôtres la portèrent sur le Mont des Oliviers et quand a eu lieu l'épisode de Jéphonias qui tenta de culbuter son lit. (A. Smith-Lewis. *Apocrypha syriaca*. London, 1902.)

fait que la Vierge est représentée justement en train de parler, est souligné, dans la miniature d'Iviron par le geste de sa main droite qu'elle tient ouverte devant son sein. Plus tard et dans tous les cas où la Vierge est déjà représentée comme morte, Saint Jean bien souvent conserve sa place à part derrière le lit, la tête penchée vers l'épaule de la Vierge, attitude qui est presque la même qu'il a dans l'image de la Sainte Cène, où il se penche sur la poitrine du Christ.

Dans tous les monuments de l'époque la plus reculée, le Christ, lui aussi, est représenté presque toujours de la même manière. Il est debout derrière le lit, juste au centre. Il se tient de trois quarts à droite, sa tête tournée à gauche, et il regarde la Vierge. Dans ses deux bras haut levés il tient près de son épaule gauche l'âme de la Vierge sous les traits d'un petit enfant emmaillotté.

Le fait que le Christ se meut est marqué par ce que le bout de son himation est enflé (fig. 3). Le mouvement du Christ, toute l'attitude de sa figure, et le geste qu'il fait en levant la petite figure de l'âme, doivent indiquer qu'il remet l'âme de la Vierge à l'ange qui descend du ciel, et qui, selon le témoignage de l'*Homélie* de Jean, archevêque de Thessalonique,¹⁸ est l'archange Michel. Dans la plupart des cas sont peints deux petits anges, qui descendent des deux côtés, avec les bras couverts. Dans la miniature de l'Evangile d'Iviron, il n'y a qu'un seul ange, qui descend du côté droit et qui, en tendant les bras, presque touche à l'âme. Dans le relief en ivoire du Musée South Kensington à Londres (fig. 3) l'ange descend du côté gauche, tandis qu'à droite il figure pour la seconde fois, portant l'âme dans ses bras. Il la porte au ciel, représenté à gauche sous la forme d'un segment. Les apôtres qui se tiennent au chevet et aux pieds du lit forment deux groupes séparés, St Pierre à la tête de l'une et St Paul de l'autre. D'après les conditions de l'espace, ces groupes sont disposés librement ou bien rétrécis par les cadres latéraux; dans ce dernier cas les personnages sont groupés en plusieurs rangs qui se superposent et qui recouvrent souvent l'un l'autre (fig. 4). Comme on a déjà dit, ce n'est que Saint Pierre, Saint Paul et parfois Saint Jean qui ont,

Fig. 2.
Fresque de l'église Qouchlouq en Cappadoce.

¹⁸ И. Порфирьевъ, о. с., 86, 291.

chacun, leur place déterminée; le reste des apôtres n'en a pas. Quelques uns laissent tomber leur tête sur leurs mains, d'autres portent en pleurant leurs mains, couvertes par les pans de leurs vêtements, aux yeux, exprimant, par ces gestes, leur douleur. Dans le dessein du manuscrit de Montecassino la disposition des apôtres autour du lit de la Vierge est un peu modifiée.¹⁹ Au chevet se tient Saint Pierre, la tête penchée sur la main, et derrière lui quatre

Fig. 3. Ivoire du musée de South Kensington à Londres.

Fig. 4. Ivoire de Munich.

autres apôtres; Saint Jean est à sa place ordinaire derrière le lit; mais Saint Paul aux pieds du lit manque. A l'arrière plan, derrière Saint Jean, se tient encore un apôtre (Saint André?) qui tend les bras vers la Vierge. Le Christ est placé non vers le milieu du lit, mais plus près des pieds. On voit plus haut encore quatre apôtres, dont le plus proche se couvre le visage avec la main, et juste au-dessus du Christ se tient un autre apôtre, les bras tendus vers la Vierge. Ce geste des bras tendus nous le voyons aussi dans la miniature de l'évangile d'Ivireon chez l'apôtre qui se tient derrière Saint Paul, apparemment Saint André (fig. 1).

La mosaïque de Daphni dont seuls deux fragments sont conservés, introduit pour la première fois parmi les assistants encore deux personnages en habits épiscopaux.²⁰ Ils se tiennent au second plan des deux côtés du Christ, lequel ne s'est pas conservé. Dans leurs mains ils ont, chacun, un livre. Un d'eux est apparemment Jacques, frère de Seigneur, premier évêque de Jérusalem.²¹ Sa présence à la Dormition est indiquée dans le *De divinis nominibus* de

¹⁹ E. Bertaux. L'art dans l'Italie méridionale, 201, fig. 86.

²⁰ G. Millet. Daphni. Pl. XI, 4.

²¹ И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности. VI. СПетербургъ, 1899. 185.

Saint Dénys l'Aréopagite (III, 2),²² où, bien que le récit explicite de la mort de la Vierge manque, on trouve une allusion sur l'événement qui fut considéré comme la Dormition, déjà par Saint Maxime le Confesseur²³ et Saint André de Crète,²⁴. Dans l'endroit en question l'auteur parle du Saint Jérôme et comment il brillait parmi tous les hiérarques éclairés par Dieu, « lorsque, comme vous devez savoir, nous, et lui, et beaucoup de frères, nous nous sommes assemblés pour voir la chair qui est source de la vie et qui avait reçu Dieu (ἐπὶ τὴν θεῶν τοῦ ξωαρχικοῦ καὶ θεοδόχου σώματος). Il y eut aussi Jacques, le frère du Seigneur, et Pierre, le plus éminent et le plus vénéré des théologiens ». A présent on nie que cette oeuvre eût pu avoir pour l'auteur St Denys l'Aréopagite, élève de St Pierre et plus tard évêque d'Athènes, et on juge qu'elle était composée pas avant le commencement du VIe siècle.²⁵ On nie de même que l'endroit cité ait quelque rapport avec la Dormition de la Vierge.²⁶ Mais pour nous cela n'a pas d'importance. Ce qui importe, c'est que déjà au VIIe siècle (St Maxime le Confesseur) et au VIIIe (St André de Crète) le livre était réputé authentique, et l'endroit en question comme se rapportant à la Mort de la Vierge. De ce même endroit on peut conclure qu'outre les apôtres assistaient à la dormition plusieurs hiérarques, parmi lesquels sont à nommer Jacques, frère du Seigneur, Jérôme, Timothée et Denys l'Aréopagite. La présence de Saint Denys est mentionnée aussi par un texte du VIIe siècle, celui de l'évêque Jean de Bithynie.²⁷ Le deuxième évêque de la mosaïque de Daphni serait donc, selon toute probabilité, Denys l'Aréopagite.

Dans quelques compositions les plus anciennes de la Dormition on voit, au premier plan, un marchepied ou une sorte de tabouret (fig. 1 et 4). Il n'y a rien dessus; mais, comme nous le verrons, plus tard, sur ce marchepied apparaît un chandelier avec un cierge ou les souliers rouges de la Vierge.

Les pieds de la Vierge, nous l'avons dit, sont dirigés, d'ordinaire, à droite. Mais il y a des monuments très anciens, où la Vierge est couchée les pieds à gauche. Dans ce dernier cas tous les personnages sont disposés dans l'ordre inverse. Le plus souvent cela se rencontre dans les monuments sculptés;²⁸ en peinture, on le trouve pour la première fois en Cappadoce, dans les fresques de

²² *Migne. Patr. Gr.*, III, 681.

²³ *Migne. Patr. latina*, IV, 236.

²⁴ *Migne. Patr. Gr.*, XCVII, 1046—.

²⁵ *Stiglmayr. Das Aufkommen der pseudo-dionysischen Schriften. Feldkirche*, 1895. *Koch* dans « *Tübinger Quartalschrift* », 1895, 353—.

²⁶ *T. Hudec. Zesnutí Panny Marie v starém křesťanském podání. « Hlídka »*, ročn. XLIV, Brno, 1927. 232, note 1.

²⁷ *A. Grabar. La peinture religieuse en Bulgarie. « Orient et Byzance »*, I. Paris, 1928. 79.

²⁸ Fig. 4. La même chose sur l'icône de Chémokmédi, en Géorgie (*G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'Evangile. Paris, 1916. Fig. 3*), sur le reliquaire de Stroganov (*G. Schlumberger, o. c.*, 520), etc.

l'église de Qeledjlar.²⁹ La croix géorgienne de Kazchi reproduit la Dormition dans les mêmes formes, mais considérablement réduite. Sauf St Jean il n'y a derrière le lit que 4 apôtres, deux de chaque côté.³⁰

Dans l'église de Sainte Sophie à Ochrida, parmi les restes de la peinture ancienne, que nous datons aussi du XIe siècle,³¹ s'est conservée, fragmentairement, une Dormition. Lorsque nous avons eu, la dernière fois, l'occasion de voir ces fragments de la peinture, tout le milieu de la composition était enduit de chaux, et on n'en voyait que la partie gauche. Autant que nous savons, dans ce dernier temps, on a enlevé l'enduit qui recouvrait le milieu de la fresque, et on a découvert une belle image du Christ, dont la manière d'exécution confirme complètement la date que nous lui assignons. Quant à la partie gauche, il s'y est conservé un groupe des apôtres qui pleurent. Au-dessus d'eux on voit l'ange qui vole vers le Christ et derrière lui un nuage oblong dans lequel il y a quelques apôtres vus jusqu'à la ceinture (pl. V, 2).

Ce dernier détail, qui dans la série des monuments du XIe siècle, apparaît ici pour la première fois sert à illustrer le texte des récits apocryphes, d'après lesquels tous les douze apôtres ont été, vers les jours de la Dormition, transportés miraculeusement, sur les nuages, des différentes parties du monde à Jérusalem. D'après G. DE JERPHANION, ce détail se trouve déjà dans l'église de Toquale Kilissé en Cappadoce, qu'il appelle « la nouvelle église » et qu'il date, comme on l'a dit, de la seconde moitié du Xe siècle. Sur la reproduction de cette fresque (pl. I), on ne voit pas le nuage avec les apôtres, mais on voit à gauche, en haut, l'ange qui vole, et en bas il y a l'inscription qui rend clair ce qui est peint au-dessus d'elle « ΟΙΑΠΟΚΤΟΛΥΕΡΧΟΜΕΝΟΙ | ΝΕΦΕΛΑΟΝ ». De même que l'âme de la Vierge que le Christ tient dans ses bras, est représentée comme un petit enfant emmaillotté, en confirmation avec les idées des anciens grecs sur l'âme qui existe séparément du corps,³² ainsi les apôtres sur les nuages, selon une remarque judicieuse d'A. GRABAR,³³ sont copiés d'après les dieux olympiens, portés par les nues, ce qu'on peut voir sur un dyptique consulaire du Ve siècle, dans le British Museum.³⁴

Comme on le verra, les apôtres dans les nues étaient, d'ordinaire, représentés de telle sorte que chaque apôtre se trouvait sur un nuage particulier, avec un petit ange ou sans ce dernier, ou bien, comme dans la fresque en

²⁹ G. de Jerphanion. Églises rupestres, 232—233. À juger d'après la description de Strzygowski, on peut penser que le même ordre inverse subsistait et sur la fresque de Deir-es-Sourjani: J. Strzygowski, Schmuck..., 361—362.

³⁰ W. Volbach, o. c., pl. II.

³¹ N. Okunev. Peintures d'Ochrida, 126.

³² A. Dumont. Sur quelques représentations de la mort de la Vierge. « Revue archéologique », nouv. série, XXII vol. Paris, 1870/71. 343.

³³ A. Grabar. Peinture bulgare, 276.

³⁴ E. Molinier. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. I. Ivoire. Paris, 1896. 35—36. N 40.

question, par groupes de six apôtres sur deux nuages. Quelques fois les apôtres sont groupés par deux ou par trois dans chaque nuage. Ces petits nuages sont disposés symétriquement en haut, des deux côtés de la partie centrale de la composition, de sorte que de chaque côté on a le même nombre des apôtres, c'est-à-dire six. On s'attendrait de trouver sur la fresque d'Ochrida également six apôtres sur un nuage; mais de fait il n'y en a que cinq. Donc, au total, au lieu de douze apôtres, il n'y en avait que onze. Et la même chose se laisse voir dans beaucoup de monuments ultérieurs.

Le nombre des apôtres dans les nues dépend des textes apocryphes, lesquels, sur ce point, ne sont pas unanimes. Dans la soi-disant *Homélie de Saint Jean sur la Dormition de la Vierge* il est raconté³⁵ comment, lorsque l'heure de sa mort arriva, l'Esprit Saint apparut à tous les apôtres et leur enjoignit d'ascendre sur les nues et de se rendre, de tous les coins de l'Univers, dans la Sainte Bethléem. Ils firent ainsi, et, apparus devant la Vierge, ils l'adorèrent. Elle eut de la joie à les voir, et voulut connaître comment il parvinrent jusqu'à elle. Saint Jean raconta qu'étant en Ephèse et prêt à commencer le service divin, l'Esprit Saint lui apparut, et lui révéla que la Vierge est près de sa mort; soudain un clair nuage l'éleva en l'air, le transporta et le déposa devant la maison. Saint Pierre raconta qu'il était à Rome et se rendait aux matines lorsque la même chose lui arriva. Pendant son trajet il a vu d'autres apôtres portés par les nues. Le reste des apôtres raconta la même chose. L'*Homélie de Jean évêque de Thessalonique* raconte tout ceci un peu autrement. Saint Jean, auquel la Vierge fut confiée par le Christ, se trouve déjà à Jérusalem et s'entretient avec Marie lorsque, soudain, on entend un coup de tonnerre et tous les « onze » apôtres font leur apparition.³⁶ Donc, d'après ce récit furent transportés simultanément sur les nues onze apôtres seulement au lieu de douze; et c'est par ce récit que se guidaient les peintres quand ils ne figuraient, dans les nues, que onze apôtres, ainsi qu'on le voit sur la fresque d'Ochrida. On voudrait connaître combien d'apôtres sont représentés sur la fresque de Toqual-Kilissé, où les apôtres sur les nues apparaissent, dans l'iconographie orthodoxe, pour la première fois, et quelle version suivait le peintre cappadocien. Malheureusement, avant que la description de la fresque soit publiée on n'en peut rien dire.

Le schéma général de la composition de la Dormition élaboré vers le XIe siècle, reste immuable dans le cours du XIIe. On n'y ajoute que quelques nouveaux détails, et il est possible de constater une tendance à augmenter le nombre des assistants.

Un de ces nouveaux détails apparaît pour la première fois sur un relief,

³⁵ C. Tischendorf. *Apocalypses apocryphae*. Lipsiae, 1866. 97—99; И. Порфирьевъ, о. с., 270—279.

³⁶ И. Порфирьевъ, о. с., 84 et 286.

dans le reliquaire connu de la collection Strogonov.³⁷ Ici, au premier plan, devant le lit, on voit un chandelier avec le cierge allumé. Dans le reste la composition reproduit, sans rien y changer, l'iconographie du XIe siècle. Le cierge allumé qui apparaît ici, est, lui aussi, en conformité avec l'homélie apocryphe de Jean de Thessalonique, où il est dit que la Vierge, ayant appris de l'ange que sa mort s'approche, ordonna elle-même d'apporter l'encensoir et d'allu-

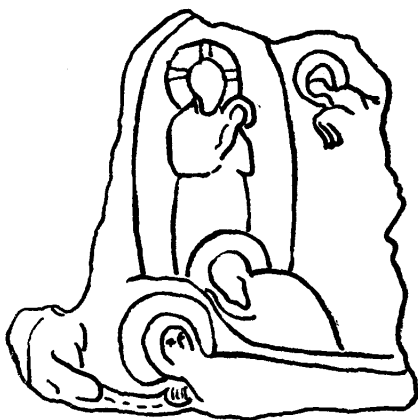

Fig. 5. Fresque de Boïana en Bulgarie.

Fig. 6. Miniature de l'Évangile Harley 1810 à Londres.

mer les cierges.³⁸ Toutefois il est permis de penser que ce détail, lui aussi, n'a pas été introduit dans l'iconographie seulement au XIIe siècle, mais qu'il ne fait que reproduire les vieux prototypes: en regardant attentivement la reproduction de la fresque à demi abîmée de Toqual-Kilissé, dont on a déjà parlé, on peut voir à gauche, tout près du lit, l'image d'un objet qui ressemble beaucoup à la partie inférieure d'un chandelier, dont la partie supérieure ne s'est pas conservée (pl. I).

L'autre particularité iconographique, qu'on distingue pour la première fois dans les monuments du XIIe siècle, et qui, plus tard, devient obligatoire dans les compositions de la Dormition, c'est l'auréole lumineuse qui entoure le Christ. Sur un relief en bois, découvert par KONDAKOV au Mont-Athos³⁹ et sur

³⁷ G. Schlumberger, o. c., I, 520; O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst. II. Berlin, 1914. Abb. 511.

³⁸ И. Порфирьевъ, о. с., 83 et 283.

³⁹ Н. Кондаковъ. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Петербургъ, 1902. Pl. 47.

le fragment de la fresque de l'ancienne couche à Boïana, en Bulgarie (fig. 5), cette auréole a la forme d'une ovale oblongue; tandis que sur la miniature de l'Evangile du British Museum Harlay 1810 (fig. 6) elle est pointue en haut et a la forme d'une amande. Les récits apocryphes disent⁴⁰ que le Christ apparut sur un nuage, entouré d'anges, et une version latine, dont l'auteur se donne pour Joseph d'Arimathie, ajoute qu'il y avait alors un tel resplendisse-

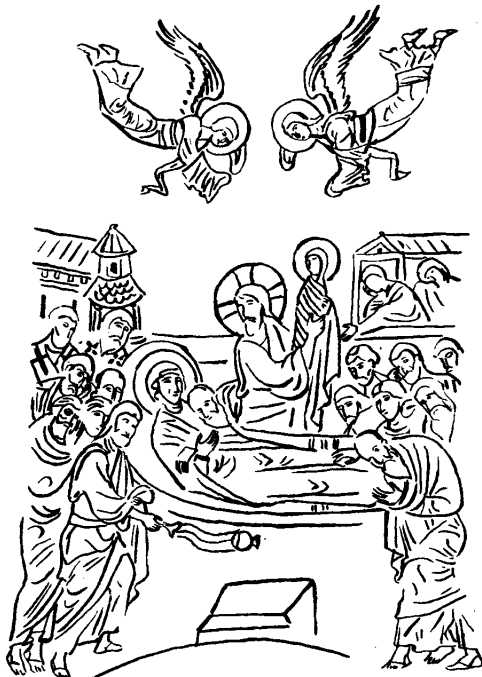

Fig. 7. Mosaïque de la Martorana à Palerme.

ment que tous les assistants tombèrent par terre, ainsi que l'on fait les apôtres quand le Christ s'est transfiguré devant eux sur le Mont Thabor.⁴¹ L'auréole de splendeur qui entoure le Christ descendu des cieux pour recevoir l'âme de la Vierge, reproduit fidèlement celle qui est représentée d'ordinaire autour du Christ de la Transfiguration.

La mosaïque de la Martorana à Palerme représente la Dormition tout-à-fait en conformité avec les compositions du XIe siècle (fig. 7). Outre les apôtres partagés en deux groupes, il y a Saint Jean, vieux, qui se penche vers l'épaule de la Vierge tout comme, en sa jeunesse, il se penchait sur la poitrine du Christ pendant la Cène; le Christ avec l'âme de la Vierge haut levée au-

⁴⁰ C. Tischendorf, *Apocalypses*, 107, 117, 128; И. Порфирьевъ, о. с., 277, 291.

⁴¹ C. Tischendorf, о. с., 117; И. Порфирьевъ, о. с., 90.

dessus de l'épaule gauche; il y a aussi, comme à Daphni, deux évêques, avec cette différence qu'ici ils se tiennent non des deux côtés du Christ, mais au chevet du lit. Le Christ, ici, n'est pas encore entouré d'auréole, et, en arrière-plan on voit un mur bas qui relie deux édifices aux deux côtés de la composition. A droite, derrière la muraille, se détachant de l'édifice en forme d'une basilique, deux femmes se laissent voir. L'une d'elles penche sa tête sur la

Fig. 8. Fresque de Mirož à Pskov.

paume de la main droite, et tend vers la Vierge sa main gauche, l'autre pleure, en portant vers ses yeux son bras couvert d'un pan de son maphorion. L'*homélie* de Jean de Thessalonique parle de vierges qui assistaient à la Dormition.⁴² Saint Pierre leur adressa un sermon. La narration attribuée à Joseph d'Arimathie parle de trois vierges qui assistaient Marie, et donne même leurs noms.⁴³ La miniature de l'Évangile Harley 1810 (fig. 6) représente en conformité avec ce récit, trois femmes dans la fenêtre de l'édifice dans la partie droite de la composition. Sur la fresque de 1156 dans l'église du monastère de Mirož à Pskov (fig. 8), sont représentées quatre femmes, par deux dans chacun des deux étages supérieurs des édifices peints à l'arrière-plan des deux côtés de la composition. Dans tous ces cas les femmes ne se mêlent pas à d'autres assistants, et sont placées, selon l'usage antique, dans l'endroit qui leur était spécialement assigné, le gynécée, qui se trouvait, le plus souvent, dans les chœurs ou les catéchumènes. Dans tous les exemples cités, les étages

⁴² И. Порфирьевъ, о. с., 283—290.

⁴³ C. Tischendorf, о. с., 115; И. Порфирьевъ, о. с., 89.

supérieurs sont censés figurer cette sorte de gynécée au-dessus du reste de l'édifice.

La fresque de l'église de Mirož, outre les apôtres disposés comme à l'ordinaire, représente aussi trois évêques, dont deux se tiennent derrière le chevet du lit et le troisième à l'arrière-plan à gauche (fig. 8). D'après les considérations exposées ci-dessus, il est permis de croire que ce sont Jacques le frère

Fig. 9. Fresque de Bačkovo en Bulgarie.

du Seigneur, Denys l'Aréopagite et Jérothée. On y voit de plus, pour la première fois, des deux côtes du Christ, deux anges en dalmatiques impériales. Ceci répond au récit apocryphe que le Christ apparut entouré d'anges. Les habits royaux des anges indiquent que les peintres se guidaient par l'*Homélie* de Jean de Thessalonique où il est dit que le Christ fut accompagné par l'archange Michel et la milice céleste.⁴⁴

La fresque du monastère de Mirož et celle de l'église sépulcrale du monastère de Bačkovo en Bulgarie (fig. 9) distinguent pour la première fois les évangélistes et les représentent tenant dans leurs mains les Evangiles.

Au XIIe siècle on commence aussi à représenter le Christ d'une manière un peu différente.

Dans deux cas, dans la miniature de l'Evangile Harley 1810 (fig. 6) et dans la fresque de la couche primitive de l'église de Boïana en Bulgarie (fig. 5), le Christ se tient non vers le milieu du lit de la Vierge, mais plus près du chevet. Il est difficile de dire ce qui a motivé cette modification. Il est douteux que ce fût dans le but d'approcher le Christ au visage de la Vierge, afin d'en recevoir l'âme qui avait à sortir de sa bouche. Toutefois, cette modification a du avoir un sens, puisque, dans la miniature de Londres,

⁴⁴ И. Порфирьевъ, о. с., 291.

grâce à elle toute la partie gauche de la composition s'est trouvée serrée et dans la droite une place s'est libérée pour une petite maison avec trois femmes dans la fenêtre, ainsi que pour l'apôtre André qui lève les bras pour montrer sa douleur. De la fresque de Boïana trop peu de chose s'est conservé pour qu'on puisse conclure quoi que ce soit concernant un pareil déplacement de la figure du Christ d'après ce qui en reste. Le troisième cas d'un tel déplacement, dans l'église de 40 martyrs à Tyrnovo en Bulgarie (fig. 10), se rapportant déjà au XIIIe siècle, est conditionné par une disposition toute autre des parties de la composition, ce qui, comme on le verra, est inspiré par une idée toute neuve.

De plus, il y a des cas où l'on change l'attitude du Christ et celle de l'enfant figurant l'âme qu'il tient dans ses bras. Dans les monuments les plus anciens, ainsi qu'on l'a vu, le Christ est en mouvement, son torse est tourné de trois quarts à droite; il tourne sa tête à gauche et en arrière en regardant la Vierge et lève l'âme bien au-dessus de son épaule gauche. Aux monuments du XIIe siècle, le Christ, tout en regardant la Vierge, se tient cependant le plus souvent de face, et l'âme est placée beaucoup plus bas, contre le côté gauche de son sein. On en voit les exemples dans la fresque ci-dessus mentionnée du monastère de Bačkovo, sur la plaque en relief de Tolède,⁴⁵ sur la plaque en émail au Pala d'Oro dans la cathédrale de San Marco à Venise,⁴⁶ et sur la miniature du ménologue gr. 1528 de la Bibl. Nationale à Paris, fol. 153.

Dans l'église sépulcrale au monastère de Bačkovo en Bulgarie, la Dormition, ainsi que les autres compositions de la peinture, est encadrée dans un arc décoratif trilobé (fig. 9). Aux côtés de la Dormition sont représentés, dans de petits arcs spéciaux, deux personnages qui ne sont pas compris dans la composition mais y sont liés et, plus tard, souvent sont figurés avec la Dormition. Le personnage à droite c'est Saint Jean Damascène, et celui à gauche St. Cosmas de Maïouma. Le premier est connu comme l'auteur de nombreux hymnes qui glorifient la Dormition de la Vierge et de trois sermons qui en traitent.⁴⁷ Parmi les oeuvres du second, il n'y a pas de sermons sur ce sujet, et il ne figure ici, apparemment, qu'en qualité du plus proche collaborateur de Jean le Damascène et de son frère adoptif. A. GRABAR a indiqué le prototype de semblables représentations des épisodes de l'histoire sainte conjointement avec les représentations des personnages, dont l'activité comme prophètes ou prédicateurs, était en rapport avec les événements dont il s'agissait.⁴⁸ Ce procédé archaïque entre de nouveau en mode dans la peinture du XIIIe siècle

⁴⁵ O. M. Dalton. *Byzantine art and archaeology*. Oxford, 1911. Fig. 149.

⁴⁶ G. Schlumberger, *o. c.*, III, 813.

⁴⁷ Migne, *Patr. Gr.* XCVI, 699—782.

⁴⁸ A. Grabar, *Peinture bulgare*, 79.

lorsque, dans quelques compositions principales du cycle évangélique, comme le Crucifiement, la Descente aux Enfers etc. apparaissent les images des prophètes.⁴⁹

La plupart des monuments du XIIIe siècle qui représentent la Dormition, se trouvent dans les peintures des églises serbes. Il semble que les plus anciennes parmi elles, étaient, au point de vue de l'iconographie, bien semblables aux compositions du XIIe siècle. Dans la remarquable peinture du monastère serbe à Mileševo, exécutée vers 1236, la partie centrale de la Dormition qui occupait tout le mur ouest, est, malheureusement, détruite. Seules, sont conservées les parties latérales, avec les images des apôtres des deux côtés (pl. II). Ils y sont disposés à peu près comme dans la peinture du monastère de Bačково, et les évangélistes sont, également, représentés avec les Évangiles dans les mains. Les différences sont, avant tout, de l'ordre stylistique: les figures, à Milešovo, sont considérablement plus grandes et plus massives qu'à Bačково. Il n'y a qu'une différence iconographique: à l'arrière-plan, derrière les apôtres, à Mileševo, sont peints les édifices qui manquent dans la fresque de Bačково. Et ces édifices se distinguent de ceux qu'on voit sur les peintures des XIe—XIIe siècles, en ce qu'ils sont de grandes dimensions et en raccourcis relativement corrects. C'est une des particularités caractéristiques de la peinture du XIIIe siècle.

Tout à fait dans l'esprit de l'iconographie du XIIe siècle est composée la Dormition de la peinture de l'église de Boïana, près de Sophia, exécutée en 1259.⁵⁰ La Vierge gît tout-à-fait horizontalement, les bras croisés sur la poitrine; les apôtres forment deux groupes, ayant, comme d'ordinaire l'un St. Pierre et l'autre St. Paul à sa tête; Saint Jean se penche sur le visage de la Vierge, le Christ, entouré d'une auréole ovale, se tenant tout droit, regarde sa Mère, ayant son âme contre le côté gauche de son sein. Deux évêques se tiennent ensemble à gauche, à l'arrière-plan. Un petit ange descend de droite, pour recueillir l'âme de la Vierge. Des deux côtés on voit deux édifices, et au chevet du lit, s'élèvent deux chandeliers avec des cierges. Outre les têtes du Christ, de la Vierge, celles de son âme et de l'ange, les têtes de tous les apôtres sont, elles aussi, entourées de nimbes. Ce dernier trait n'est pas particulier pour une période déterminée, puisqu'on le trouve aussi dans les monuments des XIe—XIIe siècles (comme le manuscrit de Montecassino H. H. 98, la peinture la plus ancienne à Boïana, la fresque de la cathédrale de Mirož, le relief de Tolède etc.). Et plus tard, il est, de même, loin d'être généralement répandu.

La composition grandiose de la Dormition dans la peinture remarquable du monastère serbe à Sopočani, exécutée vers 1265 a un caractère tout-à-fait

⁴⁹ Н. Окуневъ. Составъ росписи храма въ Сопочаняхъ. »Byzantinoslavica«, I, Praha, 1929, 124, 125, fig. 9 et 11.

⁵⁰ А. Грабаръ. Боянската църква. София, 1924. 46—47, fig. 4.

nouveau⁵¹ (pl. III). Elle occupe tout l'immense mur ouest de l'église. Au centre du premier plan ce trouve, comme toujours, le lit sur lequel gît la Vierge, les yeux fermés et les mains couverts de son maphorion. Derrière le lit se tient le Christ dans la posture qui nous est déjà connue d'après les monuments plus vieux: il est un peu tourné vers la droite, avec la tête tournée à gauche et penchée sur l'épaule droite. De ses deux mains, il tient, contre son sein gauche, un peu à l'écart, l'âme emmaillottée.⁵² Il est entouré d'une auréole blanche de forme ovale. A sa droite se tient un ange; c'est, suivant l'*Homélie* de Jean de Thessalonique, l'archange Michel. Il tend les bras drapés d'un pan de son habit, prêt à recueillir l'âme de la Vierge. Un peu plus haut, il est représenté descendant du ciel. L'auréole du Christ est entourée de toute une foule d'anges dont ceux au premier plan se tiennent devant l'auréole avec de grands cierges allumés; ceux qui sont derrière portent des bâtons et des lances.

De deux côtés de ce groupe central sont placés trois évêques, dont deux se tiennent derrière le chevet du lit, l'un avec l'encensoir aux longues chaînettes et l'autre avec un livre; le troisième s'incline vers le lit du côté droit, et encense à l'aide d'un encensoir avec un manche court.

Les apôtres, comme d'ordinaires, sont divisés en deux groupes. A gauche se tient St. Pierre, la tête penchée sur la main gauche, mais sans encensoir dans sa droite. St. Jean a quitté son ancienne place près de l'épaule gauche de la Vierge et, ensemble avec Saint Paul, s'incline vers ses pieds. Les autres apôtres pleurent et, par des gestes traditionnels, expriment leur douleur. Mais le nombre des assistants dépasse de beaucoup celui des apôtres et contient bien d'autres personnages qui figurent pour la première fois dans la composition. A l'arrière-plan, des deux côtés, sont peints en perspective bien rendue deux grands édifices. A celui du côté gauche adhère un portique, sur le toit plat duquel se trouve un groupe considérable de femmes assises qui pleurent. Dans la fenêtre semi-circulaire de l'édifice à droite on voit une tête de femme.

Toute la partie supérieure de la muraille est occupée par la descente du Christ des cieux et du voyage miraculeux des apôtres sur les nues. Tout juste au milieu de la composition, au-dessus du Christ qui se tient près du lit, le Christ est représenté encore une fois dans les airs. Sur le fond de l'auréole blanche, parsemée d'étoiles couleur d'or, il trône sur un arc-en-ciel; il se tourne un peu à gauche et bénit de sa main droite ceux qui sont en bas. Des côtés, dans de grands nuages blancs pyriformes sont peints les apôtres, chacun dans un nuage séparé qui le couvre jusqu'aux reins. Chaque apôtre est accompagné d'un ange, lequel enlace son cou avec un bras, tandis que son autre bras désigne la direction.

L'évolution de l'iconographie dont cette composition fait preuve, se trouve

⁵¹ Н. Окуневъ. Составъ росписи въ Сопочанахъ, 126.

⁵² N. Okunev, Monumenta artis serbicae. I. Prague, 1928. Pl. 5, 6 et 7.

être aussi en pleine conformité aux textes des récits apocryphes dont les peintres s'inspiraient. Pour la première fois est représentée ici la milice céleste accompagnant le Christ, ainsi qu'il est raconté uniformément dans tous les apocryphes. Les personnages figurés qui n'appartiennent pas au nombre des apôtres, ce sont, sans doute, les proches et les connaissances que la Vierge envoya quérir après avoir appris que son heure suprême n'est pas loin, ainsi qu'il est raconté dans l'*Homélie* de Jean de Thessalonique.⁵³ Il est à noter que Pierre n'a plus d'encensoir et que ce sont les évêques qui encensent. On peut croire que ce changement n'est pas occasionné par une tradition quelconque, mais que le peintre aurait pris en considération le rituel en usage dans l'église orthodoxe, et aurait supposé que l'encensement se rapportant au service funèbre doit, par conséquent, être accompli par les ecclésiastiques assistants.

La descente du Christ en auréole lumineuse est représentée également en conformité aux narrations apocryphes. Ce motif, d'ailleurs, n'apparaît pas ici, dans l'iconographie de la Dormition, pour la première fois et ne constitue que la reproduction d'un prototype plus ancien. La figuration la plus ancienne se trouve dans la peinture de l'église cappadocienne à Toqual-Kilissé dont il a été parlé plus haut. Là aussi, dans la partie supérieure de la composition (pl. I) est peinte une auréole dans laquelle, sur un arc-en-ciel, trône le Christ. Les anges soutiennent l'auréole, et leurs innombrables légions l'entourent. Il est remarquable que bien d'autres traits de la peinture cappadocienne sont reflétés dans la Dormition de Sopočani: le Christ est dans la même posture, et il tient l'âme devant soi tout aussi bas; tout près de l'âme on voit l'ange qui descend du ciel, et les arrières-plans architecturaux sont également de grandes dimensions.

Une autre peinture serbe du XIIIe siècle, celle de Gradac, malheureusement fortement endommagée, présente la même composition, mais réduite. Assistent seulement les apôtres qui pleurent et trois évêques qui se tiennent tous les trois à gauche, derrière le chevet du lit, formant un seul rang. Derrière le lit, sur le fond de l'auréole bleue parsemée d'étoiles blanches, est peint le Christ, dans la même posture qu'à Sopočani. Près de son épaule gauche il tient l'âme de la Vierge en langes violettes. A droite, derrière le groupe des apôtres en pleurs, on voit une maison à belvédère qui rappelle celle de Sopočani.

La pose du Christ et la disposition des personnages de la peinture de Gradac sont répétées plus tard dans la peinture à Arilje⁵⁴ exécutée dans les dernières années du XIIIe siècle.⁵⁵ Ici, également, on voit trois évêques qui se tiennent ensemble derrière le chevet du lit. Paul et Jean sont inclinés devant les pieds de la Vierge. L'auréole du Christ est très petite, de forme ovale, de couleur gris-rouge. Deux anges se tiennent derrière l'auréole, et à côté du

⁵³ И. Порфирьевъ, о. с., 283.

⁵⁴ V. Ретковіч, Le peinture serbe du moyen âge. I. Beograd, 1930. Pl. 28 a.

⁵⁵ Н. Окуневъ, Составъ росписи въ Сопочанахъ, 132—133.

Christ, à droite, on voit l'archange Michel prêt à recueillir l'âme de la Vierge.

Le voyage des apôtres dans les airs et d'autres particularités apocryphes manquent à Gradac et à Arilje à cause de l'insuffisance de l'espace. Dans ces deux cas, à la Dormition est assigné une partie relativement restreinte de la muraille. Il en est autrement lorsque, comme à Žiža, le peintre dispose de presque tout le mur: les apôtres dans les nues apparaissent de nouveau, peints tout-à-fait comme à Sopočani, c'est-à-dire chacun dans un nuage particulier et accompagné d'un ange (pl. IV).

L'église de Žiža fut fondée dans les vingtièmes années du XIIIe siècle, mais de sa peinture primitive il ne s'est conservé que quelques fragments insignifiants; le reste de la peinture murale a été exécuté plus tard et, probablement, renouvelé encore une fois. A en juger par les particularités du style et des procédés techniques, la Dormition qui occupe toute la partie supérieure de la muraille ouest doit être rapportée aux dernières années du XIIIe siècle. Cette supposition n'est pas contredite par les données iconographiques, vu que quelques traits nouveaux qu'on y remarque pour la première fois, se répètent dans les monuments des premières années du XIVe siècle, dont les dates précises sont connues.

Devant le lit se tiennent seuls les apôtres divisés en deux groupes égaux, et quatre évêques, deux de chaque côté. A en juger par analogie avec les peintures ultérieures, cela doivent être Jacques, le frère du Seigneur, Denys l'Aréopagyte, Jérothée et Timothée. Pierre, sans l'encensoir, et Jean, à côté de lui, se penchent vers le chevet. Au pieds du lit se tient Saint Paul. Le Christ est peint sur le fond d'une grande auréole ronde, de couleur grise, dans laquelle est inscrite une autre, blanche, en forme d'étoile aux six rayons. Comme dans les monuments les plus anciens, le Christ est figuré tourné un peu à droite et la tête en arrière. De ses deux mains il tient l'âme près de son épaule gauche. L'âme est représentée ici d'une manière tout-à-fait particulière. Jusqu'à présent on la figurait comme une petite momie raide, emmaillottée à tel point qu'il n'était pas possible de distinguer le corps, les jambes et les bras. Ici elle est également emmaillottée, mais beaucoup plus librement: on voit qu'elle a les bras croisés sur la poitrine et au lieu de se tenir toute raide, elle est assise sur le bras gauche du Christ. Outre cela, elle a, comme une Psyché antique, deux ailes déployées.

Les bras des deux anges qui se tiennent des deux côtés de l'auréole ne sont pas couverts pour recueillir l'âme; les anges en s'inclinant, tendent les bras avec le geste d'adoration. Au fond, comme dans le reste des monuments du XIIIe siècle, se trouvent des édifices, massifs, aux grandes dimensions. Le haut du mur, comme on l'a déjà dit, est occupé par les douze apôtres qui volent chacun sur un nuage, et au-dessus de la fenêtre deux petits anges portent l'âme de la Vierge vers le segment bleu du ciel.⁵⁶

⁵⁶ В. Петковић, Спасова црква у Жичи. Београд, 1912. Fig. sur la page 33.

Tous les récits apocryphes exposent avec des variantes insignifiantes les événements survenus après la mort de la Vierge, de manière suivante. Lorsque le Christ avait reçu dans ses bras l'âme de la Vierge, tous les douze apôtres levèrent le lit avec le corps et le portèrent. Or, tandis qu'ils le portaient, un Juif, du nom Jéphonias, saisit de ses deux mains le bord du lit afin de le renverser et d'insulter ainsi la défunte. Mais à ce même moment un ange descendit des cieux et avec un glaive ardent coupa les mains du Juif, de sorte qu'elles restèrent suspendues au bord du lit. Saint Pierre, l'ayant vu, conseilla à Jéphonias d'adresser une prière à la Vierge, et lorsque celui-ci a suivi son conseil, les mains sur l'ordre du saint se détachèrent miraculeusement du lit et reprirent leur place.

Ces événements, — la translation du corps de la Vierge et l'épisode de Jéphonias, — nous les trouvons pour la première fois sur un monument qui date de la première moitié de ce même XIIIe siècle.⁵⁷ Ce monument, c'est la porte en cuivre de la cathédrale de Souzdal, dont les dessins sont damasquinés d'or. Sur la porte ouest de cette cathédrale, la Dormition est exécutée sur une des planches, suivant l'iconographie traditionnelle, avec le Christ, qui tient l'âme, et les douze apôtres seulement, divisés en deux groupes. Sur une autre planche est représentée une scène au-dessus de laquelle se trouve l'inscription suivante: « le corps de la Sainte Vierge est porté pour la sépulture ». Mais ce ne sont pas les apôtres qui le portent, ce sont quatre anges, tandis que le cinquième, qui descend des cieux, coupe les mains de Jéphonias qui marche derrière le groupe.⁵⁸

C'est également dans le monument du XIIIe siècle que cet épisode de Jéphonias, tout comme dans l'iconographie plus récente, est lié pour la première fois avec la scène traditionnelle de la mort de Marie, au lieu d'être rapporté, comme il était naturel, au moment de la translation du corps. C'est sur la miniature dans un Évangile grec de la Bibliothèque Ambrosienne (N^o D 67 Sup.) que nous voyons ce trait. Les miniatures de ce manuscrit, jusqu'à présent inédit, portent les traces d'influences occidentales, qui s'expriment principalement dans le style, mais parfois aussi dans l'iconographie. La Dormition se trouve au feuillet 137. La Vierge gît les bras croisés sur la poitrine, les pieds vers la droite. Devant le chevet se tient St. Pierre avec l'encensoir dans sa main droite; il porte sa main gauche, couverte du pan de son himation bleu, vers son visage; on voit derrière lui encore cinq apôtres qui tous expriment leur douleur par le même geste. Plus haut, derrière le chevet, se tient un évêque. Saint Paul embrasse les pieds de la Vierge. Derrière lui se tiennent quatre apôtres. Saint Jean se penche vers le visage de la Vierge, sa main gauche appuyée sur sa joue. Au-dessus du groupe droit des apôtres, est représenté

⁵⁷ И Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности, VI. 72.

⁵⁸ Ib., 67.

encore un évêque vu de front; au centre, derrière le lit, se tient le Christ dans la posture qui est identique à celle du Christ sur la fresque de Toqual-Kilissé. Un ange descend de droite, pour recueillir l'âme. A gauche ce même ange s'envole déjà en la portant. Au premier plan, devant le lit, est représenté Jéphonias aux mains coupées. Ces dernières adhèrent au bord du lit. Jéphonias se retire à droite, en regardant en arrière. Plus à gauche un petit ange met le glaive dans le fourreau.

Parmi les peintures murales la translation du Corps de la Vierge se trouve figurée pour la première fois dans la petite église de Saint Joachim et Sainte Anne à Studenica, en Serbie. D'après l'inscription, conservée sur le mur extérieur de l'abside, cette église fut construite sous le roi Stefan Uroš II Milutin en 1314. Malheureusement la partie du milieu de la composition est détériorée, mais les parties latérales se sont parfaitement conservées, et d'après les fragments subsistés de la partie centrale il est possible de reconstituer jusqu'à certain point ce qui est détruit (pl. VI, 2). Le lit, dont on ne distingue que le chevet et le bout du côté des pieds, est haut levé et les apôtres le portent sur leurs épaules. Des apôtres ne sont conservés que ceux qui marchent devant, c'est-à-dire à droite, près des pieds de la Vierge, la procession se dirigeant à droite. Nous y voyons un vieux apôtre qui porte le bord du lit sur l'épaule droite et, regardant en arrière, le soutient de sa main gauche au-dessus de sa tête. Derrière lui, au fond, on voit encore trois apôtres, dont l'un est vieux, et deux autres, jeunes, marchant eux aussi à droite, avec des gestes exprimant la douleur. Encore plus au fond marchent deux évêques. Saint Pierre, un encensoir dans sa main droite, ouvre la procession.

L'image du Christ est perdue, mais un morceau du haut de la partie droite de son auréole s'est conservée. Comme celle de Žiča, cette auréole était double: un rond bleu clair avec une étoile dedans. Sur le fond de cette auréole on voit un petit morceau du nimbe qui entourait la tête de l'âme de la Vierge, et son aile gauche. On en peut conclure que le Christ y était figuré approximativement de la même façon qu'à Žiča. Des deux côtés de l'auréole se tiennent deux anges. Celui à gauche tient un chandelier avec un cierge. Celui à droite les bras couverts du pan de l'habit, s'apprête à recueillir l'âme. Au premier plan était sûrement représentée l'épisode de Jéphonias, puisque un peu au-dessus des apôtres qui portent le lit on voit l'ange qui met son glaive dans le fourreau.

A gauche, au chevet du lit de la Vierge, est représentée une multitude d'anges avec de longs sceptres (pl. VI, 1). Ils ont l'air de prendre part à la procession, en accompagnant le corps. Dans le coin gauche, tout-à-fait à part, est peint un grand groupe de femmes, parmi lesquelles se trouvent deux hommes. Ce sont les proches et les connaissances de la Vierge, témoins terrestres de l'événement. Comme tels, ils sont séparés des chœurs des anges, des apôtres et des saints pères. La composition se clôt par un arrière plan

architectural à perspective déjà assez embrouillée. Dans les fenêtres des étages supérieurs on voit des têtes de femmes en pleurs.

En haut, au-dessus des parties latérales de la composition, sont peints les apôtres portés sur les nues, six de chaque côté. Chacun est sur un nuage particulier; les anges manquent. Juste au milieu, au-dessus de l'auréole du Christ, deux anges volant ouvrent les portes célestes, et on voit à l'intérieur une multitude d'anges. Ils sont tous monochromes d'une même couleur grise-bleue.

Dans le coin droit de la composition on voit ce cercueil neuf de Géthsémané dans lequel, d'après l'apocryphe,⁵⁹ le Christ en personne ordonna aux apôtres de déposer le corps de sa Mère. Il a la forme d'un sarcophage ouvert en pierre. Près de lui se tiennent déjà et se penchent les apôtres — Saint Paul, Saint Jean et deux autres, et derrière lui on voit un groupe de femmes éplorées.

Une autre peinture serbe, celle de Staro-Nagoričino, reproduit cette même composition avec beaucoup de détails nouveaux (pl. VII). Elle fut exécutée en 1317, et très probablement par les mêmes peintres qui ont travaillé dans l'église de Studenica. Ici toute la peinture s'est parfaitement conservée. Nous y voyons le lit porté par quatre apôtres vers la droite. Jéphonias, représenté jeune, a saisi le bord du devant, ses mains sont déjà coupées. L'ange punisseur ne se tient pas cependant auprès de Jéphonias, mais, comme à Studenica, plane haut en l'air et met, lui aussi, son glaive dans le fourreau. Devant le lit marchent Paul, André et Pierre avec l'encensoir, devant eux Jean qui pleure et trois autres apôtres. A l'arrière-plan de ce groupe marchent trois évêques. Un groupe d'anges suit le chevet du lit, l'un d'eux tient dans ses mains un encensoir muni d'un manche court. Plusieurs femmes sont à la queue de la procession. Dans le coin droit se trouve le cercueil ouvert, vers laquelle se dirige la procession.

Derrière le lit, sur le fond d'une double auréole, de la même forme que celle de Studenica et de Žiča, sont peints le Christ avec l'âme de la Vierge et, à ses côtés deux anges les bras drapés. Une multitude d'anges portant des cierges entoure l'auréole. La posture du Christ présente quelques particularités. Toute sa figure est tournée de trois quarts à gauche, vers le chevet, et il tient l'âme non près de l'épaule gauche, comme toujours, mais près de la droite. Comme à Žiča, l'âme est assise sur son bras, mais elle n'a pas d'ails.

On trouve pour la première fois presque la même attitude du Christ dans une peinture très mal conservée à l'église des Quarante Martyrs de Tyrnovo, en Bulgarie (fig. 10). Cette peinture date du XIIIe siècle. L'attitude du Christ qui est placé non vers le milieu de la couche, mais juste derrière le

⁵⁹ « Homélie de Saint Jean, archevêque de Thessalonique » dans *И. Порфирьевъ*, o. c., 294.

chevet, présente ici un trait particulier, le même qu'on peut observer dans la partie la plus ancienne de la peinture de Boïana (fig. 5) et sur la miniature de l'Évangile Harley 1810 à Londres (fig. 6). Outre celà, son corps est tourné un peu vers la gauche et il tient l'âme près de son épaule droite, comme à Staro-Nagoričino. La manière dont sur cette fresque sont disposés les autres personnages diffère, elle aussi, de la traditionnelle. Tous les apôtres sont

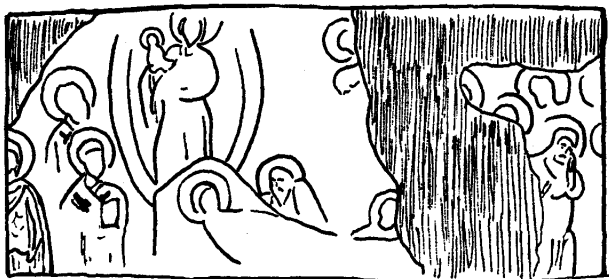

Fig. 10. Fresque à l'église de 40 martyrs à Tyrnovo.

placés à droite du lit et l'un d'eux a l'air de se diriger à droite; à gauche on ne voit qu'un évêque et un ange: la fresque est endommagée, et il est possible qu'il y eût encore des anges. Cette disposition des personnages rappelle celle de Studenica et de Nagoričino, c'est-à-dire des compositions qui représentent la translation du corps de la Vierge. Cela nous autorise de supposer que la fresque de Tyrnovo représente, elle aussi, ce même épisode. Dans ce cas, se serait la plus ancienne image de ce sujet dans la peinture murale.

En ce qui concerne l'âme de la Vierge placée sur le bras droit du Christ, et non sur le gauche, ainsi qu'il est en usage dans les monuments les plus anciens, on en peut citer encore un exemple sur un monument également du XIIIe—XIVe siècle: l'âme est représentée ainsi sur l'icône en mosaïque, bien connue, dans l'Opera di Duomo à Florence.⁶⁰

Mais c'est la partie supérieure de la Dormition à Staro-Nagoričino qui est la plus intéressante et qui contient le plus d'innovation. Ici, le peintre ne s'est plus contenté des données que lui fournissaient les textes apocryphes les plus répandus et le mieux connus en Orient orthodoxe, ceux qui se trouvent dans l'*Homélie* de Saint Jean et celle de Jean de Thessalonique: il s'adresse à d'autres sources, d'origine également apocryphe, mais qui étaient répandues principalement en Occident. Ce sont l'*Histoire de la Dormition de la Vierge Marie* attribué par la tradition à Mélicon évêque de Sardes (IIe siècle), mais qui fut composée pas avant la moitié du Ve siècle,⁶¹ et un récit dont

⁶⁰ Н. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Атласъ I. СПетербургъ, 1906. Pl. IV, 8.

⁶¹ C. Tischendorf, Apocal. apocryphae, 124—136.

l'auteur se donne pour Joseph d'Arimathie, mais lequel, bien entendu, ne lui appartient pas.⁶² Ces deux récits ne sont connus que dans la version latine.

Dans le second de ces récits, répétant, quand à son fond, les apocryphes grecs déjà cités par nous, mais complété de plusieurs détails nouveaux, il est raconté, comment Saint Thomas n'était pas venu à temps avec les autres apôtres et manqua d'assister aux funérailles. Il se trouvait aux Indes et célébrait la messe, quand une force surnaturelle l'éleva en l'air et le porta à Jérusalem; en route il a vu la Vierge montant au ciel et fit une prière pour qu'elle lui donnât sa bénédiction. Alors la Vierge lui remit la ceinture, dont les apôtres l'avaient ceinte à l'enterrement. Lorsque St Thomas vint à Jérusalem, St Pierre le blâma, en disant qu'il était toujours incrédule et pour cela a été privé de l'honneur d'assister à l'enterrement de la Vierge. St Thomas le pria de lui montrer la tombe, afin qu'il pût adorer le corps; mais s'y étant rendu, il ne trouva pas le corps au tombeau. L'ayant communiqué aux apôtres, Pierre de nouveau commença à lui reprocher son incrédulité, et, courroucé, il s'en alla lui-même avec les apôtres pour vérifier ce qu'il venait d'apprendre. Le tombeau, en effet, se trouva vide. Alors Thomas raconta ce qu'il lui était arrivé pendant son trajet dans les airs et montra la ceinture qu'il avait reçue de la Vierge. Les apôtres y reconnurent la ceinture qu'ils ont mise à Marie à l'enterrement.

L'origine de ce récit s'explique par les doutes qui inquiétaient les théologiens chrétiens durant le Ve siècle et les subséquents. Primitivement on ignorait tout ce qui concerne les circonstances de la mort de la Vierge et le lieu de sa sépulture. Les uns croyaient qu'elle était morte et ensevelie en Ephèse, où elle avait vécu avec Saint Jean, tandis qu'une tradition syro-palestinienne rapportait ces événements à Jérusalem, à Sion et au Mont des Oliviers.⁶³ Le lieu de sa sépulture fut découvert à Géthsémané vers l'an 431, lors de la convocation du concile d'Ephèse qui prescrivit pour tous les croyants, la vénération de Marie comme Mère de Dieu. Pourtant son corps ne fut pas trouvé dans la tombe. Alors on supposa, que la Vierge n'était pas morte, mais emportée vivante aux cieux ou bien, que, si elle mourut, elle fut ressuscitée, et monta au ciel.⁶⁴ Peu-à-peu, deux traditions s'élaborent: selon l'une, celle de Palestine, après la mort de la Vierge, son âme seule fut portée dans les cieux, d'après l'autre, d'origine copte,⁶⁵ la Vierge fut emportée au ciel *en chair*. Au VIIe siècle les hésitations entre ces deux traditions aboutissent à la victoire de la première qui devient généralement admise dans toute la chrétienté orientale. L'autre tradition, la copto-égyptienne, passe à l'Occident et là-bas s'enracine et commence à influencer sur le caractère de la vénération offi-

⁶² Ib., 113—123.

⁶³ O. Sinding. *Mariae Tod und Himmelfahrt*. Christiania, 1903. 9.

⁶⁴ O. Sinding, o. c., 4—5.

⁶⁵ A. Baumstark. *Die leibliche Himmelfahrt der allerseligsten Jungfrau und die Lokaltradition von Jerusalem*. «Oriens Christianus», IV, Rom, 1904. 391.

cielle de la Vierge et sur l'art. Lorsque, aux environs de l'an 600 fut définitivement fixé comme date de la célébration de la Dormition le 15 Août, l'Orient célébrait ce jour-ci sa mort, et l'Occident son assomption. En raison de cela la fête fut dénommée, en Orient, Κοίμησις — dormitio, et en Occident — μεγίστασις — assumptio. C'est pourquoi l'art occidentale représente d'abord presque exclusivement l'assomption.⁶⁶ Par contre en Orient on représentait la mort de la Vierge, ainsi qu'on en peut juger d'après le témoignage de Saint André de Crète (commencement du VIIe siècle) qui a décrit la représentation de la mort de la Vierge dans l'église de Sion à Jérusalem érigée à l'endroit de son décès.⁶⁷

L'apocryphe attribué à Joseph d'Arimathie là où il parle de l'assomption de la Vierge et en fait figurer Saint Thomas comme témoin, est influencé par la tradition copto-égyptienne. On comprend la popularité de cet apocryphe en Occident, et c'est là, selon toute probabilité, qu'il faut chercher l'origine de l'image qui représente la Vierge remettant sa ceinture à Saint Thomas.⁶⁸

C'est à cet apocryphe que s'adressent les peintres de Staro-Nagoričino, puisque, dans la partie supérieure de la composition, juste au-dessus de l'auréole dans laquelle est peint le Christ, ils représentent l'ascension en chair de la Vierge. Elle est peinte trônant sur un arc-en-ciel, dans une auréole ronde. De sa main gauche elle tend sa ceinture à Thomas qui vole vers elle du côté droit assis sur un petit nuage en compagnie d'un ange, et lui tend ses mains. Deux anges qui planent soutiennent de dessous l'auréole avec la Vierge, et derrière eux on voit la milice céleste: tous les anges ont des lances. Plus haut deux anges ouvrent les portes du ciel, et on voit à l'intérieur des chœurs d'anges monochromes. Ceux du devant tendent leurs bras vers la Vierge.

Cette représentation de l'Assomption et de la remise de la ceinture à Saint Thomas, tout en étant la plus ancienne dans la peinture murale orthodoxe, n'est pourtant pas la plus ancienne en général. Si E. MÂLE date du XIIIe s. la représentation la plus ancienne de ces événements dans l'art occidental,⁶⁹ c'est également du même temps qu'il en faut dater la plus ancienne représentation dans l'art chrétien de l'Orient. On en trouve le premier spécimen dans cette même porte en cuivre à Souzdal (comm. du XIIIe s.) où est représentée la translation du corps de la Vierge (pl. V, 1). Ici la Vierge est représentée assise dans l'attitude d'orante, dans une auréole qui a la forme d'une amande, les bras ouverts devant la poitrine. L'auréole est portée par deux anges qui volent. Un troisième, le sceptre dans la main, remet la ceinture

⁶⁶ Le « Liber pontificalis » énumère les différents objets liturgiques ornés de l'Assomption de la Sainte Vierge qu'on offrait aux papes pendant les VIIIe—IXe siècles: H. Leclercq dans le « Dictionnaire d'archéologie chrétienne », t. I (2 partie). Paris, 1924. 2983—2995.

⁶⁷ Migne, Patrol. gr., XCVII, 1063—.

⁶⁸ E. Mâle. L'art religieux du XIIIe s. en France. Paris, 1923. 256.

⁶⁹ Ibidem.

de la Vierge à Thomas qui s'approche sur un nuage accompagné d'un ange. En bas il est montré comment ce même apôtre dépose la ceinture sur l'autel de l'église.

Outre l'assomption avec la scène où la Vierge remet sa ceinture à Thomas qui vole sur un nuage et avec le reste des apôtres qui volent eux-aussi des deux côtés sur les nues accompagnés d'anges, la Dormition du Staro-Nagoričino contient encore un détail très rare et du plus haut intérêt. Au-dessous des anges qui volent, des deux côtés, sur un fond bleu, sont représentés, jusqu'à la ceinture, les prophètes et les autres personnages du Vieux Testament dont les paroles ou les actions contiennent des allusions ou des indications sur la personnalité de la Vierge ou les symboles de sa mission terrestre. Ils sont tous peints les rouleaux développés dans les mains. Sur ces rouleaux sont écrits les textes respectifs des Ecritures. Devant presque chacun d'eux est représenté l'objet dont les propriétés doivent symboliser la Vierge. A gauche sont peints le prophète Isaïe, Moïse avec le buisson ardent, dedans lequel on voit un petit buste de la Vierge, Gédéon avec la toison imbuée de rosée, Jérémiel avec la porte close. A droite, Daniel avec le rocher, Balaam avec l'auréole en forme d'étoile, dans laquelle est placé un petit buste monochrome d'Emmanuel — l'astre qu'il a prédit (Nombres, XXIV, 17—19), David avec un navire et Solomon montrant le temple qu'il a construit: « la maison qui sera ta demeure, un lieu où tu résideras éternellement » (I, Rois, VIII, 13).

Ces symboles de la Vierge ainsi groupés apparaissent ici pour la première fois dans la peinture murale. Ils sont répétés, bien qu'indépendamment de la Dormition, et d'une manière encore plus développée, dans la peinture du monastère serbe à Lesnovo.⁷⁰

Les peintres de Studenica et du Staro-Nagoričino s'adressaient aux divers récits apocryphes sur la Dormition afin de modifier la signification de la composition, de remplacer le moment de la mort par celui de la procession avec le corps, et de la compléter par la représentation des événements qui ont eu lieu durant et après l'enterrement. Les peintres qui vers 1320, travaillaient à la peinture murale de Gračanica, au champ de Kosoovo, et qui étaient probablement les mêmes que ceux de Studenica et de Nagoričino, puisent dans ces récits les sujets pour tout un cycle de tableaux, illustrant la légende entière de la Mort de la Vierge, en commençant par les événements qui la précédaient.

D'après les récits de l'*Homélie* de Jean de Thessalonique, et de la narration latine attribué à Joseph d'Arimatee, dont ces peintres ont, apparemment, fait usage, les événements précédant la mort de la Vierge, sont les suivants. Lorsque une fois la Vierge s'était rendue au mont des Oliviers

⁷⁰ N. Okunev. Lesnovo. « Orient et Byzance », IV. 1er recueil Th. Uspenskij. Paris, 1930. 237—239.

pour y prier, un ange lui apparût qui lui annonça que son heure est proche. Il lui remit une branche de palmier du Paradis et enjoignit qu'on la tienne devant elle durant son enterrement. A ce moment le mont où cela se passait « se mit en joie » et les arbres des jardins qui s'y trouvaient s'inclinèrent devant Marie. De retour à la maison, la Vierge ordonna d'apprêter un encensoir et d'appeler tous ses proches et ses connaissances, afin qu'elle puisse prier avec eux et se préparer à la mort. Elle est assistée par trois jeunes filles. Vient l'apôtre Jean, auquel elle communique ce qu'elle vient d'apprendre, prie de mettre son corps dans un cercueil spécial et de le garder, parce que les Juifs menacent de le brûler; puis elle le mène dans un autre appartement, lui montre ses habits funéraires et prie de faire don de ses habits de tous les jours à deux veuves. Puis elle prie Jean de prendre la branche de palmier apportée par l'ange et de la porter devant son corps. Jean refuse d'assumer une fonction si honorifique en absence des autres apôtres, craignant de leur faire injure. A ce même temps les onze apôtres apparaissent en volant. Tous entourent le lit de Marie, s'entretiennent avec elle, prient, et Pierre adresse un sermon aux vierges assemblées. Le jour suivant, vers trois heures, accompagné des éclats de tonnerre, le Christ paraît, entouré d'anges, embrasse Marie et tous les apôtres, et recueille l'âme de sa Mère. Suivent les événements exposés plus haut.

Le cycle d'images qui se relie à la Dormition commence, à Gračanica, sur la paroi qui adhère au mur Ouest du côté du Sud (pl. IX, 1). Ici est peinte la prière de la Vierge sur le Mont des Oliviers. Un ange qui descend du ciel, mais sans la branche de palmier, lui apparaît. Les arbres, à gauche, saluent Marie. Un peu plus vers la droite on voit la Vierge, laquelle, assise sur son lit, s'entretient avec les apôtres qui se tiennent devant elle. Derrière son lit se tiennent deux jeunes filles qui l'assistent.

La scène de la mort est remplacée par celle de la procession, composée presque comme à Staro-Nagoričino (pl. VIII). Les divergences à noter sont les suivantes. Le Christ se tient comme sur les plus anciens monuments, c'est-à-dire, à-demi tourné vers la droite, avec l'âme de la Vierge près de son épaule gauche. L'âme n'est pas emmaillottée, mais seulement drapée de blanc et est assise sur le bras gauche du Christ, ses petits bras croisés sur la poitrine. L'auréole ronde manque, de sorte que c'est seulement de l'auréole en forme d'étoile que le Christ est entouré. Les deux anges aux côtés du Christ aux bras couverts, manquent; il n'y a qu'un petit ange qui descend, à droite, pour recueillir l'âme. A cause du défaut de place, les prophètes et la scène de l'assomption manquent aussi. Immédiatement au-dessus du Christ est peint un segment du ciel, avec les portes ouvertes et le chœur d'anges. Les apôtres volent dans les nues, en groupes probablement; mais il est impossible de constater leur nombre, la peinture, en cet endroit, étant fortement endommagée. L'architecture totalement absente à Staro-Nagoričino, est ici assez riche et dans les

édifices on voit deux petites figures de femmes qui pleurent. La procession se rend vers le sarcophage ouvert, autour duquel les femmes sont attroupées.

La fin du cycle est transportée sur le mur nord, où est peinte, en haut, l'assomption de la Vierge au moment où elle remet la ceinture à Thomas (pl. IX, 2). La Vierge est portée, dans une auréole ronde, par deux anges. Elle est assise sur un trône et de sa main droite elle remet sa ceinture à Thomas qui s'approche d'elle de gauche, dans un nuage. En bas les apôtres inspectent le cercueil vide, et à droite est peint Thomas racontant aux apôtres sa rencontre avec la Vierge et leur montrant la petite ceinture rouge.

Les cycles du même genre, illustrant l'apocryphe de la Dormition, apparaissent, dans le cours du XIVe s., dans toute une série des églises serbes.

Dans l'église de Saint Nicolas à Ljuboten près Skoplje s'est conservée la composition qui termine le cycle (pl. X). En haut deux anges portent l'auréole ronde avec la Vierge, laquelle de sa main gauche, tend sa ceinture à Thomas qui s'approche de droite. Au-dessous, à droite, les apôtres inspectent le cercueil vide, à gauche, Thomas leur raconte sa rencontre, mais la ceinture fait défaut. A l'arrière-plan est peinte une maisonnette.⁷¹

La peinture de l'église du monastère Dečani, faite en 1348, a conservé le cycle de la Dormition en entier. Il occupe la partie du milieu du mur Ouest et deux pilastres qui y adhèrent. Sur le pilastre gauche, en bas, est peinte la Vierge priant au Mont des Oliviers (pl. XII, 1). Sur le fond d'un paysage rocheux la Vierge, en attitude de prière, s'incline à droite; devant elle sont les arbres qui la saluent. L'ange manque, et il n'y a qu'un segment du ciel, en haut, avec une main qui fait le geste de bénédiction, et un rayon.

Dans la partie centrale du mur est peinte la mort de la Vierge (pl. XI). Jean s'incline devant le lit, les apôtres sont groupés comme d'ordinaire. Pierre est sans encensoir. Le Christ sur le fond d'une auréole ayant la forme d'une amande se tient dans sa posture ordinaire. Son bras gauche, où l'âme est assise, est fortement écarté. A ses côtés sont deux anges, les bras drapés. A gauche sont les femmes, à droite deux évêques. En haut il y a deux nuages avec les apôtres. Chaque nuage est accompagné d'un ange. Dans le nuage à

⁷¹ L'auteur de la description récemment publiée de la peinture de l'église de Ljuboten *B. Петковић. Живопис цркве у Љуботену. «Гласник Скопског Научног Друштва», II, fasc. 1—2. Skoplje, 1927, 110—112, fig. 1* sans avoir, à ce qu'il paraît, attentivement examiné, la composition sur place et s'étant fié à la photographie, faite, comme on voit sur la reproduction jointe au texte, sans avoir été mise au point, donne une description assez fantastique de la fresque. Dans l'image de l'ange à gauche, qui porte l'auréole de la Vierge, image considérablement endommagée, mais qui se laisse néanmoins distinguer, il veut voir l'aigle, symbole de l'évangéliste Jean, et dans une tâche au-dessus de la maisonnette, la tête de lion. De fait il n'y a rien de pareil, ce qui prive de fondement la longue argumentation de l'auteur à propos de ces bêtes, qui suit la description. De plus l'auteur est dans l'erreur en affirmant qu'à Dečani est peinte seule la scène avec le cercueil vide et les apôtres autour de lui. La reproduction que nous publions (pl. XII, 1) pourra convaincre le lecteur que l'épisode de l'assomption où la Vierge remet à Thomas sa ceinture, y figure aussi.

gauche, il y a 6 apôtres, dans celui à droite il n'y en a que cinq. Mais, ici, ce n'est pas Jean qui fait défaut, comme dans les monuments les plus anciens inspirés par l'*Homélie* de Jean de Thessalonique, laquelle ignore l'épisode de Thomas, mais bien ce dernier, puisque plus loin, comme on verra, est peinte la scène où la Vierge lui remet la ceinture.

Au pilastre droit, en haut, est peinte la translation du Corps (pl. XII, 2). Il y a une particularité qui consiste en ce que Jéphonias est représenté non devant mais derrière le lit. L'ange, brandissant le glaive, est à gauche, dans l'air. L'assomption se trouve en haut du pilastre gauche (pl. XII, 1). La Vierge trône dans une double auréole ronde. Elle tend la ceinture à Thomas lequel dans un nuage ayant forme d'un canot, est soulevé par un ange. On voit, jusqu'aux reins, deux anges au-dessus de l'auréole. La dernière composition du cycle se trouve de nouveau sur le pilastre droit, sous la fresque représentant la procession. Elle représente les apôtres qui se penchent sur le cercueil vide.

Le dernier des cycles de la Dormition dans les peintures murales serbes qui soit connu, est celui de la peinture de l'église à Matejč, très intéressante mais fortement endommagée. A en juger d'après les données fournies par les portraits de la famille royale qui s'y trouvent, cette église fut ornée de peintures en 1356—57.⁷²

La série des fresques qui se relie au thème principal de la Dormition occupe ici aussi tout le mur ouest de la nef. Elle commence dans la partie gauche du mur par la scène de la prière de la Vierge au Mont des Oliviers (pl. XIII, 2). La Vierge, à genoux, s'incline vers la gauche et tend les bras. Au fond est peinte une montagne au sommet rocheux. L'ange est absent. Il est intéressant à noter que les arbres qui saluent la Vierge sont inclinés dans la même direction qu'elle-même. Suit la composition qui représente deux épisodes joints ensemble; celui de l'ange qui apparaît à Marie et celui de la Vierge assise sur un siège qui donne son chiton à deux veuves qui se tiennent à gauche. Un ange, dans la main duquel il y avait probablement la branche de palmier, descend du ciel. L'arrière-plan est occupé par un vaste édifice. Le peintre suit ici la tradition latine attribuée à Mélicon, évêque de Sardes, puisque d'après cet apocryphe l'ange apparut à Marie non sur le Mont des Oliviers, mais dans sa maison.⁷³

La partie centrale du mur est occupée par la représentation de la mort de la Sainte Vierge. Le bas du mur est détruit et à cause de cela la partie inférieure de la composition ne s'est pas conservée (pl. XIII, 1). Mais il n'y a pas de doutes que la Vierge était représentée couchée, comme d'ordinaire, les pieds dirigés vers la droite. Le Christ se tient derrière le lit, plus près des

⁷² Н. Окуњев, Грађа за историју српске уметности. 2. Црква Свете Богородице-Матееч. «Гласник Скопског Научног Друштва», VII/VIII, Скопље, 1930. 89.

⁷³ C. Tischendorf, Арос. ароср., 125.

pieds, dans la même attitude qu'à Staro-Nagoričino, c'est-à-dire tout son corps tourné à gauche, vers la tête de la Vierge. Il tient l'âme de ses deux mains de telle manière que sa tête se trouve près de son épaule droite et le corps est de biais, presque de profil. Le Christ est entouré d'une double auréole ronde. Aux bords de la grande auréole sont peints des anges monochromes. Saint Pierre s'incline vers le chevet. Il avait probablement l'encensoir dans sa main droite. Derrière lui cinq apôtres forment un seul rang. Au fond on voit deux évêques dont l'un tient l'encensoir avec un manche court, et deux femmes. A l'arrière-plan une architecture compliquée. Jean, debout derrière le lit, se penche vers le chevet. De son image, sa tête chauve est seule conservée. Saint Paul se penche aux pieds de la Vierge. Derrière lui sont groupés les autres apôtres. Il y a aussi, à l'arrière-plan, deux évêques, dont l'un tient un encensoir avec un manche court. Au fond on voit l'architecture. En haut au-dessus de l'auréole du Christ est représentée l'assomption. La Vierge trône dans l'auréole ronde de couleur blanche, portée par deux anges qui planent en l'air. Au-dessus on voit le segment du ciel, mais les portes manquent. L'épisode de la Vierge remettant sa ceinture à Thomas fait défaut. Des deux côtés de l'auréole sont peints les apôtres dans les nues, accompagnés d'anges, six à droite et seulement cinq à gauche. Comme nulle part, dans toute la série, il n'y a pas d'indication sur l'épisode du retard de Thomas ainsi que de celui où la Vierge lui remet la ceinture, il est à supposer qu'ici ce n'est pas Thomas qui manque, mais, ainsi que dans les monuments archaïques, Saint Jean, qui, selon l'*Homélie* de Jean de Thessalonique arriva le premier à Jérusalem.

Cette composition centrale est côtoyée, à droite, par la fresque représentant la translation du corps de la Vierge vers le cercueil (pl. XIII, 3). A cause de peu d'espace libre, elle est composée autrement que dans les peintures décrites plus haut. Les porteurs s'approchent déjà du sarcophage ouvert. Les personnages qui prennent part à la procession sont peints au second plan. Saint Pierre avec l'encensoir et deux jeunes hommes avec des cierges marchent devant. Ils sont suivis par deux évêques et par six apôtres. Autant qu'il est possible de le distinguer, Jean porte la branche de palmier. L'épisode de Jéphonias est traité comme sur la porte de Souzdal: il saisit le bord du lit au chevet. Derrière lui se tient, avec son glaive, l'ange qui lui a coupé les mains. A l'arrière-plan on voit les femmes qui suivent la procession en pleurant, et de petites maisons.

En dehors de la Serbie nous ne connaissons, jusqu'à présent, que trois cycles pareils qui traitent des événements relatifs à la Dormition. Un de ces cycles, dont on a déjà mentionné quelques compositions, date du XIIIe siècle. C'est la porte de la Cathédrale de Souzdal. On y trouve quatre compositions formant un cycle. Elles représentent: la translation vers le cercueil, la déposition des habits de la Vierge, par deux groupes, sous le ciborium, en présence des

anges descendant du ciel, la Dormition dans ses formes traditionnelles et l'assomption, avec la remise de la ceinture à Thomas lequel, après, la dépose sur l'autel du temple (pl. V, 1). Les compositions ne sont pas toutes à illustrer l'apocryphe et n'en suivent pas fidèlement le texte. En tant qu'elles s'en éloignent, on devine l'influence des deux traditions différentes provenant des deux sources hétérogènes. D'une part il semble que les anges qui portent

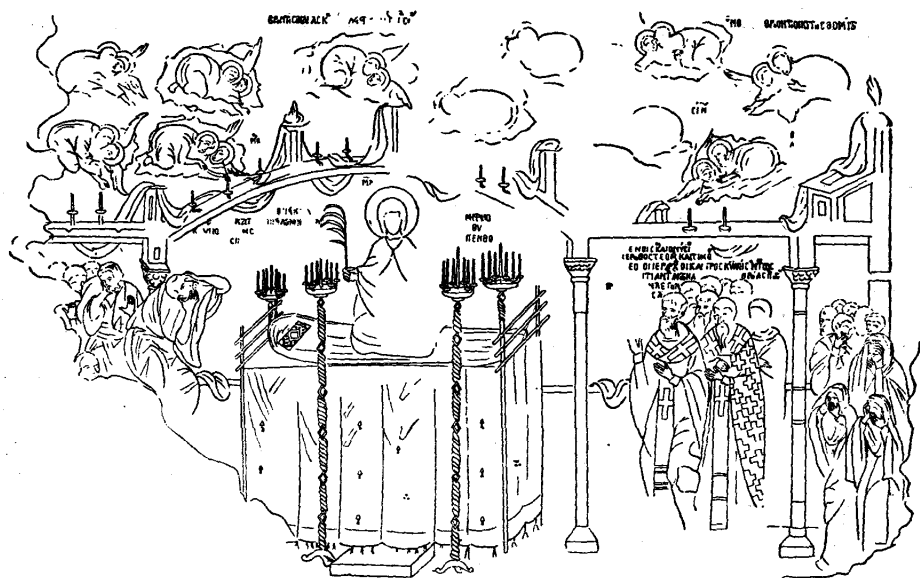

Fig. 11. Fresque à l'église Brontochion à Mistra.

le corps de la Vierge apparaissent ici sous l'influence de l'iconographie occidentale, où l'on rencontre, partout dans les monuments des XIIe et XIIIe siècles les anges qui prennent une part active dans les événements: ce sont eux, et non les apôtres, qui déposent la Vierge dans le cercueil, qui soulèvent le corps etc.⁷⁴ De la même provenance est, semble-t-il, l'épisode de Jéphonias qui apparaît, pour la première fois, dans l'iconographie orthodoxe, sur la porte de Souzdal, mais qui est également connu à la même époque en occident.⁷⁵

La même assertion vaudrait pour ce qui concerne l'assomption, qu'on représentait, en l'art occidental, dès les temps les plus reculés.⁷⁶ D'autre part, est hors de doute l'influence de la tradition byzantine, constantinopolitaine,

⁷⁴ E. Mâle, *L'art religieux du XIIe siècle en France*. Paris, 1922. 436, fig. 252; E. Mâle, *L'art rel. en France du XIIIe s.*, fig. 124, 125, 127—129, 131.

⁷⁵ E. Mâle, *L'art rel. du XIIIe s.*, 252—253, fig. 123.

⁷⁶ O. Sinding, *Mariae Tod*, 36—45.

riorée. De ce cycle, deux compositions sont seules conservées, mais il semble qu'il y en avait davantage. Dans la première on voit le lit (fig. 11). Il est très élevé et devant lui se trouve un marchepied. La Vierge y est assise, les jambes croisées. Dans sa main droite elle tient une branche de palmier. A côtés sont quatre grands chandeliers avec beaucoup de cierges. A gauche, dans l'attitude exprimant la douleur, se tient Saint Jean. On distingue, derrière lui, encore quelques personnages, mais ce ne sont pas les apôtres. En haut, chacun dans un petit nuage et accompagné d'un petit ange, volent les onze apôtres. C'est donc la scène de l'entretien de la Vierge avec Saint Jean, ainsi qu'elle est exposée dans l'*Homélie* de Jean de Thessalonique,⁷⁸ qui figure ici. La seconde composition représente la mort de la Vierge (fig. 12). Elle est gisante dans la posture traditionnelle. Derrière le lit Saint Jean et Saint André se penchent vers elle. A ses pieds se tient Saint Paul, à son chevet un évêque — c'est Saint Timothée — et devant le lit trois personnages sont debout. Apparemment, ce sont aussi des apôtres. Le Christ, derrière le lit, tient l'âme haut levée du côté de son épaule gauche. Il est entouré d'une grande auréole double, de forme ronde. Dans l'auréole extérieure il y a des anges portant les cierges. Il y a également des chandeliers avec les cierges autour du lit. Du côté gauche deux anges descendent.

L'église roumaine à Argeș possède le troisième cycle, semblable aux deux premiers.⁷⁹ Il est peint, en entier, sur un seul mur, dont le centre est occupé par la fresque, qui représente la mort de la Vierge avec beaucoup d'assistants. Il y a un ange, qui coupe les mains à Jéphonias au premier plan, et un Christ, sur le fond d'une double auréole, au second. Ainsi qu'à Staro-Nagoričino, à Matejč, sur l'icone en mosaïque à Florence, et à Berendé, le Christ se tient tourné entièrement à gauche, vers la tête de la Vierge. Comme à Berendé, les anges, sur le fond de l'auréole extérieure, sont monochromes. Comme à Lesnovo, l'auréole s'achève, au sommet, par un grand chérubin. Plus haut, la Vierge monte trônant dans une auréole qui est portée par deux anges. De sa droite elle remet sa ceinture à Saint Thomas qui s'approche d'elle du côté gauche. Au-dessus de la Vierge il y a le ciel avec les portes ouvertes. Un rayon, en descendant du ciel, sert de lien de jointure entre le ciel et les auréoles dans lesquels se trouvent la Vierge et le Christ. Des deux côtés de la composition centrale sont disposées, en deux rangs, encore quatre compositions. A gauche la prière de la Vierge au mont des Oliviers avec des arbres qui la saluent, et au-dessus l'apparition de l'ange dans sa maison. Ce dernier trait indique la source du cycle: c'est le texte apocryphe attribué à Méliton. A droite, en haut, la Vierge remet ses habits à deux veuves et en bas

⁷⁸ И. Порфирьевъ, о. с., 285—286.

⁷⁹ Buletinul Comisiunii Monumentelor istorice. Anul X—XVI (1917—1923). București, 1923. Fig. 253.

Saint Thomas narre aux apôtres sa rencontre dans les airs avec la Vierge.

Il est intéressant de comparer les cycles de la Dormition que nous venons d'analyser avec des cycles semblables dans l'art occidental. Un des cycles les plus complets et les plus détaillés se trouve parmi les peintures de la Chapelle Scrovegni à Padoue, exécutées par les élèves de Giotto à la première moitié du XIVe siècle, donc en même temps que les cycles serbes.^{79a} Sa première composition représente la prière de la Vierge. Ce n'est pas sur un mont qu'elle prie, ni dans un jardin, mais dans un portique ouvert. Elle est agenouillée et lève les bras. Il y a, à ce qu'il semble, un ange qui descend du ciel. Dans la composition à droite la Vierge fait ses adieux à ces proches. La composition suivante représente la chambre où la Vierge, en son lit, est assise. Du côté gauche s'approchent les apôtres. Saint Jean, jeune, tombe à ses pieds. À côté de lui, un évêque en omophore, tient un livre. À côtés se trouvent les femmes, et à l'arrière-plan, l'architecture. Au-dessus du lit, en haut, le Christ, en tenant l'âme de ses deux mains, la contemple et est prêt à l'embrasser. Il est entouré des chœurs de petits anges. Dans la composition suivante les apôtres portent le corps de la Vierge sur une litière, se dirigeant à droite. Au devant d'eux marche Pierre avec une branche d'olivier. Derrière eux Jéphonias gît par terre. En haut il y a cinq petits anges, dont l'un brandit le glaive. Suit la fresque représentant le sarcophage vide et la Vierge dans l'auréole, au-dessus de lui, portée par quatre anges. Elle est tournée à gauche et tend sa main droite, vide pourtant, à Saint Thomas, figuré jeune, qui se tient agenouillé sur la saillie d'une montagne. Les autres apôtres, avec des gestes exprimant la stupéfaction, gisent par terre autour du sarcophage. Le cycle se clôt par le Couronnement de la Vierge. Elle est assise sur le trône avec le Christ qui lui met la couronne sur la tête. Les anges les entourent.

Les divergences iconographiques entre le cycle giottesque et les cycles serbes n'autorisent pas de constater des liens de dépendance entre eux. Mais les traits qui coïncident — la manière de disposer des personnages dans la scène de la mort, le Christ avec l'âme, la procession, l'épisode de Jéphonias — montrent que tous ces cycles dérivent des originaux plus anciens, lesquels, à leur tour, proviennent d'une source commune. Jusqu'à présent nous ignorons les prototypes immédiats des cycles serbes. Quant à Giotte, il en avait devant soi les spécimens dans l'art des pays romans. Dans l'art roman, les cycles de la Dormition sont connus déjà dès la seconde moitié du XIIe siècle et, de plus, ils y sont assez développés. Sur le tympan provenant de l'église Saint-Pierre le Pueillier, à Musée de Bourges,⁸⁰ est figurée l'apparition d'un ange avec la branche de palmier, le trajet dans les airs des apôtres, la mort

^{79a} A. Venturi. *Storia dell' arte italiana*. V. Milano, 1907. 403.

⁸⁰ E. Mâle, *L'art relig. du XIIe s.*, 435, fig. 251.

de la Vierge, la procession funèbre, et, en haut, l'assomption de la Vierge dans l'auréole à forme d'une amande, portée par deux anges. Donc, le choix des sujets est presque le même que dans les peintures serbes; mais cela n'est conditionné que par le fait que dans ces deux cas les fresques sont destinées à illustrer le même texte. Voici pourquoi les ressemblances iconographiques entre ces cycles ne sont pas trop grandes. On ne les aperçoit que dans les représentations de l'assomption et, dans une certaine mesure, dans la scène de l'enterrement représentée conjointement avec l'épisode de Jéphonias.

Les cycles des compositions liées avec la Dormition ne se trouvent que dans les peintures des grandes églises où il y avait assez de place pour elles. Mais, à partir du XIIIe s., presque toutes les églises orthodoxes sont ornées d'une Dormition à laquelle est jointe quelque épisode tirée du cycle. Vers la même époque on fixe définitivement l'endroit assigné à cette composition. Elle est située presque toujours sur le mur Ouest de l'église, au-dessus de l'entrée. Par cette composition, représentant l'épisode finale de l'histoire évangélique, le cycle des compositions formant l'ensemble d'une peinture murale, se termine.

Ces compositions, tout en observant invariablement le schéma général, ne varient qu'en détails. Mais ces divergences sont parfois très significatives et il importe à les noter.

Dans l'église de Peć, en Serbie, la peinture est exécutée vers l'an 1337.⁸¹ Pierre, à gauche, tient l'encensoir, lequel, au lieu de chaînettes traditionnelles, est muni d'un long manche droit. Jean, derrière le lit, se tient près des pieds de la Vierge. Les trois ecclésiastiques forment un seul rang près du chevet. Outre les apôtres et les évêques il n'y a que trois femmes qui se tiennent debout à gauche; ce sont probablement trois vierges qui assistaient Marie. Le Christ a sa posture traditionnelle. L'âme assise dans ses bras a de petites ailes. L'auréole est double: l'intérieure a la forme d'une étoile, et l'extérieure est ronde. Sur le fond de cette dernière il y a des anges. Deux anges qui se tiennent au devant portent les cierges, dont les restaurateurs postérieurs ont fait des glaives. Dans la partie supérieure du mur sont peints 13 petits nuages, 6 à gauche et 7 à droite. Dans le dernier à droite est placé Thomas et à côté de lui, dans le treizième, la Vierge qui lui donne sa ceinture. Encore plus haut, au milieu, la Vierge monte dans une auréole ronde, portée par trois anges, deux en bas et l'un en haut. Au-dessus le segment du ciel.

A Lesnovo, en Serbie, la peinture date du 1349.⁸² Ici il n'y a que les apôtres et, à droite, deux évêques qui assistent (pl. XIV, 1). Du fond, outre Saint Jean, se penche vers le lit Saint André. L'auréole, en ovale, est double. Le Christ se tient vu de trois quarts, orienté vers la droite. Il tient l'âme à quelque distance de sa poitrine. Au-dessus de lui, sur le fond de l'auréole extérieure,

⁸¹ В. Петковић. Живопис цркве Св. Богородице у Патријаршији Пећској. «Извѣстия на Българския Археологически Институтъ», IV, София, 1927. 145, pl. VIII.

⁸² N. Okunev, Lesnovo, 224.

il y a un chérubin. Il y a beaucoup d'anges, dont deux, en dalmatiques, portent les chandeliers. Devant le lit, sur un marchepied, se trouve la paire des souliers rouges de la Vierge. En haut, 12 petits nuages avec les apôtres. Les anges ne les accompagnent pas.

La peinture de l'église du monastère Markov, près de Skoplje, est faite vers 1371.⁸³ Pierre se tient seul au chevet du lit, en s'y appuyant de sa main gauche, et tenant un encensoir dans la droite (pl. XV). Jean, comme d'ordinaire, se tient derrière le lit. Les autres apôtres sont groupés au pied du lit, excepté André, qui est placé au fond, derrière Jean. L'un des trois évêques se tient à gauche, les deux autres à droite. A gauche, derrière Pierre, un grand groupe des femmes. Le Christ, dans sa posture ordinaire, tient l'âme assise, ses petits bras croisés sur sa poitrine. Les anges manquent. L'auréole ronde est double. En haut il y a un immense segment du ciel bleu parsemé d'étoiles d'or. Sur son fond se tiennent deux anges qui ouvrent la porte céleste. On voit à l'intérieur des anges et l'âme de la Vierge, en langes blancs, aux ailes blanches écartées. De la porte céleste un large rayon tombe sur l'auréole du Christ. Les apôtres volent par trois dans quatre petits nuages de forme ovoïde. Les anges qui volent avec eux en se tenant avec leurs mains aux bords des nuages, ont l'air de les traîner.

Dans les peintures de Mistra, en Grèce, dans l'église des Saints Théodores, le Christ est figuré à l'intérieur d'une auréole double en forme d'amande, entouré d'anges.⁸⁴ Au premier plan sont peints Jéphonias et l'ange qui lui coupe les mains. C'est ici que cette épisode qui a sa place tout indiquée dans la scène de la procession funèbre est transportée, pour la première fois, dans celle de la mort. Plus tard cela devient d'un usage général.

Dans l'église Peribleptos à Mistra la Dormition forme une composition avec une foule de personnages (pl. XVI). Outre les apôtres, sont présents des hommes et des femmes, quatre évêques et les anges. Devant le lit sont trois chandeliers et l'ange coupant les mains à Jéphonias. Ce dernier est figuré vieux, barbu, en habits juifs. Cela prouve que le peintre avait pris en considération l'indication de l'*Homélie* de Jean de Thessalonique que le juif qui tenta de culbuter le lit, fut un prêtre ou même un grand-prêtre. L'auréole du Christ est double, en forme d'amande, et il y a quatre anges dans l'extérieure. A côtés, deux nuages avec les apôtres, par six dans chacun. En haut deux anges élèvent l'auréole en forme d'amande avec la Vierge qui siège en posture d'orante. Une architecture compliquée encadre la composition entière.

Dans les peintures murales russes du XIVe siècle, la Dormition ne s'est conservée que dans l'église de la Dormition à Volotovo près de Novgorod, dont la peinture fut faite en 1363 (fig. 13). Outre les apôtres sont présents trois

⁸³ Л. Мирковић et Ж. Татић. Марков манастир. Нови Сад, 1925.

⁸⁴ G. Millet, Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910, Pl. 90, 5.

évêques. Devant le lit il y a un chandelier et l'épisode de Jéphonias. Le Christ se tient tourné de trois quarts vers la droite, en soulevant assez haut l'âme au-dessus de son épaule gauche. Derrière lui une grande auréole ronde. Il y avait, sur son fond, deux anges, à deux côtés du Christ, mais ils se sont effacés. De derrière l'auréole se font voir des ailes des autres anges. Il y avait

Fig. 13. Fresque de Volotovo près de Novgorod.

aussi un petit ange qui descendait du ciel pour recueillir l'âme. En haut il y a des nuages, où les apôtres, par deux, sont assis.

A Berendé, en Bulgarie, nous rencontrons de nouveau cette posture singulière du Christ, où tout son corps, comme à Staro-Nagoričino est tourné vers la tête de la Vierge, à gauche, et où il tient l'âme devant soi.⁸⁵ Une double auréole, l'intérieure triangulaire et l'extérieure ronde, forme le fond. Dans l'auréole extérieure il y a quatre anges monochromes. Au chevet de la Vierge se tiennent Pierre avec l'encensoir, Jean et deux évêques. Le reste des apôtres forme un seul groupe, au pieds du lit. Des deux côtés de la composition, sont peints, comme à Bačkov, St. Jean le Damascène et St. Cosme de Maïouma.

Dans le monastère Zemen en Bulgarie, le Christ se tient sur le fond d'une auréole, qui consiste en plusieurs cercles concentriques.⁸⁶ Il élève l'âme de Marie, laquelle, également, est entourée d'une petite auréole. Au premier plan se trouve la petite figure de Jéphonias. L'ange qui l'a frappé devait être peint en haut, dans les airs.

Actuellement nous sommes en mesure de compléter cette série des monuments de l'art provincial par un monument de l'art de la capitale. Il s'agit de la découverte faite récemment dans la mosquée Kachrié-Djami à Constan-

⁸⁵ A. Grabar, Peinture bulgare, pl. XL.

⁸⁶ Ib., 192.

tinople.⁸⁷ Sur le mur ouest de ce temple remarquable on a découvert la mosaïque représentant la Dormition (pl. XVII). Bien qu'au point de vue du style, cette mosaïque diffère quelque peu des autres dans la même mosquée, elle n'en est pas moins très proche à celles qui se trouvent dans le narthex et qui représentent les miracles du Christ. Nous avons donc tout le droit de la considérer aussi comme un monument du commencement du XIVe siècle, et, dans ce cas, il importe d'en noter quelques particularités lesquelles, ici, se font voir pour la première fois. Ainsi cette mosaïque offre le premier exemple de la représentation monochrome des anges dans l'auréole extérieure, ce qui devient, plus tard, largement répandu en Bulgarie,⁸⁸ en Roumanie⁸⁹ et en Russie,⁹⁰ mais ne se rencontre que rarement en Serbie. Ici, également, nous voyons pour la première fois, le grand chérubin au-dessus de l'auréole du Christ lequel, en Serbie, n'apparaît qu'une fois, à Lesnovo, mais lequel devient presque obligatoire dans les peintures ultérieures en Bulgarie,⁹¹ au Mont-Athos⁹² et sur les icônes russes.⁹³ Dans le reste, la mosaïque reproduit les anciens prototypes, — quant à la posture du Christ qui tient toutefois l'âme de la Vierge assise, les bras croisés, quant à la disposition des personnages principaux et aussi quant au fait que l'épisode de Jéphonias manque. Jean a changé de place: il ne se penche plus vers le sein de la Vierge, mais se tient derrière le chevet du lit, en posant dessus ses mains.

A la même époque, aux icônes et aux produits de l'industrie artistique on peut constater la persistance du même schéma avec les mêmes différences quant aux détails. Nous n'y voyons aucune évolution des éléments iconographiques, aucun apport d'éléments nouveaux; au contraire, on constate plutôt, dans les productions de ce genre de l'art, que la composition se réduit et s'appauvrit. Comme exemple peuvent servir quelques icônes russes des XIVe et XVe siècles. Ainsi, dans l'icône de la Dormition peinte au revers de l'icône miraculeuse de la Vierge de Don (pl. XVIII) et qui garde sans changements l'ancienne iconographie, toute la composition se développe, en se retrécissant graduellement, du bas en haut, suivant un schéma triangulaire, grâce à quoi elle se borne à des personnages strictement nécessaires, — à l'axe horizontal, la Vierge gisant sur son lit, et à l'axe vertical, la haute figure du Christ, à laquelle correspond, en bas, le chandelier avec le cierge; et le long des côtés latérales inclinés deux

⁸⁷ J. Ebersolt, Une nouvelle mosaïque de Kachrié-Djami. « La Revue de l'art », 1929, février, 83—86; J. Ebersolt, Trois nouveaux fragments de mosaïques à Kachrié-Djami. « La Revue de l'art », 1929, septembre-octobre, 163—166, avec figures.

⁸⁸ Poganovo de 1500 (A. Grabar, o. c., pl. LVIII), Berendé (ib. pl. XL).

⁸⁹ Argeş (Bulet. Com. Monum. ist. An. X—XVI, fig. 253).

⁹⁰ H. Лихачевъ, Материалы, pl. LXIX, CXXX, CCXXXI, CCXXXIX.

⁹¹ Poganovo de 1500 (A. Grabar, o. c., pl. LVIII).

⁹² G. Millet, Monuments d'Athos, pl. 78, 1; 132, 1; 163, 1; 180; 189, 2; 197, 2; 266.

⁹³ H. Лихачевъ, Материалы, pl. LXXXIV, CV, CXXX, CXXXI, CCXXXIX, CCLIV, CCLVIII, CCCXXVI et CCCXXIX.

groupes d'apôtres et deux évêques. Le schématisme rectiligne de cette composition est adouci par la grande auréole en ellipse, laquelle, en haut, est couronnée par un chérubin, comme par un noeud de ruban. Une autre icône russe, du commencement du XVe siècle, qui se trouve au Musée Russe,⁹⁴ est, sous ce rapport, encore plus laconique. Elle a renoncé jusqu'aux apôtres, n'ayant gardé que la Vierge, le Christ et, à côtés, deux évêques. Dans quelques cas, comme par exemple sur les portes de cuivre, dite « Vasiljevskija » (1336), qui se trouve à Alexandrovo, la Dormition est figurée dans les formes succinctes, mais au-dessus il y a l'assomption de la Vierge dans une auréole.⁹⁵

L'iconographie de la Dormition, après s'être fixée au courant du XIVe siècle, reste dans les siècles postérieurs, presque invariable. On ne peut indiquer que certains menus détails, qui, paraissant soudain dans quelque localité et loin d'être généralement adoptés se répètent parfois considérablement plus tard et bien loin du lieu de leur origine. Comme une de ces menues particularités on peut considérer le nouveau changement dans la posture du Christ qui se tient derrière le lit de la Vierge. Comme nous l'avons constaté, dans quelques monuments du XIVe siècle en Serbie (Staro-Nagoričino, Matejč) et en Bulgarie (Berendé) le Christ se tourne entièrement vers la gauche où se trouve le chevet, et tient l'âme devant soi, à gauche. La peinture de l'église des Ss. Pierre et Paul à Tyrnovo en Bulgarie, qui date du XVe siècle, représente le Christ à sa place traditionnelle, se tenant presque tout droit, ayant l'âme sur son bras gauche (pl. XIX). Cependant, en même temps il incline fortement sa tête du côté du visage de sa mère et, en tendant sa main droite, la bénit, presque en lui touchant de ses doigts le front. Grâce à cette posture du Christ, il n'était plus possible de placer Jean là où il était figuré habituellement, c'est-à-dire derrière le lit, près de l'épaule de la Vierge, et on l'a placé à droite, aux pieds de la défunte.

La même posture du Christ, qui avait déterminé le déplacement de Jean plus à droite, se trouve dans toute une série des icônes russes et des peintures des églises des XVIe et XVIIe siècles.⁹⁶ Dans les peintures murales à Mont-Athos cette posture ne se rencontre qu'une seule fois, à Karyès, dans la Cellule de Saint Sava (XVIIIe s.).⁹⁷ Pourtant, ici, Jean reste à sa place, et même il y a, à côté de lui, encore trois apôtres. Comme prototype de ce mode de disposer les apôtres on peut indiquer la peinture de l'église du village Nivica, sur le

⁹⁴ Н. Кондаковъ. Русская икона. Альбомъ II, Прага, 1929. Pl. 18.

⁹⁵ И. Толстой и Н. Кондаковъ, о. с., 75, fig. 104.

⁹⁶ Н. Лихачевъ, о. с., pl. CCXXXIX, N 439, CCLIV, CCCXXVI, N 629. Dans les peintures de la cathédrale de l'Annonciation à Solvyčegodsk, vers 1655 (Н. Макаренко. Искусство древней Руси у Соли Вычегодской. Петроградъ, s. a. 64) et de l'église de l'Épiphanie à Jaroslavl, fin du XVII s. (Н. Первухинъ. Церковь Богоявленія въ Ярославль. Ярославль, 1916. Planche sans N).

⁹⁷ G. Millet, Monuments de l'Athos. I. Les peintures. Paris, 1927. Pl. 261, 1.

lac Prespa, en Albanie (1410?), où derrière le lit de la Vierge, outre Jean, et dans la même attitude que la sienne, il y a encore quatre apôtres.⁹⁸

La Dormition dans la peinture de l'église de St. Nicétas, près du village Čučer en Serbie méridionale est, ce semble, du XVe siècle (pl. XIV, 2). Le Christ y est dans la même posture qu'à Staro-Nagoričino, Matejč et Berendé, c'est-à-dire tourné presque de profil vers la tête de la Vierge et tenant l'âme sur son bras droit. Derrière le lit s'inclinent vers le corps, outre Jean, encore deux apôtres. Le Christ a une auréole double de forme ovale. Il est entouré d'une foule d'anges. En haut quatre anges font monter au ciel la Vierge qui trône dans une auréole double. Elle est reçue à la porte du ciel par quatre anges monochromes qui lui tendent leurs bras drapés. Outre les apôtres sont présents trois évêques, et de côtés, à quelque distance, il y a une multitude d'hommes et de femmes. Au chevet du lit et aux pieds sont mis quatre chandeliers avec des cierges, et devant le lit, sur le marchepied traditionnel se trouve un brasier avec des charbons; on en voit la flamme et la fumée qui se lève. Un brasier presque identique et en même place figure dans la peinture de Protaton à Mont-Athos exécutée vers 1540.⁹⁹

Dans la peinture de l'église à Kalotino, en Bulgarie (fin du XVe siècle) la posture de Pierre est modifiée.¹⁰⁰ Il se tient, comme d'ordinaire, auprès du chevet mais sans s'incliner et sans encenser; il est vu de face et ses deux bras sont ouverts devant sa poitrine. Il y a des cas où Pierre est peint sans l'encensoir (Sopočani, Žiča); mais la posture qu'il a à Kalotino ne se répète qu'une seule fois, également en Serbie, dans la peinture du monastère de Dečani (pl. XI).

Dans la peinture de Poganovo (1500) en Bulgarie, on rencontre de nouveau le Christ tourné vers le chevet du lit. Il est entouré d'une double auréole. L'auréole intérieure a la forme d'une étoile. Dans l'extérieure se trouvent des petits anges monochromes et un chérubin. A côtés du lit se tiennent seulement les apôtres et les évêques, et au premier plan un ange coupe les mains à Jéphonias. Ce dernier est représenté jeune. A côtés de la composition entière sont peints St. Jean le Damascène et St. Cosme de Maïouma, tenants des rouleaux. A commencer par Bačkovo ces saints figurent dans toute une série de peintures murales bulgares (Bořana, Tyrnovo, Bérendé, Kalotino, Kremikovci).¹⁰¹ Ils figurent souvent aussi dans les peintures de Mont-Athos;¹⁰² quant à Jean le Damascène on le trouve également sur une icône russe du XVe siècle.¹⁰³

La peinture des XVIe—XVIIIe siècles n'apporte rien de nouveau dans

⁹⁸ A en juger d'après la photographie de Mr A. Stransky.

⁹⁹ G. Millet, Athos, pl. 30, 1-2.

¹⁰⁰ A. Grabar, Peinture bulgare, 288, pl. L, a.

¹⁰¹ Ib., 146, 277, 326, pl. XXXVIII, b; XL; L; LVIII.

¹⁰² G. Millet, Athos, pl. 132, 163, 197, 261.

¹⁰³ H. Лихачевъ, Материалы, pl. LXIX, N 109.

l'iconographie de la Dormition. On ne peut remarquer que les nouveautés stylistiques, ce qui n'appartient pas à notre sujet. A cette période on ne représente que le moment de la mort de la Vierge, auquel on ajoute souvent deux épisodes seulement qui appartiennent au cycle: au premier plan celui de Jéphonias, et en haut, l'Assomption. Quant au schéma de la composition qui représente la mort, il reste, durant toute cette période, invariable. On ne varie, parfois, que la posture du Christ, selon les trois types indiqués plus haut. Mais le plus souvent il est représenté d'après la tradition la plus archaïque, c'est-à-dire regardant sa Mère, mais tourné à-demi vers la droite, et tenant l'âme près de son épaule gauche.

Cette analyse des représentations de la Dormition dans l'espace des huit siècles, à partir du Xe et jusqu'au XVIIIe, démontre que la formation de ce thème de l'iconographie, ainsi que son développement ultérieur se passait sous la stricte dépendance des récits apocryphes, qui fournissaient aux peintres le canevas littéraire, pour leur activité créatrice. Autant que le text du récit se changeait selon les différentes versions apocryphes dont disposait l'artiste, changeaient aussi les détails iconographiques de la scène qu'il composait. Suivant un texte ou un autre, l'ange apparaît à la Vierge pour lui annoncer son heure suprême, dans le jardin, ou bien dans la maison, le nombre des apôtres volant dans les nues était onze ou douze, Jean se penchait vers l'épaule de Marie, Jéphonias était représenté jeune ou bien vieux, on représentait l'assomption de la Vierge en chair, la remission de sa ceinture à Thomas etc. Les détails apocryphes contenus dans les versions latines répandues à l'Occident où elles influençaient l'iconographie, pénètrent, au courant du XIVe siècle, dans la péninsule Balcanique et en Russie. Il semble aussi qu'en même temps les peintres orthodoxes copient assez souvent les spécimens venus de l'Occident. C'est apparemment à force de copier qu'on arrive à changer la posture du Christ derrière le lit de la Vierge et qu'on commence, à partir du XIVe siècle, à le représenter parfois se tournant de tout son corps vers le chevet et tenant devant soi l'âme de telle sorte qu'elle se trouve être à-demie couchée dans ses bras (Matejč, Čučer, Berendé, Poganovo). En même temps il se penche en avant. Pareille posture du Christ est connue dans l'art italien au XIVe et au XVe siècles. Ainsi est peint le Christ dans la Chapelle dell' Arena à Padoue: le Christ tient dans ses deux bras l'âme de la Vierge et se penche sur elle pour l'embrasser. La même chose se rencontre dans une miniature florentine,¹⁰⁴ et sur un tableau de Giotto qui se trouve au Musée de Berlin.¹⁰⁵ Ici les peintres, évidemment, avaient l'intention de représenter le moment où le Christ recueille l'âme de sa Mère, tandis que les peintres byzan-

¹⁰⁴ P. d'Ancona, *La miniatura fiorentina*. Vol. I. Firenze, 1914. Pl. XLIV.

¹⁰⁵ J. B. Supino, *Giotto*. Firenze, 1920. Pl. CCXLIV. Cf. la peinture de Taddeo di Bartolo (1363-1422) dans la Seigneurie de Sienne (*A. Venturi*. *La Madone*. Paris, s. a. 392): le Christ tient l'âme de la Vierge tout comme à Staro-Nagoričino.

tins des Xe—XIe siècles représentaient le moment suivant — celui où il remet l'âme à l'ange qui descend pour la recevoir.

En même temps où pénètre dans la péninsule Balcanique cette manière de représenter le Christ, c'est-à-dire au commencement du XIVe siècle, on emprunte également le motif de l'assomption de la Vierge en chair. Les éléments iconographiques de la composition, une fois transportés de l'Occident, prennent bien vite racine, mais ils ne deviennent ni exclusifs, ni obligatoires. A Staro-Nagoričino, à Matejč, à Čučer, sont peints le Christ tourné à gauche et l'assomption de la Vierge en chair, mais à Gračanica, bien qu'il y soit peinte l'assomption, le Christ est représenté se tenant d'après la tradition orientale. La même chose se répète à Dečani et à Peć. Au monastère Markov le Christ est traité suivant la tradition orientale et en haut est peinte l'assomption de l'âme de la Vierge. Quant au schéma général de la composition, il garde, dans tous ces cas, son ancien caractère oriental.

ILLUSTRATIONS.

Planches.

- I. Fresque à l'église de Toquale Kilissé en Cappadoce.
- II. Fragments de la fresque de Mileševo en Serbie.
- III. Fresque de Sopočani en Serbie.
- IV. Fresque de Žiža en Serbie.
- V. 1. Plaque de la porte de Souzdal en Russie.
2. Fresque de la Sainte Sophie d'Ochrida.
- VI. 1. 2. Fresque de Studenica en Serbie.
- VII. Fresque de Staro-Nagoričino en Serbie.
- VIII. Fresque de Gračanica en Serbie.
- IX. 1. 2. Fresques de Gračanica en Serbie.
- X. Fresque de Ljuboten en Serbie.
- XI. Fresque de Dečani en Serbie.
- XII. 1. 2. Fresques de Dečani en Serbie.
- XIII. 1—3. Fresques de Matejč en Serbie.
- XIV. 1. Fresque de Lesnovo en Serbie.
2. Fresque de Čučer en Serbie.
- XV. Fresque de Markov manastir en Serbie.
- XVI. Fresque de Peribleptos à Mistra en Grèce.
- XVII. Mosaique de Kachrié-Djami à Constantinople.
- XVIII. Icone russe de Moscou.
- XIX. Fresque à l'église de St. Pierre et Paul à Tyrnovo en Bulgarie.

Figures dans le texte.

1. Miniature de l'Évangile N° 1 d'Ivion.
2. Fresque de l'église Qouchlouq en Cappadoce.
3. Ivoire du musée de South Kensington à Londres.
4. Ivoire de Munich.
5. Fresque de Boïana en Bulgarie.
6. Miniature de l'Évangile Harley 1810 à Londres.
7. Mosaïque de la Martorana à Palerme.
8. Fresque de Mirož à Pskov.
9. Fresque de Bačkovovo en Bulgarie.
10. Fresque à l'église de 40 martyrs à Tyrnovo.
11. Fresque à l'église Brontochion à Mistra.
12. Fresque à l'église Brontochion à Mistra.
13. Fresque de Volotovo près de Novgorod.

(Les planches sont exécutées: I — d'après *G. de Jerphanion*, Les églises rupestres de Cappadoce; III, IV, VIII, IX, XI, XII, 2 — d'après *V. Petkovič*, La peinture serbe du moyen âge; VI, 1 — d'après *H. Кондаковъ и И. Толстоу*, Русскія древности, VI; XV — d'après *Л. Мирковичъ и Ж. Татиш*, Марков манастир; XVI — d'après *G. Millet*, Monuments de Mistra; XVII — d'après *J. Ebersolt*, Mosaïque de Kachrié-Djami; XVIII — d'après *N. Кондаков*, Icone russe; XIX — d'après la photographie du Musée National de Sofia; les autres d'après les photographies du prof. N. Okunev).

RESUMÉ.

SMRT PANNY MARIE VE STŘEDOVĚKÉM PRAVOSLAVNÉM
MALÍŘSTVÍ.

Zobrazení smrti Panny Marie ve středověkém malířství pravoslavném je známo počínajíc XI. stoletím. Od této doby můžeme sledovati různé památky a přibližně je datovati. Pro památky před XI. st. máme jen dohady. Jde tu o dvě vyobrazení, a to v syrském klášteře Deir-es Sourjani¹ v Egyptě a ve skalním kostele v Toquale-Kilissé,² v Kapadokii (tab. I.). Všechna zobrazení Dormitia jeví podstatně jeden typ, a toliko podle jednotlivých detailů možno tu kterou památku určovati jako starší nebo mladší.

Kompozice XI. st. je uspořádána v základě takto: střed obrazu zaujímá lože ve směru horizontálním. Na lůžku leží Panna Maria, a to tak, že její nohy jsou na pravé straně. U její hlavy a nohou jsou dvě skupiny apoštolů se svatým Petrem a Pavlem v popředí. Za středem lože stojí apoštol Jan, který se sklání

¹ *J. Sirzygowski*: Der Schmuck der älteren el-Hadrakirche im syrischen Kloster der sketischen Wüste. «Oriens Christianus», I. Roma, 1901. 361—362.

² *H. Rott*: Kleinasiatische Denkmäler, Leipzig, 1928, 226; *G. de Jerphanion*: Le chronologie des peintures de Cappadoce. «Échos d'Orient», 1931, N. 161, str. 12 a 22.

k rameni Bohorodičky. Ve druhém plánu komposice zjevuje se Kristus, držící v náručí duši Mariinu v podobě drobného děčka. V pozadí bývají architektury, v horní části komposice dva malí andělé, letící si pro duši. Vyobrazen je tím okamžik smrti Bohorodičky, o které je shodné téměř všechno vyprávění apokryfů. Postavy dvou andělků, slétajících s nebe, jsou inspirovány vyprávěním apokryfů o zjevení Krista, obklopeného anděla, který přichází pro duši Mariinu. Architektury označují místo děje, a to dům Sionský.

Téměř ve všech památkách Panna Maria je zobrazena mrtvá, se zavřenýma očima, odevzdávší svoji duši Kristu, stojícímu za ložem. Jenom dvě památky představují Bohorodičku ještě žijící (fig. 1 a 2), mající oči otevřené a tělo pozdvižené. Je zde znázorněna chvíle před smrtí, kdy Maria se modlí k přicházejícímu synu. V tom případě však nejde o současnost děje, nýbrž o kontinuitu vyprávění. V obou zmíněných památkách za ložem stojí Jan, schylující se k umírající, jako by naslouchal, co mluví. Jan potom podržuje toto místo i v případech, kdy Maria je zobrazena mrtvá.

V nejstarších památkách Kristus je umístěn za středem lože obrácen ne úplně k divákovi, hlavu má otočenu nalevo, hledě na Bohorodičku. V náručí drží dušičku ovínutou šatem. Podle gesta ruky lze usuzovati, že podává ji archandělovi Michaelovi, slétajícímu s nebes. Ve většině případů přilétají andělé dva, oba s přikrytýma rukama. Na reliefu slonové desky v South Kensington (fig. 3) andělek se objevuje ve dvojí akci, v první přilétá pro duši, v druhé odnáší ji do nebeské brány.

Apoštolové obklopující lože tvoří dvě oddělené skupiny. Někdy je toto pravidelné rozložení pozměněno. Na kresbě rukopisu v Montecassinu u hlavy lože zůstává apoštol Petr, ale sv. Pavel u nohou chybí, Kristus opustil místo za středem lože a přechází blíže k nohám.⁴ Na mosaice v Daphni objevují se ještě další dvě osoby v biskupském rouše, je to asi Jakub, první biskup jerusalemský, bratr Kristův, a Divis Aréopagita. Již prameny VII. a VIII. st. se zmiňují o přítomnosti těchto dvou hierarchů při Mariině smrti.

Na některých nejstarších komposicích Dormitia je viděti v prvním plánu podnožku (obr. 1 a 4). Později se na podnožce objevuje svícen se svícemi, nebo též červené střevíčky.

Dále v některých případech, zejména ve skulptuře, je Mariino lože umístěno tak, že nohy její jsou na levé straně komposice. Tím pak skupiny osob jsou též rozdělovány v pořádku opačném (obr. 4).

Mezi freskami kostela sv. Sofie v Ochridě vidíme Dormitio komponované v duchu XI. st. (tab. V, 2). Jako nový prvek přistupuje sem motiv oblaku, na němž je umístěno několik apoštolů, kteří podle vyprávění apokryfů se přicházeli účastnit Mariiny smrti. Motiv apoštolů na oblaku je již znám na fresce Toquale Kilissé v Kapadokii (tab. I.) z druhé pol. X. st. Je závislý na textu

⁴ E. Bertaux. L'art dans l'Italie méridionale. I. Paris, 1904, 201, fig. 56.

apokryfů, které vyprávějí, že apoštolové byli zázračným způsobem přeneseni z různých dílů světa, kde působili. Obvykle je jich počtem dvanáct, někdy jen jedenáct: 5 s jedné strany, 6 s druhé. Tento případ dokazuje, že podkladem ilustrace nebyl text homelie sv. Jana apoštola, nýbrž homelie sv. Jana z Thessaloniky, který vypráví, že sv. Jan, jemuž Kristus světil pod křížem ochranu Marie, již v Jerusalemě byl, a právě s ní rozmlouval, když na oblacích se zjevilo 11 apoštolů.

Schema Dormitia vytvořené koncem XI. st. přechází pak do století XII., přičemž je obohacováno novými detaily a větším počtem figur. Tímto novým prvkem je rozžatá svíce před ložem umírající, oválná aureola, obklopující Kristovu postavu (obr. 5), a objevení se žen v pozadí komposice (obr. 7). Počet ženských postav bývá 3 neb 4, a zaujímají vždy místo oddělené. Počet hierarchů je rovněž zvětšen (obr. 8). Kromě Jakuba a Diviše Areopagity vidíme na komposici Jerothea. Andělé se objevují vedle Krista, odění v královské roucho (obr. 8). Je tím znázorněno vyprávění apokryfu, že Kristus byl provázen archandělem Michaellem a nebeským vojskem.

Evangelisti jsou označeni tím, že drží v rukách evangelia (obr. 9).

Ve XII. st. se též poněkud mění umístění Krista; nestojí vždy za středem lože, nýbrž přechází též někdy blíže k hlavě Panny Marie. Kristus je nejčastěji postaven frontálně a nejvíce pohybliv jako dřívě, má dušičku přitištěnou k levé straně prsou.

Bulharské památky této doby uvádějí v souvislosti Smrti Panny Marie sv. Jana Damascenského a Kosmu Maïumského (obr. 9), což zůstává v bulharském malířství až do XVI. st.

Obohacování scén figurami, počaté ve XII. st., pokračuje ve XIII. st. Na př. v Sopočanech v Srbsku na freskách kolem r. 1265 vidíme množství andělů se svícny a kopími a mimo apoštolů a biskupů množství osob jiných (tab. III.).

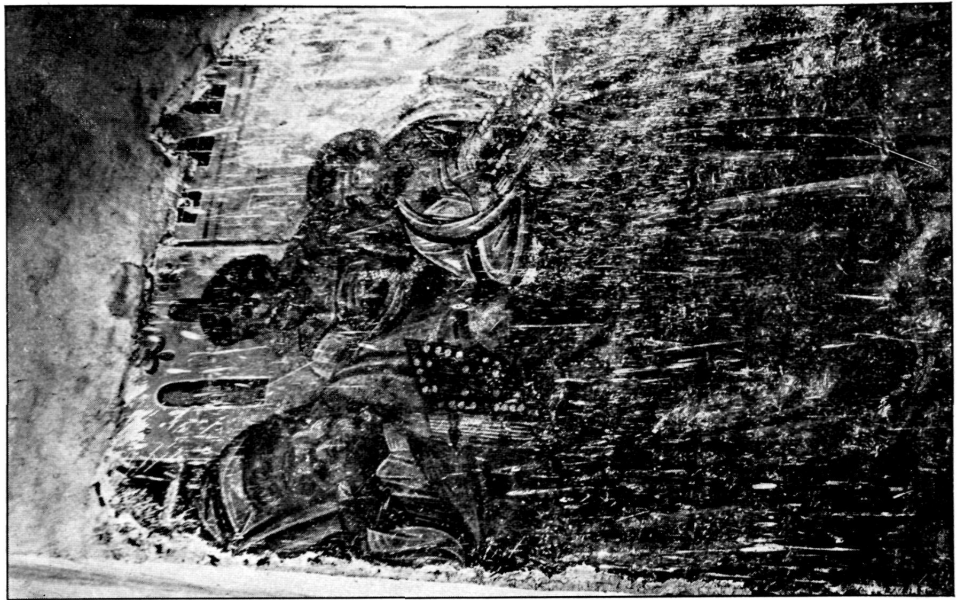
Novým ikonografickým detailem je Kristus dvakrát zobrazený: v okamžiku příchodu s nebes a přijímající Mariinu duši. Tato dvojí akce není však zjevem novým, spatřujeme tento detail již na fresce v Toquale Kilissé (tab. I.).

Koncem XIII. st. všechny složky se opakují v Žiči v Srbsku a mimo ně objevuje se nový způsob zobrazení dušičky: dřívě těsně zabalená jako mumie, nyní sedí volně na rukách Krista ovinuta povijanem, pod kterým je viděti nohy a ruce skřížené na prsou. Mimo to má křídélka podobně jako Psyché. V horním díle komposice vidíme andělky, odnášející duši k otevřené bráně nebes (tab. IV.).

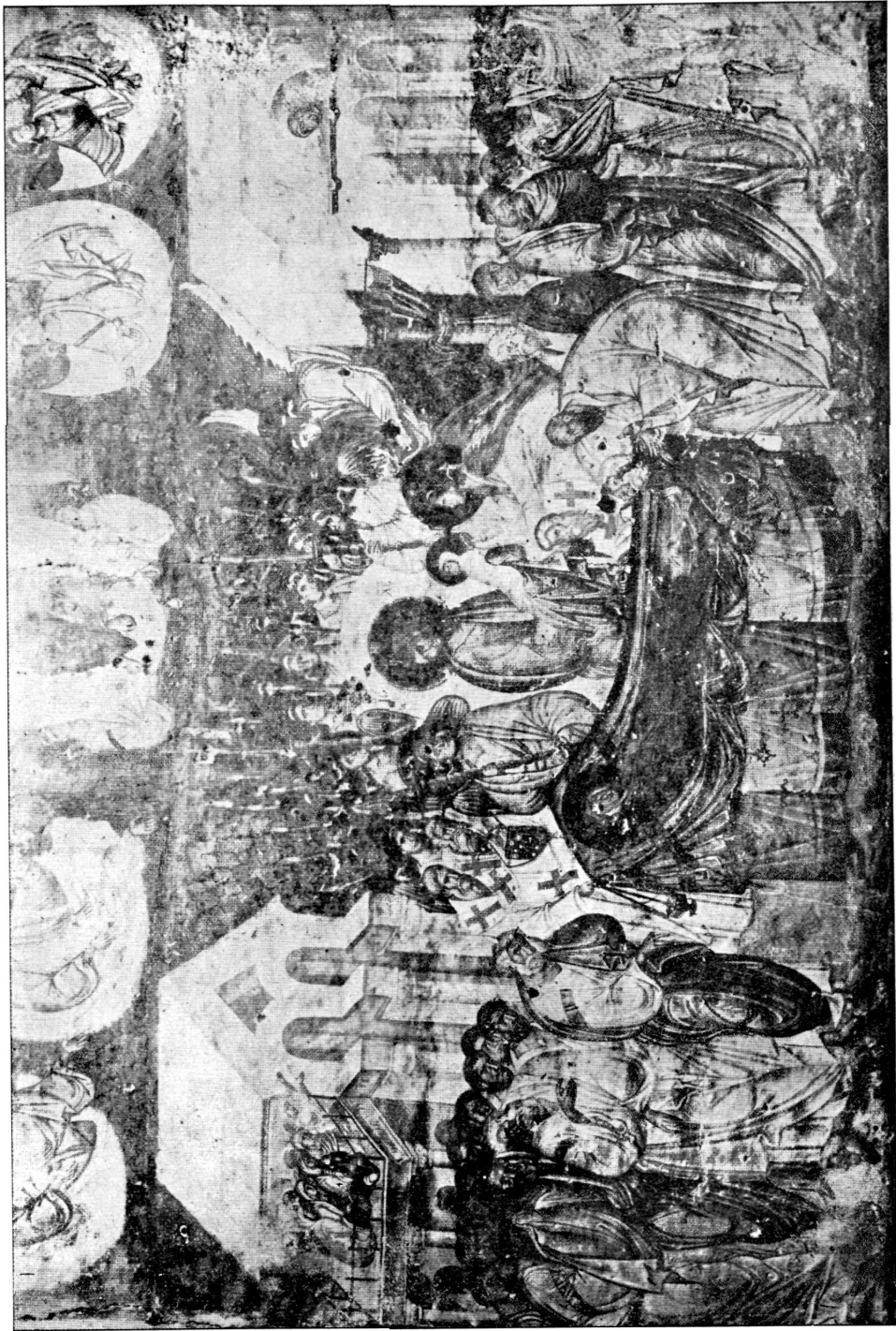
Ve XIII. st. začínají se ilustrovat i některé další příběhy související s Dormitiem, o kterých se zmiňují apokryfy. Všechny apokryfy vyprávějí, že když tělo Panny Marie bylo přenášeno ke hrobu, jeden žid jménem Jephonias pokusil se převrhnouti lože Mariino a tím ji potupiti. V té chvíli sletěl s nebe anděl a ohnivým mečem usekl mu ruce, které zůstaly viseti na okraji lože. Když na radu apoštola Petra Jephonias se obrátil s modlitbou k Bohorodičce, byl rázem uzdraven a jeho ruce zázračným způsobem se navrátily k jeho tělu.

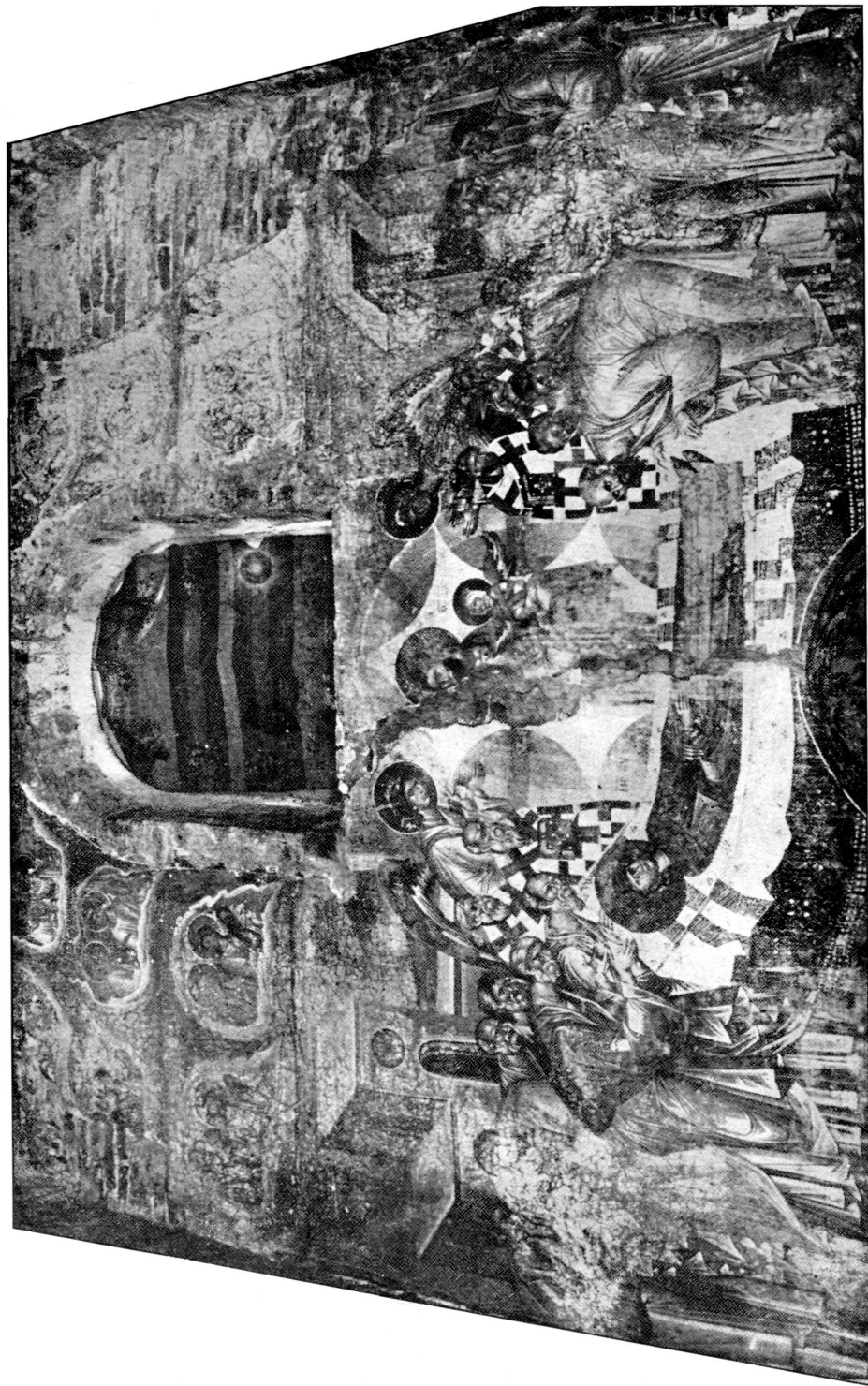
Fresque à l'église de Toquale Kilissée en Cappadoce.

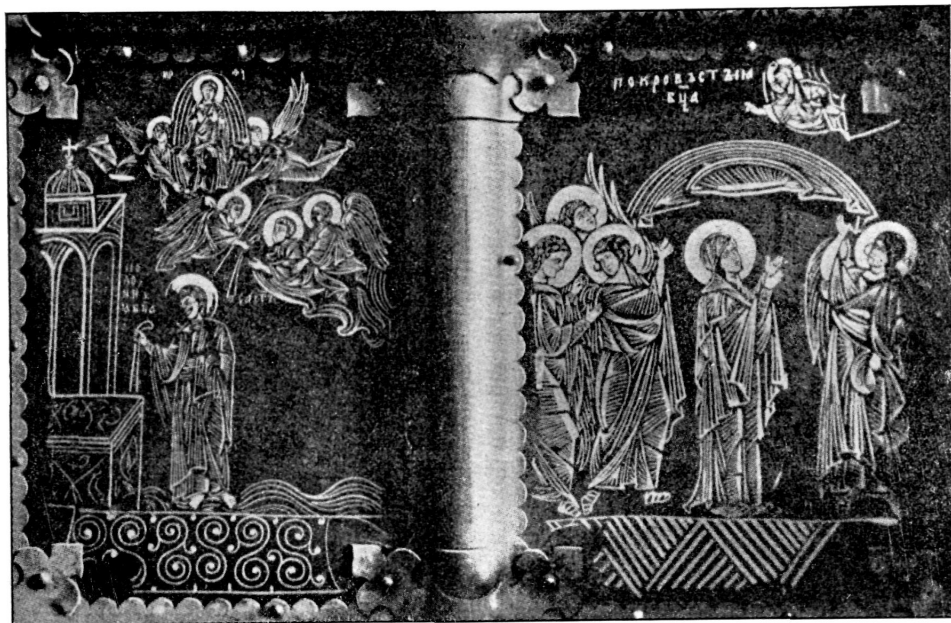
Fragments de la fresque de Miletovo en Serbie.

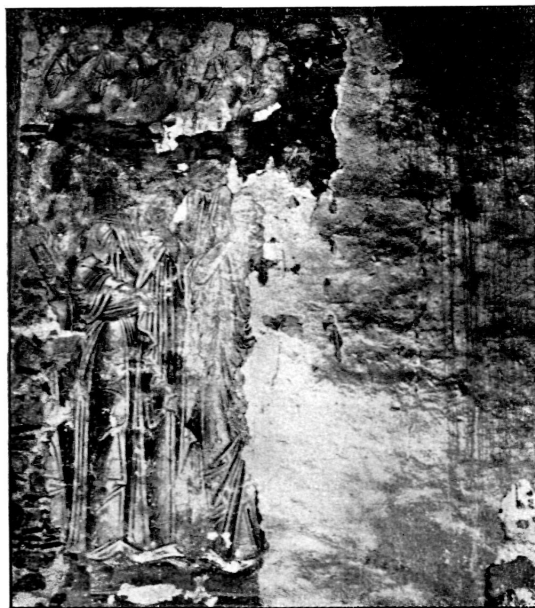
Fresque de Sopoćani en Serbie.

Fresque de Žiča en Serbie.

1. Plaque de la porte de Souzdal en Russie.

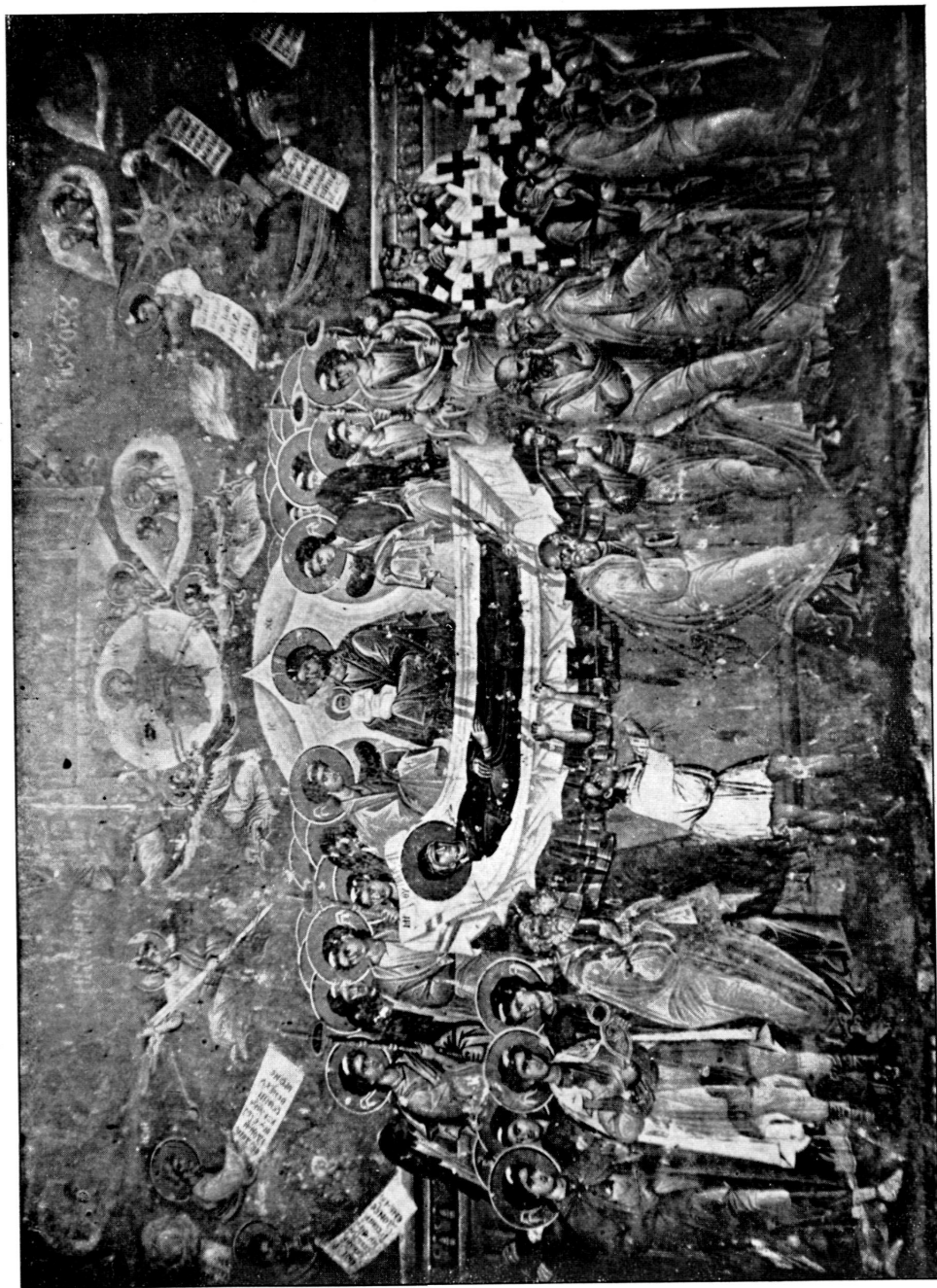
2. Fresque de la Sainte Sophie d'Ochrida.

1. Fresque de Studenica en Serbie.

2. Fresque de Studenica en Serbie.

Fresque de Staro-Nagoričino en Serbie.

Fresque de Gračanica en Serbie.

1.

2.

Fresques de Gračanica en Serbie.

Fresque de Ljuboten en Serbie.

Fresques de Dečani en Serbie.

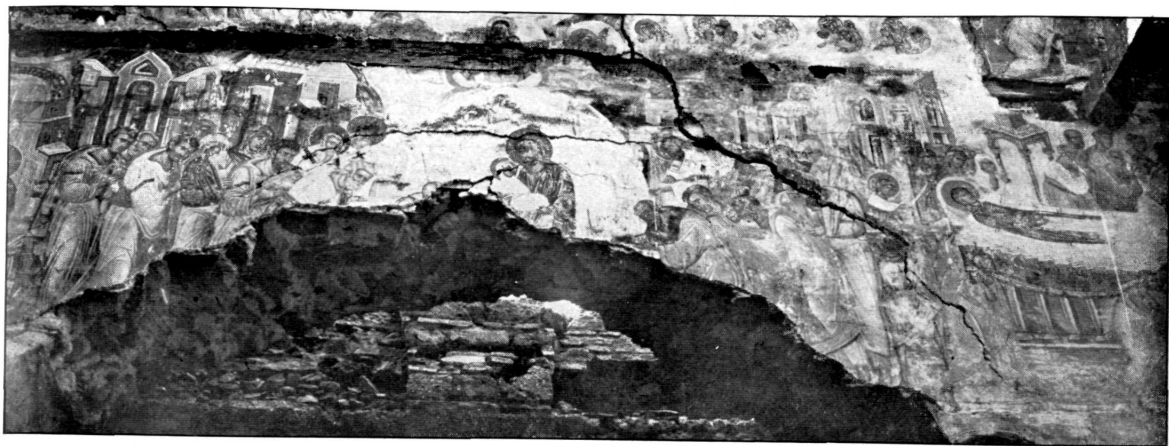

1.

2.

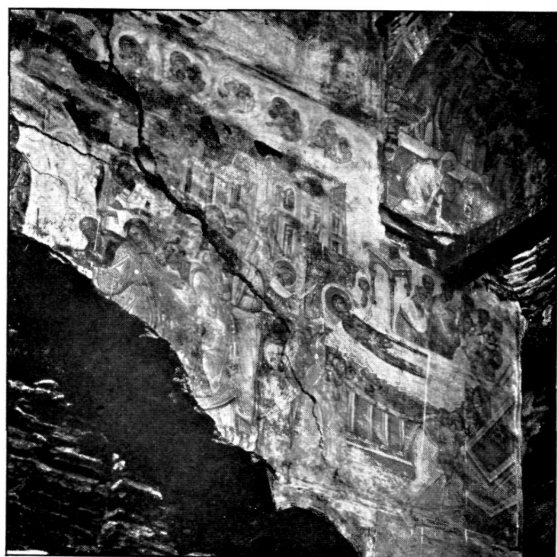
Fresques de Dečani en Serbie.

1.

2.

3.

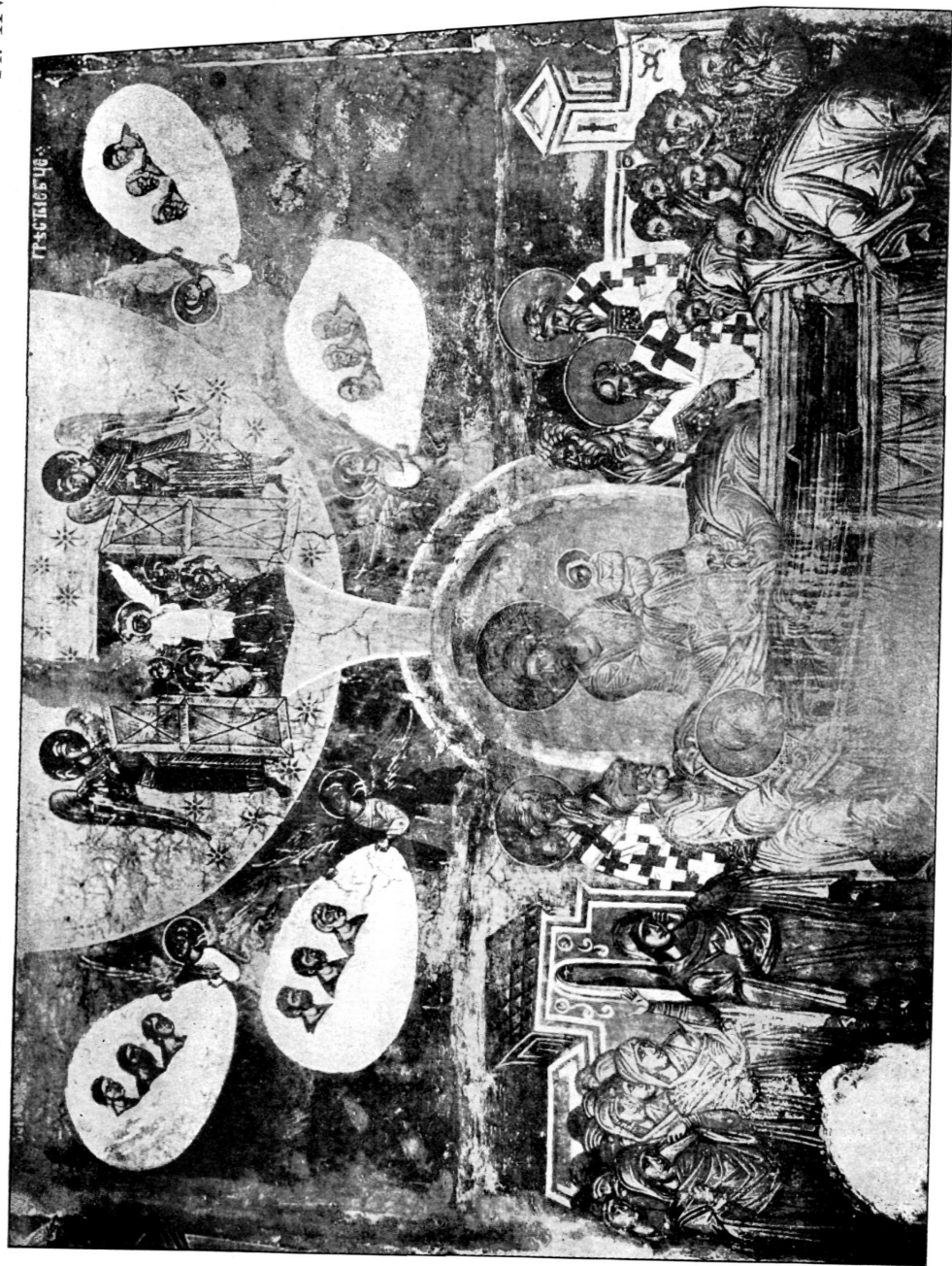
Fresques de Matejč en Serbie.

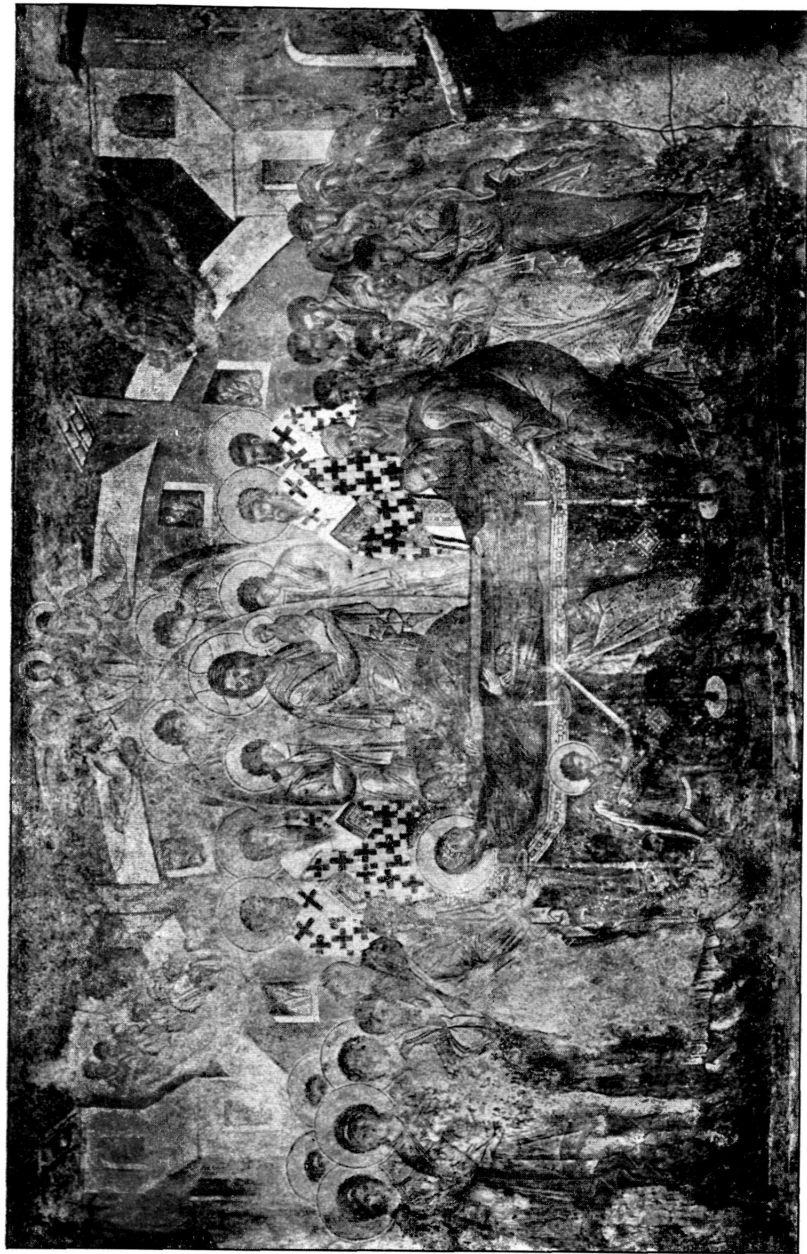
1. Fresque de Lesnovo en Serbie.

2. Fresque de Čučer en Serbie.

Fresque de Markov manastir en Serbie.

Fresque de Peribleptos à Mistra en Grèce.

Mosaïque de Kachrié-Djami à Constantinople.

Icone russe de Moscou.

Fresque à l'église de St. Pierre et Paul à Tynovo en Bulgarie.

Tyto dva výjevy: přenesení těla Mariina a případ Jephoniův, se vyskytují na památce, patřící k první polovině XIII. st. Jsou to bronzové dveře katedrály v Suzdali v Rusku, kde jsou zobrazeni 4 andělé, nesoucí lože Mariino a pátý anděl, trestající rouhajícího se Jephonia. Tato scéna potrestání v pozdější ikonografii je obvyčejně sloučena *ne* s přenesením těla, nýbrž se scénou smrti. Ale i ve XIII. st. známe příklad, kdy spojena je se smrtí. Je to na miniatuře řeckého evangelia ambrosiánské knihovny čís. D 67 sup.

Přenesení těla Panny Marie v nástěnných malbách je zobrazeno po prvé v malém kostele sv. Joachima a Anny ve Studenici kolem r. 1314. Je zde znázorněn průvod s tělem Mariiným, směřující k pravé straně, kde je viděti otevřený sarkofág. Kristus držící dušičku, která má též křídélka, je obklopen množstvím andělů, z nichž jeden trestá Jephonia. Průvodu je účastno množství lidu, žen a mužů; nahoře otevírají andělé nebeskou bránu, v níž je viděti zástup monochromních andělů (tab. VI.).

Malby druhého srbského kostela ve Star. Nagoričinu z r. 1317 opakují týž námět, ale i řadu nových detailů (tab. VII.).

Kristus je zde celým tělem obrácen vlevo ke hlavě Mariině a dušičku drží *ne* u levého ramene, ale u pravého. Skoro totéž postavení Kristovo vidíme na malbách kostela 40 mučedníků v Tyrnovu v Bulharsku ze XIII. st. (obr. 10). Přesto, že tato poslední malba je velmi špatně zachována, podle zbytků možno souditi, že snad zde též bylo již zobrazeno přenesení ke hrobu. Ve scéně smrti Bohorodičky totéž postavení Krista spatřujeme v památce XIII.—XIV. st. na mosaikové ikoně v Opera di Duomo ve Florencii.

Nejvíce nových motivů je na horní části téže malby ve Staro-Nagoričinu. Zde se malíř již nespokojil jen tím, co mu poskytovaly texty apokryfů, nejrozšířenějších a nejznámějších, totiž těch, které se připisují sv. Janu apoštolovi a sv. Janu z Thessaloniky: on se obrací k jiným pramenům apokryfního původu, které byly rozšířeny hlavně na západě. Je to *Transitus*, jehož autorství se připisuje Melitoni biskupovi ze Sard (II. st.), které však ve skutečnosti bylo sepsáno as i v polovině V. st. Druhý pramen je pověst, jejíž autor se pojmenovává sám Josefem z Arimathie, který však jím nemohl býti. Tyto dva apokryfy jsou dosud známy jen v latinské versi. Druhý z nich opakuje v základě totéž, co vyprávějí apokryfy řecké, o kterých byla již zmínka výše, a dodává celou řadu nových podrobností. Jedna z posledních je vyprávění o sv. Tomáši, který nepřiletěl včas s ostatními apoštoly a zmeškal pohřeb. Za své cesty vzduchem spatřil Pannu Marii vznášející se k oblakům, která mu podala svůj pás. Když Tomáš vyprávěl o tom ostatním apoštolům, nevěřili mu, ale jeho vyprávění bylo potvrzeno, když jim ukázal pás Mariin. Když prohledávali hrob Bohorodičky, těla jejího tam již nebylo. Pokud se týče okolností Mariiny smrti, místa, kde zemřela a kde byla pochována, nebylo nic známo. Syrsko-palestinská tradice vážala tyto výjevy s Jerusálemem, Sionem a horou Olivetskou; ale když v době koncilu v Efesu Mariin hrob byl objeven, tělo její v něm nalezeno nebylo a ve spojení

s touto okolností vyskytly se dvě domněnky: jedna, že Marie nebyla vůbec mrtva, ale za živa že byla odnesena na nebesa; druhá, že i když zemřela, byla vzkříšena a vzata do nebes. Podle toho se časem vytvořily dvě tradice. Podle jedné — palestinské — po smrti Mariině jen její samotná duše byla přenesena do nebe, podle druhé — koptsko-egyptské — byla Maria vzata na nebe i s tělem. První z těchto dvou verzí byla všeobecně přijata na východě, druhá byla převzata na západě, tam zakotvila a měla vliv na umění. Tím se vysvětluje, že západní umění zobrazuje skoro výhradně nanebevzetí. Naproti tomu na východě, jak je možno souditi podle svědectví sv. Ondřeje z Kréty, zobrazována byla smrt.

Apokryf připisovaný Josefu z Arimathie byl složen za vlivu koptsko-egyptské tradice. Malby staro-nagoričinské jsou inspirovány právě tímto směrem. V horní části komposice Mariiny smrti je zobrazeno tělesné její nanebevzetí a podání jejího pásu sv. Tomášovi. Nejstarší příklad těchto výjevů je v umění západním ve XIII. st. Současné však je spatřujeme na uvedených již dříve mentionedých dveřích v Suzdali (tab. V,1).

Kromě těchto výjevů spatřujeme v staro-nagoričinské komposici přenesení těla Mariina řadu proroků a jiných činitelů Starého zákona, v jejichž slovech nebo činech se mohla najít zmínka o její osobě a symbolech jejího pozemského poslání.

Malíři, kteří kolem r. 1320 zdobili kostel v Gračanic, ilustrují další texty homelií Jana z Thessaloniky a vypravování připisované Josefu z Arimathie. Je zde vyobrazena modlitba Mariina na hoře Olivetské, kde všechny stromy a květiny se klanějí modlící (tab. IX., 1) a poslední její rozmlouvání s apoštoly. Zobrazení smrti je nahrazeno zobrazením průvodu; dále spatřujeme nanebevzetí, podání pásu sv. Tomáši a vyprávění jeho apoštolům o setkání s Bohorodičkou nad zemí.

Ve XIV. st. objevují se cykly tohoto druhu v celé řadě srbských kostelů.

Jeden z nejpodrobnějších je v kostele kláštera v Dečanech z r. 1348, kde vidíme zobrazení smrti Panny Marie a její přenesení do hrobu (tab. XI., XII.). Podobný cyklus obsahují fresky kostela v Matejči kolem r. 1356—7 (tab. XIII.). Podle toho, že je zde vyobrazen anděl, přilétající k Panně Marii se zvěstí její smrti, a ona je ve svém domově a nikoliv na zahradě, poznáváme, že malíř má na mysli opět jinou latinskou versi apokryfu, připisovaného Melitonovi ze Sard. Krom toho viděti je zde ve scéně smrti Mariiny stejnou posici Kristovu jako ve Staro-Nagoričinu.

Mimo Srbsko nacházíme několik cyklů vízících se ke smrti Mariině, ale ne do té míry podrobných. Jeden z nich, spadající původem do XIII. st. na dveřích suzdalské kathedrály, druhý z XV. st. v kostele Brontochion v Místře (obr. 11 a 12) a v kostele v Arges v Rumunsku. Tyto cykly vyskytují se jen ve velkých kostelích, kde je pro ně dostatek místa; v menších kostelích je jen zobrazena smrt Mariina, a to vždy na západní zdi nad vchodem. V těchto zobraze-

ních je se smrtí sloučen jeden nebo dva výjevy, patřící k celému cyklu; je to obyčejně scéna s Jephoniem a nanebevzetí (tab. XVI.).

Ikonografie smrti Panny Marie, dosahující úplného rozvoje ve XIV. st., zůstává dále skoro beze změny. Rozlišujeme zde jenom kratší nebo složitější komposice, spojené s jedním nebo druhým výjevem cyklu, a v postoji Krista. Kristus obrácený celým tělem vlevo ke hlavě Mariině jako ve Staro-Nagoričinu a Matejči v Srbsku a v Berende v Bulharsku objevuje se v celé řadě pozdějších památek v XV. a XVI. st. jak na freskách tak na ikonách. Zdá se nám, že k tomuto postoji Kristovu mohly být vzorem malby některých malířů ranné renaissance, jak samotného Giotta, tak jeho žáků. V rozvoji této komposice v malířství pravoslavném nezaznamenáváme však přímého kopírování západních vzorů. Stejně náměty a někdy i stejné detaily ikonografické se vysvětlují tím, že v obou těchto případech na západě i na východě byly ilustrovány jedny a tytéž texty.

ILUSTRACE.

Tabulky.

- I. Freska v kostele Toquale-Kilissé v Kapadokii.
- II. Zbytky fresky v Mileševě v Srbsku.
- III. Freska v Sopočanech v Srbsku.
- IV. Freska v Žiči v Srbsku.
- V. 1. Deska dveří v Suzdali v Rusku.
2. Freska v kostele sv. Sofie v Ochridě.
- VI. 1. 2. Freska ve Studenici v Srbsku.
- VII. Freska ve Starém Nagoričinu v Srbsku.
- VIII. Freska v Gračanici v Srbsku.
- IX. 1. 2. Fresky v Gračanici v Srbsku.
- X. Freska v Ljubotinu v Srbsku.
- XI. Freska v Dečanech v Srbsku.
- XII. 1. 2. Fresky v Dečanech v Srbsku.
- XIII. 1—3. Fresky v Matejči v Srbsku.
- XIV. 1. Freska v Lesnovu v Srbsku.
2. Freska v Čučeru v Srbsku.
- XV. Freska v Markově klášteře v Srbsku.
- XVI. Freska v kostele Peribleptos v Místře v Řecku.
- XVII. Mosaika v Kachrié-Djamii v Cařihradě.
- XVIII. Ruská ikona v Moskvě.
- XIX. Freska v kostele sv. Petra a Pavla v Trnově v Bulharsku.

Obrázky v textu.

1. Miniatura evangelia čís. 1 v Ivironu.
2. Freska kostela Qouchlouq v Kappadokií.
3. Slonovina musea South Kensington v Londýně.
4. Slonovina v Mnichově.
5. Freska v Bojanech v Bulharsku.
6. Miniatura evangelia Harley 1810 v Londýně.
7. Mosaika v Martoraně v Palermu.
8. Freska v Mirožském klášteře v Pskově.
9. Freska v Bačkově v Bulharsku.
10. Freska v kostele 40 mučedníků v Trnově.
11. Freska v kostele Brontochion v Mistře.
12. Freska v kostele Brontochion v Mistře.
13. Freska ve Volotově u Novgorodu.

(Tabulky jsou reprodukovány: I — podle *G. de Jerphaniona*, *Les églises rupestres de Cappadoce*; III, IV, VIII, IX, XI, XII, 2 — podle *V. Petkoviče*, *La peinture serbe du moyen âge*; VI, 1 — podle kn. *Н. Кондаковъ и И. Толстой*, *Русскія древности*, VI; XV — podle kn. *Л. Мирковић и Ж. Татић*, *Марков манастир*; XVI podle *G. Milleta*, *Monuments de Mistra*; XVII — podle *J. Ebersolta*, *Mosaïque de Kachrié-Djami*; XVIII — podle *N. Kondakova*, *Icon russe*; XIX — podle fotografie Národního musea v Sofii; ostatní podle fotografií prof. N. Okuneva).

AUGUST HEISENBERG

(† 22 NOVEMBRE 1930).

La nouvelle de la mort prématurée de M. August Heisenberg, l'illustre successeur de KRUMBACHER, a douloureusement surpris tous les byzantinistes. Ceux qui l'ont vu à Athènes, lors du dernier congrès des études byzantines, encore plein de vigueur et d'énergie, ne peuvent certainement pas croire à la cruelle réalité. Le grand chef des byzantinistes allemands avait tenu au congrès une place prééminente; c'est lui qui, avec M. Grégoire, avait été l'âme de la section philologique dont il présida la première séance et où il dirigea les discussions. C'est à lui qu'avait été confiée la mission de résumer en un aperçu général les progrès réalisés, depuis la guerre par les études byzantines et il s'en était brillamment acquitté dans la séance plénière du jeudi. Il était, semblait-il, plus vif et plus combattif encore qu'au congrès de Belgrade; nous nous souvenons avoir eu personnellement avec lui discussion très vive quoique toujours cordiale sur le but même de notre revue. Il avait eu à l'excursion de Mistra — nous tenons à y faire allusion — un geste qui avait beaucoup ému tous les participants. Prenant la parole au nom des congressistes pour remercier nos hôtes grecs de leur hospitalité, il fit devant tous l'éloge de l'effort français dans le domaine des études byzantines, et il rendit tout particulièrement hommage à M. CHARLES DIEHL. Qui donc aurait dit lorsque, un peu plus tard, nous prenions congé de lui que c'était pour toujours? Un mois après, en effet, le 22 novembre, une grave maladie contractée au cours de son voyage en Grèce, la fièvre typhoïde, mettait brutalement fin à tous les espoirs que les byzantinistes plaçaient en lui.

M. HEISENBERG était né à Osnabrück en 1869. Il avait fait ses études à Munich sous la direction de Krumbacher et était devenu ensuite professeur d'enseignement secondaire en Bavière, avant de succéder à son maître, en 1910, comme chef du « *Mittel- und Neugriechisches Seminar* » de l'Université de Munich. Il prit aussi la direction de la « *Byzantinische Zeitschrift* » qu'il dirigea jusqu'à sa mort. Nous n'avons pas l'intention d'énumérer ici tous ses travaux dont on trouvera d'ailleurs la nomenclature détaillée dans la « *Festschrift* » (*Byzantinische Zeitschrift* XXX), que ses amis, élèves et admirateurs lui avaient offerte à l'occasion de son soixantième anniversaire. Elle sera d'ailleurs certainement complétée par la rédaction de la « *Byz. Zeitschrift* » dans un des prochains numéros de la revue. Nous nous en voudrions pourtant de ne pas citer ses plus importantes publications.

Il s'était d'abord voué à la publication de quelques textes byzantins et nous avait donné en 1896 l'édition de *Nicéphore Blemydès*, en 1905 celle de *Georges Acropolite*, en 1907 celle de *Nicolas Mesaritès*. L'étude de l'oeuvre de ce dernier forma, du reste, le point de départ de la publication de son grand ouvrage « *Grabeskirche und Apostelkirche, zwei Basiliken Konstantins* » (Leipzig, 1908, deux volumes). On sait que parmi les ouvrages de Nicolas Mesaritès se trouve une description de l'église des Saints Apôtres à Constantinople. Le grand ouvrage de Heisenberg n'est, au fond, qu'un commentaire très détaillé de cette oeuvre attribuée à Mesaritès. La partie de son travail où il décrit l'église des Apôtres est la plus importante mais on y trouve aussi de beaux chapitres sur l'évolution de l'art byzantin à l'époque si importante de Justinien. Un autre travail qu'il faudra sans doute ranger parmi les meilleurs, est la publication des *papyrus byzantins de la Staatsbibliothek de Munich*, édition qu'il avait préparée en 1914 avec la collaboration de M. Wenger.

La guerre avait interrompu les recherches scientifiques de Heisenberg, mais, la tourmente passée, le grand érudit avait repris ses travaux et, dès 1919, il publiait chez Teubner un petit volume sur la Grèce moderne (« *Neugriechenland* »). Il se voua ensuite à l'étude de l'évolution politique et religieuse de l'empire byzantin au XIIIe siècle. Parmi les principales oeuvres qui se rapportent à ces problèmes mentionnons: « *Aus der Geschichte und Literatur der Paläologenzeit* » (1920), « *Zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion* » (1922), « *Armenisch-byzantinische Beziehungen* » (1929). Les spécialistes connaissent la valeur de ces travaux dont l'importance est d'autant plus grande que Heisenberg se basait très souvent sur des textes inédits.

Tout en s'occupant d'études historiques, proprement dites, M. Heisenberg ne négligeait pas l'art. L'étude de nombreux textes iconographiques l'amena à publier ses « *Ikonographische Studien* » (1921) et son ouvrage sur le reliquaire de Reichenau (« *Kreuzreliquiar von Reichenau* » 1926). M. Heisenberg travaillait toujours sur les textes et même ses ouvrages sur l'histoire de l'art byzantin sont avant tout l'explication de quelques textes. Aussi la mort de M. Heisenberg est-elle une grosse perte pour la philologie byzantine.

Il faut surtout regretter que M. Heisenberg n'ait pu achever la refonte de l'histoire de la littérature byzantine due à son maître Krumbacher, refonte à laquelle il travaillait depuis des années en collaboration avec Mgr. ERHARD. Nous attendrons donc probablement longtemps encore la nouvelle édition de cet important ouvrage, indispensable à tous les byzantinistes et sur laquelle nous nous croyions en droit de compter dans un avenir très rapproché. Espérons pourtant que ce dernier travail, resté à l'état de manuscrit et encore inachevé, est tout de même assez avancé pour pouvoir être terminé par le successeur de M. Heisenberg, son élève et collaborateur, M. DOELGER, dont tout le monde connaît la compétence dans le domaine des études byzantines et qui a déjà

fait ses preuves comme rédacteur de la « Byzantinische Zeitschrift ». Nous avons du moins la certitude que M. Heisenberg laisse un continuateur digne de lui et cette circonstance nous console un peu à un moment où nous sentons néanmoins quel vide crée dans le monde des byzantinistes la disparition prématurée d'un savant aussi illustre, d'un maître dans toute l'acception du mot.

POSUDKY—COMPTE-RENDUS.

MÉLANGES CHARLES DIEHL, ÉTUDES SUR L'HISTOIRE ET L'ART DE BYZANCE, Paris, Ernest Leroux 1930, deux vol., p. XXXII + 308 + 240 et XIX pl.

Les élèves et les amis du célèbre byzantiniste qu'est M. Charles Diehl ont offert au maître incontesté dont on connaît les nombreux travaux et dont on admire l'érudition deux magnifiques volumes de Mélanges qui figureront dignement à côté des deux autres splendides volumes offerts en 1924 à Gustave Schlumberger. Les byzantinistes français ont vraiment honoré comme il convenait leurs deux grands chefs, Schlumberger et Diehl. On ne peut donc que féliciter MM. J. Ebersolt et R. Guiland d'avoir su grouper un si grand nombre de collaborateurs et — ce qui est particulièrement important, puisque le triste sort des Mélanges Uspenski le confirme — d'avoir su faire paraître ces Mélanges presque à l'heure voulue. Notons aussi la critique souvent formulée contre l'habitude un peu trop répandue, de publier des Mélanges en l'honneur de savants qui ont contribué aux progrès de la science dans leur domaine et d'admettre souvent à cette occasion des articles qui, ne se rapportant pas toujours à la même spécialité, sont ensuite souvent perdus pour un grand nombre de travailleurs qui auraient intérêt à les connaître mais qui ne peuvent avoir l'idée de les chercher dans un ouvrage où leur place ne paraît pas marquée. L'abus a été tel qu'il faudra sans doute bientôt songer aux moyens susceptibles de remédier à des inconvénients aussi fâcheux. Ce ne sera sûrement pas le cas des Mélanges Diehl. Les nombreux travaux que renferment ces deux tomes se rapportent presque exclusivement aux études byzantines et forment ainsi un important recueil d'études dont la présence s'impose dans la bibliothèque de tout spécialiste.

On saura gré aux éditeurs d'avoir établi la liste complète des ouvrages et des articles publiés par le jubilaire et dispersés dans les différentes revues. Cette longue liste qui ne compte pas moins de 317 numéros, nous donne une idée très nette de l'immense érudition du grand Maître devant lequel tout le monde s'incline.

Ce qui nous intéresse ici tout particulièrement ce sont les études qui présentent un certain rapport avec l'histoire ou l'art slaves. Ce sont donc elles que nous passerons en revue de façon spéciale, sans négliger, d'ailleurs, les articles qui concernent l'histoire proprement byzantine.

Le premier article concernant les rapports entre les Slaves et Byzance est l'étude de M. ANASTASJEVIĆ de Belgrade sur « *Les indications chronologiques de Yahya relatives à la guerre de Tzimisès contre les Russes* » (pp. 1—5). On sait que la chronologie de cette guerre fait l'objet d'un vif débat entre les savants. Or M. Anastasjević a eu l'heureuse idée de recourir aux renseignements que donne un chroniqueur arabe du XIe siècle, Yahya d'Antioche, dont les Annales ont été publiées par Vasiljev et Kratschkowski dans le tome XVIII de la Patrologie Orientale de Mgr. Graffin. L'auteur admettant complètement les informations de Yahya sur cette campagne, il en résulte que l'expédition de Tzimisès a commencé en 971 pour se prolonger trois ans, jusqu'en 974. On aura grand intérêt — si l'on veut se faire une idée plus nette encore de ces événements — à connaître l'étude complémentaire que l'auteur a envoyée au « *Seminarium Kondakovianum* » mais qui n'a pas encore paru.

Un petit détail de l'histoire ragusaine a été éclairci par M. N. BĂNESCU, le professeur de Cluj. (« *Peut-on identifier le ZAMBLACUS de l'histoire ragusaine?* ») (pp. 37—37). Deux documents du XIVe

siècle, l'un de 1344, l'autre de 1346, indiquent que la république ragusaine achetait à un certain Samblacus le blé nécessaire à son ravitaillement. Bănescu a identifié ce personnage énigmatique: ce serait le fameux Arsenios Tzamlakon qui joua un certain rôle politique pendant la guerre civile entre Jean V Paléologue et Jean Cantazuzène. La famille de ce Tzamlakon possédait des biens assez importants dans la plaine de Thessalonique qui est particulièrement apte à la culture de blé et ceci explique que la république ragusaine se soit efforcée de rester en bons rapports avec ce riche propriétaire qui l'approvisionnait en céréales.

Le troisième article se rapportant aux affaires slaves est mon étude sur »LA LUTTE ENTRE BYZANCE ET ROME AUTOUR DE L'ILLYRICUM AU IXe SIÈCLE« (pp. 61—81) et je me permets de rappeler brièvement ici les conclusions auxquelles je suis arrivé. J'ai donné dans la première partie un aperçu de l'évolution de l'Illyricum ecclésiastique. La question étant assez complexe, peut-être les quelques pages que j'y ai consacrées seront elles de quelque utilité aux chercheurs qui s'en occuperaient également. Ce qu'il importe surtout de signaler, ce sont les efforts des papes pour conserver leur juridiction sur les provinces de l'Illyricum oriental. En ce qui concerne la partie occidentale, il faut attirer spécialement l'attention sur la position de Salone et sur l'ébauche d'un nouveau vicariat pontifical dans cette ville sous le pape Zosime. Mais les invasions slaves ont mis fin à la vie religieuse naguère si florissante et les luttes iconoclastes ont enlevé aux papes la juridiction sur la partie orientale qui avait pourtant conservé sa hiérarchie à travers le cataclysme des invasions. C'est le pape Adrien I qui, par la lettre à l'impératrice Irène, inaugura la lutte à propos de sa juridiction sur l'Illyricum et l'énergique Nicolas Ier

suivit l'exemple ainsi donné. Il ne se tourna d'ailleurs pas seulement vers Byzance pour réclamer ses droits, il fit également appel à l'Occident. Dans un fragment d'une lettre adressée à l'évêque de Nin en Croatie, on voit le pape réclamer la juridiction directe sur cet évêché, dont la fondation était probablement due à Aquillée, la christianisation de ces contrées ayant été au début l'oeuvre de ce siège ecclésiastique. Les réclamations du pape à Constantinople n'ayant pas eu de suites, le pape préféra agir. Il réussit effectivement à sauver une grande partie de l'ancien Illyricum en gagnant les Bulgares et c'est aussi avec empressement qu'il saisit l'occasion qui se présentait à lui en Moravie. Constantin et Méthode, les deux envoyés grecs qui évangélisèrent ce pays ainsi que la Pannonie, furent invités par lui à se rendre à Rome. C'est évidemment la peur de se voir devancer par Byzance et, en même temps, le désir de renforcer son influence dans le voisinage de la Bulgarie qui lui dictèrent sa conduite. Son successeur, Adrien II, continua la même politique: après s'être entendu avec les princes slaves qui gouvernaient les pays évangélisés par les deux Grecs, il rétablit le diocèse de Sirmium et le confia à Méthode. Presque tout l'Illyricum occidental rentra ainsi de nouveau sous la juridiction du pape et constituait une base solide pour les entreprises pontificales destinées à regagner également l'ancien Illyricum oriental. Jean VIII restant fidèle à cette politique réclama contre le puissant épiscopat allemand lui-même la juridiction directe sur l'Illyricum occidental et s'efforça d'étendre le plus possible vers le Sud le diocèse de Méthode. Il fit même quelques essais, malheureusement infructueux, pour détacher les villes dalmates de l'obédience byzantine et il tenta l'impossible pour garder les Croates. En ce qui concerne l'Illyricum oriental, on a l'impression que le pape limita ses efforts au territoire bulgare et sacrifia le reste. Malgré

l'entente à laquelle le pape était arrivé avec Photios, les Bulgares restèrent d'ailleurs intraitables et l'entêtement de Boris fit échec à toutes les exhortations du pontife. Restait donc uniquement le diocèse pannonien de Méthode; le pape s'y cramponna et donna au titulaire tout l'appui dont il était capable. Il trouva dans la personne de Méthode un bon partenaire. Dans le but de régler les différends qui pouvaient se produire dans le Sud de son diocèse — alors sous la domination bulgare — où les intérêts de l'Église byzantine se heurtaient à ses droits métropolitains, Méthode, après 880, se rendit à Constantinople, où l'on donna suite à toutes ses réclamations. La mort de Jean et de Méthode a mit fin à cette lutte qui se terminait par un échec du Saint Siège, au moins en ce qui concerne l'Illyricum oriental. Quelle conclusion d'ensemble peut on tirer de ces considérations? C'est à mon sens qu'il faut étudier la question de Méthode dans le cadre des luttes pour l'Illyricum. Ce n'est que de cette manière qu'on pourra comprendre la politique des papes en face de l'oeuvre de Cyrille et de Méthode. La comparaison des lettres pontificales qui se rapportent à ces luttes et des données des légendes «pannoniennes» prouve que ce furent bien là les grandes lignes de leur politique au cours de cette période. Je m'efforcerai d'ailleurs de tirer davantage au clair certaines questions de détail dans l'étude sur les «Légendes pannoniennes» qui, actuellement en préparation, paraîtra sous peu.

L'étude de M. GAY sur *«Le patriarche Nicolas le Mystique et son rôle politique»* (pp. 91—101). touche également à quelques problèmes relatifs aux relations byzantino-bulgares durant le Xe siècle. L'auteur montre d'abord le rôle que le fameux patriarche a joué dans la politique intérieure de Byzance et sur lequel les chroniqueurs nous ont conservé un nombre appréciable de ren-

seignements. Il est assez rare — c'est ce qu'il convient de noter — qu'un patriarche ait pu jouer un tel rôle politique. La seconde partie de l'article concerne l'action du prélat dans la politique étrangère. L'auteur s'appuie sur les lettres échangées entre le patriarche et le fameux «tsar» bulgare, Siméon, mais cette seconde partie est malheureusement moins réussie que l'autre, M. Gay paraissant ignorer les importants travaux bulgares relatifs à ces relations, et notamment l'ouvrage de Zlatarski sur ces lettres: Писмата на цариградския патриархъ Николая Мистикъ до българския царь Симеона dans le *Сборникъ за народни умотв.*, X (1893), XI (1894), XII (1895). Signalons que toute cette question a été également étudiée à fond par ce même Zlatarski dans le second volume de son histoire bulgare. История на българската държава, София, 1927, pp. 278 et suiv.

M. LASCARIS, de l'Université de Thessalonique, a consacré quelques pages à l'histoire du patriarcat serbe de Peć. (*Le Patriarcat de Peć a-t-il été reconnu par l'Église de Constantinople en 1375?*, pp. 171—177). On sait que la fondation de ce siège patriarcal par Étienne Douchan en 1346 eut pour conséquence une protestation du patriarcat oecuménique. Le roi serbe, son patriarche et son clergé furent excommuniés par le patriarche de Constantinople, Calliste, et les deux églises ne se réconcilièrent qu'en 1375. Or, on croyait généralement que cette réconciliation équivalait en réalité à une reconnaissance «de jure» du nouveau patriarcat serbe. M. Lascaris doute de ce fait et il apporté contre l'opinion admise jusqu'à ce jour un nouvel argument qu'il tire de l'Ἐκθροισις véa du patriarche de Constantinople. Ce manuel qui remonte à 1386, date assez rapprochée des événements en question, ne donne au titulaire du siège de Peć que le titre d'archevêque. Il semble, d'après une note relevée dans le manuscrit, que le même document attribue au con-

traire au titulaire de Trnovo le titre de patriarche. Le copiste distingue donc très nettement entre le titre de patriarche donné au titulaire de Trnovo par Constantinople et celui d'archevêque du chef de l'Église serbe. S'il est vrai — fait remarquer M. Lascaris — que les archevêques de Peč continuèrent de porter le titre contesté, il y eut de la part de Constantinople une simple tolérance, tout au plus, mais jamais une reconnaissance explicite. Les déductions de M. Lascaris seront certainement contestée par les historiens serbes. Il faut dire d'ailleurs que son argumentation n'est pas tout à fait décisive. On pourra pas pourtant lui contester le mérite d'avoir attiré l'attention sur un nouveau document concernant cette épisode. On sait, d'ailleurs, dans quelle situation politique délicate se trouvait la Serbie en 1375, date à laquelle une reconciliation avec Constantinople s'imposait. On peut donc difficilement supposer que le patriarcat de Constantinople aurait reconnu dans ces conditions un privilège qu'il avait refusé à un prince aussi puissant qu'Étienne Douchan.

On peut rattacher indirectement à ce groupe d'articles qui concernent l'histoire slave l'étude de M. ZEILLER sur *«Le site de Justiniana Prima»* (pp. 299—305). En étudiant ce problème, le célèbre spécialiste des questions relatives aux origines religieuses des provinces danubiennes a voulu répondre à l'article de M. VULIĆ (*«Où était Justiniana Prima?»*), publié dans le *«Musée Belge»*, (1928, pp. 65—71). Vulić avait pensé démontrer que la thèse, généralement admise aujourd'hui et d'après laquelle Justiniana Prima devrait être identifiée avec Scupi (Skoplje), était inadmissible. S'appuyant sur la fameuse Novelle XI, l'auteur montrait que le site de Justiniana Prima était non pas en Dardanie, mais dans la Dacie Intérieure. Or M. Zeiller propose une solution qui semble résoudre cette nouvelle difficulté. Il persiste à croire

que le siège épiscopal de Scupi est devenu celui de Justiniana Prima, puisque l'évêché de Scupi disparaît au moment même où apparaît la métropole de Justiniana. Mais cette dernière est une création nouvelle, en tant que ville: elle a été construite sur l'emplacement du village natal de Justinien, Bederiana ou Tauresium, localités qui se trouvaient déjà dans la province de *«Dacia Mediterranea»*. Ainsi *«Scupi a pu rester capitale de la Dardanie, comme Sardique de la Dacia Mediterranea, tandis que Justiniana Prima, édifiée à Tauresium ou à Bederiana, restaurée et agrandie, devenait à la fois préfecture civile et métropole religieuse supérieure»* (p. 303). Peut on espérer que cette éternelle question se trouvera par là définitivement résolue?

*

Parmi les articles qui se rapportent à l'histoire byzantine en général, citons d'abord les quelques pages consacrées par MICHEL DENDIAS de Paris au rôle du roi Manfred de Sicile dans la bataille de Pélagonie de 1259 (*«Le roi Manfred de Sicile et la bataille de Pélagonie»* pp. 55—60). L'auteur s'efforce de prouver que le roi de Sicile ne prit pas part en personne à cette malheureuse expédition de Grèce qui eut de si déplorables conséquences pour la domination franque. C'est le chroniqueur grec Grégoras qui affirme que le roi y a participé mais son témoignage n'est confirmé par aucun autre chroniqueur byzantin. Il y a pourtant le récit de l'Italien, Mateo Spinelli, qui semble venir à l'appui de cette affirmation puisqu'on y trouve la description d'une expédition de Manfred en *«Romanie»* vers la même époque. Mais à en croire M. Dendias, cette expédition était dirigée contre les Guelfes de Romagne et des provinces italiennes voisines, non contre les pays grecs, désignés également par le nom de *«Romanie»*. Occupé par ses opérations en Italie, le roi

Manfred ne pouvait pas se rendre en personne en Grèce et dut se contenter de l'envoi d'un corps auxiliaire.

Une des plus importantes études des « Mélanges » est le travail consacré par H. GRÉGOIRE à Mahomet et à ses rapports avec les Monophysites (« *Mahomet et le Monophysisme* », pp. 107—119). Avec toute l'acribie qui lui est habituelle, M. Grégoire analyse les Surates du Coran qui contiennent la « christologie » du prophète, pour y découvrir une parenté avec la théologie monophysite. Il semble, en effet, que Mahomet ait eu une connaissance assez approfondie des croyances juives et chrétiennes. À certaines époques de sa vie il les étudia minutieusement afin de mieux orienter sa propagande religieuse parmi les populations chrétiennes d'Arabie. L'histoire qu'il conte dans la dix-huitième surate du Coran prouve, par exemple, qu'il était très exactement renseigné sur la légende chrétienne des « Sept Dormants ». Il voulait par des moyens de ce genre en imposer aux chrétiens qui ne pouvaient manquer d'être surpris de voir le prophète si bien informé des questions de détail et des légendes locales; il se posa même en arbitre pour décider entre les différentes versions légendaires, comme s'il avait été mieux inspiré que les chrétiens. Il se montra enfin l'allié des chrétiens dans la défense de la doctrine de la résurrection, niée autrefois par Philiponos au grand scandale des Monophysites « orthodoxes ». La surate IV est encore plus significative. Mahomet s'y montre très hostile aux Juifs qui n'ont pas accepté la doctrine de Jésus. En ce qui concerne la nature du Christ, il fait très nettement profession de docétisme alors que — M. Grégoire le prouve par une argumentation très serrée et très spirituelle — les chrétiens arabes de Nedjran étaient, à cette époque, en grande majorité aphetartodocètes. Mahomet, en se proclamant pour leur doctrine en ce qui concerne la personne du Christ, et en la pré-

cisant peut-être encore davantage, veut les flatter et les attirer à lui et c'est ainsi qu'il tend la main à l'extrême-gauche du Monophysisme ».

Les déductions de M. Grégoire sont très importantes pour la connaissance des débuts de l'Islam et pour l'interprétation du Coran. C'est un thème qui intéressera aussi l'histoire des religions. On ne peut que féliciter l'auteur de ce brillant article d'avoir attiré l'attention du monde savant sur la question.

M. R. GUILLAND nous apporte de nouveaux renseignements sur la vie sociale et religieuse à Byzance au début du XIVe siècle. Il les a tirés de la correspondance du patriarche Athanase (« *La correspondance inédite d'Athanase, Patriarche de Constantinople* », pp. 121—140). Il a trouvé cette correspondance, pour la plus grande partie inédite, dans quelques manuscrits de Paris. Quoique cette collection de lettres ne soit certainement pas complète — l'auteur le reconnaît lui-même — elle nous donne des renseignements assez nouveaux. Les nombreuses correspondances adressées à Andronic II montrent les relations étroites qui existaient entre le patriarche et l'empereur et le zèle un peu indiscret d'Athanase dans les exhortations de toute sorte qu'il prodiguait au souverain. Ses rapports avec sa seconde femme, Irène, ainsi que le caractère difficile de celle-ci apparaissent également dans une lumière toute nouvelle. Mais ce qui est à mon sens le plus digne de remarque, ce sont les renseignements que nous donnent ces lettres sur la vie religieuse et sociale de l'empire. Bien entendu, il ne faudra pas prendre à la lettre les plaintes amères sur la décadence morale et religieuse des Byzantins à cette époque. Il y a beaucoup d'exagération, car Athanase est resté moine après avoir pris possession du trône patriarcal. C'est d'ailleurs ce qui lui a suscité beaucoup d'ennemis et a enfin fait échouer ses tentatives de réforme, dont on ne peut

pourtant pas mettre en doute la sincérité. On retrouve parfois dans cette correspondance l'écho de la haine implacable avec laquelle les Byzantins de l'époque poursuivaient les Latins, auteurs de tant de maux qui s'abattirent sur l'Empire. Il serait vraiment à souhaiter que la correspondance d'Athanase soit publiée en entier. Espérons, en tout cas, que l'édition préparée par le R. P. Laurent de celles qui se trouvent à la Vaticane ne tardera pas; elles compléteront certainement les renseignements que nous donne la collection parisienne.

En coordonnant les indications fournies par quelques écrivains de la fin du XIIe siècle, M. L. HALPHEN soutient que l'empire byzantin a été, à cette époque, tellement pénétré par les éléments latins que sa chute en 1203 était inévitable (« *Le rôle des Latins dans l'histoire intérieure de Constantinople à la fin du XIIe siècle* » pp. 141—145). Les renseignements que donne Nicéas Acominatos sont particulièrement explicites.

On voit déjà que la période des XIIe, XIIIe et XIVe siècles a surtout attiré l'attention des collaborateurs des *Mélanges*. C'est aussi celle à laquelle se rapporte la communication de M. J. LAURENT, dans laquelle l'auteur revient sur une question qu'il possède à fond, l'histoire des Seldjoucides (« *Byzance et les origines du sultanat de Roum* », pp. 177—182). Beau sujet, bien qu'un peu compliqué; on saura précisément gré à M. Laurent de nous avoir aidés à retrouver le fil des événements très embrouillés qui se sont déroulés en Asie Mineure, dans la famille régnante des Seldjoucides, et en Grèce, pour aboutir à la fondation à Nicée d'une principauté turque pratiquement indépendante de Byzance comme de Bagdad. Le sultanat de Roum existait déjà en 1081. « Il avait Nicée pour capitale et Soliman le Seldjoucide pour fondateur et pour premier souverain. »

M. B. LEIB de Reims présente une « *Contribution à l'étude des manuscrits et du texte de l'Alexiade d'Anne Comnène* » (pp. 191—199) dont la connaissance sera utile à celui qui voudra préparer une nouvelle édition critique de l'Alexiade. L'auteur, se basant sur les variantes du Vaticanus graecus 981, propose quelques améliorations du texte des éditions dont nous disposons. Ces améliorations concernent pour la plupart de petites questions de détail, sans grand intérêt. Il y a pourtant une remarque qui suscitera l'attention des historiens; si l'on accepte la restitution proposée par M. Leib, il faudra conjecturer que Nicéphore Bryennios, contrairement à ce qu'on croit généralement, n'a pas dû assister à la prise d'Antioche.

On lira avec intérêt la contribution de M. M. LHÉRITIER (« *L'histoire byzantine dans l'histoire générale* », pp. 201—216) qui constitue un essai de synthèse de l'histoire byzantine. L'auteur étudie dans la première partie cette histoire comme prolongation de l'histoire romaine et comme partie de l'histoire du Proche Orient; dans la seconde partie il montre les rapports de Byzance avec le reste du monde et son rôle dans l'histoire générale de l'Europe. On y trouvera plus d'une heureuse suggestion, quoique l'étude, considérée dans son ensemble, semble un peu manquer de la clarté et de la netteté qu'on attend avant tout d'une tentative de synthèse.

M. L. OECONOMOS attire l'attention des spécialistes sur un opuscule en 49 chapitres émanant de Joseph Bryennios, écrit peu connu mais très important pour la connaissance de l'état d'esprit à Byzance au XVIe siècle (« *L'état intellectuel et moral des Byzantins vers le milieu du XIVe siècle, d'après une page de Joseph Bryennios* », pp. 225—233). Le chapitre qu'il reproduit est vraiment très instructif. Ne pourrait-on exprimer le désir que M. Oeconomos nous donne une nouvelle édition de

l'ouvrage de Bryennios, puisque l'unique édition (celle d'Eugène Bulgaris de 1768 et 1784) est maintenant presque introuvable?

M. OSTROGORSKI semble vouloir se spécialiser dans l'histoire de la querelle des images. L'article qu'il a donné aux « Mélanges » (« *Les débuts de la querelle des images* », pp. 335—355), prouve une fois de plus qu'il y a encore, dans l'histoire de l'iconoclasme, bien des choses à éclaircir. L'auteur y présente un heureux essai sur les débuts de la querelle et les conclusions auxquelles il arrive, par une argumentation très serrée, semblent jeter une lumière nouvelle au moins sur quelques détails. On voit mieux maintenant quel fut le rôle du clergé iconoclaste dans ces débuts de l'hérésie. Il existait, en Asie Mineure, bien avant l'avènement de Léon III, un fort courant d'opinion hostile aux images; les adversaires les plus zélés de ce culte s'y recrutaient dans le clergé même et avaient à leur tête les évêques de Nacoleia et de Claudiopolis. Ce sont ceux-là mêmes qui ont donné la première impulsion et qui sont venus à Constantinople pour y sonder le terrain et tâter l'opinion du patriarche Germanos et de la cour. Mais il est important de noter que l'iconoclasme a évolué lentement. A en croire M. Ostrogorski, il ne faudrait pas faire remonter à 725 mais à 730 seulement le premier décret de Léon III contre les images. Léon hésita d'abord pendant un certain temps car il voulait gagner le patriarche et s'assurer le consentement du pape. Et ici l'auteur nous fait une surprise: il défend l'authenticité des lettres du pape Grégoire II à Léon, lettres qui ne nous sont parvenues qu'en traduction et à la fausseté desquelles ont cru la plupart des historiens qui se sont occupés de cette période. Les arguments d'Ostrogorski méritent d'être sérieusement examinés et on pourra difficilement leur nier toute valeur. Ce qui est surtout remarquable, c'est la façon dont l'auteur a pu combattre l'opinion de Schwartz-

lose qui fait pourtant autorité en la matière. Bref, Léon III n'a agi qu'après s'être convaincu qu'il n'y avait rien à faire ni du côté du pape, ni du côté du patriarche et c'est en janvier 730 qu'il a lancé son fameux édit.

S'il ne s'agit dans cette nouvelle étude du jeune savant russe que de détails dont l'importance n'est peut-être pas capitale, il y a là pourtant de quoi nous faire pressentir d'autres découvertes et c'est, après la publication de ses « Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites », un nouveau pas en avant dans l'étude de ce problème. Gageons que M. Ostrogorsky nous réserve encore plus d'une surprise.

Les relations entre Byzance et les Mongols de Perse se trouvent éclairées par une lettre de Grégoire Chioniadès à l'empereur de Trébizonde, que publie M. J. B. PAPADOPOULOS de Salonique (« *Une lettre de Grégoire Chioniadès, évêque de Tabriz* », pp. 257—262). Grégoire, qui enseignait à Trébizonde, fut nommé par le patriarche et par l'empereur de Constantinople, évêque de Tabriz. Avant de se rendre à son poste, il demanda l'approbation de l'empereur de Trébizonde qui était en étroits rapports avec les Mongols. Ces relations des Byzantins et des Mongols au XIVe siècle mériteraient certainement une étude à part et il serait, d'autre part, à souhaiter que Papadopoulos publie toutes les lettres de Grégoire, car elles ne doivent pas manquer d'intérêt.

M. H. PERNOT étudie, d'un point de vue purement philologique, la langue du fameux « poème de Michel Glykas sur son emprisonnement » (pp. 263—276). Sur l'importance de ce poème pour la date de la campagne hongroise de Manuel Ier Comnène voir mon étude dans le « Sborník Bidlův » (Manuel I Komnenos a Vladislav II, král český, pp. 58—70, Praha, 1929).

M. SEYMOUR DE RICCI publie l'épithaphe grec d'une certaine Anne de Con-

stantinople qui accompagna la malheureuse Charlotte de Lusignan, dépouillée du royaume de Chypre, à Rome où elle mourut (« *Une inscription byzantine à Rome* », pp. 291—292).

Enfin, le célèbre byzantiniste russe qu'est M. VASILJEV ajoute quelques remarques à l'ouvrage de M. Ebersolt, Constantinople et les voyageurs du Levant, Paris, 1918. Parmi les descriptions que plusieurs voyageurs arabes, qu'il cite, ont faites de Constantinople, la plus intéressante est celle d'Al Harawy au XIIe siècle.

*

Il nous reste encore à parler d'articles consacrés aux études juridiques et à l'économie politique. M. A. ANDRÉADÈS d'Athènes a touché à un problème très intéressant non seulement pour l'histoire de l'économie politique byzantine, mais pour celle des Juifs en général, « *Les Juifs et le Fisc dans l'empire byzantin* », (pp. 7—29), et on lira son étude avec fruit. La bibliographie qu'il y ajoute rendra grand service aux historiens des Juifs ainsi qu'aux byzantinistes. On ne nous en voudra pourtant pas si nous ne nous déclarons pas convaincu par les arguments mis en avant par l'auteur pour prouver que les Juifs ne payaient pas d'impôt spécial au fisc byzantin. M. Andréadès n'est d'ailleurs pas sans se rendre lui-même bien compte des difficultés rencontrées dans l'étude de ce problème. Pourra-t-on, du reste, jamais trouver une solution définitive et satisfaisante? L'importante étude de M. Andréadès constituera en tout cas une base solide pour des recherches ultérieures.

L'étude de M. G. J. BRATIANU sur « *L'Hyperpère byzantin et la monnaie d'or des républiques italiennes au XIIIe siècle* » (pp. 38—48), est une contribution également importante à l'histoire de politique financière de Byzance. Constantinople

avait conservé la monnaie de Constantin. Le « *solidus* » devenu plus tard « *nomisma* » et appelé « *hyperpère* » au XIIIe siècle, est resté longtemps la monnaie internationale acceptée sur tous les marchés du monde. Or, au XIIIe siècle, après la conquête de Constantinople par les Latins, la monnaie byzantine a commencé à perdre sa renommée. M. Andréadès apporte une série d'intéressants témoignages où il est question de la dépréciation progressive de cette monnaie sous les Paléologues. Dès le XIIe siècle, notamment en 1090, on avait pu noter une certaine fluctuation de la valeur, mais ce n'était encore qu'une crise passagère, tandis que celle du XIIIe siècle équivalait à une chute irrémédiable. Or la dépréciation de la monnaie byzantine se produisit au moment précis où les échanges commerciaux en Occident devenaient très intenses. Les villes italiennes qui avaient le monopole de ces échanges se virent donc obligées de créer une autre monnaie d'or: Florence en prit l'initiative, et fut bientôt suivie par Venise. Il y a donc, on le voit, une liaison très étroite entre la dépréciation de l'hyperpère byzantin et la frappe de la monnaie d'or par les villes italiennes.

M. C. COLLINET étudie un détail d'organisation de l'armée byzantine, présentant un certain intérêt au point de vue juridique. « *Sur l'expression οἱ ἐντοῖς τοῦλδοις ἀπερχόμενοι — ceux qui partent dans les bagages —* » (pp. 49—54). Son exposé démontre « la persistance dans le „train“ des armées, jusqu'au Moyen-Âge byzantin, d'une catégorie particulière de personnes, laquelle remonte au temps des grandes conquêtes sous Alexandre le Grand et ses lieutenants ». Quelques textes — il s'agit surtout de textes juridiques et militaires — montrent l'existence presque millénaire de cette organisation dans l'armée byzantine. Ces personnes jouissaient aussi de quelques prérogatives d'ordre juridique. A l'époque byzantine,

elles avaient droit au moins à une partie du butin. La suggestion de M. Collinet, d'après laquelle le mot τοῦλδον serait d'origine germanique (tuld, tilt, dult-Jahresmarkt) est intéressante. Il faudra pourtant, avant de l'accepter sans réserves, attendre l'avis des philologues.

Les quelques remarques de M. EBERSOLT sur « *Les fonctions du Vestiarium byzantin* » (pp. 81—89) seront d'une grande utilité pour celui qui veut connaître le cérémonial byzantin. La chose est d'ailleurs très compliquée, car les fonctions auliques à Byzance subissaient sans cesse de très profondes transformations, et les recherches dans ce domaine sont particulièrement difficiles.

La contribution de M. GRANIĆ intéressera non seulement les byzantinistes, mais aussi les spécialistes du droit canon « *L'acte de fondation d'un monastère dans les provinces grecques du Bas-Empire au Xe et au VIe siècles* » (pp. 100—105). Nous manquons, malheureusement, de renseignements précis sur les conditions imposées pour la fondation des monastères. Les indications des Nouvelles de Justinien et de certaines Vies de Saints nous permettent pourtant de nous faire une idée assez exacte des formalités exigées par le gouvernement comme par l'Église de la part de ceux qui voulaient fonder un couvent.

L'étude de M. M. MITARD sur « *Le pouvoir impérial au temps de Léon VI le Sage* » (pp. 217—223), laisse entrevoir combien il serait utile d'entreprendre une étude d'ensemble sur l'évolution des principes relatifs au pouvoir impérial à Byzance. Les documents d'ordre juridique de règne de Léon VI montrent de façon très claire les résultats de cette évolution. Le Basileus n'est plus « l'héritier des Césars romains, ni des chefs des vieilles monarchies orientales, mais bien plutôt le vicaire de Dieu et son délégué responsable du gouvernement des hommes ». Il serait

souhaitable que M. Mitard, ne s'arrêtant pas là, nous montre dans une étude plus étendue les différentes phases d'une évolution aussi intéressante et aussi importante.

Mlle GERMAINE ROUILLARD a eu l'heureuse idée d'utiliser les actes de Patmos et de Laura pour en tirer des renseignements d'ordre économique et financier dans l'empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges « *Les taxes maritimes et commerciales d'après des actes de Patmos et de Lavra* » (pp. 277—289). Elle nous apporte ainsi des détails peu connus sur le jaugeage des bateaux, les fonctionnaires chargés de le calculer, les taxes qui frappaient les marchandises (angareia, naulon, antinaulon, commercium, décaté, pratikion etc.), et les percepteurs de ces taxes. Nous entrevoyons également la faiblesse du pouvoir central en face de l'avidité de ses agents qui, souvent, malgré les injonctions répétées de la chancellerie impériale, limitaient le leur propre initiative, les exemptions accordés aux couvents. On comprend enfin, si l'on tient compte de cette mentalité des fonctionnaires, la haine avec laquelle on devait poursuivre les commerçants latins qui profitaient trop de la faveur impériale et s'assuraient toutes les exemptions possibles.

Pour en avoir fini avec le premier volume des Mélanges, il ne nous reste plus qu'à signaler deux contributions qui ne rentrent dans aucune des catégories d'études dont nous avons parlé jusqu'ici. La première est de M. E. JANSELME qui nous donne la traduction d'un aide-mémoire de thérapeutique « *Sur un aide-mémoire de thérapeutique byzantin contenu dans un manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris — Suppl. Grec 764* » (pp. 148—170). Ce petit document prouve une fois de plus que les Byzantins n'avaient pas fait des grands progrès médicaux par rapport aux anciens grecs et se contentaient en général de copier les ouvrages techniques de l'anti-

quité. Il semble pourtant qu'on trouve dans cet aide-mémoire quelques observations un peu plus originales, ce qui peut autoriser l'auteur à supposer qu'il s'agit d'un ouvrage rédigé en commun par les médecins byzantins attachés à un hôpital pour consigner la liste des médicaments courants dont ils avaient reconnu l'efficacité. L'hypothèse est fort plausible à condition qu'on ne trouve pas un jour, dans quelque manuscrit encore inconnus actuellement, le double du document en question, qui perdrait ainsi son léger voile d'originalité.

Le dernier article celui de M. LEFÈVRES DES NOETTES qui s'est fait une spécialité de l'étude historique de la force motrice animale et qui envisage ici « *Le système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance et les conséquences de son emploi* » (pp. 183—190), apporte, malgré l'apparente banalité du sujet une très intéressante suggestion. Il résulte de cette étude que les Byzantins n'ont connu que l'ancien mode d'attelage, c'est-à-dire la traction par la gorge et le dispositif frontal. Cet attelage, on le conçoit facilement, n'était pas capable d'un rendement sérieux, car aussitôt que l'effort de traction s'accroissait, la pression du collier menaçait d'étrangler le cheval. Le joug de cornes ou de garrot, organe essentiel de traction du boeuf, permettait de mieux exploiter la force de l'animal. Pourtant, d'absence de ferrure rendait cet avantage problématique. Aussi, suivant le témoignage de Xénophon et du Code théodosien, le poids total susceptible d'être traîné par un attelage de boeufs resta pendant toute cette longue période inférieur à 500 Kgs. Les Byzantins n'ont pas profité de l'innovation que l'époque des premiers Capétiens a apportée dans le système d'attelage et qui a, petit à petit, transformé l'industrie des transports en Occident. L'auteur tire de ce simple fait une déduction qui mérite

une attention toute particulière. La pénurie de force motrice animale obligeait d'avoir toujours recours à la force motrice humaine. L'institution de l'esclavage antique est « un corollaire fatal de la faiblesse de la force motrice animale. Byzance, dont la loi prolonge la loi romaine, plia jusqu'au bout l'esclave à son rôle de bétail humain. » Ce fait n'est certainement pas le seul qui ait donné naissance à l'esclavage mais on devrait en tenir compte davantage dans l'étude de l'évolution générale de l'esclavage.

II.

Le second volume des *Mélanges Diehl* contenant les travaux relatifs à l'art byzantin ainsi qu'à son influence sur l'art des pays « successeurs » et sur l'art occidental, nous nous arrêterons surtout sur les études consacrées à l'art byzantin dans les pays slaves. Signalons tout d'abord deux études qui traitent des éléments sassanides dans l'art bulgare : A. PROTIC, « *Les origines sassanides et byzantines de l'art bulgare* » (pp. 137—159) et B. FILOV, « *Chapiteaux de marbre avec décorations de feuilles de vigne en Bulgarie* » (pp. 11—18). M. PROTIC défend une thèse qui pourra paraître un peu hardie à celui qui n'est pas bien au courant des dernières découvertes relatives à l'histoire de l'art bulgare. Les Bulgares, dit-il, avaient, avant leur conversion au christianisme, leurs propres traditions artistiques, très différentes de celles des Byzantins et fortement imprégnées des idées de l'art sassanide; et comme preuve de cette affirmation il cite le fameux relief rupestre de Madara, les objets du trésor de Nagy-Szent-Miklos, les constructions grandioses de Pliska (palais et basilique), les fragments de céramique de l'église de Patleina. Ces monuments montrent que les Protobulgares avaient le goût des grands espaces, des proportions lourdes, de la disposition rigide des colonnes et la décoartion révèle nette-

ment les influences sassanides. Le contact avec Byzance, après la conversion des Bulgares au christianisme, transforma peu à peu cet art primitif. Les monuments du XIe s. — les peintures de l'église-ossuaire de Bačkovô notamment — montrent bien cette transformation. M. Protić pense précisément que c'est surtout parce que les Bulgares se sont laissés complètement pénétrer par les idées byzantines religieuses et artistiques, parce qu'ils ont délaissé leur style réaliste pour lui substituer les lignes classiques, qu'ils ont pu, au XIIIe siècle, créer leur peinture nationale. Cette forme d'art a atteint son apogée dans l'église de Boiana, dont les peintures excitent avec raison l'admiration de tous ceux qui la visitent. L'école bulgare, continuant à exister au XIVe siècle, n'a pas été sans exercer une certaine influence sur l'art des peuples, qui se sont convertis au christianisme plus tard que les Bulgares, c'est-à-dire, les Russes, les Serbes et les Roumains. Il a même influencé, dans une certaine mesure, à cette époque l'art de Constantinople.

Telles sont les principales idées de M. Protić. Ses déductions susciteront certainement quelques répliques, car les problèmes qu'il pose ne sont pas aussi simples et aussi clairs qu'il le semblerait. Une chose paraît sûre, c'est que les Protobulgares n'étaient pas comme on le croyait autrefois un peuple dépourvu de toute culture. Le monument de Madara et le trésor de Nagy-Scent-Miklos, dont l'origine bulgare semble enfin établie, en témoignent d'une façon éclatante. Il est également indiscutable que leur art présente des ressemblances avec certains monuments sassanides. Mais il ne faut pas aller trop loin. M. Protić me semble trop souligner cette influence sassanide sur l'art protobulgare. Il voit jusque dans les croyances religieuses des Protobulgares des influences perses. La chose est-elle si solidement établie? Laissons la réponse définitive aux spécia-

listes. Elle ne sera sans doute pas tellement facile à trouver. M. FILOV apporte, de son côté, une nouvelle preuve de cette influence de l'art sassanide en Bulgarie. En étudiant quelques chapiteaux de marbre dont les motifs décoratifs sont fournis par la feuille de vigne, et qui peuvent tous être identifiés comme ayant appartenu à l'église de Preslav de l'époque de tzar Syméon, l'auteur indique la filiation par rapport aux monuments sassanides. La chose est plausible. En tout cas, ces études montrent au moins que l'histoire de l'art bulgare est un sujet très passionnant qui réserve probablement encore quelques surprises aux spécialistes de l'art byzantin et oriental.

M. OKUNEV de Prague étudie les « *Fragments de peintures de l'église Sainte-Sophie d'Ochrida* » (pp. 117—131). Son étude a surtout une valeur documentaire pour ceux qui s'occupent de l'histoire de l'art byzantin au XIe siècle. L'église paraît avoir été construite par l'évêque grec Léon, vers la fin de la première moitié de ce siècle. À en croire l'auteur, spécialiste de l'art byzantin dans les pays des Slaves du Sud, l'église dans son ensemble date de cette époque et ceux qui, comme l'architecte Schmidt-Annaberg, prétendent qu'elle aurait subi d'importantes transformations à diverses époques seraient dans l'erreur. Les peintures présentent d'ailleurs une ressemblance assez marquée avec d'autres monuments de la même époque.

Deux articles sont consacrés à l'histoire de l'art serbe, M. V. R. PETKOVIC a découvert à Peć, dans l'église de Saint Démétrius, le nom du peintre serbe qui a exécuté les peintures de la calotte de l'abside. C'est le moine Jean qui y vivait au XIVe siècle. Il est curieux que le peintre ait signé son nom en grec, quoique les autres inscriptions soient en serbe, mais cela ne signifie pas qu'il s'agisse d'un peintre grec; on peut seulement en déduire que les moines de Peć avaient le grec en particulière

estime, et d'autres observations du même genre, viennent, du reste, à l'appui de cette déduction. (« *Un peintre serbe du XIVe siècle* », pp. 133—136.)

M. M. VASIĆ essaie de résoudre un problème longtemps débattu: « *La date de fondation de l'église Saint Georges à Mlado-Nagoričino* » (pp. 231—240). Ses conclusions diffèrent des solutions proposées jusqu'alors. Il pense que l'église en question fut fondée au commencement du XVe siècle et il complète et corrige sur plusieurs points les observations de M. Okunév qui s'en était également occupé. Une de ces corrections est particulièrement satisfaisante, à savoir que l'église n'a subi l'influence d'aucun art étranger, arménien, géorgien ou autre. Les quelques éléments orientaux qu'on rencontre dans la décoration de l'église sont de provenance sassanide et ont pénétré par la côte de l'Adriatique jusque dans l'intérieur de la Serbie.

*

Quatre études sont consacrées à l'art roumain. Elles ont surtout pour objet la période du fameux héros Étienne le Grand, prince de Moldavie. M. P. HENRY de Bucarest a retracé en quelques lignes les combats héroïques contre les Turcs et l'histoire mouvementée de ce prince dont les victoires sont perpétuées par des fondations pieuses. (On compte jusqu'à une trentaine d'édifices religieux construits sous son règne.) Il est extraordinaire que ce vaillant prince roumain, contemporain de Mathias Corvin, Mahomet II, Ivan le Terrible et des Borgias n'ait pas encore trouvé un historien pour mettre en valeur son oeuvre politique, militaire et artistique. (« *Le règne et les constructions d'Étienne le Grand, prince de Moldavie — 1457—1504* », pp. 43—58.)

Le règne d'Étienne a donné une forte impulsion au développement de l'art mol-

dave qui a créé de beaux monuments architecturaux et picturaux. M. I. D. ȘTEFĂNESCU s'occupe précisément de la peinture moldave et, dans son article intitulé « *Les peintures du monastère de Dobrovăț* » (pp. 181—196), prétend avoir enfin trouvé dans les monuments conservés dans ce couvent la clef des problèmes concernant l'origine de cet art. Cet art serait donc greffé sur l'art byzantin du XIVe siècle, mais aurait subi aussi une forte influence de l'art serbe et macédonien de la même époque. La petite église moldave de Pătrăuți, consacré à Sainte Croix, et fondée par Étienne le Grand renferme une peinture qui représente un groupe de saints à cheval, conduits par l'archange Michel, l'empereur Constantin et tous les Saints militaires, l'archange montrant à l'empereur le « labarum ».

M. GRABAR de Strasbourg (« *Les croisades de l'Europe orientale dans l'art* », 19—27), voit dans cette scène une représentation symbolique des croisades contre les Turcs. On trouve une représentation analogue sur une icône conservée à la galerie Tretjakov de Moscou, où l'on voit Ivan le Terrible, contemporain d'Étienne le Grand, quittant à la tête de son armée la ville de Kazan, qu'il vient de reconquérir sur les Tatars et qui brûle; conduit par une armée céleste, il se dirige vers la Nouvelle Jérusalem où règne la Vierge portant l'Enfant. Il est curieux de voir que les Roumains comme les Russes regardaient leurs combats avec les infidèles comme une continuation de la croisade.

M. O. TAFRALI, enfin, donne une description du « *Monastère de Sucevița et son trésor* » (pp. 207—229). Cette étude a une valeur documentaire pour l'évolution de l'art moldave, surtout au XVIe siècle, mais nous aurions aimé y trouver une description plus détaillée des manuscrits slaves qui s'y trouvent et dont M. Tafrali ne parle que de façon sommaire.

M. J. PUIG I. CADAFALCH étudie « *Les périodes successives de l'influence byzantine en Occident* » (pp. 161—169), surtout sur le premier art roman, sur l'architecture Mudejar en Espagne et sur les églises de Moldavie. Après avoir expliqué quelques ressemblances entre ces différents arts par des raisons d'origine, par des causes géographiques et historiques, il ajoute: « Toutefois certaines formes, certains modes d'évolution apparaissent identiques, à des époques différentes, dans des pays éloignés et sans relations les uns avec les autres. On ne peut expliquer ces faits que par des lois fondamentales, indépendantes de l'espace et du temps, commandant aux évolutions architectoniques et semblables aux lois, qui constituent la grammaire générale des langues. » Paroles que devraient bien méditer ceux qui, s'appuyant sur de faibles indices et de menues ressemblances, entendent tirer des conclusions d'ensemble sur une prétendue filiation d'arts ou de cultures caractérisant des peuples que l'histoire a toujours vus séparés.

M. N. JORGA (« *Rapports italo-orientaux dans l'art du Moyen Age* », pp. 58—69) fait allusion à un autre inconvénient qui complique parfois les recherches dans le domaine de l'histoire de l'art des pays où l'influence de l'art byzantin a pénétré. On juge souvent les monuments d'un point de vue trop subjectif, même politique. « Il arrive, pour la Macédoine par exemple, qu'un même monument passe, selon la nationalité de l'auteur qui l'étudie, d'un domaine politique dans un autre... Cependant les oeuvres d'art ne se préoccupent pas des annexions et des désannexions; elles ne viennent pas par la conquête, elles ne s'en vont pas avec la défaite. » C'est une observation qui n'est malheureusement que trop justifiée. Il attire ensuite l'attention sur le rôle que les colonies occidentales, notamment italiennes sur le territoire de

l'empire byzantin ont pu jouer dans la compénétration de l'art byzantin et italien. « Ce n'est donc pas l'Italie qui a créé, dans le monde oriental, un nouveau mouvement d'art, et ce n'est pas Byzance qui a régénéré l'art occidental. Mais ceux auxquels on doit cette synthèse qui appartient en même temps à l'Italie et à l'Orient, c'étaient ces bourgeois des colonies de Crimée, de Péra, des îles de l'Archipel, des villes de la Grèce continentale qui ont été latines sous plusieurs formes et pendant des siècles... Ce sont eux qui ont créé une synthèse de l'art dans lequel il n'y a rien de byzantin, qui ne soit en même temps occidental et où il n'y a rien d'occidental qui ne soit en même temps influencé par Byzance. »

M. FR. MACLER compare l'important document d'art syriaque, qu'est le tétra-évangile de Raboula, conservé à la Bibliothèque Laurentine de Florence, avec le manuscrit arménien, dit de la reine Mlqê, de Saint Lazzaro à Venise (« *Raboula — Mlqê* », pp. 81—97). M. J. STRZY-GOWSKI voit une nouvelle confirmation de sa thèse à savoir que « le Proche-Orient et l'Europe septentrionale, en fait, Nord et Iran, forment un seul tout », dans une trouvaille faite pendant la guerre, à Diarbekir, par un officier autrichien. Il s'agit des quelques chapiteaux, restes d'une église chrétienne primitive, trouvés près de l'église arménienne de Diarbekir et dont la décoration est, paraît-il irano-nordique. Nous ne voulons nullement nous aventurer dans la sphère des théories de cet illustre savant, théories aussi brillantes qu'audacieuses et si souvent contredites. (« *Les vestiges d'art chrétien primitif près de l'église arménienne de Diarbékir et leur décoration irano-nordique* », pp. 197—205).

*

Pour terminer, passons en revue les

études concernant quelques problèmes d'art byzantin proprement dit. C'est d'abord le petit travail de M. BRÉHIER sur « *La rénovation artistique sous les Paléologues et le mouvement des idées* » (pp. 1—10). Il y montre d'une façon magistrale les causes ainsi que les traits essentiels de cette rénovation artistique. Ces quelques pages doivent être lues par tous ceux qui veulent avoir des idées claires et précises sur cette période si importante pour l'évolution artistique de Byzance et des pays slaves. L'auteur y a surtout mis en relief les deux mouvements d'idées qui dominent l'histoire de Byzance et qui se manifestent surtout à l'époque des Paléologues : l'esprit classique et le mysticisme. La rénovation de l'art est le fruit de la Renaissance intellectuelle. Même la victoire des mystiques sur l'esprit « profane » ne pouvait plus compromettre les richesses de technique acquises par la génération précédente.

L'article de M. IGOR GRABAR de Cologne traite un sujet iconographique (« *Sur les origines et l'évolution du type iconographique de la Vierge Éléousa* », pp. 29—42). Il veut prouver que ce type, surtout répandu en Russie et dont la Vierge de Vladimir est le meilleur échantillon, est d'origine byzantine et de date assez reculée. Au même ordre d'études correspond l'article du Père DE JERPHANION sur « *Le Thorakion, caractéristique iconographique du XIe siècle* » (pp. 71—79). Le thorakion fait partie, dès le Xeme siècle, du costume impérial, mais il n'est porté que dans de rares occasions. Plus tard cette pièce a fait partie du costume ordinaire et surtout du costume féminin. C'est pour cela que les iconographes du XIe siècle le font porter volontiers aux Saintes qui sont représentées en costume impérial. Ce thorakion a, bien entendu, subi avec le temps quelques changements commandés par la mode. Mais la plupart du temps ce n'est pas un objet en forme de bouclier ou

d'écusson, comme semble le supposer M. Ebersolt, mais « un pan de vêtement ou l'extrémité d'une manière d'écharpe ramenée d'arrière en avant et accrochée à la ceinture ».

Un autre sujet a éveillé la curiosité de M. MILLET. C'est « *La vision de Pierre d'Alexandrie* », qu'il étudie avec la profondeur qui lui est habituelle (pp. 99—115). Cette fameuse vision de Jésus montrant à Pierre la tunique déchirée par l'hérésie d'Arius, est, en effet, très curieuse à étudier. Elle renferme des problèmes iconographiques et hagiographiques; la scène en question ayant été décrite de façons variées mais parallèles dans l'art et dans la littérature. M. Millet accompagne son étude d'un aperçu de ces nombreuses variantes parmi lesquelles il faut en souligner une, surtout contenue dans le Msc. Vaticanus 622 et reproduite en entier par l'auteur.

On sera enfin reconnaissant à M. G. A. SOTIRIOU d'avoir réuni dans son étude sur « *La sculpture sur bois dans l'art byzantin* » (pp. 171—180), les rares documents qui prouvent que cet art n'était pas tout à fait délaissé à Byzance. On trouve également dans ce petit catalogue des objets qui n'ont jamais été étudiés, comme l'iconostase de Mali-Grad en Macédoine (XIVe siècle) ou la porte d'une iconostase trouvée récemment à Janina (St. Georges de Gallista, XIIIe siècle).

Somme toute, les Mélanges Diehl forment un très bel ensemble. Dans le classement des articles les éditeurs ont préféré l'ordre alphabétique habituel, par noms d'auteurs, peut-être auraient-ils pu abandonner ce système trop conventionnel et lui en substituer un beaucoup plus rationnel : celui que nous avons adopté pour le présent exposé, classement par catégories d'études. L'ensemble, très louable dans le fond, y aurait gagné dans la forme.

SBORNÍK PRACÍ VĚNOVANÝCH A. HEISENBERGOVI.

Oslavě šedesátých narozenin mnichovského byzantologa A. HEISENBERGA, jež připadly na den 13. listopadu 1929, věnovala *Byzantinische Zeitschrift* pod redakcí Fr. Dölgera celý svůj třicátý ročník (XI + 681 str. + jubil. fotografie + XVI obrazových příloh). Výjimečně velký počet příspěvků, jež sborník obsahuje — příspěvků je 112, z nich 18 ze slovanských zemí, i ze sovětského Ruska, a 7 z Francie — učinil z tohoto silného a krásného svazku nejen vřelou oslavu toho, jemuž byl věnován, nýbrž i skutečnou, byť ovšem poněkud neúplnou přehlídku řad byzantologů. Příspěvky, rozsahem nutně omezené, týkají se následkem početné účasti tolika různých oborů byzantologie, že bylo nutno je rozdělit do 24 skupin. Tímto rozdílem byla získána jasná přehlednost sborníku, jemuž by byla jinak hrozila konfusnost. Jsou to tyto skupiny: I. Umělá literatura světská. II. Lidová literatura světská. III. Papyri. IV. Paleografie. V. Listiny. VI. Národopis a pověsti. VII. Dějiny vědy (Gelehrten-geschichte). VIII. Jazyk a jmenosloví. IX. Učené bohoslovné písemnictví. X. Apokryfy. XI. Hagiografie. XII. Dogmatika a liturgika. XIII. Politické dějiny. XIV. Vnitřní, správní a hospodářské dějiny. XV. Církevní dějiny. XVI. Zeměpis a místopis. XVII. Dějiny umění. Věci obecné. XVIII. Stavitelství. XIX. Plastika. XX. Malířství a mosaiky. XXI. Mince a pečeti. XXII. Náписы. XXIII. Světské a církevní právo. XXIV. Přírodní vědy.

Studií byzantsko-slovanských blíže se týká 7 příspěvků. V pořadí, v němž články tyto jsou řazeny ve sborníku, je to především zajímavá studie ljubljanského specialisty v otázkách cyrilo-metodějských FR. GRIVCE: *Orientalische und römische Einflüsse in den Scholien der Slavenapostel Kyrillos und Methodios* (str. 287—294). Grivec se tu vrací k otázce, o níž pojednal

již dvakrát: jednak ve své knize *Doctrina Byzantina de primatu et unitate ecclesiae* (Ljubljana 1921; vyšlo také česky ve sbírce velehradské akademie), jednak ve svém spise *Cerkev* (Ljubljana 1924). Jde o toto: r. 1897 vydal známý ruský právní historik A. PAVLOV řecký a slovanský text kapitoly, jež bývala v Cařihradě již od VIII. st. připojována ke sbírkám kánonů a jež jednala o kompetenci cařihradského patriarchátu (А. ПАВЛОВЪ: Анонимная греческая статья о преимуществахъ Константинопольскаго патриаршскаго престола и древнеславянскій переводъ ея съ двумя важными дополнениями. (Виз. Врем. IV [1897], str. 143 až 159.)¹

Tato kapitola obsahovala 28. článek chalcedonského koncilu z r. 451, stanovící, že cařihradské biskupství má být první na východě jako biskupství římské je první na západě; šlo v podstatě vlastně o potvrzení usu existujícího *via facti*, podle něhož cařihradské biskupství vykonávalo již tehdy více méně oprávněnou jurisdikci nad třemi východními exarcháty (hlavně při ordinování metropolitů). Kdežto v tomto článku chalcedonského koncilu nebylo tedy žádáno nic víc, než aby Cařihrad, »nový Řím«, v důsledku své povahy města císařského a senátního byl druhým po Římě, scholie, jež ve zmíněné byzantské kapitole po tomto článku následovala, zašla mnohem dále: podle ní cařihradský patriarcha není jen nejvyšší hlavou východní části církve a první po Římu, nýbrž první v celé církvi vůbec.

Význam uvedené stati PAVLOVY je však zejména ve dvou dalších, a sice slovanských scholiích, jež spolu se slovanským textem zmíněné již kapitoly objevil Pavlov ve dvou rukopisech v příloze ke Kormčí knize ve 14 titulech. Tyto slovanské scholie kategoricky odmítají thési před nimi předcházející byzantské kapitoly a vy-

¹ Srv.: Le 28e canon de Chalcedoine, Bessarione I., str. 875—885 a Rome et le 28e canon de Chalcedoine, Bessarione II., str. 215—224. Oba tyto články jsou nepodepsány.

slovují se pro primát Říma. Zatím co se však podařilo Pavlovi najít, jak již řečeno, byzantský originál byzantské kapitoly, řecký ekvivalent těchto obou dalších scholií slovanských znám dosud není. Odtud názor, že obě scholie jsou slovanský originál, a otázka, kdo ze slovanské sféry byl jich autorem. V té věci Pavlov soudil, že autorem slovanských scholií byl Method; M. JUGIE se vyslovil ve stejném smyslu, dodávaje, že scholie koncipoval Method asi, podle údajů legendy, r. 884 při překladu nomokanonu.

GRIVEC, jenž slovanské scholie považoval a považuje za překlad z řečtiny, byl ve svých dřívějších pracích názoru, že scholie jsou dílem řeckých mnichů z VIII. st., v každém případě pak z doby před Cyrilem a Methodem, ale že slovanská forma nám známá je dílem Methodovým. V článku Heisenbergova sborníku, kde dřívější své výklady znovu shrnuje a částečně podstatně mění a doplňuje, dochází však k názoru, že *autorem slovanských scholií je Cyril*, jenž je koncipoval řecky za svého římského pobytu (z důvodu srozumitelnosti papežské kurii), slovanská forma pak že je překladatelským dílem Methodovým. Soudí tak z ohledu právě na pobyt obou bratří v Římě v letech 867 či 868 a 869. Protože totiž r. 867 došlo k Fotiovu útoku na římský primát a otázka poměru Říma a Byzantia byla v době římského pobytu obou bratří silně aktuální, soudí Grivec, že vzhledem ke zvláštnímu poměru díla obou bratří k západu a východu byla pro ně tato otázka tak naléhavá, že mohli ji rozřešit formulací, obsaženou v obou slovanských scholiích. Jen *mohli*, protože přesných a výslovných údajů o tom není. Odtud pochyblivost půdy, na níž stojí všechny úvahy, autorství scholií se týkající. I při výkladu Grivcovu jde jen o hypotézu, jejíž možnost se autor snaží podepřít těmito úvahami:

1. Cyril, jako vůdce slovanské misie a v důsledku celého svého poměru k By-

zantiu, musil se za svého římského pobytu v době sporů s Fotiem vyrovnati s byzantskou kapitolou o kompetenci cařihradského biskupství; musil se s ní vyrovnati, aby prokázal Římu svou pravověrnost, na př. když šlo o ordinaci žáků obou bratří (poč. r. 868).

2. Pro autorství Cyrilovo a nikoliv Methodovo svědčí speciální obsah scholií, Methodovi vzdálený, citování pramenů i styl scholií.

3. Konečně scholie jsou prodchnuty týměž duchem jako obě legendy a jeví stejné stanovisko, spojující západ a východ, totéž byzantské vlastenectví a touž bohosloveckou samostatnost.

Tato Grivcova hypotéza je tedy obtížná konstrukce jako každá konstrukce, jež hledá autora daného textu analysou vnitřní. Blíže tuto vnitřní analysu Grivec na př. po stránce stylistické, jež má v jeho úvaze svou váhu, v této stati ani neprovádí. A tak problém zůstává nejasný.

Vlivu Byzantia na středověký vývoj Bulharska je věnována stať:

P. MUTAFČIEV: *Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien*. (Str. 387—394.)

Středověké dějiny Bulharska vyznačují se překvapujícím střídáním rozkvětu a úpadku, síly a bezmocnosti. Tato nestálost a, podle Hilferdinga, chorobnost a nepřírozenost bulharského vývoje byla, po autorově soudu, způsobena vlivem byzantským, který v Bulharsku působil tedy rozkladně. Bulharsko bylo silné tehdy, když v něm bylo silné národnostní vědomí, a s počátku tehdy, když proti byzantskému křesťanství bylo zachovááno domácí pohanství. Jakmile však s vnikajícím vlivem byzantským došlo k určitému odnárodnění, poklesla i odolnost Bulharska a krátce nato docházelo k pádu. Byzantská kultura, vězící svými kořeny v klasickém starověku, musila býti nepochopitelná a nedosažitelná pro národ, který teprve přijetím křesťanství se dostal do stadia civilisace. Stejně musila

zůstati Bulharům cizí i celá byzantská theologická učenost, kterou se snažil SYMEON zanést do Bulharska. Nemohla oplodniti lidového ducha ke skutečné tvořivosti, nemohla odpověděti ani na prosté otázky, které hýbaly myslí lidu, odtrženého od víry svých předků. Na ty se Bulharsku dostalo odpovědi odjinud. Za těch okolností starému a ještě nevyhaslému náboženskému cítění Prabulharů a Slovanů v Bulharsku byly prosté a snadno pochopitelné nauky východních sekt bližší než oficiální theologie byzantská; odtud vznik *bogomilismus*. Lidové vrstvy cítily byzantský svět tedy jako svět cizí, nepřátelský a rozkladný; v důsledku toho, jak se vedoucí činitelé, duchové lidu odcizení, klonili k tomuto světu, tak ztráceli důvěru lidu. Takto rostoucí vnitřní slabost připravovala pak porážky zvenčí. S tohoto stanoviska jeví se bogomilismus, v němž lidový odpor proti cizímu vlivu nacházel vždy svůj duchový výraz, nejen jako hnutí náboženské, nýbrž jako ideologie národního sebezachování. Tak si vysvětluje autor i nestejný osud říše Symeonovy a Petrovy na jedné straně a říše SAMUELOVY na straně druhé; ta totiž, praví, byla vytvořena zoufalým vzмахem proti byzantinismu, panujícímu v Bulharsku. Stejně příčiny vedly také k podobným důsledkům v literárním životě středověkého Bulharska. V době Symeonově je bulharská literatura vesměs literaturou překladovou a imitační a týž rys charakterisuje ještě silněji literární hnutí ve XIV. st. s EUTHYMIJEM v čele. Tato okolnost vysvětluje rychlost rozkvětu bulharské literatury, ale také její úplnou neplodnost: byla to přesazená rostlina, již scházela přirozená živná půda. Při tom přenášení a napodobování cizí literatury, dusilo současně každý náběh ke skutečnému tvoření. V celém středověku není literatury, jež by národnímu životu své země byla tak vzdálena jako literatura tehdejšího Bulharska. Tehdy byly v Bulharsku šířeny překlady mnohých byzantských kronik, ale žádnému

Bulharovi nenapadlo, aby zachytil události ze současného života svého vlastního lidu, stejně jako žádný z vládců křesťanského Bulharska nepocítil potřebu kodifikovati starodávné právo svých poddaných. Srbsko ani Rusko nejeví těchto zvláštností svého středověkého vývoje, třebaže se také vyvíjely ve znamení byzantské kultury. Byly totiž od Byzantia dále a také politická rivalita jejich s ním nebyla tak ostrá. U Srbska byl pravidelný jeho vývoj přerušen za ŠTĚPÁNA DUŠANA v polovici XIV. st. A právě proto počal také tam po jeho smrti rychlý rozklad, ačkoliv Srbsko Štěpána Dušana nebylo daleko do té míry proniknuto byzantinismem jako Bulharsko Symeonovo, Petrovo a Jana Assena II. — Z ostatních pěti příspěvků, týkajících se otázek byzantsko-slovanských, čtyři jsou z oboru dějin umění, pátý z numismatiky. Jsou to:

BODG. FILOV: *Der Ursprung der altbulgarischen Kunst*. (Str. 523—528.) V prvních dobách bulharských dějin setkaly se na půdě bulharské říše tři národnostní prvky: vedle turánských Bulharů a kmenů slovanských bylo to i domácí obyvatelstvo této části Balkánu; to bylo zvláště četné v městech, založených ještě za doby římské. Nejstarší bulharské umění vzniklo splynutím uměleckých tradic těchto tří složek. Můžeme v něm rozeznati zejména orientální prvky sasanovské, jež na Balkán ze svých původních sídel u Iranu přinesli turánští Bulhaři, a domácí uměleckou tradici helénsko-římskou. Nejstarší bulharské umělecké památky z této doby nejeví však stop vlivu byzantského: proti obvyklému názoru nebylo nejstarší bulharské umění provinciálním reflexem umění byzantského. Byzantský vliv pocítilo toto umění až později, jmenovitě po oficiálním zavedení křesťanství do Bulharska r. 865.

WOJŚLAW MOLÉ: *Ein Problem der byzantinischen Kunstgeschichte in Polen*. (Str. 529—530.)

Jde o zjištění původu řady velkých „ru-

sínských" nástěnných maleb v Polsku z doby Ladislava Jagelonského. Je to plod zřejmě importovaného dvorského umění, Jagelonci podporovaného a pěstovaného rovnoběžně vedle umění gotického. Podle původu Jagelonců bylo souzeno, že toto umění se dostalo do Polska z ruské Litvy nebo Bílé Rusi. Stylistické a ikonografické důvody mluví však proti této domněnce. Dnes je možno říci, že malíři těchto obrazů přišli do Polska z nějakého uměleckého střediska na Červené Rusi, snad ze Lvova, jež bralo své podněty z Balkánu. O takovém rusko-byzantském středisku nemáme však dosud jiných stop.

KRSKO MIJATEV: *Die Rundkirche von Preslav*. (Str. 561—567.)

Popis a rozbor nově vykopaného chrámu v Preslavi, jehož základní tvary svým barokním charakterem nesouvisí se známými středověkými stavitelskými památkami. Je z IX.—X. st. a obsahuje atrium, narthex a kruhový naos; bylo to asi baptisterium. Byly v něm nalezeny i dva nápisy, jeden cyrilský, pravící, že chrám stavil chartofylax Pavel, druhý, pak obsahující hláholici psané prabulharské jméno Tigib. Autor klade oba nápisy nejpozději do X. st.¹

M. ALPATOV: *Eine abendländische Komposition in altrussischer Umbildung*. (Str. 623—626.)

Je to ikona Boží matky z XV. st. z někdejší sbírky Rjabušinského, nyní v Historickém Museu v Moskvě. Ikona vznikla asi tak, že v době čilých styků Novgorodu s hansovními městy některý novgorodský mistr spatřil gotickou předlohu, podle níž si udělal náčrtek, aniž se odpoutal od tradiční ikonové techniky.

N. A. MOUCHMOV: *Particularités des monnaies bulgares*. (Str. 626—633.)

Týká se mincí od Asena II. do Ivana Šišmana. —

Budiž zaznamenána i onomastická staf pro studie byzantsko-slovanské poněkud odlehklá, svým předmětem však nikoliv bez zajímavosti:

G. MORAVCSIK: *Die archaisierenden Namen der Ungarn in Byzanz* (str. 247 až 253). Autor uvádí řadu jmen, jimiž byli v Byzantsku označováni Maďaři. Celé toto množství názvů pro jeden národ si vysvětluje potřebami panegyrické literatury, jež za Komennů císařskou slávu a císařská vítězství zvětšovala někdy uměle rozšířeným výčtem jmen národů. Jsou to 1. *jména, označující jen Maďary*: Σάβαροι ἄσφαλοι, μαρεῖς, Ματζαρίδες, Οὐγγροι, od XIV. st. i Οὐγγαροι; 2. *jména, označující mimo Maďary také jiné národy, náležící do skupiny hunsko-bulharsko-turecké*: Οὐννοι, Τοῦρκοι; 3. *jméno Παίονες*, jímž Byzantští označovali i jiné středověké národy a také Slované (srv. NIEDERLE. Slov. st. II, 2, 345 a 449). Pro poměr mezi tvarem Παίονες a tvarem Παννόνιοι je zajímavý tento citát: Παννονίας, ἦν Ἑλληνες Παιονίαν δι' εὐφωνίαν καὶ φυγὴν βαρβαρισμοῦ καινοτομοῦντες ἐκάλεσαν (Joannes Lydos, ed. Wuensch, str. 120). 4. *Jména vyskytující se sporadicky*: Σανρομάται, Δάκες, Γήπαιδες, Μυσοί, Γέται, Σκύθαι.

MORAVCSIK, jenž často pracuje s citáty z druhé ruky a někdy textů, z nichž citáty jeho jsou vzaty, blíže neurčuje (tak je tomu při tvaru μαρεῖς a při 2. slovanském citátu na str. 248, kde mluví jen o jakémisi slovanském překladu z řečtiny z XII. st. a odkazuje, jako u slova μαρεῖς, prostě na THALLÓCZYHO), by byl jistě učinil dobře, kdyby byl vzal v úvahu to, co o jménech, jež uvádí, napsal již na počátku tohoto století L. NIEDERLE, jehož vůbec necituje.

Na konec budiž dovoleno říci, že je škoda, že vedle jubilantovy fotografie nemá celý sborník o A. Heisenbergovi ani slova, ba že nepřináší ani dnes již tak obvyklého a užitečného soupisu jeho prací. Jinak však bohatostí, rozmanitostí a hod-

¹ Srv. k tomu kritické poznámky M. Weingarta, Byzantinoslavica II, 166—168, o Mijatevovu článku o stejném předmětu v bulharském časopise *Bulgarski pregled* (T).

notou řady svých příspěvků je tento svazek z nejcennějších v celé řadě ročníků *Byzantinische Zeitschrift*.
Jan Frček.

DR. FRANTIŠEK HÝBL, *DĚJINY NÁRODA BULHARSKÉHO, díl I. a II., v Praze 1930, stran 302 + 225.*

Záhy po převratu r. 1918 dal jsem podnět k tomu, aby se českému čtenářstvu dostalo řady přiměřených, vědeckých, ale širšímu kruhu vzdělanců přístupných spisů o dějinách jednotlivých států a národů slovanských. Nakladatel J. Laichter ochotně přistoupil na můj návrh a vydal r. 1920 svým nákladem ve sbírce „Dějiny národů“ český překlad spisu ST. STANOJEVIČOVA, *Dějiny národu srbského*. Bylo zamýšleno vydati překlady vhodných spisů cizích a po případě i původní spisy české. Obrátil jsem se tehdy jakožto pořadatel zamýšlené řady na ř. prof. Dra Františka Hýbla se žádostí, aby napsal knihu o dějinách bulharských a setkal jsem se s velikou ochotou. Spis byl, tuším, asi ve třech letech hotov, avšak nakladatel neměl už veliké chuti jej vydati, poněvadž mu vydání knihy Stanojevičovy přineslo veliké zklamání, valná většina nákladu zůstala mu ležeti neprodána. Nevzdávali jsme se sice naděje na pokračování, ale leta mýjela a vyhlídky na odbyt, zvláště knihy Hýblovy, jednající o dějinách těžce provinilého národa bulharského, se nezlepšovaly. Tragická smrt Hýblova pomohla teprve jeho cenné práci na světlo veřejnosti. Historickému Klubu dlužno přičísti k dobrému, že spis Hýblův vydal svým nákladem.

HÝBLOVY „Dějiny národa bulharského“ jsou přímo takřka vzorem spisů, jaké jsem měl na mysli, když jsem dával podnět k vydávání podobných. Jest to spis povahy příručkové, který podává především výtěžky dosavadního badání, ale ne způsobem nevolnickým, nýbrž v docela samostatné koncepci, zaujímaje kritické hledisko k odborné literatuře a uplatňuje namnoze i své vlastní badání. Je psán

způsobem přístupným každému vzdělanci se středoškolskou maturitou, není přeplněn daty, přestává na relativně bezpečných skutečnostech bez zbytečných polemik proti názorům s hlediska spisovatelova nesprávným, redukuje události čistě politické na míru nejmenší, aby tím více si všiml vývoje kulturního, osvětového, sociálního a hospodářského. K oživení četby proplétá své referující líčení úvahami historicko-filosofickými, které stojí na vysoké úrovni historické nestrannosti a ovládání všeobecně historických linií vývoje.

Srovnáme-li práci Hýblovu se starou prací JIREČKOVOU z r. 1876 (*Dějiny národa bulharského*), shledáme veliký pokrok v každém ohledu, ač spis Jirečkův byl tak solidně napsán, že některé části jeho ani novějším badáním nebyly zviklány. Za války světové vydali po německu V. ZLATARSKI a N. STANEV velmi dobrou práci *Geschichte der Bulgaren* ve 2 svazcích, ale HÝBLOVA kniha vyniká nad ni svým důkladnějším zpracováním látky a zvláště pak svými pěknými staťmi kulturními, neboť spis Zlatarského a Stanevův vypravuje jen o vývoji politickém a kulturním se dotýká jen potud, pokud je toho potřebí k vysvětlení událostí politických. Cena francouzského spisu Bousquetova (*Histoire du peuple bulgare*) spočívá ve vyličení novověkých dějin bulharských.

Také to zvyšuje cenu práce Hýblovy, že na konci každé kapitoly podává výčet nejdůležitějších pramenů a zpracování a poučuje i tu a tam o významu jednotlivých děl. Tím se stává obzvláště cennou pro vědecké začátečníky, kteří by se chtěli studiem dějin bulharských obírat důkladněji. Literatura posledních několika let sice již tam uvedena není, ale výtěžky její nejsou tak dalekosáhlé, aby nepřihlížení k nim bylo na újmu solidní práci Hýblově. Nedávno vydal J. TRIFONOV kritiku spisu Hýblova¹ v *Izvestijach na istoričeskoto*

¹ Zdá se mi, že kritik by neměl býti tak nedbalý, zvláště jestliže jest znalý jazyka českého, aby jméno spisovatelovo ani správně neopsal (píše latinkou *Hýbl*!).

družstvo v Sofija, kniha X. (1930), str. 139—151, ve které mu vytkl řadu chyb a nedopatření, ale z nich jen malý zlomek má význam skutečných hříchů. Většina výtek se zakládá na rozdílech v řešení otázek sporných a v hlediscích. Ostatně kritik sám uznává, že spis Hýblův je cenný a pokládá odmítavé mínění Miletičovo o něm za přehálené.²

Pro poznání povahy knihy Hýblovy pokládám za užitečné podati dosti podrobný obsah její, uváděje místy doslovné znění jejího líčení a přičiňuje také tu a tam své poznámky.

Práce Hýblova se začíná stručným popisem sídel národa bulharského, k němuž se hned připíná úvaha o vlivu zeměpisných poměrů na průběh dějin bulharských. Jest zajímavě srovnati tuto stať se spisem Jirečkovým. Jireček podává velmi podrobný horopis a vodopis bez všeobecného povahopisu; u Hýbla však podrobnosti vyplývají z jeho povšechného názoru: „Nepravdivelné rozložení horských skupin na poloostrově a nedostatek splavných řek je příčinou velké krajinné roztržiténosti. Z četných rovin a kotlin nemá žádná toho rozsahu ani té polohy, aby byla přirozeným ústředím ostatních. Nejvyšší pohoří se zvedají právě v části jdoucí napříč poloostrovem a dělí jej na dvě proti sobě dosti uzavřené polovice, severní, nakloněnou k Dunaji a Sáve a jižní, otevřenou k moři Egejskému. Vhodných spojovacích cest je velmi málo; největší důležitost měly odedávna dvě dráhy vedoucí z údolí Moravy na jih a na jihovýchod . . . Oběma vedou nyní hlavní dvě železnici trati poloostrovní . . . Na východě jsou zvláště důležité přechody přes Balkán . . . Řeky poloostrovní nemají pro komunikaci valně významu; mají prudký tok a prodírají se místy těžce přístupnými roklinami . . . Pobřeží mořské nemá na

žádné straně dost vhodných přístavů . . . Proto netíhli také Bulhaři nikdy větší měrou k plavbě námořní. Podnebí poloostrovní je mnohem drsnější, než bychom čekali podle jeho zeměpisné šířky . . .“ (str. 9—9).

Východní část poloostrova Balkánského, která se stala vlastní Bulharů, poskytovala jim v celku výhodnější podmínky životní nežli část západní, neboť „nížina podunajská, povodí Marice a Tundže jakož i střední a jižní Makedonie jsou krajiny velmi úrodné, s nimiž se po té stránce nemůže měřiti žádné větší území na západě . . . Domovina Bulharů tedy přinášela obyvatelstvu předem dosti možnosti, aby prosperovalo hospodářsky, ale vývoji národa jako celku byla málo přízniva. Horská hradba balkánská odlučovala Bulhary severní od jižnějších soukmenovců a ještě více překáželo Rhodope a jiná horstva jejich spojení s větví makedonskou . . . Národ bulharský sváděl od prvních dob svého politického vývoje nesčetné boje, aby sloučil všechny své jižní kraje s územím severním . . ., ale všechny tyto zápasy mívaly účinky jen dočasné. Nebylo právě vhodného středíště, které by poutalo rozhozené ty větve národní přirozenými páskami k sobě. Kotlina sofijská, jež má polohu pro vůdčí úkol na poloostrově velmi příhodnou, jest příliš nepatrný kousek světa, aby byla mohla za nevyspělých hospodářských a komunikačních poměrů středověkých na se trvale strhnouti vedení věcí poloostrovních“ (str. 10—11). Lepší sice podmínky pro středíště rozsáhlé državy měla nížina mezi Transylvánskými Alpami a Balkánem, ale tato byla dlouho rejdištěm divokých kočovníků, proudících celá staletí ze stepí jihoruských na Balkánský poloostrov. „Pruh země mezi Dunajem a Balkánem byl příliš malou základnou pro říši, která chtěla odtud v sebe pojmuti i příbuzný lid v staré Thrakii a Makedonii. „Zeměpisná roztržiténost poloostrova byla příčinou, že žádný z tamních národů nedovedl vytvořiti

² Miletič není spokojen s tím, co v I. svazku Hýbl praví o makedonských Bulharech. Trifonov ukazuje, že to, co Hýbl o makedonské otázce a zejména o sporu mezi Srby a Bulhary o makedonské. Slovary pověděl ve svazku. II., se shoduje s názory Bulharů samých!

na trvalo velikou říši, ovládající všechny celek; sjednotiti poloostrov pod svým panstvím mohli toliko národové, jejichž síla se zakládala na mocné državě zahraniční, jako byli za starého věku Římané a v 15. století Turci. Nezpůsobilost poloostrova, aby se mohl stát samostatnou a uzavřenou jednotkou politickou, byla pro obyvatelstvo tam usedlé tím vážnější, že jeho položení uprostřed světa okolního jej vydávalo stále mu nebezpečí odjinud. Jeť poloostrov pro těsnou blízkost břehů maloasijských přirozenou cestou z Asie do Evropy a býval ode dávna cílem dobováčských pokusů z obou stran . . . Na území tak ohroženém si mohl národ nečestný a nemající nad to volného spojení s mořem jenom velmi nesnadno uhláti plnou a trvalou samostatnost a celý běh dějin bulharských není skutečně nežli *nepřetržitý zápas o život na cizí moci nezávislý*" (str. 11—12).

Touto poslední větou vyjadřuje spisovatel jistě svoji nejstručnější filosofii dějin bulharských (jako nedaleko před ní filosofii dějin balkánských). V následujícím odstavci najdeme pak stručně vyjádření periodisací dějin bulharských.

„Neblahý osud, který stíhal národ bulharský, nedopřál ani, aby se uchoval jasnější obraz jeho minulosti“. Ne sice bez viny Bulharů samých, ale také pohromami politickými a zvláště porobou tureckou se stalo, že není žádných takřka bulharských pramenů k dějinám bulharským. Spisovatel podává pak stručný obzor pramenů a jejich vydání a přičiňuje přehled nejdůležitějších celkových zpracování dějin bulharských, jakož i dějin národů a říší sousedních, které se rozvíjely v těsné souvislosti s dějinami bulharskými. Všim právem staví do popředí zásluhu Konstantina Jirečka, jehož „Dějiny národa bulharského měly . . . význam epochální.“ „Jméno Jirečkovo je potom spíato se všim dalším pokrokem na poli dějin bulharských a vůbec balkánských . . .“ Mnohem důkladnější bibliograficko-kritické poučení o literatuře k dě-

jinám bulharským se najde na konci každé kapitoly.

Po stati úvodní následují (po příkladě Jirečkově) „Předslovanské dějiny poloostrova“, podávající národopisný přehled balkánského poloostrova na úsvitě dějin, obraz kultury thrakoillyrské, jedná se o řeckých vlivech, o římském panství, o bojích s Goty, o šíření křesťanství, o vpádech Hunů a o prvním vystoupení turkotatarských Bulharů (r. 482 po Kr.).

Kdežto útoky cizích národů na poloostrov Balkánský ve 4. a 5. století po Kr. „měly za následek jen jeho vylidnění a zpustošení“, zasáhlo zcela jinak do osudů poloostrova stěhování slovanské. Slované „přicházeli napřed jen ojedinele ve spojení s jinými kmeny, ale potom jich neustále přibývalo, až se v 2. pol. 6. stol. stali vedle Avarů hlavní trýzní poloostrova. Na počátku 7. století nebyla už říše byzantská s to, aby obhájila Podunají; Slované se potom hrnuli valem na poloostrov, osazovali jeho zpustošené kraje a naplnili jej svým lidem v takovém počtu, že starší obyvatelstvo utonulo větším dílem v jejich záplavě a severní část poloostrova se stala trvale državou slovanskou. Takové jsou základní rysy slovanského postupu na jih, ale v podrobnostech je při chudosti a zlomkovitosti zpráv plno otázek sporných. Nicméně lze říci, že novější badání dospělo v té věci k výsledkům, jež možno aspoň v podstatě pokládati za bezpečné“ (str. 34 až 35). Spisovatel uvádí pak řadu faktů tvořících a osvětlujících průběh slovanského stěhování až do polovice 7. století, zjišťuje sídla Slovanů po skončeném stěhování a vypočítává jednotlivé skupiny či kmeny jejich. Klade sobě také otázku, „jak se jeví už za nejstarších dob v nářečích a zvycích kmenů poloostrovních zárodky pozdějšího jazykového rozdělení na národ „srbský“ a „bulharský“ a kde byla hranice obou oblastí“ (str. 45). Soudí o tom zřejmě zcela správně a přirozeně, „že na území obydleném jižními Slovy nemohlo

za té doby býti nijakých přesně ohraničených skupin jazykových, nýbrž množství příbuzných nářečí, mezi nimiž se vzdálenější rozdíly vyrovnávaly pozvolnými přechody" . . . „Uzavřené národnosti vznikaly teprve vývojem jednotného jazyka spisovného, a tu měl opět veliký vliv vznik rozsáhlejších útvarů politických" . . . (str. 45). Ani později, když už balkánští Slované měli dva poměrně stálé, historické státy, bulharský a srbský, nebylo „mezi Slované „bulharskými“ a „srbskými“ podstatnějších rozdílů, leda příslušnost k dvojímu státnímu celku. Nelze tedy „stanovit nějakou přesnou hranici mezi Srby a Bulhary mimo hranice držav politických. Nářečí, jichž lid užíval v obecné mluvě, přecházela zvolna v sebe a pronikala se navzájem“ (str. 132).

Dotýkaje se osudů staršího obyvatelstva balkánského, zavaleného přistěhováním Slovanů, vyznává co se týče vzniku národa rumunského, střední názor, „že se za všech převratů udržely v horách sedmihradských zrušené zbytky pořímaněných Dáků, odkázané na život pastýřský, ale že se jim později dostalo posily přílivem sourského obyvatelstva poloostrova“ (str. 47). Pojednává o kultuře Slovanů rozeznává správné prvky povahy pravěké od prvků pozdějších, speciálně balkánsko-slovanských a uvádí každé z nich zvláště — nesešuje obého — o prvních na str. 35—36, o druhých na str. 47—53.

Počátky státu bulharského, o nichž pojednává hlava 3., souvisejí s napiatým poměrem nových nezvaných obyvatelů provincií římských k říši východořímské a také se styky jejich s turkotatarskými ochránci a pak podmaniteli. Spisovatel uvádí fakta těchto styků se týkající a připojuje k nim hlavní vědomosti o nejstarší kultuře bulharské. Velmi vítaným příspěvkem k jejímu poznání jest též seznam knížat bulharských, sahající až do r. 765, zachovaný v slovanském překladě byzantských letopisů ze 4. století, který spisovatel uvádí

v plném znění (českým překladem), dodává k němu stručně vysvětlení — podle výtěžků badání MIKKOLOVA (z roku 1913). O této věci vyšla v Godišniku na narodnija mzeer za 1922—195 god. (Sofija 1926), velmi důležitá práce G. FÉHÉRA, Imenik na prvite bulgarski chanove, letočislenieto na Prablegarite, se kterou se Hýbl, bohužel, již neobeznámil. Na závěrek této hlavy podává stručný přehled dějin Slovanů mekedonských a řeckých do konce 8. století. V bibliografii k ní připojené chybí důležitá práce Vasil'eva, Slavjane v Grecii (1898), kterou uvádí teprve v bibliografii k hlavě 4.

Proživ dlouholeté a těžké zápasy s říší byzantskou za vlády Konstantina V. do konce 8. století, mohl v 9. století stát bulharský vystupovati jako velmi význačný politický činitel mezi říší byzantskou a franskou, která od doby Karla Velikého vystupuje jako mohutná soupeřka byzantské. Jeho politická síla vnější se zakládala na dobrém vnitřním pořádku, o který pečovali zvláště mohutný KRUM a obezřetný Omortag, jenž se snažil „přiblížiti se kulturní výši mocného souseda řeckého“ (str. 77). Spisovatel poučuje o stavbách a nápisích Omortagových, které velice přispívají k osvětlení temného vývoje tehdejších dějin bulharských a o zřízení politickém a společenském té doby. Nejméně už od doby Krumovy začínají se ve státě bulharském uplatňovati také Slované. Chánové proti převaze mocných rodů bojarských se opírali o náčelníky kmenů slovanských. „Slovanská jména v rodině knížecí ukazují, že slovanský živel nabýval velikého vlivu na společnost bulharskou a celkový stav věcí, číselná převaha Slovanů, jež se ve zvětšeném rozsahu státu ještě zvýšila, jakož i jejich lepší smysl pro pokroky kulturní nemohl věsti než k tomu, že vliv ten stále rostl a podmaňoval si nepozorovaně nečetnou třídu vládnoucí“ (str. 80—81). Ale vedle Slovanů také Řekové, aspoň v ohledu kulturním byli velmi důležitým

činitelem. Stavby OMORTAGOVY „nesou pečeť mocného vlivu řeckého, nápisy jsou psány vesměs řecky“ (str. 81).

Závěrek hlavy 4. tvoří vláda chána BORISE a přijetí křesťanství r. 865 — ne r. 864, jak uvádí Hýbl, drže se Zlatarského, neboť rok 865, doložený současnými franskými letopisy, jest nade vši pochybnost jistý, jak už dávno DÜMMLER dokázal. Správně praví spisovatel, že Boris už dávno pomýšlel na přijetí křesťanství, zdá se mi však, že při vylíčení okolností, za jakých se dostavilo rozhodnutí jeho, se příliš úzkostlivě držel skoupých pozitivních zpráv. Napiatý poměr mezi říší franskou a byzantskou a zároveň i mezi bulharskou a byzantskou a také velkomoravskou a bulharskou nasvědčuje tomu, že císař byzantský válečným zasažením přinutil Borise přijmouti křesťanství z Čarohradu proto, že jinak by je byl přijal z Říma. Dále se zdá, že ku přijetí křesťanství jej nutili jeho Slované, o které se asi opíral proti bojarům. Boris byl asi poslovaněný Bulhar. Vzpoua bojarů byla netoliko odporem pohanů, nýbrž i protestem Turkotatarů. Křesťanství bylo vítězstvím Slovanů. Utvrzení křesťanství znamenalo zkázu Turkotatarů. Slovanská liturgie jest neklamným znamením, že přijetí křesťanství bylo v zájmu a snad i dílem Slovanů. Slované byli křesťany už nepochybně mnohem dříve nežli křesťanství přijal bulharský chán.

Hlava 5. „Bulharsko na vrcholu svého vývoje (865—927)“ podává solidní vylíčení vlády BORISOVY a SYMEONOVY podle nejnovějších výtěžků vědeckého badání. O kulturních, jmenovitě literárních snahách Symeonových soudí Hýbl, že Symeon „si vytkl cíl příliš vysoký, chtěje jedním rázem přenést do slovanštiny vše, co shledával u Řeků nejlepšího“ (str. 105), „že se nespokojil plody literární snad méně významnými, ale hovějícími lépe smyslu nejširších vrstev národa“ (str. 99). „To co vytvořil, byl namnoze jen parádní

úbor pořízený podle vzoru cizího pro nečetnou společnost lidí, kteří měli příležitost dojíti vyššího vzdělání“ (tamže). Avšak očekávati pochopení důležitosti lidového vzdělání pro potřeby národního státu, ohroženého vzdělanějším sousedem, u panovníka 10. století, znamená vkládati do pradávných dějin novodobé zásady. Bulharsku neuškodily osvětové vysoko se nesoucí snahy Symeonovy, nýbrž spíše mnoho jiných okolností, hlavně politických. Ostatně, že se vzděláním širších vrstev nebylo tak zle, viděti z hnutí bogomilského, které hned po Symeonovi se rozvíjelo hlavně v lidových vrstvách.

O tom, co bylo příčinou pádu Bulharska Symeonova r. 1018, uvažuje Hýbl na počátku 6. hlavy nadepsané „Úpadek a zánik prvního státu bulharského“. Hledaje hlubší příčiny soudí, že Bulharsko přetvořivši se od základů v stát křesťanský a slovanský, „mohlo prospívatí vedle mohutnějšího souseda jen tak, že si osvojilo rychle všechny pokroky kulturní, ale způsobem odpovídajícím národnímu životu ... Slovanů“. „Stát bulharský byl ve svém těsném sousedství s první velmocí křesťanskou postaven před úkol neobyčejně nesnadný: vyrovnati se jí, pokud bylo možno, co nejdříve kulturně, ale zachovati při tom svému lidu jeho svérázný typ, nedopustiti, aby cizí vzdělanost rozrušila jeho přirozený vývoj ... Všechno, co provedl a čeho dosáhl Symeon, bylo jen počátkem, na němž bylo třeba budovati bedlivě a prozíravě dále a k tomu potřeboval národ i stát pevného a obratného vedení. Ale vedení takového se mu, bohužel, nedostalo“ (str. 107—108). Velkou část této hlavy zaujímá přirozeně pojednání o bogomilství, o němž jest stručně pověděno všechno, co říci lze. Máme-li na zřeteli hlavní linii dějin bulharských, t. j. styky bulharsko-byzantské, které jsou vlastně jen občas přerušovaným zápasem, vedeným se strany byzantské ke konečnému cíli zničení státní samostatnosti Bulharů, mělo by bogomilství býti pojato jako lidová a ná-

rodní bulharská reakce proti počítavacím úspěchům byzantské vzdělanosti, která si podmaňovala vrstvy nejvyšší. Při nedostatku pramenů a zpráv je ovšem velmi ne snadno se vyznati v událostech, o nichž se zachovaly zprávy namnoze jen úryvkovitě a nahodile. Hýbl sestavil je všechny co možná úplně a snažil se podle svých sil je vyložit. Bulharsko bylo ode dávna kolbištěm rozmanitých kulturních vlivů, poněvadž také asi obyvatelstvo jeho bylo velice různorodé, následkem neustálého proudění národů jeho územím. Ve svých „Dějínách Slovanstva“ (str. 47) jsem poukázal na to, že protibyzantský proud národní, pozbyv po příchodu Maďarů do Uher svého dřívějšího spojení s latinským západem, byl nucen se opřít o maloasijsko-syrské paulikiánství; bogomilové tedy orientální náboženství — kulturu byly nuceni potírat i ještě *orientálnějšími prostředky*, a v tom leží jejich tragika. A tento orientální živel pak jimi pronikal daleko na západ.

Hlava 7. jest věnována Bulharsku pod panstvím byzantským v 11.—12. věku, hlava 8. obnově samostatnosti r. 1186 až do smrti velikého cíře JANA II. ASĚNA. Velmi cenný a na mnoze nový a samostatný jest obsah 9. hlavy „Vnitřní poměry v obnoveném státě bulharském“, kde najdeme zejména zajímavý národopisný obraz říše Asěnovců, poučení o poměrech sociálních a hospodářských, o zemědělství, hornictví, řemeslech, obchodu, penězích, o státní správě, o poměrech nábožensko-církevních i o umění výtvarném. Vidíme, jak pestré bylo obyvatelstvo říše bulharské co do své národnosti. Z doby řeckého panství zůstalo v ní veliké množství Řeků, pak tam byl značný počet Vlachů čili Rumunů a dále Pečeněhů, Uzů a Kumánů. Kumáni, kteří Bulharům pomáhali k dosažení nové samostatnosti a hledali pak v Bulharsku útočiště před Tatary, měli ve 13. a 14. století značný vliv politický. Ač se rychle poslovaňovali, přece až dosud zůstali po nich potomci (Gaganzové a Surgučové). Mimo

to žilo po městech bulharských mnoho italských kupců a německých (saských) horníků. Podle zprávy františkánského generála z r. 1368 lze souditi, že mělo Bulharsko tenkrát asi 1 milion obyvatelstva. Západ byl osídlen více nežli východ, který byl vydán neustálým nájezdům Tatarů. Postavení šlechty podobalo se postavení šlechty v západní Evropě, ale obyvatelé měst neměli tak výhodného a výsadního postavení jako na Západě. Stav městský jako zvláštní třída obyvatelstva se v Bulharsku a vůbec na poloostrově Balkánském nevyvinul, leda že obyvatelé některých důležitějších měst, hlavně pobřežních, nabyli výjimečně postavení v některém ohledu výhodnějšího. Venkovské obyvatelstvo žilo v poddanství šlechty, biskupů a klášterů a slulo po příkladě byzantském parikové (paroikové). Ale vedle pariků k půdě připoutaných žilo dosti volně obyvatelstvo pastýřské, jež tvořilo veliké rodové skupiny se společným majetkem. Poněvadž se postupem času zhoršoval stav poddaných, a také Vlachům (pastýřům) vrchnosti ukládaly nové a nové dávky, proto asi hlavně se rumunské obyvatelstvo stěhovalo ve 14. století valem za Dunaj, kde bylo mnohem volněji.

Poněvadž průmysl byl velmi slabý, odkázáno bylo Bulharsko na dovoz průmyslových výrobků z ciziny. Obchod bulharský byl z veliké míry v rukách kupců dubrovnických, hlavně v krajinách západních. Ve východním Bulharsku vládli kupci janovští.

Základna, na které Asěnovovi zbudovali nový stát bulharský, byla tedy velmi chabá. „Obyvatelstvo národnostně nejednotné, země zubožená četnými válkami a hospodářsky nepokročilá, společenské poměry neurovnané a většinu lidu nepříznivé, národ jako celek zanedbaný a málo uvědomělý“ (180). „Převrat, jež provedli Asěnovovi svržením panství řeckého, byl čistě vnějškový... nový stát ponechal beze změny správu zemskou, řády právní i hos-

podářské, vojenství, slovem všechna zařízení vnitřní v tom stavu, jak trvala za doby byzantské, na mnoze i s jejich řeckými názvy. Také dvůr panovníký a vláda ústřední byly zařízeny podle vzoru byzantského" (str. 180). To pak Hýbl ukazuje soustavně konkrétními doklady z různých oborů správy a života veřejného. Z nich zejména je zajímavé, že nebylo sněmu jako pravidelného zařízení. Bývaly však církevní sněmy, kterých se účastnili i svěští velmožové. Velmi dlouho nemělo Bulharsko svých vlastních mincí. Kolovaly byzantské perpery a v 13. století peníze italské, zvláště benátské. Jan Asén II. razil pouze mince měděné. Teprve jeho syn Michal II. razil mince stříbrné. Své vlastní peníze, měděné a stříbrné mělo Bulharsko trvale teprve od počátku 14. století. Církev a duchovenstvo bulharské „nemělo kromě nepatrných výjimek náležitého porozumění pro duchovní potřeby svěřeného lidu, nedovedlo jej nadchnouti k vyšším cílům, neuvádělo do jeho života myšlenek obrodných, pokulhávalo prostě za duchovním vývojem církve řecké. Písemnictví vydalo v druhé řiši bulharské většinou jen plody skrovné ceny, namnoze překlady a neumělá zpracování z řečtiny, a to ještě věcí druhého řádu" (str. 188).

Vylíčení dějin bulharských od smrti Jana II. Asěna až do podrobení Bulharska Turkey (r. 1393) ukládá dějepisci úkol velmi nesnadný, neboť nemá-li to býti nakupení holých zpráv, které unavují a mají-li býti seskupeny v poutavý obraz určitého vývoje železné nutnosti, v němž podrobnosti nabývají svého pravého výrazu jen na podkladě obecného proudu, jest potřeba nejen ovládati, nýbrž i dovésti přiměřeně nakreslit celou tehdejší mezinárodní situaci, jejíž větve sáhají až do Francie a Italie, do Německa a Čech, do Malé Asie a jižní Rusi a vystihnouti směrnatné složky její. Toho Hýbl nedovedl a proto kapitoly 10. a 11. se velmi těžce čtou a nezanechávají uspokojivého do-

jmu, vývoj není vylíčen dosti názorně, ačkoliv Hýbl sám právě některé části tohoto vývoje samostatně zbádal a podle mého mínění lépe osvětlil, nežli bulharští badatelé ZLATARSKI a NIKOV. Týká se to zejména vlády cíře Konstantina Tichova a událostí z let 1290—1300, kde se Hýbl značně rozchází se Zlatarským. Přes to obtížné postavení cíře Konstantina, pro Bulharsko vůbec tak charakteristické, není náležitě plasticky vylíčeno. Mnohem lépe jest podána situace po r. 1285, kdy Bulharsko bylo po řadu let pod mocí Tatarů jihoruských.

U příležitosti vypravování o vládě cíře THEODORA SVETISLAVA dotýká se Hýbl (str. 215) počátků rumunského knížectví ve Valašsku. „Tenkrát se povzněl v Záoltí na první místo mezi všemi tamními vládci Basarab, kníže původu nepochybně kumánského a podřídil své moci ostatní drobná panství na východ od řeky Olty. První ten větší útvar státní na půdě valašské nevznikl jistě bez činné účasti sousedního Bulharska . . . , tolik jest jisto, že knížectví založené Basarabem mělo ráz silně bulharský. Vládcové i lid se přiznávali k pravoslaví přes to, že se tam králové uherští pokoušeli uplatniti vliv církve západní, úřední řečí byl staroslovanský jazyk rázu bulharského, státní ústrojí bylo napodobením bulharského, názvy úřadů byly namnoze převzaty z Bulharska. Významné je také, že slovo Rumun značilo ve Valašsku toliko sedláky, šlechta se zvala jako v Bulharsku bojary. Zvlášt hojně styky mělo s Valašskem knížectví vidinské. Jeden ze synů Šišmanových měl rumunské jméno Belane (drak)" . . . (str. 215).

Od doby veliké občanské války v Byzantsku (mezi Janem Kantakuzenem a císařem Janem V.) Bulharsko trpělo zhoubnými nájezdy osmanských Turků, spojenců Kantakuzenových. „Řádili kruté po celé Thrákii, odvlékajíce lid i dobytek do Malé Asie. Obyvatelstvo prchalo podešžené do hor a pevných měst, kdykoliv jízdné sbory

osmanské táhly jeho krajinou; země se vy-
lidňovala". Strašné pohromy způsobili
zvláště po usazení v Kallipoli (1354).
„Porobili lidí bez počtu a odvedli je do
Kallipole — praví stručná zpráva starých
letopisů. Byla to strašlivá předzvěst osud-
ných ran, jež čekaly národ bulharský od
nového nepřitele. Od té doby nerozhodo-
val již o zevní politice bulharské poměr
k Řekům nebo k Srbům, nýbrž nebezpečí
turecké" (str. 223).

Tragičnost posledních dob bulharské sa-
mostatnosti zvyšuje okolnost, že právě
tehdy se objevují příznaky čilejšího ruchu
duševního, který by se byl snad mohl státi
zárodkem příznivějšího vývoje politického
a kulturního. Spisovatel jedná tu o teh-
dejším byzantsko-bulharském mysticismu
čili hesychasmu. Poněvadž vývoj jeho děl
se zároveň v Byzantsku i v Bulharsku, bylo
by bývalo na místě vyložití byzantský he-
sychasmus, jakožto základ bulharského,
poněkud důkladněji. Hýbl právem spař-
tuje v hesychasmu nové posílení vlivu
řeckého na Bulhary — řekl bych spíše, že
veliká síla hesychasmu v Bulharsku jest
příznakem mocného vlivu řecké kultury,
která ohrožuje Bulhary více nežli politické
snahy byzantské, v té době málo už nebez-
pečné. Příznačné jest, že bulharští hesy-
chasté podporovali snahy cařihradského pa-
triarchy zbavití církev bulharskou její ne-
závislosti.

Hlava 12. nadepsaná „Podrobení Bul-
harska Turky" se začíná vyličením orga-
nisace vojenství a státní správy turecké.
Následuje stručný přehled politického
stavu Bulharska, načež se jedná o životě
duševním, v jehož čele stojí činnost trnov-
ského patriarchy Euthymija, zakladatele
celé školy literární, která ovšem zase se
připínala co nejtěsněji k řeckým vzorům.
Záslouhou Euthymijovou jest, „že písem-
nictví bulharské neodumřelo hned s pádem
státu, nýbrž neslo práci jeho učedníků a
následovníků ovoce ještě i v 15. století.
Ale jeho vlivu jest zároveň přičísti, že se

odcizilo upřílišeným napodobením vzorů
řeckých ještě více skutečnému životu než
za časů dřívějších" (str. 236). „Za Jana
Alexandra se počal zároveň s novým živo-
tem literárním probouzeti v zvýšený ruch
umělecký, jak se jeví ve výzdobě rukopisů
a snad i v některých památkách stavebních.
Tvrdá doba cíře Šišmana vzala dalšímu
pokroku všechen hmotný základ... Ale
předchozí vývoj nepřišel přece jen na zmar
a žil potom za všech dlouhých časů panství
tureckého v prstonárodním umění řeme-
slných majstorů, zedníků-tesařů a ikono-
pisců (malířů), jejichž některé větší práce
prozrazují netoliko znamenitou zručnost
technickou, nýbrž i jakýsi samostatný smysl
umělecký" (str. 237).

„Pádem státní samostatnosti byla zle
postižena také církev bulharská, ale jed-
notlivosti jsou zahaleny v temno. Když
Turci odvedli r. 1393 EUTHYMIJA do
vyhnanství, zůstala země bez vrchní hlavy
duchovní, a zlý osud potkal nepochybně
i mnoho jiných osob z vyššího duchoven-
stva. Národ byl bez rady a neviděl ve svém
zoufalství jiného východiště nežli poddati
se vedení patriarchy cařihradského... Na
počátku 15. století se potom připomíná
v Trnově arcibiskup pod vrchní mocí pa-
triarchy cařihradského" (str. 243). Bul-
harská literatura žila dále mimo zemi bul-
harskou, na půdě rumunské a srbské. „Ale
zatím co učené písemnictví bulharské umí-
ralo na půdě cizí, nacházela si duševní síla
národa bulharského jiný, mnohem život-
nější výraz pro city bouřící jeho nitrem a
vynesla tentokrát opravdu plody vyvěra-
jící z nejvlastnějšího ducha národního.
Mohutné boje proti hroznému nepříteli tu-
reckému probudily podobně jako v soused-
ním Srbsku, básnictví lidové" (str. 244).

Po dokončeném podrobení Bulharska
Turky rozhostil se v zemi znenáhla nebý-
valý klid a pořádek, neboť říše turecká byla
státem dobře zřízeným, v němž vládl
přísný řád, spravedlnost a bezpečnost.
V severním Bulharsku zbyl nějaký počet

svobodných křesťanských statkářů a měšťanstvo požívalo slušného blahobytu. Selský lid získal přesné vymezení svých povinností k státu i k vrchnostem i ochranu proti útiskům vrchností. Ani náboženského útisku nebylo — veřejná práva křesťanů byla ovšem omezena. V souvislosti s těmito skutečnostmi poukazuje spisovatel na neutěšené poměry sociální a hospodářské, jaké vládly v Bulharsku před výboji tureckými a spatřuje v nich nepodceňovatelné příčiny pádu samostatnosti bulharské. Také „nelze vládnoucí církev bulharskou jakožto vůdčího činitele v duchovním vývoji národa zprostiti výtky, že neměla porozumění pro vnitřní potřeby svěceného lidu“ (str. 247). Při tom ovšem by bylo potřeba ještě vysvětliti, proč toho porozumění neměla; po náležitém rozhledu dospěli bychom asi ku poznání, že toho porozumění neměla v těch dobách žádná církev a že vůdčí její kruhy vždycky a všude s velikou nedůvěrou sledovaly a pronásledovaly snahy kněží, kteří se snažili potřeby širokých vrstev ukájet. Vizme Františka z Asisi, našeho Milíče, Husa a m. j. Snad by bylo příhodné vysvětlení, že bulharské kněžstvo bylo jednak řecké, jednak duchem svým silně počtené a mělo tedy k lidu bulharskému podobný asi vztah, jako němečtí hierarchové a kněží k lidu v Polsku. Jest známo, že i ve vzdáleném Rusku řecká hierarchie dlouho udávala tón.

První svazek spisu Hýblova se končí 13. kapitolou, jedající o životě Bulharů pod panstvím tureckým v 15.—17. století. „Obraz, který lze podati o životě v zemích bulharských za oněch smutných věků, je neskonale chudý“ — praví Hýbl, ale on dovedl přece shromáždit dostatek látky tak, že tato kapitola podává mnoho nového a zajímavého. Když se panství turecké rozšířilo až k Dunaji a za Dunaj, bylo Bulharsko odříznuto ode všech přímých styků s cizinou, vyloučeno ze vši duševní spojitosti se světem křesťanským. Rozhostil se v něm mrtvý klid. V prvních letech po do-

bytí Bulharska byl ovšem proveden veliký převrat v pozemkové držbě a s ním byly spojeny značné změny národopisné. Sulťánové pokládající všechnu půdu v zemích podrobených zásadně za své vlastnictví, vyhnaali nebo vyhubili staré velkostatkáře a usadili na jejich místě nové turecké. Svě první výboje zabezpečovali také soustavnou kolonisační lidu tureckého přesazovaného z Malé Asie. Ale rychlé šíření panství tureckého po bitvě kosovské (1389) bylo příčinou, že Turci nestačili všechny dobyté země sami osaditi a tak už severní Bulharsko zůstalo ušetřeno tureckých přistěhovalců. Nejvíce jimi byla osazena Thrakie, Makedonie a Thessalie; později také východní Podunají. Ovšem příliv Turků do zemí bulharských dál se neustále, ale nebyl hromadný. Do lidnatějších končin západních se nastěhovalo Turků poměrně málo. Žili tam namnoze jen po různu mezi domácím obyvatelstvem, ponejvíce jako vrchnosti nad lidem poddaným a pak v městech. Hledě-li toliko k usedlému obyvatelstvu městskému bez vojska, úřednictva a duchovenstva, nabyla rázu nejvíce tureckého střediště správy a města při hlavních liniích dopravních, jako Sofija, Kystendil, Skopje, Plovdiv, Trnovo a j.“ (str. 258). Později se usazovalo v městech mnoho Řeků. V přílivu nových osadníků tureckých zanikla část Bulharů, která přijala islám a poturčila se. Nejvíce to činila šlechta pozůstalá v severním Bulharsku. Ale většina její vymizela při nezdařených pokusech o vzpouru, zvláště r. 1595 a 1656.

Dále spisovatel uvádí řadu faktů osvětlujících poměr podrobeného obyvatelstva k jeho tureckým pánům a úřadům; jedná o tureckém vojsku, o státní správě, o lenním řízení, o statcích korunních, o poddaných a jejich břemenech. „Poddaní na statcích korunních a vakufech byli ode všech dávek a služebností osvobozeni; ba neplatili ani harače a nepodléhali povinnosti odvodní“ (str. 263). Ale vedle toho i ně-

kteří osady nebo skupiny jednotlivců měly dědičně zaručené jisté výhody za to, že jim byly trvale přikázány zvláštní povinnosti vojenské nebo úkony pracovní. Z křesťanů, kteří požívali takových výhod za povinnosti vojenské, jsou nejznámější vojníci. Byl to jakýsi druh milice zřízené na podporu pravidelného vojska. Vzor a původ vojníků . . . sluší hledati v starých vojenských řádech bulharských, byzantských a srbských . . . Do vojenství tureckého zavedl takové sbory, složené z venkovského obyvatelstva již Murad I., jenž zajistil r. 1373, když Turci dobývali horských končin v Rhodopě, Snědné hoře a Balkánu, obyvatelům některých míst volné držení majetku a určité výhody, když mu budou nápomocni v boji . . . Obyvatelé takových míst provázeli Turky na výpravách vojenských jako jízdní kopinníci, jsouce ozbrojeni krátkými sudlicemi; táhli před vojskem, aby zabírali místa vhodná pro tábořiště, starali se o zásobování, vodili sultánské koně, konali služby strážní a účastnili se, bylo-li třeba, též bitev na méně významných místech šiku. Za své služby měli dědičně přikázané pozemky (baštiny), z nichž neplatili daní“ . . . (str. 263—264). Později, v 16. století, konali už jen služebné práce při vojsku, upravovali cesty, sháněli píci pro koně, pomáhali při pracích opevňovacích, až jim nakonec zůstala služba jen v sultánských konírách. Kromě vojníků bylo ještě několik jiných druhů křesťanské milice, jako martolosi (amartolové) nebo derbendžiji, kteří hlídali průsmyky a j.

Ač města se mnohem více změnila za panství tureckého nežli venkov, měla přece ještě v polovici 15. století i větší města ráz křesťanský. Křesťanští měšťané byli právně svobodní, ale podléhali povinnosti platiti harač a podrobovat se odvodům mládeže. Čím dále bylo ovšem hůře. V celku však „poddanství turecké nedoléhalo na lid bulharský za prvních století příliš těžce, zvláště co do života hmotného. Říše tu-

recká byla za doby svého rozkvětu v 15. a 16. století stát dobře zřízený, v němž vládlo pevné právo, kázeň a pořádek. Mimo to země bulharské přestaly býti jevištěm válek a těšily se po dlouhé době nerušenému klidu.“

V oboru života duševního ovšem byl stav neutěšený. Církev, vůdčí činitel v té věci, neměla dosti vnitřní síly, aby se mohla za nepříznivých poměrů vnějších postaviti v čelo dalšího duševního rozvoje a dostávala se mimo to čím dále, tím více do vleku vedení řeckého, zvláště když po pádu Cařihradu (1453) všechna pravoslavná církev na poloostrově Balkánském byla sjednocena pod panstvím tureckým, v němž Řekové si zjednali velmi silný vliv. R. 1570 byla církev trnovská podřízena patriarchátu cařihradskému. Tento začal znenáhla církev bulharskou počítovati posílaje tam řecké biskupy a duchovní. Později v 18. století se začalo plánovitě a důsledně počítování. Duchovní bulharští nemající sami potřebného vzdělání nemohli dále pěstovati církevní literatury a obmezovali se nejvýše na opisování starých rukopisů. Zdali knihy tištěné Bulharem JAKUBEM KRAJKOVEM v Benátkách r. 1569 a 1570 nalezly přístup do Bulharska, je velmi pochybné. Pro Bulhary katolické, obrácené od počátku 17. století z paulikiánství a bogomilství, vydal r. 1651 biskup FILIP STANISLAVOV v Římě modlitby jazykem lidovým, novobulharským a písmem kyrillským. Je to první tištěná kniha novobulharská.

Od smrti sultána SULEJMANA II. († 1566) začíná se vnitřní úpadek veleříše turecké, rychle se vzrůstající, projevující se nepořádky ve státní správě a velikou úplatností ve vojště i v úřadech. To mělo zhoubný vliv na postavení podrobeného obyvatelstva, které trpělo přehmaty, vydíráním a útlakem jak se strany velkostatkářských spahiů, tak i se strany státního úřednictva a nájemců daní, jež byly zvyšovány. „Zatím co se poměry křesťanských podda-

ných takto horšily, zanášely nešťastné války na severu jeviště bojů opět blíže k hranicím bulharským a národ bulharský se dostával ve svých starých sídlech v přímý styk s brannou mocí monarchie habsburské a jejich spojenců" (str. 281). Spisovatel pak vypočítává případy, kdy se Bulhaři dali pohnouti výzvami mocností Turecku nepřátelských (hlavně Habsburků), aby zdvihali vzpoury a povstání proti panství tureckému. Vzpouora Bulharů ve východním Podunají r. 1595 měla za následek citelnou pohromu zámožných statkářů bulharských a měšťanů i duchovenstva. Pokud obyvatelstvo toto nebylo povražďeno, vystěhovalo se do sousedního Valašska. Přes to pokusy o svržení jha tureckého už neustávaly. V souvislosti se šířením víry katolické stali se katoličtí Bulhaři hlavními nositeli těchto snah a obraceli svou pozornost zvláště k říši polské. Předním představitelem snah osvobodovacích byl kol. r. 1650 katolický bulharský duchovní Petr Parcevič. Na stopu spiknutí uvedli velikého vezíra Mohameda Köprili řečtí duchovní, a to mělo za následek nové veliké pronásledování Bulharů. Za velikých válek Turecka s monarchií Habsburskou a jejími spojenci Bulhaři opět projevovali svou náklonnost nepřátelům Turecka a proto po smrti vel. vezíra MUSTAFY († 1691), jenž chtěl zlepšením stavu křesťanských poddaných je připoutati k státu, Turci začali prováděti na nich nelitostné odvety. „Zápovědi, jež obmezovaly vnější život křesťanů byly zosřeny. Křesťané nesměli pod těžkými tresty přechovávat zbraní, ba ani nožů v domácnostech potřebných, nesměli v městech jezdit na koních, směli bydleti jen v nevzhledných domech a nositi toliko nuzný šat. K mohamedánům se musili chovati na nejvyšší uctivě; potkal-li křesťan jedoucí na koni Turka, musil sestoupiti a pokloniti se mu; podobně byli všichni křesťané povinni vzdávati mimojdoucím Turkům úctu povstáním. Žádný křesťan nebyl bezpečěn svým majetkem. Vrchnosti i úředníci po-

kládali za své dobré právo bráti od nich, co se jim líbilo, a dávati si od nich spláceti svou přízeň, ba i úkony úřadem přikázané tučnými dary. Ženy a dívky křesťanské nebo i krásní chlapi byli napořád vydáni nebezpečí únosů do harémů tureckých. U soudů nemělo svědectví křesťanovo právní platnosti, stížnosti na přehmaty úředních osob se pojímaly jako přečin proti moci státní . . ." (str. 289). „A přece bylo všechno to zlo, jež přinesl vnitřní úpadek státu osmanského poměrně menší než to, čeho národ zakoušel od vlastních souvěrců, totiž od řeckých vrchností církevních", o kterých rozhodovali zlotřilí cařihradští „fanarioté", o nichž pruský vyslanec ve své zprávě z r. 1779 praví, že „není jazyka dosti bohatého, aby měl názvy pro všechny zločiny, kterých se dopouštějí" (str. 290). Slovanské pravoslavné církve balkánské byly vlivem jejich zbaveny své samostatnosti (r. 1766 a 1767) a podřízeny úplné patriarchátu cařihradskému, který ve spolku s řeckými biskupy, jež všude dosazoval, vydíral věřící a stůj co stůj usiloval je poručiti. „Na místo liturgie slovanské zaváděn všude obřad řecký, popským školám vnucováno za hlavní úkol vyučování jazyku řeckému, všemu lidu vštěpováno slovem i skutkem přesvědčení, že jedině národ řecký je důstojným představitelem světa pravoslavného a že podstata pravoslaví je nerozlučně spojena s jazykem a duchem řeckým. A tak se octl národ bulharský v dvojí těžké porobě . . ." (str. 292).

Tímto hlubokým poklesnutím národa bulharského v úpadek končí I. svazek a II. svazek začíná se „Počátky národního probuzení" (1. hlava). Tyto počátky ovšem vyrůstají ze stavu, který na počátku 19. století znamenal nejhlubší stupeň ponížení a poroby. Rozvrat, jaký zavládl v Turecku po nezdařeném pokusu sultána Selima II. († 1807) o provedení vnitřních oprav, umožňoval pusté a kruté řádění loupežnických čet, zvaných *krđžali*, kteří se stali metlou všech zemí bulharských. S pomocí

jejich odbojných janičářů uchvatitel Pasvan Oglu opanoval sev. Bulharsko s městem Vidinem, jakožto střediskem. „Země bulharská, zvláště Východní Rumelie, ukazovaly po čtrnáctiletém řádění krdžalijů truchlivý obraz dokonale spousty“ (str. 12). Pak přišla válka rusko-turecká (1806 až 1812), která „zasáhla právě ty kraje, které poměrně ještě nejméně utrpěly řádným krdžalijů a jinými převraty vnitřními. A tak bylo všude viděti jen bídu a spoušť“... (str. 14). Mnoho Bulharů se také vystěhovalo do Ruska a do Bessarabie i do sousedního Valašska. Po roce 1815 nastalo sice značné zotavení, zesilování a bohatnutí živlu bulharského ve městech, ale zároveň rostlo velmi povážlivě nebezpečí jeho úplného pořečtení, poněvadž sami Bulhaři o ně stáli. „Bulhaři vidouce, že se Řekům a řečtině dostává všude přednosti, naučili se spojovati představu lepšího, vzdělanějšího, zámožnějšího člověka s pojmem Řeka; bulharským vesničanům splynulo slovo Řek s pojmem měšťana“ (str. 16). Proto každý, kdo se chtěl společensky povznést výše, hleděl se naučiti řecky a vydávati se za Řeka. Bulharští kupci, chtěli-li dojíti úvěru, byli nuceni vystupovati na venek jako Řekové. „Za takovýchto poměrů není divu, že se lid bulharský přestál na venek jeviti zvláštním národem... O tom, že se na bulharském venkově mluví ještě jakýmsi jiným jazykem, než řeckým, měli tenkrát v Evropě jen zcela nejasné a mlhavé ponětí. Je příznačno, že ani přední znalci národů slovanských nevěděli o Bulharech nic bezpečného. Vyjímá se dnes podivně, čteme-li, že patriarcha slavistiky Dobrovský pokládal r. 1814 bulharštinu za pouhé nářečí srbštiny“... (str. 17).

Ačkoliv národ bulharský na počátku 19. stol. hleděl zdánlivě vstříc zoufalé budoucnosti, ukázalo se přece brzy, že jest schopen zdárného života. Spisovatel pak pojednává o činnosti prvních buditelů bulharských, mnicha PAISIJA, spisovatele prostě rukopisné knížky o dějinách bulharských

(z r. 1762), která se stala základem uvědomění a obrození prostého lidu a biskupa SOFRONIJA VRAČANSKÉHO († 1815), jenž r. 1806 vydal tiskem sbírku kázání, přeložených z řečtiny do lidového jazyka. Přechází pak k snahám Bulharů, žijících v cizině, zvláště v Bukurešti, kteří pečovali o duševní stravu svých soukmenovců v Turecku, vydávající nejnnutnější knihy učebné a čtení vzdělávací — a tvořili tak prvotiny literatury novobulharské. Válka rusko-turecká r. 1828—29 zklamala sice naděje bulharských vlastenců v osvobození, ale nezůstala bez vlivu na vzrůst a zesílení jejich národního sebevědomí. O další jeho pokrok si zjednal veliké zásluhy podkarpatský Rusín Jiří Venelin († 1839), jehož dílem „Drevnie i nyněšnie Bolgare“ se dostalo Bulharům a ještě více cizině ponejprv díla založeného na vážných studiích, které osvětlovalo jejich národní ráz, minulost a postavení ve světě. Pod vlivem této knihy zámožní Bulhaři v cizině žijící začali vyvíjeti horlivou péči o bulharské školství, jehož vzorem se stala škola založená v Gabrově (1835).

Vypravování pokračuje pak (2. kapitolou počínaje) rychlým spádem, jak viděti z názvů jednotlivých kapitol: kapitola 2. „První zápasy o vybavení z poroby“ jedná o událostech, jež se sběhly od reformem v říši turecké, zahájených gülhanským hattí-šerifem z r. 1839 (jmenovitě pak zavedením medžlisů, poradních sborů, přidělených jednotlivým pašům) až do vypuknutí bulharského povstání v Sředné goře (roku 1876). Je to doba, ve které Bulhaři získávali mnoho reformami a ústupky vlády turecké a vedli úspěšný zápas s Řeky, jehož vyvrcholením bylo osamostatnění církve bulharské zřízením exarchátu (r. 1870 až 1872).

Jest to velmi zajímavá kapitola, ukazující, jak se vzrůstem zámožnosti, vyplývající z pracovitosti v řemeslech a obchodě, neobyčejně rychle pokračovala také osvěta a vzdělanost mezi Bulhary a jak všeliká

blahověle se strany turecké posilovala proud z ciziny pronikající, usilující o dosažení úplné samostatnosti.

3. kapitola „Obnova samostatnosti“ líčí pohnuté události bulharského povstání a rusko-turecké války r. 1877—1878 do zvolení knížete Alexandra Battenberského a úpravy státní správy ve Východní Rumélii. Tyto věci jsou v celku dosti dobře známé. Naproti tomu mnoho věcí méně známých nebo i dosud neznámých obsahují kapitoly 4. „První léta svobody“ a 5. „Připojení Rumelie a roztržka s Ruskem“. Spisovatel podává zdařilé líčení prudkého vnitřního kvašení v novém státě, jehož nositel, národ bulharský, ač učinil „za nějakých 50 let, jež uplynulo od jeho probuzení, z mrákot duševní neuvědomělosti ohromné pokroky na poli hospodářském i kulturním, přes to vstupoval do samostatného života v stavu celkem nevyvinutém. Hospodářské poměry v zemi byly zanedbané; těžení z půdy neumělé a zastaralé, průmysl se nepozvedl nad prostou výrobu řemeslnou, obchod se pohyboval v mezích starodávného kupčení a trpěl mimo to nedostatkem dobrého spojení; stavba železnic, doprava poštovní a telegrafní byly v prvních počátcích. Duševní život nedospěl na vyšší stupeň vývoje . . . škol středních bylo jen několik, škol nižších v poměru k počtu obyvatelstva málo . . . Společenského života ve vyšším smyslu téměř nebylo; nečetná inteligence byla v té příčině bez významu; nejvyšší vrstva společenská, měšťští čorbadžijové a beglikčijové [asi tolik co patriciové] žili uzavření mezi sebou a byli u ostatního lidu namnoze v nenávisti jako oddaní straníci odporné vlády turecké. Mezi městy a venkovem se zahostil vůbec poměr nedůvěry a nevraživosti, sedláci viděli, a to velmi často právem, v obyvatelstvu městském jen zlé obchodníky a lichváře“ . . . (str. 73). „Válka a její důsledky rozbořily všechen vládní stroj, který až do té doby řídil běh života veřejného . . . Ruská prozatímní

vláda učinila, co bylo v její moci, ale už ona zápasila v té věci s velikými potížemi. Tím větší nesnáze čekaly Bulhary samy. Nebylo důstojníků do vojska, nebylo lidí připravených pro úřady, nebylo učitelů pro školy, nebylo odborníků pro podniky technické“, nedostávalo se kapitálu peněžního. Národ vůbec nebyl ještě pro svobodu připraven. „Nepřátelský poměr k úřadům tureckým v něm vypěstoval nedůvěru a sklon k odporu proti moci vládní a tato upíratost nemohla vymizeti, ani když vládní moc přešla do jeho vlastních rukou.“

Na tomto základě, který Hýbl ještě podrobněji líčí, vyvíjely se neklidné a časem i bouřlivé události v novém státě bulharském, které v jednu chvíli by byly málem vyvolaly velikou evropskou válku (1887), poněvadž vnitřní rozpory a zápasy byly stupňovány otázkou sjednocení celého národa v jednom státě a poměrem nového státu k slovanské velmoci, která sice si zjedнала nepopíratelné zásluhy o vymanění Bulharů z poroby turecké, ale chtěla, aby byli na ní úplně závislí. Tento stav však není ve spise Hýblově dosti zřetelně podán a redukuje se pouze na osobní vztahy mezi bulharskými politiky a ruskými generály a mezi knížetem bulharským a ruským cářem, ač nitky ruského poručerství spočívaly jednak v celé dvorské společnosti ruské, jednak v ruském ministerstvu věcí zahraničních. „První léta samostatného knížectví bulharského byla velmi bouřlivá. Rozsáhlé svobody ústavní vyžadovaly, aby se novému státu dostalo velmi prozíravého a zkušeného vladaře, muže pevné vůle a vynikajících schopností politických. Ale ve skutečnosti dostal nezkušený lid nezkušeného panovníka“ (str. 74). Spisovatel načrtává povahu a způsob jednání knížete Alexandra, jaké projevil zvláště hned při nevhodném jmenování prvního ministerstva.

„Zatím co knížectví bulharské bylo jevištěm nepřetržitého zápasu stran a pokusů knížete o zavedení pevnější vlády, vyvíjela

se Východní Rumelie . . . mnohem klidněji" (str. 83). Spisovatel podává pěkný přehledný obraz tohoto vývoje. Nejzajímavější stránkou jeho jest zjištění, že jak v knížectví, tak i ve Východní Rumelii rychle ubývalo mohamedánského živlu tureckého a vysvětlení toho hospodářským úpadkem mohamedánů, který se začal už zrušením a postupným mizením soustavy lenní po r. 1839. Za války rusko-turecké se ovšem veliké množství Turků vystěhovalo. Po válce pak „mohamedáni, stěhující se valem ze země, prodávali na rychlo své domy, pozemky a důchody, po uprchlících a zahynulých zůstalo mnoho půdy bez pána". Za nových poměrů vytvořil se v zemích bulharských rychle zámožný stav selský jako velmi zdravá základna zdárného vývoje státního. „Velkostatků (čiflíků) nebylo ani na konci tureckého panství v zemi mnoho . . . Po pádu panství tureckého zakoupily tyto čiflíky větším dílem sousední obce a rozparcelovaly je" (str. 89). „Oba nové státy bulharské nebyly tedy čistě bulharské, avšak Bulhaři v nich měli od počátku většinu téměř dvoutřetinovou, jež za krátkých několik let vyrostla téměř na tři čtvrtiny" (str. 90).

Spisovatel vypočítává, co všechno v prvních letech samostatnosti bulharské (do připojení Východní Rumelie ke knížectví) bylo provedeno nového v oboru vnitřního života veřejného, uvádí také pokroky učinné ve školství. Zde opomenul uvést veliké zásluhy, jaké si zjednal náš KONSTANTIN JIREČEK jakožto vůdčí úředník ministerstva osvěty a jistou dobu i náčelník jeho o vybudování školství obecného a zvláště o výchovu učitelského dorostu (zřizováním učitelských seminářů), jak to vypsál Zlatarski v článku „Дѣйността на д-ръ Конст. Иречекъ въ България" (v Periodičesko Spisanie 64. — k 50. narozeninám Jirečkovým). Vůbec do českého spisu o dějinách bulharských by náležel zvláštní odstavec o tom, jak dalece Čechové působící v obnoveném Bulharsku přispěli svou prací

k vytváření jeho osvěty a vzdělanosti v mnoha oborech jejich. Někteří význační pracovníci by měli býti uvedeni plnými jmény. Mimo to dlužno připomenouti, že Jireček posílal mladé Bulhary studovat na české střední školy (vedle Prahy na př. také do Hradce Králové) a na hospodářskou školu v Táboře, takže před válkou neméně nežli $\frac{1}{5}$ studovaných lidí bulharských se vzdělávala aspoň nějaký čas v Čechách. Spisovatel se dotýká sice na několika místech působení Čechů v novém Bulharsku, ale konkrétního uvádí málo, ač Čechové měli nepochybně poměrně největší podíl na civilisování Bulharska mezi všemi jinými cizinci. Konstantinu Jirečkovi mělo býti vůbec věnováno více místa.

Kapitoly 6. „Makedonští Bulhaři v poslední čtvrti 19. věku" a 7. „Rozpětí národních sil na počátku 20. století", mající přímý vztah ku pronikavým událostem války balkánské a války světové s jejich dalekosáhlými a nepochybně dlouhotrvajícími nepříznivými pro Bulhary důsledky, vyžadovaly od spisovatele nejen důkladného ovládnutí rozsáhlé a na mnoze sporné látky, nýbrž i opatrné nestrannosti — ale on v celku tomuto úkolu dobře vyhověl. V jednotlivostech snad odborníci najdou některé chyby a vady, avšak v celku možno přijmouti ty vědomosti, které Hýbl podává o předválečném stavu Makedonie a o událostech tam sběhlých za spolehlivé, ač sám praví, že co do poměrů národopisných „není možno podati v té věci než obraz přibližný" (str. 121), poněvadž „jsou skoro všechny národopisné a statistické práce o Makedonii (z doby před válkou) zbarveny stranicky a různí se od sebe ne snad v maličkostech, nýbrž přímo v základech" (121).

Stanovisko a názory, které zastává Hýbl v předválečném sporu mezi Srby a Bulhary, který z obou těchto národů má lepší nebo snad výhradní právo na to, aby Makedonii počítal za budoucí součástku svého státu, jsou stanoviskem a názory nejlepších

a nejvážnějších znalců, a to zejména českých a s nimi se shoduje i právní cítění a přesvědčení celého českého národa, jehož přáním a snahou vždycky bylo, aby rozpory mezi jednotlivými národy slovanskými byly vyrovnávány spravedlivě podle zásad práva přirozeného a historického.

Koncem 19. století žilo v Makedonii přes 52% Slovanů, skoro vesměs Bulharů. Jejich sídla zaujímal největší část země, ale z jejich počtu bylo skoro 150.000 Pomáků, kteří se cítili více mohamedány nežli Bulhary. „Mnohem vážnější než číselný poměr mezi jednotlivými národnostmi byly rozdíly v jejich postavení hmotném a sociálním, a tu lze hned předem říci, že se Bulhaři měli po té stránce nejhůře“ (121). Řekové byli větším dílem obyvatelstvo městské, zámožné, národně uvědomělé, těšící se přízni vlády turecké. Bulhaři byli větším dílem lid venkovský, pracující pro své turecké pány. Bulharští sedláci byli jen nájemci tureckých statkářů; byli od nich i od státu bezohledně vyssáváni. Ve městech makedonských se Bulhaři nedodělali té zámožnosti jako čorbadžijové ve vlastním Bulharsku. O chudobě jejich svědčí okolnost, že z Makedonie odcházelo každoročně 70—100.000 chudých bulharských venkovanů do ciziny. Když r. 1872 byl zřízen bulharský exarchát a Porta dala hlasovati v metropolii skopské a ochridské, přihlásilo se obyvatelstvo tamější ohromnou většinou pro svou příslušnost k církvi bulharské. Ale Porta další hlasování zastavila a tak Makedonie zůstala podřízena nadále patriarchátu cařihradskému. Řekové využívající nechuti a nedůvěry Turků k národním snahám bulharským začali po r. 1872 se zdvojeným úsilím pracovati, aby ovládli zemi i všechen lid. „Řekové opírali své nároky na Makedonii o houževnaté zastávání tvrzení, že je to země převážně řecká . . . Vycházejíce z předpokladu, že jižní část poloostrova byla před příchodem Slovanů územím řeckým, prohlašovali všechny jiné národnosti za pozdní vetřelce nebo také za

zbarbarilé Řeky . . . Makedonie měla skutečně, podobně jako též jiné země bulharské, až asi do polovice 19. století na venek ráz silně řecký, v městech se mluvílo skoro jen řecky, na venkově uměli řecky všichni, kdož měli příležitost choditi do škol, řečtina byla hlavním dorozumívacím jazykem po vší zemi, písmo řecké vytlačovalo azbuku i v domácím jazyku bulharském, ba tiskly se jím někdy i bulharské knihy“ (str. 128). „Pro Bulhary bylo nesmírnou škodou, že uzákoněné už církevní připojení Makedonie ke exarchátu nevěšlo ve skutek . . . Obce a kraje, které se odtrhly od církve řecké a přihlásily se k exarchátu, zůstaly nejen bez duchovního vedení, nýbrž také bez právní ochrany . . . S bulharskými exarchisty nakládala vláda od r. 1877 jako s odpadlíky od církve státem uznané; stavěla se v jejich sporech s církví řeckou na stranu Řeků, přikazovala jejich kostely a kláštery, když patriarchát na ně činil nároky, Řekům, nedovolovala jim zřizovati nové kostely a vystupovala zvlášť příkře proti jejich školám . . . Krátce řečeno, bulharské školy, jichž nebylo r. 1886 více než 353, byly trpěny jen z milosti“ . . . (str. 129). „Ze všeho je zřejmo, s jak ohromnými obtížemi, ba přímo nebezpečím byla spojena národní práce v Makedonii a jak těžce se bylo Bulharům brániti proti odnárodnovacím snahám řeckým“. A tu vedle Řeků začali po kongresu berlínském (1878) uplatňovati své nároky na Makedonii i Srbové, jejichž středověcí panovníci ovládali nějaký čas Makedonii jakožto součástku státu srbského, a začali dovozovati, že makedonští Slované jsou vlastně Srbové, ač do té doby uznávali Makedonii za zemi bulharskou a vláda knížectví srbského ve smlouvě s bukurešťskou emigrací bulharskou r. 1867 uznala Makedonii za část budoucího Bulharska. Poněvadž Rakousko obsadilo po válce rusko-turecké Bosnu a Hercegovinu (1878) a tím odňalo Srbsku možnost šířiti se na stejnorodém území k moři Jaderskému, přiznalo mu r. 1881

v tajné smlouvě právo na Kosí pole a Makedonii a slíbilo mu svou podporu. Tak zevními vlivy velmocí, vzájemně soutěžícími byl dán podnět k rozporům a rozbrojům mezi Bulhary a Srby, a to na úkor a s porušením přirozených práv Bulharů. Bulhaři zaplatili fevnivost Rakousko-Uherska a Anglie na Rusko tím, že veliké Bulharsko, utvořené od Ruska mírem svatoštěpánským, obsahující též Makedonii a sjednocující všechny Bulhary v jednom státě, bylo kongresem berlínským rozbito, poněvadž tím mělo být zamezeno přílišné rozšíření politického vlivu ruského. K vyvážení ruské moci na Balkáně Rakousko-Uhersko na účet živlu srbského rozšířilo své panství do sz. kouta Balkánu a Srbsko pokládáno za jeho vasala mělo na býtí rozšíření na účet vasala ruského Bulharska. Srbové ovšem ani Bulhaři si vlastně snad neuvědomovali, že mají býtí nástroji svých mocných protektorů, když ze dvou stran začali usilovati o Makedonii a čím dále ostřeji spolu zápasiti.

Poněvadž povšechná politická konstelace evropská byla dlouho Srbům příznivá, proto dosáhli značných úspěchů a získali v Makedonii mnoho slovanského obyvatelstva, národně neuvědomělého pro sebe. Uplatňovali své nároky na Makedonii jednak právem historickým, jednak důkazy, že makedonští Slované náležejí podle jazyka a jiných známek národopisných ke kmeni srbskému. „Prokázati blízkou jazykovou příbuznost makedonských Slovanů se Srby nebylo celkem nesnadné. Slovanská nářečí v Makedonii mají skutečně některé zvláštnosti, jimiž se blíží místy, zvláště na severu kolem Skopje srbsčině. Uvážíme-li však, že oba hlavní jazyky, bulharský a srbský, se samy mezi sebou příliš nerůzní, nelze se diviti, že nářečí více méně přechodní ukazují některé rysy příbuzné s jazykem srbským. Netřeba popíráti, že se nářečí makedonské neliší od spisovné srbsčiny ani tolik, jako nářečí dolnoněmecké od spisovné němčiny. Srbové by tedy mohli

zcela dobře počítati Makedonce za své, *kdyby právě nebylo ještě větší jazykové příbuznosti mezi Makedonci a Bulhary.*³⁾ Avšak ani to by ještě nerozhodovalo. Ráz jazyka neprokazuje vždy sám o sobě příslušnost k určitému národu; zpravidla vymezuje pevnou hranici na přechodním území dvou národností teprve skutečné přílnutí lidu na tu neb onu stranu, projevující se na venek nejpatrněji užíváním toho či onoho spisovného jazyka, při čemž bývá opět hlavním činitelem vývoj historický a trvalá příslušnost k některému útvaru státnímu. A tu nemůže býtí sporu, že se makedonští Slované, pokud byli vůbec národně uvědomělí, hlásili k jazyku a národu bulharskému, a to nejen v 19. stol., nýbrž i v minulosti“ (str. 131—132) . . . „Vážné práce, otázky té se týkající, zejména odborné úsudky vynikajících slavistů . . . rozhodly spor aspoň po stránce filologické a etnologické ve prospěch Bulharů“ . . . (str. 132).

Bulharům se podařilo nabyti jistých cených úspěchů v soutěži s jinými národy v Makedonii v době, kdy knížectví bulharské nebylo ve shodě s Ruskem — po roce 1886 (po přivtělení Východní Rumelie). „Protiruský a Turecku přátelský směr politiky bulharské učinil Portu přístupnější k žádostem Bulharů“ (str. 134). Několik biskupství dostalo bulharské biskupy a bylo možno zakládati bulharské školy. „Tak se konečně ustavila v Makedonii vedle církve řecké i zvláštní, úředně uznaná církev bulharská, podřízená exarchovi“ (str. 134). Přes to však asi jedna čtvrtina makedonských Bulharů zůstala v područí církve řecké.

Spisovatel podav v 7. kapitole velmi uspokojuvavé vyličení vnější politiky a vnitřních politických zápasů se stálým sledováním událostí makedonských, pojednal na závěrek stručně též o vnitřním hospodářském a kulturním vývoji státu a národa

³ Podtrhuje referent.

bulharského a uzavřel tuto stať vyjádřením svého povšechného úsudku o nich ve chvíli, kdy stáli na prahu velikých událostí, jež se začaly v říjnu r. 1912. „Poslední léta před válkou balkánskou měli Bulhaři ze všech národů poloostrovních pověst nejlepších. Hlubší pozorovatelé uznávali ovšem, že pěkný ten dojem zevní není prost stínů, ale ty nebyly tak zaviněny povahou a vnitřním založením národa, jako jeho mladost a okolnostmi, v nichž se vyvíjel. Zrychlený běh životní byl příčinou, že zájem veřejnosti ulpíval na povrchu. Literatura, věda ani umění nedocházely té pozornosti a podpory, jaké zasluhovaly, lid tak dlouho uhnětený a v bídě vyrostlý hleděl především co nejrychleji zlepšiti své poměry hmotné a nejevil hned dosti smyslu pro zájmy ušlechtilějšího života duchovního. Všechn zřetel veřejnosti se obracel k politice, také v té příčině šlo vždy spíše o osoby než o věci. Nepřiměřený počet a rozvášněnost stran nedopřály lidu, aby pronikl k jádru otázek politických, hospodářských, finančních, kulturních, nízká úroveň tisku živila vášně, ale nešířila poznání... Následek pustých štvanic byl, že se politika velké části národa znechutila; za posledních let se dostavovala sotva polovička voličů k volbám... Strany se vinily navzájem z činů nezákonných, ale když oposice přišla k vládě, nechovala se zpravidla o nic lépe. Nesprávnosti v úřadech, úplatnost a podloudné obohacování jednotlivců se množily tou měrou, že nabývaly rázu zcela všedního... Ani kníže nebyl bez viny, protože trpěl ve svém okolí lidi nečistých rukou, jenom aby v nich měl poddajnější nástroje“ (str. 172—173). Přes to však soudí Hýbl, že proti těmto nepěkným zjevům se staví „přece jen tolik utěšených stránek národního vývoje, že celkový úsudek musil vyzníti nadějně.“

Poslední (8.), smutná kapitola dějin bulharských „Úspěch a ponížení“ vypadla poměrně stručně. Spisovatel nemohl se přirozeně pouštět do důkladného vyličování

války balkánské a účastenství Bulharska ve válce světové, poněvadž tenkrát, kdy svou knihu skládal a ještě ani dnes není možno provést vědecky uspokojivě zjištění bytí i nejdůležitějších skutečností. Podal jen přehled událostí obecně známých, ale nemohl si přece odepřít pronést svůj úsudek o zahraniční politice bulharské. Jestliže jeho mínění o chování Bulharska za války balkánské jest pro ně venkoncem příznivé a odmítavé k Rusku a Rumunsku, pokládá na druhé straně přistoupení Bulharska ke spolku s ústředními mocnostmi za politiku naprosto nevhodnou, která odporovala tehdejšímu poměru Bulharska jak k Dohodě a jejím velmi příznivým nabídkám, tak i jeho mezinárodnímu postavení.

Vydání posmrtného spisu Hýblova byla věnována od vydavatele J. SLAVÍKA náležitá péče. K 1. svazku jsou přidány 2 mapy (Balkánského poloostrova od konce VII. do počátku IX. století a Bulharska od X. do XIV. století), k svazku 2. 1 mapa (Bulharska v XIX. století) a Rejstřík. Tiskových chyb by ovšem mělo být méně. Některé sice jsou opraveny na konci 2. svazku, ale mnohé zůstaly neopraveny. Pomíjíje méně významné, upozorňuji zejména, že v záhlaví 7. kapitoly svazku 2. (str. 143) jméno ministra Petrova je popleteno se jménem ministra Petkova. O nich obou se mluví na str. 152, ale jméno Rača Petrova (ministrského předsedy r. 1903) není ani uvedeno v Rejstříku. Na str. I, 40 má stát Dobretovi m. Dobretovi. Na str. I, 89 se praví, že bulharští poslové předložili papeži 100 otázek, ale bylo jich 106. Na str. I, 118 má stát do Vodenu m. do Vodanu, na str. I, 136 Theodosiupoli (ne: Theodosiopol) místo Theodiosiodiopol, na str. II, 9 Osman místo Osmar, na str. I, 174 πρόνοια m. πρόνεια na str. I, 181 kefalija m. kofalija, na str. I, 190 Mutafčiev m. Mutavčiev, na str. I, 252 Tafrali m. Tafrati, na str. II, 51 Ami Boué m. Ami Boné, na str. II, 37 Czartoryski m. Czartoriski. Při příjmení Zach

v Rejstříku mělo být přidáno křestní jméno *František*. Místo *Svištov* je správnější *Soluň* správnější *Solun*, (gen. *Soluna* neb *Solunu*). Na str. 121 se cituje správně *Кънѡвъ* (v poznámce), ale též spisovatel se na str. 133 uvádí jménem *Къѡѡм* (!) a na str. 141 (v pozn.) jménem *Kunčev*. Na str. II, 179 má stát *Danev* místo *Danov*. Mezi chybami tiskovými se uvádí ze str. I, 79 slovo *ἀνθρωπος* které se však neopravuje a do oprav vůbec nepatří, poněvadž výraz *ἄνθρωπος* *ἀνθρωπος* *μου* se dvěma akcenty na *ἀνθρωπος* je zcela správně vytištěn. Slovo *bratři* se píše s dlouhým *i* a instr. zní *bratřími* a nikoliv *bratry* (II, 234 srov. II, 207). Při spisu *Saxové* (II, 52) chybí místo a rok vydání. Na str. II, 73 stojí bezličikové místo *begličikové*. Na str. II, 134 9. řádek zdola stojí *když* místo *kdož*. Na str. I, 147 se uvádí nesprávně název a rok vydání spisu *Sávy Chilandarce*.

Některé vady textu dlužno ovšem přičísti samému spisovateli. Je to, tuším, především vyjadřování bulharského *ъ* pouhým apostrofem ' za hláskou, po které *ъ* následuje, na př. *B'lgarija*. Jestliže při transkripci textů ruských a ukrajinských (a také starších textů srbských) lze *ъ* prostě vynechávat (zvláště na konci slov), aniž by vůbec bylo potřebí naznačovat jejich místo nějakým znamením (to se činí pouze při *ъ*, poněvadž toto naznačuje měkkost předcházející hlásky, na př. *Gri-gor'ev*), není to správné v bulharštině, poněvadž tam se *ъ* vyslovuje; slovo *B'lgarija* zní skoro jako *Balgarija*. Proto také se dnes namnoze tvrdé *ъ* i při transkripci textů ruských nevynechává, nýbrž naznačuje písmenem *ă* nebo *ŭ* (jako je tomu v rumunštině) za tím účelem, aby transkripce kyrillice byla vesměs jednotná, pro všechny jazyky stejná. Hýbl uvádí na str. I, 207 jméno *Drman* (bulh. *Дръман*). Že je to čtení nesprávné, možno se poučiti u Zlatarského v jeho německém spise (151), který jej nazývá *Darmanem*. Po-

dobně místo *Črnomen* (I, 217) Zlatarski píše *Černomen*.

Hýbl skloňuje jméno *Prěslav* podle vzoru *Boleslav* a píše také (I, 78) *Malá Prěslav*, jako by to bylo přídavné jméno přisvojovací — to však je omyl; *Prěslav* není adjektivum přisvojovací, není odvozeno od nějakého muže *Prěslava*, nýbrž znamená toliko *Prěslavný hrad* (město) — srov. Jirečkův článek v Ottově Slovníku Naučném *Preslav Veliký* a *Preslav Malý*.

Hýbl a s ním někteří jiní historikové mi zazlívali, že jsem v učebnici dějepisu pro střední školy zavedl jméno *Kosí pole* m. obvyklého „Kosovo pole“. Ač jsme spolu o té věci mluvili, nedal se mými důvody přesvědčiti a setrval ve svých Dějinách nář. bulharského při Kosovu. Proto pokládám za potřebné zde odůvodniti svůj odpor proti výrazu *Kosovo*. Krajina, které Srbové a Bulhaři říkají *Kosovo polje* nebo prostě *Kosovo*, má své jméno od ptáků *kosů*; v latinských památkách 14. a 15. století slove „Campus turdorum, merularum“, německy r. 1530 „Ampsifeld“, později „Amselfeld“. Poněvadž to není odvozeno od osobního jména *Kos*, tedy po česku dlužno říkati *Kosí pole*, podobně jako se říká *lví tlama*, *Býčí skála* atd. Staří Čechové užívali adjektiva sklonění tvrdého a ve starších překladech bible čteme tudíž o *Danielovi* v *jámě lvové* místo *lví*. Podobně v Riegrově Naučném Slovníku se uvádí *Kosové pole*. Srbové a Bulhaři ovšem nemohou říci jinak, nežli *Kosovo polje* — ale tato koncovka *-ovo* má též význam jako dříve u nás užívaná koncovka *-ové* místo *-í*. Poněvadž se užívá často pouhého *Kosovo* bez substantiva *polje*, bylo by ovšem možno připustiti užívání tohoto slova samotného, ale jakmile k němu připojíme substantivum *pole*, je adjektivum *Kosovo* nesprávné. Ve škole je zajisté lépe užívatí výrazu *Kosí pole*, aby žákům byl patrný původ toho názvu.

Dále dlužno vytknouti nesprávné transkribování řeckých jmen po česku. Hýbl

(I, 82 a jinde) píše jméno císaře Basileia *Basilios*. Jest pravda sice, že *ei* už ve středověké řečtině se vyslovovalo jako pouhé *i*, chceme-li však psáti jméno Basileios foneticky, pak musíme psáti *Vasilios*, nebo prostě (po ruském způsobu) *Vasil*, poněvadž řecké psané *B* se vyslovuje jako *V*. Avšak byzantologové (ani ruské nevyjímaje) upouštějí od vyjadřování skutečného znění středověkých jmen a transskribují je písmem latinským pouhým zaměňováním týchž písmen řeckých za latinské. Vzorem toho jest Krumbacherova „Geschichte der byzantinischen Literatur“. Proto se také všeobecně píše Batatzes a ne Vataces (nebo dokonce Vatakes) a p., jak píše Hýbl. Podobně tedy se píše Nikeforos a ne Nikiforos, třebaž že η se čte jako i. Nesprávné jest psáti císař Konstantin Porfyrogenita (I, 79), místo *Porfyrogenetos*. Místo exarcha jest lépe psáti *exarch*, poněvadž řecké slovo je *exarchos* a ne exarches. Místo Jan Cimisches se píše *Tzimiskes* nebo *Cimiskes*. Od jména *Nikaja* (Nikaia) je správné adjektivum nikajský, nikoliv nikejský — možné je ovšem *nicejský* od latinského *Nicaea*. Na str. I, 36 se slovanské slovo knez odvozuje z germánského kunning a předpokládá se praslovanský tvar *konez* (!). Bogomilský biskup se nejmenoval *dědyс* nýbrž *dědy*. Na str. II, 43 píše Hýbl *Botjov*, ale Stanev ve svém německém spise *Botev* (bulharský se píše *Botevъ*).
Jaroslav Bidlo.

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В. Е. ВАЛЬДЕНБЕРГА.

За последние семь лет появился ряд статей по истории византийских и славянских политических идей, принадлежащих перу известного исследователя в этой области В. Е. Вальденберга. Вальденберг с правом может сказать, что первый специально занялся этой интересной и почти совершенно до него неразработанной областью. Еще в 1916 году в книге, посвященной древне-

русским политическим идеям («Древнерусския учения о предѣлах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII вѣка». Петроград. 1916.), он посвятил особую главу источникам русских идей, т. е. писаниям Отцов Церкви и византийским учениям. В ней он рассматривает учения византийских авторов поскольку они касаются проблемы ограниченности или полноты царской власти, но вмѣстѣ с тѣм и дает представление и о самих сочинениях, т. к. центром их обычно является образ идеальнаго правителя или соотвѣтствующаго поучения царю.

По свѣдѣніям, помѣщенным в Byzantion. t. I. 1924. p. 727. Вальденберг предполагал дать исторію византийских политических идей и уже приготовил к печати I том, обнимающій время от V до X вѣка. К сожалѣнію, сочинение это не вышло цѣликом. Часть его, вѣроятно, вошла в тѣ отдѣльныя статьи, которыя являются объектами даннаго обзора.

Начинает Вальденберг изученіе византийских и славянских политических идей с самых истоков их, т. е. с античных идей, но не в чистом их видѣ, а в эллинистической передачѣ их.¹ Поэтому особое вниманіе удѣлено им в большой статьѣ философіи Діона Хризостома. (Политическая философія Діона Хризостома. Извѣстія Академіи Наук. С. С. С. Р. 1926. pars I. p. 943; II. p. 1281; III. p. 1533; 1927; IV. p. 287.) По его словам, в настоящее время не может подлежать ни малѣйшему сомнѣнію вліяніе Діона на Ѳемистія, Синезія, Ѳеофилакта Симокатта, Василія Македонянина, Ѳеофилакта Болгарскаго, Арефу Кесарійскаго, Ѳеодора Метохита, Виссаріона Никейскаго и нѣкоторых других. (I. p. 943.)

Вальденберг останавливается: 1. на источниках философской системы Діона — на него

¹ Главными факторами, вліявшими на созданіе византийских политических понятій, Вальденберг считает христіанство, восток, римскую государственную идею и греческую античную философію. (Діон Хризостом. I p. 944.)

влияти стоицизм, учение циников, философия Платона и пифагорейцев; 2. на нравственных проблемах; 3. на вопросе об оправдании государства — Дюн слѣдует взглядам Аристотеля на необходимость государства, но придает им болѣе широкое и прочное обоснование. Современные ему государства Дюн считает только государствами по имени. Учение его об идеальном государствѣ построено на религиозно — метафизической основѣ: идеал его космос, гдѣ законы права становятся законами природы; 4. на отношеніи философіи к государству — Вальденберг дает интересный очерк учения сократовской школы о наукѣ управлять; с этой темой приходится неоднократно встрѣчаться и византийской литературѣ и болѣе поздняго времени, как напр. у Никифора Влеммида и Феодора II-го Ласкаря². Дюн также считает необходимым для правителя знание, но вмѣсто философа-царя выдвигает философа-совѣтника; 5. на формах государства — Дюн раздѣляет государства на справедливыя и искаженныя: из искаженных он самой пріемлимой формой считает тирранію; 6. на соотношеніи закона и обычая — обычаю дается преимущество перед законом; 7. на вопросѣ о рабствѣ и свободѣ — Дюном смѣшиваются понятія свободы правовой и духовной — внутренней; 8. на общественном идеалѣ — проповѣдуется «возврат к природѣ, к первобытной простотѣ, к трудовой жизни к самоусовершенствованію» (IV. p. 303).

Другим посредником между античностью и Византіей является Θεμιστίη (Waldenberg, Discours politiques de Thémistius dans leur rapport avec l'antiquité. Byzantion. I. 1924. p. 557—580). От Θεμιστίη до нас дошел ряд рѣчей, написанных на политическія темы; многія мысли заимствованы

им из античности. Любимыя его темы суть слѣдующія: 1. государство и философія; 2. филантропія — вносится новый христіанскій взгляд братства всѣх и превозношеніе этой добродѣтели, понимаемой, как стремленіе царя к счастью всѣх своих подданных.

Здѣсь необходимо также упомянуть о статьях В. Вальденберга, посвященных византийской философіи. *La philosophie byzantine aux IV—V siècles. Byzantion. IV. (1927 — 1928). Liège. 1929. p. 233.* В останавливается на главных представителях различных философских теченій: для нео-платонизма на Синезіи и Псевдо-Діонисіи Ареопагитѣ; на приверженцѣ Аристотеля Немезіи; на Енеѣ Газском, противникѣ Аристотеля и неоплатонизма. Другой очерк, посвященный всей византийской философіи появился в «Revue de l'histoire de la philosophie et de la religion». 1930.

Из византийских политических писателей вниманіе Вальденберга привлек Петр Патрицій. (Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice. II. p. 56 sq.) Петр Патрицій, приверженец нео-платонизма, придерживается сократическаго взгляда на необходимость особой науки управления, но и сам индивидуально разрабатывает это учение. Особо интересны отрывки, дающіе серію основных законов монархіи, своего рода конституцію (p. 65). Этих основоположеній дошло до нас пять: 1. об избраніи царя на царство; 2. о сенатѣ, причем Петр высказывается за сохраненіе его прав. Приэтом Вальденберг особо останавливается на словѣ таксіархія. Ему посвящена замѣтка в XXIV томѣ Византийскаго Временника. Ленинград, 1926.³ Ταξιάρχος, p. 134—137. Мнѣ кажется возможным здѣсь усмотрѣть притязанія сената на замѣщеніе мѣст начальников провинцій

² Theodori, Ducae Lascaris, Epistulae CCXVII. ed. Festa. Firenze. 1898. Append. III. Nicephori Epist. IX. p. 300; XIII. p. 303; Андреева, Очерки по культурѣ византийскаго двора в XIII вѣкѣ. Rozprawy čes. král. spol. nauk. Nová serie. VIII. č. 3. Praha. 1927, p. 167. О выдвинутіи учения Сократа, как извѣстнаго пріема борьбы. M. Andreeva. Náznaky Theodora II Laskarisa

o ideálním panovníku. Bidlivy Sborník. Praha. 1928. p. 71—76; Polemika Θεοδωρα II Λασκαρη с Никифором Влеммидом. Věstník král. čes. spol. nauk. t. I. 1929, p. 7—8; 25—26.

³ В том же номерѣ Византийскаго Временника Вальденбергом помѣщена замѣтка о монархаторѣ. Μονοκρατορ, p. 138—139.

из своей среды. Известно, что до половины VI-го века значительное число провинций управлялось консулариями (*βιταριοί*),⁴ но конечно их зависимость от сената, если вообще в то время еще и существовала, была чисто номинальной. Ременисценции же о лучших временах были еще сильны. 3. Об условиях избрания епископов. 4. Об избрании на высшие должности в государстве людей, принадлежащих к знати. 5. О ненарушимости законов. На примере Петра Патриция Вальденберг подтвердил мысль, что византийские политические сочинения не были сплошь риторическими, но и затрагивали вопросы, навеянные реальной действительностью.

Интересным памятником византийских политических идей является речь влагамая в уста Юстина II некоторыми византийскими историками. (Речь Юстина II к Тиверію. Известия Академии Наук СССР. 1928 г. р. 111). Эта речь в передаче Теофилакта Симокатского «представляет из себя отчет Юстина II в его деятельности, с другой стороны, политическую программу, которую он предлагает новому кесарю Тиверію». Речь эта имеет несколько иное содержание у Иоанна Ефесского и Евagriя. Повидимому, эта речь служила литературной формой, в которой отдельные авторы выражали общественное настроение (р. 129). Речь в изложении Теофилакта Симокатского дает цѣлую политическую теорию, некоторые черты которой, напр. побѣда теократического принципа, связывают ее с позднейшей византийской литературой. Вальденберг рассматривает также варианты этой речи у позднейших авторов.

Nikoulitza et les historiens byzantins contemporains. Byzantion III. Liège. 1927. p. 95 sq. Рассматриваются совѣты царю одного мало известного византийского писателя XI века, изданного в свое время В. Г. Васильевским. Никулица — военный, служивший при

Михаилѣ IV Пафлагонинѣ. Это обстоятельство отражается на его сочинении, в котором больше практических совѣтов, чѣм теорій. Взгляд его на царя теократический — власть его Никулица считает неограниченной. Этот вопрос, как и попытка начертать образ идеальнаго правителя типичны для позднейшей византийской литературы, гдѣ эти проблемы приобретают реальный интерес. Здесь слѣдуетъ добавить о небольшой статьѣ въ *Byzantinische Zeitschrift* XXX. Heisenbergs Festschrift. V. Valdenberg. Notes sur l'oraison funèbre de G. Acropolite. В ней разбираются политические темы этой речи, как актуальные и специально византийские, так и риторические.

Перехожу к статьям Вальденберга, касающимся переводов на славянский язык византийских политических сочинений и взаимоотношений теорій византийских и русских.

Большой популярностью в переводной литературѣ на Западѣ и в Россіи пользовался «Царский свиток» діакона Агапита. Вальденберг посвящает этому сочинению двѣ статьи: «Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности». Византийский Временник. т. XXIV. (1923—1926). Ленинград. 1926. р. 27—34. «Печатные переводы Агапита.» Доклады Академии Наук СССР. 1928. II серия. № 13. р. 283—290. В древней Руси Агапит был известен, как в переводах, так и по ссылкам на него отдельных авторов. Все же Агапит был мало использован. Вальденберг указывает всего на три идеи, заимствованные русской письменностью от Агапита: «соблюдение законности, мысли, что государь должен внимательно относиться к совѣтам, и мысль об обязанности для него нравственной поддержки.» (В. Вр. р. 33.) Значение Агапита для русской письменности заключалось не в передачѣ чисто византийских идей, а идей античной философии. Во второй статьѣ Вальденберг рассматривает болѣе поздние переводы Агапита, XVII и XVIII вв. Между

⁴ Hanton. Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. Byzantion. IV. (1927—1928). Paris. 1929. p. 133—134.

ними слѣдует отмѣтить перевод Петра Могилы и перевод времени Екатерины II, 1771 года. Послѣдній отличается тенденциозностью, напр. в стремленіи изобразить царскую власть болѣе абсолютной, чѣм это сдѣлано у Агапита. Интересно было бы прослѣдить вліяніе подобных переводов византійских авторов на то представление о Византіи, которое сложилось хотя бы у славянофилов.

Проблема тиррана и сравненія его с законным царем была отмѣчена Вальденбергом в сочиненіях отдѣльных византійских авторов. Соотношенія русской теории с западной и византійской он касается в статьѣ «Понятіе о тирранѣ в древнерусской литературѣ в сравненіи с западной». Академія Наук СССР. Извѣстія по русскому языку и словесности. 1929. р. 214—236. В древнерусской литературѣ замѣчается полное единство при опредѣленіи тиррана — это человек незаконно правящій государством, тогда как в византійской литературѣ главным образом подчеркивается момент незаконнаго приобрѣтенія власти. Ученіе о сопротивленіи власти тиррана и о том, как далеко может идти это сопротивление в византійской литературѣ вовсе не обсуждается. Правда, зато сверженіе неугодных правителей часто имѣло мѣсто на практикѣ. Теоретически это было небезопасно обсуждать, но извѣстный принцип сопротивленія существовал.

О византійском вліяніи, по мнѣнію Вальденберга, можно говорить только в том смыслѣ, что «Византія могла внушить русской литературѣ или укрѣпить в ней, извѣстное міровоззрѣніе, которое для большинства русских ученій о тирранѣ составило существенную основу. В остальном же они сложились совершенно самостоятельно» (р. 235—236).

Этот взгляд быть может высказан слишком рѣшительно. Мотив нравственный, тиррана — дурного правителя, из котораго развилось дальнѣйшее ученіе, как указывает сам Вальденберг, имѣется и в визан-

тійской литературѣ. Интересно также было бы поискать аналогій в югославянской литературѣ.

Рядом статей Вальденберг подвел прочный фундамент под изученіе византійских и славянских политических идей. Остается только надѣяться, что ему удастся возвести и цѣлое зданіе в видѣ исторіи их, хотя бы только в Византіи, что представлялось бы цѣнным вкладом в науку.

М. Андреева.

TH. PH. PAPACONSTANTINOUS, 'Η Καστορία. Γεωγραφία - Ιστορία - τέχνη. (μετὰ εἰκόνων, χαρτῶν καὶ σχεδίων). *Athènes*, 1930. p. 75 16°

Kastoria, la ville de la Macédoine occidentale, dont M. Papaconstantinou s'est proposé d'écrire une brève histoire¹, compte aujourd'hui plus de 10000 habitants. Bâtie sur les bords du lac dont elle porte le nom, elle occupe une place des plus importantes dans le commerce de la Macédoine hellénique. Comme l'histoire de cette ville présente un intérêt particulier pour tous ceux qui s'occupent de l'histoire médiévale des Slaves des Balkans, je donnerai ici une brève analyse de ce petit livre, en insistant surtout sur les relations des habitants avec les Slaves, notamment les Serbes et les Bulgares.

Le nom de Kastoria (Καστορία) se rencontre pour la première fois chez Procope (*De aedificiis*, IV. 3, 273) et se rapporte non point à la ville, mais au lac. La ville qui porte ce nom ne fut bâtie que vers le milieu du VIe siècle par Justinien le grand, sur l'emplacement de l'ancienne Dioclétiannopolis. A partir de cette date jusqu'au Xe siècle nous n'avons pas la moindre indication sur le sort de Kastoria. Au Xe siècle elle fut envahie par les Bulgares sur lesquels les Byzantins parvinrent à la recouvrer grâce aux Petchénègues. Sous le règne du tzar Samuel, durant la grande

¹ Ce livre est un tirage à part d'un long article publié dans la Grande Encyclopédie Hellénique.

lutte entre les Byzantins et les Bulgares, la ville tomba aux mains de ces derniers; elle ne fut recouvrée qu'en 1018 par les armées victorieuses de Basile II. Le péril bulgare écarté pour quelques siècles, Kastoria fut, pendant longtemps, la proie des Normands qui, sous les Comnènes, entreprirent de grandes expéditions contre l'Empire byzantin.

Après la prise de Constantinople par les Latins, Kastoria fut de nouveau occupée par les Bulgares, mais, quelques années plus tard, elle fut annexée au despotat grec d'Epire. En 1251 un des généraux du despote Michel II reconnut la souveraineté de l'empereur de Nicée Jean Vatatzès et Kastoria passa ainsi sous la domination de l'Empire asiatique. Reprise par le despote d'Epire qui, en 1253, avait violé le traité de paix avec Batatzès, elle fut recouvrée peu après par les troupes de ce dernier. Après la mort de ce grand souverain, Michel II se révolta et, après avoir battu le général et historien byzantin Georges Acropolite, il s'empara de Kastoria qu'il garda jusqu'à l'année 1259, date où les armées de Michel VIII Paléologue battirent, près de Pélagonie, le despote grec et ses alliés Francs. A partir de ce moment Kastoria devient une des plus importantes places de l'Empire byzantin, restauré par le fondateur de la dynastie des Paléologues. Durant la guerre civile entre Andronic II et son petit-fils Andronic III, la ville fut occupée par les partisans de ce dernier. Mais deux années plus tard le général d'Andronic Syrgiannis se révolta et se réfugia auprès du roi de Serbie Etienne Doušan qui s'empara, en 1331, de Kastoria.

Les Serbes furent les maîtres de la ville de Kastoria jusqu'à l'année 1385. A cette date le gouverneur de Skodra Balša, battu par le général turc Khairuddin-pacha, fut obligé de céder le pas aux armées du sultan Mourad Ier. Kastoria resta sous la domination turque jusqu'en 1912.

Outre l'histoire politique, on trouve

dans le petit volume, dont nous donnons l'analyse, un chapitre très intéressant (p. 45—64) sur les églises byzantines de Kastoria. Ces églises datent pour la plupart de l'époque byzantine; quelques-unes furent construites ou restaurées sous les princes serbes.

On trouvera enfin un bref chapitre (p. 65—66), trop bref malheureusement, sur l'histoire ecclésiastique de Kastoria.

On voit de tout cela que le livre de M. Papaconstantinou, malgré son exiguité, présente un grand intérêt pour les études byzantines et slaves. Il est d'ailleurs écrit avec beaucoup d'attention, avec précision et avec une clarté qu'il serait injuste de passer sous silence.

D. A. Zakythinos.

KR. SANDFELD: *LINGUISTIQUE BALCANIQUE. Problèmes et résultats. Collection linguistique, publiée par la Société de linguistique, XXXI.* — Paris, Champion 1930. Pages 242.

Je to druhé vydání a nové zpracování knihy »Balkanfilologien«, kterou vydal dánský romanista a balkanolog v Kodani 1926. Je to kompendium problémů balkánské linguistiky, které velmi přehledně třídí bohatý materiál a kriticky vyšetřuje dosavadní badání s bohatými citacemi bibliografickými, při čemž respektuje také práce slovanských badatelů, jako BARIČE, CO-NEVA, ČOROVÍČE, JIREČKA, JOKLA, MICHOVA, MIKLOSICHE, MILETIČE, MLADENOVA, ROMANSKÉHO, SKOKA, SELIŠČEVA; vedle toho ovšem zpracoval také rozsáhlý materiál rumunologů jako DENSUSIANU, HASDEU, PUȘCARIU, WEIGANDA a západoevropských romanistů, výzkumy VASME-ROVY a m. j. — zkrátka, podává spolehlivé vodítko ve spleti záhad balkánských jazyků na širokém a důkladném podkladě. Vylouží v I. kapitole těsnou vzájemnou příbuznost jednotlivých etnických složek na Balkáně, a jejich kulturní shody, které

dovolují pojímati jazyky balkánské jako jednu skupinu přes jejich genetickou rozlišnost, probírá SANDFELD v kap. II. slova přejatá, a sice ukazuje nejprve, která slova řecká byla přejata do ostatních balkánských jazyků, jako ř. *λείπω*, alb. *lipsem*, bulh. *lipsam*, sch. *lipsati*, rum. *lipsi*, potom slova latinská a románská, po Balkáně rozšířená, dále slova albánská, slovanská, turecká a slova jiného původu. Ve III. kap. se vykládají shody mezi různými jazyky balkánskými mimo slovník; zejména tu zájímají mluvnické shody mezi řečtinou a bulharštinou, mezi albánštinou a bulharštinou, mezi albánštinou a rumunštinou a zvláště shody mezi slovanštinou na jedné straně a rumunštinou a albánštinou na druhé; konečně se probírají shody mezi balkánskými jazyky a turečtinou. Nejobsáhlejší je poslední, IV. kapitola, ve které SANDFELD na rozdíl od předcházející kapitoly, věnované mluvnickým shodám částečným, byť i dosti rozšířeným, shrnuje ty mluvnické shody, které jsou »specificky balkánské«, jsouce společné řečtině, albánštině, bulharštině a rumunštině, někdy také srbochorvatštině. Jsou to: 1. postpositivní člen, 2. zánik infinitivu, 3. tvoření futura, 4. genitiv-dativ a užívání dativu osobních zájmen ve významu possessivním (sch. *majka mi*), 5. tytéž formy pro význam »ubi« a »quo«; proleptické užívání zájmen osobních; 6. »accusatif avec proposition substantives«, 7. užívání slučovací spojky po záporné větě, 8. jiné případy parataxe, 9. užívání dvou akusativů vnějšího předmětu (osobního a věcného) při téžte slovese přechodném, 10. vyjadřování věku pomocí slovesa »esse« (bulh. typ *az sam na petna-deset godini*), 11. vyjadřování přibližnosti příslovcem způsobu (vyšlo z biblické řeči, viz řec. *ὥς ἔθων δώδεκα* Luk. VIII, 42), 12. shody fraseologické. SANDFELD je si vědom toho, že některé ze shod »balkánských« lze doložit i v jiných jazycích,

ku př. v jiných dialektech románských; a mohli bychom k tomu dodati, že i v mimobalkánských jazycích slovanských se najdou některé syntaktické rysy, uvedené zde mezi balkánskými, ku př. ono užívání slučovací spojky po negativní větě, viz české *eště se nenajed' jednoho, a už by chtěl druhý*. Ale přes to valná většina shod zde uvedených je nepochybná, a dovoluje, abychom mluvili o balkánské skupině jazykové jako o linguistické jednotce, o vědeckém celku.

Jiná jest otázka, jak tuto příbuznost či jednotnost vysvětlovati: lze-li vycházeti z předpokladu jakési starší jazykové jednoty a jak tuto jednotu vyložit, zdali cizím ethnickým substrátem, jak chtěl MIKLOSICH (Die slavischen Elemente im Rumunischen, 1862), či vzájemným vlivem sousedících jazyků, či prostou souběžností vývoje jazyků, žijících celkem v týchž podmínkách zeměpisných, politických, sociálních a kulturních, či míšením nebo stěhováním obyvatelstva či dvojjazyczností, po případě mnohojazyczností obyvatelstva, silně promíšeného a tudíž odkázaného na neustálé střídání obcovacích jazyků. SANDFELD se v úvodu i v dalších kapitolách mistry dotkl těchto problémů, ale neřešil jich. Zůstal jen na poli slovníku a čistě mluvnické, a nepustil se do výkladů, které by nutně musily zacházeti na pole ethnologie, sociologie, historie kultury a jiných pomezských věd. Jistě tyto výklady by musily býti velmi složité a jistě by nesměly schematicky používat jen jediné — kterékoli — z cest výše naznačených. Jistě ku př. velmi silný byl vliv byzantské řečtiny, jakožto jazyka, v jehož pozadí byla největší politická moc a nejvyšší kulturní síla, na ostatní balkánské jazyky; ale za jisté všechny shody, a zejména morfologické (ztráta deklinace, postpositivní člen, zánik infinitivu) by se tímto způsobem nevysvětlily. Tyto strukturální shody se asi spíše vysvětlí cestou bilinguismu, jak po-

znamenává MEILLET (Bull. Soc. ling. XXXI, 1931, 59 n.); on dokonce se ptá, zdali podnět k vývoji postpositivního členu nevysel přímo z bulharštiny.

Bylo by také třeba poznamenati, že SANDFELD přes úplnost a soustavnost, s jakou svůj mnohostranný materiál seskupil, přece všech stránek nevycerpal. Podal mnoho pro lexikální rozbor a pro sémantiku, dále pro pochopení morfologické struktury balkánských jazyků a pro uvědomění jejich shod syntaktických, zvl. větoslovných, avšak méně pozornosti věnoval shodám kmenoslovným a hláskoslovným, zvl. fonologickým. Miklosich ku př. upozornil na hojnost hlásky *a* v rumunštině, bulharštině a albánštině (a mohlo by se připojit, i v srbochorvatštině) a na některé obdoby ve střídání *n/r*, po příp. *l/r*. Bylo by třeba podrobiti srovnávacímu rozboru fonologický systém balkánských jazyků. Konečně i v lexikální analýze by bylo roztržiti slovní shody v přejímání slov podle věcných skupin, podle významných kategorií. Že tyto všechny záhady se ještě znášobují potížemi chronologickými, je samozřejmé a při mezerovitosti lexikologie i historické gramatiky oněch jazyků jasné.

Přes to však je kniha prof. SANDFELDA výborná a jsme mu za ni vděční. Principiálně pokládáme za zisk z ní hlavně to poučení, že vzájemná příbuznost balkánských jazyků, geneticky různých, jest ji prokázána. Potvrzuje se tím tedy nanovo: 1. že jevy jednotlivého balkánského jazyka nemohou býti vykládány izolovaně, jen z něho samojediného, jak posledně činí MLADENOV ve své *Geschichte der bulgarischen sprache* (1929), a 2. že pozorování jazyků jen na základě jejich genetické příslušnosti, tedy ku př. zkoumání jazyka bulharského a srbochorvatského jen s hlediska srovnávací mluvnice slovanské, nedává rovněž záruku úplně správného výkladu, nýbrž že vedle genetického třídění je neméně důležité třídění s hlediska static-

kého, třídění podle příbuzenství jazykové struktury v dané době, vyvinutého ze shody sociologických podmínek, jak m. j. upozornil TRUBECKOJ na linguistickém sjezdu v Haagu 1928. M. Weingart.

БЪЛГАРСКИ СТАРИНИ ИЗЪ МАКЕДОНИЯ. Събрани и обяснени отъ проф. ЙОРДАНЪ ИВАНОВЪ. Второ, допълнено издание. Издава Българската Академия на наукитѣ. София 1931. Стран VIII а 672 vel. 8°.

Tento mohutný a nově doplněný soubor bulharských památek z Makedonie (1. vyd. vyšlo 1908), uspořádaný prof. JORDANEM IVANOVEM, a to dílem na základě jeho vlastních výzkumů na místě samém, je rozdělen na dvě části: *První část je epigrafická* (str. 1—279): obsahuje nápisy na kameni, zejména na chrámech, a mimoto zápisy a poznámky v rukopisech. Obsahuje 25 oddílů. Jako první jest otištěn řecký nápis knížete PRESIAMA z Filip u Kavaly, dále nedávno objevený jiný nápis z Filip, uveřejněný r. 1928 prof. DVORNÍKEM (Bull. de correspondance hellénique LII, 125—147), řecké nápisy knížete Borisa (866) a cara Symeona (904). Následuje první hlaholský fragmentární nápis z Iverského kláštera (982), známý kyrilský nápis cara Samuela z Prespy (993) a nápis z pevnosti Kŕrčeva. Tyto nápisy jakožto nejdůležitější jsou umístěny v čele sbírky, každý ve zvláštní kapitole. Ostatní, mladší a mnohem hojnější nápisy, jsou seřazeny zeměpisně podle oblastí a uvnitř každé oblasti chronologicky, od XIII. až do XIX. stol. Následují tedy kapitoly takto za sebou: Ochridsko, Prespa, Bitolsko a Prilepsko, Tikveš a Moriovo, Velešsko, Debrŕsko a Kičevsko, Tetovsko, Skoplsko, Kumanovsko, Palanešsko, Kratovsko, Bregalnica a Strumicko, Vodensko, Soluňsko, porčiči Strumy a Mesty; poté jsou nápisy z pečeti bulharských obcí a nápisy ze Svaté hory athonské. Všecky

řecké i církevněslovanské nápisy jsou uvedeny v původním znění, řecké mimo to v bulharském překladě, jsou paleograficky popsány a historicky komentovány a některé jsou také reprodukovány ve snímcích. Jsou tu sebrány nejen nápisy z kamenných desek, zvláště z chrámů, nýbrž i nápisy z ikon, z molybdobulů, z říz a rouch, z pozdějších dob pak zápisy a různé poznámky z rukopisů i z tištěných knih, pokud mají vztah k bulharským dějinám. Sbíрка těchto četných drobných dokumentů je velmi cenná, a je důležitá nejen pro historika, nýbrž i pro filologa, zvláště také pro jazykové dějiny. Má býtli ovšem správně posuzována s hlediska balkánské historie vůbec, nikoli jen bulharské, neboť i pro srbské i pro byzantské dějiny jsou tu cenné drobnosti. Obávám se, že propagační moment, který se tak často vyskytá v bulharských vědeckých publikacích, kdykoli jde o Makedonii, také zde místy zabarvil výběr materiálu a jeho výklad. Po stránce jazykové není pochybnosti o tom, že epigrafická kořist zde uveřejněná *nesvědčí* ve všech případech pro bulharskost těch, od nichž ony zápisy či nápisy pocházejí; tak v kapitole o Ochridsku nápis č. 10 z r. 1379 (str. 39) a v kapitole o Prespě nápis č. 13 z r. 1607 (str. 61) jistě nemohou být pokládány za bulharské, nýbrž za *srbské*, a podobně tomu je i dále v některých bezpečných případech.

Druhá a mnohem obsírnější část sbírky J. IVANOVA (s. 281—659), je *literárně-historická a historická*. Počíná se t. zv. soľuňskou legendou čili apokryfním Slovem Pseudokyrilla — Konstantina filosofa, otiskuje dále krátký Život sv. Kyrilla (podle Ilovského rukopisu, opsaného prof. Romanským), proložní Život sv. Methoděje (kontrolovaný podle rukopisu), Službu sv. Kyrillu ze skoplských mincí a jiné dvě Služby věrozvěstům. Následuje znamenitý Život Naumův, který IVANOV objevil r. 1906 v Zografském klášteře a

po prvé uveřejnil LAVROV (Извѣстія XII, kn. 4, 1907), pak mladší Život Naumův z XIII.—XIV. stol., řecký krátký (proložní) Život sv. Klimenta a jeho církevně-slovanský překlad, Služba sv. Klimentu, Pochvalná slova s. Klimenta Ochridského, Předmluva k evangeliu t. zv. Konstantina filosofa, dvě Služby sv. Ivanu Rylskému, legenda o něm od patriarchy EUTHYMIE trnovského, dvě Služby caru Petrovi, legendy o Gabrielovi lesnovském, a jiné skladby hagiografické, z nichž uvádím jen Život Ilariona Měglenského, Službu a Život sv. Petky, tento od Euthymia trnovského (podle vydání KAŁUŽNIAČKÉHO), stať o přenesení ostatků sv. Petky od GRIGORIJE CAMBLAKA. Dále zde čteme CHRABRŮV slavný traktát O písmenech, který IVANOV uveřejňuje podle prvního Chilendarského rukopisu z XVI. stol. na základě vlastního zkoumání a s kritickým srovnáním ostatních rukopisů; tento rukopis obsahuje také důležitou poznámku »jsou ještě živi, kteří (je) viděli« a jména »Rastica moravska i Kocelę, knęza blatěnska kostelę«. Následují Bitolské listy ze XII. věku, Bitolský triod ze XII. věku, Draganovy mineje z XIII. věku ze Zografského kláštera, které obsahují hojně legend bulharských svatých, dále výňatek z Života sv. Sávy od THEODOSIJA a pak ukázky z památníků klášterních: slěpčenského, chilendarského, zografského (zejména zajímavý výčet chrámů a klášterů). Historicky velmi důležité jsou řecký prodejný akt athonského kláštera sv. Apoštolů (r. 980), dokumenty o Ochridském arcibiskupství, zvl. listiny Basileia II. a výbor z listin bulharských carů od Asěna II. do Ivana Sracimira. Jsou tu také reprodukovány historické glossy chilendarského rukopisu církevněslovanského překladu Manasseovy kroniky. Ke konci knihy jsou výňatky z Paisijovy a ze Zografské kroniky, listiny rumunské z konce XVIII. stol. pro klášter sv. Nauma, a jako poslední

dokument je otištěn apel makedonských Bulharů k velmocem z r. 1878.

Tato objemná sbírka je výbořem, a jak prof. IVANOV sám praví, obsahuje jen část materiálů, které autor sebral v Makedonii i po různých slovanských knihovnách. Není tedy možno vytýkati jí neúplnost, ačkoli o účelnosti výběru by mohly býti v některých případech spory. Také způsob otištění není vždy stejně cenný: vedle nových textů nebo nových versí nebo aspoň nově zkontrolovaného znění známých textů jsou tu také jen přetisky ze známých edic. Rovněž autorův komentář není vždy stejnoměrně propracován: místy nalézáme filologický nebo historický rozbor, místy pouhý popis. S tím souvisí také nejednotnost v používání speciální literatury: bibliografické údaje k některým textům jsou četné, jinde však chybí povinné vyčerpání příslušné speciální literatury. Zejména vadí, že v oddílech o památkách cyrilomethodějských (s. 281—313) není dosti respektována příslušná literatura, zejména ani objemné práce I. OHIENKA a P. A. LAVROVA z let 1927—1930; rovněž výklad o traktátu mnicha Chrabra (str. 440—445) je neúplný a co do znalosti literatury velmi mezerovitý; zde vlastně kromě edic takřka celá literatura o Chrabrovi, která přece právě v novější době obsahuje povšimnutí hodné práce, pro knihu prof. IVANOVA jako by neexistovala — nač se tedy vlastně píše monografie? Rovněž výklad o Předmluvě k evangeliu a v souvislosti s tím o církevněslovanských verších (s. 338 n.) je velmi neúplný. Vůbec pak prof. IVANOV zpravidla nepodává hlubších výkladů textově-kritických, filiačních, ani komentářů literárněhistorických. Úctyhodná píle a velká pracovitost, s kterou autor sebral tak objemný a obsažený materiál, stojí značně výše než jeho babatelské metody. S těmito výhradami můžeme označiti mohutný svazek prof. IVANOVA jako pozoruhodný a cenný přínos

ke znalosti pramenů bulharské historie i filologie.

M. Weingart.

B. VON-ARNIM, STUDIEN ZUM ALTBULGARISCHEN PSALTERIUM. Leipzig. 1930 (*Veröffentlichungen des Slavischen Instituts*. Nr. 3). S. VIII+289.

Ne прошло и десяти лет со времени выхода в свет нового строго-научного и критического издания Синайской псалтири, как славистика уже стала собирать жатву с отпрыскавшей ей в 1922 г. тучной нивы, столь добросовестно и тщательно обработанной покойным СЕВЕРЬЯНОВЫМ. Какие ценные приобретения делает при этом житница древнецерковнославянского языка, доказывает новейшая публикация Славянского Института Берлинского университета.

Произведение ученика известного голландского слависта ВАН-ВЕЙКА, оно носит на себе все главные отличительные черты его школы: широкий общелингвистический кругозор, обильный и во многих пунктах статистический подбор фактического материала, строгая методичность изложения и осторожность и точность выводов. Прекрасно знакомый в то же время с литературой предмета и достаточно начитанная в прочих памятниках древнецерковнославянского языка, ФОН-АРНИМ сумел и в своей книге нарисовать яркую картину языка драгоценного памятника. Под его кистью она оказалась гораздо более сложной, чем можно было бы думать. Правда, он не пошел так далеко, как СЕВЕРЬЯНОВ, который видел в интересующей нас рукописи произведение, по крайней мере, 14 пар рук, но все же, даже сводя различия почерка отдельных частей рукописи к трем писцам, ФОН-АРНИМ сумел вскрыть в языке памятника, по крайней мере, три слоя возрастающей древности: самое позднее наложение (т. е. текст рукописи в его теперешнем виде) происходит от трех писцов: А, В и С; их оригиналом служила рукопись, написанная силами одного писца — Х, но этот последний пользовался рукописью, над

которой, в свою очередь, работало два писца: У (псалмы 1—76) и Z (псалмы 77— до конца). Этот и без того очень сложный переплет слоев принял еще более запутанный вид, вследствие не вполне одинакового отношения последних писцов к подлиннику: в то время как писцы А и С придерживаются оригинала довольно близко, писец В, привыкший более к кириллице, на отдельных участках своей работы нередко делает попытки эмансипироваться от него; некоторый либерализм по отношению к оригиналу обнаруживает и писец А, чем он резко отличается от своего более педантичного в этом отношении собрата С.

Доказательству этих положений ФОН-АРНИМ посвятил одну из самых обширных глав, в которой с почти исчерпывающей полнотой перечислил не только признаки письма и языка всех шести писцов, трудившихся над рукописью и ее ближайшими оригиналами, но и межевые знаки отдельных участков территории каждого из них. Хотя при этом автор впадает иногда в крайность, принимая отдельные опiski и недосмотры писца за органические черты его писательской техники, все же нельзя не признать, что в общем он довольно удачно определил состав рукописи и взаимоотношение ее отдельных частей. С твердой почвой систематического сравнения и сопоставления отдельных «почерков» рукописи ФОН-АРНИМ не сходит и в главной части своего трактата, посвященной анализу фонетических и морфологических особенностей его языка, хотя, к сожалению, лишь в исключительно-редких случаях старается приурочить отдельные их черты к тем или иным говорам болгарского языка. Вследствие этого, читатель, проштудировав книгу ФОН-АРНИМ-а, в массе нарисованных ею «деревьев» не увидит, все-таки, «леса», т. е. не получит ясного представления, к какому из современных болгарских диалектов наиболее приближаются говоры, по крайней мере трех последних писцов рукописи. А говоры их предшественников, как, впрочем,

и надо было ожидать, окружены туманом, почти непроницаемым.

Вообще труд ФОН-АРНИМ-а, несмотря на скрупулёзную и тщательную его отделку, не отличается богатством обобщений, и после него место Синайской псалтири (в лингвистическом отношении) в семье других древне-церковнославянских памятников остается не совсем ясным. Но это обстоятельство нисколько не умаляет его крупного значения в летописях нашей науки; напротив, с его выводами и положениями придется считаться каждому исследователю не только Синайской псалтири, но и вообще древне-церковнославянского языка; многие его наблюдения, без сомнения, целиком войдут в научный оборот, и на их фоне совсем незначительными покажутся отдельные погрешности и неточности, вроде следующих:

На стр. 2 ФОН-АРНИМ упоминает об одесском фотографe РАУЛЕ КОНДАКОВЕ, соединяя в одном лице двух различных людей: знаменитого археолога и скромного провинциального фотографа.

На стр. 13 автор напрасно оспаривает совершенно правильное наблюдение КУЛЬБАКИНА (ЖФ, V. 69), что говоры всех трех писцов рукописи имеют общую черту — переход сильных *ъ* и *ѣ* в *е* и *о*. То обстоятельство, что в языке писца А это явление наблюдается реже, чем у других его товарищей, доказывает лишь консерватизм его орфографических навыков, но отнюдь не отсутствие в его языке данной особенности.

На стр. 61 *м* в форме *александрову* (Мар. Ев.) объясняется как результат перегласовки *ж*, но вероятнее видеть в нем простую опisku; форма *алексан'др'аску* во Врач. Ев. представляет, повидимому, один из многочисленных руссизмов этого памятника.

Напрасно также автор приписывает звуковое значение написания вроде *аг'аъ* (стр. 62); мы имеем здесь дело скорее с сокращенным написанием слова со случайным пропуском титла; сам автор цитирует в этом месте *аг'а*.

В числе примеров спорадической мены *ж* и *и* приводятся формы *иманихъ*, *имани*, и т. д. (стр. 71), но, по нашему мнению, они представляют не что иное, как результат контаминации нормальных форм косв. падежей с им. п. ед. *има*; ср. аналогичное явление в древне-русс. языке.

Трудно поверить также, чтобы в произношении писца В *ж* смешивалось с *н* (стр. 75): немногочисленные примеры этого явления представляют или описки, или недоразумения. Так, напр., в *оудръжитѣмъ* уступило место *и* под влиянием следующего *и*; в *авьатъсьмъ*, наоборот, *н* после *и* заменено через *ж* под воздействием следующего *ж*; во фразе *комшѣи же сѣмъ ѣкъ славятъ* писец понял подлежащее как им. п. мн. ч., почему и переделал первоначальное *славитъ* в *славятъ*. И т. д.

На стр. 98 автор утверждает, что в *деснѣ*, *жмѣзнѣ*, *рѣкнѣ* *ж* выпал перед *н* еще в праславянскую эпоху, но вернее думать, что в этих словах суфф. -но- непосредственно присоединен к корню; относительно *рѣкнѣ*, которое возникло из **roisku-*, ср. лт. *râiškus* (TRAUTMANN, Balt-slav. Etym. Wörterb. 242), это можно утверждать даже положительно.

На стр. 103 *ж* в *жгда*, *тгда* объясняется редукцией *ж* в *когда*, *тогда*, но гораздо вероятнее, что здесь имела место, еще в праслав. языке нефонетическая субституция *ж* через *ж* под влиянием мест. *жз*, *тз*.

Имя *вртѣпъ* (стр. 107) ФОН-АРНИМ выводит из *вртѣпъ* (**vrtzъpъ*), но соврем. общеслав. *вртѣпъ* «ущелье с извилинами», укр. диал. *вертепа* id. *вертепити* «вертеть», вр. *вертепѣжина* «овражистая извилина» ясно указывают, что мы имеем дело здесь с праслав. чередованием суфф. -ор-, -ер- и -ър- (ср. Изв. XXIII, 1, 165). О мнимой перегласовке *ж* в *жз* см. Изв. XXI, 2, 188.

На стр. 111 автор догадывается, что в *днѣ*, *днѣмъ*, коренное *ж* не произносился, так как следующее «напряженное» *ж* было сравнительно-сильным; но формы *сонѣ*,

бренѣ и т. п. заставляют скорее предполагать, что форма *днѣмъ* представляет заимствованный из оригинала *орфографический* архаизм, а в *днѣ* *ж* опущено под влиянием косвенных падежей *днѣ*, *днѣи* и пр.. Слишком смело также утверждение автора, что в *внѣмѣ*, *внѣжѣ*, *сѣмъга ж* в префиксах выпал по той причине, что коренной глухой оказался по чему-то сильным. Не проще ли допустить, что писец пропустил префиксальное *ж* в этих формах под влиянием случаев, где такое *ж* было слабым? Напр., *внѣжѣ* могло быть им написано по примеру в *немѣ*.

На стр. 191 ФОН-АРНИМ, сопоставляя *сканъдѣлѣ* с *авеселоумъ*, догадывается, что гр. *α* перед *λ* перешло в *ε*, которое на славянской почве могло передаваться через *ѣ*. Но так как первая форма хорошо известна и многим церковнослав. памятникам русской редакции (ФАСМЕР, Грекослав. эт. III, 181), то правильнее было бы видеть здесь такую же подмену суффикса, какую сам автор так удачно констатировал в *скѣделѣ* вм. *скѣдолѣ* (стр. 195). Что касается *авеселоумъ*, то оно представляет опisku обычного типа.

Так как язык Син. псалтыри почти не знает достоверных примеров смешения *ε* с *ѣ*, то трудно согласиться с автором, чтобы в *рамѣна* (гр. *ῥάμνος*) *ѣ* фонетически заменило *ε* из *svarabhakti'* чешского *α* (стр. 131). Не произошло ли здесь смешение с туземным словом *рамѣна*, о котором ср. Изв. XXIII, 1, 181?

В виду ср.-гр. *πρατόριον* (ФАСМЕР о. с. II 269), излишне предположение автора, что *прѣторѣ* отражает лат. *praetor*.

Формы *отѣтолѣ*, *докѣлѣ*, вопреки автору (стр. 133), едва ли возникли из соответствующих форм на -*li* по аналогии *отѣ-тѣдѣ*, *отѣ-кѣдѣ*; скорее они отражают параллельные дослав. образования типа гр. *τῆλοῖ* (ср. П. Г. 445).

Имя *хръмѣтѣ* автор выводит фонетически из *хръмѣ* (стр. 134), хотя данные других славянских языков не позволяют сомневаться, что корень *chrъmъ* столь же древен, как и

chrib- (ср. BERNEKER, I, 404).

Форма *кѣди*, которую автор склонен объяснять из *кѣди* (стр. 135), по всей вероятности, представляет моравизм; ср. чеш.-диал. *tedi, kedi* при *teď, keď* (из *těď, kěď*) П. Г. 446.

В форме *ѣззалакати* ФОН-АРНИМ видит «искусственное» удвоение *а* (стр. 137), но где *ratio* такого удвоения? Не проще ли предположить, что эта форма представляет контаминацию *ѣззалакати* и *заалакати*?

На стр. 186 автор с полным основанием признает *ѣдѣнѣ* диалектической формой болг. языка и, таким образом, невольно льет воду на мельницу тех, которые отказываются признать в чередовании типа *jelenъ : olenъ* специфическую особенность русской фонетики.

Звук *о* форм *зори* и *джерова* ФОН-АРНИМ склонна выводить из *а* фонетически (стр. 191), хотя в обоих случаях этот гласный имеет этимологическое оправдание! То же следует сказать об *е* в формах *ѣдѣнѣ*, *матерѣ* и *пазньгѣ* (ср. ч. *nehet*), и, следовательно гипотеза перегласовки является излишней и здесь (стр. 195).

В совершенно неверном свете представляет автор взаимоотношение форм *стоуждѣ*, *штоуждѣ* и *тоуждѣ*, о которых ср. Изв. XXIII, 2, 213.

На стр. 223 автор восстанавливает для праслав. языка дублетные формы *trava* и *tráva*. На место последней правильнее было бы поставить *trěva*, которое относится к первой как корень **(s)trěu-* к *(s)trōu-*. Это *trěva* живет не только в дщ. и ср.-болг. *трѣва*, но и в совр. болг. диал. *трѣва* и *травѣ*.

На стр. 226 ФОН-АРНИМ приводит как пример вставочного *d* *мѣдрѣ*, забывая, что *d* в этом слове может быть ингредиентом суффикса; ср. нвн. *munter*.

Формы тв. пад. ед. *снаж*, *дажготѣ* и т. п. автор признает стяженными (из *снажъ*, *дажготѣжъ*), но их конечное *ж* может отражать праслав. *-ǫz* из иде. **-ām*.

Москва.

Г. Ильинский.

ПРОФ. ИВ. ОГИЕНКО, УКРАЇНСКА ЛІТЕРАТУРНА МОВА ХVІ СТ. І УКРАЇНСЬКИЙ КРЕХІВСЬКИЙ АПОСТОЛ. Т. I, 520 стр., II, 192 стр. Варшава 1930.

Новый труд неутомимого украинского ученого посвящен недавно открытому и поэтому почти неизвестному еще в научной литературе рукописному Апостолу, до 1926 г. хранившемуся в стенах Креховского монастыря (близ Жолквы, в восточной Галиции). Как и Пересопницкое Евангелие, Евангелие Нагалевого, Евангелие Тянинского и др. т. п. памятники, Креховская рукопись представляет одну из самых ранних попыток эмансипироваться от владычества церковнославянского языка в религиозной письменности Западной и особенно Южной Руси, для чего могущественным толчком послужило реформационное движение, перекинувшееся в середине XVI в. на Украину из Польши и отчасти из Чехии. Таким образом, Креховский Апостол, подобно другим указанным его родным братьям и сестрам, знаменует собой начало разрыва с византийско-славянскими культурными традициями и переход в фарватер западноевропейской протестантской мысли. Поэтому к кругу интересов *Byzantinoslavica* труд ОГИЕНКО может иметь лишь косвенное отношение. Тем не менее он заслуживает самого пристального внимания со стороны всех, занимающихся судьбами старинной славянской письменности. Дело в том, что содержание книги гораздо шире ее заглавия, и без того достаточно многозначительного: проф. ОГИЕНКО изучает кодекс не изолированно, а в связи с другими предшествующими и последующими памятниками южнорусского языка, — на широком фоне европейских религиозных движений вообще. Сообразно с этим, вся первая часть его книги (стр. 5—143) посвящена описанию влияния, которое оказывала реформация в разных странах Европы на возникновение переводов Св. Писания на живые народные языки. С особым вниманием автор останавливается при этом на Чехии и Польше, от-

куда прилетели на Русь первые ласточки реформационной весны, и где впоследствии особенно пышный пир устроила себе католическая реакция. На этих же страницах ОГИЕНКО рисует картину борьбы нового движения с защитниками православной старины, которым приходилось одновременно обороняться еще на другом фронте — с противниками народного украинского языка. К числу последних принадлежал неизвестный переводчик Креховского Апостола, внешней истории которого посвящена II-ая часть книги (стр. 144—211). Здесь самыми ценными страницами являются те, на которых автор, охарактеризовав рукопись с палеографической стороны, выясняет источники и пособия переводчика. После тщательных изысканий ОГИЕНКУ удалось бесповоротно установить, что в основе «украинского» перевода апостола находится т. н. Библия Радзивила 1563 г., хотя в целом ряде случаев переводчик обращался за справками в Новый Завет Шарфенбергера 1556 г.; есть также данные полагать, что ему не осталась неизвестной и Библия Скорины. Напротив, вопреки автору, очень спорно знакомство анонима с итальянским и греческим языками. А так как главным его источником был, во всяком случае, кальвинский перевод «Радзивила», то мы не должны удивляться, что в своих многочисленных комментариях и глоссах переводчик с полной свободой высказывает соответствующие убеждения. Он постоянно выступает в них против почитания церковей, образов; нападает на священников и монахов; возражает против молитв святым; атаки на римский клир очень часты, а его глава — папа — прямо провозглашается антихристом. В третьей, самой обширной части (стр. 212—518) автор дает всесторонний анализ языка Креховского Апостола, всюду тщательно отмечая его диалектические, точнее сев.-украинские (полесские) особенности, а также следы иноязычных влияний; кроме церковнославянского и польского языков, здесь приведено не мало доказательств воз-

действия на украинский язык чешского, немецкого, латинского и даже итальянского. Хотя в наблюдениях и положениях автора в этом отделе есть много спорного, а иногда и прямо ошибочного, все же за автором навсегда останется та неотъемлемая заслуга, что он собрал и тщательно систематизировал огромный и совершенно свежий материал для исторической грамматики украинского языка. А для исторической лексикологии этого языка является таким же драгоценным даром обширный словарь, который ОГИЕНКО составил на основании так любовно исследованного им памятника, и который занял собою целиком весь II том его капитального труда.

Москва.

Г. Ильинский.

NIC. CARTOJAN: CĂRȚILE POPULARE ÎN LITERATURA ROMÂNEASCĂ. Vol. I (Epoca influențe sud-slave). București (Casa școalelor) 1929. 8°, str. VIII + 271, Obsah a Errata, 15 obraz. příloh.

CARTOJANOVA kniha klade si za úkol (str. VII) obnoviti látku, kterou skoro před půl stoletím zpracoval poprvé M. GASTER (Literatura popul. rom. 1883). I kdyby nebylo jinakých pokroků badání, byla by nová práce dostatečně ospravedlněna rozmnožením textového materiálu rumunského, jež je vskutku nepoměrně: pracoval-li Gaster s 61 rkp (,Varlaama" na př. přeloženého ze slovanštiny měl jediný, o. c. 35), Cartojan čítá příslušných rkpů rumunských v jediné (arci největší) knihovně Rumunské Akademie přes tisíc (uvedeného „Varlaama" asi 15, str. 240); také ústní tradice rumunská, v níž lze sledovati ohlasy lid. knih, byla podstatně a vydatně sbírána právě až v posledních desíletích.

C. rozvrhl látku do dvou dílů, jež zhruba odpovídají dvojímu období: I. díl jedná o knihách původu jihoslovanského, do II. připadnou ty, které vyplynuly z řeckých pramenů v dalším období; pro zjed-

nodušení výkladu jsou pojaty již do I. dílu vedlejší verse řeckého původu, naopak odkázány do II. takové slovanské, o kterých není zajištěno, že pocházejí ještě z prvního období.

Vydaný svazek obsahuje jednak kapitoly úvodní a všeobecně orientující, jednak speciální stati o jednotlivých látkách. Onyno jednají o podmínkách lidové (apokryfní) literatury u jižních Slovanů, zejména se zřetelem k jejímu rozšíření mezi Rumuny (I), o poměrech rumun. tradice, zejména o reprezentativních rukopisech (II), všeobecně o apokryfech (III), o bogomilství vůbec (IV), o otázce bogomilské v lidové literatuře (VI), o liter. druhu apokalyps (VIII), o hagiografii (XVII), o lidovém románu (XXIV); závěr (str. 263—266) podává jednak přehled, jednak pohled na přechod k období řeckému. Předmětem *speciálních* kapitol jsou: V. lidové legendy rázu bogomilského, VII Adam a Eva (jediná, kterou C. počítá za bogomilskou), IX—XII apokalypsy Pavlova, Mariina, Abrahamova, Pseudojohannes, XIII List s nebe (o neděli), XIV—XVI biblické legendy: Paleja, Sybila, dřevo kříže; XVIII—XX svatí: Sisinnios, s. Vineri (t. j. Petka čili Πουσκενή), Alexěj „boží“, XXI astrologie a pranostiky (gromovník, kalendáře), XXII Fysiolog, XXIII Fiore di virtù, XXV—XXVII romány: Alexandrie, Varlaam, Arkir. V dodatku je otištěn rum. index zakázaných knih (z rkp. 1570 Rum. Akad., přeložený ze slovanštiny v l. 1667—1669); přiloženo je dále 15 reprodukcí (textů a kostelních i lidových maleb). Úprava je vůbec úhledná.

V jednotlivých kapitolách výklad postupuje od obecných informací o látce (k nimž náleží zevrubná osnova) k slovanským redakcím a posléze k rumunským; k historii knižních textů rumunských se připojují ohlasy v ústní tradici, obyčejích, ikonografii; po každé kapitole se podává *bibliografie* jak srovnávací literatury

o předmětu tak jednotlivých etap tradice, docela speciálně rumunské, kde autor hojně uvádí i rukopisy ještě nepopsané v tištěném katalogu akademické knihovny (Bianově), jež v dosavadních dvou dílech (předválečných) obsáhl jen asi sedminu celého fondu; C. se v nich vyzná tím spíše, že působiv v řečené knihovně, měl jako snad nikdo druhý možnost seznámiti se s tímto materiálem.

V C-ově knize získávají Rumuni soustavné poučení o důležité složce své osvěty významné historicky i aktuálně (apokryfy vycházejí dosud ročně v desetitisícových nákladech); poslouží všem přátelům lidové „stariny“ i zvláště studentům literárního oboru; podáním je přístupná a obecně zajímavá, nejen speciální a „grundrissová“. Na druhé straně bude vítána i t. kdo rumunský výklad běžně nečtou, speciálními informacemi o rumunských člancích byzantsko-slovanské tradice, zejména svou bibliografií. Zpracování jednotlivých kapitol je do jisté míry různé prostě proto, že stav badání je různý: z větší části je to provisorní rozřídění materiálu jako průprava pro monografickou práci (str. VIII, 264), jinde však už výsledky kritického zpracování, jako o Alexandrovi, o Fiore di virtù, o nichž C. sám před tím vydal monografie.

Soustavný věcný rozbor C-ových výkladů přesahuje mou kompetenci; dojista lze autorovi, jež prokázal svou kvalifikaci monografiemi, ke kterým jsem právě poukázal, věnovati plnou důvěru. V jednotlivostech bych snad směl uvést, že některé rysy lidové tradice, které on svádí zejména na apokryfy, podstatněji se patrně zakládají na naukách a kultu pravověrném: tak víra ve strážného anděla (str. 69), svěcení neděle a pátku prázdní, resp. postem (str. 104, 162), představa pekelných muk a orodovnice Marie (čímž nemíním popírat, že legendy „Listu s nebe“ a sv. Vineri zasáhly do příslušných představ lidových); také úloha páva v lidové symbolice nemusí

poukazovati zrovna jen k Fiore di virtù (str. 206). Na str. 91 BOGREUŮV výklad *Diea cea neagră*, musil-li vůbec býti uveden, měl býti výslovně *odmítnut* poukazem k výkladu Gasterovu, k němuž se autor — zcela správně — přiznal na str. 87. O *Blajinech* (str. 228) bylo citovati Marianovy Sărbătorile la Români (II 171 až 188), k *Listu s nebe* studii KONÍŘOVU (Listy Filologické XLI, z r. 1914). Oprava Drăganova omylů (str. 94) byla by se obešla *bez* výkladu o Ioannis Apostoli interrogatio in coena sancta, jenž tu bez potřeby ruší (str. 94₂—96).

Na druhé straně považuji za užitečné vytknouti rozmanité *formální* vady, jež — třeba se nedotýkají autorovy kvalifikace a odborné ceny díla — po stránce praktické budou na újmu čtenářům, ztěžující jim studium a zatěžující risikem omylů ty z nich, kteří nemají speciální průpravy, aby si je dovedli opravit. To platí i o tiskových chybách¹, tím závažněji pak o jiných mezerách a nepřesnostech formulace; uvedu některé důležitější. *Revista Transilvaniei* citov. na str. 129 (pozn. 2) jmenuje se vskutku jen *Transilvania*; do titulu *Din viața popor. rom.* autor přidává opětovně (str. 42, 69 pozn., 183 pozn.; tuto dodej řadové číslo XXI) *sufletească*, hůře, vynechává-li *Din* (str. VII); *Anuarul* obsahující Drăganovu stať (citovanou ostatně na tomto místě spíše nevhod) bylo označiti (na str. 120) jako sv. I (z r. 1922); v pozn. na str. 227 se cituje *Ion Creangă* bez udání svazku; na str. 183 je v 2. pozn. udán nakladatel zbytečně (spíše se hodilo udati titul, sice vůbec známý, a hlavně pořadové číslo pohádky: XXII), za to v 1. bylo ho třeba udati jakož i zejména rok! Osudné jsou omyly (z přepsání

nebo tiskové) v signatuře rukopisu: je potřeba malé kritické námahy, aby se zjistilo, že 496 na str. 122¹, 463 na str. 123³, 449 na str. 114¹¹ znamenají vesměs vlastně 469; sign. 2813 na str. 127 je aspoň podezřelá, ale s těmi prostředky, které jsou po ruce (Bianův katalog, jak jsem uvedl výše, to není), netroufám si rozhodnouti, bylo-li by ji opravit spíše na 2158 (srv. str. 135) či na 3813 (o kterémž čísle je řeč na str. 123). Neagoeanus 88₁₇ je omyl m. Sturdzanus. Citát na str. 36, který je poznámkou připsán pí Voroncové, je vlastně parafráze Pamfilova (Pov. lumii 99) a to ne docela věrná. Svazek akademických *Anală* (z roku 1920) citovaný v 5. pozn. na str. 153 nemůže býti XI; snad XL? Rumunské jméno Bolgarsegu (205) je Scheii (a hodilo se ovšem spíše uvést hned tuto datum 1807 než specifikovati až dále »anul următor 1808«). Podle pozorování z četby považoval bych za účelné sestaviti přesnou formou *seznam* děl citovaných častěji a citovati je pak *odkazy* k němu — místo opětovných citací kolísajících a polovičatých; neméně by se hodilo systemisovati označení rukopisů: kodex »popa Ion Românu z r. 1620« citovaný na str. 175² bez signatury je týž, který se obecně rozumí názvem *Neagoeanus*; toto jméno, kdyby byl jednou popsán přesně jako na str. 216, stačilo by — s výhodou uniformity — všude jinde (také na str. 11 a 14 jsou o rke systematické zmínky, ale — bez signatury!).

V transkripci autorských jmen z kyrilice je dosti nedůsledností, podstatné na př. Vassiliev 86, 107⁷ a j. — Vasiliev 91², Sichmánoff 129 pozn., Costomarov 261, Franko 107². — Franko 120, ale tuto také Conev (110). Ve vlastních jménech oprav dále Gröber 185³ (jako správně na str. 187; a dodej označení svazku: II 3), Nöldeke 231, Spasowicz 43, Rešetar 207 (správně 203, 261); na str. 107 Haute Science.

Druhý svazek má přinést (VIII) gene-

¹ Dokonce v první položce Errat je — přidělena chyba! Oprav: 204¹ nastere, 26² invizibile, 32² Κομνηνοῦ, 32² Ζυγαβηνοῦ, 73⁵ Eneida VI, 93¹⁰ strugurul, 118¹⁵ iubitori (m. biruitori), 122⁵ Voragine, 130⁴ răsăriri, 173¹¹⁻¹² civitatisbus, cremandis, 174¹⁰ Șapte, 179¹ ἀληθινός, 190¹² patristice, 191¹² ὁδῶν, 214⁶ Intr'o, 226¹⁰ vâznesesci? (podle 202⁶), 230¹⁴: 217 m. 206, 247¹⁰ strutcamilul, 269¹⁰ ereticii.

rální ukazatel. Poskytl by také vhodnou příležitost doplnit soustavně opravy omylů a spravit vůbec, co v prvném nebylo úplně vytištěno: čím více je C-ova kniha povolána sloužiti jako základní příručka i mimo nejbližší odborníky rumunské (zasvěcené do látky a disponující vedlejšími pomůckami), tím spíše záleží na tom, aby poskytovala faktické informace (zejména bibliografické) co nej přesnější. H. Jarník.

(Brno.)

WITOLD KLINGER, DOROCZNIE ŚWIĘTA LUDOWE A TRADYCJE GRECKO-RZYMSKIE. *Biblioteka «Ludu Słowiańskiego» pod redakcją Jana St. Bystronia, N 2. Kraków. 1931.*

Профессор В. Клингер уже давно занимается прослѣживаніем классических традицій и вліяній в обрядах, вѣрованіях и устном творчествѣ современных народов Европы, в особенности славянских. Новая его книга представляет собраніе статей, уже напечатанных раньше, большей частью в польских газетах, но переработанных заново, расширенных и дополненных новым матеріалом, а также ссылками, цитатами и вообще научным аппаратом.

Выводы Клингера нерѣдко весьма оригинальны, очень поучительны и значительно углубляют наши знанія относительно вліянія классического міра на вѣрованія и обрядность славян. Нельзя не отдать должного точности анализа и тонкой научной интуиціи автора, с которыми он разлагает сложную обрядность современных народных праздников на отдѣльныя группы обрядов и находит для каждой из них соотвѣтствующій источник. Необходимо отмѣтить двѣ главныя тенденціи книги. Клингер сильно выдвигает значеніе для народной обрядности Европы, в особенности восточной, греко-римскаго культа мертвых и вводит в законныя рамки націоналистическое стремленіе нѣмецких ученых находить в народных обрядах Европы, в особенности у славян, вліяніе древне германской языческой религіи. Таким образом в изображеніи

Клингера непосредственныя связи между грекоримским и славянским міром являются болѣе развѣтвленными и болѣе прочными, чѣм у его предшественников.

Книга состоит из двѣнадцати отдѣльных очерков.

Zapusty. Масленичные обычаи Клингер возводит к греческому празднику Ἀνθεστήριον и латинскому *Feralia*, который впрочем и сам находился под сильным вліяніем греческаго. Праздновались они в февралѣ. Это было торжество в честь пробужденной природы и вмѣстѣ с тѣм время весенняго поминанія умерших, души которых в эти дни возвращались на землю. Возвращеніе лѣта греки символизировали торжественной процессіей, в которой главное мѣсто занимал бог Діонис на кораблѣ, украшенном виноградными лозами. Этот корабль и служит важнѣйшим доказательством греческаго происхожденія современной масленицы. Вполнѣ понятный у морскаго народа, каким были греки, он кажется уже менѣе естественным у земледѣльцев римлян и явно чужим у народов континентальной Европы, а в особенности у такого народа, как русскій. Между тѣм этот корабль можно прослѣдить въ западной Европѣ через средніе вѣка до середины XVIII вѣка, а в Россіи в Западной Сибири мы его встрѣчаем даже в XIX столѣтіи. Самое названіе масленицы у всѣх народов Западной Европы происходит от латинскаго названія этого корабля — *carrus navalis*. Что же касается культа умерших, то он сохранился преимущественно на востокѣ Европы, в особенности у восточных и южных славян, но самыя формы поминанія усопших, повидимому, не могут быть поставлены в связь с древне-греческими. Масленичнаго короля у болгар и нѣкоторых других народов Клингер возводит к *saturnalicius princeps* римских Сатурналий. Остальные же масленичные обряды считает магическими обрядами сельско-хозяйственнаго назначенія, связанными с ожиданіем весны и лѣта.

Wielkanoc. Значительная часть повѣрій и

обрядов пасхального цикла, обнимающего период от Лазаревой субботы до конца Фоминой недели, новѣйшаго происхожденія и порождена представлениями, связанными с церковными праздниками этого времени. Однако многое сохранилось еще от глубокой старины. Отчасти это магические обряды сельскохозяйственного характера, имѣющие в виду лѣтнія полевая работа, отчасти обычаи, относящіеся к культу умерших. Послѣдніе особенно ярко выражены у южных и восточных славян. Однако и эти чисто народные в своей основѣ обычаи носят на себѣ, по выраженію Клингера, «выразительные слѣды нормирующаго и организующаго вліянія грекоримскаго міра». Дѣло в том, что римскій календарь имѣл два весенних праздника в честь умерших: *Lemures* — 9, 11, 13 мая и *Carnaria* или *Dies rosae*, прощѣ *Rosalia*, — 1 июня. У позднѣйших греков первый из них также получил названіе *ἡμέρα τῶν ῥόδων* или *ῥόδωνια*. Отсюда великорусское названіе Радуница, бѣлорусское Радавица для понедѣльника, иногда субботы, Фоминой недели, посвященных поминанію усопших, и *Rosengarten*, нѣмецкое названіе кладбища. Отсюда и повсемѣстно распространенный обычай красить на Пасху яйца. В классическом мірѣ выкрашенные красной краской яйца были излюбленной жертвой умершим, символизируя жертвенную кровь. *Sw. Jerzy*. И с днем памяти св. Георгія связан ряд обычаев и вѣрованій, имѣющих отношеніе к культу мертвых. В этом отношеніи Клингер считает этот праздник отвѣтленіем великаго весенняго поминанія умерших, которое главной своей частью падает на празднества пасхальнаго цикла. Но кромѣ того св. Георгій является и покровителем земледѣлія — явленіе новое, вызванное греческим значеніем имени святого и слѣдственно, возникшее первоначально в греческой средѣ. Но наиболѣе загадочной для изслѣдователей праздника является роль святого, как защитника скотоводства. Клингер доказывает, что св. Георгій в этом

отношеніи выступает преемником римской богини *Pales*, покровительницы пастухов. Ея празднество *Parilia* падало на 21 апрѣля, т. е. почти совпадало с днем памяти св. Георгія (23 апрѣля по календарю Восточной, 24 апрѣля — Западной Церкви), а его обрядность во всѣх своих основных чертах та же, что и относящіеся к скотоводству обряды дня св. Георгія. Напомню, что перенесеніе покровительства животным именно на св. Георгія могло быть вызвано иконографіей, изображающей его на конѣ.

Zielone Świąta. Праздники троичнаго цикла, если исключить небольшое количество обрядов, навѣянных церковью, представляют в своем существѣ повтореніе пасхальнаго цикла. С одной стороны, видим заклинаніе урожая помощью сельскохозяйственной магии, с другой, поминовеніе усопших. Связь праздника с латинскими *Rosalia* и греческими *Ῥοσσάλια* утверждается такими его названіями, как *Pascha rosarum*, *Pascha rosata* в средневѣковых Италіи и Испаніи, *Feste de Rose* во Франціи, *Rusalka* у современных чехов, *Ružičalo* у сербов, Русалии, Русалчин великдень у малоруссов, составом поминальной жертвы у болгар: варенные бобы, молоко, мед и вино, и повсемѣстным в Европѣ обычаем украшать на этот праздник дома и могилы зеленою.

Sw. Jan. День св. Іоанна Крестителя есть, по народным воззрѣніям современной Европы, момент высшаго напряженія творческих сил природы и полного расцвѣта всѣх ея таинственных свойств, с одной стороны, и праздник усопших, с другой. Черты послѣдняго типа Клингер считает вторичными и приводит ряд доказательств этого. Что же касается вѣрованій перваго типа, то автор указывает, что день св. Іоанна — 24 іюня совпадает с *solstitium aestivum*, временем наибольшаго приближенія земли к солнцу. Это понятіе является пріобрѣтеніем греческой астрономической мысли, переданным ими римлянам и другим народам, входившим в сферу грекоримскаго вліянія. Уже древніе вѣрили в особый подъем

творческих сил природы, вызванный этим сближением земли и солнца, и создали ряд легенд о чудесных явлениях, связанных с этим временем, в том числѣ и легенду о папортникѣ. Классическія преданія и лежат в основѣ вѣрованій, связанных у новых народов Европы с Ивановым днем.

Wniebowzięcie i narodzenie najśw. Panny. Успенье пресвятой Дѣвы (15 сентября) во многих мѣстах католическаго міра сопровождается принесеніем в церковь и освященіем цвѣтов, трав, хлѣбных злаков и зерен, плодов и даже животных. Опровергая гипотезу ФРАНЦА, пытавшаюся установить нѣмецкое происхождение этого обычая, Клинггер, отчасти вслѣд за ФРАЗЕРОМ, доказывает, что на св. Дѣву перенесен римскій культ Діаны, покровительницы не только лѣсов и охоты, но и полей и земледѣлія, имѣвшей святилище в Римѣ на Авентинском холмѣ, а праздник 13 сентября. Добавлю, что такое перенесеніе функций Діаны на св. Дѣву в особенности легко могло произойти, если старое святилище языческой богини в Римѣ было позднѣе преобразовано, как это часто дѣлалось, в храм св. Богородицы. Став таким образом защитницей земледѣлія, св. Дѣва привлекла нѣкоторые обряды, связанные с осенними постѣвами, и к другому своему осеннему празднику, дню своего рожденія — 8-му сентябрю.

Dzień wszystkich świętych i dzień zaduszny. 1 и 2 ноября посвящены поминанію усопших во всей области Западной Церкви. С ними тут связана масса народных обычаев и легенд. Однако и народы восточнаго исповѣданія знают осенніе поминальные дни, падающіе у них на разные сроки, начиная от 8 сентября до 26 октября. Клинггер видит в этих праздниках пережиток осенних празднеств в честь умерших классическаго міра: Πανάγια 7 октября в Аѳинах, празднества 18 ноября в Платеѣ, 5-го октября и 8 ноября в Римѣ. Связь между классическими и современными поминальными днями устанавливается, кромѣ приблизительнаго со-

впаденія сроков, посредством восточно-европейской кутѣи, поминальнаго кушанья, своим названіем и составом восходящаго к греческой *κοῦβητις*, и сходством легенд, связанных с этими днями нынѣ и в древнем мірѣ, напримѣр, рассказ о ночном богослуженіи покойников, имѣющійся уже у Павзанія.

Św. Marcin. Наиболѣе оригинален и нов очерк, посвященный св. Мартыну. Клинггер рѣшительно отклоняет нѣмецкую теорію, будтобы этот святой замѣстил нѣмецкаго бога Водана. День памяти св. Мартына, 11 ноября, стал народным праздником исключительно в области католическаго міра. Обычаи, связанные с ним, чрезвычайно сложны. Один из них стоит в связи с культом мертвых, как широко распространенные святомартыновскіе огни, служившіе первоначально для согрѣванія озябших зимою душ. Они являются отголоском поминальных празднеств осенняго цикла. Другіе, как обычай подарков дѣтям, заимствованы из культа св. Николая. Как патрон вина и пьянці, св. Мартын, по мнѣнію Клинггера, замѣстил латинскаго бога вина Либера, празднества котораго падали на глубокую осень. Но самый характерный из обычаев, падающих на день св. Мартына, это закланіе животных, а в нѣкоторых мѣстах даже массовое избіеніе скотины, которой мясо предназначено для заготовленія в прок на зиму. Клинггер видит в этом кровавом обычаѣ продолженіе римских *suovetaurilia minora* или *lactentia* в честь бога Марса, как мощнаго защитника трудов земледѣльца и скотовода, состоявших из принесенія ему в жертву поросенка, ягненка и теленка. Этот обычай имѣл характер частнаго культа. Близкій сердцу римских колонистов из ветеранов, он был разнесен ими во всѣ провинціи римской имперіи, гдѣ находились их колоніи, и во избѣжаніе гоненій церкви поставлен под защиту св. Мартына вслѣдствіе созвучія имен и аналогіи положеній, так как и св. Мартын был *miles* и *eques* и изображался в видѣ воина на конѣ. Ото-

жествленіе языческаго божества и христіанскаго святаго было настолько полным, что дятел, птица, посвященная Марсу и носившая у римлян имя *picus Martius*, у нѣмцев стал называться *Martins vogel*, при чем и у римлян и у нѣмцев с нею связано одно и то же повѣрье. Главное затрудненіе в том, что праздник *Ambarvalia*, с которым связан указанный римскій обряд, происходил весной, но Марс, кромѣ этого праздника частнаго характера, имѣл и нѣсколько праздников государственнаго характера, между прочим и осенью. Один из них и послужил связующим звеном между *Ambarvalia* и днем св. Мартына.

Св. Mikolaj. Память этого наиболѣе чтимаго в христіанском мірѣ святаго не связана ни скакими классическими традиціями. Как патрон крыс и мышей, он замѣнил св. Никазія, как пастух волков и покровитель стад — св. Георгія (добавлю зимняго 3 ноября, а в Россіи и 26 ноября). Это естественное перенесеніе на болѣе популярнаго святаго функций менѣе извѣстных святых и праздников. Его роль покровителя моряков, невѣст, дѣтей основана на данных его житія. Только розга, которой ударяют дѣтей, и стоящее в связи с этим обрядом ряженъе являются остатками дохристіанской магіи, имѣвшей цѣлью охранить здоровье дѣтей. Однако то, что обряды послѣдняго типа извѣстны лишь в странах католическаго міра, невольно наводит на мысль, нѣтъ ли и тут какой-либо спеціальной связи с Римом, как в других подобных случаях.

Св. Andrzej i św. Katarzyna. Канун св. Андрея, 29 ноября, посвящен гаданьям дѣвшек о замужествѣ, канун св. Екатерины, 23 ноября, гаданьям парней о невѣстах. Клинггер рѣшительно отвергает связь св. Андрея с германским богом богатства и плодородія *Frey* или *Freyer*. Оба праздника новаго, христіанскаго происхожденія. Оба возникли в Греціи, гдѣ было понятно греческое значеніе имен св. Андрея и св. Екатерины, сдѣлавшее перваго подходящим

лицом для раздаванія мужей, а вторую раздавательницей невѣст. Отсюда они постепенно распространялись на запад Европы, при чем праздник св. Екатерины, возникшій по аналогіи к празднику св. Андрея, отстал от него и в смыслѣ территориальнаго распространенія, задержавшись преимущественно на востокѣ Европѣ, и в своей популярности. Однако самые способы гаданья дышат глубокой древностью. Нѣкоторые из них классическаго происхожденія.

Drzewko wigilijne, jego początek i dzieje. Современная рождественская елка в Россіи, Франціи, Италіи, Швеціи и Даніи несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Однако сама нѣмецкая елка, по мнѣнію Клингера, является потомком греческих *εἰρεσιώνη* и *κορυθαίλα* или *κορυθαίλη*. Это была крупных размѣров вѣтвь дерева, покрытаго вѣчной зеленью: лавра или маслины, увѣшанная бѣлыми и красными шерстяными ленточками, сосудцами с медом, вином, елеем, далѣе смоквами, яблоками и другими плодами, наконец печенъем разнообразной и необычной формы. Эта вѣтвь, с одной стороны, имѣла магическое значеніе по отношенію к предстоящему урожаю, с другой, была связана с культом умерших. Вопреки существующим мнѣніям, Клинггер доказывает, что *εἰρεσιώνη* не только перешла в Рим, но и пережила в обоих своих значеніях катастрофу древней религіи. В своем сельскохозяйственном значеніи она является в древнем Римѣ, у современных грузин и родственнх им племен Кавказа, как поминальный обряд отмѣчена у бессарабских румын, у греков Спорадских островов, у жителей Неаполя. В этом же значеніи она фигурирует и в Вербную недѣлю, бывшую нѣкогда временем весенняго поминовенія умерших, во Франціи, Швейцаріи, допетровской Москвѣ, Петербургѣ середины XIX вѣка. Как поминальный символ могла она прикрѣпиться и к зимнему празднеству усопших — Рождеству. В близком к ея классическому прообразу видѣ находим мы ее

в сочельник у черногорцев, как лавровую вѣтвь с яблоками и апельсинами, воткнутую в хлѣб, а в формѣ, измѣненной примѣнительно к болѣе холодному климату, в видѣ украшенной рождественской елки в Германіи, первоначально только южной, бывшей под вліяніем классическаго міра.

Boże narodzenie. Праздники рождественскаго цикла: Рождество Христово, Новый Год и Богоявленіе носят на себѣ лишь легкій налет христіанских вѣрованій. В существенном же они, с одной стороны, продолжают традицію римских зимних праздников: *saturnalia* (от 17 до 25 декабря), *Dies natalis solis invicti* (25 декабря), *Kalendae* (1 января) и *Vota* (3 января). Отсюда идут и названія: польское *Kolenda*, русское коляда, так или иначе связанная с рождественским циклом, и длинный ряд обрядов, характерных для святок. С другой стороны, они были и во многих мѣстах остаются до сих пор зимними празднествами в честь умерших, приуроченными к рождественскому циклу также благодаря римскому празднику в честь душ предков *Larentalia*, падавшему на 23 декабря. Наконец со святками связано и много обрядов сельскохозяйственной магіи.

Чтеніе этих глубоко интересных очерков невольно наталкивает на ряд заключеній, которыя я однако не рискую навязывать полностью Клинеру. В изслѣдованных им славянских праздниках и обрядах нѣтъ никаких слѣдов первобытнаго славянскаго міоа, которых так долго и упорно доискивались, именно в этой области, представители міеологической школы и о которых до сих пор говорят нам общія руководства по русской и по другим славянским литературам. Повидимому, и на этом пути мы подходим к давно напрашивающемуся выводу, что славяне в эпоху своего соприкосновенія с классическим, а позднѣе христіанским міром не имѣли своей сколько-нибудь развитой міеологіи. Мало того, книга КЛИНЕРА показывает, что и области, казалось, прочно закрѣпленные за германским міеом, должны быть значительно су-

жены и, что нѣмецкій Водан со своей свитой снова должен потѣсниться пред побѣдоносным римским Марсом и божествами Олимпа. Все, что можно подмѣтить в обычаях славян, из пережитков глубокой старины — это культ умерших и магическіе обряды сельскохозяйственнаго характера. Но и на них уже сказалось, как указывает Клинер, нормирующее вліяніе грекоримскаго міра. Не говорю уже о том, что и сама эта магія могла быть неславянскаго происхожденія, а приди и к славянам и к другим народам Европы из месопотамских очагов магической науки. Как западноевропейскіе, так и славянскіе народныя праздники первоначально расположились примѣнительно к празднествам римскаго календаря и подверглись всестороннему вліянію римскаго культа. Именно римская поздняя религія времен имперіи, сильно эллинизированная и протканная сельскохозяйственной магіей, оказала мощное вліяніе на народныя массы не только в западной латинской половинѣ имперіи, но и в эллинизированной ея части и во всей обширной средѣ греческаго вліянія. Однако нѣкоторыя божества и празднества сохранили свой локальный характер: римскій или италійскій и распространились лишь в непосредственном подручьи Рима. Их христіанизированныя пережитки не переступают поэтому предѣлов римскаго патріархата. Послѣ катастрофы язычества весь этот конгломерат вѣрованій, обычаев и празднеств был переработан и дополнен под вліяніем христіанства и перегруппирован примѣнительно к календарю христіанской церкви, которая, впрочем, и сама пошла навстрѣчу глубоко укоренившимся народным традиціям. Ряд данных показывает, что это произошло в греческой этнической средѣ. При этой переработкѣ языческія божества и классическая міеологія были выброшены за борт. Вряд-ли можно считать случайностью, что у народов греческой сферы вліянія только в функціях св. Георгія можно подсмотрѣть черты

богини *Pales*. Новая религія сохранила от старой только культ мертвых и сельскохозяйственную магію. Последнее заставляет думать, что она складывалась в тѣх областях греческаго міра, гдѣ главным занятіем жителей было земледѣліе. Недаром поэтому родину ея ищут в Малой Азии. За это говорят и земледѣльскій характер ея населенія, и видное мѣсто, отведенное в этой религіи малоазійским святым: «архимученику» св. Георгію и св. Николаю, наконец, вѣковыя связи Малой Азии с Месопотаміей, с ея высокой сельскохозяйственной культурой и ея знаменитой во всем древнем мірѣ магіей. Сложившаяся здѣсь новая народная религія с рѣзко выраженным сельскохозяйственным характером побѣдоносно завоевала не только славянскій мір, но и романскій и германскій міры, слившись с остатками их собственных вѣрованій и обрядов подходящаго характера. При этом между Западом и Востоком замѣчаются нѣкоторые различія. Запад в противоположность Востоку сохранил часть классическаго Олимпа. Кромѣ св. Георгія, на котораго перенесены черты богини *Pales*, Діана перевоплотилась в Святую Дѣву, а Либер и Марс в св. Мартына. Эта особенность, может быть, стоит в связи с большей живучестью язычества у римлян и с болѣе развитым культом національных божеств у германцев. Восток со своей стороны лучше сохранил культ умерших. Причины этого можно видѣть с Клингеном в том, что Восточная церковь дала ему опору, установив в соотвѣтствующіе языческим празднествам сроки церковное поминовеніе усопших: в субботы мясопустную, второй, третьей и четвертой недѣли великаго поста, во вторник на Ѣоминой недѣлѣ и в субботы троицкую и дмитровскую (перед 26 октября).

Нарисованная картина не может быть еще обоснована во всѣх своих частях, но общіе контуры ея, по моему мнѣнію, выступают уже с достаточной ясностью.

Скопліе.

Владимир Розов.

PHILIPP SCHWEINFURTH, GESCHICHTE DER RUSSISCHEN MÄLEREI IM MITTELALTER. Haag, Martinus Nejhoff, 1930. XII und 506 SS. gr. 8-vo. Mit 8 Lichtdrucktafeln und 169 Abbildungen.

Въ исторіи русскаго искусства вопросъ о древнерусской живописи является наиболѣе темнымъ, наиболѣе неразработаннымъ и самымъ труднымъ для разработки. Причина этой трудности прежде всего заключается въ томъ, что большинство извѣстныхъ памятниковъ до настоящаго времени остается безъ тщательнаго научнаго изслѣдованія, а также и безъ удовлетворительнаго изданія. Цѣлый рядъ начатыхъ уже въ этомъ направленіи предпріятій, благодаря міровой войнѣ и послѣдовавшей затѣмъ въ Россіи революціи, остался неосуществленнымъ или неоконченнымъ. Если мы обратимся къ памятникамъ, то окажется, что самый важный и самый древній изъ нихъ, мозаики и фрески Софійскаго собора въ Кіевѣ, полностью не изданъ, а то, что издано, воспроизведено съ посредственныхъ копій и калекъ, а не по фотографическимъ снимкамъ. Остатки мозаикъ въ кіевскомъ михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ были въ болѣе или менѣе приемлемомъ видѣ опубликованы только недавно, но и то только частично.¹ Такой замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ и такъ хорошо сравнительно сохранившійся памятникъ, какъ фрески 1199 года въ Нередицѣ, близъ Новгорода, также только недавно былъ изданъ въ удовлетворительномъ видѣ, по прекраснымъ фотографіямъ, но безъ столь необходимаго при этомъ изслѣдованія.² Это изслѣдованіе готовилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древней русской живописи, В. К. Мясоѣдовъ, которому внезапная смерть не дала возможности закончить работу. Совершенно

¹ D. Ainaloff. Die Mosaiken des Michaelklosters in Kiew. Въ журналѣ »Belvedere«.

² «Фрески Спаса-Нередицы». Изданіе Русскаго Государственнаго Музея. (Текстъ Н. П. Сычева и В. К. Мясоѣдова.) Ленинград, 1925.

не изучена и не опубликована другая замѣчательная роспись XII в., украшающая стѣны церкви Мирожскаго монастыря во Псковѣ.³ Не изданы полностью фрески XIV в. новгородскихъ церквей — Волотовской, Преображенской и св. Теодора Стратилата.⁴ Еще хуже обстоитъ дѣло со стѣнописями церквей ярославскихъ, ростовскихъ и московскихъ.⁵ Все это основные и наиболѣе важные памятники русскихъ древностей и понятно, какъ трудно при такомъ состояніи русской археологической науки дѣлать какія либо общія характеристики древней русской живописи.

Другая причина этой трудности кроется въ томъ, что сохранившійся матеріалъ состоитъ изъ двухъ значительно отличающихся другъ отъ друга, качественно и количественно, группъ памятниковъ. Къ первой относятся хотя и немногочисленные, но въ достаточной степени выразительныя произведенія монументальной живописи — мозаики и фрески, которыя сравнительно легко могутъ быть по сопоставленіи съ другими сохранившимися памятниками того же рода вставлены въ общій историческій рядъ. Другое дѣло вторая группа, которую составляютъ безчисленные произведенія станковой живописи — иконы, представляющія громадное разнообразіе художественныхъ формъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, детально не изученныхъ и даже не опредѣленныхъ съ полной ясностью и точностью. Современному изслѣдователю этихъ произведений искусства, если онъ хочетъ не выходить изъ рамокъ строго научной методологии, приходится покуда лишь устанавливать руководящія точки зрѣнія для правильной классификаціи одолѣвающего его матеріала. Но

и эта работа встрѣчаетъ до послѣдняго времени серьезныя препятствія вслѣдствіе того, что далеко еще не весь матеріалъ приведенъ въ извѣстность и собираніе его далеко не закончено. До сихъ поръ еще очень многія среди даже очень извѣстныхъ иконъ не освобождены отъ покрывающихъ ихъ позднѣйшихъ реставрацій и поновленій, что чрезвычайно затрудняетъ правильную ихъ научную оцѣнку. Дѣло же очистки иконъ отъ этихъ поновленій, которое уже болѣе 20-ти лѣтъ съ успѣхомъ ведется въ Россіи, требуетъ большихъ техническихъ знаній и крайней осторожности, а вслѣдствіе этого подвигается впередъ очень медленно. Большинство же наиболѣе древнихъ и наиболѣе знаменитыхъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ иконъ только въ послѣднее время подверглось расчисткѣ. Результаты этой расчистки оказались настолько поразительными, что должны были вызвать коренное измѣненіе многихъ уже установленныхъ въ наукѣ мнѣній. Въ научный оборотъ былъ введенъ цѣлый рядъ новыхъ памятниковъ,⁶ по своему историко-художественному значенію настолько выдающихся, что они заняли мѣсто отправныхъ пунктовъ для сужденія о всей древнѣйшей эпохѣ русскаго иконописанія. Понятно, какой сдвигъ должны были произвести эти открытія въ общихъ точкахъ зрѣнія на древнюю русскую живопись.

Слѣдствіемъ этихъ причинъ было отсутствие до настоящаго времени въ русской наукѣ общаго обзора развитія древне-русской живописи. Нѣкоторыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи,⁷ представляютъ въ большей степени попытки дать эстети-

³ Краткая характеристика фресокъ Мирожскаго и Снѣгогорскаго монастырей недавно была сдѣлана А. Анисимовымъ въ журналѣ «Cahiers d'art», N° 7. V^e année. Paris, 1930. Нѣсколько прекрасныхъ иллюстрацій.

⁴ Краткое описаніе росписи Волотовской церкви принадлежитъ Л. А. Мацулевичу («Памятники древне-русскаго искусства», вып. IV. С. Петербургъ, 1912), а росписи церкви св. Теодора Стратилата автору этихъ строкъ («Извѣстія Импер. Археологическаго Коммиссіи», вып. 39. С. Петербургъ, 1911).

⁵ Обзорныя иконографіи росписей XVII и XVIII вв. сдѣлано Н. В. Покровскимъ («Стѣнные росписи» въ «Трудахъ VII археол. съѣзда въ Ярославѣ». I. Москва, 1887).

⁶ См. статью А. Анисимова въ «Вопросахъ реставраціи», II Сборникъ Государственныхъ центральныхъ реставраціонныхъ мастерскихъ. Москва, 1928.

⁷ Текстъ П. Муратова въ «Исторіи русскаго искусства» И. Грабаря, т. VI. См. также Р. Mouratov. L'ancienne peinture russe. Rom, 1925 и Р. Muratov. Les icônes russes. Paris, 1927.

ческую оцѣнку и на основаніи этой оцѣнки классификацію того художественнаго матеріала, который требуетъ еще солиднаго предварительнаго изученія или хотя бы достаточно точной и не вызывающей сомнѣній датировки. Въ этихъ условіяхъ попытки эти теряютъ большую долю убѣдительности. Научное же изслѣдованіе русскихъ иконъ, подготовлявшееся покойнымъ Кондаковымъ, еще ждетъ своего изданія.⁸

Вслѣдствіе такого состоянія вопроса о древне-русской живописи въ русской наукѣ, особенный интересъ и особенную значительность пріобрѣтаетъ книга нѣмецкаго автора. Какъ видно уже изъ ея заглавія, она имѣетъ цѣлью восполнить существующій недостатокъ общихъ обзоровъ исторіи русской живописи и дать историческую картину ея развитія. Благодаря большой эрудиціи автора и его прекрасному знанію русскаго языка, эту цѣль удалось его книгѣ достигнуть. Съ полнымъ правомъ мы можемъ констатировать, что она представляетъ въ настоящий моментъ наиболѣе полное и наиболѣе систематическое обозрѣніе памятниковъ древней русской живописи.

Свою книгу авторъ раздѣлилъ на четыре части, группируя при этомъ памятники по признакамъ отраженія въ нихъ тѣхъ или другихъ иностранныхъ вліяній. Въ первой части онъ разсматриваетъ памятники древнѣйшаго періода, XI—XIII вѣковъ, какъ находящіеся подъ вліяніемъ такъ называемыхъ средне-византійскихъ стилей. Сюда относятся мозаики и фрески Кіева, стѣнописи церквей Владиміра на Клязмѣ и древнѣйшія росписи, сохранившіяся въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ третьемъ отдѣлѣ этой части авторъ касается вопроса о происхожденіи древней русской иконописи и знакомитъ читателя съ послѣдними открытіями въ этой области. Вторая часть книги посвящена влі-

яніямъ поздне-византійскихъ стилей и разбору памятниковъ XIV—XV вѣковъ. Здѣсь, между прочимъ, излагается вопросъ о школахъ въ иконописи XIV—XVI вѣковъ, описывается техника иконной живописи и указываются главныя черты иконографіи русской иконописи. Третья часть очень подробно (стр. 354—448) трактуетъ вопросъ объ итало-византійской школѣ и о западныхъ вліяніяхъ въ православной живописи. Собственно русской живописи въ этой части касается только пятая глава и большого количества матеріала для нея автору собрать не удалось — вся эта глава помѣстилась на четырехъ страничкахъ (стр. 448—452). Послѣдняя часть книги посвящена памятникамъ XVII-го вѣка, въ которыхъ отмѣчено непосредственное перенесеніе западно-европейскихъ стилистическихъ формъ въ русскія стѣнописи путемъ копированія западныхъ гравюръ и въ иконопись. Въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду работа русскихъ царскихъ иконописцевъ, подражавшихъ техникѣ и колориту западныхъ художниковъ.

Такова общая схема книги. И въ такомъ общемъ видѣ она не можетъ не вызвать возраженій, хотя бы только потому, что заставляетъ автора разсматривать все развитіе русской живописи исключительно только черезъ призму чужихъ вліяній, не давая ему логически возможности останавливаться на томъ, что въ ней за вычетомъ заимствованныхъ формъ останется, т. е. на томъ, что являлось продуктомъ русскаго творческаго духа и что, съ нашей точки зрѣнія, является наиболѣе значительнымъ. Изъ изложенія книги видно, что авторъ отнюдь не сторонникъ убѣжденія, которое бы считало, что за вычетомъ чужихъ вліяній въ русскомъ искусствѣ не останется ничего и что «русскихъ» особенностей въ немъ вовсе нѣтъ. Но для того, чтобы объ этихъ особенностяхъ говорить, онъ долженъ невольно все время расширять схему, положенную имъ въ основу своей книги.

Раздвигать рамки этой схемы, и очень значительно, приходится автору уже и по-

⁸ Н. Кондаковъ. Русская икона. Текстъ въ двухъ томахъ и два альбома таблицъ. Изданіе «Seminarium Kondakovianum» въ Прагѣ. Альбомы вышли въ свѣтъ, текстъ находится въ печати.

тому, что онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, читателя мало знакомаго и съ русской стариной, и съ русской исторіей, и съ русской наукой. Это заставило его предпослать своему изложенію введение, въ которомъ онъ разъясняетъ понятіе средневѣковія въ исторіи русскаго искусства сравнительно съ тѣмъ, какъ понимается средневѣковіе въ исторіи искусства западныхъ народовъ, опредѣляетъ хронологическія рамки русскаго средневѣковія и указываетъ причину того характернаго явленія, что концомъ этого русскаго средневѣковія приходится считать начало XVIII-го вѣка. По той же причинѣ ему приходится въ первомъ отдѣлѣ первой части своей книги останавливаться на историческомъ значеніи древнѣйшихъ русскихъ культурныхъ центровъ — Киева, Владимира и Новгорода — и опредѣлять ихъ отношеніе къ Константинополю съ одной стороны и къ кавказскому культурному міру съ другой. При этомъ, для объясненія связей съ Кавказомъ, онъ излагаетъ довольно спорную покуда въ наукѣ теорію о роли, которую сыграло въ дѣлѣ передачи восточныхъ вліяній Тмутараканское царство.

Другое значительное расширеніе общей схемы книги, на нашъ взглядъ не достаточно оправданное, допущено авторомъ въ третьей ея части, гдѣ онъ съ исключительной подробностью останавливается на исторіи итало-византійской школы, опредѣляя ея понятіе и хронологическія границы, обозрѣвая дѣятельность итало-византійскихъ мастеровъ на италіанской почвѣ и перечисляя стилистическія и иконографическія особенности, характерныя для произведеній этой школы. Самъ по себѣ очень интересный и хорошо составленный, этотъ обширный очеркъ въ конечномъ результатѣ приводитъ лишь къ констатированію факта проникновенія въ Россію съ конца XIV вѣка нѣкоторыхъ и сравнительно очень малочисленныхъ италіанскихъ иконографическихъ мотивовъ, которые съ теченіемъ времени дѣлаются общераспространенными не

только въ Россіи, но и на всемъ православномъ Востокѣ.

На ряду съ этимъ книга проходитъ мимо нѣкоторыхъ вопросовъ, которые въ настоящее время въ связи съ исторіей русской живописи было бы своевременно, если не разрѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить. Одинъ изъ нихъ, самый значительный, для занятія которымъ существуетъ уже достаточно опубликованный матеріалъ, заключается въ необходимости выяснить отношеніе русской живописи къ живописи южныхъ славянъ — болгаръ и сербовъ. Связи русскихъ съ южными славянами въ средніе вѣка были очень оживленными, и вліянія очень развитого и богатаго искусства послѣднихъ на русское искусство были и разнообразны и велики. Многія неясности въ области и стилистическихъ и иконографическихъ особенностей русской живописи XIV—XVI вѣковъ могли бы быть и, надо надѣяться, въ скоромъ времени будутъ разъяснены путемъ сравнительнаго изученія памятниковъ русскихъ и южно-славянскихъ. Нѣкоторыя сближенія сами собой напрашиваются, какъ, напримѣръ, иконографическій составъ и способы распредѣленія сюжетовъ на стѣнахъ новгородскихъ церквей второй половины XIV вѣка сравнительно съ составомъ и распредѣленіемъ сюжетовъ въ сербскихъ церквахъ первой половины того же столѣтія, или приемы штрихового письма въ сербской живописи XIV—XV вв. и подобные же приемы въ русской иконописи. Примѣровъ такого рода сближеній можно было бы привести еще очень много и въ результатѣ такихъ сближеній мы бы совершенно другими глазами взглянули на многіе памятники русской живописи, не достаточно гладко умѣщающіеся въ тѣ схематическія рамки вліяній, которые положилъ авторъ въ основу своей книги.

То же можно сказать и о другомъ вопросе, не получившемъ отраженія въ разсматриваемомъ нами сочиненіи. Онъ касается проникновенія въ новгородскую живопись XIV вѣка нѣкоторыхъ формъ западнаго

средне-европейскаго искусства, можетъ быть, ближайшимъ образомъ нѣмецкаго. Этотъ вопросъ затронулъ въ свое время проф. Д. В. Айналовъ въ книгѣ »Византійская живопись XIV вѣка«, которую авторъ цитируетъ, но этотъ вопросъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ. Мы также не могли бы подписаться подъ всѣми выводами проф. Айналова, но нѣкоторые изъ нихъ, особенно касающіеся Волотовской церкви около Новгорода, намъ кажутся не лишенными основанія и было бы очень важно и интересно, если бы авторъ на нихъ отозвался и, можетъ быть, нѣсколько дольше остановился.

Самымъ главнымъ недостаткомъ книги мы считаемъ то обстоятельство, что при чтеніи ея мы не чувствуемъ за строками, написанными авторомъ, его серьезной и непосредственной работы надъ памятниками, его внимательнаго ихъ изученія. Это не является виной автора. Кругъ памятниковъ для этого былъ слишкомъ великъ, а его знакомство съ ними было слишкомъ кратковременнымъ, пришлось оперировать въ большинствѣ случаевъ съ результатами изслѣдованій, продѣланныхъ другими, и иногда всецѣло на нихъ опираться. Эта опора, однако, для него не всегда оказывалась надежной, что, конечно, мы должны поставить въ вину не ему, а тому состоянію, въ которомъ еще покуда, къ сожалѣнію, находится русская наука и о которомъ мы говорили выше.

Этотъ недостатокъ и рядъ мелкихъ недосмотровъ и пропусковъ, которые вслѣдствіе ихъ незначительности мы здѣсь не отмѣчаемъ, нисколько не умаляютъ достоинствъ книги — ясной схемы, большой полноты, логичности и выразительности изложенія, богатыхъ числомъ и хорошо исполненныхъ иллюстрацій. Мы не сомнѣваемся, что она открываетъ нѣмецкому читателю совершенно новый для него міръ, богатый разнообразіемъ художественныхъ формъ и исполненный большого эстетическаго очарованія. Въ этомъ ея значеніе, ея своевременность и залогъ ея успѣха. *Н. Окуневъ.*

MONUMENTS DE L'ART BYZANTIN PUBLIÉS SOUS LES AUSPICES DU MINISTÈRE DE L'INSTRUCTION PUBLIQUE ET DES BEAUX ARTS. VI. LES ÉGLISES DE LA MOLDAVIE DU NORD DES ORIGINES À LA FIN DU XVIe SIÈCLE. ARCHITECTURE ET PEINTURE. CONTRIBUTION À L'ÉTUDE DE LA CIVILISATION MOLDAVE PAR PAUL HENRY. Librairie E. Leroux. Paris. 1930. v. I. Texte. p. I-IV. 1-320; v. II. Planches LXVIII.

Въ роскошномъ французскомъ изданіи памятниковъ византійскаго искусства на этотъ разъ уделено мѣсто интересной и до сихъ поръ мало-изученной группѣ церковей сѣверной Молдавіи и Буковины. Церкви эти являются плодомъ дальнѣйшей эволюціи византійскаго искусства на почвѣ самостоятельнаго молдавскаго княжества XV—XVI-го вѣка. Онѣ интересны, какъ съ точки зрѣнія архитектуры — необыкновенное удлиненіе барабана, несущаго куполь, такъ и живописи, въ особенности въ смыслѣ украшенія внѣшней поверхности храма сплошнымъ ковромъ фресокъ. Такое обыкновеніе, поскольку намъ извѣстно, встрѣчается только въ Буковинѣ.

Первоначальному изученію этихъ памятниковъ — описанію, классификаціи и уясненію исторической обстановки, въ которой они возникли, посвящена солидная работа HENRY, ученаго долго прожившаго въ Румыніи, изучившаго на мѣстѣ памятники и даващаго намъ объ нихъ нѣсколько интересныхъ статей.

Вступительное слово къ этому капитальному труду написано знаменитымъ историкомъ III. ДИЛЕМЪ, историческому методу котораго въ области исторіи искусствъ слѣдуетъ его ученикъ HENRY. DIENL подчеркиваетъ значеніе работы HENRY, какъ дающую общую картину молдавскаго искусства и выясняющую сущность молдавскаго стиля.

Самъ HENRY въ предисловіи устанавливаетъ цѣль своей работы, а именно,

дать сводку до сих поръ извѣстнаго матеріала и попытаться начертать исторію созданія церковнаго молдавскаго искусства. Останавливается онъ также на методѣ: напр., предлагаетъ полное отдѣленіе изученія монументальной живописи отъ т. наз. *art mineur*. Этотъ принципъ — весьма спорный.

Длинное введеніе посвящено описанію страны, т. е. по преимуществу Буковины, и первоначальной исторіи Молдавіи. Подчеркивается благоспріятное мѣсторасположеніе на большомъ торговомъ пути, сношенія съ сербами и болгарами, имѣющія важное культурное значеніе. Нѣсколько умаляется роль славянскаго населенія Молдавіи, что зависитъ отъ того, что HENRY пользовался исключительно румынскими историческими трудами.

Трудъ HENRY раздѣленъ на нѣсколько книгъ. I-я касается начала молдавскаго искусства. HENRY начинаетъ съ разбора деревянныхъ церквей и останавливается на простѣйшемъ типѣ въ видѣ обыкновенной избы съ крестомъ на крышѣ. Онъ его считаетъ древнѣйшимъ. Сложные типы церквей относятся къ болѣе позднему времени. Переходя къ каменнымъ постройкамъ HENRY подробно останавливается на церквѣ въ Радауцѣ, построенной при господарѣ Александрѣ Добромъ; церковь эта въ смыслѣ архитектуры стоитъ особнякомъ. Строили ее западные мастера — лишнее подтвержденіе западнаго вліянія въ Молдавіи. Последнее обстоятельство всегда отмѣчается HENRY. Это не мѣшаетъ ему признавать, что основа молдавскаго искусства — византійская. Такъ въ Радауцѣ наличие нартекса и живопись — явленія византійскія. Остальныя церкви того времени построены въ чисто-византійскомъ стилѣ.

Во II-й книгѣ разсматривается молдавская церковная архитектура времени Стефана Великаго. Въ предисловіи HENRY останавливается на личности Стефана Великаго и даетъ краткій очеркъ его царствованія. Буковина при немъ является

центромъ государственной жизни Молдавіи, поэтому Стефанъ Великій строитъ церкви и монастыри въ ея предѣлахъ. Одно изъ созданій Стефана Великаго извѣстный монастырь Путна; къ сожалѣнію, отъ первоначальной постройки сохранилась только одна изъ башенъ укрѣпленія. Другая церковь въ Патрауцѣ очень интересна, т. к. съ нея можно начать серію церквей, гдѣ ясно намѣчается первоначальный типъ церквей молдавской архитектурной школы. Церковь эта имѣетъ тоже устрйоство, какъ Бадауци, Св. Ильи и Воронежъ — алтарь, четырехугольный корабль съ двумя боковыми абсидами, покрытый куполомъ съ барабаномъ, четырехугольный нартексъ. Планъ этотъ заимствованъ въ нѣсколько упрощенномъ видѣ изъ Сербіи. Затѣмъ архитектура эволюционируетъ — въ особенности въ отношеніи необыкновеннаго удлиненія барабана. Конструкція купола по мнѣнію HENRY мѣстное изобрѣтеніе. Покрытіе церквей также типично молдавское и отличается отъ византійскаго. HENRY останавливается также на дѣтальныхъ, какъ напр. формѣ креста, манерѣ исполненія аркадъ и нишъ (вырабатывается специальный арочный фризъ), готическихъ оконъ и т. д.

Въ то же царствованіе Стефана Великаго начинаетъ намѣчаться извѣстная эволюція архитектурныхъ формъ. Измѣняется планъ въ церквяхъ въ Дорохоѣ (Св. Николая) и Неамцѣ. Расширяется нартексъ, внѣшніе стѣны украшаются полихромно — рисунки изъ кирпичей и изразцовые диски. Цѣлый рядъ другихъ церквей въ большей или меньшей степени слѣдуютъ этому типу. Изъ нихъ своими размѣрами и нѣкоторыми особенностями въ планѣ, прочно укоренившимися въ дальнѣйшей архитектурѣ, выдѣляется Неамцъ. Новшествомъ являются усыпальница, помѣщенная между кораблемъ и нартексомъ, и эксонартексъ; слѣдовательно удлиненіе церквей и расчлененіе ихъ плана создались еще въ XV в., HENRY отмѣчаетъ также, что всѣ окна исполнены

въ готическомъ стилѣ, и, повидимому, сработаны саксонскими мастерами. Послѣднія церкви царствованія Стефана Великаго опять принимаютъ болѣе скромные размѣры.

III-я книга о молдавской архитектурѣ XVI вѣка.

Въ XVI вѣкѣ расцвѣтъ архитектуры продолжается, хотя это и эпоха политическаго упадка. Изъ церквей первой четверти XVI в. слѣдуетъ отмѣтить большую церковь Св. Георгія въ Сучеавѣ — послѣдняя церковь стѣны которой украшены полихромно. Нѣсколько большихъ церквей относятся ко времени Петра Рареша — это Побрата, Гоморъ, Ватра Молдавица и Ботошаны съ необыкновенно повышеннымъ куполомъ (но едва ли это происходитъ отъ того, что Пантократора хотѣли помѣстить на недосигаемой высотѣ). При наслѣдникахъ Петра Рареша продолжается развитіе архитектуры въ соотвѣтствіи съ традиціями XV-го вѣка, напр. церковь Сучевица; позднѣе замѣчается упадокъ и въ то же время появленіе новыхъ мотивовъ, какъ поперечнаго пояса на стѣнѣ въ Драгомирнѣ.

Книга IV. Живопись. Въ предисловіи HENRY указываетъ, что если вѣкъ Стефана Великаго былъ по преимуществу вѣкомъ архитектурнымъ, то вѣкъ Стефана Рареша — вѣкъ живописи. Подражая византийско-сербскимъ образцамъ, молдавскіе живописцы всеже сумѣли проявить свою оригинальность въ иконографіи и въ выраженіи чувствъ. О живописи до Петра Рареша извѣстно немного, почти не сохранилось памятниковъ. Объ этой болѣе ранней живописи, включая воронежскія фрески, можно сказать, что она инспировалась не въ Византіи, а на славянскомъ Балканѣ. Въ Воронежѣ замѣчается несомнѣнное вліяніе македонской школы, и въ то же время предпосылки болѣе древнимъ и старымъ образцамъ. По очисткѣ древнѣйшихъ фрескъ осталось еще много работы.

Въ XVI вѣкѣ въ живописи замѣчается значительная эволюція.

Для этого времени сохранились росписи въ Балинештии особенно важныя въ Гоморѣ и Ватрѣ Молдавицѣ. По нимъ можно получить представленіе о высотѣ церковной живописи при Петрѣ Рарешѣ. Это искусство отличается болѣею живописностью, повѣствовательнымъ характеромъ изображеній, при которомъ увеличивается количество сценъ и дается болѣе простора чувству. Въ стѣнѣ съ тѣмъ начинаютъ чувствоваться вліянія Возрожденія, которое считается съ древней традиціей, имѣющей источники даже въ каподокійской иконографіи и въ элленизмѣ, и очень сильнымъ сербско-болгарскимъ вліяніемъ. Общій духъ живописи продолжаетъ соответствовать македонской школѣ. Этимъ принципамъ живописи слѣдуютъ въ росписяхъ цѣлаго ряда церквей XVI-го вѣка. Въ другой группѣ церквей намѣчается нѣкоторая эволюція въ смыслъ увеличенія въ росписяхъ количества ярусовъ, что особенно характерно для XVII-го вѣка и ведетъ къ мельчанію живописи.

Разсмотрѣвъ отдѣльно росписи алтаря и корабля, HENRY переходитъ къ изученію живописи нартекса и усыпальницы въ XVI-мъ вѣкѣ. Росписи ихъ по своимъ темамъ сильно отличаются отъ первыхъ; въ нихъ значительно преобладаетъ повѣствовательный элементъ, въ ущербъ выразительности лицъ и глубинѣ религіознаго чувства. Темой росписямъ служатъ житія святыхъ и сцены изъ Менологія; постепенно начинаютъ изображать уже цѣликомъ отдѣльные мѣсяца и даже полугодія. Особое вниманіе HENRY удѣляетъ спорнымъ росписямъ въ Папауцѣ и приходитъ къ заключенію, что росписи древнія по своей схемѣ но неудачно реставрированы.

Особенно интересны внѣшнія росписи всего храма — явленіе встрѣчающееся исключительно въ Буковинѣ. Общій принципъ украшенія тотъ же, но почти невозможно найти одинаковой серіи фресокъ. Изъ любимыхъ темъ для украшеній абсиды HENRY отмѣчаетъ — дерево Есаія, Акаеистъ, Страшный судъ и житіе Св. Николая.

Неоднократно изображается также сцена осады Константинополя, что имѣть свою политическую подкладку. Въ этихъ росписяхъ играетъ значительную роль локальный элементъ. HENRY заключаетъ, что несмотря на массу мелкихъ изображений и пестроту, общее впечатлѣніе для глазъ получается пріятнымъ. Изъ позднѣйшихъ церквей, построенныхъ на рубежѣ XVII вѣка церковь въ Сучевницѣ еще всецѣло принадлежитъ къ этой первой «классической» эпохѣ молдавскаго искусства. Въ заключеніи HENRY отмѣчаетъ въ молдавскомъ искусствѣ полную побѣду принципа критской школы надъ македонской, создание опредѣленнаго принципа украшенія церквей живописью и извѣст. Вслѣдствіе всего этого молдавское искусство заслуживаетъ особаго мѣста при изученіи византійскаго искусства. Въ концѣ книги имѣются многочисленныя приложенія: объясненіе нѣкоторыхъ румынскихъ выраженій; 3 таблицы распредѣленія фресокъ въ отдѣльныхъ церквяхъ; обширная библиографія; указатели общій и именъ собственныхъ, памятниковъ и иконографическій; перечень рисунковъ; errata et addenda и, наконецъ, оглавленіе.

II-й томъ — таблицы, даетъ фотографіи ряда церквей, съ нѣкоторыми архитектурными деталями, и росписей ихъ, напр. Ватры Молдавицы, Гомора и др. Всѣхъ таблицъ 68, къ нимъ приложенъ списокъ изображеній и указатели къ нимъ.

М. Андреева.

OUVRAGES UKRAÏNIENS SUR L'ART BYZANTIN PARUS PENDANT LA PÉRIODE DE 1917 À 1930.

Les recherches scientifiques ukraïniennes d'avant-guerre dans le domaine de l'histoire des arts plastiques se sont principalement concentrées sur les monuments de l'art baroque en Ukraïne l'époque du baroque étant la plus caractéristique dans l'évolution du génie artistique ukraïzien. On a étudié aussi l'art populaire surtout dans

le domaine des arts industriels. Après la révolution de 1917 en Ukraïne, en même temps qu'un essort général se manifeste dans la vie culturelle et intellectuelle, les investigations dans le domaine des arts plastiques acquièrent une plus grande envergure et ne se bornent plus à l'étude d'une seule époque quelconque. On s'intéresse tout particulièrement à l'époque la plus ancienne de l'art ukraïzien dite princière ou ducale (du Xe au XIe s.) et à ses monuments byzantins et en partie romans. Il est bien compréhensible que ces recherches se concentrent en Ukraïne sur les monuments conservés sur le territoire de l'Ukraïne d'autant plus que les recherches antérieures n'avaient pas été systématiques et avaient laissé de grandes lacunes.

En 1917 déjà quand le premier organe parlementaire ukraïzien, la Rada Centrale, et le premier gouvernement ukraïzien — le Secrétariat Général se sont constitués à Kiev la vie littéraire et scientifique connut un essort remarquable. La grande revue mensuelle «*Naše Mynule*» («*Notre Passé*») qui commença paraître à Kiev en 1918 devint le centre de ce mouvement. Dans le domaine de l'histoire de l'art ce sont les ouvrages du prof. Constantin Šyroč'kyj mort prématurément en 1919 qui méritent une attention particulière. Il traite de l'art byzantin dans ses recherches «*L'Art ukraïzien de l'ancienne époque princière et son étude*» (K. ŠYROČ'KYJ, *Ukrajins'ke mystectvo z časiv staroknjazivs'kich ta joho vyučennja*, *Naše Mynule*, Kiev, 1918, No 1, p. 85—97) et «*L'Art ancien en Ukraïne*» (*Starovynne mystectvo na Ukrajinі*, Kiev 1918). La première de ces recherches a un caractère méthodologique, l'auteur y signale quelques documents du XVIe et XVIIIe s. dont on ne s'est pas jusqu'à présent servi dans l'étude de l'histoire des monuments byzantins en Ukraïne et il pose toute une série de problème à resoudre dans les re-

cherches suivantes. Dans la seconde recherche, d'un caractère synthétique, l'auteur donne un aperçu général de l'art byzantin en Ukraine. Cette recherche comparative aux aperçus analogues antérieurs est très complète et systématique. C. Šyroč'kyj signale quelques caractères pré-romans et romans dans les monuments byzantins de Kiev et de Černyhiv et indique les différences entre ces monuments et les modèles de Constantinople et autres. Au même auteur appartient un grand guide pour la ville de Kiev (ed. Kul'zenko, Kiev, 1917, p. 354), guide qui reste jusqu'à présent l'aperçu le plus complet et le plus scientifique des monuments de Kiev à partir du Xe s.

Les années agitées de 1919 à 1922 en Ukraine n'ont pas été favorables pour le travail scientifique et littéraire quoique un travail d'organisation considérable se poursuivait toujours. La commission dite « Commission de Sainte-Sophie » constituée à Kiev en 1918 (au début avec le prof. P. PAVLOUCKY (à la tête) pour l'étude de la cathédrale Sainte-Sophie à Kiev et réorganisée de 1919 à 1920 sous les auspices de l'académie Ukraïnnienne des Sciences et du Comité Ukraïnnien de défense des monuments d'art a réussi à exécuter un travail considérable dans l'étude détaillée de ce monument. Par les soins de l'Institut Ukraïnnien d'Architecture on a tout d'abord procédé aux nouveaux mesurages sous la direction de l'architecte D. DJAČENKO, directeur dudit Institut; S. ARŠENEV-SKYJ et d'autres ont faits de nouvelles photographies nombreuses. Le professeur F. ŠMIT, l'architecte J. MORHILEV-SKYJ, F. ERNST, le professeur PROKOFIEV et d'autres se sont occupés de l'histoire de cette cathédrale. Ces travaux et ces recherches ont trouvé leur écho dans l'article de F. ŠMIT dans le « Recueil de la Section des Beaux-Arts de la Société scientifique Ukraïnnienne à Kiev » au sujet de

la description de la Sainte-Sophie (Kiev, 1921, p. 103—111). Au même auteur appartient un ouvrage plus étendu sur l'art de la vieille Ukraine et destiné au grand public (F. ŠMIT, *Mystectvo staroji Rusy-Ukrajiny*, Char'kiv, 1919, p. 100). L'auteur y condidère principalement la peinture byzantine et tout particulièrement la peinture de la Sainte Sophie de Kiev et les miniatures. En ce qui concerne l'origine de l'architecture byzantine en Ukraine F. ŠMIT suivant en cela le prof. J. STRZYGOWSKI est d'avis qu'elle est venue en Ukraine de l'Arménie et signale la principauté de Tmutarakan' comme point intermédiaire. Les hypothèses temeraires de l'auteur ne sont pas cependant très persuasives faute de faits convaincants.

De 1920 à 1925 l'activité scientifique se développe considérablement à L'viv dans les institutions Ukraïnniennes telles que le Musée ŠEPTYCKYJ et la Société scientifique Chevtchenko. Ce développement a été favorisé dans une grande mesure par l'arrivée de travailleurs de la science émigrés de l'Ukraine orientale. Le Musée a publié 4 albums d'« Ornaments de manuscrits de l'Ukraine galicienne du XVIe et XVIIe s. » (*Prykrasy rukopysiv Halyc'koji Ukrajiny XVI—XVII st.*, L'viv, 1922—1923) qui contiennent plus de 220 planches phototypiques en couleur. La plupart des ornements du XVIe s. (miniatures, vignettes, fleurons, lettres initiales etc.) révèlent un caractère encore nettement byzantin tandis que ceux du XVIIe s. marquent la transition aux modèles graphiques de l'Europe occidentale.

Dans cette période paraissent plusieurs ouvrages généraux sur l'histoire de l'art Ukraïnnien avec chapitres spéciaux consacrés à l'art byzantin en Ukraine. M. HOLUBEC dans son manuel de l'histoire de l'art Ukraïnnien (*Načerk istoriji ukrajins'koho mystectva*, t. I, L'viv, 1922, p. 262) distingue deux périodes dans l'époque

byzantine en Ukraine: « l'art de l'Etat de Volodymyr et de Yaroslav » (p. 63—103) et « l'art de l'Etat Galicien et Wolhynien » (p. 104—130). Les exemples byzantins prédominent dans la première de ces périodes tandis que les exemples romans marquent la seconde.

Le prof. D. ANTONOVYČ dans son cours de l'histoire de l'art ukrainien (*D. ANTONOVYČ, Skorocenyj kurs istoriji ukrains'koho mystectva*, Praha, 1923, p. 340, lithographié) réunit ces deux périodes sous le nom le « L'époque byzantoroman » (chap. II, p. 19—34) et introduit ainsi un terme nouveau pour la désignation de certaines manifestations d'art dans l'Europe orientale du XIe et du XIIe s.

V. SIČYNS'KYJ dans son manuel de l'histoire de l'art universel (*Konspekt istoriji vsesvitn'oho mystectva*, Praha, 1925, p. 254; 2 édition Praha 1928, p. 356, lithographié), dans la partie consacrée à l'art byzantin (p. 131—150, 182—213) prête une attention particulière aux peuples slaves dans l'art desquels il essaye de retrouver les tendances artistiques générales et les influences réciproques à l'époque de la diffusion de l'art byzantin. Un chapitre spécial est consacré à l'art byzantin en Ukraine (p. 182—207) et dans le Nord-Est de l'Europe (Ruthénie Blanche, Novgorod, Pskov, Moscovie, p. 208—211). Au même auteur appartient l'article en langue française et tchèque (« Ukrain's'ka architektura — l'Architecture ukrainienne ») numéro spécial de la revue « Umění Slovanů — l'Art Slave », Brno, 1924, No 4) ainsi qu'une recherche spéciale « l'Architecture dans les imprimés anciens » (« Architektura v starodrukach », L'viv, 1925, p. 28 + 20 pl. ill., grand in 4°). Dans cette recherche l'auteur retrace d'après les gravures datant du XVIe au XVIIIe s. l'aspect primitif de plusieurs édifices en Ukraine et entre autres de quelques églises byzantines.

V. ZALOZEC'KYJ dans son article sur l'église de Vyšhorod près Kiev de 1115 (*Cerkva-mavzolej sv. Borysa i Hliba v Vyšhorodi pid Kyjivom*, « Stara Ukrajina », 1924, No 7—8) touche une question spéciale. L'auteur ne partage pas l'opinion de quelques autres chercheurs suivant laquelle ce bâtiment représenterait une rotonde, mais il est enclin à admettre que cette église appartenait au type des églises à 3 nefs répandu à cette époque en Ukraine.

Le professeur E. SIČYNS'KYJ dans sa recherche « Influence de l'architecture byzantine d'Athos sur l'architecture des églises en maçonnerie de la Podolie » (*Vplyv vizantijs'ko-atons'koji architektury na budivnytvo murovanych cerkov na Podillju*), Zapysky Naukovoho Tovarystva im. Ševčenko, 1925, et séparément L'viv, 1925, p. 32) passe en revue les églises du type dit trikhonche en Podolie du XVIe et XVIIe s., et se basant sur l'analyse stylistique et les témoignages documentaires arrive à la conclusion que ce type de constructions est venu en Podolie du mont Athos à travers la Bucovine (Sutchava, Poutna). Ce courant de la « dernière renaissance byzantine » du XIVe au XVIe siècle a joué un rôle considérable dans l'architecture ukrainienne tant dans les églises en maçonnerie que dans celles en bois.

A l'occasion de la découverte de fresques du moyen âge dans la cathédrale arménienne à L'viv au mois de juin 1925 M. HOLUBEČ a publié un grand article dans la revue « Vieille Ukraine » (M. HOLUBEČ, *Vidkryttja seredn'ovičnych freskiv u Virmens'komu sobori u L'vovi*, « Stara Ukrajina », 1925, No 7—10, p. 119—126). Se basant sur les particularités du style de ces fresques l'auteur conclue qu'elles datent de la fin du XIVe et avaient été exécutées par les peintres de formation byzantine. L'auteur rapproche ce cycle de fresque aux fresques by-

zantines du XVe s. à Lioubline, à Sandomir et à Cracovie et considère les fresques découvertes à L'viv comme un « chaînon perdu » de l'ancienne culture artistique ukrainienne. De nouveaux fragments de fresques découverts par M. Holubeč dans l'église du couvent de Lavriv en 1925 (pays des Boykis en Galicie) semblent confirmer cette opinion. (M. HOLUBEČ, *Lavrius'ka polichromija*, « Stara Ukrajina », 1925, No 7—10 et « Zapysky Č. Vas. Vel. », 1927, II, fasc. 3—4, p. 317—335). Les caractères de style de ces fresques ainsi que l'analyse chimique du badigeon à laquelle a procédé l'architecte B. Peščans'kyj montrent que ces peintures datent du XVe et du XVIe s.; elles révèlent une influence particulière de la peinture d'Athos qui vint en Galicie à travers la Bucovine. Les deux articles cités de M. Holubeč ont paru aussi en librairie (M. HOLUBEČ, *Ukrajins'ke maljarstvo*, 1926, p. 88).

En 1923 et en 1924 la Section historique de l'Académie Ukr. des sciences sous la présidence de M. HRUŠEV'SKYJ a entrepris l'étude des édifices de l'époque byzantine à Tchernyhiv et de la cathédrale de St. Sophie et d'autres édifices à Kiev. Le prof. Makarenko et l'architecte J. MORHILEV'SKYJ qui dirigèrent ses travaux en ont publié des comptes-rendus succincts dans les « Annales » de la Section histor. et philol., de l'Ac. Ukr. des Sciences (Kiev, 1924, v. IV, p. 240—245). Dans la même année M. MAKARENKO a publié une recherche sur les peintures murales (tempera) découvertes dans la cathédrale de Tchernyhiv (*Najdavnišja stinopys' knjažoji Ukrajinj*, « Ukrajina », Kiev, 1924, No 1—2). Ces peintures ont été découvertes par M. MAKARENKO en 1923. Deux de ces images se sont conservées encore mieux que les fresques de la cathédrale de St. Sophie et celles du couvent St. Michel à Kiev. Ces

peintures démontrent qu'au début du XIe s. les peintres ukrainiens employaient les mêmes procédés de peinture que les anciens Grecs; leur dessin est assez net et vivant et exécuté avec une grande variété de nuances malgré le nombre restreint de couleurs. Des renseignements plus détaillées sur les recherches à Tchernyhiv ont été publiées par M. Makarenko dans le recueil « Tchernyhiv et le Nord de la rive gauche du Dniepr » paru sous la direction de M. HRUŠEV'SKYJ (M. MAKARENKO, *Bilja černyhivs'koho Spasa*, « Černyhiv i Pivnične Livoberežžja », Kiev 1928, p. 184—196). Enfin, le même auteur publia les résultats définitifs des fouilles autour de la cathédrale de Tchernyhiv dans les « Annales » de l'Acad. Ukr. des sciences et en librairie (M. MAKARENKO, *Černyhivs'kyj Spas, archeologični doslidy roku 1923*, Kiev, 1929, p. 90, XXII pl. et 62 illustr.). Les résultats de ces fouilles sont d'une grande importance. Tout d'abord ils permirent d'établir le plan primitif de la cathédrale. Elle était primitivement à trois et non pas à cinq nefs comme certains investigateurs l'avaient cru. Autour de l'édifice on a découvert sous la terre les différentes constructions ajoutées et les chapelles que les chercheurs antérieurs ont cru être la 4e et la 5e nefs. Ensuite, dans l'angle nord-ouest du bâtiment on a découvert une petite chapelle à 3 nefs (baptistère?) représentant le même plan que les constructions analogues dans l'église principale de la Lavra de Kiev-Petchersk et au couvent de St. Michel à Kiev. Lors des fouilles autour de la cathédrale de Tchernyhiv de nombreux objets de culture matérielle ont été trouvés, tels que bracelets de l'époque princière, croix du XVIe et du XVIIe s. etc. En outre des comptes-rendus cités, le même auteur a fait paraître un guide du Musée Khanenko où, en outre de la collection d'originaux de grands maîtres européens (Perudgino,

Bellini, Rubens, Van Dyck, Rembrandt, Titien etc.), se trouve aussi une collection d'objets des arts industriels de style byzantin et d'origine kievienne (objets en métal, or, émaux).

L'architecte J. MORHILEVSKYJ a publié un succinct rapport sur les recherches relatives à l'architecture des églises de Tchernyhiv du XIe et du XIIe s., dans la revue trimestrielle « l'Ukraine » (Kiev, 1925, N 1—2, p. 231—232), organe de la Section historique de l'Académie Ukr. des sciences, paraissant sous la direction de M. HRUŠEVSKYJ. Des comptes-rendus plus détaillés ont paru dans le recueil « Tchernyhiv » publié par la Section historique (J. MORHILEVSKYJ, *Spaso-Preobražens'kyj sobor u Černyhovi za novymi doslidamy*, « Černyhiv i Pivnične Livoberežžja », Kiev, 1928, p. 169—183 et *Uspens'ka cerkva Jelec'koho manastyrja v Černyhovi*, ibid. p. 197—204). A la première recherche est annexé un plan de la cathédrale de Tchernyhiv d'après le dernier lever précis fait par l'architecte J. Morhilev'skyj: ce plan donne enfin réponse à certaines questions controversées en ce qui concerne la forme et le caractère de ce précieux monument du début du XIe s. Les investigations ont révélé que la tour septentrionale a subi une reconstruction capitale au XVIIe s. et que la tour méridionale ne fût élevée qu'au XVIIIe s. Les voutes des cinq coupoles et même celles des absides ne datent que du XVIIe s., mais elles reproduisent exactement les formes des voutes primitives. J. Morhilev'skyj fournit d'importants renseignements quand aux matériaux de construction de la maçonnerie qui dans les murs est constituée par des couches de pierres de grés et les couches de briques minces et dans les voutes, les arcades etc. ne contient que des briques. Les dimensions des briques du XIe s. sont: 30×32×3 cm. ou 31×27×4 cm. On employait à cette époque aussi le schiste et

parfois même le marbre pour les constructions. On trouve dans cette recherche aussi les résultats de l'épreuve physique et mécanique des briques ainsi que l'analyse chimique du mortier de la cathédrale de Tchernyhiv. Les résultats de l'examen de l'église de l'Assomption au couvent Yelet à Tchernyhiv, auquel on a procédé en 1924 et en 1926 ne sont pas moins intéressants. Ils démontrent que cet édifice du milieu du XIe siècle n'avait primitivement qu'une seule coupole, mais les voutes primitives ne se sont pas conservées. La technique de construction diffère ici de celle des autres édifices de Tchernyhiv du commencement du XIe s., on ne trouve ici que des briques et point de pierres; le mortier est aussi différent. Par ces nombreux détails romans cet édifice a un grand rapport avec les édifices de la même époque du centre de la France.

Les résultats des investigations de J. MORHILEVSKYJ et de F. ERNST relatives à la cathédrale de St. Sophie à Kiev ont été publiés dans le recueil de la Sect. hist. de l'Ac. Ukr. des sciences « Kiev et ses environs » (J. Morhilev'skyj, *Kyjivs'ka Sofia v svitli novych sposterežen'*, « Kyjiv ta joho okolycja », Kiev, 1926, p. 81—108 avec 22 illustr.). Malheureusement les résultats des mesurages récents malgré qu'un travail considérable y avait été déjà accompli, n'ont pas été publiés. Le fait qu'on s'est servi, pour établir l'aspect primitif de la cathédrale, de dessins connus de Kiev de 1651 de A. VAN-WESTERFELD est très important. Ces dessins ont été étudiés en son temps par Smirnov, mais étant donné que celui-ci ne connaissait pas les monuments ni la topographie de Kiev toute une série de dessins de A. VAN-WESTERFELD est restée non expliquée. Les recherches récentes de J. MORHILEVSKYJ et de F. ERNST démontrent que les dessins cités datant de 1651 sont, à quelques exceptions près, très précises et surtout

ceux de la cathédrale de St. Sophie (à cette époque en ruines) correspondent parfaitement aux données fournies par l'examen des murs actuels. En prenant en considération ces données de comparaison et en examinant certains endroits des murs dégagés du crépi récent on a pu établir la structure primitive de la cathédrale. J. MORHILEV'SKYJ démontre que toute la masse de la cathédrale à cinq nefs était à l'intérieur et au dehors, entourée d'une galerie et que la galerie intérieure était à deux étages. L'auteur essaye de retrouver dans la construction des voutes de la cathédrale de Kiev les exemples de la Perse sassanide et de la Syrie.

V. SIČYNS'KYJ a donné un aperçu historique général des monuments de l'époque byzantine en Ukraine dans sa recherche « *Architektura staroknjaziv's'koji doby* — l'Architecture du Xe au XIIIe siècle », dans la collection « *Ukrajins'ke Mystectvo — l'Art ukrainien ancien* », Praha, 1926, p. 76, 78 ill.). Dans la question de l'origine de l'architecture ukrainienne l'auteur rejette l'hypothèse des influences directes de l'art byzantin (Constantinople) et tout en admettant les influences arméniennes il prête une attention particulière à l'architecture chrétienne de Chersonèse en Crimée où de nombreux vestiges d'édifices de l'époque du IVe au VIIIe s., ont été trouvés. Il s'est formé là un type intermédiaire entre le type central et la basilique. Dans la cathédrale de Kiev l'auteur trouve des caractères originaux qui empêchent d'établir une analogie complète avec les exemples de Constantinople ou avec ceux de l'Arménie. Dans les monuments du XIIe s. (Tchernyhiv, Volodymyr Volynsky, Ovroutch) il signale toute une série de formes romanes détruites lors de « restaurations » au XIXe et même au XXe s. (Volodymyr, Ovroutch). L'auteur examine aussi l'évolution des formes architectoniques et la technique de l'exécution avec

la transition des exemples byzantins à ceux de l'art roman. Un extrait assez étendu et une liste des illustrations en français sont annexés à l'ouvrage qui contient 78 illustrations reproduisant des plans, d'anciens dessins, des gravures et des photographies des monuments existant.

D. ANTONOVYČ dans son article « Contribution à la question de la genèse de l'ancienne architecture ukrainienne (*Dopytannja pro pochodžennja staroji ukrajins'koj architektury*, « *Zapyski Ist.-fil. Viddilu Ukr. Akad. Nauk* », Kiev, 1927, p. 399—403) considère aussi l'architecture byzantine en Ukraine. Il ne reconnaît pas le type central dans certains édifices ukrainiens (en opposition à l'opinion de l'auteur précédent), il est d'avis que les influences occidentales ont prédominé et arrive à la conclusion qu'en Ukraine du XIe au XIIe s., d'autres plan d'églises en maçonnerie que celui de la basilique étaient inconnus.

V. ZUMMER a publié dans les « Annales » de l'Acad. Ukr. des Sciences un article sur un édifice peu connu dit « Chapelle de St. George » (à l'heure actuelle en ruines) à Starohorodok (*Juričeva božnycja v Starohorodku*, « *Zapysky Ist.-Fil. Viddilu Ukrajn. Akad. Nauk*, t. XV, Kiev, 1927, p. 1—7) et M. MAKARENKO publia un article sur la peinture murale du même édifice *Starohorod's'ka « božnycja » ta jiji maljuvannja*, « *Černyhiv ta Pivnične Livoberežžja* », Kiev, 1928, p. 215—223). Les fresques de l'époque princière se sont conservées dans l'église de Starohorodok. Ce sont « Sainte Vierge » « Sacrement de l'eucharistie » et autres. M. MAKARENKO les décrit d'une manière détaillée, fait l'analyse de leurs formes et les compare d'autres exemples byzantins similaires de la peinture murale (Venise, Ravenne) et aux miniatures.

M. MAKARENKO est aussi l'auteur de quelques ouvrages sur les arts appliqués; ci-

tons sa recherche sur les émaux (*Borzen-s'ki emali i stari emali Ukraïny vzabali*, « Černyhiv », Kiev, 1928, p. 80—100 et en langue française: « Sceaux de plomb de la période grand-ducale de l'Ukraïne » (« Arethuse », Paris, 1927, octobre No 17, p. 173—181) et enfin, la recherche sur le « Livre de prière de Volodymyr » (*Molytovnyk velykoho knjazja Volodymyra i Sulakadzev*, « Sbornik statěj v česť akad. A. I. Sobolévskogo », Leningrad, 1928).

L'article du feu VOLODYMYR PEŠČANS'KYJ sur l'église « Spas na Berestovi » à Kiev (*Kyjivs'kyj Spas na Berestovi*, « Zapysky Č. V. V. », L'viv, 1927, t. II, No 3—4), constitue un complément aux recherches susmentionnées sur l'ancienne architecture byzantine. Ayant participé avec l'académicien POKRYŠKIN aux fouilles sur l'emplacement de cette église et à son examen V. PEŠČANS'KYJ cite quelques faits importants et jusqu'à présent peu connus que M. POKRYŠKIN n'a pas eu le temps de publier. V. PEŠČANS'KYJ qui a été, comme on le sait, grand connaisseur de la peinture byzantine et tout particulièrement de ses procédés techniques a publié une recherche sur les anciennes icones (*De-što pro ukrajins'ki i velykorus'ki ikony*, « Bohoslovija », 1925, No 2—3). Ce travail est très précieux tout d'abord en ce qu'il contient une caractéristique des écoles et des procédés techniques de peinture ainsi que l'analyse de divers fonds qui étaient employés dans l'ancienne peinture iconographique de chevet.

O. NEKRASOV traite le sujet spécial du portrait en relief du XIe s. (*Rel'jefni portrety XI st.*, « Zapysky Ukr. Naukovoho Tovarystva, teper Istor. Sekciji Ukrajin. Akad. Nauk, t. XX, Kiev, 1926, p. 16—40).

En 1927 parut une recherche plus étendue du prof. T. PAVLUC'KYJ: Histoire de l'ornement ukrainien (*Istorija ukrajins'koho ornamentu*, Ukr. Akad. Nauk, Kiev,

1927, p. 28 + 11 pl. ill., in folio). Après la mort de l'auteur la publication parut sous la direction et avec préface de M. Makarenko. Malgré que le travail de Pavluc'kyj n'est pas tout à fait achevé, surtout en ce qui concerne la période plus récente (XVIIe et XVIIIe s.) la partie relative à l'époque byzantine y est cependant comparativement assez complète. L'auteur embrasse dans son étude l'ornementation monumentale (architecturale) les bas-reliefs (sur différents objets), les fresques, les mosaïques, les filigranes, les arabesques et les émaux. Il fait l'analyse de ces motifs ornementaux et y étudie les éléments séparés en les comparant avec les exemples de Constantinople, de l'Arménie et de l'Asie centrale. Il arrive à la conclusion que l'ornementation de fresques empruntait certains motifs à la tapisserie et la mosaïque les empruntait aux émaux.

Le savant ukrainien Dr. V. ZALOZEC'KYJ a publié en langue allemande toute une série d'articles sur l'art byzantin en Ukraïne qui renseignent sur les recherches récentes dans ce domaine: *Byzantinische Baudenkmäler auf dem Gebiete der Ukraïne* (« Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven », Breslau, Bd. III, H. 2, S. 209—230); *Byzantinische Provenienz der Sophien-Kirche in Kiev* (« Belweder », Wien, 1927, p. 70—77); *Studie zur figuralen Ausschmückung der Jagiellonen-Kapelle (Siegmundkapelle) in Krakau* (« Belweder », p. 166—184); *Stil-historische Untersuchung der Monomach-kappe* (« Mitteilungen des Ukr. Wissenschaftl. Institut », Berlin, 1927, t. I, p. 140—167).

V. SIČYNS'KYJ dans son article sur la cathédrale de Volodymyr-Volynsk du XIIe s. (« Ukraïna », Kiev, 1928, No. 3) expose l'histoire des reconstructions successives de ce monument et démontre, d'après les anciens dessins, que malgré le caractère byzantino-roman de son plan cet édifice

était primitivement roman. Lors de la « restauration » à la fin du XIXe s., ces formes romanes ont été complètement détruites et tout l'édifice a été « reconstruit » dans les formes pseudo-byzantines qu'il n'a jamais eu auparavant. Ensuite l'auteur examine la reconstruction du XVIIIe s. lors de laquelle fût ajoutée une construction de par ses formes très proche à la porte romaine de Milet du IIe s., comme le signale l'architecte LEO ADLER dans la revue « Wasmuths Monatshefte für Baukunst » (Berlin, 1927, H. 2, p. 102).

D'un caractère plutôt populaire est l'article de S. LJUBAR'SKYJ sur les monuments de la ville de Kholm de la période grand-ducale du XIIe au XIIIe s., mais l'auteur y présente ces monuments quelque peu sous un nouveau jour (*Pamjatky knjažnobo Cholma*, « Žyttja i znannja », 1928, No 10—11).

Comme un fait important dans l'activité éditrice des Ukraïniens de ces dernières années il faut citer l'édition monumentale du Musée Chevtchenko à L'viv des oeuvres de la peinture iconographique en Galicie du XVe et XVIe siècles (I. SVĚNCICKYJ, *Ikonopys' Halyč'koji Ukraïny XV—XVI vikiv*, 1928, p. XII + 100, 117 reproductions, in folio). Ce sont les reproductions des icônes de la collection du Musée National qui présentent ici un intérêt tout particulier. Ces icônes ont été nettoyées et conservées par V. PEŠČAN'SKYJ, grand connaisseur de cette matière et qui a travaillé dans le Musée National de 1922 à 1926. Pour le nettoyage des icônes de la crasse et des peintures postérieures V. PEŠČAN'SKYJ n'employait que des procédés chimiques qui lui permettaient de découvrir ces vieilles images dans toute la vigueur et la beauté de leur dessin et de leur coloris primitif. J. SVĚNCICKYJ décrit toute la collection d'une manière détaillée, y distingue les différentes écoles de la peinture galicienne du XVe et XVIe s., signale

les différentes tendances qui s'y ont manifestées et y retrouve des influences étrangères et parmi ces dernières tout particulièrement l'influence de l'art de l'Europe occidentale et méridionale.

Parmi les publications de l'année dernière on peut citer la recherche de V. SIČYNSKYJ sur les rotondes en Ukraïne (*Rotondy na Ukraïni*, « Naukovyj Zbirnyk Istor. Sekciji Ukrajin. Akad. Nauk », Kyjiv, 1929 et séparément Kiev, 1929, p. 32, 15 illustr.). D'après l'auteur la rotonde ukraïniennne provient de la Crimée, de l'ancienne Chersonèse où une rotonde présentant le plan d'une croix et datant de 600 s'est conservée. Il examine ensuite les miniatures de la « légende de Boris et Hlib » du début du XIVe s. où on voit le dessin de la rotonde de Vyšhorod, il décrit aussi la rotonde de Halyč du XIIe s. et celle de Lavriv du XVIe s., et signale l'expansion de l'art kievien loin à l'ouest ce dont la rotonde de Cracovie (découverte en 1917) pareille à celle de Chersonèse et d'autres bâtiments de la Pologne sont le témoignage. Pour finir l'auteur discute l'origine de la rotonde de Horjany près Užhorod et partage dans une grande mesure l'opinion du savant tchèque FL. ZAPLETAL qui consacra une recherche spéciale à ce monument. Par contre, l'auteur rejette complètement l'assertion de V. ZALOZEČKYJ quant à « l'origine romaine » et les « particularités stylistiques romanes » de monument en question. L'auteur publie un vieux dessin de la rotonde de Mukačevo en Subcarpathique qu'il a trouvé au couvent de Mukačevo en 1925, et expose l'histoire de ce bâtiment disparu qui avait tous les caractères de l'art architectural occidental et tout particulièrement de l'art tchèque.

Comme on le voit le travail d'investigation de savants ukraïniens s'occupant de l'histoire de l'art byzantin en Ukraïne a fourni pendant ces 13 dernières années toute une série de nouvelles recherches

dans la question de la genèse et du développement de l'art byzantin en Ukraine ou l'a mis sous un nouveau jour. On s'est occupé tout particulièrement de l'étude des courants artistiques et des influences culturelles réciproques entre les populations voisines à l'époque de la diffusion de l'art byzantin. Parmi les branches de l'art plastique c'est l'architecture qui fait l'objet du plus grand nombre de recherches. Les ouvrages sont tantôt d'un caractère mono-

graphique, tantôt consacrés à des questions spéciales. On signale pas mal d'ouvrages généraux, scientifiques et populaires, de manuels pour l'enseignement supérieur et les écoles spéciales etc. Les recherches consacrées à la peinture monumentale et aux arts industriels occupent une place importante et la peinture de chevalet, la miniature et la sculpture ne sont pas négligées non plus.

V. S.

ZPRÁVY-CHRONIQUE.

LE TROISIÈME CONGRÈS INTERNATIONAL DES ÉTUDES BYZANTINES (ATHÈNES, 12-18 OCTOBRE 1930).

Le troisième congrès des études byzantines qui s'est tenu à Athènes a remporté un brillant succès, prouvant une fois de plus que cette catégorie d'études sur le sort desquelles on était si sceptique il y a encore peu d'années, sont bien vivantes et attirent un nombre de plus en plus grand d'amateurs passionnés. Comment ne pas se rappeler le congrès international des études historiques qui, à Bruxelles, en 1923, n'ouvrait aux byzantinistes qu'une modeste section ! M. JORGA peut vraiment se féliciter d'avoir songé à organiser des congrès spéciaux d'études byzantines et de voir son idée à tel point couronnée de succès. Le premier congrès de Bucarest (1924) comptait déjà un peu plus de 60 savants ; mais à Belgrade, en 1927, il y en avait près de 300 et ce nombre fut encore dépassé à Athènes, l'an dernier, malgré toutes les réserves qu'on pouvait faire à propos de la date choisie, les cours de la plupart des Universités d'Europe centrale, s'ouvrant au début d'octobre et un grand nombre de professeurs de cette vaste région ayant été ainsi empêchés d'assister au Congrès. Il est bon de noter que plusieurs gouvernements s'étaient même fait représenter officiellement : la Belgique, la Bulgarie, l'Égypte, la France, l'Italie, les Pays-Bas, la Tchécoslovaquie et la Yougoslavie. De tous les états occidentaux, c'est la France qui a envoyé la plus nombreuse délégation. À côté de MM. DIEHL et MILLET on remarquait notamment MM. COLLINET, PERNOT, GIFFARD, BRÉHIER, GRABAR, Mlle ROUILLARD, MM. DUTHUIT, KOURGEAS, le directeur et les membres de l'École française d'Athènes, d'autres érudits encore.

Les savants allemands étaient, de leur côté, très dignement représentés par MM. HEISENBERG, WULF, OERTL, KORNEMANN, SCHRAMM, DÖLGER, SCHWEINBURG, SOYTER, SCHWEINFURTH, STEIN. L'Autriche avait envoyé MM. REISCH, SCHISSEL, SCHMID, STEINWENTER, LESKY, GERSTINGER, WALTER. On a vivement regretté que le Père PETERS, de la Société des Bollandistes, deuxième délégué de la Belgique, n'ait pas pu paraître au congrès et que ce pays n'ait été représentée — très dignement, il est vrai — que par M. GRÉGOIRE. L'abstention des savants anglais a surpris tout le monde, M. MILLER, directeur de l'École Anglaise d'Athènes, étant le seul dont le nom figurât sur le registre des présents. Les États Unis n'avaient, du reste, délégué eux aussi, que M. THOMPSON, directeur de l'École classique américaine d'Athènes. Dans la délégation italienne on remarquait MM. MERCATI, FERRARI, PACE, GEROLA et SATA tandis que l'Institut Oriental pontifical de Rome n'avait envoyé que deux de ses professeurs, MM. de JERPHANION et HAUSHERR. L'Espagne était représentée par MM. d'OLWER et PUIG Y CADAFALCH, la Pologne par MM. SAJDAK et KLINGER. On remarquait aussi divers savants scandinaves : MM. HOEG, NORWIN et EITRE. Mais les délégations les plus nombreuses étaient comme on pouvait s'y attendre, celles des pays balkaniques. La délégation roumaine était dirigée par M. JORGA qu'accompagnaient MM. BĂNESCU, MARINESCU, ANTONESCU, BALS, PANAITESCU,

GRECU et plusieurs autres. Parmi les Yougoslaves, citons notamment MM. RADONIĆ, VULIĆ, MANOJLOVIĆ, PETKOVIĆ, MIRKOVIĆ, GRANIĆ, SKOK, NOVAK, KOS, STÉLÉ, KARAMAN, ŽUPANIĆ. Quant aux délégués bulgares, les principaux étaient MM. FILOV, ZLATARSKI, BALASČEV, PROTIČ, MIAŤEV, MATAVČEV, SNEGAROV, NIKOV. Les états orientaux, à l'exception de l'Égypte et de la Syrie, n'avaient pas envoyé de délégués. La Turquie s'était naturellement abstenue mais Constantinople avait pourtant plusieurs représentants en la personne de MM. GRUMEL, LAURENT et SALAVILLE, de l'Institut byzantin des Pères de l'Assomption. Inutile de dire que les Grecs étaient les plus nombreux; cela va de soi. Les meilleurs spécialistes hongrois des études byzantines, MM. VARI, DARKO, MORAVCZIK et KOVATS, étaient presque au complet. Plusieurs délégués tchécoslovaques inscrits au congrès n'ont pas pu venir, notamment M. WEINGART retenu à Prague par ses fonctions de doyen de la Faculté des Lettres, mais l'Institut Slave de Prague s'était fait représenter par MM. VAJS, OKUNEV et DVORNÍK, l'Université Charles IV par M. SALAČ, délégué du gouvernement, l'Université allemande par M. GRÜNWALD et les Instituts russes par Mlle ANDREJEVA, MM. PANAS, BÉLIAEV.

Parmi les délégués on a salué avec une sympathie toute particulière la présence des représentants des Églises orthodoxes: le président d'honneur du congrès était le métropolite d'Athènes, Mgr. CHRYSOSTOME; les patriarchats de Constantinople, de Jérusalem et d'Alexandrie avaient tenu à se faire représenter et plusieurs moines de l'Église orthodoxe ont participé au congrès, présentant, en outre, d'intéressantes communications. Il y a là un fait nouveau dont on ne peut manquer de se

réjouir puisque, la plupart des trésors artistiques et des manuscrits byzantins se trouvant entre les mains de moines orthodoxes et leur conservation dépendant dans une large mesure de l'intérêt que ces derniers porteront à des objets aussi précieux, les recherches des spécialistes dans le domaine des études byzantines ne pourront atteindre complètement leur but que par la collaboration étroite des représentants de l'Église orthodoxe. Il est regrettable qu'on n'ait pas réalisé au congrès d'Athènes une idée qui était pourtant dans l'air: provoquer une réunion privée d'ecclésiastiques catholiques et orthodoxes qui s'occupent d'histoire de l'Église byzantine. On peut imaginer tout le bien qui sortirait vraisemblablement d'une collaboration de ce genre. Espérons qu'à la prochaine occasion, du moins, un tel projet ne restera pas seulement à l'état d'ébauche.

L'organisation du congrès était parfaite. Nos amis grecs ne nous en voudront pas si nous trahissons le sentiment intime d'un certain nombre de congressistes qui ne se rendaient à Athènes qu'avec méfiance, mettant en doute l'exactitude et la promptitude des « balkaniques ». Or nous avons cru constater que les Grecs se sont tout à fait « occidentalisés »: tout a fonctionné à merveille. Le mérite en revient au comité d'organisation présidé par M. MÉNANDROS, et surtout à l'infatigable secrétaire général du congrès, M. ORLANDOS. Les excursions organisées à Monembasie, à Mistra, à Volos et à Salonique supposaient en particulier un sens très développé de l'organisation. Nous en sommes d'autant plus reconnaissants à ceux qui les ont mises sur pied qu'elles nous ont fourni l'occasion de voir des régions si intimement liées à l'histoire de Byzance. La fameuse hospitalité grecque et la bienveillance de tous les milieux helléniques ont rendu inoubliable notre séjour en Grèce. Mentionnons enfin la belle fête donnée en l'honneur des con-

gressistes le 19 Octobre au stade d'Athènes et où l'on a admiré, pour la première fois, à côté de costumes historiques grecs, des reconstitutions de costumes byzantins. Me SOTIRIOU l'organisatrice de ce beau défilé mérite vraiment sa large part de félicitations.

Le travail scientifique ne l'a cédé en rien à l'organisation matérielle et a été remarquable. Près de 120 communications concernant tous les domaines de la Byzantologie ont été présentées au cours des sessions. Il ne peut être question, naturellement, de les mentionner toutes ici; nous nous limiterons donc surtout à celles qui présentent un certain rapport avec les relations byzantino-slaves, espérant, d'ailleurs, avoir l'occasion de revenir sur quelques problèmes particulièrement importants quand il nous sera donné de lire les Actes du congrès où lesdites communications seront publiées in extenso.

Le congrès comprenait quatre sections, les trois premières étant respectivement historique, philologique et archéologique, la dernière concernant surtout le droit byzantin mais englobant aussi dans sa compétence quelques questions du domaine de la musique et des sciences byzantines. En dehors de la séance d'ouverture du dimanche 12 octobre à laquelle prirent notamment la parole M. PAPANDRÉOU, ministre de l'Instruction publique, M. MÉNANDROS, président du Congrès, et les délégués des gouvernements et des institutions savantes, on avait organisé deux séances plénières dont la présidence échet à M. Jorga pour la première, à M. Diehl pour la seconde, celle de clôture. Les savants de plusieurs pays y ont pris la parole, MM. Darko (Hongrie), Diehl (France), Hatzidakis et Palamas (Grèce), Heisenberg (Allemagne), Jorga (Roumanie), Grégoire (Belgique), Skok (Yougoslavie). Quant aux séances de travail, elles furent présidées chacune et à tour de rôle

par les représentants des divers pays participant au congrès; on a pourtant remarqué que nos amis grecs avaient omis la Tchécoslovaquie, bien que toutes les institutions tchécoslovaques spécialisées dans les études byzantines (section byzantine de l'Institut slave de Prague, revue *Byzantinoslavica*, *Seminarium Kondakovianum*) aient tenu à déléguer à Athènes plusieurs érudits.

La section historique a eu à s'occuper, à plusieurs reprises, des relations entre les Slaves et Byzance. Notons tout d'abord la communication de M. ŽUPANIĆ sur les *origines des Antes*. On connaît les théories de ce savant sur la Serbie Blanche de Constantin Porphyrogénète. Elles ont suscité des répliques émanant surtout de spécialistes de l'histoire yougoslave, mais elles n'en sont pas moins originales et assez solidement bâties. La thèse de M. Županić sur l'origine des Antes apporte également des suggestions nouvelles et amènera sûrement aussi de vives ripostes, car elle s'éloigne sur bien des points de ce qui est généralement admis. Elle mérite en tout cas réflexion et nous espérons avoir bientôt l'occasion d'y revenir.

Non moins intéressante était la communication de M. TSOPOTOS sur les *sièges de la tribu slave des Vélégézites*. M. Tsopototos n'accepte pas l'opinion générale qui veut que le siège des Vélégézites se soit trouvé entre Démétrias et Thèbes, près de la baie de Volos; il est plutôt porté à le placer un peu plus près de Thessalonique et à l'éloigner de la Thessalie. Pour expliquer la présence de noms slaves relativement nombreux dans les régions où l'on plaçait l'habitat des Vélégézites, M. Tsopototos suppose qu'on les doit aux nombreux esclaves et captifs slaves employés comme colons surtout par les couvents grecs. Il sera probablement bien difficile de soutenir cette opinion; on y voit trop apparaître le « *pium desiderium* » d'éloigner autant que possible les Slaves de contrées dont

on tient à sauvegarder le caractère hellénique et on ne peut oublier qu'il y a des textes byzantins, anciens et importants, comme les Miracles de Saint Démétrius et la chronique de Théophane, dont le témoignage assez clair ne se rapporte pas à Thessalonique mais bien à la Thessalie. Somme toute l'explication de M. TSOPOTOS sur les noms slaves considérés est insuffisante et ne lève pas les difficultés. L'auteur de la communication disait, du reste, se servir des « Antiquités slaves » du « Russe » (!) ŠAFARÍK, mais n'avait pas l'air de connaître les travaux essentiels publiés sur les Slaves du Sud et sur ceux de la Grèce par un autre « Russe », pourtant éminent, M. NIEDERLE, professeur à l'Université de Prague. On peut bien être d'accord avec lui sur l'étymologie de Volos et admettre que ce nom ait une racine grecque, mais cela ne change rien à l'ensemble d'autres noms slaves subsistant qu'il est bien difficile d'expliquer de la même façon. Souhaitons donc à M. Tsopotots d'apporter, à l'appui de sa thèse, d'autres preuves, plus persuasives.

Deux communications concernaient l'histoire de l'Église bulgare et ses rapports avec le patriarcat de Constantinople. M. NIKOV, parlant du *patriarcat bulgare créé par le tsar Asen en 1235*, a apporté des preuves qui semblent établir l'indépendance de ce nouveau siège par rapport au patriarcat grec de Nicée. L'idée est d'autant plus admissible que le tsar Ivan Asen était très puissant à cette époque et qu'on avait des raisons sérieuses à Nicée de céder sur ce point, pour le détacher de Rome d'une façon définitive. M. SNEGAROV, de Sofia, a étudié l'*archévêché autocéphale d'Ochrida*, et a apporté à ce sujet quelques nouveaux éclaircissements sur son organisation.

En ce qui concerne l'histoire des Serbes et Croates, la communication la plus intéressante fut celle de M. GRGA NOVAK

sur *les rapports de Constantin Porphyrogénète et de Thomas Archidiaconus concernant la destruction des villes dalmates* par les Slaves et les Avars. L'auteur a abouti à un résultat vraiment intéressant puisqu'il semble maintenant que Split, dès le IIIe ou le IVe siècle, faisait déjà figure de ville assez importante et qu'il ne faudrait donc plus admettre l'idée de sa fondation par les gens de Salona, réfugiés dans cet endroit après la destruction de leur ville par les Slaves et les Avars. Il était évidemment de l'intérêt de l'évêché de Split de répandre sur ses origines des idées de ce genre pour mieux appuyer par la suite — comme prétendue héritière de Salona — ses prétentions à la juridiction de toute la Dalmatie.

M. RADOJČIĆ a étudié, de son côté, les rapports grecs sur la bataille de Kosovo. Il en a tiré la conclusion que les Grecs montraient dès cette époque des sentiments amicaux pour les Serbes, fait intéressant à constater. M. Radojčić a publié depuis dans le « Glasnik srbskog naučnog Društva » un article intitulé « *Les sources grecques sur la bataille de Kossovo* », où il donne les résultats complets de ses recherches. On lira avec intérêt les quelques corrections et compléments qu'a donnés, dans le tome VI du « Byzantion » (pp. 247 et suiv.), M. GRÉGOIRE à la suite d'un compte-rendu allemand de cette communication. M. SOLOVIEV de Belgrad apporta en outre quelques détails intéressants sur les *archontes grecs dans l'empire du tsar serbe Étienne Dušan*. On sait que le célèbre historien de la Serbie qu'est M. JIREČEK n'admettait pas du tout la présence d'archontes grecs à la cour serbe. M. Solovjev vient d'apporter quelques preuves qui semblent bien montrer le contraire.

Les guerres russes avec les Byzantins au Xe siècle ont fait l'objet d'une étude de M. ANASTASJEVIĆ de Belgrade qui a

apporté quelques corrections aux dates de cette campagne telles qu'on les acceptait encore jusqu'à maintenant (voir notre compte-rendu des *Mélanges Diehl*, dans le présent numéro).

La communication de M. MOŠIN sur « *Les Khazars et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge* », publiée depuis dans le tome VI du « *Byzantion* » (pp. 310—325), présente un certain intérêt pour l'histoire de Saint Cyrille et de son ambassade auprès des Chazars ainsi que pour les relations russo-byzantines au Xe siècle. Nous pouvons, d'après les nouvelles données de l'Anonyme de Cambridge, compléter nos connaissances sur la date de la conversion des Chazars au judaïsme. M. Mošin distingue deux périodes, la conversion du prince Boulan vers 730 et le triomphe du judaïsme à la fin du VIIIe siècle, sous le règne de Savriél-Ovadia. J'aurai l'occasion de revenir sous peu, dans une publication que je prépare sur les conséquences de cette date nouvelle pour l'interprétation du séjour de Constantin le Philosophe chez les Khazars. M. MOŠIN date de 943 la guerre entre Khazars et Byzantins dont parle l'Anonyme. Contrairement à ce qu'on croyait généralement, il identifie la Russie de l'Anonyme non pas avec la Russie de Kiev, mais avec la « Russie », colonie des Varègues sur les bords de la Mer Noire, vers Tmutorakan. Cette interprétation répond certainement mieux aux données du nouveau document et aux renseignements fournis par les historiens byzantins.

Qu'il me soit permis de mentionner maintenant MA propre communication se rapportant également aux relations slavo-byzantines puisque traitant de « *Byzance et la grande Moravie* ». Je me suis efforcé, en me basant surtout sur de récentes découvertes archéologiques faites en Moravie, de préciser les relations commerciales qui existaient entre cette région et l'Em-

pire byzantin et qui furent particulièrement importantes au IXe siècle et au début du Xe. Cela nous permet du reste de pousser l'interprétation des sources relatives à la mission des Saints Cyrille et Méthode en Moravie et nous autorise à songer à une tentative d'alliance politique moravo-byzantine s'opposant au bloc germano-bulgare. J'ai, en terminant ma communication, examiné les rapports de Constantin Porphyrogénète sur la Grande Moravie; mais je me borne, dans le présent compte-rendu, à ces indications plus que schématiques puisque j'aurai l'occasion de les traiter plus amplement qu'à Athènes dans le travail sur « les légendes pannoniennes vues de Byzance », que j'espère terminer sous peu.

Dans la section philologique ont été également traité quelques problèmes offrant une certaine importance pour les relations slavo-byzantines. Mentionnons d'abord l'exposé de M. MORAVCZIK de Budapest sur les manuscrits du traité « *De administrando imperio* » de Constantin Porphyrogénète. On connaît l'importance de cet écrit pour l'histoire des Slaves du Sud. On saura donc gré au savant hongrois de songer sérieusement à une réédition de cet ouvrage. Elle est d'autant plus nécessaire que, selon M. Moravczik, les éditions actuelles n'ont pas été faites après examen sérieux de l'unique manuscrit du XIe siècle que nous possédions, celui de Paris, no 2009, alors que les autres exemplaires sont d'une époque très postérieure (XVIe siècle).

Mais à mon avis c'est la conférence de M. NOVAK, de Split, qui mérite d'être surtout signalée. Il y était question d'une *transcription latine phonétique de l'évangélaire grec de Saint Jean*. La transcription qui date du VIIIe siècle est importante pour la connaissance de la phonétique latine et de la prononciation des deux grandes langues mortes, latin et grec. Le fait qu'on ait eu à Split, au VIIIe siècle, la

transcription phonétique d'un évangile grec est aussi très significatif. Il prouve que Byzance exerçait alors une certaine influence sur la Dalmatie. M. Novak a attiré enfin l'attention des spécialistes sur l'« Exsultet » de l'Évangilaire d'Osor. On trouve entre autres choses dans cet « Exsultet » du XIe siècle une prière pour le roi ZVO-NIMIR et — ce qui paraît surprenant — également une prière pour l'empereur. Voilà bien une preuve du prestige que Byzance avait malgré tout conservé parmi les Croates du XIe siècle.

M. PANAITESCU de Bucarest a parlé de la traduction médiévale, bulgare et roumaine, de la *Cronique de Manassès*. La traduction roumaine est faite d'après un excerpt bulgare. Pourtant, cet excerpt n'étant pas identique à celui que nous connaissons, il semble en résulter qu'il en existait un autre dont s'est servi le traducteur roumain, mais qui ne s'est pas conservé. M. JELAČIĆ de Skoplje étudia de son côté la *littérature russe du XIXe siècle*, en soulignant l'attrait que Byzance et byzantinisme ont exercé sur quelques écrivains russes et M. SALAČ de Prague fit une communication sur *les traductions tchèques des chansons populaires grecs*.

La section juridique a présenté quelques communications qui montrent les relations étroites existant entre le droit byzantin et le droit slave. M. SOLOV'EV de Belgrade, par exemple, parla des *deux compilations serbes de droit byzantin*, qui sont, naturellement de date postérieure (XVIIe et XVIIIe siècles) et M. SCHMID, dont on connaît la compétence en la matière, étudiant le *droit d'héritage byzantin de l'Église*, a conclu que les Slaves avaient introduit de pareilles pratiques.

Plus nombreuses ont été dans la section archéologique les communications relatives aux Slaves. M. ABRAMIĆ de Split a parlé de l'importance pour l'étude de l'art byzantin et de ses influences dans le monde

slave des *trésors d'art réunis dans le musée de Knin* en Croatie. M. FILOV, revenant sur la question d'origine des objets d'art qui forment le *fameux trésor de Nagy-Szent-Miklós*, a apporté quelques nouvelles preuves à l'appui de l'hypothèse souvent émise aujourd'hui, que ces objets sont de provenance bulgare. Ses déductions sont, bien entendu en désaccord avec les théories de MM. SOTIRIOU et WULFF qui affirment leur origine grecque. La publication de cette communication en sera d'autant plus intéressante. M. BĚLJAEV, du Seminarium Kondakovianum de Prague, dont nous regrettons tous la mort prématurée survenue peu après celle de M. Heisenberg, a parlé des *icones russes*, sujet qu'il connaissait à merveille tandis que M. STELE de Ljubljana attirait l'attention sur quelques *images de la Sainte Vierge* qui sont certainement de *provenance byzantine* et qui sont vénérées en *Slovénie* par la population catholique comme images miraculeuses. M. MIRKOVIĆ de Skoplje a repris le sujet traité par Mgr. d'HERBIGNY au dernier congrès des études byzantines qui s'était tenu à Belgrade, à savoir l'origine de la *croix avec inscription serbe* qui se trouve dans le *trésor de Saint Pierre* à Rome et il a présenté ensuite quelques échantillons des fresques du couvent de Saint Marc près de Skoplje. M. OKUNEV de Prague essaya d'établir d'une façon définitive la *date des fresques de l'église de Dečany*. La conférence de M. MIJATEV de Sofia sur le *style plastique de la rotonde de Preslav* apporta des données intéressantes sur une église ronde qui constitue un curieux spécimen de l'architecture bulgare et grecque des IXe et Xe siècles. Les vestiges de cette église récemment mis au jour, permettent de constater que le monument était construits dans un style qui révèle un caractère hellénistique et plastique. M. SARIA présenta pour terminer un rapport sur *les résultats des fouilles de Stobi*, et sur

l'importance de ces trouvailles pour la connaissance de l'art byzantin.

Mentionnons encore en quelques mots, bien qu'elles n'aient pas un rapport direct avec les affaires byzantino-slaves, les communications les plus importantes faites dans les différentes sections. M. VARI de Budapest a demandé que les byzantinistes n'oublient pas l'étude de la stratégie byzantine; il a réclamé la publication d'un manuel militaire byzantin et il a annoncé du reste qu'il est dans l'intention de l'Académie de Budapest de publier les écrits stratégiques byzantins. On sait que M. Vari a dignement commencé cette collection en publiant deux volumes du Stratégicon de l'empereur Léon le Sage. La publication n'est pas encore terminée et on attend la suite avec impatience. M. AMANTOS d'Athènes a réclamé de son côté l'édition d'un dictionnaire toponomastique byzantin, ouvrage dont ont saisi facilement l'importance. M. SYKOURTES, après avoir fait une communication très écoutée sur le caractère de l'épistolographie byzantine, a proposé en guise de conclusion pratique la publication d'un Corpus d'épistolographie byzantine. Le PÈRE SALAVILLE de Kadiköy a choisi pour l'objet de sa conférence la transition du paganisme au christianisme et les éléments helléniques du byzantinisme. M. HATSIDAKIS présenta ensuite un rapport sur l'édition actuellement en préparation d'un nouveau grand dictionnaire de grec médiéval. Dans la section historique, M. LAURENT, des Assomptionnistes de Kadiköy, a présenté un rapport sur les listes épiscopales du patriarcat byzantin et on a accueilli avec enthousiasme la nouvelle suivant laquelle les Assomptionnistes de Kadiköy travaillent à une refonte de l'Oriens christianus de LE QUIEN. On se rendra compte de l'immensité du travail à accomplir si on fit la communication de l'érudit Assomptionniste publiée dans le No. 161 des « Échos

d'Orient ». M. VOYATZIDÈS d'Athènes, parlant de l'islamisation de l'élément grec en Asie Mineure, attribua la destruction de cet élément dans ces contrées plutôt aux Seldjoucides qu'aux Ottomans, auxquels on l'attribue généralement. Notons enfin au moins les titres de quelques autres communications: M. MARINATOS, Un détail de l'histoire de la Crète; B. BANESCU, Les relations entre Gênes et Trébizonde au XVe siècle; M. VULIĆ, La nationalité des Dardanes; M. SALAČ, Les fouilles de Kymé; DÖLGER, L'empereur Jean VIII.

Une des plus belles communications faites au sein de la section de droit fut celle de M. OSTROGORSKY, sur le système d'impôts à Byzance. Ses déductions, surtout en ce qui concerne la date proposée pour le « Nomos Georgikos », et suscitèrent de sérieuses critiques de la part d'un autre spécialiste en la matière, M. DÖLGER, mais M. Ostrogorsky maintint néanmoins l'idée que le « Nomos » en question date du règne de Justinien II. En général, les finances byzantines suscitent un grand intérêt parmi les byzantinistes, et Mlle. ROUILLARD traita de la politique financière à l'époque des Paléologues. M. GRANIC, lui, attira l'attention sur quelques Nouvelles de Léon le Sage réglant le statut des moines; M. WEGNER proposa une nouvelle édition critique des Basiliques et la codification du droit byzantin fut l'objet de la communication de M. ALBIZATOS, tandis que M. PAPPULIAS annonçait l'intention de l'Académie d'Athènes de publier toutes les sources concernant le droit byzantin.

La section archéologique, la plus suivie de toutes, a surtout applaudi M. WULFF qui traitait quelques problèmes concernant l'évolution de la basilique chrétienne-sujet où il est passé maître. M. BREHIER fit une très intéressante communication sur un coffret byzantin d'ivoire à ornementation profane et biblique. Quant au Père de

JERPHANION, il précisa la date des fresques des églises cappadociennes. Intéressantes on été également les conférences portant sur l'histoire de la *musique byzantine*; quatre spécialistes bien connus Mme MERLIER, M. HOEG de Kopenhagen, M. PSACHOS et M. PAPADIMITRIOU ont pris la parole pour défendre leurs idées et ne se sont pas toujours trouvés d'accord sur les problèmes de musicologie byzantine.

Dans les séances plénières on a eu surtout l'occasion d'applaudir les grands maîtres des études byzantines, MM. DIEHL, HEISENBERG, MILLET, JORGA. M. DIEHL apporta quelques précisions à la légende qui s'était formée à Byzance autour du personnage du fameux empereur Théophile; M. MILLET parla d'un psautier byzantin à illustration marginale; M. JORGA des grandes familles byzantines de Roumanie et M. HEISENBERG résuma les efforts tentés dans tous les pays depuis la guerre en ce qui concerne les études byzantines. Ce fut un véritable plaisir d'entendre aussi le plus jeune de ces grands maîtres, M. GRÉGOIRE, de Bruxelles, qui fit une communication sur le roman de Digénis Akritas, et qui présenta ensuite quelques desiderata relatifs aux études byzantines. Parmi ces desideratas le plus pressant est certainement le projet gigantesque qu'il a conçu lui-même et pour la réalisation duquel il s'est assuré à Athènes l'appui d'un grand nombre de spécialistes renommés, à savoir la refonte du « *Corpus scriptorum historiae byzantinae* ». L'enthousiasme presque unanime qu'a suscité ce grand projet prouve que M. Grégoire avait bien deviné ce qui nous faisait le plus défaut. La proposition a d'ailleurs été votée à l'unanimité et aux très vifs applaudissements de tous les congressistes. Cette unanimité est certainement de bon augure pour la réussite de cette grande entreprise, qui est confiée au séminaire

byzantin de Bruxelles sous la direction de M. Grégoire.

D'autres propositions également très importantes ont été soumises au vote, par exemple: le projet d'établissement à Athènes d'un Institut international des études byzantines; la publication par les soins de l'Université d'Athènes d'un Corpus des épistolographes byzantins; la publication, sous l'égide de l'Académie de Belgrade, d'un catalogue des manuscrits slaves intéressant le droit byzantin; la codification du droit ecclésiastique byzantin. Or, toutes ces propositions ont été adoptées, mais avec moins d'enthousiasme que la proposition de M. GRÉGOIRE. Les deux premières ont notamment été accueillies avec un certain scepticisme de la part d'un grand nombre de spécialistes. On sait, par exemple, que M. MERCATI de Rome a travaillé avec ses élèves depuis des années l'épistolographie byzantine et qu'il est arrivé à des résultats très appréciables. Faudrait-il qu'il renonce maintenant à la publication de ses travaux presque achevés pour céder la place à l'Académie d'Athènes? On voit par ce simple fait, qu'une entente entre les spécialistes eux-mêmes s'impose. Un bel exemple de cette entente a, du reste, été donné par les Académies de Munich et de Vienne. M. HEISENBERG a, en effet, annoncé que la Commission du « *Corpus der griechischen Urkunden* » constituée à Munich sous le patronage de ces deux Académies, a renoncé à la publication des Regestes patriarcaux en faveur des Assomptionnistes de Kadiköy qui y ont travaillé depuis un certain temps et à qui l'appui de Munich et de Vienne est assuré.

On voit d'après ce compte-rendu, malheureusement incomplet, que le travail accompli à Athènes au troisième congrès des études byzantines est respectable. Le prochain congrès qui se tiendra à Sofia, à la suite de l'invitation du gouvernement bul-

gare, nous dira combien de ces projets auront été réalisés et dans quelle mesure.

Qu'on nous permette une observation pour terminer. On a beaucoup remarqué que la section historique était celle dont les résultats ont été le moins remarquables. Tandis que les communications des autres sections attiraient un très grand nombre d'auditeurs, les séances de la section historique étaient assez peu fréquentées. Les discussions elles-mêmes qui montrent en général l'intérêt que les spécialistes prennent aux sujets exposés laissent beaucoup à désirer; il n'y en avait, pour mieux dire, presque pas. Il y a là quelque chose qui mérite d'être examiné. Serait-ce l'indice d'un certain déclin des recherches histori-

ques dans la byzantologie? Ne ferait-on pas trop d'archéologie et ne délaisserait-on pas un peu l'histoire à son profit? Où alors ne serait-ce qu'un défaut d'organisation? Ajoutons par contre que la section de droit sur laquelle on ne fondait avant le congrès que bien peu d'espoirs s'est révélée la plus réussie et la plus fréquentée, à côté, bien entendu, de la section archéologique. Espérons que les organisateurs du prochain congrès profiteront de cette expérience et qu'ils prendront les mesures nécessaires pour relever, s'il est permis de s'exprimer ainsi, le prestige de l'histoire parmi les autres sciences byzantines.

Fr. Dvorník.

LE SOIXANTIÈME ANNIVERSAIRE DE M. N. JORGA. M. N. Jorga, le célèbre byzantiniste, professeur à l'Université de Bucarest, que nous avons, à la fin du mois d'avril, la bonne fortune de saluer à Bucarest même en sa qualité de président du Conseil des Ministres de Roumanie, vient de fêter le 17 juin son soixantième anniversaire. Il est évidemment rare de voir, comme c'est le cas, un savant exercer une grande influence dans le double domaine scientifique et politique et il est curieux de noter que M. Jorga arrive à l'apogée de sa carrière politique au moment même où il célèbre son soixantième anniversaire. Il ne peut être question ici d'apprécier les titres que ce grand érudit s'est acquis à la reconnaissance de ses compatriotes en servant son pays qu'il aime passionnément; nous n'essaierons pas davantage d'énumérer les nombreuses publications dont il a enrichi la byzantologie, car un petit volume ne serait pas de trop pour y réussir. Mais on peut dire que les byzantinistes auront une véritable reconnaissance pour ce « géant du Danube », comme l'ap-

pelle M. Grégoire. Son « Histoire de l'Empire ottoman », ses « Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades », ses nombreux travaux surtout relatifs à cette période historique, son « Histoire de l'art roumain », pour ne citer que ses ouvrages fondamentaux ont incontestablement marqué sa place parmi les byzantinistes. C'est à lui, on ne l'oubliera pas, que revient l'initiative des Congrès des études byzantines où il occupe la place éminente que lui valent et son vaste savoir, et sa facilité de parole, et son infatigable énergie. Nous souhaitons longue vie et prospérité au savant dont le nom est intimement lié à l'histoire moderne du peuple roumain, notre allié et ami, aux destinées duquel il préside actuellement. Mnogaja ljeta!

Dv

PORTRAITS DES PRINCES ROUMAINS. La Commission des Monuments historiques roumains vient de publier un fort volume de portraits des princes roumains des XIVe—XIXe siècles. Le grand mérite de cette publication revient à l'initiative du président de la Commission, M.

le professeur N. JORGA, dont on connaît la compétence dans l'histoire byzantine et roumaine. (*Dominii Români dupa portrete și fresce contemporane adunate și duplicate de președintele comisiei N. Jorga, Sibiu, 1930*). La publication est d'une grande importance pour l'étude comparée des arts roumain, byzantin et slave des XIVe—XVe siècles notamment, les reproductions étant faites d'après les tableaux et fresques de l'époque. Nous ne pouvons donc que féliciter M. Jorga de cette heureuse initiative. *Dvorník.*

ÉPOQUE ET CARACTÈRE DE L'ÉTABLISSEMENT DES SLAVES DANS LA PÉNINSULE DES BALKANS. Tel est le titre d'un article publié par M. JORGA dans sa « Revue Historique du Sud-Est européen », n° 1—3, 1930. L'auteur s'efforce de localiser l'énorme « réservoir » slave avant l'époque où, dépassant la limite du Danube, il inonda les provinces européennes de l'empire byzantin. Sans entrer dans les détails, bornons-nous à indiquer les résultats auxquels est parvenu l'auteur à la suite de raisonnements d'ordre surtout philologique. La masse slave en question aurait été en Transylvanie, entre la ligne du Danube qui n'est pas slave ou la Valachie, « qui change de nom d'après les époques et qui est sujette à la colonisation » et « la montagne qui est touranienne pour la Moldavie ». Ce puissant établissement slave ne tient pas les Carpathes, mais il s'appuie sur elles. « Il est flanqué de deux gros bastions, l'un au Nord-Est (s'avancant vers la Galicie et la Volhynie), l'autre au Sud-Ouest (du côté du Banat). » Voici comment l'auteur explique le mouvement des Slaves dans la direction des provinces danubiennes de l'Empire: « À un certain moment, il y a eu un déplacement. Ce déplacement n'a pu être dû qu'au grand mouvement des Avars. L'empire des Avars a provoqué le mouvement vers le Sud. Ce

que les Slaves n'auraient pas pu accomplir par eux-mêmes, ils l'ont fait en suivant cette grande ligne de l'invasion avar. Le passage, qui a été favorisé par les Byzantins, très heureux d'obtenir des populations venant de la rive gauche du Danube, a été fait par deux régions où il y a les têtes de pont et les gués très anciens, du côté du Banat, du côté de la Dobrogea. »

Dvorník.

REVISTA ISTORICA ROMÂNĂ. L'Institut d'Histoire Nationale de l'Université de Bucarest, obéissant à une nécessité qui se faisait depuis longtemps sentir dans les milieux scientifiques roumains, a entrepris la publication d'une « Revue Historique Roumaine ». Le comité de rédaction du nouveau périodique est surtout formé par des professeurs des Universités de Bucarest et de Jassy, MM. Brătianu, Cartoja, Cantacuzino, Giurescu, Lambrino, Panaitescu, Rosetti. La revue entend s'occuper de tous les problèmes qui concernent l'évolution du peuple roumain depuis les siècles les plus reculés jusqu'à l'époque moderne. Elle promet aussi de réserver une large place aux études relatives à l'évolution du peuple roumain au Moyen Âge, « au sein de la civilisation slavobyzantine ». Les recherches ethnologiques sur les éléments constitutifs du peuple roumain (Thracés, Illyres, éléments romains orientaux) y auront aussi leur place. Elle s'occupera enfin de l'histoire des institutions, de la vie sociale, économique et religieuse, de la langue, de la littérature, des arts, etc. Le premier numéro qui vient de paraître répond bien à ces promesses. On y trouve même deux articles qui ont un certain rapport avec les sujets byzantins et slaves. L'étude de M. Brătianu sur les premières monnaies connues des princes de Valachie et de Moldavie du XIVe siècle rendra service pour des travaux du même genre concernant la numismatique hongroise et byzantine et pourra

probablement donner lieu à certaines comparaisons avec la numismatique des pays slaves (*Origine stemelor Moldovii și țarii Românești*). M. Scarlat Lambrino étudie, de son côté, un fragment de vase trouvé en 1929 à Histria et portant une effigie qu'il déclare être celle de l'empereur Constantin le Grand, mais réalisée après son règne au IVe siècle ou au début du Ve siècle. (*Empereur prébyzantin figuré sur une coupe en terre cuite.*) La bibliographie, très abondante, enregistre aussi de nombreuses publications concernant les rapports byzantino-slaves. Le résumé en français des articles roumains facilite aux spécialistes étrangers le maniement de cette revue à laquelle nous souhaitons bonne chance, avec l'espoir qu'elle saura tenir toutes les promesses que nous a apportées le premier numéro et qu'elle ira au bout de sa tâche.

Dvorník.

ŠEDESÁTÉ NAROZENINY. JIHOSLOVANSKÉHO HISTORIKA, PROF. FERDINANDA ŠIŠIČE v Záhřebě, které připadly na 9. března 1929, byly dodatečně oslaveny monumentálním *Zbornikem naučnihih radova*, který uspořádal GRGA NOVAK (Zagreb 1929, str. XVI a 677). Sborník obsahuje bibliografii Šišićových prací z let 1892 až 1929 a 81 článků, mezi jejichž autory nalézáme zástupce všech národů slovanských, východoevropských i západoevropských. Nejčetněji jsou ovšem zastoupeni učenci jihoslovanští, zvláště M. ABRAMIĆ (Split), D. ANASTASIJEVIĆ (Beograd), M. BUDIMIR (Beograd), V. ČAJKANOVIC (t.), V. ČOROVIC (t.), T. ĐORĐEVIĆ (t.), F. FANCEV (Zagreb), L. HAUPTMANN (t.), FR. ILEŠIĆ (t.), SL. JOVANOVIĆ (Beograd), L. KARAMAN (Split), M. KOS (Ljubljana), M. KOSTIĆ (Skoplje), M. KOSTRENCIĆ (Zagreb), N. MAJNARIĆ (Zagreb), V. NOVAK (Beograd), R. PETKOVIĆ (Beograd), vši-

chni tři POPOVIĆOVIĆE (tamtéž), M. PRELOG (Skoplje), N. RADOJČIĆ (Ljubljana), B. SARIA (Ljubljana), P. SKOK (Zagreb), FR. STELE (Ljubljana), B. TRUHELKA (Zagreb), L. VOJNOVIĆ (Paris), N. VULIĆ (Beograd) a jiní — je to opravdu representáční přehlídka jihoslovanských historiků a filologů. Také věda bulharská je zastoupena: články přispěli St. BOBČEV a V. N. ZLATARSKI (oba ze Sofie). Z ruských historiků jsou tu P. BIZZILLI (Sofia), A. JELAČIĆ (Skoplje), A. SOLOV'EV (Beograd), T. TARANOVSKIJ (Beograd) — tedy význační představitelé emigrantské vědy, žijící v balkánských státech, a Karpatorus A. HODINKA (Pešť). Z Čechů JAROSLAV BIDLO, z Poláků J. DĄBROWSKI (Kraków), O. HALECKI (Warszawa), M. HANDELSMANN (t.), J. PTAŠNIK (Lwów), zatím již zesnulý, a K. TYMIENIECKI (Poznań). Rumunské historiky reprezentuje N. JORGA, řecké M. LASKARIS, z Maďarů přispěli J. HOLUB (Pešť), EM. LUKINICH (t.), J. MELICH (t.) a J. MISKOLCZY (Viedeň).

Z Francouzů čteme mezi přispěvateli jména: L. BRÉHIER (Clermond-Ferrand), L. EISENMANN (Paris), E. HAUMANT (t.), R. WARNIER (Zagreb) a J. ZEILLER (Paris). Zastoupeni jsou také rakouští Němci: R. EGGER (Viedeň), J. MATL (Št. Hradec), H. F. SCHMID (tamtéž) a čeští Němci: G. GEMMANN, E. SCHNEEWEIS; též jeden Dán: E. DYGGVE z Kodaně. Konečně za anglickou vědu jsou tu R. W. SETON-WATSON (London) a H. TEMPERLEY (Cambridge). Takováto řada zvůčných jmen je nejenom výmluvným uznáním vědeckého významu Šišićova, ale také významným projevem mezinárodní pozornosti k jihoslovanské vědě a k jihoslovanským historickým zájmům.

Při takovém množství a takové rozmanitosti autorů je přirozené, že obsah Šiši-

čova sborníku je velmi pestrý, ačkoli většina článků je věnována dějinám jihoslovanským, středověkým i novodobým, zvláště chorvatským, dalmatským a dubrovnickým. Tato pestrost je ještě zvýšena tím, že příspěvky nejsou seskupeny podle obsahu, nýbrž byly otištěny prostě v tom pořadí, jak za sebou docházely. Do rámce Byzantinoslavia spadají tyto: z historie: L. BRÉHIER: *La crise de l'Empire romain en 457* (85—96) — J. MELICH, *Über zwei Eigennamen* (1. Μεζάμυρος, 2. Srém, str. 107—112). — N. V. ZLATARSKI, *Мотивовультъ на веста Симеона, панъ на Подунавнето* (Molybdobules Simeons, des Vestes und Katapan des Paradunabos, s. 143—148). — ST. BOBČEV, *Културнополитическата програма на българския царъ Симеона* (Le programme culturel et politique du roi bulgare Simeon, s. 229—236). — M. KOS, *O bolgarskem knežu Alcioku in slovenskem knezu Valuku* (Über den Bulgarenfürsten Alciocus und den Slowenenfürsten Wallucus, s. 251—258). — N. RADOJČIĆ, *O српским државним саборимаза првих Неманића* (Les diètes de l'Etat Serbe au temps des premières Nemanjić, s. 481 až 488). — AL. SOLOV'EV, *O постанку српског грба* (Sur l'origine du blason serbe, s. 537—548). — M. BUDIMIR, *Хрват* (De l'origine du nom »Hrvat«, s. 605—608). — A. HODINKA, *Отворени листъ султана Баязита II. о мирѣ его съ Владиславомъ корольомъ угорськимъ и чешськимъ* p. 1498 (Ein offener Brief Sultans Bajazet II. über den Friedensvertrag zwischen ihm und dem ungar. u. českischen König Wladislaus II. im J. 1498, s. 635—640); list je velmi zajímavý tím, že je psán srbsko-církevněslovanský! Hodinkův doprovod k tomuto listu je psán »na čisto prstonarodnom govorě Podkarp. Rusi« a pravopisem tamějších církevněslovanských knížek. — VL. ČOROVIC,

Jedan srpsko-slovenski rukopis sa Skenderbegovim pomenom (Un manuscript serbo-slave avec la mention du Skenderberg, s. 647—650). — Z historie výtvarných umění: R. PETKOVIĆ, *Freske sa scenama iz života Arsenija I., archiepiskopa srpskoga* (La vie de St. Arsène I., archevêque serbe, dans les peintures de l'église de la Vierge à Peć, s. 65—68). — LJ. KARAMAN, *Spomenici u Dalmaciji u doba hrvatske narodne dinastije i vlast Bizanta na istočnom Jadranu u to doba* (Les monuments dans la Dalmatie au temps de la dynastie nationale croate et la domination du Byzance sur la côte orientale adriatique dans ce temps, s. 181 až 195). Cizojazyčný titul u slovanských článků, uvedený v závorce, označuje, v kterém jazyce je připojeno résumé.

Ale nejlepší oslavou ŠIŠIČOVA jubilea jest jeho vlastní vydání *Letopisu popa Dukljanina*, které vyšlo těsně před jeho šedesátkou nákladem srbské Akademie věd jako kn. LXVII serie »Posebna izdanja« (v Bělehradě 1928, str. 480 a přílohy). Tato znamenitá edice se skládá ze tří částí: v první je podrobný historický a literárněhistorický rozbor *Letopisu* (až po str. 285), kde značné místo zaujímá exkurs věnovaný kritice »lokrumských falsifikátů«, potom text *letopisu*, a to původní latinské znění a paralelně vedle něho italský překlad M. ORBINI (291—375), pak chorvatská redakce s paralelním latinským překladem M. MARULIČE (379—416), a konečně jako třetí část podrobný ŠIŠIČŮV historický komentář k jednotlivým kapitolám. S hlediska byzantskoslovanského je tu plno důležitých poznámek; z rozboru pak jsou pro nás nejdůležitější kap. 8. »Gotomanija kod Srba i Vizantinaca« a kap. 9. »Izvori popa Dukljanina«. Úhrnem je toto vydání krásný doklad lásky k národní minulosti.

В. А. ГОРОДЦОВУ К Сороколетию научной деятельности. Труды секции Археологии Института Археологии и Искусствоведения. М. 1928, 573 + 32 таблицы снимков.

Хотя это научное *vivat* знаменитому русскому археологу состоит, как и следовало ожидать, — принимая во внимание научные интересы юбиляра, — главным образом из статей по истории первобытной культуры, все же среди шести слишком десятков этюдов, которые вошли в состав сборника, оказалось несколько таких, которые со вниманием прочтет всякий исследователь византийско-славянских отношений. Такова прежде всего статья И. КОЛЕСНИКОВА «Хронологическая дата второго договора Руси с греками» (стр. 285—287), автору которой путем тщательного математического анализа летописного свидетельства удалось окончательно и бесповоротно установить, что договор Олега с тремя греческими цесарями был заключен не 2 сент. 912 г., как обыкновенно до сих пор было принято думать, а в воскресенье 2 сентября 911 г. (по сентябрьскому счету). — Н. РЕПНИКОВ, рассуждая «О древностях Тмутаракани» (стр. 437—439), между прочим, отмечает на ее бывшей территории монеты кн. Олега Святославича, а также свинцовую печать его жены с греческой надписью. Как известно, Олег Гориславич, — так метко называет его певец Слова о полку Игореве — женился на одной знатной гречанке во время своих невольных странствований по градам и весям Византийской империи (1079—1083). — Н. КАРИНСКИЙ публикует «Русскую надпись XVI в.» с именем Марка, сына палача (стр. 268—278). Она найдена в знаменитом подмосковном селе Тушине и обращает на себя внимание не только архаическим стилем некоторых своих букв, но и как древнейшее письменное упоминание о профессии палача. Коренной гласный этого слова в надписи пишется как *О*, что подтверждает нашу догадку (Изв. XXIII, 1, 152), что *rolačъ*, как и его болг. синонимы *палич* и *паличник*, образованы от

корня **pol-* «резать, колоть, рвать», (ср. **polti* «полотъ», *palъka*, *palica* и пр.), и что, следовательно, оно обозначало того, кто «режет, колет, рвет». Поэтому КАРИНСКИЙ идет слишком далеко, когда, не смотря на ясное указание Уложения царя Алексея Михайловича 1679 г., что палачи вербовались из самых низших классов населения, производит *полач* от *полата*, толкуя его основное значение как «слуга, близкий ко дворцу». — Очень ярко охарактеризована «Славянская одежда в болгарской миниатюре XIV в.» Н. ПРОТАСОВЫМ (стр. 391—407). Главным источником для наблюдений автора послужила великолепная среднеболгарская лицевая псалтырь Томича (Историч. Музея), но ее данные он постоянно корректирует показаниями других памятников: Серальского Октотевха, Евангелия царя Иоанна Александра, Летописи Манассии и др. В результате, даже учитывая в целом ряде случаев возможность византийских и тюркоболгарских влияний, ПРОТАСОВУ все же удалось отметить целый ряд типических славянских черт в кафтане, плаще и нек. других частях одежды, изображенных на фигурах миниатюр. Жаль только, что автор, пользуясь наблюдениями NIEDERLE в его «Manuel», пренебрегает гораздо более богатыми и ценными данными, собранными знаменитым чешским ученым в его *Životě starých slovanů* (Díl I. sv. 2). — Кое-что интересное найдет для себя славист и в статье акад. А. С. ОРЛОВА «О византийском орнаменте» (стр. 369—375), не смотря на слишком беглый и общий ее характер, и не смотря на то, что данные слав. рукописей привлечены в ней в очень недостаточной степени.

Москва.

Г. Ильинский.

ТРУДЫ В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО. Том четвертый. Изд. Академии Наук СССР. Ленинград 1930.

Издание *opera omnia* знаменитого русского византиниста медленно, но неуклонно приближается к концу: после почти пятнадцат-

цатилетнего перерыва, в прошлом году вышел в свет очередной (IV-ый) том его «Трудов», обнимающий собою пять статей, из которых каждая представляет немаловажный интерес для историка византийско-славянских отношений. Так, уже в открывающей книгу «Заметке к статье Н. П. Ламбина о годе смерти Святослава» (стр. 1—17) автор защищает дату кончины киевского князя 973 г. — почти исключительно на основании данных византийских историков, причем попутно счастливо выясняет не одну деталь в истории его отчаянной борьбы с императором Иоанном Цимисхием. — В следующей статье «Из истории Византии в XII в.» (стр. 18—105) на фоне «союза двух империй» (точнее византийского императора Мануила и германского Конрада Гогенштауфена) мы знакомимся с трагическим положением Сербии, в каком она оказалась в самой середине XII в. между молотом Византии и наковальней Венгрии. А обстоятельные экскурсы о Борисе Коломановиче, о первых Неманичах и венгерско-византийских делах (по данным русских летописей) внесли не один ценный штрих в мастерски набросанное автором историческое полотно. От этой глубоко содержательной статьи на следующих страницах (119—235) переходим к блестящему исследованию «Законодательство иконоборцев». Поставив себе задачей выяснить отношение Эклоги императоров Льва и Константина и т. н. земельных законов (из Юстиниановых книг) к старинным памятником славянского законодательства, — к «Законам судному людем» и «Уставу о земских делах», приписываемому Ярославу Мудрому, — автор, как известно, пришел к оригинальному выводу, что свобода крестьянского перехода и общинное владение землей (следы которых он нашел в указанных византийских юридических памятниках) представляют результат влияния обычного права славянских насельников Балканского полуострова на византийское законодательство. Хотя против этого положения, поддержанного впоследствии со всей

силою его авторитета Ф. УСПЕНСКИМ, в настоящее время все чаще и чаще поднимаются протесты, однако аргументацию ВАСИЛЬЕВСКОГО вряд-ли можно признать вполне устаревшей, и многие его наблюдения и теперь заслуживают самого пристального внимания всякого византиниста. Еще в большей степени то же следует сказать о последних двух статьях сборника «О синодальном списке эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках земельных законов» (стр. 236—249) и «Материалы для внутренней истории византийского государства» (стр. 250—331). Служа как бы органическим дополнением только что упомянутого трактата о законодательстве иконоборцев, они содержат в себе массу метких и остроумных замечаний касательно правового, экономического и социального положения византийского крестьянства и о тех мерах, которые приняло правительство для спасения его потрясенного до основания землевладения.

Таково вкратце содержание нового тома Сочинений ВАСИЛЬЕВСКОГО; его изданием Ленинградская Академия сделала дорогой подарок всем друзьям нашей науки.

Москва.

Г. Ильинский.

LES CONFÉRENCES DU PÈRE DE JERPHANION À PRAGUE. L'Institut français et l'Institut oriental de Prague ayant invité le R. P. de Jerphanion, professeur à l'Institut oriental pontifical de Rome, ce dernier a donné dans la capitale tchécoslovaque, les 18, 19 et 21 mars, trois conférences relatives à ses découvertes en Cappadoce. L'accueil fait par le public et le monde scientifique à l'illustre spécialiste de l'art byzantin d'Asie Mineure a été celui auquel on pouvait s'attendre et un auditoire, relativement nombreux, a suivi avec intérêt les paroles du savant illustrées par de nombreuses projections lumineuses. On a particulièrement goûté sa conférence sur les églises rupestres de Cappadoce et sur

les monuments seldjoukides d'Asie Mineure. Aussi le président de la 1ère section de l'Institut Oriental, M. le professeur Hrozný, de retour d'une série de conférences faites à Londres et à Paris sur les monuments hittites qu'il a lui-même découverts, a-t-il vivement remercié, au nom du public et du monde scientifique de Prague, l'érudit Jésuite de ses conférences si détaillées.

Dv.

G. N. HATZIDAKIS, L'HELLÉNISME DE LA MACÉDOINE, Revue des Études Grecques, tome XLI (1928), p. 390—415. Cette étude de l'éminent savant grec est en quelque sorte une réponse au livre du professeur allemand Gustave Weigand sur l'ethnographie de Macédoine. On sait que le Professeur de l'Université de Leipzig, décédé il y a à peine quelques mois, a, à plusieurs reprises, examiné la question de la formation ethnologique de Macédoine et soutenu des thèses favorables aux Bulgares. M. Hatzidakis d'autre part a consacré à cette question des articles tout à fait remarquables. La récente étude de M. Hatzidakis dont nous venons de citer le titre se rapporte surtout à l'ethnographie de Macédoine dans l'Antiquité et avant l'arrivée des Slaves. Néanmoins ceux qui s'occupent des études slaves y trouveront quelques indications dignes d'être retenues. Nous laissons, évidemment, de côté toutes les questions de polémique qui ne nous passionnent guère. À la page 413 de son étude, M. Hatzidakis refute l'opinion de Weigand qui prétend que le tsar Syméon avait soumis toute la partie septentrionale de la péninsule de l'Haemus. Il cite le témoignage de Caméniat, d'après lequel un général byzantin résidait en 904 à Serrès, que la ville de Berrhoea et d'autres places étaient, à cette époque, sous la domination grecque, puisque elles envoyèrent un contingent au secours de Thessalonique menacée par les Sarrasins. De même très intéressantes sont

les observations linguistiques de M. Hatzidakis à propos de certaines affirmations de Weigand. Ce dernier ne connaissait le grec médiéval et moderne que très superficiellement; en revanche le savant hellène est un linguiste de grande envergure et le fondateur d'une École. Weigand avait prétendu que le futur composé du grec moderne ne provient pas de l'ancien grec, mais de l'ancien thrace. Mais, ainsi que le remarque M. Hatzidakis, s'il y avait des influences étrangères, on devait les chercher du côté de l'Orient. Il est d'ailleurs incontestable que «l'emploi du verbe $\Theta\lambda\acute{\epsilon}\omega$ avec l'infinitif apparaît déjà en ébauche dès les temps les plus reculés» (p. 415). Ensuite M. Hatzidakis refute l'hypothèse de Weigand qui croit que le mot grec $\lambda\alpha\gamma\gamma\acute{\alpha}\delta\iota$ dérive du mot bulgare $lo(n)g$. Il observe que le sens en grec est différent et que, en outre, le changement phonétique du mot ne peut pas être expliqué; il renvoie enfin à l'étymologie qu'il a donnée de ce mot dans la revue $\text{\textit{Ἀθηνᾶ}}$, tome IV, p. 470.

D. A. Zakythinos.

Δ. Κ. ΤΣΟΠΟΤΟΥ, Ο ΠΑΓΑΣΙΤΙΚΟΣ ΚΟΛΠΟΣ ΚΑΙ Ο ΒΟΛΟΣ. Ἀναίρεσις τῶν περὶ ἐγκатаστάσεως Σλαβῶν ἀσθητικῶν ἰσχυρισμῶν. Ἀθῆναι. 1930. p. 1—50.

Гн. Д. ЦОПОТ прочел на эту тему доклад на III Международном Конгрессе по византиновѣдѣнію в Афинах. Данная брошюра состоит из двух частей: I-ой посвященной Пагаситскому заливу, т. е. вопросу насколько сильны были на его побережьи славянскія поселенія; II-ая касается вопроса, какое название старше $\Gamma\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$ или $\text{B}\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$.

Как явствует уже из второго заголовка «Опровержение несостоятельных утверждений о славянских поселеніях» Цопот стремится доказать, что если и были славяне, то немногочисленные, и обитали они только в качествѣ крѣпостных крестьян из военноплѣнных, название же Голос — греческая же позднѣйшая трансформация слова Волос

(греческого же). Приводимыя доказательства не убѣдительны. Не использована также вся имѣющаяся литература. Кромѣ того ЦОПОТ не вполне разбирается въ національности славянскихъ ученых, так на стр. 7, читаем
 ὁ Ρῶσος Σάφαις. М. А.

Г. А. ΣΩΤΗΡΙΟΥ, ΑΙ ΧΡΗΣΤΙΑΝΙΚΑΙ
 ΘΗΒΑΙ ΤΗΣ ΘΕΣΣΑΛΙΑΣ ΚΑΤΑ ΤΑΣ ΕΝ
 ΝΕΑ ΑΓΧΙΑΛΩ ΕΝΕΡΓΗΘΕΙΣΑΣ ΑΝΑΣ-
 ΚΑΦΑΣ. Ἀθήναι. 1930. р. 1—160.

Директор византийскаго музея в Аѳинах и проф. христіанской археологіи аѳинскаго университета, Г. А. СОΤΗΡΙУ знакомит в своей послѣдней большой работѣ читателя с результатами археологическихъ работъ, недавно произведенныхъ в Новом Анхіалѣ. Это мѣстечко возникло на мѣстѣ старыхъ ѳессалийскихъ Олив недалеко от Волоса, т. е. в части Греціи, заселенной позднѣе славянскимъ племенемъ велезгитов. При раскопкахъ удалось обнаружить развалины трехъ христіанскихъ базиликъ, относящихся къ V—VI-му вѣку по Р. Х.; найдены также фрагменты плитъ, капители и части амвона. Книга снабжена многочисленными фотографіями, планами и интересными проэктами реконструкцій. С подобными удачными реконструкціями познакомились прошлой осенью участники III Византийскаго Конгресса в новомъ музеѣ в Аѳинахъ. (Глава объ эпиграфикѣ составлена г. ΓΙΑΝΝΟΠΟΥΛΟМ). По этому поводу считаю необходимымъ упомянуть и о другой работѣ того же изслѣдователя, прекрасно знакомящую с древнехристіанскими памятниками. Аѳин: ΕΥΡΕΤΗΡΙΟΝ ΤΩΝ ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΩΝ ΜΝΗΜΕΙΩΝ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ. I. ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΑ ΜΝΗΜΕΙΑ ΑΤΤΙΚΗΣ. Α. ΑΘΗΝΩΝ, τεύχ. α. Ἀθήναι. 1927. М. А.

Г. А. ΜΠΑΛΑΣΤΖΕΦ, Ο ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ
 ΜΙΧΑΗΛ Ο ΠΑΛΑΙΟΛΟΓΟΣ ΚΑΙ ΤΟ ΙΔ-
 ΡΥΘΕΝ Τῆ ΣΥΝΑΡΟΜῆ ΑΥΤΟΥ ΚΡΑ-
 ΤΟΣ ΤΩΝ ΟΓΟΥΖΩΝ ΠΑΡΑ ΤΗΝ ΔΥΤΙΚ-
 ΗΝ ΑΚΤΗΝ ΤΟΥ ΕΥΞΕΙΝΟΥ. ΣΟΦΙΑ
 1930. р. 1—26.

Болгарскій ученый БАЛАСЧЕВ выпустил,

по случаю III Конгресса по византиновѣдѣнію в Аѳинахъ, небольшую брошюру по гречески об императорѣ Михайлѣ Палеологѣ и основаніи при его содѣйствіи государства огузов на западномъ черноморскомъ побережьи, т. е. о переселеніи турокъ сельджуковъ в 1263 г. и устройствѣ ими самостоятельнаго государства в Добруджѣ. В приложеніи БАЛАСЧЕВъ даетъ переводъ отрывка из Огузнамѣ (по вѣнской рукописи), в которомъ повѣствается о вышеупомянутомъ событіи. М. А.

М. В. ШАХМАТОВЪ И Д. И. ЧИЖЕВ-
 СКІЙ, ПЛАТОНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.
 Записки Русскаго Историческаго Общества
 въ Прагѣ. т. II. 1930 г. стр. 49—81.

Двѣ интересныя небольшія статьи, носящія одинаковое заглавіе, посвящены вопросу о томъ, что знали о Платонѣ в древней русской письменности. М. В. ШАХМАТОВъ в своей статьѣ даетъ намъ перечень соотвѣтственныхъ мѣстъ изъ различныхъ сборниковъ, трактатовъ и классифицируетъ ихъ по признаку отрицательнаго или положительнаго отношенія къ Платону. Онъ приходитъ къ заключенію, что русскій челоувѣкъ былъ знакомъ не с античнымъ, а с апокрифическимъ Платономъ. Списокъ сочиненій извѣстныхъ на Руси и упоминающихъ о Платонѣ или его идеяхъ можно нѣсколько увеличить: такъ изъ Платона черпалъ нѣкоторыя мысли діаконъ Агапитъ, напр. о царѣ философѣ (Migne, Patrologia graeca. t. 861. c. 17, 18. col. 1169), сочиненіе это было переведено; интересно было бы проштудировать и другую славянскую редакцію хроники Георгія Амартолы, Лѣтовникъ, гдѣ также упоминается Платонъ (М. WEINGART, Byzantské kroniky v Literatuře československé. č. II. р. 317, 318) и сравнить славянскіе тексты с греческимъ оригиналомъ. Уже при бѣгломъ просмотрѣ текста создается впечатлѣніе, что в греческомъ оригиналѣ больше говорится о Платонѣ; о Платонѣ говоритъ и двое югославянъ, работавшихъ на Руси — хорватъ Веніаминъ в «Словѣ кратко противу тѣхъ, иже в вещи священные вступаются», 1505 г. и Юрій Крижаничъ (В. ВАЛЬ-

ДЕНБЕРГ, Древнерусскія ученія о предѣлах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII вѣка. Петроградъ. 1916. р. 232—3, 240—246, 415.)

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ, как историк философии, занимается вопросом на сколько тогдашнее представление о Платонѣ соответствует традиционному образу, сложившемуся еще в античности. Попыток точного изложения Платона не встрѣчается, а только случайныя свѣдѣнія о личности философа, его метафизикѣ, антропологии и практической философии. Чижевскій искусно устанавливает насколько эти свѣдѣнія соответствуют истинѣ и останавливается на Платонѣ, как «предисповѣдатель» христіанства. Он объясняет появленіе этой легенды, как результат экзегетическаго метода Филона. Не безинтересно было бы сопоставить апокриическій образ Платона с легендарным Виргиліем западнаго средневѣковья.

Будем надѣяться, что оба изслѣдователя еще вернутся к этой темѣ, углубят ее разработку, а затѣм перейдут и к прочим античным философам. М. А.

PRAMENY KE STUDIU NÁBOŽENSTVÍ STARÝCH SLOVANŮ sebral v úhledný a příruční soubor německý slavista C. H. MEYER, působící nyní v Münsteru, v knížce *Fontes historiae religionis slavicae* (vyšlo v Berlíně 1931 nákl. W. de Gruytera jako 4. seš. sbírky *Fontes historiae religionum ex auctoribus graecis et latinis collecti*). MEYER zahrnul do této sbírky podle jejího programu jen prameny řecké a latinské, přidal však také výňatek z *Knytlingasagy* a výňatky z pramenů islamských v německém překladě, jež sebral Fr. Taeschner. Výňatky z byzantských a latinských pramenů sebral MEYER na základě příslušného svazku Kulturních starožitností slovanských LUBORA NIEDERLE («Věra a náboženství», v Praze 1916), a seřadil je chronologicky. Z byzantských spisovatelů jsou tu výňatky z Prokopiova *De bello*

Gothico III, 14, z Konstantina Porfyrogenneta (*De admin. imperio*, cap. IX.), z Leona Diakona (*Historia IX, 6*) a z Demetria, arcibiskupa bulharského v XIII. stol. (*De rusaliis*, vydal Miklosich ve vyd. akad. 1864); mimo to v I. dodatku jako zprávu pochybnou otiskl Meyer úryvek z Theodora Balsamona (*Commentarii*, vydal Miklosich tamtéž). Meyerův soubor nemá sice významu nového kritického textu, neboť reprodukuje pouze dosavadní vydání, právě u byzantských spisovatelů již hodně stará, ale přes to lze jej uvítati jako pomůcku velmi užitečnou a obrátě sestavenou, vhodnou zejména pro universitní semináře; její praktickou cenu zvyšují pečlivé indexy a bibliografické poznámky.

M. W.

NIKOLA RADOJČIĆ uveřejnil v lublaňském »Etnologu« IV, 2, a též ve zvláštním otisku zajímavou práci *Srpski Abagar* (Ljubljana 1931, str. 187—211). Jsou to dvě dřevěné desky velikosti 41×29 cm, obsahující po obou stranách rytiny a hagiografické texty, psané kyrilsky, srbsko-církevněslovansky; jsou chovány v král. knihovně v Lublani. Byly sice známy již J. W. VALVASOROVÍ, který se o nich zmínil ve svém spise *Die Ehre des Herzogthums Crain* (1689) a B. KOPITAROVÍ, který je zaznamenal ve studii *Hesychii glossographi discipulus epiglossistes russus* (1839), ale jinak upadly v zapomnutí. RADOJČIĆ nyní podává popis jejich obrazů a ukazuje, že texty na nich obsažené jsou apokryfní. Podařilo se mu ukázati prameny a vzory rycovy, a podle nich datuje tuto památku do XVI. století, do západního území srbochorvatského. Konečně RADOJČIĆ srovnává tuto památku s příbuznou jí bulharskou, totiž s bulharským sešitem modliteb, nazvaným *Abagar*, tištěným pro bulharské katolíky od Filipa Stanislavova r. 1651 a památným tím, že je to první bulharský tisk. RADOJČIĆ myslí,

že bulharský Abagar byl vydán přímo proti deskám lublaňským na potírání pravoslavné víry. Oba jsou velmi cenné dokumenty pro jihoslovanský folklor i pro dějiny náboženství. M. W.

CHRONOLOGICKÉ TABULKY K JIHOSLOVANSKÉ HISTORII byly vydány v Záhřebě 1930 jako zahajovací svazek Priručne biblioteke almanaha kralj. Jugoslavije, s názvem *Istorijska bronologija jugoslovenskih zemalja*, pod opštom redakcijom prof. STANOJA STANOJEVIĆA sastavila VERA STOJIC. M. W.

IVAN OHIENKO vydal r. 1927 pro své posluchače na varšavské fakultě pravoslavné theologie album kyrilského písma *Wzory pism cyrylickich X.—XVII. ww.* (ve Varšavě 1927, 144 str., 56 snímků s kyrilskou transkripcí). Nyní vydal druhou část tohoto alba, obsahující snímky č. 57—120. Počíná památkami staroslověnskými (Supr., Savv. kn., fragm. chiland., Undol.), věnuje 8 snímků evangelistáři Ostromirovu, 6 snímků sborníku Svjatoslavovu z r. 1073, dále přináší m. j. snímky z evangelií Archangelského a Turovského, z žaltářů Čudovského, Eugeniova a Tolstovského, z Pandekt Antiochových, z Minejí Novgorodských, z listin XV. věku, z evangelia volynského r. 1560 a z Apoštola Krechovského z téhož roku. Snímky jsou zcela zřetelné, dostatečně veliké, formát knihy je 21×28 cm, takže bylo lze reprodukovati rukopisy v původní velikosti nebo jen málo zmenšené — a úhrnem je to dobrá paleografická pomůcka. M. W.

ANDRÉ VAILLANT vydal již traktát »O svobodné vůli *Methodia z Olympus*« (z Patary), který zde ohlásil JAN FRČEK (II, 162): *Patrologia orientalis*, t. XXII, fasc. 5, *Le De autexusio de Méthode d'Olympe, version slave et texte grec édi-*

tés et traduits en français, Paris 1930, s. 631—888. Tato edice dělá čest vydavateli. Obsahuje obšírný rozbor filologický (s. 636—724), kde se probírá obsah díla, textová kritika řeckého originálu, a zejména církevněslovanského překladu. Slovanický text je také rozebrán gramaticky a lexikálně, oceněn a datován. Text je vydán paralelně církevněslovansky a řecky, obojí s kritickými poznámkami, v dolní polovině strany je připojen francouzský překlad (s. 725—833). Konečně je také připojen církevněslovanský slovníček s řeckým i francouzským tlumočením (s. 834 až 876) a index řecko-slovanský. Úpravou slovanského textu, zejména rozvedením zkratk a vynecháním nadřádkových znaků, zavedením moderní interpunkce a omezením kritického aparátu, zkrátka potlačením hledisek paleografických a orthografických, má toto vydání zásadní význam pro vydavatelskou techniku církevněslovanských textů, jsouc ztělesněním požadavků, které přednesl VAILLANT s MEILLETEM pražskému sjezdu slovanských filologů r. 1929. Proto také budeme se jím zde později podrobněji zabývat. M. W.

LES ÉTUDES BYZANTINES EN POLOGNE. Le byzantiniste polonais M. S A J D A K de Posnanie avait proposé au comité scientifique polonais (Towarzystwo Przyjaciół Nauk) l'édition d'« *Analecta Byzantina* » dans lesquels on publierait des textes d'écrivains byzantins. On commencerait par une édition critique des ouvrages du poète lyrique byzantin du Xe s., Joannes Kiriotes Geometros, sur lequel M. S A J D A K a fait aussi une communication au congrès d'Athènes. Viendrait ensuite la publication des différents commentaires et des scholies des Pères du IVe siècle, notamment, en premier lieu de ceux qui se rapportent aux ouvrages de Saint Grégoire de Naziance, c'est-à-dire tous les panégyriques que les théologiens byzantins lui ont consacrés du IVe au XIVe

siècle. La proposition de M. Sajdak ayant été acceptée, le premier volume de cette collection vient de paraître (Analecta Byzantina edita cura Societatis Litterarum Posnaniensis, Fasc. I.: Ioannis Kyriotis Geometrae Hymni in SS. Deiparam, recensuit prolegomenis instruxit Ioannes Sajdak, Posnaniae, 1931, pp. 95). On sait que l'editio princeps de Morellus de 1591 de ces hymnes n'a été faite que d'après un seul manuscrit. Dans l'introduction à son édition (pp. 1—58), M. Sajdak donne une description détaillée de tous les manuscrits qui lui ont servi de base pour cette réédition et il apprécie la place que ces hymnes prennent dans l'hymnographie byzantine. L'éditeur a ajouté à son édition la traduction latine des hymnes en vers due au premier éditeur Morellus. Nous saluons avec empressement cette nouvelle entreprise qui montre une fois de plus que les études byzantines ne sont pas délaissées en Pologne.

Dv.

VOJESLAV MOLÈ, jihoslovanský historik, profesor university jagiellonské v Krakově, právě vydal velmi důležitou příručku nadepsanou *Historja sztuki staro-chrześcijańskiej i wczesnobizantyńskiej. Wstęp do historii sztuki bizantyńskiej u Słowian*. Vyšlo jako 13. svazek Lvovské biblioteky slawistyczne (Lwów 1931, str. XVII a 420). Po obecných úvodních výkladech, v nichž zaujal stanovisko k základním thésím hlavních badatelů o starokřesťanském a byzantském umění, jako WILPERTA, WICKHOFA, STRZYGOWSKÉHO, KONDAKOVA, SYBELA, WEIGANDA, RIEGLA, M. DVOŘÁKA, G. MILLETA a j., probírá látku podle věcných skupin: umění hrobů, a to malířství katakomb a plastiky sarkofágů, dále architekturu kostelní, a to basiliky a kostely centrální, umění figurální (základy ikonografie), malířství monumentální, zvl. mosaiky římské a ravennské, illu-

minátorství, řezbářství, zvl. miniaturní ze slonovce kosti, plastiky kovové a emaily, a konečně tkaniny. Závěrem je synteťická kapitola o starokřesťanském umění jako celku. Na konci každé kapitoly jsou bibliografické údaje v instruktivním výběru, mimo to bývají připojeny i bibliografické poznámky pod čarou. O názornost výkladů je postaráno četnými snímky a fotografiemi, půdorysy a průřezы staveb a reprodukci obrazů.

M. W.

КН. М. К. ТЕНИШЕВА, ЭМАЛЬ И ИНКРУСТАЦИЯ. Seminarium Kondakovianum. Прага. 1930. р. I-116, с двумя портретами и 50 таблицами.

Посмертное произведение кн. ТЕНИШЕВОЙ, известной общественной дятельницы и художницы-эмалера, дошло до нас только в незаконченной рукописи. Эта рукопись представляет из себя черновые наброски к «обширной работѣ синтетического характера, в видѣ общаго обзора памятников эмалеваго дѣла, хранящихся в важнѣйших собраниях Россіи и заграницы». К сожалѣнію о судьбѣ первой части этой работы уже представленной к напечатанію ничего неизвѣстно. Настоящій очерк — интересно написанный и богато иллюстрированный, состоит из введенія, трех частей и послѣсловія. В введеніи кн. ТЕНИШЕВА дает опредѣленіе понятію эмали, характеризует различные виды ея, и описывает технику производства. Это описаніе особенно цѣнно, как составленное специалистом-практиком. В дополненіе сказаннаго о различных способах эмали, все же необходимо замѣтить, что, скульптурно-чеканный способ эмали (Ronde bosse) был извѣстен и до Бенвенуто Челлини, а, именно, в Византіи; прекрасным примѣром этого способа эмали является оклад евангелія, с изображеніем бюста архангела Михаила XII в., хранящійся въ ризницѣ собора Св. Марка в Венеціи.

В первой части, озаглавленной «Древняя инкрустация», кн. ТЕНИШЕВА, рассмотрѣвъ

соотвѣтствующіе памятники приходит к заключенію, что в Египтѣ, Ассиріи, Финикіи, Греціи, Этруріи и Римѣ с техникой эмали не были знакомы, а только с инкрустаціей. Встрѣчающіеся в Этруріи предметы, по-видимому, были привозными.

Вторая часть посвящена древней эмали. Сначала рассматриваются болѣе древнія находки на Кавказѣ среди которых имѣются пряжки, украшенныя эмалью и другіе памятники. Кн. ТЕНИШЕВА приходит к выводу, что «путь распространенія эмаленаго дѣла мог только исходить из Ирано-Арійских предѣлов, откуда умѣние при-мѣнять смальту к металлу горячим способом могло быть занесено, с одной стороны, в Европу, а с другой и в Китай какими нибудь пришельцами, знакомыми с этого рода искусством». Отдѣльные предметы украшенные эмалью находятся и в предѣлах Европейской Россіи. Возможно, что они возникли под вліяніем новаго эмалеваго очага, появившагося до Р. Х. у греческих колонистов в Крыму.

Вмѣстѣ с тѣм новый очаг эмалеваго производства образуется в Западной Европѣ, в Галліи и Бельгіи. В Галліи это Бибракт—Монт Беврѣ, с сохранившимися в нем мастерскими; по-видимому, это мастерство было занесено туда, переходившими с мѣста на мѣсто мастерами; другим центром производства в римское время является вилла Антѣ; образцы эмалеваго дѣла встрѣчаются и на Британских островах. Особый интерес представляют чаши превосходной работы, найденныя во Франціи, Англіи, Германіи и Даніи. По мнѣнію кн. ТЕНИШЕВОЙ это издѣлія самаго очага колыбели эмалеваго дѣла Индо-Ирана, откуда они были вывезены в Европу.

Третья часть «Варварская инкрустація». Вмѣсто съ варварскими нашествіями в III—VII вѣкѣ распространились в пройденных ими областях предметы обильно украшенные гранатами-кабушононами и пластинками или подражаніями из стекла, т. е. инкрустаціей. Техника эта, идущая с Востока, усвоена

была Византіей; кн. ТЕНИШЕВА предполагает, что оттуда были вывезены вотивные вѣнцы визиготских королей и ряд других крупных предметов. Эмалевое дѣло же на Западѣ в это время опять совершенно за-бывается. В послѣсловіи указывается, что возрождается это искусство опять на Западѣ под вліяніем Византіи, гдѣ в X—XII вѣкѣ возник новый эмалевый очаг.

Тексту кн. ТЕНИШЕВОЙ предшествовали предисловіе А. П. КАЛИТИНСКАГО и біографическіе очерки Кн. Е. К. СВАТО-ПОЛК-ЧЕТВЕРТИНСКОЙ и Н. К. РЕРИХА. В концѣ книги приложены списки: иллюстрацій и бібліографическій. Изящный переплет работа художника И. Билибина.

М. Андреева.

НЕОБХОДИМЫЯ РАЗЪЯСНЕНІЯ. Во II томѣ *Byzantinoslavica* появились возраженія нынѣ покойнаго Н. М. БѢЛЯЕВА на мою рецензію книги Н. П. КОНДАКОВА, «Очерки изамѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры». Т. к. в них были затронуты и нѣкоторые научные вопросы, то считаю необходимым разъяснить слѣдующее:

В своей рецензіи, указывая на нѣкоторыя неточности в наименованіи чинов, а именно, *οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν* вмѣсто *τῶν θεράτων*, я сослалась вовсе не на Боннское изданіе Клиторологіи Филофея, а на новое критическое изданіе этого источника J. B. BURY. Одновременно с этим я сослалась и на его превосходный разбор извѣстій об этом чинѣ в его сочиненіи об административной системѣ в IX вѣкѣ, к которому приложен и Клиторологія.¹ БЮРИ приводит также полностью имѣющуюся по этому вопросу литературу. К этому можно добавить еще извѣстія из списка опубликованнаго БЕНЕШЕВИЧЕМ и из малоазійских надписей.²

¹ *Byzantinoslavica*, t. II, p. 120. BURY, *The Imperial Administrative System in the IXth Century*. London. 1911. r. 46, 138.

² V. BENEŠEVIČ, *Die byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei* . . . Byzant.-Neugr. Jahrbücher. t. V. 1926. p. 165. HANTON, *Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*. Byzantion. IV. (1927—1928). p. 121.

В соотвѣтствующем же мѣстѣ Боннскаго изданія р. 7157 дѣйствительно стоит τὼν σχολῶν. Произошло это благодаря описки в Лейпцигском кодексѣ. Описка эта была оставлена без вниманія издателем РЕЙСКЕ. РЕЙСКЕ же переводит неправильно название чина, как *representantes scholarum*. т. е. представители школ. Соотвѣтствующаго чина ни в сочинении того же Филовея, ни в *de cerimoniis aulae byzantinae* Константина Багрянороднаго, ни в прочих византийских источниках, поскольку нам извѣстно, не встрѣчается.

Чин же ὁ ἐκ προσώπων τ. θεμάτων, как это было установлено на основаніи источников RAMBAUD, SCHLUMBERGER, MITARD и BURY, имѣет значеніе посланнаго от лица государя в вѣомы и прилагался к лицу временно исполняющему обязанности страгига. Сохранились и печати лиц, занимавших эту должность в отдѣльных вѣмах. Это дало БЮРИ право в новом изданіи Клиторологія Филовея поставить в текст слова τὼν θεμάτων, а τὼν σχολῶν помѣстить в подстрочное примѣчаніе в число разнотчій. (р. 138:з.)

Что же касается замѣны слова протоспаѣарія заслуженным спаѣаріем, считаю его не вполне удачным и требующим оговорки. В русском языкѣ обычно слово заслуженный не имѣет значенія перевода в слѣдующій чин. Тѣм болѣе в данном случаѣ, когда заслуженным спаѣаріям противопоставляется молодежь спаѣарокандидатов. Повторяю, что акад. Н. П. КОНДАКОВ не приготовил к печати своего сочиненія, а лично собирался просмотрѣть его и снабдить необходимым критическим аппаратом.

Вводит также в заблужденіе читателя упоминаніе тома и страницы сочиненія Константина Багрянороднаго без имени автора — но это мелочи.

Думаю, что послѣ этого разъясненія, сдѣланныя по моему адресу упреки теряют всякое основаніе. М. Андреева.

Е. F. KARSKIJ, предніи филолог рускы — прѣснѣји бѣлорускы — один з послѣднихъ зástupců kdysi tak četné obce рускыхъ slavistů. velkého slohu, zemřel v Leninogradě dne 29. dubna 1931 ve věku sedm-

desáti let (* 1861). Těžiště jeho vědecké práce je sice v životním díle o jeho kmeni »Bělorusy« (7 sv., 1903—1922), z něhož vydal trest německy *Geschichte der weißrussischen Volksdichtung und Literatur* (ve Vasmerově slavistickém Grundrissu, v Berlíně 1926), ale jako dlouholetý profesor církevněslovanského jazyka na varšavské universitě vykonal mnoho také na poli filologie církevněslovanské a studií byzantsko-slovanských. Je třeba především vzpomenouti vědně jeho dlouholeté redaktorské činnosti ve dvou předních slavistických orgánech ruských: řídil r. 1901 až 1918 varšavský Русский филологический Вѣстникъ, а od r. 1920 leningradská Известия по русскому языку и словесности. V obou těchto časopisech uveřejnil mnoho článků a zejména spoustu recenzí, našeho oboru se týkajících. Obzvláště však se Karskij zasloužil o kyrlskou paleografii. Ze svých přednášek zpracoval *Очеркъ славянской кирилловской палеографии*, který se stal oblíbenou příručkou: 4. vydání vyšlo ve Varšavě 1913. V posledních letech shrnul svá dlouholetá studia paleografická v základní dílo *Славянская кирилловская палеография* (v Leningradě 1928, str. XI a 494), o němž viz posudek prof. JOS. VAJSE ve Slavii VII, 628—633; škoda, že KARSKIJ sám poškodil toto opravdu znamenité dílo odbytými již nesprávnostmi o poměru kyrlice k hláholici. Jedna z posledních jeho prací byla také velmi záslužné vydání *Ruské pravdy*, o němž zde viz referát G. IL'INSKÉHO (II, 436—440). М. W.

NOTE DE LA RÉDACTION. Les deux lettres d'Aréthas métropolitte de Césarée, publiées dans ce fascicule (pp. 97—102) par ŠESTAKOV, ne sont pas inconnues. La première a déjà été publiée, d'après le même Codex Mosquensis par A. PAPADOPOULOS-KERAMENS, *Varia Graeca sacra* (St. Petersburg 1909), p. 269; le contenu de l'autre était également connu par l'analyse qu'en a donnée S. B. KOUGEAS, *Ὁ Καραγάκις Ἀρέθας καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ*, (Athènes 1913) pp. 18—21 et 94.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ.

ἩΠΕΙΡΩΤΙΚΑ ΧΡΟΝΙΚΑ. Περι-
οδικὸν σύγγραμμα ἰδρυθὲν καὶ ἐκδιδο-
μενον προνοίᾳ τοῦ μητροπολίτου Ἰω-
αννίνων Σπυρίδωνος Βλάχου, ἐπιμελεία
δὲ τῶν Ἡπειρωτῶν Περικλέους Βιζου-
κίδου, ἐν Βερολίῳ, Γεωργίου Ἀναγνώ-
στοπούλου, ἐν Ἀθήναις, Ἀλκιβιάδου
Κοντοπάνου, ἐν Ἰωαννίνοις, Ἐν Ἰωαν-
νίνοις, ἐν τῇ Ἱερᾷ Μητροπόλει.

Le périodique dont nous venons de ci-
ter le titre complet paraît, depuis 1926,
sous les auspices de Monseigneur Spyri-
dion Vlachos, métropolite de Janina, qui
est le fondateur et le principal animateur
de cette oeuvre scientifique que Gustave
Fougères a, non sans raison, caractérisée,
d'«*excellente publication*». Cinq tomes ont
paru jusqu'à ce moment; chaque tome com-
porte trois fascicules dont les deux pre-
miers paraissent souvent en un seul vo-
lume. Pour les études slaves ce périodique
présente un intérêt très grand. L'Épire,
à cause de sa position géographique, est,
de très bonne heure, entrée en rapports
avec les Slaves, notamment les Bulgares et
les Serbes, elle fut à maintes reprises sou-
mise à des souverains slaves et se trouva
étroitement liée avec ses voisins. En con-
séquence l'histoire de la province grecque
se mêle souvent avec celle des peuples sla-
ves méridionaux et c'est justement par là
que les «*Ἡπειρωτικὰ Χρονικά*»
méritent d'attirer l'attention des slavistes.
Nous tâcherons dans les pages qui suivent
de donner une analyse des études qui sont
à ce point de vue intéressantes.

Tome Ier. Fascicule 1. (Année 1926.)

Spyridion, métropolite de Janina, Πρὸς
τοὺς Πανέλληνας λογίους καὶ Ἡ-
πειρώτας. p. 1-4.

Hatzidakis, G. Ἡ Ἡπειρος καλεῖ
τοὺς ἐρευνητάς τῆς. p. 5-6.

Büchner, L. Δοκίμιον βιβλιογρα-

φικὸν τῶν περὶ τῆς Ἡπείρου κα-
τὰ τοὺς νεωτέρους χρόνους δημο-
σιευθέντων. p. 7-38. Bibliographie très
précieuse pour l'histoire de l'Épire. Par-
mi les publications qui y figurent on
trouvera quelques-unes qui se rapportent
à l'histoire des Slaves Méridionaux.

Anagnostopoulos, G. P., Ἐπίγραμμα
τοῦ Wilamowitz. p. 39-40.

Nicolaidès, Cl., Ὁ ἀνταγωνισμὸς
Γαλλίας καὶ Ἀγγλίας ἐν Ἡπείρῳ
καὶ Ἀλβανίᾳ πρὸ τῆς Ἑλληνικῆς
ἐπαναστάσεως τοῦ 1821. p. 41-52.

Xyngopoulos, A., Μεσαιωνικὰ μνη-
μεῖα Ἰωαννίνων. p. 53-62.

Bees, N. A., Ὁ Χριστόφορος Βαρ-
λααμίτης καὶ τὸ βραχὺ χρονικὸν
αὐτοῦ. p. 63-71.

Vogiatziak, J. C., Συμβολὴ εἰς τὴν
μεσαιωνικὴν ἱστορίαν τῆς Ἡπεί-
ρου. p. 72-80. Sur un passage d'un pané-
gyrique écrit entre les années 1427-1446.
Il y est question de Charles Tocco et de
ses possessions épirotes. Particulièrement
intéressant est le passage où l'auteur ano-
nyme parle de la formation ethnologique
de l'Épire; il dit que la campagne est en
partie habitée par des «*barbares*»; M. Vo-
giatzidès est d'avis qu'il s'agit des Alba-
nais, des Serbes et des Valaques. (p. 76).

Anagnostopoulos, G. P., Τὰ γλωσσικὰ
ιδιώματα τῆς Ἡπείρου. p. 81-85.

Du même, Μικρὰ συμβολὴ εἰς τὴν
μελέτην τῶν Ἡπειρωτικῶν τοπων-
υμίων p. 87-101. A la p. 88 quelques
indications sur les toponymies d'Épire d'
origine slave.

Βιβλιοκρισία p. 102.

Προκήρυξις γλωσσικοῦ διαγω-
νισμοῦ. p. 103-104.

Tome Ier. Fascicule 2.

Ἐπίσημα γράμματα. p. 105-109.

Ziebarth, Er., Κυριακὸς ὁ ἐξ Ἀγκῶ-

νος ἐν Ἡπείρῳ. p. 110–119.

Bees, N. A., Ὁ Χριστόφορος Βαλααμίτης. p. 120–132.

Xyngopoulos, A., Μεσαιωνικά μνημεῖα Ἰωαννίνων. p. 133–147. Aux p. 134–135 on trouva une inscription funéraire relative à Georges Philanthropénos qui fut «protoasicritis» sous le règne du seigneur de Janina Thomas Preljubovic. Nous retrouverons ce personnage plus bas.

Sarros, D., Γράμματα ἀναφερόμενα εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ Σουλίου καὶ τῆς Πάργης. p. 148–157.

Soulis, Chr., Ἡπειρωτικά Αἰνίγματα. p. 158–189.

Rembelis, Ch., Δημοτικά τραγούδια Βουρμπιάνης. p. 190–194.

Βιβλιοκρισία. p. 195–197.

Προκήρυξις γλωσσικοῦ διαγωνισμοῦ. p. 198–200.

Tome Ire. Fascicule 3.

Carolides, P., Τί ἐστὶν Ἡπειρος ἐν τῇ ἱστορίᾳ τοῦ Ἑλληνικοῦ γένους. p. 201–202.

Arvanitopoulos, A. S., Ἡπειρῶται ἐν Θεσσαλίᾳ. p. 203–205.

Dyonouniotès, C. J., Ἀλέξιος Σπανός. p. 206–218.

Dendias, M., Ἑλένη Ἀγγελίνα Δούκαινα, βασίλισσα Σικελίας καὶ Νεαπόλεως. p. 219–294.

Xyngopoulos, A., Μεσαιωνικά μνημεῖα Ἰωαννίνων. p. 295–303. Sur le tombeau de Thomas Preljubovic, assassiné en 1384, voir p. 296.

Photiades, E. P., Συμβολὴ εἰς τὴν περὶ τοῦ Θανάσης Βάγια ἔρευναν. p. 304–311.

Soulis, Chr., Ἡπειρωτικά Αἰνίγματα. p. 313–329.

Προκήρυξις γλωσσικοῦ διαγωνισμοῦ. p. 330–333.

Chroniques Epirotes. p. 334–344. Résumé en français des articles publiés dans ce volume.

Tables. p. 345–355.

Tome II (1927). Fascicules 1–2.

Spyridion, métropolitain de Janina, Préface. p. 3–4.

Vizoukidès, P., Ἡπειρωτικῶν Θεσμίων ἔρευνα, p. 5–53.

Eustratiades, S., Ὁ Καμπανίας Θεόφιλος ὁ ἐξ Ἰωαννίνων. p. 54–97.

Sotériou, G., Τὸ Κάστρον τῶν Ρωγῶν. p. 98–109. La forteresse de Rogoi est située sur le chemin qui conduit de Prevesa à Janina. Au XIVe siècle cette forteresse était gouvernée par Alexis Cabasilas qui la céda, en 1340, à Jean Cantacuzène. Quelques années plus tard elle fut occupée par Etienne Doušan qui, à son tour, la céda à son frère Syméon. D'après les renseignements fournis par Cyrillaque d'Ancone, qui visita la forteresse en 1440, il y avait à Rogoi une église sous le vocable de Saint-Luc où l'on avait déposé la relique de l'évangéliste. Ce renseignement est confirmé par une ancienne légende serbe dont nous possédons deux versions et d'après laquelle la relique de Saint-Luc serait transportée à Smederevo en Serbie. M. Sotériou donne une analyse de ces intéressantes versions, d'après des résumés dus à M. M. Lascaris.

Vizoukidès, P., Συμβολαὶ εἰς τὴν Ἡπειρωτικὴν Βιβλιογραφίαν. p. 110–111. Contributions à la bibliographie épirote.

Bees, N. A., Συμβολαὶ εἰς τὴν Ἡπειρωτικὴν Βιβλιογραφίαν. p. 127–152. Contributions à la bibliographie épirote.

Orlandos, A., Μνημεῖα τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου. p. 153–169. A la page 159 quelques indications sur les portes en bois sculpté des églises de Saint-Nicolas d'Okhrida et des monastères Rila et Sleptcha en Bulgarie.

Lascaris, M., Σημείωσις περὶ τοῦ πληθυσμοῦ τῆς Πάργας κατὰ τὸν ΙΖ' αἰῶνα. p. 170–172.

Synodinos, P., Γρηγόριος Παλιου-
ρίτης. p. 173–181.

Soulis, Chr., Τὰ τραγούδια τοῦ Λα-
ζάρου. p. 182–200.

Mousselimis, S., Δημοτικά τραγού-
δια τῆς Ἡπείρου. p. 201–205.

Vizoukidès, P., Οἱ ξένοι σοφοὶ πρὸς
τὰ «Ἡπειρωτικὰ Χρονικά». p. 206
–208.

Du même, Κριτικά Σημειώματα.
p. 209–217.

Hatzidakis, G., Ὁ πρῶτος τόμος
τῶν «Ἡπειρωτικῶν Χρονικῶν». p.
218.

Chroniques épirotes. p. 219–226.

Tome II (Année 1927). Fascicule 3.

Gennadios, J., Τὰ «Ἰωαννητικά»
χειρόγραφα. p. 229–244.

Eustratiadès, S., Τό Ἀρχεῖον τοῦ
ἐπισκόπου Καμπανίας Θεοφίλου.
p. 245–268.

Sarros, D., Γράμματα ἀναφερόμε-
να εἰς τοὺς ἀγῶνας τοῦ Σουλίου
καὶ τῆς Πάργης. p. 269–285.

Du même, Ζαγοριακῶν Θεσμίων
ἔρευνα. p. 286–301.

Synodinos, P., Μητροφάνης Γρηγο-
ράς. p. 302–303.

Georgitsis, G., Ἡ Καραμπεριά. p. 304
–306.

Mousselimis, S., Δημοτικά τραγού-
δια τῆς Ἡπείρου. p. 307–311.

Comptes-rendus. p. 312–318.

Tables, p. 319–322.

Chroniques épirotes. p. 323–325.

Tome III (Année 1928). Fascicule 1–2.

Spyridion, métropolitte de Janina, Préface
p. α'–δ'.

Athénagoras, métropolitte de Paramythia et
de Parga, Ἡ ἐκκλησία τῶν Ἰωαννί-
νων. p. 3–49. Étude très intéressante sur
l'histoire de l'Église de Janina en Epire
du moyen âge à nos jours. Nous n'avons
aucune mention de la ville de Janina et
de son évêché avant le XIe siècle. La vil-

le florissante d'Epire est mentionnée pour
la première fois dans le chrysobulle que
Basile II promulga, en 1020, en faveur de
l'archevêché d'Okhrida. Nous apprenons
de ce document que, à ladite date, l'évé-
ché de Janina était sous la juridiction de
l'archevêque de Bulgarie. Si nous n'avons
aucune indication sur la date où la ville
fut désignée comme siège d'un évêque, nous
sommes plus ou moins certains sur la date
où cet évêché fut élevé au rang de mé-
tropole. D'un document patriarchal de l'é-
poque nous apprenons que Janina fut pour
la première fois un siège métropolitain sous
le règne d'Andronic II. Malheureusement
nous n'avons aucune précision sur la date.
Monseigneur Athénagoras pense que l'évé-
nement dut se passer entre les années 1284
et 1307.

Les premiers métropolitites connus sont
Sébastien (1365–1381) et Matthieu (1381
–1385). Ces deux métropolitites entrèrent
en conflit avec le seigneur de Janina Tho-
mas Preljubović, prince serbe connu pour
sa grande cruauté. Sébastien fut obligé de
quitter son siège et de se réfugier à Con-
stantinople. Son successeur Matthieu se
brouilla lui aussi avec le prince serbe qui
l'obligea à quitter Janina et se retirer à
Arta.

L'auteur donne en appendice une liste
très détaillée des évêques et des métro-
politites de Janina depuis l'origine jusqu'à
nos jours.

Eulogios Kourilas, Βιβλιογραφία Ἡ-
πείρου καὶ Ἀλβανίας. p. 50–102.
Contributions bibliographiques. Supplè-
ments aux travaux de Legrand, Büchner,
Bees et Vizoukidès (v. plus haut). On con-
sultera toujours avec profit cette Biblio-
graphie qui contient plusieurs travaux tou-
chant aux études slaves.

Vizoukidès, Per., Ἐτέρα συμβολὴ εἰς
τὴν Ἡπειρωτικὴν Βιβλιογραφίαν
p. 103–116. Contributions bibliographi-
ques.

Phourikis, P., Μικρὰ συμβολὴ εἰς

τὴν Ἡπειρωτικὴν Ἱστορίαν. Νικόπολις-Πρόβεζα. p. 117—159. Contribution à l'histoire de la ville épirote de Nicopolis des origines au XVIe siècle. Un bref chapitre est consacré aux relations avec les Bulgares. D'après l'affirmation de l'historien grec Constantin Paparrigopoulos les Bulgares se seraient emparés de Nicopolis sous le règne de l'empereur de Byzance Michel II, en 829. M. Phourikis n'a trouvé aucune mention de cet événement. Il est, au contraire, certain que les Bulgares occupèrent certaines places d'Épire sous le règne de Romain Lecapène (919—944). Nicopolis tomba aux mains des Bulgares après la mort du tzar Syméon; elle ne fut reprise durant les campagnes de Basile II. En 1040 les Bulgares sous Pierre Deleanos se revoltèrent contre l'Empire byzantin, occupèrent Dyrrhachion (Durazzo) et devinrent maîtres du thème de Nicopolis, dont les habitants, pour se soustraire aux lourds impôts et aux tracasseries des fonctionnaires byzantins, acceptèrent presque sans résistance la souveraineté du prince slave. Le thème de Nicopolis ne resta pas longtemps sous la domination bulgare; vers la fin du XIIe il était gouverné par un haut fonctionnaire lié de parenté avec la maison impériale des Comnènes.

Sidérîdes, X. A., Ἐπειρωτὶς οἰκονομία. Περὶ. p. 160—168.

Sarros, D. M., Μαξίμου Ἱερομονάχου τοῦ Πελοποννησίου, Λόγος στηλιτευτικὸς κατὰ Διονυσίου τοῦ ἐπικληθέντος Σκυλλοσόφου. p. 169—219.

Philitis, O., Ἡ Οἰκογένεια Κρεμμύδα ἢ Κρομμύδα. p. 211—219.

Sarros, D. M., Περὶ τοῦ Ἀθανασίου Ψαλίδα καὶ τῆς Γεωγραφίας αὐτοῦ. p. 219.

Zachos, A., Βυζαντινὸν ἐν Ἡπειρώφ βημόθυρον. p. 220—222.

Kambouroglou, D. Gr., Τινὰ περὶ Κυριακοῦ τοῦ Ἀγκωνιέως. p. 223—224.

Aravantinos, P. P., Δημόδῃ Ἡπειρωτικὰ ἔσματα. p. 225—232.

Vizoukidēs, Per., Ποικίλα Σημειώματα. p. 233—237.

Du même, Ludwig Büchner. p. 238—242. *Necrologie.*

Bibliographie. p. 243—244.

Chroniques Epirotes. p. 245—248. Résumé en français des articles contenus dans ce volume.

Tome III (Année 1928). Fascicule 3.

Sidérîdes, X. A., Κορτήσιος Βραυᾶς ὁ Ἡπειρώτης. p. 249—271.

Vrèkosis, A., Ἡ συνθήκη τῆς 21 Μαρτίου 1800 καὶ τὰ προνόμια τῶν Ἡπειρωτικῶν πόλεων Πρεβέζης, Πάργας, Βονίτισης καὶ Βουθρωτοῦ. p. 272—294. On y trouvera quelques indications sur la politique de la Russie au commencement du XIXe siècle.

Zachos, A., Ἀρχιτεκτονικὰ Σημειώματα. p. 295—306.

Synodinos, Pol., Ἡλίας Γεωργιάδης καὶ Ἀρσένιος. p. 307—309.

Soulis, Chr., Τὰ «Μπουκουραϊκά» τῶν Τζουμέρκων. p. 310—320.

Steriopoulou, K., Περὶ τῶν τοπωνυμίων τῆς Νοτιοδυτικῆς Ἡπείρου. p. 321—331.

Ἐκθεσις περὶ τοῦ ... γλωσσικοῦ διαγωνισμοῦ. p. 332—340.

Chroniques Epirotes. p. 341—343.

Table des noms propres du IIIe volume. p. 345—350.

Tome IV. (Année 1929). Fascicule 1—2.

Athénagoras, métropolitaine de Paramythia et de Parga, Νέος Κουβαράς. p. 1—54. A la page 3 il est question de Georges et de Manuel Philanthropénos qui, après avoir été au service du seigneur de Janina Thomas Preljubović, tombèrent en disgrâce et furent persécutés par ce prince. Thomas restaura, en 1375, les remparts de la forteresse de Janina (p. 37). A la page 31

l'auteur publie une note d'un prêtre Ioannikios, se rapportant à l'élection et l'intro-nisation du métropolit de Okhrida Dosi-thée (14 septembre 1796).

Du même, Ἡ Σχολὴ τῶν Φιλαν-θρῶπων ἐν Ἰωαννίνοις. p. 55-62.

Du même, Σχολὴ Ἐπιφανίου Ἡ-γουμενίου. p. 63-78.

Kairophylas, C., Ἱστορικὰ Σημει-ώματα περὶ Ἄρτης. p. 79-86.

Mystakides, B. A., Ἡπειρωτικὰ Ἀ-νάλεκτα. p. 87-101. Aux pages 91-92 on trouvera une lettre datée du 4 septem-bre 1587 et émanant du métropolit de Pélagonie et de Prilep (Πελαγονίας-Περλεάπου) Hieremie. Cette lettre est publiée d'après l'original conservé parmi les papiers de l'helléniste et philhellène Martin Crusius de Tübingen et se rapporte à la conversion d'un janissaire, originaire d'Arta en Epire.

Zakynthinos, D. A., Πατριαρχικὸν σιγίλλιον ἀναφερόμενον εἰς τὴν παρὰ τὸ Μονοδένδρι μονὴν τοῦ Ζαγορίου τοῦ Προφ. Ἡλίου. p. 102-106.

Orlandos, A. C., Ὁ Ἐπιτάφιος τοῦ Πέτα. p. 107-111.

Kourilas, Eul., Βιβλιογραφία Ἡ-πειρώ και Ἀλβανίας. p. 112-145.

Suite de la bibliographie signalée plus haut.

Soulis, Chr., Τὰ «Ρόμκα» τῆς Ἡ-πειρώ. p. 146-156.

Sur la langue conventionnelle des Tzi-ganes d'Epire. Dans la préface l'auteur expose les théories connues sur l'origine des Bohémiens. Il cite l'opinion de Hertz-berg (qui, de son côté, suit la théorie de Hopf), opinion d'après laquelle les Tzi-ganes d'Epire sont descendus de Roumanie durant le règne d'Etienne Doušan. L'étude de Hopf, *Die Einwanderung der Zigeuner in Europa*, ne figure pas dans la bibliographie.

Papaflyrou, P. B., Λαογραφικὴ Συλ-λογή. p. 157-175.

Stoupis, J., «Στιχοπλάκια» Γιαννι-ώτικα. p. 176-185.

Anagnostopoulos, G., Τὰ Ἡπειρωτι-κὰ Χρονικά καὶ οἱ Ἡπειρώται. p. 186-188.

Ζαλοκώστειον διαγώνισμα. p. 189-190.

Chroniques Epirotes. p. 191-194. Résumé en français des articles signalés plus haut.

Tome IV (Année 1929). Fascicule 3.

Sourlas, Eur. Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱσ-τορίαν τῆς ἐπαρχίας Κονίτσης. p. 195-254. Dans la première partie de ce travail l'auteur réfute les opinions du sa-vant français Pouqueville, consul de France à Janina entre les années 1805 et 1812, sur la formation ethnologique de la con-trée de Konitza en Epire. M. Sourlas est d'avis que le nom de Konitza est d'ori-gine slave et cite d'autres toponymies de la même catégorie, comme Depalitza, Osta-nitza, Topolitza etc. Dans la deuxième et la troisième parties l'auteur publie des do-cuments inédits concernant l'histoire poli-tique et ecclésiastique de Konitza sous la domination turque.

Vlachlides, G., Ἐφτάμπ(ου)λες. p. 255-262.

Phourikis, P. A., Νικόπολις-Πρέβε-ζα. p. 263-294. L'auteur, continuant son important travail dont la première partie est publiée dans le tome III (v. notre brève analyse plus haut), s'occupe de l'histoire de la ville moderne de Prevesa qui a été fondée en Epire après la décadence de Ni-copolis et près des ruines de cette dernière. La première mention de cette ville date de l'année 1292. D'après l'opinion de l'auteur, le nom Prevesa vient du mot albanais pre-vëz qui signifie passage. Il mentionne l'é-tymologie donnée récemment par F. I. Uspenskij, d'après laquelle le nom de la ville épirote serait d'origine slave (pere-voz). A la p. 269 il est question de la po-litique du despote d'Epire Nicéphore II qui, pour s'assurer la faveur et l'appui des

Serbes, répudia sa première femme, fille de Jean Cantacuzène, et engagea des pourparlers en vue d'un nouveau mariage avec une princesse serbe. Mais les Albanais du despotat se révoltèrent et Nicéphore fut battu et tué près d'Achéloos. (1358).

Chroniques Epirotes. p. 295–296.

Table des noms propres. p. 297–298.

Tome V (Année 1930). Fascicule 1–2.

Evangelidès, D., 'Η ἀνασκαφή τῆς Ἀδωνῆς. p. 1–6.

Orlandos, A. C., 'Εκ τοῦ Βυζαντινοῦ Κάστρου τῶν Ἰωαννίνων. p. 7–8. Sur les ruines de la muraille de la ville de Janina. M. Orlandos parle particulièrement d'une tour byzantine dont il donne une description détaillée. Une inscription à moitié effacée nous permet de conclure que cette tour fut construite ou restaurée par le seigneur de Janina Thomas Preljubović (1367–1384). Le bref article est accompagné d'une photographie.

Giannopoulos, N., Τὸ χωρίον Βοεβόδα (νῦν Βασιλική), ἰδιοκτησία τῆς κυρᾶς Βασιλικῆς. p. 9–18.

Rembelis, Ch. N., 'Η ἱερὰ μονὴ Ζέρμας. p. 19–29.

Savramis, E. J., 'Ο Βησσαρίων Μακρῆς. p. 30–49.

Zois, L., 'Ηπειρωτικαὶ σελίδες. p. 50–51.

Tziouvas, Con., Συμβολὴ εἰς τὴν ἔρευναν τῶν 'Ηπειρωτικῶν θεσμῶν. p. 52–55.

Bamichas, Th., Κῶδιξ τοῦ ναοῦ τῆς πόλεως Δελβίνου. p. 56–75.

Poullitsas, P., Σύνοψις τοῦ κώδικος τῆς ἐπισκοπῆς Δρυϊνουπόλεως καὶ Ἀργυροκάστρου. p. 76–113.

Dallas, Chr., Προσθῆκαί τινες εἰς τὴν ὑπὸ τοῦ Π. Φουρίκη Συμβολὴν εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Πρεβέζης. p. 113–116.

Phiripidès, N., 'Επίσκεψις τῶν Ἰωαννίνων ὑπὸ τοῦ Πατριάρχου Ἀντιοχείας Σιλβέστρου. p. 117–118.

Kourilas, Eul., Βιβλιογραφία 'Ηπειροῦ καὶ Ἀλβανίας. p. 119–152.

Suite de la Bibliographie signalée plus haut.

Synodinos, P., 'Ο Παλαιῶν Πατρῶν Παρθένιος καὶ ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Σεραφεῖμ Β'. p. 153–160.

Soulis, Chr., Τὰ Κουραδίτικα τῶν Χουλιανοχωρίων τῆς 'Ηπείρου. p. 161–168. Sur la langue conventionnelle des maçons de certains villages d'Epire.

Vlachlidès, G., Γιαννιῶτικα στιχοπλάκια ἡ δίστιχα. p. 169–183.

Nécrologies. p. 184–187.

Chroniques Epirotes. p. 188–191.

'Εκθεσις τῆς Κριτικῆς Ἐπιτροπείας τοῦ Τραντείου γλωσσικοῦ διαγωνισμοῦ. p. 192–195.

Tome V (Année 1930). Fascicule 3.

Amantos, Const., 'Η ἀναγνώρισις ὑπὸ τῶν Μωαμεθανῶν θρησκευτικῶν καὶ πολιτικῶν δικαιωμάτων τῶν Χριστιανῶν καὶ ὁ ὀρισμὸς τοῦ Σινάν-πασᾶ. p. 197–210. A la p. 198 de cette intéressante étude M. Amantos parle incidemment des persécutions imposées aux Chrétiens par le prince bulgare Malamir (831–836). De même à la p. 207 on trouvera quelques indications sur l'expansion des Serbes en Epire durant le règne d'Etienne Doušan.

Phourikis, P. A., Νικόπολις—Πρέβεζα. p. 211–228. La troisième et dernière partie de l'étude de M. Phourikis est consacrée à l'étude des antiquités chrétiennes de Nicopolis et de Preveza.

Balanos, D. S., Οἱ Μπαλᾶνοι διδάσκαλοι τοῦ Ρένου. p. 229–235.

Kourilas, Eul., Βιβλιογραφία 'Ηπειροῦ καὶ Ἀλβανίας. p. 236–252. Suppléments à la Bibliographie signalée plus haut.

Hadjimichalis, A., 'Ηπειρωτικὴ λαϊκὴ τέχνη. p. 253–264.

Papacharissis, A., Τὰ Σώπικα. p. 265–270. Sur la langue conventionnelle en

usage chez les fabricants de barils des villages de l'Épire du Nord. Certains mots son d'origine albanaise, bulgare ou roumaine.

Chroniques Epirotes. p. 271–272.

Table des noms propres. p. 273–275.

D. A. Zakythinos.

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM RECUEIL POUR L'ETUDE
BYZANTSKO- DES RELATIONS
SLOVANSKÝCH VZTAHŮ BYZANTINO-SLAVES

VYDAVÁ
 BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
 SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR
 LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
 DE L'INSTITUT SLAVE

VYCHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚTY

ROČNÍK **III** TOME
SVAZEK 2 VOLUME

VYDÁN DNE 15. I. 1932

P R A H A

VYTIŠKLA STÁTNÍ TISKARNA V PRAZE

1931

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE

PŘI

SLOVANSKÉM ŮSTAVĚ

VÝKONNÝ REDAKTOR

MILOŠ WEINGART

VYCHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚTY

ROČNÍK III.

V PRAZE 1931

V GENERÁLNÍ KOMISI FIRMY »ORBIS«, PRAHA XII

TISKEM STÁTNÍ TISKÁRNY V PRAZE

OBSAH — TABLE DES MATIÈRES:

ČLÁNKY — ARTICLES.

(DR = Deutsches Resumé — RF = Résumé en français.)

	Str. - Page
D. ANASTASIJEVIČ: Болгарія 973-го года	103—109
RF: La Bulgarie de l'an 973	109
M. A. ANDREEVA: Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг. Гл. III	430—460
RF: Livres de mantique byzantins d'une époque postérieure, néo-grecs et slaves	460—461
NIKOLAJ DURNOVO: Ещё о происхождении старославянского языка и письма	68—78
RF: Encore sur les origines de la langue et de l'écriture vieux-slaves	78
FR. DVORNÍK: La carrière universitaire de Constantin le Philosophe	59—67
FR. DVORNÍK: † August Heisenberg (nekrolog)	181—183
G. IL'INSKIJ: Где, когда, кем и с какою целью глаголица была заменена »кириллицей«?	79—88
RF: Où, quand, par qui et dans quel but l'alphabet glagolitique fut-il remplacé par le »cyrillique«?	88
V. M. ISTRIN: Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи	308—331
RF: Histoire Morave des Slaves et histoire des Poliano-Russes, comme sources supposées des Annales russes primaires	331—332
MICHEL LASCARIS: Sceau de Radomir Aaron	404—413
MICHEL LASCARIS: Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine	500—510
KR. MIJATEV: Епиграфические материалы изъ Преслава	383—402
RF: Les matériaux épigraphiques de Preslave	403
V. A. MOŠIN: Начало Руси. Норманы в восточной Европе	33—58
V. A. MOŠIN: — окончание	285—307
RF: Les Normans dans l'Europe orientale et l'origine de la Russie	306—307
JOSEF MYSLIVEC: Liturgické hymny jako náměty ruských ikon	462—497
RF: Les hymnes liturgiques considérés comme sujets d'icones	497—499
Prof. IVAN OHŬENKO: Дві грамоті воеводи валашького Івана Мирчі Великого. Палеографічно-історичний нарис	415—429
RF: Deux chartes du voévode de Valachie Ivan Mirča le Grand	429
N. POPOV: Спорное место в сар. IX. De admin. imp. Константина Багрянородного	92—96
DR: Über eine Stelle Const. Porph. De adm. imp. c. IX	96
M. SPERANSKIJ: Малоизвестное византийское »Видение« и его славянские тексты	110—132
RF: Une »Vision« byzantine peu connue et ses textes vieux-slaves	132
S. P. ŠESTAČOV: К истории греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X-го века	97—101
DR: Zur Geschichte der griechisch-bulgarischen Beziehungen in dem 3. Jahrzehnte des X. Jahrh.	102
KAREL ŠKORPIL: Надписи отъ първото българско царство в черноморската област на балканския полуостровъ (продължение)	1—6
RF: Inscriptions de l'époque du Premier Empire bulgare dans la région de la mer Noire	7—10
KAREL ŠKORPIL i PETR NIKOV — Idem	333—380
RF: suite	342—343

DR: Zwei alt-bulgarische Inschriften über byzantinisch-bulgarische Beziehungen. Von P. Nikov	381—382
KAREL ŠKORPIL: Стратегически постројки въ черноморската област на балканския полуостровъ (продължение)	11—28
RF: Constructions militaires stratégiques dans la région de la mer Noire	28—32
N. van WIJK: Eine Vulgatalesart im slavischen Evangelium (Mat. XVIII, 48)?	89—91
LUDMILA WRATISLAW-MITROVIC et N. OKUNEV: La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe	134—174
ČR: Smrt Panny Marie ve středověkém pravoslavném malířství	174—180

POSUDKY — COMPTE-RENDUS:

R. Aigran: Liturgia. Encyclopédie populaire des connaissances liturgiques. Paris 1931 (JAN FRČEK)	513—515
B. von Arnim: Studien zum altbulgarischen Psalterium. Leipzig 1930 (G. IL'INSKIJ)	228—231
Nic. Cartoian: Cărțile populare în literatura româneă. Vol. I. București 1929 (H. JARNÍK)	232—235
Franz Dölger: Fascimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München 1931 (M. LASCARIS)	511—513
P. Henry: Les églises de la Moldavie du Nord à la fin du XVI ^e siècle. I., II. Paris 1930 (M. ANDREEVA)	244—247
František Hýbl: Dějiny národa bulharského. Díl I. a II. V Praze 1930 (JAROSLAV BIDLO)	202—220
J. Ivanov: Български старини изъ Македония. Sofia 1931 (M. WEINGART)	224—226
Witold Klinger: Doroczne święte ludowe a tradycje grecko-rzymskie. Kraków 1931 (VL. ROZOV)	235—240
H. П. Кондаков: Русская икона. I—III. Прага 1928—1931 (M. ANDREEVA)	521—524
Mélanges Charles Diehl, 2 vol. Paris 1930 (FR. DVORNÍK)	184—197
Др. Лазар Миркович: Старине фрушкогорских манастира. Београд 1931. (M. ANDREEVA)	524—525
Іv. Ohienko: Українська літературна мова XVI. стол. и український Крехівський Апостол. Т. I. II. Varšava 1930 (G. IL'INSKIJ)	231—232
Ouvrages ukrainiens sur l'art byzantin parus pendant la période de 1917 à 1930 (V. SI- ČYNSKYJ)	247—255
Th. Ph. Papaconstantinou: Ἡ Καιστορία. Athènes 1930 (D. A. ZAKYTHINOS)	223—224
Carolian Petranu: Die Kunstdenkmäler der Siebenbürger Rumänen im Lichte der bis- herigen Forschung. 1927; Bisericile de Lemn din Județul Arad. 1927; Monumentele istorice ale Județului Bihor. I. Bisericile de Lemn. 1931 (J. MYSLIVEC)	525—527
Joannes Sajdak: Ioannis Kyriotis Geometrae Hymni in SS. Deiparam. Analecta Byzan- tina I. Poznaniae 1931 (M. ANDREEVA)	515—517
Kr. Sandfeld: Linguistique balcanique. Paris 1930 (M. WEINGART)	224—226
Sborník prací věnovaných A. Heisenbergovi. Byzantinische Zeitschrift XXX (JAN FRČEK)	198—202
A. Селищев: Славянское население в Албании. София 1931 (G. IL'INSKIJ)	519—521
Phil. Schweinfurth: Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag 1930 (N. OKUNEV)	240—244
Статьи по истории византийских и славянских политических идей В. Е. Валь- денберга (M. ANDREEVA)	220—223
A. Vaillant: De autexusio de Méthode d'Olympe. Paris 1930 (G. IL'INSKIJ)	517—519
O. Wulff—M. Alpatov: Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellrau 1925 (J. MYSLIVEC)	527—531

<i>W. R. ZALOZIECKY</i> : Gotische und barocke Holzkirchen in den Karpathenländern. Wien 1926 (J. MYSLIVEC)	531—535
---	---------

ZPRÁVY — BIBLIOGRAPHIE ET CHRONIQUE

<i>Vol. 1.</i>	256—276
--------------------------	---------

podávaj: — par:

M. ANDREEVA, FR. DVORNÍK, G. IL'INSKIJ, M. WEINGART, D. ZAKYTHINOS.

Le IIIe Congrès international des études Byzantines à Athènes 1930 (FR. DVORNÍK) 256—264
 Le 60e anniversaire de M. N. Jorga — Portraits des princes roumains (Jorga) — Époque et caractère de l'établissement des Slaves dans la pén. des Balkans (Jorga) — Revista istorica Română — 60. narozeniny Ferd. Šišice (Zbornik naučnĭh radova. Letopis popa Dukljanina) — V. A. Gorodcovu k 40. jubileju naučnoj dejatelnosti — Trudy V. G. Vasiljevskogo — Les conférences du père de Jerphanion à Prague — Hatzidakis, L'hellénisme en Macédonie — Tzopotou — Sotiriou — Balasčev — Šachmatov i Čiževskij, Platon v drevnej Rusi — Meyer, Fontes historiae religionis slavicae — N. Radojčić, Srpski Abagar — Istorijska hronologija jugoslov. zemalja — Ohienko, Wzory pism cyrylickich — Vaillant, Méthode d'Olympe — Les études byzantines en Pologne (Sajdak) — Molé, Historja sztuki starochrześcijańskiej i wczesnobizantyńskiej — Teniševa, Emal' i inkrustacija — Andreeva, Neobchodimyja razbjasnenija — † E. F. Karskij — Note de la rédaction.

<i>Vol. 2.</i>	536—556
--------------------------	---------

podávaj: — par:

M. ANDREEVA, J. FRČEK, G. IL'INSKIJ, I. OHIENKO, N. OKUNEV, M. WEINGART.

Vystavka vizantijskago iskusstva v Parižě (N. OKUNEV) 536—542
 Najstarejši glagolski spomenik in liturgija sv. Cirila in Metoda (Ušeničnik) — Schidno slov'janska recensija cerkovno-slov'janskoĭ movi — Úvod do čtení právních textů — Kmosko, Das Rätsel des Pseudomethodius — Anastasijevič, La chronologie de la guerre russe — Mošin, Les Khazares et les Byzantins — Bănescu, Ein ethnographisches Problem — Kodifikace východ. kanon. práva — Styky polsko-byzantské v XI. stol. — Grégoire, L'opinion byzantine et la bataille de Kossovo — Radojčić, Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kosovo Polje — Djordjić, Trpni glag. pridev. — Skok, Byzance comme centre d'irradiation — Buslaev, Sočinenija t. III. — Šmurlo, Kurs russkoj istorii — Filov, Starobŭlgarskata cĕrkovna architektura — Muratoff, Trente cinq primitifs russes — Stanojević, Beleški — Novoe izdanie (Vasil'ev) — Documents d'enluminure roumaine (Jorga) — Conférences de H. Grégoire à Prague — † Antoine Martel — † Aleksěj Leonidovič Petrov.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ — EXTRAITS DES PÉRIODIQUES:

<i>Vol. 1.</i>	277—283
--------------------------	---------

Epeirotika chronika (D. A. ZAKYTHINOS).

<i>Vol. 2.</i> Glasnik Skopskog naučnog društva — Seminarium Kondakovianum (J. MYSLIVEC)	557—558
--	---------

BIBLIOGRAFIE:

podávají: — par:

M. ANDREEVA, J. FRČEK, J. MYSLIVEC, M. WEINGART	559—575
Časopisy došlé výměnou	576—577
Errata	578

PŘÍLOHY 21 + 26.

SEZNAM PŘÍSPÍVATELŮ III. ROČNÍKU:

LISTE DES AUTEURS DU IIIe TOME:

Anastasijević, D., Beograd	103—109
Andreeva, M. A., Praha . . . 430—461; 220—223, 244—247, 515—517, 521—524, 524—525 zpr. ¹ , zpr. ² bibl.	
Bidlo, Jaroslav, Praha	202—220
Durnovo, Nikolaj, Moskva	68—79
Dvorník, Fr., Praha	59—67; 181—183, 184—197, 256—264; zpr. ¹ .
Frček, Jan, Brno	198—202, 513—515; zpr. ² , bibl.
Il'inskij, G. N., Moskva . . . 79—88; 228—231, 231—232, 517—519, 519—521; zpr. ¹ , zpr. ²	
Istrin, V. M., Leningrad	308—332
Jarník, Hertvik, Brno	232—235
Lascaris, Michel, Thessalonique	404—413, 500—510, 511—513
Mijatev, Kr., Sofija	383—403
Mošin, V. A., Skoplje	35—58, 285—307
Myslivec, Josef, Praha 462—499; 525—527, 527—531, 531—535, 557—558; bibl.	
Nikov, Petr, Sofija	344—382
Ohienko, Ivan, Warszawa	415—429; zpr. ²
Okunev, Nikolaj, Praha	134—180, 240—244; zpr. ²
Popov, N., Moskva	92—96
Rozov, Vl., Skoplje	235—240
Sičynskij, V., Praha	247—255
Speranskij, M. N., Moskva	110—132
Šestakov, S. P., Moskva	97—102
Škorpil, Karel, Varna	1—10, 11—32, 333—343
van Wijk, N., Leiden	89—91
Weingart, Miloš, Praha	224—226, 226—228; zpr. ¹ , zpr. ² ; bibl.
Wratislaw-Mitrovic, Ludmila, Praha	134—180
Zakythinos, D. A., Paris	277—283; zpr. ¹

НАЧАЛО РУСИ. НОРМАНЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.

V.*

При этом нельзя обойтись без замечания о праве пользоваться топографическими именами для изучения норманской колонизации на Востоке. В последнее время этот метод приобрел широкую популярность в историко-этнологических изысканиях. В данном вопросе не все данные имеют одинаковую ценность. Не вызывают сомнений местные имена, образованные от скандинавских собственных имен (Swenn и т. п.). Относительным доверием пользуются и названия, образованные от термина *варяг*, хотя не все (напр. Warengen в 20-ти килом. от Кёнигсберга — литовского, а не скандинавского происхождения). Но совсем зыбкой становится почва там, где приходится оперировать с терминами, образованными от корня рус или рос. Во первых этот прием кажется очень странным, так как до самого недавнего времени существование на территории восточного славянства топографических названий этого корня выдвигалось (с методологической точки зрения совершенно неосновательно) как доказательство славянского происхождения основателей русского государства. Во вторых — чрезвычайная распространенность этого корня в топографических именах по всему миру не позволяет каждое такое название выводить именно из скандинавского источника (напр. Руссельконда в Индостане или Русинга в восточной части Центральной Африки). Однако при некоторых условиях и названия, образованные от корня *rus* или *ros*, могут пригодиться для заключений о ходе норманской колонизации на Востоке. Лучшим доказательством могут послужить работы: «Рус и Варег в топографических именах Новгородской области» проф. Экблома и «Руса» проф. Платонова — замечательный пример точного исторического синтеза. Так как Норманы на Востоке, а иногда и на Западе (в 839 г. в Ингелгейме), сами себя называли русью или росью, приняв это имя от финнов, то можно предполагать скандинавское происхождение некоторых местных имен этого корня. Достоверным это будет в том случае, если: 1. исторические источники свидетельствуют о поселениях скандинавов в данной области, 2. то-же подтверждают археологические находки, и 3. названия этого корня перемешаны с названиями образованными от терминов «норманы» или «варяги». Но некоторую долю вероятности означенное слово-производство сохраняет и при отсутствии какого нибудь из этих усло-

* Гл. I.—IV. в »Byzantinoslavica« III, 1, стр. 38—58.

вий. Так нельзя требовать обязательного присутствия имен образованных от слов «норманы» или «варяги», так как первым именем скандинавы вообще не называли себя, второе же появилось довольно поздно, когда «русь» уже утвердилась в среде славян. Значит следами более ранней колонизации (VIII—IX в.) могут быть именно названия с корнем «рус» или «рос». ^{78a} А так как такие имена действительно существовали (ими, например, кишит область около Ильменя), то естественно предполагать существование таких же имен и в других местах, куда заходила «русь». Могли они попасть и на Волгу, и в Привислинский край и на Черноморье и м. б., даже з Западную Европу. (Если бы оказалось, что Wara(n)gebi и Weringheseta в Англии, также, как Varenquebec и Varengeville в Северной Франции — не псевдоваряжские имена, как доказывает Экблом, то не было бы большой смелостью производить от скандинавов, например, Ross Priory или Rosneath в Шотландии или Rostrenen и Roscoff в Бретани). На этом основании, стараясь найти возможно большее количество данных для точного определения тех путей, которыми шла норманская колонизация на Восток, я позволяю себе привести и некоторые топографические имена с корнем рус, расположившиеся по водным артериям Восточной Европы, или столпившиеся вблизи ее главных волоков. Не располагая сведениями о времени появления этих имен в исторических источниках, я, конечно, готов к тому, что некоторые из них окажутся более позднего происхождения, и потому привожу их не в качестве сильного аргумента, а лишь как намеки, или, скорее, как вопрос: не могли-ли и эти имена возникнуть в процессе скандинавской колонизации VIII—X веков.

Западные источники сохранили много свидетельств о теснейшем знакомстве норманов с балтийскими славянами. Они выступают вместе против англичан и немцев;⁷⁹ источники иногда называют славян норма-

^{78a} По вопросу о появлении этих двух форм и о их различном территориальном значении в византийских свидетельствах см. A. Vasiliev, *La Russie primitive et Byzance (L'art byzantin chez les Slaves. Premier recueil dédié à la mémoire de Theodor Uspenski, Paris, 1930)*.

⁷⁹ Например: «Erant cum Godefrido (rege Danorum) in expeditione praedicta Sclavi, qui dicitur Wiltzi, qui propter antiquas inimicitias quas cum Abotritis habere solebant, sponte se copiis eius coniunxerant» (Einhard. Annal. ad ann. 808). Sclaomir Abotritorum rex «statim missa trans mare legatione, iunxit amicitiam cum filiis Godefridi, et ut exercitus trans Albim mitteretur impetravit» (ibid. ad ann. 817). Anno 941 «Normani, Suebi, Dani et Slavi collecti, terra marique cunctos vexabant» (Compil. chronol. a temp. Carol. M. ap. Leibnitz script. rer. Brunsw. 11). «Dani quoque Slavos auxilio habentes... magno Saxonum terrore quassabant» (Adam Brem. cap. 46). «Quem rursum pater mixtis Danorum Slavorumque copiis, apud Helgenes littus aggressus...» (Saxo Gram. ed. Haun. X. 490). Английские хроники говорят, что после 836-го года «послал Всемогущий Бог орды жестоких языческих народов: данов и норвежцев, готов и шведов, вендов и фризов (Danos et Norvegenses, Gothos et Swathedos, Wandalos et Freses), которые опустошали около 200 лет грешную Англию от одного берега до другого» (Math. Westm. Bromton Chronic ap. Twysden).

нами;⁸⁰ говорят, что славяне и норманы, перемешанные между собою, образуют население разных областей.⁸¹ Князья балтийских славян носят иногда норманские имена (Sederich = Sigtryggr у ободритов).⁸² Сент-Эврельский монах Ordericus Vitalis утверждает, что в XI-м веке в земле лютичей жило одно племя, поклонявшееся Водану, Тору и Фрейе.⁸³ В области полабских славян против Мекленбурга находятся «датские острова». Славянское поморье называлось «варяжским поморьем».⁸⁴

Современная польская историография в последнее время очень внимательно изследует вопрос о возможном *норманском происхождении польского государства*.⁸⁵ Указывается на археологические остатки, до-

Король Гакон «piratasque Danos et Vendos ubicunque offenderet, interfecit» (Hist. Ol. Fr. f. c. 18), и т. д. (см. Гедеоновъ, Отрывки изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. Зап. Имп. Акад. Наукъ, 1862, II, ч. 2, стр. 158).

⁸⁰ «Advenientibus etiam ibidem (Forchheim) undique nationum legatis Nortmannorum scilicet ab aquilone Sclavonorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit» (Annal. Fuldens. ad ann. 889). Те же анналы под 880-м годом упоминают епископа Marquardus'a, погибшего в бою с «норманами», а Chron. Hildesheim. (Pertz, IX, 651) говорит о нем же: «Marquardus dehinc quintus episcopus successit, qui etiam in Gaudesheim trabes aecclesiae posuit, qui 4 ordinationis suae anno occisus est a Sclavis» (См. Гедеоновъ, ibid. стр. 98—99).

⁸¹ «Vocantur autem usitato more Marcomanni gentes undecunque collectae, quae Marcam incolunt. Sunt autem in terra Slavorum Marcae quamplures, quarum non infima nostra Wagirensis est provincia, habens viros fortes, et exercitatos praeliis tam Danorum, quam Slavorum» (Helmolt, I, cap. 53; cp. cap. 87).

⁸² См. Marquart, Streifzüge, 322 ff; Schneider в издании Адама Бременского (Monum. Germ. Hist. Script., 3. Aufl. 1917, s. 86; Anm. 10).

⁸³ Order. Vital. eccles. hist. IV, 513 in Andr. Dushesn. Normann. Script.

⁸⁴ Ипатьевская летопись (изд. 1871 г., стр. 227) упоминает о Сербах «съ Кашубъ, отъ поморья Варязскаго, от стараго града за Къданскомъ».

О скандинаво-славянских отношениях из новых работ особенно важны кроме указанных выше труды: А. Bugge, En Björko i Sydrusland. (Namn och Bygd, VI, 1918), Löffler, Wiklund, Wadstein, Hjärne, в том же журнале и др. Подробная литература приведена Фасмером в статье «Die Slavische Ortsnamenforschung...» (Zeitschr. für slav. Phil., VI, 1929.) См. также следующее примечание.

⁸⁵ Hölzmann, Böhmen und Polen im X Jahrh. (Zeitschr. d. Ver. für Gesch. Schlesiens, LII, 1—37); Lambert-Schulte, Beiträge zur ältesten Gesch.. Polens (ibid. 38—57); Potkański, Drużyna Mieszka a wikingi z Jomsborga (Spr. Akad. Um. 1906, No VI); Wachowski, Skowianszczyzna zachodnia. Warszawa 1902; его же Jomsborg (Prace Tow. Nauk. Warsz. No 11, 1914); его же Olaf Trygwason na Pomorzu, Sprawozd. z posiedzeń Tow. Nauk. Warszaw. 1916; Zakrzewski, Opis grodów i terytorjów z północnej strony Dunaju, czyli t. zw. Geograf bawarski (Archiwum Naukowe, t. IX, zes. 1) Lwów 1919; его же Mieszko I, Warszawa 1921; его же Bolesław Chrobry Wielki, Lwów, 1925; St. Kozierowski, Pierwotne osiedlenie pojezierza Gopla (Slavia occidentalis II, Poznań 1922); cp. Slavia occid. III—IV. (1925), V. (1926); Badania nazw topograficznych archidiecezyi Gnieźnieńskiej. Poznań 1914; archidiecezyi Poznańskiej, 1916; Na obszarze dawnej zachodniej i środkowej Wielkopolski, 1921—22; Wschodniej Wielkopolski, 1926; Pannenko, Tajemnice początków Polski («Warszawianka» No 292—293, 1926); M. Rudnicki, Lechici i Skandynawi (Nordowie). Slav. occid. V, 1926; Gniew, ziemia Wańska i nordyjski t. zw. Vanamyten (Slav. occid. V, 1926); R. Ekblom, Nordbor och västslaver för tusen år sedan (Fornvännen, XVI); Die Waräger im Weichselgebiet (Arch. für slav. Phil. 39, 1925); Kozłowski, Cment z śladami kultury Wikingów w Lubówku (Przegląd archeol. Poznań, 1921); Fr. Lorentz, Der Name Danzigs (Zeitschr. d. westpr. Geschichtsver. 60, 1920); Geschichte

казывающие пребывание норманов на территории Польши; обращается внимание на роль норманского центра Иомсборга, находившегося при впадении Одера в Балтийское море; анализом лингвистического материала устанавливается норманское происхождение старейших польских родов. Особый интерес возбуждает изучение местных имен, носящих следы происхождения от датчан, готландцев или шведов. Таковы: Дунино у Лигницы, Дунинов, Дунинополь, Дуниново и др.; Гоцаново, Гоца, Гоцково, Гоцлав и др.; Sionowo (= Swianowo от имени Swenn) и др. В Привислинском крае: Warężyn, Waręska Kuznica, Warężin cõrny — места, находящиеся вблизи Кракова, о котором Ибрагим ибн-Якуб (965) говорит, что там живут купцы народа *rūs*, живущего на северо-востоке от славян. Выше упоминалось о давнем знакомстве норманов с нижним течением рек Вислы, Немана и Западной Двины. Не те-же ли «купцы народа рус» принесли сюда имена: Russ — нижнее течение Немана при впадении его в Куришгаф, село Russ на нем; село Rossieny — севернее Немана в Курляндии; село Rosinsko на ручье текущем в озеро Rosch (одно из Мазурских озер), которое шлет воды к реке Нареву; речка Ruz — восточный приток Нарева; Russenau — село на нижней Висле; Rushany — село у истоков реки Славянки, впадающей в Неман; Rosdzin — село на реке Przemsza, близ впадения ея в Вислу; Rossosz — село вблизи Ивангорода к востоку от Вислы; Ruszenice — село на реке Чарне, недалеко от впадения ея в Пилицу; Rusiec — село на ручье текущем в Варту, между ней и речкой Widawka⁸⁶ Не польския ли реки привели варягов-русь к Карпатам, где живет Угорская русь, а, может быть, и далее на запад? Любопытны имена: Orosz Ruszka — село на перевале Strib, вблизи истоков речки Солинки, текущей в Сан; Rava Ruska — село на реке Рате, впадающей в Буг; *Ruskie Uście* — село в Галиции на истоках реки Ропы, притока Вистоки, текущей к Висле; речка Ruszkowa, текущая на западной стороне Карпатского хребта к реке Visso,

der pomoran. Sprache. Berlin, 1925; G. Kosinna. Das Weichselland. Danzig, 1919; G. Bender, Heimat und Volkstum der Familie Koppernigk (Darstellungen und Quellen zur schlesischen Gesch. 27, 1920); R. Starkad, Der germanische Ursprung Polens (Deutsche Blätter in Polen, III, 1926); Germanische Ortsnamen in Polen (ibid.); F. v. Heydebrand-Laza, Peter Wlast und die nordgermanischen Beziehungen der Polen (Zeitschr. d. Verf. f. Gesch. Schlesiens, 61, 1927); M. Vasmer, Die slavische Ortsnamenforschung im Ostdeutschland 1914–1927, (Zeitschr. f. slav. Phil. VI, 1929); Beiträge zur slavischen Altertumskunde (ibid.); Larsen, Iomsborg, dens Beliggenhed og Historie, Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, III ser. t. XVII–XVIII, Kopenhaga 1927–28; Balzer, Uwagi o kształtach państw pierwotnej Słowiańszczyzny zachodniej, odbitka z Księgi Pamiątkowej ku czci Wł. Abrahama, Lwów 1929; ср. прежнее исследование Бальцера, Genealogja Piastów, Lwów 1895 и старые исследования Szajnoch, Lechicki początek Polski, Lwów, 1858 и Brückner, Córka Niedźwiedzia, Przegląd Polski 1898. Последний пересмотр вопроса: J. Widajewicz: Najdawniejszy Piastowski podbój Pomorza, Poznań 1931.

⁸⁶ О местных именах в Польше, произведенных от корня рус см. Słownik Geograf. X, 19–20.

притоку Тиссы; село Ruszpoljána на р. Ruszkova; недалеко от него, на восточной стороне хребта, Russ-Moldawitza на речке Молдавице в Буковине. В центре Трансильванских Альп: село Russ на реке Strigi, притоке реки Мароша; там же — гора Ruszka; речка Ruszka, текущая с истоименной горы к реке Bisztra, притоку Тамиша; села Ruszkicza и Ruskberg — на той-же реке.⁸⁷

Теми же польскими реками могли норманы добраться до Днестра, стремясь на юг к Черному морю и низовьям Дуная. Напомню речку Warężanka, текущую к Бугу, который судоходен как раз до впадения в него этой реки, и местечко Waręż — ближайшее место к реке Серету, притоку Днестра, текущего к Черному морю. Здесь находим речку Rúsaва, впадающую у города Ямполья в Днестр; село Русскую Баниллу в Буковине на речке Czeremosz, в близи его слияния с Прутом; село Roşiesci в Молдавии близ реки Барлада (притока Серета); село Rosieni на речке Недгре, также правом притоке Серета. Было бы чрезвычайно интересно проследить (чего я в настоящих условиях не могу выполнить), какия из нижеприведенных имен на нижнем течении Дуная явились в эпоху русско-балканских отношений XVIII—XIX века, и какия могли существовать ранее: Ruşanesci de jos — село на нижнем течении реки Ольты недалеко от Дуная; село Roşii de Vede на речке Vede, притоке Дуная; Rusetului — вершина на отрогах Трансильванских Альп недалеко от р. Яломицы; Ruşului Valea — село в восточной Валахии вблизи Дуная, между ним и Яломицей; река Русица, текущая с Шипки к Юмрукчулу и Янтре в Болгарии; Русе — Руцук на Дунае; село Rusa Geaferca в северо-западной части Добруджи вблизи Дуная; Slava Rusésca на речке Славе, впадающей в залив Goloviţa у Дунайской дельты; Roşti-Dere ручей текущий к Дунаю; Russukesse — село на р. Хадзилар-Кере, впадающей в Бургасский залив.

О норманской колонизации в литовских землях любопытнейшие данные сохранил современный источник — житие св. Ангария. Там рассказывается, что жители Курляндии (Cori) в течение долгого времени признавали власть шведов (Sueonum), но что в половине IX-го века (подобно новгородским славянам и одновременно с ними!) попытались сбросить эту зависимость. Узнав об этом, датчане (Dani) около 853-го года с большим числом кораблей ворвались в их землю, желая «завладеть их добром и их себе покорить». Regnum vero ipsum quinque habebat civitates.

⁸⁷ Не имея в распоряжении подробных карт, привожу лишь незначительную часть топографических имен, связанных с именем руси. Значительно больше приведено у проф. Филевича, Угорская Русь, Варшава, 1894. Карта угорских названий, связанных с именем руси, приведена у Пича «Die dacischen Slaven» (Sitzungsbericht der Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaft, 1888). Пересчисление литературы см. у Францева «Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси, 1899» (Русский филологический Вѣстникъ, III, 44) и у Грушевскаго «Кіевская Русь» I, стр. 473 и сл.

Однако литовцы храбро оборонялись от датчан и выгнали их, отняв у них много золота, серебра и пленных. Узнав об этом, король Олаф и народ шведский решили выполнить то, что не удалось датчанам, и покорить своих прежних данников. Сначала они напали на город Seeburg на Западной Двине, где находилось 7000 воинов. Шведы ограбили и подожгли его. Отсюда, оставив свои корабли, они поспешили к другому городу куров *Arulia* (Апуле, теперяшний Пильтен на реке Виндаве), в пяти днях пути от Seeburg'a, и осадили его. Пятнадцать тысяч куров мужественно оборонялись в течение 8-ми дней. На девятый день, утомленные непрерывной борьбой, шведы стали роптать, что они в пяти днях пути от своих кораблей. Наконец решили бросить жребий, не помогут ли им боги, но оказалось, что боги не собираются им помогать. Тогда некоторые из шведов, слышавшие поучение епископа Ангария, предложили испытать Христа; бросили жребий, и оказалось, что Христос готов им помочь. Тогда они с бодрым духом пошли на несдававшийся город. Осажденные выслали людей для переговоров, и предложили заключить мир, при условии передачи шведам добычи, захваченной у датчан, уплаты дани, которую платили раньше, и признания их верховной власти над собой. Несмотря на то, что воинственная молодежь предлагала взять добычу силой, разорив город, *rex vero et principes saniori consilio dextras ab eis accipientes foedus inierunt et thesauris innumerabilibus atque obsidibus sibi collatis, cum gaudio ad sua reversi sunt.*⁸⁸ Приведенное свидетельство особенно интересно, так как во первых — дает точную хронологию событий, а во вторых — сообщает ряд важных подробностей. Здесь варяги «в течение долгаго времени» владеют литовцами. Прогнав одних скандинавских господ, литовцы должны бороться с отрядами других норманов. Эти враги приходят в страну речными путями на кораблях, и стараются не удаляться от своей флотилии. Как и на Руси местное население вынуждено в конце концов подчиниться норманам.⁸⁹

Переходя в область прибалтийских финнов и северных славян, находим целый ряд варяжских центров. На Западной Двине, в Полоцке, находилось варяжское княжество Рогволода, где по летописному преданию еще РЮРИК посадил своего мужа. Вероятно норманы обосновались и на Чудском озере во Пскове, откуда Игорь берет себе жену ОЛЬГУ, имя которой (*Helga*) выдает ее норманское происхождение. Невдалеке — в Изборске — летопись помещает Трувора, брата Рюрика. При входе из Балтийского моря в Финский залив, в юго-западном углу Финляндии,

⁸⁸ *Vita Anskarii* auct. Rimberto, cap. 30. Hannoverae 1884.

⁸⁹ Об археологическом материале относящемся к вопросу норманской колонизации в Прибалтике кроме работ указанных в первом отрывке настоящей статьи, см. Труды 2-го с'езда балтийских археологов. (*Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum*, Rigaе, 19.—23. VIII. 1930.)

находятся острова Russarö; в южной части Финляндии — озеро Ruotsalainen; Ruskeala — село на северном берегу Ладожского озера. На южном берегу его стоит норманский город Старая Ладога; южнее — на северном берегу Ильменя — Новгород, а к югу от Ильменя целая область кишит скандинавскими поселениями, разсеянными по всем важным водным путям, идущим от Ильменя: на Шелони (Новая Руса на Мшаге), на Ловати и Полисти (Старая Руса, река Порусья и озеро Русское — исток реки Порусьи), на реке Поле (Новая Руса близ волоков к озеру Селигеру и Стержу, село Русино или Росино у реки Рытой ниже Демянска), на реке Мсте (деревня Руска близ Ям-Брониц, и там же река Русская, приток или рукав реки Por). В новгородской области — Веряжа, Веряжка, Малая Веряжа, Глухо-Веряжа, Варяжский Перекопский монастырь, Веряжский ям, Поверяжье, Заверяжье, Веряжино, Варяжская часть, Веряско, Веряскина, Варег, Вериговщина.⁹⁰

На пути к Волге находим Синеусово государство на Белом озере, в центре финского племени *веси*, через земли которого вел хорошо известный арабам путь от Балтийского моря на Волгу и в Каспийское море. В Поволжье находится речка Руса, впадающая в реку Москву, и село Руса на реке Русе. Возможно, что и в Пермской области, в богатой мехами и металлами Биармии, находились скандинавские поселения.^{90а} У арабских писателей имеются некоторые данные, которые можно применить только к каким-нибудь неизвестным нам «русским» центрам на Каме или средней Волге. Ибн-Хаукаль, например, рассказывает: «Река Итиль (Волга, но не в теперяшнем значении, а реки Белая, Кама и Волга от впадения в нее Камы до Каспия) выходит на восточной стороне, из окрестностей Хирхиза; течет между Каймакией и Гуззией (землей Куманов), затем идет к западу по верхней части Булгара, возвращается назад к востоку и проходит по Русу, затем по Булгару, затем по Буртасу, пока не втекает в Хазарское море».⁹¹

Выше упоминалось о путешествиях норманов на Белое море⁹² и Северной Двиной в Биармию. В связи с этим любопытно упомянуть Varanger-Fjord на северном берегу Финляндии; там же полуостров Varan-

⁹⁰ См. Платонов. Руса (Дела и Дни, I. Петроград, V, 1920, стр. 2); Ekblom, Rus- et Værg dans les noms de lieux du région de Novgorod. Upsala 1915.

^{90а} К сожалению я не смог ознакомиться со статьей проф. Таллгрена «Biarmia», помещенной в VI-м томе *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, Helsinki, 1931, в которой автор на основании скандинавских саг и археологического материала доказывает, якобы под Биармией следует разумеать не Пермь, а лесную территорию Карелии с ориентацией на Ладожское побережье. Содержание этого исследования стало мне известным по отчету в *Seminarium Kondakovianum*, IV.

⁹¹ Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. П. Б. 1871, стр. 218.

⁹² См. Тиандеръ, Поѣздки нормановъ на Бѣлое море (Изв. отд. русск. яз. и слов. 1909, т. XIV, кн. 3).

ger Nord (Varjag Njarga), на нем — село Sydvaranger; Мурман — Норман у Белого моря; Русский заворот — коса ограждающая Печорский залив на Северном Ледовитом океане; село Россинск на нижней Печоре, село Рось-Дин на истоках реки Ишмы, притока Печоры, вблизи волока из Печоры в Вычегду.

Наконец уже на глазах истории создаются норманские княжества в Приднепровьи: Аскольдово в Киеве около 860 г., Турово — на Припяти в X-м веке. В половине же этого столетия происходит попытка «руси» обосновать княжество в городе Бердаа на юге кавказских гор.

Обстоятельства завоевания этого города дают прекрасную картину того, как образовывались варяжские княжества в местах, где уже существовала развитая государственная организация. Осенью 944-го года⁹³ в Каспийское море прорвалось большое войско руссов, с которыми шли воины и других племен: черноморские аланы и лезги, ниже-волжские хазары и бургасы и верхне-волжские славяне и финны (весь). Флотилия нападавших вошла из Каспийского моря в устье реки Куры, поднялась по реке, и остановилась вблизи сильной азербейджанской крепости Бердаа. Овладев городом, русские, по всей видимости, решили прочно обосноваться в нем: с жителями сначала поступали милосердно, пока они сами не напали предательски на русских. Уничтожив население и разграбив его имущество, русские задержались в Бердаа целый год, обороняясь от мусульманских войск. Когда же летом 945-го года среди русских открылась эпидемия, остатки их войска оставили город и вернулись домой. В целом ряде современных источников приводится много любопытных подробностей этого события, весьма напоминающего завоевания норманами областей в Западной Европе. Попытка обосноваться в Бердаа не удалась вследствие отсутствия притока новых дружин с родины в далекие Каспийские края, где прибывшее «русское» войско оказалось недостаточно сильным для борьбы с войсками калифата.⁹⁴

Выше упоминалось о появлении норманов на Черном море в конце VIII-го или в начале IX-го века. Вполне возможно, что в эту же эпоху

⁹³ Восточные источники датируют поход руссов 332-м годом (от 3 IX 943 до 22 VIII 944), или (Бар-Гебреус) — 333-м годом (944—945). Так как путешествие Волгой немислимо зимою, то очевидно руссы могли *прийти в Бердаа не раньше весны 944-го года*, а вероятнее — *осенью этого года и пробыли в Бердаа до осени 945-го года*, т. к. источники свидетельствуют, что руссы удалились после того, как пришло известие о смерти эмира аль-омра Турка Тузуна, умершего в сентябре 945-го года.

⁹⁴ См. *Дорнъ*, О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ (Записки Акад. Наукъ XXVI, кн. 1). О новых данных, найденных у Ибн-Мискавейха см.: *Якубовский*, Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943—944 г. (Визант. Временник, XXIV, 1923—26, Ленинград); *А. Флоровский*, Извѣстія о древней Руси арабскаго писателя Мискавейхи X—XI вв. и его продолжателя (Seminarium Kondakovianum, I. Prague 1928).

возникли на черноморских и азовских берегах те норманские колонии, о которых свидетельствуют топографические имена, означенные на итальянских периплах XIII—XVII веков: *Varaegia* — область на западном берегу Крыма от Тарпанчского до Евпаторийского озера; *Varangolimen* (или *Varangico*) — теперяшнее Евпаторийское озеро; село *Rossofar* в области *Varaegia* к северу от Евпаторийского озера; место *Rossoca* — ниже Евпаторийского озера у озера Камышлы; остров *Rossa* — теперяшняя Тендра; села *Rossi*, *Rosso*, *fiume Rosso* к западу от Азова на правом берегу Дона; *Casar de Rossi* на восточной стороне реки, на берегу моря. Совершенно очевидно, что с одним из этих сел — *Rossi* — при устье Дона необходимо отождествить торговый центр *Русю*, помещаемый в том же месте как восточными, так и византийскими источниками.⁹⁵ Есть много оснований предполагать, что и «Таманская Русь» возникла как норманская колония в первой половине IX-го века, и что к ней относятся показания восточных источников о «русском острове» и о «третьем русском племени — Артсании».

VI.

Наиболее подробные сведения о «русском острове» сообщаются писателем первой половины IX-го века (Муслимом ал-Джарми по мнению МАРКВАРТА), дошедшим до нас в позднейших компиляциях, лучшей из которых является известный труд ИБН-РОСТЕХА (Ибн-Даста). Но кроме этого, главного, источника существовало и несколько других, независимых от него, преданий о русском острове. Не имея возможности в данном случае вдаваться в детальный анализ данных приводимых Ибн-Ростехом, Мукаддеси, Гардизи, Персидским анонимом, ал-Бекри, Ал-Ауфи, Шабангареем, Мирхондом, Бакуви, Димешки и другими авторами,⁹⁶ во многом зависящими друг от друга, но в отдельных местах сообщающими и неизвестные другим данные, заимствованные из неизвестных источников, позволю себе привести здесь лишь краткое резюме этих рассказов. Сравнивая между собою известия этих авторов, можно открыть в них наличие пяти особых традиций о русском острове.

Первый источник (из первой половины IX в.), дошедший в компиляциях Ибн Ростеха, Мукаддеси, Анонима Туманского и др., рассказывал о влажном, нездоровом острове, окруженности в три дня пути, окружен-

⁹⁵ См. Голубинский, История русской церкви, 1-я половина I-го тома; Карты приведены у: *Sprunner*. Historisch-geographisch. Handatlas, Nordische Reiche; Tafel. Constantinus Porphyrog. De provinciis... Tubingae, 1847, p. 39. Все данные собраны А. Шахматовым в статье «Баранголимень и Россофаръ», напечатанной в Историко-литературном сборнике посвященном В. Н. Срезневскому. Ленинград 1924.

⁹⁶ Приведены у Вестберга «Къ анализу восточныхъ источниковъ о Восточной Европѣ», Журн. Мин. Народн. Просв. 1908, III, где указана литература.

ном озером (или морем); о разбойнической колонии руссов, управляемых вождем «хакан-русь»; о их постоянных набегах на славян и о путешествиях в Хазарию и Волжскую Болгарию, где они продавали славянских рабов.

Второй источник, передаваемый ал-Бекри, называет руссов островитянами и обладателями кораблей, путешествующими по Черному, Азовскому и Средиземному морю. Привлекая к толкованию этого свидетельства главный источник ал-Бекри — писателя середины X-го века, Масуди, нужно констатировать, что он называет Черное море Русским морем и свидетельствует о существовании на его берегах значительного «русского» княжества, предпринимавшего известные походы Доном и Волгой в Каспийское море в 913 и в 944-м году.

Третий источник (вероятно из середины IX-го века), сохранившийся у позднейшего писателя Мирхонда, рассказывает, что руссы, прийдя в пределы Хазарии, попросили у кагана разрешения поселиться на его территории. «Хазар ласково принял его посланника и подарил им несколько островов в той области, имевших хороший воздух и чистую землю.»

Четвертый источник — у ал-Ауфи и Шабангарея — рассказывает, что разбойники-руссы, живущие на острове окруженном морем, (остров описывается по первому источнику) около 300-го года (912—913) приняли христианство, но, вынужденные благодаря этому прекратить грабежи, впали в бедность, почему решили перейти в мусульманство, что и произошло при князе, носившем титул *buladmir*. Если согласиться с Вестбергом, что это название является искажением имени Владимира Св., то необходимо предположить, что оно внесено в рассказ позднее — самим ал-Ауфи на основании отдаленных преданий о посольствах Владимира Св. для испытания вер. Сообщение этого источника о принятии русским княжеством христианства перед 912-м годом напрашивается на сопоставление с византийскими известиями о крещении патриархом Фотием руссов, нападавших на Царьград в 860-м году.^{96а}

Наконец пятый источник — у Димешки — сообщает, что на Черном море, т. е. на море руссов, находится семь островов русских разбойников, исповедующих христианскую веру, имеющих благоустроенные города, села, луга и виноградники. Источник Димешки можно датировать началом X-го века, так как следы пользования им можно обнаружить у Ибн-Ростеха, писавшего около 925-го года.⁹⁷

^{96а} Это событие подробно рассмотрено в моей статье, «Питање о првом крштењу Руса» (Богословље, 1930, I-II, Београд).

⁹⁷ У Ибн-Ростеха находится противоречие: в одном месте он утверждает (по ал-Джарми), что руссы не имеют пашень и живут исключительно грабежом, в другом же говорит: «городов у них большое число, и живут они в довольстве». Вероятно, второе известие попало сюда из какого то другого источника, которым пользовался и Димешки.

Связывая эти данные в одно целое, можно восстановить следующую картину «русского острова». Он находится на Черном или Азовском море, низкий, влажный. До появления руси этот остров с соседними мелкими островами принадлежал Хазарии, и был подарен каганом пришедшим норманам. Связь с Хазарией отразилась в заимствованном от тюрков титуле русского конунга — «хакан-русь». В первой половине IX-го века остров представляет разбойническую колонию: отряды руссов нападают на соседние славянские племена, полонят людей и возят их на продажу в Волжские и Каспийские области; хозяйство не развито, землю никто не обрабатывает. Около 900-го года на острове начинает распространяться христианство, но было там и много мусульман, что объясняется частыми сношениями с Востоком. Позднее видим на острове много поселений с развитым хозяйством и благоустроенным бытом.

Вопрос о русском острове занимал многих ученых, при чем большинство интересовалось только данными первого источника (ал-Джарми), не связывая их с другими. Френ считал русский остров Ютландским полуостровом, Шармуа—Скандинавией, Круг искал остров Вабиа, не зная, что это слово означает понятие «нездоровый»; Хвольсон видел в нем Днепровский или Волжский остров, Свистун—Рюген, Расмунсен и Маркварт — остров на Ладожском озере, Вестберг—Новгород, Шахматов—Старую Русу, Платонов — область Русу на югу озера Ильменя. Однако другие исследователи — Гедеонов, Куник, Иловайский, Голубинский, Пархоменко — указывали, что этот «русский остров» должен был находиться на Черном море и видели в нем Крым (Голубинский) или Таманский полуостров, вблизи которого находится «русская река» — Дон и город Русия на устье Дона. Указывалось, что в изучаемую эпоху Таманский полуостров был островом (или группой островов), о чем говорят Константин Порфирородный и Киево-Печерский патерик. Обращалось внимание на соответствие географических условий этого места тем, о которых говорят арабские описания русского острова. Не противоречит этой гипотезе и политическая обстановка на Черноморьи в течение VIII—X веков. В VIII-м веке город Матраха на Таманском полуострове принадлежал Хазарии; в IX—X вв. нет никаких известий о его политической жизни; а в начале XI-го века он вдруг выступает в роли политического центра восточной окраины Киевской Руси. По словам Голубинского «существование княжества Тмутороканского представляет нерешенную загадку, так как нельзя понять, с какой целью русские утвердили свою власть на столь удаленном от них куске земли. Если предположить, что на Таманском полуострове русские нашли колонию своих сородичей, ответ становится ясным».

Вместе с тем получают естественное объяснение многие неясные свидетельства, относящиеся к Черноморской Руси. Если поверить Мир-

хонду, что русь основала княжество на острове, полученном от кагана (не был-ли это отряд того Бравалльского князя, который в конце VIII-го или начале IX-го века опустошил Крымское побережье от Корсуня до Керчи?) — легко заключить, что отсюда, с Таманского полуострова, был произведен набег на Амастриду в первой половине IX-го века, и на Константинополь в 860-м году (как доказывал Голубинский).⁹⁸ Отсюда легко было этой руси нападать на славянские села на севере и путешествовать Доном и Волгой в Каспийское море ради торговли или грабежа. Здесь в 941-м году мог искать помощи Игорь, после поражения у Константинополя бежавший, по словам Льва Диакона, к Босфору Киммерийскому, т. е. к Керченскому проливу. Этого Таманского князя мог иметь в виду договор Игоря с греками 945-го года, обязывавший какого-то русского князя оборонять Крымский полуостров от нападений Черных Болгар. Становится понятным, как под влиянием соседей-хазар явился у русских тюркский титул кагана; как могла среди них распространиться мусульманская вера; почему Черное море получило название «Русского моря», а Дон — имя «Русской реки».⁹⁹

Повидимому эту же Таманскую Русь описывают восточные источники под именем третьего русского племени — Артсании. Эти источники (Эль-Балхи, Джейхани, Ибн-Хаукаль, Истахри, Димешки, Ибн-эль-Варди, Идриси и др.) рассказывают, что руссы делятся на три племени: *Днепровскую Русь* с главным центром Киевом (Куяба), *область Ильменских славян* (Славия) и *область Артсанию*, откуда торговцы возят товар в город *Кербаа*, а за мехами черных соболей и за оловом путешествуют в *Арфу*. Приняв во внимание, что арабские писатели X-го века получали сведения о Восточной Европе через хазар, я предположил, что источником свидетельств о трех русских племенах послужил еврейско-хазарский документ IX-го века, при переводе которого на арабский язык произошли недоразумения, вызвавшие путаницу имен в арабских источниках. Таким путем легко объясняется непонятное имя третьего племени — Артсания, являющееся еврейским выражением «Арцейну», что значит «наша земля», т. е. указывает, что эта русская область находилась на хазарской территории. Странное имя К-рбаа является испорченным К-рк (благодаря смешению еврейских букв каф и бет) и означает город Керчь (Крк, Крх, Крц, Крш, Крз, русский Корчев, византийский Κορίτζος). Арфа может читаться и как Рафа и означает Скандинавский полуостров, куда Таманская русь ездила за товаром.¹⁰⁰

⁹⁸ Гипотезу Голубинского я старался подкрепить и развить в статье «Питање о првом крштењу Руса» (Богословье, 1930, I—II).

⁹⁹ Подобнее этот вопрос разобран мною в статье «Ruski otok» (Jugoslavenska Njiva, 1925, knj. II, Zagreb).

¹⁰⁰ Об этом моя статья «Treće ruskó plemé» (Slavia, Ročník V, 1927). Мне представляется совершенно неправильным ставить это известие в какую-нибудь связь с разделением

VII.

Условия возникновения разных варяжских центров в Восточной Европе, конечно, не были одинаковы. В областях, где существовала развитая государственная жизнь, появление норманских княжеств, вероятно, походило на подобные события в Западной Европе. Иногда оно не выдерживало борьбы с государством, на территории которого оседали норманы (так было например в Бердаа на территории арабского калифата); иногда новое княжество добивалось признания от прежнего государства, становясь по отношению к нему в вассальные отношения, как это было в северной Франции (не так ли произошло появление Таманского княжества на хазарском острове?). На окраине Хазарии — в Киеве — русь является в качестве наемной дружины, предлагающей услуги для освобождения города от хазарской зависимости, и каким-то образом захватившей власть в свои руки.¹⁰¹ Новгородские славяне и финны, по словам летописи, сами призвали норманскую дружину для организации государственного управления и обороны страны от внешних врагов.

Известно, как много толкований вызвал летописный разказ о «начале Руси». Многие исследователи сомневались в точности хронологии, отрицали с психологической точки зрения возможность призвания славянами иностранных князей, считали летописную легенду занесенной в Россию басней; некоторые, признавая верным ядро сказания, опровергали его отдельные детали.

Трудно сказать, насколько точна приведенная в летописи дата призвания варягов. Легко увидеть, что и самому летописцу не была ясна хронология этого события. Под 859-м годом он рассказывает о дани, собираемой варягами от северных племен Восточной Европы, но не указывает, когда эта зависимость возникла. После пропуска двух лет следует целый ряд событий, приуроченных к 862-му году: изгнание варягов, образование в Новгороде самостоятельного правительства, междоусобия, призвание руси, прибытие трех братьев — Рюрика, Синеуса

восточного славянства на языковые группы. Во первых — арабы говорят здесь о разделении на три племени руси, которую они в X-м веке различают от славян. Во вторых — вопрос о том, существовали ли уже в IX—X вв. отдельные, ясно обозначенные, наречия среди восточных славян, никак нельзя считать окончательно решенным. В третьих, если эти различия и существовали, весьма сомнительно, чтобы языковеды того времени обратили на них внимание, тем более, что арабские писатели этого времени весьма слабо разбирались даже в подразделении славянства на народы.

¹⁰¹ Ср. разказ Иоакимовской летописи о том, что Поляне, утесняемые Козарами, сами послали «къ Рюрику преднии мужи просити да послетъ къ нимъ сына или ина князя княжити, онъ же вѣде имъ Оскольда и вои съ нимъ отпусти» (*Татищевъ*, История стр. 35.)

и Трувора, смерть двух последних князей (при чем летописец примечает, что они умерли двумя годами позднее), отплытие Аскольда и Дира к Киеву. Весь этот разказ заканчивается таким образом: «Рюрику же княжащу въ Новгородѣ въ лѣто 6371, 6372, 6373, 6374 иде Аскольдъ и Диръ на греки». Видно, что здѣсь года вставлены в середину фразы позднее, и при том совсем неестественно, отделив главное предложение от придаточнаго.¹⁰² В данное время можно считать доказанным, что в древнейшем летописном своде, послужившем основанием для «Повѣсти временныхъ лѣтъ», вообще не было никакой хронологии, а составитель «повѣсти» вставил года позднее, вычислив их на основании известных ему по другим источникам точных данных (хронологии византийских источников, дат, означенных в договорах и т. д.).¹⁰³ Таким образом сообщаемая летописью дата образования русского государства в Новгороде имеет лишь приблизительное значение.

Возбуждает сомнения и содержание разказа. Многократно указывалось на то, что русская легенда об основании государства братьями является так называемой бродячей легендой, сохранившейся в разных вариациях у многих народов, где германский элемент участвовал в создании государства. Особенно часто встречается сказочное число 3. Иордан например рассказывает, что готы на трех кораблях отплыли из Скандинавии в Вислинский край. По Гильдасу (ок. 560) саксы на трех кораблях под предводительством двух братьев пришли в Британию. По словам Беды три народа — саксы, англ и юты — поселились в Англии. Англо-саксонская летопись говорит, что норвежцы прибыли в Англию на трех кораблях. Лев Остийский из Монте-Кассино рассказывает, что в Салерно пришли сначала три брата нормана, а после — девять. Швейцарию норманы заняли тремя отрядами с тремя предводителями. В Финляндию норманы также явились на трех кораблях с тремя братьями-начальниками Helsing, Sibbe i Borg. Указывалось и на то, что самая формула призвания, записанная в летописи, является бродячим литературным мотивом: Видукинд приводит англо-саксонскую традицию о призвании бритами саксов, при чем формула призвания является идентичной с выражением русской летописи «земля наша велика и обильна . . . , приидите княжить и володѣть нами» — «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditione parere*». Тоже повторяется в разказе о призвании городом Салерно норманов после освобождения от сарацин с указанием на богатство земли и с принесением

¹⁰² Ключевскій, Курсъ русской исторіи. Москва 1911, ч. I, стр. 89—90.

¹⁰³ См. А. Шахматовъ, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. СПб. 1908. О хронологическихъ несообразностяхъ в разказе о призваніи см. также Thomsen, Ursprung d. russ. Staates и Малининъ, Разборъ лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1891, I, стр. 10 и сл.)

даров.¹⁰⁴ Подвергались сомнению и имена призванных князей: в имени «Синеус» видели непонятое летописцем скандинавское выражение «син хьюз» — «со своим домом», а в имени Трувор — «tru varing» — «верная дружина»; из этого заключали, что летописная традиция возникла на основании скандинавского источника, рассказывавшего о путешествии в Россию «Рюрика со своим домом и верной дружиной» — «sin hous trēj wogu». Некоторые пытались считать весь рассказ о «начале руси» простой народной сказкой, указывая на ряд непоследовательностей и противоречий в нем. Варяги призываются по сказочному «из за моря» — «за тридевять земель», без указания их местожительства. Удивлялись, как могла у призывавших славянских и финских племен явиться общая потребность одинакового внутреннего строя. Обращалось внимание на непоследовательность в рассказе о призвании: призывают варягов Словени, Кривичи и Чудь, а прибывшие князья размещаются у Словен, Кривичей и Веси. Указывалось на психологическую невероятность факта призвания, якобы не имеющего аналогий во всемирной истории; удивлялись призыванию только что выгнанных насильников. Наконец обращалось внимание на то, что в разных редакциях отрывка о призвании князей нет однообразия: в одних списках славянские и финские племена просят князей у *варягов-руси*, в других — русь оказывается между племенами призывавшими князей от варягов. Все эти недоумения привели исследователей к заключению, что или первоначальный текст отрывка о призвании искажен до невозможности его восстановления, или что он является позднейшей реконструкцией, возникшей путем комбинирования разных легенд, существовавших об этом событии. При этом были попытки считать рассказ тенденциозной реконструкцией для выведения киевской власти из Новгорода (Грушевский, Багалей); предполагалось в составе легенды наличие родословно-династических расчетов в смысле производства русского рода от варягов (Иловайский); высказывалось предположение видеть в рассказе отражение позднейшей новгородской практики призвания князей (Иловайский, Багалей). Наконец Шахматов из сопоставления разных вариантов рассказа заключает о существовании двух традиций о начале Руси: новгородской и киевской. Несогласованность в «Повѣсти временныхъ лѣтъ» получилась именно как результат соединения киевского и новгородского сказаний.^{104a}

¹⁰⁴ См. Куникъ, Каспій (Зап. Акад. Наукъ, XXVI, стр. 393—397); *Тюндеръ*, Датско русскія изслѣдованія, III.

^{104a} Настоящий очерк изучения летописной традиции о призвании варягов составлен по исчерпывающему обзору вопроса в лекциях по др.-русской истории проф. А. В. Флоровскаго, любезно предоставившаго мне их для прочтения в рукописи. Пользуюсь случаем в данном месте выразить проф. А. В. Флоровскому глубокую признательность как за эту любезность, так и за помощь сказанную мне рядом ценных указаний и библиографических справок.

С другой стороны было не мало попыток защищать не только верность основного факта основания новгородского русского государства варягами, но и вероятность отдельных подробностей, сообщаемых летописью об этом событии, до утверждения точности хронологической даты (М. Погодин). Приводились аналогии факта призвания славянами иноземных государей.¹⁰⁵ Указывалось, что в Восточной Европе норманы были постоянными гостями, и что отдельные города могли приглашать к себе на службу варяжские дружины и для междоусобной борьбы (по Шахматову), и для охраны земли, торговых путей и интересов (как думает Любавский). По толкованию КЛЮЧЕВСКОГО летописная легенда передает следующий факт: «около середины IX-го века дружина балтийских варягов проникла по Финскому заливу и Волхову к Ильменю и начала собирать дань от северных славянских и финских племен. Местное население, собравшись с силами, выгнало пришельцев, и для охраны от их будущих нападений наняло отряд других варягов, которых называло русью. Укрепившись в земле, которую они охраняли, построив себе «городов» — укрепленных пунктов, наемные сторожа стали вести себя как завоеватели.»¹⁰⁶

Но, конечно, не это появление варяжской дружины в Новгороде было «началом Русского государства». До тех пор, пока новгородские варяги владели лишь областью ильменских славян, это «государство» имело в жизни Восточной Европы не большее значение, чем Полоцкое, Изборское, Белоозерское или Туровское княжества. Лишь, когда завоеванием Смоленска и Киева «русь» захватила в свои руки весь путь по Волхову и Днепру от Балтийского до Черного моря и, оттеснив хазар от Днепра к востоку, открыла «путь из Варягъ въ Греки», она сделалась важнейшим фактором в политической, экономической и культурной жизни всех славянских племен, рассеянных в бассейнах упомянутых рек. Значение этого факта продвижения варягов в бассейн Днепра отлично понимал и составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ», рассказывающей «откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть». Эта, первая часть Начальной летописи повествует о событиях от сотворения мира до завоевания Киева Олегом в 882-м году, и заканчивается словами: «бѣша у него Варязи и Словѣни и прочии, прозвашася Русью».¹⁰⁷

¹⁰⁵ Известен рассказ Фредегара о франкском торговце Само, сделавшемся королем чехов. Прокопий упоминает, что в VI-м веке славяне однажды просили к себе государем византийского принца (Bell. Goth. 2, стр. 288—296).

¹⁰⁶ Курсь русской истории I, 168—169.

¹⁰⁷ См. Ключевский, Курсь русск. истории I, 88—98.

VIII.

Как происходило это об'единение России варягами в IX-м и X-м веке? Этот вопрос, по моему, нужно считать самым темным и наиболее интересным вопросом русских «origines». На глазах летописи происходит распространение руси по пути из варяг в греки, и отсюда на восток и на запад. Но и об этих событиях говорится очень глухо. Как пример — можно привести подчинение Киеву Тмуторокани. В первый раз летопись упоминает об этом городе под 988-м годом, в рассказе о размещении князем Владимиром сыновей по городам, при чем в Тмуторокани был помещен Мстислав. Когда этот город попал под власть Киева — неизвестно. Во всяком случае в середине X-го века Тмуторокань еще не подчинялась Киеву — Константин Порфирородный говорит о ней, как о самостоятельной области. Но отношения между Киевом и Тмутороканью существовали и ранее: Игорь после поражения у Константинополя бежит к Киммерийскому Босфору; в договоре 945-го года он обязывается содействовать, чтобы русский князь этой области не пропускал в Крым заазовских кочевников.¹⁰⁸ Следовательно, подчинение Тмуторокани Киеву произошло или в правление Святослава (в связи с его восточными походами) или во время Корсунского похода Владимира Св.. Таким образом, несмотря на туманность летописных известий, в них можно угадывать кое-какие данные о процессе распространения Киевской Руси в X-м веке; можно наметить главные направления этого движения, обозначить его главные хронологические вехи. Можно установить те условия, которые подготовили и облегчили об'единение восточно-европейских славян вокруг матери русских городов. Этими условиями считают: 1. тяготение городских волостей к единству для торговых выгод, 2. предшествовавшую власть Хазарии, 3. стремление к созданию твердой княжеской власти, которая бы обороняла незащищенную южную границу от кочевников и 4. предварительное знакомство восточных славян со скандинавами.

Между тем трудно предполагать, что продвижение руси по Днепру с севера и свержение в Киеве хазарской власти было выполнено одной или двумя варяжскими дружинами. Необходимо предположить, что ранее этого на севере России уже существовала значительная норманская государственная организация, имевшая возможность держать в руках управление огромной областью от Чудского озера до Ростова, и при переходе на юг не потерять власти на севере. Мне кажется, что единственно возможным решением этой проблемы будет предположение,

¹⁰⁸ См. *Знойко*, О походах Святослава на Востокъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, XII, стр. 280—282); *Мошинъ*, Еще о новооткрытомъ хазарскомъ документѣ (Сборникъ Русск. Археолог. Общ-ва въ Королевствѣ С. Х. С. Београд 1927, стр. 56—58).

что объединение славянских и финских племен на севере России началось ранее середины IX-го века. Не могу согласиться с проф. П. Смирновым, утверждающим, что уже в VI-м веке стало образовываться, а в VIII-м веке существовало между средней Волгой и Окой большое скандинавское государство, якобы уничтоженное в 30-х годах IX-го века уграми.¹⁰⁹ Упоминание сирийской компиляцией церковной истории Захарии Ритора среди северно-кавказских племен после 13-ти гунских народов, легендарных аммазартов, собакоголовых людей и амазонок, о людях Нгос, живущих без оружия и лошадей,¹¹⁰ не дает права видеть в них норманскую русь, а тем менее помещать ее между Окой и Волгой. Свидетельства о руси Иосипона, Мирхонда ничего не говорят о VIII-м веке и не указывают на Среднюю Волгу. Предположение о распадении этого скандинавского каганата в 30-х годах IX-го века под давлением угров на «три карликовых державы» совершенно неубедительно: если бы это государство и существовало, угры его уничтожить не могли, так как в Среднее Поволжье они не заходили. Но самая мысль о существовании скандинавской государственной организации на севере России до половины IX-го века не только вероятна, но, по моему, неоспорима.

Мне это представляется в следующем виде. Первые фактории норманов в северной России могли образоваться и в VIII-м веке, но вряд ли ранее, ибо лишь в это время арабская торговля вызвала сильное стремление скандинавов на Восток. В первой половине IX-го века Ибн-Хордадбех свидетельствует о существовании «русских» поселений в славянских землях: по его словам руссы живут среди славян, «они из отдаленнейших краев славянских» путешествуют к Черному и Каспийскому морю.¹¹¹ В VIII-м веке нет никаких оснований предполагать существование объединения этих разбросанных варяжских центров. В начале же IX-го века образование новой торговой магистрали, ведущей с севера к Черному морю, сделало Ладожско-Ильменскую область узловым пунктом, откуда расходились пути к Каспию и Черноморью, что должно было повлечь создание значительных торговых центров (м. б. Ладога?) и объединение области. Этот момент совпадает хронологически с началом образования скандинавских государств на Скандинавском и Ютландском полуострове и с началом стихийного потока норманской колонизации, расходившагося по всем направлениям, и вызвавшего образование большого числа норманских княжеств и государств в Западной Европе.^{111a} Тоже явление — объединение скандинавскими князьями боль-

¹⁰⁹ П. Смирнов, Волзький шлях і стародавні Руси. У Київі, 1928.

¹¹⁰ Land. Anecd. Syr. III. 337, 22–23.

¹¹¹ Вестбергъ, Къ анализу вост. источниковъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 370).

^{111a} См. K. Th. Strasser, Wikinger und Normannen, Hamburg–Berlin–Leipzig, 1928; Nordenstreng, Die Züge der Wikinger, 1925.

ших территорий происходило и в Восточной Европе. У Снорри лагман Торгни напоминает на вече королю Олафу, что его прадед Эрик, сын Эймунда, современник отца Гаральда Прекрасноволосого, в половине IX-го века владел Финляндией, Карелией, Эстляндией и Курляндией.¹¹² Житие св. Ансгария также рассказывает, что население обширной области Курляндии (Cōri) до половины IX-го века было под властью шведов.¹¹³ Повидимому тоже происходило и у нас. Летопись начинает повествование тем, что в половине IX-го века варяги уже владели севером России, как хазары югом. Вполне возможно, что в это время главным центром северной Руси была Ладога, откуда могли норманы собирать дань с племен подчиненной области, среди которой была рассеяна целая сеть скандинавских факторий. Границы этого «до-Рюрикова» скандинавского государства, по моему мнению, предположительно определяются приведенными выше данными топографической номенклатуры и археологии, и совпадают со свидетельством летописи о подчинении варягам Чуди на северо-востоке, Мери — на юго-востоке, новгородских славян — в центре и Кривичей — на западе. Думаю, что не было бы большим риском предположить, что эта данническая территория руси в первой половине IX-го века могла простирается и далее на запад — к Неману и Висле, куда ведут топографические имена с корнем «рус». Организацию этой «державы» нельзя предполагать иной, чем была организация Киевской Руси при Олеге и Игоре: наличие княжеского двора с дружиной в центральном городе и периодическое собирание дани — «полюдье» — с подчиненных племен. Возможно предположить и признание этими русскими норманами верховной власти какого-нибудь скандинавского государя, например, в середине IX-го века датского короля Эрика, по свидетельству саги владевшего Финляндией, Карелией, Эстляндией, Курляндией и другими землями, или шведского государя города Бирки, короля Бьорна, или, выгнанного им, и впоследствии вернувшегося в Бирку, шведского короля Онунда, или, наконец, короля Рорика, владевшего южной частью Ютландии после 854-го года.¹¹⁴

¹¹² Olafssaga helga, cap. 81.

¹¹³ Vita Anscarii, cap. 30.

¹¹⁴ В связи с этим нужно упомянуть попытку Н. Т. Беляева воскресить гипотезу Крузе о тождестве обосновавшегося на Руси Рюрика с современным ему викингом Рориком, получившим от западного императора в лено Фрисландию, а после 854-го года владевшего Южной Ютландией. Хотя существует не мало возражений против такого отождествления (при таком допущении Рюрик должен был умереть почти 80-ти летним стариком, — весьма сомнительно, чтобы он мог оставить наследника Игоря младенцем, о чем свидетельствует летопись; странно, что Игорь не интересовался западно-европейскими владениями отца; возражения см. у М. Погодина «Исследования...» II и у Куника «Remarques critiques...» в Bull. acad. Imp. Scient. VII, Spb. 1850), однако ничего особенно невероятного в этом предположении нет. Но, конечно, если даже оба Рорика были одним лицом, из этого нельзя делать никаких заключений о существовании какой-то огромной государ-

В этих условиях для изгнания варягов «за море», о котором рассказывается в летописи под 862-м годом, совершенно не нужно было возстание всех, подчиненных варягам, племен. Достаточен был бунт области, лежащей вокруг главного варяжского центра, чтобы прекратилось соби- рание дани со всех других подвластных земель. В высшей степени, по- этому интересно то обстоятельство, что освобождение Курляндии от власти шведов хронологически совпадает с изгнанием варягов ильмен- скими славянами.

По словам летописи, после изгнания варягов вся совокупность пла- тивших им дань племен распалась: «начаша сами въ собѣ володѣти». Вполне естественно возникновение вслед за этим тех тяжелых условий, о которых говорит летопись: нападения норманских шаек (вроде дат- ских и шведских походов по житию св. Ансгария); экономическая за- труднения в связи с образованием независимых племенных территорий, разсекших великие торговые пути Восточной Европы; междоусобные столкновения местных миров, не сумевших приспособить древнюю общинную организацию для создания государственного устройства на обширном пространстве, устройства необходимого для обороны земли от варягов; разочарование в своих силах и способностях — все это могло вызвать желание о восстановлении прежней широкой хозяй- ственно-политической организации, не вмешивавшейся во внутренний быт самоуправлявшихся общин. Нечто подобное призванию руси нов- городскими славянами видим в X-м веке в Южной России: древляне убив русского князя Игоря, стараются примириться с его наследниками и «призывают» Ольгу. Очень соблазнительно было бы предположить, что Бирка на Меларском озере, игравшая важнейшую роль в жизни Новгорода,¹¹⁵ была тем местом, куда обратились ильменские славяне в поисках князя, но не-вероятно, что предводителем вернувшейся «руси» мог оказаться и упомянутый Рорик, вероятно не удовлетворив- шийся уступленной ему незадолго перед тем южной частью Ютландии.

Вернувшись в Ильменскую область и опираясь теперь на симпатии местного населения, эта, ранее жившая в Восточной Европе, «русь» могла легко распространить свою власть по всему знакомому ей про- странству северной России: среди кривичей, веси, мери и муромы, кото- рыми «всѣми обладаше Рюрикъ». Утвердившись в Новгороде, он шлет своих «мужей» с дружинами в Полоцк, Ростов, Бело-озеро, где они

ственной организации, охватывавшей чуть не всю северную Европу от Рейна до земель Чуди и Мери, а еще менее о какой-нибудь роли фризов в создании Русского государства. Не говоря уже о несостоятельности лингвистических аргументов (имя русь от Frêsa), эта теория висит в воздухе и с точки зрения исторических фактов: ведь и сам Рорик владел Фризией лишь наездами.

¹¹⁵ См. Бѣляевъ, Рорикъ Ютландский... стр. 234 и сл.

«рубят города» и укрепляются. Одна из таких дружин — Аскольда и Дира — прорвалась на юг на территорию Хазарии, и овладев Киевом, создала новые условия в Приднепровьи, следствием чего явилось открытие пути из варяг в греки и объединение в одну государственную организацию живших в его бассейне племен.

Однако мне кажется, что с образованием Киевского русского княжества, северная Русь, представлявшая совокупность объединенных норманами финских, литовских и славянских племен, не сразу потеряла свое особое положение в Восточной Европе. КОНСТАНТИН Порфирородный противопоставляет Киевской Руси Игоря «внешнюю русь» — новгородскую, находившуюся в особом управлении СВЯТОСЛАВА.¹¹⁶ Известна борьба новгородских князей с киевскими в X—XI веке. О том же свидетельствует и приведенная выше хазарская традиция конца IX-го века, сохранившаяся у восточных писателей, о разделении Руси на три русских племени. Первое племя — Киевская Русь с центром в Киеве. Второе «Славия», по моему, означает всю северную Русь, объединенную вокруг области ильменских славян, «внешнюю русь» Порфирогенита, обозначенную топографическими именами от корня рус и скандинавскими остатками. Третья Русь, которую хазары зовут «арцейну» — «наша земля», обнимала, как мне кажется, варяжские колонии, возникшие на северном берегу Черного моря на территории хазарской державы. Закончился этот первый период «собираения Руси», повидимому, лишь в конце X-го века. Объединение Владимиром Св. всех русских областей и проникновение в жизнь Восточной Европы, пришедших из Византии вместе с христианством, новых понятий о государстве и о княжеской власти позволяют считать «началом Русского государства» именно время правления св. Владимира, а за предшествующей эпохой сохранить созданное М. Погодиным название «норманского периода русской истории».

Таким представляется мне «начало Руси» на фоне общего процесса широкой норманской колонизации. История возникновения отдельных норманских центров в Восточной Европе, отношение их к окружающему местному населению, междоусобные отношения рассеянных варяжских колоний и объединение их вместе с окружающими областями в обширную государственную территорию — представляют широкое поле исследований, догадкам и конструкциям. Но во всяком случае мне представляется несомненным то положение, которое выставляет проф. ПАРХОМЕНКО, определяя настоящие задачи науки русских древностей: «нужно пытаться искать разгадок древней Руси не только в судьбах городов Киева и Новгорода, и не только в истории так называемого

¹¹⁶ De adm. imp., cap. 9 («ἀπό τῆς ἑξῶς Ῥωσίας...»).

Рюрикова дома. До-киевская и вне-киевская Русь IX—XI в. — вот, думается, главная тема для новых изысканий по древне-русской истории.»¹¹⁷

*

Р. С. Прошу исправить в первой части настоящей статьи (в I книге III-го тома «Byzantinoslavica») вкравшуюся по недосмотру ошибку. На стр. 36-й 7—8 строки следует читать: «Венецианский хронист X-го века Иоанн Диакон со слов современника, сообщавшего о случившейся в его время осаде Константинополя русью (в 860-м году), говорит . . . » и т. д., а в относящейся к этому известию ссылке 12 прибавить: Monum. Germ. Hist. Script., VII, 18.

LES NORMANS DANS L'EUROPE ORIENTALE ET L'ORIGINE DE LA RUSSIE.

- (Résumé.)

La tradition historique, le nom de Russie, les témoignages des contemporains, qui nomment les anciens Russes — Normands, l'analyse linguistique des noms propres chez les anciens Russes, les sources orientales, qui distinguent les Russes des Slaves, les données archéologiques, la nomenclature topographique et les traces de l'influence normande sur la culture russe — tout cela prouve incontestablement, que les Scandinaves ont joué un grand rôle dans la formation de l'État russe. Les relations des Scandinaves avec l'Europe Orientale, datant d'une époque encore préhistorique avaient été très animées pendant la domination des Goths; elles s'affaiblirent pendant l'époque des migrations ethniques du IVe—VIIe siècles et devinrent de nouveau très intensives au VIIIe—IXe siècles, grâce aux nouvelles conditions économiques créées par le commerce de l'Europe Orientale avec le Califat.

Le lac de Ladoga et la Duna conduirent les Scandinaves au Volga, le long duquel ils continuèrent leur chemin vers la Mer Caspienne, où Itil, capitale des Khazares, qui occupe en ce temps-là une place des plus importantes dans le commerce de l'Eurasie. Les Scandinaves y entrèrent en relation avec les marchands byzantins, et c'est, certainement, de là, qu'à la fin du VIIIe, ou bien, au commencement du IXe siècle, pour la première fois ils se mirent en route par la Volga et le Don vers la Mer Noire. Dès ce temps, commencent les relations directes des Scandinaves avec les régions de la Mer Noire où, jusqu'à la moitié du IXe siècle, ils ne parvenaient que du Nord par la Vistule ou la Duna et le Dniestr.

¹¹⁷ Пархоменко, Из древнейшей истории славянства. (Изв. отд. рус. яз. и слов. 1920 (XXIV), стр. 477.)

En même temps, la colonisation normande se répandait largement dans toute l'Europe Orientale, formant des villes-forteresses aux bords de tous les fleuves. Les vagues rapports des sources, les matériaux archéologiques et les noms de lieux permettent de fixer plusieurs centres normands dans les régions finnoises, lithuaniennes et slaves. L'une des plus importantes principautés varègues au IXe siècle était la Russie de Tmutorokan, située aux bords de la Mer Noire. C'est à Tmutorokan que se rapportent les données des sources orientales qui parlent de « l'île russe » et de « la troisième tribu russe — Art-sania », ainsi que les témoignages des Byzantins, mentionnant les Russes du IXe siècle.

À la première moitié du IXe siècle, dans la région d'Ilmen (peut être à cause de la formation de la nouvelle voie commerciale, qui conduisait du Nord vers la Mer Noire, et qui dans cette région croisait le chemin allant vers la Mer Caspienne), commence la fusion des centres varègues, entourés de leurs régions tributaires, dans une grande principauté, qui, peut être, dépendait d'un des souverains scandinaves. Malgré les révoltes des tribus subjuguées, qui l'interrompaient, ce procès se termina par la fondation de la principauté de Rurik à Novgorod, environ 860.

Au commencement de la deuxième moitié du IXe siècle, les troupes de la Russie septentrionale envahirent les régions du Dniepr, poussèrent les Khazars vers l'Orient et, après s'être établies à Kiev, commencèrent d'organiser les tribus voisines en une nouvelle unité politique. Plus tard, cette Russie méridionale rependit son pouvoir sur la Russie septentrionale de Novgorod et celle de sud-est de Tmutorokan. L'union politique de toutes les régions russe n'a lieu, probablement qu'à la fin du Xe siècle sous Vladimir le Saint. Les nouvelles idées de l'État et du pouvoir souverain, que pénétrèrent en Russie de Byzance avec le christianisme, permettent de fixer « les origines de l'État russe » au règne de Vladimir, tandis qu'on pourrait conserver pour l'époque précédente la dénomination de « période normande de l'histoire russe ».

V. M. ISTRIN (Leningrad):

МОРАВСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН И ИСТОРИЯ ПОЛЯНО-РУСИ, КАК ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ.

По поводу Исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет», как источник для истории начального периода русской письменности и культуры», вып. I, Лерд. 1930.

В в е д е н и е.

Русская «Летопись» представляет собой благодатное поле для исследователей: она никогда не может быть до конца исследована. Уже более полутора столетия идет ее изучение и исследование, и все-таки ее происхождение и история остаются до сих пор загадочными. Крупные ученые прилагали свои силы и знания к разработке Летописи, как в ее целом, так и в отдельных ее частях, одна теория сменялась другой, наблюдались возвращения к старым, уже, казалось, отжившим мнениям, появлялись отдельные монографии, но — с каждым разом задача лишь все более и более усложнялась, и постоянно возникали новые вопросы, требовавшие нового предварительного решения. Не даром, рядом с историей «Летописи», идет и история ее изучения.

В этой истории крупнейшее место занимают работы А. А. ШАХМАТОВА. Его работы поставили изучение Летописи на новый путь и дали нам своеобразную картину ее происхождения и истории.

К десятилетию смерти А. А. Шахматова появилось начало новой работы над Летописью, первый выпуск монографии Н. К. НИКОЛЬСКОГО, посвященный «Повести временных лет». Автор смело и решительно ставит новую проблему в изучении древнейшего летописания и предлагает выводы, не вполне совпадающие, — точнее, совсем не совпадающие, — по его же словам, «ни с общепринятою точкой зрения на древнейшую культурную струю, проникшую в русскую землю, будто бы, из Византии и Болгарии, ни с результатами текстуальных изысканий о летописных сводах древнейшего времени, принадлежащими даровитейшему знатоку их — покойному А. А. Шахматову» (стр. 1—2). Автор далее разъясняет, в чем заключается его расхождение с А. А. Шахматовым. В то время как А. А. Шахматов строил свои исследования на текстально-литературном анализе, автор основывается на литературно-идеологической стороне летописных сообщений. А. А. Шахматов смотрел на летописание XI века, как на литературную работу редакторов и писцов, объясняя этим предполагаемые им пропуски, умолчания, сокращения и компиляции. Н. К. Никольский, также признавая наличность в Летописи всех последних особенностей, хотя, может быть, и не всегда сходно

с А. А. Шахматовым, подводит под них, как принято теперь говорить, идеологическую базу. Он хочет видеть во всех этих особенностях Летописи отражение борьбы двух идейных направлений, из которых одно было старым, ведущим свое происхождение еще из X. века, а другое — новым, вторгшимся в летописание XI. века и произведшим в последнем большие последствия. Под влиянием новых идей, древнейшие идеологические отражения были затемнены новой идеологией или даже совсем отброшены. Эта новая идеология есть идеология греческая, начавшаяся с XI. века, получившая особенную силу с половины этого века, развившаяся в стенах Киевопечерского монастыря и в конце века окончательно завладевшая умами и направлением русских книжных людей. Первая же идеология — это идеология, шедшая от западного славянства, с которым, по мнению автора, предки русских (полян) составляли некогда один союз, и от которого и шло на Русь в X. веке христианское просвещение, а вместе с ним и вообще культурное влияние.

Выяснению борьбы этих двух идеологических направлений, поскольку они отразились в Летописи, и посвящено исследование Н. К. Никольского. Пока мы имеем только еще первый выпуск, содержащий в себе как бы введение, общую постановку вопроса, но уже богатую фактическими данными; более подробное изложение обещается нам в следующих выпусках.

Автор заявляет, что, если его монография вызовет новую проверку древнейших летописных преданий, «до сих пор доверчиво повторяемых нередко историками», «то ее цель будет вполне достигнута» (стр. 6). Несомненная ценность поставленного в монографии нового вопроса и авторитетность автора, лучшего знатока древне-русской книжности, и явились причиной такого пересмотра; эта же авторитетность автора заставляет и выступить если не с принятием его взглядов, уже ясно выставленных в первом выпуске, то — с их опровержением.

I.

ЛЕТОПИСЬ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ.

Н. К. НИКОЛЬСКИЙ начинает IV. главу — «о зависимости схемы утраченных повестей о поляно-руси от западно-славянской хронографии» — категорическим заявлением, что «вопреки установившемуся мнению о начале русского летописания, образцами для утраченных повестей о поляно-руси не могли послужить греческие хроники». Но нужно иметь в виду, что все прежние исследователи ничего не знали о «Повестях о поляно-руси» и рассматривали Летопись так, как она есть в на-личном виде, и, исходя из последнего, устанавливали связь с византий-

скими хрониками. Теперь, если признавать существование «Повестей о поляно-руси» так, как их представляет автор, то, конечно, он будет прав, отвергая влияние на них византийских хроник. Следов. все дело в том, чтобы наперед убедиться в действительном существовании «Повестей о поляно-руси».

Отрицание влияния византийских хроник на древнерусское летописание, если бы оно было доказано, имело бы немаловажное значение для нашего обычного представления об истории древнерусской умственной жизни. Это была бы единственная область, где древнерусский книжник на первых порах обнаружил бы свою независимость от того источника, из которого он черпал всю свою мудрость, весь свой материал для умственной жизни. И поучения, и жития, и апокрифы, и богословские трактаты, и законодательные нормы — все это шло из одного источника — византийского, и только одна Летопись стояла бы в стороне от этого влияния, тот род литературных произведений, в котором, по самому его содержанию, это влияние должно бы быть необходимым. Невольно возникает вопрос, как это могло случиться? Вращаются уже среди русских книжников такие исторические произведения, как Хроника Малалы, Хроника Амартола, Хроника Синкелла, но русский книжник, с самого начала появления на Руси письменности начавший во всех родах слагать свои произведения под невольным и неизбежным влиянием появившейся к его удовлетворению чужой новой литературы, только в одной области остался чужд этому воздействию — в области исторической!

Действительно, если взять нашу Летопись в теперешнем ее виде, то с полным основанием можно будет сказать, что «ни по своему содержанию, ни по своей конструктивной форме, ни по подробностям излагаемых эпизодов и основной тенденции, начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии» (стр. 45). Автор указывает общеизвестные характерные особенности византийской хронографии: 1. взгляд на историю Византии, как на «непосредственное продолжение божественного домостроительства на земле» и как следствии этого — включение в историю событий с сотворения мира; 2. отсутствие точной хронологии в виде погодных записей и ведение счета по индиктам или же по царствованиям. Наша же Летопись т. е. ее «легендарная часть» начинается с истории разделения земли между сыновьями Ноя и смешения языков после столпотворения; в ней отсутствует библейская история, и, наконец, она проникнута национальным славянофильским характером.

С первого взгляда, автор, как будто, безусловно прав. Но я свои возражения начну с напоминания о своих статьях по разным вопросам о начале русского летописания, в которых я старался доказать как раз

те основные положения, которые отвергает Н. К. Никольский. Я повторю лишь в общих чертах свои выводы, противоположные указанным выше положениям Н. К. Никольского, и те основания, которые привели меня к данным выводам.

Сравнительный анализ таких памятников, как «Хронографическая Паляя» (в обеих ее редакциях), «Еллинский Летописец» (1-й и 2-й ред.) и «Летопись», особенно анализ читаемого в них текста «Хроники Георгия Амартола» привел меня к выводу, что раньше появления Летописи, точнее, «Повести временных лет» была составлена на Руси своя особая русская Хроника, тесно примыкавшая к современным византийским хроникам. Она была составлена в период до 1054 года, когда была отредактирована «Повесть временных лет». В основание ее легла Хроника ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА, но в слегка обработанной в текстуальном отношении и сильно сокращенной редакции; из нее были выпущены все богословские и философские рассуждения; для автора русской Хроники те и другие были не нужны, и он брал только повествовательные части. Хроника Георгия Амартола в незначительной степени дополнялась сведениями из других, пока неопределенных, источников, оказавшихся под рукой русского книжника. В Хронике Георгия Амартола под 852 годом, в царствование императора Михаила, рассказывалось о нападении Руси на Константинополь, каковое нападение еще ее переписчиками было приурочено, разумеется, на основании устных преданий, к Аскольду и Диру. Это и оказалось внешним поводом для сближения русской истории с историей византийской. С этого года известия византийской истории стали переплетаться с событиями из истории русской. Последние могли существовать уже в записях, но вероятно, главным образом были еще устными преданиями. Автор «русской Хроники» и был, вероятно, автором письменной обработки последних. Насколько тесно хроника Георгия Амартола соединялась с сказаниями о русских событиях, можно видеть из любопытного изложения походов Игоря на Византию. На основании тех же устных преданий, повествование Георгия Амартола о нападении русских на Царьград при царе Романе русский книжник, автор «русской Хроники», приурочил к Игорю, но свой источник, текст Георгия Амартола, он основательно переработал: из одного похода Хроники Амартола он сделал два похода Игоря, переделав повествование Амартола о нападении угров на Византию на второй поход Игоря.

Этот факт должен служить показательным примером того, как русское повествование тесно примыкало к византийскому, приспособляя даже изложение последнего к своему. Почему произошла такая, так сказать, фальсификация, описание похода Игоря Амартоловским повествованием о нашествии угров? Очевидно, потому, что автору «русской Хроники» были известны устные предания о походах Игоря, были

известны уже Договоры Игоря с греками, но записей не было, и он не поколебался изложить их по главному своему источнику т. е. по Хронике Амартола, с добавлениями из «Жития Василия Нового». Она служила для него материалом и образцом для создания своей собственной хроники, и, как видим, он пользовался ею даже не без корыстной цели. И к самому тексту он не относился пассивно, но редактировал его, перерабатывая его, хотя уже и не так существенно, но все таки настолько, что его текст, сохранившийся в Еллинском Летописце первой редакции, в краткой хронографической Палее и в погодной части «Повести временных лет», ясно отличается от настоящего текста Хроники Амартола, как мы имеем его в отдельных списках Хроники, и от текста отрывков из Хроники во вводных статьях «Повести».

И в дальнейшем продолжалось такое же тесное соединение русских и греческих событий, причем византийская история служила хронологической рамкой. В Хронике Георгия Амартола не было летосчисления по годам, счет велся в ней или по индиктам или по царствованиям императоров, и только с 6428 г. встречались иногда указания на года от сотворения мира; такой же хронологической рамки держался и автор «русской Хроники»; но крупнейшие события он, по образцу главного своего источника, приводил также под определенными годами, восстанавливая года для византийской истории на основании указаний индиктов, а для русской — из своих устных и письменных источников. Пустых годов в этой «Хронике» не было. Из русских событий до 948 г. в Хронику попадали главным образом те, которые имели соприкосновение с греческой историей, что, очевидно, и можно объяснить тем, что основным содержанием Хроники была именно история греческая; так в нее вошли Договоры русских с греками, о чем будет речь ниже. Но для связи исторического хода событий редактор присоединял и другие русские события, не имевшие ближайшего соприкосновения с византийской историей, как напр. о призвании варягов, о завладении Киева Аскольдом и Диром и др. На основании «Хронографических Палей», восстанавливаемой русской Хронике должно приписать напр. и Сказание о крещении Болгарской земли с указанием 6363 года. С 948 г. т. е. с окончанием Хроники Георгия Амартола шли уже исключительно русские события; в них входила история крещения Руси Владимиром и «Речь философа» к последнему.

Указанная русская Хроника была составлена в княжение Ярослава т. е. в период 1037—1051 гг., так как в 1054 г. уже явилась из нее «Повесть временных лет», а переводные памятники, вошедшие в нее, как переведенные на Руси, скорее всего, явились именно в княжение Ярослава. Это было время кипучей литературной жизни на Руси, в Киеве, вызванное основанием греческой митрополии и приездом греческого

клира, привезшего с собой большое количество памятников, которые тут же и переводились и, по переводе, тотчас же служили материалом для самостоятельных компиляций русских книжников.

Так создался первый опыт русской истории, опыт, который не носил еще характера известной теперь нашей «Летописи», а представлял собой в собственном смысле хронику совершенно в византийском духе; этот опыт русской истории еще тесно примыкал к «истории всемирной», под которой разумелась история христианства т. е. история византийская с подготовительной к ней древней историей. Одним словом, это была еще «Византийско-русская Хроника».

Составленная таким способом «Византийско-русская Хроника» не сохранилась в своем первоначальном виде. Но она имела свою длинную историю, которая довольно ясно может быть восстановлена на основании указанных выше памятников — Еллинских Летописцев и Хронографических Палей. Редактор Еллинского Летописца второй редакции перед сказанием о пророках (после Ш-кн. Царств, гл. 16) делает такое указание на свои предшествующие источники:

Таже бо писано ко книгѣ еже предръжиѣ Фронографъ (т. е. «Хронографъ») по великому изложю, съвокупни и списа, какъ въ приписано в нача кнѣ сѣи Палѣи и въ Тратокасила, се же и пророцы пѣ прикѣ неблазна глѣ сице.

Анализ этого «Хронографа по великому изложению», где под «великим изложением» разумелась Хроника Георгия Амартола, произведенный мною в моих статьях, привел меня к заключению, что этот «Хронограф» и есть та «русская Хроника» или, точнее, «Византийско-русская», которая была составлена перед «Повестью временных лет». Носила ли эта Византийско-русская хроника с самого начала название «Хронографа по великому изложению», или такое название дано ей редактором Еллинского Летописца — остается неизвестным; но во избежание недоразумений лучше это название принять, что я и делаю во всех своих статьях. Этот Хронограф, в котором русские события были доведены, повидимому, до Ярослава, прежде чем войти в состав Еллинского Летописца и Хронографической Палеи, подвергался незначительным обработкам, главным образом в виде небольших добавлений, и затем исчез совершенно, будучи вытеснен из круга интересов русских книжников, с одной стороны, вновь составленным «Еллинским и Римским Летописцем», с другой — составленной, также на основании его, «Повестью временных лет».

В середине 50-х годов XI. столетия, скоро после смерти Ярослава, в истории русской «историографии» произошло чрезвычайно важное событие: была составлена уже собственно своя «русская» история, получившая название «Повести временных Лет». Это была ее первая

редакция. Теперь она была вызвана уже развившимся национальным самосознанием, осмыслением двух предшествующих княжений, произведших целый переворот в русской жизни. Эпоха Владимира являлась для книжных людей, как эпоха просвещения Руси христианством, эпоха Ярослава — как эпоха просвещения Руси книжным учением, что автор «Повести» и выразил вполне определенно под 1037 г. словами:

Отець бо его Володимѣръ (землю) взора и ѹмлагчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; съ же насѣи книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ѹченье прїемлюще книжное (Лавр. 148, ^{14—17}).¹

Автор поступил очень просто. Из своего непосредственного источника, из «Хронографа по великому изложению» он взял его конец, с первого известия о Руси в 852 г., и с него начал собственно русское летописание, снабдив его предварительно известным Предисловием, в котором ясно указал начало и конец своего труда: 852—1054 (смерть Ярослава: «а Ярославъ княжи лѣтъ 40»). Связь нового произведения, «Повести временных лет», с предшествовавшим т. е. с «Хронографом по великому изложению» продолжала сохраняться в виде связи русской истории с греческой; но так как теперь центром внимания стала уже история русская, то греческая история подверглась сильному сокращению, доходя иногда до голого упоминания о царствовании того или другого императора; хронологическая канва, однако, продолжала оставаться. Изложение теперь велось уже по годам, с оставлением пустых годов, и я в своих статьях уже указывал, что образец для того и другого мог быть дан Хроникой Георгия Синкелла, в которой счет велся по олимпиадам, причем многие олимпиады оставались пустыми.

Так создалась наша «Летопись», наша «Повесть временных лет», начавшаяся с 852 г., с кратким введением и с уцелевшим Заглавием. Она, действительно, перестала уже иметь что-либо общее с византийскими хрониками; в ней уже не оказалось ни библейской ни византийской истории: то и другое было механически отброшено. Автор 2-й редакции (XII в.), присоединивший вводные статьи, поняв фразу Заглавия «откуда пошла русская земля» в смысле «происхождения» русской земли и вополняя отсутствие известий о нем, правильно и начал не с сотворения мира, а с выделения народностей после потопа; поэтому, и после его обработки «Повесть врем. лет» не стала походить на византийские хроники. В последних для него не было нужды, и его речи об единоплеменности славян написаны были под влиянием «Сказания о предложении книг»; в этом отношении никакого влияния на него со стороны византийских хроник не было и не могло быть, как справедливо и указывает

¹ Ссылки на Лаврентьевскую Летопись делаются по 3-му изданию (Археограф. Комиссия), 1897 г.

Н. К. Никольский (стр. 47). Но Хроника Георгия Амартола и для него служила источником. Он имел ее уже в цельном виде, а не в «Хронографе по великому изложению», с именем автора, каковое и было им перенесено в свой труд. В противоположность автору «Хронографа по вел. изл.», он выписывал текст Хроники буквально, не подвергая его редакционной переработке. Это различие текста во вводных статьях и в погодной части Летописи неопровержимо доказывает, что та и другая части принадлежат различным авторам; автор вводных статей, как будет сказано ниже, писал их, испытав неоднократное нашествие половцев в конце XI. века. Но также справедливо и то, что «сочинять предания, которые утратили свою жизненность, в нач. XII. в. было уже несвоевременным» (стр. 48); в этом смысле можно, пожалуй, сказать, что автор свода XII. в. т. е. автор 2-ой ред. «Повести врем. лет» унаследовал эти предания, как «письменный пережиток от более ранней эпохи» (ibid.). Но этот «письменный пережиток» дошел до него именно в виде «Сказания о предложении книг», читавшагося им в первой редакции «Повести», а в последней мысли об единстве славян имели побочную цель: на первом месте стояли «грамота» и «вера»; об этом ниже.

II.

ЗАГЛАВИЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ». ИЗВЕСТИЯ ОБ УГРАХ И О ПОЛОВЦАХ.

Итак, я различаю две обработки Летописи, которые только и могут быть названы в собственном смысле «редакциями»: 1. обработку 1054 г., не имевшую вводных статей, начинавшуюся с Предисловия под 852 г. и имевшую заглавие «Повесть временных лет» и т. д.; 2. обработку начала XII. в., получившую вводные статьи и перенесшую из I-й редакции Заглавие. В промежуток от 1054 г. до начала XII. в. первая редакция «Повести» получала дополнения, причем, несмотря на замечательные работы А. А. ШАХМАТОВА, остается пока все еще недостаточно ясным, происходили ли приписки новых событий постепенно или через известные промежутки, в виде целых статей, и что при таких продолжениях вносилось и в предшествующее изложение. Об этом я подробно говорил в своих «Замечаниях о начале русского летописания», и повторять этого не стану. Я признавал и признаю автором второй редакции Нестора, другие, в том числе и Н. К. НИКОЛЬСКИЙ, — Сильвестра. В данном случае это не имеет значения, и в дальнейшем я буду пользоваться именем Нестора.

Как же представляет нам автор историю редакций Летописи или «Повести вр. лет»? Надо сказать, что — недостаточно ясно. При той слож-

ной и продолжительной истории, которую претерпела «Повесть», при анализе ее необходимо точно различать ее редакции и пользоваться определенной терминологией, чтобы не возникало недоразумений. Недостаточно употреблять наименования «Летопись», «летописец», не давая при этом указания, какой вид «Летописи» или какой «летописец» в каждом данном случае разумеется. В общем можно видеть, что автор признает двух редакторов (см. напр. стр. 101—102), одного — вводных статей и «Сказания», другого — «Повести вр. лет»; в то же время видно, что, по заключению автора, независимо от Сильвестровского (или более раннего) «летописца», существовал другой труд историка, — славянофила, и что «Повесть временных лет» в известной нам ее редакции отражает усилия историка примирить разноречивые по своим идейным задачам легенды о начале русской исторической жизни. Из стр. 39 надо вывести такое заключение: 1. был источник, содержащий известия о западном славянстве; 2. было летописание о русской земле; 3. оба источника были объединены в одном труде, задача которого ограничивалась пределами поляно-русской истории; и 4. был общерусский свод, именно «Повесть временных лет». Так как последняя была соединением разноречивых источников, то, вследствие недостаточного умения ее автора (стр. 102), и получились противоречия между вводными статьями и дальнейшим изложением.

Итак, редактор вводных статей и дальнейшего изложения один и тот же, и Н. К. НИКОЛЬСКИЙ останавливается на анализе Заглавия «Повести врем. лет», видя в последнем надписание, принадлежавшее только начальной части «Повести» или, точнее, тому источнику, с которым была слита дальнейшая погодная часть «Повести вр. лет» (стр. 42).

Автор, прежде всего, признает, что самое название «Повесть» не соответствует погодной части «Повести», которая (часть) в самом своде справедливо называется «Летописцем», «Летописанием», а название «Повесть» должно де пониматься, как «рассказ о событиях старых лет, изложенный в повествовательной форме» (стр. 41). Однако, надо сказать, что в XI.—XII. вв. учебников по Теории словесности не было, и наши книжники не так уже строго различали «Повесть» и «Летописец». Хроника Георгия Амартола и составленный на ее основании «Хронограф по великому изложению», с точки зрения Н. К. Никольского, менее всего могут быть названы в собственном смысле «Летописанием»; и однако, читаем и в вводной статье:

Глаголетъ Георгій въ летописаннѣ (Лавр. 13, ₁₃)

и в Предисловии 852 г.:

Икоже пишется въ летописаннѣ Гръцкѣмъ (Лавр. 17, ₄).

Но главное не в этом, а в том, что все Заглавие «Повести вр. лет» нельзя отделять от Предисловия 852 года; оба тесно связаны между собой

и по смыслу и по отдельным выражениям, а именно:

1. Слова «Повесть временных лет» вполне соответствуют словам Предисловия:

а) Е ~~лѣто~~ 6360... ~~тѣмже~~ ~~отседе~~ ~~почнемъ~~ и числа положимъ (Лавр. 17, ⁴⁻⁵);

в) скажем, что ~~си~~ ~~сдѣи~~ в ~~лѣта~~ ~~си~~... а по ~~ряду~~ положимъ числа (Лавр. 17, ²²⁻²³).

Следов. редактор хочет писать не просто «Повесть», не рассказ без годов, в виде связного «повествования», а именно «Повесть по летам», и потому слова «Повесть временных лет» будут обозначать — Повесть, расположенная по летам т. е. «по годам».

2. В словах Заглавия ~~откуда~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~пошла~~ ~~русская~~ ~~земля~~ автор хочет видеть соответствие дальнейшему Сказанию о происхождении русской земли от племени Афета, о расселении славян на берегу Дуная и о переселении их на русскую равнину, что рассказано в вводных статьях. Такое толкование как будто справедливо, но — только лишь с точки зрения редактора XII. в.; с точки же зрения редактора 1054 г. (I-й ред.) толкование будет иное. Указанные слова следует сопоставлять с начальными словами Предисловия:

Е ~~лѣто~~ 6360... ~~начаса~~ ~~прозываети~~ ~~Русская~~ ~~земля~~ (Лавр. 17, ¹⁻²),

и это сопоставление дает основание видеть в них намерение автора Заглавия сказать — «с каких пор стала известна русская земля», как ни заманчиво и просто видеть здесь указание на происхождение русской земли; и тут же он отвечает: «с 6360-го года, со времени нападения Руси на Царьград при царе Михаиле». Выражение «откуда пошла» — «стала известна» напоминает современное «слух идет», «слухом пошло» и т. п. Отметим одинаковое выражение в Заглавии и Предисловии «Русская земля».

3. Кто в Киевѣ ~~нача~~ ~~перѣѣ~~ ~~княжити~~ есть буквальное повторение такой же фразы под 882 г., где она является как бы ответом на поставленный в Заглавии вопрос:

И ~~сдѣѣ~~ ~~Олегъ~~ ~~княжа~~ в Киевѣ (Лавр. 23, ⁴).

Аскольд и Дир для редактора 1054 г. не были князьями:

Яскольдъ и Диръ ~~остаѣ~~ в градѣ ~~семь~~.... и ~~начаста~~ ~~владѣти~~ Польскою ~~землю~~ (Лавр. 20, ⁶⁻⁸);

и Олегъ имъ говорить:

вы ~~нѣста~~ ~~князи~~ ни ~~рода~~ ~~княжа~~ (Лавр. 22, ¹⁷⁻¹⁸).

Кий, Щек и Хорив для него также не князья:

была ~~суть~~ 3 брата ~~К. Щ. Х.~~ ~~иже~~ ~~сдѣлаша~~ ~~градокошь~~ и ~~изгнбоша~~ (Лавр. 20, ⁴⁻⁵).

4. Откуда русская земля стала есть. Н. К. НИКОЛЬСКИЙ справедливо говорит, что этот вопрос «по своему смыслу, очевидно, должен был относиться к событиям, связанным с образованием государственного строя на русской земле» (стр. 40), но отрицает возможность соединять с ним содержание погодной части «Повести» с 852 г. на том основании, что в этой части мы встречаем де не «Повесть» в точном смысле, а летопись или анналы, к которым название «Повести» применено быть не может (там же). Это было бы верно, еслибы автор не отбросил слова «временных лет»; в данном случае надо говорить не о «Повести» в собственном смысле, а именно о «Повести временных лет», а мы видели выше, что в таком виде нет оснований делать резкое различие между «Повестью» и «Летописью». Поэтому, все изложение с 852 года и с точки зрения автора есть прямой ответ на вопрос Заглавия «откуда русская земля стала есть».

5. Наконец, тесная связь Заглавия с Предисловием заключается и в одинаковых литературных приемах. Заглавие говорит:

Се начнемъ повѣсть сню и в Предисловии — тѣмже отселе почнем, ... но мы на прежние возвратимся и скажем ... а по ряду положим числа (Лавр. 17, 4, 21—22).

Это все говорит один автор.

Итак, автор Заглавия, Предисловия под 852 г. и всего дальнейшего изложения до 1054 г. включительно — один и тот же. И с точки зрения происхождения первой редакции «Повести врем. лет» (1054 г.) из более древней «Визант. русской Хроники» или «Хронографа по великому изложению» и по внутреннему смыслу, связь Заглавия с Предисловием является вполне естественной и вполне логически объяснимой. Отрывая от своего источника известия по русской истории и составляя свою собственную русскую историю, автор «Повести» и начинает: «Вот повествование, расположенное по годам, о русской земле; в нем будет то-то и то-то. Так начнем же это повествование» и — начинает: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, стала известна русская земля; отсюда мы начнем и кончимъ княженіемъ Ярослава».

Так как в списках Радзивиловском, Академическом и Троицком вторая фраза читается так:

и кто в ней почалъ первое княжити,

что могло быть и в первооригинале, то все Заглавие, пожалуй, правдоподобнее понимать в общем смысле, в смысле простого обозначения времени, именно: «Вот изложенная по годам Повесть о русской земле, начиная со времен первого о ней известия, появления в ней первого князя и образования из нее государства». Тогда два последних факта уже связывались бы вместе и указывали бы на призвание Рюрика «кня-

жити и володѣти нами». При таком понимании, автор Летописи как-бы противопоставлял свой труд предшествующему, из которого он его вывел: «То была Повесть всемирная с сотворения мира, а эта Повесть русская с определенного времени». — Выбор из этих двух толкований Заглавия предоставляем читателю.

Редактор «Повести» XII. в. (2-й ред.) целиком взял Заглавие предшествующей редакции и поставил его во главе своей работы. При этом, первую часть Заглавия «откуда пошла есть русская земля» он понял в буквальном смысле, как понимают ее исследователи, и, не находя ответа на нее в своем источнике, присоединил известные ему данные о «происхождении» русской земли. На второй и третий вопрос ответ был в I-й редакции. Н. К. НИКОЛЬСКИЙ, находя, что на второй вопрос «кто в Киевѣ нача первѣе княжити» во вводных статьях ответ дан — Кий и его братья, не находит, однако, в них ответа на третий вопрос «откуда русская земля стала есть». Но находя далее, что, 1. хотя дальнейшее погодное содержание «Повести» 852—1111 г. и могло бы дать косвенный ответ на данный вопрос, но препятствием для этого служит формальная сторона, так как эта часть есть не «Повест» в точном смысле, а «Летопись» или «аналы» (см. выше); 2. что этот вопрос не есть дополнение, как можно бы думать на основании спп. Радзивиловского и Академического, а находился уже в первоначальной редакции надписания, — исходя из этих соображений, автор утверждает уже, что в том источнике, из которого взята легендарная часть Летописи (т. е. вводные статьи), был ответ и на третий вопрос, т. е. что это был источник, продолжавшийся далее вводных статей «Повести вр. лет», и это продолжение вошло де частями и в погодную часть Летописи; в этом «продолжении» утраченного источника и были де — часть известий, относящихся к истории обращения Руси (в христианство), рассказ об испытании вер, известие об обучении детей при Владимире; простирался он до последних годов Владимировой эпохи (стр. 40—44). Одним словом, автор идет по тому же методу восстановления утраченного памятника, по которому шел в свое время и я, восстанавливая «Хронограф по великому изложению», как непосредственный источник «Повести временных лет». Но в дальнейшем мы уже расходимся. Сделанный мною «филологический» анализ приводит к заключению, что такого источника, который *предполагается* автором на основании «идеологических» соображений, никогда не было, и ничем его доказать нельзя.

Прежде чем перейти к сравнению «Сказания о предложении книг» с вводными статьями для доказательства, что то и другое проистекает из одного первоисточника, автор останавливается на двух местах вводных статей и погодной «Повести вр. лет», доказывающих, по его мнению, что «этот общий использованный летописцем первоисточник, войдя

в состав свода, был проредактирован одной общей рукой» (стр. 32), именнс — об уграх и половцах. Не излагая здесь объяснений автора, замечу, прежде всего, что нет никакой нужды искать какой-то определенный первоисточник для известия вводных статей о нашествии угров при Олеге. В редакции 1054 г. т. е. в первой ред. «Повести» под 898 г. читалось:

Идоша Угры мимо Кнѣвъ (Лавр. 24, ₁₇),

что, конечно, имело место, как каждому было ясно, при Олеге. Автор вводных статей, он же и автор второй редакции XII в., пользовался для них, кроме I-й ред. «Повести», и другими источниками, из которых он взял известие, что после болгар на Дунай, где жили Словене,

придоша Угри Бѣлини и наслѣдиша землю Словѣнскую; си бо Угри почаша быти
при Ираклиі цари (Лавр. 10, _{18—19}),

а затем, сказав об обрах и печенегах, он берет буквально начальную фразу из «Повести», назвав здесь Угров, в противоположность первым — Черными:

паки идоша Угри Чернии мимо Кнѣвъ послѣ же при Олзѣ (Лавр. 11, _{11—12}).²

Также иначе должны объясняться и упоминания о половцах во вводных статьях и под 898 годом. В 1054 г., во время составления первой ред. «Повести вр. лет», о половцах знали еще очень мало: они только что появились и не тревожили Руси своими набегами; автор «Повести» и знал о них только то, что они ходят «вежами» (Лавр. 24, ₁₉). Н. К. НИКОЛЬСКИЙ справедливо указывает, что недобрую память о себе половцы оставили на Руси в самом конце XI в., и «редактор начальной части летописи был уже знаком с половецкими нравами и верою» (стр. 33), а отсюда следует, по его же мнению, что литературные занятия этого редактора производились «с наибольшею вероятностью не ранее 80—90-х годов того же столетия» (ibid.). Отсюда, казалось бы, вывод прост, а именно, что вводные статьи составлены автором конца XI. или начала XII в., т. е. Нестором или Сильвестром — в данном случае безразлично — т. е. вообще составителем второй ред. «Повести». Но автор не находит возможным вложить в уста летописца-монаха конца XI. или начала XII. в. сделанное последним замечание после вставки из Амартола и заметки о половцах:

Мы же хрестіане, елико земель, иже вѣруютъ къ святую Троицу, къ едино
крещенье, къ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся
и во Христа облекохомся (Лавр. 15, _{10—18}).

² Издатели произвольно поставили запятую после слова «Киевъ»; правильное ее поставить после слов «послѣ же», и тогда смысл получается ясный: «Послѣ же, при Олеге, снова прошли Угры Черные мимо Киева».

Это примечание есть де «прямое заключение къ рассказу о нравах вятичей, кривичей и других русских племен, который заканчивается словами:

Он же творяху обычаи Кривичи и прочии поганини, не ведуще закона Божіа, но творяще сами собѣ законъ (Лавр. 13, ¹¹⁻¹²; стр. 34).

Следов. выдержка из Амартала и замечка о половцах (Лавр. 13, ¹³⁻¹⁵, ¹⁵) есть вставка в более ранний источник о нравах русских племен с противоположением последних, как еще бывших язычниками, нам, «христианам». Но почему же рассматриваемое примечание не могло принадлежать летописцу конца XI. или начала XII. в.? А потому де, что летописец-монах этого времени считал спасение «удѣломъ не всехъ христіанъ, а только лицъ принявшихъ греческое крещеніе и грекомонашескую веру», т. е. считал спасение уделом только монахов, а уверенность, что спасаются все христиане «елико земель», могла быть только у более ранняго писателя, не подпавшего еще под влияние киево-печерской мрачной идеологии (ibid.). Но надо сказать, что без особенных побуждений и без особенных доказательств трудно присоединиться к такому запрету для книжника, даже монаха, конца XI. века. Трудно думать, что летописец-монах мог думать и говорить только о монахах; для этого надо иметь какие-то особые данные, которых автор, к сожалению, не приводит. Если мы будем исходить из того, что книжник, монах или немонах, конца XI. и начала XII. только и мог говорить о монашествующих, а никак не о «всѣхъ христіанахъ», то тогда, пожалуй, всю русскую письменность XII. в. придется перенести в X.—XI. века. В данном же случае нет никаких оснований ни переносить рассматриваемое примечание летописца к описанию нравов русских племен ни отнимать у книжника XII. в. возможности говорить о «всех христианах» вообще. Редактор второй ред. «Повести», начала XII. века знал половцев уже очень хорошо, сам испытал всякие бедствия от их нашествий, и, под непосредственным впечатлением от этих нашествий, с выпиской из Хроники Амартала об обычаях разных древних народов, вставил тираду о таких же обычаях «язычников»-половцев, с противоположением тем и другим «насъ христіанъ всѣхъ земель». Это противоположение вполне психологически понятно в устах Нестора, пережившего не одно нашествие половцев; оно есть результат живого впечатления от них. Оно не есть заключение о нравах русских племен: к последним причислены не только кривичи, но и все другие русские племена, прочии поганини (Лавр. 13, ¹¹), которые

имяху обычаи свои, и законъ отиць своихъ и преданья, кождо свой нравъ (Лавр. 12, ⁸⁻⁹),

следов. и поляне, также не знавшие еще закона божия, но жившие по обычаю своихъ отецъ, хотя и кротно, но все же «поганини». Кого же

противопоставляет летописец всем этим «поганимъ» русским племенам «нас християнъ»? Выходит, что самих себя т. е. тех же полян, уже принявших христианство. Выходит какое-то недоумение.

Итак, заметка о половцах и известие об угрох не дают основания для заключения, что «наличная редакция вводных статей была предметом одновременной работы над тем источником, который объединял известия «Сказания о прел. книг» с известиями вводных статей» (стр. 34). Одному редактору, автору второй ред. «Повести вр. лет» начала XII в., принадлежат: 1. известия о нравах русских племен, 2. выдержка из Амартола, 3. добавление о нравах половцев и 4. противопоставление им всех христиан.

III.

«СКАЗАНИЕ О ПРЕЛОЖЕНИИ КНИГ.»

Итак, Н. К. НИКОЛЬСКИЙ стремится доказать, что когда-то существовало Повествование о «прошлой судьбе поляно-руси», восходящее к моравской истории западных славян и поляно-руси, и это повествование и было общим источником для вводных статей «Повести вр. лет» и для «Сказания о преложении книг» под 898 г. Оно имело своей темой не «узкий вопрос о происхождении славянской грамоты, а решение более общего вопроса о прошлой судьбе поляно-руси» (стр. 39). Для доказательства этого положения автор подвергает сравнительному анализу «Сказание» и вводные статьи, к каковому анализу он возвращается и позднее (на стр. 55—58). Я не могу согласиться с автором, что центром «Сказания» является мысль об единстве славян. Автор «Сказания» старается доказать, что грамота и вера у нас, русских (полян), одна и та же, что и у моравян, так как русские (поляне) и моравяне (и другие славяне) родственны между собой; но все дело в «Сказании» в единстве грамоты и веры. Вся речь «Сказания» об единстве славян есть часть побочная, второстепенная, есть умственное доказательство, что мы, русские (поляне), не хуже других славян, что, хотя у нас и не было никакого апостола и не было никакой связи с апостольским учением, ни посредственной ни непосредственной, однако, нас нельзя отделять от апостолов, так как мы связаны со славянами единством языка. Последнее не надо доказывать, так как это простой факт; но единство грамоты и веры доказать нужно, а это уже и доказывается фактом общности происхождения. Следовательно, автор «Сказания» стоит исключительно на религиозной почве и на религиозных интересах, а никак не на политических, и главная мысль его такова: был один народ (племя), говоривший одним языком, — *Словенский*: дунайцы, моравяне, чехи, яхи и поляне. Всем этим словенам были переведены в Моравии книги

т. е. была введена грамота; поэтому, и грамота должна называться и называется «словенской»; она и на Руси и у Болгар (Лавр. 25, 6-18).

Далее, Н. К. Никольский обращает внимание на то, что «Сказание» говорит не о всех русских племенах, а только о полянах, и видит в этом остаток более древнего повествования о поляно-руси. Но в последнем выводе нет никакой нужды. «Сказание о предложении книг» редактировано или редактором «Повести вр. лет» 1054 г. или редактором «Хронографа по вел. изложению» т. е. после 1037 г., следовательно, во всяком случае, в половине XI. века. Но в это время древнерусские племена уже перестали иметь значение и, вместо них, образовались княжества, среди которых особенно выдвинулось княжество Киевское, княжество бывших полян. Киев получил обще-русское значение, а вместе с ним возвысилость и его население т. е. поляне, ставшие теперь представителями всех других русских племен — дреговичей, вятичей и др. Все-народное крещение было в Киеве т. е. у полян, а с крещением соединялась и вера и грамота, на чем именно настаивает редактор «Сказания». Киевляне-поляне стали преобладающим племенем и по культуре и по государственному значению, так как Киев стал средоточием того и другого. Редактор «Сказания» был киевлянин, т. е. полянин, и, как таковой, говорил только о полянах отчасти из местного патриотизма, а главное из сознания, что вятичи, дреговичи и прочие составляют с полянами одно племя русское, а поляне являются, как его представители. Нельзя отрицать у редактора «Сказания» и вообще у редактора «Повести врем. лет» местного патриотизма: последний был совершенно естественным; но этого недостаточно для признания отсюда существования областного местного летописания. Объединение славян, о котором говорит «Сказание», есть умозаключение, хотя и верное, самого редактора «Сказания», составленное им, на основании источников Кирилло-Мефодиевских преданий, для доказательства глубокой древности грамоты и веры также и у его соотечественников, русских.

Приписывая редакцию «Сказания» и вводных статей одному и тому же редактору, автор сопоставляет с «Сказанием» вводные статьи и, на основании якобы предпочтения полян и в вводных статьях, видит в последних остаток более раннего областного летописания. Но и здесь объяснение должно быть другое. Разумеется, и у автора вводных статей т. е. у редактора 2-й ред. «Повести вр. лет», XII. в. нельзя отрицать местного, киевского т. е. полянского патриотизма, так как он прямо говорит:

бѣху мѹжи мѹдри и смѣслени, нарицахѹсѣмъ Поляне, отъ нихже сѹть Поляне
къ Києвъ и до сего днѣ (Лавр. 9, 5-6).

Но неоднократное упоминание о полянах и, притом, в одних и тех же выражениях объясняется, однако, не местным патриотизмом и не более

древним источником, а чисто литературным происхождением. Рассказ о полянах постоянно прерывается вставками: сказав

1. Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ снмъ, бѣ пъть изъ Карпатъ
в греки... (Лавр. 6, 7-8),

редактор дает описание этого пути (Лавр. 6, 3-7, 8), сказание об апостоле Андрее (Лавр. 7, 4-8, 6) и затем возвращается к прерванному рассказу:

— Подемъ же жившимъ особѣ и колодѣющимъ роды сконми (Лавр. 8, 7-9, 10);

2. идет опять вставка о племенах неславянских (Лавр. 9, 17-11, 12), и автор вновь возвращается к прерванному рассказу:

— Поляномъ же живущимъ особѣ, такоже рекохомъ, сущимъ отъ рода Гло-
бѣньска и нарекошася Поляне (11, 13-14),

и затем следует указание на места расселения русских племен и описание их нравов, где поляне уже нисколько не выделяются от всех других русских племен. Описание нравов (Лавр. 12, 8-13, 12) не указывает на особую историю полян: автор описания передает только то, что он знал о них и о ближайших их родичах.

Точно также известие о наложении козарами на полян дани (Лавр. 16) указывает на особого редактора вводных статей, отличающегося теми же приемами, ссылающегося и здесь на свое время: колодѣють Козары Русьскии до днешняго днѣ (Лавр. 16, 19-20), перебивающего свой рассказ выписками и рассуждениями и тем отличающегося от редактора 1-й ред. «Повести вр. лет.» с 852 г. И здесь автор статей (он же редактор 2-й ред. «Повести» XII. в.) «интересуется только судьбою полян» (стр. 39) также потому, что, как киевлянин-полянин, он находил нужным дополнить бывшую у него Летопись сообщением об известном ему событии, в котором он видел предзнаменование для славы русской земли его времени; «только» о полянах он говорит потому, что козарами, очевидно, и была наложена дань только на полян, стоящих на горахъ снхъ и лѣскхъ (Лавр. 16, 3), но в заключение он обобщает: — владеют козарами князья русские.

Таким образом, и здесь нет оснований предполагать существование особого источника, говорившего о прошлой судьбе только поляно-руси.

Считая, однако, существование такого источника для себя уже доказанным, Н. К. НИКОЛЬСКИЙ переходит к предварительным соображениям, приводящим, по его мнению, к признанию существования «Истории о чехах — ляхах — полян» моравского происхождения. Но предварительно, на стр. 50—58, он останавливается на вопросе о «преданиях мораво-паннонского происхождения», вошедших и в «Сказание о предложении книг» и во вводные статьи. И здесь автор не отделяет

редактора вводных статей от редактора погодной «Повести вр. лет» с 852 г., приписывая одному лицу выдвижение там и тут на первый план именно мораван (Лавр. 5, 8-9; 28, 2; 25, 9-10), что будто-бы и указывает «на литературное соприкосновение источника поляно-руси с мораво-паннонскими историческими преданиями» (стр. 54—55). Никто, конечно, не думал и не думает отрицать существование на Руси XI.—XII. вв. моравско-паннонских преданий, шедших от Кирилло-Мефодиевской школы. Кирилло-Мефодиевские предания, разумеется, были известны и редактору «Сказания о прел. книг» — был ли он и редактором «Повести вр. лет» или нет, в данном случае это безразлично — и редактору вводных статей — также безразлично, был ли он автором 2-й ред. «Повести» XII. в. или нет. Из этих преданий шли — устным или письменным путем или тем и другим — и сведения об единстве славянства. Но отсюда до признания, чрез посредство проблематического Повествования о поляно-руси целого Повествования мораво-паннонского еще очень далеко. Факт как-бы выдвижения на первое место именно мораван в «Сказании о прел. книг» (Лавр. 25—28) будет объясняться особыми целями автора «Сказания» и известными ему историческими данными, для которых нет надобности предполагать существование цельного литературного произведения. И вопрос состоит в том, какое значение имеет тот факт, что наш летописец как-будто уделяет особое место Мораве в истории славянства и проявляет особый интерес к идее единства славянства, которую он будто-бы настойчиво развивает. Именно это имеет значение, а не тот, разумеется, неоспоримый факт, что «исходным пунктом его исторических построений были традиции Кирилло-Мефодиевской школы (стр. 58).

Ход мыслей русского (полянского) редактора «Сказания о преложении книг», составленного на основании моравско-паннонских легенд, таков, что мораване должны были являться на первом месте по хронологическим и известным ему историческим данным: 1. для редактора «Сказания» мораване играли первую роль, так как грамота явилась именно у мораван; «русская» грамота пришла от мораван, следов. от Кирилла-Мефодия; так как мы, русские, родственны с мораванами, ибо мораване и поляне — славяне, то мы не хуже других славян, не отщепенцы от них; 2. но этого недостаточно; можно и должно идти дальше в глубину, и сближение с деятельностью ап. Павла являлось, поэтому, естественным: а) собственно у русских никакого апостола не было, что подчеркивается и в панегирике Владимиру; но это ничего не значит, так как косвенным путем, через грамоту, мы можем восходить к тому же апостолу Павлу, ибо с мораванами у нас общая грамота; в) мораване чрез Кирилла и Мефодия и, далее, чрез Андроника связываются с деятельностью апост. Павла; с) но с тем же апостолом Павлом чрез

продолженное посредство, вследствие перехода моравской грамоты к русским (полянам), связываемся и мы русские. Итак, хотя грамота и явилась «впервые» у моравян, но мы, русские, не хуже их, так как, вследствие общей принадлежности полян и моравян к славянству, действие апостольской проповеди отразилось и на нас, но именно чрез грамоту, а не чрез веру, о которой в «Сказании» нет и речи, — она на втором плане или, точнее сказать, она сама собой подразумевается и не требует со стороны редактора «Сказания» пояснений — и еще менее, чрез общую политическую жизнь (стр. 37, прим.). Если уже говорить о тенденциозности, то надо заключать, что «Сказание» скорее проводит тенденцию не славянофильскую, а руссофильскую: пусть грамота явилась в Моравии у славян, а к нам перешла уже готовая, но мы, русские, такие же славяне, как и моравяне, а потому и гордиться последним в данном случае нет оснований.

Так надо понимать литературное соприкосновение «Сказания о предложении книг», как оно представлено в нашей Летописи, с Кирилло-Мефодиевскими преданиями; об особом источнике о поляно-руси говорить нет оснований.

Редактор вводных статей, он же автор 2-й ред., «Повести вр. лет» XII. в., в числе других источников имел и «Сказание о прел. книг», читавшееся им в 1-й ред. «Повести» 1054 г., и из него заимствовал и некоторые сведения, правда, очень ничтожные. Начальные строки «Сказания»

— Бѣ єдинѣ ѡзыкъ Словѣнскѣ: Словѣни, иже сѣдиху по Дунаѣни, иже приаша Ѣгри и Морава, и Чеси, и Ляхове и Поляне (Лавр. 25, 6-8),

взяты буквально, но с распространением, редактором вводных статей:

... бысть ѡзыкъ Словѣнскѣ ... сѣли сѣть Словѣни по Дунаѣни, гдѣ есть нынѣ Ѣгорьска земля и Болгарьска. и от тѣх Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени сконми, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: іако пришедше сѣдоша на рѣцѣ именьмѣ Морава и прозвашася Морава, а дружини Чеси нарекошася (Лавр. 5, 3-10).

Этим ограничиваются его сообщения о моравях; никакого «особенного внимания» моравянам он не уделяет. Конечная же фраза рассказа о расселении славян тѣмже и грамота прозвася Словѣньскаѣ (Лавр. 6, 5) взята также и, притом, буквально из слов «Сказания»

— іаже прозвася грамота Словѣньскаѣ (Лавр. 25, 9).

Итак, «идея единства славян», якобы особенно выдвигаемая в «Сказании о прел. книг», является не главной, а, наоборот, побочной, как придаток к речи об единстве грамоты. Для редактора «Сказания» это лишь средство указать причастность русских (поляно-руси) к апостоль-

ской проповеди, так как иначе выходило бы их умаление: ведь ни один апостол не был на Руси. В этом стремлении выразился, действительно, патриотизм автора «Повести врем. лет» 1054 г., если еще не автора «Хронографа по великому изложению» или, иначе, автора «Византийско-русской Хроники». Но тут патриотизм не местный или областной т. е. не специально полянский, а обще-русский, так как и само все «Сказание» в его целом не может быть отделяемо от «обще-русской хроники» т. е. от «Повести временных лет». И надо сказать, что у редактора вводных статей — XII в. — «идея единства славян» представлена (Лавр. 5, 3-6, 5) гораздо рельефнее, нежели у редактора «Сказания о преложении книг» половины XI в., где преобладает рассуждение.

IV.

МОЛЧАНИЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» О НАЧАЛЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Подробный разбор «Сказания о преложении книг» понадобился Н. К. НИКОЛЬСКОМУ, между прочим, для того, чтобы объяснить «загадочное» молчание нашего летописца о начале русской письменности. Этой «загадочности» и посвящена I. глава монографии, стр. 7—19. В наших летописных сводах «мы не находим никаких сообщений о времени и об обстоятельствах перехода на Русь письменного наследия славянства» (стр. 7), и такое умолчание нельзя де рассматривать «как случайную оплошность» (*ibid.*). Из дальнейшего видно, что такое умолчание Летописи явилось, по мнению автора, следствием позднейшей переработки более раннего источника о начальной истории поляно-руси, составленного на основании моравской истории о моравах, чехах, ляхов и полян; там, несомненно, подробно говорилось о переходе на Русь христианской веры и книжности и, притом, — от славян западных; о том же и так же говорилось в первоначальной Летописи, но затем, под влиянием грекофильской теории о происхождении на Руси веры и книжности от греков, первоначальные сведения были выкинуты или переработаны в новом направлении.

Однако, постановка дела может быть и иная, а именно — летописец не мог ничего по этому вопросу сказать, а потому, ничего и не сказал.

На чем из области духовной жизни русских особенно останавливается писатель-книжник, будет ли это автор Византийско-русской хроники («Хронографа по вел. изложению») конца первой половины XI в. или автор «Повести вр. лет» 1054 г.? Он останавливается на крупных событиях, свидетелем которых он был, и которые поразили его и его современников — на истории крещения всего русского народа и именно —

крещения массового при Владимире и на необычайном книжном развитии при Ярославе. Об этих событиях он имел точные сведения. Но о таких же событиях более раннего времени у него точных сведений не было. Крещение русских людей до Владимира было случайным, спорадическим; крещение Ольги, как княгини, должно было быть отмечено, но и оно окутано дымкой легенды; даже крещение самого Владимира настолько не привлекало к себе внимания современников, что даже спорили о месте его крещения. Но то же массовое событие уже описано подробно. Подобным же образом на книжных людей половины XI века производило сильное впечатление и массовое появление новых книг при Ярославе, притом — книг не богослужебного, а учительного характера. Но о предшествующем периоде летописец ничего не мог сказать, так как книги и именно книги богослужебные приходили на Русь также случайно, постепенно; приходили для крещения русских людей южнославянские и западнославянские учителя-священники и всякий раз приносили с собой необходимые богослужебные книги — иначе по чему бы они могли совершать богослужения?

Н. К. НИКОЛЬСКИЙ соглашается с мнением А. И. СОБОЛЕВСКОГО, что «еще до крещения всей Руси, при Ольге русские христиане» могли «пользоваться церковно-славянскими богослужебными книгами» (стр. 10, прим. 1). При постепенном, в течение более чем столетие, переходе церковно-славянских богослужебных книг, ко времени Владимира уже образовавшихся, очевидно, основной фонд, прибавление некоторого количества таких же книг, если их и привез с собой Владимир из Корсуня, для летописца вполне могло пройти незамеченным, или могло просто само по себе подразумеваться. Летописец все-таки говорит о «книжном учении», в которое отдал Владимир детей «нарочитой чади» в самый год крещения, но, несомненно, их можно было учить только по наличным книгам; переводить новые книги было некогда, да пока и некому, да, пожалуй, в этом и не было нужды: Владимиру нужны были просто грамотные люди для его канцелярии и для простой переписки богослужебных книг.

При Ярославе картина оказалась совершенно другая. Благодаря его стараниям, как книголюбца, образовались новые книжники, частью, вероятно, из Владимировых детей «нарочитой чади», ознакомившиеся с греческим языком; привозились из Византии книги нового содержания — исторического, учительного, житийного, апокрифического; приходили, вероятно, на помощь южные и западные учителя — славяне. В результате всего этого ясно обозначилась новая эпоха в развитии книжности; в короткий промежуток 10—15 лет книжность настолько увеличилась и распространилась, что современник Ярослава по справедливости мог сказать, что последний ~~настиг~~ книжными словами сердца

вѣрныхъ людей (Лавр. 148, 16). Это и дало летописцу основание воспеть Ярославу целый панегирик за его труды на пользу книжного просвещения. Но воспевая панегирик Ярославу, летописец нисколько не забыл о книжном обучении детей, начавшемся при Владимире, как утверждает автор (стр. 8); он воздал каждому должное: Владимиру за его всеобщее крещение, чем была подготовлена почва для широкого просвещения, о начале которого он уже говорил в истории Владимира, а Ярославу — за его заботы о распространении книжного просвещения в обширных размерах.

Далее, у Н. К. НИКОЛЬСКОГО возникает недоумение, почему летописец ничего не говорит о том, «откуда и на каком языке появились в конце X. в. книги в Киеве», «молчит о Словенской грамоте, о которой говорил под 898 годом» (стр. 8—9), а между тем «сам он неоднократно пользуется переводами, доставленными в готовом виде из славянских земель» (стр. 10). Но ведь в «Сказании о прелож. книг» он уже вполне разъяснил, что русская грамота то же, что и словенская, что грамота эта и книги на ней явились в Моравии, и что этой же грамотой пользуются и Дунайские болгары. Зачем же было ему повторять каждый раз одно и то же? В книжном движении при Ярославе его поразило не «словенское» происхождение книг, а их массовое появление, как приносимых в его время из словенских земель, южных и западных, так и переводимых на его глазах с греческого языка на «русский» — то же, что на «словенский»; его могло поразить и составление самостоятельных компиляций, вроде «Хронографа по великому изложению». Разбираться же, что принесено из Болгарии и что из Моравии, ему не было уже ни нужды ни возможности. Для летописца было большое различие между деятельностью Кирилла и Мефодия и деятельностью Ярослава: по преданию, внесенному в «Сказание о преложении книг», Мефодий перевел всю Библию в 6 месяцев, это было чудо, проявление особой благодати Божией; работа же Ярослава над книжным просвещением продолжалась свыше 20 лет, и никакого чуда тут не было; трудилась рядовые книжники — греки, русские и славяне, книги переводились, составлялись и переписывались постепенно, все время, отдельное появление их не отмечалось, и когда летописец, составляя свою «Повесть временных лет» тотчас после смерти Ярослава, нашел необходимым охарактеризовать заботу последнего о духовном просвещении, он сделал это суммарно, как результат, ощущаемый его современниками:

а мы пожинаемъ, ученье приемающе книжное (Лавр. 148, 17).

Но последнее обстоятельство, именно умолчание роли славян в появлении и развитии книжности на Руси не является ни одиноким ни случайным и не есть ни «непростительная забывчивость» ни «преднамерен-

ное умолчание» составителя «Повести временных лет» (стр. 10). Это умолчание такого же характера, что и однородное умолчание наших летописных сборников как о книжных людях, авторах самостоятельных произведений и переводчиках греческой письменности, так и о самих произведениях, переводных и непереводах. Наши летописи молчат о том, кто что писал или переводил, когда и какое и где литературное произведение явилось. Мы ничего из летописей не знаем ни о Феодосии Печерском, ни о Несторе, ни об Илларионе, ни даже о Кирилле Туровском, ни о Симоне-Поликарпе, как об авторах, не говоря уже о других, которые, наверно, были, ибо Летопись иногда отзывается о том или ином духовном лице с похвалой, говоря, что то был «муж книжник», а иногда даже с добавлением, что такого и раньше не было и впредь не будет. Но в чем выразилась книжная мудрость такого «мужа книжника» и что он написал, летописец никогда не говорит. Точно также ни одно появление литературного памятника не нашло себе упоминания в летописных сводах, хотя сами некоторые памятники уже более позднего времени в летописные своды иногда и вписывались. Это характерно для всей древнерусской литературы, и поэтому нет ничего специфического в умолчании летописца о времени появления на Руси тех или других книг и южнославянского и западно-славянского происхождения.

Я не буду касаться здесь вопроса о лексическом составе древнейших русских памятников, где встречаются слова западнославянского употребления, так как автор предполагает сказать о том в следующем выпуске своей работы (стр. 15, прим. I-e); не буду касаться также недоуменного вопроса, «почему язык нашей летописи не знает целого ряда слов и оборотов, встречающихся у писателей времени царя Симеона» (*ibid.*); вероятно, и об этом будет речь впереди. Я сделаю только одно замечание о том пути, по которому приходили на Русь памятники западно-славянского происхождения. После исследований Соболевского и других никто теперь не сомневается в том, что литературные произведения появлялись в древнее время и в Моравии и в Чехии, откуда они переходили потом на Русь и сохранялись в русских списках. Но пути, по которым шли эти памятники на Русь, почти совсем не разрабатывались ни Соболевским ни другими. Поэтому, справедливы слова Н. К. Никольского, что «с исторической точки зрения остается неясным, почему словарный материал, какой мы имеем в древних наших памятниках, должен был переправляться из Моравии и Чехии сначала в Болгарию, а затем на Русь» (стр. 14). Но этого недостаточно. Необходимо исследовать самые списки памятников моравского происхождения именно со стороны наслоений в них элементов болгарского языка, что до сих пор еще недостаточно разработано. Если моравские памятники проходили через болгарскую среду, то и заимствованные с латинского языка слова могли

переходить на Русь через ту же среду. И наконец — на каком языке были написаны те *Cronicae Bohemorum*, на которые ссылаются более поздние чешские и польские хроники (стр. 16)? Не на латинском ли? А если да, то переводились ли они на славянский язык (на чешский)? А если не переводились, то могли ли они попасть на Русь? Ответы на эти вопросы пока не даны.

(Окончание следует.)

HISTOIRE MORAVE DES SLAVES ET HISTOIRE DES POLIANO-RUSSES, COMME SOURCES SUPPOSÉES DES ANNALES RUSSES PRIMAIRES.

(A propos de l'ouvrage de N. K. Nikolskij, « *Povest' vremennych let, kak istočnik dlja istorii načal'nago perioda russkoj pis'mennosti i kul'tury.* » Fasc. I. Leningrad 1930.)

(Résumé.)

L'auteur de l'article, M. ISTRIN, présente au lecteur l'analyse critique de l'ouvrage de M. NIKOLSKIJ « Histoire des années passées », comme source pour l'histoire de la période primaire de la littérature et civilisation russe et réfute sa thèse dans les points suivants:

1. Relations mutuelles des annales russes et chroniques byzantines. M. Istrin prouve, que l'« Histoire des années passées — Annales » a été composée d'après des « Annales byzantino-russes » — une modification de la Chronique de Georges Amartole, datant du temps de Jaroslave le Sage. Des traces de ces Annales peuvent être retrouvées dans les Annales (Lietopisec) Hellénique et le Palaia Chronographique. Le rédacteur de l'« Histoire des années passées » commence ses emprunts aux Annales dès l'an 852; il abrège les matières grecques, mais conserve le canevas chronologique.

2. Le titre de la Povest (Annales). Le titre, la Préface sous l'an 852 et les récits qui suivent jusqu'à 1054 inclusivement reviennent à un même auteur. Les liens qui unissent le titre et la Préface dans la I^e rédaction, sont du point de vue logique parfaitement explicables. Dans la IIe rédaction, le rédacteur ajoute le récit sur les origines de la « Terre Russe ». M. Istrin nie aussi l'indispensabilité de l'existence d'une source commune pour les chapitres inclus sur les hongrois et les coumans. C'est à l'auteur de la IIe rédaction que reviennent: 1. Renseignements sur les moeurs des tribus russes; 2. extraits de la Chronique de Georges Amartole; 3. suppléments sur les moeurs des coumans; 4. opposition de ces derniers à tous les chrétiens.

3. Légende de la traduction des livres. La Légende se tient exclusivement sur le terrain des intérêts religieux et non de la politique. Son idée principale est la communauté de langue. La place prépondérante assignée aux polianes

est le résultat du patriotisme local du rédacteur et non de l'emploi d'une source plus ancienne. Le rédacteur russe de la Légende se trouve complètement sous l'influence de la tradition cyrillo-méthodique. Sa tendance paraît plutôt russo-phile que slavophile.

4. Le silence de la Povest sur l'origine de la littérature russe. Les annales ne mentionnent que les faits d'un ordre général, comme par exemple la floraison de l'activité littéraire à l'époque de Jaroslave le Sage, et non les cas particuliers. Ainsi on ne peut tirer aucune conclusion du silence des sources sur l'apparition de tel ou autre livre slave de provenance occidentale ou méridionale.

KAREL ŠKORPIL (Varna) i PETR NIKOV (Sofia):

НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО ВЪ ИЗТОЧНАТА ЧАСТЪ НА БАЛКАНСКИЯ ПОЛУОСТРОВЪ.

Продължение отъ томъ II/2 и III/1.

Часть III.

НАДПИСЪТЪ ОТЪ С. ХАМБАРЛИЙ

(Къзълагашка околия). (Табл. I—IV.)

А. Географически бележки. (Кар. Шкорпилъ.)

На изтокъ отъ р. Тунджа, а на югъ отъ околийското градче Къзълъ-агачъ (Елхово), между лѣвитѣ притоци на рѣката — Араплийска рѣка (южната) и Хамбарлийска рѣка и нейния притокъ Даут-беглийска рѣка (Сухата) се протека единъ рѣтъ въ източно направление до с. Пашакъой, на дължина 22 Км. Върху този рѣтъ, 7 Км. отъ р. Тунджа, е разположено с. Хамбарлий, което го дѣли на две части — помалката западна Чиликли баиръ (до 180 м.), а поголѣмата-източната съ нѣколко изпъкнали вършини, отъ западъ къмъ изтокъ: Памуклу баиръ (192 м.), Голѣмата могила (197 м.), Ханъмъ тарла и Бахъ тепе (252 м.). Подъ източния край на рѣта е разположено с. Пашакъой, на северното му подножие с. Даутъ-беглий, а на южното с. Евренлий и с. Мураданлий. По изпъкналитѣ вършини се намиратъ поголѣми тракийски могили на брой 7 и малки могили разпръстнати повечето по гребена на рѣта, а рѣдко по неговитѣ склонове; надъ с. Евренлий група отъ 3 могили.

Могилитѣ сж гробни безъ стратегическо значение, но това значение неможе да се откаже на рѣта, върху който тѣ сж разположени.

На северозападъ отъ Хамбарлийския рѣтъ, на западъ отъ р. Тунджа и притока ѝ рѣка Чобанъ азмакъ се издига планинска група «Мънастирски върхове», въ две части — западната между селата Голѣмъ Мънастиръ, Талашманли и Калфакъой, а източната — между с. с. Мал. Мънастиръ и Драма. Самитѣ названия на найвисокитѣ имъ части — «Кале баиръ» (Крепостенъ върхъ), показватъ, че тукъ има развалини на крепости. На западния върхъ Голѣмо Мънастирски Кале баиръ (565 м.), а особено на южното му наклонение и въ село Голѣмъ Мънастиръ има остатъци на черкви и калугерски жилища.

Въ тѣзи мѣста положихме «пустиня Парорская» (Παρορά), която се

споменува въ житието на Григория Синаита и — мѣсто нѣкое иже естъ посрѣдъ Гръкъ и Българъ, иже Парорие зовоме естъ» и «Мезомилионъ», което се споменува у Теофана, като погранично мѣсто Милеонъ въ Тракия (τοὺς ὄρους ἀπὸ Μήλεωνων τῆς Θράκης).¹

Сжщото мнение изказва К. Иречекъ («Cesty po Bulharsku», Praha 1888, стр. 516 и «Beiträge zur antiken Geographie und Epigraphik von Bulgarien und Rumelien» въ Monatsberichte der K. Akademie zu Berlin. 1881).

Отъ гореизложеното следва, че Хамбарлийския рѣтъ е билъ на новата граница, поискана отъ Българитѣ въ 716 и 812 година, или близо до нея.

Върху Хамбарлийския рѣтъ, на югъ отъ Голѣмата Могила, надъ р. Куруджа дере (притокъ на Араплийска р.) и на северъ отъ с. Евренлий се издига малъкъ рѣтъ «Клисе бунаръ» (Църковенъ кладенецъ). Въ тѣзи мѣста сж остатъци на стара колония, която е била основана още въ тракийско време (монети Александъръ Велики и островъ Тасосъ) и е сжществувала въ римско и византийско времена (монети до имп. Иванъ Цимисхи); въ селището сж развалини на 3. църкви.

При разработване на ниви се намиратъ въ селището основи на здания, мраморни колони и фрагменти отъ архитектурни камъни.

Въ с. Хамбарлий е била намерена гробница строена отъ тухли съ две човѣшки глави. Въ с. Читалово, на югъ отъ с. Хамбарлий, е била намѣрена мраморна плочка съ изображение на тракийски конникъ съ надписъ: въ първи редъ личи «Απόλλωνι» и въ втория се чете Πόσσης Βεΐθνος ἑαυτοῦ.²

Изкуствената българо-византийска граница, известна подъ името «Еркесия» (пресечена земя),³ въ източната си частъ, се почва до лѣвия брѣгъ на р. Тунджа срещу с. Пандаклий, върви въ североизточно направление въ права линия къмъ прохода, между височинитѣ Голѣмъ и Малъкъ Бакаджикъ; на края на прохода взима източно направление; до с. Нова Махала (Ени махле) се допира до пограничния окопъ, отъ южната му страна, едно окопово укрепление наречено «Циганска еркесия».⁴ Еркесията върви повечето по южнитѣ склонове на възвишенията означени съ уединени могили, достига найсеверната си точка между с. с. Орханъкъой и Дуваларе на гребена на рѣта Баемезаръ, отъ гдето взима югоизточно направление, като върви по самия гребенъ на рѣтоветѣ Карабашки върхъ, Агнамъ-кашла-кору-ери и Якезлийски, до източния край на последния, на изтокъ до развалинитѣ на римския градъ

¹ «Български върху археологическитѣ и историческитѣ изслѣдования въ Тракия» Вл. и Кар. Шкорпилъ. Пловдивъ 1885. Друго мнение изказахъ въ «Абоба-Плиска», стр. 564.

² Сборникъ Министерства на Народн. Просвѣщение, кн. VIII. стр. 75. № XLVIII.

³ «Pohraniční val v jižním Bulharsku» Н. i К. Шкорпилъ, Slovanský Sborník, 1884, sv. 9; Археол. и исторически изследвания въ Тракия. Пловдивъ, 1885. Вл. и К. Шкорпилъ; Абоба-Плиска 1905. Гл. XX.; Cesty po Bulharsku, К. Jireček, 1888.

⁴ Главната еркесия носи и название «Царска еркесия».

Colonia Flavia Pacis Deultensium (Δεϋλτός на Византийцитѣ) и въ българско време важна погранична българска крепостъ. На източния си край Еркесия се разклонява вилообразно и се губи въ блатиститѣ мѣста на западъ отъ Мандренското езеро.

На изтокъ отъ Хамбарлийското селище и подъ източнитѣ склонове на Хамбарлийския рѣтъ е минавалъ единъ отъ найважнитѣ пѣтища въ източната часть на Балканския полуостровъ, а именно пѣтътъ отъ устието на р. Дунавъ къмъ устието на р. Марица.

Този пѣтъ е добилъ голѣмо значение отъ времето, когато Българитѣ, въ съюза съ Славянитѣ, образували нова държава на Балканския полуостровъ съ столица Плиска до с. Абоба въ 679 год., и, когато Омортагъ е построилъ въ 821 г. крепостъ на рѣка Туча (Тича, Голѣма Камчия), за да пази главнитѣ балкански проходи — Драгоево—Ришки (Верегавски, Βεργιάβον, Βεραγάβα) и Върбишки (Σιδηρά, πύλαι σιδηράϊ), а съ това да пази и столицата Плиска. Крепостъта на р. Туча е била въздигната въ българска столица отъ царя Симеона, отъ когато се споменува като Велики Преславъ (ἡ Μεγάλη Περισθλάβα).⁵

Пѣтътъ е водилъ отъ българскитѣ столици Плиска и Преславъ къмъ главнитѣ опори на византийската държава — Одринъ (Адрианополъ, Ἀδριανούπολις) и Цариградъ (Константинополъ).

Найглавнитѣ погранични крепости на този пѣтъ сж били: отъ северната страна на изкуственъ пограниченъ окопъ (Еркесия) крепостъта Карнобатски Хисаръ до южния край на пролома на р. Карнобатски Азмакъ (Мърсилъ), въ югозападния жгълъ на Карнобатското възвишение (Хисаря), а отъ южната страна Доуруклийско Кале.

Крепостъта Карнобатски Хисаръ⁶ се състои отъ две части — пострата, византийска е каменна съ кули, и поновата — българска часть е заградена съ окопи, които сж построени отъ три страни на първата часть.

Подобенъ строежъ представлява и друга погранична българска крепостъ до източния край на пограничния окопъ, на мѣстото на старата римска колония Deultus; и тази крепостъ се състои отъ вътрешна каменна римска крепостъ и отъ външното окопово укрепление отъ българско време.

Въ Карнобатската крепостъ предполагаме (мнението и на К. Ирекчъ) крепостъта Маркелли, по следъ новитѣ изучвания измѣнихъ това

⁵ «Старобългарска съобщителна мрежа около Преславъ и крепоститѣ до нея» *Кар. Шкорпилъ* въ Бълг. истор. библиотека. Томъ II, стр. 80—111 и карта, Томъ III.; «Паметници отъ столица Преславъ» въ Сборника «България 1000 години 927—1927» стр. 183—275. *К. Шкорпилъ*.

⁶ Археол. и истор. изслѣдования Тракия, стр. 48; Абоба-Плиска, стр. 513. Атласъ, Табл. СХІІІ, обр. 4; «Cesty po Bulharsku», *K. Jireček*, 548.

мнение;⁷ тукъ, вѣроятно, е била крепостъта *Лардеасъ* (Λαρδέας), въ която лагерувалъ имп. Алекси I Комнинъ съ своитѣ войски 40 дни.⁸

Крепостъта «*Доуруклийско Кале*» се намира 4-и Км. на югъ отъ пограничния окопъ Еркесия, надъ дѣсния брѣгъ на Каленската рѣка (Голѣмата рѣка), на югоизтокъ отъ с. Доурукли (Ямболска околия), до северния склонъ на рѣта, който се спуска отъ в. Войнишкия Бакаджикъ (489 м.), между долините на Каленската и Топузларска р.. Крепостъта е разположена върху единъ могилообразенъ върхъ (199 м.) и е свързана съ гореказания рѣтъ съ една тѣсна седловина, а отъ другитѣ страни се пада стръмно и скалисто къмъ рѣката; формата на крепостъта е отжпенъ клинъ, до 140 кр. широкъ и 175 кр. дългъ, съ върха си е обърнатъ къмъ седловината. Теренътъ на крепостъта се издига къмъ северния ѝ край и на върха се намиратъ развалини на църква. Крепостнитѣ стени сж били построени отъ мѣстенъ простъ черникавъ камъкъ и дробливъ хоросанъ. До северния край на източната стена личатъ остатъци отъ порта.

На североизтокъ отъ крепостъта, която носи названието «Голѣмо Кале» се издига вършина наречена «Малкото Кале», въ срѣдата на завоя на рѣката; въ него не се намиратъ следи на крепостъ. Скалата надъ рѣката, между дветѣ калета, се нарича Шайтанъ ташъ.

Изгледътъ отъ Голѣмото Кале е ограниченъ съ околнитѣ рѣтове, задъ които, къмъ западъ, се подаватъ Бакаджицитѣ; на северъ изгледътъ достига до пограничния окопъ Еркесия по склона на Хасъ Беглийския рѣтъ (Исетъ-баиръ) съ разпърснати тракийски могили.

Остатъци на селища се намиратъ въ долината на рѣката, между дветѣ калета и по северния склонъ на рѣта Паскалевъ кладенецъ, и на западъ подъ вършината Ташлж тепе (198 м.) — Каменовата могила.

Намѣренитѣ по тия мѣста монети сж римски, императорски на градоветѣ *Anchialus* и *Deultum*, византийски до имп. Иванъ Цимисхи и рагузки.

Крепостъта до с. Доурукли е погранична византийска крепостъ и голѣмата ѝ важностъ личи отъ това, че отъ нея главния пътъ се разклонявалъ на два клона — къмъ Одринъ и къмъ Цариградъ — и затова е билъ найудобниятъ центъръ за събиране на византийскитѣ войски при походитѣ имъ противъ България.

Тукъ трѣба до се положи крепостъта *Маркелли* (Μαρκέλλαι, τὸ κάστρον Μαρκέλλων), която е играела голѣма роля въ българската и византийската история и е била свидетелъ на победи и поражения отъ дветѣ страни; тукъ между другитѣ князъ Кардамъ въ 792 г. е победилъ имп. Кон-

⁷ Старобълг. съобщителна мрежа около Преславъ, стр. 84.

⁸ Λαρδαίας. К. Иречекъ найнапредъ (Arch. epigr. Mittheilungen X. стр. 158) я полага сжщо въ Карнабатския Хисаръ.

стантинъ VI и тукъ и имп. Никифоръ събралъ въ 811 войскитѣ си, и презъ прохода — τὸν Βεργυρίων — нападналъ и изгорѣлъ столицата на Крума и, презъ тукъ е избѣгалъ синътъ на императора — Стауракиосъ — въ Одринъ (Theophanes ed. De Boor I. 490—492), следъ поражението на византийцитѣ въ Верегавския проходъ.

Доуруклийското Кале е билъ изходенъ пунктъ и къмъ двата най-важни прохода въ балканската верига — Верегавския (Драгоево-Рушки) и Σιδηρεῖ (Върбишки). Вториятъ пътъ сочи къмъ Бургуджийския проходъ (Марашкия проходъ) и къмъ Върбишкото Градище, гдето предполагамъ е била столицата на Северитѣ, която се споменува подъ името Цика или Чика (ἔως τοῦ Τζίκας) при похода на имп. Константинъ Копронимъ въ 768 г.⁹

На югъ отъ пограничния окопъ Еркесия, отъ дветѣ страни на пътя Маркели—Адрианополь, е имало редъ погранични византийски Крепости:

1. *Кале на Войнишки Бакаджикъ*.¹⁰ Планинската група на югоизтокъ отъ с. Войника — Войнишки Бакаджикъ, — въ найвисоката си западна часть образува двоенъ върхъ (487 м.); на западната му вършина е разположена крепостъ, а на източната — развалини на постройка, — по предание църква Св. Недѣля.

Крепостъта съ единъ отъ найширокитѣ изгледи въ източната часть на южна България, е имала назначение като наблюдателна погранична позиция на империята.

2. *Таштепенското Кале*.¹¹ Между с. Ташъ-тепе (югоизтокъ) и с. с. Дюкменъ и Борисово (Ашаклий), се издига планинска група, съ найвисокия върхъ Калето (381 м.) въ югозападната ѝ часть; на този върхъ има развалини на крепостъ.

На северното подножие на върха, до изворитѣ на Дюкменската рѣчка, сж развалини на постройка, споредъ предание мѣнастиръ Св. Петка. Монети византийски до имп. Иванъ Цимисхий.

3. *Баладжа Кале*.¹² се намира на югозападъ отъ с. Мешелий, надъ лѣвия брѣгъ на р. Баладжа (Поповска р.) на края на гребена, който се спуска отъ рѣта Хаджийчова кория въ единъ отъ завоитѣ на рѣката.

4. *Пашакьойското Кале*.¹³ (Градище) надъ лѣвия брѣгъ на р. Баладжа (Поповска рѣка), на северъ отъ с. Пашакьой. Крепостъта е малка (50 × 20 кр.), съ три кули, а въ срѣдата наблюдателна кула (пиргъ). На югъ отъ крепостъта е селище.

⁹ Старобългарска съобщителна мрежа около Преславъ, стр. 98—99.

¹⁰ Абоба-Плиска, стр. 514. Табл. СХІІІ., обр. 7.

¹¹ Абоба-Плиска, стр. 515.

¹² Абоба-Плиска, стр. 515.

¹³ Абоба-Плиска, стр. 515.

5. «Хисарлъкъ»¹⁴ въ планинската група Чалъ-Баба, между с. с. Гол. Боялъкъ и Мураданлий (505 м.) и то на североизточния край на групата на в. Хисарлъкъ (Саарлъкъ Б. 469 м.). Отъ крепостната порта, въ южната стена на крепостта, е вървѣлъ камененъ пѣтъ, по югоизточния рѣтъ. Намѣрени сѣ монети римски (отъ имп. Домициана) и византийски до Иванъ Цимисхий.

6. *Турфалийско Кале*¹⁵ на западъ отъ с. Турфалий, въ жгѣла на стока на Лалковската р. (Малъкъ Дервентска), съ единъ отъ нейнитѣ лѣви притоци.

7. *Калето на в. Бѣгала* (515) въ пограничния гребенъ, на изтокъ отъ Гол. Дервентския проходъ.

8. Върху пограничния връхъ *Шакиръ-баба* (Чакъръ-баба, 542 м.), на изтокъ отъ с. Гол. Дервентъ, надъ рѣта Черковна кория, съ остатъци на селището до западния край на рѣта.

9. Крепостта *Провадия* надъ дѣсния брѣгъ на р. Провадияница, почти по срѣдата, между Дервентския проходъ и гр. Одринъ.

Описанитѣ горѣ крепости се намиратъ край самия старъ пѣтъ и сѣ служили за негова защита и като наблюдателни пунктове.

Освенъ описанитѣ крепости е имало и други погранични крепости между стария пѣтъ и р. Тунджа:

1. На югозападъ отъ с. Бейкѡй на едно ниско възвишение надъ лѣвия брѣгъ на р. Тунджа.

2. «Калето» на югозападъ отъ с. Читалово.

3. «Градището» на западъ надъ с. Дерменъ дере, надъ лѣвия брѣгъ на селската рѣка; на югъ отъ крепостта в. Царевъ Конакъ.

4. «Градището» между с. с. Срѣмъ и Урумъ-Беглий, на найвисокото мѣсто на гребена Кюстарлъкъ, който слиза отъ крепостта стрѣмно къмъ р. Тунджа.

5. До с. Хамза-беглий.

Двата пѣтя отъ българскитѣ столици Плиска и Преславъ, презъ Драгоево-Ришки и Върбишки проходи сѣ описани въ статията «Старобългарска съобщителна мрежа около Преславъ и крепоститѣ до нея» въ «Бълг. историч. библиотека» (1929 г.), томъ II., стр. 82—102.

Одринскиятъ пѣтъ на югъ отъ крепостта «Доуруклийско Кале» (Маркелли) къмъ югъ е минавалъ рѣтътъ Паскалевъ Кладенецъ, е слизалъ въ с. Топузларе и се изкачвалъ на възвишението на изтокъ на долината Тончевица, наречено Татарски колиби съ найвисоката точка Пѣвата Могила (265); на югъ отъ могилата е мѣстността Метериза, което название би показвало и погранична линия, която би сочила пакъ къмъ пограничната крепостъ Дебелтъ. Пѣтътъ е слизалъ въ долината на Але-

¹⁴ Абоба-Плиска, стр. 516. Планъ. Атласъ. Табл. СХІІІ, обр. 8.

¹⁵ Абоба-Плиска, стр. 516.

ксандровската рѣка (Хасаноглу) и се изкачва на възвишението Каракушка (236 м.) и презъ дола на Черкеската рѣка и Османския рѣтъ, отива къмъ с. Гюндюзлери и презъ рѣта Креманитѣ слиза въ с. Стефанъ Караджа (Ичме) и по наюгъ въ Пашакъойското Кале, една отъ наблюдателнитѣ позиции на пѣтя. Отъ крепостъта пѣтътъ минава по източния склонъ на Хамбарлийския рѣтъ и край с. Мураданлий сочи къмъ с. Елеменли, като върви по западнитѣ склонове на Чалъ баба къмъ Турфалийското Кале. Отъ последната крепостъ, край в. Ветата Стража (459 м.), отива презъ с. Гол. Дервентъ къмъ Дервентския проходъ и, презъ крепостъта Провадия, която се споменува въ Шуменския надписъ отъ първото българско царство (τοῦ Προβάτου),¹⁶ достига гр. Одринъ.

Хамбарлийскиятъ надписъ е билъ намѣренъ въ Хамбарлийското селище и отъ тамъ пренесенъ въ с. Хамбарлий и поставенъ до единъ изворъ на мѣстото за пране, съ което е билъ напълно изтритъ грѣцкиятъ надписъ на личната страна на камъка.

Споредъ друго сведение надписътъ е билъ първоначално въ развалинитѣ на малката крепостъ — Пашакъойското Кале.

Презъ време на европейската война камъкътъ е билъ пренесенъ отъ военитѣ власти въ Варненския Музей (инвентаръ III., № 934).

Надписитѣ сѣ преписани презъ 1884 г. отъ Херм. Шкорпилъ и непълно публикувани въ *Archäologisch-epigraphische Mittheilungen* въ статията «*Antike Inschriften aus Bulgarien-Thrakien*», Herm. und Karl Škorpil. Томъ XV., №№ 26—27, стр. 98—99.

Камъкътъ представлява олтаръ (ара) 1,72 м. високъ съ двучлена база отъ простъ профилъ и горе разширенъ въ сѣщата форма.

Срѣдната часть на олтара е 0,85 м. висока, отпредъ 0,62 м., а отъ страни по 0,43 м. широка.

Долната плоча на олтара е 0,245 м. висока, отпредъ 0,74 м., а отъ страни по 0,58 м. широка, а наклонената плоскостъ надъ нея — 0,19 м. висока. Горната плоча на олтара е 0,195 м. висока, а другитѣ размѣри на горната разширена часть сѣ както при базата.

Профилирани сѣ дветѣ крайни части на олтаря отъ тритѣ страни правилно и отъ задната страна небрежно, съ изкривени наклонени плоскости.

Предната плоскостъ на олтара е била изгладена, страничнитѣ стени сѣ грапави, а задната стена е грубо обработена.

Материялтъ е особенъ мраморообразенъ сивъ твърдъ камъкъ (типътъ *bressie*), съ червеникави петна и пояси, а отъ горе на предната страна едно жълто едро. Камъкътъ по повърхността се отлющва.

Върху олтара има два вида надписи отъ разни времена.

¹⁶ Абоба-Плиска, стр. 233. Атласъ, Табл. XLV.; Arch. epigr. Mitth. XIX. 2 № 8 стр. 242; *Златарски*, «История на българската държава» I. Притурка 17.

Първоначалниятъ гръцки надписъ е билъ писанъ само върху срѣдната плоскостъ на предната страна ($0,62 \times 0,85$ м.), въ правилни редове, съ хубаво изработени букви. Надписътъ презъ 1884 г. е билъ още значително запазенъ, съ изключение на долнитѣ редове; до препасането на камъка въ Варненския музей надписътъ е билъ почти напълно изтритъ отъ пране на дрехи съ тупалки върху надписа и сѣ останали отъ него само незначителни следи. Въ табл. I е произведенъ надписа споредъ преписа отъ 1884 г. и малкитѣ запазени остатъци. Надписътъ е публикуванъ въ Arch. ep. Mitth., XV., стр. 99, № 27.

Ἀγαθῇ τύχῃ
Σῆτον Καλὸν τί[ς] ὕμνε[ι]
πρόσ[θ]ε Κλεινίου παῖ[δα];
τοιο[ῦ]τος [ῥ]ῆμ]ην καὶ
τύποις τ[ε] καὶ κλήσει,
λιπὼν [δ]ὲ θνητὴν σάρ-
κα καὶ [κ]όινον θήκη
ἥρως [μ]ετ' ἄλλον εἰ[μι]

.....
.....

По-новия надписъ е писанъ върху дветѣ странични стени на олтара и то, на горната плоча на олтара, на наклонената плоскостъ подъ нея, на срѣдната частъ и на горната наклонена плоскостъ отъ базата. Надписитѣ сѣ писани небрежно, въ неправилни и наведени редове съ нееднакви букви. Горната частъ на надписа върху лѣвата стена, на височина 0,42 м. е отлъщена; надписитѣ сѣ писани по грапави повърхности, което е една отъ причинитѣ за небрежността; на дѣсна страна на едно мѣсто личи надписъ и върху отлъщената частъ.

Надписитѣ произлизатъ отъ времето на първото Българско царство. Образитѣ табл. II и III сѣ правени отъ оригинала и съ помощта на отпечатъци върху книга; фотографитѣ табл. IV сѣ правени въ двора на Варненския музей.

Отъ градоветѣ, които се споменуватъ въ надписа е неизвестенъ само последниятъ, но имаме-ли предъ видъ реда на градоветѣ, трѣба да се търси този градъ на югъ отъ града СОЗОΠΟΛΗΝ.

Градъ ANXHALON сега Анхиало и турски Ахиоли, въ римско време Anchialos е единъ отъ найважнитѣ пунктове на западния черноморски брѣгъ, съ мрежа на важнитѣ пѣтища въ източната частъ на Балканския полуостровъ. Стариятъ градъ е билъ първоначално на западъ отъ сегашния градъ въ мѣстността Палеокастро и е билъ основанъ отъ града Аполлония (Созополъ) — Ἀρχαίαις. Споредъ Теофана¹⁷ и споредъ преданията, въ времето на Хамбарлийския надписъ градътъ е билъ прене-

сенъ въ 784 г. сл. Хр. на полуостровъ до морския брѣгъ — сегашниятъ градъ — отъ имп. Ирина.¹⁸

Името на града — Κάστρον Ἀγχιαλέων — е написано върху единъ отъ стълбоветѣ въ базиликата въ българската столица Плиска (Byzantino-slavica II., стр. 191, № 2).

Градътъ е игралъ голѣма роля въ борбитѣ между България и Византия: въ 708 г. тукъ имп. Юстинианъ е билъ разбитъ отъ Тервела; въ 763 г. имп. Константинъ Копронимъ е победилъ хана Телеца; въ 812 г. населението на града е избѣгало отъ страхъ предъ Българитѣ (Крумъ); 917 г. царъ Симеонъ е победилъ византийцитѣ до гр. Анхиальъ.

ΔΕΒΕΛΤΟΝ е основанъ отъ имп. Веспасиана за ветерани отъ VIII. легионъ. (Colonia Flavia Pacis Deultensium, Colonia Flavia Deultum, Colonia Deultus, Deultus, Deultum, Δεβελτός, Δηβελτός, Διβιλτός, Dibaltum, Дебелтъ).

Положението на града открихме до с. Яйказли (Бургашка околия), до края на пограничния окопъ Еркесия.¹⁹ Тукъ се намиратъ две крепости, едната — Дебелтъ — на лѣвия брѣгъ на Карабунарската рѣка, наречена Долно Градище, а другата — надъ дѣсния брѣгъ на рѣката, наречена Горне-градище. Въ надписа, намеренъ до с. Кара-кютукъ, до римското шосе между станциитѣ Deultum и Sadame, отъ времето на имп. Антонина Пиа, се споменува името Burgus (или burgos), което може да се отнася само до крепостта Горне-Градище, на югъ срещу Дебелтъ. («Několik archeologických památek z východního Bulharska». Česká Akademie, třída I., čís. 74, стр. 61—64). Името Develton е отъ тракийско произхождение («Die alten Thraker», Виенска Академия, Bd. CXXXI., стр. 71. W. Tomaschek).

Въ началото на IX. вѣкъ се споменува Дебелтъ, като погранично мѣсто между Гръци и Българи.

Въ 812 г. градътъ е билъ превзетъ отъ Крума и обѣрнатъ въ погранична българска крепостъ съ построяване на външното окопово укрепление. Дебелтъ се споменува въ Сюлейманския надписъ — договоръ на Омортага съ Византия (815 г.). За града се говори и при преговоритѣ на царъ Борисъ (864 г.).

ΣΟΖΟΠΟΛΗΝ сега градъ Созополъ, турски Sizebolü, бивша антична Apollonia (Ἀπολλωνία ἐν τῇ Πόντῳ) основана отъ гр. Милетъ, презъ 610 г. пр. Хр., съ прочутия храмъ на бога Аполлона съ металическа статуа (χολοσσός) на този болъ отъ Каламида (IV. ст. пр. Хр.), каято Marcus Lucullus въ 72 г. пр. Хр. въ триумфъ е пренесълъ въ Римъ на Капитола.

Новото име Созополъ е отъ християнско време (431 г.). Въ византийско време е билъ почти безъ значение. Въ българската история се спо-

¹⁷ Thorphanes ed. Boor I, 457.

¹⁸ Сборникъ Министерства Нар. Просвѣщение IV, стр. 108—119.

¹⁹ Археол. и истор. изслѣдования въ Тракия. Вл. и Кар. Шкорпилъ, «Римска колония Дебелтъ», стр. 26—28; Сборникъ Министерства IV, стр. 133—138.

менува само като епископско седалище въ началото на X. вѣкъ (ὁ Σωζοπόλεως). Името му — κάστρον Σωζοπόλεως — се намира върху единъ отъ стълбоветъ въ базиликата въ Плиска (Byzantinoslavica II., 2., стр. 191. № 3).

INSCRIPTIONS DU PREMIER EMPIRE BULGARE DANS LA PARTIE ORIENTALE DE LA PRESQU'ÎLE BALKANIQUE.

(Résumé.)

Troisième partie:

Inscription du village de Hambarlij
(district de Kazalagač) (Tab. I—IV).

Remarques géographiques:

A l'Est de la rivière Tundža, entre ses deux affluents, les rivières Araplijská et Hamabarlijská, s'étend une hauteur, qui va à travers le village de Hambarlij jusqu'au village de Pašatköi; elle est divisée en deux parties par le premier de ces villages. Sur cette colline se trouvent dispersés des tumuli thraces, qui n'ont pas d'importance stratégique, tandis que la colline elle-même en a une grande.

A l'Ouest de la rivière Tundža se trouvent « les cimes des Monastères », couvertes de vieux châteaux forts et de vieux cloîtres, où il faut placer le lieu de frontière Παγορία, Mesomilion, Mileona. Selon toute vraisemblance, la colline de Hambarlij, elle aussi, faisait partie de la frontière qu'ont réclamé les Bulgares en 716 et en 812, ou se trouvait tout auprès. Sur cette colline se trouvait un village thrace, qui existait encore à l'époque byzantine.

La frontière artificielle bulgaro-byzantine, connue sous le nom de « Erkesija » (pays tranché), passe, dans sa partie orientale, de la rivière Tundža, en face du village de Pandaklij jusqu'à l'extrémité orientale de la colline sur laquelle est bâti le village de Jakerlij et où se trouvent les ruines de la colonie de vétérans romains Deultus et du fort de frontière bulgare Debeltu.

Non loin de la colline de Hambarlij, passait la route importante qui menait de l'embouchure du Danube à l'embouchure de la rivière Maritsa, et qui acquit une grande importance stratégique à l'époque des guerres entre les Bulgares et les Grecs, car c'était la route principale qui reliait les deux capitales des Bulgares (Pliska et Preslav) avec Constantinople et Andrinople.

Les principales forteresses sur cette route étaient *Karnabadský Hisar* du côté bulgare et *Douriklijsko Kale* du côté byzantin. La première de ces forteresses est vraisemblablement, la même que le château Λαοδέας et la seconde, la même que le château Μακρόλλαι, tous deux connus depuis les guerres des deux Empires voisins. De la seconde de ces forteresses commençaient les routes qui menaient

aux plus importants défilés des Balkans — Βεράχασα (Dragoevo-Rišský) et Σιδήρα (Vrbišský); ce dernier conduisait à la capitale de la peuplade slave des Severes Tzika (ἔως τοῦ Τζίκας).

Le long de cette route, se trouvaient en territoire byzantin toute une série de forteresses servant à défendre le passage et à observer les mouvements des voisins:

- 1) le château-fort sur la colline de Vojnišský-Bakadžik;
- 2) » de Taštepe près du village de Taš-Tepe;
- 3) » de Baladža près du village de Mešelij;
- 4) la forteresse du village de Pašaköi;
- 5) le château de Hisarlak près du village Gol. Bojalak;
- 6) » près du village de Turfalij;
- 7) » sur la colline de Begala au-dessus du défilé du village de Gol. Dervent;
- 8) » sur la colline frontière de Šakir-baba;
- 9) » au dessus du village de Provadia.

Entre cette route et la rivière Tundža, il y a 5 autres châteaux (près des villages de Bejkoï, Čitalovo, Dermen-dere, Sremu et Hamza Beglij).

Les routes qui partent des capitales Pliska et Preslav sont décrites dans l'article: «Сраробългарска съобщителна мрежа около Преславъ и крепоститѣ до нея» dans la «Bibliothèque historique bulgare» II, pp. 82—102.

Description de la route de Μαρκέλλαι à Andrinople; il s'y trouve un lieu intéressant appelé Meteriza, nom qui semblerait indiquer un lieu-frontière.

L'inscription de Hambarlij a été trouvée dans un ancien hameau à l'Est du village de Hambarlij (d'après d'autres, dans le château situé près du village de Pašaköi et a été transportée à la fontaine du village où elle servait à faire la lessive, ce qui fait que les vieux caractères grecs ont été presque complètement effacés). A l'époque de la grande guerre elle a été transportée au musée de Varna. Ces inscriptions ont été partiellement publiées dans les: «Archäologisch-geographische Mitteilungen» XV, pp. 98—99, NN. 26—27.

La forme de la pierre est celle d'un autel, élargi aux deux extrémités, avec un simple profil, haut de 1 m 72, large de devant et au milieu de 0 m 62 et des côtés de 0 m 43.

Sur la face antérieure se trouve une ancienne inscription grecque (Tab. I) et sur les deux côtés une inscription plus récente de l'époque du premier Empire bulgare, écrite sur les surfaces en lignes irrégulières et avec des lettres d'inégales dimensions et difficilement lisibles (Tab. II, III, IV).

Parmi les villes citées dans l'inscription on ne connaît pas la dernière *Panov* qui, si l'on en juge d'après l'ordre, devait se trouver au sud de la ville de Sozopol.

Viennent ensuite quelques remarques sur les villes connues, citées dans l'inscription: Anchialos, Debelt et Sozopolis.

Б. Четене и обяснение на надписитѣ. (Петъръ Никовъ.)

ДВА СТАРО-БЪЛГАРСКИ НАДПИСИ ЗА ВИЗАНТИЙСКО-
БЪЛГАРСКИ ОТНОШЕНИЯ.

Горнитѣ надписи сѣ почти непознати въ науката. Тѣ сѣ били на- истина веднажъ вече въ 1892 година издадени, но само отчасти и непълно по едно недостатъчно и слабо четене и копие отъ 1884 г., при което погрѣшно сѣ били провъзгласени за византийски надписъ, който ужъ съобщава за възстановяване на разрушени византийски крепости.¹ Въ последно време за тия надписи е споменалъ по едно ново копие на К. Шкорпилъ и F. Dvornik, който признава правилно българския имъ характеръ и подчертава при това голѣмитѣ трудности за разчитането и дешифрирането имъ.² Така тия надписи сѣ останали и до сега неизползувани научно, при всичко че заслужаватъ, както ще видѣмъ, едно по-обстойно разглеждане и точно издание.

По своя външенъ видъ и палеографическитѣ си особености, както и по съдържанието си, горнитѣ надписи спадатъ къмъ групата старо-български езически надписи на грѣцки езикъ и писмо отъ първата половина на IX вѣкъ, и третиратъ българо-византийски отношения.

Забележително е въ случая, че върху единъ и сѣщъ алтаренъ камѣкъ сѣ написани три надписа отъ две различни и далечни една отъ друга епохи. Единъ старогрѣцки надписъ се намира върху широката фасадна страна на камѣка. На дветѣ съседни странични площи сѣ издѣлани българскитѣ надписи, които ни интересуватъ тукъ и които сѣ обозначени отъ насъ съ № I и № II. Това сѣ единственитѣ български надписи въ съседство съ старогрѣцки. Разликата между тритѣ надписа е голѣма и характерна. Докато централната площъ на камѣка е добре изгладена и надписътъ е писанъ точно въ нейната срѣда при спазване на всички геометрически пропорции и дистанции, редоветѣ, буквитѣ, а и езикътъ сѣ правилни; липсва, напротивъ, при страничнитѣ надписи всѣко чувство и разбиране за размѣръ, хармония и естетика. Тѣ обхващатъ не само подходящата отвѣсна площъ, но покриватъ отъ горе до долу цѣлия горенъ и доленъ корнизъ на камѣка; редоветѣ сѣ неправилни, много криви и натикани единъ до другъ; буквитѣ сѣ нееднакви — тѣхната голѣмина варира между 2 и 4-5 см., и често сѣ небрежно и несклопно написани. Забележително е освенъ това, че страничнитѣ площи на камѣка сѣ били използувани така, както отначало сѣ си били — равни,

¹ Hermann u. Karl Škorpil, Antike Inschriften aus Bulgarien, «Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn», XV (1892), p. 98—99.

² Deux inscriptions gréco-bulgares de Philippes, «Bulletin de Correspondance Hellénique». Paris. LII (1928), p. 137 n. 5.

но не гладки, съ множество грапини, вдлъбнатини и пукнатини, безъ да бждатъ предварително изгладени; затова много отъ буквитъ намираме издълани въ вдлъбнатини.³ Очевидно въ тия надписи сж се преследвали чисто практически цели при изключване на всъкакви естетически съображения. Езикътъ не е литературенъ, а вулгаренъ гръцки, както и въ останалитъ старобългарски надписи отъ сжщата епоха. Така напр. ние намираме въ тѣхъ употреба на глагола *ἵδωμι* съ *accusat.* вмѣсто съ *dativ.*⁴ Правописътъ е сжщо така особенъ. Употрѣбено е консеквентно навсѣкжде *η* вмѣсто *ι*,⁵ нѣщо, което очевидно не се дължи на практически съображения на каменорѣзача, както би могла напр. да се обясни замѣната на *Ω* съ *Ο*.

Тритъ надписа — срѣдниятъ и страничниятъ — сж представители изобщо на две различни исторически епохи и плодъ на две култури.

Нашитъ надписи сж едни отъ най-дължитъ старобългарски надписи: № I има не помалко отъ 39 реда, а № II — 30 реда. Досега най-дългъ бѣше надписътъ около Мадарския конникъ, на който четиритъ части иматъ всичко 50 реда, и Търновскиятъ надписъ, който брой 32 реда.⁶ Освенъ това, тѣ сж единствени измежду старобългарскитъ езически надписи, които произхождатъ отъ южна България — намѣрени били около село Хамбарлий, южно и близко до гр. Казълъ-Агачъ, тѣкмо около византийско-българската гранична линия.⁷

Въ палеографично отношение нашитъ надписи представятъ значителенъ интересъ. Писани сж съ отвѣсно унциално писмо, което въ № I кжде срѣдата на камъка почва да става по-низко и нескопосно и да се наклонява на дѣсно. При това буквитъ Г и Е, които сж жглести, ставатъ къмъ края на № I закржглени (С, Е).⁸ Въ № II тия букви сж, напротивъ, само закржглени. Буква О е въ № I написана кржгло, а въ № II — продълговата и заострена горе и долу. Застѣпени сж въ надписитъ всички букви на гръцката азбука, съ изключение на две: *ψ* и *ι*. Буква А е съ

³ Вж. тукъ № I р. 7* между буквитъ Е и Δ; р. 14* на края; р. 19 б. 5^a; р. 20 на края; р. 25 б. б. 5^a, 7^a и пр. № II р. 11 б. 6^a; р. 14 първитъ 9 букви; р. 15 б. б. 7^a, 9^a, 10^a и 15^a; р. 25 б. б. 5^a, 7^a, 9^a и 10^a; и пр.

⁴ Вж. № I р. 8—9.

⁵ Вж. № I р. 16: Κονσταντήαν; р. 17: Ἀδριανούπολην; р. 29: χορήα; р. 29: ἐνορήα. № II р. 11: ἦνα; р. 14 и р. 26: ἐστήν; р. 20: δηά; р. 25: Σοζούπολην.

⁶ К. Škorpiš, *Inscripfen aus Bulgarien*, «Archäol.-epigr. Mitteil.», XIX (1895), р. 247—8; сжщо Г. Фехеръ, Надписътъ на Мадарския конникъ. София. 1928. — Успенски въ «Извѣстія Рускаго Археологическаго Института въ К-плѣ». VII (1901), р. 5; сжщо В. Н. Златарски, Два известни български надписи отъ IX в., «Сборникъ за Народни Умотворения». София. XV (1898), стр. 133.

⁷ Тая находка идва отъ своя страна косвено да потвърди изводитъ и заключенията на проф. Златарски и опредѣлената отъ него гранична линия северно отъ Одринъ, вж. История на българската държава, I стр. 300—301.

⁸ Срв. № I р. 25, р. 27, р. 31, р. 32, р. 33 и пр.

счупена напречна линия. Горниятъ полумесецъ на б. В е по-малък, а долниятъ — по-голямъ и образува остъръ жгълъ; при това въ № I двата полумесеци сж малко отдалечени и пресичатъ отвѣсната, безъ сами да се допиратъ, а въ № II тѣхната линия е съединена, но отстои отъ отвѣсната и не я пресича.⁹ Интересно е очертанието на Є — една отвесна, пресечена подъ правъ жгълъ отъ друга хоризонтална линия — въ думата Λέων (№ II р. 10). Въ б. К счупената линия образува остъръ жгълъ. Λ състои отъ две нееднакво дълги черти, дѣсната по-къса. Срѣднитѣ две линии на б. М сж два пжти покъси отъ вѣншнитѣ. Въ нѣкои мѣста б. N така се наклонява въ дѣсно и дѣсната отвѣсна се издига надъ равнището на лѣвата, че достига дори една преходна форма къмъ курсива. Полумесецътъ на б. Р е обикновено малъкъ, при това въ № I той е наклоненъ нагоре (P), а въ № II — надолу (P). Буква У е въ № I съ къса или никаква долна опашка, а въ № II напротивъ — съ дълга такава. И въ № I и въ № II нѣма никакви дифтонги, съ изключение на ОУ. За звукъ і се употрѣбява навсѣкжде най-вече Н или У. Забележителна е при това употрѣбата на Н вмѣсто ι.

Въ № II има често лигатура на NH и HN,¹⁰ която въ № I нийде не се явява. Въ последния намираме обаче другъ видъ свързване на букви, именно на А съ Р, на Е съ Λ, а навѣрно и А съ N,¹¹ което, съ изключение на първото, не може да се счита за сжщинска лигатура, а по-скоро за допълване на пропуснати букви. Освенъ това срещатъ се и нѣкои съкращения. Въ № I надъ началния редъ има нѣкои знаци, на които смисълътъ не е ясенъ и не е ясно, дали не сж грапини по камъка; други знаци или съкращения въ него нѣма. Напротивъ, № II съдържа две интересни съкращения: съкратени сж последнитѣ две срички на думата δευτερον и последната сричка на σφατηρὸς и това посочено съ точка.¹² Това сж обикновени съкращения въ надписитѣ.¹³ Следъ σφατηρὸς стоятъ нѣкои непонятни знаци, отъ които първитѣ два въ ржкописитѣ сж съкращение на ἐν, но тукъ не подхожда това тълкувание, а по смисълъ бихме очаквали ἔνθ, което се съкращава другояче.¹⁴

Палеографскитѣ особености на нашитѣ надписи ги отнасятъ, както и другитѣ съображения, къмъ IX в. и то къмъ началото, когато заостреното унциално писмо, наклонено въ дѣсно, начева да си пробива често пжтъ и накрай въ срѣдата на сжщия вѣкъ преобладава, безъ да изтласка

⁹ Срв. напр. р. р. 12, 16, 18, 24, 27.

¹⁰ Срв. № II р. р. 18 и 19; и р. р. 14, 18, 19, 25, 26, 27.

¹¹ № I р. р. 2, 14 и 24. — Подобна странна лигатура ние срещаме и въ Пресияновия надписъ, вж. F. Dvornik, op. c., pl. VI (р. I края).

¹² Вж. р. 17 и р. 19.

¹³ V. Gardthausen, Griechische Paläographie, II Leipzig. 1913, p. 324.

¹⁴ № II р. 19 края; Gardthausen, op. c., 337, 341.

съвсемъ и отвѣсното писмо.¹⁵ Отъ друга страна посоченитѣ дотукъ палеографски различия въ № I и № II показватъ доста ясно, че тѣ сж писани отъ две различни рѣце. При всичко това тѣ не сж съвсемъ независими, както ще видимъ по-долу, по време и съдържание единъ отъ другъ.

*

Разчитането на нашитѣ надписи представя доста голѣми трудности, затова ние ще се спремъ тукъ по-обстойно на него и на обосноваването на добититѣ отъ насъ резултати следъ щателно изучаване на самия оригинал, на фотографията и на абклача отъ него. При това всѣка буква, която по една или друга причина представя и най-малка несигурность поставяме въ скоби.

№ I.

Дѣсната странична площъ на камъка е покрита съ надписъ № I, който върви отъ най-горния край на камъка до долния и върху самия корнизъ. Камъкътъ е цѣль запазенъ отъ тая страна, но твърде грапавъ, разпукавъ и олющенъ; той е билъ такъвъ, както вече казахме, при написване на надписа, така че последниятъ, който на мѣста е вече доста изтритъ, мжчно се чете и възстановява. Една важна и трудна задача при това е отдѣлянето нарѣзтитѣ на каменорѣзача отъ грапавинитѣ на камъка. Надписътъ на горния корнизъ е така силно пострадалъ, че смисълътъ му не се улавя вече. На отвесната площъ на корниза има четири реда, а надъ тѣхъ нѣкои знаци, които, може би, сж образували още единъ редъ.

1 р. До самия най-горенъ рѣбъ на камъка има следнитѣ петъ знаци: о, ~, х, х и до последния знакъ една отвѣсна черта, — които стоятъ съответно надъ следнитѣ букви отъ следващия редъ: Х, У, В и надъ второто Н.

2 р. Въ началото имаме знака *Å* който изглежда лигатура на А и Р. Следъ това идва ясно Х и О, и слаби следи отъ N, следъ това доста разкрасено и неправилно У съ черта отгоре. Следващитѣ букви ВННН се четатъ ясно. На края на реда има следъ това буква прилична на О или Ѡ и други несигурни следи, може би, части отъ М. За забелязване е, че въ тоя редъ между отдѣлнитѣ букви е оставено повечко разстояние. Четенето на тоя редъ навежда на мисълта, че въ р. 1 може да се предполага фразата *ѡ ѣх Ѡеѡѡ*, доста обикновена въ други старобългарски надписи.¹⁶

¹⁵ *Gardthausen*, op. c. 248.

¹⁶ Срв. *Чаталарския* надписъ р. 4 и 14 у *Успенски*, *Абоба-Плиска*, въ «Изв. Руск. Арх. Инст. въ К-плѣ» X стр. 544 сл.; *Маламировия* надписъ р. 3 и 17, *Ibid.* 230-231; *Шуменския*

3 р. Слаби следи отъ букви. Най-първо три успоредни хоризонтални линии и малко въ лѣво една отвѣсна. После идва ясно Н и неясни следи отъ буква, до тѣхъ две отвесни линии отъ Н или П, праздно мѣсто за две букви, после Н и следи отъ О или Θ. Последната буква е Λ, но може да е и Α съ изтрита напречна, преди което се чете ясно ННОП.

4. р. Запазени сж ясно само 2-а и 3-а букви, а остатъкътъ е неясни следи.

5. р. Личатъ само отдѣлни букви, именно: .Θ(Γ)..(Λ)..(Λ)(Γ)...ΑΥ.

6 р. Тоя редъ е написанъ вече върху наклонената площъ на корнизa, която е много грапава и това затруднява четенето. Първата буква е неясна, следъ нея се чете Ε(Δ)Ο(Θ)Η, а следъ праздно мѣсто за две букви, личи ясно (Λ)ΗΘΑΡ.

7 р. Първата половина не се чете. 5-а и 6-а букви сж въ следи, но не напълно сигурни, а следъ праздно мѣсто за две букви четемъ Κ(Ε)(Ε)ΖΕΤ, при което дветѣ крѣгли Ε сж тукъ като че ли не на мѣсто, защото наоколо имаме все жгесто Ε. Изобщо до тукъ четенето на следитѣ отъ надписа е не винаги напълно ясно и сигурно и едва съ следващия редъ то става такова. Тоя и предишниятъ редъ, може би, трѣба да се попълнятъ по смисълъ така: ἐδόθη [τε] ληθαρχία δέκα καὶ ἑξ ἑτῶν. (вж. затова тукъ стр. 362).

8 р. Камъкътъ тукъ е много грапавъ и шуплестъ, и при всичко че буквитѣ сж несрѣчно издѣлани, редътъ се чете ясно и добре, но следъ внимателно вглеждане. Първата буква е въ следи, които изглеждатъ на О; остатъкътъ е ясенъ. Забележително е, че между буквитѣ Ε и Λ има праздно мѣсто, разпукано и неподходящо за писане, затова изоставено, а това показва, че при писане на надписа камъкътъ е билъ неизгладенъ. Четемъ тоя редъ така: (Ο)ΝΚΕΕΔΟΚΕΝ.

9. р. Само началната буква е въ слаби следи, иначе редътъ се чете ясно: (Α)ΥΤΟΝΟΘΕΟ.

10 р. се чете трудно и буквитѣ сж нееднакво отдалечени една отъ друга поради силно разядената и грапава площъ. Въ началото на реда стои едно криво и неправилно Γ, крайната буква отъ последната дума на предишния редъ (ΘΕΟΣ). После идва ΚΕ и Τ, на което отвесната едва личи. Следващата буква не е О, както изглежда на пръвъ погледъ, но Α, на което долнитѣ части слабо личатъ. Поради разядената площъ следващото Μ мжчно се различава, но се чете сигурно; следъ него, малко отдалечено поради грапавинитѣ стои Ε, на което долната хоризонтална линия едва личи. На края имаме следи, вѣроятно, отъ Ν. Ако и трудно, четенето на тоя редъ е сигурно.

11 р. е първиятъ редъ върху по-гладкия корпусъ на камъка, ако и къмъ края да минава и върху корнизъ; затова, види се, той е съ по-голъми и правилни букви и се чете ясно: KACCTPAEP. При това C е, очевидно, погрѣшно дублирано отъ каменорѣзача, а последното A е силно разкрачено до тѣпъ жгълъ. Сѣщо така е билъ четенъ тоя редъ и въ 1884 г. отъ братия Шкорпилъ.¹⁷

12 р. Първитѣ 6 букви се четатъ добре, сѣщо така е ясна и последната E, но дветѣ предпоследни сѣ въ съвсемъ слаби следи и четенето имъ TA не е напълно сигурно. Четемъ: HMOEEN(T)(A)E.¹⁸

13 р. Първитѣ 5 и последнитѣ 3 букви се четатъ ясно. Само междиннитѣ букви, дето камъкътъ е разваленъ, сѣ въ слаби следи, които на фотографията приличатъ на П и E или H, но пакъ не сѣ напълно сигурни. Четемъ: TETHN(P)(E)PAH.¹⁹

14 р. Първите 7 букви сѣ ясни. Следъ това камъкътъ е повреденъ така, че е останала долната дѣсна частъ на буква, която по очертанието си и после по смисълъ не може да бѣде друга, освенъ Δ. Следващата буква E е малко отдалечена, несъмнено, за да се избѣгне трапчинката на камъка на това мѣсто. На края на реда личатъ блѣдо но сигурно B и E, подъ последното окачено едно Λ, за което не е имало мѣсто на края на реда. Второто N по погрѣшка е дублирано. Четемъ: KHNTNHN(Δ)EBEA.²⁰

15 р. И тоя редъ е повреденъ къмъ края, както и предидущитѣ два. Последнитѣ две букви само сѣ въ слаби следи, които приличатъ, па и по смисълъ на текста сѣ сигурно TA, останалата частъ отъ реда се чете ясно: TONTNHNKONE(T)(A).²¹

16 р. Затрудненията и тукъ сѣ на края на реда. Първитѣ 8 букви сѣ ясни. Следъ това идва една отвесна, извиваща горе подъ правъ жгълъ въ хоризонтала, пресичана отъ друга отвѣсна, която достига горе буква E отъ предидущия редъ. Тая буква не е H, както се е чело въ 1884 г.,²² но навѣрно Γ. На края на реда има мѣсто за още две букви и нечетливи следи, които само по смисълъ биха могли да се попълнятъ. Може би тукъ да имаме началото отъ думата Γ[PYKI]-KHN или Γ[ΛY]KHN, т. е. прилагателно, което подхожда тукъ по-добре отъ сѣществително на градъ, защото иначе *Αδριανοῦπολιν отъ следващия редъ би било безъ членъ. Въ всѣки случай членътъ THN показва тукъ по аналогия съ предидущитѣ думи, че имаме име на градъ.

¹⁷ Отъ тоя до 27 редъ тоя надписъ е издаденъ по копие на братия Шкорпилъ отъ 1884 г. въ «Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn» XV (1892), p. 98-99.

¹⁸ Въ 1884 г. Шкорпилъ (ib. p. 98) сѣ чели: HM. OEEN(Δ)ΔΔE.

¹⁹ Така е четено и въ 1884 г. безъ срѣднитѣ две съмнителни букви, ib. 98.

²⁰ Четене отъ 1884 г. (ib. p. 98): KHNTNHN . . ΔE .

²¹ Ib. p. 98: TONTNHNKONE .

²² Ib. p. 98: NTHAINTANHN .

17 р. Буквитѣ тукъ сѣ малко сбутани, но се четатъ. По-неясни сѣ 2-а и 3-а букви, които приличатъ на Н и N, но дѣсната отвѣсна линия на първата е крива, а на втората — изтрита и не личи. Петата буква е по очертание Λ, което трѣбва, обаче, по смисълъ да се попълни и чете като Α. Деветата буква Α е доста изтрита, но все пакъ личи; така сѣщо и следващото N. На края на тоя редъ има още мѣсто за една буква, която по смисълъ може да се попълни, именно съ ou. Четемъ, следователно: KHN(A)ΔPHAN[Ø].²³

18 р. Отъ тукъ нататъкъ редоветѣ на надписа се кривятъ и сближаватъ, затова буквитѣ сѣ по-малки и по-неправилни отъ преди. И тоя редъ е неясенъ на края. Първитѣ 9 букви се четатъ добре. Следъ това има следи на Α, на което дѣсната наклонена е изтрита. Следъ това на края на реда има мѣсто за две, навѣрно, изчезнали вече букви. Четемъ, следователно: ΠΟΛΗΝΤΟΥΤ(Α) . .²⁴

19 р. се чете трудно, защото камъкътъ е разпуканъ и неравенъ, а буквитѣ небрежно и неясно очертани. Въ началото имаме неправилно Ε, на което срѣдната хоризонтала не пресича почти отвѣсната. После следва ясно Т, до него сгушено У, небрежно и набързо написано, безъ долна опашка; следъ това Μ, на което срѣдната чупка е много малка и кѣса. На самата пукнатина на камъка съ дѣсната черта въ нея личи следъ това Α и после доста ясно ΝΤΑΛ и на края следи, навѣрно, пакъ отъ Α.²⁵

20 р. се дешифрира сравнително лесно. Първитѣ три букви сѣ ясни. Изглежда на пръвъ погледъ, че следъ това идва Π, както се е чело и въ 1884 г.,²⁶ но следъ внимателно вглеждане виждаме тукъ б. Т, на която хоризонталната въ лѣво личи много слабо, а въ дѣсно е прекомѣрно продължена до съседната б. Ρ., на която пѣкъ полукръгътъ слабо личи и има видъ на тригълникъ. Подиръ това следва ясно Α, а после мѣстото на една изчезнала буква, която по смисълъ лесно попълваме съ Ε, за което има наистина нѣкои подходящи следи. Следва Λ, което по очертание може да бѣде и Δ, после идва пакъ Α, малко криво поради развалата на камъка тукъ, срѣдната чупка на което прилича на малко ъглесто Ο. Следващата буква прилича на Β, но и на Κ, обаче на фотографията съ лупа се вижда ясно, че тукъ е била издѣлана б. Β, а привиднитѣ крачка на Κ произлизатъ отъ пукнатинитѣ на камъка. Установяването на б. Β прави сигурно четенето и на съседнитѣ букви Α и Λ. На края на реда личи ясно Ε, така че ние имаме глагола ἐλαβε[ν, а не ἔδωκε[ν, което иначе се потвърждава и отъ самия смисълъ на надписа.

21 р. При всичко, че буквитѣ сѣ доста изблѣднѣли, все пакъ се четатъ всички добре: ΝΤΑΔΕΛΥΠΑΚΑ. Следитѣ на Λ сѣ слаби, но ли-

²³ Ib. p. 98: ΚΙΑ(ΟΑ)ΔΡΗ(ΘΝ)ΔΝ .

²⁴ Ib. p. 98: ΠΟΛΗΝΤΟΥΤ(Α) .

²⁵ Четене отъ 1884 г., ib. p. 98: (Θ)Τ(Λ)Μ(Λ)W . Α(Κ) .

²⁶ Ib. 98: ΚΑΕΠΑ . Λ(Δ)ΟΚ(Η) .

чатъ, а крайнитѣ две букви се различаватъ съ трудъ, защото камъкътъ е разваленъ.²⁷

22 р. Въ началото до самия рѣбъ на камъка стои сгушено Г. Следващитѣ 8 букви сж ясни, а 9-а личи слабо, но лесно се установява не само по очертанието ѝ, но и по смисълъ. Крайнитѣ две букви сж въ неясни следи, които приличатъ на ТН, четене, което се подсказва и отъ смисъла. Четемъ, следователно: СТРАЕΔΟΚΕΝ(Т)(Н). Изобщо буквитѣ на тоя редъ сж криви и несклопосни, особено б. Р, на която полукръгътъ е жглестъ и горе несъединенъ съ отвесната, която пъкъ е закривена на лѣво, така че прилича на У.²⁸

23 р. Въ самото начало подъ б. Е отъ предиущия редъ личатъ следи отъ N, доста ясни. Втората буква е Ф, а следъ нея УКАНКЕТНН. Последнитѣ две букви сж само следи, но сигурни.²⁹

24 р. Началото на тоя редъ е трудно за дешифриране. Тукъ има мѣсто за три букви, отъ които третата е ясно N, втората прилича на Ω а първата представя следи отъ три хоризонтални линии и една отвѣсна въ лѣво, значи, навѣрно Е. По-нататъкъ редътъ се чете добре така: (Е)(Ω)NKEEΦΥΓANK. Обаче четенето на първитѣ две букви остава не-сигурно. По смисълъ тукъ следва да се очаква, следъ последната дума τήν отъ предиущия редъ, име на градъ или земя отъ женски родъ, но полученото име ΕΩΝ не отговаря на това. Може би, тукъ разрешава въпроса една интерполация между втората и третата букви на б. Α, която е била пропусната и после добавена, както въ р. 14 б. Α въ Δεφέλ-τὸν, защото подъ б. N отъ нашия редъ действително има следи отъ една добавена, може би, б. Α. Въ такъвъ случай бихме имали думата ἑώαν, т. е. източната (крепостъ или земя). Това остава, разбира се, едно предположение.³⁰

25 р. Набързо, небрежно и неправилно издѣлани букви. Въ началото личи Е, после съвсемъ ясно О, после К, обезобразено отъ грапавинитѣ на камъка, следъ което идва едно силно разкращено, низко Α. Следватъ Т, О и У, които сж сжщо обезобразени отъ грапавинитѣ на камъка, но личатъ. Ясни сж следъ това буквитѣ ΤΟΠΟΣ при което прави впечатление, че С е кръгло, а не жглесто, както до сега. На края на реда има следи, навѣрно, отъ б. К. Въ 1884 г. тоя редъ погрѣшно е билъ свързанъ съ следващия.³¹

26 р. Първитѣ 6 букви сж четливи: ΕΘΑΡΓΗ. Следващитѣ подиръ това три сж неясни, но по следитѣ имъ се възстановяватъ по следния начинъ: първата е Γ или Ε, втората и третата, отъ които личатъ две

²⁷ Ib. 99, четене отъ 1884 г.: ΝΤΑΔΕ(Δ)Υ(Ε)ΑΚΟ .

²⁸ Четено въ 1884 г., ib. 99: ΕΥΑΙΕΔΟΚΕ . .

²⁹ Сжщо: ΚΟΝ . Ε . . ΗΚ .

³⁰ Ib. 99: ΑΝΚΕ . . ΜΓΟΝ .

³¹ Ib. 99: ΝΘΑ(Θ)ΡΗ . . ΟΠΟΘ .

отвѣсни паралелни линии, могат да бждатъ Н, N или П; по смисълъ, обаче, ние четемъ тукъ (Е)(П)(Н). Следъ това вървятъ още 5 ясни букви TONTO, които се четатъ сигурно, ако и долната частъ на втора и трета да е силно изтрита. Въ копието отъ 1884 г. тоя редъ е свързанъ погрѣшно съ предиущия редъ.³²

27 р. Въ началото стои б. П съ закржглени горе жгли; следъ това следва О съ две черти въ дѣсно, които, навѣрно, произлизатъ отъ отплесване на длетото на каменорѣзача, и които подмамватъ да се чете тукъ б. А, както е именно сторено въ копието отъ 1884 г.³² После се чете ясно НТОУТОНТОПОУЕ, при което отвѣсната на второто Т слабо личи. На края на реда има, изглежда, остатъкъ отъ буква неизвестна.

28 р. Започва съ буква Λ до самия ржбъ на камъка; до нея ясно се чете ΘΕΤΟΝ, а следъ това следи отъ две неясни букви, може би, О и А. Понататъкъ редътъ е четливъ и гласи ΛΟΗΜΟΝΚ. Това е последниятъ редъ на № I, издаденъ въ 1892 г.³³

29 р. е въ началото много нечетливъ, защото буквитѣ сж криви и неспособно написани. Най-първо има следи, прилични на Е, което и по смисълъ подхожда като частъ отъ съюза χαλ. Следъ това вървятъ следи отъ две букви, които не могатъ се установи съ сигурность, и една доста дълга пречупваща се линия, която се дължи, навѣрно, на камъка и непосредствено до края на която личи буква N, а до нея сигурни следи отъ буква О. Остатъкътъ отъ реда се чете ясно така: ΡΗΑΗΜΟΝ(N)(A), при което предпоследната буква може да бжде още Н, а последната — Λ или Δ. Възъ основа на тия остатъци бихме могли да попълнимъ по смисълъ реда така: Ε[ΗΕ](N)ΟΡΗΑΗΜΟΝ(N)(A).

30 р. Първата буква е Ε, С или О, ако се приеме, че срѣдната ѝ чертичка, която не пресича полукръга, е естественъ белегъ на камъка. Втората буква е много крива и нечетлива, но прилича на Π. Следъ нея следватъ ясно ΟΤΕ, а подиръ това — следи приличащи на Ρ, съ съвсемъ слабо личаща отвѣсна линия, и ясно N. Между Ρ и N, надъ тѣхъ самитѣ, се забелязва едно ясно О, което, може би, е било пропустнато и въ послѣствие добавено отъ каменорѣзача. Понататъкъ следва ясно О, до него следи блѣди, наподобяващи буква Β, после ясно Λ, което обаче може да бжде и Α съ изпаднала срѣдна чупка, после части отъ изправенъ полукръгъ, значи С или Ε, до него ясно Н съ криви отвѣсни; и най-подиръ ΛΕΥ. Следователно ние четемъ и попълваме тоя редъ така: (Ο)(Π)ΟΤΕ(Ρ)[Ο]ΝΟ(Β)(Α)(С)ΗΛΕΥ.

31 р. Отъ начало имаме едно доста ясно и сигурно С, втората буква е неясна, третата е Λ или Α, четвъртата ясно Κ, до него пакъ Λ. Следъ това идва нечетлива буква, може би, О или С, после ясно Ε и следи,

³² Ib. 99: ΠΑΝΤΟΥ(ΤΟ)Ν . . .

³³ Ibid: ΛΘ ΟΠΟΥΘ .

прилични на К; до него ясно се чете ЄЄ(Π)HPЄN , при което хоризонталната линия на буква П едва личи; така че тая буква, ако има други основания, би могла да се чете и като Н или N. Следователно ние четемъ тукъ: С . (Λ)ΚΛ. Є(Κ)ЄЄ(Π)HPЄN .

32 р. Първитѣ букви приличатъ на N и A, но сж несигурни. Следъ това редътъ се криви нагоре, но се чете ясно: KETOYCOPOKOUCE ; при това долната по-малка частъ на първото O е много изтрита. Забележителна е тукъ изключителната употреба на кржгло Є и С.

33 р. се чете добре, защото буквитѣ сж запазени доста добре и сж ясни и четливи: ΛHSCMONHCЄNKЄЄЄ .

34 р. Въ началото на тоя редъ има буква С, която евентуално би могла да бжде и Є; преди нея, обаче, има следи отъ още една нечетлива буква до самия ржбъ. Следъ С се чете ясно HNЄ , а следъ това до самата пукнатина слаби следи, навѣрно, отъ Т и O. По-нататъкъ четемъ ясно OAPXONO ; при това редътъ извива нагоре и грапавата площъ затруднява четенето. Последната буква е Λ, която обаче може да бжде и A или Δ, или пѣкъ частъ отъ M, за което говорятъ нѣкои следи до нея. Споредъ всичко това тоя редъ гласи така: .(C)HNЄ(T)(O)OAPXONO(M).

35 р. е съ силно изтрити и неясни букви и само отчасти се чете. Въ началото стоятъ две букви, които приличатъ на Λ или A, но не сж сигурни. Трета и четвърта букви не личатъ вече. Следъ това идва ясно P, после ясни но слаби следи отъ O и C, следъ което неясни остатъци отъ две-три букви, ясно C, две нечетливи букви и накрай ясно се чете OΠOΛ . Ние четемъ, следователно, тоя редъ по следния начинъ: (Λ)(A)..POC... C...OΠOΛ.

36 р. е много изтритъ и нечетливъ. Следитѣ отъ буквитѣ даватъ основание за следното четене, което е въ хармония и съ предиущия редъ, но все пакъ е несигурно: . . (B)(X) . (Γ)(A)P(O)(N)... TЄ(A) . Въ връзка съ предиущия редъ и по аналогия съ Преснановия надписъ³⁴ тукъ бихме могли, значи, да четемъ: (τῶν) πολλ(ῶν Βουλῶν)ρ(ων).

37 р. Въ началото на реда има праздно мѣсто, но неравно. Първо личатъ ясно KЄA , следъ това следи, навѣрно, отъ Π, пакъ неясни остатъци, отъ които вториятъ и третиятъ приличатъ на C, Є или O; и на край ясно NHM(A) .

Двата последни редове иматъ запазени само по нѣколко букви на края, а именно:

38 р. MCOTHN

39 р. C... Λ...

По установеното така до тукъ четене № I се явява въ следния видъ и се попълва и превежда както следва:

³⁴ F. Dvorník, op. c., p. 128.

* т. е. забавяне, отсрочка.

вѣсна. Следъ това вървятъ три ясни букви ANĖ, следъ които имаме само неясни следи.

3 р. Началната буква е ясно Т, до него AN и праздно мѣсто за една изчезнала буква, следъ това Δ съ слабо личаща хоризонтална и, навѣрно Н, на което втората отвѣсна не личи. Останалитѣ букви отъ тоя редъ сж вече изтрити.

4. р. Личатъ всичко само първитѣ три букви ГAN.

5. р. Началнитѣ четири букви личатъ добре ONHN, а следъ това ясни следи отъ А; нищо друго.

6 р. Запазено е само началото на реда и то така: A(O)N . TO

7 р. има запазени само втората буква Н и третата, четвъртата и пета отъ края TON. Следъ Н има следи — две отвѣсни линии, навѣрно, М.

8 р. се чете накрая добре, а въ началото слаби следи, именно: (C)(O) . (T)(O)(N) . NE(C)OCA(C) .

9 р. Първата буква е ясно Т, втората — У, на което долната опашка е почти изтрита, третата — Р съ извитъ доленъ край на отвѣсната му малко въ дѣсно, четвъртата — ясно А. Подиръ това идатъ следи неясни на две букви, първата, може би, С, а втората Θ, но несигурна. Следва празно мѣсто на една изтрита буква, следъ което се четатъ ясно: FONMOY; а на края на реда — една отвѣсна линия, пресичана въ срѣдата отъ следи на една наклонена, навѣрно, остатъци отъ буква К.

10 р. Въ началото има праздно мѣсто за една буква, която е неяснено Є, отговаряща на наличнитѣ слаби следи, а и на смисъла като частъ отъ съюза kał. По-нататъкъ редътъ се чете ясно: (Є)ОСТРАТНГОСОΛЄO(N). При това трѣбва да се отбележи, че следъ четвъртата буква Т има една излишна отвѣсна черта, очевидно, по погрѣшка на каменорѣзача. Долниятъ край на отвѣсната на б. Р е вече изтритъ. Забележително е очертанието на б. Є — една отвѣсна, пресичана отъ друга хоризонтална линия подъ правъ жгълъ. На края на реда има остатъци отъ буква N.

11 р., както и предидущия, е съ неумѣло написани букви, но се чете добре: HNAHNYΠOKATOAYT. На четвъртата буква отвѣснитѣ линии сж силно изтрити и затова кжси, докато напречната е добре запазена. Буква Π е издѣлана отчасти въ трапчинка, затова е неясна. На последното Т хоризонталната линия едва личи.

12 р. въ първата си частъ е доста изтритъ, но все пакъ се дешифрира добре. Първата буква е почти изтрита, но по следитѣ и по смисълъ се установява съ сигурностъ като О, което заедно съ следващото У съставя необходимото генитивно окончание на последната дума отъ предидущия редъ. Следва доста добре запазено А, до него блѣди следи отъ буква Π, дѣсната отвѣсна на която е доста изтрита. Наведено на дѣсно, жглесто О, съ изтрити жгли горе и долу, върви следъ това, последвано отъ много неправилно написана б. В, на която полукръговетѣ се съеди-

няватъ и образуватъ една линия, която не пресича отвѣсната. Напречната линия на следващото Є е съвсемъ изтрита и не личи. По-нататъкъ се чете ясно остатъкътъ отъ реда: РОHNKE.

13 р. Първата половина отъ тоя редъ е толкова изтрита, че освенъ слаби следи нищо не личи и не се чете, остава, следователно, да се попълни най-вече по смисълъ. Остатъкътъ се чете добре, именно ΔΟΚΑΤΟΥCΔ, при което обръща внимание, че долната опашка на У е завита въ дѣсно. Въ началото на реда има доста следи, които се очертаватъ като Н, именно: две успоредни отвѣсни линии, отъ които дѣсната запазена само въ долната си частъ, пресечени въ срѣдата отъ една хоризонтална; следъ което има мѣсто за петъ изчезнали букви, които не се четатъ, но и мѣчно се поддаватъ и на попълване. Въпросъ е, дали имаме въ срѣдата на реда глагола *ἐῖδωκα*, а следъ това акузативно допълнение м. р. мн. ч., което може да замѣства дативното, както въ № I р. 9; обаче, следитъ преди Δ не даватъ основание да се предполага буква Є. По смисълъ може да се предполага, като се има предъ видъ предишния редъ и съюзътъ καὶ че изчезналитъ букви сж давали име на градъ или географско понятие, но кое не можемъ се досети.

14. р. Тукъ камъкътъ е много повреденъ отъ пукнатини и изкуственитъ рѣзки на буквитъ се отдѣлятъ мѣчно отъ естественитъ на камъка, но все пакъ сж запазени и се подаватъ на дешифриране. Въ началото имаме доста ясно навѣрно О и У, после ясно Λ и Т, горнитъ 2/3 части на буквата Ρ, после четливи следи отъ б. О и едва личащи отъ Н въ лигатура съ N, а следъ това ясно О повредено малко въ дѣсно. Забележително е, че повечето отъ споменатитъ до тукъ букви сж попаднали и изписани отчасти въ вдлъбнатинитъ и пукнатинитъ на камъка. Остатъкътъ отъ реда се чете много добре, именно: CECCTH, при което трѣбва да се забележи, че С по недогледка на писача е дублирано, а последната буква Н има горе на дѣсната отвѣсна една наклонена черта, което е несъмнено остатъкъ отъ лигатура съ N.

15 р. е съ доста изблѣднѣли букви, които обаче при всичко това се четатъ ясно всички, именно: ΠΡΟΤΟΣΟΤΟΥΚΟCΟΖ. Третата буква О е доста изтрита, но все пакъ личи ясно. На края на реда, дето камъкътъ е грапавъ, има доста ясни следи отъ буква, която и по очертание — две хоризонтални, на които противоположнитъ краища се съединяватъ отъ една отвѣсна — и по смисълъ не може да бѣде друга, освенъ Ζ, и която заедно съ началото отъ следващия редъ образува известната старобългарска дума Ζουϋουϋ, известна и отъ другъ единъ старобългарски надписъ.³⁵ Изрично трѣбва да изтъкнемъ, че нито следъ Ζ, което е до са-

³⁵ Вж. Ζουϋουϋ Колоѡρδς у Успенски, ор. с., р. 191 сл., сжщо Г. Баласчевъ въ сп. «Минало», кн. 4 (1910), стр. 327 сл. — Нашиятъ надписъ идва да докаже, следователно, по безсъмненъ начинъ съществуването на формата Ζουϋουϋ, наредъ съ ἡτοιϋουϋ въ древна България.

мия ржбъ на камъка на края на тоя редъ, нито преди ОУ въ началото на следващия, нѣма абсолютно никакво мѣсто за други букви, така че тукъ не може да става дума за четенето НТСОУРГОУ, което се среща въ Пресияновия надписъ,³⁶ така че формата Ζουρεϋου е сигурна.

16 р. До самия ржбъ на камъка има следи отъ ОУ, които личатъ на фотографията особено ясно.³⁷ Следъ това се чете добре: РГОУВО-УЛНА(С). Следитъ на С сж слаби, но сигурни. На края на реда има праздно неравно мѣсто за две букви, дето по аналогия съ другитъ изрази въ тоя надписъ може да се предположи съюза КЕ.

17. р. се чете отъ край до край така: ТОДЕУ· Н(δ)NME(K) Дѣсната частъ само на втората буква е малко изтрита. Следъ петата буква имаме точка. Седмата буква е не твърде ясна, но прилича и е, навѣрно, Ѹ. На края на реда има слаби следи, навѣрно, отъ К, което се оправдава по смисълъ и отъ Е въ началото на следващия редъ.

18 р. личи ясно така: ΕΟΒΑΡΔΑΝΙСКΕΟ(Н)[Ο]. Последната ясна четлива буква е О, следъ която има следи отъ една отвѣсна, пресечена въ дѣсно отъ друга напречна линия подъ правъ ѳгълъ, очевидно остатъци отъ Н. Следъ това по смисълъ въ връзка съ следующия редъ следва да се приеме още една буква О, за която има мѣсто въ края на реда.

19 р. Първитъ четири букви сж ясни: АННС. Следва следъ това следа отъ долната половина на заострено О, на което горната частъ не личи. После ясно се чете СТРАТН; на края съ точка за съкращение. Следъ това вървятъ три еднакви знаци, високи колкото половината голѣмина на съседнитъ букви, и на край единъ по-голѣмъ знакъ, които формално оставатъ непонятни (вж. тукъ по-горе стр. 346), но по смисълъ, въ връзка съ следващия редъ и по аналогия съ подобни случаи (вж. тукъ № II, р. 11 и р. 29), могатъ да се изтълкуватъ, че стоятъ вмѣсто ѱлѣ.

20 р. се чете ясно: КАТОАУТОУКЕΔН(Α). Четвъртата буква О е издѣлана надъ пукнатината на камъка, затова е по-малка, на половината отъ съседното Т. Долната опашка на първото У е изтрита. На края на реда буква Н е доста изтрита, но пакъ личи добре, а следъ нея остатъци отъ горната половина на Α.

21 р. Поради разпукнатостъ тукъ на камъка първитъ две букви се губятъ, но все пакъ личатъ сигурно, като ТО. Следъ това четемъ ясно АРНСТЕ. Следващата буква прилича на пръвъ погледъ на Т, обаче, ако се вгледаме, виждаме, че горната напречна черта е естественъ и по-блѣдъ нарѣзъ на камъка, а освенъ това, че на горния край на отвѣсната черта има единъ малкъ полукръгъ, който показва, че буквата не е Т, а Р. Буквата Т тукъ е недопустима още и за това, че прави текста безсмис-

³⁶ F. Dvornik, op. c., p. 129, 133.

³⁷ F. Dvornik (op. c. 137 п. 5) чете на това мѣсто по Шкорпиловото копие буквитъ I и Z, обаче на оригинала и на фотографията четенето на ОУ е несъмнено и сигурно.

ленъ и неразбираемъ. Подиръ това следва ясно ΝΜΕΡ. На края на реда има мѣсто за още една буква, която се попълва сигурно по смисълъ съ О. Ние четемъ, следователно, ΤΟΑΡΗΣΤΕΡΝΜΕΡ[Ο]. Въ свръзка съ съседнитѣ два реда ние добиваме следния осмисленъ текстъ за тоя редъ: διὰ τὸ ἀρίστερόν μερό[ς]. Въ оригинала, значи липсва едно О между Ρ и Ν, което е навѣрно пропуснато, но после, може би, обозначено съ голѣмата точка надъ буква Ν.

22 р. е съвсемъ ясенъ, съ изключение само на третата буква, на която е изтрить горния и доленъ край. Четемъ: ΣΤΟΥΣΑΡΑΚΤΟΥΜΟΥ.

23 р. сѣщо се чете добре, именно: ΤΗΝ ΑΝΧΗΑΛΟΝ Τ(ΗΝ).³⁸ На края на реда имаме следи несъмнено отъ Η, което обаче по смисълъ — понеже тукъ имаме винителенъ падежъ ж. р. — трѣбва да се попълни съ Ν, навѣрно, въ лигатура.

24 р. ясно личи по следния начинъ: ΔΕΒΕΛΟΝΤΗΝCΟΖ.³⁹

25 р. се чете така: ΨΠΟΛΗΝΤΗΝΡΑΝΟ(Υ)Α. Буква Ψ ясно личи до самия рѣбъ на камѣка. При втората лигатура ΗΝ липсва напречната хоризонтална линия на Η. Предпоследната буква прилича на Υ, но отъ дветѣ страни се забелязва по една малка черта, която може, впрочемъ, да е и отъ камѣка, и съ това буквата добива видъ на неправилно Μ, но за тая последната буква наличното мѣсто е много тѣсно.⁴⁰

26 р. е съвсемъ ясенъ и гласи: ΝΕΣΤΗΝΚΕΦΑΛΗΝΟ. Трѣбва при това да се забележи, че напречната линия на второто Η е наклонена, така че буквата изглежда като Ν. Следъ последната буква има една отвѣсна, но кѣса черта, почти на половината височина на предшестващото Ο, която навява мисълта, да не би да е ι; но на това противоречатъ нѣкои твърде важни обстоятелства. На първо мѣсто, въ нашия надписъ (№ I и II) нийде не се употребява ι, а още по-малко дифтонги, какъвто би се получилъ тукъ съ ι (именно κεφαλῆι); напротивъ, вмѣсто окончанието οι би се очаквало едно второ Η (κεφαλῆη). При това отъ лѣвата страна на отвѣсната черта личи една наклонена, която ѝ дава видъ на Υ, но тя може да е и естественъ белегъ на камѣка. Отъ друга страна глагольтъ ἔστιν и самиятъ смисълъ на тоя редъ — ἔστιν κεφαλῆ ὁ Ραταῖς — не позволява тукъ множественно число, а само единствено. Така че тукъ не можемъ да имаме ι, а навѣрно имаме или естественъ нарѣзъ на камѣка или пѣкъ започната, но недовършена буква. Но и самото съдържание не допуска, както ще видимъ по-долу, множествено число тукъ, а следователно, нито ι. Освенъ това въ старо време, преди XII вѣкъ въ

³⁸ Отъ тоя до 30 редъ надписъ № II е билъ издаденъ вече по копие на бр. Шкорпилъ отъ 1884 г. въ «Archäologisch-epigraph. Mitteil.» XV (1892) р. 99. Тамъ 23 р. гласи по следния начинъ: ΤΗΝΑΝΧΗΑΛΟΝΠΙ.

³⁹ При първото издание (ibid.) четенето на тоя редъ е почти еднакво: ΔΕΒΕΛΟΝ ΤΗΝ CΟΖ.

⁴⁰ Въ копието от. 1884 г. (ibid.) тоя редъ гласи така: Π(Ο)ΛΗΝΤ(Π)Ρ(Λ)Ν (-)Ο (Μ)Α.

Византия се явява само формата κεφαλή, като простонародното на дух, но не и κεφαλός (мн. ч. κεφαλῆοι), което изобщо не се среща на гръцки.⁴¹

27 р. личи ясно така: ΡΑΤΑΝΣΟΒΟΝΗΑΚΑΥΧ⁴².

28 р. е също ясенъ и четливъ: ΑΝΟΣΚΕΟΚΟΡΔΥΛΗΝΣΚΕ⁴³. Буквитъ тукъ и изобщо въ последнитъ редове сж небрежни и нескопосни. Отвѣсната на буква К на края на реда е извита на дѣсно джгообразно.

29 р. се чете безъ затруднение така: ΟΓΡΗΓΟΡΑΣΥΠΟΚΑΤΟ.⁴⁴

30 р. е последенъ редъ на надписа и също се чете добре: ΤΟΥΣΤΡΑΤΗΓΥ. Каменорѣзачтъ е пропусналъ тукъ да издѣла предъ последната буква едно О отъ генитивното окончание м. р. Въ 1884 г. бр. Шкорпилъ посочватъ въ своето копие въ началото и края на тоя редъ още нѣкои несигурни букви, обаче, това сигурно сж били естествени грапавини, каквито тукъ има изобилно на камѣка.⁴⁵ Днесъ нѣма абсолютно никакви следи отъ други букви, освенъ посоченитъ, па и самиятъ смисълъ на надписа не налага такива. Тукъ е краятъ на надписа и че това е така, се вижда отъ обстоятелството, дѣто отъ страни и отъ долу на реда има оставено праздно мѣсто, неизползувано. Значи, каменорѣзачтъ не е пестилъ вече мѣстото, понеже не е имало нужда отъ такова — текстътъ е билъ тукъ привършенъ.

Споредъ установеното до тукъ четене № II има, следователно, следния видъ и се попълва и превежда както следва:

Λ			1 р.
ΙCΙΑΝΕ			
TAN. (Δ)(H)			
ΓΑΝ			
ΟΝΗΝ(Α)			5 р.
Α(Ο)Ν. ΤΟ			
. Η(Μ) ΤΟΝ			
(C)(O) . (T)(O)(N) . ΝΕ(C)ΟCΑ(C)			
ΤΥΡΑ(C) . . ΦΟΝΜΟΥ(Κ)	τ(δ) ράσ[θο]φόν μου κ	. моя расофонъ (?)	
(Ε)ΟCΤΡΑΤΗΓΟCΟΛΕΟ(N)	αὶ ὁ στρατηγὸς ὁ Λέων	и стратегъ Львъ	10 р.
ΗΝΑΗΝΥΠΟΚΑΤΟΑΥΤ	ἵνα ἦν ὑποκάτω αὐ-	да бже подъ него.	
(Ο)ΥΑΠΟΒΕΡΟΗΝΚΕ	τοῦ. Ἀπὸ Βερόνη καὶ	Отъ Вероя и	
(Η) ΔΟΚΑΤΟΥCΔ	 δοκατοῦς Δ-		
(ΟΥ)ΑΤΡΟΗΝΟΥCΕCCTΗΝ	ουλητροηνοῦς ἐστὶν	Дултроини (?) прѣвъ	
ΠΡΟΤΟCΟΤΟΥΚΟCΟΖ	πρῶτος ὁ Τοῦκος ὁ Ζ	е Тукъ Зур-	15 р.
ΟΥΡΓΟΥΒΟΥΛΗΑ(C)	ουργού βουλῆας,	гу войла,	
ΤΟΔΕΥ-Η(δ)ΝΜΕ(Κ)	τὸ δεύτερον Ἰουνμὲ κ	на второ мѣсто Юнме,	
ΒΟΒΑΡΔΑΗΝCΚΕΟ(Η)[Ο]	αὶ ὁ Βαρδάνης καὶ ὁ Ἰω-	Варданъ и стра-	
ΑΗНСΟCΤΡΑΤΗ·(ΥΠΟ)	άννης ὁ στρατηγὸς ὑπο-	тегъ Иоанъ подъ	

⁴¹ Ibid.: ΝΓCΤΗΝ ΚΕΟ(Θ)ΔНО'. — За κεφαλή вж. тукъ по-нататъкъ стр. 374.

⁴² Ibid.: ΡΑΤ(Ζ)ΗCΟΝΟΗΑΑΚ(ΔΙ)Χ .

⁴³ Ibid.: ΑΝΟΕΚΕ(Δ)ΚΟΡΔΑΗCΕC .

⁴⁴ Ibid.: ΟΠΡΗΓΟΡΑCΧΠΟΚ(Ι)ΑΤΟ .

⁴⁵ Ibid.: (ΖΠ)ΥΟCΤΡΑΤΗΓΥC . . . C .

20 p.	ΚΑΤΟΑΥΤΟΥΚΕΔΗ(Α) ΤΟΑΡΗΣΤΕΡ[Ο]ΝΜΕΡ[Ο] ΣΤΟΥΣΑΡΑΚΤΟΥΜΟΥ ΤΗΝΑΝΧΗΛΟΝΤ(ΗΝ) ΔΕΒΕΛΤΟΝΤΗΝСОΖ	κάτω αὐτοῦ. Καὶ διὰ τὸ ἀριστερὸν μέρος τοῦ σαράκτου μου τὴν Ἀγχιάλον, τὴν Δεβελτόν, τὴν Σωζ- ούπολιν, τὴν Ράνουα	него. И за лѣвата страна на мая сарактъ, именно Анхиало, Девелтъ, Со- зополь, Рануа,
25 p.	ΝΕΣΤΗΝΚΕΦΑΛΗΝΟ ΡΑΤΑΝΣΟΒΟΝΑΑΚΑΥΧ ΑΝΟΣΚΕΟΚΟΡΑΥΛΗΣΚΕ ΟΓΡΗΓΟΡΑΣΥΠΟΚΑΤΟ	ν, ἐστὶν κεφαλὴ ὁ Ραταῆς ὁ βοηλὰ καυχ- άνος καὶ ὁ Κορδύλης καὶ ὁ Γρηγοῤῥᾶς ὑποκάτω	глава (начальникъ) е войла кавханъ Ратаиъ, а Кордиль и Гривгора
30 p.	ΤΟΥΣΤΡΑΤΗΓ[Ο]Υ.	τοῦ στρατηγοῦ.	подъ стратега.

*

Следъ възможното разчитане и установяване текста на надписъ № I и № II можемъ да преминемъ тукъ къмъ разборъ на съдържанието имъ.

Въ началото на № I ние четемъ традиционната титла на българския господарь отъ езическо време ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων ὕβηγγή, която не оставя съмнение за българския произходъ на надписа. Тая титла е обяснена вече отъ ориенталиститъ и сбlijена съ аналогичнитъ титли на азиатскитъ турски владетели.⁴⁶ Забележителна е формата ὕβηγγή съ ν, която се различава съ тая буква отъ ὕβηγγή на другитъ български надписи. Обръща внимание и друга една разлика, именно свързването на гръцкото ἄρχων съ старобългарското ὕβηγγή, докато въ всички други старобългарски надписи началната владетелска титла е κάνας ὕβηγγή.⁴⁷ Тая неправилностъ се дължи, може би на обстоятелството, дето тоя надписъ е билъ написанъ не въ старобългарската столица, както другитъ надписи, а далечъ отъ нея и отъ царувания въ нея контролъ, при българската граница въ Южна България, дето рѣзачътъ е билъ по-свободенъ въ движенията си и си позволилъ замѣната на думата κάνας, която е разбиралъ и превелъ на гръцки, а непонятната за него ὕβηγγή той е оставилъ непреведена и предалъ въ необичайна форма съ ν предъ γ. Впрочемъ съ думата ἄρχων се зове българскиятъ ханъ и къмъ края на нашия надписъ (вж. тукъ № I p. 34).

Обаче, това смѣнение може да има и друго значение. Докато въ едни Омортагови надписи — повечето, българскиятъ ханъ се нарича изрично и само κάνας ὕβηγγή, въ Търновския надписъ за него е упстрѣбена къмъ края и думата ἄρχων, а въ Чаталарския (p. 16) — ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων;⁴⁸ значи,

⁴⁶ W. Tomaschek въ «Archäol.-epigr. Mitteil.» XIX p. 238 и Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig. 1898, p. 40, и Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig 1903, p. 495.

⁴⁷ Успенски, Абоба-Плиска, p. 190—92, 230, 545; сжцо Бешевлиевъ, Гръцкиятъ езикъ въ старобългарскитъ надписи, «Годишникъ на Народния Музей» за 1922—25 г. София. 1926, p. 407 сл.

⁴⁸ Успенски, п. т. 190—92, 545; сжцо Бешевлиевъ, op. c., стр. 407—410, 411—413.

почва и близката или подобната на гръцката форма да се употребява, обаче, началната официална титла си остава прабългарска. Въ единъ надписъ на Омортаговия наследникъ Маламиръ (831—36) сѣщо така имаме начална титла — *κάνες ὕβρητῆ Μалаμῆρ*, а въ текста ханътъ наричанъ *ἄρχων*; въ втори единъ надписъ на Маламира тоя български ханъ не само въ текста се нарича *ἄρχων*, и *ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων*, но и въ самата начална титла има вече извѣстна промѣна: *Κάνας ὕβρητῆ Μалаμῆρ ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων*. Най-подиръ въ единъ трети и последенъ Маламировъ надписъ Маламиръ е нареченъ просто *ὁ ἄρχων ὁ Μалаμῆρ*.⁴⁹ Маламировиятъ наследникъ Пресиянъ (836—852) въ единствения неговъ надписъ се титулува: *τῶν πολλῶν Βουλγάρων ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων Πρεσιανός*.⁵⁰ Явно е, следователно, че съ течение на времето отъ Омортага до Бориса, въ титулатурата на българскитъ владетели, очевидно, подъ византийско влияние, настѣпва едно разклащане и разложение на старата форма и че еволюцията тласка къмъ едно измѣстване на старата прабългарска ханска титла и замѣстването ѝ съ друга по-близка до византийската. Като изхождаме отъ тая констатация, нашиятъ надписъ би се отнесълъ по време най-добре къмъ срѣдата на тая епоха.

За съжаление, името на хана, което би трѣбвало да следва следъ титлата, не е запазено въ № I и това извиква известни затруднения. Слабитъ но несигурни следи, които се забелязватъ следъ титлата, приличатъ на *ΟΜ*, значи, ние бихме имали тукъ началото на *Ὁμορτάγ* или *ὁ Μολαμῆρ*; обаче за това четене, особено на първото, остатъцитъ на втория редъ отъ надписа като че ли не отговарятъ, и това затруднява още повече въпроса. Известно указание въ това отношение дава краятъ на надписа (р. 34—35), дето българскиятъ господаръ наново се споменува по име — *ὁ ἄρχων ὁ Μολαμῆρ*, обаче и тукъ следитъ отъ буквитъ и четенето имъ пакъ не сѣ така сигурни, за да се установи съ пълна сигурностъ името на хана. Това не може да се направи и възъ основа на № II, въ който нийде не е посочено името на българския господаръ.

По-нататъкъ, отъ 3 р. до 6 р., № I е запазенъ само въ отдѣлни букви и срички, четенето на които не винаги е сигурно, така че и текста на това мѣсто не може да се установи съ сигурностъ. По всичко изглежда, обаче, че той се е закрѣглявалъ по мисълъ съ 6 и 7 р.: *ἐδόδη [τῆ] ληθαργία [δέχα] καὶ ἔξ ἐτῶν*. Интересенъ и важенъ се явява тукъ изразътъ за шестнадесетъ години, който би могълъ да помогне за по-точното опредѣляне хронологията на надписа. Обаче, поради фрагментарното запазване на текста, тукъ не може да се иде по-далечъ отъ предположение. Дадена била разсрочка (летаргия), т. е. бавежъ отъ 16 години. Като се има предъ видъ, че въ по-нататъшния текстъ на № I (р. 8—20) се

⁴⁹ Успенски, оп. с., 191, 230, 233; сѣщо Бешевлиевъ, оп. с., р. 410, 414; 418.

⁵⁰ F. Dvornik, оп. с., 128—129.

говори, както ще видимъ по-долу, за 30-годишния миръ на Омортага съ Византия, надали може да има съмнение, че и 16-годишниятъ срокъ тукъ се отнася пакъ до сѣщия миръ и до прокарването на неговитъ клаузи. Навѣрно сѣ били опредѣлени 16 години за изравняването на спороветъ и за прилагането постановленията на 30-годишния миръ, които, както ще видимъ по-нататкъ, действително трѣбвало да се приложатъ на етапи.

Трѣбва да се спремъ тукъ за малко на въпроса за тая срочна година. Ние смѣтаме, че началото на № I ни дава нѣкои указания за прецизирането му. Именно, въ р. 6—7 ние четемъ: . ἔδωθη . . λυθαρ [γία] καὶ ἔξ ἑτῶν καὶ. Понеже предъ цифрата 6 стои съюза καὶ, а следъ нея сама думата ἑτῶν, която очевидно завършва изречението, следва да се приеме съ голѣма сигурностъ, че тоя съюзъ е свързвалъ ἔξ съ друга цифра, и то очевидно десетица. И понеже тукъ говори ханъ Маламиръ, който е управлявалъ отъ 831—836 г., ясно е, че тая цифра не е могла да бѣде по-висока отъ десетица, защото $26 + 815 = 841$ г., т. е. дава царуването вече на Пресияна. Така щото тоя въпросенъ пасажъ отъ надписа, който ни дава цифрени данни, се попълва добре по следния начинъ ἔδωθη[τε] λυθαρ[γία δέκα] καὶ ἔξ ἑτῶν. 7 р. отъ № I е въ първата си половина така изтрить, че слабитъ следи отъ буквитъ не могатъ тукъ да ни помогнатъ, но и не ни пречатъ въ нашето попълване. Обаче, че последното е правдоподобно ни показва следното очебийно съвпадение, което надали е случайно. Въ края на № 1 ханъ Маламиръ се оплаква, че императорътъ не удържалъ клетвитъ си по териториалнитъ постановления на 30-год. миръ и спорътъ тукъ се е въртялъ около Долна-земя, навѣрно, Пловдивската област. Тия оплаквания сѣ били сигурно направени отъ Маламира веднага или скоро следъ идването му на престола, защото, знае се отъ Шуменския надписъ, че по-късно той успѣлъ да убеди нѣкакъ византийцитъ да изпълнятъ договора, като му предадатъ Пловдивската област между Родопитъ и Срѣдна-Гора срѣщу нѣкои крепости северно отъ Одринъ,⁵¹ и така уравнилъ мирно възникналия споръ и живѣлъ въ миръ съ тѣхъ. И забележително е, че $815 + 16 = 831$, т. е. дава тъкмо годината на възцаряването на Маламира.

Отъ Шуменския надписъ, наистина, се знае съ сигурностъ вече отдавна, че при Маламира е станала една мирна размѣна на погранични земи между България и Византия. Предполагаше се, че това ставало въ изпълнение постановленията на 30-год. миръ. Обаче, правеше странно впечатление това протакане на изпълнението на тоя договоръ, още повече, че ханъ Омортагъ е билъ достатъчно силенъ, при неустойка, да наложи на политически доста притеснената тогава Византия изпълне-

⁵¹ Златарски, История I, 336, 452—7; Никовъ, Кавханъ Исбулъ, 204, 206 сл.

нието на договора. Нашиятъ надписъ идва сега да покаже, че срокътъ за изпълнение на тоя договоръ е билъ 16 години, та затова именно при Маламира е станало неговото окончателно приложение.

Надписътъ ни съобщава по-нататкъ (отъ р. 8—27) за размѣна между България и Византия на редица крепости. При това българскиятъ ханъ се явява въ трето лице, както и въ други български надписи, докато въ № II той говори въ първо лице. Забележително е, че тая размѣна на крепости станала на етапи. Най-напредъ българскиятъ ханъ опразнилъ нѣколко важни крепости:⁵² Пердики, Девелтъ, Констанция и Одринъ. Последните три града сж известни. Констанция, която се споменува и въ Сюлейманкьойския надписъ (30 год. миръ), се е намирала на дѣсния брѣгъ на Марица, може би, при развалинитъ южно отъ село Оваджикъ.⁵³ Девелтъ е древния римски Colonia Deultus (Δεβελτός на византийцитѣ) на брѣга на Мандренското езеро, южно отъ с. Якезли (Бургазки окръгъ) и южно до края на пограничния между България и Византия окопъ Еркесия.⁵⁴ Пердики е лежалъ сжщо нейде въ Тракия, но точното му мѣстоположение не се знае.⁵⁵

Следъ като това било извършено, българскиятъ ханъ получилъ отъ византийцитѣ «другитѣ крепости», които не се наричатъ по име, но които съгласно споразумението трѣбвало да бждатъ български. Сега настѣпилъ вториятъ етапъ, когато българскиятъ ханъ предалъ на Византия и останалитѣ още крепости Фика и Еоа, следъ което трѣбало да получи и владее Долна земя (ὁ κάτω τόπος). Фика е, може би, тождествена съ днешното село Фикелъ, северно отъ Одринъ, по срѣдата между тоя градъ и Кавакли, на лѣвия брѣгъ на р. Тунджа, съ което обикновено се сближава и споменуваната въ единъ надписъ византийска крепостъ Вонхѣлов, завладяна отъ Крума. Неизвестно остава, коя крепостъ се нарича Еоа и дали не е това «Източната» къмъ Черно море областъ. Презъ време на II българско царство въ XIII в., «Долниѣ землѣ» се нарича въ изворитѣ Скопската областъ въ Македония,⁵⁶ обаче, за Тракия, която се

⁵² Думата ἐρημωσεν е употребена тукъ въ смисълъ не на опустошаванъ, а на опразняванъ, сжщо както и въ Шуменския надписъ, вж. П. Никовъ, ор. с. 204, 206.

⁵³ В. Н. Златарски, Извѣстия за българитѣ и пр., «Сборникъ за Нар. Умотв.» XXIV (1908), стр. 67; сжщо История на бълг. държава, I. 301.

⁵⁴ K. Jireček, Archäologische Fragmente aus Bulgarien, «Arch.-epigr. Mitteil.» X (1888), p. 166.

⁵⁵ Г. проф. Г. И. Кацаровъ бѣ така любезенъ да ни обърне вниманието на единъ надписъ (С. I. L. VI 32605), въ който се споменуватъ 4 milites ex Dardania ex vico *Perdica* et ex vico Titis. При това той мисли, че името *Perdica* може да се сближи съ известното македонско лично име *Περδικας* или пъкъ, че е отъ тракийски произходъ, както други тракийски имена съ подобно окончание, напр. *Serdica*, *Ardica* (С. I. L. VI 32543; вж. затова *Mateescu*, *Ephemer. Dacoromania* I 128.). — Може би, и *Περδικη* отъ нашия надписъ е подобно тракийско село *Perdica* въ Одринско, което впоследствие останало и продължило да съществува и презъ IX в. въ Византия съ сжщото име.

⁵⁶ Г. А. Ильинский, Грамоты болгарскихъ царей. Москва. 1915, стр. 15. p. 5.

подразбира тукъ, подобно нѣщо не се знае. Въ ново време се казва Горна и Долна Тракия на областъта около Пловдивъ и около Одринъ. Обаче, понеже тая «Долна земя» е, извикала, както видѣхме преди малко, граниченъ споръ между България и Византия при Маламира, и тоя български ханъ е поправилъ българо-византийската граница съ придобиване на Пловдивъ, твърде вѣроятно става, че именно Пловдивската областъ е била въпросната «Долна земя». Това е толкова по-вѣроятно, като се има следния фактъ предъ видъ. Всеизвестно е, че въ римската империя областитѣ сж се именуvalи съ «Горна» и «Долна» въ зависимостъ отъ това, дали сж били по-близу или по-далечъ отъ Римъ (напр. Германия, Панония, Мизия). Това правило заедно съ другитѣ наредби на примлянитѣ е било наследено, навѣрно, и отъ византийската империя и приложено въ зависимостъ отъ отдалеченостъта на дадена провинция отъ столицата Цариградъ. Отъ тая гледна точка Пловдивската областъ е могла наистина да се нарича «Долна земя», а Одринско «Горна», и това наименование да е било възприето отъ българитѣ.

Явно е, че тукъ е ставала размѣна на крепости и територии между България и Византия, т. е. опредѣляла се е и прокарвала границата въ Тракия. И забележителенъ е начинътъ, по който е ставало това — на етапи. Тоя начинъ е билъ нагоденъ да запази българскитѣ интереси, защото българскиятъ ханъ предалъ на Византия само частъ отъ земитѣ и едва следъ като получилъ припадащитѣ му се по договора крепости, предалъ и втората частъ. Въ това се прозира и известно недовѣрие отъ страна на българския господаръ къмъ византийцитѣ. Въ надписа двата етапа сж изрично и ясно изтъкнати съ израза „τὰ μὲν“, и „τὰ δὲ“ (№ I, р. 10 и р. 21). Следъ това въ надписа се казва (р. 24) „καὶ ἔφυγον“, т. е. че «си отишли», очевидно, византийцитѣ и българитѣ отъ опразненитѣ територии. Не се казва въ надписа, въ колко време е трѣбвало да стане предаването на земитѣ отъ дветѣ страни и преминаването на всѣки отъ казанитѣ етапи. Явно е, че предшествувашия въ надписа шестпедесетгодишенъ срокъ се отнася именно тукъ, и то въ смисълъ, че въ течение на сѣщия е трѣбвало да се ликвидира съ всички етапи. Обстоятелството, че още при Маламира е имало останали висящи още погранични въпроси,⁵⁷ показва, че тия етапи действително сж продължили много дълго време.

Преди да преминенъ върху следващата частъ отъ надписа, трѣбва да се спремъ на единъ важенъ въпросъ, който изпжква тукъ и който е отъ решаваще значение за опредѣляне хронологията на надписа; именно, къмъ кое време е станала, е могла да стане, казаната териториална размѣна. Българскиятъ ханъ повърналъ на Византия цѣлата областъ около

⁵⁷ В. Н. Златарски, История, I. 336, 452.

Одринъ между Черно море и течението на Марица съ Одринъ, Девелтъ и други крепости. Явно е, че това е било една голѣма гранична регулация между дветѣ страни следъ тежки катастрофални събития. За да могатъ българитѣ да го повърнатъ на Византия, Одринъ трѣбва да се е намиралъ въ български рѣце. Кога е било това? Въ историята на I българско царство има само два случая, когато голѣмата византийска крепостъ е минала подъ българска власть. Презъ августъ 813 г. следъ коварното покушение върху Крума предъ Цариградъ българскиятъ ханъ, следъ като подложилъ на огънь и опустошение византийска Тракия до Пропонтида и превзелъ и разрушилъ повечето отъ византийскитѣ крепости, се явилъ предъ голѣмата Одринска крепостъ, обсадена отъ неговия братъ, засилилъ обсадата и принудилъ жителитѣ ѝ и защитата да предадатъ града.⁵⁸ Голѣма частъ отъ населението била изселена въ заддунавска България, а въ Одринъ билъ оставенъ, както се вижда, български гарнизонъ и крепостъта останала за по-дълго време въ български рѣце, въ всѣки случай до сключването на 30-годишния миръ отъ Омортага. Защото отъ това време нататѣкъ до смъртъта на Крума (презъ априлъ 814 г.) и до сключване на казания миръ (въ края на 814 или началото на 815 г.) българскитѣ войски сж се движили и воювали все на югъ отъ Одринъ,⁵⁹ значи, тоя градъ оставалъ въ тѣхна власть. Това е първиятъ случай, когато Одринъ падналъ и се намиралъ въ български рѣце и въ послѣствие е могло да стане дума за повръщането му на Византия, именно при Омортага.

Вториятъ подобенъ случай е билъ въ време на царъ Симеона, който на два пѣти превзималъ Одринъ — въ 914 г. и 922 г.⁶⁰ Първия пѣтъ той го повърналъ пакъ на Византия,⁶¹ но втория, когато мисльта за превзимането на Цариградъ овладѣла всецѣло неговото сжщество, а българскитѣ войски свободно хазайничели въ византийскитѣ области до самата византийска столица, той го задържалъ до самата си смъртъ (27 май 927 г.), и Одринъ останалъ български до сключването следъ това въ септемврий или октомврий 927 г. на миръ между България и Византия отъ царъ Петра.⁶² Тогава той е могълъ да бжде и наистина е билъ повърнатъ на Византия.

Ясно е, че въпросниятъ пасажъ отъ № I се отнася до единъ отъ тия два случаи — въ 814/15 г. или въ 927 г. Но до кой отъ двата? Всички данни говорятъ въ полза на 814/15 г. Споредъ № I българскиятъ царъ повърналъ на Византия Девелтъ и Констанция. Това е могло да стане

⁵⁸ *Scriptor incertus*, ed Bonn., p. 344 sq.; *Leo Grammaticus*, ed. Bonn., p. 231; В. Н. Златарски, История, I 276.

⁵⁹ В. Н. Златарски, op. c. I 299, 278 сл., 297—299.

⁶⁰ Ibid. II 378, 439.

⁶¹ Ibid. 379.

⁶² Ibid. 480, 510.

и е станало, както се вижда отъ Сюлейманкѡйския надписъ, само въ 814/15 г., защото споредъ мира отъ 927 г. градоветъ Девелтъ, Созополъ и Агатополю били отстъпени отъ Византия на българитъ.⁶³ Но има и друго едно обстоятелство. Симеонъ се нарекълъ царь и въ мира отъ 927 г. българскиятъ царь Петъръ получилъ отъ Византия признание на царската си титла — βασιλεὺς⁶⁴. Трѣбва, прочие, да се очаква, той да се нарече въ надписа не ἀρχὼν ὑβήνῃ, а βασιλεὺς; това обстоятелство сжщо идва да покаже, че нашиятъ надписъ се отнася къмъ събития не отъ 927 г., а отъ 814/15 г. — Отъ друга страна, присѣтствието въ № I и особено въ № II на много прабългарски думи и титли⁶⁵ говори по-скоро за началото на IX в., когато прабългарскитъ институти сж били още съвсемъ непокътнати, отколкото за втората четвъртъ на X в., когато промѣнитъ въ България бѣха въ пълнѣн ходъ. — Но тукъ има значение и следното обстоятелство: докато отъ епохата на Омортага и Маламира подобни договорни надписи, като нашия, има нѣколко,⁶⁶ отъ времето на Петра (927—969), Симеона (893—927), па и Бориса (852—888) нѣма нито единъ. И това е твърде лесно обяснимо, защото старобългарскиятъ обичай, така често прилаганъ при Омортага (814—831) и Маламира (831—836), — да се пишатъ държавни актове на камъкъ, и то на гръцки езикъ, следъ приемане на християнството въ 865 г., въвеждане на славянското писмо, езикъ и книжнина, и нахлуване въ България, особено при Симеона, на византийското влияние, — билъ изтласканъ, изоставенъ и замѣненъ съ писане на славянски езикъ върху пергаментъ или книга, по византийски образецъ. Това обстоятелство отнася нашитъ надписи № I и № II по-скоро въ времето на Омортага и Маламира, отколкото на Петра. — Най-подиръ, не трѣбва да се забравя, че и палеографията на нашитъ надписи свидетелствува, както видѣхме, за първата половина на IX в.

И така, всички данни и съображения доказватъ, че посочената погоре размѣна на територии между България и Византия и установяването на българо-византийската граница въ № I се отнася къмъ 814/15 г., къмъ 30-годишния миръ при Омортага.

По-нататъкъ надписъ № I разказва, доколкото може да се схване съдържанието отъ често корумпирания текстъ, че «Долна земя» трѣбвало да управлява българския господарь, но че императорътъ забравилъ клетвитъ си и нарушилъ договора и границитъ по нѣкакъвъ начинъ, което възбудило българскиятъ ханъ Маламиръ (№ I р. р. 25—36). Край-

⁶³ Ibid. 525.

⁶⁴ Ib. 526.

⁶⁵ № II р. 2: ὑβήνῃ; № II р. 16: Ζουερῶν βουλῆας; р. 27: Βοηλὰ Κανχάνος; р. 22: τὸ σάραχτον.

⁶⁶ Вж. Успенски, Абоба-Плиска, 230—231; 226; 236; Е. Kolinka, Antike Inschriften aus Bulgarien. Wien. 1906, р. 77. № 86; П. Никова, оп. с., р. 204.

нитѣ редове на надписа сж нечетливи и не се разбиратъ, така че не се вижда, какъ е трѣгналъ тоя грѣцко-български споръ. За жалость, развалениятъ текстъ не дава възможность да се видятъ нѣкои сжществени подробности на тоя споръ.

Тукъ се явява въпросътъ, къмъ дейността на кой български ханъ се отнася казаниятъ споръ, дали пакъ на Омортага или на друго. Ние видѣхме вече, че има голѣма вѣроятность, какво на края на надписъ № I се споменува ханъ Маламиръ, въ чието време, следователно, трѣбва да е възникналъ тоя споръ. Въ това отношение не е безъ значение, че къмъ края на надписа (вж. № I, р. 28 и 29: *ἡμῶν*) трето лице се замѣня съ първо лице мн. ч. Известно е, че Омортагъ е спазвалъ презъ цѣлия си животъ склучения съ Византия 30-годишенъ миръ и винаги е билъ добре съ цариградското правителство; за нѣкакви негови гранични недоразумения съ последното ние нищо не знаемъ. Напротивъ, за Маламира ние узнаваме отъ единъ неговъ надписъ, че въ негово време, наистина, се извършила една нова значителна ректификация на българската граница къмъ Византия.⁶⁷ Всичко това прави не само много вѣроятно, но въ голѣма степенъ сигурно, че византийскиятъ споръ се отнася въ царуването не на Омортага, а на неговия синъ Маламиръ, че последнитѣ редове отъ № I (р. р. 25—39) говорятъ следователно, за тоя български ханъ. И понеже царуването на Маламира е било кратко, а въ негово време не се знае друго гранично недоразумение съ Византия, освенъ онова около казаната горе ректификация на границитѣ, става много вѣроятно, че тоя пасажъ отъ нашия надписъ се отнася къмъ сжщата ректификация и представя предварителния моментъ къмъ нея, още повече, че и двата случая сж свързани съ изпълнението на 30-годишния миръ.

И така, ние идваме тукъ до заключение, че надписъ № I е билъ издѣланъ по заповѣдь на хана Маламира и че въ него се говори най-първо за регулирването на българо-византийската граница съгласно 30-годишниятъ миръ при Омортага, а следъ това за известни нарушения отъ страна на Византия и споръ съ нея при Маламира.

*

Първитѣ осемъ реда отъ № II се четатъ така фрагментарно — само отдѣлни букви, че не може да се схване не само смисъла, но нито отдѣлни думи. Затова и опитътъ за едно реставриране тукъ на текста е една суетна работа. Въ края на р. 9 имаме притежателното мѣстоимение първо лице, което стои, сжщо както въ р. 22, следъ едно сжществително ср. р. и което показва, че въ тоя надписъ нѣкой говори и нарежда отъ свое име. За забелязване е, че тукъ сжществителното тѣ

⁶⁷ *Златарски, История, I 336; П. Никовъ, оп. с., 195 сл.*

ρασ[θο]φον, на което е запазено само началото и краятъ, както и τὸ σάρακτον отъ р. 22, не се среща въ гръцкитѣ речници и изглежда, че ще да е прабългарска дума, на която смисъла оставяме да разгадаятъ ориенталиститѣ.

Въ 10—11 р. се казва, че стратегътъ Лъвъ да бжде подъ негова заповѣдъ (ἐποκάτω αὐτοῦ). Понеже този изразъ се среща въ № II още два пжти (р. р. 19—20, 29—30) и съ него се завършва дадена мисълъ, па и самиятъ надписъ, то следва, че и въ случая, значи, съ р. 10—11 се завършва мисълъта, която е била започната и развита въ развалената частъ на надписа. И понеже въ по-нататъшната частъ отъ надписа имаме, както ще видимъ веднага, две напълно еднакви мисли, които завършватъ напълно така, както и р. 10—11, следва да се приеме съ голѣма вѣроятностъ, че и въ началната затрита частъ отъ надписа е стояла мисълъ, напълно аналогична, т. е. и тукъ се е опредѣляла една смѣсена българо-византийска комисия отъ единъ или двама високопоставени българи и двама византийци подъ председателство на първия български делегатъ. Стратегътъ Лъвъ е билъ единъ отъ двамата византийски комисари. Обаче той е билъ подъ заповѣдитѣ на българския председателъ. Презъ първата половина на IX в. въ Византия се среща въ изворитѣ само веднажъ стратегъ съ име Лъвъ, именно въ 813 г., когато следъ голѣмата византийска катастрофа при Версиникия той билъ провъзгласенъ за византийски императоръ.⁶⁸ Явно е, че тукъ не се касае за него и че трѣбва да е имало следъ него нѣкой неговъ едноименникъ, който не е отбелязанъ въ историческитѣ известия.

По-нататкъ (№ II, р. 12—20) въ надписа се опредѣля една българо-византийска комисия за областта на Вероя, или по-точно отъ Вероя, навѣрно, къмъ изтокъ, може би, кжде Сливенъ. Границитѣ на тая област не могатъ тукъ да се прецизиратъ съ пълна сигурностъ, защото текстътъ (р. 13—14) дето тя се опредѣля, е отчасти разваленъ и непонятенъ; обаче, като се има предъ видъ, че по-нататкъ въ надписа се говори аналогично за самата крайморска област, става очевидно, че тя се е простирила отъ Вероя къмъ изтокъ. Градъ Вероя е известния следъ това срѣдновѣковенъ български градъ Боруй, който въ по-късно време при II българско царство въ българскитѣ грамоти се явява като центъръ на областъ (Βυρβύσκαια χωρὴ), и който, както сочи сега нашиятъ надписъ, е билъ областно срѣдище и при I българско царство, а днесъ носи името Стара-Загора.⁶⁹ Начело на казаната смѣсена комисия е билъ поставенъ, като пръвъ (πρῶτος ἐστίν), българинътъ Зургу вулия Тукъ (ὁ Τοῦκος ὁ Ζουργού βουλίας). По аналогия съ други старобългарски надписи, дето

⁶⁸ *Theophanes*, ed Bonn. 781, ε: Λέων ὁ τῶν ἀνατολικῶν πατριῆκος καὶ στρατηγός.

⁶⁹ Г. А. Ильинский, op. c., p. 13. K. Jireček, *Das christliche Element in der topographischen Nomenklatur der Balkanländer*, «Sitzungsber. der Wiener Akad.» philol.-histor. Classe, B. 136. Wien, 1897, p. 84.

четемъ: Ὁχοουνός ὁ ζουπὰν ταρχάνος, Ὁκόρης ὁ κοπάνος, Ὁνεγαβόνης ὁ ξεραταρχάνος, Τζεпа βογοτόρ βοηλὰ κουλουβρός, ὁ Κολοβρός.. ζουργουὶ κολοβρός, Ὁσλαρνὰς ὁ βαγατοῦρ βαγαῖνὰ, — е несъмнено, че тукъ на първо мѣсто имаме собственото име Тоῦκος, а следъ това неговото служебно достоинство.⁷⁰ Това собствено прабългарско име, на което четенето е напълно сигурно, прилича доста на имената Тѣѣκος и Тѣѣκος,⁷¹ които се споменуватъ първиятъ въ единъ датиранъ старобългарски надписъ отъ 820 г., като виденъ български велможа, а вториятъ като български областенъ управител и голѣмъ гонителъ на христианитѣ въ България въ време на Омортага, и навѣрно сж едно и сѣщо лице. Ако се приеме, че нашиятъ Тоῦκος, който сѣщо така е заемалъ едно много високо служебно положение въ България, е билъ идентиченъ съ Тѣѣκος, ние бихме имали една хронологическа опорна точка да отнесемъ нашия надписъ къмъ сѣщото време на Омортага или Маламира; обаче това е несигурно, въпреки приликата на имената.

Тукъ носи служебното звание Ζουργουὶ βουλήας, което се среща и въ други два старобългарски надписа въ формата ἡτσιργουὶ βοηλὰς въ времето на Пресияна и Ζουργουὶ Κολοβρός при Омортага.⁷² Надали може да има съмнение въ справедливостта на сполучливото твърдение на чешкия ученъ F. Dvorník, че сѣщото служебно звание Ζουργουὶ βοηλὰς носи и единъ виденъ български сановникъ (Petrus Zergobula или Zerbula = Петъръ Зургу Войла), който фигурира въ Чивидалското евангелие между българскитѣ поклонници на манастиря и, следователно, е билъ като пратеникъ на Бориса въ Римъ въ 869 г., и който се споменува като първи български делегатъ и на Цариградския църковенъ съборъ въ 869—70 г., както и въ едно писмо на папа Йоанъ VIII отъ 879 г.⁷³ Фило-

⁷⁰ Успенски, оп. с., 190 сл.

⁷¹ E. Kalinka, op. c., I. cit. Menologion imperatoris Basilii, Migne, Patr. gr., t. 117, col. 277.

⁷² F. Dvorník, op. c., 129. Успенски, оп. с., 191.

⁷³ Dvorník, op. cit., 135—37; сжщо Marquart, Die Chronologie der alttürk. Inschr. p. 41 Anm. Успенски, оп. с., p. 204. В. Н. Златарски, оп. с., II 794 сл. C. L. Bethmann, Die Evangelienhandschrift zu Cividale, «Neues Archiv der Gesell. f. ältere deut. Gesch.» 1877. II, 119. Migne, Patr. latina, t. 129 col. 148 B; и t. 126 col. 833 B. — Като излизаме отъ сполучливото обяснение на г. Dvorník, ние отиваме по-нататъкъ и погълваме съ едно не само консеквентно, но и налагаще се по само себе си допълване изводитѣ на проф. Златарски (op. c. 799) по въпроса за имената на Борисовитѣ пратеници въ Римъ и Цариградъ. Именно, името на първия български пратеникъ трѣба да се чете Петъръ Зургу Войла, т. е. най-първо собственото име и после титлата, така както е старобългарскиятъ обичай въ старобългарскитѣ надписи, та и въ нашия надписъ № II (ὁ Тоῦκος ὁ Ζουργουὶ βοηλὰς). Че това наистина е така, се вижда отъ обстоятелството, дето въ списъка на пратеницитѣ всички други български пратеници носятъ своята титла и не може да се допусне, че само на най-първия и най-важния отъ тѣхъ титлата е била забравена. Така че може смѣло да се приеме, че първиятъ български делегатъ въ 869—870 г. и въ Римъ, и въ Цариградъ, е билъ Петъръ Зургу Войла. Очевидно е, че е неудържимо предположението, какво Зургу било собствено име (вж. Ивановъ, оп. с., 4.)

логическото тълкуване на думата Зургу войла оставяме на сведущитѣ ориенталисти, ние обаче не можемъ да не се спремъ тукъ на съдържанието на тая дума, доколкото се тя освѣтлява отъ наличнитѣ нѣколко вече извори. За да бѣде изпратенъ като първи български делегатъ презъ време на сложнитѣ и деликатни преговори водени въ времето на Бориса съ Римъ и Цариградъ, Петъръ Зургу Войла е билъ несъмнено едно видно служебно лице въ българската държава и най-сведуше въ подобни дипломатически въпроси. Сѣщо така и въ нашия надписъ Тукъ Зургу Войла е поставенъ на чело на една важна византийско-българска комисия да преговаря и решава. И второ едно нѣщо е важно за служебното положение и ранга на Тукъ, че той се явява, както ще видимъ следъ малко, на равно и до българския кавханъ (= канцлеръ)⁷⁴ — най-видното лице въ България следъ хана. И забележително е, че Зургу войла заема едно такова видно положение не само въ нашия надписъ, но сѣщо така и въ Пресияновия надписъ, гдето четемъ: ὁ Πρεσβιανὸς ἀπέστειλεν Ἡσβοῦλον τὸν Καυχάνον, δώσας αὐτὸν φοσάτα καὶ τὸν Ἡττιργοῦ βοῖλάν καὶ τὸν Καναβοῖλάν χολοβρόν;⁷⁵ — следователно, Зургу войла се поставя по служебно мѣсто и рангъ веднага следъ българския канцлеръ (кавхана). Отъ тия данни става, следователно, явно, че въ българската държава, именно въ нейното централно управление, Зургу войла е заемалъ второ мѣсто, веднага следъ кавхана, и сигурно принадлежалъ къмъ шестѣ велики боляри. Както се вижда отъ Пресияновия надписъ, той е изпълнявалъ и военна служба, както всички длѣжностни лица въ България, дето, както всичко показва, административната и военната власти сѣ били съединени въ едно; обаче, главната дейтелностъ на Зургу войла е била, както показватъ наличнитѣ данни, главно въ областъта на дипломацията, той ще да е билъ въ българската държава нѣщо като министъръ на външнитѣ работи. Трѣбва да отбележимъ накрай обстоятелството, че ние срѣщаме съчетанието не само Зургу войла, но и Зургу коловросъ, именно въ приведения по-горе Омортаговъ надписъ. Това открива още единъ въпросъ за ориенталистичѣ-филолози при тълкуването на думата Зургу. Понеже ние намираме въ надписитѣ още и съчетанието Βοηλὰ κολλουβρὸς⁷⁶ вижда се, вѣроятно, че едно и сѣщо лице е могло да бѣде Зургу войла коловросъ, което би могло да обясни употребата на Зургу и тукъ и тамъ по отдѣлно.

Въ нашия надписъ Тукъ е нареченъ не съ обикновената форма βοηλὰς, но βουλῆας; отъ изведеното обаче до тукъ се вижда съвсемъ ясно, че това не могатъ да бѣдатъ, освенъ две еднакви равнозначущи форми,

⁷⁴ П. Ников, *оп. с.*, 215 слл.

⁷⁵ F. Dvorník, *оп. с.*, 129.

⁷⁶ Успенски, *оп. с.*, 191.

само че при втората имаме една обикновена звукова метатеза (вмѣсто ηλ явява се λη).⁷⁷

По-нататъкъ въ нашия надписъ се опредѣлятъ на второ мѣсто въ казаната смѣсена комисия още три лица: Юнме, Варданъ и стратегътъ Йоанъ. Първото име изглежда да е прабългарско, съ което остава да се занимають ориенталиститѣ. Останалитѣ две имена сж на византийци: първото се срѣща често презъ VIII и IX в. — Филипикъ Варданъ се е наричалъ единъ византийски офицеръ отъ арменски произходъ, който билъ издигнатъ отъ една революция противъ Юстиниана II за византийски императоръ (711—713 г.); единъ Βαρδάνος στρατηγός Θρακησίων се вестява въ времето на императора Ставракия (811 г.); най-подиръ при императора Лъва Арменеца (813—820 г.) и Михаила II (820—29) се споменува μονοστράτηγος Βαρδάνιος, който най-добре подхожда къмъ нашия Варданъ и, може би, е тождественъ съ него.⁷⁸ Стратегъ Йоанъ не може да бѣде идентиченъ съ Ἰωάννης πατρίκιος καὶ στρατηγός Μακεδονίας, който е участвувалъ въ 813 г. въ катастрофалното сражение при Версиникия, дето е падналъ и убитъ на бойното поле;⁷⁹ той е несъмнено нѣкой другъ византийски стратегъ отъ следващото време, за който нищо друго не се знае.

Разглежданиятъ пасажъ отъ надписа (№ II, р. 12—20) завършва съ израза ὑποκάτω αὐτοῦ т. е. подъ него, който се повтаря по сжщия начинъ още два пѣти (р. 11 и р. 29), последния пѣтъ въ формата ὑποκάτω τοῦ στρατηγού, а първия — ἵνα ἦν ὑποκάτω αὐτοῦ. Понеже тоя изразъ се повтаря систематически три пѣти въ надписа, и то въ аналогични случаи, става твърде вѣроятно, че той е единъ общъ изразъ, който трѣбва да се отнесе не само къмъ последното лице отъ комисията, въ конкретния случай къмъ стратега Йоана, но и къмъ предидущитѣ лица, именно къмъ Варданъ и Юнме, и да се разтълкува въ смисълъ, че опредѣля отношенията на всички тия лица къмъ председателя на комисията Зургу войла Тукъ, който се явява пръвъ (πρῶτος). Значи, тоя изразъ е едно допълнително обяснение и засилване на думата πρῶτος.

Отъ р. 20 до края на надписа (р. 30) се назначава втора една смѣсена комисия, а като се има предъ видъ казаното по-горе за текста отъ р. 11

⁷⁷ По такъвъ начинъ се опровергава мнението на Г. Баласчевъ (Новыя данныя для исторіи греко-болгарскихъ войнъ при Симеонѣ «Изв. Руск. Арх. Инст. въ К—плѣ». IV (1899), стр. 219), че тая дума βουλῆας, която се среща и въ Житието на св. Мария Нова (п. т. Βουλῆαν τινὰ ἀρχοντα) и у Константина Порфирогенета (De Cerimoniis, I 681, 18 Βουλῆας ταρχάνος), било собствено име, което се приема отъ нѣкои учени, но се отхвърля отъ други (вж. Успенски, Абоба-Плиска, 187, 203; F. Dvorník, op. c., 133 п. 2; Marquart, Die Chronologie, p. 41; Златарски, История, II 433, заб. 1). Защото въ нашия надписъ собствено име е, вънъ отъ всѣко съмнение, Τοῦχος, а не Βουλῆας.

⁷⁸ Theophanes, ed. Bonn. II, 692; 735, 3; K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur. II Aufl. 1897, p. 958. Theophanes cont., 6; 52.

⁷⁹ Theophanes, 781; Scriptor incertus, ed. Bonn., p. 337.

наназадъ, — въ сщцность трета комисия, напълно аналогична съ предишната, само че за съседната крайморска областъ, именно на Анхиало, Девелтъ, Созополъ и Рануа. Тия градове сж добре известни и днесъ съ изключение само на последния, на който не може да се опредѣли мѣстоположението и остава неизвестенъ. Забележително е, че тая крайморска областъ се опредѣля въ надписа съ израза «лѣвата страна на моя сарактъ» (τὸ ἀριστερὸν μέρος τοῦ σαράκτου μου). Думата *σαράκτου* не се намира въ гръцкитѣ речници и сигурно е прабългарска, но значението ѝ се долавя, защото, както сочи контекстътъ, е употребена въ смисълъ на владение, предѣли, областъ.⁸⁰ Опредѣлението на крайморската областъ като «лѣва

⁸⁰ Г. проф. Ст. Младеновъ бѣ така любезенъ да даде следнитѣ обяснения по въпроса, които ние съ благодарностъ прилагаме тукъ.

„Съ удоволствие трѣба да се отбележи, че нашитѣ знания за езика на Испериховитѣ първобългари се обогатяватъ сега съ още една любопитна дума — *σαράκ(του)*. Че надписътъ, които се подлагатъ на изследване отъ г. проф. П. Никовъ, ако и да сж на гръцки, не сж византийски, а произхождатъ отъ нѣкой измежду първобългарскитѣ владетели, това е повече отъ вѣроятно, то е съвсемъ очевидно и се доказва напълно отъ наличността на първобългарски собствени (лични) имена, подобни на които сж известни отъ тюркскитѣ езици или диалекти; срав. напр. *Тоѹмо*с и татар. Чоки. Особено важно е, че къмъ известнитѣ до сега първобългарски нарицателни имена въ «Именника на българскитѣ князе», въ нѣкои старобългарски приписки и въ първобългарски надписи, включително т. н. Боиловъ надписъ на златното «Атилово» съкровище отъ Банатъ (Nagy-Szent-Miklós), сега се присъединява и нарицателното *sarak*, което значи, както се вижда, «область, подвластна околностъ» или въобще «пространство, страна, предѣлъ».

Сричка *-ak* въ *sarak* е несъмнено наставка (формантъ, суфиксъ), както въ тур. *kon-ak* отъ глагола *kon-mak* «спирамъ се, падамъ на престой, престоявамъ, оставамъ да живѣя, кондисвамъ», или въ *kap-ak* «похлупка» отъ глаголъ *kap-mak* «затварамъ, покривамъ», и под. Що се отнася до корена, той е *sar-* и стои въ връзка съ общо-тюркския глаголенъ и именителенъ коренъ *sar-* съ значения «обхващамъ, обгръщамъ, обикалямъ» и т. н., вж. м. др. В. Радловъ «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій», изд. отъ Руската акад. въ С. Петербургъ, т. IV. стр. 314, 316, 321, 323 и др. Интересно е, че въ тоя случай тюркскитѣ диалекти пазятъ и старинското материално (веществено) значение на корена въ известни думи, а въ други думи, както и въ първобълг. *sarak*, се явява сетнешно, преносно значение. Така въ *baša sarak sarmak* думата *sarak* има смисълъ на онова, съ което се обвива или обгръща (рус. «чалма», нѣм. Turban), та се превежда на руски «обвертываютъ голову чалмоу», нѣм. «sich einen Turban um den Kopf winden», подобно и въ: *kāmār sarynmak* «надѣватъ кушакъ, опоясатся». Значение «държи се о или около нѣщо» (срав. държава, западнобълг. държава = селище, «недвижимъ имотъ, като синонимъ на областъ, «каквото човѣкъ държи, обхваща, владѣе») има тюрк. глаголъ *sarylmak*. Тюрк. *sary* въ уйгурски, койбалски и др. значи просто «страна»; *sar* е споредъ Радловъ = нѣм. «umgeben», а отъ *umgeben* е *Umgebung* «околностъ». Срав. руско-българското страна за «земля», нѣм. Land, па и «посока»; *karīlak olak-sary uštu* значи «ястребъ полетѣлъ къ мальчику». Това последно значение на тюрк. *sary* ни дава право да сближимъ тая дума съ коренъ *sar-*: *sār* «простирамъ се», нѣм. sich ausbreiten; за *sar-* въ чувашки вж. H. Paasonen, Csuvás szójegyzek, Budapest 1908 с. 115; чагат. *sār-* въ *serik*, *seri* вж. H. Vámbéry, Čagataische Sprachstudien, Leipzig 1867 с. 301: *serik*, *seri* «ausgebreytet, eben, ein flacher Ort; étendu, plat, terrain égal». Може, следователно, да се каже, че и първобълг. *sarak* е имало значение «равно землице», и въобще «землице, просторъ, страна».

Не е съвсемъ безинтересно да се отбележи, че има една тюркска дума *sarak* съ значе-

страна на моитѣ владения» е едно много важно и сигурно указание за българския произходъ на нашия надписъ; защото само българския господаръ би могълъ да говори така. За византийския императоръ тоя изразъ е билъ съвсемъ неумѣстенъ, защото за него крайморската областъ би била дѣсна, а не лѣва страна на владенията му. Споменуването на градоветѣ Девелтъ, Анхиало и Созополъ, като намиращи се въ областъта на българския ханъ, показва ясно и сигурно, че тоя надписъ № II, както и първата частъ на № I, се отнасятъ въ времето на Омортага, и то още преди да е билъ туренъ въ изпълнение 30-годишниятъ миръ. Защото тия градове, споредъ постановленията на последния, трѣбвало да се повърнатъ на Византия, както това се вижда не само отъ № I, но и отъ Сюлейманкѡйския надписъ (вж. Златарски, История I, 299 сл.), и по-късно презъ втората половина на IX в., действително, се явяватъ подъ византийска властъ (п. т. II, 322). Това е едно сигурно указание за хронологизирането на № II, което показва, че той се отнася въ самото начало отъ царуването на Омортага.

Съставътъ на смѣсената комисия се опредѣля по следния начинъ: за неинъ глава или шефъ билъ назначенъ войла кавханъ Ратаисъ и византиецитѣ Кордилъ и Григора подъ стратега т. е. подъ него. Забележително е най-първо, че началникътъ на комисията е билъ българинъ, както и при първата, и при това най-висшиятъ български сановникъ, кавханътъ т. е. канцлерътъ.⁸¹ Той носи името Ратаисъ, едно ново прабългарско име къмъ групата известни вече такива, което напомня на името на българския пълководецъ Мармаисъ (Μαρμαῖς) отъ времето на царъ Симеона.⁸² Това име повдига тукъ наново въпроса за хронологията на надписа. Логично се явява, че въ една държава, па и въ прабългарската, е имало единъ кавханъ (канцлеръ). Такъвъ изводъ бѣхме направили вече веднажъ на друго мѣсто въз основа на осжѣднитѣ, наистина, извори.⁸³ Ако се приеме за моментъ, че надписъ № II е отъ сжщото време, както № I, което на пръвъ погледъ изглежда вѣроятно, поради връзката между съдържанието имъ, — значи, отъ царуването на Маламира, то се явява странното положение, че тогава въ

ние «стылбъ» (осм. като неупотрѣбителна у Радловъ, IV 316); първичното значение може да е било ограденъ стылбъ, стылбъ на ограда или за преграда, що обгръща «държавата». Може и въ прабългарски *sarak* да е значило *предѣлъ* (граниченъ просторъ, погранична областъ).

Най-сетне отъ гледището на X. Сунтовата арио-алтайска или X. Педерсеновата «ностратическа» хипотеза бива да се притурѣ, че тюрк. коренъ *sar-* : *sār-* особено съ значение «обгръщамъ, придържамъ се...» напомня индо-европ. коренъ **ser-*, [**(g)uer-* : **uer-*] «пазя, държа здраво» въ думи като литов. *sargas* «пазачъ», *sargùs* «бдителенъ», старогерм. *war* «предпазливъ», гот. *dakrawards* «вратаръ», «пазачъ на врата» и мн. под..⁸⁴

⁸¹ П. Никовъ, оп. с., 218—221.

⁸² Const. Porphyrogenetos, De administrando imperio, ed. Bonn., 157,^{1—2}, 157,²³.

⁸³ Кавханъ Исбулъ, стр. 220.

България е имало двама канцлери: кавханъ Исбулъ, за който знаемъ, че е билъ кавханъ при Маламира и Пресияна,⁸⁴ и кавханъ Ратаисъ отъ нашия надписъ, който сѣщо играе голѣма роля, нѣщо невъзможно и недопустимо. Това показва, че нашиятъ надписъ не е отъ времето на Маламира, а въ такъвъ случай би могълъ да бѣде само отъ времето на Омортага, както изведохме погоре и при разглеждането на надписъ № I, отъ когото наистина не е известенъ другъ кавханъ, освенъ тоя Ратаисъ. Възъ основа на това съображение трѣба, следователно, да се приеме, че надписъ № II е отъ времето на Омортага, а не на Маламира.

Забележително е, че въ текста кавханъ Ратаисъ се нарича *κεφαλῆ*. При второто българско царство се е употрѣблявало често званието *кефалия*, като началникъ, управителъ на градъ или област⁸⁵ и тукъ на пръвъ погледъ изпѣква въпросътъ, не е ли въ нашия случай сѣщата дума, още повече, че се свързва съ градове. По-горе при установяване на текста ние посочихме, че тукъ може да се чете само *κεφαλῆ*, но не и *κεφαλῆς* или *κεφαλῆας*, още по-малко *κεφαλᾶς* или *κεφαλῶτης*. Тукъ трѣбва да добавимъ, че въ Византия, до колкото сочатъ изворитѣ, преди XII в. се среща само формата *κεφαλῆ*, въ смисълъ на председател, предстоятель — на дружество, на канцелария, на бюро, — глава, шефъ, началникъ на войската; едва по-късно отъ XII в. изпѣква *κεφαλᾶτίμιον*, *κεφαλᾶς* — *κεφαλᾶδες*, *κεφαλῶτης* — *capitaneī exercitus* — началници на войската, управители на общественитѣ работи *οἱ τὰς δημοσίας ἀναζωννύμενοι ἄρχαι*, и отъ тамъ българското *кефалия*.⁸⁶ Трѣбва да посочимъ тукъ и това, че положението на Ратаисъ въ смѣсената комисия е напълно еднакво както и онова на Зургу войла Тукъ преди това; така че сѣщото което изразява думата *πρῶτος* за втория, това трѣбва, следователно, да изразява думата *κεφαλῆ* за първия. Съ други думи кавханъ Ратаисъ се явява пръвъ, председател, началникъ или шефъ на смѣсената комисия. Въ такъвъ смисълъ трѣбва да се тълкува думата *κεφαλῆ* въ случая. Тъкмо отъ онова време имаме следния аналогиченъ и характеренъ за значението на *κεφαλῆ* византийски текстъ: *ἀπαινοῦντες οὖν οἱ Μακεδόνες ἐποίησαν κεφαλὴν τὸντε Τζάντζην καὶ Κορδύλην*.⁸⁷

⁸⁴ П. т. 221—227.

⁸⁵ К. Иречекъ, *Исторія Болгаръ*. Одесса. 1878, стр. 523. *Илинскій*, *Грамоты болгарскихъ царей*, стр. 120. *Ст. Новаковић*, *Законски споменици српскихъ држава средняго века*. Београд. 1912, стр. 428, 683. *Мутафчиевъ*, *Боженишкиятъ надписъ*, «Списание на Бълг. Академия на Наукитѣ» XXII, стр. 96 сл.

⁸⁶ *Du Cange*, *Glossarium mediae et infimae Graecitatis*, p. 641—42. *Franz Dölger*, *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jahrhunderts*. Leipzig. 1927. s. 50.

⁸⁷ *Georgios Hamartolos*, ed. Muralt., p. 725. — Позволяваме си да приведемъ тукъ интереснитѣ бележки за думата *κεφαλῆ*, които направи по наша покана г. проф. Fr. Dölger, за което публично му благодаримъ. »Man wird in semasiologischer Hinsicht unterscheiden müssen zwischen *κεφαλῆ* als Gattungsbegriff = »Obrigkeit« allgemein, wie es schon im 14 apostolischen Ka-

Имената на двамата византийски членове на комисията се срещатъ тукъ таме въ изворитѣ. Ние четемъ напр. по-горе за византийския στρατλάτης Κορδύλης, който стоялъ начело на поселенитѣ задъ Дунава и организирани по военному византийски пленници и въ 837 г. възстаналъ противъ българската властъ и съ помощта на византийската флота се върналъ съ хората си въ Византия.⁸⁸ Съмнително е той да е тождественъ съ съименника си отъ надписа, защото той се явява още стратилатъ, а не стратегъ, и главно защото той е билъ при Омортага и Маламира български пленникъ. Името Гигора се срѣща въ изворитѣ,⁸⁹ но не въ времето на Омортага и Маламира.

И така, отъ съдържанието на надписъ № II се вижда, че българскиятъ ханъ, който говори отъ свое име, назначилъ три византийско-български комисии за три различни български погранични области на югъ отъ Балкана, именно крайморската, оная около Стара-Загора и на изтокъ, а третата трѣбва да се предполага, че е обхващала областта на Пловдивъ. На чело на дветѣ комисии сж били поставени двамата най-видни български сановници: кавханъ Ратаисъ и Зургу войла Тукъ. Отъ това именно ясно става, че въ надписа говори самиятъ български ханъ, който е ималъ само властъ да заповѣдва на най-висшитѣ свои сановници. Отъ сжщото се вижда, че тукъ сж се третирали и решавали най-важни

non (Rhalles-Potles II, 45) (und vielleicht schon früher) vorkommt und zwischen der technischen Bezeichnung κεφαλή als Vorsteher eines Themas oder eines Katepanikions. Mir scheinen noch die Stellen aus Theoph., aus der Leonischen Taktik und aus dem Zeremonienbuche, die Ducange, Gloss. s. v. angibt, zu zeigen, daß im 10 J. das Wort κεφαλή zwar gern für jede Art von »Obrigkeit« einer bestimmten Einheit in Heer und Verwaltung verwendet zu werden beginnt, doch noch nicht technisch ist. In technischer Anwendung ist mir das Wort vor der 2. Hälfte des 13 Jahrh. nicht bekannt, auch dann erscheint es zunächst immer neben δοῦς oder κατεπάνω, also δοῦς καὶ κεφαλή oder κατεπάνω καὶ κεφαλή, ist also mehr eine Funktionsbezeichnung als ein eigentlicher Titel. Die zunehmende Verwirrung der staatsrechtlichen Begriffe hinsichtlich des Ursprungs von Verwaltungsrechten (Beamtentum und Feodalität) scheint dann der Verbreitung der Bezeichnung im Sinne von: »Macht-haber eines bestimmten Bezirkes, Stadt, Thema, oder Katepanikion«, entgegengekommen zu sein. Wer in einem bestimmten Bezirke die Steuer erhebt, ist ihr κεφαλή oder, nach einer in spätbyzantinischer Zeit sehr beliebten Bezeichnungsweise, ihr κεφαλατικέων (vgl. ἐνεργῶν für die Finanzbeamten allgemein, vgl. meine Beiträge zur Gesch. der byz. Finanzverwaltung 73, A. 5). Ich darf zu κεφαλή überhaupt auf meine Beiträge 50–51 verweisen (dort auch über κεφαλατίκιον und κεφαλατικέων) sowie auf E. Stein, Untersuchungen über spätbyz. Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte; Mitteilungen zur osman. Geschichte 2 (1924) an den im dortigen Index aufgeführten Stellen. Die richtige Form ist jedenfalls zu aller Zeit nur κεφαλή, κεφαλός wäre ganz unmöglich, wogegen κεφαλός eine mir bekannte, sprachlich einwandfreie Weiterbildung nach Analogie zu βασιλέας von βασιλεὺς und zu δοῦκας von δοῦς (vgl. αὐθεντάδες von αὐθέντης) ist; sie ist aber populär und dürfte sich in amtlichen Schreiben der byzantinischen Kanzlei kaum vor der Mitte des 14 Jahrh. finden. Ueber die Weiterbildung κεφαλατικέων, die über κεφαλατίκιον zu leiten ist, habe ich schon das nötige gesagt. Κεφαλῶτης kenne ich nicht. —

⁸⁸ Georg. Hamartolos, ib.

⁸⁹ Theophanes, ed. Bonn. 458, 10. Const. Porphyrogenetos, De adm. imp., 186, 22; 187, 12. Theophanes contin., ed. Bonn., 372, 15; 382, 12; 383, 10.

български държавни въпроси, които сж извикали на работа най-първитѣ български държавници. Въ надписа не се казва, каква е била задачата на тия смѣсени комисии, защото началото на надписа е унищожено; обаче, като се има предѣ видѣ, че сжщитѣ били назначени за пограничните български области на югѣ отъ Балкана и то всѣка комисия въ опредѣлена територия, това подсеца, че тѣ сж третирали важни гранични въпроси, точно такива, за каквито се говори въ № I.

Тукъ сега изпѣква въпросѣтъ за взаимоотношението на № I и № II. Отъ направенитѣ по-горе бележки върху палеографията имѣ следва да се заключи, че тѣ сж писани отъ две рѣще, значи, отъ две различни лица. Това се вижда впрочемъ и отъ обстоятелството, дето въ № I се говори въ трето лице, а къмъ края само въ първо лице мн. ч., докато въ № II това става въ първо лице ед. ч. При всичко, че и въ другъ единъ старобългарски надписъ се срещатъ въ единъ и сжщъ надписъ да се смѣняватъ дветѣ лица,⁹⁰ въ нашия случай тая разлика не е безъ значение и подкрепя мисълта за двама различни писачи. Отъ направениятъ анализъ на съдържанието на двата надписа следва наистина, че тѣ сж близко свързани единъ съ другъ, защото третиратъ единъ и сжщъ въпросъ, и то по аналогиченъ начинъ, защото и тукъ и тамъ имаме споразумение между българи и византийци. Споменуватъ се дори едни и сжщи градове и области. Обаче, паралела продължава само за отнасящата се до Омортага I частъ отъ № I; напротивъ, въ II частъ (отъ 26 р. до края) се говори за недоразумение и споръ на Маламира съ Византия по граничната линия, поради неизправностъ на последната; значи, имаме разлика въ съдържанието. Може би, нѣкой да възрази, че това не е разлика, защото № II представя просто регулирването на граничния споръ при Маламира. Това би значило, че № II е продължение на № I. Това е, обаче, съвсемъ недопустимо и неприемливо, защото въ такъвъ случай непременно би писала двата надписа една рѣжа, която следъ завършване на № I би продължила да пише и продължението му № II. Значителната и учебийна разлика въ палеографията и въ характера на писмото въ № I и № II показва, че № II не е продължение на № I, а отдѣленъ, самостоенъ надписъ. Действително, ние видѣхме по-горе (вж. тукъ стр. 373 и 374), че други съображения отнасятъ № II къмъ времето на Омортага. Затова и неговото съдържание, което е въ връзка съ 30-годишния миръ, хармонира съ съответната първа частъ на № I. Следва, прочие, да заключимъ, че най-първо при Омортага е билъ издѣланъ на едната страна на камъка № II, а малко по-късно, при Маламира, на сжщия камъкъ на втората праздна страна е билъ издѣланъ и № I.

*

⁹⁰ Вж. *Търновския надписъ* р. 15 у *Златарски, История I*, 445.

Не може, прочее, да има никакво съмнение, че и двата надписи № I и № II сж свързани съ 30-годишния миръ или съ последницѣтъ отъ него.

Тоя миръ дойде да приключи продължителнитѣ войни, които българския ханъ Крумъ (803—814) водилъ съ Византия въ течение на шесть години (808—814). Тия войни, катастрофални за Византия, продължили до Крумовата смъртъ (априлъ 814). Византийска Тракия и източна Македония били презъ това време завладѣни и опустошени жестоко отъ българитѣ до предъ самитѣ стени на Цариградъ. Множество византийски крепости, малки и голѣми били превзети, на чело съ най-голѣмата — Одринъ, и въ нѣкои отъ по-важнитѣ поставени български гарнизони.⁹¹ Крумовата смъртъ заварила българскитѣ войски да плякосватъ и воюватъ далечъ южно отъ Одринъ при Аркадиополъ (днесъ Люле-Бургазъ) и Бурдизусъ (днесъ Баба-Ески).⁹² Приемникътъ на Крума, Омортагъ (814—831), е трѣбвало най-подиръ да ликвидира това наследство на баща си и да склучи миръ съ Византия, за която сжщиятъ е билъ, разбира се, твърде желателенъ. Заведенитѣ преговори довели именно до склучването на прочутия 30-годишенъ миръ.⁹³ Тоя миръ за 30 г. влѣзълъ въ основата на по-нататъшнитѣ отношения на дветѣ страни, и то за дълго време, до 837 г. Съдържанието на тоя миренъ договоръ ни е отчасти познато, благодарение на Сюлейманкьойския старобългарски надписъ.⁹⁴ Въ тоя надписъ сж запазени отъ четиритѣ само двата члена на мирния договоръ, отъ които първиятъ опредѣля границата, а вториятъ — начина на размѣната на пленницитѣ. Насъ интересува тукъ първия членъ, който гласи така: «Първата отъ четиритѣ статии въ договора относно старата граница нека бѣде оная отъ Деветлъ и до рѣка ... и между дветѣ рѣки до ... мостъ, и между Валзина и Агато-ники, а после и къмъ Констанция и къмъ Макроливада и до ... планина; до тамъ биде прокарана пограничната линия.»⁹⁵ Споредъ щателнитѣ изучавания на проф. Златарски,⁹⁶ така установената гранична линия вървѣла по следния начинъ: трѣгвала по голѣмия пограниченъ валъ Еркесия северно отъ Деветлъ, вървѣла по него до р. Чобанъ-Азмакъ, притокъ на р. Тунджа, спускала се на югъ между тия две рѣки дожде

⁹¹ Златарски, *op. cit.*, 252, 261, 262, 263, 275, 276.

⁹² *Ib.* 278 сл., 298.

⁹³ *Genesisius*, ed. Bonn. 41; *Theophanis cont.*, ed. Bonn. 31, 10, 65, 7; *Epistola ad Theophilum imperatorem* у *Migne*, *Patr. gr.*, т. 95, col. 369, 372; Златарски I, 299, 432 сл.

⁹⁴ С. *Jiréček* въ «*Archäol.-epigr. Mitteil.*» XIX (1896), p. 245—46. Успенски, Абоба-Плиса, стр. 219—225. I. B. *Bury*, *The bulgarian Treaty of A. D. 814 and the Great Fence of Thrace*, въ «*English Historical Review*», April 1900, стр. 276—287. В. Н. Златарски, Сюлейманкьойскиятъ надписъ, «*Извѣстия на Българ. Археол. Друж.*» т. III, 1 (1912), стр. 131—179. Сжщия, История I, 299 сл.

⁹⁵ Златарски, Сюлейм. надписъ, 132.

⁹⁶ П. т. и сжщия, История I, стр. 300, 301 заб. 4.

сливането имъ, минавала мостъ и се насочвала на западъ, южно отъ гр. Кавакли, после между Агатоники (западно отъ с. Саранлий) и Валзина (нейде по-насеверъ, може би, при с. Главанъ), която оставала следователно на българска територия и оттамъ къмъ Констанция (може би, село Оваджикъ) и къмъ Макроливада (днешното с. Узунджово), се отпращала къмъ Сръдна-Гора. Границата по-назападъ къмъ Пловдивъ оставала за по-късно уреждане.

Обстоятелството, че граничната линия е била прокарана само до къмъ Харманлий, а определянето на границата къмъ Пловдивъ отложено за по-късно и допълнително, показва, че установяването на граничната линия при сключването на 30 год. миръ срещало значителни спънки и вървѣло бавно, на етапи. Действително, фиксирането на границата следъ голѣмитѣ териториални размѣствания при хана Крума е било една твърде трудна и сложна работа. Особено болезнена е била тя за ощетена и унижена Византия, която е трѣбвало да се старае всѣкакъ да запази колкото е възможно повече отъ старитѣ си територии. Това се вижда ясно и отъ онова, което четемъ относно прокараването граничната линия по 30 годишния миръ въ писмото до императоръ Теофила, че: «Предоволенъ отъ това, императорътъ (Лъвъ V) бързаше да изпълни предписаното, за да не би нѣкакъ да избѣга отъ рѣцетъ му, като изхвъркнала птица, прокараването на граничната линия за 30 год.»⁹⁷

Много забележително е това особено подчертаване въ писмото на значението на 30-годишния миръ за Византия и на горепомнатото очакване на императора Лѣва за прокараване на граничната линия споредъ мира. Тоя изразъ на писмото води иначе до заключение, че въ оня моментъ — това е било скоро преди започването на преследванията въ Византия противъ иконитѣ (въ априлъ 815 г.), значи, въ началото на 815 г., 30-годишниятъ миръ между България и Византия е билъ вече уговоренъ и сключенъ (вѣроятно въ края на 814 г.), но прокараването на граничната линия (ἡ τῶν λ' ἐτῶν ὁροθεσία) не е било още извършено, та могли да се явятъ опасения у императора за нѣкои изненади. Че въпросътъ за прокараването на границата при 30-год. миръ е билъ единъ извънредно труденъ, деликатенъ и сложенъ въпросъ се вижда, обаче, най-ясно отъ нашитѣ надписи. Надпись № I, който се отнася, както ясно сочи неговото съдържание, къмъ първоначалния етапъ на определянето и прокараването на границата въ 814/15 г. и който съдържа несъмнено пълния видъ на териториалното тогавашно споразумение между България и Византия, свидетелствува, че определената размѣна на градове и територии и, следователно, прокараването на определената гранична линия, е трѣбвало да стане не изведнажъ и не дори въ кратко

⁹⁷ *Migne, Patr. Gr., col. 372: . . . μήπως ἡ τῶν λ' ἐτῶν ὁροθεσία, ὥστερ ὄρεον ἐκτετασθέν, ἐκ τῶν χειρῶν αὐτοῦ διαδράσῃ.*

време, а постепенно на нѣколко етапа и въ продължение на известно число години, именно шестнадесетъ.

Тоя дълъгъ срокъ, както и отдѣлнитѣ етапи опредѣлени въ надписъ № I за изпълнение пограничнитѣ постановления на 30-год. миръ идва да покаже, че опредѣлянето на пограничната линия въ 814/15 г. срещнало много голѣми затруднения и намѣрена била, види се, формулата на голѣмото отсрочване, за да се излѣзе отъ тия затруднения. Сжщо и смѣсенитѣ комисии на № II, опредѣлени отъ българския ханъ Омортагъ за отдѣлнитѣ погранични области сж били, навѣрно, предназначени да уреждатъ затрудненията и свидетелствуватъ за тѣхъ.

И така, нашитѣ надписи № I и № II се явяватъ като единъ извънредно цененъ изворъ за освѣтление историята на 30 год. миренъ договоръ и на отношенията между България и Византия при българскитѣ ханове Омортагъ и Маламиръ. Сега, подъ свѣтлината на № I Сюлейманкьойскиятъ надписъ добива напълно своето мѣсто и значение: несъмнено той съдържа клаузитѣ на 30-год. договоръ, обаче относно границата той ни дава само установената споредъ първия етапъ гранична линия, не обаче и пълното споразумение между дветѣ страни по нея. Какво е било въ пълния си видъ това споразумение за границата споредъ 30-год. миръ, ние узнаваме сега отъ нашия надписъ № I. Прокарването на граничната линия е трѣбвало да стане на етапи: първо ханъ Омортагъ е трѣбвало да упразни и предаде на Византия крепоститѣ Пердики, Девелтъ, Констанция и Одринъ, следъ което византийцитѣ били длъжни да му отстъпятъ други нѣкои неизвестни по име крепости. Подиръ това българитѣ е трѣбвало да упразднятъ отъ своя страна крепоститѣ Фика, Еоа и др., и въ последствие българскиятъ ханъ да стане господаръ на Долна-земя. И просто е поразително колко добре се съвпада дадената въ Сюлейманкьойския надписъ гранична линия съ първия етапъ отъ № I: и тукъ и тамъ началната точка на граничната линия е Девелтъ, а крайната — Констанция. Ясно е, че Сюлейманкьойскиятъ надписъ съдържа, прочее, относно границата нищо друго, освенъ изпълнението на първия договоренъ етапъ. Това обстоятелство идва да ни покаже, че е билъ правъ J. В. Вуру, когато е предполагалъ, че Сюлейманкьойскиятъ надписъ не е пълниятъ 30-год. договоръ.⁹⁸ Тукъ става явно, че сжщиятъ надписъ представя текста на изпълнението само на първия етапъ отъ 30-год. договоръ.

Тъкмо тукъ пада свѣтлината и на надписъ № II, който ни дава едно хубаво и рѣдко освѣтление тъкмо на изпълнението на първия етапъ отъ 30-год. договоръ. Въ него българскиятъ ханъ назначава три смѣсени българо-византийски комисии, начело съ най-висшитѣ български сановници, съ мандатъ да действуватъ първата, навѣрно, въ Пловдивската

⁹⁸ I. В. Вуру, *op. c.*, 281. *Златарски*, Сюлейманк. надписъ, 177—78.

область, втората — въ областта на Стара-Загора и къмъ изтокъ отъ нея, а третата — въ крайморската область на Девелтъ, Анхиало, Созополъ, Рануа. Понеже българскиятъ ханъ отнася въ своитѣ предѣли тия последни градове, които споредъ 30-год. миръ трѣбвало да бждатъ повърнати отъ него на Византия, и въ по-късно време действително се явяватъ въ нейна власть,⁹⁹ ясно е, че тоя надписъ се отнася въ момента, когато сж почнали приготовленията за туряне въ изпълнение на 30-год. миръ. Тритѣ смѣсени комисии начело съ най-високитѣ български служебни лица, кавхана и зургу войла, били, навѣрно, натоварени да прокарать постановленията на договора и първия етапъ отъ договорната гранична линия. Отъ № II ние узнаваме състава на тия комисии, научаваме и името на тогавашния български канцлеръ Ратаисъ, който трѣбва да е билъ и сътрудникътъ на великия ханъ Крумъ.

Следъ като ханъ Омортагъ изпълнилъ постановленията на споразумението за първия етапъ и изпразднилъ и предалъ на Византия казанитѣ крепости и области, последната е отстъпила отъ своя страна на България опредѣленитѣ по договора но неизвестни мѣстности. За изпълнението на втория етапъ по договора билъ опредѣленъ срокъ отъ 16 год. Това се падало въ царуването вече на Маламира. Българитѣ предали или изказали готовностъ да предадатъ на Византия по договора крепоститѣ Фика, Еса и др., обаче, последната си правѣла оглушки да изпълни 30-год. договоръ и своитѣ задължения по него. За това нейно поведение именно се оплаква въ края на надписъ № I Маламиръ, като казва, че «императорътъ забравилъ клетвитѣ си». Шуменскиятъ надписъ ни показва, обаче, че накрай византийцитѣ се вразумили и се съгласили на изпълнението на 30-год. договоръ. Тѣ получили Проватъ, Скутарионъ, Фика, Еоа и др. укрепени пунктове около Одринъ, а предали на българитѣ Пловдивската область,¹⁰⁰ която изглежда, че е носила името Долна-земя, което се явява въ надписъ № I.

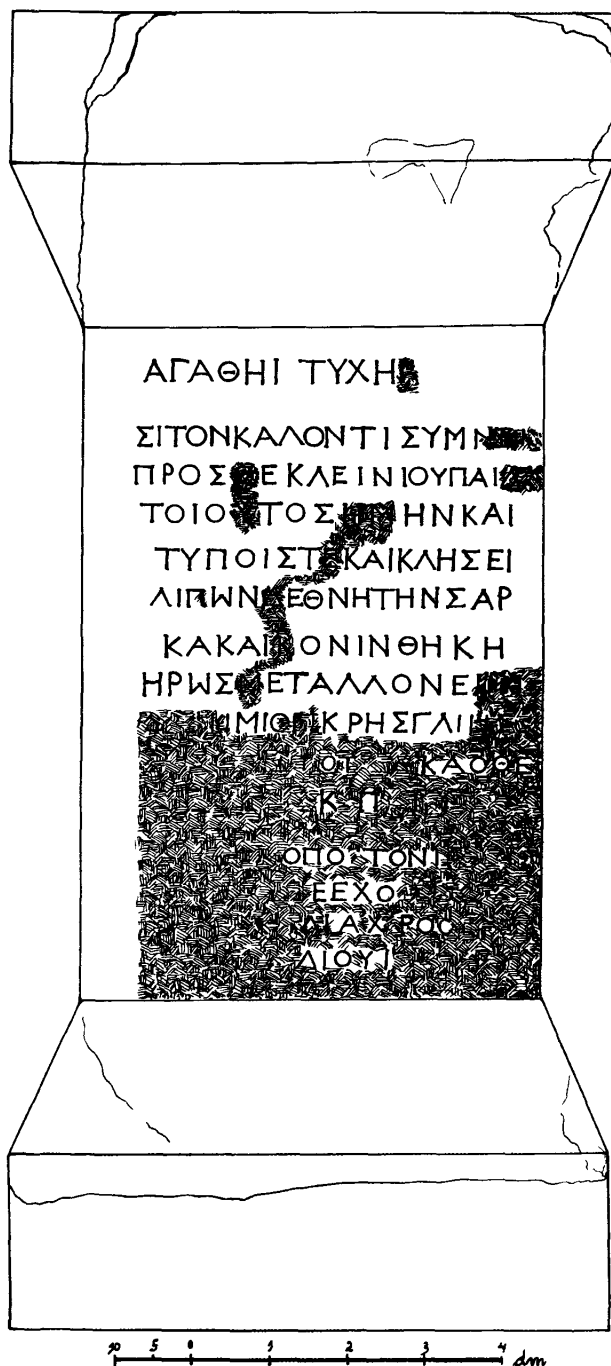
По такъвъ начинъ краятъ на надписъ № I идва да освѣтли времето, събитията и византийско-българскитѣ отношения непосредствено преди пълното и окончателно прилагане на 30-годишния миръ при хана Маламира.

Горнитѣ изводи ни даватъ възможность да опредѣлимъ и времето, когато сж били издѣлани нашитѣ надписи: № II е издѣланъ около началото на 815 год., а № I около 831 година.

⁹⁹ Златарски, История II, 322.

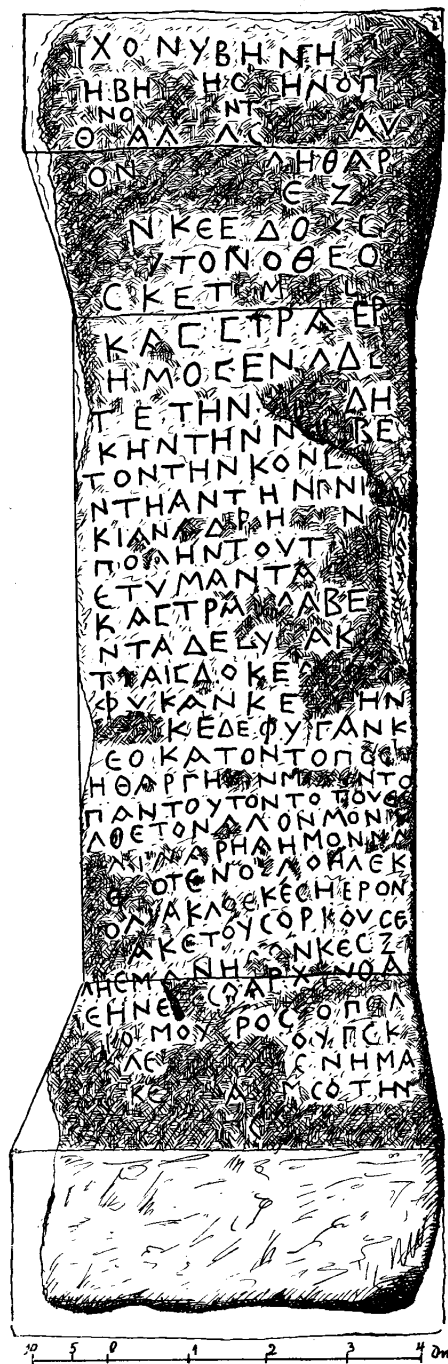
¹⁰⁰ П. т. I 336, 452—457.

Κ. ШКОРПИЛЪ: НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО.

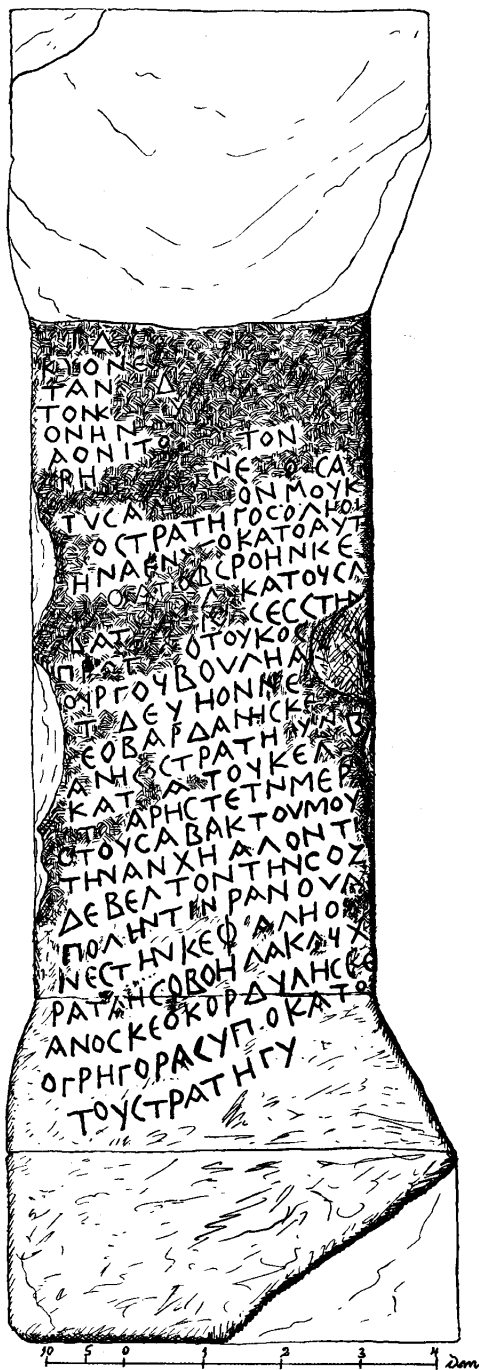

Таб. I.

К. ШКОРПИЛЪ: НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО.

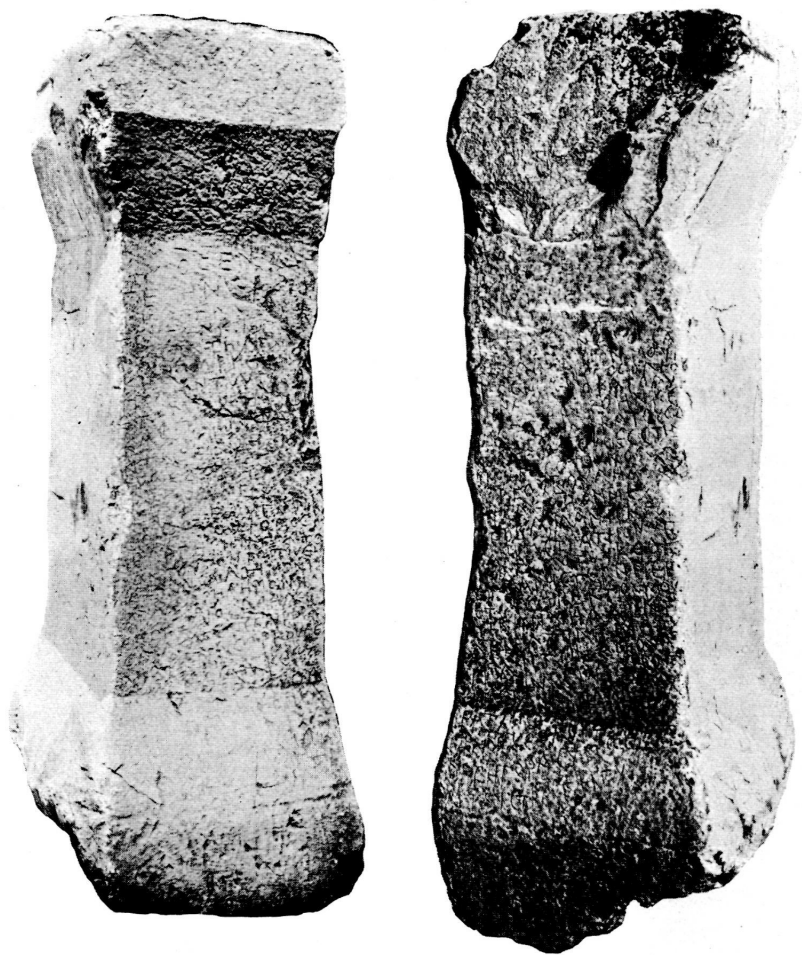

Таб. II.

Таб. III.

К. ШКОРПИЛЪ: НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО.

Таб. IV.

ZWEI ALT-BULGARISCHE INSCRIFTEN ÜBER BYZANTINISCH-BULGARISCHE BEZIEHUNGEN.

(Résumé.)

Von P. Nikov.

Im archäologischen Museum zu Warna (Bulgarien) wird ein bei Hambarli in Südbulgarien aufgefundener Altarstein aufbewahrt, auf dem drei Inschriften in griechischer Sprache eingemeißelt sind: eine mittlere altgriechischen Ursprungs auf der vorderen Fassadenfläche und zwei altbulgarische auf den zwei benachbarten Seiten, von denen hier die rechte mit N^o I und die linke Inschrift mit N° II bezeichnet werden. Teile dieser beiden bulgarischen Inschriften, deren Dechiffrierung ziemlich große Schwierigkeiten darstellt, sind schon einmal aber sehr mangelhaft herausgegeben worden (Vgl. H. und K. Škorpil in Archäologisch-epigr. Mitteil. XV, 1892, p. 98—99), sodaß davon für die wissenschaftliche Erkenntnis kein Nutzen entstanden ist und heute noch diese Inschriften sogut wie unbekannt bleiben.

Nach einem mühsamen Studium derselben auf dem Stein selbst, auf der Photographie und dem Abklatsch wird hier zuerst der Versuch gemacht, die möglichst richtige Lesung und Ergänzung der Inschriften festzustellen. Das gelang vielmehr, als es auf den ersten Blick möglich schien, jedenfalls insoweit, daß der Inhalt von N^o I und N° II im Allgemeinen vollständig klar daliegt, und für die Wissenschaft nutzbar gemacht werden kann. Diese Inschriften ergaben sich als zwei der längsten alt-bulgarischen Inschriften aus der heidnischen Zeit: N^o I weist 39 und N° II — 30 Zeilen auf. Sie sind außerdem die einzigen solchen Inschriften, die in Südbulgarien, südlich des Balkangebirges vorgefunden worden sind. Die festgestellte Lesung der Inschriften findet der Leser im vorhergehenden bulgarischen Text.

Eine historisch-kritische Analyse des Inhalts der Inschriften führt zu unerwarteten und ungemein wertvollen Resultaten. Am Anfang von N^o I steht der Titel des bulgarischen Herrschers, fehlt aber sein Name; am Ende aber der Inschrift lassen die Buchstabenreste mit gewisser Sicherheit den Namen des bulgarischen Kans Malamir lesen. Die Untersuchung des Inhalts gibt aber genug feste Anhaltspunkte für die sichere Feststellung der Chronologie beider Inschriften; und es stellt sich heraus, daß N° II auf Befehl des bulgarischen Kans Omortag (814—831) am Anfang seiner Regierung im J. 815 eingemeißelt worden ist, während N^o I auf Veranlassung des Nachfolgers desselben, Kan Malamirs (831—836), entstanden ist. N° II wie auch der erste Teil (die ersten 25 Zeilen) von N^o I beziehen sich auf den zwischen Omortag und Kaiser Leo V Armenier geschlossenen dreißigjährigen Frieden (im J. 814—15). Dagegen spricht der letzte Teil von N^o I schon von der Zeit Malamirs und von den Folgen des 30jährigen Friedens. Es ist klar wie eine Tatsache, daß unsere

Inschrift eine reiche Quelle ist für die Geschichte des 30jährigen Friedens und der byzantinisch-bulgarischen Beziehungen jener Zeit.

Der 30jährige Friede ist uns teilweise bekannt von der berühmten altbulgarischen Inschrift von Sulejmankjoj, die bisher mancherseits als das Original des Friedensvertrages betrachtet wurde. Unsere Inschrift bringt jetzt manche neue und wichtige Beiträge für die Kenntnis dieses Friedens. N^o I berichtet über das vollständige territoriale Abkommen in diesem Frieden, welches im Folgenden bestand: Der Bulgarenkan mußte zuerst folgende vier wichtige Festungspunkte räumen und an Byzanz zurückgeben — Perdiki, Debelt, Konstantia und Adrianopel. Darauf traten die Byzantiner an ihn manche andere Festungen ab. Nun kam die Reihe wieder an die Bulgaren, die die Festungen Fika, Eoa u. a. an Byzanz abzugeben hatten, worauf der Bulgarenkan in Besitz von Κάτον τόπος, wohl der Region von Philippopel, treten mußte. Die Ausführung dieses gegenseitigen Territorienaustausches ging also vor sich etappenweise, mußte aber innerhalb 16 Jahre vollständig durchgeführt werden. Da die Inschrift von Sulejmankjoj nur die erste Etappe dieser Grenzregulierung enthält, kann nicht mehr als das Original des 30jährigen Friedensvertrages gelten. Für die Durchführung des Friedensabkommens ernannte Kan Omortag drei bulgarisch-byzantinische Kommissionen, mit den höchsten bulgarischen Würdenträgern an der Spitze (dem bulgarischen Kafchan = Kanzler und dem zweiten nach ihm, dem Zurgu Voila = wohl Minister des Äußern). N° II gibt uns die Namen der Kommissionsmitglieder.

Die letzte Etappe in der vollständigen Durchführung des 30jährigen Friedensvertrages fiel im ersten Jahre der Thronbesteigung Kan Malamirs, aber die Byzantiner zeigten sich nicht bereit ihre letzten Vertragspflichten zu erfüllen; dafür beklagt sich Malamir am Ende von N^o I, daß der Kaiser seine Schwüre vergessen habe. Diese Mißhelligkeiten in den bulgarisch-byzantinischen Beziehungen dauerten nicht lange, denn bald darauf verstanden sich die Byzantiner auf die Erfüllung des Vertrages und willigten, wie uns die Inschrift von Šumen berichtet, auf den letzten vertragsmäßigen Territorienumtausch, wobei sie manche Castelle um Adrianopel erhielten, dafür aber an Bulgarien das Gebiet von Philippopel zwischen der Rhodope und Sredna Gora samt dieser Stadt abtraten.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ ПРЕСЛАВА.

До послѣднихъ раскопокъ Преславъ далъ только нѣсколько латинскихъ надписей,¹ а изъ многочисленныхъ болгарскихъ эпиграфическихъ памятниковъ (часть ихъ видѣлъ въ 1640 г. ПЕТРЪ БОГДАНЪ)² не была извѣстна ни одна строка, которая могла бы насъ связать съ широкой литературной дѣятельностью, кипѣвшей здѣсь во время Симеона. Правда, новый эпиграфическій матеріалъ не имѣетъ монументальнаго характера и не отличается богатыми историческими и языковыми данными, но все-таки онъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что найдены надписи съ глаголицей и кириллицей болѣе старой, чѣмъ на Самуиловой плитѣ изъ Преспы. Благодаря этой особенности надписи могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о началѣ болгарской письменности.³

А. НАДПИСИ СТѢНЪ КРУГЛОЙ ЦЕРКВИ.

Развалины Круглой церкви открыты въ 1927/1928 г. Это очень интересный памятникъ церковной архитектуры, на основаніи соображеній историческаго, археологическаго и художественно-историческаго характера, точно датируемый концомъ 9-го или началомъ 10 вѣка, то-есть эпохой царя Симеона (893—927).⁴

Надписи, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся на стѣнахъ церкви и носятъ совершенно случайный характеръ. Онѣ не входили въ программу строителей и произошли отъ руки случайныхъ лицъ, очевидно, любившихъ проявлять свои лѣтописныя наклонности черезъ царапанье по стѣнамъ. Можетъ быть отъ большой скромности надписи эти нацарапаны иглою почти невидимо. Черты буквъ не глубоки, мѣстами со-всѣмъ стерты, а величина ихъ нигдѣ не превышаетъ одного сантиметра. Большинство надписей состоитъ изъ одного или двухъ рядовъ; мѣстами

¹ К. Х. Шкорпилъ, Прѣславъ. Изв. Варн. арх. др-во, III. 138—140; *Его же*, Паметници отъ столица Преславъ, 221.

² К. Иречекъ, Пжтуванія по Бѣлгарія, стр. 875.

³ Часть этого матеріала я обнаружилъ въ статьѣ «Симеоновата църква и нейниятъ епиграф. материалъ», Бѣлг. Прегледъ, I (1929), 100—124, но такъ какъ по техническимъ причинамъ, тамъ не могли быть помѣщены репродукціи фотографическихъ снимковъ, вынужденъ снова остановиться на немъ. Нѣкоторые изъ надписей керамичныхъ плитъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, опубликованы безъ толкованій Ю. С. Господиновымъ въ брошюрѣ «Преславъ, минало и паметници», Шуменъ, 1928.

⁴ К. Miatov, Die Rundkirche von Preslav, Byz. Zeitschr., XXX, 561—567.

же виднѣются отдѣльные знаки или буквы. Они сдѣланы на лицевой сторонѣ камней стѣнъ или на известковомъ растворѣ фугъ; отъ земли они расположены на высотѣ 1.50—2 м.

Надписи были открыты въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не всѣ изъ нихъ могутъ быть прочитаны, вслѣдствіе очень плохого ихъ состоянія.

Самый большой интересъ для насъ представляютъ двѣ надписи, вѣрзанныя одна подъ другой на известковой фугѣ сѣверной стѣны баптистерія. На этой стѣнѣ виднѣются во многихъ мѣстахъ остатки штукатурки, дополнительно наложенной сверху известковыхъ фугъ. Этой штукатуркой были покрыты и наши надписи, такъ что можемъ сказать, что надписи старѣе штукатурки. Судя по исполненію буквъ, мы даже имѣемъ основаніе предполагать, что надписи были сдѣланы тогда, когда фуги были еще мягки. Это подтверждается отчасти и содержаніемъ надписей. Каждая надпись стоитъ на отдѣльной фугѣ, на высотѣ 1.60—1.80 м. отъ земли.⁵

1. Глаголическая надпись.

На верхней фугѣ (рис. 1) виднѣется глубоко вѣрзанный въ растворъ крестъ, высотой въ 4 см. и шириною 3 см. Около него легко нацарапанъ иглою другой небольшой крестъ съ сильно расширяющимися концами, а еще правѣе замѣтенъ третій знакъ, также глубоко вѣрзанный, какъ и начальный крестъ. И этотъ знакъ похожъ на крестъ, верхняя половина котораго какъ будто охвачена полуокружностью, въ настоящее время отчасти разрушенной. Три описанныхъ знака происходятъ отъ одного и того же времени. Современны имъ, вѣроятно, и слѣдующія глаголическія буквы, однако отстоящія отъ послѣдняго знака на 2 сантиметра и какъ бы образующія свою особую группу. Буквы находятся точно посерединѣ фуги и образуютъ одинъ короткій рядъ: (рис. 2) что, переданное кириллицей, даетъ тигивъ . Первые пять буквъ ясны и не возбуждаютъ никакого сомнѣнія при прочтеніи. Шестая (крайняя) буква полустерта, но тутъ какъ будто бы видны элементы Ж (ъ) или другой подобной буквы, бывшей, во всякомъ случаѣ послѣдней, на что указываетъ крестъ, кончающій слово. Высота буквъ колеблется между 3 и 6 мм. Глубина ихъ незначительна.

Значеніе словатигивъ неясно. Въ своей формѣ оно ни славянское, ни греческое. Если это не криптограмма или сокращеніе какого-либо слова, то возможно, что это турко-болгарское имя, такъ какъ Аспаруховы потомки стояли близко къ болгарской письменности и могли ее усвоить своему языку, если не систематически, то частично.

⁵ Объ этихъ надписяхъ, кромѣ цитированной выше моей статьи въ Бѣлг. Прегледъ I, (1929), 113—115, смотри еще: М. Weingart, въ Byzantinoslavica II, sv. 1, 166—168; М. Н. Сперанский, Изъ славянской эпиграфики. Доклады академии наукъ С. С. С. Р. 1930, 51—57.

Рис. 1. Глаголическая надпись на стѣнѣ Круглой церкви Преслава.

Однако, настоящее значеніе надписи не въ томъ, что одно турко-болгарское имя было отмѣчено на стѣнѣ глаголическими буквами. Значеніе состоитъ въ засвидѣтельствованіи факта употребленія глаголицы въ Преславѣ, гдѣ она до сихъ поръ не была замѣчена. Эти нѣсколько буквъ ея вообще самый старый изъ до сихъ поръ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ болгарской письменности.

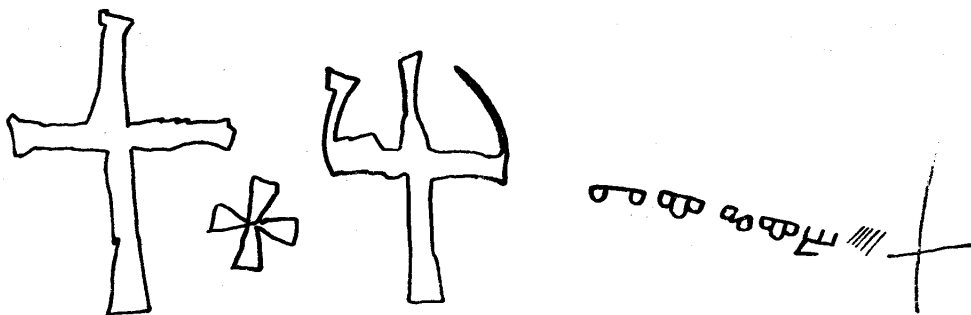

Рис. 2. Глаголическая надпись на стѣнѣ Круглой церкви Преслава.

Въ общемъ буквы имѣютъ круглое начертаніе съ нѣкоторымъ легкимъ отгѣнкомъ угловатости, причиненнымъ, навѣрное, непригодностью стѣны къ правильному письму. Кромѣ того онѣ отличаются старинными формами,⁶ находящими самую близкія подобія въ Ассемановомъ Евангеліи, Клоц. глаг. и Зографскомъ Евангеліи.⁷ Такъ буква *w* со своими маленькими и круглыми колечками, не достигающими до нижней линіи ряда, очень характерна для Ассем. Еванг., Зогр. Ев., Мар. Ев., Макед. лист. и пр.⁸

Вторая буква нашей надписи отвѣчаетъ *ѣ*, что, вмѣстѣ съ *ж* встрѣчается только въ самыхъ старыхъ глаголическихъ памятникахъ.⁹ Еще въ Клоц., Зогр., Мар. его прямая и отвѣсная черта начинаетъ укорачиваться, а треугольничекъ спускается донизу. Во многихъ случаяхъ послѣдній совсѣмъ замѣстилъ черту.^{9a} Закругленность треугольника въ нашемъ случаѣ можетъ быть обязана техническимъ причинамъ.¹⁰

Третья буква надписи не можетъ быть сближена непосредственно ни съ однимъ изъ начертаній этой буквы въ рукописяхъ, но если взять во

⁶ М. Н. Сперанский, цит. с., 53.

⁷ И. В. Ягичъ, Глаголическое письмо. Энциклопедія слав. филологіи, т. 3., СПб. 1911, стр. 126, табл. II 4, II 3b, II 5a, III 5b, c.

⁸ Ягичъ, ц. с., табл. II 4, II 5a, c, III 6a, b, IV 7.

⁹ Ibid., 190.

^{9a} Ягичъ, ц. с., Зогр. табл. II 5a, 5 и 6 строчки Клоц. безъ всякой черты, табл. II 3b, 3, 5 10 строчки; Мар. безъ черты, табл. III 6 послѣдняя строчка, III 6b, 9 строчка.

¹⁰ М. Н. Сперанский, ц. с., 53, примѣчаніе 2.

вниманіе ея убористость и обстоятельство, что она не выходитъ изъ ряда, мы легко сможемъ ее вывести изъ рисунка такой же буквы въ Ассем., Зограф. Евангеліяхъ и Макед. Лист.,¹¹ гдѣ лѣвое колечко стоитъ немного выше у своего столбика. Если бы это колечко спустилось немного ниже и покрыло бы весь столбикъ, — что совсѣмъ возможно при техническихъ условіяхъ Преслава, мы имѣли бы начертаніе преславскаго ѡ.

Остальныя буквы нашей надписи не представляются особенно характерными.

II. Надпись кириллицей.

Другая надпись находится на ниже лежащей фугѣ, точно подѣ глаголическими буквами. Состоитъ она изъ двухъ рядовъ кириллицы, дающихъ слѣдующее: (рис. 3).

УБРІКН(АТ)АГОНОАНАХАДН //
 ПАУЛОМЪХАРТОФУЛАГОМЪ

т. е. църкы сатааго ноана дѣлан[ма или -тъса] пауломъ хартофүлаѡмъ.

Буквы имѣютъ различную величину. Самая высокая изъ нихъ около 1 см. Къ концу рядовъ онѣ становятся совсѣмъ неглубокими и едва видны. Послѣ дѣлан въ концѣ перваго ряда, необходимы еще нѣсколько буквъ, чтобы получилась форма, отъ которой зависитъ творительный падежъ слѣдующаго ряда: дѣлан[ма] или дѣлан[тъса]. Конечъ хартофүлаѡмъ виденъ слабо.

Хотя и короткая, эта надпись должна занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ болгарской эпиграфикѣ. Самымъ старымъ памятникомъ кириллицы считалась до сихъ поръ надгробная плита царя Самуила (993 г.), найденная въ селѣ Германъ на Преспанскомъ озерѣ. Наша надпись отнимаетъ первенство у Самуиловой плиты, такъ какъ относится, какъ увидимъ это ниже, къ эпохѣ, гораздо болѣе ранней.

Кромѣ того надпись указываетъ не только имя святаго, чей памяти была посвящена църковь, но и имя одного неизвѣстнаго до сихъ поръ въ болгарской исторіи лица, нѣкоего хартофилакса Павла, который, какъ говоритъ надпись, построилъ [или имѣлъ какое-то близкое отношеніе къ постройкѣ] новооткрытую круглую църковь. Въ Византіи хартофилаксъ былъ должностнымъ лицомъ патріархіи. Онѣ имѣлъ діаконскій чинъ и исполнялъ какъ бы службу викарія.¹²

¹¹ Ягичъ, ц. с., II 4, II 5 а, IV 7.

¹² Adrien Fortescue, Chartophylax, Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne.

Хартофилаксъ Павелъ упоминается въ Царьградѣ въ связи съ восьмымъ Вселенскимъ соборомъ (869),¹³ но у насъ мало основаній сблизять этого Павла съ нашимъ строителемъ Преславской церкви. Скорѣе можно принять, что болгарская автономная церковъ очень рано, то есть еще до провозглашенія ея главы патріархомъ, приняла византійскую церковно-административную систему, а вмѣстѣ съ ней и службу хартофилакса.

Надпись написана полууставомъ, неправильными и кривыми буквами, начертаніе которыхъ имѣетъ параллели въ греческой письменности 9—10 в., въ болгарскихъ рукописяхъ 11 в. и, что особенно важно, въ греческихъ надписяхъ болгарскихъ хановъ первой половины 9 вѣка.¹⁴ Сходство нашей надписи съ этими болгарскими памятниками по общему характеру и частнымъ формамъ буквъ настолько близко, что мы невольно вынуждены подумать объ одной непрерывной графической традиціи у болгаръ, традиціи, которая, начавшись надписями Омуртага и Маламира, проходитъ черезъ надписи Пресіяна отъ 837 г.¹⁵ и Бориса,¹⁶ создаетъ монументальные эпиграфическіе памятники Симеона на греческомъ и болгарскомъ языкахъ¹⁷ и наконецъ вноситъ свою значительную дань въ устройство и введеніе кириллицы въ священныя книги бол-

¹³ *Mansi*, Concil. ampliss. coll., t. XVI, col. 350.

¹⁴ Абоба-Плиска, Альбомъ, табл. XLIV, XLVII, CXVIII; *Θ. И. Успенскій*, О древностяхъ города Тырнова, И. Р. А. И. въ К-лѣ, т. VII, 2 сл.; Табл. № 4; *Г. Баласчевъ*, Староб. каменни надписи отъ времето на великия ханъ Омъртагъ, Минало, I, кн. 3 и 4; *Г. Фехеръ*, Надписътъ на Мадарския конникъ, София, 1928, табл. на стр. 125.

¹⁵ *F. Dvorník*, Deux inscriptions gréco-bulgares de Philippes, *Bull. corr. hell.* LII, 1928, 125—147. РІ. VI et VII. Надписи Омуртага и Маламира, также какъ и Пресіяна въ Филиппи, до сихъ поръ еще не рассмотрѣны съ внѣшней стороны. Несмотря на это, достаточно бросить бѣглый сравнительный взглядъ, напр. на надпись около Мадарскаго конника и на надпись въ Филиппи, чтобы убѣдиться, что, несмотря на различіе во времени (около 23—24 лѣтъ), онѣ представляютъ въ палеографическомъ отношеніи одно графическое цѣлое, которое заставляетъ насъ предполагать, если не одного и того же писца, то несомнѣнно одну и ту же графическую школу.

¹⁶ До настоящаго времени извѣстна только одна надпись, найденная при с. Балши въ Албаніи. *В. Н. Златарски*, Намѣренія въ юго-зап. Албанія надпись съ името на българския князь Бориса-Михаила. *Slavia* II (1923), 61—91; его же, *История* I², 233 сл.; *C. Praschniker* въ *Anzeiger d. phil. hist. Klasse d. Akad. d. Wiss. in Wien*, № XIII (1919), 3 f. *Jahreshefte d. österr. Arch. Inst.*, Bd. XXI—XXII, I Teil (1922), Beiblatt, 195—96; *Д. Анастасијевић*, Архив за арб. старину, језик и етнологију, II, св. 1 (1924); *Й. Ивановъ*, Бѣлг. старини изъ Македонія, II изд. (1931), 12—16.

¹⁷ Изъ греческихъ надписей Симеоновой эпохи знаемъ только пограничные столбы около с. Наръѣ и с. Вардаровци (Солунскаго района), поставленные въ 904 г. *Θ. И. Успенскій*, Пограничный столбъ между Византіей и Болгаріей при Симеонѣ, Изв. Р. А. И. въ К-лѣ, III, 184 сл.; *Г. Баласчевъ*, Надпись отъ времето на ц. Симеона, Бѣлг. Прегл. 1898 г., Мартъ, 61 сл.; *Йорд. Ивановъ*, Бѣлг. старини изъ Македонія, 16 сл. — О болгарскихъ надписяхъ въ Преславѣ свидѣтельствуеетъ Петъръ Богданъ: «На много мѣста се виждатъ издѣлбани кирилски букви, но понеже сж развалени, не може да се разбере тѣхния смисль». *Иречекъ*, Пжтувания, 875 сл.

гарской церкви. Но зависимость нашей небольшой надписи стѣны Преславской церкви отъ монументальныхъ надписей того же времени выводится не только на основаніи общаго сходства буквъ въ ихъ графической цѣлостности и каждой буквы отдѣльно. Она доказывается и начертаніемъ двухъ буквъ нашей надписи, неизвѣстныхъ греческимъ и болгарскимъ рукописямъ той эпохи. Эти двѣ буквы: 1. *х*, написанная, пересѣченіемъ двухъ прямыхъ линий, не спускающихся ниже ряда; такъ *х* пишется только въ греческихъ монументальныхъ надписяхъ болгарскихъ хановъ;¹⁸ 2. буква *а* для болѣе поздняго *а*. Изображеніе *а* черезъ *а* неизвѣстно славянской палеографіи. Въ самыхъ старыхъ памятникахъ *а* является въ видѣ *а* и *а*, на основаніи чего почти всѣми палеографами принимается, что прототипомъ малаго юса была греческая буква *а* очень обыкновенная въ надписяхъ 9—11 вѣковъ.¹⁹ Подчеркивая тотъ фактъ, что устроитель или устроители кириллицы искали образцовъ для буквъ не только въ рукописяхъ, но и въ монументальныхъ надписяхъ того времени, мы должны припомнить только, что высказанное предположеніе о непрерывной графической традиціи у болгаръ отъ Омуртага до Бориса и Симеона и, возвращаясь къ начертанію нашей буквы *а*, обратить вниманіе на то, что въ нашемъ случаѣ авторъ хартофилаксовой надписи искалъ знакъ для своего специфическаго славянскаго звука не въ рукописяхъ, а въ монументальныхъ надписяхъ, видѣнныхъ имъ какъ въ старой, такъ и новой столицѣ Болгаріи. И дѣйствительно, въ Омуртаговыхъ и Маламировыхъ надписяхъ, о которыхъ мы не имѣемъ основанія предполагать, что они исчезли уже въ концѣ 9 и началѣ 10 вѣка²⁰ рядомъ съ *а* употребляются *а* и *а*.

Но мы увидимъ дальше, что хартофилаксова надпись не находится исключительно подѣ влияніемъ монументальной графики. Ея авторъ хорошо былъ знакомъ и съ книжнымъ письмомъ и съ греческимъ минускуломъ. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, почему писецъ, занявъ начертаніе многихъ своихъ буквъ изъ рукописей, въ нихъ не поискалъ и образца для малаго юса. Отвѣтъ можетъ быть одинъ, а именно: наша надпись писана въ очень раннее время, когда кириллица устраивалась, и когда въ болгарской азбукѣ не существовалъ еще установленный постоянный знакъ для малаго носового звука. Тогдашніе грамотѣи знали только, что эта гласная могла быть выражена знакомъ греческаго «а» въ монументальномъ письмѣ и потому писали эту букву по образцамъ, на-

¹⁸ Абоба-Плиска, табл. XLIV 1а, CXVIII; Г. Фехеръ, Мад. конникъ, 125.

¹⁹ Срезневскій, Древн. христ. надписи, 46; Е. Карскій, Очеркъ слав. кирил. палеографіи, 99; П. А. Лавровъ, Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма, Энц. слав. филологіи, т. IV, 15.

²⁰ Абоба-Плиска, альбомъ, XLIV 1, 1а, b, 3; XLVII 4; Г. Фехеръ, Мадарскія конники, табл. стр. 125. О Борисовой надписи отъ Балши (866 г.) см. у И. Ивановъ, Български старини, 13.

Рис. 3. Кирилловская надпись на стѣнѣ Круглой церкви Преслава.

ходимымъ въ близкихъ имъ по времени и мѣсту монументальныхъ надписяхъ. Подтвержденіе тому, что въ болгарской письменности знакъ для малой носовки не былъ установленъ сразу и въ самомъ началѣ, мы должны видѣть въ колебаніи знака *ѡ*, *ѡ*, *ѡ* и *ѡ* въ болгарскихъ рукописяхъ 11 вѣка.²¹

Что же касается другихъ буквъ нашей надписи, то мы можемъ дать еще слѣдующія замѣтки:

1. Буква *а* встрѣчается 8 разъ въ не совсѣмъ одинаковомъ начертаніи, но общій типъ всегда очень хорошо сохраненъ. Буква помѣщается всегда въ ряду. Ея черта сильно наклонена влѣво. Кружокъ закругленъ и находится почти посерединѣ черты, не достигая низу. Совершенно такое же начертаніе *а* мы находимъ въ Самуиловой надписи,²² въ Варошской надписи 996 г.,²³ въ Савиной книгѣ и Супрасльской минеѣ,²⁴ но по закругленности кружка и свободному бѣгу прямой оно стоитъ близко къ *а* одного греческаго Евангелія 835 г.,²⁵ греческихъ рукописей 862 г. и 880 г., также и нѣкоторыхъ 10 в.²⁶ Въ томъ же начертаніи встрѣчается наша буква и во многихъ первоболгарскихъ надписяхъ, въ которыхъ имѣются варианты, подобные нашимъ.²⁷

2. Буквы *г* и *т* безъ клиньевъ на горизонтальной чертѣ, каковая особенность до нѣкоторой степени сближаетъ буквы со старымъ греческимъ уставомъ,²⁸ но параллели встрѣчаются и въ молодомъ унциалѣ 10 в.,²⁹ въ Самуиловой надписи, а также и въ болгарскихъ ханскихъ надписяхъ.³⁰

3. Интересна и буква *д*, правая черта которой поднимается выше и легко завита. Клинья подъ треугольникомъ малы и не спускаются ниже ряда. Въ такой формѣ *д* является въ греческомъ письмѣ 9 и 10 вв. и въ болгарскихъ рукописяхъ 11 в. (Супрасльская минея); извитость правой черты болѣе всего напоминаетъ греческое Евангеліе 980 г.³¹

4. *ѣ* встрѣчается только одинъ разъ и то іотованное. Горизонтальная черта, связывающая его съ *і*, находится точно посерединѣ и сливается съ чертою *ѣ*. Буква высока и не закруглена, каковой и вообще является

²¹ *Е. Карскій*, Очеркъ палеографіи, 134; *Лавровъ*, ц. с., 15, 32, 38, 40, 42, 43.

²² Изв. Р. А. И. въ К-лѣ, IV, 1 сл.

²³ *Йорд. Ивановъ*, Бѣлг. Старини, 27.

²⁴ *П. А. Лавровъ*, Палеографическое обозрѣніе, рис. 25—37.

²⁵ *Ibid.*, рис. 16—20.

²⁶ *Gardthausen*, Griechische Paläographie. Leipzig, 1879, Tafel 2.

²⁷ Абоба—Плисса, табл. XLIII 4, 6; CXVIII.

²⁸ *Gardthausen*, ц. с., табл. 1.

²⁹ *Ibid.*, табл. 2.

³⁰ Абоба—Плисса, табл. XLIII 1, 3, 4, 5, 6, 8; XLV; XLVII 1, 2; CXVII 4; CXVIII. *F. Dvornik*, ц. с., табл. VI и VII.

³¹ *Гардтгаузенъ*, Греческое письмо IX—X столѣтій. Энц. слав. фил. т. IV, табл. IV; *Gardthausen*, Gr. Paläographie, табл. 2.

въ молодомъ унциалѣ (Ев. гр. 835).³² Дужки вверху и внизу ея открыты. Подобное **ε** (**и**) находимъ и въ Супр. минеѣ.³³

5. Буква **λ** (особенно въ словѣ **παύλομ**) похожа на эту же букву въ греческомъ минускулѣ (рукописи 835, 880 и 950 г. г.).³⁴

6. **μ** имѣетъ двоякое начертаніе: одно низкое и широкое, съ закругленной средней частью, другое болѣе высокое и угловатое.

7. **ο** эллипсовидное и немного заостренное, какъ во всѣхъ болѣе старыхъ кирилловскихъ рукописяхъ.

8. **ρ** помѣщается въ строкѣ. Такимъ его находимъ въ надписяхъ болгарскихъ хановъ и Самуила, тогда какъ въ греческомъ унциалѣ и кирилловскихъ рукописяхъ оно всегда опускается ниже строки.

9. **φ** написано какъ кругъ, пересѣченный отвѣсной чертой. Такъ пишется эта буква въ ханскихъ надписяхъ,³⁵ въ надписи Самуила, въ Варошской надписи³⁶ и въ греческомъ уставѣ 9—10 в.³⁷

10. Буква **ц** помѣщается также въ ряду и имѣетъ довольно длинный хвостикъ, являющийся продолженіемъ прямой отвѣсной черты. Параллели: Самуилова надпись и болѣе старыя кирилловскія рукописи, особенно, Супр. минея, въ которой хвостикъ **ц** также довольно великъ.³⁸

11. Изъ еровъ представленъ только **κ** вездѣ съ маленькимъ угловатымъ кружкомъ, подобно **ь** Супр. минеи.³⁹

12. Сочетаніе **ы** вмѣсто **ѣ** находитъ аналогію также въ Супр. рукописи, особенно въ его второмъ почеркѣ.⁴⁰ Въ Македонскомъ кирилловскомъ листкѣ для **ѣ** употребляется только **ы**.⁴¹

13. **ѣ** написано въ характерѣ **ѣ**. Не выходитъ изъ строки. Нижняя его часть состоитъ изъ маленькаго треугольника, а поперечная черта въ духѣ монументальныхъ надписей безъ клиньевъ.

14. **ѝ** написано какъ **з**, что свойственно многимъ греческимъ рукописямъ 9 в.⁴² Его находимъ и въ Темнишской кирилловской надписи 10—11 в.⁴³

15. Нужно обратить вниманіе и на сокращеніе слова **сѣааго**. Оно старинно и для болѣе позднихъ памятниковъ необыкновенно. Надъ **а** видна горизонтальная черта, но можетъ быть она случайная.

³² П. А. Лавровъ, ц. с., рис. 16—20.

³³ *Ibid.*, рис. 33, 34, 36, 37.

³⁴ Gardthausen, Gr. Paläogr., табл. 5 и 6.

³⁵ Абоба-Плиска, табл. XLIV 1а, CXVIII.

³⁶ Йорд. Ивановъ, Бълг. старини, 27.

³⁷ Gardthausen, Gr. Paläographie, табл. 2.

³⁸ П. А. Лавровъ, Палеогр. обозрѣніе, рис. 35 и 36

³⁹ *Ibid.*, рис. 29.

⁴⁰ *Ibid.*, рис. 37. Стр. 37 и 38.

⁴¹ *Ibid.*, стр. 42.

⁴² Gardthausen, Gr. Paläogr., табл. 2.

⁴³ М. Сперанский, ц. с., стр. 55.

16. Старинно и неконтрагиранное окончаніе Gen. Sg. *сѣтааго*.

17. Не безъ интереса формы: *църкы* вмѣсто обыкновеннаго въ памятникахъ *църкы* и *ноана* вмѣсто *івана*. Эти формы выдаютъ писца, стоящаго ближе къ народному говору и не очень подверженному вліянію письменнаго языка.

18. Нельзя, однако, сказать того же самаго и о формѣ *пауломъ*, взятой прямо отъ греческаго *ПАΥΛΟΣ*.

III. Глаголическія буквы.

Въ дополненіе къ группѣ надписей по стѣнамъ церкви приведемъ еще знаки — рис. 4. Знаки находятся близко отъ рассмотрѣнныхъ выше

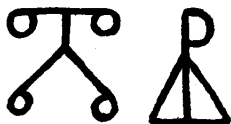

Рис. 4.

двухъ надписей. Первый знакъ глаголическая буква *м*, второй, вѣроятно, лигатура. Знаки, какъ и надписи, нацарапаны остриемъ въ штукатуркѣ, но высота знаковъ больше 2 см.

Б. НАДПИСИ НА КЕРАМИЧЕСКИХЪ ПЛИТКАХЪ СТѢННОЙ ОБЛИЦОВКИ.

Кромѣ обыкновенныхъ украшеній мраморныхъ и мозаическихъ, Симонова круглая церковь отличается своей керамической облицовкой. Облицовка состояла изъ квадратныхъ, прямоугольныхъ и круглыхъ плитокъ бѣлой глины, отъ 3·50—6 миллиметровъ толщины, налѣпленныхъ по стѣнамъ. Лицевая сторона плитокъ покрыта цвѣтными украшеніями съ фигурами или орнаментомъ. Изъ нѣсколькихъ плитокъ составлялись изображенія ликовъ святыхъ въ натуральную величину; иногда святые занимали только одну плитку (обыкновенно круглую, діаметромъ 10—15 см.). Изображенія сопровождались объяснительными надписями.

Большая часть надписей находится на круглыхъ плиткахъ, изображающихъ бюсты святыхъ. Мы имѣемъ и плитки съ большими буквами надписей, предназначенными для чтенія издали. Такія надписи сопровождали, навѣрно, изображенія святыхъ большого размѣра или, быть можетъ, содержали свѣдѣнія о постройкѣ или украшеніи церкви. На

особомъ мѣстѣ стоитъ одинъ обломокъ плитки, содержащій часть евангельскаго текста, написаннаго, вѣроятно, на свиткѣ Иисуса Христа или подъ его изображеніемъ.

Всѣ надписи около ликовъ святыхъ греческія. По палеографическому характеру онѣ отвѣчаютъ уставному письму 10-го вѣка:⁴⁴ буквы широки и почти квадратны. Производитъ впечатлѣніе употребленіе ѡ рядомъ съ ѧ и знакъ сокращенія Ѹ надъ послѣдней буквой, означающій окончаніе *ou* (Gen. Sg. m.) и *os*. Имена святыхъ стоятъ въ родительномъ падежѣ.

Упомянутый выше отрывокъ Евангельскаго текста писанъ на болгарскомъ языкѣ. Его кирилловскіе буквы палеографически ничѣмъ не отличаются отъ греческихъ.

Плитки разбиты на мелкіе куски, и ни одного имени не сохранилось цѣлымъ. Буквы написаны темнокоричневой краской прямо по основѣ. Обратная сторона или гладкая или имѣетъ отпечатокъ полотна.

На рис. 5 даны почти всѣ болѣе характерные фрагменты. Мы остановимся только на болѣе важныхъ.

1. Надпись кириллицей.⁴⁵

Плоская плитка (рис. 5, 1). Высота 5,3 см., ширина 3 см., толщина 6 мм. Сохранился нижній лѣвый уголъ плитки. Обратная сторона гладкая. На лицевой сторонѣ видно начало трехъ послѣднихъ рядовъ надписи:

.....
нѣ :
ити : н [..
цѣмъ · [..

Буквы строго уставныя и выполнены въ духѣ греческаго унціального письма 9 и 10 вв. Среди памятниковъ кириллицы онѣ стоятъ ближе всего къ Самуиловой надписи (ц въ ряду, н, м, ѡ) и Супрасльской рукописи.⁴⁶

Въ качествѣ раздѣляющихъ знаковъ употребляются между словами одна, двѣ или три точки или кружка.⁴⁷ Лицевая сторона плитки покрыта тонкой прозрачной глазурью, сейчасъ слегка красноватой.

Нашъ отрывокъ является частью большой надписи, которая, по мнѣнію протоіерея о. ИВАНА ГОШЕВА, покрывала пять квадратныхъ (6 см.

⁴⁴ V. Gardthausen, Griechische Paläographie, Taf. 2.

⁴⁵ Кр. Мijatev, Симеоновата църква въ Преславъ и нейниятъ епиграфически материалъ, Бѣлг. Прегл., I, кн. 1, стр. 118, рис. 4, 2.

⁴⁶ Е. Карскій, Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII в. (2 изд.) Варшава, 1902, табл. 3 и 6.

⁴⁷ Gardthausen, Gr. Paläographie, 276.

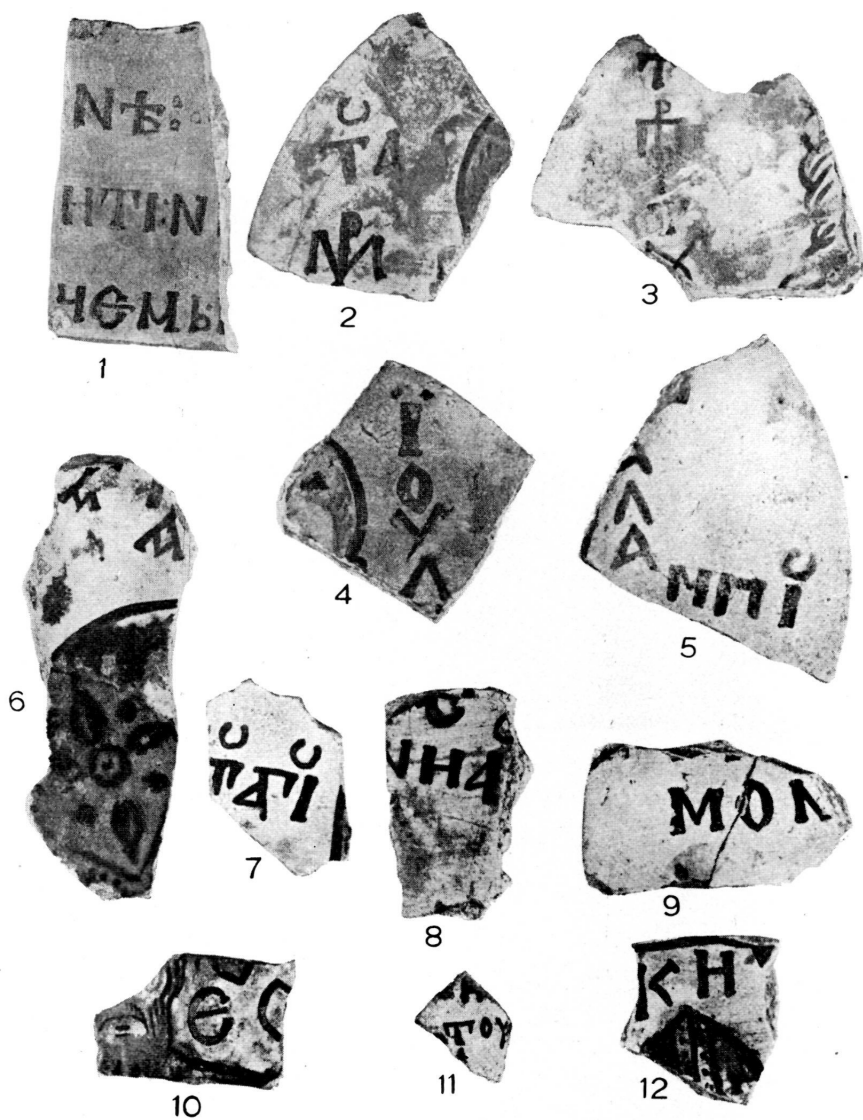

Рис. 5. Керамическіе фрагменты изъ Круглой церкви Преслава.

сторона) плитокъ и должна быть восстановлена согласно съ Евангеліемъ отъ Луки, IV, 18 (по тексту Савиной книги) слѣдующимъ образомъ:⁴⁸

ДѢ́ТѢ ГНѢ НА МѢ	ДИ ПОМАЗА МѢ ·	БЛАГОУДѢ́СТ		
НѢ́ТѢ · [ЕГО ЖЕ РА	ТѢ · ПОСЛА МѢ · И	СЦѢ́ЛЕНІЕ ⁴⁹ СѢ́ КРО	УШЕНІЕМЪ СРѢ́ДѢ] ⁵⁰	
НІТІ : Н[ИШТИМ	ДАТѢ ПА́КЪ НИ	КОМЪ ОТЪЛОУ́ШТ	ЕНІЕ · И СЦѢ́ПЪ И	МѢ́ ПРОЗРѢ́НІЕ
ЦЕМЪ · [ПРОПОВѢ́				

Чтеніе надписи, данное протоіереемъ о. ИВАНОМЪ ГОШЕВЫМЪ въполнѣ прие́млемо, но заключенія, которыя онъ даетъ на основаніи реконструкціи внѣшней формы надписи, не совсѣмъ убѣдительны, т. к. не достаточно соотвѣтствуютъ фактическому положенію открытаго въ церкви керамическаго матеріала. Трудно, напр. согласиться, что наша надпись, длиной не больше 30 сантим. и съ буквами не выше 7 миллим., представляетъ объяснительный текстъ къ нѣкой монументальной композиціи, точнѣе, Крещенія Господня, какъ это предполагаетъ отецъ Гошевъ, такъ какъ, прежде всего, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для предположенія о существованіи въ церкви монументальныхъ керамическихъ композицій. Но если бы и допустили ихъ наличность, все равно надпись не можетъ быть ихъ частью, такъ какъ слишкомъ мала, а съ другой стороны, имѣетъ текстъ, не связанный съ крещеніемъ ни въ Евангеліи, ни въ иконографіи. Несомнѣнно однако, что надпись была связана съ изображеніемъ Иисуса Христа. Иконописная Ерминія⁵¹ эту надпись рекомендуетъ для образа Иисуса Христа — Эммануила, а Народный Музей въ Софіи сохраняетъ одну икону 18 вѣка типа Богородицы Елеусы (Инв. № 2578), на которой Христосъ держитъ горизонтально развернутый свитокъ съ началомъ того же Евангельскаго текста. Что-нибудь подобное должно предположить и для преславской надписи. Можно допустить, что образъ Христа представлялъ небольшую иконку въ томъ же типѣ, какъ и другія, извѣстныя намъ, медальонныя изображенія круглой церкви. Небольшія керамическія иконы найдены и въ Патлейнской церкви, находящейся около Преслава. Но съ другой стороны нужно имѣть въ виду, что евангельскій текстъ является у Луки IV, 18, какъ цитата изъ Исаіи (гл. 61, 1), такъ что возможно его счесть надписью къ изображенію пророка. Изъ надписей на другихъ плиткахъ видно, что пророческіе образы были въ церкви довольно любимой темой.

⁴⁸ *Прот. Ив. Гошевъ*, Керамичниятъ старобългарски надписъ отъ кръглата църква въ Преславъ, Бълг. Прегледъ I (1929), кн. 3, 416—420.

⁴⁹ Лучше исцѣлѣніе вм. исцѣлѣніе въ Савиной книгѣ.

⁵⁰ Полная форма срѣдцемъ лучше подходитъ, чѣмъ срѣдцемъ, данное въ рис. 1 протоіереемъ Ив. Гошевымъ.

⁵¹ Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos, übersetzt von G. Schäfer, Trier, 1855, S. 224.

2. Греческія надписи.

1. Рис. 5, 3. Крайній фрагментъ медальона. Обратная сторона съ отпечаткомъ полотна. На лицевой сторонѣ часть носа пророка, а влѣво отвѣсная надпись:⁵²

Т
Π
Ρ
Φ
Τ
Υ

Надъ первой буквой навѣрное былъ знакъ ∪, чтобы показать сокращеніе отъ τοῦ. Между фрагментами есть еще два совсѣмъ маленькихъ кусочка съ подобной надписью.

2. Рис. 5, 4. Часть плитки съ закругленнымъ краемъ. Вправо отъ головы видны буквы:

Ι
Ο
Υ
Λ

Навѣрное имя пророка Іоуила (Ιουιλ), переданное фонетично вмѣсто греческаго ἰωαν.

3. Рис. 5, 7-12. Куски плитокъ съ горизонтальными рядами надписей. Болѣе интересна между ними надпись на рис. 5 5, гдѣ читается вторая половина имени

[ΧΑΡ]ΑΛΑΜΠΙ

Сокращеніе окончанія ос или ου обозначено дугою ∪.

Особенный интересъ въ палеографическомъ и эпиграфическомъ отношеніи представляютъ нѣкоторые фрагменты (рис. 5, 7) съ своеобразнымъ сокращеніемъ χαγί, читаемымъ, по аналогіи съ встрѣтившимися раньше τρωτ и [ΧΑΡ]ΑΛΑΜΠΙ, какъ τοῦ ἀγίου. Правда, родительный падежъ въ подобныхъ случаяхъ очень рѣдкое явленіе, но эта форма на преславскихъ плиткахъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ и много собственныхъ именъ даны въ томъ же падежѣ. Въ нѣкоторыхъ нашихъ фрагментахъ подъ τοῦ ἀγίου видно сокращеніе имени маркос (рис. 5, 2), извѣстное и греческимъ рукописямъ.⁵³

⁵² О лигатурѣ π см. Ев. гр. 880 г. у В. Гардтгаузенъ, Греческое письмо IX и X столѣтій Энц. сл. фил., т. 4, табл. IV. Такъ связывается въ отвѣсномъ ряду и въ подобной же лигатурѣ имя въ фресковыхъ надписяхъ 12 в. въ церкви св. Георгія въ Софіи (А. Grabar, La peinture religieuse en Bulgarie, Paris, 1928, 88).

⁵³ В. Гардтгаузенъ, Греч. письмо IX—X ст., табл. IV.

Какъ сокращенія интересны и слѣдующія части надписи:

Рис. 5, ¹². Плитка съ закругленнымъ краемъ. На фрагментѣ виднѣется край одежды или верхъ шапки, а надъ нею буквы **кн** съ длиннымъ титломъ сверху.

7. Такой же фрагментъ, съ закругленнымъ краемъ. Непосредственно подъ нимъ написана буква **ѳ** съ длиннымъ титломъ, а ниже замѣтны части головы святого.

8. Влѣво отъ головы святого видно **м** затворенное въ кругѣ. Сокращеніе можетъ быть равно **ѳуос**. На рис. 6, ⁶ также видно **м** въ значеніи **а**.

В. НАДПИСИ НА РАЗНООБРАЗНОМЪ МАТЕРІАЛѢ.

При изученіи мѣстности около церкви въ 1930 г. были найдены двѣ надписи.

1. Надгробная надпись (рис. 6). Известковая плита; лѣвая сторона отбита. Высотою 35 см., шириною 17 см., толщиною 10 см. Плита найдена къ югу отъ церкви, около одного гроба, надписью книзу. Надпись имѣла 7 рядовъ буквъ, глубоко врѣзанныхъ. Высота буквъ между 3 и 4 см. Чтеніе сохранившихся буквъ очень ясно, такъ что не трудно возстановить съ большою степенью вѣроятности и исчезнувшую часть текста слѣдующимъ образомъ:

1. [† Г](р)ок · км
2. [т]ѳ · до · ры ·
3. [р](а) · бы · бож
4. [и](а) · от · ка · м
5. [е](н)е · се · го ·
6. [..] · ла · кте ·
7. [и · до](с)тѣ · ны

Въ началѣ второго ряда мѣсто позволяетъ поставить **ь** какъ окончаніе **кмь**, но такъ какъ въ надписи въ двухъ другихъ мѣстахъ опущенъ крайній **ь** можно допустить, что и **ь** также отсутствовалъ. О имени **тѳодора** сравни форму **тѳодоръ черноризецъ доковъ** въ припискѣ къ одной рукописи XV в. въ Московской Синодальной библіотекѣ.⁵⁴

Если въ 6-мъ ряду **лакте** можно дополнить какъ **Gen. Pl.** отъ **лактъ** — **лактен**, въ началѣ ряда слѣдуетъ поставить какое-либо двузначное число, которое показывало число локтей (разстояніе) отъ надгробнаго

⁵⁴ Горскій и Невоструевъ, Описаніе рукописей Моск. Синод. библіотеки, отд. II, 2, No 111, стр. 32—33; В. Н. Златарски, Кой е билъ Тудоръ Черноризецъ Доксовъ, Бѣлг. Прегледъ, IV (1897), кн. 3.

камня до стѣны. Для родительнаго падежа мн. ч. лакѣи вм. лакътъи или лакътъи могутъ быть приведены многія аналогіи изъ Зогр., Ассем. Ев., Синайской псалтири, Синайскаго евхологія: *костѣи, двѣри, людеи, пѣти, скръбѣи, врачѣи*.⁵⁵ Въ этихъ же староболгарскихъ памятникахъ находятся аналогіи выпаденія ѣ; напр. въ Мар. Еванг. род. пад. мн. ч. лакътъ, въ Супр. минеи твор. пад. мн. ч. ногътъ.⁵⁶

Буквы нашей надписи имѣютъ совершенно старинный характеръ и палеографически должны быть сближены съ буквами самыхъ старыхъ кирилловскихъ надписей и рукописей. Этотъ фактъ слѣдуетъ отмѣтить. Обыкновенно свойство матеріала серьезно вліяетъ на характеръ письма, ведя къ палеографическимъ различіямъ. Въ нашемъ случаѣ, несмотря на различіе матеріала (камень и пергаментъ) сохранилось значительное сходство. И оно не можетъ быть оставлено безъ вниманія особенно потому, что замѣчается послѣдовательно въ цѣлой эпиграфической и рукописной группѣ: и всѣ остальные преславскія надписи, обнаруживаемыя нами въ нашей статьѣ, сближаются палеографически съ Супрасльской рукописью, Савиной книгой, Хиландарскими листками и др., т. е. съ староболгарскими рукописями, происходящими прямо отъ преславской литературной школы 10—11 в., или, по крайней мѣрѣ, восходящими по языку и содержанію ко времени Симеона. Такимъ образомъ палеографическая близость между одними и другими памятниками не случайна и объясняется одинаковыми письменными традиціями преславской школы.

Въ нашей надписи заслуживаютъ вниманія слѣдующія особенности:

1. Буква а съ сильно наклоненной чертой, не выходящей изъ строчки. Лѣвая часть буквы мала, угловата и поставлена посрединѣ черты. Такое а находимъ въ надписяхъ Омуртага и Маломира, въ греческомъ уставномъ письмѣ 9 и 10 в.,⁵⁷ а въ кирилловскихъ памятникахъ оно присуще разсмотрѣнной выше замѣткѣ Павла Хартофилакса, Самуиловой надписи 993 г.,⁵⁸ Супр. рукописи 11 в.,⁵⁹ Савиной книгѣ 11 в.,⁶⁰ Хиландарскимъ листкамъ 11 в.⁶¹ и пр.

2. Буква в со своимъ маленькимъ и угловатымъ полукругомъ и съ длинной горизонтальной чертой надъ нимъ можетъ быть сближена

⁵⁵ *Vondrák*, *Alt kirchenslavische Grammatik*, II, Aufl. (1912), 414.

⁵⁶ *Ibid.*, 415.

⁵⁷ *V. Gardthausen*, *Gr. Paläogr.*, табл. 2; *Е. Карскій*, *Образцы*, табл. 1 (Порфирьевская псалтирь 862 г. и Евангеліе IX в. въ Моск. синод. библіотекѣ No 313).

⁵⁸ *Ө. И. Успенскій*, *Надпись царя Самуила*, Изв. Р. А. И. въ Конст., IV, табл. 3. *Йорд. Ивановъ*, *Бѣлг. Старины*, 24. О палеографіи надписи. См. *Т. Д. Флоринскій*, Нѣсколько замѣчаній о надписи царя Самуила, Изв. Р. А. И. въ Конст., IV, 5—13.

⁵⁹ *Е. Карскій*, *Образцы*, табл. 6.

⁶⁰ *Ibid.*, табл. 8.

⁶¹ *Ibid.*, табл. 7.

съ этой буквой въ Самуиловой надписи, Супр. рукописи⁶² и Хиландарскихъ листкахъ.⁶³

3. Буква ж составлена изъ трехъ прямыхъ чертъ, какъ и въ Самуиловой надписи, Супр. рукописи⁶⁴ и Савиной книгѣ.⁶⁵

4. На буквѣ л правая черта длиннѣе, но не выходитъ изъ строчки. Такой находимъ эту букву въ греческихъ памятникахъ 10 в.,⁶⁶ въ Самуиловой надписи и въ Супр. минеѣ.⁶⁷

5. Буква н имѣетъ также старинный характеръ. Ея діагональная черта связываетъ противоположенные концы двухъ отвѣсныхъ линій. То же видимъ и въ греческихъ памятникахъ 10 в.,⁶⁸ на Самуиловой плитѣ и въ Супр. рукописи.⁶⁹

6. Въ надписи нашей въ трехъ мѣстахъ является сочетаніе ѡ вмѣсто ѡ. Это сочетаніе извѣстно и по другимъ староболгарскимъ памятникамъ: надписи Павла Хартофилакса, Супрасльской рукописи (второй почеркъ), рукописи Ундольскаго, Македонскому Кирилловскому листку.⁷⁰

7. Необыкновенную форму имѣетъ буква ѣ, похожая на ѣ Погодинскихъ кирилло-глаголическихъ листковъ,⁷¹ переписанныхъ въ Россіи въ 12 в. съ болгарскаго оригинала, восходящаго къ Симеоновой эпохѣ. Только въ Погодинскихъ листкахъ нижняя часть ѣ треугольна, а въ Преславской надписи она закруглена. Близко къ ѣ Погодиновскихъ листковъ стоитъ ѣ Супр. минеи, гдѣ во многихъ случаяхъ отвѣсная черта какъ бы исходитъ изъ верха треугольничка.⁷² Что же касается особеннаго положенія нижняго буквеннаго элемента по отношенію отвѣсной черты, то мы его находимъ также и въ ѣ Самуиловой надписи (слово штъца)⁷³.

8. Буква а является въ одной изъ старыхъ своихъ формъ, въ каковой она пишется довольно часто въ Супр. минеѣ, Слуцкой псалтири, Савиной книгѣ, Хиландарскихъ листкахъ и иногда и позже въ 13 и 14 вв.⁷⁴

⁶² *Ibid.*, табл. 6.

⁶³ *Ibid.*, табл. 7.

⁶⁴ Е. Карскій, Образцы. табл. 6.

⁶⁵ *Ibid.*, табл. 8.

⁶⁶ V. Gardthausen, Gr. Paläographie, табл. 2.

⁶⁷ Е. Карскій, Образцы, табл. 6.

⁶⁸ V. Gardthausen, Gr. Paläographie, табл. 2.

⁶⁹ Е. Карскій, Образцы, табл. 6.

⁷⁰ Е. Карскій, Очеркъ славянской кирилловской палеографіи, Варшава, 1913 (4 изд.), стр. 130; П. А. Лавровъ, Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма, 42.

⁷¹ Г. Ильинскій, Погодинские кирилло-глаголические листки, *Byzantinoslavica*, I, sv. 1. Табл. I и IV.

⁷² П. Лавровъ, Палеогр. обозрѣніе, обр. 30, 31.

⁷³ Йорд. Ивановъ, Бълг. старини, 24.

⁷⁴ Е. Карскій, ц. с., 134; П. А. Лавровъ, Палеогр. обозрѣніе, стр. 32, 38, 40, 43.

9. Для угловатаго е въ сочетаніи ѿ могутъ быть указаны самыя близкія параллели въ болгарскихъ ханскихъ надписяхъ.⁷⁵

10. Слово передъ ѿсм въ первой строкѣ (гробъ) оканчивается безъ крайняго ѿ. Этотъ знакъ отсутствуетъ и въ предлогѣ отъ въ четвертой строкѣ. Это выпаденіе крайнихъ еровъ довольно странно, но во всякомъ случаѣ не является явленіемъ единичнымъ. Въ староболгарскихъ памятникахъ встрѣчаются тутъ-тамъ предлоги безъ крайняго ѿ,⁷⁶ но отсутствіе ѿ въ словѣ гробъ нужно признать исключеніемъ.⁷⁷ О ѿсм въ первомъ ряду нельзя сказать, было ли оно безъ ѿ.

11. Во многихъ мѣстахъ между буквами выдолблены точки, раздѣляющія не только слова, но и слоги.

На основаніи указанныхъ палеографическихъ особенностей нашу надпись слѣдуетъ отнести къ группѣ самыхъ старыхъ болгарскихъ памятниковъ кирилловскаго письма, т. е. къ 10 или 11 в.

2. Надпись на глиняной плиткѣ.

(Рис. 7 и 8.)

Найдена въ 1930 г. въ одномъ гробу къ югу отъ церкви. Написана на кускѣ отъ ровной, хорошо выглаженной плитки изъ бѣлой глины. Плитка была вѣроятно квадратная или прямоугольная. Найденный кусокъ имѣетъ 12.2 см. длины, 5 см. ширины и 4.5 мм. толщины. Разломъ прошелъ по отвѣсной линіи, врѣзанной посрединѣ плитки. Сторона разлома какъ будто выглажена ножомъ. Три остальныхъ края прямые и гладки.

Плитка съ обѣихъ сторонъ покрыта полууставнымъ письмомъ. Буквы врѣзаны очень тонкимъ остриемъ по уже выпеченной плиткѣ. Высота ихъ колеблется между 3 и 10 мм., но обыкновенная ихъ величина отъ 5 до 6 мм. Письмо идетъ по горизонтальнымъ рядамъ, которые кажутся не совсѣмъ правильными оттого, что буквы неравны и довольно удалены одна отъ другой. Въ этомъ отношеніи, также какъ и по самому начертанію буквъ (а, л, в, р, ч, д, н) эта надпись стоитъ очень близко къ греческимъ памятникамъ 10 в.,⁷⁸ къ кирилловской graffiti — надписи Павла Хартофилакса и къ Супрасльской рукописи 11 в.⁷⁹ Съ другой стороны, начертаніе м (съ круглой, не достигающей низа средней частью) можетъ быть сравнено съ начертаніемъ этой буквы въ Самуиловой надписи, такъ что нашъ памятникъ, какъ бы ни былъ незначителенъ на видъ,

⁷⁵ Абоба-Плиска, XLVII₂, 4; Г. Фехеръ, Надп. Мад. Конникъ, 125.

⁷⁶ W. Vondrák, Altkirchenslav. Grammatik, 175.

⁷⁷ Срв., однако, ниже: логин прасленъ.

⁷⁸ V. Gardthausen, Gr. Paläogr., табл. 2, В. Гардтгаузенъ, Греческое письмо IX-X ст., табл. IV.

⁷⁹ Е. Карскій, Образцы, табл. 6; П. А. Лавренко, Палеографическое обозрѣніе, рис. 29 сл.

долженъ быть отнесенъ къ первымъ временамъ болгарской письменности.

Надпись состоитъ изъ отдѣльныхъ пассажей, отдѣленныхъ другъ отъ друга какъ бы горизонтальной линіей пунктира. Одинъ разъ такимъ образомъ отдѣлены три строчки надписи, остальные разы по двѣ строч-

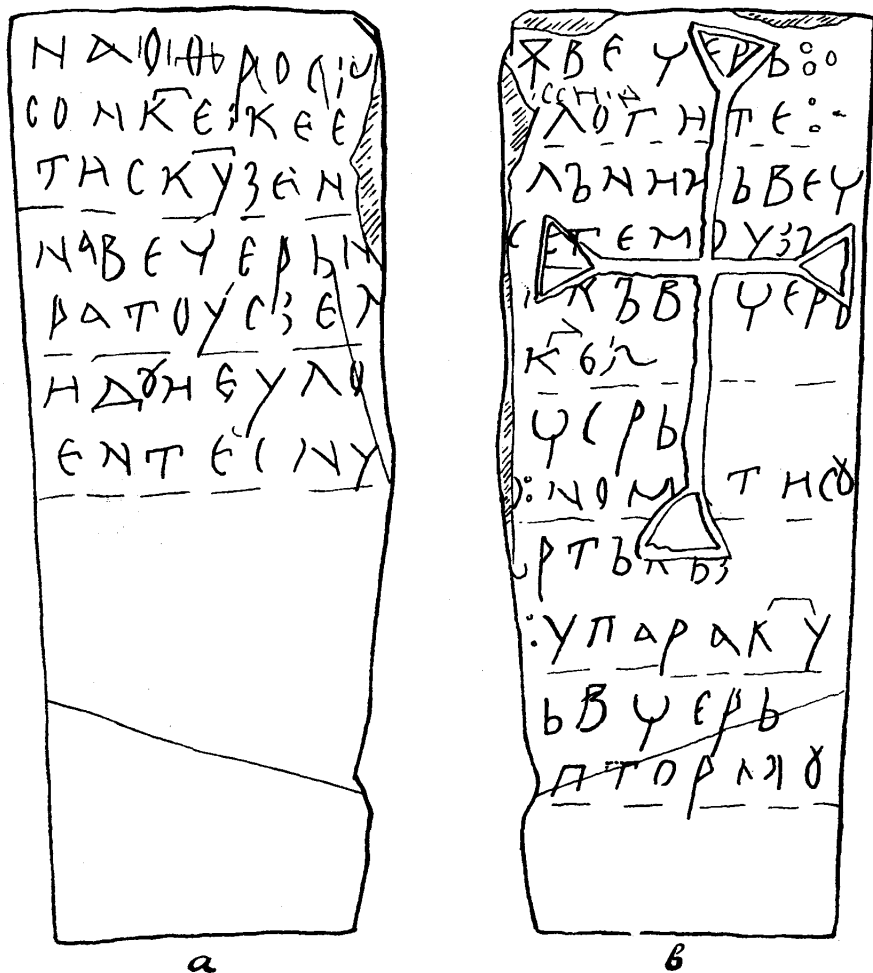

Рис. 9. Надпись на керамичной плиткѣ изъ Преслава.

ки. Въ качествѣ знака препинанія послѣ каждого пассажа употребляется знакъ :., являющійся и въ видѣ трехъ маленькихъ кружковъ или трехъ запятыхъ, поставленныхъ въ томъ же положеніи, какъ и точки.⁸⁰ Три

⁸⁰ Объ этомъ знакѣ см. V. Gardthausen, Gr. Paläogr. 276; В. Гардтгаузенъ, Греч. письмо IX—X ст. табл. IV; П. А. Лавровъ, Палеографическое обозрѣніе, рис. 30 и 32 (Супр. миней).

нѣнно какой-то болгаринъ, имѣвшій духовное званіе или готовившійся къ нему. Плитка ни что иное, какъ родъ записной книжки, въ которой этотъ болгаринъ отмѣчалъ, что нужно читать на утренѣ и вечернѣ въ опредѣленные дни. Наименованія дней и времени написаны по-болгарски,⁸³ а того, что слѣдуетъ читать въ эти дни, по-гречески. Это обстоятельство, также какъ и старинный характеръ буквъ, принуждаютъ насъ относить ее къ тому очень старому времени, когда болгарская церковь не была еще совсѣмъ устроена, и часть богослужебныхъ книгъ не была переведена на болгарскій языкъ. А такимъ временемъ можетъ быть только вторая половина 9 в. или самое позднее начало 10. в. Эта датировка подтверждается рѣшительно и матеріаломъ самой плитки. Этотъ видъ керамики типиченъ для Преслава и связанъ съ его постройками того же времени. Мы даже можемъ связать нашу плитку съ постройками круглой церкви, такъ какъ знаемъ уже, что для украшенія церкви было приготовлено на самомъ мѣстѣ множество подобныхъ плитокъ, послѣ разрисованныхъ и покрытыхъ цвѣтною глазурью. Плитка съ нашей надписью по размѣрамъ и Technikѣ совсѣмъ одинакова съ неразрисованными еще керамичными плитками, производившимися въ этой мастерской, и можно принять съ большою долей вѣроятности, что она сдѣлана въ этой же мастерской, вмѣстѣ со всѣми другими плитками, для того, чтобы послѣ быть разрисованной и использованной для украшенія церкви. Въ качествѣ записной книжки она была употреблена совсѣмъ случайно, какъ случайно и позднее ея употребленіе въ видѣ гробнаго христіанскаго знака.

Какъ мы уже видѣли выше, эта плитка была первоначально цѣлымъ квадратомъ или прямоугольникомъ, и надпись простиралась по цѣлымъ плоскостямъ обѣихъ сторонъ. Позднѣе плитка попала къ другому лицу, для котораго замѣтки перваго ея собственника не имѣли никакого значенія. Это второе лицо, именно, употребило плитку, какъ гробный знакъ. Чтобы переломить плитку на двѣ равныя половины, посерединѣ ея была проведена ножомъ толстая и глубокая линія, подобно тому, какъ рѣжется нынче стекло. Послѣ этого нѣкоторыя изъ большихъ неровностей излома были выглажены ножомъ, и на одной сторонѣ отломанной плитки былъ вырѣзанъ крестъ съ треугольными разширеніями по концамъ. (Рис. 8.) Крестъ имѣетъ типичную старовизантійскую форму и размѣры въ 7 см. высоты и 4 см. ширины. Линіи креста прошли по буквамъ, и потому однѣ буквы полуразрушены а другія совсѣмъ уничтожены. Время, когда это случилось, нельзя опредѣлить точно, такъ какъ гробъ, въ которомъ была найдена плитка, не даетъ никакихъ хронологическихъ данныхъ. Не помогаютъ въ этомъ отношеніи и сосѣдніе гробы. Но если имѣть въ виду, что наврядъ ли такая незначительная

⁸³ Проф. Йордана Иванова благодарю за дополненія въ чтеніи надписи.

и ненужная вещь, какъ вышедшая изъ употребленія «записная книжка» могла сохраняться въ теченіе долгаго времени, то необходимо предположить, что вторичное ея использование стало еще въ теченіе 10 в.; иначе она была бы выброшена.

3. Надпись на глиняномъ пряслѣ (рис. 10).⁸⁴

Прасло имѣетъ форму усѣченного конуса. Верхній діаметръ 1·3 см., нижній — 2 см. Высота его 1·9 см. На нижнемъ основаніи его выдолблены, раньше выпечки, буквы въ кругъ (4 мм. высотой), дающіе слѣдующія два слова: *лолин прасленъ*.

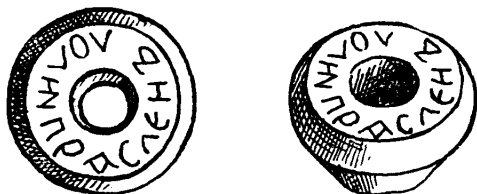

Рис. 10. Глиняное прясло изъ Преслава.

Надпись интересна своимъ народнымъ женскимъ именемъ *лола*, а также и палеографическими своими особенностями. Форма А, встрѣчаемая въ нашихъ самыхъ старыхъ памятникахъ (ханскихъ надписяхъ, Самуиловой надписи, Хиланд. листкахъ, Словѣ Григ. Богосл. 11 в. и пр.)⁸⁵ показываетъ, что тотъ же знакъ, который мы находимъ на многихъ керамическихъ обломкахъ стѣнной облицовки, можетъ приниматься не только какъ греческое а, но и какъ малая носовка. Опускание крайняго з въ словѣ *лолин* характерно и для разсмотрѣннаго выше кусочка надписи каменной плиты. Подобное прясло 10 в.⁸⁶ найдено въ одномъ сокровищѣ изъ Кіева. Надпись Кіевского прасла, продолжающаяся и по другому основанію прасла,⁸⁷ гласитъ: *мотворинъ прасленъ*.⁸⁸

(Переводъ С. И. Покровскаго.)

⁸⁴ Кр. Миятевъ, Симеоновата църква въ Преславъ и нейниятъ епиграф. материалъ, Българ. прегледъ, I, кн. 1, стр. 121, рис. 5.

⁸⁵ Е. Карскій, Очеркъ Палеографіи, 134.

⁸⁶ М. Н. Сперанскій, Изъ славянской эпитафики. Доклады акад. наукъ С. С. С. Р. No 3 (1930), стр. 56.

⁸⁷ Благодаря этому не вѣрно прочтенъ Н. П. Кондаковымъ, Русскіе клады, т. I, СПб. 1896, стр. 127, рис. 28.

⁸⁸ L. Niederle, Manuel d'antiquité slave, t. II (1926), p. 231, fig. 92, 13.

LES MATÉRIAUX EPIGRAPHIQUES DE PRESLAVE.

(Résumé.)

L'ancienne capitale bulgare jusqu'aux excavations récentes (1927—30) ne nous a presque pas fourni de matériaux épigraphiques bulgares, qui puissent nous relier à la fameuse activité littéraire à Preslave au Xe siècle. Pendant les excavations de l'Eglise Ronde, magnifique d'après son plan et ses formes architecturales, quelques inscriptions insignifiantes du premier abord ont été découvertes.

A. *Inscriptions sur les parois de l'église—graffiti.*

1. Inscription glagolique (des. 1 et 2). Elle se compose d'une ligne courte et a un sujet inintelligible. Elle doit être rapportée d'après la paléographie au plus ancien type de la glagolitza. Importante, comme un témoignage de ce qu'on se servait de l'écriture glagolique à Preslave.

2. Inscription cyrillique (des. 3 et 4). Le nom du chartophylaks Paul y est mentionné, il avait des rapports quelconques à la construction de l'église. Les lettres marquent un caractère ancien. Quelquesunes d'elles peuvent être mises directement en relation avec les lettres des inscriptions monumentales bulgares de l'époque des rois bulgares payens; elles paraissent même être copiées de ces inscriptions et non de l'écriture des manuscrits grecs. Cela autorise l'auteur à supposer l'existence d'une tradition graphique intense, qui commence par les inscriptions grecs des khanes et qui insensiblement se transforme en écriture cyrillique.

B. *Inscriptions sur des plaques céramiques, qui couvraient les parois (des. 6). Ce sont des inscriptions explicatives aux images des saints.*

1. Inscription cyrillique—partie d'un rouleau, renfermant le texte de Luc IV, 18. (Des. 6₁.)

2. Inscriptions grecques — noms de saints, mis au Gen. Sign. D'intérêt sont les abréviations — τ = τοῦ; $\tau\alpha\tau\iota$ = τοῦ ἀγίου.

C. *Inscriptions sur divers matériaux.*

1. Table funéraire, en calcaire (des. 7), probablement du X—XIe ss.

2. Inscription sur une planchette en argile, IX—Xe s. (des. 8, 9 et 10). En deux langues — bulgare et grecque. L'inscription paraît être une sorte de carnet, dans lequel le possesseur a noté ce qu'il fallait lire à certains jours aux matines et aux vêpres. La dénomination des jours et de l'heure est écrite en bulgare; ce que doit être lu chaque jour en grec. Plus tard la planchette a été brisée en deux. L'une de ces parties, munie d'une croix par dessus les lettres fut déposée en un cercueil.

3. Inscription sur une partie de rouet en argile (des. 11) *ЛОЛИН ПРЭСЛЕНЪ.*

SCEAU DE RADOMIR AARON.

Le hasard nous a conservé les sceaux de plusieurs descendants, au service de Byzance, du dernier tsar de la Bulgarie occidentale, Jean Vladislav (1015—1018). On connaissait jusqu'ici des sceaux de deux de ses fils, Aaron¹ et Alousian,² ainsi que de son petit fils, Samuel, fils d'Alousian.³ A ces trois sceaux vient s'ajouter maintenant un quatrième, celui du « proèdre et duc Radomir Aaron », personnage dans lequel il faudra voir, ainsi que nous essaierons de le montrer, un fils d'Aaron.

Le sceau, dont nous donnons ici la reproduction, fait partie de la très intéressante collection de sceaux byzantins de M. JEAN POZZI, ministre plénipotentiaire. C'est un sceau de plomb d'un état de conservation assez satisfaisant, de dimensions moyennes (diamètre: 27 mm).

Au *droit* entre les sigles accoutumés (MP ΘΥ) la Vierge avec sur la poitrine le Christ en médaillon. Au *revers* une inscription sur cinq lignes dont la première n'existe plus, le sceau étant brisé à la partie supérieure. L'inscription peut être lue et restituée de la manière suivante:

ΔΟΜΙΡΩ	[† Θ(εοτό)κε β(οή)θ(ει)]
ΡΟΕΔΡΩΣ	[Ρα]δομιρῶ
ΔΟΥΚΙΩ	[π]ροέδρω καὶ
ΑΑΡΩΝ	δουκὶ τῶ
	Ἀαρόν.

* * *

Aaron⁴ était fils de Jean Vladislav (1015—1018), dernier tsar de la Bulgarie occidentale.⁵ C'était son troisième fils selon une addition à la Chronique

¹ Schlumberger, Sigillographie de l'empire Byzantin, Paris 1884, pp. 316—317.

² Publié par Konstantopoulos, Βυζαντινὰ μολυβδόβουλλα. Συλλογὴ Αναστασίου Κ. Π. Σταμούλη, Athènes 1930, p. 23, planche III, N° 21; attribué à Alousian par nous dans Byzantinoslavica, II (1930), p. 424.

³ Zlatarski, Моливдовуль на Самуила Алусиянъ, Известия на Българския Археологически Институтъ, I (1921), pp. 86—101.

⁴ Il nous a semblé d'autant plus indispensable de retracer la biographie d'Aaron, qu'il règne une certaine incertitude au sujet de ce personnage même dans les travaux les plus récents. C'est ainsi que Diehl (De la signification du titre de « proèdre » à Byzance, Mélanges Schlumberger, Paris 1924, I, p. 114, note 7), le considère fils de Samuel, tandis que J. Laurent (Byzance et les Turcs seldjoudes, Annales de l'Est, publiées par la Faculté de Lettres de Nancy, 28e année, fasc. 2, 1914 [1919], p. 30, note 6) l'identifie à Basile, fils d'Alousian. Du reste les nombreux renseignements fournis sur lui par les sources byzantines et orientales n'ont pas été encore systématiquement réunis et examinés.

⁵ Skylitzes-Cédrenus, II, 573: Ἀαρόν βέστης, ὁ τοῦ Βλαδισθάρου υἱὸς καὶ τοῦ Προυσιάνου ἀδελφός.

MICHEL LASCARIS: SCEAU DE RADOMIR AARON.

de SKYLITZÈS, addition dûe à MICHEL, ÉVÊQUE DE DÉVOL.⁶ Après la mort de Jean Vladislav, tandis que sa veuve Marie avec trois de ses fils et ses six filles se rendait au pouvoir de Basile II, son fils aîné, Prousian avec les deux autres frères essaya de prolonger la résistance dans les montagnes du Tomor. Il ne tarda pas cependant lui aussi à se rendre à l'empereur Basile qui le reçut à Dévol avec bonté et accorda à Prousian le titre de magistre, à ses deux frères le titre de patrice. Dans ses additions à la Chronique de SKYLITZÈS, MICHEL, ÉVÊQUE DE DÉVOL ajoute à ce propos que ces deux frères de Prousian étaient Alousian et Aaron.⁷ On peut se demander si ce renseignement de l'ÉVÊQUE DE DÉVOL est exact; au moment de la conquête de sa patrie, Aaron a dû être encore un enfant en bas âge; en effet dans sa célèbre inscription de 1055—1056 (cf. plus bas), il dit lui-même qu'il est venu à Ani, « dans la fleur de l'âge » et de toute façon il n'a pas pu être nommé gouverneur d'Ani (et par conséquent du thème d'Ibérie) avant 1049, date à laquelle, très probablement, il succéda à Katakalon Kekauménos. Et puis, si Aaron avait reçu dès 1019 le titre de patrice, on s'attendrait qu'il portât après trente ans un titre plus élevé que celui de vestès que les sources lui attribuent en 1047.

Toujours est-il, qu'améné à Constantinople et entré plus tard au service byzantin, Aaron ne se compromit point dans les agissements de ses frères. On sait qu'en 1031 l'aîné de la famille Prousian (qui avait déjà été exilé auparavant sous Constantin VIII) fut aveuglé et sa mère, la veuve du dernier tsar de la Bulgarie occidentale, envoyée en exil, pour avoir essayé de mettre à la tête du gouvernement Théodora, soeur de Zoé. On sait aussi que dix ans après, le frère⁸ d'Aaron, Alousian réussit à se mettre à la tête de la révolte des Bulgares organisée par Pierre Deljan. Aucune source ne mentionne Aaron à l'occasion de ces événements; notre personnage n'apparaît qu'en 1047 (ou 1048) lorsque, en qualité de gouverneur du Vaspouragan et avec le titre de « vestès »,⁹ il se signala dans les combats contre les Turcs seldjucides. A peine succédé dans le gouvernement du Vaspouragan à Étienne Likhoudis (vaincu et tué par les Turcs), Aaron, que MICHEL, ÉVÊQUE DE DÉVOL, appelle à cette occasion « un homme courageux,

⁶ Après la phrase de *Skylitzès-Cédrenus* II, 470 μετὰ γὰρ τὸν τοῦ Βλαδισθλάβου τοῦ καὶ Ἰωάννου θάνατον καὶ τῆς γυναῖκος αὐτοῦ Μαρίας καὶ τὴν ταύτης παίδων προσχώρησιν, Michel évêque de Dévol ajoute: Ἡρεασιάνου, Ἀλουσιάνου, Ἀαρών, Τραϊάνου καὶ Ῥαδομηροῦ. V. B. Prokič, Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes Cod. Vindobonensis hist. graec. LXXIV. (Dissertation München 1906), p. 34, N° 49.

⁷ Prokič, p. 33, N° 46.

⁸ Le frère et non pas l'oncle comme on le croit généralement; cf. l'article cité de Zlatarski.

⁹ *Skylitzès-Cédrenus*, II, p. 573: ὁ δὲ τῆς χώρας (sc. Βασιλικανία) ἄρχων Ἀαρών βέστης. *Arisdaguès de Lasdiverd*, Histoire d'Arménie, traduite par E. Prud'homme, Revue de l'Orient, XVI (1863), p. 279, chap. XIII: « Aaron, fils d'un Bulgare, gouverneur du Vaspouragan ». *Matthieu d'Edesse*, Chronique, traduite par E. Dulaurier, Paris 1858, p. 87, 2e partie, chap. LXXIV: « Aron Vestes ».

prudent et d'une grande expérience militaire»,¹⁰ eut à tenir tête à une nouvelle incursion des Turcs, commandée par l'émir Asan (1047 ou 1048). Mais avec l'aide du gouverneur d'Ibérie, Katakalon Kekauménos, Aaron réussit à remporter une éclatante victoire; l'armée turque fut mise en déroute et l'émir Asan tué. Mais peu après eut lieu une seconde expédition turque conduite par le propre frère du sultan Togroul beg, Ibrahim Inal. Les forces réunies d'Aaron, de Kekauménos, de l'Arménien Grégoire, fils de Vaçag, et du Géorgien Liparit furent vaincues dans la bataille de Kapétrou et Liparit fut pris par les Turcs (Septembre 1048).¹¹ ARISDAGUÈS DE LASDIVERD rejette la responsabilité de la malheureuse issue de la bataille sur Aaron,¹² ce qui est en contradiction avec le récit qu'en donne SKYLITZÈS.¹³

Peu après Aaron reçoit le thème d'Ibérie. Il est probable, qu'il y succéda à Katakalon Kekauménos, en 1049, et qu'il a été le premier gouverneur de ce thème qui ait porté le titre de magistre.¹⁴ De son administration dans le thème d'Ibérie, Aaron nous a laissé lui-même un précieux monument; c'est sa célèbre inscription¹⁵ arménienne, qui se trouvait jusqu'aux premières années du XXe siècle sur le mur extérieur de la cathédrale d'Ani. En voici la traduction française donnée par son dernier éditeur:

« Par la volonté et la miséricorde de Dieu bienfaisant, moi, Aron magistre, honoré par leurs augustes majestés, je suis venu en grande pompe et à la fleur de l'âge en Orient, dans cette charmante forteresse d'Ani; j'en ai exhaussé toutes les murailles par des monceaux de blocs d'une solidité absolue et j'ai fait des dépenses considérables de mes deniers personnels pour amener avec effort de l'eau abondante dans la citadelle pour la jouissance et pour calmer la soif des altérés. J'ai apporté de l'impératrice autocrate porphyrogénète une bulle d'or de franchise pour le sort des maisons de cette ville et

¹⁰ *Prokié*, p. 36, N° 56: γενναῖος ἀνὴρ καὶ συνετὸς καὶ πολεμικῆς ἐμπειροῦς μάχης.

¹¹ Voir le récit détaillé de tous ces événements dans *Schlumberger*, *L'Épopée byzantine*, III, pp. 543 et suiv.; la bataille de Kapétrou se termina par une défaite des Byzantins, cf. *Laurent*, *Byzance* et les Turcs seldjoudides, p. 22.

¹² *Arisdaguès de Lasdiverd*, chap. XIII, *Revue de l'Orient*, XVI, p. 280: « La mêlée s'étant engagée, le fils du Bulgare tournant le dos avec les siens, abandonna le champ libre aux ennemis. »

¹³ *Skylitzès—Cédrenus*, II, pp. 577—580.

¹⁴ Cf. *Beněševič*, Три аниіскія надписи XI вѣка изъ эпохи византийскаго владычества, Publications du Musée d'Ani, Аниіская серия, N° 7, Leningrad 1921, p. 6, note 2 et pp. 9—10. Sur Kekauménos cf. l'article de N. *Bănescu*, Un duc byzantin du XIe siècle: Katakalon Kékauménos, Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine, XI (1924), pp. 25—36.

¹⁵ Depuis sa première publication par le Père *Minas Bezeškan* (*Voyage en Pologne et autres endroits habités par les Arméniens descendant des ancêtres de la ville d'Ani*, Venise 1830, en arménien, pp. 73—74) cette inscription a été très souvent publiée, en dernier lieu par *Beněševič* (avec fac-similé) et par *Basmadjan* (v. la note suivante). Dans les travaux antérieurs cette inscription est généralement citée d'après la traduction française dans *Brosset*, *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie*, Troisième rapport, St Pétersbourg 1850, p. 93.

pour le thastak qu'elles donnaient, annuellement une quantité de 8 litres; et aussi, à la demande des notables, j'ai supprimé le prélèvement de deux litres que payait le contrôleur. Amen. »¹⁶

L'impératrice autocrate porphyrogénète mentionnée dans l'inscription ne peut pas être Zoè comme le pensait BROSSET, et, après lui, SCHLUMBERGER; Ani ne fut acquis par les Byzantins qu'en 1045; ce ne peut donc être que Théodora (1055—1056).¹⁷

Sans doute Aaron a-t-il dû faire graver cette pompeuse inscription au moment de quitter le thème d'Ibérie, et, comme il parle de l'impératrice Théodora en termes qui semblent indiquer qu'elle régnait encore, on peut admettre que c'est sous le règne de Théodora qu'il a quitté Ani pour être transféré dans un autre thème. Cet autre thème c'est celui d'Edesse; en effet il s'est conservé un sceau de plomb de lui où il apparaît comme « magistre et duc d'Edesse »;¹⁸ il faut placer sa nomination comme duc d'Edesse avant 1057, puisque, à l'avènement d'Isaac Comnène, il reçut le titre de proèdre.

Lorsque Isaac Comnène, dont la femme Catherine était soeur d'Aaron, se revolta, Michel VI envoya contre lui une armée commandée par l'eunuque Théodore auquel il adjoignit comme conseiller le magistre et duc Aaron, ce dernier « étant, dit SKYLITZÈS, un homme qui s'était distingué dans de nombreux combats ». ¹⁹ Dans la bataille qui s'engagea à Pétroé dans la journée du 20 Août 1057, Aaron commanda avec succès l'aile gauche de l'armée impériale; mais Isaac Comnène finit par vaincre et les deux généraux impériaux revinrent à Constantinople avec les restes de leur armée.²⁰

A l'avènement d'Isaac Commène, Aaron reçut de son beau-frère le titre, très élevé, de proèdre.²¹ C'est en effet avec le titre de proèdre que nous le trou-

¹⁶ K. J. Basmadjan, Les Inscriptions Arméniennes d'Ani, de Bagnaïr et de Marmachên, recueillies sur place et publiées avec leurs traductions françaises, Paris 1931 (extrait de la Revue de l'Orient Chrétien, 1920—1931), N° 20. La traduction de Benešević (pp. 2—4) est assez différente et par endroits, semble-t-il, plus exacte. La voici: Волею и милостыю содѣтеля благ Бога. Я, магистр Арон, возвеличенный преславными царствами, в цѣлѣ красоты и в годы юности моей прибыл на Восток в сию прекраснѣйшую крѣпость Ани, подвысил всѣ ея стѣны, укрѣпив ея башнями из груд камня на прочном глубоко заложеном основаніи. И на свои в большом количествѣ истраченные средства я с трудом провел воду избыточную внутрь сей крѣпости на радость и на освѣженіе жаждущих. Я принес за золотой печатью грамоту вольности самодержавной порфирородной царицы о налогах на дома этого города и о десятинах, которую они давали ежегодно в размѣрѣ восьми литров; а также по просьбѣ подвластных я отмѣнил и взысканіе двух литров, которые вносил мутасиб. Это все.

¹⁷ Cf. Benešević, p. 10 et Laurent, Byzance et les Turcs seldjoudides, p. 31, note 10.

¹⁸ Schlumberger, Sigillographie, pp. 316—317.

¹⁹ Skylitzès-Cédrenus, II, p. 628: παραδούς αὐτῷ καὶ συνάρχοντα καὶ σύμβουλον ὡς ἂν πολλοῖς ἀγωνίσμασι κατηθλημένον ἄνδρα καὶ ἀδελφὸν ὑπάρχοντα τῆς γυναικὸς τοῦ Κομνηνοῦ τὸν μάγιστρον Ἀαρὼν καὶ δοῦκαν. Cf. aussi Zonaras, éd. Teubner, IV, p. 187.

²⁰ V. sur ces événements Schlumberger, L'Épopée byzantine, III, pp. 794 et suiv.

²¹ Cf. Diehl, De la signification du titre de « proèdre » à Byzance, Mélanges Schlumberger, I, p. 114; il y avait à cette époque six ou sept proèdres.

vons mentionné en 1059 dans l'intéressante souscription datée du Codex coislinianus 263, publiée par OMONT,²² LAMPROS²³ et KOUGEAS,²⁴ et commentée récemment dans cette revue par ZLATARSKI.²⁵ Cette souscription nous apprend aussi qu'en 1059 Aaron était duc de Mésopotamie: . . . δουκῶντος Ἀδριανῷ Ἀντιοχείας, Ἀαδὼν προέδρου καὶ αὐταδέλφου τῆς Αὐγούστης Μεσοποταμίας . . . Il est évident que le mot Μεσοποταμίας se rapporte à δουκῶντος.

Tel n'est cependant pas l'avis de M. ZLATARSKI. « Selon le témoignage, dit-il, d'ARISDAGUËS DE LASDIVERD, déjà sous le règne de Constantin IX Monomaque, le gouvernement byzantin nomma duc de Mésopotamie, le magistre Grégoire, fils de Vaçag, de la famille des Bahlavouni, lequel avait précédemment cédé à l'empereur ses domaines dans la Grande-Arménie. Le gouvernement de Mésopotamie lui fut donné en propriété héréditaire et les conditions de ce privilège formulées dans un diplôme spécial. C'est pourquoi après la mort du magistre Grégoire (1066), selon MATTHIEU D'ÉDESSE, ses domaines en Mésopotamie et le titre de duc passèrent à son fils aîné Vahram. Dans ces conditions il est évident que Aaron ne pouvait être en 1059 duc de Mésopotamie; car en ce moment c'était le magistre Grégoire qui était duc en Mésopotamie; par conséquent le mot δουκῶντος dans notre souscription ne peut d'aucune manière s'appliquer à Aaron. Mais alors que représentait le proèdre Aaron en Mésopotamie? Evidemment il a dû remplir là quelque importante fonction, autrement son nom ne se serait pas rencontré dans notre souscription. Ayant en vue que Aaron a été élevé au rang de proèdre certainement sous Isaac I (car en 1057 il était encore magistre) et que, d'autre part, les qualités militaires et la bravoure dont il fit preuve dans les guerres contre les Turcs en Asie Mineure faisaient de lui, aux yeux du gouvernement, un bon général, nous inclinons à penser que l'empereur Isaac I lui accorda un rang plus élevé et, pour l'éloigner de Constantinople, l'envoya dans la province orientale la plus lointaine de l'empire commander les troupes de la Mésopotamie, peut-être parce que le magistre Grégoire n'était pas en état de mener avec succès la lutte contre les incursions continues des Turcs sur cette frontière. »²⁶

Pour une fois, l'éminent historien bulgare, d'ordinaire si perspicace, a été induit en erreur par SKABALANOVIC, n'ayant sans doute pas pu, à Sofia, contrôler les renvois aux sources arméniennes. En effet Grégoire Magistros est

²² H. Omont, Facsimilés des manuscrits datés de la Bibliothèque Nationale du IXe au XIVe siècle, Paris 1890, notice des planches, p. 6; la souscription est reproduite à la planche XXVI.

²³ Νέος Ἑλληνομνημον, VII (1910), p. 130—131.

²⁴ Ἑλληνικά, III (1930), p. 462.

²⁵ Zlatarski, Една датирана приписка на гръцки отъ срѣдата на XI. вѣкъ, Byzantinoslavica, I (1929), pp. 22—34.

²⁶ Zlatarski, Byzantinoslavica, I, p. 26 avec renvoi à N. Skabalanović, Византийское государство и церковь въ XI вѣкѣ, St Petersburg 1884, p. 198. M. Zlatarski semble croire que le nouvel empereur Isaac Comnène garda rancune à son beau-frère pour avoir commandé contre lui l'armée de Michel VI.

mort non pas en 1066 mais en 1058.²⁷ Chez MATTHIEU D'EDESSE la date de la mort de Grégoire n'est même pas mentionnée. Quant au prétendu renseignement de MATTHIEU D'EDESSE, selon lequel, après la mort de Grégoire c'est son fils Vahram qui lui succéda comme duc de Mésopotamie, il est fourni non pas par MATTHIEU, mais par son traducteur, E. DULAURIER.²⁸ Mais, ainsi que l'observe J. LAURENT, ce renseignement qui « est répété chez tous les auteurs modernes sans référence aux sources », vient sans doute de TCHAMTCHIAN, l'historien arménien du XVIIIe siècle!²⁹ Par conséquent rien n'empêche d'admettre selon notre souscription qu'après la mort de Grégoire Magistros en 1058, c'est Aaron qui lui succéda comme duc de Mésopotamie. Même le passage d'ARISDAGUËS DE LASDIVERD,³⁰ auquel fait allusion M. ZLATARSKI, ne doit pas être accepté sans critique; car, ainsi que le remarque A. AKULIAN, Grégoire reçut le titre de magistre bien auparavant.³¹

Même après l'abdication de son beau-frère, Aaron ne cessa pas de jouer un rôle important. Nous le trouvons mentionné comme envoyé en Géorgie à l'occasion du mariage de Michel Doucas avec Marthe ou Marie, fille du roi de Géorgie Bagrat IV. C'est à la VIE GÉORGIENNE DE S^T GEORGES L'HAGIORITE,³² écrite entre 1066 et 1073 par son disciple du même nom, que nous devons ce précieux renseignement, qui constitue en même temps la dernière mention de notre personnage.

* *

²⁷ Cf. *Laurent*, *Byzance et les Turcs seldjoudides*, p. 39.

²⁸ Note à *Matthieu d'Edesse*, p. 411. *Skabalanovič* (p. 198) renvoie à la p. 128 de *Matthieu* (trad. *Dulaurier*) où il est question de l'élévation au trône patriarcal, de Vahram, fils de Grégoire Magistros; mais *Skabalanovič* a eu sans doute en vue la note de *Dulaurier* (p. 411) qui se rapporte au passage de la p. 128: « Vahram, écrit *Dulaurier*, était fils aîné de Grégoire Magistros. A la mort de son père, qui arriva l'année de l'avènement du catholicos Khatchig, Vahram lui succéda dans sa principauté et reçut de l'empereur le titre de duc. » Et c'est par une erreur inexcusable, due à une lecture inattentive de la note de *Dulaurier*, que *Skabalanovič* place la mort de Grégoire Magistros en 1066, année de la mort du catholicos Khatchig (*Matthieu*, p. 127) au lieu de 1058, année de l'avènement de Khatchig (*Matthieu*, p. 107).

²⁹ *Laurent*, *Byzance et les Turcs seldjoudides*, p. 40, note 1.

³⁰ Voici ce passage (chap. X, *Revue de l'Orient* XVI, p. 180): « Grégoire se présenta devant Constantin à qui il remit les clefs de Pedschni avec tous ses biens patrimoniaux. Comblé d'honneurs par lui, il reçut la dignité de magistros et pour résidence des bourgades et des villes en Mésopotamie dont il lui conféra la propriété par patente et l'anneau d'or avec le droit de la transmettre en génération à perpétuité. » C'est peut-être ce passage, qui interprété inexactement par *Tchamtschian*, a été la cause de l'erreur de ce dernier.

³¹ *Akulian*, *Einverleibung armenischer Territorien durch Byzanz im XI. Jahrhundert* (Dissertation Zürich 1912), p. 69, note 1. Ajoutons que Grégoire n'a pas cédé aux Byzantins tous ses domaines dans son pays d'origine, comme le dit *Arisdagùès*, puisque nous le voyons construire à Cétcharous; cf. *Laurent*, *Byzance et les Turcs seldjoudides*, p. 39, note 8.

³² Traduite par *Peeters* dans *Analecta Bollandiana* XXXVI—XXXVII (1917—1918), p. 135.

Aaron avait un fils, Théodore, mort jeune dans un combat contre les Turcs en 1055 ou 1056, comme nous l'apprend ARISDAGUËS DE LASDIVERD dans un curieux passage qui montre aussi combien le nom d'Aaron était célèbre en ces contrées, même parmi les Turcs. « A cette époque, dit ARISDAGUËS, le district de Darôn avait pour gouverneur Théodore, fils d'Aaron que les Perses appelaient dans leur langue Avan, par la suppression d'une lettre. Un corps d'armée vint du Turquestan se placer sous son obéissance, et, pour preuve de sa sincérité, il envahit le district de Khêlath et y fit un butin considérable qu'il ramena à Darôn. Mais des troupes s'étant réunies de la Perse et du Turquestan envoyèrent à Théodore un député pour lui dire ceci: Livre nous les rebelles, sinon nous ravagerons ton territoire et amènerons les habitants en esclavage. Théodore ayant refusé, les deux armées marchèrent l'une contre l'autre et se mesurèrent trois fois de suite. Malgré les exploits nombreux qu'il exécuta, le prince, atteint d'une blessure grave, mourut au bout de quelques jours. Le mort était digne des plus grands bienfaits. Jeune et doué de formes gracieuses, comme le prophète David, distingué entre plusieurs par la supériorité de son courage il fut enlevé par une mort prématurée. »³³

ANNE COMNÈNE parle longuement³⁴ d'une conjuration organisée contre l'empereur Alexis à la fin de l'année 1107 par deux frères, Aaron et Théodore. ANNE appelle Aaron ἀνὴρ τις ἐς Ἀρωνίους ἐκείνους ἀπὸ μέρους ἀνέλκων τὸ γένος, καὶ ἐκ νόθων κατήγετο³⁵ ce qui semble indiquer que la famille des Ἀρωνίοι était fort connue. Déjà DUCANGE, dans ses Notes à l'Alexiade,³⁶ exprima l'avis que la famille des Ἀρωνίοι tirait son origine et son nom du prince bulgare Aaron. Et si l'on tient compte de l'habitude qu'avaient les Byzantins de donner aux enfants le nom de leur grand-père, on peut avec suffisamment de probabilité penser que l'organisateur de la conjuration de 1107 était un petit-fils du proèdre Aaron dont nous avons essayé de retracer la carrière. Mais ce devait être ou bien lui-même un bâtard, ou bien le fils d'un enfant naturel du proèdre Aaron.

Les renseignements d'ANNE COMNÈNE sur cette famille peuvent être complétés à l'aide d'une source arménienne signalée récemment par le Père PEETERS; c'est une TRADUCTION ARMÉNIENNE DU COMMENTAIRE DE S^T JEAN CHRYSÔSTOME SUR S^T JEAN. A cette traduction, qui a été faite en 1112, ont collaboré un Syrien, un Grec et un Arménien. Ce Grec, qui se trouvait en Mésopotamie et qui se nommait Théophile, était « secrétaire et

³³ *Arisdaguës de Lasdiverd*, chap. XVII, Revue de l'Orient, XVI, pp. 302—303.

³⁴ *Anne Comnène*, éd. Teubner, II, pp. 175—178.

³⁵ P. 175.

³⁶ *Anne Comnène*, éd. Bonn, II, pp. 652—653. C'est également l'avis de *Chalandon*, Essai sur le règne d'Alexis Comnène, Paris 1900, pp. 244 et 274.

protonotaire du prince Araun ». Comme le remarque le Père PEETERS « notre texte permet de croire que la race des Ἀρώνιοι s'était maintenue en Mésopotamie ».³⁷

* *

*

Dans son *Alexiade*, ANNE COMNÈNE mentionne un certain Radomir.³⁸ Ce personnage apparaît à deux reprises: d'abord pendant la dernière campagne d'Alexis I contre les Petchenègues³⁹ qui se termina par leur complète défaite (29 Avril 1091);⁴⁰ ensuite à l'occasion de la prise de Nicée (1097), lorsque Radomir fut employé par Alexis I dans les négociations avec les défenseurs turcs de la ville assiégée par les Croisés.⁴¹ Anne ne nous renseigne pas sur les titres de ce personnage; mais elle observe qu'il était d'origine bulgare, de famille noble et parent de l'impératrice Irène, mère de la princesse-écrivain: ἀνὴρ δὲ οὗτος ἐκ Βουλγάρων ὁρμώμενος, εὐγενὴς καὶ μητρόθεν συγγενὴς τῆς Αὐγούστης καὶ μητρὸς ἡμετέρας.⁴² Déjà DUCANGE, dans ses *Notes à l'Alexiade*, observa que le mot μητρόθεν se rapporte non pas à Radomir, mais à l'impératrice Irène dont la mère était d'origine bulgare.⁴³ En effet la mère d'Irène était fille de Trojan,⁴⁴ lequel était fils de Jean Vladislav.⁴⁵

On peut donc admettre avec suffisamment de certitude que le proèdre et duc Radomir est la même personne avec le parent de l'impératrice Irène mentionné par Anne. Il était sans doute fils d'Aaron,⁴⁶ par conséquent cousin germain de la mère de l'impératrice. Rien ne s'oppose à cette identification. Le titre de proèdre avait à cette époque perdu de son importance première. Entre 1070 et 1080 « il est conféré à des jeunes gens issus des grandes familles »; après l'avènement d'Alexis Comnène il est porté par les hauts fonctionnaires de l'administration centrale et provinciale pour disparaître dès le début du XIIe siècle.⁴⁷ Ajoutons que le nom de Radomir était assez fréquent dans la dynastie

³⁷ Peeters, Traductions et traducteurs dans l'hagiographie orientale, *Analecta Bollandiana*, XL (1920), pp. 273—274.

³⁸ Le nom est hellénisé en Ῥοδομηρός, forme censée dériver de ῥόδον.

³⁹ *Anne Comnène*, éd. Teubner, II, p. 11.

⁴⁰ Cf. Chalandon, Essai sur le règne d'Alexis Comnène, pp. 132—133 et *Vasil'evskij*, Византия и Печенѣги dans ses œuvres (Труды) publiées par l'Académie de St Pétersbourg, I, p. 100.

⁴¹ *Anne Comnène*, éd. Teubner, II, pp. 107—109.

⁴² Éd. Teubner, II, p. 11.

⁴³ *Anne Comnène*, éd. Bonn, II, p. 582.

⁴⁴ *Nicéphore Bryenne*, p. 106.

⁴⁵ Michel de Dévol dans Prokić, p. 34, N° 49. C'est par erreur que Nicéphore Bryenne considère Trojan comme fils de Samuel; il semble du reste confondre Jean Vladislav (qu'il ne mentionne nulle part) avec Samuel; c'est ainsi qu'il croit également que Catherine, femme d'Isaac Comnène, était fille de Samuel (p. 19).

⁴⁶ Le fils d'Alousian, Samuel, a également pris comme nom de famille le nom de son père; cf. son sceau publié par Zlatarski.

⁴⁷ Diehl, De la signification du titre de « proèdre » à Byzance, *Mélanges Schlumberger*, I, pp. 115—117.

des « komitopoules » bulgares. Le fils et successeur de Samuel s'appelait Gabriel Radomir; Radomir était aussi le nom d'un des fils de Jean Vladislav⁴⁸ sur lequel on ne sait, d'ailleurs, rien. Enfin, ANNE COMNÈNE ajoute que Radomir dans sa jeunesse avait été longtemps en captivité chez les Turcs dont il apprit la langue.⁴⁹ Ce renseignement d'ANNE COMNÈNE paraîtra tout naturel si on l'applique au fils de cet Aaron, qui a passé de si longues années aux frontières orientales de l'Empire et qui a eu à soutenir tant de combats contre les Turcs.

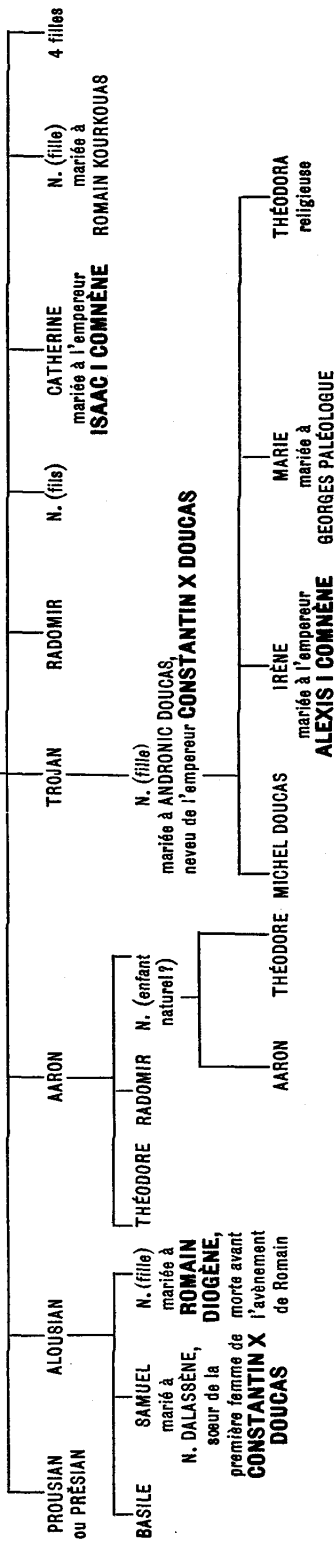
⁴⁸ Michel de Dévol dans *Prokit*, p. 34, N° 49.

⁴⁹ Éd. Teubner, II, p. 107: καὶ αὐτὸς ὁ Ῥοδομηρὸς πάλαι πρὸς τῶν Τούρκων κατασχεθεὶς καὶ χρόνον συχνὸν μετ' αὐτῶν ἐνδιατρίψας, οὐδ' αὐτὸς ἀδαὴς τῆς τοιαύτης ἦν διαλέκτου.

TABLE GÉNÉALOGIQUE

DES DESCENDANTS DE JEAN VLADISLAV, DERNIER TSAR DE LA BULGARIE OCCIDENTALE

JEAN VLADISLAV (1015-1018)
marié à MARIE

Prof. IVAN ONIENKO (Warszawa):

ДВІ ГРАМОТИ ВОЄВОДИ ВАЛАШСЬКОГО ІВАНА МИРЧІ ВЕЛИКОГО.

Палеографічно-лінгвістичний нарис.

I.

В Короннім Архиві м. Кракова з давніх часів, серед інших грамот, знаходилися й дві кирилівські грамоти валашського воєводи Івана Мирчі Великого, одна 1403 р., а друга без дати, але десь того самого часу. Краківський Коронний Архив в 1765 році перевезений був до Варшави; коли ж в 1794 р. Варшава перейшла до Росії, то молдавські й валашські грамоти опинилися в Петербурзі, а пізніше в Москві в Архиві Міністерства Закордонних Справ. В 1924 р. дипломатичні акти ревіндиковано з Росії до Польщі, а з ними вернулися й грамоти молдавські та валашські, серед них і дві вище зазначені грамоти воєводи Мирчі Великого. Переховуються тепер ці акти в Головному Архиві (Archiwum Głównе) в Варшаві, відділ IX К, картон 12, №№ 6 і 8.

Через свою стародавність вищезазначені кирилівські грамоти воєводи Мирчі мають велику цінність не тільки історичну (це присяги на вірність королю польському Володиславу), але й лінгвістичну та палеографічну. Чотири рази видавано ці грамоти, чому текст їх для істориків віддавна вже знаний; але всі чотири видання — МУРЗАКЕВИЧА 1860 р., В. УЛЯНИЦЬКОГО 1887 р., Є. КАЛУЖНЯЦЬКОГО 1890 р. та Л. МИЛЕТИЧА 1893 р. — були незадовольняючі і для стисло наукових цілів зовсім непридатні. Докладного ж дипломатично-палеографічного опису цих грамот в науковій літературі ніколи не подавалося, хоч вони того вповні заслуговували.

Найстарші валашські кирилівські грамоти, — то грамоти господаря МИРЧІ І СТАРОГО чи ВЕЛИКОГО (1386—31. I. 1418), бо від попередніх господарів кирилівських грамот зовсім не залишилося. Та й від Мирчі знаємо тільки десять грамот, — чотири з них був видав ще Ю. ВЕНЕЛИН в 1840 р. в своїй праці: «Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты», з сьогодняшнього погляду видав зовсім незадовольняюче; дві грамоти видав в 1860 р. в одеських «Записках» Мурзакевич, видав зле; одну грамоту видав НАЈДЕУ в «Archiva Istorică» т. I ч. I. 3, так само незадовольняюче; дві грамоти видав В. УЛЯНИЦЬКИЙ в своїх «Матеріалах» 1887 р. №№ 16 і 17, видання взагалі не-наукове. Чотири грамоти, що знаходяться в Державнім Архиві в Букурешті, видав Л. МИЛЕТИЧ в 1893 р. в своїй праці: «Дако-ромънѣтъ» («Сборникъ за народни Умотворения» т. IX. 1893 р.) №№ 1—4, видав дуже не точно (хоч і працював над оригіналами), але ліпше від Венеліна; в кінці видання дано три добрих фототипії цих грамот; крім цього, Милетич передрукував ще

До певної міри виняток з цих десятих грамот — якщо грамоти зовнішнього вжитку — становлять грамоти №№ 3 і 7, які й будуть предметом мого спеціального досліді в цій праці.

Нижче подаю докладний дипломатично-палеографічний опис і вірний текст цих двох зовнішнього характеру грамот воєводи Мирчі Старого, які я зробив з самих оригіналів, що знаходяться в Archiwum Głównе в Варшаві (картон 12, Dyplomy Bessarabiae). Попередні видавці: Мурзакевич, Калужняцький та Милетич оригіналу не бачили; Уляницький, що правда, списав текст з оригіналу, але списав і видав його зовсім ненауково.

II.

Лист Івана Мирчі, воєводи басарабського, королю польському Володиславу про вірність, 10 серпня, sine anno.

Лист на папері; папір доброї якості, грубий, шорсткий, майже не стемнів. Водного знаку нема, на світло знати лише лінії — поземі широкі на 3,7 см одна від одної (їх 6), а прямовісні вузьенькі. Папір не чистий: рівно посередині велика пляма від вохкості, по-жовкла, у формі ромбу; така ж пляма, але слабша, й на правім маргінесі, — вона повстала від заложення паперу на першу пляму. Як то звичайно буває, на зломах папір протертий; єсть кілька малих дірочок; одна з них, найбільша, на 0,8 см довга, у самім центрі, між 11 і 12 рядками. Кусок паперу широкий на 29,3 см, високий на 21,9 см. Лист складається 2×3 , ціб-то перше вдвоє, а потім (широкість) втрое; єсть слід, що в ширину складався і вчетверо.

Текст листа має 16 рядків, розмір його: широкий на 20,8 см, високий на 10,3 см. Ніякої розліновки паперу ніде не знати. Рядки праворуч кінчаються, як то звичайно буває, нерівно, але зліва рядки розпочинаються рівнесенько. На початку тексту стоїть простенький хрестик (хрисмон), високий на 2,3 см, широкий на 0,3 см, сягає до 3-го рядка і підносить високо вгору понад перший рядок.

Під текстом, яко 17-й рядок, підпис воєводи Мирчі, зроблений густою циноброю (киновар), від якої при зложенні листа зверху грамоти позостало чимало слідів. Підпис зроблено в'язаним письмом («в'язь»), якого букви великі, високі на 6,5—7 см; в'язь (монограма) дуже гарно виконано. Увесь долішній маргінес (тут він 8 см) зайнятий цим підписом Івана Мирчі. Підпис розбитий на дві половини (а кожна з них на дві частини), а між ними зеленою фарбою печатка XIX ст.: «МОСК. ГЛ. АРХИВЪ М. И. Д.» Підпис зачинається хрестом.

Розмір маргінесів: верхній 3,5 см, лівий 4,4 см і правий (нерівний) 4 см.

Лист був запечатаний овальною печаткою $3,2 \times 2,5$ см; печатка покришилася, позостали тільки сліди червоного лаку (сургучу). In dorso вміщено адресу, під нею справа була печатка; ніяких написів на звороті нема, крім пізньої архивальної помітки впорядчика актів: «Bessarab.», що визначає рід листа.

Чорнило темне, мало зблідло. Письмо півуставне, читке, але багато скорописних додатків. Висота літер 1,4—1,9 mm. З особливих форм літер (крім звичайних) зазначу. Буква а праву лінію має підняту над і опущену під рядок; б без середньої перекладини; в чотирикутне; г з довгими ніжками; е скрізь однакове, кругленьке, ріжниці міже е та є не проводиться; ж півуставне: два вуглики головками до поперечки; з на взір лат. z; с часом яко вуглик головою вліво; ч однобоке півуставне; а без середньої поперечки; скрізь ч, а м нема, при чому це ч складається з ч з головою, загнутою вліво над рядок, ліва частина з'єднана з малою правою рисою; о тут, крім нормальної форми, буває ще в формі трикутника або скидається на 4, тільки з малою правою ніжкою.

Лист писаний «у Гюргеву городу» 10 серпня. Року не зазначено, як то часто бувало в волошських грамотах. Мирча господарював з 1386 по 31 січня 1418 р.,¹ а Володислав-Ягайло 1386—1434; отож, наш лист можна датувати десь 1386—1418 рр. Договір з королем Володиславом-Ягайло Мирча склав в 1390 р., поновив в 1411 р., так що наш лист можна стисло задатувати 1390—1411 рр., ближче десь до першої дати.

Як знак розділовий, часта тут крапка, звичайно середина, але не рідка й долішня або верхня; не рідка тут і кругла перетинка, що часом пишеться не в рядку, але трохи під ним; замість крапки часом тут тонка риска. На початкових голосних звичайний приди́х, але не скрізь, часто й не ставиться. Титло чи покриття для винесених літер різної форми: то як проста або мало вигнута лінія, то як — чи —.

Знак, подібний на знак наголосу, частий тут над початковим *и*, рідше над іншими буквами, ставиться як варія́ · або оксія́ .. Звичайно, наголосу вона не зазначає, ставиться лише з вимог традиційного правопису і зазначає початок чи кінець слова.

В грамоті, звичаєм свого часу, кінцева приголосна слова, рідше складу виноситься над рядок і покривається титлом (не криється тільки *д, х*).

Першим видав цього листа проф. Н. МУРЗАКЕВИЧ в 1860 р. в «Записки Одесского Общества истории и древностей», т. IV отд. 2 і 3, ст. 322—323. Недостачі видання: 1. Винесених літер не зазначено, — їх Мурзакевич подав в рядок, а по них суб'єктивно додав ще *з, в*, чого в оригіналі зовсім нема, напр.: *Иванъ, Господарь, жалуетъ, будемъ, шешъ* зам. *Яга, господѣ, жалуетъ, кудѣ, шѣ* і десятки т. п. 2. Літер *ш, ѡ* оригіналу не передано. 3. Зам. *ы*, що маємо в оригіналі, дано *и*. 4. Оригінал знає *ж*, а Мурзакевич замінив його різно: оригінал: *нж, жжрѣ, Мурзакевич: нъ, Унгромъ*. 5. В виданні Мурзакевича великі літери та знаки розділові поставлено по нових правилах. 6. Не мало й простих помилок, напр. в оригіналі: *лѣчѣки, зѣмль, ѡи ка, въ, възвѣгнѣте, хрѣтѣиѡ, нинѣ, тѣ|тѣ, мѣд, ѡв, мѣтѣ бѣиѣ, володимѣски, у Мурзакевича: Лончинки, земель, листъ къ, въ, възвѣгнѣте, хрѣстіяномъ, нынѣ, ти хѣтятъ, мѣдѣ, ѡанъ, милости Божия, Володимирски. Трудніших виразів: *въ тѣзи словѣ, ѡ тѣзи мѣли, тѣон анѣпѣи, а ти са шѣ увѣрити*. Н. Мурзакевич не зрозумів і видрукував: о томъ зи словѣ, отъ тѣхъ зимльви, твои а не псеи, а ты сящешъ увѣрити. Як бачимо, видання далеко від оригіналу; правда, списував цю грамоту не сам Мурзакевич, як про те каже ось ця замітка на ст. 320 про видані грамоти: «По ходатайству свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова, сообщены, в 1854 году, изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ».*

Другим видав цю грамоту В. А. УЛЯНИЦЬКИЙ в 1887 р. в своїй праці: «Матеріали для історії взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв.» (див. «Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей росс. при Моск. университетѣ» кн. 3 на 1887 р.) № 17, ст. 14—15. Видано грамоти гражданкою, а тому літер *ѡ, ж, ѡ* не вжито; в грамоті скрізь *ы*, а тут подано *и*; зам. *и* часто дається *й*, чого нема в оригіналі. Звичайно, Уляницький подав свої розділові знаки та великі букви. Поскільки це видання не придатне для наукових лінгвістичних студій, показують хоча б ці приклади, де Уляницький винесені над рядок букви поставив до рядка, а по них ще й додав зовсім суб'єктивно *з* або *в*, додав по своему бажанню, напр.: *жалуетъ* — Улян. *жалуетъ*, *сѣдѣний* — *сьєдѣнийшъ*, *нѣ* — *нѣсь*, *ѣ* — *ес*, *вѣруѣ* — *вѣруешъ*, *сѣ* — *сьмѣ*, *ѡ* — *отъ*, *господѣ* — *господар*, *пѣски* — *полски*, *подѣски* — *подолски* і т. п. Крім цього, Уляницький подає не мало неправильних читань, напр.: *тѣ ѡти* він передає тако *ти*, хоч приди́х на початковому *в* вказував, що *ѡ* починає слово (тут *ѡти* слово болгарське, визначає «що»), *азъ сѣ* — *а зсьмѣ* і др. Вище зазначені трудніші місця Уляницький читає: о томъ зи словѣ, отъ тѣхъ зимльви, твои а не псеи, а ти ся шешъ увѣрити, цеб-то майже так, як і Мурзакевич.

Ліпше видання цієї грамоти дав Др. Е. КАЛУЖНЯЦЬКИЙ в «Documente privitoare la Istoria Românilor» Hurmuzaki, București, 1890 р., т. I № 653. ст. 825—826, дано тут і латинський переклад грамоти. В своїм виданні Калужняцький всі винесені літери повносив до рядка,

¹ Др. Е. Калужняцький в «Documente» Hurmuzaki, т. I ст. 825 датує листа занадто широко: 1383—1419.

додавши від себе закінчення, які він зазначив [] тільки в кінці слова, а знесені літери в середині слова нічим не зазначив, напр. дає Поаски, Подоаски зам. лѣски, подѣски і др. Титла скрізь пороскривав, але доданого не взяв в []. Знаки розділові й великі літери дано по сучасному. Ніяких надрядкових знаків оригіналу не передав. Зам. и, ѿ оригіналу вживає й, ѡт[ъ]. Нарешті, не бракує в виданні й помилок (Калужняцький користався тільки фотографічним знімком), напр. Лончински зам. лѣчйки, ѡ ти зам. ѡти, сѣмь зам. сѣмь, такѡ ти зам. тѣ ѡти, кѣи зам. кон, ѡт[ъ] зам. ? і др. Усі ці недостаті не дають змоги й цьому виданню вважатися за наукове.

Нарешті, останнє видання цієї грамоти Івана Мирчі вийшло в 1893 р., — в тім році її видав Д-р Л. МИЛЕТИЧ в своїй праці: «Дако-ромѣнитѣ и тѣхната славянска писменость» (див. «Сборникъ за народни умотворения» 1893 р. т. IX, ст. 298). Видання не оригінальне, бо Л. Милетич тільки передрукував його з видання КАЛУЖНЯЦЬКОГО; на жаль, Л. Милетич не передрукував точно, але допустився таких важливих відступлень: 1. Пропустив [], якими Калужняцький зазначив те, що сам додав. 2. Як в оригіналі, так і в виданні Калужняцького нема зовсім ѣ, скрізь тільки ѣ, а Л. Милетич дав, навпаки, скрізь ѣ. 3. Передруковуючи, Л. Милетич пропустив одне слово, — дав: ѣ Гюргевѣ замість ѣ Гюргеву гороуду. 4. А ось помилки, яких нема в виданні Калужняцького:

оригінал:	Калужняцький:	Милетич:
самодръжавѣнѣи	самодръжавѣнѣи	самодръжавѣнѣи
многѣи	многѣи[ъ]	многѣи
и руски	и Руски	рѣски
ниѣи	ниѣи[ъ]	ниѣи
многѣи	многѣи[ъ]	многѣи
писалѣ	Писалѣ	Писал
сѣдинѣи	сѣдинѣи[ъ]	сѣдинѣи
ѣгрьскому	ѣгрьскому	ѣгрьскомѣ
ѡни	ѡни	ѡни
ѣжѣа	ѣжѣа	ѣжѣа

Як бачимо, передрук Л. Милетича не тільки далекий від оригіналу, але й від видання Е. Калужняцького, яке він копіював.

Подаяу тепер точну копію цієї важливої грамоти, яку я зробив з оригіналу.

Иѣа мирча великѣи воевода . и самодръжавѣнѣи господаѣ, всѣи земѣи ба-
сарѣскон . (2:) и заполонѣскѣи, сторонаѣ . и многѣи, тѣрскѣи, городѣскѣи, господаѣ,
моему роду(3:)телю, великому королю, володиславу . пѣски . кракѣски . су-
домирски . лѣчйки . (4:) кѣмѣски . литовски . колодинарски . смоленски . поло-
ки . подѣски . и руски . и ниѣи (5:) многѣи земѣа господаѣ . ѣѣрна прѣмзнь . и
любѣкѣи поклѣ . писалѣ еси свои ли^{ствѣ} кѣ (6:) миѣ сѣ жалостѣи . и много
жалѣѣ на мене . ѡти сѣмь покѣдѣ . ѣгрьскѣи боѣ(7:)рѣ . и панѣѣ . сконѣи
листоѣи . и ѡни покѣдали королю, ѣгрьскому . тѣ ѡти (8:) послѣ еси свои ли-
стоѣи . и послѣи, да се сѣдинѣи с тѣркови кѣ прѣмзньство . да кѣ(9:)ѣвѣниѣте
ратѣ на зло хрѣтианѣ всѣмь . и ѣгрьскому королю . ѡ тѣзи словѣ мои (10:) ро-
дителю, волѣ еси . азѣ сѣ твои прави прѣмѣѣи, и ѡ перко . и ниѣѣ . а ѡ тѣзи
мѣ(11:)ѣи, не ѣѣ ничѣ . и твои сѣ . и мои дѣца которѣи сѣ, еси твои аѣ-
пѣи , и дѣца . како (12:) и мои . нѣ твои послѣи какѣѣ ходѣиѣ посрѣдѣ ѣгрь .
дакѣи сѣ . и ѡ себе что мѣвѣи . ѣѣ (13:) ѡ мене, ни ѣдно слово ни кѣ кѣгрь .

ниже кон листь нѣкъ послѣ . аще ли не вѣруѣ . (14:) како ти повѣдучѣ . а ти
вѣпрашан утрѣ, аще будѣ, послѣ мон листьови; ѿни ти (15:) тѣ повѣдати . аще
ли не будѣ тако же ѣ . а ти са щѣ укрѣрити . писѣ си листь, ѣ (16:) гюргѣву го-
роду . мѣа двгуста . і днѣ : — Під текстом підпис в'яззю (монограма):

(17:) + ІѦ МІРЧІА ВѦВѦВѦ | МІТІА БЖІѦА ГПѦ.

In dorso така адреса тею самою рукою: «†, моему родителю великому коло-
диславу (2:) королю . пѣскы кракѣски . сѣдомѣ(6:)ски . лѣчѣски . кѣжески . ли-
тѣски . (4:) помѣски . колодимѣски . смолѣски . по(5:)лѣски . подѣски . ѿ руски .
ѿ ѿнѣи мно(6:)гѣи земля господѣ : —

ПРИМІТКИ. Розпочинається грамота по хресті маленьким ѿ, а потім за 0,3 см йде ѣ
3: Слово лѣчѣски, цеб-то «лончишки» читається зовсім легко й виразно. 5: В слові господѣ
буква Ѧ по п маленька й залита, як крапка. 5: Написано лѣнѣ, а над ними дописано стѣ.
6: ѿти ясно й читко. 12: цей рядок на складці, тому де-не-де читається тяжче; тут же
й дірочки; лінія зложення направо підноситься і переходить на 11-й рядок. 12: нѣ читається
зовсім ясно. 12: в слові послѣ дірочка на складці забрала с. 12: како сѣ, тут сѣ написане
зверху над ко. 12: хѣднѣ сіс. 12: Поміж словами поскѣдѣ утрѣ і вище дірка тут найбільша,
через неї зник верх от у, але проте добре знати, що це було дійсно у. 13: В слові ѿ
титло звичайної тут форми, майже як проста лінія. 13: кон, ясно й читко, але над Ѧ і трохи
ліворуч малесенька дірочка, що при фотографуванні може зробити в Ѧ інше — ѣ або ѣ,
чому Калужняцький дав кѣ. 14: По листьови рисочка зверху, а трохи під рядком перети-
ночка. 15: над ѣ трохи вигнуте титло. 16: В кінці листа, як то часто буває в грамотах,
дві крапки й перекреслена лінія. 17: Підпис воеводи Мирчі розпочинається хрисмоном
звичайної форми; в в'язі «мирча» добре читається тільки МР; на кінці ясно тільки ГПѦ,
а над ним мале винесене с, над ним д; підпис кінчиться неясним знаком — чито кінець
в'язі «господарь», чи може нова літера Б?

III.

*Присяжна грамота воеводи басарабського Мирчі
на вірність королю польсько-литовському Володиславу, 23 вересня 1403 року,
з Джурджова.*

Пергамен, що на нім писано грамоту, міцний, досить грубий, забруджений, на нім
багато маленьких плямок, ніби від вогкості або недоброго виробу. Праворуч на зломі
дірка між 12 і 13 рядком на 4,3 см довга. Розмір пергамену: широкий на 37,2 см, високий
на 23,8 см. Грамота зложена 4 × 2. Залому долі нема.

Текст складається з 14 рядків, широкість його 29,6 см, висота — 14,9 см. Хрисмону
на початку нема, грамота розпочинається на 0,8 см висоти БѦ, що займає два рядки
тексту, написане просто, без прикрас. Початкові рядки тексту не йдуть рівно.

Під текстом, яко 15-й рядок, уміщено підпис воеводи Мирчі, що ділиться на дві частині,
праву й ліву. Підпис писано високими на 5 см літерами, писано в'яззю (монограма),
зовсім чорним чорнилом, що не втратило своєї свіжості й тепер; від чорнила тексту воно
дуже відмінне. Зліва коло 4—10 рядків тексту стоять крапки чорним, як і підпис, чорни-
лом. Лінування пергамену ніде не знати.

Маргінеси малі: верхній 2,9 см, лівий 3,5 см, правий 4 см, долішній 6,5 см. Долі, поміж
частинами підпису, печатка XIX ст. зеленою фарбою: «МОСК. ГЛ. АРХИВЪ М. И. Д.».

Долі, до краю пергамену (але без залому) привішено на товстім (шовковім) темно-синім шнуркові малу воевідську печатку. Довжина шнурка від початку до печатки 25,5 см, за печаткою кінці шнурка роздвоюються і йдуть на 26,2 см і 25,5 см. Діаметр окладу печатки 5,3 см, висота 3,5 см, оклад з сірого воску; в окладі на 0,7 см глибини червона печатка овальної форми, $2,7 \times 2,2$ см. На печатці посередині знати дві голови в коронах, звернені до себе, між ними віточка; кругом в подвійних лініях підпис (легенда) манерними літерами: + MIRCIHA VOIVODA.*

На звороті грамоти латинський зміст її два рази, з XVIII-го віку, написано рік 1403, і №№ 5 і 6. Підпис воеводи просвітлюється й на звороті.

Писано грамоту піставним письмом, трохи похиленим направо. Письмо негарне, нестаранне, з скорописними додатками. Чорнило зблідло, пожовкло. Висота літер 1,3—1,8 mm. Замітки про форму окремих літер: *a* має праву лінію опущену під рядок; в *b* недописаний низ, часом ніби *F*; в характерне — чотирикутник з гачком справа, а часом чотирикутник цей не має долішнього закриття; *d* з довгими ніжками дотолу, *ж* піставне, ліва лінія часом проста або мало вигнута, а права вигнута, правий і лівий боки не торкаються середнього стовпчика; у *z* хвіст просто дотолу; *и* уставної форми — перекладина рівно посередині; *o* часом нагадує *a*, а часом з двох рівних ліній, плутається з *z*; *а* різної форми, але без середньої поземі лінії, середня простовісна лінія приписується до лінії правої, що часом може бути поземною; у *z* долішня головка недописана, схожа на нашу 7 з рискою справа; у *b* головка не має з'єднання долі; *ч* або однокло, або розщиплена палочка, як *v*; скрізь *ч*, при тому з такої форми, як описано вище; *є* і *е* не розрізняються, скрізь кругленьке *є*; *ѣ* або звичайної форми, або це перекреслена простовісна лінія, і тоді її легко змішати з *а*. Майже по кожному слові поставлено серединну крапку, не часта крапка горішня, рідка долішня; часто крапки насилу помітні. Діакритичних знаків зовсім нема; кінцева приголосна слова чи складу виноситься над рядок, але не скрізь; винесені літери, особливо *м*, часто не мають покриття. Титло має форму довгої тонесенької лінії простої, або трохи зігнутої, з слабеньким начавленням на кінці або без нього.

Грамоту писано «оу чжурзвєк», 1403 р., писано «оу недѣ по свѣтѣ маѣтнѣ», це треба розуміти по календарю католицькому, — 21 вересня, що в 1403 р. припадало на п'ятницю, отже ближча неділя буде 23 вересня; по календарю «руському» це буде друга неділя по Здвиженні, що в 1403 р. було в п'ятницю 14 вересня. По православному календарю ап. Матвія 16 листопада. Грамота наша — перша грамота серед усіх грамот Мирчі I, що докладно датована; крім цього, серед усіх грамот вона єдина, що має дату не від сотворення світу, але від народження Христа; як знаємо, так само роблено і в Молдавії: грамоти зовнішні частіше датовано від Різдва Христового, а внутрішні — від Сотворення Світу.

Першим видав цю грамоту проф. Н. МУРЗАКЕВИЧ в «Записки Одесского Общества истории и древностей» т. IV, отд. 2—3, 1860 р. ст. 322. Видання це (гражданкою) не передає докладно оригіналу, бо тут: 1. титла розкриті, 2. знаки розділові та великі літери поставлені по сучасному, 3. замість *ѣ* *а* оригіналу дано *и*, *я*, 4. винесені літери внесено до рядка, і часом ще й додано *з* чи *ь*, 5. в виданні Мурзакевича не бракує й помилок; так зам. *земля бесарабскоѣ*, *хрестьянская*, *ани*, *владиславу*, *а велики*, *акѣса*, *помяти*, *оузрюшоти*, *оузрюшвати*, *потвержѣ*, *хѣта*, *ста*, *иу*, *ѣжж* він дає: *земли Бесарабскоѣ*, *хрестьянская*, *ни*, *Владиславу*, *и велии*, *якося*, *помяти*, *оузрю моги*, *оузрю мевати*, *потверженьє*, *Хреста*, *сто*, *Иоанѣ*, *Божїа*. Докладної дати (23 вересня) Мурзакевич не подав, слова *нѣтѣса* не відчитав.

В зазначеній вище праці 1887 р. В. А. УЛЯНИЦЬКИЙ на ст. 13—14 під № 16 так само

* Калужняцький читає на початку BANUS, а цього нема. Позостале письмо на печатці дуже невиразне. Написи на печатці Мирчі звичайно латинкою. Так, в Archiwum Głównе в Варшаві зберігається кілька латинських грамот воеводи Мирчі 1389, 1390, 1391, 1396 і 1411 років (видрукувані ще в т. I у Догеля), — всі вони мають легенду латинською мовою, але кирилівські ініціали поза гербом (ворон, хрест, сонце й місяць): М Р Ч Я; тільки латинська грамота 1396 р. має таку кирилівську легенду напечатці: + СЫ ХРИСТОУА ІОУБЯНІ БОБЕОДЖ МИРЧИ (останнє слово монограмою) БЪСЕН УГТРОБАХИ. — В нашій грамоті 1403 р. початок легенди нагадує й І О ІВАНІ.

ПРИМІТКИ. 1: В слові *кѣѣ* кінець *ѣ* або тільки початок *ж* стерті. 1: В слові *воєвода* перше *о* написано так, що трохи нагадує *а*, але без правої ніжки; таке *о* тут часте. 2: В слові *оестѣаю* початкове *о* овальне і має крапку в середині. 4: В слові *нѣжѣ* початкове *н* трохи відступає від дальшого. 5: В слові *Бладиславу* буква *о* по *ка* запливла від чорнила. 7: *ако*, *а* над ним зверху звичайної тут форми широкіє *ж*. 7: В слові *нашѣ* до кінцевого *ѣ* іншим чорним чорнилом додано *і*, так що стало ніби *нашы* або *наши*. 10: *оузиюшети сіс*, по *ш* ясне *о*, нічим не похоже на *а*, тільки ліве плече від *т* торкається цього *о*. 12: *потверѣѣ*, по *ж* тут скорі *ѣ* ніж *а*. 13: *оу чжюзеѣ* читається виразно, лише *ю* трохи стерте. 13: *оу неді*, винесене *а* тут дуже витерте, майже не видне. 13: по *оузвѣѣѣ* *сіс*, *а* над словом нема. 13: *хрѣта сіс*. 14: *рѣтва сіс*, тут дві початкові лінії від *ж* мають форму ніби *о*, але такого *о* тут ніде нема. 14: *ста*, кінцеве *а* слабенько видно, але знати праву опущену під рядок частину, *а* це говорить за *а*. 14: Кінчиться грамота двома значками ніби *з* перевернуте. 15: Підпис воєводи зроблено іншим, дуже чорним чорнилом; літери фігурні, дуже гарненькі, *а* форма їх зовсім та, що і в грамоті з 10 серпня, але комбінації в'язі (монограма) трохи відмінні; так, тут ясно розібрати *мирча* (в першій лише *мр*). Як і в першій грамоті, підпис кінчиться неясним мені значком (*ѣ*? *ѣ*? *ѣ*?), *а* починається хрестом.

Я навмисне трохи докладніше спинявся над якістю попередніх видань цих двох грамот, щоби тим показати, як взагалі неточно видаваю в нас пам'ятки, бо ж так само стоїть справа зо всіма попередніми старшими виданнями. Особливо непоталанило молдавським грамотам: їх часто видавано, але все дуже недбало або неточно.³ Спокійно користати з цих видань, напр. для цілів лінгвістичних, зовсім не можна, бо дослідник постійно наражений тут на найріжніщі недокладності видавців. Звичайно пам'ятки видавано, аби тільки по-знайомити істориків з їх змістом, не беручи на увагу потреби інших наук, напр. лінгвістики, палеографії, дипломатики і ін. Ось приклади такого видання лише з вищевиданих двох грамот: в молдавських грамотах буква *о* частенько пишеться дуже подібно до *а* (букви ці різняться лише тим, що *а* має справа довгу ніжку), через що, напр., В. Уляницький в своїм виданні 1887 р. № 16 пише *ваєвода*, хоч в оригіналі *воєвода*; таких прикладів можна подати не мало, але дуже помилився б той, хто прийняв би ці форми за акання (а це вже робиться). Пор. ще у Калужняцького по *Мацію*, тоді як в оригіналі по *мацін*; у Уляницького № 1 *великои* зам. *великии*, *Росства* зам. *рѣтва*, *мои* . . . *а не псеи* зам. *анепси*, або у Милетича *ѣгрьскомѣ* зам. *угрьскомуу* і т. п. Це приклади з перевірки тільки двох актів, а їх же тисячі . . . Чи ж можна в лінгвістичних працях покладатися на подібні видання?

Особливо досикульно відчувається те, що видавці звичайно не зазначали винесених літер: вони їх вносили суб'єктивно до рядка, часто ще додаючи по них якихсь літер по впадоби. Навіть краще видання молдавських грамот: «Documentele lui Ștefan cel Mare» т. т. I—II, 1913 р., Івана Богдана зовсім непридатне для лінгвістичних дослідів, бо на кожній кроці має суб'єктивні додатки, нічим не зазначені.

Працівники на полі слов'янської лінгвістики мусять, нарешті, рішуче піднести свій голос, щоби пам'ятки видавалися з додержанням усіх наукових

³ Див. мою працю: «Як видавати молдавські грамоти» в Яськім Архіва.

вимог, і то так, щоби з цих видань міг спокійно скористати й лінгвіст. Справа реедиції давніх видань кирилівських актів мусить стати черговим завданням нашої науки.

IV.

Не дивлючись на малий розмір обох грамот, вони дуже цінні також і своєю мовою. Кидається в вічі, що перша грамота (I), від 10 серпня, має багато болгаризмів, тоді як друга (II), з 1403 року, багата на українізми та полонізми; отож, писали їх не тільки різні писарі, але писарі, що писали під різними впливами.

Болгарські ознаки сильно виражені в грамоті I, а в II їх майже нема. Подам тут хоч важніше. Часточка *-зи*: *ѡ тѣзи* 9, *ѡ тѣзи* 10. N¹ прикметників на *-и* зам. *-ий*: *пави* 10, *пѣски* 3, *кракѣски* 3, *сѹдомирски* 3 і т. п., хоч могло це бути тут і полонізмом. G¹ *земи* 1, але в II *земле* 1, хоч і в II маємо *изъѡкамъ* 1—2. I³ с *тѹркови* 8. Дієслівні форми: *повѣдѹѡѣ* 14, *изъѡкамъ* 1—2, *Part³* *послѣ хѹдиѡѣ* 12, *Fut.* а ти *сѡ щѣ ѹѣкрѣти* 15, *сѡмъ повѣдѹѡѣ* 6, *тѡи сѣ* 11, *азъ сѣ* *тѡи* 10, *сѹ* 11. 12, *сѹѣ* 11. Окремі слова: N³ *дѣца* 11 bis, *ѡти quod* 6. 7; слово *анѣпси* 11 (*ἀνεψιός*, *consobrinus*) відоме в болгарських грамотах здавна, див. Г. Ильинский: Грамоты болгарскихъ царей, М. 1911 р. ст. 127. Форма *нж* 12 частіше болгарська.

Болгарський вплив, що увесь час був дуже сильним у Валахії, сильно відбився й на правописові грамот, знову таки, головно на першій. Так, тут панує *ь*, напр.: *азъ* 10, *листь* 15. 5, *къѡкигнѣѣ* 8, *къпраши* 14, *къ прѡѡзньство* 8, *къ вжгрѣ* 13, *къ мнѣ* 5, *сѡ жалостиѡ* 6, *сѡдѣниѣ* 8. Ірраціональна *ь* ставиться по плавній *л* чи *р*: *ѡ мѡви* 10—11, *мѡвили* 12, *самодръѡкнѡи* 1, *ѹгрскѣ* 6, *ѹгрскомѹ* 7. 9, — все приклади з I грамоти. Як бачимо, тирновський євфиміїв правопис рано защепився до валашських канцелярій; у цей час в молдавських канцеляріях його стільки не було.⁴

На болгарський вплив треба зарахувати й уживання *ж*, що в I грамоті уживається два рази: *нж* 12, *къ вжгрѣ* 13; уживання *ѣ* по *р*: *посрѣдѣ* 12.

Воевода Мирча Великий, як знаємо, був в близьких стосунках з Польщею, і *польські впливи* в Валахії на той час були досить помітними; в грамоті Брашовянам *sine appo* на вільну торгівлю польським і литовським купцям Мирча пише: «ѡт зѡмѡ родитѣѣ и брата господства ми Владислава кралѣ ѡт Лѡѡ и прѣгарѣѡ ѡт зѡмѡ брата господства ми великѡго княза Ёнтолта».⁵ Це все й відбивалося на вовідській канцелярії, особливо ж на тих листах, що писалися до Польщі. Впливала на Валахію й Молдавія, що так само знаходилася під великим польським впливом. Взагалі ж треба зазначити, що в Молдавії й Валахії грамоти зовнішнього характеру різко відрізнялися від грамот

⁴ Див. мою статтю: Дві найстарші молдавські кирилівські грамоти 1388, р. в «Slavia».

⁵ Цитую з видання Л. Милетича, «Сборникъ за нар. ум.» т. IX ст. 328.

внутрішніх: політичні акти звичайно застосовуються до вимог дипломатики тих держав, до яких їх посилено. Ось через це в наших грамотах помічаємо й польський вплив, хоч і не великий, головню в II грамоті. Це будуть форми з *ро*, *ло* (замість *оро*, *оло* чи *ра*, *ла*): *крѣ* D¹ II 6. 9, *владислаку* D¹ II 5. 8; форми з *ц* зам. *т*, напр.: по *мацѣи* II 13, *трѣцего* II 14; полонізм і форма по *руску* II 13. До полонізмів треба зарахувати й окремі слова II грамоти: *амень* 14, *велебному* 5, *подлугъ* 9, *славуємо* 3, *слуѣємо* 5, *слуѣуємо* 11.⁶

Але найсильніше відбився на обох грамотах воєводи Мирчі, а особливо знову на другій, *вплив український*, чи по тодішній термінології — *руський*.⁷ Вплив цей ішов до Валахії і через польські взаємини, і через стосунки з Молдавією, де офіційною мовою канцелярій була мова «руська» (цеб-то тогочасна українська); ішов цей вплив до Валахії й безпосередньо від українського народу, — з Галичини та Закарпаття.

Тільки під українським впливом в обох грамотах маємо повноголосні форми, напр. в I грамоті: *колодимѣски* 4, D¹ *колодислаку* 3, D³ *заполонійскі* 2, *королю* D¹ 3. 7. 9, *сторонѣ* D³ 2; II грамота: *напередъ* 8. Під цим же впливом вокалізована ірраціональна стоїть перед плавною: II грамота: *держати* 9. 11, *сдержати* 7, *перко* 10, *потвержѣ* 12, і навіть в I-й: *перко* 10. В *-рѣ-* (зам. *-ере-*) не пишеться *ѣ*: *предѣ* II 2. 8. Уживання в G¹ жіночого рода прикметників кінцівки *-овѣ* або *-ои* також риса українська: *вєсарѣвскоѣ* II 1, *вѣжѣ* II 1. 6, *хрєстѣаньскоѣ* II 9, *вєсарѣскои* I 1. Сюди ж віднесу слова з *ж*, *ч* зам. *жд*, *ц*, напр.: *принужени* II 4, *будучи* II 3; *оскѣчаю* II 2 певне з *оскѣдчаю*. Форми D¹ на *-ови*, *-еви*: *листоки* I 8. 14, *господарєки* II 6, *приятєлки* II 7. Скоріше українським впливом можна пояснити форми: *нєстѣсѣ* II 1, *чєсного* II 13. Панування палятального *ш* в II грамоті: *нашѣ* 12, *нашю* 12, *нашѣ* A³ 7; пор. палатальність *ш* в говірках Буковини та Гуцульщини. В обох грамотах багато слів, добре знаних в мові українській, напр. I грамота: *господѣ* 1, *нѣдѣ* 1, *листь* 15. 5, *листоки* 7, *прїѣзнь* 5, *прїѣзньство* 8, *ѣжѣ* 14—15 і др., в II грамоті: *господарѣ* 1, *нѣдѣ* 1, *ємо казали* 12, *листь* 12. 13, *листь* J¹ 2. 5, *листь* A³ 7, *прислѣокани* N³ 4, *приятѣ* D¹ 8, *чтучи* 2 і т. п. Цікава форма *потвержѣ*, з т. зв. *ѣ*, так само вказує на український вплив.

Не мало маємо в обох грамотах таких рис, що спільні українській і болгарській мовам, напр. поплутання *вѣ—оу*, головню в II грамоті: *кѣ* *имѣ* 1, але: *оу* *листь* 10, *у* *листь* 8, *оу* *городѣ* 13, *оу* *нѣдѣ* 13, *оу* *чжурзєки* 13, *оу* *се* 10. 11, по *оу* *звєжєи* 13, з I грамоти: *у* *городу* 16; поплутання *и—и*, напр. *ти* (зам. *тѣ*) I 14. 15 (форма *нинѣ* I 10 — це часта в старих пам'ятка взагалі форма);

⁶ В українських і молдавських грамотах XIV віку помічаємо досить сильний польський вплив. Джерел для вивчення історії польської мови за XIV століття дуже мало, а тому ці українські й молдавські грамоти XIV віку — цінне джерело й для історії польської мови; як бачимо, до них треба додати ще й грамоти валашські. З цього погляду тих грамот польська наука ще не досліджувала.

⁷ Д-р Л. Милетич («Сборникъ за народни умотворения», 1893 р. т. IX ст. 298) правдиво каже про цю грамоту, що вона «писана малоруски».

протетичне *в*: *къ вѣгрѣ* I 13; дієслова на *-мо*: *хочемо* II 11 і др. Може українським впливом можна пояснити те, що в обох грамотах маємо форми тільки преіотовані: *хѣтѣиѣ* D³ I 9, *хрѣстьянська* II 4, *осѣѣчаю* II 2, *добра* II 5 і др.; в I грамоті маємо *азъ* 10 і *ѣ* 11.

Як бачимо, український вплив дуже сильний в обох грамотах, особливо ж в грамоті з 1403 р. Та й писав цю другу грамоту українець, що в даті грамоти написав: *писѣ листъ* а по *руску* і т. д., — так написати міг лише «руський». Це ж свідчить, що в канцелярії воеводи Мирчі Великого працювали й українські писарі.⁸

Ріжні впливи так переплелися в двох наших грамотах воеводи Мирчі, що часом чужим словам надавалося болгарське закінчення, пор. D³ *пановѣ* I 7; в цім відношенні цікава форма D³ *городовѣ* I 2, зовсім болгарсько-українська. Ці й подібні форми яскраво свідчать про джерела культурних впливів в Валахії в кінці XIV-го — на початку XV-го віку.

Кидається в вічі надзвичайно малий вплив церковно-слов'янської мови, що в той час було звичайним і в грамотах молдавських.⁹

Щоби закінчити наш коротенький опис мови двох грамот Мирчі Старого, зазначу ще, що тут *ѣ* часом плутається з *ѣ*, як то часто було тоді в писаннях болгарських та молдавських, напр. *колѣрѣ* D³ I 6; або змішується з *ѣ*: *оу городѣ* *оу чжюрзѣ* *оу недѣ* II 13. По *ѣ*, *ѣ* маємо то *ѣ*, то *и*: *вѣлнѣи* N¹ I 1 — *вѣлнѣи* II 1, *многѣи* D³ I 2 — *многѣ* G³ I 5. II 6. Звук *дж* писарі ніяк не могли відповідно передати: перший пише *ѣ* *гюргѣу* 16, а другий *оу чжюрзѣ* 13. Ірраціональні *ѣ*, *ѣ* на цей час сильні — вокалізувалися, а слабі — позникали: *зѣ* I 9, *многѣ* I 6, *кто* II 2, *что* I 12, *чѣи* II 4, *вѣзо* *лѣти* II 3 і т. п.; цікаво, що *ѣ* в слові *вѣсъ* традиційно вперто держиться: *вѣсен* G¹ I 1, *вѣсъѣмъ* D³ 9; в молдавських грамотах, напр. це *ѣ* в цих словах послідовно тримається в XIV—XVI віках.

⁸ В «Slavia» 1931. р. т. IX кн. 4 ст. 824 проф. В. Розов про писаря цієї грамоти 1403 року виставляє тому гіпотезу: «Конечно, возможно, что текст грамоты был составлен в канцелярии Ягеллы, который и в качестве польского короля пользовался западнорусским языком, и лишь переписан чиновниками Мирчи.» Припущення, звичайно, можливе, але вже грамота з 10 серпня — а подібних грамот могло бути значно більше, тільки вони не дійшли до нашого часу — свідчить, що ці грамоти писано таки в канцелярії Мирчі, де для того був окремий писар. Шкода тільки, що В. Розов плутається в назвах мови для цих грамот («западнорусский язык литовской великокняжеской канцелярии», «русиизмы», «русское влияние» і т. п.), і подає фантастичну виписку кирилицею: *оу нашѣмъ городѣ* (гю вли дю) *вѣсе*, *треба*: *оу нашѣ* *городѣ* *оу чжюрзѣ*.

⁹ Проф. А. Петров в нововиданій праці: «Древнѣйшія грамоты по истории Карпато-русской церкви и иерархии 1391—1498 г.» 1930 р. на ст. 102—104 заглядно перебільшує впливи церковно-слов'янської мови, особливо у Румун. По канцеляріях вплив цієї мови все був невеликий.

V.

Подаю тепер Словничка до описаних двох грамот. Цифра визначає рядок грамоти; а коли вона по середнику (;), то стосується до грамоти з 1403 р., а до середника — до грамоти з 10-го серпня.

Скорочення: N — nominativus, G — genetivus, D — dativus, A — accusativus, V — vocativus, I — instrumentalis, L — locativus; цифра вгорі визначає число: 1 одина, 2 двійня і Змножина. Формула, напр., G³ — genetivus pluralis.

а ст: великому · а велии · милому; 7.

азъ 10

амень; 14

ани; 4

анепен N³ 11 (анепен з гр. ἀνεψιός, consobrinus).

аще 13. 14. 15

басарѣскои G¹ 1

безо лсти; 3.

бесарабьскоѣ G¹; 1

бѣжѣ G¹; 1. 6

бѹдѹчий; 3.

болѣрѣ D³ 6.

великому D¹ 5.

великий N¹ 1

великии N¹; 1

велии; 7.

володиславу D¹; 5. 8

воевода 1; 1.

волѣ еси 10

володимѣски 4

володиславу D¹ 3

вжгрѣ D³ 13

вѣ 11

вѣруѣ 13

възвигнете 8

въпрашан Imp^{rt} 14

въсен G¹ 1, въскмъ D³ 9.

въ имѣ; 1

въ прѣзныство 8.

городѣ: оу городе L¹; 13 — у городу

16 — D³ городовѣ 2.

господарѣ; 1 — господѣ 1 — D¹ госпо-
дареки; 6

гюргеву L¹ 16

давно 12

держати; 9. 11

дрѣжѣнъи N¹ 1.

дѣца N³ 11 bis.

ѣдно N¹ 13.

еси писалъ 5, послѣ еси 8, волѣ еси 10,

ѣ est 15, смъ есмо записали; 8 — есмо

казали; 12 — дали есмъ; 12 — есѹ

sunt 11.

жалостна 6

завѣсити печѣ; 12.

записы A³; 7.

заполонѣскѣ D³ 2.

земн G¹ 1 — G¹ земле; 1 — G³ земля 5.

-зи: w тѣзи 9, w тѣзи 10.

зло A¹ 9.

ѣвѣ 1; 1.

изъѣвѣмъ; 1—2.

инъи G³ 4.

истѣсмъ; 1.

казали есмо; 12.

како 11. 12. 14.

кон A¹ 13.

коли; 10

королю D¹ 3. 7. 9 — D¹ крѣ; 6. 9.

крѣпко; 9.

крѣпость; 11.

къ мнѣ 5, къ вжгрѣ 13.

листъ 15. 5 — листъ; 12. 13 — I¹

листѣ; 2. 5 — A³ листы; 7 — A³

листои 8. 14 — I³ листои 7 — L³

оу листѣ; 8 — L³ оу листѣ; 10

лсти G¹; 3.

по мацѣи; 13
 мене A¹ 6.
 мирча 1; 1.
 мавка (fama): ѿ тѣхъ мавки 10—11
 мавкини 12.
 многѣ G³ 5; 6 — D³ многѣй 2.
 мнѣ D¹ 6.
 напередѣ; 8.
 нашъ; 12 — A¹ нашу; 12 — A³ нашѣ; 7.
 оу недѣ A¹; 13
 непорюшено; 9
 николн; 10. 11.
 нинѣ 10.
 нѣжъ; 4.
 нѣѣ послѣ 13, нѣ 13.
 нж 12.
 пановѣ D³ 7.
 перко 10; 10
 печѣ; 12
 по мацѣи; 13 — по рѣску; 13 — по
 оузежѣи; 13.
 повѣдѣѣ 14
 подлѣгѣ веры; 9.
 полнитн; 7. 9. 11.
 порюшено; 9.
 послѣ N³ 12.
 посрѣдѣ 12.
 потвержѣ; 12.
 правн N¹ 10.
 предѣ; 2. 8.
 принуужени N³; 4.
 присиловани N³; 4
 прѣзнь 5.
 прѣзньство A¹ 8.
 прѣѣ N¹ 10 — D¹ прѣѣтели; 7 —
 D¹ прѣѣ; 8.
 разъ I³; 3. 10.
 рать 9
 родителю D¹ 2—3, V¹ 10.
 самодръжѣвнн N¹ 1
 сдержати; 7.
 сеѣ G¹ 12.
 си N¹ 15.

слюбѣмо; 3 — слѣбѣмо; 5 — слѣ-
 бѣмо; 11.
 д · ста; 14
 стонтѣ; 10.
 сторонѣ D³ 2
 сѣ sup 11. 12
 съ жалостна 6.
 съѣдинѣ 8.
 съмъ повѣдѣ 6, тѣон сѣ 11, азъ сѣ тѣон
 прѣѣ 10.
 ти (= тѣ) N¹ 14. 15.
 ти D¹ 14.
 тоѣ A¹; 5.
 трѣѣго G¹; 14
 с тѣркови 8.
 тѣрскѣ D³ 2.
 тѣмъ I¹; 2 — A³ тѣмъ; 7 — I³
 тѣмн; 2—3. 10.
 оу городе L¹; 13 — L¹ ѣ городе 16
 — L³ оу листѣ; 8 — L³ оу листѣ; 10
 — A¹ оу недѣ; 13 — оу чжорзеѣ; 13.
 ѣгрѣ A³ 14, ѣгрѣ 12.
 ѣгрѣскомѣ D¹ 7. 9, D³ ѣгрѣскѣ 6.
 по оузежѣи; 13
 оузнаѣмн Pr 3¹.
 оузрюшоти (оузрюшати); 10 — оузрю-
 шекати; 11.
 оуѣ; 10. 11.
 ѣдиѣ сѣ Part³ 12.
 ѣчѣмо; 11.
 ѣрѣстѣмнѣскаѣ; 4 — G¹ ѣрѣстѣмнѣ-
 скоѣ; 9.
 ѣртѣѣѣ 9.
 ѣѣ 14—15.
 ѣсѣного G¹ 13
 оу чжорзеѣ L¹; 13.
 чти L¹; 4
 чтѣчи; 2.
 что 12.
 сѣ ѣѣ ѣѣѣѣ 15.
 ѣ 11.
 ѣскѣчаю; 2
 ѣѣ quod 6. 7.

DEUX CHARTES DU VOËVODE DE VALACHIE IVAN MIRČA
LE GRAND.*(Résumé.)*

Dans l'Archivum Głównie à Varsovie se sont conservées deux importantes et très intéressantes chartes du voévode de Valachie Ivan Mirča Ier l'Ancien. L'une de ces chartes est de l'an 1403, l'autre plus ancienne date à peu près de la fin du XIVème siècle. Ces chartes ont été déjà éditées plusieurs fois, mais avec peu de soins, ainsi qu'il paraît impossible de s'en servir dans des buts linguistiques. Je les réédite d'après leur original précisément aus sens paléographique et avec une description paléographique-diplomatique détaillée.

L'auteur s'occupe spécialement en détails de la qualité des éditions antérieures de ces chartes pour démontrer en ceci le mauvais état d'édition des monuments cyrillo-méthodiques en général, car il en est de même avec toutes les éditions plus anciennes. Il paraît presque impossible de tirer quelque chose pour l'histoire de la langue et de la linguistique en général de ces éditions. C'est pour cela que la réédition des actes cyrilliques doit devenir un des devoirs actuels de la science. La langue des deux chartes valaques est extrêmement intéressante.

L'influence de l'ancien ukraïzien, qui se frayait chemin dans les chanceleries valaques de la Pologne, Moldavie, Galicie et Russie Subcarpathique, y apparaît, comme la plus considérable. L'influence bulgare s'y mêle aussi fortement: en ceci ces deux chartes sont aussi d'importance pour l'histoire de la langue bulgare. On remarque aussi dans les deux chartes l'influence polonaise.

Ces trois influences sont les trois courants principaux qui ont attribué à la formation de la civilisation valaque au XIV—XVème siècle. D'intérêt est que dans les deux chartes la langue paleoslave n'est presque pas à constater. L'orthographe démontre l'influence très signifiante de l'orthographe d'Euthyme de Tirnovo, ce qu'on retrouve à un moindre degré dans les actes moldaves de la même époque.

Un vocabulaire pour les deux chartes est donné à la fin de l'article.

M. A. ANDREEVA (Praha):

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ГАДАТЕЛЬНЫХ КНИГ.

ГЛАВА III.

Позднѣйшія византійскія, ново-греческія и славянскія гадательныя книги.

Предыдущая глава¹ была посвящена разбору коллекции гадательных книг VI-го вѣка, имѣвших хождение в высших слоях общества, стоящих у власти. Теперь предстоит изучить гадательныя книги, перешедшія в средніе круги читателей. Правда, онѣ встрѣчаются еще и в библиотекѣ царя, но онѣ приспособлены к болѣе широкому кругу читателей и утратили в значительной степени свою реальную связь с политической и общественной жизнью страны.

Прежде чѣм приступить к рассмотрѣнію отдѣльных предсказаній, как это было сдѣлано по отношенію к гадательным книгам VI-го вѣка, необходимо остановиться еще раз на источниках, нѣсколько дополнить греческій матеріал, попытаться уточнить соотношеніе греческих и славянских переводных книг, наконец, приблизительно намѣтить время возникновенія этих переводов.

К сожалѣнію коллекція «Catalogus codicum astrologorum graecorum» была полностью мнѣ недоступна. Придется ограничиться одним X-ым томом — каталогом аѳинских рукописей, изданным DELATTE,² который мнѣ удалось изучить, как и увидѣть самыя рукописи на мѣстѣ в Аѳинах, прошлой осенью.

В первой главѣ этой работы³ я подробно остановилась на двух греческих Громниках: 1. пространном, римской редакціи, изданным БЮНШЕМ и 2. восточной, по прохожденію луны по Зодіаку, изданным ЯГИЧЕМ.⁴ Второй стоит особняком, т. к. в встрѣчающихся греческих и славянских Громниках преобладает «египетско-александрійскій» тип, по прохожденію солнца по Зодіаку. В большинствѣ случаев его тексту пред-

¹ М. Андреева, Введение, гл. I, Источники, изданія и разработка вопроса в научной литературѣ. Byzantinoslavica II/1, p. 47—72; гл. II. Византійскія гадательныя книги VI-го вѣка. Byzantinoslavica II/2, p. 395—414.

² Catalogus codicum astrologorum graecorum. Codices Athenienses descripsit Amandus Delatte. t. X. Bruxelles 1924.

³ Андреева, op. c., гл. I. p. 65—66.

⁴ V. Jagić, Opisi i izvodi iz nekolicke južno-slovinskih rukopisa. XVI. Sredovječni liekovi, gatanija i vraćanja. Starine X. p. 123—124.

шествует таблица распределения дней каждого месяца по отдельным знакам Зодиака.

К этому типу принадлежат несколько Громников Афинской Публичной Библиотеки. Это в первую голову упомянутый еще акад. Перетцом Громник из № 462, XVII вѣка.⁵ Текст его не совпадает с изданным Тихонравовым. Предсказания по большей части политического характера, но очень общесоставлены.⁶

Большую близость к так называемому Громнику царя Ираклия, изданному у ТИХОНРАВОВА (См. стр. 71, гл. I этой работы, и приложение I) являют два Громника XIX-го вѣка. Первый из Cod. 1275, известный под заглавием: 'Ηρακλείου τοῦ σωφιστοῦ πίναξ τοῦ βροντολογίου καὶ σεισμολογίου τῶν ἰβ' μηνῶν, начинается с сентября,⁷ но в предсказаниях некоторых месяцев указывает на несомненную связь с тихонравовским. Конечно, новогреческий список XIX вѣка и славянский переводный XV-го вѣка значительно разошлись, но кое-что из предсказаний первоначальной редакции сохранилось.

Cod. Atheniensis № 1275.

DELATTE, op. c. p. 131.

Ἰχθυῖες, ἐὰν βροντήσῃ, σίτου φθορὰν κατὰ τόπον δηλοῖ, ὀλίγον δὲ σάλον καὶ κίνδυνον εἰς τὴν οἰκουμένην τοῖς ἀνθρώποις· ἐν τῇ Πόλει λιμὸν καὶ ἀπώλειαν δηλοῖ. καὶ ἐν τῇ ἀνατολῇ χαρὰ βασιλείας.

Другой Громник того же типа указывает также на некоторое сходство. (Cod. 1350.) Привожу для сравнения предсказания на знак Дѣвы. Этот Громник далеко отстоит от славянского: в нем гораздо больше географических определений. Отдаленное родство все же возможно отметить в некоторых местах.

Cod. Atheniensis № 1350.

DELATTE, op. c., p. 140.

α'. Παρθένος. Ἐὰν βροντήσῃ Αἰγυπτίαν πόλεμοι· πλοίων κίνδυνος, ὁσπρίων καὶ κρητῆς πλῆθος. ἰχθυῶν κράτησις· ἄνεμοι ἀκατάστατοι· χειμῶν ὄψιμος· ψυχρὰ πολλὴ καὶ σίτος ὀλίγον. — εἰ δὲ σεισμὸς γένη νόσοι πολλοὶ καὶ θάνατοι.

По количеству же географических названий и началу со знака Дѣвы вышеупомянутый Громник являет большое сходство с Громником № 778, XVII-го вѣка и принадлежит к той же редакции.

Чешск. Музея № 70.

(Serb. 14, Ходошская, л. 177 об. — 178.)

Ище въ число рѣкѣ погрѣмъ · пшенице тлѣ кажѣ · по мѣстом же въсѣ мѣка не мала · ѡ вѣда въсѣ члѣкѣ · ѡ въ црнградѣ глѣ ѡ па[гѣ]ка · · · · · ѡ възрастеніе костѣннѣ мѣстѣ, ѡ странѣ црѣ.

⁵ Перетц, Материалы к истории апокрифа и легенды. I. К истории Громника. СПбг. 1899, p. 30.

⁶ Delatte, Catalogus, p. 4, 58 sq.

⁷ Ibidem, p. 144.

В той же рукописи сохранился Громник римскаго типа Ζύγι τῶν ἰβ' μηνῶν, заключающій в себѣ предсказанія по землетрясенію днем и ночью, солнечным и лунным затменіям, небесным знаменіям, окруженію луны, и грому днем и ночью.⁸ Нѣкоторыя из этих предсказаній можно встрѣтить и в других сборных Громниках этого типа. Для сравненія привожу отрывок, имѣющійся также в Громникѣ XV вѣка, изданном WÜNSCH'ем,⁹ и в славянском переводном XVI вѣка.

В общем приходится констатировать, что разнообразіе гадательных книг, повидимому, уже не так велико. Гадательныя книги в конечном счетѣ могут свестись к нѣскольким основным типам и редакціям. Разнообразіе же получается, главным образом, от пристрастія составителей и переписчиков к различным комбинаціям того же матеріала.

Cod. Ambr. E. 81. XV sc.
WÜNSCH, op. c. p. 416.

Cod. Atheniensis. N° 1350.
DELATTE, op. c. p. 147.

Рук. Румянцев. Музея. N° 1735.
ПЕРЕТЦ, I. p. 62.

α'. Ὁκτώβριω ἐὰν φωνῇ
βροντῆς ἀκουσθῇ ἅ τοῦ μην-
νός, ἀνθρωπος μέγας ἀπο-
θνήσκει· καὶ ἐὰν ἐν ζ' ἢ ζ'
ἀκουσθῇ ὁ ἀρχηγός τῆς χώ-
ρας τελευτήσῃ· καὶ ἐὰν εἰς
τὴν η', οἱ καρποὶ τοῦ χρόνου
ἐκείνου ψυχῇσονται· καὶ
ἐὰν εἰς τὰς θ' ἀκουσθῇ, πᾶν
κακὸν ἔσται· καὶ ἐὰν εἰς τὰς
ἰα' ἀκουσθῇ κακῶς καὶ τότε
ἔσται· καὶ ἐὰν εἰς τὰς ἰβ',
ἀκρις φάγη τὴν εὐφορίαν
τοῦ χρόνου ἐκείνου· καὶ ἐὰν
εἰς τὰς ιγ' ἀκουσθῇ, καλὴ
ἡ εἰσοδος τοῦ σίτου καὶ τῆς
κριθῆς· καὶ ἐὰν εἰς τὰς ιδ'
ἀκουσθῇ, αἱ πολιτεῖαις τῆς
γῆς ἐκείνης ἄλλην χώραν
φεύγουσι· καὶ ἐὰν εἰς τὰς ιε'
δάστων ἐν τῷ γαζοφυλακίῳ
τοῦ βασιλέως ἔσται, καὶ ὁ
βασιλεὺς φεύγει ἐκ τῆς βα-
σιλείας αὐτοῦ· καὶ ἐὰν μετὰ
ῥ' ἕως λ' ἀκουσθῇ, πᾶν κα-
λὸν καὶ ἀγαθὸν ἔσται.

Μὴν Ὁκτώβριος. Ἐὰν
βροντῇ εἰς τὴν α', ἀν-
θρωπος μέγας ἀπολείται
θανάτῳ. ἂν εἰς β' (καὶ) γ',
πᾶν κακὸν γενήσεται· ἂν
εἰς δ' καὶ ε', ἀρχὸν τῆς χώ-
ρας ἐκείνης τελευτᾷ· καὶ ἂν
εἰς ζ' καὶ ζ', οἱ καρποὶ τοῦ
τόπου ψυχῇσονται· ἂν εἰς
ι' καὶ ια', σιτάρη καὶ κριθά-
ρια καλὰ. καὶ ἐὰν εἰς ιβ'
καὶ ιγ', ἀκριδὰ φάγη τοὺς
καρπούς· καὶ ἐὰν εἰς ιδ' καὶ
ιε', οἱ ἀνθρωποὶ τῆς χώρας
ἐκείνης φυγώσι· καὶ ἐὰν
ἀπὸ τὰς ις' ἕως τοῦ τέλους,
καιρὸς καλός.

Ἄще лн въ д' днѣ сего мѣ-
сѣ мнѣть до четврѣтаго ||
днѣ едины мѣсѣ великы ѿ
мѣсѣ оумрѣть. Ἄще лн ε'. Илн
з' · грѣмѣть силны црѣ
загнѣнѣ: ~ Ἄще лн ж' грѣ-
мѣть. Ἐзд велика въ лѣдѣ ·
и грѣздѣ и мѣдѣ мнѣство:
~ Ἄще лн. і · грѣмѣть въск-
жѣть мнѣго: ~ Ἄще лн, ді ·
грѣ · колѣбнѣи мнѣгы и ·
зѣдѣжѣть, нѣ зло не сѣтѣ-
рнѣть: ~ Ἄще лн, кі · колѣбнѣ-
и въсѣмъ жн' пѣкѣсть
сѣтѣрѣл и сѣжпѣта вѣ-
дѣть: ~ Ἄще лн, fı · въскѣ
жѣти мнѣжѣство · и въ-
скѣх лѣдѣмъ добродѣтель:
~ Ἄще лн, ді · црѣкѣм рѣз-
ны испранѣтѣм тѣ бѣзѣ и-
справѣ: ~ || Ἄще лн еі ·
въскѣмъ добро и мнѣство
блѣгѣ: ~

⁸ Ibidem, p. 144.

⁹ R. Wünsch, Zu Lydus de ostentis. Byzantinische Zeitschrift. 1896, t. V. p. 410 sq.

Всѣ три списка имѣют много общаго, как смерть великаго мужа, царя, появленіе кобылиц и т. д., всеже они различаются в деталях. Славянскій текст переведен с списка ближе стоящаго к греческому тексту XV вѣка. Греческая редакція XIX вѣка в свою очередь показывает большее сходство с славянским переводом по стилю. Мы имѣем здѣсь наглядный примѣръ того, как в позднѣйших греческих списках гадательных книг сохраняются в сокращенном и стилистически измѣненном видѣ болѣе древніе памятники. Слѣдует также отмѣтить, что новогреческій Громник, поскольку мнѣ удалось с ним познакомиться по аѳинским рукописям, перетерпѣлъ значительно меньше измѣненій в составѣ своих предсказаній, чѣм Громник и иныя гадательныя книги у славян. Этим измѣненіям и прибавленіям в славянских памятниках будет посвящена слѣдующая глава.

Возвращаясь к тексту, слѣдует обратить вниманіе на предсказаніе о газофилакіи — ризницѣ, которое выпало в ново-греческом текстѣ и не было понято славянским переводчиком или просто переписчиком. Дѣло в том, что в другом болѣе позднем списокѣ, рубежа XVII и XVIII вѣка, это мѣсто передано в выраженіях болѣе близких к греческому тексту а, именно, *ρίζνις ἡσπράζνεται ἄπραστος* (л. 155. Чеш. Музея № 23). Повидимому, переписчик пользовался болѣе древним и исправным текстом. Об этом можно судить также потому, что у него встрѣчается еще слитыми тексты I и II Громника рукописи 1735 Румянцевскаго музея.¹⁰ На этом я подробнѣе останавлиюсь в III приложеніи, издавая текст. Это обстоятельство ускользнуло от моего вниманія при писаніи первой главы.¹¹ Также слѣдует исправить, что Громник из Пражской рукописи № 23, соотвѣтствующій 3-му Румянцевскому кончается мѣсяцем маем. (См. прилож. II.)

Громник нѣсколько иного типа имѣется на лицо в *βροντολὼν καὶ σεισμολὼν* из рукописи 210, XVIII вѣка. Он составлен по Зодіаку, в началѣ предсказаній к каждому знаку указывается над какими странами он господствует.¹² Слѣдуют предсказанія по тому, когда гремит гром днем или ночью, и Сейсмологій. К нѣкоторым славянским Громникам прилагается особая табличка с указаніем соотвѣтствующей знаку Зодіака страны. Древнія названія стран замѣнены новыми болѣе близкими гадающему славянину. Напр. встрѣчается Дунай, Тырнов и т. д.¹³ Пыпин полагает, что это Громник того же типа как у Лиды.¹⁴ В греческом текстѣ эти

¹⁰ *Перетц*, I, p. 54—60.

¹¹ *Андреева*, op. c., сар. I, p. 69—70.

¹² *Delattre*, op. c., p. 203—211; p. 203 "Ἀρχὴ τοῦ Κροῦτοῦ ἔχει ὁ Κροῦτος τὴν μεγάλην Βαβυλῶνα καὶ τὴν Ἀραβίαν καὶ κυριεύει.

¹³ *Перетц*, I, p. 34. № VIII, IX; А. Н. Пыпин, Громовник. Архив истор. и практ. свѣдѣній относящихся к Россіи, изд. Н. Колачовым. СПбг. 1860, p. 8—12.

¹⁴ А. Пыпин, Замѣтки по литературной археологіи. Древности. Археологическій вѣстник. 1867—8,; май-іюнь. p. 116.

страны не соотвѣтствуют вполнѣ таблицѣ приведенной у Лида, но всеже указывают на какое-то отдаленное родство.¹⁵

Из иных гадательных книг в афинском каталогѣ приведены два Сейсмологія, один из них XVII-го вѣка из рукописи 778, в нем упоминаются измаилтяне, варвары и христiane,¹⁶ что указывает на позднѣйшую передѣлку. Тот же Сейсмологій сохранился в рукописи XIX вѣка 1275. Он приписывается царю Льву Мудрому.¹⁷ В нем много предсказаній, относящихся к столицѣ, т. е. к Константинополю.

Лунники также представлены. Один из них из рукописи XVI вѣка 1265 подает совѣты, что хорошо дѣлать во время нахождения луны у опредѣленнаго знака Зодіака. Напр., если у созвѣздія Рака, то время благоприятно для путешествій.¹⁸ Другой Лунник Давида или Соломона содержит различныя гаданія по лунѣ.¹⁹ В отдѣльныя гадательныя книги выдѣлены затменія солнца по Зодіаку (Cod. 1350, s. XIX) там же о появленіи на небѣ дуги.²⁰ Обычно эти предсказанія входят в состав сложных Громников, и трудно бывает опредѣлить есть ли это первоначальная простая редакція, или гаданіе выдѣлено из болѣе сложнаго комплекса.

Повидимому рукописи с греческими гадательными книгами, дошедшія до нас, относятся в большинствѣ случаев к XV до XIX-го вѣка включительно. Славянскія же рукописи за рѣдким исключеніем также не старше XV вѣка. Цѣнным исключеніем является отрывок Громовника из рукописи монаха Паисія, жившаго и писавшаго при болгарскихъ царяхъ Иванѣ Александрѣ и сынѣ его Михаилѣ Асѣнѣ, т. е. в первой половинѣ XIV вѣка.²¹ Это отрывок из сложнаго политическаго Громника I-го типа, предсказанія котораго затѣм вошли в болѣе поздніе Громники, так XVI вѣка, так и начала XVIII вѣка.²² Это дает нам также нѣкоторый матеріал для датировки позднѣйшихъ византийскихъ гадательныхъ книг.

Слѣдует также обратить вниманіе на тѣхъ лицъ, которымъ приписывается составленіе гадательныхъ книг. Это Зороастра из древнихъ, извѣстный в этой роли еще и Лиду,²³ из библейскихъ Моисей, Давид, Соломон и Ездра пророк, наконецъ, два византийскихъ царя — Ираклій и Лев Премудрый.

¹⁵ Delatte, p. 210 Ὁ δὲ Αἰγύπτιος ἔχει τὴν ἐξωτερὰν Ἰνδίαν καὶ τὴν Μαύρην θάλασσαν καὶ τὰ πλεῖστά τῆς Μεσημβρίας (καὶ) κυριεύει; Ср. Андреева, *op. c.*, сар. I. p. 63.

¹⁶ Delatte, *op. c.* p. 62, 63.

¹⁷ Ibidem, p. 135 Τέλος τοῦ σεισμολογίου τοῦ ιβ' μηνῶν τοῦ σοφωτάτου λέοντος τοῦ βασιλέως.

¹⁸ Ibidem, p. 9, 97.

¹⁹ Ibidem, p. 121.

²⁰ Ibidem, p. 142 Περί ἐκλείψεως Ἡλίου καὶ Σελήνης; p. 47 Προγνωστικά περὶ τόξον φανέντος ἐν οὐρανῷ.

²¹ Яцимирскій, *Мелкіе тексты*, p. 429—431. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. т. IV, 1899.

²² А. С. Архангельскій, *К исторіи южнославянской и древнерусской апокрифической литературы*. Изв. отд. рус. яз. и слов., т. IV. 1899. p. 137 sq. Крѣпника въсѣмъ лѣтъ; Часослов Чеш. Муз. № 23.

²³ Ioannis Lydi, de ostentis ed. Waksnuth, p. 614.

Зороастра — основателя маздейской религии считали также родоначальником астрономии вообще; принимали его за вавилонянина.²⁴ Халдеям не без основания приписывали гадание по небесным явлениям. Преемниками их в этой области являются персы: в летописях идущих от сотворения мира на их долю выпадает знание магии и астрономии. (См. прим. 24.)

Приобщение к авторству запрещенных церковью книг лиц библейских, явление болѣе позднее и относится вѣроятно ко времени, когда церковь начинает усиленно вести борьбу с гаданиями. Давид и Соломон, как авторы нравоучительнаго Лунника, не вызывают особаго недоумѣнія. Не так уж трудно было приписать Моисею громовидѣнія, основываясь на разказах Библии и передачѣ их летописцами. Болѣе того ко времени Михаила Глика, т. е. к концу XI вѣка существовало особое направление, объяснявшее явления природы «по способу Моисея».²⁵ Основываясь главным образом на различных констелляциях звѣзд, они предсказывали людям их судьбу. Вѣроятно в связи с этим стоит приписываемое Моисею авторство Громника.

Нѣсколько хуже обстоит дѣло с пророком Ездрой, которому упорно приписывается составление Колядника. Вѣроятно тут сыграло роль, что по Библии евреи при Артаксерксѣ вернулись в Иерусалим из Персїи с пророком Ездрой во главѣ. Он же по памяти возстановил нѣкоторыя священныя книги. Об этом повѣствует и Георгій Кедрин.²⁶ Персїя же страна магии.

Что же касается двух византийских царей, то имя второго из них не вызывает особаго удивленія. Льву VI-му Мудрому приписывается цѣлый ряд предсказаній, правда ничего не имѣющих общаго с нашими гадательными книгами, но давших возможность легко объявить его их автором. Кромѣ того при македонской династїи подобныя книги имѣлись в царском обиходѣ. Как извѣстно, сын Льва VI-го, Константин VII Багрянородный рекомендует их брать с собой в поход.²⁷

²⁴ Georgii Monachi, *Chronicon*, ed. de Boor, v. I. Lipsiae 1904. p. 744 καὶ θύειν θεοῖς Χαλδαῖοι μὲν ἐξευρον ἥτοι Κύριοι (διαφεροῦνται γὰρ ἔθνος Περσικόν ὑπάρχοντες), τὴν δὲ ἀστρονομίαν ἐφευρηκέναι πρῶτοι λέγονται Βαβυλώνιοι διὰ Σωροάστρου; *Chronicon paschale* ed. Bonnensis, t. I. p. 4918 ἀφευρετὴς γὰρ οὗτος ἐγένετο κακῆς διακονίας ἀστρολογίας καὶ μαγείας, ὃν καὶ Σωροάστρην οἱ Ἕλληνες, ἐκάλεσαν; Georgii Cedreni, *Compendium historiarum*. Migne *Patrologia graeca*. t. 121. col. 57 καὶ Σωροάστρης ὁ περίβοητος ἀστρονόμος.

²⁵ Michaelis Glycae, *Annales*, M. Patr. Gr. t. 158, col. 72 "Ἐτεροι δὲ τὸ διάληφθὲν παρερμηνεύοντες Μωσαϊκὸν ῥητὸν, ἐκ τῆς τῶν ἀστέρων συγκράσεως καὶ διαστάσεως λέγουσι τὰ καθ' ἡμᾶς πάντα διοικεῖσθαι καὶ διεξάγεσθαι, εὐπραγίαν τε καὶ δυσπραγίαν ἐκεῖθεν κατάγουσι, καὶ ἀπλως ὁσαυτῷ βίῃ καθ' ἑκάστην ἀπροδοκίμως συμπίπτουσι.

²⁶ Georgii Cedreni, *Comp. hist.* col. 280 "Ὁ δὲ αὐτὸς "Εσδρας τῶν μὴ εὐρεθέντων βιβλίων ἐξ ὑπομνήσεως αὐτοῦ γράφεσθαι ἐποίησε τὴν δύναμιν.

²⁷ K. *Krumbacher*, *Geschichte d. byzantinischen Litteratur*. München 1897, p. 721; *Constantini Porphyrogeniti, de cerimoniis aulae byzantinae*, ed. Bonn, p. 467, βιβλίον τὸ περιέχον περὶ εὐδεΐας καὶ χειμῶνος καὶ ζάλης, ἑτοῦ τε καὶ ἀστρατῶν καὶ βροντῶν καὶ ἀνέμων ἐπιφοράς πρὸς τούτοις βροντολόγιον καὶ σεισμολόγιον, καὶ ἕτερα ὅσα παρατηροῦνται οἱ πλευστικοί.

Болѣ неожиданным является имя царя Ираклія, побѣдителя персов, ревнителя христіанства, извѣстнаго возвращеніем Креста Господня в Іерусалим. Как и с пророком Ездрой, связь его с прогностическими и астрологическими сочиненіями можно только установить при посредствѣ персов. Георгій Амартол а затѣм и Кедрин приводят один эпизод из его персидских походов, который мог послужить поводом для созданія подобной традиции, хотя в нем Ираклій и выступает в качествѣ противника язычества и отчасти астрологіи. Георгій Монах повѣствует, что во время третьяго персидскаго похода 627—629 года Ираклій захватил много городов и уничтожил храмы огня. «В одном из них он нашел на потолкѣ дома отвратительное изображеніе Хозроя, как бы сидящаго на небесах. Безбожник сам себя обожествив, таким образом себя возвысил, изобразив себя окруженным звѣздами, солнцем, мѣсяцем и держащими молніи ангелами; искусственно воспроизводился гром, и по желанію устраивался дождь. Как только царь Ираклій увидѣл эту отвратительную вещь, он приказал сбросить на землю и, как прах, развѣять.»²⁸ Кедрин добавляет, что все это происходило в городѣ Газакѣ, гдѣ кромѣ царскаго дворца находился храм огня и сокровище лидійскаго царя Креза. Изображеніе Хозроя помѣщалось в куполѣ, воспроизводящем своей формой небо, с него падали капли, как дождь, и особая машина производила гром.²⁹ Царь все приказал сжечь. Постепенно из разрушителя легенда сдѣлала мудреца — знатока астрологіи. Впрочем в обоих разсказах, несомнѣнно восходящих к одному общему источнику, причиной разрушенія изображенія служило кощунственное с точки зрѣнія христіанина обожествленіе самим собой царя, а не момент астрологическій. Перенесеніе имени Ираклія на составителя Громника с Сейсмологіем произошло вѣроятно не сразу, но еще в ту эпоху, когда была жива легенда, а гадательныя книги еще не были изгнаны при дворѣ, т. е. не позже XI-го вѣка. (Зонара уже не знает этого эпизода, да и мало интересуется этим.) Должно также отмѣтить, что Громник греческій и славянскій, связанный с именем Ираклія, повидимому, столичнаго происхожденія: в предсказаніях удѣлено мѣсто Цариграду.

При разборѣ сочиненія Іоанна Лиды намѣтилось сродство его политическаго направленія с взглядами сенаторской партіи, ревнителей старых свобод, в частности лучшей иллюстраціей к его предсказаніям по-

²⁸ Georgii Monachi, Chron. vol. II, p. 67114.

²⁹ Georgii Cedreni, Comp. hist., col. 789. Καὶ καταλαβὼν τὴν Γαζακὸν πόλιν, ἐν ᾗ ὑπῆρχεν ὁ ναὸς τοῦ Πυρός, καὶ τὰ χρήματα Κροίσου τοῦ Λυδῶν βασιλέως, καὶ ἡ πλάνη τῶν ἀνθρώπων, καὶ εἰσελθὼν ἐν αὐτῇ εὗρε τοὺς μυσσάρων εἰδωλὸν τοῦ Χοσρόου, τότε ἐκτύπωμα αὐτοῦ ἐν τῇ τοῦ παλατίου σφαιροειδεὶ στέγῃ ὡς ἐν οὐρανῷ καθήμενον, καὶ περὶ τοῦτο ἥλιον, καὶ σελήνην, καὶ ἀστρά, οἷς ὁ δεισδαίμων ὡς θεοὺς ἐλάτρευε, καὶ ἀγγέλους αὐτῷ σκηπτροφόρους περιέστησεν. Ἐκεῖθεν τε σταγόνας στάζειν ὡς ὑετοὺς καὶ ἤχους ὡς βροντὰς ἐξηχεῖσθαι ὁ θεομάχος ταῖς μηχαναῖς ἐτετεχνάσαντο.

служила «Тайная Исторія» Прокопія.³⁰ Параллели к позднѣйшему византійскому Бронтологію дают хроники, в особенности Теофана и Георгія Кедрина. Интересуются этими явленіями нѣкоторые изъ историковъ, ближе стоящихъ к хроникерам, напр. Лев Діакон. Михаил Глик, как мы увидимъ ниже, является противникомъ этого рода литературы. Зонара также мало интересуется областью предсказаній. Константинъ же Манассія увлеченъ уже чистой астрологіей, но не этого рода предсказаніями, тогда какъ в IX—XII вѣкахъ небеснымъ явленіямъ и инымъ, предсказывающимъ будущее удѣляется при повѣствованіи большое вниманіе; в частяхъ же посвященныхъ древнимъ и библейскимъ событіямъ исторія астрологіи и мантики занимаетъ всегда видное мѣсто. Изъ другихъ хроникеровъ Лев Грамматикусъ также еще отмѣчаетъ небесныя знаменія, напр. появленіе кометы Меча, о которой говорится, что она вызываетъ кровопролитія в городѣ.³¹

Большое вниманіе вопросамъ мантики удѣляетъ Георгій Монахъ. В его хроникѣ дается перечисленіе всевозможныхъ видовъ предсказаній, но, по-видимому, его лично больше привлекали гаданія частнаго характера, а не общественно-политическаго. Георгій считаетъ достойнымъ и для монаха знать различныя виды предсказаній. Онъ раздѣляетъ ихъ на три группы: 1. истинныхъ пророчествъ, духовныхъ, исходящихъ отъ Бога и отъ святыхъ, 2. предсказаній служителей демоновъ, исходящія отъ діавола, крайне разнообразныхъ, упоминается Пифія и додонскій дуб, гаданіе по внутренностямъ (σπλάγχων μαντεία), по полету и крику птицъ и по многочисленнымъ другимъ признакамъ — шумамъ, треску, мышамъ, трепетанію частей тѣла и т. д.; затѣмъ и по имени мертвыхъ, звѣздамъ (ἀστρων), снамъ и другому. Впрочемъ Георгій заявляетъ, что эти предсказанія идутъ не отъ добродѣтели а отъ злого (p. 238, ἡ δὲ πρόγνωσις αὐτοῖς οὐ δι' ἀρετῆς ὡς ἡμῖν, ἀλλὰ διὰ κακοτεχνίας). 3. Среднее предвидѣніе между діавольскимъ и божественнымъ это физическое. Наблюдая одно явленіе природы можно предсказывать другое, этимъ способомъ пользуются врачи и кормчіе.³² Тоже но короче повторяетъ Георгій

³⁰ Коллекція Лида, какъ это отмѣчаетъ Wacksmuth, Prolegomena. p. XLII, извѣстна напр. патр. Фотію а также в эпоху Комниновъ, но это книга для любителей, а не для толпы. Вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ входящихъ в коллекцію Лида гадательныхъ книгъ перетерпѣли рядъ измѣненій и вошли в такомъ видѣ в позднѣйшія гадательныя сочиненія, но пока прямой и вполнѣ достовѣрной преемственности намъ не удалось установить. Кромѣ того на ряду съ лидовскими, конечно, существовали и другія гадательныя книги, б. м. имѣвшія большій успѣхъ у позднѣйшихъ читателей.

³¹ Leo Grammaticus, Chronographia. M. P. Gr. t. 108, col 1120 Ἐπὶ τούτου ἐφάνη ἀστὴρ κομήτης ἐκ δύσεως ἐπὶ ἡμέρας δεκατέντε, ὃν ἔλεγεν ξυφίαν καλεῖσθαι, καὶ αἰματεκχυσίαν ἐν τῇ πόλει ἐργάσασθαι.

³² Georgii Monachi, p. 237²⁰ sq.; p. 238¹⁵ καὶ ὁ μὲν θεὸς προλέγων καὶ τὴν λύσιν υποτίθεται, καὶ τὸ πέρας μετὰ πάσης ἀκριβείας γίνεται, ἐκείνου δὲ κατασμβεβηκὸς ἐν τισιν ἀληθεύσαντες ἐν τοῖς πλείστοις διήμαρτον καὶ τοιαύτη μὲν ἡ τεθεῖα καὶ ἡ διαβολικὴ προφητεία. φυσικὴ δὲ ἡ τῶν ἀλόγων....

Кедрин.³³ Несмотря на это опредѣленіе оба автора вмѣстѣ с Ѳеофаном тщательно отмѣчают чудесныя явленія и связанныя с ними событія, хотя они не всегда чисто физическаго свойства. Приведу нѣсколько примѣров.

Амартол отмѣчая массовое паденіе звѣзд при котором зрители думали, что наступаетъ конецъ свѣта, тут же добавляетъ, что одновременно наступилъ голодъ и засуха, модій ечменя продавался в столицѣ за 12 номизм.³⁴ Другой раз он отмѣчаетъ появленіе кометы в видѣ двухъ лун, которыя сходились, расходились и принимали различныя формы в частности человѣка безъ головы, послѣ этого наступило возстаніе Ѳомы; это явленіе предсказало его исход.³⁴

Значительно больше предсказаній встрѣчается в хроникѣ Кедрина. Они по характеру своему приближаются к предсказаніямъ гадательныхъ книгъ. Возможно, что нѣкоторыя предсказанія и тогда еще черпались из реальной дѣйствительности. В дальнѣйшемъ мы уже имѣемъ дѣло с простой передѣлкой текста предсказаній безъ наблюденія явленій природы.

Напр. при Константинѣ Багрянородномъ появилась на небѣ дуга, возбуждавшая общее вниманіе, немедленно послѣ этого сарацины снарядили флотъ, направились в Киликію и зимовали в Смирнѣ.³⁵

Другое предсказаніе, относящееся ко времени Романа III Аргира: 6 іюля, во второй часъ ночи произошло паденіе звѣздъ с юга на западъ. Вскорѣ послѣ этого пришли извѣстія о несчастіяхъ постигшихъ ромеевъ: арабы грабили в Месопотаміи, печенѣги перешли Истръ и страшно хозяйничали в Мизіи, сарацины совершили набѣгъ на илирійское побережье и сожгли Керкиру.³⁶

Дополнимъ нѣсколькими примѣрами из Ѳеофана. Ихъ можно привести гораздо больше и не только предсказанія по небеснымъ и стихійнымъ явленіямъ, но и по полету птицъ. Что же касается хроники Ѳеофана, то она изобилуетъ предсказаніями бѣдствій, простирающихся послѣ рожденія гдѣ либо уродца.

Имѣется много примѣровъ изъ болѣе ранней эпохи, напр. о появленіи кометы Лампадіи передъ возстаніемъ Ники (Theophanes, p. 278₄) объ исклю-

³³ Georgii Cedreni, Comp. hist. t., col. 92—93.

³⁴ Georgii Monachi, Chron. p. 759₁₈; p. 777₂₀ καὶ γοῦν ὥφθη τῆνικαῦτα κομήτης ἐν σχήματι δύο λαμπρῶν σεληνῶν ἐνοθεντῶν καὶ πάλιν διαιρεθέντων εἰς διάφορα σχήματα, ὡς καὶ εἰς ἀκέφαλον κεφαλὴν τῶν μετὰ ταῦτα στασιασάντων κατὰ τῶν χριστιανῶν καὶ τὸν μάταιον Ὡμῶν κεφαλὴν καὶ ἀρχηγὸν τῆς ἐκ τῶν ἄλλων χριστιανῶν διαιρέσεως ἐσχηκῶτων προεμήνυνεν.

³⁵ G. Cedreni, Comp., col. 836. Τῷ δ' ἔτει Ἰβρις ἐν τῷ οὐρανῷ τοιαύτη ὡς λέγειν πάντας ὅτι συντέλεια ἐστίν. Οἱ δὲ Σαρακηνοὶ μέγαν στόλον ἐξαρτήσαντες, καὶ παραλεύσαντες εἰς Κιλικίαν παραχείμασαν εἰς Σμύρνην.

³⁶ Ibidem, t. 122. col. 'Ιουλίῳ μηνὸς, ἡμέρας ζ', ὥρα β' τῆς νυκτὸς, ἀστὲρος ἐγένετο χύσις ἐκ μεσημβρίας πρὸς ἀρκτον πάσαν περιστράψαντος τὴν γῆν. Καὶ μετὰ μικρὸν ἀγγελλόνται τὰ κατασχόντα τὴν Ῥωμαίων ἀτυχήματα, Ἀραβες μὲν ληϊσάμενοι Μεσοποταμίαν ἄρχι Μελιτηνῆς, Πετζινάκαι δὲ τὸν Ἰστρον διαβάντες καὶ τὴν Μυσίαν κακῶς διαθέμενοι, Σαρακηνοὶ δὲ τὴν παράλιον καταδραμόντες τοῦ Ἰλλυρικοῦ μέχρι Κερκύρας καὶ αὐτὴν πυρπολήσαντες.

чительном багрянцѣ неба, предшествовавшему нашествію Моавіи.³⁷

Этих примѣров достаточно, чтобы показать насколько в эту эпоху интересовались небесными явленіями и толкованіями их примѣнительно к жизни страны. Церковныя запрещенія не помогали. Всеже судя по сочиненіям лѣтописцев и историков, мода на гадательныя книги значительно падает к началу XII-го столѣтія.

Извѣстный поворот в отношеніи к предсказаніям находим у Михаила Глика. В той части его міровой хроники, которая посвящена сотворенію міра, он, ссылаясь не Шестоднев Василія Великаго, подробно останавливается на вопросѣ о физических предсказаніях, которыя он признает, но не допускает предсказаній, касающихся судьбы человѣка, т. к. это противорѣчит понятію свободы воли и христіанскому ученію о грѣхѣ.³⁸ При этом он перечисляет тѣ небесныя знаменія, которыя наблюдать полезно, т. к. можно из них почерпнуть полезныя практическія свѣдѣнія. Многое можно почерпнуть, наблюдая дожди, вѣтры, цвѣтъ неба, багрянец его, измѣненія вида солнца и луны, указывающія на атмосферическія измѣненія в воздухѣ, также и появленіе радуги указывает то на дождь, то на перемену погоды.³⁹ Этим самым как бы узаконяется сельско-хозяйственная часть гадательныхъ книгъ.

Глик также нападает на повѣріе принимать за признак грядущаго несчастія рожденіе ребенка о двухъ головахъ или о четырехъ ногахъ, как это случилось при императорѣ Маврикіи. Дѣлается исключеніе для толкованія появленія кометы, как признак паденія царей и великихъ мужей.⁴⁰ Взяты тѣ два предсказанія, которыми изобилуютъ гадательныя книги.

По всей вѣроятности к этому періоду слѣдуетъ относить составленіе тѣхъ гадательныхъ книгъ астрологическаго цикла, в которыхъ играютъ значительную роль политическіе и общественные вопросы; под составленіемъ я подразумѣваю коренную передѣлку; конечно в новыя книги вошло много из старыхъ. Эти же новыя книги потом также измѣнялись в позднѣйшее византійское время и тогда, когда их переводили и перевели и переписывали. Возможно, что с списков XII-го вѣка сдѣлан перевод Громника по Зодиаку. В началѣ XV вѣка уже циркулируютъ много списковъ с него. Вѣроятно к той же эпохѣ принадлежитъ подлинникъ пере-

³⁷ Theophanes, Chronographia, ed. Bonn. p. 632i καὶ γέγονεν σημεῖον ἐν τῷ οὐρανῷ πυρῶδες κατάγλασσαν καὶ Μανίας τὴν Ἀσίαν ἐληΐσαντο.

³⁸ Michaelis Glycae, Annales, col. 81. Οὕτω μὲν οὕτω καθάπερ ἄνωθεν εἴρηται, καὶ τοὺς ἀστέρας τοὺς ἀπλανεῖς τε καὶ πλανωμένους εἰς σημεῖα καὶ εἰς καιροὺς ὁ ποιητὴς πάντων καὶ κύριος ἔθετο. Κυρίους δὲ τῶν ἐφ' ἡμῖν ἀρετῆς τε καὶ κακίας παρεκτικoὺς οὐκ ἂν ποτε εἴπῃ τις λογισμοῦ κύριος ὢν.

³⁹ Ibidem, col. 72.

⁴⁰ Ibidem, col. 76, 77. Ἐφ' ᾧ καὶ σημεῖα τινα τοῦ προοραῖν ἔνεκεν ἔστιν ὅτε τὰ μέλλοντα ἀντεῦθεν αὐτῷ περιποιεῖσθαι ἀσφαλείαν. Καὶ τι χρὴ πολλὰ λέγειν; Οἱ ἐν τῷ ἀέρι φαινόμενοι κομήται λόγῳ μὲν φυσικῷ συνίστανται, θανάτους δὲ ὁμῶς βασιλέων ἢ καὶ προσώπων ἐπιφανῶν καταγγέλλουσιν, ὡς ὁ μέγας ἔφη καὶ οὐρανοφάντωρ Βασίλειος.

воднаго Громника XIV вѣка — в нем много архаизмов. Сборный же Громник, по всей вѣроятности испытал в своим греческом подлинникѣ большія передѣлки в эпоху Палеологов.

Шафарик высказывает предположеніе, что гадательныя книги проникли к славянам еще при царѣ Симеонѣ. М. б. это возможно допустить для небольшого числа, остальные вѣроятно возникли позднѣе, но не одновременно с сохранившимися рукописями, как это склонен дѣлать акад. Перетц.⁴¹

Перейдем к разсмотрѣнію матеріала, который нам дают гадательныя книги. При этом уже не получается цѣльной картины, а приходится считаться с различными наслоеніями. Все же попытаемся установить характер внесенных измѣненій и найти в массѣ условностей оригинальные моменты.

Начнем с географіи, в этой области особенно ясно выступают различные наслоенія. Из общих географических опредѣленій важную роль играют четыре страны свѣта, в особенности восток и запад, очень удобное раздѣленіе для обитателей Балканскаго полуострова и давно укрѣпившееся в официальной терминологіи. Юг и сѣвер упоминается значительно рѣже, как указаніе мѣста, гдѣ появилось знаменіе или как мѣсто дѣйствія, гдѣ разыграется предсказаніе, что довольно часто встрѣчается в переводном Громникѣ, как и в греческом. Напр. погибель овецъ или ограбленіе сѣверной стороны.⁴² Встрѣчается также и средняя сторона. Предсказаній относящихся к югу как будто нѣтъ.

Сохранилось также представленіе о том, что предсказанію предстоит исполниться там, гдѣ имѣло мѣсто знаменіе. Напр., если днем падет звѣзда, то правитель земли той погибнет, и выдающаяся мѣстность опустѣет, или если ночью будет замлетрясеніе, то много добра произтечет этому мѣсту. Иногда упоминается город ли это или страна.⁴³ Другое излюбленное выраженіе вселенная: воздвигнется царь, который покорит всю вселенную, несчастія всей вселенной, мир во всем мірѣ, подвиг по всей вселенной, ночной трус повѣдует всему міру дорговизну.⁴⁴

Распредѣленіе стран по Зодиаку с сохраненіем в значительной степени древних названій встрѣчается в Бронтологіи с Сейсмологіем, сохрани-

⁴¹ Перетц, I. p. 32; II, 51.

⁴² *Wünsch*, *Zu Lydos*, p. 417⁴⁸ ο громѣ καὶ ἐὰν ἄρκτος φύσῃσι, κατὰ λίαν; p. 417⁵⁸ καὶ ἐὰν διὰ τῆς μεσημβρίας βροντήσῃ . . .; *Delatte*, *Catalogus*. p. 208¹⁷ εἰς τὸ μέρος τοῦ βορέως διαρπαγῇ; Тихонравов, Памятники отреченной литературы, т. II. p. 364 коцѣюж ѿ севѣр'ное страннѣ пѣрѣка.

⁴³ *Wünsch*, op. c., p. 417⁵⁸ καὶ ἐὰν ἀστὴρ πέσῃ ὁ ἀρχηγὸς τῆς χώρας ἐκείνης τελευτήσῃ; *Delatte*, op. c. p. 64¹³ ο землетрясеніи εἰ δὲ νυκτὶ γίνεται ὁ σεισμός, πολλὰ ἀγαθὰ ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ; Перетц, I, 74 въ градѣ тѣхъ гдѣже зѣла потрѣсаетъ · въсѣка ѣза ѿ колѣзны ѡдетъ ѿ мѣста тѣго.

⁴⁴ *Jagić*, *Starine*. X, p. 124 καὶ ἐπιφάνειαν ἄλλου βασιλέως ἀπ' ἀνατολῆς ὃς ἐπικρατήσῃ πάσης τῆς οἰκουμένης; *Delatte*, op. c., p. 129⁴ καὶ περίστασις τῆς οἰκουμένης καὶ μετάστασις; p. 145²⁶ εὐερίην πολλήν καὶ μεγάλην παντός τοῦ κόσμου; Тихонравов, op. c., p. 363 повъселеннѣ на пѣвнѣхъ вѣдетъ; Перетц, I, 61 по въсѣмоу мируу скѣпѣ вѣдѣ.

вшемся в греческой рукописи XVIII вѣка.⁴⁵ Начинается это распределение с знака Овна: Овен имѣет великій Вавилон и Арапію и господствует над ними (р. 203₁). Телец — Азія и Сѣвер (р. 203₁₃). Близнецы — Великій Восток и Оврія (р. 205₁₃). Рак — Малая Азія и Килликія (р. 206₃). Лев — Великій Египет и Каппадокія (р. 206₂₅). Дѣва — Либія и Египет (р. 207₁₃). Ярмо — Крит, Родос и Франкія (вѣроятно позднѣйшее добавленіе, р. 207₃₂). Скорпион — Листрія и Европа (р. 208₁₅). Стрѣлец — Филія, Муссил и Багдад (Παυδάτι, р. 209₁₀). Козерог — внѣшняя, дальняя (ἑξωτέρια) Индія, Черное море (Μαύρην θάλασσαν) и берега у Месемвріи (р. 210₁). Водолѣй — внутреннія земли варваров (р. 210₂₁). Рыбы — Великая Франкія — Франція (Φραγκίαν, р. 211₉). Кромѣ того в самом текстѣ довольно часто встрѣчаются варвары и арабы, послѣдніе в сочетаніи с пиррами — загадочным народом, затѣм мѣста Листра и Ксакія, гдѣ многих задушат.⁴⁶ Упоминаются также народы Вавилона и мѣстечко Мисирі (τοῦ Μισιρίου τὰ χωράφια р. 206₁₅; р. 208₁₀ τὸ Μισίρι) Каир, которому, как и Египту также иногда обозначаемым Мисиром, удѣляется всегда большое мѣсто,^{46a} судьба этих людей особенно интересует составителя. Говорится и о Черноморском побережьи и Византіи, которой угрожает сгорѣть от пожара.⁴⁷ Интересно, что столицѣ дается это менѣ употребительное в позднѣйшее время имя. Упоминается однажды и Персія (р. 210₁₀), рѣка Нил, которая не разольется и из народов еще евреи и эллины.⁴⁸

Ясно, что от птоломеевской схемы почти ничего не сохранилось. Здѣсь имѣется ряд наслоеній; к послѣднему из них отнесем великую Францію, не франков. В центрѣ же интереса гадающаго находятся арабы и Малая Азія, Египет и прилегающія к ним страны (не остались ли Египет и Византіон из прототипа египетско-александрійской редакціи) и Черноморское побережье. Возникает мысль, что коренную передѣлку Громник с Сейсмологіем испытали еще в VIII вѣкѣ, когда при императорах иконоборцах, как Константинѣ Копронимѣ, усиленно велась борьба на двух фронтах. Прямо упоминается Месемврія. Впрочем этот город

⁴⁵ Delatte, op. c., p. 203 sq.

⁴⁶ Ibidem, p. 205₁₄ καὶ εἰς τοὺς Ἀράβους χαλασμοὺς καὶ κίνδυνος εἰς τοὺς Πυρρούς; р. 206₉ εἰ δὲ τὸν τόπον τῆς Λίστρης καὶ τῆς Εἰάκης πολλοὶ πινθήσονται.

^{46a} Delatte, p. 210₁₀ καὶ ὁ Νεῖλος ποταμὸς οὐ πληθύνει καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ Μισιρίου κακοποιήσουσιν τοὺς ἀρχοντας τῶν; Misir, Misira, — до сих пор в сербско-хорватском языкѣ так называется Египет и Каир. Первоначально Misr назывался у арабов Каир, (J. Maspero, Organisation militaire de l'Egypte byzantin. Paris 1912, p. 29, 33), затѣм и весь Египет — Миср (А. А. Васильевъ, Византія и Аравы. СПбг. 1900. т. I. p. 7, 126). В византійской литературѣ также извѣстно было это новое обозначеніе: Ioannes Zonaras, Historia, ed. Bonn. p. 32₈ Μεσρὴν δὲ Μεσραιῶν προπᾶτωρ ἐγένετο· οὕτω δὲ καλοῦνται Αἰγύπτιοι, καὶ ἡ τῆς Αἰγύπτου χώρα Μεσρὴν ὀνομάζεται.

⁴⁷ Delatte, p. 208₂₅ Καὶ ἂν νύκτος βροντήσῃ, ἀπὸ φωτῶν θέλει κατακαυθῇ τὸ Βυζάντιον.

⁴⁸ Ibidem, p. 209₁₈ οἱ δὲ Ἑβραῖοι καὶ Ἕλληνες καὶ οἱ Βαβυλώνιοι ὁποῖον πόλεμον καὶ πολλοὶ θανατοῦν.

играет большую роль и позднѣе во время II-го болгарскаго царства. Вавилон вѣроятно в позднѣйших гадательных книгах ассоциируется с турецкими государствами в Малой Азійи. За болѣе раннее время говорит также упоминаніе Багдада и Моссула. Добавлю, что персами называли в поздне-византийской литературѣ турок.⁴⁹ Конечно позднѣе, когда возродилась Персія, это было забыто. Названіе же турок могло находиться и в греческих подлинниках, хотя не лишено вѣроятности, что это названіе проникло самостоятельно в позднѣйшіе греческіе и славянскіе Громники. Значительную передѣлку гадательныя книги испытали в XIII—XV вѣках, на что указывает часто встрѣчающаяся комбинація варваров, измайлтян и франков, с которой нам предстоит еще встрѣтиться. Дополним географическую номенклатуру из других гадательных книг.

В греческих гадательных книгах существует конечно излюбленный Египет, затѣм встрѣчается Пафлагонія просто и в соединеніи с Амасіей и Трапезунтом, Склавоніей и Россіей⁵⁰ (последнія двѣ противопоставляются первым трем). Это предсказаніе тоже слѣдует отнести к эпохѣ Палеологов, когда Трапезунтская имперія играет еще значительную роль. Паденіе ея произошло в 1462 году. К болѣе раннему времени повидимому относится включеніе Великой Кесаріи и интерес к судьбѣ еарсов; они, как и жители Кесаріи,⁵¹ воюют и возстают против царей — одна из любимых тем поздних гадательных книг. М. б. еарсов можно сопоставить с тарситами, хорошо извѣстных из эпоса Дигениса Акриты; послы эмира тарскаго при Константинѣ Багрянородном посѣтили Константинополь.

Из старших предсказаній, относящихся ко времени основной передѣлки книги сохранились также фразы о набѣгах на Европу (κοῦραι) и о ревности возникшей в Багдадѣ между одними лицами против других.⁵² Наконец наряду с аравлянами и сарацинами — первое названіе, повидимому, болѣе узкое, встрѣчаем и измайлтян, противопоставляемых христіанам и нападающих на них вмѣстѣ с варварами — т. е. обстановка соотвѣтствующая VIII—XI вѣкам, а в соединеніи с франками эпохѣ крестовых походов. По аналогіи с Лидом, мы имѣем право в варварах усматривать народы, расположенные по Дунаю и сѣвернѣе. Хотя конечно позднѣйшій перелисчик мог их разсматривать, как турок. Только однажды в Сейсмологіи Льва Мудраго названы прямо болгары: движе-

⁴⁹ Андреева, Очерки по культурѣ византийскаго двора в XIII вѣкѣ. Прага. 1927. p. 51.

⁵⁰ Delatte, op. c., p. 61; p. 141: Ὑδροχόος. Ἐάν βροντήσῃ χαρὰ Παφλαγόνων, Αμασειᾶς καὶ Τραπεζούντας, Σκλαβωνίας καὶ Ῥωσσίας νόσοι καὶ θάνατοι.

⁵¹ Ibidem, p. 143: θάνατοι καὶ πόλεμοι φανήσονται κατὰ τῶν μερόπων καὶ τοῦ ἡγῶς τῆς μεγάλης Καισαρείας; p. 143: πόλεμοι καὶ μάχαις θαρσῶν καὶ μούτρα ποιήσωσι κατὰ τῆς βασιλείας αὐτῶν; H. Grégoire, Le tombeau et la Date de Digenis Akritas, Byzantion, VI. 1931 p. 496; Constantini, De cerim. aulae byzant. ed. Bonn. I, II. p. 570 sq.

⁵² Ibidem, p. 141: εἰς τὴν Εὐρώπην κοῦραι πολὺ καὶ ἐς Βάγδαδα ζῆλος πρὸς ἀλλήλους.

ние болгар, мятеж, безнадежность и падение многих злодѣев, погибнет великій правитель и из-за этого падут также многіе великіе мужи и будут сражаться народ с народом пока не захватят мѣста, которого еще не взяли. Варіант в рукописи XVII-го вѣка — варвары.⁵³ Едва-ли эта замѣна была сдѣлана в XIX-ом вѣкѣ, хотя текст несомнѣнно упрощен по сравненію с текстом XVII-го вѣка. В других случаях упоминается просто поход варваров против христіан, набѣг их и борьба между иноплеменными народами.⁵⁴ В сложном Громникѣ встрѣчаем наряду с варварами и измаилтянами и франков; предсказывается большая смертность на западѣ между франками, в другом, по Зодиаку, побѣда франкскому войску и явленіе у них повелителя.⁵⁵

Разсмотрим здѣсь предсказанія относящіяся непосредственно к Ромейской имперіи и к Константинополю. Дѣло в том, что если в византійских гадательных книгах было вполне ясно, что всѣ предсказанія без опредѣленнаго географическаго обозначенія относятся к имперіи, то в переводных, как и в новогреческих, они примѣняются к той странѣ, гдѣ по ним гадают. И конечно несмотря на всю их шаблонность внесены нѣкоторыя измѣненія.

О столицѣ говорится город (Πόλις), что переводится по славянски Цариград. Столицей в частности интересуются Громник Ираклія, Сейсмологій Льва Мудраго и Коледник. Обычно предсказывается: усиленіе, власть переходит в руки архонтов-вельмож, нужда и горе, радость, как и его паденіе, стерѣома в славянском переводѣ замѣнено голодом.⁵⁶

Романія употребляется для обозначенія имперіи а затѣм тѣх ея частей, которыя находились под властью турок. В одном случаѣ предсказывается множество смертей в Романіи и других мѣстах, в другом ромеям безпорядки и великій плач. Довольно много предсказаній посвящены Романіи в большом сводном Громникѣ, изданном Перетцом. Привожу их здѣсь, хотя и трудно установить есть ли это перевод или уже оригинальные добавленія. Предсказывается разореніе одного великаго града, вражда между ромейскими царями, смерть царя вслѣдствіе чего один на

⁵³ Ibidem, p. 1351 Ιούλιος, λέων — Ἐὰν ἡμέρα σεισμός γένη, Βουργάρων κίνησις ἔσται καὶ στάσις καὶ ἀπογνώσις καὶ πολλῶν κακοῦργων πτώσις καὶ ἀρχῶν μέγας ἀπολείται καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ πολλοὶ ἀνθρώποι πέσουσι καὶ πολεμήσει ἔθνος ἐπὶ ἔθνος ἵνα καταλάβωσι τὸν τόπον τοῦ δὲν ἐκατάλαβαν; p. 6233 Βάρβαροι ἐπ' ἀγονταὶ ἕνας κατ' ἄλλου ἐπανάστασις δὲ καὶ ἀλλοφύλων ἐχθρῶν κατὰ τῶν ἐποικῶν καὶ πολλῶν κακοῦργων πτώσις καὶ ἐθνῶν ἀλλοφύλων καὶ εἰρήνη πολεμοῦντων γενήσεται ἵνα καταλάβωσι τὸν τόπον ὃν (οὐ) κατέλαβον.

⁵⁴ Ibidem, p. 13415 καὶ εἰς τὰ ἔθνη τῶν βαρβάρων κίνησις κατὰ τῶν χριστιανῶν; p. 14623; 631, 13329, 14817.

⁵⁵ Ibidem, p. 1461 ἐν δὲ (τοῖς) τῆς δύσεως (μέρεσι) τῶν Φραγγῶν θανατικὸν μέγαν γίνηται. p. 1424 ιά. Καρκίνος. Ἐὰν βροντήσῃ Φραγγῶν φουσάτου νίκη πολλή καὶ ἐνὸς αὐθέντου ἐπιφάνεια.

⁵⁶ Ibidem, p. 618 εἰς τὴν Πόλιν στερέομα (καὶ) ἐξουσία ἀνδρῶν ἀρχόντων; 1359 στενοχωρία καὶ θλίψις τῇ Πόλει; p. 1417 ἄλωσις Πόλεως; 14131 καὶ εἰς τὴν Πόλιν χαρά.

другого возстанет, голод и смерть.⁵⁷ Всѣ эти предсказанія въплнѣ соотвѣтствуют положенію вещей при Палеологах. Достаточно вспомнить хотя бы борьбу двух Андроников и Іоанна V с Іоанном Кантакузиным.

Вмѣсто франков иногда встрѣчаем выраженіе *фрѣзи*, иногда они комбинированы с сарацинами. Напр., мир между ними прекращается, у фрузов умирает царь, наступает война и дороговизна. (Перетц, I, 65 и на *фрѣсской зѣмли рати бѣдѣ. и скѣпота бѣдѣ*). Сарацинам и Аравитской землѣ удѣлено много мѣста. Сарацинскій царь побѣждает фрузов и христіан вообще.⁵⁸ Громник слѣдит за событіями в их землѣ и у аравитян, при этом у сарацинов несчастій всегда значительно меньше. Вообще они, как и турки, замѣняющіе повидимому измаилтян новогреческих Громников, очень часто побѣждают христіан, как это и случалось тогда и на самом дѣлѣ.

Зато аравлянам в предсказаніях просто не везет. Возможно, что этому способствовала память об их давнишнем пораженіи, когда они потеряли свое главенствующее положеніе на востокѣ. Об их несчастіях вспоминает почти каждый Громник: сулится погибель аравитской землѣ или языку, голод, недостаток жита, только в видѣ исключенія урожая (Праз. Муз. № 23. л. 140), гибель их князей, возстаніе на них другого языка и т. д.⁵⁹ Другая излюбленная страна гадательных книг Египет. Предсказывается в нем молва, рати, кровопролитія, злобы, суша, голод. Интересно подробное предсказаніе, повидимому, являющееся отраженіем дѣйствительнаго факта. Предсказывается, что египетскій царь сотворит рать с сарацинским, сарацины расправятся с Египтом, но затѣм и у них будет смута и дороговизна.⁶⁰

Третьим излюбленным народом Громников являются персы. Предсказанія о них, по сравненію с данными у Лида, отличаются общим характером: рати, зло, оскудѣніе, смерть людям, мятежь, кровопролитіе. Изрѣдка встрѣчаются предсказанія болѣе конкретные: о смутах в государствах, которые поднимут бояре, или о том, что персидскій царь захватит в плѣн ромейскаго вельможу, но освободит его.⁶¹

Из древних сосѣдних с персами народов поминаются мидяне с аламитянами (Перетц, 170), эѳіопы и вавилоняне. Эѳіопы, идущіе из глу-

⁵⁷ Ibidem, p. 474 *ἐν Ῥωμανίᾳ καὶ ἐν ἄλλοις τόποις φόνοι μεγάλοι ἔσονται*; 144: *δηλοὶ Ῥωμανίῳ ἀκαταστάσις καὶ κοκκὺν (καὶ) πολλοὺς κλαυθμούς*; *Перетц*, I, 65; Часослов 23. л. 161. *въ романіа вѣ гра' разбрытса*; I, 66 *романіи'тѣи црѣи вѣстанѣ едина на друхѣго и мнѣго кръвьпролитіа*; I, 69 *въ романіе гад' и сѣмрѣтъ*.

⁵⁸ *Перетц*, I, 68 *а саракын'скимъ црѣ сѣ хрѣтіан'скимъ црѣ рати сѣтворѣ и разбѣ' саракынн хрѣтіане*.

⁵⁹ Архангельскій, *ор. с.*, р. 141, 142; *Тихоураховъ*, р. 363; *Перетц*, I, 73 *аравит'кнѣ и поганѣ азѣкѣ погыбѣла и кнзѣ и погыбѣл. и ѣны азѣкѣ вѣстанѣтъ ѡскѣдѣтъ*.

⁶⁰ *Перетц*, I, 77 *и егѣпет'скѣи црѣ сѣтворѣ рѣ сѣ саракын'скѣи црѣмѣ. и погыбенѣтъ егѣпет'скѣи црѣ. и саракыннѣ затрѣмѣ зѣмла егѣпет'скѣи. и въ саракинѣ смѣща и скѣпота бѣдѣ*; *Delatte*, *ор. с.*, р. 6120.

⁶¹ *Перетц*, I, 64, 77, 66 *и пер'скимъ црѣ оу'хѣтѣи единаго вѣ'мѣжа ѡ романіе зѣмла. и погытѣи егѣ*.

бокой древности проникли в славянскій Громник еще в XIV вѣкѣ и затѣм передаются в другіе сводные Громники. Привожу для иллюстраціи три параллельных текста.

Отрывок XIV в.
Яцимирскій, IX. р. 431.

Софійской Нар. Библ. № 80.
Архангельскій, о. с., р. 142.

Часослов. Праж. Муз. 23 л.

къ аравнѣстѣи зѣман жито
много бѣдѣ ѿ сѣвѣщаніе
бранѣ · въ ѣдиѡпѣи ѿни
же лѣзѣицн межоу собоѡ
ратѣ стѣворѣтъ · дажи
до вавилонѣ.

къ аравѣскои землѣи жита
бѣдѣтъ · ѿ сѣвѣщаніе
бранѣ · къ сѣти онѣ ѿ
ѣзици ратѣ сѣтворѣтъ ·
къ вавилонѣ.

ка аравѣтсѣен зѣман жита
много бѣдѣтъ · ѿ сѣвѣща-
нѣи бранѣи ѿ каѣтиѡпѣи
ѿ ѿни ѣзици сѣтворѣтъ
ратѣ до вавилонѣ.

Вавилон тоже долго поминается, как вавыл'ска зѣмля. Ему предсказываются рати и дороговизна, смерть царя. Болѣе подробное предсказаніе: через три года бабыльскій царь двинется со своим войском в поход, но ему не суждено вернуться назад в свою землю. (№ 23, л. 158.) Из мало-азійских земель упоминается вся Анатолія (Перетц, I, 64), Адамаская земля в соединеній с Унійской (Перетц, I, 69), Палестина и евреи (Перетц, III, 64, № 23, л. 140) вмѣстѣ с ней Емоноиская земля (Перетц, I, 64), Ехинская — Евхаитская (Перетц, I, 64) и не менѣе таинственная *Гѣрманіе* — *кѣрмане* — с мятежами и ратями. (Пер., I, 64, № 23, л. 160.) В Марарадійской землѣ можно усматривать Венгрію. (Перетц, I, 64, № 23, л. 168.) Наконец встѣчаются и литвины. (Пер., I, 64.)

Слѣдует также сказать нѣсколько слов о предсказаніях общаго характера. Предсказанія общаго характера встрѣчаются в изобиліи, но они еще болѣе однообразны и не имѣют столько градацій, как тѣ, с которыми мы встрѣчались у Лида. У них абсолютныя тенденции: все хорошо или все плохо, радость так по всей вселенной, часто также и злоба, добродѣтель или погибель в людях, как это было и у Лида. Упоминается смерть, голод, страх.⁶² Краткія предсказанія общаго характера тѣсно связываются с сельско-хозяйственными и экономическими. С нѣкоторыми из них придется еще встрѣтиться.

Слово мир встрѣчается гораздо рѣже, чѣм у Лида; а военныя дѣйствія поражают своим изобиліем. Это война всѣх против всѣх; о каком либо общем планѣ, как это было у Лида, гдѣ в центрѣ стоит могучее государство, борящееся с сосѣдями, не может быть и рѣчи. Вѣроятно нѣчто подобное сохранилось еще в гадательной книгѣ VIII—XII вв. Такова хаоса войн нѣтъ ни в переводном Громникѣ по Зодиѣку, ни в болѣе ранних греческих, изданных Ягичем и Вюншем. Впрочем такое положеніе вещей вполнѣ отвѣчает политической обстановкѣ Балканскаго полу-

⁶² *Wünsch*, Zu Lydos, p. 416^a πάν καὶ ὅν ἐσται; p. 416^b πάν καλὸν καὶ ἀγαθὸν ἐσται; *Тихо-нравов*, p. 363; 365 радость великая вселенній; Delatte, op. c., οἶτον φθορὰν κατὰ τόπον δηλοῖ, ὀλίγον δὲ σάλον, καὶ κίνδυνον εἰς τὴν οἰκουμένην τοῖς ἀνθρώποις.

острова и соседних стран в эпоху Палеологов и также времени наступательной политики Турецкой империи.

Воюют между собой аравяне, сарацины, египтяне, вавилоняне, измаилтяне, турки, персы, христиане, варвары, франки и другие мало известные и совсем неизвестные народы. В постоянном антагонизме находятся Восток и Запад, в особенности в сводных Громниках. От востока до запада рати и злоба, или рати только в одной из частей света, плѣнение, в особенности на Западѣ. Западный царь воздвигает рать на восточного и погибает, или наоборот восточный царь воздвигнется на западного.⁶³ Обычно все же побѣда остается на сторонѣ восточного царя. Вообще первенствующее мѣсто в войнах предоставляется царям, судьба которых тѣсно связана с ними. Часты также комбинации войны и походов с мятежами, судьбой вельмож и великих мужей. У варваров, как было и у Лида, отмѣчается борьба между отдѣльными народами, б. м. это удержалось из старых гадательных книг. Хотя и позднѣе излюбленным методом византийской политики было натравливать один народ на другой: русских на болгар, половцев на печенѣгов и т. д. Встрѣчается также предсказаніе: что странѣ удастся отразить врага.⁶⁴

Для опредѣленія войны употребляются слѣдующія выраженія: война, походы, битвы, кровопролитіе (πόλεμος, κίνησις ἐχθρῶν, κοῦρσι, σφαγαί)⁶⁵ — рати, сѣмьрти, брани, сечь и т. д. Отмѣчается также захват городов, попаденіе, войска уничтожают урожай, захват плѣнных. Предвидится случай, когда обращенные в рабство плѣнные немедленно встают против своих врагов.⁶⁶

Детали походов обычно не даются. Часто нападеніе сопровождается гибелью страны, что и бывало часто на самом дѣлѣ в XIV и XV в. Отмѣчаются и побѣды.⁶⁷ Значительно рѣже встрѣчаются предсказанія о мирѣ просто или о мирѣ всей вселенной или царей.⁶⁸ В славянских гадательных книгах мир упоминается рѣже, чѣм в греческих.

⁶³ Часослов № 23, л. 157 по всей земан ѿ Востока до запа ѿ рати ѿ злоби; *Перетц*, I. 62; *Delatte*, op. c., p. 633 καὶ αἰχμαλωσία εἰς δυτικὸν μέρος; № 23, л. 165 об. западн црѣ поидеть на восточнега ѿ погнѣнеть; *Перетц*, I. 77 вѣсточнѣи црѣ поѣнѣнется на западѣ ѿгд црѣ; *Delatte*, op. c., p. 1436 καὶ βασιλεία ἐξελεύσεται ἐκ μέρους τῶν ἀνατολῶν καὶ τὴν βασιλείαν τῶν χωρῶν συνθλάσει; p. 20614 τὰ μέρη τῆς δύσεως ταπεινωθοῦν.

⁶⁴ *Delatte* op. c., p. 21123 καὶ ἡ χώρα ὅπου ὁ σεισμός γένη ἀντισταθῇ τοῖς ἐχθροῖς τῆς; № 23 л. 137 (если ночью землетрясеніе) ѿ земан тѣ начнеть протнѣнѣтсе врагѣ своимъ.

⁶⁵ *Wünsch*, op. c., p. 41611; *Delatte*, op. c., p. 13429; p. 1423; p. 606.

⁶⁶ *Delatte*, op. c., p. 1359 καὶ πόλεις μεγάλαι κακωθήσονται καὶ ὁρῇ μεγάλη ἔσται κατὰ τῶν ἐχθρῶν εἰς τὸν τόπον ἐκεῖνον; p. 2041 εἰς τὴν δύσιν πολέμους καὶ ἀκαταστασίας δηλοῖ εἰς πᾶσαν φυλὴν καὶ κάστην καὶ χώρας ὁμοίως; p. 2071 καὶ θά περάσῃ στράτευμα νὰ ἀρπάξῃ τοὺς καρπούς; *Перетц*, I. 57, 71, 70 попаденіе вѣсѣмъ странѣ; *Delatte*, op. c., p. 6327 αἰχμαλωτισθήσονται πολλοὶ καὶ δοῦλοι κατὰ τῶν ἐχθρῶν καὶ βασιλέων ἐπαναστήσονται· καὶ ὕστερον οἱ δοῦλοι ἀπολοῦνται.

⁶⁷ *Тихонравов*, p. 364 по мѣстѣ поведѣ ѿмѣтъ.

⁶⁸ *Delatte*, op. c., p. 14526; *Архангельскій*, op. c., p. 141.

Предсказанія о внутренней жизни страны не занимают того преобладающаго мѣста, каковое они имѣли в коллекции Лида. Войны внѣшнія и внутреннія на первом мѣстѣ. Как и в VI-ом вѣкѣ эти предсказанія касаются: 1. судьбы лиц стоящих у власти в государствѣ, как цари, правители, князья, бояре, мегистаны, архонты, господа, старѣйшины, великіе мужи, богатые и мудрые, причем преобладают предсказанія об их паденіи. В этой группѣ я пока оставляю в сторонѣ многочисленныя предсказанія о господах, так же как о людях — подданных. Они, повидимому, особенно развились на славянской почвѣ. 2. Мятежи и междоусобія, причем увеличилось участіе в них высших классов населенія. Гораздо больше мѣста, чѣм в коллекции Лида, удѣлено остальным сословіям. К ним принадлежат воины, купцы, мореплаватели, как особая категория лиц, разбойники, тати, гусары, люди или подавники, слуги, рабы, и убогіе. Больше части этих категорій я коснусь в слѣдующей главѣ, хотя конечно часть предсказаній заимствовано с греческаго. Народ, как совокупность, исчезает. Рубрика реформ также совершенно отпала. Встрѣчаются все же еще предсказанія об областном правительствѣ, городах и правосудіи.

Царская смертность и гибель царей в предсказаніях просто невѣроятна; конечно, здѣсь мы имѣем дѣло с шаблоном, отмѣченным и Гликом без котораго не обходится ни одна гадательная книга.

Иногда уточняется характер самой гибели, напр. царь падет во время войны. Даются подробности гибели и указываются послѣдствія этого событія. Один великій царь погибнет, и благодаря этому наступит смута в восточных землях. Потом изыдет другой царь и много зла сотворит, бояре же и совѣтники ему измѣнят и другой царь убьет его.⁶⁹ Аналогіи можно было бы найти в исторіи II болгарскаго царства. Иногда же наоборот вельможи гибнут вмѣстѣ со своим царем в битвѣ. Царю также иногда приходится обращаться в бѣгство.

Указываются также на виновность царя в нѣкоторых случаях: царь погибнет, яко мучитель, т. е. тиран; великій царь своим безуміем рассыплет землю. Предсказывается также появленія тирана или новаго царя вмѣсто стараго, появленіе царя поднимающаго смуту во всем мірѣ.⁷⁰

⁶⁹ Jagić, op. c., p. 133 βασιλεως ἀπώλειαν; Тихонравов, p. 364 и црѣ некоторомѣ пѣгѣе; Перетц, I, 65, 66, 68; Delatte, op. c., p. 20918 οἱ δὲ Ἑβραῖοι καὶ Βαβυλώνιοι ἀποκρίσιν πόλεμος καὶ πολλοὶ θανάτωδυν καὶ βασιλεῖς ἀπ' αὐτοὺς πέσουσιν καὶ οἱ δυνατοὶ ἄνδρας τῆς ἀνατολῆς ὁμοίως; Перетц, I. 60 едѣ великѣ црѣ загнѣнѣ и за ѣго радѣ мнѣго земля на востѣцѣ помѣтѣтса · потѣмъ дреѣ црѣ ѣзыдѣ и мнѣго зла сѣтворѣ и болѣи и сѣвѣтѣнници ѣго · ѣзневѣртѣса и дрѣгѣ црѣ оуѣйтѣ ѣго; Wunsch, op. c., p. 4169 καὶ ὁ βασιλεὺς φεύγει ἐκ τῆς βασιλείας αὐτοῦ.

⁷⁰ Часослов 23, л. 173 еднѣ великѣ црѣ своѣмъ безуміемъ зѣмлю рассыплетъ; Перетц, I, 59 и потѣ погыбнетѣ црѣ ꙗко мѣтель; № 23, л. 153 об. ѣзидѣтъ чловека великѣ ѡ запѣ и речѣтъ ѣ сама царѣ · л. 157 ѣзидѣтъ великѣ царѣ ѡ еднѣго мѣста и вѣсь свѣтъ помѣтѣтѣса нѣго радѣ; Delatte, op. c., p. 20421 καὶ θέλει φανῆ ἀπὸ ἀνατολῆν βασιλεὺς.

Вспоминаются великіе монгольскіе завоеватели. Цари становятся против своих вельмож, подавляют мятеж и в отмѣстку творят зло, впрочем бояре отплачивают той же монетой, и при дворѣ бывает безпокойно. Цари угнетают убогих и становятся безчестными, в переводном Громникѣ наоборот честными. Иногда у царя мало власти — в результатѣ своеволіе вельмож.⁷¹ Всѣ эти предсказанія отвѣчают положенію вещей в Византіи, но могли с успѣхом также быть дополнены в славянских странах. В переводѣ больше страдают цари от бояр, в греческих книгах наоборот. Констатируется также опустошеніе казны. (См. стр. 432—3.)

Вмѣстѣ с тѣм дается также и ряд благопріятных для царя предсказаній: им и их двору предсказывается радость. Ко двору царя принесут много даров, увеличится от этого количество коней и челяди. Вспоминаются слова Святослава о Переяславцѣ на Дунаѣ: «Нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моеѣ, яко ту вся блага сходятся: отъ Грекъъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь.» (Лавр. лѣт., П. Собр. рус. лѣт. изд. Археогр. Ком. т. I. 1846 г. р. 28.)

Посольства и заключеніе мира обычно в то время сопровождались щедрыми⁷² дарами, и кони в них не всегда занимали послѣднее мѣсто. Цари погубят злодѣев, прекратят мятежи, наступит мир и великая любовь, ратей не будет, а будет радость великая в царях и людях.⁷³

Из правителей в греческих книгах встрѣчаются великіе архонты (в смыслѣ князей), эксусіархи (ἐξουσιαρχός, Delatte, р. 59₁₄), авфенты, династы (ibidem, р. 58₁₉), архиги (ἀρχηγός τῆς χώρας, Wunsch, р. 416₂) и игемоны. В славянских кромѣ царей, господаи (Перетц, 160) и князья (Перетц, I, 55). Всѣ они подвержены тѣм же несчастіям, как и цари, т. е. главным образом смерти и гибели, иногда встрѣчаются и предсказанія благопріятнаго характера.

Много предсказаній относятся к правящему классу: боярам, совѣтникам, старѣйшинам, вельможам, греческим мегистанам и архонтам. Их судьба тѣсно связана с великими и сильными мужами, которые выходили главным образом из их среды. С их взаимоотношеніями с царями нам уже пришлось встрѣтиться. Иногда они гибнут со своим государем, но гораздо чаще куют измѣну и подвергаются его гнѣву. Об их

⁷¹ Delatte, op. c., р. 4715 καὶ πολλαὶς φοραῖς βασιλεὺς κατὰ τῶν μεγιστανῶν αὐτοῦ ἐπαναστήσεται, р. 210₁₂; Перетц, I. 62, 75; р. 210₆ καὶ εἰς τὴν αὐτὴν τὴν βασιλικὴν κατάδοσας καὶ δόλοι καὶ διαλεκτῶν ἀνδρῶν ἀπώλεια; № 23, л. 158 об. ѣкози ѡ ѡа неправѣ примѣтъ; л. 139 царѣ [чѣстна] едѣтъ ѡ кнези смере'тъсе ѡ смерени казрадѣют'тъсе ѡ големи ка рати погненѣтъ; Delatte, op. c., р. 134₂₈ οἱ βασιλεῖς ἄτιμοι ἔσονται καὶ οἱ ἡγεμόνες προβασθήσονται.

⁷² Перетц, I. 58, № 23, л. 136 ка царѣ мнози дари принесе'тъ коне ѡ челядь приведе'тъ. ѡ ѡ ка сѣмѣ || радость кневетъ къ домѣ цареве.

⁷³ Delatte, op. c., р. 6117 εἰς τὴν ἀνατολὴν χαρὰ βασιλέως; № 23. л. 129 царемъ мѣръ ѡ любо вѣла ѡ рати некѣтъ нѣ радости велика къ царехъ ѡ къ чловецехъ едѣтъ.

отношеніи к людям в слѣдующей главѣ. Сохранилась та же социальная рознь, как и во времена Лида: богатые погибнут, а бѣдные обогатятся.⁷⁴ Великіе мужи гибнут на каждом шагу: Wünsch, p. 417³⁵ ἀνδρῶτος μέγας τελευτήσει; Перетц, I. 55 великы' мѣ ѡмреть. Иногда дается болѣе точное опредѣленіе: мегистан, славный, избранный; в ту же категорію попали премудрые мужи. Случается, что грозит им не смерть, а только изверженіе и разлученіе с другими сильными или с женами, что может повести к гибели от безумнаго плача. Предвидятся также попаденіе и разграбленіе имущества.⁷⁵ Встрѣчаются также и случаи возвышенія. (ἡζ'βράν'ιμъ великѣймъ ѡвлѣнѣ, Тихонравов, p. 366).

Большое количество предсказаній относится к мятежам, но они отличаются однообразіем и в них нѣтъ уже всѣх тѣх оттѣнков, которые встрѣчались у Лида. По гречески — положеніе вещей передается обычно словом ταραχή, ταραχμός, по славянски мѣтежъ, смѣща, сметеніе или, что нѣкая страна возмутится. Упоминается, гдѣ происходит мятеж — в городѣ, в людях, в опредѣленном мѣстѣ или по всей вселенной. Мятеж иногда сопровождается «кличем».⁷⁶

Из близко стоящих к этим предсказаніям слѣдует упомянуть ложные голоса, страхи и молву, от которой особенно страдает Египет.⁷⁷ Городам по прежнему удѣлено сравнительно много мѣста. Между ними различаются столица и крайніе города, большія крѣпости и малыя мѣстечки. Предсказывается их гибель, распаденіе, умаленіе, плѣн, мятежи и различные бѣды, пожары и изрѣдка радость.⁷⁸

Упоминается и провинція — хора. Мы уже встрѣчались с ней в греческих предсказаніях. В переводном говорится, что хόραα по междѣ себе вѣкарію сотворѣтъ и за · ῥ · лета не ῥμнретьсе, Часослов Чеш. Муз. № 23, л. 158). Повидимому, это должно означать, что отдѣльныя деревни устроят попойки с дракой. (βοῦχα — кусок, μολούχωνω — кормить Bukara, — tumultus, etc., Daničić, Rječnik serb.-hrv. t. I.) Другое предсказаніе также явно византийскаго происхожденія. Предсказываются неприятели от администраціи: κεφάλαιε ἡ πρᾶ'τορῖν земли мнѣго беззаконіе сѣткѣ-

⁷⁴ Delatte, op. c., p. 147⁶ ἀρχόντων ἀπώλεια, πλουτισμός πενήτων № 23. л. 132 об. ἡ ῥεοσι κλннеσѣтъсе · ἂ когати смерѣтъсе.

⁷⁵ Jagić, op. c., p. 124 καὶ θάνατον ἀνδρὸς μεγιστάνου; Тихонравов, p. 363, 364, 366; Архангельскій, op. c., p. 132 и женамъ бгороднѣй плачѣ · нна плачѣ снани погненѣтъ; Перетц, I, 73 вѣзмѣтѣса нѣкон зѣман · ἡ велико мѣжа ѡмрѣтъ · ѡмѣнѣе ἐγὼ ἡмъ прѣймѣ,

⁷⁶ Wünsch, op. c., p. 417³⁸ ταραχὴ ἔσται ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ; Перетц, I, 62; Delatte, p. 591 εἰς τὸν κόσμον ταραχὴ σημαίνει; Тихонравов, p. 365 ἡ мѣтежъ вѣсменн'ен'; p. 363 вѣзмѣтет'се некоѡй странѣ; Delatte, p. 63⁹ τόποι πολλοὶ καὶ χώραι ταραχθήσονται; Перетц, I, 58 вѣ градѣ кѣн ἡ матѣжъ.

⁷⁷ Jagić, op. c., p. 124 καὶ βασιλεὺς ψόγον καὶ δόλον καὶ ἀπρετεῖς φωνάς; Перетц, I, 61 ἡ лѣ · ж'нн гласове мнѣгы; Тихонравов, p. 364 ἡ вѣ ἐгѣп'тскѣй странѣ мѣлѣа.

⁷⁸ Delatte, op. c., p. 64⁸ καὶ πόλεις μεγάλας κακωθήσονται; p. 211¹² καὶ εἰς τὴν βασιλεύουσιν πόλιν ἐμπρησμός; p. 205²⁸ κάστηρ μεγάλη ἐρημωθοῦν; Перетц, I, 59 крѣнш'нн градѣе вѣдѣ прѣймѣ.

ритъ (Перетц, I, 64) от начальника провинціи и отъ сборщиковъ пода-тей. Жалобы на это не рѣдкость в позднѣйшей византийской литера-турѣ. Наконец одно из предсказаній предвѣщает гибель неправедным судіям.⁷⁹

Что касается купцов то большая часть относящихся к ним предска-заний мрачнаго характера, зло и пагуба, небольшой доход иногда всеже доход, обѣднѣют. Страдают они от господ и разбойников.⁸⁰

На разбойниках я останавлиюсь подробнѣе в слѣдующей главѣ. Гре-ческій Громник знает небезопасность дорог и появленіе злодѣев.⁸¹ Море-плавателям и их кораблям посвящаются предсказанія исключительно отрицательнаго характера — их ждет гибель и потопленіе (Перетц, I, 60, 63; Jagić, p. 118, 123 τοῖς ναυτιλλομένοις κίνδυνον).

Остановимся также на предсказаніях, касающихся стихійных бѣд-ствій, эпидемій, смертности и отчасти экономики. Первых стало меньше, из них больше всего встрѣчаются пожары, засуха, бури (χάλασμος) рѣже, разливы. Предсказанія о смертности по прежнему изобилуют, примѣни-тельно к мужам, женам и дѣтям — их можно найти в любой гадатель-ной книгѣ. Изобилуют и предсказанія о болѣзнях (напр., Jagić, p. 115—123). В большом количествѣ встрѣчается голод, появленіе саранчи, на-конец предсказывается дороговизна и дешевизна. Голод доходит до того, что ѣдят друг друга.⁸² Указывается также каких плодов земных будет изобиліе. Кромѣ злаков, чечевицы и бобовых, упоминается мед, масло, маслины, вино, изрѣдка финики. Из животнаго мира упоминаются дикіе звѣри, овцы, козы и, наконец, рыбы.

В области религіозной встрѣчается небольшое число предсказаній о церквях, о разрушеніи или воздвиженіи их и о гнѣвѣ Божіем.⁸³ Пред-сказаніе об измѣнѣ своей вѣрѣ сложилось вѣроятно позднѣе уже на славянской почвѣ.

Другая группа предсказаній касается вопросов нравственных. Напр., добродѣтели. Люди прокормятся трудами рук своих или наоборот от многоаго изобилія люди впадут во блуд, появятся пьяницы и блудницы, семья распадутся, жены и дѣти умрут и дома развалятся.⁸⁴

Особняком стоит предсказаніе о том, что на Востокѣ, на Западѣ от-

⁷⁹ Delatte, op. c., p. 149²³ ἀδικῶν κριτῶν ἀπώλεια καὶ ἀδικίας βασιλείων; Перетц, III, 109 не-правдѣи соудѣиши погнѣиель а праведнымъ явленіе...

⁸⁰ Перетц, I, 63 ἡ κοῦν'τις παγοῦβα; 64, 66, 67; № 23, л. 167, 178.

⁸¹ Delatte, op. c., p. 206²⁸ καὶ εἰς τοὺς δρόμους κλεψιαῖς καὶ φόνοι; Wunsch, p. 417¹⁶ αἱ ὁδοὶ κόπ-τονται, καὶ κακοποιοὶ φαίνονται.

⁸² Delatte, p. 60¹⁰ λιμός καὶ ἀλλήλοσφαγία; Тихонравов, p. 365.

⁸³ Delatte, op. c., p. 209¹⁸ τόποι δὲ πολλοὶ καὶ ἐκκλησίαις πέσουσι; № 23 л. 133 цркве многе ѡпс-тѣиуть; Яцимирскій, op. c. p. 431 ἡ цркѣ великаа нѣгдѣ съзижѣтсѣ · а ѡкошнаа дрѣвесе нѣгдѣ съж-етѣтсѣ · а лознѣ а съхнѣ ἡ грѣздѣ сътрытсѣ гнѣиѣ · а жїемъ · а шростъ рѣвнѣиѣмъ сакаѡда; Перетц, I, 74.

⁸⁴ Перетц, I, 60, 73, 68; № 23. л. 127 ἡ ѡ множества пици чѣвци въ кадь выпадеѣ, домов'е ἡ развратѣтсѣ жени ἡ а дѣти вназпѣ азмрѣтѣ.

метутся рукописанія. Неизвѣстно суть ли это юридическіе акты или отреченныя сочиненія. Часослов Чеш. Муз., 23. л., 141 об. на восточѣ же и западѣ вмѣтають се рукописанія.

Этим я заканчиваю бѣглый пересмотр предсказаній греческих и переводных. При наличіи того небольшого матеріала, который мнѣ был доступен и невозможности точно датировать его и опредѣлить соотношеніе различных редакцій и списков, дѣлать полный обзор предсказаній является несвоевременным.

В этой главѣ сдѣлана попытка по возможности дать общее представленіе о важнѣйших предсказаніях, характеризующих происшедшія в составѣ позднѣйших гадательных книг измѣненія. Болѣе конкретнаго опредѣленія отдѣльных предсказаній сдѣлать трудно — они слишком общи и шаблонны. Всеже по ним и в особенности на основаніи географических данных можно намѣтить нѣсколько наслоеній, хотя и в очень общих чертах. Именно, гадательныя книги были значительно переобразованны в эпоху от VII до XII-го вѣка. Затѣм снова в послѣдніе вѣка имперіи, когда онѣ по всей вѣроятности начали утрачивать свой цѣльный характер — в центрѣ перестает стоять опредѣленное государство, и начали преобладать предсказанія о войнах и сосѣдях. Наконец третее наслоеніе времени турецкаго завоеванія, когда в гадательных книгах особенно развивается момент социальный.

С каждым новым наслоеніем количество шаблонов и анахронизмов все увеличивается. Всеже предсказанія долго продолжают в общих чертах соотвѣтствовать духу времени и запросам среды, в которой книги имѣли хожденіе.

Многую приводились параллели между греческими и славянскими предсказаніями. Этих параллелей можно привести еще больше — они указывают на зависимость славянских предсказаній от греческаго прототипа. Славянскія же предсказанія тѣм болѣе цѣнны, что зачастую старше дошедших до нас греческих варіантов того же источника.

В слѣдующей и послѣдней главѣ будут разсматриваться предсказанія, возникшія уже по всей вѣроятности на славянской почвѣ или привившіяся там, как отвѣчающія в нѣкоторой степени политической и социальной обстановкѣ того времени.

Приложеніе I.

ГРОМНИК РУКОПИСИ № 70 ЧЕШСКАГО НАРОДНАГО МУЗЕЯ В ПРАГѢ.

(СЕРБ. 14, СОБРАНІЯ ШАФАРИКА).

Рукопись № 70. Сборник в четвертку. Письмо среднее между полууставом и скорописью. Извѣстен в литературѣ под именем Ходошкаго.

Отнесен своим владѣльцем П. І. ШАФАРИКОМ к 1390 году. Подробно описан М. СПЕРАНСКИМ «Рукописи Павла Іосифа Шафарика» (нынѣ Музея Королевства Чешскаго) в Прагѣ». Москва. 1894, р. 53 и А. ЯЦИМИРСКИМ «Рукописи, хранящіяся в заграничных библіотеках». Сборник Отдѣленія рус. яз. и слов. Россійской Академіи Наук. 98. Петроград. 1921, р. 780. Относительно датировки рукописи высказано нѣсколько различных предположеній. Сам Шафарик относил ее к 1390—1408 годам. (Šafařík, Geschichte d. süd.-slaw. Lit. III, р. 221). Ягич также (Historija književnosti naroda hrvat. i srbsk., I, р. 200). СОБОЛЕВСКИЙ к XVI вѣку. (Яцимирский, ор. с. р. 787.) Разсужденія самого Яцимирскаго по этому вопросу в Отчетѣ о научной командировкѣ за границу в 1913 г. (Отчет Отдѣл. рус. яз. и слов. Акад. Наук) мнѣ недоступны. Сперанскій, основываясь на одном из водяных знаков — ножницы, относит рукопись к XVII в. Дѣйствительно открытыя ножницы встрѣчаются в болѣе поздних рукописях, но анализ других водяных знаков, как напр. олень, холмы, заставляют отнести бумагу рукописи к первой половинѣ XV-го вѣка.

Издаваемый здѣсь впервые Громник (в Starine X, ЯГИЧЕМ издан Громник из рукописи 73 Чеш. Муз., Сперанскій, р. 54) сохранился в рядѣ списков. (См. гл. I, р. 70—71.) Привожу разночтенія из двух наиболѣе близких по своему тексту списков, а именно № 80 Софійской Народной Библіотеки, изданныя А. АРХАНГЕЛЬСКИМ в «Изв. Отд. Рус. яз. и слов.» т. IV, 1899 г., р. 137; XVI в.; и рукописи «Бѣлградской Народной Библіотеки» № 184/475 (Л. СТОЯНОВИЧ, Каталог Народне Библіотеки у Београду. Бѣлград, 1903, р. 320), изданный Новаковичем в «Примери книжевности и језика старогa и српско-словенскогa». При изданіи вскрыты были всѣ сокращенія и внесены измѣненія в правописаніе, напр. џ было замѣнено «шт». Пользуюсь при сравненіи самой рукописью. Считаю своей пріятной обязанностью поблагодарить за оказанное содѣйствіе директора Чешскаго Народнаго Музея І. ВОЛЬФА, библіотекарей Бѣлградской Народной Библіотеки М. ЗЕЧЕВИЧА и СВ. МАТИЧА и хранителя рукописей Аѣинской Публичной Библіотеки Л. ПОЛИТИСА.

Сохраняю по возможности правописаніе рукописи. «н» подлинника пришлось замѣнять, за отсутствіем соотвѣтствующаго знака в типографіи, болѣе поздним начертаніем «и». Разночтенія приводятся мною в том случаѣ, когда они касаются измѣненія смысла текста, различія в правописаніи обычно опускаются.

А. — № 80 Соф. Нар. Библ.; Б. — № 184 Бѣлград. Нар. Библ.

Сказаніе ѿ громовници.

Л. 177 п.

Ише въ чис[ло] бѣни погрѣмѣ. ѿ вѣстока тѣхнѣ кажѣ и рати и пѣгѣба бодѣ. и ѿ сѣва мнѣга вѣлци боуѣтъ: ~ Ише троѹ боудѣ. кнезѣ пѣмѣннѣ. и метежъ мнѣгъ кажѣ: ~

5 Ише въ число юнче погрѣмѣ. пшеница тѣю повѣдоуѣ. и радѣ въ црѣи дѣоѣ. и на вѣстоцѣ метежъ и сѣчь велѣи. и слѣзь нанесеніе. || и црѣс болѣзнь. и члѣкѣ Л. 177 об. недѣугѣ: ~ Ише трѣс боудѣ. зноѣ велици и велика вѣда боудѣ: ~

Ише въ число близньче погрѣмѣ. пѣвигѣ и недѣугѣ въ члѣцѣ, и плакающѣи пѣгѣба. и велика зима боудѣтъ. плѣмъ погнѣбѣ и тѣи. и ѣвлиннѣ нѣкоемъ силнѣ. 10 и мнѣгѣи моужѣи извѣрженіе. и пернатѣи пѣгѣба: ~ Ише троѹ боудѣ. нѣкоѣа страна вѣзметѣтъ: ~

Ише въ чис[ло] раково погрѣмѣ. вѣтры велици вѣзвѣкѣ. сѣаннаа жѣта цѣла бѣуѣтъ. пшеница и ѣчень на гѣмна ѣспѣкнѣтъ се. на запѣнен странѣ мнѣзи ѣуѣрнѣтъ се. и трѣскѣ велѣи. и нарѣчитѣи плѣдоу ѣскѣденіе и сочнѣа по малѣ. и кѣше ѿ 15 сѣкѣрныѣ страны пѣгѣба. и црѣс нѣкоемъ погнѣбѣ: ~ Ише троѹ боудѣтъ. запѣвеніе ѿ сѣмѣслѣннѣ. и силнѣи разлѣченіе кажѣ: ~

Ише въ число лѣ[во]ко погрѣмѣ. тѣо гѣуѣмѣнскомъ плѣд[у] тѣи. и на запѣ стрѣпи. и ѣишаѣ, и крѣ[а]стѣ боуѣтъ. и погнѣбѣ велѣи. пѣче на [сѣ]лѣннѣи и тоуѣга зѣман. и зѣкѣрѣ погнѣбѣлѣ. ~ Ише троѹ бѣдѣ. прѣмѣдрѣи пѣгѣбѣс кажѣ: ~ Л. 178 п.

20 Ише въ число дѣче погрѣмѣ. болѣраѣ и вра || гѣи црѣкѣ паденіе. и въ ѣгѣптѣ мѣлѣа. и на западѣ по мѣста тѣга. и бѣдоу кажѣ. и тѣи пшеница, и сочикоу. ѣи наа полѣи сѣктѣка боуѣтъ. и по мѣрѣ вѣзвѣстѣи. и въ члѣцѣ сѣмѣрѣи на- прѣсна: ~ Ише троѹ боудѣ. мнѣзи недѣзи ѣвѣтѣс: ~

Ише въ число хѣмѣстоко погрѣмѣ. бранѣи и сѣчь повѣдоуѣтъ. и дроѹ на дрѣга 25 пѣвигнѣтѣс. и мнѣго рѣны ѿ зѣкѣрѣи днѣннѣ. глѣ же боудѣ и мнѣгѣс плѣдѣ ѣвлиннѣ. и потѣи мнѣзи извѣбѣтѣс. тѣжка зима. и рѣкѣи велѣи сѣлѣи боуѣтъ. и пакѣи ѣсѣ- шеніе зѣман. и ѿ ѣзи мнѣзи помѣроу. и нечѣстнѣннѣи погнѣбѣ, и бранѣ. и на запѣ глѣ мнѣ. и пѣвигнѣуѣтѣс мѣста и. и ѣчетѣорѣнѣи погнѣбѣ. и ѣсѣи ѣишаѣ, и сѣмѣрѣ мнѣга: ~ Ише троѹ бѣдѣтъ. тѣо сѣмѣрѣ мнѣо кажѣ: ~

30 Ише въ число скорѣи погрѣмѣ. глѣ и сѣчь кажѣ[ѣ]. пернатѣи погнѣбѣ, и тѣжка зима. плѣ посѣкѣи. и сочнѣоу тѣи. сѣкѣкѣрнѣа страна глѣдѣи падѣтѣс. и ѣ гнѣкѣи црѣтѣвѣющѣи измѣннѣи. и ѣномѣи ѣвлиннѣ. и ѿтоуѣдѣ вѣдомы. синѣоуѣс дрѣс на дрѣга. Иѣко ѣар ѣсти прѣнтѣи на нѣ: ~ Ише трѣс бѣдѣ. тѣо рѣтъ велѣкѣс кажѣ: ~ Л. 178 об.

Ише въ число стѣлѣче погрѣмѣ. пѣвигѣ || и мѣлѣа бѣдѣ, иѣдѣ гром пѣротѣчѣ. пшѣ- 35 ниц[ѣ] и дрѣгомъ плѣдѣс погѣба. и ѿ горѣ тѣи. ѣ по полѣи плѣ цѣлѣ. зѣма поѣзна по мѣста же вѣстѣчнѣа, мнѣзи прѣззи ѣвѣтѣс, въ сѣхнѣи плѣмъ. и потѣи вѣпа- дѣтѣс въ мѣрѣ. и радѣи велѣка по вѣселѣннѣннѣ боудѣтъ: ~ Ише троѹ боудѣ. стѣдѣи пѣгѣбѣс кажѣтъ: ~

Ише въ число козѣорого погрѣмѣ. дѣжѣ кажѣ, мѣ днѣи. ѣуѣ црѣ же мѣлѣа. и 40 ненаѣи и рѣптаніе извѣбрѣннѣи. и ѣвленіе ѣномъ црѣс на вѣстѣчнѣи странѣи и сѣша зѣман. и глѣ въ малѣ боудѣ, и сѣмѣрѣ. и по мѣстѣи глѣ. и мнѣгѣи корѣбѣи

Ище въ число рѣке погрѣмй пшеници тѣхъ кѣжѣ . по мѣстомъ же вѣсѣ мѣла
немѣла . и бѣда вѣсѣ чѣмъ . и въ црѣградѣ глѣ и па[г]сѣба . и црѣс пѣменине .
послѣднѣ || [ра]змѣмъ . и востановъ дровъ на дровѣ . и на[р]очитовъ зѣмѣ кѣжѣ . 50
и вѣсѣ бѣдѣ и рано и поздно , много добрѣ и зѣмѣмъ . воломъ же погрѣмѣ . и пернатѣ
зѣмѣ . Къ востоковъ и западѣ . и въ зрѣстѣ вѣстѣмъ мѣстѣ , и странѣ црѣ : ~
Ище трѣ бѣдѣ . то недѣмъ мѣмъ и сплѣнетсе : ~

2 А - пакненіе; 2 Б - рати кажець; 4 Б - тлѣніе; 4 А - цркви и въ дворехъ. Послѣ 7 лишнее в Б - ѣ скотомъ погибелъ ѣ па западе недѣзи мнози (А); 10₆ Б - ѣ; 12 А - сѣіаіа; 14 Б - плодѣскоудѣніе; 15₂ Б - отсутствует; 16₆ А - отсут; 17 А - гсмненомъ; 17 Б - западесѣ; А - западніе страни; 18 А - красти; Б - красте; 18 Б - славній; Б - пропуск, начинается снова с 35. А перед 20 ѣ двѣ; 20 А - Египтѣ; 25 А - подкигнетъ побѣдѣ; 26 А - изгибнѣтъ; 28₁ А - плодѣ; 28 А - ѡм; 28 А - лишеніе; 28 А - профаніе (?); А - перед 30 ѣ - скорпиа; 31 А - въ гнѣвѣ; 32 А - водимы; 33 А - тарости; 33₁₃ А - въсакомѣ; А перед 34 - ѣ. стрѣльць; 35 А - познаа; 36 А - снѣдѣ; 39 Б - Козіегарога; 39 Б - мѣ; 41₄ А - егда; 41₁₃ А - глѣ; перед 44 А - Шокрош аї; 44 Б - по въселеннѣ; 45₅ Б - по въселеннѣ въ; 46 А - цркви ѣ въ двору; 47 Б - шѣсѣе. А перед 48 кі - рнба; 49 Б - црѣ градѣ; 50 А - послѣ же; 50 Б - разоумѣю; 50 А, Б - въстанет; 51 Б - колѣкомѣ; 52₅ Б - пернатіи зѣ.

Приложеніе II.

РАЗНОЧТЕНІЯ ГРОМНИКА ИЗ ЧАСОСЛОВА ЧЕШ. МУЗ. № 23,
СРАВНИТЕЛЬНО С ТРЕТЬИМ ГРОМНИКОМ РУКОПИСИ
РУМЯНЦЕВ. МУЗ. № 1735.

Рукопись 23 Чешского Народного Музея, писанная около 1700 г. Письмо боснійское. Описана СПЕРАНСКИМ, ор. с. р. 45 и ЯЦИМИРСКИМ, ор. с., р. 627. К описанию можно добавить, что кромѣ трех лун имѣется еще один неразборчивый водяной знак. Надписи, повидимому принадлежат позднѣйшим владѣльцам книги. Нѣкоторое сомнѣніе может только вызвать надпись 1722 года, гласящая:

1722 ЛЕТО · ГѢ · ДД.

Ѣ́на Кнѣ́га гл҃голема. Полѣсѣ́тъ · мнѣ́ грѣ́нато · попа маѣ́и'ма пеѣ́нїна. Пѣ́писас[сѣ́]
ѣа граде́ бѣ́ градѣ́тѣ́.

В рукописи имѣются три Громника. I-ый л. 127—142 об. равняется первым двум Громникам Румянцевской рукописи, изданным Перетцом в «Матеріалы к исторіи апокрифа и легенды», I р. 54—60. II-ой Громник с Зодіаком той же редакціи, как и издаваемый в первом приложеніи. III неполный соотвѣтствует III-ему Румянцевскому (Перетц, I, р. 60—80). Он кончается маем. Привожу цѣликом только три мѣсяца: Ноябрь, Апрѣль, Май, гдѣ оба текста расходятся. Хотя наш текст моложе и значительно измѣнен стилистически и мѣстами переписан небрежно, всеже, повидимому, переписчик пользовался болѣе исправным списком подлинника. В румянцевском текстѣ замѣчается тенденція комбинировать различныя гадательныя книги при этомъ не всегда удачно. Привожу разночтенія только в тѣх случаях, когда измѣняется смыслъ предсказанія. Номера означаютъ порядок слѣдованія за собой предсказаній. Правописаніе подлинника по возможности удерживается.

Сентябрь.

1 - менѣе полно; 2 - небольшія измѣненія. л. 150. ѿ ка рекѣ много зла бѣтъ. 3 л. 150 об. ѿщелъ солнце соотвѣтствуетъ лунѣ П., I. 60; 5 - короче; 7 - л. 151-8 П. аще дѣга ѿкитсе на востоце то ка перси рати ѿ крови бѣтъ. ѿ саракински царь рать сатворить са фрѣзи ѿ сракини побѣдѣ фрѣзе; 10-11 П. л. 151 об. томѣ мѣстѣ добро много; 12 короче 13-14 П. л. 151 об. лишнее: ѿ ѣззи людіе много безаконіе примѣтъ ѿ своихъ господѣ; 14 - л. 152 ащелъ в инѣ на дѣрехъ ѿли на ѿблаци ѿкитсе знаменіе подобно зверѣ. то господа людемъ неправдѣ сатворетъ. ѿ ка рати ѣдинъ царь погибнетъ. 16-16 П. л. 152 вмѣсто царя ѣдинъ великъ господарь ѣмретъ; 17-17 П. короче; 19-19 П. напраснѣ самѣрть; 20-20 П. ка людемъ метежъ; 21-21 П. ащелъ чадѣ вѣдѣтъ. 21 короче. 21 П. Всѣхъ предсказаній по 24.

Октябрь.

1-1 П. л. 153, П. I, 61. аще въ прки данъ мѣца померкнетъ межѣ господомъ скѣ; 2-2 П. - короче; П. 61-62 - л. 153-153 об. ѿ великъ сечѣ... ѿ чиреке пѣно ѿ рати вмѣсто мятежа. О человекѣ съ запада ѿ речетъ ѿ самъ царь; 3-3 П. л. 153 об. - П. 62 хѣсарѣ ѿ ѣнице; 4-4 П. 153 об. - 154 ѿ татовехъ ѿ хѣсарѣ; 5 и 6 лишніе. л. 154 ѿщелъ се знаменіе ѿкитъ на небеси нова мѣца. трѣсъ великъ вѣдетъ и въ людемъ болѣтъ ѿ ѣза ѿ скрѣ. ащелъ[се] звѣзда ѿкитъ ѿпашига чловекомъ ѿ скотомъ зло ѿ на западнии странѣ ѣтино секе вѣде ѿ смеѣха ка люде || ѿ источници ѿ рѣки пресахнѣтъ. ѿ рибамъ погибель. ѿ господа начнѣ на рати готокитсе; 7-5 П. л. 154 перефразировано; 8-6 П. л. 154 ѿ бакилконъ земли код персидѣ; 9-7 П. ѣззи вмѣсто люди, послѣ кровопролитія ѿ рати... ѿ ка гредѣщихъ годѣнѣ добро вѣде пшенице ѿ ѣйна много; 10-8 П. л. 154 об. скрѣ ка людемъ; 11-9 П. работници вѣ. слуга; 12 - лишнее ащелъ небо на востоце зачкитъ, крови ѿ злоба много; 13-10 П. короче; 14-11 П. ѿ ка людемъ ѿ свое господа гневъ ѿ вѣконѣ (л. 154 об. 1; 15-12 П. короче ѿ по земляхъ скѣпость;

пагѣба · ѡцели великѣ ветарѣ бѣде много болѣарѣ ѡ црѣ ѡмреть · ѡцели н небо погрѣмѣть ѡвцамъ погнѣбѣ ѡ татѣ людѣмъ злѣба. ѡцели трѣсь бѣде къ дне · ѡвѣтѣсь ѣдинѣ царѣ ѡ потребити васѣ царей самѣ прѣмѣнѣтѣсь ѡ царство · ѡцели ва нѣщи житѣ мало бѣдетѣ ·:

Декабрь.

Л. 159 - л. 159 об. Гаданіе по Рождеству Христову.

Л. 159. Мѣцѣ дектемврѣи · ѡцѣ бѣдетѣ рождѣство хѣо панѣлю зима бѣдетѣ добра ѡвцамъ ѡ житѣ ѡ медѣ бѣдетѣ добра ѡ самрѣ много || ѡцели къ вторникѣ л. 159 об. бѣде рождѣство зима дѣга нѣ добра. н пролетѣе добро · ѡ ва мори кораблемъ погрѣженіе · ѡ болѣсть многѣ ва людѣхъ · ѡцѣ къ средѣ бѣдетѣ рождѣство зима врьла · ѡ васѣ зимѣ дажѣки нѣѡскѣдно · ѡ пролетѣе жидѣниѣпо бѣде · ѡ жита много ѣлени ѡ заѣци ѡ ѡнимъ звѣремъ расплоди многѣ ѡ много самрѣ. ѡцѣ къ четвѣтакѣ бѣде рождѣство зима добра ѡвоцѣа къ време ѡ самрѣтѣ многѣ · ѡцѣ ва петѣакѣ бѣде рождѣство зима дѣга ѡ дажѣки много · ѡ снегѣ многѣ ѡ ѡчѣма болѣтъ · на пролетѣе дѣци самрѣтѣ · ѡцѣ къ свѣотѣ бѣде рождѣство зима врьла ветри много · ѡ мѣца маѣ ѡ ѡнѣи ѡ ѡнѣа много ѡвѣнѣе бѣде ѡ ѣчмена ѡ пшенице мало. 1-1 П. л. 160 въ мазрадскѣй землѣ ѡскѣденіе; 2-2 П. ѡвѣцѣ ѡ ѡвоцѣа много; 3-3 л. 4. П. ѡ кѣрманѣ метѣжѣ; 6-7 П. л. 160-160 об. ѡцели ѡвѣтѣсь звѣзда космѣта || ѣхинскѣй землѣ рѣти бѣтъ ѡ метѣжи къ перѣи ѡ ва кѣрманѣнскѣй землѣ рѣтовѣтѣсь господа начнѣ · ѡ ва ѣлинскѣй землѣ ѡ нѣда хѣдѣба · ѡмѣрискѣго самрѣ вѣанкимъ бѣдетѣ; 7-8 П. л. 160 об. ѡ тѣа землѣа великѣ нѣжѣ постражѣ ѡ скѣй господа · на коѣсѣ звѣзда проснѣлѣтъ; 8-9 П. короче; 9-10 П. л. 160 об. ѡ три мѣца метѣжѣ бѣде вмѣсто смерти; 10-П. 11 л. 160 об. ѡ того лета дажѣки много; 13-14 П. л. 161 ѡ жита ѡмѣ бѣдетѣ на западѣ; 14-15 П. л. 161 ва людѣхъ метѣжѣ ѡ тѣтѣкѣ; 16-17 П. л. 161 многѣ господамъ погнѣбѣ; 19-20 П. л. 161 об. зла; 20-21 короче; 22-23 П. л. 161 об. ѡ кѣпци несмѣютѣ ѡ хѣсарѣ ѡз домѣ пѣдѣти; 23-24 П. л. 161 об. - 162 ѡ господа много са нимъ || загнѣнѣтъ; 24-25 П. л. 162 ѡ кобилице; 25-26 П. л. 162 ѡцѣ землѣа потрѣтъсь господа мѣжѣ собѣ рѣтъ сѣтворѣтъ ѡ крѣпролитѣа ѡ села погорѣтъ · ѡ кѣпцѣмъ ѡменѣи разгѣбѣтъ; 26-27 П. л. 162 рѣти просто; 28-29 П. л. 162 ѡцели санѣе ѡшн поѣвѣтъ ѡ зарѣ покажѣтъ ѡ ѣдинѣ странѣ тѣо размѣрѣтъсь фрѣзи н сѣракини.

Январь.

Начинается с Колядника, помѣщеннаго у Перетца в концѣ, р. 67.

1-1 П. л. 163 - жито, вторая часть отсутствует; 2-2 П. л. 163 ѡ кобилице бѣ ѡ зла несѣтворѣтъ; 3-3 П. дѣцѣмъ самрѣтѣ ... ѡ хѣсарѣ вмѣсто разбойниковъ; 5-5 П. л. 163 по васѣ; 6-6 П. ѡцели на западѣ ѡвѣтѣсь романѣски црѣ ѡмреть ѡ вѣстанѣтъ ѣданѣ на дрѣгого ѡ много крѣи пролѣютѣ; 7-7 П. л. 163 об. людѣмъ вѣм. подавѣникомъ; 8 П-нѣтъ; 8-9 П. л. 163 ѡ старѣи покаютѣсь; 9-10 П. л. 163 об. господа рѣтъ сѣтворѣтъ; 10-11 П. л. 164 на вѣстоѣ, второго нѣтъ; 12 лишнее л. 164 ѡцѣ на дѣрѣхъ зачѣвѣнѣтъ ѡ некоѣсѣ знаменѣе ѡвѣтѣ. тѣога лета ражѣаѣсѣ дѣца васѣ зѣи бѣ ѡ крѣипролитѣа много ѡ кѣпцѣмъ пагѣба; 13-13 П. л. 164 тѣо

зима краа ѿ ѿскѣденіе · ѿ єдинь великъ црь ѿмреть с войскомъ заєдно; 15-15 П. на єгѣпатскон стране кровѣролнтіа. Конца-нѣт. Всѣхъ предсказаній у Перетца 24.

Февраль.

1-1 П. л. 164 об. аще снѣгъ помркнеть · ѿ востоца даже до запада по касенъ вселенней гладъ бѣдетъ · ѿ дажа мало бѣдетъ || ѿ мѣца апріліа много кобилице бѣтъ ѿ четкеронѣгимъ погнѣбель ѿ въ перскій силахъ ѿиздеть єдинь человекъ · ѿ погнѣбитъ перѣкого цря ѿ землю сатреть; 2-3 П. л. 164 об. тѣрци съ хрѣтіани рать сатвореть ѿ погнѣбеть хрѣтіани · ѿ многи крви бѣтъ; 4 лишнее 164 об. аще лисе мѣцъ ѿградить дажеке много бѣ ѿ водн прїдѣтъ ѿ сеїніа добра бѣтъ · ѿ господѣ подавникомъ злоба бѣдетъ; 5-5 П. л. 164 об. - 165 гнѣвъ вмѣсто вражды ѿ крви прелїютисе || ѿ ка касѣ земліа многисе злобенъ подвигнѣтъ ... вмѣсто дрѣвомъ корабомъ; 6-6 П. короче; 7-7 П. л. 166 нищо не ѿма; 8-8 П. только первое о господахъ и царѣ. Лишнее с 9 по 18 включительно. л. 165 аще ли дажъ великъ ѿчима болѣсть · аще ли за много небѣдѣ самрѣ напрасна · аще градъ бѣде ѿ господѣ людѣмъ много добро ѿ сеїніа добро · аще ли са ветрѣ прѣтъ бѣде скотомъ ѿ людѣмъ самрѣ · ѿ господа людѣмъ сѣлѣ сатвореть · ѿкошнѣю погнѣбель || ѿ пшеницама ѣктинїа · аще жаби ѿ гансти · гладъ ѿ самрѣ бѣде · ѿ господа снромахѣ ѿ кнѣземъ зло сатвореть · аще магла на сѣшѣ жїта ѿ траве доста · ѿ среде зимѣ даждеки бѣтъ ка мори кораблемъ погрѣженїе · аще ли големъ ветаръ повеетъ западни црь поїдетъ на восточнега ѿ погнѣнеть · ѿ гладъ каже · аще ли погромїтъ небо зима велика · ѿ лажни гласови много ѿ ка земліа страхъ великъ ѿ кнѣземъ пагнѣба · аще ли земліа людѣмъ добро л. 166 деци смрѣ · аще ка дне потрѣ се || метежъ ѿ даждеки много бѣтъ · ѿ кобилице мнози люди ѿ мѣста того прлѣтѣсе; 19-9 П. л. 166 метежъ вм. смущенїе; 23-13 П. л. 166-166 об. ѿ смѣха по мѣстѣ; 16 П. отсутствует; 26-17 П. л. 166 об. такоже бѣдѣ нѣ по двѣю лѣтъ; Вмѣсто 18 П. - 27 л. 166 об. аще трѣторъ бѣде водн прїдѣтъ · жїто много ѿ ка година добра бѣдетъ; 28-19 П. л. 166 об. - 167 тѣ великъ црь ѿмреть || ѿ людѣмъ метежъ много ѿ погнѣбель; 29-20 П. л. 167 каси царѣ; 30-21 П. л. 167 смѣха ка людѣхъ; 31-22 П. л. 167 ѿ беззаконанїе болѣзни много ѿ женама ѿ децамъ самрѣ; 32-23 П. короче. 32-24 П. л. 167 хвсаромъ ѿ кнѣземъ пагнѣба; 35-26 П. л. 167 об. ѿ многи златвори подвигнѣтъсе на цара того мѣста; 36-27 П. л. 167 об. отсут. рати ... смрѣ ка людѣхъ; царь прїдетъ добро бѣдетъ ѿ ѿбнїе ѿ кнѣземъ добитакъ много :-

Март.

1-1 П. л. 168 ѿ вѣмаскон земли господара велика ѿрѣють; 2-2 П. л. 168 ка єгиптѣ; 5-5 П. л. 168 аще лисе ѿвнѣтъ на востокѣ звѣзда ѿпашнѣ восточней земли ѿ селомъ зло бѣдетъ много ѿ хрѣтіанскїхъ тата ѿ хвсера ѿ ѿвнѣтсе єдинь црь · ѿ поїдѣтъ на восточнѣю землю ѿ погнѣбитъ господаре земли той; 6-6 П. л. 168 об. романнскїи царь, ѿ фрѣшки ѿмреть ѿ фрѣшконъ земли рати ѿ скнѣстѣ бѣдетъ; 7-7 П. л. 168 об. ѿ ка тонъ земли койска бѣде; 8-8 П. л. 168 об. межѣ господомъ; 10-10 П. л. 168 об. злоба ка людѣхъ; 11-11 П. л. 168 об. ѿ болѣсти; послѣ рыбы ѿ бѣра много ѿ кобилице; 14-14 П. л. 169 жїта много. 16 лишнее л. 169 аще

ли великъ дажь бѣде всемѣ множаство и рибамъ и ѡкошѣ много; 17-15 П.; 18-17 П. л. 169 междѣ господомъ рыпаніе и тати много бѣтъ. Дальше расходятся.

Апрѣль.

Л. 170. Мѣ апрѣль . аще бѣдѣ всѣмъ мѣ сѣша, апрѣль, 3 . дни дажда бѣдѣтъ . аще ли . 3 . дни дажь не бѣдѣтъ бѣда и забавитъ вселеннѣ злоба бѣдѣтъ велика . аще снѣже помркнѣ чѣднѣ вѣщи бѣтъ . и знаменіа бѣтъ въ людехъ и ѡкошѣ мало бѣдѣтъ и много болѣсть . аще снѣже зачичитъ ка то време ігда помркнѣтъ рати и кровопролитіа бѣтъ . и погрѣженіа || кораблемъ . и єдинъ црѣ и подобни господарѣ погнѣнѣтъ и и рѣи по землѣ злоба бѣдѣтъ . аще ли мѣ помркнѣтъ ѡ л. 170 об. вастока до западѣ ѡкошѣ мало бѣдѣтъ и главоболѣ и ѡкоболѣ бѣдѣтъ . аще снѣже ѡграднѣтъсѣ господамъ и людемъ злоба бѣдѣтъ . и болѣсть и дѣцамъ смрѣтъ и вихарѣ много бѣдѣтъ тѣ годинѣ . аще снѣже мѣ ѡграднѣтъ ѡ господѣ добро бѣде . и источниці и реки придѣтъ всемѣ житѣ добро . аще ли сѣша ѡпашиа свѣзда и вѣ . єдинъ || великъ црѣ загинѣтъ и ка людѣ рати и злобѣ ѡ хвсарѣ много погнѣ . л. 171 . белѣ . аще свѣзда просиплѣтъ кѣпцѣ пагѣба . ѡвчаромъ планинскимъ . ѡ господѣ пагѣба, аще ли дѣга, и вѣнѣтъсѣ на вѣстоце . ка людехъ рати и метежи много и болѣсть и зима вѣла бѣдѣтъ и кѣпцѣмъ гневъ бѣдѣтъ ѡ господѣ . аще ли на западе и вѣнѣтъсѣ ка єгипатсконъ землѣ гладъ великъ . и въ сракинѣ страхъ бѣдѣтъ . л. 171 об. аще ли копѣ и вѣнѣтъсѣ на вѣстоце ка персѣ злоба || аще ли копѣ и вѣнѣтъсѣ на западе много даже и громови и маніа . аще небо зачичитъ на вѣстоце ка перси рати и метежъ бѣде . аще на западе зачичитъ то на западнѣ странѣ ратѣ и зима вѣла и снѣгъ много и вѣднѣ придѣтъ . аще ли на ѡблацѣ на дѣрехъ и вѣнѣтъсѣ некое знаменіе чѣдно . даже и много бѣдѣтъ . и кѣпцѣ ѡ господѣ пагѣба . аще ли како звѣрь и вѣнѣтъсѣ гладъ и самрѣ ка людехъ много и єдинъ великъ црѣ загинѣтъ . аще ли сѣ небесъ глѣ бѣде господамъ добро и жита ѣмножѣтъсѣ . аще пограмнѣ сѣго мѣа всемѣ добра . аще ли повеѣтъ || великъ кетарѣ житѣ и гроздію злоба бѣде . л. 172 аще ли градъ бѣде въ землѣ метежъ и злоба и добиткѣ добро бѣде . и ѡвацию добро аще ли прѣтъ паднѣтъ лажнѣ гласовѣ многи и метежъ ка людехъ . жито и ѡкошѣ добро бѣдѣтъ . аще ли жабнѣ и глѣстнѣ бѣтъ ѡгница многа ка людѣ и добиткѣ злоба бѣдѣтъ . аще сѣ прахове дѣвнѣтъсѣ . царѣмъ злоба и вѣнѣтъсѣ сѣ . аще чаднѣ бѣтъ ѡкошѣ погнѣнѣтъ и жито погнѣнѣтъ и четвероногомъ самрѣтъ . аще ли ѡ землѣ гласъ бѣде лето вѣла жестоко бѣдѣтъ . || и вѣднѣ прѣсахнѣтъ . и томѣ местѣ л. 172 об. црѣ погнѣнѣтъ . гдѣ сѣ то и вѣнѣтъ . аще ли землѣ сѣ потрясѣ въ днѣ бурѣ многа и ка романіи гладъ бѣдѣтъ ка романіи гладъ (sic) и четвероногомъ погнѣнѣтъ . аще ли ка ношнѣ потрясѣтъсѣ землѣ злоба многа бѣдѣтъ :-

Май.

Л. 172 об. Мѣ май . аще снѣже помркнѣтъ сѣдла и бѣде скѣпѣ а дрѣго скѣ ектинѣ и лажнѣ гласовѣ бѣтъ . аще ли бѣдѣтъ снѣжѣ томѣ зракѣ црѣвнѣ ігда помркнѣтъ . рати и крѣи бѣдѣтъ . аще мѣ помркнѣтъ смрѣтъ многа ка перси . дажда || и ѡкошѣ и жита много . на западнѣ странѣ болѣсть и ка перси л. 173 много кровопролитіа . аще ли снѣже ѡграднѣтъ гради и четнѣ много . и метежъ и

- крѣи много · своимъ гнѣвъ ваздвигнѣтъ · градовомъ ѿ селомъ разкала бѣдетъ. ѿшелъ на западѣ ѿкитсе тѣжде знаменіе сиракомъ ѿ збогѣ ѿ злихъ люди на-
 ластъ бѣде ѿ васѣмъ ѣвтинѣ бѣде · ащеи звезда просиплетъ ѣдинъ глашенъ ||
 л. 173 об. человекъ змрѣтъ. аще дѣга ѿкитсе на костоце ѣдинъ великъ црѣ своимъ без-
 змѣемъ зѣмлю расиплетъ · ѿ добиткѣ пагѣба бѣде · ѿ житѣ добро бѣдетъ ѿ
 кѣпци вебѣбожають · ѿ црѣ своѣго злотвора загѣбѣтъ · ащеи на западѣ ѿкит
 дѣга крайшни градови расиплютьсе ѿ помежѣ людѣ рати · ва западѣ ѿ ва перси
 ѿскѣденіе бѣдетъ · ащеи копѣ ѿкитсе на кастоце напраснаа самртъ · бѣдетъ ѿ
 л. 174 восточни црѣ примитъ ащеи на западѣ ѿкитсе || метежъ ѿ ратъ на западном
 страни бѣдетъ · аще ѿкитсе чѣдно знаменіе на ѿблацихъ · ѿли на аѣрехъ
 ѣза много ва людехъ ѿ рати ѿ страхови бѣдѣтъ на сетка ѿ жита добра бѣетъ ·
 аще како зверѣ ѿкитсе на аѣрехъ то ва людехъ гласове лажни много · ѿ ѣдинъ
 царь загинѣтъ ѿ селомъ разкала бѣдетъ · ащеи погрмѣтъ || ѿ како начинается
 л. 174 об. грмѣти аще паднѣтъ велика звезда великѣ црѣ змрѣтъ ѿ градовомъ пленъ ·
 аще малѣ секнѣтъ то ва людѣ много грижа ѿ лажни гласови бѣдѣтъ · ѿ
 великѣ царь змрѣтъ · ащеи великѣ дажъ бѣдетъ то година бѣсна бѣдетъ ѿ води
 придѣтъ · ѿ ѿкопѣю ѿ житѣ ѿскѣденіе ѿ добиткѣ злоба ѿ болѣсть ѿ ѿскѣденіе
 л. 175 бѣдетъ. ѿшелъ градъ паднѣтъ || болѣзни ѿ рати ѿ ѿскѣденіе · ащеи прѣтъ
 паднѣтъ ва фрѣзехъ ѿ ва егѣпте ѿскѣденіе · ѿ ѿ разбойникѣ кѣпцемъ пагѣба бѣ-
 детъ · аще жаѣн ѿ ганѣти междѣ господомъ рати ѿ корабеломъ погрѣженіе ѿ скѣ-
 постъ бѣде · ащеи прахоке двингѣтъсе то лето страхове бѣтъ мнози ѿ води пре-
 сахнѣтъ · ѿ жито ѿ трава мало · ѿ много хижѣ ѿ полати погорѣтъ ѿ многаши
 л. 175 об. землѣ потресѣтъсе ащеи чади бѣдѣтъ || скѣпость ѿ болѣсть ѿ ратъ много
 бѣдет · ащеи кѣхаръ много бѣдет ва саракини гладъ бѣдет ѿ добиткѣ пагѣба
 жита ѿ градъ бѣдетъ. ащеи се землѣ потресе ѣ дне старцемъ болѣсть ѿ самртъ
 ѿ ва людехъ метежи много бѣдѣтъ · ащеи погрмѣтъ кадѣсе землѣ потресе зима
 врѣа ѿ ѿскѣденіе · аще ношѣю потресѣтъсе землѣ жита добра ѿ сетка добра ||
 л. 176 ѿ ѿкопѣа бѣдетъ · ѿ ва коѣнсе землѣ потресе та царь ѿ мало мошѣтъ ѿ госпо-
 дамъ се ѿзневерѣтъ ѿ зломъ сатворѣтъ ѿ землю расиплютъ · ѿ ѿ разбойникѣ много
 зла людѣмъ бѣдетъ · ѿ на восточнен стране жита пигибѣтъ · ѿ зверѣ ѿ птице
 бѣтъ человекѣ ѿсти · ѿ великимъ мѣжемъ пагѣбѣ каже ·:

LIVRES DE MANTIQUE BYZANTINS D'UNE ÉPOQUE POSTÉRIEURE, NÉO-GRECS ET SLAVES.

(Résumé.)

Chapitre III.

Une partie du chapitre présent est consacrée à l'étude des sources: aux livres de mantique grecs, à leur relation aux traductions slaves, ainsi qu'à un essai de déterminer approximativement l'époque quand ces traductions ont été exécutées. Il paraît que quelques uns de ces livres, par exemple un des Bronto-

loges d'après les signes du Zodiaque, ont été traduit d'un original grec d'une époque intérieure, d'autres comme par exemple *Le livre de tonnerre complexe*, édité par M. PERETZ, reviennent à un original fortement retouché à l'époque des Paléologues.

Quelques données sur l'évolution après le VIe siècle des livres byzantins de mantique nous sont fournies par les noms des soi-disants auteurs (empereurs byzantins et personnages bibliques) et les annalistes.

Les annalistes byzantins accusent un goût prononcé pour la prognose. Ce sont pour l'époque postérieure au VIe siècle Georges le Moine, Théophane l'Homologète, Georges Cédrenus, Léon le Grammairien. Au contraire Michel Glycas se prononce pour le libre arbitre et en ceci nie la possibilité d'une prognose d'après les phénomènes naturels et Zonaras ne lui porte plus aucun intérêt.

En conséquence on peut constater à l'époque du VIIe au XIIe siècle l'intérêt profond du lecteur des chroniques pour la mantique et la prognose. C'est à cette époque que nous devons remettre la transformation du livre de mantique. Il a perdu la précision de prognose, qui se basait sur la connaissance parfaite de la vie politique de pays, et a reçu un caractère plus populaire. Tout de même les pronostics de nature politique et sociale correspondent dans les grands traits à la situation générale de l'époque.

Quelques preuves nous sont fournies par les livres de mantique mêmes. C'est surtout la terminologie géographique, les pronostics de guerre, ainsi que le caractère général de quelques uns de ces livres.

Ces livres, qui nous sont parvenus en des manuscrits du XIV—XIXe siècle, ont été dans leur plus grande part retouchés sensiblement à l'époque des Paléologues ou peu avant, ce qui a parfois quelque peu changé leur caractère général: manque d'unité, prépondérance de pronostics sur la guerre et sur le sort des rois voisins etc.

Enfin un troisième changement a eu lieu sous la domination turque surtout dans les traductions slaves (les livres néogrecs paraissent être plus conservatifs), dont il sera question dans le chapitre suivant.

L'auteur ne donne qu'un aperçu général des divers pronostics, qui se trouvent dans les livres grecs et slaves. Donner un aperçu détaillé, ne pouvant prendre connaissance de toutes les sources éditées et de celles qui attendent encore leur éditeur, lui est impossible. En conséquent ce chapitre n'est qu'un essai de caractéristique de l'évolution de la prognose byzantine dans le domaine social et politique.

JOSEF MYSLIVEC (Praha):

LITURGICKÉ HYMNY JAKO NÁMĚTY RUSKÝCH IKON.

Dne 21. června r. 1547 vypukl v Moskvě strašlivý požár, který ztrávil všechny »posvátné chrámy a čestné ikony i carský dvůr a paláce«, palác metropolitův a kláštery i domy. V Uspenské katedrále, jakoby zázrakem uchráněn byl od požáru ikonostas, ale v Blagověščenské katedrále vzal za své mezi jiným i Deisus od Ondřeje Rubljova. Sám metropolita Makarij s nasazením vlastního života vynesl z Uspenského soboru ikonu Bohorodičky, kterou podle podání maloval sám sv. Petr, metropolita a divotvorce moskevský.

Car Ivan Hrozný, který sídlil po požáru ve Vorobjevu, rozeslal po městech Novgorodu, Smolensku, Dimitrovu a Zvenigorodu a do jiných měst pro ikony, kterými by nyní vyhořelé chrámy moskevské byly vyzdobeny. Současně poslal do Pskova a Novgorodu pro ikonopisce, jednak jim přikázal zříditi novou malířskou výzdobu chrámů, jednak je pověřil malbou stěn svých paláců. Úloha carského posla připadla protojereji Blagověščenské katedrály Silvestru, který přikázal *Novgorodským* malířům namalovati následující ikony: Svatou životodárnou Trojici, Věřím v jednoho Boha, Chvalte Hospodina s nebes, sv. Sofii přemoudrost Boží a Důstojno jest. Pskovští malíři pak, Ostaňo, Jakub, Michajlo, Jakuško a Semen, zvaný Vysoký hlas, se svými žáky odebrali se domů a tam namalovali čtyři veliké ikony: Poslední soud, Obnovení chrámu zmrtvýchvstání Páně, Utrpení Pána našeho Ježíše Krista podle vypravování evangelií, ikonu se čtyřmi t. zv. »svátky«, a sice: Odpočinul Hospodin v den sedmý, Jednorozený syn Slovo Boží, Pojdte lidé, pokloňte se trojbytnému Božstvu a V hrobě tělem. A když ikonopisci moskevští namalovali ostatní ikony Deisus, svátky, proroky a veliké námětné ikony, tehdy přivezeny byly ze *Pskova* i tam namalované ony veliké ikony. Potom car kázal vypůjčené ikony se slavným průvodem navrátiti do jich původních míst, některé však z přivezených zůstaly v Moskvě.

Tato zpráva je prvním důležitým pramenem pro poznání nového směru invenčního v ruské ikonomalbě, neboť mezi vyjmenovanými ikonami jsou zvláště zdůrazňovány a názvy svými uvedeny ikony s náměty do té doby neznámými. Další poznatky o didaktických ikonách podává »Rozisk« zmíněného protojereje Silvestra, který je dokumentem o známém procesu d'jaka Viskovatého. Tento s nelibostí nesl změny, které se po požáru udály ve výzdobě Blagověščenské katedrály. Jmenovitě vytýkal, že tam byly sňaty staré ikony Spasitele, Přesvaté Bohorodičky, Jana Předchůdce a Eliáše Proroka, a na místě nich že ikonopisci postavili nové ikony: »své vymyšlenosti a nápisů na nich není«, že obrazy ty jsou malovány beze vzorů, že týž výjev na jedné ikoně namalován tak, na jiné onak, ale hlavně, že na mnohých ikonách našel mnoho nepochopitelného a nesouhlasejícího se starým podáním.

Názory tyto nenechal si Viskovatij pro sebe, ale bouřil lid a námitky své shrnul v listě samému carovi zaslaném.¹

O námitkách Viskovatého jednal církevní sněm svolaný r. 1554, jehož podkladem byla písemná stížnost Viskovatého metropolitu Makarijovi; jako odpůrce Viskovatého vystupoval Silvestr. Výsledek procesu, v němž na jednotlivé námitky dány odpovědi, byl ten, že Viskovatého spis nazván hanopisem a jemu přikázáno, aby se kál.

Za další literární zprávy můžeme považovati »podlinniky«,² najmě bezobrázkové. V druhé polovině XVI. stol. vznikají totiž ruské redakce podlinniků, v nichž se často setkáváme s náměty rázu didaktického.³

Jak viděti, není literárních zpráv mnoho a nepostačují zejména k utvoření dokonalého úsudku o původu těchto ikon; leč ani ikon z této doby zachovaných není mnoho; jediná ikona, jejíž původ zaručeně spadá do této doby, je čtyřdílná ikona v Blagověščenské katedrále, namalovaná pskovským Ostaňou a jeho druhy; leč není ani v reprodukcích, ani v popisech publikována, ač k ní ROVINSKIJ připojuje důležité poznámky stylistické.⁴

Leč i z toho mála, co v literárních zprávách nacházíme, můžeme si utvořiti úsudek, že malba ikon s náměty, dotud neznámými a pohoršení Viskovatého vzbuzujícími, nebyla sporadickým či snad dokonce ojedinělým zjevem, že ji proto můžeme zcela dobře zváti malířským hnutím, tím spíše, když památky jeho zachovaly se nám i z celých dalších dvou století: XVII. a XVIII., což svědčí o tom, že se rozšířilo v této době velmi značně. K tomu jistě přispěla ta okolnost, že autorita církevní i světská malířů těchto nových obrazů se ujala a stěžovatele odmítla.

Zachované ikony z této pozdější doby možno roztřídit podle obsahu na tyto skupiny:

1. Ikony s náměty *hymnů*, a to jednak liturgických, t. j. zpívaných při liturgii (mši) — Věřuji, Jedinorodnyj, Dostojno jest, O tebe radujetsja, Da molčit vsjakaja plot', jednak mimoliturgických — Kanon na ischod duši, Přidite ljudie triypostasnoe poklanjaem Božestvo (několik versí), V grobě plotski, Děň přešed pěsnoslavlju tja Spase, Akafist Isusu Christu.

¹ Буслевъ: Для исторіи русскої живописи XVI вѣка (Сочиненія, II. СПб. 1910), стр. 286, Милуков (Dušek): Obrazy z dějin ruské vzdělanosti. Praha 1903, II. díl, str. 329 a sl.

² Podlinnik, sbírka předloh pro malbu církevních obrazů, předpisů a technických pouček a jiných naučení církevní malby se týkajících, někdy ilustrovaná, někdy jen textová, liší se od vzorkových sešitů západních malířů jakýmsi »opinio necessitatis«, jež, třebaž nebylo výslovně v nich vyjádřeno, přece působilo posvátností tradice na malíře tak, že dodržovali přesně pravidla podlinniků. Tím vysvětluje se jen nepatrná odlišnost jednoho podlinniku od druhého a i to, že teprve v polovině XVI. stol., když ruská ikonomalba překročila vlastně svůj zenit, vznikají ruské redakce podlinniků; dříve totiž používali ruští malíři opravovaných a doplňovaných podlinniků řecké provenience.

³ Буслевъ: Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ (Сочиненія II. стр. 357.)

⁴ Ровинскій: Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII в. — (posmrtné vydání СПб. 1903) str. 9 a 23, též: Исторія русскихъ школъ иконописанія. СПб. 1856, str. 45. Ikona tato byla očištěna r. 1920 komisí Grabarovou (Muratov: La pittura russa antica. — Roma 1925, str. 134.).

2. Zobrazující *vidění* svatých, a to jak biblických — sv. Jana Th., Isaiáše, Ezechiela, Panny Marie, »Kupina Nėopalimaja« — tak pobiblických — sv. Ni-fonta, Sergie, Eulogie, Sesinije, Jana Klimaka, Petra Alexandrijského (nová redakce).⁵

3. S náměty *dogmatickými* — Ejhle beránek Boží, Trojbytné Božstvo (několik verzí), nebo

4. s náměty *moralistními* — Čistá duše, Velebné mlčení, Návštěva Kristova v klášteře, Plody Kristova utrpení, Bohorodička všem rmoutícím radost, Útok nevěřících na církev, Dobré plody učení velikých učitelů církve, Proč je malován Kristus v Davidově podobě, Spánek spravedlivého, Původ sv. Kříže, Veliký kněz.

5. Hnutí toto ujalo se i *textů biblických*, a zpracovalo jednak náměty nové — Odpočinul Hospodin v den sedmý, Otče náš a j. —, jednak náměty ty přepracovalo a rozšířilo — podobenství o fariseu a publikánu, krvotoké ženě, deseti pannách a j.

Rovněž dosavadní themata »*svátková*« došla rozšíření ve smyslu didaktickém — Trojice, Obřezání, Narození Páně, sv. Sofie ve versi: Velemoudrost postavila sobě chrám, Zmrtvýchvstání a j.

Dříve, než přistoupíme k probrání prvního úseku první skupiny těchto ikon, na které se v této stati omezíme, musíme se alespoň dotknouti důležité otázky: kdy počíná toto hnutí a kde nutno hledati jeho původ.

Nemůže býti pochyby o tom, že požár Moskvy r. 1547, jakožto vnější událost, nemohl míti na *vznik* těchto ikon žádného vlivu, nýbrž že již dříve musily podobné ikony existovati a jenom té okolnosti, že ikony Blagověščenské katedrály shořely a bylo nutno je pokud možno rychle nahraditi novými, dopomohla jim k umístění tam, kde byly dosud neznámy. Pro tento názor svědčí i to, že na námičku Viskovatého, jakoby obrazy Blagověščenské katedrály byly malovány bez předloh, odpovídá Silvestr: »a předlohy vzali s ikon v Trojici (t. j. Trojicko-Sergievské lavře), podle nichž malovali, a i ze Simonova kláštera.«⁶

Že určité novotářství v malířství existovalo již dříve, dá se souditi ze známé 43. hlavy usnesení stohlavého sněmu r. 1551.⁷

⁵ Do této doby totiž znázorňováno vidění sv. Petra Al. tak, že na oltáři stojí Kristus v podobě hošíka v roztržené košílce oděného, před oltářem stojí sv. Petr v biskupském rouchu, přichystán k bohoslužbě; ojediněle vyskytuje se i Arius ležící na zemi před oltářem (Manasija v Srbsku). Nová redakce, neznámo mi dosud podle jaké literární předlohy komponovaná, zobrazuje anděla se třemi hlavami v roztržené rouchu oděného. Publikován je dosud jediný exemplář této redakce (Лихачевъ: Материалы, č. 265, Kondakov: Ruská ikona II., tab. 97 vpravo). Pro bližší popis této ikony srv. Яцимирский: Изъ области старинной символики въ русской иконографіи. — Старые годы. СПб 1907 (str. 528). O ikonografii tohoto vidění vůbec viz: Miller: La vision de Pierre d'Alexandrie. — Mélange Ch. Diehl. II. art. — Paris 1930.

⁶ Кондаковъ: Русская икона IV. — kap. XI. (Cituji dle korektury, kterou mi Sem. Kondakovianum, vydavatel tohoto díla, laskavě zapůjčilo.)

⁷ »...aby ikonopisci malovali podle starých předloh a aby podle své vymyšlenosti a svých dohadů Božstva (i. e. božských věcí vůbec) nemalovali.«

Jiné historické zprávy však z doby před r. 1551 o nějakých ikonách, které by byly obsahovaly »novoty a vymyšlenosti«, nemáme, ač by se při ruském jemnocitu ke všemu novému a krajním konservatismu, zejména v umění, dalo očekávat, že v tom případě, kdyby se nějaké takové ikony objevily, jistě by veřejné mínění nemlčelo. Viskovatému ovšem nebyl boj proti novým ikonám předmětem jeho útoků, nýbrž jenom záminkou k vyrovnání jeho kulturně-politických divergencí s metropolitou Makarijem; kdyby této hlavní příčiny nebylo, nebyl by si Viskovatij či vůbec někdo jiný, nových, podle něho závadných ikon třeba ani povšímnul.

Pokud se týče *původu* tohoto nového ikonografického hnutí, jsou možné tři hypotезy:

1. že hnutí to vzniklo přímo v *Rusku*,
2. že dostalo se do Ruska z *Řecka*, po př. z okruhu řeckého malířství vůbec, a
3. že na jeho vzniku účastnilo se malířství *západní*.

N. P. KONDAKOV vylučuje možnost domácího původu právě, že »v tomto oddílu nemůžeme spatřovati ani samostatného národního pojmání náboženství, ani mystických výplodů ruského kolektivu«, ale že naopak i tato část ikonopisu je dílem řecké ikonomalby XV.—XVI. stol., odkudž vypracovaná *themata* byla veskrze buď bezprostředně či prostřednictvím jihoslovanských mistrů odezdána malířství ruskému. O něco dále opakuje Kondakov tuto myšlenku slovy: »Scholastická *themata* ruské ikonomalby prošla před tím téměř všechna ikonopisem řeckým a jeho větvemi athonskou, srbsko-balkánskou, bukovinskou a moldavsko-valašskou, a objevila se — téměř v plném počtu — v malbě novgorodské a pskovské již v polovině XVI. stol.«. Pokud se týče možnosti západních vlivů, tu Kondakov pojednává sice o iluminacích didaktických rukopisů západních, ale v zápětí zdůrazňuje, že přes určitou paralelnost západních zjevů scholastického malířství s východním, dlužno tomuto »přiznati úplnou samostatnost«, kterou možno viděti v tom, že »většina *themat* — s vyloučením mnohých západního původu — zůstala západu neznámými.⁸

⁸ Op. et loc. cit. — Co se týče památek athonských, tu Kondakov zastával již dříve (Памятники христианского искусства на Аѳонѣ. СПб 1902) názor, že zde vzniká ve stol. XVI. celá řada »nových« *themat* v malířství nástěnném a uvádí m. j. »Veliký vchod« (Sv. Liturgie), »Emanuel v číši«, »Archa úmluvy«, »Žebřík Jakubův«, »Keř nespalitelný«, »Vidění Ezechielovo«, »Žebřík duchovní«, »Akathist« a j. Vědecká práce po publikaci cit. knihy ovšem silně otrásla tímto tvrzením, neboť téměř všechna Kondakovem vypočítaná *themata* vznikla o několik století před r. 1500. Tak »Liturgie« se po prvé objevuje v XI. stol. v kostnici Bačkovského kláštera, všechny starozákonní symboly Bohorodičky pak již r. 1349 v narthexu Lesnovského chrámu, včetně »Emanuela v číši« (který však na tomto místě je obrazem P. Marie v číši s Ježíškem na hrudi a zove se »Pramen života«), »Akathist« pak po prvé v Dečanech (1348).

Zato vyskytují se na Athoně již v XV. stol. některá *themata* opravdu »nová«, a to ku př. »Αὐτὸ σε ἐν θρόνῳ καὶ αὐτὸ ἐν τῷ φῶς« ilustrace to 2. troparu prvé písně Kanonu na Velikou sobotu, jež se stabilisuje v pěti památkách (paraklis sv. Jiří v klášteře sv. Pavla (1423), chrám v Kotlumuši (1540), Dochiariu (1568), Dionisiatu (1546) a paraklis sv. Jiří téhož kláštera (1609) pro výzdobu výklenku žertvenníku (srv. *Никольскій*: Аѳонскіе стѣнописцы. Ихъ тех-

S tímto názorem nelze úplně souhlasiti, ba z části nutno jej jako neodůvodněný odmítnouti. Kondakov na citovaném místě a dále ještě několikráte mluví o vzorech novořeckých XV. a XVI. stol., bohužel neuvádí jich jmenovitě. Z publikovaného materiálu athonských nástěnných maleb (POKROVSKIJ, NIKOLSKIJ, MILLET, KONDAKOV, BROCKHAUS) lze pro toto tvrzení vyvážit jen velmi málo. Didaktický obsah mají cykly: Apokalypse, Akathistu, Posledního soudu a různé varianty »sv. liturgie«, jež ovšem nejsou zvláštností XV. a XVI. stol. a procházejí již dříve — poslední od doby svého vzniku v X. stol. — četnými proměnami. Ani v malířství ostatního Řecka, dokonce ani ne v Eubojských chrámech XVI. a XVII. stol., nenajdeme ani jediné thema společné těm, která jsme shora vypočetli.

Srbské církevní malířství stol. XVI. není dosud dostatečně publikováno; zřetel obrácen je dosud k nevyčerpanému bohatství maleb XIII. a XIV. stol. Pravda, v této době vyskytuje se řada nástěnných maleb s náměty v té době neznámými a těžko srozumitelnými. Malby ty tvoří skupinu, kterou OKUNEV nazval »školou klášterní«⁹ a patří do ní malby Lesnovského a Markova kláštera a Matejiče. Leč při bližším prostudování těchto maleb vidíme, že s ruským *didaktickým* malířstvím má opět velmi málo společného. Za jedinou — úplně shodnou — komposici možno považovati »Neusínající oko«, které se v nar-thexu Lesnovského chrámu (1349) objevuje po prvé. Ostatní mystická thema nástěnných maleb Lesnovských, jako «*Η πηνη της ζωης*», starozákonní symboly Bohorodičky, žalm 148.—150. a prvé vidění Ezechielevo jsou ruské *didaktické* malby ikonné přece jen dosti vzdáleny.¹⁰ V Matejiči¹¹ vedle Akathistu Bohorodičky — který je také v Markově klášteře — Vidění sv. Petra Alexandrijského a vánoční stichiry: »Co ti přineseme«¹² nenacházíme opět ničeho, co by přímo spojovalo ruské malířství s tímto.

нические приемы и образцы работъ. — Приложение къ иконописному сборнику. Вып. II. СПб. 1908, стр. 80 а pozn. 81. на této стр.) а дále »Ангелъ великѣ rady«¹³ rovněž v paraklisu sv. Jiří kláštera sv. Pavla (op. cit. str. 92). — Pro vliv malířství athonského na malířství ruské je zajímavý úsudek L. Nikolského: »Равнымъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ того, что однородныя картины русскихъ и аѳонскихъ росписей, каковы »служба св. отецъ«, »апокалипсисъ«, »акаѳистъ«¹⁴ и проч. были занесены къ намъ именно со св. горы. Невозможно съ точностью опредѣлить разнородные источники, питавшіе нашу иконопись. Въ ряду ихъ святогорскому иконному письму принадлежитъ, конечно, опредѣленное мѣсто, но вліяніе стѣнописей Аѳона, требующихъ изученія на мѣстѣ, не могло быть ни сильнымъ, ни постояннымъ, ни систематическимъ«. — (Историческій очеркъ аѳонской стѣнной живописи. — Приложение къ иконописному сборнику. Вып. I. СПб. 1907, стр. 112). (Nemíním se však dovolávati Nikolského jako autority а proto cituji jej na tomto místě.)

⁹ Monumenta artis serbicae. I. — Zagrebiae—Pragae 1928. Blíže v »Lesново« (L'art byzantin chez les Slaves. Les Balkans. Paris. 1930. Str. 222 а sl.).

¹⁰ Op. ult. cit.

¹¹ Н. Окуевъ: Грађа за историју српске уметности. II. Црква свете Богородице-Матич. (Гласник скопског научног друштва. Књига VII—VIII. Д. Н. 3—4 Скопље 1930. стр. 89 а sl.)

Podlinnik Dionisia z Agraŭy,¹² ač pozdního původu a velmi obsáhlý, nepopisuje krom čtyř didaktických obrazů (Všeliký duch chval Hospodina, Apokalypse, Druhý příchod Kristův a Poslední soud a několik moralistních) žádná themata, která by se mohla označiti za původce ruských ikon.

KONDAKOV dovolává se dále maleb moldavsko-valašských a bukovinských. Památky jsou dnes natolik známy a alespoň publikovány, když již ne zpracovány, že možno i zde pronést přesný úsudek. Leč ani tu nenajde tvrzení Kondakovovo podepření. Vedle komposic Akathistu (Arborea,¹³ Balinesti,¹⁴ Cetățuia,¹⁵ Homor,¹⁶ sv. Jiří v Suceava,¹⁷ Sucevița,¹⁸ Vatra Moldaviței,¹⁹ Voroneț²⁰), Keř nespalitelný (Arborea,²¹ Balinesti,²² Homor,²³ sv. Jiří v Suceava,²⁴ Sucevița,²⁵ Vatra Moldaviței,²⁶ Voroneț²⁷), Žebřík duchovní (Arborea²⁸ a Sucevița²⁹), Neusínající oko (Arborea³⁰), Žalmy 148.—150. (Cetățuia³¹), o nichž však platí to, co řečeno shora o athonských památkách tohoto druhu, nacházíme dvě komposice, jež jsou v přímém vztahu k didaktickému malířství ruskému: »Jedinorodnyj« a »O těbě raduetsja«. Prvá vyskytuje se jedinkrát a to v konše jižní boční absidy klášterního chrámu v Suceviți.³² K ikonografii její vrátíme se ještě ke konci I. kapitoly této stati; zde chceme toliko poukázati k tomu, že vývoje Kondakovovy nejsou ani zde správné.

Chrám v Suceviți založen byl snad vojvodou Jiřím Mohylou kolem r. 1584, dokončen však a vymalován byl za vojvodství jeho bratra Jeremiáše (1595 až 1606),³³ který také ve chrámu jako donátor je vyobrazen.³⁴ Nemohla tedy tato komposice, spolu s ostatní malbou chrámovou, vzniknouti před r. 1595,

¹² *Didron*: Manuel d'iconographie chrétienne. Paris 1845.

¹³ *Stefănescu*: L'évolution de la peinture religieuse en Bucovine et en Moldavie. — Paris 1928, tab. č. LVIII—IX.

¹⁴ *Henry*: Les églises de la Moldavie du nord. Paris 1930, str. 231.

¹⁵ *Ibid.* str. 236.

¹⁶ *Ibid.* tab. XLIII; *Stefănescu*, tab. XLV/3, XLIII/3.

¹⁷ *Stefănescu*, tab. LXXIII.

¹⁸ *Ibid.* tab. LXXV; *Henry*, tab. XLIX.

¹⁹ *Ibid.* tab. XLII/3; *Stefănescu*, tab. LII.

²⁰ *Ibid.* tab. LXVIII.

²¹ *Henry*, str. 231.

²² *Ibid.* str. 178.

²³ *Ibid.* tab. XLIII.

²⁴ *Ibid.* str. 231, 238.

²⁵ *Stefănescu*, tab. LXXIX/2.

²⁶ *Henry*, tab. XLIV.

²⁷ *Stefănescu*, tab. LXXVIII/1.

²⁸ *Henry*, tab. XLVII.

²⁹ *Ibid.* tab. LXXVII/1.

³⁰ *Stefănescu*, tab. LVIII.

³¹ *Ibid.* tab. XCH.

³² *Henry*, tab. LIV a L.

³³ *Ibid.* str. 253.

³⁴ *Stefănescu*, tab. LXXVII a LXXVIII.

v krajním případě, před r. 1584. Naproti tomu máme bezvadně historicky zjištěno, že komposice »Jednorozený Syn« existovala v Rusku již r. 1554, tedy přibližně o půl století dříve, než jediná komposice toho druhu v Bukovině, po př. Valachii. Z toho plyne jediné možný závěr, že komposice tato přešla ne z Bukoviny do Ruska, nýbrž z Ruska do Bukoviny, tedy právě opačně než jak tvrdí Kondakov.

Názor tento lze podepřít i důvodem umělecko-historickým; fresko suceviťké je ikonograficky bohatší a sice je rozšířeno dvěma scénami (bližší o nich na konci I. kapitoly), které se nevyskytují u žádné ikony ruské, což by již samo o sobě nasvědčovalo tomu, že fresko ono je původu pozdějšího.

Komposici »O těbě raduetsja« nacházíme opět v Suceviťi³⁵ a to na vnitřní straně západní zdi a v Homoru,³⁶ kde je zasazena do středu akathistového cyklu na vnější straně chrámu. Obě dvě souhlasí, co se ikonografie týče, až na některé detaily s ikonami ruskými. O suceviťké komposici platí to, co jsme shora řekli o ilustraci hymnu »Jedinorodnyj« v tomtéž chrámu. Malba homorského chrámu není datována, ale Henry³⁷ předpokládá, že nezůstal dlouho po své výstavbě r. 1530 nevymalován. Zda však výzdoba vnitřní i vnější pochází z téže doby, nelze přesně říci, poněvadž sloh maleb vnitřních a vnějších není úplně shodný. Ale, i kdybychom přiznali, že tato komposice vznikla před kritickou dobou 1547—1554, přece nelze mít za to, že měla vliv na ikonomalbu ruskou, poněvadž táž komposice, úplně vypracovaná, objevuje se v Rusku již v l. 1500—1502 v nástěnné výzdobě chrámu P. M. ve Ferapontově klášteře.³⁸

Tedy ani z řeckých, ani srbských, ani bukovinských památek nelze nic pro názor Kondakovových vytěžit.

Proti Kondakovovu názoru mluví ještě jedna okolnost: při procesu s ďjakem Viskovatým vyslechnuti byli i — v tu dobu právě do Moskvy přibylí — mniši z kláštera sv. Pantalejmona na Athosu, mezi nimiž byl i malíř ikon Jevfimij. Ti vypověděli, že i na Athoně malují Hospodina Sabaotha, sv. Trojici, anděly, proroky, sv. Sofii, Emanuela, Bohorodičku a »svátky«.³⁹ Otázka však zněla, zda i na Athoně znají novoty vytýkané ďjakem Viskovatým, ale na tuto otázku, jak viděti, mnichové neodpověděli. Z toho se může dedukovati jen to, že jich na Athosu neznali.

Podle našeho názoru nelze pro správné zodpovězení této otázky posuzovati všechny t. zv. didaktické ikony hromadně, ale podle obsahu a tendence dlužno je rozdělit na dvě skupiny: didaktickou a mystickou; při paralelním srovná-

³⁵ Henry, tab. LI.

³⁶ Stiefarescu, tab. XLV.

³⁷ Op. cit. str. 144 a 179.

³⁸ B. T. Georgievskij: Фрески Ферапонтова монастыря. СПб. 1911, стр. 106 a příl. IX.

³⁹ Покровский: Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ (Труды седьмаго археологическаго съѣзда въ Ярославль 1887. Москва 1890) стр. 247.

vání ikon a fresek pak docházíme k zajímavému poznatku: pro prvou skupinu nalézáme analogie ve freskách jaroslavského okruhu, pro druhou v klášterních freskách srbských.

O nějaké didaktice ve freskách klášterní školy srbské nelze mluvit; jsou to obrazy komponované mnichy, kteří nejen posvátné texty znali, ale i do nejmenších podrobností promyslili, ba, jak možno souditi, i sami takové texty (zejména legendární) vymýšleli. Takovým komposicím ovšem rozuměl zase jen ten, kdo měl náboženskou erudici malířovu; pro ostatní byly záhadou, často vůbec nepochopitelnou. To platí buď zrovna tak, či s určitou změnou, o některých ruských ikonách (Keř nespalitelný, Původ kněžstva, Blahoslavené mlčení a j.); lze je proto plným právem zvatí *mystickými*; to je nepřímá příbuznost obsahová; vedle ní je i zde přímá příbuznost. O »Neusínajícím oku« již to bylo řečeno shora; také ilustraci posledních žalmů nacházíme mezi ikonami XVI. a XVII. stol. a pro vznik komposice »Keř nespalitelný« nutno předpokládati, že již dříve byly vypracovány jednotlivé detaily (starozákonní symboly a vidění), které jako samostatné, vedle sebe seřazené obrazy, shledáváme ve výzdobě narthexu Lesnovského chrámu.

V tomto pojednání máme však co činiti s obrazy jiného druhu, po případech komponovanými za jiným cílem. Tak ikona »Věřím« snaží se všemožným způsobem učiniti abstraktní pojmy hymnu srozumitelnými, přenést je do světa konkrétního, učiniti je tak tomu, kdo tento hymnus zpívá nebo poslouchá, srozumitelnějšími. Ještě více to platí o ikoně »O těbě raduetsja«, »Da molčit vsjakaja plot« a nejvíce o »Jedinorodnyj«, jehož text je veskrze abstraktní. Nechybíme tudíž, nazveme-li je ikonami *didaktickými*.

Po tomto rozdělení a provedeném srovnání nebude nám za těžko uznati, že se zde setkaly dva proudy: první přicházející z okruhu malířství srbského — ovšem zůstane zde nevyplněná mezera více než sto let, což nelze přehlédnouti — a druhý — řekněme prozatím — domácího původu, jenž se projevil jak v ikoném, tak nástěnném malířství. Nyní zbývá objasniti původ tohoto druhého směru.

Pozoruhodno jest, že nové ikony, kolem roku 1554 do Moskvy dodané, byly malovány v Novgorodě a Pskově. Již tato dvě jména mluví sama o sobě mnoho; obě města byla v živém styku hospodářském a mimoděk i kulturním se Západem. I když o známém objevu ROVINSKÉHO na čtyřdílné ikoně Ostaňově, že totiž byly určité detaily její okopírovány z Cimabuových a Perugginových obrazů,⁴⁰ lze míti vážné pochybnosti, přece nelze neopomenouti různých didaktických »biblia pauperum« a jiných středověkých ilustrovaných knih západních, jimiž se Kondakov obšírně zabývá;⁴¹ ty mohly dáti zcela dobře *impuls* k vytvoření didaktických ikon ruských; to ovšem je jenom *hypothesa*. Že dále tento vliv západu nešel, je viděti jak z ikonografie, tak ze stylistiky těchto ikon, což blíže osvědčí jejich popis.

⁴⁰ Srv. pozn. ⁴ shora.

⁴¹ Op. cit.

I.

Při liturgii Chrysostomiánské i Basiliánské zpívá se po prvé antifoně hymnus »Jednorodnyj«, jenž zní: »Jednorozený Syne a Slovo Boží, nesmrtelný jsi. Jenž jsi pro naše spasení ráčil na se tělo vzíti ze svaté Bohorodičky a povždy Panny Marie, nepochopitelně jsi se vtělil, ukřižován jsi byl, Kriste Bože, smrtí smrt jsi potřel, jeden jsi Svaté Trojice, s Otcem i Duchem svatým spoluslavený, spasiž nás.«

Ikon ilustrujících tento hymnus je dosti; pocházejí většinou ze XVII. stol. a neliší se po stránce ikonografické valně od sebe. Nejbohatší thematy a nej-přehlednější je asi ikona Ruského musea, velmi dobře zachovaná. (Tab. I.)⁴²

Rozdělena je, jako všechny ikony tohoto námětu, na dvě části: horní na pozadí nebe, dolní na skále. Pod horním okrajem zobrazeno nebe, na něm slunce a měsíc; mezi nimi »Otečestvo« — Hospodin Sabaoth s medailonem Ducha sv. na klíně sedící na serafínech — obklopené sedmi medailony s kůry andělskými. Pod »Otečestvem« veliký medailon nesený anděli, v němž na serafínech sedí Emanuel, obrácený hlavou vpravo. V levici drží svitek s nápisem: »Duch milosti, Duch moudrosti, Duch síly«; pravíci žehná. Za touto rukou vznáší se medailonek se znaky čtyř evangelistů. S levé strany přichází, stoje na oblaku, anděl v obleku jáhna (ve vzorkovaném sticharu s orarem), v pravici drže kaditelnici, na hlavě diskos se sv. Dary. S pravé strany přichází ke Kristu anděl v ideálním obleku se sférou v pravé ruce. Za levým andělem je umístěno Ukřižování ve zvláštním rámci, za pravým Zvěstování se zajímavým detailem: na lůně Panny Marie leží Ježíšek, symbol jejího početí. Na jiné ikoně Ruského musea⁴³ vychází levý anděl ze stavby chrámové, pravý z palácové. Opět na jiné ikoně Ruského musea⁴⁴ nahrazen chrám palácem, z něhož vychází anděl, držící v levé ruce uzavřenou nádobu; za andělem Bohorodička. (Tab. II., č. 1.)

Smysl této části komposice je jasný: Od Otce Sabaotha vychází Slovo Boží, »plné milosti a pravdy« (Jan 1—14), trvale obsažené v evangeliích (symboly čtyř evangelistů); a jako Kristus milost přijal (nápis na svitku), tak ji vydává (žehnající ruka). Kristus přichází jako kněz a proto k němu přichází přísluhující jáhen; přichází však též jako soudce a král a proto přichází k němu anděl nesoucí sféru — odznak moci.

Dolní část komposice pokračuje v ilustraci textu: mezi skalami umístěna scéna: »Neplač nade mnou, matko«,⁴⁵ která zde však není dosti dobře volena. Malíř na jedné ikoně k ní připsal text: »a pro naše spasení«, na druhé »ne-

⁴² Kondakov: Ruská ikona II., tab. č. 99 vpravo.

⁴³ Ibid. tab. č. 98.

⁴⁴ Ibid. tab. č. 100 vlevo.

⁴⁵ Studii o této komposici chystá prof. N. L. Okunev, proto se zde nebudu s ní blíže zabývat.

smrtelný jsi»; patrně tedy si nevěděl rady, neboť k obojímu textu jako ilustrace přiléhá velmi málo. Na levém vrcholu skály stojí kupolovitý chrám a před ním tři liturgisté za velkým diskem, na němž leží Ježíšek. Tím ilustrován příchod Kristův ve sv. Tajemstvích, kde opakuje svou prvotní obět na Golgotě. Skupina tří liturgistů u oltáře je staršího původu; shledáváme ji vícekrát, jak v nástěnných malbách,⁴⁶ tak na ikonách.⁴⁷

V levém dolním rohu symbolický obraz vítězství Krista nad smrtí: Kristus ve zbroji s přilbou na hlavě a kopím v ruce sedí na vrcholu kříže; kříž je zasazen dolním koncem do hrudi ďábla svázaného, kterého drží archanděl Michael za bradu a ubíjí mečem. Vpravo utíkají křičící a bědující ďáblové do hlubiny pekelné, znázorněné otevřenou tlamou jakési velryby.

I o tomto vyobrazení mluví se v »Roziskú«; praví se, že Kristus je malován podle svědectví sv. Jana Zlatoústého v homilii: »Stojí carevna vedle tebe«, zejména podle slov: »Neboť vůbec neobjevuje se tak jak jest, nýbrž jak může býti viděn; a proto někdy zjevuje se stár, někdy mlád, tu v ohni, tu v zimě, tu ve větru, či vodě, či ve zbroji, neměně své podstaty«, a dále dovolává se knihy Moudrosti, žalmů a písní: »obleče se v brnění pravdy« atd.⁴⁸

V pravém rohu zobrazena je smrt a její potření Kristem. Na zemi leží mrtví lidé všelikého věku i stavu a na ně se vrhají šelmy, vlci a orli. Po mrtvolách jede smrt na jakémsi lvovitém zvířeti; smrt drží v ruce kosu a vleče ji po zemi. Proti smrti útočí cherubín s plamenným mečem. Ku podivu toto potření smrti a zároveň síly satanovy Bohem, jež zde provádí vykonavatel vůle Boží — cherubín, téměř na všech ikonách ve svém dramatickém účinku selhává. Cherubín se úplně ztrácí a z jeho posice by bylo těžko bez připojených nápisů vytušiti význam jeho umístění. Nejlépe ještě je vyjádřena převaha cherubínova nad smrtí na malé ikoně (14×17 cm) tohoto námětu, kterou má kněžna N. Jašvilová v Praze. (Tab. II., č. 2.)

Postava smrti je častokrát různě podána: někdy je to bílá postava kreslená plošně se zúmyslnou deformací tvarů tělesných, někdy vychrtlá nahá postava muže, někdy kostlivec. I zvíře, na kterém smrt jede, mění svůj tvar. Obě dvě figury nevyskytují se v této ikoně po prvé, je to vlastně apokalyptický jezdec (Apok. 6. 2), který byl na východě považován za smrt a počíná se vyskytovat s rozvojem zobrazování Apokalypse. Tak jej najdeme na obrovské ikoně Apokalypse severního původu ze stol. XVII., která visela v zinním chrámu Rogožského hřbitova⁴⁹ a v celé řadě freskových cyklů Apokalypse v Jaroslavli.⁵⁰ Zdá se býti původu domácího, čemuž nasvědčuje tato okolnost: v severním narthexu chrámu sv. Jana v Tolčkově v Jaroslavli vyobrazena je kompo-

⁴⁶ Uspenskij sobor v Moskvě; srv. *Покровскій*, op. cit. str. 254.

⁴⁷ Pokrov presv. Bogorodicy: *Kondakov*: op. ult. cit. II., tab. č. 35 a 36.

⁴⁸ *Буслаевъ*: Для исторіи русской живописи XVI в. (Соч. II.) str. 293.

⁴⁹ *Лихачевъ*: Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. СПб. 1906, obr. č. 445.

⁵⁰ Srv. *Покровскій*: op. cit. hl. VIII.

sice: »Plody Kristova utrpení«; fresko toto okopírováno je dosti volně ze západní rytiny, jejíž jeden exemplář je ve sbírce SOMMERARDOVĚ v museu Cluny pod č. 1695.⁵¹ Na této předloze vyrůstá z pravého ramene kříže ruka držící meč a utínající ruku symbolisaci synagogy (ženská postava se zavázanými očima, jedoucí na oslu). Ruský malíř tuto postavu vymýtil a na její místo namaloval zmíněného apokalyptického jezdce — smrt.

Pro úplnost musíme se zde zmíniti o ikonografii fresky klášterního kostela v Suceviči, ilustrující tento hymnus, o níž jsme mluvili shora v úvodu.

Oba autoři monografií o rumunském malířství postaveni byli zde před thema jim dosud neznámé a proto není divu, že obsah jeho nepochopili, zvláště když nesáhli k ruským analogiím, třebaš — alespoň HENRY — vliv jejich vycítil. STEFĂNESCU⁵² pokládá je za variantu tematu: »Neplač nade mnou, matko« a nerozeznal vůbec, že je to ilustrace liturgického hymnu.

HENRY⁵³ byl již pečlivější, určil správně předmět komposice, ale i jemu zůstal větší díl její záhadou; bohužel ani podle jeho tří fotografií, pro nejasnost najmě střední části, není si možno sporý popis doplniti. V horní části, stejně jako u všech ruských ikon, ve středu umístěn Hospodin Sabaoth v medailonu. Po stranách jeho dva andělé nesoucí sféry, před nimiž poletují serafíni. (Henry má za to, že tito dva andělé drží serafíny v ruku.) Na konci vlevo stojí známý nám již anděl-jáhen, symbol kněžství Kristova, na pravém konci jiný anděl symbolisující vladařství Kristovo. Střed komposice zaujímá medailon s Emanuelem, který drží v pravici holubici Ducha sv.⁵⁴ Ve střed dolní části vložena komposice »Neplač nade mnou, matko«, vlevo od ní známá nám scéna ubití d'ábla; Kristus v brnění sedící na kříži uniknul úplně pozornosti Henryho. I to, co je na fresce této nejzajímavější, totiž scéna nad křížem, Henry nepopisuje. Před pozadím města, totiž, je zbudována cisterna křížové podoby, před níž stojí dva andělé, kteří jsou beze vší pochyby reduplikací prvního a posledního anděla horní řady, a rozmlouvají s Kristem na kříži sedícím.

Škoda, že Henry alespoň neopsal dobře zachovaný nápis po straně této scény; tak zůstává nám detail tento, ač neobyčejně zajímavý, záhadou. Napravo od středního medailonu pokračuje městské pozadí; před ním odehrává se scéna poražení smrti, kterou Henry správně považuje sice za scénu apokalyptickou, ale nepochopil přece význam jejího umístění na tomto místě.

⁵¹ Fresko i předloha u *Pokrovského*, op. cit. tab. XIX a XX; lepší reprodukce freska v *A. И. Успенский: Царские иконописцы и живописцы XVII века I. дѣл* (Зап. Имп. Моск. Арх. Инст. I.) Москва 1913 u str. 236. — Popis u *Pokrovského*, op. cit. str. 278 a sl.

⁵² Op. cit. str. 146.

⁵³ Op. cit. str. 258.

⁵⁴ *Kondakov* (op. cit.) popisuje tuto kompozici podle ruských ikon, dopustil se chyby, která však prozrazuje, že fresko Sucevičské znal, — ač se o něm jinak nezmiňuje — praví, že Emanuel drží v ruku holubici, snad přý symbol svého poselství míru, ač tento detail se neobjevuje na žádné z ruských ikon, jediné na právě popisované fresce.

II.

Ikona »*Věřím*« vyskytuje se ve dvou redakcích: prvé popsané v podlinníku Stroganovském a zachované v jediném známém exempláři v chrámu sv. Řehoře Neokesarijského v Moskvě,⁵⁵ druhé, popsané v obrázkovém podlinníku Fili-monově a zachované v několika exemplářích, a to dvou ve sbírce Lichačevov⁵⁶ a jednom v Pokrovském chrámu Rogožského hřbitova v Moskvě.⁵⁷

V dalším budeme je zkráceně nazývat: prvou Stroganovskou, druhou Fili-monovskou redakcí.

Stroganovský podlinník (bez obrázků) má pro »*Věřím*« následující předpis: »*Věřím v jednoho Boha Otce, stvořitele nebe i země atd. Nahoře v oblacích Hospodin Sabaoth, před ním stojí Adam a Eva, na zemi moře, ryby, stromy a tráva. Zvířata divoká, krotká a ptáci ve vzduchu, po stranách oblaka, slunce, měsíc a hvězdy. A v jednoho Pána Ježíše Krista atd. — Proměnění Páně. Jenž pro nás lidi atd.: Zvěstování Panny Marie. Z Marie Panny se vtělil: Narození Páně s mudrci spěchajícími se klaněti. Jenž pro nás byl ukřižován atd. — Ukřižování Páně, po stranách snětí s kříže a položení do hrobu; blíže kříže město; pod křížem Adamova lebka a dvě nádoby; po stranách Bohorodička a sv. Jan Bohoslovec. A vstal třetího dne z mrtvých atd. — Zmrtvýchvstání Páně. Vstoupil na nebesa atd. — Nanebevstoupení. A opět přijde se slávou souditi atd. Spasitel na oblacích žehná oběma rukama. Po stranách Bohorodička a sv. Jan. Za nimi Apoštolové, proroci, praotci a všichni svatí mučedníci. Pod nimi dva Andělé s troubami a v oblacích duše spravedlivých. A níže stojí lidé, nazí, pláčící a křičící. I v Ducha Svatého: Seslání Ducha svatého. A v jednu svatou obecnou a apoštolskou církev atd. Chrám o pěti kupolích a v ní sv. Petr s Evangeliiem v ruce, před ním lid: muži, ženy a děti. Napravo od sv. Petra Jan Theol. s kalichem v ruce, z něho dává pít lidem a lidé všeliké tvářnosti staří i mladí a sedí a prosí. Okolo chrámu zvonice a paláce, v pozadí město. A očekávám vzkříšení z mrtvých: Uprostřed prorok Isaiáš a nad ním Hospodin Sabaoth; v rozích všeliká stvoření odevzdávají těla lidská; a po zemi vstávají mrtví. A v život budoucího věku Amen. — Město stavěné do čtverce; v něm osm věží, v branách věží stojí andělé. Po stranách města země a hora. A po straně proti stěně stojí dva proroci staří, před nimi po andělu, stojí a ukazují do města. A uvnitř, uprostřed města Spasitel s křížem se svatozáří žehná, nad ním Duch svatý a po stranách Bohorodička a sv. Jan Předchůdce; za nimi dvanáct apoštolů a všichni svatí padají k nohám Spasitele, níže země a svatí na zemi a město výše.«⁵⁸*

⁵⁵ *Лихачевъ*, op. cit. č. 535.

⁵⁶ *Ibid.* č. 606 a 608.

⁵⁷ *Кондаковъ*: Лицевой иконописный подлинникъ. Томъ I. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. — 1905. РИИ. č. 37.

⁵⁸ Citováno dle *Буслаева*: Сочинения II, str. 288.

Ikona v chrámu sv. Řehoře Neokessarijského, kterou možno podle stylistických známek zařaditi do konce stol. XVII. či počátku stol. XVIII., je rozdělena na 13 scén. Dvanáct je urovnáno do čtyř řad po třech scénách, třináctá uzavírá volně horní část ikony.

V této horní části zobrazeno »Otečestvo«: v medailonu Hospodin Sabaoth ve vžitě již formě starce s rozepiatýma rukama, na jehož klíně sedí Kristus — Emanuel, a na jeho klíně opět v medailonku holubice Ducha sv. Tento medailon obklopen sedmi jinými, v nichž umístěno sedm kůrů andělských. Prvá scéna v první řadě zobrazuje Boha Otce v pátý den stvoření: obklopen je zvěří čtyřnohou i ptactvem, v pozadí moře, v němž plovou ryby a nad ním se vznášejí ptáci. Druhý obraz má dvě scény: šestý den: stvoření Adama a vpravo stvoření Evy.⁵⁹

Tím skončena první část »Věřím«. Druhá, týkající se Boha Syna, počíná třetím obrazem, jenž opět obsahuje dvě — nebo lépe tři — scény sloučené skalnatým pozadím. Vlevo Zvěstování ve staré vypracované formě: Panna Maria nabírá ze studny vodu do džbánu, archanděl Gabriel en-miniature se snáší na oblaku, za ním z obláčku vychází světelný pruh symbolisující vůli Boha Otce. (Příznačná je v pozadí architektura ve tvaru stylisovaného západního gotického chrámu o třech věžích s přilehlou stavbou o nízké věži.) Druhá scéna Narození Páně: P. Maria sedí u kolébky, v níž leží zavinutý Ježíšek. Scéna se sv. Josefem přepracována tak, že ďábel v podobě pastýře opírajícího se o hůl ponechán, jenž nyní již je to pouhý pastýř obracející hlavu vzhůru; před ním kleče vstává druhý pastýř. Svatý Josef leží v pozadí pod jesličkami obraceje k nim hlavu. Za třetí scénu možno považovati zobrazení slov: »Pro nás lidi a naše spasení se vtělil«. V obláčku umístěno poprsí anděla s rozepiatými křídly, který v obou rukou drží sféru, z níž vycházejí tři paprsky a dopadají na jesličky.

Druhá řada je vyplněna třemi obrazy znázorňujícími smrt a oslavu Kristovu: Prvý se skládá ze dvou scén Ukřižování a uložení do hrobu. Kol kříže stojí z levé strany hroutící se Panna Maria, již přidržuje sv. Jan a jedna Marie, druhá Marie stojí za touto skupinou s rozepiatýma rukama. S pravé strany kříže Longin probodává Spasitelův bok. (Zajímavé je, že malíř okopíroval posici Krista rozepiatého na latinském kříži, t. j. visícího, přes to však kříž ponechal osmikoncový, na němž však ukřižovaný má státi.) I druhá scéna, »Zmrtvýchvstání«, je plna západního vlivu. To, co dříve bylo scénou hlavní a vlastně jedinou, t. j. sestoupení do předpekli, zatlačeno do pozadí scénou západního původu: vystoupení z hrobu, které se vetřelo do úhlu komposice hlavní a pomalu se rozrůstalo víc a více. Třetí obraz druhé řady, »Nanebevstoupení«, není rovněž bez vlivů západních; jeví se to v umístění Boha Otce do komposice, který v mandorle očekává Krista neseného rovněž v mandorle

⁵⁹ Pro nedostatek místa a k vůli ucelenosti práce budeme se zde zabývatí toliko ikonografií těchto obrazů, o nichž dosud psáno nebylo a těch, o nichž možno souditi, že se zde vyskytují po prvé.

čtyřmi anděly. Kristus v pozemském rouchu sedí na duze a žehná oběma rukama. Na zemi leží v modlitbě dvě postavy apoštolské.

Druhý příchod Kristův znázorněn na prvním obraze třetí řady Posledním soudem: v horní části obrazu Kristus opět v mandorle sedící na duze, má na klíně rozevřenou knihu. Nad mandorlou holubice Ducha sv. Po stranách obvyklé seskupení: s levé strany Bohorodička, za ní archandělé a andělé, s pravé strany sv. Jan Předchůdce, rovněž následován sborem andělským. Před anděly sedí apoštolové, po každé straně šest, každý s rozevřenou knihou na klíně, z níž buď čte, nebo se dorozumívá se sousedem. Pod Kristem drží dva andělé kříž s kopím a houbou (zbytek »hetymasie«), pod nimi anděl s troubou. Nad scénou svinují andělé nebe. Spodní část vyplněna scénou zmrtvýchvstání lidstva: osm postav v různých stádiích probouzení, vstávání z hrobu a hrůzy před posledním soudem. Vpravo vzadu oheň pekelný, v němž postavy lidí odsouzených.

Slova: »I v Ducha sv. Pána a obživovatele, jenž z Otce vychází, jenž s Otcem i synem je spoluklaněn a spoluslaven, jenž mluvil skrze proroky« pojata velmi jednoduše: Sesláním Ducha sv. na dvanáct apoštolů a P. Marii. Kosmos či král pověťfí, chybí. (Tab. III.) Třetí obraz, ilustrující slova: »I v jednu svatou obecnou a apoštolskou církev«, je komposicí originální, která v hlavních rysech se shoduje s předpisy Stroganovského podlinníku. Vpředu chrám o pěti kupolích (symbol pěti oekumenických patriarchátů), otevřený. V něm střed ikonostasu s otevřenými carskými dveřmi, za nimiž viděti prestol s ležícím na něm evangeliem. Za prestolem ikona Bohorodičky »Odigitria«. Za chrámem vpravo vzadu zvonice tvaru »kolokolny«. Vpravo před chrámem skupina apoštolů: v čele sv. Petr s knihou v levé ruce, pravou gestikuluje při kázání. Za ním viděti hlavu apoštolovu, vpravo sv. Jan Bohoslovec, ale západního typu, mladý, bezvousý, s jakýmsi kalíškem v ruce. Proti apoštolům skupina věřících, skládající se ze dvou mladých osob bezvousých, sedících na stupni, beznohého žebráka o berli, vojína a jakéhosi bohatce. U všech výraz (v tváři i v rukou) touhy a prosby. Vlevo vzadu na vysoké skále učící apoštol a dva andělé, kteří drží svitky v rukou.

Poslední řada je ikonograficky nejzajímavější: první obraz, ilustrující slova: »Vyznávám jeden křest na odpuštění hříchů«, má opět dvě scény spojené skalnatým pozadím. Vpředu káže sv. apoštol Petr dvěma skupinám, po pravici jeho stojícím mužům, po levici klečícím ženám. Vpravo vzadu stojí čtyři postavy křtěnců ve vodě, které na břehu stojí sv. Petr a Jan (opět bez vousů) křtí, a jak z pohybu rukou viděti, i biřmuje (charisma, myropomazanje); je to zřejmý vliv textů Skutků apoštolských, kap. 8., v. 14.—17. Při horním kraji obrázku obláček, z něhož vycházejí paprsky na obě scény. Druhý obraz na slova: »A očekávám vzkříšení z mrtvých«, používá pro znázornění vzkříšení z mrtvých druhého vidění proroka Ezechiele, popsané v jeho knize v kap. 37., v. 1.—14. Vlevo vpředu stojí prorok Ezechiel, poslou-

chající rozkazy a řeč Boha, jenž zobrazen oblakem, v němž v ozářeném středu nápis Б҃҃҃҃. U nohou prorokových leží kosti, vzhůru po skále těla odívající se svaly a masem a probouzející se. Vdechnutí duše zobrazeno čtyřmi andělskými hlavičkami v obláčcích, z jichž úst vychází duch v podobě paprsků. Vpravo pak stojí již těla lidí oživených v řadách, hledících na nebe.

Rovněž poslední scéna tohoto obrazu, ilustrující závěr: »Věřím« — »A život budoucího věku. Amen«, pojata rovněž jako vidění, tentokrát sv. Jana Bohoslovce, a sice podle Apokalypse, kap. 21., v. 1.—5. a v. 10.—27. Je to město založené na skále, vlastně jen velická zahrada obklopená čtvercovou zdí. V každé straně zdi jsou tři brány, úplně barokově stylisované. V každé bráně stojí anděl v bílém rouchu s vykasanými rukávy, opásaný širokou stuhou. Zeď mezi branami má cimbuří a v každém dílu zdi proráženo dvojokno. Vnitřek města je, jak řečeno, louka porostlá bohatou vegetací. Po obou stranách klečí dvě řady nemnoha svatých, klečící tváří k sobě. Mezi nimi prochází se Kristus v mandorle, žehnající oběma rukama. Za řadami světců po dvou řadách malinkých domečků. Za levou zdí vně města týčí se vysoká skála, na jejímž vrcholu sv. Jan Bohoslovec v tradiční podobě (starce) polokleče zapisuje. Vedle něho anděl vysvětlující vše, v levé ruce s měřidlem. Nahoře kruhový oblak uvnitř s nápisem Б҃҃҃҃ pod ním medailonek s holubicí Ducha sv.

Popis tento bude nutno doplniti hledáním paralel. Vytyčení rozdílů mezi oběma redakcemi provedeme až po popisu ikon redakce druhé.

Odečteme obrazy, které zde byly pouze zkompileovány, aniž bylo co značnějšího uvnitř po stránce ikonografické měněno, t. j. obrazy Boha Otce, stvoření tvorstva i člověka, Zvěstování, Narození, Ukřižování, Pohřeb, Zmrtvýchvstání, Sestoupení do pekel, Nanebevstoupení, Poslední soud, Soslání Ducha sv. Pak zbudou zde dvě skupiny obrazů: první — náměty, které již existovaly, zde však jich bylo použito s určitým symbolickým vztahem, druhá — obrazy úplně nové, pro tuto kompozici vytvořené. Do první patří obraz Vzkříšení, kde použito vidění Ezechielova, které se vyskytuje již v syrském evangeliáři č. 341 v Pařížské nár. knihovně ze VII.—VIII. stol., v řeckém žaltáři č. 139 tamtéž z IX. stol. a v dolním patře Bačkovské kostnice z XI. stol.⁶⁰ Částečně sem patří i obraz poslední, převzatý z cyklu Apokalypse. V řeckém podlínniku Dionysia z Agray je pod obrazem XXI. Apokalypse popsán obraz dosti shodný s tímto.⁶¹ Do druhé skupiny patří dva obrazy: Církev a Křest. A podle těchto dvou možno hledati paralely. Na jedné z rytin kyjevských mistrů stříbrníků ze XVII. stol.⁶² nacházíme ilustraci »Věřím« o dvanácti obrazech, kde na desátém místě vidíme podobnou scénu: před pětikupolovým chrámem stojí sv. Petr s evangeliem, učící lid, a sv. Jan Bohoslovec, rozdávající chléb. Na posledním místě zobrazen pak ráj úplně stejně jako na popisované ikoně. Shod-

⁶⁰ A. Grabar: La peinture religieuse bulgare. Paris 1928, str. 81.

⁶¹ Didron: op. cit. str. 261.

⁶² Лихачевъ: op. cit. č. 860.

nost s podlínkem Stroganovským je zde větší, poněvadž zde zobrazen Kristus s křížem ve svatozáří žehnající, nad ním Duch sv., po stranách Bohorodička a sv. Jan Předchůdce. Vně města staří prorokové, každý doprovázen andělem, který ukazuje do města, tedy prvky, které Stroganovský podlínkem předpisuje, které však jsme u popsané ikony nenašli. Zde je tedy styčný bod obou obrazů. Zajímavá je však tato různost: v ikoně č. 535 nejsou ilustrována slova definující božskou přirozenost Ježíše Krista; od stvoření světa přechází se ihned k Zvěstování. (Obláček s vycházejícími paprsky pojat jako scéna vedlejší.) Na dřevorytu však jsou tato slova ilustrována samostatně, a to Proměněním Páně. Okolnost ta může nás vésti dále. V narthexu jaroslavského chrámu sv. Mikuláše Mokrého z r. 1673 zobrazeno »Věřím« rovněž o dvanácti scénách, kde na pátém místě tato slova ilustrována rovněž Proměněním Páně. Celá tato kompozice není však podle POKROVSKÉHO⁶³ nic jiného, než kopie rytiny Piscatorovy v *Theatrum biblicum*.⁶⁴

Tak přicházíme k původu vyobrazení »Věřím« redakce Stroganovské. Tím však není řečeno, že malíř ikony č. 535 byl na stejné úrovni s malířem cyklu v narthexu jaroslavského chrámu, který si ani neuvědomil, že Piscator ilustruje apoštolské vyznání víry, kdežto on má ilustrovati symbolum nikejsko-cařihradské.

Malíř ikony, třeba že již na četných místech úplně opustil stylistiku ikonnou, jak jsme několikrát letmo poukázali, přece si zachoval tolik smyslu, aby vystihl nutnost odpoutání od předlohy tam, kde toho je třeba. Právě na této scéně je zřejmé, že šlo o malíře nadaného invencí, který si zkomponoval prvky starší redakce Filimonovské s prvky nové předlohy Piscatorovy v jeden celek.

Redakce druhá má ve Filimonovském obrázkovém podlínku dva vzorky, které v dalším označujeme č. I. (Tab. VII.) a č. II. (Tab. VIII.), a jež se valně od sebe neliší.⁶⁵ Ze zachovaných tří ikon vykazuje každá o něco více ikonografických novot, takže za nejjednodušší možno považovati ikonu Lichačevovu č. 606, kterou krátce budeme zváti A (Tab. IV.), jako složitější ikonu téže sbírky č. 608 B (Tab. V.) a ikonu Rogožského hřbitova C (Tab. VI.), která je stylisticky o mnoho slabší, ale ikonograficky bohatší.

Prvým markantním rozdílem všech tří ikon od redakce Stroganovské je jejich rozdělení. Obrazy jsou rozděleny do pěti horizontálních řad, z nichž spodní jsou uprostřed přerušeny vertikálním sloupcem, do kterého umístěny

⁶³ Op. cit. str. 283.

⁶⁴ O vlivu Piscatorova »*Theatrum biblicum*« z r. 1650 na ruské církevní malířství psáno vícekrát (И. М. Тарабринъ: Библия Пискаatora въ исторіи русской письменности и искусства. — Труды XV. арх. съѣзда въ Новгородѣ. — Москва 1911. — Е. П. Сачавецъ-Федоровичъ: Ярославские стенописи и библия Пискаatora. — Русское искусство XVII. века. — Ленингр. 1929. — Ср. též: А. И. Успенский: op. cit. дѣл IV. — Москва 1916 str. 19—22 а И. Грабаръ: Стѣнные росписи въ храмахъ XVII. вѣка, в Ист. русскаго искусства, VI. дѣл). Netřeba se tudíž generálně otázkou touto zabývat.

⁶⁵ Кондаковъ: op. ult. cit. litogr. příl. č. 1. а 2.

scény »maiestatis Domini«. Tím bylo dosaženo větší malebnosti v seskupení obrazů, ale zároveň byl malíř donucen obrazy přeházeti, takže ilustrace nejdou rovnoměrně s textem.

Prvý pás u obou předloh i všech tří ikon je rozdělen na tři části: první a třetí vyplňuje historie rajskeho života a pádu prarodičů, střední část vyobrazení I. sněmu nikejského.

Prvý obraz u ikony A rozdělen na dvě části: v horní trůní v medailonu Hospodin Sabaoth obklopen kůry andělskými, rovněž v medailonech. Dolní část u ikony má dvě scény: stvoření Evy Hospodinem a naučení o stromu života, které uděluje prarodičům anděl.⁶⁶ U ikony B a předlohy č. 2 umístěno stvoření Evy do oblaku, při čemž místo Boha Otce funguje zde anděl. Dolní část má opět dvě scény: usvědčení Adama z hříchu (opět andělem) a strach obou prarodičů. Mezi oběma scénami je znázorněno rajske živočišstvo. Na předloze č. 1 opět v oblaku stvoření Evy andělem, vlevo dole naučení Adamu a Evě, napravo znázorněn stojící Adam s Evou. Mezi oběma scénami lev, slon a had. Na ikoně C, jejíž pozadí tvoří skalnatá krajina, jsou na tomto místě čtyři scény: stvoření Evy (opět prostřednictvím anděla), naučení prarodičům, jejich život v ráji (oba sedí spolu na skále) a na čtvrtém místě hřích, oba stojí pod stromem poznání s rukama k němu vztaženými. Třetí obraz pokračuje ve vypravování započatém obrazem prvním. V horní polovici Bůh Otec stejně traktovaný jako u prvního obrazu. Dolní část u ikony A má jedinou scénu: vyhnání z ráje. Vlevo ráj plný jasu a vegetace, obehnaný zdí, před jejíž branou anděl. Prarodiče vycházejí do skalnaté krajiny; doprovází je had, který se plazí pod nohama Evy. U předlohy č. 1 umístěno vyhnání hned pod strom poznání. U ikony B a předlohy č. 2 týčí se uprostřed scény skalisko s jámou či jeskyní uprostřed, napravo utíkají Adam a Eva a ve vzduchu vznášející se anděl je pohánějí ohnivým mečem. U ikony C třetí obraz rozdělen na tři scény: v první oznamuje anděl prarodičům vypovězení z ráje, v druhé ubíjí Kain kamenem Abela, v třetí oplakává Adam a Eva smrt svého syna.

Všechny tyto jednotlivé scény, ilustrující počáteční slova Věřím: »v jednoho Boha Otce, všemohoucího tvůrce nebe i země viditelných i neviditelných«, nepřinášejí ikonograficky ničeho nového; vyskytují se v ilustracích starozákonní historie již od starších dob takřka beze změny.

Střední díl první řady ilustruje další slova, vztahující se k Ježíši Kristu a jeho Božské přirozenosti. Ilustrace takového abstraktního dogmatu byla těžká a po stránce dogmatické choulostivá. Proto si zde malíř zručně vypomohl a zobrazil první prohlášení tohoto textu na sněmu nikejském r. 325.

⁶⁶ Již v rukopisech XVI. a XVII. stol. nacházíme, zejména při stvoření, Boha Syna symbolizovaného andělem. To také vytýkal malířům Viskovatýj, který v podobném zobrazování Krista viděl výmysl, neboť prý má »převéčné Slovo Boží zobrazováno býti v podobě tělesné«. Na tuto námitku odpovídal sobor poukazem na prorocký Isaiášovo, kde Kristus nazýván »andělem veliké rady« (Буслаевъ: op. ult. cit. Соч. II., str. 191); že zde však zobrazen toliko anděl, nikoliv symbol Tvůrce, pro to svědčí přípis u hlavy jeho na ikoně B: αϞ (t. j. anděl Páně).

Nejjednodušší je zase zobrazení na ikoně A. Před bohatou městskou architekturou stojí dvě skupiny hierarchů, levá svatých pravověrných otců v čele se sv. Athanasiem, který čte nějaký text na analogiu před ním rozložený. Napravo skupina kněží (bez nimbů), patrně stoupenců Ariových. Za nimi v architektuře, představující vězení, sedí Arius ve světském šatě (krátkém kabátci, úzkých nohavicích, s čapkou na hlavě), je vousatý a sedí tak, že kolena jsou daleko od sebe a ruce má založeny v bok. Hlava otočena ke scéně sněmu. Na ikoně B jsou obě skupiny kleriků bez aureol, s výjimkou sv. Athanasia v čele skupiny levé, který drží v ruce svitek. Za sv. Athanasiem stojí císař Konstantin. Biskup v čele pravé skupiny drží rozevřenou knihu, obrácenou k sv. Athanasiovi. Arius zobrazen jako na ikoně A. Úplně totéž na předloze č. 2. Na předloze č. 1 stojí dvě skupiny po stranách oltáře. V čele levé sv. Athanasius stojící na »orlici«, za ním Konstantin a další klerikové. Napravo asi skupina kněží stoupenců Ariových, z nichž první, čině pravici znamená kříže, levici vztahuje nazpět k žaláři, v němž sedí Arius. Scéna asi bude zobrazením přísahy účastníků koncilu, na nové symbolum a odřeknutí bludu Ariova.

Ikona C má opět scénu komplikovanější, než ostatní. Ve středu na ambonu stojí tři biskupové, každý se svitkem v ruce, nalevo od ambonu skupina sv. Otců, napravo kněží a jáhnů Ariovců. Na levém konci scény zobrazeno vidění sv. Petra Alexandrijského. Na prestolu s baldachýnem stojí dvanáctiletý Ježíšek v roztrženém šatě, před ním klečí sv. Petr s rozepíatýma rukama. Na pravém konci scény sedí Arius v jakémsi sarkofágu před dvěma žaláři, přikryt pláštěm, bez čapky.

Analogii pro toto vyobrazení najdeme v nástěnných malbách v chrámu sv. Mikuláše Mokrého v Jaroslavi z r. 1673.⁶⁷ Obě tyto postranní scény vyskytují se stejně traktovány a na týchž místech. Jinak zařazení vidění sv. Petra Alexandrijského do komposice I. sněmu není zvláštností; vyskytuje se ku příkladu v Trapeze athonské Lavry z r. 1512,⁶⁸ v Trapeze Dionisia z r. 1547 a 1603,⁶⁹ v Dochiariu z r. 1568 a j.,⁷⁰ kde však bývá umístěno do středu zadního plánu.

Celkem není třeba ku všem těmto obrazům zvláštního výkladu. Za pozoruhodné považovali bychom přepracování tohoto tematu ve dvojím směru: vymýcení dominantního postavení Konstantinova a legendární traktování Aria na rozdíl od dřívějšího, symbolického. V dřívějších komposicích zaujímá střed Konstantin, sedící na trůnu; zde buď odstraněn vůbec, anebo posunut stranou mezi klerus. Změna ta provedena nejspíše proto, že zde malíři nešlo o znázornění sněmu, jakožto faktu dějin církevních, jako spíše o znázornění promulgace článku symbola. Traktování Aria je úplně pod vlivem legend, které teprve asi

⁶⁷ *Покровскіѣ*: op. cit. str. 280 a sl.; tab. č. XXIII.

⁶⁸ *Millet*: Monuments de l'Athos. Paris 1927, tab. č. 140.

⁶⁹ *Ibid.* tab. č. 211.

⁷⁰ *Ibid.* tab. č. 239.

v této době vznikají. Kdežto dříve zobrazován Arius v kněžském rouchu, ležící pod nohama sv. otců, symbolem pokoření a degradování jeho, nyní sedí v žaláři (což neodpovídá skutečnosti, bylť Arius na sněmu přítomen), a to ve světském rouchu, v divné posici, kterou však osvětlí předloha č. 2. Ariovi prý totiž, jako i Jidášovi, vykydla střeva, což drasticky tato předloha znázorňuje. Odtud i onen pohyb rukou na všech ostatních obrazech. I to neodpovídá skutečnosti, neboť Arius žil ještě drahně let po sněmu Nikejském. Druhá legenda, vízící se k tomuto sněmu, o spolíčkování Aria sv. Mikulášem, zobrazená na zmíněné již fresce u sv. Mikuláše v Jaroslavli, se zde nevyskytuje.

Není pochyby o tom, že se podobné zobrazení sněmu Nikejského vyskytovalo i jinde, ale přece jenom je od zmíněné fresky značný rozdíl ikonografický i stylistický, takže možno malířům těchto ikon subponovati úmysl podrhnouti význam *usnesení* tohoto sněmu a trest Boží na ty, kteří se mu protiví.

Druhá řada obrazů všech pěti ikon věnována je pozemskému životu Kristovu, jakožto ilustrace slov: »Pro nás lidi a pro naše spasení sestoupil s nebes a vtělil se z Ducha sv. a Marie Panny a člověkem se stal. Ukřižován také pro nás za Pontského Piláta trpěl a pohřben jest.«

U ikony A jsou to jen čtyři obrazy: Zvěstování (při modlitbě), Narození Páně (Panna Maria sedí, scéna se sv. Josefem schází), Ukřižování a Položení do hrobu.

U ikony B je to Zvěstování, Narození Páně (s Pannou Marií sedící a všemi vedlejšími scénami) a cyklus souvislých obrazů utrpení Páně: soud Pilátův (zajímavý kroj Pilátův shodný s Ariovým v horním pásu), bičování, ukřižování Krista a obou lotrů, ukládání do hrobu a snímání s kříže. Nad pohřbem jako vedlejší scéna cesta Marií ke hrobu. Totéž u předlohy č. 2.

U ikony C pašijový cyklus rovněž v jediném souvislém obraze má na prvním místě scénu odsouzení Kristova. Ale vedle Piláta sedí na dvojitém trůnu též dva velekněží židovští (Anáš a Kaifáš); malíř zde zřejmě pro nedostatek místa musil takovýmto způsobem spojití trojí výslech Kristův. Následuje cesta na Golgotu a ukřižování Krista i obou lotrů. Řadu uzavírá samostatný obraz kladení do hrobu.

U předlohy č. 1 pašijový cyklus zkrácen, a sice do středního obrazu spojen soud Pilátův a bičování Krista přivázaného ke sloupu, v dalším obraz představuje ukřižování Krista samotného a poslední kladení do hrobu.

Další text: »A třetího dne vstal z mrtvých podle písem a vstoupil na nebesa« u všech obrazů ilustrován stejně: Sestoupením do pekel a Nanebevstoupením.

»Sedí na pravici Otce« umístěno u všech obrazů na vrchol středního vertikálního pásu. U ikony A je to medailon obroubený oblaky a hvězdami, v jehož středu sedí vpravo Bůh Otec (»vetchij deŭmi«), vlevo Kristus. Mezi nimi umístěna zeměkoule, na níž vztýčen kříž, kopí a houbu. Nad nimi vznáší se Duch sv. v podobě holubice. Pod zeměkoulí šestikřídlý cherubín. U ikony B

a předlohy č. 2 obklopuje medailon ten šest dalších medailonků, v nichž jsou zobrazeny sbory andělské. Ze středního medailonu vycházejí čtyři paprsky, do kterých umístěny znaky evangelistů. Stejně tak u předlohy č. 1. U ikony C paprsků není, zato vedlejších medailonů je devět.

Tato kompozice, která se opakuje u těchto ikon ještě jednou, vypracována byla mimo jejich rámec; jest jedním z typů »Otečestva«, t. j. znázorňování nejsv. Trojice a je tak nazývána na rozdíl od »Trojice«, t. j. zobrazení návštěvy tří andělů u Abrahama. V »Otečestvu«, které se vyskytuje velmi často i samostatně, jak na ikonách, tak v nástěnných malbách (na klenbě hlavní kupole, kde v XVII. stol. nahradilo od XI. stol. vžitý obraz Patokratora) dlužno spatřovati když ne komposičně, tedy jistě obsahově, západní vlivy. Pravoslavné malířství nedopouštělo zobrazování neviditelného Boha, opírajíc se o evangelium (Jan I., 18) a úsudek sv. Jana Damašského;⁷¹ naposledy tento zákaz formulován v usnesení Stoglavu v hlavě 43.⁷² A proto používá jednak symbolu starozákonního, shora zmíněného, jednak symbolu všemohoucnosti: žehnajících rukou v segmentu duhy (křest Páně a obrazy různých svatých a j.). Přes tento zákaz vyskytuje se jak v malbách, tak v podlinnicích toto thema stále v různých variantech. V tomto případě není to však pouhé kopírování vzorů západních (jako tomu bylo u variantu »Otečestvo«, zvaného »V lůně Otcově«); vyplývá to nejlépe z umístění nástrojů umučení Páně na zemskou sféru, což nutno považovati za zbytek »Hetimasie«.

Další slova hymnu: »A opět přijde se slávou soudit i živé i mrtvé, jehož království nebude konce«, u všech obrazů ilustrována posledním soudem.

U ikony A v horní části trůnící Kristus obklopen dvorstvem nebeským, v dolní části vlevo vede sv. Petr spravedlivé do ráje, vpravo pekelný oheň.

U ikony B a předlohy č. 2 rozšířena horní část o apoštoly-soudce, počet osob vedených do ráje značně rozmnožen a do pekelného ohně umístěny postavy zavržených. Na obou předlohách vychází od nohou Kristových ohnivá řeka.

U ikony C zobrazeny za apoštoly zástupy andělské, střed dolní části vyplněn scénou samotného soudu, levý kout cestou spravedlivých do ráje, pravý pekelnou propastí, z níž vystupuje otevřená tlama d'ábelského netvora.

U ikony C slova: »jehož království nebude konce« zobrazena v oddělené scéně, která je variantem, po případě úsekem z kompozice posledního soudu. V horní části trůnící Kristus mezi svatými, v dolní zástupy svatých ve dvou řadách po každé straně. Uprostřed hetimasie. Ve volných plochách stromová vegetace.

Třetí část »Věřím« počíná slovy: »A v Ducha svatého Pána a Obživovatele,

⁷¹ Migne: P. G. XCV — 320. A.

⁷² Srv. *Ostrogorskij*: Les décisions du »Stoglav« concernant la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine. (L'art byzantin chez les Slaves. Les Balkans. Paris 1930, II., str. 400 a sl.).

jenž od Otce vychází, jenž s Otcem i Synem spolu jest uctíván«. Ilustrování těchto slov jest u popisovaných ikon rozdílné.

U ikony A opakováno jest »Otečstvo« téměř beze změn tak jak ho bylo použito při slovech: »sedí na pravici Otce«, a pod ně jest také umístěno do středního sloupce. K němu připsán text: »A v Ducha svatého Pána a Obživovatele, jenž od Otce vychází, jenž s Otcem i Synem spolu jest uctíván«. Dalším slovům: »Jenž mluvil skrze proroky« věnován samostatný obraz, umístěný na poslední místo druhé řady.

Rozdělen je na dvě poloviny: v horní, v otevřeném nebi trůní, obklopena mandorlou, sv. Sofie-Moudrost Boží v podání novgorodském. Kříž v aureole s písmenami *own* nezanechává pochybností, že představuje Krista. S levé strany přichází Panna Maria, s pravé strany Jan Předchůdce s anděly v deisusové pozici. V dolní části jsou proroci rozdělení na dvě skupiny; hlavy i ruce zdviženy jsou vzhůru. V levé skupině možno označiti jako prvního Arona a za ním Davida. V pravé skupině jsou patrně t. zv. malí proroci, na druhém místě Zachariáš. Mezi oběma skupinami je hlouček dětských postav v bílých řízách s aureolami kol hlavy. Těžko rozhodnouti, zda jsou to Makabejští, či svatá neviňátka betlémská. První byli obyčejně zobrazováni se svou matkou, a ta zde chybí, a pro druhé mluví jediné ta okolnost, že dítky povražděné v Betlémě možno považovati za poslední spravedlivé Starého Zákona, kteří Vykupitele nepoznali — ale svou krev pro jeho záchranu prolili a smrtí svou tak dotvrdili to, co proroci hlásali — příchod Mesiášův.

U ikony B a obou předloh traktována první polovice vyznání o Duchu sv. stejně, pro druhou polovinu určeny dva obrazy. První je opět rozdělen na dvě poloviny. Dolní koresponduje úplně s ikonou A, horní je zpracována samostatně. Uprostřed na trůnu bez opěradla, jaký obyčejně zobrazován při »hetimasi«, stojí v mandorle Kristus, oblečen ve felon a omofor, v rukou drží zavřenou knihu, s levé strany k němu přichází Panna Maria a za ní dva andělé, s pravé strany sv. Jan Předchůdce a opět dva andělé. Kristus obrací se k sv. Janu. — Smysl komposice je jasný: cíl proroků byl jediný: předpověď a příprava pro Mesiáše-Krista. Posledním prorokem a bezprostředním předchůdcem Kristovým je sv. Jan a proto k němu obrací se Kristus, jakožto jedinému z proroků, který Mesiáše poznal a stal se tudíž jakoby předním a význačným z nich. I oblek Kristův má svůj symbolický význam: očekávaný Vykupitel jest u proroků chápán jako kněz, který svou obětí smyje hříchy lidstva; proto i zde je zdůrazněna kněžská funkce Kristova (»Ty jsi kněz na věky podle řádu Melchisedechova«, Žalm 109., v. 5.).

Druhý obraz u ikony B a obou předloh představuje církevní sněm: před pozadím města, jehož střed tvoří otevřená chrámová architektura, stojí ambon a na něm dva svatí církevní učitelé ve felonech a omoforech se svitky v rukou, obražejí se ke skupinám věřících: nalevo laiků, napravo kněží. Nemůže býti pochyby o tom, že obraz tento znázorňuje promulgaci usnesení sněmu o vy-

cházení Ducha sv.; a to se stalo na druhém oekumenickém sněmu r. 381 (resp. 382) v Cařihradě,⁷³ kde do původního symbolu nikejského vložena slova: »Pána obživovatele, jenž od Otce vychází«, a tak odsouzen blud Makedonia a jeho stoupenců.

Na ikoně C ilustruje počáteční slova: »A v Ducha sv. Pána a obživovatele, jenž od Otce vychází«, tato posléze uvedená scéna s malými změnami: na ambonu stojí tři učitelé církevní, z nichž prostředního možno (podle tvaru vousů) označiti jako sv. Basila Velikého — největšího odpůrce Makedonianů — napravo od trůnu stojí kněží, nalevo císař Theodosius a další postavy; všechny mají nimbus kolem hlavy. Pasus: »jenž s Otcem« atd. ilustrováno již popsaným »Otečestvem«, které je obklopeno devíti medailony s devíti kůry andělskými.

»Jenž mluvil skrze proroky« zpracováno samostatně a tvoří jediný souvislý obraz s ilustrací následujících slov o církvi, což má rovněž svůj symbolický význam, totiž kontinuitu a naplnění Zákona Starého v Zákoně Novém. Před skalnatým pozadím stojí zástup proroků, držících v ruce svitky, z nichž čtyři v prvé řadě; dva prostřední obráceni jsou en face, levý obrácen do středu ikony, poslední vpravo okřídlený Předchůdce vpravo k budově chrámu symbolisujícího církev. Tak je opět zdůrazněno zvláštní postavení sv. Jana, který jako poslední úd starozákonních vyvolenců ukázal na zakladatele církve.

Poslední část »Věřím« počíná slovy: »A v jednu svatou, obecnou a apoštolskou církev«. Těmto slovům vyhrazeny na ikoně A dva obrazy: první, představující město, v jehož středu pětikupolový chrám, před nímž stojí ambon a v něm Kristus oblečen ve felon a omofor odevzdává knihu apoštolům k němu přicházejícím, v čele se sv. Petrem. Druhý obraz (»a apoštolskou církev«) je vedlejší scénou hlavního obrazu »Křtu«. Před tímž chrámem jako na předchozím obraze stojí sv. Petr a učí ostatní apoštoly, za ním Kristus (v ideálním šatu), žehnající jeho práci.

Oba tyto obrazy jsou znamenitým dokladem myšlenkové vyspělosti ruského malíře, který zde v tak jednoduchých kompozicích znázornil nejen ustanovení církve a udělení moci kněžské a učitelské apoštolům, ale i výlučné postavení Petra mezi apoštoly, a co je nejzajímavější, stálý styk Kristův s církví (»A já jsem s vámi až do skonání světa«, Mat. 28., 20.).

Na ikoně B a obou předlohách ilustrována tato slova jinak: Před pětikupolným (symbol pěti oekumenických patriarchátů) otevřeným chrámem, zasazeným do městské architektury, stojí prestol a vedle něho ambon. Na něm stojí jakýsi sv. učitel církve, oblečený v epitrachil, felon a omofor, v ruce s knihou, obrácen doleva. Za ním tři apoštolové, první sv. Petr. S levé strany přicházejí ostatní apoštolové a před nimi sv. Jana Předchůdce. O symbolisaci postavení sv. Jana pověděno shora; přítomnost apoštolského sboru odůvodněna slovy: »apoštolskou církev«, a postavením jich zdůrazněna kontinuita mezi učením

⁷³ Srv. *Hefele*: Conciliengeschichte, 1873, díl II., str. 10 a sl.

apoštolů a církve učící, representované jedním hierarchou. Rozdělení apoštolského sboru nelze přikládati podle našeho mínění nijakého symbolického významu, spíše bude odůvodněno stylisticky.

Na ikoně C, jak již řečeno, splývá tento obraz v jedno s ilustrací slov »a mluvil skrze proroky«. I zde zobrazen otevřený pětikupolový chrám, před nímž stojí prestol a za tímto ikona Panny Marie. Před prestolem stojí hierarcha s tvářící a rukama pozdvíženými k nebi; u něho hošík ve sticharu s něčím nerozeznatelným v rukou. Za biskupem sv. apoštol Petr rovněž s rukama pozdvíženými jakoby v modlitbě za církev.

Vyznání »jednoho křtu na odpuštění hříchů« ilustrováno na ikoně A jednoduše: ve vodě stojí zástup věřících, opásaných tolíko zástěrou, na břehu stojí nějaký apoštol nakloněný k nim s kazatelským gestem.

Na ikoně B skládá se tento obraz ze tří scén spojených skalnatým pozadím. Na prvé scéně na trůnu o třech stupních sedí Kristus, který drží v levici zavřené evangelium a pravíci žehná skupině apoštolů před ním stojící, v čele se sv. Petrem. V pozadí scény vidíme město obehnané hradbami. Pravá scéna znázorňuje Krista stojícího na mírném skalnatém výstupku, k němuž vystupují apoštolové; prvý, o něco napřed než ostatní apoštolové, je opět sv. Petr. Pozadí rovněž tvoří ohražené město, v němž stojí chrám o třech kupolích se zvonicí. Mezi těmito scénami umístěna třetí část obrazu: rybník (či jezero), v němž stojí zástup křtěnců opásaných zástěrami. S výše na ně dopadá proud světla s holubicí Ducha sv.

Na předloze č. 2 tento obraz komponován úplně shodně s ikonou B s tou výjimkou, že v první scéně Kristu naslouchají ne apoštolové, ale věřící, a v druhé scéně vystupují za Kristem rovněž věřící, vedení sv. Petrem.

Rovněž na ikoně C a předloze č. 1 první, jakož i třetí scéna jsou shodné s právě popsanými; scéna třetí má obsah jiný. Na ikoně C stojí sv. Petr, či snad sv. Filip (před městskou architekturou), na břehu vody, v níž stojí křtenci, pravíci na ni ukazuje a levíci vybízí níže stojící skupinu jakýchsi vznešených osob (v císařském obleku), aby do ní vstoupili. Na předloze č. 1 sedí sv. Petr před chrámovou architekturou na břehu vody a poučuje přicházející k němu tři osoby.

Ačkoliv povšechný smysl těchto všech scén je jasný, totiž ustanovení křtu Kristem a zachovávaní tohoto ustanovení apoštolu, jakožto representanty církve, bude dosti těžko objasnití blíže předmět těchto komposicí.

Scénu vystupování na horu (ikona B a předloha č. 2) lze považovati zcela dobře za ilustraci evangelia sv. Matouše 28, 16—20, neboť zde naposledy, ale nejvýrazněji ustanovuje Kristus svátost křtu.

Třetí scénu na ikoně C možno — ovšem s určitou výhradou — považovati za ilustraci Skutků apoštolských 8, 26—40, totiž za křest komorníka etiopské královny Kandake jáhnem Filipem. Střední scéna křtu věřících bude asi symbolem, kterému nelze podkládati nějaký text; rovněž první scénu těžko pova-

žovatí za ilustraci, i zde jde spíše o konkrétní abstraktního Kristova příkazu o křtu.

Předposlední článek symbolu: »Očekávám vzkříšení z mrtvých« u všech ikon a obou předloh ilustrována stejně. Je to výsek z obsáhlé komposice posledního soudu, komponované nejen na základě evangelijních textů, ale hlavně podle Apokalypse. Obraz tento jest současně ilustrací slov: »Moře totiž vydalo mrtvé, kteří byli v něm a smrt i místo zemřelých vydaly mrtvé, kteří byli v nich« (Apokal. 20, 13). Scéna tato jako součást komposice posledního soudu vyskytuje se již v Torcellu, Dafni, Spas-Neredici, Bačkově a j., a není tudíž třeba o ní se zvláště zmiňovati. Skládá se všech pěti případech ze dvou polovin: »Maie-statis Dei«, totiž Krista v medailonu neseného anděly; pod ním dva andělé troukami volají mrtvé z hrobů. Tito vstávají ze sarkofágů (ikona A, B a obě předlohy), očekávají v zástupu na břehu moře soud (ikona C), vystupují z moře na lodi, ve které se potopili (všechny obrazy), jsou vyvrhováni divokými zvířaty (ikona A) a mořskými živočichy (předloha č. 1); na ikoně A jsou dokonce znázorněni dva lidé, kteří jsou k soudu vydáni hlubinou zemskou a ohněm (v pravém rohu).

I ilustrace posledních slov »Věřím« a »v život budoucího věku«, vzata z komposice Posledního soudu. Tentokrát ovšem text pro ilustraci vzat ne z biblických knih, ale z vidění mnicha Řehoře, žáka sv. Basila Nového († 944), které tento zařadil do životopisu Basiliova, jím napsaného.⁷⁴ Podle tohoto vidění komponován i ráj, převzatý do znázornění posledního soudu. Je to město, obehnané zdí a uzavřené branami (ikona A), či jen jednou branou (ikona C), kterou hlídá šestikřídlý cherubín; v městě pod bohatou vegetací sedí na trojitém trůnu praotcové Abrahám, Isak a Jakub, chovající ve svém lůně duše spravedlivých.⁷⁵ Kolem nich shromážděni jsou svatí a blažení; nejbližší praotcům stojí sv. Rach (Dismas) s křížem v ruce. Na předloze č. 1 v pravé polovině obrazu trůní praotcové, vlevo scházejí se s jedné strany proroci a s druhé apoštolové; tím, jak na těchto ikonách již vícekrát, symbolisováno naplnění obou zákonů v království Mesiáše — Ježíše Krista.

Jest nyní třeba, abychom srovnali obě popsané redakce ikony »Věřím« a určili nejprve jejich časový poměr.

Jak v úvodu řečeno, bylo r. 1547, resp. krátce po tom namalováno novgorodskými malíři mezi jinými ikonami pro Blagověščenskou katedrálu i »Věřím«. Že by ona ikona, která se nezachovala, byla malována podle rytin Piscatorova »Theatrum biblicum«, je zcela vyloučeno, přes to, že, jak TARABRIN zjistil,⁷⁶

⁷⁴ *Буслаевъ: Изображеніе Страшнаго Суда по русскимъ подлинникамъ. — Соч. II. стр. 140 a sl.*

⁷⁵ O tomto detailu netřeba se zmiňovati zvláště, poněvadž bylo o něm psáno vícekrát; zjevují se nejen na východě, ale i na západě (relief katedrály v Remeši); původ tohoto vyobrazení dlužno hledati u Luk. 16, 23.

⁷⁶ Op. cit. str. 99.

jednotlivé listy »Theatrum biblicum« kolovaly v Rusku ještě před vydáním knihy již po r. 1639. Nelze tedy považovati ikonu Stroganovské redakce, o níž jsme vzali za prokázáno, že je komponována na základě Piscatora, za kopii oné, r. 1547 zhotovené ikony »Věřím«. Když pak vyloučíme možnost existence nějaké třetí redakce, nemůžeme jinak, než považovati ikonu Filimonovské redakce za starší, t. j. za kopii ikony namalované r. 1547. Pro tento názor, jak několikrát bylo letmo poukázáno, mluví i známky stylistické.

Dále netřeba snad zdůrazňovati, že ikony Filimonovské redakce jsou o mnoho invenčně bohatší, než Stroganovské. Odečteme-li obrazy recipované beze změny a jen do rámce ikony zasazené, tu zbývají ještě dvě skupiny obrazů: do první patří cílevědomé přepracování *themat* v té době již známých a užívaných (oba sněmy), do druhé *themata* nová, pro tuto ikonu vytvořená (vyznání o Duchu sv., církvi a křtu).

Úkol na malíře zde vložený, zobraziti *themata* zcela abstraktní, byl značný a proto způsob, kterým se ho zhostil, svědčí o bohatosti invence. Stačí srovnati na příklad vyznání o Duchu sv. v obou redakcích; tu vidíme, že malíř Filimonovské redakce nespokojil se prostým převzetím vypracovaného obrazu (Seslání), ale komponoval sám, a to tak, aby dogma o Duchu sv. bylo všestranně osvětleno: v jednom obraze Božkost Ducha sv., v druhém jeho působení ve Starém Zákoně, v třetím jeho účta v církvi.

I přepracování obrazů obou sněmů ukazuje na vyvinutý smysl pro kompozici. Kdyby malíř byl převzal vypracované schema sněmu, byl by tím docílil pouze konstatování faktu církevních dějin, které však na místě v ikoně mu určeném by se bylo minulo účinkem, čili divák by bylo nepochopitelným, proč na př. mezi historií Adamovu je vsunut obraz I. sněmu církevního. Proto bylo nutno obraz přepracovati, a sice tak, aby na první pohled bylo patrné, že svatí otcové na sněmu nezasedají a nerokují, nýbrž že vystupují jako církev učící a prohlašující určitý článek víry, jehož text byl napsán po straně obrazu.

Příznačné je pro malíře redakce Filimonovské, že nevyhýbají se žádné části textu »Věřím«, nýbrž každou část ilustrují jedním či několika obrazy. To jim vytýkal d'jak Viskovatij, pravě, že části vztahující se na neviditelného Boha a neviditelné vůbec se nemají malovati, nýbrž vypisovati slovy. Na to mu odpověděl sobor, že svým názorem upadá do bludu galatských bludařů, a hájil malíře, že nemalují neviditelného Boha, ale znázorňují podle prorockých vidění, podání sv. apoštolů a sv. Otců.⁷⁷

Sobor však neodpověděl na námitku Viskovatého plně, totiž nevysvětlil, proč se vše na doměle závadné ikoně maluje a ne z části píše. Lze v tom spatřovati určitou zámlku. Kdyby totiž chtěl sobor odpověděti pravdu, pak by byl musil říci, že ikona ta je určena pro poučení lidí písma neznalých, že je to ikona *didaktická*. To však říci nemohl, poněvadž by tím byl přiznal alespoň částečně správnost námitky Viskovatého, že všechny tyto nové ikony jsou dílem

⁷⁷ Srv. Буслаевъ: op. cit. Соч. II. стр. 291.

západnickým. Třebas musíme kategoricky vyloučiti vlivy západu na komposici a ikonografii námi popisovaných ikon, přesto nelze hledati impuls k malbě didaktických ikon vůbec jinde než na západě, kde »biblia pauperum« a celá spousta jiných didaktických maleb byla po celý středověk známa a pěstována, o čemž jsme mluvili na počátku této stati.

Z toho lze uzavřít, že ikona »Věřím« je v tomto poměru k západu:

1. Obě dvě redakce jsou projevem didaktického malířství ruského.
2. Redakce Stroganovská je sice pracována pod vlivem Piscatorova »Theatrum biblicum«, ale je již jeho volným, eklektickým přepracováním.
3. Redakce Filimonovská je původu čistě domácího a obsahuje jen několik detailů recipovaných ze západního malířství, které však byly již dříve do ruského malířství převzaty a pod vlivem domácí tradice přepracovány.

III.

Dalším liturgickým hymnem, jehož vyobrazení nacházíme mezi ruskými ikonami, je píseň: »Da molčit vsjakaja plot«, která se zpívá na Velikou sobotu při liturgii sv. Basila místo Cherubínské písně a zní: »Nechť zmlkne všechno lidské stvoření a stojí se strachem a třesením a o ničem pozemském nechť nepřemýšlí, neboť Král králů a Pán pánů přichází, aby byl obětován a dán za pokrm věrným. Před ním jdou kůrové andělští s veškerým knížetstvem a mocností, mnohoocí Cherubíni a šestikřídlí Serafíni, tvář svou zakrývajíce a píseň pějíce: Aleluja, aleluja, aleluja.« Ikona ilustrující tento hymnus⁷⁸ (Tab. IX.) slučuje v sobě jednak vyobrazení toho, o čem se v něm jako o neviditelném vypráví, jednak toho, co při zpěvu tohoto hymnu se děje.

Pozadí obrazu tvoří otevřená architektura vpravo tvořící tříkupolový chrám; před ním stojí prestol pokrytý brokátovými pokrývkami, na kterém leží evangelium a příruční kříž. Za prestolem, krytým ciboriem, stojí tři obecní učitelé církve — liturgisté:⁷⁹ Basil Veliký, Jan Zlatoústý a Řehoř Bohoslovec v biskupském rouchu a v posici, jakou zaujímá biskup při »velikém vchodu« slavné liturgie.

Průvod »velikého vchodu« přichází s levé strany; první jde diakon, nesoucí svíci v pravé ruce, za ním druhý diakon, který v levé ruce drží kaditelnici a pravou rukou přidržuje při čele nádobku s kadidlem. Jako třetí kráčí kněz v úplném rouchu kněžském; oběma rukama nad hlavou přidržuje veliký diskos, pokrytý tolíko astérem (sic!), na němž leží nahý Ježíšek-Emanuel. Za ním jde další kněz bezvousý, který přidržuje nad hlavou, nemožno rozeznati, kalich či diskos pokrytý malou pokrývkou.

⁷⁸ Лихачевъ: op. cit. č. 267.

⁷⁹ Sv. Jan Zlatoústý a Basil Veliký (Kesaijský) nazýváni liturgisty proto, že jsou — právem či neprávem — označováni za autory dvou liturgií řeckou církví užívaných. Sv. Řehoř Bohoslovec přičítán k nim jakožto domnělý autor nejrozsáhlejšího výkladu na liturgii.

Účast nebeského dvorstva odpovídá částečně slovům hymnu. Nad průvodem se vznášejí andělé v plné postavě, jehož tvář je zakryta šesti křídly, tedy Serafín, mnohokrát Cherubín a dva Trůni (kruh se čtyřmi křídly). V levém horním rohu vidět otevřené nebe, v němž Bůh Otec žehná a od něhož vychází třípramenný paprsek s holubicí Ducha sv. v medailonu.

Pro dolní část ikony, která ilustruje počátek hymnu: »nechť zmlkne všechno lidské stvoření«, použil malíř tematu vypracovaného a užívaného u celé řady ikon, z nichž jeden příklad bude uveden níže. Je to seskupení církve vítězné a bojující ve společné modlitbě. Světcí seskupeni v řadu uprostřed přerušenu, postavy obráceny do středu. Pod tuto řadu umístěna podobným způsobem symbolisace církve bojující.

Levou část horní řady uvádí sv. Jan Předchůdce, okřídlený, za ním následují starozákonní králové David a Šalamoun, proroci, dva mnichové a poustevníci. Nad řadu vystupuje na konci sv. Dismas (Rach) s křížem v ruce.

Pravou část řady vedou tři apoštolové, z nichž zřejmí jsou sv. Petr a Pavel, za nimi skupina mučedníků a nakonec sv. žen, z nichž poslední sv. Ulita se sv. Kyrikem. Nad řadu vystupují postavy dvou sv. žen, z nichž prvou možno určit jako sv. Marii Egyptskou.

Uspořádání osob v těchto řadách má svůj symbolický význam. V levé části jsou spravedliví, před smrtí Kristovou zemřelí, jimž tento otevřel ráj a vyvedl je z předpekli. Poslední z nich je sv. Jan Předchůdce, který zde umístěn jako první, který do nebe vystupuje. Předešel jej jenom sv. Dismas, což naznačeno jeho izolací nad skupinou světců. Že do skupiny starozákonních světců umístil malíř mnichy a poustevníky, svědčí o tom, že nepochopil nebo snad již neznal symbolický význam seřazení osob. Pravá pak řada reprezentuje světce křesťanství, a to doby nejstarší: apoštoly, mučedníky a poustevníky, z nichž ovšem zde jenom sv. Marie Egyptská.

Dolní pás váže se obsahově k hornímu pásu; doplňuje tak počáteční slova hymnu. I zde provedeno rozdělení na dvě poloviny, levou laiků, pravou kleriků. Levou stranu uvádí panovník, podle všeho byzantský císař v dalmatice, loronu a manikiu, s korunou na hlavě, stojící pod baldachýnem, který zde stilisován jako kulisová plocha. Za ním následuje skupina mužů jeho družiny, a konec tvoří zástup žen, patrně jejich manželek. Na prvním místě pravé skupiny stojí patriarcha rovněž pod baldachýnem v sakosu, omoforu s mitrou na hlavě a knihou v ruce. Za ním zástup mnichů a nakonec hlouček diaconů a ypodiakonů, zde patrně sboru chrámového.

Scéna tato, symbolisující účast celého národa v bohoslužbě, reprezentovaného jeho světskými a duchovními vládci, je starého původu a vyskytuje se, ovšem ve formě primitivnější, při zobrazování 13. kondaku a závěrečné modlitby Akathistu, přešla pak do zobrazení historického výjevu zjevení P. Marie ve Vlachernách, zvaného též »Ochrana Přesv. Bohorodičky« (Pokrov presvjatyja Bogorodicy).

Analogii pro tuto kompozici najdeme v nástěnných malbách chrámu sv. Eliáše v Jaroslavi z r. 1680, kde je umístěna v konše jedné z oltářních apsid.⁸⁰ I zde provedeno rozdělení na tři části: liturgie samé, sboru svatých a sboru věřících, jenže zde skupiny rozmnoženy o celou řadu dalších postav. Tak za sv. Janem Předchůdcem následují tři mágové (králové) v turbanech, za nimi četná skupina mnichů a poustevníků. V pravé dolní polovici stojí za patriarchou ještě skupiny kněží ve felonech a j.

Největší rozdíl je však v pojetí skupiny »velikého vchodu«. Je jisto, že v obou obrazech chtěl malíř nikoli znázorniti ideální sloužení liturgie světců, nýbrž zobraziti *skutečnou* liturgii (což viděti z toho, že postavy sloužících jsou bez aureol), a to v tom okamžiku, kdy se zpívají poslední slova hymnu. Tu však malíř popsané ikony nějakým nepochopitelným způsobem nevzpomněl, že hymnus ten zpívá se na Velikou sobotu při liturgii sv. Basila, kdy »veliký vchod« se koná stejným způsobem jako při liturgii Chrysostomiánské, totiž jáhen nese diskos s neposvěcenými dary a kněz kalich. Malíř ikony znázornil však průvod tak, jak se koná při liturgii darů předposvěcených, kdy kněz nese na hlavě diskos se sv. Tajemstvími a druhý kněz kalich. Jáhen v tom případě nese jen kaditelnici. Tento omyl vyskytuje se jen u malíře popsané ikony; u jiné ikony, která bude popsána níže a u zmíněné fresky »veliký vchod« odpovídá předpisům liturgie sv. Basila. Tak na fresce u sv. Eliáše jde v čele průvodu diakon, který nese na hlavě diskos, doprovázen jsa dvěma hochy ve sticharech se svícny a dvěma jáhny s ripidy. Za ním následuje kněz s kalichem, další kněz s mandiliem a vedle něho kněz se sv. kopím a lžící, nakonec řada kněží nesoucích plašcanici, v tomto případě asi již »vozduch«.

Ilustrativnější než popsaná ikona i freska je ikona tohoto námětu chovaná ve Voskresenském chrámu na Rogožském hřbitově v Moskvě,⁸¹ (Tab. X.) pocházející z 2. pol. XVII. stol. z dílny některého carského izografa, který však byl ještě pod silným vlivem Stroganovské stilistiky.

Rozdělení na tři části provedeno i zde, ne však tak markantně. Horní část, jejíž pozadí tvoří stupňovitá architektura čtyř jednokupolových chrámů moskevského slohu, rozdělena na dvě scény: »velikého vchodu« a mystického dělení Těla Kristova.

»Veliký vchod« pojat stejně jako fresky u sv. Eliáše v Jaroslavi realisticky, zde však doplněn elementy mystickými, totiž účastenstvím nebeských sil v bohoslužbě. Myšlenka tato vyjádřena je v řadě obrazů cyklu »Sv. Liturgie«, komponovaného na základě výkladu na liturgii sv. Řehoře Bohoslovce, který se vyskytuje ve freskové výzdobě četných jaroslavských chrámů.⁸²

⁸⁰ Сrv. Покровский: op. cit. tab. VIII.

⁸¹ Снимки древнихъ иконъ старообрядческихъ храмовъ Rogožскаго кладбища въ Москвѣ. — Москва 1913 — č. 60.

⁸² Покровский: op. cit. str. 268 a sl., 284 a sl., 289 a sl., 292 a sl., 294 a sl.

»Veliký vchod«, přicházející s levé strany, uvádějí dva andělé odění v přepásané císařské dalmatiky, nesoucí svícen a ripida, dále jáhen obrácený k průvodu a okružující jej kaditelnici, kterou drží v pravé ruce. Střed průvodu tvoří jáhen nesoucí na hlavě veliký diskos, na němž leží Ježíšek, a na pravém rameni složený »vozduch«. Podpírán je s obou stran anděly stejně oděnými jako andělé předchozí. Za jáhnem kráčí kněz s kalichem v rukou a za ním tři další kněží, z nichž první drží »mandilion« a druhý kříž. Nad průvodem se vznáší ve světlém medailonu Kristus-Emanuel, sedící na trůnu z Cherubínů, pravicí žehná a v levici drží zavřené evangelium. Oblečen je v císařskou dalmatiku, na hlavě má korunu. Obklopen je sedmi kůry andělskými v medailonech.

Pravá část představuje, jak řečeno, mystické rozdělení Těla Kristova. Uprostřed scény stojí prestol, na dolní části přikrytý křídly Cherubínů. Na prestolu rozloženy jsou bohoslužebné nádoby: diskos, na kterém leží Kristus-Emanuel, vedle kalich se lžící, sv. kopí a tři talířky. Nad prestolem sklánějí se dva andělé oblečení v sakosy a omofory a pozdvihují Ježíška z disku. Za prestolem shromáždění jsou archandělé oblečení v sakosy, omofory s mitrami na hlavách. Napravo za prestolem stojí tři liturgisté. V pravém horním rohu ikony je viděti otevřené nebe, v němž Bůh Otec žehná pravicí, v levici drže zemskou sféru. Z úst jeho vychází trojpramenný paprsek, dopadající na Krista na disku. Uprostřed paprsku vznáší se holubice Ducha sv.

Dolní část ikony vyplněna tentokrát výlučně zástupci církve vítězné, rozdělenými na dvě skupiny, mezi nimiž stojí okřídlený sv. Jan Předchůdce a pod ním skupina spravedlivých duší. Není zde však ani potuchy po přesném rozdělení na světce Starého a Nového Zákona a na různé kategorie a stavy, z nichž světci vyšli, jak to na př. uvidíme níže na ikoně: »Z tebe se raduje«; zde je vše pomícháno do té míry, že na př. za Aronem, Davidem a Šalamounem následují hned metropolitové moskevští (sv. Jonáš, Petr a Filip). Proto musil malíř všechny světce označiti jménem vepsaným zde do nimbu, což provedl tak důkladně, že jména napsal i u světců v dalších řadách, kde jest viděti jen část nimbu, kdežto hlava již je zakryta předchozí postavou.

Ikonografické novum této ikony spočívá v ilustraci slov hymnu: »aby byl obětován a dán za pokrm věrným«, kterýžto pasus není zobrazen ani u předchozí ikony ani na fresce u sv. Eliáše v Jaroslavli. Zdůrazněn je zde dále neviditelný příchod Kristův a hlavně účast nebeského dvorstva; kdežto u předchozí ikony andělské zástupy vyprovázely Krista na jeho triumfální cestě, zde zúčastní se i obětování a rozdělení Těla Kristova, asistují při »velikém vchodu« a zakrývají sám oltář před zraky smrtelníků. Nad to zdůrazněna zde i účast ostatních dvou Božských osob na tajemné oběti Kristově, dopadát paprsek od Boha Otce vycházející ne na průvod, jako u ikony předešlé, nýbrž na tělo Ježíška, jenž má býti rozdělen, čímž symbolisován souhlas Boha Otce s obětí Synovou a její přijetí na usmíření viny lidstva.

Nemůže býti pochyby o tom, že jednotlivé části této komposice vznikají

samostatně či v rámci komposic jiných a zde jenom přikomponováním vhodných detailů byly složeny v jeden celek. To dává zejména tušiti blíže popsany omyl malíře předešlé ikony, neboť není pochopitelné, aby malíř, vynalézaje zobrazení »velikého vchodu« při liturgii sv. Basila, který jistě mnohokrát viděl, dopustil se podobného omylu; naopak vysvětlí se velmi snadno tím, že tuto část ikony malíř okopíroval podle předlohy, na které však byl znázorněn »veliký vchod« při liturgii Darů předposvěcených. Možná, že to bylo vyobrazení hymnu »Nyní síly nebeské«, které se vyskytuje v malbách nástěnných, ale není nám znám příklad zobrazení jeho na ikoně.

Samostatně (bez vztahu k liturgickému cyklu) a složité vyobrazení »velikého vchodu« nacházíme v absidě chrámu sv. Mikuláše Mokrého v Jaroslavli z r. 1673⁸³ a v prothesis chrámu Narození Páně v Jaroslavli z r. 1642.⁸⁴

Pokud se týče dolní části obou ikon, bylo již výše ukázáno na pravděpodobný jejich původ.

Scéna obětování a rozdělování Krista jest variantem jednoho z obrazů cyklu liturgie (Svjataja svjatym), komponovaného na základě výkladu sv. Řehoře Bohoslovce o liturgii, jež nacházíme často v nástěnných malbách chrámů jaroslavlských (př. 13. obraz v cyklu chrámu sv. Jana v Tolčkově), kde nad Ježíškem položeným na diskos se sklánějí andělé se sv. kopím v rukou.⁸⁵

O účasti liturgistů netřeba se zvláště zmiňovati; jeť to zbytek staré komposice, fixované pro malbu dolního pásu apsidy a představující sloužení liturgie sv. otci církevními. Po prvé se vyskytuje v Bačkovské kostnici (XII. stol.) v Bulharsku⁸⁶ a pak po celý středověk se vyvíjí v nástěnných malbách balkánských chrámů.

IV.

Rovněž při liturgii sv. Basila zpívá se hymnus: »*O Tebě raduetsja obradovannaja vsjakaja tvar'*«,⁸⁷ jenž zní: »Všechno stvoření, andělský sbor a lidské pokolení, raduje se z tebe, ó radostiplná, chráme posvátný a ráji duchovní, panenská chloubu, z níž Bůh se vtělil a dítětem se stal před věky, Bůh náš, neboť lůno tvé on trůnem učinil a útrobu tvou prostrannější nebes utvořil.«

Tento obraz se vyskytuje téměř ve všech nástěnných malbách XVII.—XVIII. stol. okruhu jaroslavlského a to vždy v konše hlavní apsidy. Tak v chrámu Narození Páně v Jaroslavli z r. 1642, Pozdvižení sv. Kříže v Romanově z r. 1658, sv. Mikuláše Mokrého v Jaroslavli z r. 1673, Zesnutí Panny Marie v Jaroslavli z r. 1674, sv. Dimitrije z r. 1686, sv. Sofie ve Vologdě z r. 1688, Spasitele »Na

⁸³ Ibid. str. 280.

⁸⁴ Ibid. str. 292.

⁸⁵ Ibid. str. 269.

⁸⁶ A. Grabar: op. cit. str. 57.

⁸⁷ Ve starším textu znělo: »обрадованная« (radostiplná), tak čteme i na klejmu popisované ikony; v nyní běžném textu nahrazeno slovem: »благодатная« (milostidárna).

gorodě» z r. 1693, sv. Jana v Tolčkově z r. 1694/5, Zjevení Páně v Jaroslavli, z doby patriarchy Hadriana (1690—1700), Spasitele v Rostově Jaroslavském na Kremle ze XVII. stol., sv. Jana v Korovnikách v Jaroslavli z r. 1732 (chrám sám z r. 1654), Pozdvižení sv. Kříže v Jaroslavli z r. 1735 a j.⁸⁸

Z umístění tohoto obrazu je patrné, že vznikl z původního obrazu Bohorodičky pro toto místo od X. stol. stabilisovaného příkomponováním ostatních scén a osob.

Na ikonách vyskytuje se tento hymnus v řadě variantů lišících se jen bohatostí komposice, jinak ikonograficky jsou shodné. Nejjednodušší je asi ikona v museu císaře Bedřicha v Berlíně⁸⁹ a nejbohatší Stroganovská ikona z I. pol. XVII. stol.,⁹⁰ kterou proto zvolíme pro rozbor. (Tab. XI.)

Skládá se ze tří částí: Šestodnevu,⁹¹ centrální skupiny Panny Marie a zástupu svatých. Při horním kraji ve středu v medailonu sedí na trůnu Bůh-Otec s Emanuele na klíně, jenž opět má na klíně medailon s holubičkou Ducha sv. — jedna z forem zmíněného již »Otečestva«. S pravé strany zástupy andělů v císařských rouchách. Nalevo i napravo jsou připojeny po třech scény z Šestodnevu: V levém horním rohu Zmrtvýchvstání ve dvojí formě, Anastase a Seštoupení, pod ním dvojitý obraz: sv. Jan Předchůdce před Herodem a jeho stětí a dole dvojitá scéna: Poslední večeře a Mytí nohou. V pravém horním rohu Šestodnev pokračuje obrazem Sboru sv. archanděla Michaela, pod ním Zvěstování a poslední dole Ukřižování.

Střed obrazu zaujímá shluk fantastických staveb, z nichž vyniká pět bání chrámových, umístěných v zahradě plné stromoví nejrůznějšího druhu. Před stavbou sedí na trůnu Panna Maria s Ježíškem, uzavřena do vzdušného medailonu, který je obklopen zástupem andělů.

Třetí část je skupení svatých, a to ve třech řadách po každé straně. Horní levá řada má v čele skupinu sv. kněžen, za nimi následuje skupina mnišek, z nichž vystupuje sv. Jefrosinije vysoko nad řadu. Střední levý pás uveden je sv. Janem Damašským, držícím v ruku svitek. Za ním skupina svatých otců církevních v biskupských rouchách a za nimi zástup blahoslavených otců mnichů. Nejspodnější řadu starozákonních spravedlivých uvádí David, za ním následují proroci a uzavírají praotci.

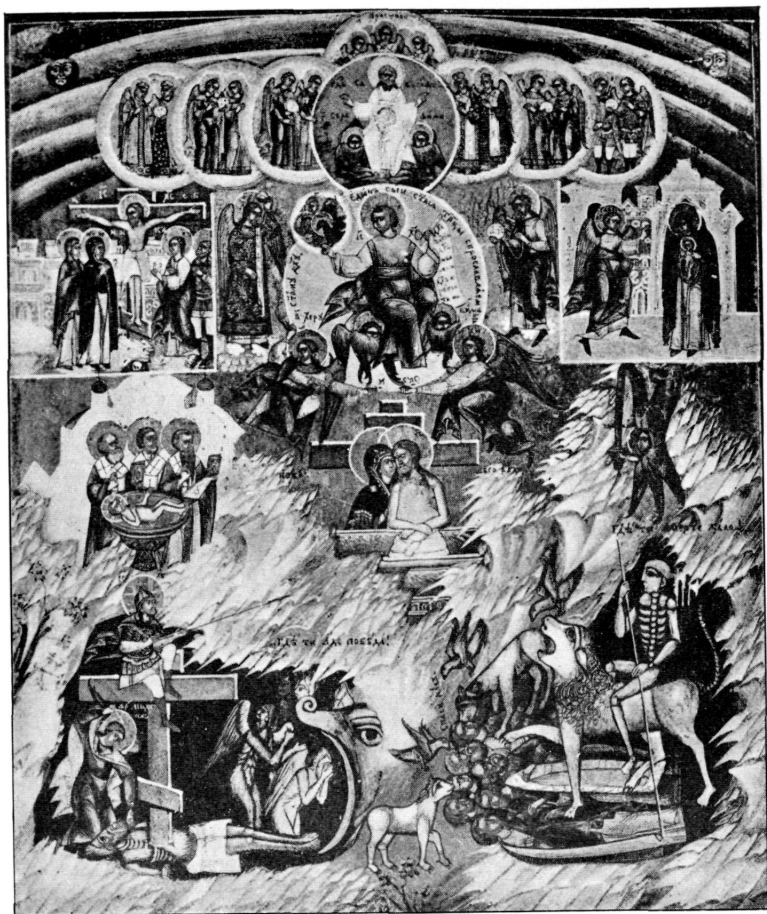
Ve střední prostotě stojí ve výši druhé řady sv. Jan Předchůdce okřídlený, oblečen v dlouhý černý šat. Pravou ruku v kazatelském postoji má volnou, v levé ruce drží hůl, atribut poutnictví, nádobu (nemožno rozeznati, zda se svou hlavou či s Ježíškem) a konečně svitek s nápisem. Pod ním nad okrajem ikony je vypodobněn zástup dětských postav v krátkých bílých košílkách

⁸⁸ *Покровский*: op. cit. hl. VIII.

⁸⁹ *Wulff-Alpatoff*: Denkmäler der Ikonenmalerei, Hellaue 1925, obr. č. 87.

⁹⁰ *Kondakov*: Ruská ikona, I. díl, tab. č. LXV (deposice neudána).

⁹¹ Umístění tohoto cyklu je úplně akcidenční a nemá vnitřního vztahu k tematiku hlavního obrazu.

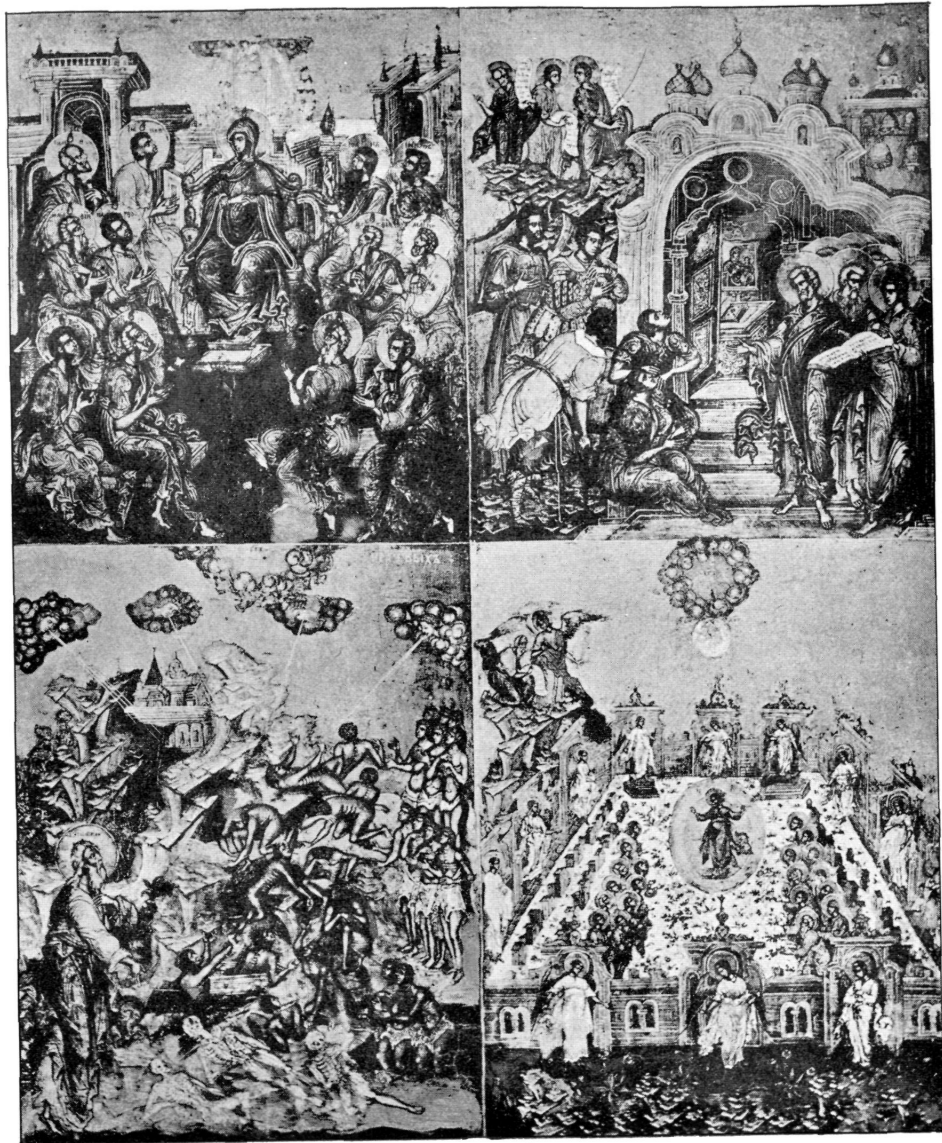

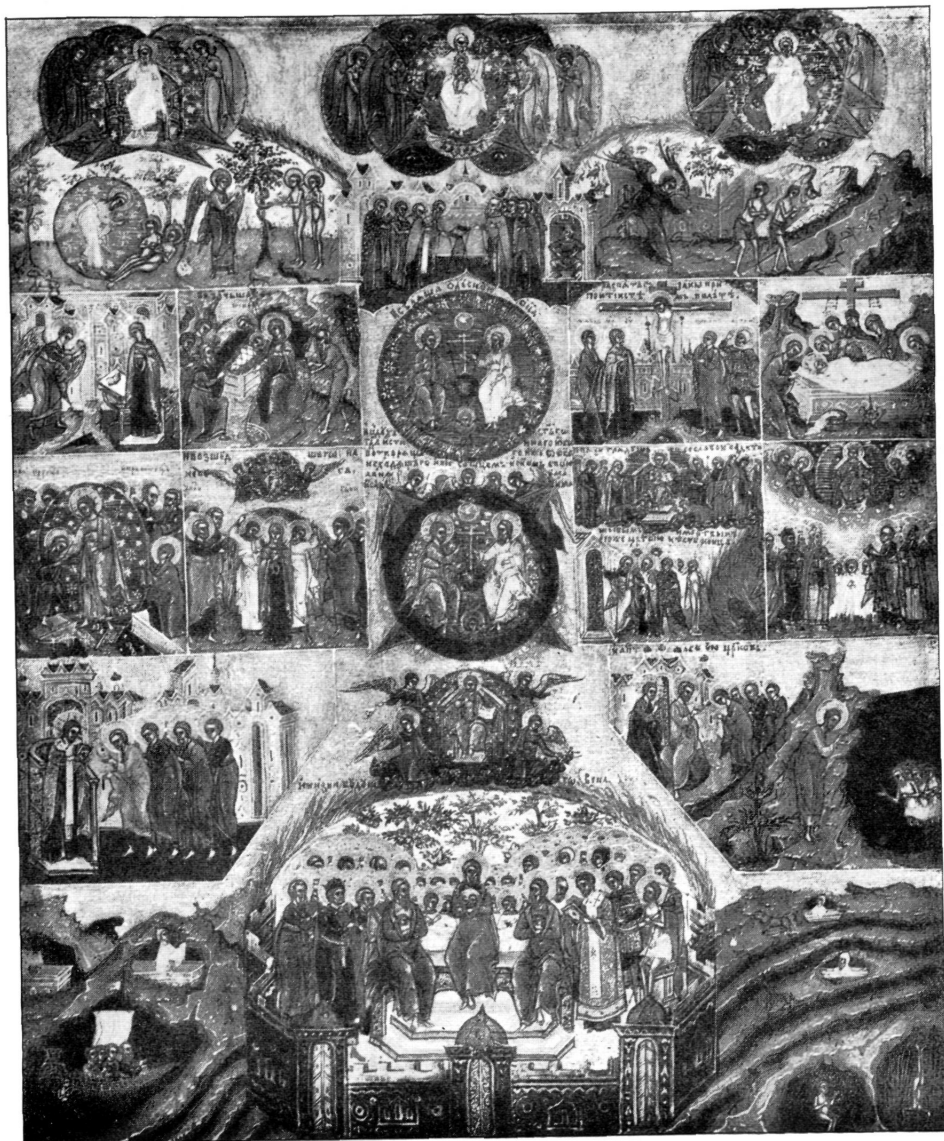

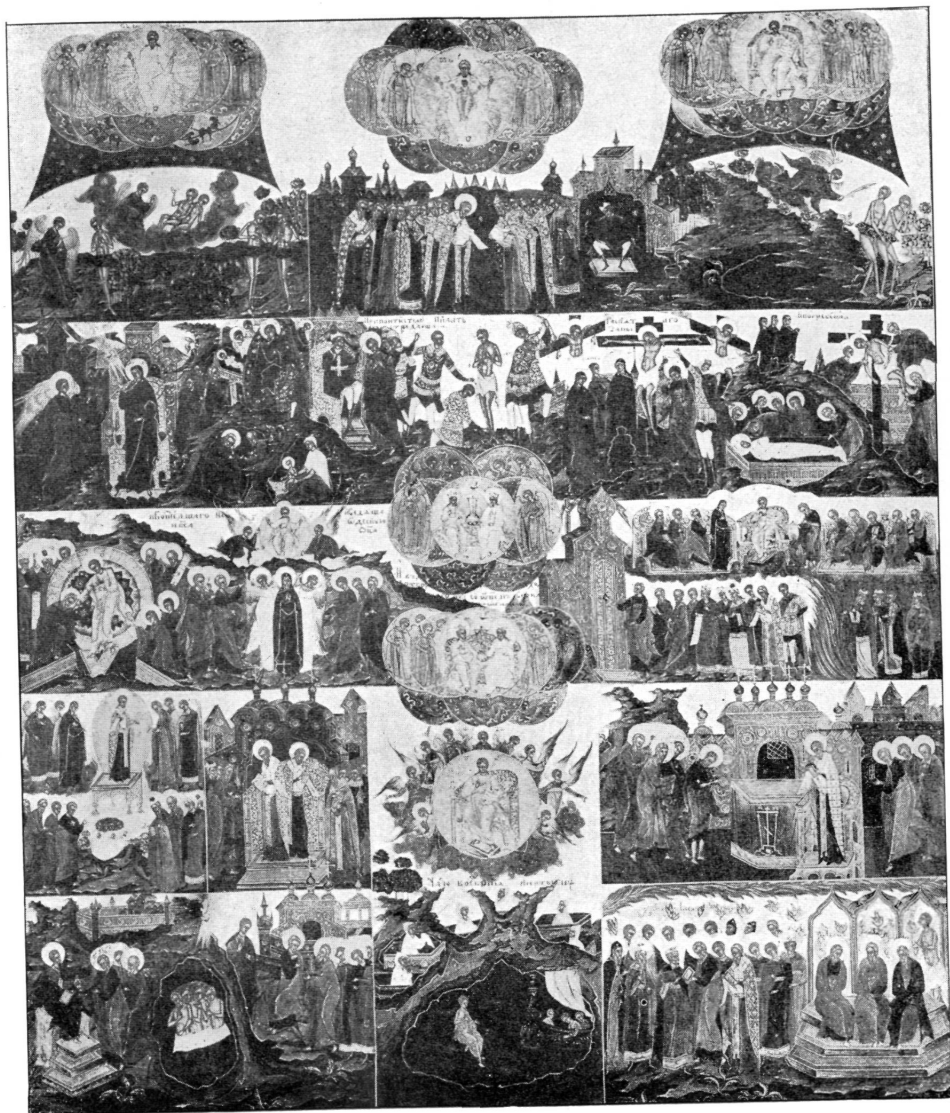
1.

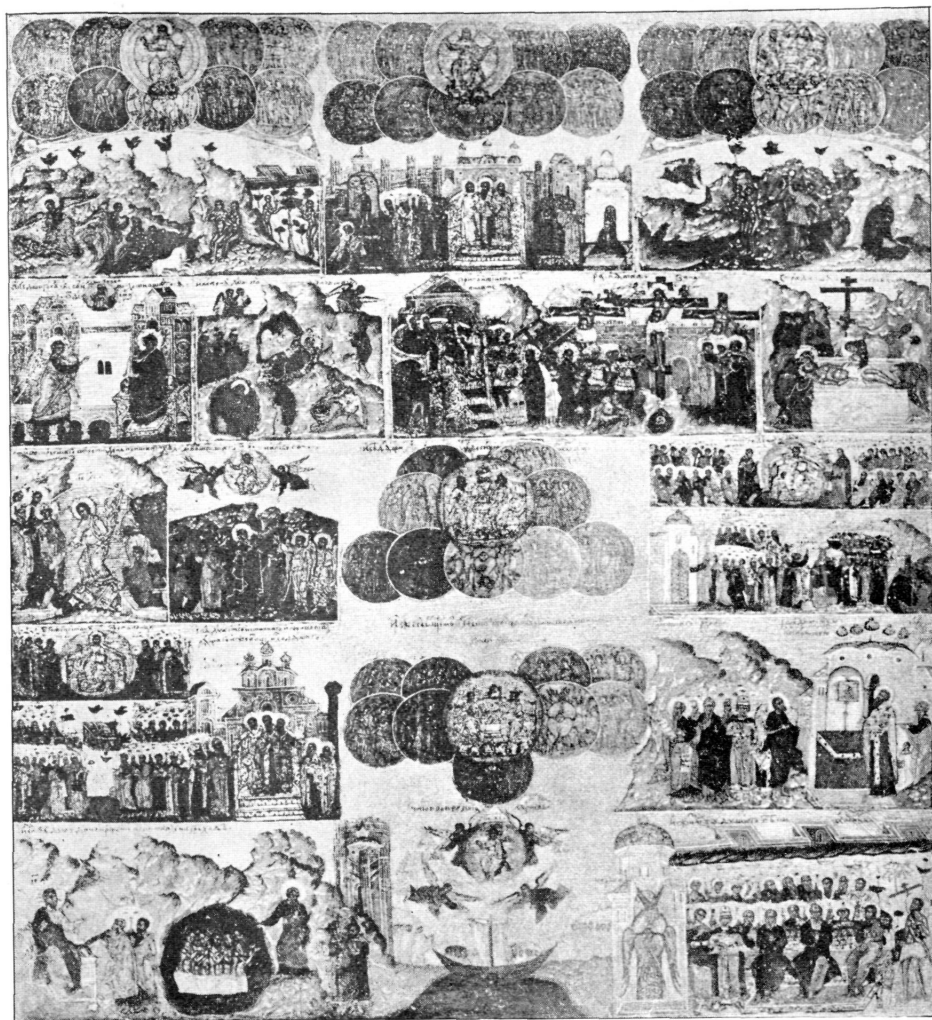

2.

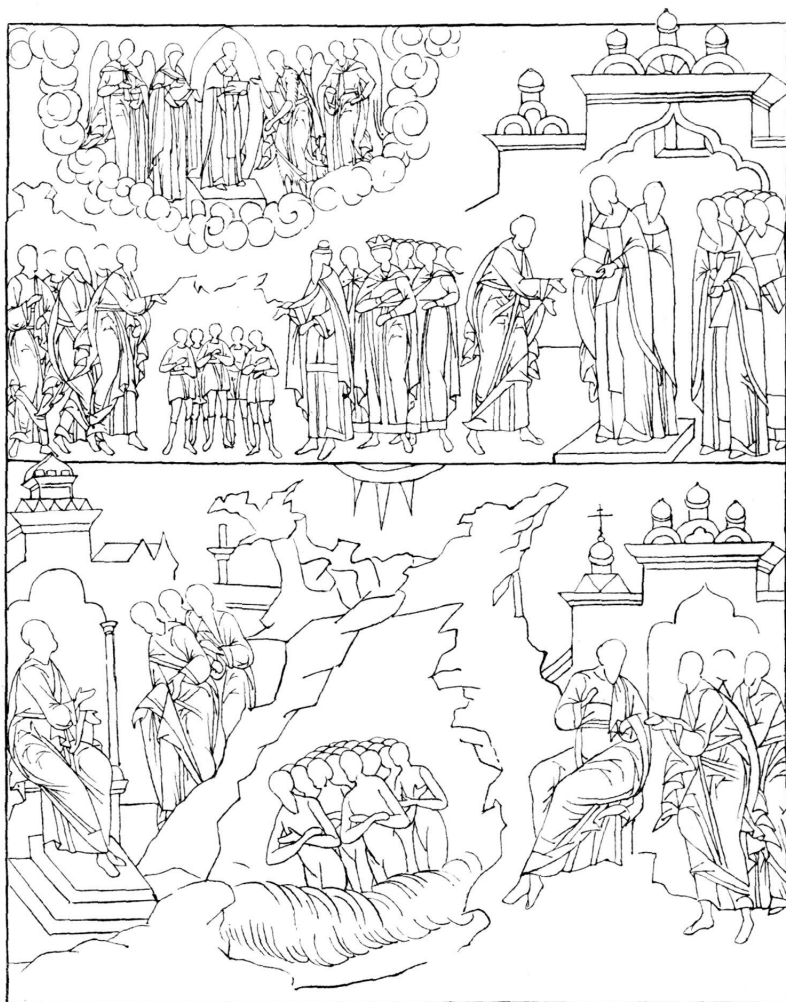

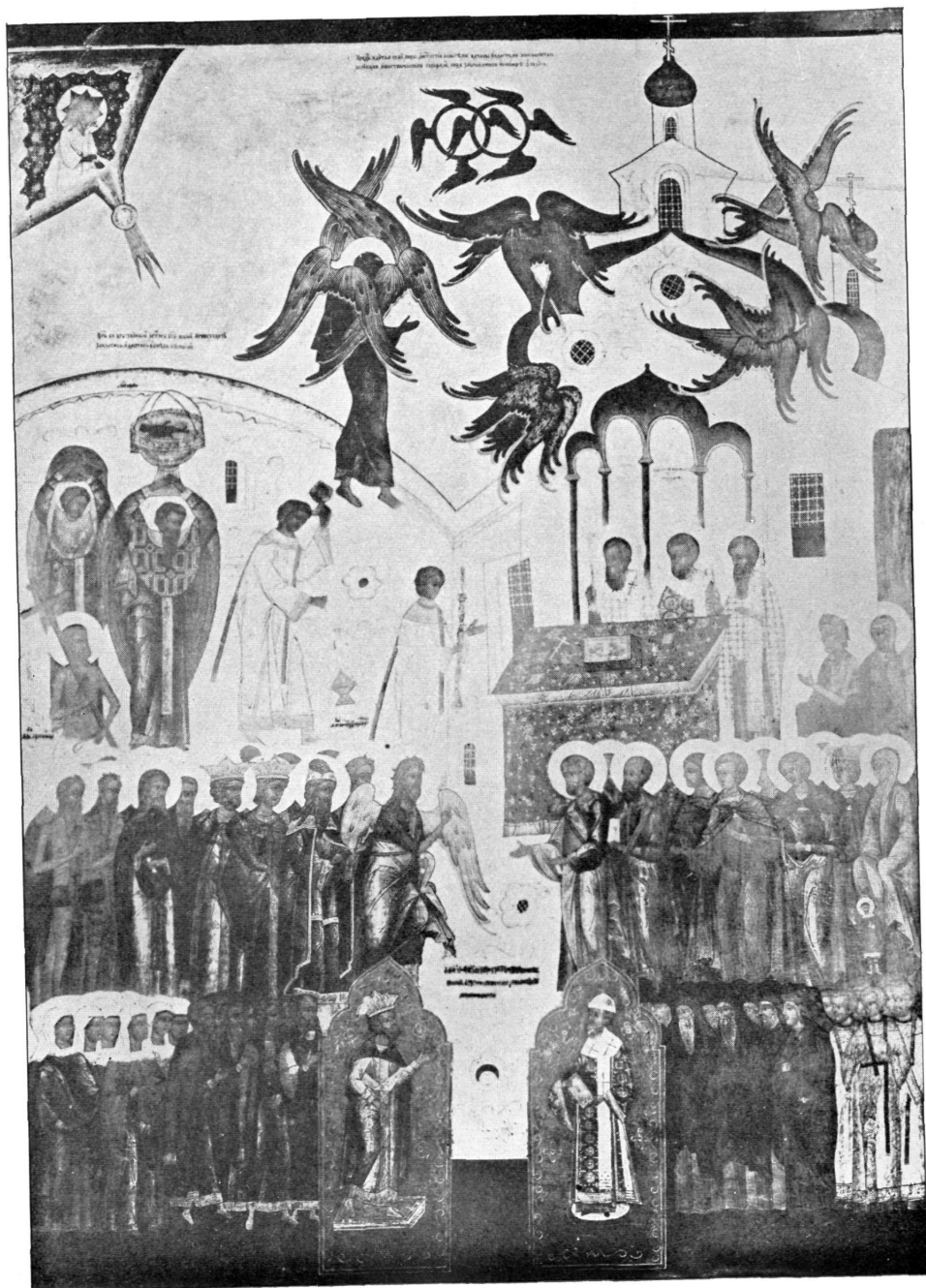

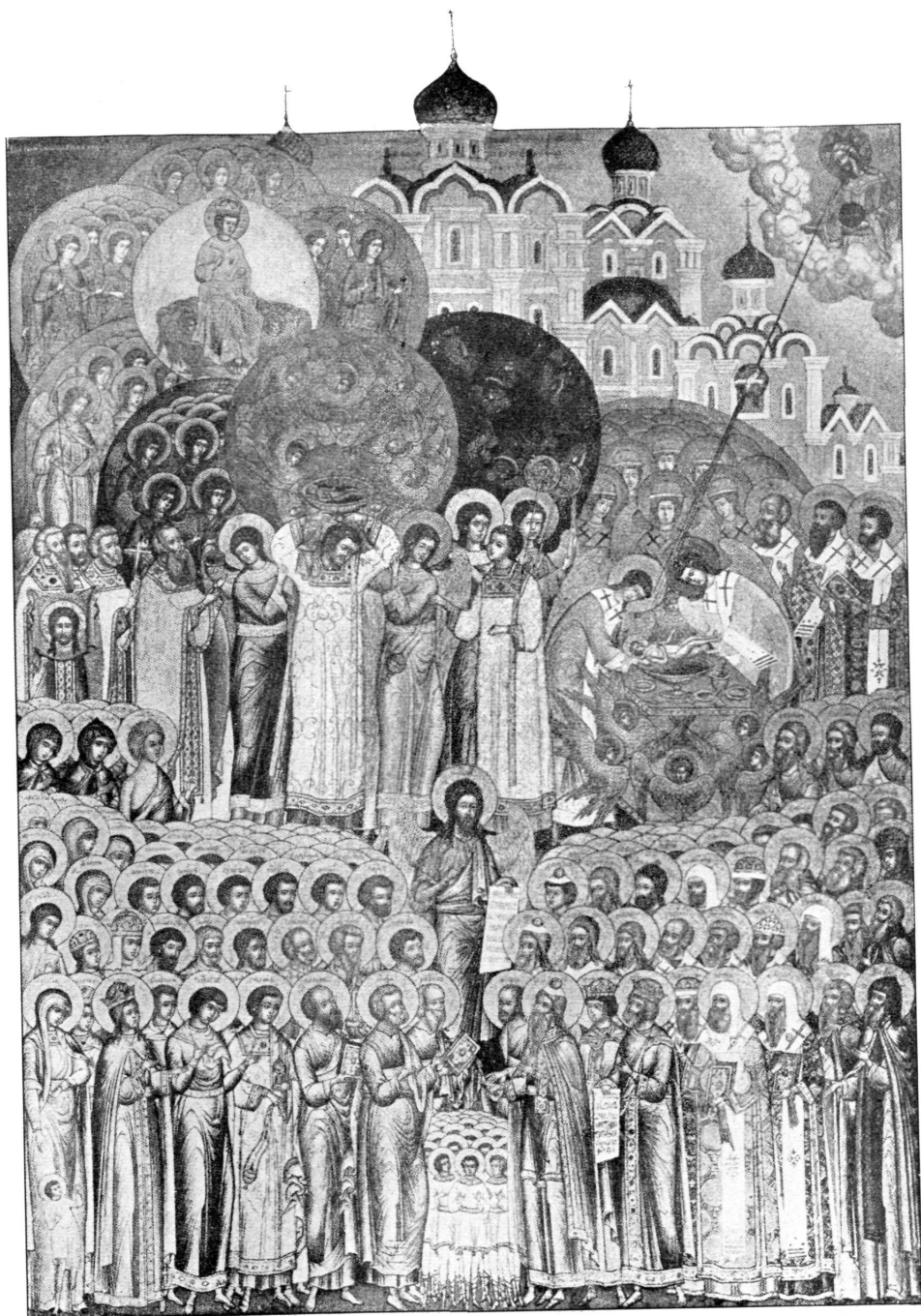

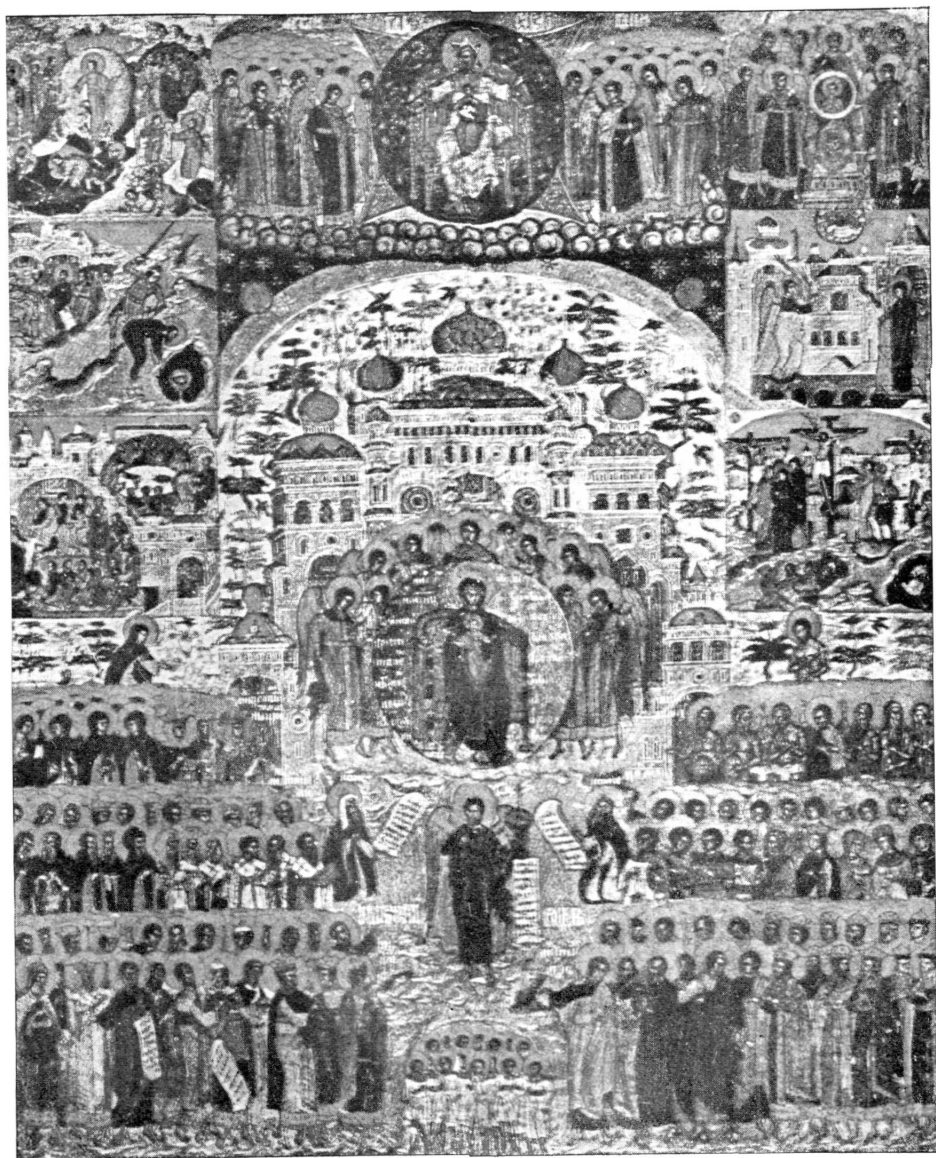
Tab. VII.

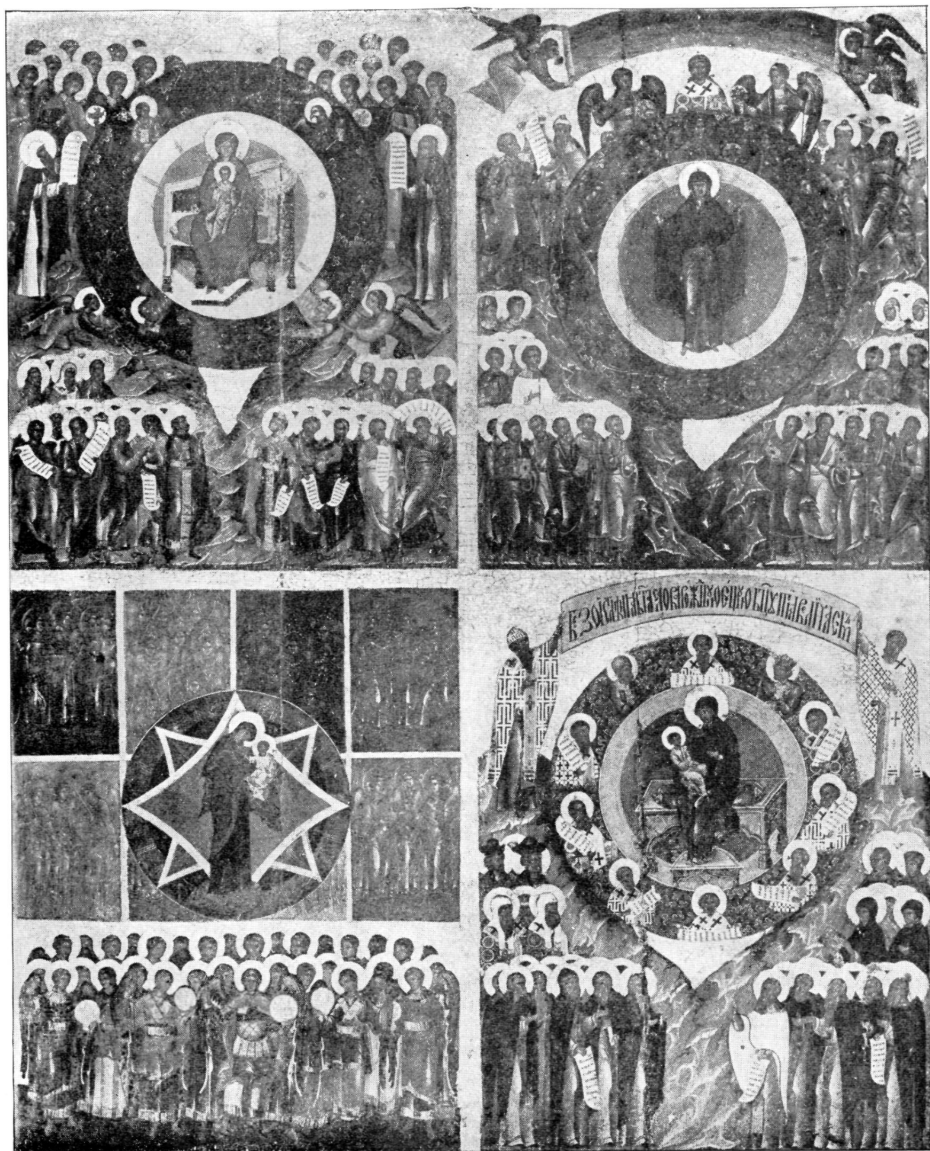

s aureolami kolem hlavy, symbol duší spravedlivých (podle POKROVSKÉHO)⁹² či snad svatá mladátko betlémská.

V nejhořejší pravé řadě jsou seskupeni sv. poustevníci, nad nimi vystupuje sv. Rach s křížem v ruce. Střední pás uvádí sv. Kosma Maiumský (jako protějšek sv. Jana Damašského), klečící se svitkem v ruce. Za ním následují svatí mučedníci, první sv. Štěpán, dále vojáci a konečně svaté ženy mučednice, první sv. Kateřina, poslední sv. Paraskeva. Spodní řada má v čele sv. Petra a ostatní apoštoly, uzavřena sv. králi a knížaty, mezi nimiž vedle králů s korunami i ruská knížata s bojarskými čapkami.

Ikona s tímto námětem je nejilustrativnější ze všech didaktických ikon, neboť každá věta hymnu došla svého vyjádření na obraze. »Všechno stvoření«, vyjádřeno nejen spoustami lidských postav, ale i sluncem, měsícem a hvězdami. »Andělský sbor« znázorněn dokonce dvakrát: jednou obklopující Boha Otce, po druhé v zástupu kolem Bohorodičky. »Lidské pokolení« znázorněno dokonale zástupci všech stavů v církvi vítězné, a ti spravedliví, na které snad zapomenuto, či které nebylo možno zařadit do jednotlivých skupin, znázorněni ve středu dolní části jako skupina dítek v bílém rouchu.

»Raduje se z tebe«. Problém radosti, tak těžký pro statické umění ikonopisné, zde proveden téměř dokonale: Do rukou některých světců dány svitky s chvalořečnými nápisy; ti, kteří jich nemají, rozprávějí spolu, naklánějíce hlavy a sdělující si vše, co k oslavě Panny Marie může přispěti (a jsou to i světci, kteří většinu života mlčeli, poustevníci a mniši). »Chrám posvátný«, abstraktní epitheton, přeneseno do reality velikolepou stavbou pětikupolového chrámu, »ráj duchovní« stejným způsobem realizován velikolepou zahradou obklopující chrám, plnou stromů, mezi nimiž poletují ptáci.

A k tomuto epithetu hned připojen jeho obrazový výklad: Do ráje vedou dvě brány, do kterých vstupují svatí. Ráj otevřel Kristus svou smrtí a proto i ta, která jej porodila a s ním i trpěla, zasluhuje si název »ráj duchovní«.

»Panenská chloubka« je Panna Maria, a proto do nejbližší její blízkosti umístěn zástup svatých žen a panen. »Z níž Bůh se vtělil a dítětem se stal, před věky Bůh náš, neboť lůno tvé on trůnem učinil,« vystiženo znamenitou kontraposicí: nahoře sedí Emanuel na klíně otce-Boha, ve středu — sedí na klíně matky — člověka.

V.

Obyčejně při liturgii Chrysostomiánské zpíváný hymnus »*Dostojno jest*« došel vyjádření na několika ikonách, které až na nepatrné detaily jsou po ikonografické stránce shodné. Nejpřehlednější je asi ikona ze sbírky A. I. SILINA v Moskvě, vystavená na výstavce starého ruského umění v r. 1913 pod

⁹² Op. cit. str. 265. Na strogonovské ikoně »Šestodněvu« ve sbírce Zolotnického vyobrazen rovněž tento hlouček dětí a označen názvem: »АНГЛЪ МАЛѢЦЪ« (P. Muratoff: Trente-cinq primitifs russes. — Paris 1931. Pl. XVII.)

č. 136.⁹³ Je to jedna z nemnoha datovaných ikon; máť nápis jmenující donátora a rok 7110 (t. j. 1602). (Tab. XII.)

Ikona jako všechny ikony tohoto námětu dělí se na čtyři pravidelné části; každá z nich ilustruje jeden verš hymnu. Prvá (vlevo nahoře) slova: »V pravdě důstojno jest velebiti tebe, Bohorodičko«. Nad skalní průrvou vznáší se dvojitý medailon, nesený dvěma letícími anděly. Ve vnitřním kruhu sedí na trůnu Panna Maria, na klíně držící Ježíška, který oběma rukama žehná. Vnější kruh vyplněn oblaky a znaky čtyř evangelistů. Na obou vrcholcích skal stojí zástup andělů a archandělů v ideálních oděvech, pod nimi na levé straně sv. Jan Damašský, na pravé sv. Kosma Maiumský se svitky. Dole pod skalou ve dvou řadách po obou stranách proroci.

Druhá čtvrt ikony ilustruje slova: »povždy blahoslavenou a přecistou Matku Boha našeho«. Nad toutéž krajinou vznáší se opět dvojitý kruhový medailon. V centru stojí Panna Maria-Oranta, vnější kruh vyplněn postavami andělskými. Nad středem medailon poprsí Krista-Velekněze v sakosu, omoforu se stefanem kol hlavy, po každé straně archanděl. Na obou vrcholcích skály stojí prorokové se svitky. Nad scénou rozvinují dva letící andělé nebe v podobě svitku.⁹⁴ Dolní část vyplněna po obou stranách postavami světců ve třech řadách: ve spodní apoštolové, ve střední mučedníci a v horní svaté ženy.

Třetí část (vlevo dole) ilustruje další strofu: »Čestnější nad Cherubíny a slavnější nad Serafíny«; ve středu ve hvězdovém kruhu stojí Panna Maria s Ježíškem na levici. Obklopena je kůry andělskými, směstnanými do šesti obdélníků (sedmý kůr zakryt medailonem s Pannou Marií). Dolní část představuje sbor sv. arch. Michaela, který ve vojenském odění stojí uprostřed obklopen ostatními archanděly se sférami v rukou a ostatním vojskem nebeským.

Poslední čtvrt vyobrazuje poslední slova hymnu: »bez porušení Boha-Slova porodivší, pravou Bohorodičku, tebe velebíme«. Scéna jako u prvního a druhého obrazu. Panna Maria sedí opět v kruhovém medailonu na trůně, na pravém koleně sedí Ježíšek. Ve vnějším kruhu medailonu poprsí Davida a Šalamouna, jakož i osmi otců církevních v biskupském rouchu se svitky v rukou. Na vrcholcích skály stojí sv. Athanasius a Cyril Alexandrijský, držíce pás s konečnými slovy hymnu. Dolní část opět vyplněna světci ve třech řadách. V levé spodní sv. mnichové, nad nimi biskupové v sakosech, omoforech a klobucích (metropolitové moskevští?) a ještě nad nimi dva světci v bojarském úboru. Ve spodní pravé řadě opět sv. mniši, v jejich čele kněz ve felonu. V druhé a třetí řadě sv. ženy.

Nemůže být pochyby o tom, že obě posléze uvedené komposice jsou v úzké souvislosti se zobrazováním Akathistu. Na to poukázal již KONDAKOV.⁹⁵

Stačí srovnati jen několik památek tohoto námětu, aby bylo jasné, že po-

⁹³ Выставка древнерусского искусства. Москва 1913.

⁹⁴ Detail tento převzat z komposice Posledního soudu.

⁹⁵ Кондаковъ: Иконография Богоматери. Пг. 1915 — II., стр. 383 a sl.

stupem času skládá se valná většina Akathistu z řady variantů jednoho obrazu: Panna Maria ve středu obklopena anděly či světcí. Tak na příklad v Markově monastýru u Skoplje (1366) tato scéna se objevuje jako ilustrace desátého a dvanáctého ikosu a třináctého kondaku, v Matejičiči⁹⁶ (XIV. stol.) osmého kondaku, dvanáctého ikosu a třináctého kondaku, kdežto v trapeze chilendarské⁹⁷ (z r. 1621) ilustruje devátý, desátý, jedenáctý a dvanáctý ikos a třináctý kondak, v trapeze v Lavře (1512)⁹⁸ osmý kondak, devátý, desátý a dvanáctý ikos, třináctý kondak a závěrečnou modlitbu atd.

Sestavením čtyř z těchto scén Akathistu a doplněním vzniká ikona: »Dostojno jest«.

Vztah mezi Akathistem a ikonou »O tebě raduetsja« je sice již méně úzký, leč přes to dlužno předpokládati, že seskupení světců vzato alespoň v základě ze zobrazování Akathistu. Přispívala k tomu jistě i příbuznost textů obou hymnů, tak na příklad slova hymnu »panenská chloubu« souvisí těsně s počátečními slovy desátého ikosu Akathistu: »Stěna jesi děvam«.

Jako důkaz pro tento názor může sloužiti fresko tohoto námětu v chrámu v Homoru v Rumunsku,⁹⁹ které vzniklo po r. 1530, a to proto, že je vklíněno ve střed akathistového cyklu. Ikonografie jeho je úplně shodná s ikonami ruskými, takže není pochyby o tom, že i obsah obou je stejný, t. j. ilustrace hymnu »O tebě raduetsja«. Proč byla tato kompozice pojata do *rámce* Akathistu, není nám dobře pochopitelné; snad souviselo to se zvykem tohoto místa nebo kraje zpívati v sobotu 5. týdne postu (kdy se zpívá Akathist) též onen hymnus a zvyk ten došel vyjádření i v nástěnné malbě. V každém případě je toto umístění výjimkou a nenajdeme je ani v srbských, ani v řeckých cyklech Akathistových. Mezi rumunskými památkami opakuje se tento zjev ještě u sv. Jiří v Suceava,¹⁰⁰ v Arbore¹⁰¹ a v Moldaviți¹⁰² se nevyskytuje a v Suceviți¹⁰³ na jejím místě se objevuje »Pokrov«, kompozice dokonale ruská.

*

⁹⁶ Окуњев: Матейч, str. 104 a sl.

⁹⁷ Millet: op. cit. tab. č. 102 a 103.

⁹⁸ Ibid. tab. č. 140.

⁹⁹ Stefănescu: op. cit. tab. XLV/2.

¹⁰⁰ Ibid. tab. LXXIII/1.

¹⁰¹ Ibid. tab. LVIII/2 a LIX/1.

¹⁰² Ibid. tab. LII/1.

¹⁰³ Ibid. tab. LXXXV/1.

¹⁰⁴ Nesdílím tudíž Kondakovovu despektivní názor na tyto ikony (projevený v cit. XI. kap. IV. dílu »Русская икона«), který, jak se zdá, je ozvěnou Kondakovova prudce odmítavého, ale věcně správného, stanoviska vůči pseudomystickému hnutí ruské inteligence (Filosoficko-náboženská společnost, Sergěj Bulgakov, Merežkovskij), jež užívalo, a částečně dosud užívá didaktických a mystických ikon k odůvodnění svých dílem temných, dílem heretických nauk náboženských.

Probravše ikony v záhlaví této stati označené, dospíváme k závěru:

1. ikony ty patří svým námětem mezi obrazy didaktické,
2. valná část jednotlivých scén těchto ikon je známa již malířství doby dřívější a to nejen ruskému, nýbrž i ostatnímu církevnímu malířství okruhu byzantského, takže
3. osobitost těchto ikon nutno spatřovati jednak ve způsobu sestavení těchto obrazů, jednak v kompozici ostatních nových scén.
4. Kompilace jednotlivých scén a komposice nových, dává tušiti značnou vyspělost jejich malířů, která je patrná zejména v cílevědomém přepracování starších temat (církevní sněmy) a v častých symbolicky odůvodněných odchylkách jednotlivých ikon téhož námětu.¹⁰⁴

V srpnu 1931.

ILUSTRACE.

Tab. I. *Jednorozený*, ikona XVII. stol. — Ruské museum.

Tab. II. 1. *Jednorozený*, detail z ikony zač. XVIII. stol. — Ruské museum.

2. *Jednorozený*, detail z ikony konce XVIII. stol. — Sbírka kn. N. Jašvilové v Praze.

Tab. III. *Věřím*, detail z ikony XVII. stol. — Chrám sv. Řehoře Neokesa-rijského v Moskvě.

Tab. IV. *Věřím*, ikona XVII. stol. — Sbírka Lichačevova. (Ikona A.)

Tab. V. *Věřím*, ikona XVII. stol. — Sbírka Lichačevova. (Ikona B.)

Tab. VI. *Věřím*, ikona konce XVII. stol. — Rogožský hřbitov v Moskvě. (Ikona C.)

Tab. VII. *Věřím*, detail z předlohy podlinníku Filimonova. (Předloha č. 1.)

Tab. VIII. *Věřím*, detail z předlohy podlinníku Filimonova. (Předloha č. 2.)

Tab. IX. *Nechť zmlkne všechno stvoření*, ikona XVII. stol. — Rogožský hřbitov v Moskvě.

Tab. X. *Nechť zmlkne všechno stvoření*, ikona zač. XVIII. stol., tamtéž.

Tab. XI. *Z tebe se raduje*. Ikona XVIII. stol.

Tab. XII. *Důstojno jest*. Ikona z r. 1602. — Sbírka Silinova.

(Ilustrace reprodukovány: I., II. podle Kondakova: Ruská ikona díl II., XI., ibid. díl I., III., IV., V., IX. podle Lichačeva: Материалы, VI., VII., VIII. podle Kondakova: Иконография Иисуса Христа. X. podle: Снимки древних иконъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, XII. podle: Выставка древнерусскаго искусства II. podle fotografie z originálu.)

LES HYMNES LITURGIQUES CONSIDÉRÉS COMME SUJETS
D'ICONES.*(Résumé.)*

Lorsqu'en 1547, Moscou fut incendiée avec le Kremlin et toutes ses églises, on se trouva dans l'obligation de remplacer l'arrangement intérieur par un nouveau, et c'est à cette époque qu'apparaissent pour la première fois à Moscou des icônes à sujets jusqu'alors inconnus, didactiques et mystiques. Elles n'étaient pas l'oeuvre de peintres locaux, mais de maîtres de Novgorod ou de Pskov. Ce sont ces icônes qui donnèrent lieu au célèbre procès où Diak Viskovatý souleva contre les icônes et les peintres toute une série de griefs que le synode de 1554 rejeta. Il n'est donc pas étonnant qu'à partir de ce moment-là l'habitude se soit prise de peindre de semblables icônes, ce dont témoignent d'une part les « podlinniky » (livres de modèles), de rédaction russe, composés vers le milieu du XVIème siècle et, d'autre part, toute une série d'icônes des XVIIème et XVIIIème siècles, qu'on peut diviser, d'après leur sujet, en 5 groupes: a) icônes dont le sujet est tiré des hymnes, b) icônes représentant des visions de saints, c) icônes à sujets dogmatiques, d) icônes à sujets moraux, e) icônes représentant des sujets tirés de la Bible.

C'est une question de savoir où il faut chercher l'origine de ces nouvelles tendances; est-ce en Russie même ou dans les pays orthodoxes du Sud et de l'Est, où à l'Ouest? Rovinskij a montré les parentés de style entre la plus vieille icône de ce type (peinte vers 1554) et les dessins de Cimabué et de Pérugin, Kondakov¹ au contraire soutient que cette tendance iconographique est née en Grèce et n'est arrivée en Russie qu'en passant par le Balkan slave et roumain. Mais il ne fournit aucun document pour appuyer sa thèse; il fallait donc soumettre son affirmation à un examen qui a donné le résultat suivant: dans la peinture grecque, il n'existe pas une seule composition analogue; au mont Athos, outre toute une série de sujets empruntés à la Serbie, il y a quelques peintures didactiques nouvelles, mais complètement dépourvues de relations avec la peinture russe. En Serbie, en particulier dans le narthex du cloître de Lesnovo, datant de 1349, il y a une série de compositions, qui ont un contenu mystique et sont en rapports mutuels avec les icônes russes mystiques, mais pas du tout avec les didactiques. En Bukovine, on trouve aussi un grand nombre de compositions mystiques, mais elles se rattachent à la peinture serbe. Cependant, on trouve dans l'église de Sucevița trois peintures et à Homor une peinture, qui sont en rapports directs avec l'école de peinture qui a produit les icônes didactiques russes. Ce sont à Sucevița: « Fils unique et Verbe divin », « Que t'offrirons-nous? » et « En vérité, il est digne... », mais précisément l'existence de la première de ces peintures ren-

¹ Dans le quatrième volume de «Русская икона» qui paraîtra à la fin de l'année corante.

verse la théorie de Kondakov, car cet hymne, comme on le sait avec certitude, a été illustré par l'image, en Russie, au plus tard, en 1554, mais à Sucevița il n'a pu l'être avant 1585. Pour ce motif, entre plusieurs autres, il est légitime d'affirmer que ce thème, loin de passer de Bukovine en Russie, a passé de Russie en Bukovine.

A notre avis, il est nécessaire, pour résoudre cette question de distinguer les sujets didactiques des sujets mystiques. Il faut chercher l'origine des derniers dans la peinture serbe; quant aux premiers nous pensons qu'ils sont nés en Russie, comme un produit naturel d'une impulsion venu de l'Occident; la preuve en est dans le fait que les premières icônes de ce type sont originaires de Pskov et de Novgorod, villes qui étaient en contact constant avec l'Occident.

Parmi les icônes dont le sujet est tiré des hymnes liturgiques, il faut citer en premier lieu « Jedinorodnyj » (Fils unique et Verbe divin). La mission messianique du Christ y est illustrée, conformément aux paroles de cet hymne et, comme cette idée fondamentale ne varie pas, les icônes qui traitent ce sujet, ne se distinguent, du point de vue iconographique, que par des détails.

Par contre, l'icône « Credo » se présente en deux rédactions différentes. L'une que nous appelons « de Stroganov » (parce que le modèle en est contenu dans un livre de modèles appartenant à la famille Stroganov) est la copie, mais non pas servile, de la gravure de Piscator « Theatrum biblicum »; l'autre, que nous appelons « de Filimonov » (d'après le livre de modèles acquis par Filimonov) apparaît, tant dans la composition de l'ensemble que dans les scènes particulières, comme une œuvre proprement russe. Les différences individuelles des icônes sont très intéressantes (nous étudions simultanément trois icônes et deux modèles), surtout en certaines parties, où s'avère la complète originalité des peintres.

Le thème tiré de l'hymne « Da molčit vsjakaja plot' » (Que se taise toute créature) que nous étudions dans ces icônes, apparaît aussi comme une œuvre proprement russe et se trouve en rapports étroits avec les fresques des églises de Jaroslavl.

Il en est de même de l'icône « O Těbě radujetsja » (Il tire de toi sa joie), qui avec la dernière icône ici décrite: Dostojno jest (Il est digne...), a son origine dans la figuration des « Akathistes ».

D'après la description et l'analyse de ces icônes à tendance didactique, nous arrivons à la conclusion que leur originalité doit être cherchée dans une compilation de scènes particulières, déjà connues des peintres antérieurs, complétée par des scènes nouvelles; mais ces deux éléments nous laissent pressentir la grande maturité de ces peintres, bien que, au point de vue stylistique, ils appartiennent à la période de la décadence de l'icône russe.

ILLUSTRATIONS.

- Pl. I. « *Le Fils unique* », icône du XVIIème siècle. Musée russe.
- Pl. II. 1. « *Le Fils unique* », détail d'une icône du début du XVIIIème siècle. Musée russe.
2. « *Le Fils unique* », détail d'une icône de la fin du XVIIème siècle. Collection de la princesse N. Jašvil, à Prague.
- Pl. III. « *Credo* », détail d'une icône du XVIIème siècle. Eglise St. Grégoire de Neokesarie à Moscou.
- Pl. IV. « *Credo* », icône du XVIIème siècle. Collection de Lichačev, Icône A.
- Pl. V. « *Credo* », icône du XVIIème siècle. Collection de Lichačev, Icône B.
- Pl. VI. « *Credo* », icône de la fin du XVIIème siècle. Cimetière de Rogož.
- Pl. VII. « *Credo* », détail du modèle tiré du « livre de modèles » de Filimonov, modèle N° 1.
- Pl. VIII. « *Credo* », détail du modèle tiré du « livre de modèles » de Filimonov, modèle N° 2.
- Pl. IX. « *Que se taise toute créature . . .* », icône du XVIIème siècle. Cimetière de Rogož à Moscou.
- Pl. X. « *Que se taise toute créature . . .* », icône du début du XVIIIème siècle. Cimetière de Rogož à Moscou.
- Pl. XI. « *Il tire de toi sa joie . . .* », icône du XVIIIème siècle.
- Pl. XII. « *Il est digne* », icône de 1602. Collection de Silin.
-

MICHEL LASCARIS (Thessalonique):

INFLUENCES BYZANTINES DANS LA DIPLOMATIQUE BULGARE, SERBE ET SLAVO-ROUMAINE.

[A propos du travail de M. FRANZ DÖLGER, *Der Kodikellos des Christodulos in Palermo. Ein bisher unbekannter Typus der byzantinischen Kaiserurkunde*, dans l'*Archiv für Urkundenforschung*, XI (1929), pp. 1—65.]

Die Heimat des slavischen Urkundenwesens in cyrillischer Schrift, mit Formeln byzantinischen Ursprungs, scheint Bulgarien zu sein. Von dort verbreitete es sich, zugleich mit den slavischen Kirchenbüchern, in allen Richtungen. Seine Blütezeit gehört in das XIV. und XV. Jahrh. Es herrschte in Bosnien, Albanien, Makedonien, Serbien, Bulgarien, in der Moldau und Walachei, endlich in ganz Russland. In dieser Art umfasste es einen grossen Teil des östlichen Europa, von der Adriatischen Küste bis über Novgorod und Moskau hinaus. Es waren damals nicht nur Slaven, welche Urkunden in cyrillischer Schrift schrieben und schreiben liessen, sondern auch Albanesen, Rumänen und Litauer. Das rumänische Urkundenwesen beginnt erst in der Neuzeit; Urkunden in albanesischer und litauischer Sprache gibt es nicht. »¹

C'est ainsi que s'exprimait, il y a plus d'un quart de siècle, le grand savant tchèque, CONSTANTIN JIREČEK, dont l'oeuvre est aujourd'hui si brillamment continuée dans son pays d'origine. Depuis lors cette manière de voir n'a été ni modifiée ni même confirmée. Il est vrai que toute étude de ce genre était rendue particulièrement difficile par l'absence d'un travail quelconque sur la diplomatie byzantine, absence vivement ressentie par tous ceux qui se sont occupés de diplomatie bulgare, serbe ou slavo-roumaine. Avant la Guerre, M. PAUL MARC avait consacré à la diplomatie byzantine un travail spécial; mais ce travail n'a pas encore été publié. M. FRANZ DÖLGER, qui est aujourd'hui incontestablement le meilleur connaisseur de l'organisation intérieure de l'Empire byzantin, vient de combler cette lacune par une longue monographie, qui, sous un titre modeste, constitue un guide extrêmement précieux et le seul que nous possédions pour nous orienter dans le domaine si peu exploré de la diplomatie byzantine. Ce travail de M. DÖLGER mérite donc, surtout dans une revue comme les « Byzantinoslavica », un essai plutôt qu'un compte-rendu. Voilà pourquoi il nous a semblé nécessaire de nous arrêter plus longuement que ne l'a fait Mlle ANDRÉEVA² sur cet important travail et de tâcher de préciser l'influence que la diplomatie byzantine a exercée³ en Bulgarie, en Serbie⁴ et dans les principautés roumaines.⁵ Une étude

¹ Jireček, Die mittelalterliche Kanzlei der Ragusaner, Archiv für slav. Philologie, XXVI (1904), p. 161. Dans son livre « Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien » I, (Denkschriften Wiener Akademie, phil.-hist. Klasse, 1912), p. 17 il est plus précis: « Die Heimat des slavischen Urkundenwesens in cyrillischer Schrift scheint Bulgarien im Zeitalter Symeons († 927) gewesen zu sein. »

² Byzantinoslavica, II (1930), p. 186.

³ Il va sans dire qu'il n'est question que des actes de droit public, ceux de droit privé nécessitant une étude spéciale.

⁴ Afin d'éviter tout malentendu nous employerons toujours le terme « serbe » au sens étroit en excluant les chartes de Raguse, de la Bosnie, de l'Herzégovine et de la Zeta que M. Stanojević embrasse également dans son admirable « diplomatie serbe » (v. plus bas). Contrairement à M.

de ce genre aura de plus le résultat de mettre en évidence un fait généralement peu connu : à savoir que la chancellerie byzantine a été loin d'avoir exercé une influence exclusive chez les Bulgares, les Serbes et les Roumains, trois peuples considérés à juste titre comme appartenant à la sphère de la civilisation byzantine. Non seulement la diplomatie moldave s'est constituée sous l'influence de la chancellerie du Grand-duché de Lithuanie (qui employait comme langue le « russe occidental »⁶ et qui à son tour a subi l'influence de la Pologne) et n'offre, au début, avec la diplomatie byzantine que peu de points de contact,⁷ mais, ce qui est plus important, la diplomatie de la Valachie et de la Serbie offre de nombreuses influences occidentales dont on serait tenté de dire qu'elles contrebalancent amplement les influences byzantines ; et, surtout, on est vraiment étonné de trouver dans les diplômes du second Empire bulgare lui-même, des éléments occidentaux, que nous indiquerons plus loin et qui seraient certainement plus nombreux si le nombre des documents parvenus jusqu'à nous, n'était pas si infime.

* * *

Le $\kappa\omega\delta\iota\kappa\epsilon\lambda\lambda\omicron\varsigma$ de Christodule qui constitue le point de départ du travail de M. DÖLGER est un diplôme byzantin écrit avec des lettres d'or sur du parchemin de pourpre. Il est actuellement conservé dans la Capella Palatina du Palazzo Reale de Palerme. M. DÖLGER établit que le diplôme en question doit être attribué à l'empereur Alexis Comnène et qu'il a été probablement délivré en 1109. Par ce diplôme l'empereur accorde le titre de protonobelissime à l' $\alpha\mu\eta\rho\omega\varsigma$ Christodule, personnage ayant joué un rôle assez considérable dans le royaume normand de Sicile.

Stanojević nous ne comprendrons donc sous ce terme que les actes issus de la chancellerie des souverains de Serbie (Rascie).

⁶ Nos considérations sont basées en première ligne sur des observations personnelles, mais il va sans dire que nous devons beaucoup aux traités de diplomatie serbe et valaque de Stanojević (Студије о српској дипломатици dans le Глас de l'Académie de Belgrade 90, 92, 94, 96, 100, 106, 110, 132 [1912—1928]) et de Bogdan (introduction à sa collection « Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul », Bucarest, 1905, pp. XVI—LXXVIII). Par contre nous n'avons pu tirer aucun profit des travaux de Jacimirskij (Валашскія грамоты въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ dans le Русскій филологическій Вѣстникъ, LIV, 1906, pp. 49—67 et Молдавскія грамоты въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ dans la même revue LV, 1906, pp. 177—198), de Syrku (Материалы для исторіи дипломатики и сфрагистики въ Болгаріи въ XIII—XV вѣкахъ, extrait des Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности de l'Académie de Pétersbourg VIII, 1903) et de Iorga (Notes de diplomatie roumaine, Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine XVII, 1930, pp. 114—141).

⁶ « Западно-русскій языкъ ».

⁷ Les influences byzantines ne manquent évidemment pas dans la diplomatie moldave ; elles apparaissent surtout dans le préambule, l'anathème, la date. Ce sont là des emprunts faits à la diplomatie valaque, emprunts qui deviennent de plus en plus nombreux à partir de la seconde moitié du XVe siècle. Mais même avant cette époque on rencontre dans les actes moldaves des emprunts valaques comme p. ex. dans le chrysobulle d'Alexandre le Bon, en faveur du monastère de Bistrița, de 1428 (Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, I, Jassy 1931, p. 212—213) ou, pour remonter à une époque encore plus ancienne, dans l'anathème du diplôme du même voévode en faveur de l'église de St^e Paraskevė à Târgul Romanului, de 1408 (Costăchescu, p. 61).

La partie principale du travail de M. Dölger contient l'édition, le commentaire historique et l'étude diplomatique du document en question. Elle est accompagnée de quatre appendices (Exkurse), qui sont plutôt de véritables monographies spéciales et qui sont consacrées aux questions suivantes :

I^o Der Protonobelissimat

II° Die Urkundenarten im 11. und 12. Jahrhundert

III° Der ἐπὶ τοῦ κανικλείου

IV° Materialien und Arbeitsbedingungen der byzantinischen Kaiserdiplomatie.

* *

*

C'est sous le règne de Léon le Sage que semblent avoir été fixés dans leurs grandes lignes des types plus ou moins définitifs pour les diverses espèces de chartes. A partir de cette époque jusqu'à la fin de l'Empire les deux espèces de chartes les plus usitées étaient le χρυσόβουλλος λόγος et le πρόσταγμα. Il faut cependant observer que d'autres espèces de chartes antérieurement en usage, n'ont pas complètement disparu, telles l'édit (ἡδικτον, θέσπισμα) ou les lettres destinées aux souverains étrangers et au pape (M. DÖLGER appelle « Auslandsbriefe » cette catégorie de chartes que les Byzantins désignaient le plus souvent par βασιλικόν). Mais surtout, entre le χρυσόβουλλος λόγος et le πρόσταγμα il y avait plusieurs types intermédiaires, comme le σιγίλλιον, le χρυσόβουλλον σιγίλλιον, le χρυσόβουλλος ὀρισμός, la novelle (νεαρά), la λύσις, la σημείωσις. Enfin il y avait encore le κωδίκελλος (« Ernennungsurkunde » selon Dölger) dont le seul exemple connu est justement celui de Palerme.

Le χρυσόβουλλος λόγος avant 1204 commence par un *protocole initial* formé de l'*invocatio verbalis*, de la *suscription (intitulatio)* et de l'*adresse*.⁸ Vient ensuite le *texte*, précédé de l'*invocatio symbolica*. Le *texte* se compose des parties suivantes : *préambule (arenga)*, *exposé (narratio)*, *dispositif*, *clauses pénales* (ces dernières manquent parfois), *date*. La *date* est introduite par une formule qui correspond plus ou moins à la *corroboratio* des diplômes occidentaux et qui se termine par les mots ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπροβλήτων ὑπεσημνηνато κράτος. Après le mot κράτος vient le signe de la croix et ensuite, en rouge, le *legimus*. En bas est ajoutée en rouge entre deux croix la signature autographe de l'empereur en termes presque immuables : Ν. ἐν Χριστῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Ν. Aux endroits où apparaît l'expression χρυσόβουλλος λόγος, le mot λόγος est ajouté en rouge. Il est de même dans la date, où l'indication du mois, de l'indiction et de l'année (selon la création du monde) sont ajoutées en rouge. A noter que cette manière de dater par le mois, l'année et l'indiction, n'apparaît dans aucune autre espèce de chartes. C'est ainsi que les προστάγματα sont datés uniquement par le mois et l'indiction et c'est cette date qui, ajoutée au bas du document en rouge, constitue la souscription autographe de l'empereur. Mais la particularité la plus caractéristique du χρυσόβουλλος λόγος, et à laquelle celui-ci doit son nom, est la bulle d'or, suspendue au diplôme par des lacs de soie rouge.

Cette forme, pour ainsi dire complète, du chrysobulle est celle des diplômes antérieurs à 1204. A partir de cette date des changements très importants ont lieu dans la

⁸ L'adresse est toujours générale, jamais spéciale ou personnelle.

chancellerie byzantine; les formulaires tendent à se simplifier. Les chrysobulles n'ont plus le protocole initial (formé de l'*invocatio verbalis* de la suscription et de l'adresse) mais commencent par le signe de la croix (*invocatio symbolica*) et le texte.

Pour ce qui est de la matière sur laquelle les diplômes, et en particulier les chrysobulles, étaient écrits, M. DÖLGER montre qu'au début la chancellerie byzantine employait le papyrus. Mais à l'XIe et au XIIe siècle elle employait pour les *προστάγματα* aussi bien que pour les chrysobulles, cette espèce de papier connue sous le nom de « bombycin », ce qui explique pourquoi si peu de diplômes de cette époque nous sont parvenus dans l'original. Pour la période de 1204 à 1259 nous avons bien des *προστάγματα* en original, mais pas de chrysobulles. Mais à partir de 1259 les chrysobulles sont écrits sur du parchemin, tandis que les *προστάγματα* continuent à être écrits sur du papier.

C'est le chrysobulle, cette « feierliche, höchst eindrucksvolle und dekorative Form des Privilegs » pour employer l'expression de M. DÖLGER,⁹ qui a servi de modèle aux chancelleries des souverains de la Bulgarie et de la Serbie pour passer ensuite dans les principautés roumaines où sous des formes passablement modifiées il continua à subsister jusqu'au XVIIIe siècle et où le mot roumain « hrisov » (« hrisovul ») finit par désigner tout diplôme issu de la chancellerie princière. Les autres types des chartes byzantines ne semblent pas avoir eu une influence notable sur la diplomatie de ces pays. C'est ainsi que parmi les nombreuses chartes serbes il n'y a qu'un seul exemple (un diplôme du despote Uglješa) qui soit daté comme les prostagmaata byzantins avec le mois et l'indiction, sans l'année.¹⁰ Quant à la Bulgarie il est vrai qu'en 1911 M. ILINSKIJ,¹¹ l'éditeur et commentateur des chartes bulgares, avait distingué parmi les sept chartes alors connues¹² deux types de chartes : les cinq chrysobulles en faveur de monastères et les deux documents d'Asén et de Sracimir contenant des privilèges commerciaux.¹³ On pourrait donc être tenté de croire que la chancellerie bulgare ait imité

⁹ P. 38.

¹⁰ *Stanojević*, Глас CXXXII, p. 51. Dans quelques diplômes serbes (v. plus loin) la signature est remplacée, comme dans les *προστάγματα*, par la date; mais contrairement aux *προστάγματα* ces diplômes portent aussi l'indication de l'année.

¹¹ *Il'inskij*, Грамоты болгарскихъ цареи, Moscou 1911, pp. 88—89.

¹² A ces documents rédigés en slave il faut ajouter un diplôme bulgare qui ne s'est conservé qu'en traduction italienne. Je fais allusion au premier parmi les deux documents d'Ivan Alexandre (1352) publiés par *Ljubić* dans les Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, III, pp. 246—248. En effet, on n'a qu'à comparer cette traduction avec la charte d'Ivan Asén aux Ragusains pour se convaincre que les deux documents ont été rédigés selon le même formulaire. Quant au second des documents publiés par *Ljubić* malgré la signature slave au bas du diplôme, nous ne croyons pas qu'il ait été originairement rédigé en bulgare. L'*invocatio verbalis*, la titulature, la manière de dater et tant d'autres formules habituelles des diplômes occidentaux dont on chercherait en vain l'équivalent dans les chartes bulgares, nous font croire que la souscription slave d'Ivan Alexandre a été ajoutée à un document rédigé en latin par les autorités vénitiennes.

¹³ Dans son ouvrage déjà cité, *M. Stanojević*, en analysant le formulaire des chartes serbes, les groupe habituellement en deux catégories : les « црквене » et les « световне »; la première comprend les donations aux églises ou aux monastères, la seconde les diplômes en faveur de la

la distinction entre les deux types les plus importants de chartes byzantines: les chrysobulles et les *προστάγματα*.¹⁴ Pour établir sa distinction entre les deux types de chartes bulgares M. Il'inskij s'était basé sur les différences suivantes: a) différences dans les formules: Selon M. Il'inskij les privilèges commerciaux introduisent le lecteur in medias res tandis que les chrysobulles en faveur des monastères commencent par un préambule plus ou moins solennel; b) différence dans la langue, plus populaire dans les privilèges commerciaux, plus savante dans les chrysobulles; c) différences dans les caractères externes: les privilèges sont écrits sur du papier et ne prétendent pas à une présentation artistique tandis que les chrysobulles, sauf une seule exception, sont écrits sur du parchemin et présentent de nombreux ornements. Cependant aujourd'hui après la découverte du diplôme Ivan Asén II au monastère de Vatopédi, il est évident qu'une distinction pareille ne correspond pas à la réalité. En effet entre ce document et la charte aux Ragusains du même souverain il est impossible de découvrir dans les formules aussi bien que dans les caractères externes des différences nettement définies.

La seule distinction que l'on pourrait introduire dans la diplomatie bulgare et serbe est celle entre diplômes et lettres, ces dernières étant rédigées selon un formulaire fort simple et aussi beaucoup plus libre. C'est, croyons-nous, aussi la seule distinction que l'on puisse introduire dans la diplomatie slavo-roumaine. BOGDAN avait essayé de distinguer les chartes de la Valachie selon les appellations contenues dans les chartes elles-mêmes, appellations dont l'emploi serait, selon Bogdan, en rapport avec le contenu du diplôme. Ces appellations sont *χρυσόβουλλη* (*chrysóvoullos*) pour les diplômes solennels, *ῥηγισμός* (*órismós*) ou *νοβελκή* (*próstagma*) pour les diplô-

noblesse, des Ragusains etc. Mais cette distinction n'est introduite par M. Stanojević que pour la commodité de l'exposition et nulle part l'éminent historien serbe ne semble croire qu'il faut voir là deux types de chartes, nettement définis au point de vue diplomatique. S'il est vrai que dans les chartes serbes (et aussi slavo-roumaines) du premier groupe il y a des formules qui manquent le plus souvent dans celles du second, p. ex. une titulature plus pompeuse, le préambule, l'anathème (encore faut-il observer que cette règle souffre de fort nombreuses exceptions), il n'est pas moins vrai qu'il est impossible de retrouver deux formulaires réellement distincts, dont l'un aurait servi pour les diplômes aux églises, l'autre pour ceux à la noblesse.

¹⁴ Dans sa communication au Congrès d'Études byzantines à Belgrade (1927) «Über die byzantinischen Einflüsse in der älteren serbischen Diplomatie», un éminent spécialiste, M. *Milko Kos*, parle d'une catégorie de documents serbes qui correspondent aux *προστάγματα* byzantins. Malheureusement cette communication n'a pas encore paru; mais il en a été publié un bref résumé que nous croyons d'autant plus utile de reproduire, qu'il contient des aperçus extrêmement intéressants et nouveaux qui mériteraient une discussion approfondie: «Der byzantinische Einfluss ist am stärksten in den grossen Herrscher-Chrysobullen der Nemanjiden, welche um 1200 auftreten. Viel geringer ist dieser in den gleichzeitig auftretenden Mandaten kleineren Umfanges, ebenfalls aus der Kanzlei der Nemanjiden, welche byzantinischen Prostagmen entsprechen. In den Anfängen der serbischen Diplomatie machen sich noch starke Einflüsse der byzantinischen Privaturkunde geltend, welche jedoch mit dem Erstarken der Herrschergewalt und des Staates der Nemanjiden immer geringer werden, als die Urkunde aus der Kanzlei der Nemanjiden immer mehr aus der byzantinischen Kaiserurkunde entlehnt. Der Vergleich mit dem gleichzeitigen byzantinischen Urkundenwesen ergibt einige Momente für die Alterbestimmung des serbischen. Die byzantinischen Einflüsse in den älteren slavischen Urkunden aus den Kanzleien von Ragusa, Bosnien und Hum gelangten in diese indirekten Wege.» Cf. *Anastasijević et Granić*, Comptendu du IIe Congrès international des Études byzantines, Belgrade 1929, p. 138.

mes de moindre importance et книга (γράμμα) pour les lettres.¹⁵ Mais il ressort assez clairement de l'examen fait par BOGDAN de ces termes, que ces différentes appellations ne correspondent pas toujours à des différences de nature.

*
*
*

Voyons maintenant dans quelle mesure les particularités du chrysobulle byzantin se sont conservées ou modifiées dans les diplômes bulgares, serbes et slavo-roumains. Nous commencerons par les caractères externes pour passer ensuite aux formules.

La souscription rouge avec le nom du souverain se retrouve dans tous les diplômes bulgares, serbes et valaques (car les diplômes moldaves ne portent pas la signature rouge du prince). Elle apparaît aussi sauf quelques rares exceptions dans les lettres des souverains de ces pays. Avec cette différence pourtant, que la souscription n'est pas autographe, comme c'est le cas à Byzance. Les tsars de Bulgarie, les rois de Serbie et les voévodes de Valachie ne signaient pas d'eux-mêmes.¹⁶) A partir du XVe siècle, en Serbie et en Valachie, les mots dont se compose la souscription sont généralement écrits en monogramme.

La bulle en or ou en métal doré est la règle dans les privilèges solennels bulgares et serbes. Le plus ancien diplôme serbe, celui d'Etienne Némanja en faveur du monastère de Chilandar disparu pendant la Grande Guerre, portait une bulle d'or, mais avec une légende grecque.¹⁷ Pourtant en Serbie apparaissent dès le commencement du XIIIe siècle des bulles de cire,¹⁸ qui au XVe siècle remplacèrent, presque toujours, la bulle d'or, même dans les diplômes qui se qualifient eux-mêmes de « chrysobulles ». Dans les principautés roumaines, tous les diplômes, mêmes les plus solennels, ne portent, sauf de rarissimes exceptions, que des sceaux de cire, ce qui coïncide avec le sens que le mot χρῖσoνa fini par prendre en roumain. En Bulgarie on a trouvé aussi des sceaux de plomb des tsars Asèn I et Boril.¹⁹ Par contre il n'existe pas des sceaux de plomb serbes.²⁰

¹⁵ Bogdan, Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul, p. XXII—XXIV.

¹⁶ Cf. pour la Bulgarie et la Serbie: M. Laskaris, Ватопедската грамота на царь Иванъ Асѣня II (Български Старици, XI) Sofia 1930, pp. 13—14; pour la Valachie: Bogdan, Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul, pp. XLIII—XLIV. Ce n'est qu'au XVIe siècle qu'apparaissent dans les actes roumains en plus de la souscription rouge, les premières signatures autographes, mais en noir; v. Bogdan, p. XLIX.

¹⁷ Čajkanović, Über die Echtheit eines serbisch-byzantinischen Verlobungsringes, Byz. Zeitschrift XIX (1913), p. 113, noté 1.

¹⁸ Le plus ancien se trouve sur une charte d'Etienne le Premier-Couronné. Cf. Jireček, dans l'Archiv für slav. Philologie, XXXIII (1912), pp. 288—289. Ce sceau constitue en même temps le premier sceau serbe avec une inscription cyrillique.

¹⁹ N. Муѣмов, Монетитѣ и печатитѣ на българскитѣ царе, Sofia 1924, pp. 158—159. Contrairement à M. Муѣмов (p. 152), nous ne croyons pas que le sceau de plomb conservé en deux exemplaires (cf. Муѣмов dans Известия на Българския Археологически Институтъ, V, 1929, pp. 225—230) avec l'inscription Θεοτόκε βοήθει Μιχαήλ ἀρχοντα Βουλγαρίας, doit être attribué à Boris-Michel. Il est beaucoup plus probable, comme le pense le Père Valérien Laurent (Byzantion V, 1930, p. 600) qu'il faut voir là un stratège byzantin du thème de Bulgarie.

²⁰ A. Ivić, Стари српски печати и грбови, Novi Sad 1910, p. 11; cf. aussi Jireček dans l'Archiv für slav. Philologie, XXXIII (1912), p. 288. Il n'est pas certain que le sceau de plomb

L'habitude de la chancellerie byzantine d'ajouter dans les chrysobulles l'indication de l'année en lettres rouges n'a point passé dans la diplomatie sud-slave et roumaine. En revanche nous trouvons dans la diplomatie bulgare et serbe quelque chose d'analogue à l'habitude byzantine d'ajouter en rouge le mot λόγος. Dans toutes les chartes bulgares en faveur de monastères, sauf une seule exception, nous trouvons le mot *члоркѡ* ou le mot *чрнѡкѡсѡ*, écrit à l'encre rouge. Dans les diplômes serbes cette particularité est beaucoup plus rare et n'apparaît, sauf erreur, que dans quelques actes du milieu du XIVe siècle.

Pour ce qui est de la matière susceptible d'écriture, c'est, comme il fallait s'y attendre, la diplomatie bulgare qui se rapproche le plus de la diplomatie byzantine. Toutes les chartes bulgares du XIIIe siècle sont écrites sur du bombycin; par contre toutes les chartes bulgares du XIVe siècle (à l'exception de la lettre de Sracimir) sont écrites sur du parchemin. Ceci ne peut pas être un effet du hasard mais montre que la chancellerie bulgare a fidèlement suivi en ce point les habitudes de la chancellerie byzantine, n'ayant employé le parchemin qu'après que la chancellerie byzantine l'eût elle-même adopté pour les chrysobulles. Contrairement à la Bulgarie, nous voyons que les plus anciens diplômes serbes sont écrits sur du parchemin. Sans doute faut-il voir là une influence occidentale; ce n'est qu'au XIVe siècle²¹ que la chancellerie serbe commence à employer à côté du parchemin le papier de provenance italienne. Dans les principautés roumaines les plus anciens diplômes (ceux de la fin du XIVe siècle) sont sur du parchemin mais dès le début du XVe siècle apparaît en Valachie, à côté du parchemin, le papier de provenance occidentale.

L'*invocatio verbalis* n'apparaît dans aucune charte bulgare.²² Il est de même en Serbie à l'exception uniquement de quatre documents.²³ De l'absence presque complète de l'*invocatio verbalis* dans les documents bulgares et serbes on serait tenté avec M. STANOJEVIĆ de tirer une conclusion d'un intérêt plus général. Considérant que l'*invocatio verbalis* tend à disparaître dans les chrysobulles byzantins à partir du XIIe siècle, M. STANOJEVIĆ conclut que c'est pour cette raison que « la chancellerie des souverains de Rascie qui ne fut constitué qu'au XIIe siècle et qui adopta les formulaires byzantins contemporains, n'a pas employé l'*invocatio verbalis*. Les chancelleries serbes dans les régions occidentales²⁴ qui subissaient l'influence de l'Occident et non de Byzance employaient l'*invocatio verbalis*, qui pourtant tire son origine de Byzance, tandis que la chancellerie de Rascie, qui adopta les formulaires byzantins, n'employait pas

avec inscription grecque publié par Schlumberger (Sigillographie de l'Empire byzantin, Paris 1884, p. 433) de « Pierre, archonte de Dioclée », doit être attribué à un prince serbe du XIe siècle.

²¹ Cf. *Jireček* dans l'*Archiv für slav. Philologie*, XXXIII, p. 288.

²² Elle apparaît pourtant dans le plus ancien monument de l'épigraphie cyrillique, la fameuse inscription de Samuel.

²³ *Stanojević*, Глас, XC, pp. 105—108. Mais il va sans dire qu'elle apparaît dans les documents de droit privé, qui en Serbie, comme à Byzance, commencent par l'*invocatio verbalis*; cf. *Stanojević*, Глас, XC, p. 109.

²⁴ M. Stanojević fait allusion aux chancelleries de Raguse, de Bosnie etc., qui, en effet, employaient l'*invocatio verbalis*.

l'invocatio verbalis! Ce fait est très important, car, entre autres, il montre que la chancellerie de Rascie n'a pas été organisée avant le XIIe siècle. Si la Rascie a eu, peut-être, une chancellerie même avant cette époque, alors il faut admettre qu'il n'y a pas eu de continuité dans cette chancellerie, car dans ce cas la Rascie aurait employé des formulaires avec *invocatio verbalis*, comme l'étaient ceux qu'on employait à Byzance au XIe siècle. Mais il est en tout cas plus probable d'admettre que la chancellerie de Rascie n'a été organisée qu'au XIIe siècle, c'est-à-dire à une époque où la chancellerie byzantine n'employait plus *l'invocatio verbalis*.²⁵

Le raisonnement de M. STANOJEVIĆ, appliqué à la diplomatie bulgare nous amènerait à conclure que celle-ci est une création propre du second empire bulgare et qu'il ne faut nullement en chercher les origines dans le premier empire bulgare; conclusion, comme on le voit, diamétralement opposée à celle de JIREČEK²⁶ et qui nous ferait admettre que le premier empire bulgare, s'il a eu une chancellerie slave (ce qui n'est pas absolument certain), n'a pourtant exercé aucune influence sur le «slavisches Urkundenwesen in cyrillischer Schrift».

La suscription ou titulature (*intitulatio*) est complètement absente dans les diplômes bulgares.²⁷ Par contre elle est extrêmement fréquente dans les diplômes de la Serbie, de la Valachie et de la Moldavie. En Serbie et en Valachie on emploie concurremment dans la titulature (et aussi dans la signature, en Serbie) deux formules (bien entendu avec des nombreuses variantes): l'une d'origine byzantine, **Ѧ Ѧ ХРИСТА БОГА ѦКРНИИ** (ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστός), l'autre d'origine occidentale **МИЛОСТЫЯ БОЖИИЯ** (*Dei gratia*). En Moldavie on ne rencontre que cette dernière. En Serbie et en Valachie la titulature commence avec le pronom personnel de la première personne du singulier (**ЯЗЪ**; quelquefois, en Serbie, aussi **Я**), tandis que les Moldaves emploient presque toujours, à l'imitation de l'Occident, le pluriel (**МЫ**); le pluriel apparaît aussi, mais une seule fois, en Serbie dans un diplôme du despote Lazare (1457).²⁸

L'adresse dans les pays où elle apparaît (Serbie, Valachie, Moldavie) semble imiter les formulaires occidentaux et n'avoir rien de commun avec celle des diplômes byzantins d'avant 1204.

Il n'est pas de même du préambule plein de citations tirées de l'Écriture sainte et des Pères de l'Église. Il faut pourtant observer que le préambule apparaît bien plus rarement que dans les diplômes byzantins. D'une manière générale on peut dire que le préambule n'est relativement fréquent que dans les diplômes en faveur d'églises ou de monastères, étant rarissime dans les donations à la noblesse ou à des simples particuliers. En Bulgarie sur six chartes en faveur de monastères il n'y a que quatre avec préambule. En Serbie la proportion des chartes avec préambule est d'environ 80 sur une centaine dans les diplômes en faveur de monastères, et de 16 sur environ 150 dans les autres donations (ceux en faveur de la noblesse, des Ragusains etc.).²⁹ Dans les diplômes valaques le préambule est encore plus rare, pour devenir d'une rareté extrême en Moldavie.

²⁵ Глас, XC, pp. 104—105.

²⁶ Voir plus haut.

²⁷ Tandis qu'elle apparaît dans les inscriptions du second empire bulgare; p. ex. dans l'inscription d'Ivan Asën II à Trnovo.

²⁸ Stanojević, Глас, XCII, p. 159.

²⁹ Stanojević, Глас, XCIV, pp. 209—213.

valaques; dans les diplômes moldaves elle ne manque presque jamais.

Un autre élément occidental qui est assez rare dans les diplômes serbes (dans les chartes bulgares il manque complètement) mais qui en Valachie et en Moldavie se rencontre dans presque tous les diplômes est la liste des témoins.

Dans la souscription (signature) les chartes bulgares conservent la formule byzantine *въ христа бога вѣрнии*, tandis qu'en Valachie c'est la formule occidentale *милостыя божия* qui domine. Les deux formules sont employées concurremment en Serbie, où il y a pourtant aussi des actes sans souscription du souverain.³³ Nous avons déjà mentionné que les chartes moldaves ne portent pas de souscription.

Dans le plus ancien diplôme serbe, celui d'Étienne Némanja au monastère de Chilandar, la souscription se compose d'une croix autour de laquelle on lit: *кръсть ГИМНОНОВЪ И ПОДПИСАНИЕ*; la même formule revient dans la souscription du frère de Némanja, Mirosлав, sur une charte latine (traité avec les Ragusains de 1190) ainsi que sur le diplôme d'Étienne le Premier-Couronné en faveur de Chilandar. Ainsi que l'a observé, dans un récent et beau travail, M. MILKO KOS, cette forme de souscription est empruntée aux actes byzantins de droit privé, où les souscriptions des témoins étaient conçues: *† σίγνον* N. N., ou bien *† σίγνον μάρτυρος* N. N., « Lorsque les Némanjides prirent le titre de roi ils abandonnèrent cette forme de souscription et en adoptèrent d'autres qui convenaient mieux à leur dignité royale. »³⁴

C'est encore en Serbie que l'on trouve une intéressante imitation de la souscription des *προστάγματα* byzantins: dans quelques diplômes, fort rares, des tsars Dušan et Uroš la signature est remplacée par la date ajoutée au bas du diplôme en rouge.³⁵

* *

Étroitement liés à l'objet de notre étude sont les diplômes en langue grecque des princes bulgares, serbes et roumains.

On sait que plusieurs princes serbes de la seconde moitié du XIVe siècle, comme Dušan, Uroš, Uglješa,³⁶ possédaient, à côté de leur chancellerie slave, une chancellerie grecque, et ces actes grecs nous sont parvenus en assez grand nombre. JIREČEK semble croire que la Serbie possédait une chancellerie grecque dès le commencement du XIIIe siècle; il signale la correspondance bien connue du roi Radoslav avec l'archevêque d'Achris Démétrios Chomatianos.³⁷ Mais rien ne prouve que ces lettres (en admettant qu'elles n'aient pas été traduites du serbe, mais originairement conçues en grec) émanent de la chancellerie officielle et qu'elle n'ont pas été rédigées par un envoyé de l'archevêque d'Achris.

Quant à la Bulgarie, A. PAPADOPOULOS-KERAMEUS a publié, en 1891, trois

³³ *Stanojević*, Глас, CVI, p. 33.

³⁴ *M. Kos*, Дубровачко - српски уговори до средине 13-ог века, Глас, CXXIII (1927), pp. 8—9.

³⁵ *Stanojević*, Глас, CVI, pp. 42—43.

³⁶ Je ne parle pas des Némanjides de Thessalie, dont on ne connaît que des chartes grecques.

³⁷ *Jireček*, Die mitt. Kanzlei der Ragusaner, Archiv für slav. Philologie, XXVI, pp. 163—164. L'opinion de Jireček est adoptée aussi par *Stanojević*, Глас, CVI, p. 82, note 3 et par B. G[ранић], Byz. Zeitschr. XXXI (1931), p. 138.

diplômes grecs de souverains bulgares de la seconde moitié du XIVe siècle;³⁸ mais ces diplômes ont été jugés faux par MUTAFČIEV.³⁹ Par contre on vient de découvrir dernièrement un σιγίλλιον grec du despote bulgare Slav (1220).

Enfin, dans les principautés roumaines apparaissent également des diplômes en grec à l'époque phanariote.

Toutefois, autant qu'un examen sommaire permet de le constater, il ne semble pas que les formulaires slaves aient exercé une influence appréciable sur les chartes grecques des princes bulgares, serbes et roumains.

³⁸ *Papadopoulos-Kerameus*, 'Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, I, St. Pétersbourg 1891, pp. 467—471.

³⁹ *Mutaftićev*, Къмъ историята на Месемврийскитѣ манастири, Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски, Sofia 1925, pp. 163—182.

POSUDKY — COMPTE-RENDUS.

FRANZ DÖLGER, *FACSIMILES BYZANTINISCHER KAISERURKUNDEN*. 67 *Abbildungen auf 25 Lichtdrucktafeln aus dem Lichtbilderarchiv der Bayrischen Akademie der Wissenschaften zusammengestellt, beschrieben, erläutert und in Umschrift wiedergegeben. Mittel- und neu-griechisches Seminar der Universität München, 1931, pp. VI, 67 in folio et un album de 25 planches.*

L'album publié par le Professeur Dölger contient la reproduction en phototypie de 58 chartes dont une bonne partie sont reproduites en entier. L'éditeur a eu soin de donner des exemples particulièrement caractéristiques de toutes les espèces de chartes en usage à Byzance. Les deux premières phototypies reproduisent un rescrit de THÉODOSE II (N° 1) sur papyrus et la célèbre « lettre de St Denis » (N° 2) ; ce dernier document est une lettre sur papyrus d'un empereur byzantin du XIe siècle à un prince franc. Après le $\kappa\omega\delta\acute{\iota}\kappa\epsilon\lambda\lambda\omicron\varsigma$ de CHRISTODULE (N° 3) auquel M. Dölger avait déjà consacré une savante monographie analysée ici même,¹ vient la reproduction de cinq « Auslandsbriefe » (N°s 5—10) d'empereurs byzantins à des souverains étrangers, de trois traités byzantino-vénitiens (N°s 11, 13, 14), d'un exemplaire de l'Union de Florence (N° 15) et d'un $\pi\rho\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\beta\omicron\upsilon\lambda\lambda\omicron\nu$ $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\lambda\omicron\nu$ (lettre de créance) pour les négociateurs byzantins du traité avec Venise de 1362 (N° 12).

Ces quinze premières reproductions sont particulièrement bien choisies pour montrer les diverses espèces de chartes que la chancellerie byzantine employait pour les relations extérieures. Les reproductions qui suivent présentent des documents employés pour l'administration intérieure. Ce sont d'abord des chrysobulles dont le plus an-

cien est celui de MICHEL VI en faveur du monastère de Lavra, de l'année 1057 (N° 17). Parmi les chrysobulles reproduits par Dölger figure (N° 23) le premier diplôme (1058) d'ALEXIS I en faveur du monastère de Chilandar. Signalons aussi la reproduction du chrysobulle délivré par CONSTANTIN PALÉOLOGUE aux Ragusains (N° 35). Comme il ne s'est pas conservé de chrysobulles de JEAN TSIMISCÈS et de JEAN COMNÈNE, M. Dölger a cru utile de reproduire les signatures (Namensunterschrift) de ces deux empereurs sur deux typikons, à savoir celui du Mont-Athos et celui du monastère constantinopolitain de Pantokrator (N°s 16, 21). Remarquons à ce propos que dans sa nouvelle publication, M. Dölger considère le fameux typikon de TZIMISCÈS pour le Mont-Athos² comme un original, abandonnant son opinion antérieurement émise, d'après laquelle ce serait une « Nachzeichnung ».³

Après avoir donné trois exemples (N°s 39—41) de copies officielles (Kanzleikopie), et d'un type particulier de chartes le $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\beta\omicron\upsilon\lambda\lambda\omicron\nu$ $\sigma\iota\gamma\acute{\iota}\lambda\lambda\iota\omicron\nu$ (N°s 42—43), M. Dölger passe à la grande catégorie des $\pi\rho\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ (N°s 44—58). La fixation de la date des $\pi\rho\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ offrait jusqu'ici aux éditeurs et aux historiens des difficultés extrêmement sérieuses, car ces documents ne portent ni l'indication de l'année ni le nom de l'empereur ; on sait que l'empereur n'y ajoutait de sa propre main que l'indication du mois et de l'indiction. Les Byzantins eux-mêmes n'avaient le plus souvent d'autre moyen pour distinguer les $\pi\rho\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ des divers empereurs que les traits individuels de la

¹ Voir plus haut pp. 500—10.

² C f. sur ce typikon : Byzantinoslavica, I (1920), p. 247.

³ F. Dölger, der Kodikellos des Christodulos. Archiv für Urkundenforschung, XI (1929), p. 62.

souscription autographe. Or M. Dölger est arrivé à nous donner des exemples de souscription sur des *προστάγματα* de tous les empereurs depuis THÉODORE I LASCARIS jusqu'à CONSTANTIN PALEOLOGUE, à l'exception de THÉODORE II et de JEAN CANTACUZÈNE. On devine quels trésors d'érudition et de patience a nécessité l'exacte attribution aux divers empereurs de cette espèce de documents; mais de cette manière M. Dölger a rendu un immense service aux recherches historiques et à l'avenir les documents de cette catégorie pourront ainsi être datés avec certitude.

Après les *προστάγματα* M. Dölger reproduit (N° 59) une lettre de l'empereur latin de Constantinople BAUDOIN II (1242); la lettre est en latin, mais, chose curieuse, elle porte à l'imitation des *προστάγματα* la souscription en rouge: *μηνὶ αὐτῷ γ(ούσ)τ(φ)*. Ce fait paraîtra d'autant plus étonnant si l'on pense que le type du *πρόσταγμα* n'a pas été imité par les souverains de la Bulgarie et de la Serbie;⁴ ce n'est que dans quelques rarissimes diplômes des tsars DUŠAN et UROŠ que l'on peut constater des souscriptions, imitées des *προστάγματα*, avec l'indication du mois et de l'indiction; mais ces deux souverains serbes se considéraient comme des empereurs des Serbes et des Grecs et employaient aussi des diplômes en langue grecque rédigés exactement selon le modèle byzantin; aussi le terme *πρόσταγμα* apparaît-il dans le Code de DUŠAN. Il semble donc que, sauf DUŠAN et UROŠ, les autres souverains bulgares et serbes aient hésité à imiter un type de documents dont l'emploi, à Byzance même, n'était pas permis aux coregents associés au pouvoir mais restait toujours le privilège exclusif de l'empereur principal, et qui constituait ainsi, malgré sa simplicité extérieure, quelque chose de

tout-à-fait particulier. Tel était le prestige qu'avait aux yeux des Bulgares et des Serbes, malgré sa croissante faiblesse, le souverain qui régnait, entouré d'une auréole divine, à Carigrad! Bien entendu les empereurs latins de Constantinople n'avaient pas de ces scrupules; peut-être même ont-ils désiré, en adoptant cette manière de souscrire, légitimer leur pouvoir; mais à l'encontre des souverains slaves des Balkans, ils ne semblent pas avoir adopté le chrysobulle.

Les dernières reproductions (N°s 60—67) de l'album de M. Dölger présentent des exemples de « signatures d'enregistrement », de bulles d'or et d'autres particularités caractéristiques du mécanisme de la chancellerie byzantine.

On voit par ce qui précède l'importance que l'album en lui-même présente pour les études byzantines; mais cette importance est sensiblement accrue par le texte qui accompagne l'album. Le texte débute par une introduction (pp. 2—7), où M. Dölger donne un coup d'oeil général sur l'évolution de la diplomatie byzantine, en énumérant et en caractérisant les principaux types de documents en usage à Byzance. Dans cette introduction, M. Dölger s'appuie surtout sur sa propre monographie consacrée au *κωδικέλλος* de Christodule; mais son exposé, plus systématique et plus clair que dans la monographie précédente, sera extrêmement utile à ceux qui désirent s'initier aux questions fondamentales de la diplomatie byzantine.

Après cette introduction, M. Dölger donne de chaque document reproduit la description, la transcription et le commentaire. Le commentaire dépasse le plus souvent les cadres de la diplomatie pour entrer dans une foule de questions obscures de l'histoire administrative de Byzance; ceux qui connaissent la profonde familiarité de l'auteur avec ces problèmes, devineront aisément l'érudition déployée dans

⁴ Voir plus haut pp. 503—4.

ce commentaire et regretteront presque que tant de résultats nouveaux sur des points importants et obscurs de l'histoire intérieure, soient enfouis dans ces 67 énormes et compactes pages, où ils risquent fort de passer inaperçus. Un fait du reste suffit à lui seul pour faire comprendre le profit que presque toutes les branches de la byzantinologie tireront de la nouvelle publication de l'éminent savant: Parmi les 58 documents reproduits, transcrits et commentés par Dölger, figurent dix diplômes byzantins complètement inédits; en voici la liste:

N° 25: Chrysobulle d'ANDRONIC II du mois d'Octobre 1321, conservé aux archives du monastère de Koutloumousiou (Mont-Athos).

N° 26: Chrysobulle de MICHEL IX en faveur du monastère d'Ivion (Août 1310).

N° 32: Chrysobulle de JEAN V en faveur de Manassès Tarchaneiotes (Mai 1378) conservé au monastère de Lavra.

N° 34: Chrysobulle de JEAN VII en faveur de Σάμπιας Ραδοσδλάβος du mois de Juin 1405, conservé au monastère de St Paul.

N° 39: Chrysobulle de NICÉPHORE BOTANIATE en faveur du monastère d'Ivion du mois d'Août 1079 (copie officielle).

N° 43: Χρυσόβουλλον σιγίλλιον d'ANDRONIC III en faveur de Jean Calothète (Avril 1328) conservé au monastère de Vatopédi.

N° 47: Protagma d'ANDRONIC II en faveur du monastère de Xéropotamou.

N° 51: Protagma de JEAN V en faveur de Démétrius Kokalas, conservé au monastère de Lavra.

N° 53: Protagma d'ANDRONIC III en faveur du monastère de Lavra (Décembre 1338).

N° 55: Protagma de JEAN VII en faveur du monastère de Vatopédi (14 Septembre 1404).

On voit que M. Dölger ne s'est pas borné à jeter les bases d'une « diplomatie byzantine » qui manquait jusqu'ici; sa nouvelle publication constitue certainement un des ouvrages les plus importants qui aient paru depuis la Guerre dans le vaste domaine des études byzantines.

M. Lascaris.

LITURGIA. ENCYCLOPÉDIE POPULAIRE DES CONNAISSANCES LITURGIQUES. *Publiée sous la direction de l'ABBÉ R. AIGRAIN, professeur aux Facultés catholiques de l'Ouest. Paris, Bloud et Gay, 1931, XV a 1141 str.*

Není pochyby, že památka tak osobitá a pozoruhodná a přesto v slovanské filologii poměrně tak opomíjená, jako je Sinajské euchologion, může býti skutečně a plně filologicky pochopena — stejně jako všechny ostatní hojné a nevyužité pozdější liturgické rukopisné texty církevněslovanské — jen za cenu plného zřetele i k celému jejímu obsahu. Ten ovšem je těžko přístupný, neboť se mimo jiné různorodé otázky dotýká i složitých a filologovi odlehlých problémů liturgických. Laický slovanský filolog uvítá tedy rád summu základní liturgické informace, již se mu dostává v obsáhlé francouzské vulgarisační liturgické encyklopedii *Liturgia*, kterou vydalo letošního roku po obdobném sborníku *Ecclesia* z r. 1927 pařížské nakladatelství Bloud et Gay.

Tato kniha, třeba že shrnuje příspěvky nestejné hodnoty a ukládá si cíl jednak vulgarisační, jednak citově náboženský, obsahuje několik věcně pozoruhodných kapitol a některé cenné odkazy bibliografické. Vyrostla z obecného obrození liturgických studií katolických, vyvolaného na evropském západě papežem Piem X. a jeho *Motu proprio*. Tomuto liturgickému hnutí je věnován v úvodě stručný přehled, v němž však přese všechnu jeho stručnost neměl chybět aspoň časopis pro liturgická studia tak zásadního významu

jako je O. Caselův *Jahrbuch für Liturgiewissenschaft*, vydávaný již přes deset let benediktinským opatstvím v Maria-Laach.

Liturgia, která je látkově mnohem obsáhlejší než starší obdobná německá publikace *Die betende Kirche*, vydaná benediktiny z téhož Maria-Laach, se dělí ve čtyři části a dodatek: I. *Obecné zásady*. 1. Liturgie a teologie. 2. Liturgie a kanonické právo. 3. Liturgie a duchovní život. II. *Osoby a věci*. 4. Liturgické osoby. 5. Kostel. 6. Oltář. 7. Úprava oltáře. 8. Kostelní zařízení. 9. Posvátné nádoby. 10. Liturgická roucha. 11. Liturgické texty (P. H. RABOTIN: Roztřídění textů; hlavní typy modliteb; prameny liturgických textů; užití textů; obecné formule). 12. Liturgický ceremoniál. 13. Liturgické knihy (P. G. DURET: misál; breviář; martyrologium; pontifikál; ceremoniál biskupů a rituál). 14. Gregoriánský zpěv. 15. Polyfonní hudba v rámci bohoslužby. III. *Liturgie a liturgické úkony*. 16. Liturgie římská. 17. Římská mše. 18. Římská bohoslužba (L'Office). 19. Církevní rok. 20. Svátosti. 21. Svátostiny. 22. Západní liturgie neřímské. 23. Liturgie východní [S. SALAVILLE: Skupiny liturgií, východní mše, bohoslužba (L'Office)]. P. ROUËT DE JOURNEL: Svátosti]. IV. *Liturgický život a duch*. 24. Liturgie v křesťanském životě. 25. Liturgická výchova. 26. Genius liturgie. *Dodatek*: Slovník hlavních liturgistů.

Oboru studií byzantsko-slovanských se bezprostředně týkají ovšem jen příspěvky S. SALAVILLŮV a R. de JOURNELŮV o liturgiích východních. Pro informaci o vývoji a především o nynějším stavu východních obřadů a církví dosud nejlepší francouzskou příručkou byla kniha R. JANINA A. A.: *Les Églises orientales et les rites orientaux* (Paris, Maison de la Bonne Presse, 2. vyd. 1926, XII a 655 str.). Výklad učeného asumptionisty a vydavatele cenných *Échos d'Orient* S. SALA-

VILLA však i při své stručnosti vyniká nad výklad Janinův svojí jasnou a doloženou přehledností charakteristických zvláštností východních liturgií. Naproti tomu výklad R. de JOURNELA S. J. o svátostech ve východních církvích nepřináší po Janinovi v podstatě nic nového a nechává také stranou všechny věci sporné. Úplně však v celém sborníku chybí výklad o svátostinách církví východních. Je to meze-
ra, jež je důsledkem známého nebezpečí, je-
muž jsou vystavena díla sborníková. Tomu
neunikla ani *Liturgia*, kde zmíněná meze-
ra je skutečně citelná, a to tím více, že právě
francouzská liturgická literatura se může
v tomto předmětu vykáhati na př. řadou
poutavých a živých studií, jež svého času
otiskl ve starších ročnících *Échos d'Orient*
L. ARNAUD A. A. A. cítit bude tuto
mezeru i slovanský filolog, zajímající se
o ně se zřetelem k Sínajskému eucharistii.

Důsledkem opomenutí celé kapitoly o svátostinách na východě je, že v celém svazku nenacházíme nic m. j. dokonce ani o východním obřadu epifanie, ačkoliv je to svátek a obřad pro východní církev charakteristický, na východě vznikl a ve východních církvích se uchoval až dosud, ba místy pronikl i do zvyků lidových; podle slov jednoho z předních dnešních francouzských liturgistů, P. de PUNIETA O. S. B., smysl obřadu a jeho text je jedním z nejzajímavějších z řecké liturgie vůbec a »staří hodnotili jeho krásu do té míry, že všechny východní obřady jej přijaly jeden po druhém a dnes ještě se opakuje každý rok v předvečer nebo v den epifanie ve všech liturgických jazycích východu« (*Revue bénédictine*, XXIX, str. 29—46). Východní obřad epifanie byl předmětem zajímavých a důležitých liturgických diskusí jednak o původ jeho textů a z nich zejména o autorství hymnu, který nese jméno sv. Sofronia Jerusalemského, jednak a hlavně o smysl tohoto obřadu, jehož konkrétním obsahem je svěcení vody a jenž v důsledku společného koupání se vě-

řících na ten den v některých krajinách, zejména v Habeši, byl někdy vykládán jako znovukřtění. O této otázce uvažovali již od XVI. st. M.-A. COLUMNA, J. A. ASSEMANI, LUDOLF, G. OERTEL, H. DENZINGER, G. ROHLFS, C. von ARNHARD a j. Ústřední a hlavní část tohoto obřadu, totiž modlitba Μέγας εἰ, Κύριε, καὶ θαυμαστὰ τὰ ἔργα σου, jež je připisována Proclovi Cařihradskému, dosáhla takového rozšíření po celém křesťanském východě, že ji nacházíme doloženu nejen ve znění řeckém, nýbrž také ve znění arménském, syrském, koptským a habešským. A doloženo ji máme také ve znění staroslověnském *Благі єси, Гі, і чю-дана дѣла твоѣ* v Sinajském euchologiu (3 b a d) jako vůbec do tohoto výlučně východního, byzantského rámce, jenž vším, povahou i texty, se zcela liší od obdobného obřadu západního, se hlásí všechno to, co z tohoto obřadu zbývá na samém počátku zlomku Sinajského euchologia, jak je vydán L. GEITLEREM. — O celé této otázce, jež má tedy pro slovanského filologa svoji důležitost, nenajde čtenář, jak již řečeno, v *Liturgia* nic.

Vítáný je v dodatku *Slovník hlavních liturgistů* (str. 1033—1088), podávající hlavní životní data a díla liturgistů od dob nejstarších až po žijící současníky (exclusive) a uvádějící i staré texty anonymní; je ovšem litovati, že z liturgistů slovanských uvádí jen Petra Mohilu a konvertitu P. J. Martinova S. J.

Bibliografie mohlo býti mnohem více, již zřetelem na to, že laik, jemuž je kniha určena, má nevyhnutelně velké obtíže při pronikání do otázek tak spleťitých, oboru tak rozsáhlého jako jsou dějiny liturgie. Do bibliografických odkazů vloudila se

místa některá nedopatření. Tak S. Salaville v poznámce k euchologiu Serapionovu ze IV. stol. (str. 879) praví, že tento text byl objeven A. Dmitrijevkým r. 1895 a vydán nejprve v jeho *Εὐχολόγια* a pak Wobberminem v *Texte und Untersuchungen*. Dmitrijevkého *Εὐχολόγια* však vyšla až r. 1901, kdežto vydání G. WOBBERMINA (*Altchristliche liturgische Stücke aus der Kirche Ägyptens nebst einem dogmatischen Brief des Bischofs Serapion von Thmuis; Texte u. Untersuchungen*, Neue Folge, II. Band, Heft 3b, Leipzig, 36 str.) je již z r. 1899. Vedle toho z rukopisu č. 149 (XI. st.) knihovny lavry sv. Athanasia na Athose, v němž G. Wobbermin toto nejstarší známé euchologion našel na listech 7v.—24v., Dmitrijevkij v *Εὐχολόγια* nevydal nic, ačkoliv podává výpisky celkem z 19 rukopisů tohoto kláštera.¹

U J. GOAROVA *Euchologia* (str. 1060), jehož přesný název zní *Euchologion sive Rituale Graecorum*, je uveden jen rok prvního vydání, jež je v Paříži ovšem nejobvyklejší. V cizině je však více užíváno vydání druhého, posmrtného, jež vyšlo v Benátkách r. 1730.

Přes tyto všechny, ostatně skoro vesměs drobné výhrady, je *Liturgia* kniha užitečná, již bylo třeba a jež laikům ušetří mnoho tápání a nejistoty, času i úsilí v oboru, do něhož se těžko vniká.

Jan Frček.

ANALECTA BYZANTINA, edita cura societatis litterarum posnaniensis. Fasc. I. JO-ANNIS KYRIOTIS GEOMETRAE HYMNII IN SS. DEIPARAM recensuit prolegomenis instruxit JOANNES SAJDAK. Posnaniae 1931 sumptibus societatis litterarum posnaniensis. Auxilio ministerii instructionis publicae.

¹ Ve skutečnosti byl Serapionův text vydán opravdu nejprve A. Dmitrijevkým, ale v *Trudích* kijeveské duchovní akademie, a sice r. 1894, 2. sv. (zvl. otisk má 32 str. a je datován r. 1894). Tato publikace tehdy ušla pozornosti evropské odborné veřejnosti, takže Wobberminovo vydání Serapiona bylo považováno za vydání první. Na skutečný

stav věcí upozornili E. Kurtz v B. Z. a L. Petit v *Echos d'Orient* III (1899—1900) str. 50—51, který srovnal obě vydání a zjistil, že vydání Wobberminovo je lepší. Toto vydání Dmitrijevkého měl tedy asi na mysli S. Salaville soudě podle jeho odkazu na zmíněný článek L. Petitův. odkud i my, při nepřístupnosti publikací kijeveské duchovní akademie, берeme tyto údaje.

Первый выпуск *Analecta Byzantina* издаваемый Научным Товариществом в Познани дает новое издание грснопѣній в честь Богородицы Іоанна Геометра, византийскаго писателя конца X-го вѣка. Общество поставило себѣ цѣлью критически воспроизводить с необходимыми комментаріями византийскіе тексты, пока что религіознаго характера. Слѣдующій выпуск, выходящій также трудами извѣстнаго польскаго византиниста ЯНА САЙДАКА, будет посвящен византийским схоліям к Григорію Назіанзину.

САЙДАК переиздает текст, коллаціонировав его по цѣлому ряду рукописей (см. ниже) и с многочисленными разночтеніями. Это — 5 гимнов в честь Пресвятой Богородицы, Триметры и Ямбическіе стихи. Отдѣльно (р. 79—89) прилагается перевод этих произведеній на латинскій язык их перваго издателя F. MORELLUS'a. Значительно удобнѣе для изученія было бы параллельное приведеніе греческаго текста и латинскаго перевода, как это обычно дѣлается.

Изданіе текста сопровождается богатым критическим аппаратом. В предисловіи САЙДАК указывает, что занимаясь студіями о Григоріи Назіанзинѣ он натолкнулся в рукописях на произведенія Іоанна Геометра и проникся убѣжденіем в необходимости изданія их, т. к. они имѣют важное значеніе для изученія византийской культуры X-го вѣка. В примѣчаніях Сайдак приводит литературу об Іоаннѣ Геометрѣ. Имя его он производит от τὰ Κύρου, района Константинополя, гдѣ обитало семейство поэта или находился монастырь в котором он постригся. Прозвище геометр он производит от μετρέει τὴν γῆν, т. е. путешествовать не имѣя средств, в новогреческом же γεωμέτρης называют просто бродяг. Это объясненіе расходится с даваемым прозвищу Геометра КРУМБАХЕРОМ и ВАСИЛЬЕВСКИМ. Последній установил, что Іоанн происходил из знатной семьи, был в міру протоспааіріем и что, быть может, возможно его отождествить с епископом мелитенским Іоанном.¹ Прозвище же Геометр стоит в связи

с его научными занятіями. Объясненіе это оставлено Сайдаком без надлежащаго вниманія и в статьѣ по этому вопросу в *Byzantion*. (VI, 1931. p. 343 sq. Que signifie *Κυριότης Γεωμέτρης* ?). В слѣдующей части «*De Nymnogram codicibus*» Сайдак дает описаніе 11 рукописей XIII—XVII вв., содержащих в себѣ издаваемые произведенія Іоанна Геометра, и устанавливает их взаимоотношенія.

В «*Nymnogram editio principis*» Сайдак останавливается на первом изданіи Фридриха Морелла, вышедшем в Парижѣ в 1591-ом году по рукописи, хранящейся в Парижской Публичной Библіотекѣ. Большая часть изданнаго была переиздана у MIGNE, *Patrologia graeca*, т. 106; приводится ряд измѣненій и поправок, внесенных Мореллом в текст печатнаго изданія, сравнительно с рукописью, которой он пользовался.

В слѣдующем большом отдѣлѣ (р. 31—58) Сайдак касается вопроса о значеніи в литературѣ гимнов Іоанна Геометра. Первые четыре из них *ὑμνοὶ τῆς τοῦ*, пятый азбучный акростих. Среднія два стихотворенія представляют из себя, по словам издателя, один общій Триптих в честь Святой Троицы. Для сравненія приводятся другія произведенія того же автора в честь Благовѣщенія и Дѣвы Маріи, из собранія эпиграмм, стихи на правила св. Григорія Назіанзина и также нѣсколько глав из проповѣди на праздник Благовѣщенія. Отмѣчается также излюбленность темы восхваленія Пресвятой Богородицы в византийской литературѣ. Для иллюстраціи приводятся стихи Мануила Фила. Особо Сайдак останавливается на развитіи этого рода литературы, начиная с Ефрема Сирина, приводит он также средневѣковыя латинскія грснопѣнія. Наконец дается и сравнительная таблица, встрѣчающихся в латинских гимнах и у Іоанна Геометра эпитегов Божей Матери, что объясняется значеніем, которым пользовался Іоанн Геометр

¹ *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Literatur. München. 1897. p. 731 sq.. Васильевскій, Русско-византийскіе отрывки. II. К исторіи 976—986 годов. Журнал Мин. Нар. Просв. 1876. т. 184. p. 162 sq.

и в латинской церкви. (р. 55). Это же можно сказать и о восточной. Ни в греческой, ни в латинской литературѣ нѣтъ хαιρετισμοί стоящих на такой высотѣ аргументаціи, как у Іоанна Геометра. Что его в средніе вѣка признавали мастером в этой области подтверждается эпиграммой «архіерея Магасуила», находящейся в трех рукописях при гимнах.

В концѣ этого образцоваго изданія приложены указатели: 1) слов не встрѣчающихся в словарях средневѣковаго греческаго языка; 2) цитат из Священнаго Писанія; 3) приводимых рукописей; 4) имен и предметов; 5) новѣйших авторов, на которых дѣлаются ссылки. М. Андреева.

A. VAILLANT, DE AUTEXUSIO DE MÉTHODE D'OLYMPE, *version slave et texte grec édités et traduits en français*. Paris 1930, XCV+165 p.

К числу важнейших очередных задач славянской филологии относится систематическое и критическое издание памятников древнецерковнославянской литературы. Я имею в виду здесь не те рукописные глаголические и кирилловские тексты X—XI в., которые, как главные источники наших сведений о языке Кирилла и Мефодия, почти все уже дождалось вполне научных публикаций¹, а оригинальные и переводные произведения болгарских писателей эпохи царя Симеона. Хотя они дошли до нас не в подлинниках, а в сравнительно очень поздних, преимущественно русских списках, их историко-литературное значение громадно и притом не только для судеб славянской письменности, но и греческой. Тем более остро славист чувствует отсутствие таких их изданий, которые, кроме их точного текста, содержали бы в себе и весь необходимый для их понимания аппарат. К стыду славянской филологии, несмотря на ее свыше, чем столетнее, существование, для удовлетворения этой потребности не сделано почти ничего, и она до сих пор не может похвалиться изданиями *opera omnia* даже таких корифеев

древнеболгарской литературы, как величский епископ Климент или экзарх Болгарии Иоанн. Но если произведения этих писателей изданы, все-таки, частично, хотя и очень несовершенно, то про анонимные произведения, — а они составляют громадное большинство, — нельзя сказать даже этого: за немногими исключениями, вроде Хроники Георгия Амартола, столь образцово изданной недавно акад. ИСТРИНЫМ,² все они остаются погребенными в рукописях.

При таких обстоятельствах, нельзя не приветствовать появление на страницах XXII т. «Patrologia orientalis» трактата Мефодия Олимпского «Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου» в древнеболгарском переводе. Мы обязаны этим известному французскому слависту А. VAILLANT'у, который не пожалел ни времени, ни кропотливѣйшаго труда на то, чтобы одно из самых глубокомысленных произведений греческой мудрости явилось в форме, вполне достойной его значения. Его задача, правда, была в значительной степени облегчена тем, что почти вся предварительная и черновая работа задолго до него была проделана BONWETSCH'ем, который не только реставрировал греческий оригинал в двух критических изданиях (1891 и 1917 гг.), но и приготовил древнеславянскую копию по четырем рукописям XVI—XVII в. Но заслуга французского слависта от этого нисколько не умаляется: ведь в основу своего издания³ он положил не копию BONWETSCH'а, приготовленную по списку Моск. Ист. Музея № 110 (б. Син.), а гораздо более совершенный Толстовский список Ленингр. Публ. Библ. (Q. I. n. 265), специально для него сфотографированный. Само собою разумеется, VAILLANT тщательно при этом использовал все варианты, подобранные BONWETSCH'ем к славянскому тексту, а также предложенные им его эмендации, но он сделал это критически,

¹ Исключение составляет только Синайский требник, с которым слависты принуждены знакомиться все еще по весьма неточному изданию Гейтлера.

² См. Slavica, IX. 801.

дополнив текст новыми вариантами и исправив его целым рядом новых же, по большей части, весьма удачных конъектур. Таким образом, работа VAILLANT'a носит вполне самостоятельный и почти независимый от его немецкого предшественника характер.

Но VAILLANT сделал все не только для того, чтобы опубликованный им трактат греческого мыслителя явился пред читателями в наиболее надежном виде, но и во вполне удобочитаемой и удобопонимаемой форме. Для последней цели, параллельно со славянским переводом, слишком буквальным и потому нередко непроницаемо-темным, он напечатал его греческий оригинал. Не удовлетворившись этим, очень просто открывающим почти все тайны славянского текста ключом, VAILLANT под строкой обоих текстов поместил очень точный, изящный и вполне литературный французский перевод рассуждения; еще ниже этажом размещены варианты и трудные места обоих текстов, при чем последние посылно объясняются; не мало облегчают трудности изучения памятника два приложенных к нему обстоятельных глоссария, славяно-греческий и грекославянский.

Так как книга издана не для широкой публики, а для довольно тесного круга специалистов, то, по нашему мнению, этим вспомогательным аппаратом VAILLANT и мог бы ограничиться: он вполне достаточен для правильного понимания и интерпретации славянского текста. К сожалению, в своем желании сделать последний как можно вразумительнее французский славист пошел слишком далеко, систематически раскрывая титла славянского текста, устранив некоторые надстрочные знаки и даже вводя интерпункцию греческого типа. Едва-ли все это можно одобрить. Не говоря уже о том, что указанные палеографические аксессуары сообщают памятнику колорит эпохи, они не лишены значения и для решения вопроса об орфографической школе, к которой принадлежит издаваемая рукопись. С другой стороны, в интересах будущего *Thesaurus*

linguae palaeoslovenicae, мы хотели бы найти в книге не простые глоссарии, а полный указатель всех встречающихся в славянском тексте слов и их форм: объем памятника не велик, и потому такой словоуказатель едва-ли усложнил-бы слишком издание.

Высокой ценности нового труда французского слависта не мало способствует обширное введение к книге. В сущности, это целое исследование о Мефодии Олимписком как авторе рассуждения «О свободе воли» (*De autexusio*). Сообщив в первой главе краткие биографические сведения об этом отце церкви († ок. 311), VAILLANT в следующей главе, после беглого обзора содержания диалога, подробно излагает его литературную историю, а также определяет его место в греческой патристике; в третьей главе автор решает вопросы рукописного предания греческого оригинала, чтобы в IV-ой перейти к сравнительной оценке всех дошедших до нас 8 списков его славянского перевода; V-ая глава посвящена обширному и всестороннему описанию языка славянского перевода, при чем автор особенно подробно останавливается на его синтаксических и фразеологических особенностях. На основании этих данных, в частности словаря, окрашенного в яркий восточно-болгарский цвет, VAILLANT в VI-ой главе с полным правом приурочивает перевод трактата к эпохе царя Симеона, ставя его славянский текст в один ряд с «Словами Григория Назианзина», «Правилами св. Вас.», «Златоструем» и т. п. памятниками. Наконец, в последней, VII-й главе автор перечисляет главные добавки и глоссы славянского переводчика, а также позднейших переписчиков рукописного текста.

Лингвистический отдел книги составлен с такою обстоятельностью и с таким знанием дела, что из наблюдений автора лишь очень немного вызывает на спор. Так, напр., было бы осторожнее исключить из числа примеров мены *ъ* и *ѣ* формы с основой *тѣмъ* (р. XXXV), так как корень ее

пишется с е и во многих других древнейших русских памятниках. Кажется, морфологические факты представляют и формы дат. п. *тѣи, сѣи* (ср. СОБОЛЕВСКИЙ, Очерки I, 28 et pass). Совершенно недостоверны все примеры «аканья»: *плаваши* заключает в себе праслав. корень *plav-*, вполне естественный в глаголе *iterativn'o*го значения; наоборот, в *въпросати* первоначальное *a* заменено через *o* под влиянием *въпросити*; *многждѣ* образовано по аналогии *двождѣ*. В числе примеров группы *жд* (< *dj*) по недоразумению приведено *кожѣ* (р. XXXIX), которое, как известно, есть простое графическое сокращение *къждѣ*. Недоумение вызывают также слова «l'émancipation nationale des Bulgares et des Macédoniens» (р. XC): разве произведения, написанные в X в. этими «македонцами», не были по языку болгарскими?!

В заключение еще одна мелочь: на стр. 8 автор, печатая отрывок церковнославянского перевода из Гомера:

ѣкоже мнѣ пѣцннѣ видѣше рыбѣстѣбѣицею, не обратил внимания, что в соответствующем стихе греческого оригинала

ὡς δ' ἄνθρωποι δύο πόντων οὐρίωντες ἰχθυόεντα слова *мнѣ* и *видѣше* не имеют соответствия. Все, однако, окажется в порядке, если мы *мнѣ* исправим в *морѣ*, а *видѣше* в *денжаше*.

Не смотря на эти и подобные недосмотры, труд VAILLANT'a следует признать *стандартным*. О если бы за этой первой ласточкой, которая, конечно, еще не делает «весны» в деле издания памятников «Золотого века» древнецерковнославянской литературы, поскорее прилетели и другие!

Г. Ильинский (Москва).

СЕЛИЩЕВ, А. СЛАВЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В АЛБАНИИ (с иллюстрациями в тексте и с картой Албании). Издание Македонского Научного Института. София 1931, VIII + 351 стр.

Год тому назад мы имели случай обратить внимание читателей на замечательный труд проф. А. М. СЕЛИЩЕВА о северо-маке-

донской области Полог.¹ Теперь с большим удовольствием мы можем поделиться нашими впечатлениями от его новой столь же капитальной монографии, посвященной на этот раз славянскому населению в Албании.

Речь идет здесь, конечно, не о славянских колониях в современной Албании, но вообще о судьбах славянского элемента на албанской территории с древнейших времен до конца XIX в. Что славяне уже в первые века своего расселения по горам и долам Балканского полуострова широкой волной залили и значительную часть тогдашней Албании, — это давно известный факт. Но великая заслуга московского профессора состоит в том, что он первый из славистов не только свел в одно стройное целое все существенное, что было сделано в научной литературе по данному вопросу, но и привлек для его решения новый тщательно обработанный материал, чрезвычайно ценный уже тем, что он уже по самой своей природе является абсолютно объективным. Это, во-первых, многочисленные славянские слова, в разное время заимствованные албанцами и доньше бытующие в их языке; во-вторых, столь же частые на территории исторической Албании топографические названия славянского происхождения. И тот и другой материал автор изучает в строго-хронологической перспективе, но не *en masse*, а распределив их на разные группы по признакам географическим и культурно-бытовым. Благодаря этому, мы получаем яркое представление не только об амплитуде славянского расселения, но и о размерах культурного влияния на оттесненных славянами в горы албанских туземцев. Кто же были эти славянские культуртрегеры по своему этническому происхождению? Ответ на этот вопрос дает характеристика славянской речи в Албании, сделанная проф. СЕЛИЩЕВЫМ на основании анализа славизмов албанского словаря, а также «языка земли» самой современной Албании. Она вполне

¹ Byzantinoslavica II, 440.

подтверждает известие средневековых историков, что славяне, покрывшие своими поселениями равнины и долины Албании, в своем преобладающем числе принадлежали к *болгарскому племени*, колонизационная волна которых двигалась, главным образом, с юго-запада; только Скадрский район, да еще немногие места к западу от Черного Дрина заселены были славянами сербского происхождения, двигавшимися с северо-востока. Но если болгарскому племени принадлежит заслуга колонизации большей части Албании в средние века, то ему же выпала скорбная доля постепенного очищения своих национальных позиций в пользу албанских горцев. Этот процесс албанизации или, лучше сказать, реалбанизации среди славяно-болгарского населения был весьма продолжителен, и еще в XVI—XVII вв. в разных местах Албании жило не мало довольно компактных славянских групп. Этот непрерывный албанский Drang nach Osten, простершийся и на западную Македонию, где он свирепствовал на наших глазах вплоть до балканских войн XX в., превратил в конечном итоге почти всю Албанию в исполниное славянское кладбище, могильные памятники которого доныне носят на себе печать своего славянского происхождения. Об импозантном количестве этих «надгробий» и об их географическом расположении дает наглядное представление приложенная к книге прекрасная карта Албании, на которой автор тщательно воспроизвел все местные названия в их первоначальной славянской форме. Одного взгляда на эту карту (являющуюся одним из ценнейших вкладов в славянскую историческую географию) достаточно, чтобы убедиться в том, что главные массы славян селились преимущественно в бассейнах Быстрицы, Воюсы, Девола-Семени и Шкумби; срединная же часть Албании (бассейн Арвена, Ишми и Мати) лишь слегка была захлестнута волнами славянской экспансии.

Главы, посвященные славянским заим-

ствованным словам в албанском языке, славянской топографической номенклатуре и характеристике славянской речи в Албании (т. е. III-я, IV-ая и V-ая), составляют центральную, наиболее важную и оригинальную часть рецензируемой монографии, но и две первые вводные главы, в которых автор чертит юго-западные границы болгарской языковой области и бросает общий взгляд на политические, культурно-общественные и этнические отношения в Албании, не смотря на свой более компилятивный характер и на некоторые повторения того, что уже было сказано им в «Пологе», содержит не мало ценных наблюдений и замечаний, которые несомненно будут приняты во внимание каждым историком Албании и Македонии, в частности, славяно-албанских отношений.

В заключение отметим несколько мелких более или менее спорного характера.

На стр. 143 проф. СЕЛИЩЕВ связывает алб. *stravis* «вызываю дрожь, привожу в ужас» со слав. *strachъ*, но гораздо вероятнее, что оно заимствовано из слав. *strav-*, ср. сч. *stráva* «страх», *straviti se* «пугаться»; этимологию этих слов см. Сб. Ляп. 7.

Алб. *letiti* «провождать» выводится непосредственно из слав. *lititi* (стр. 180), но вернее было бы это сделать из **letiti*, о котором косвенно свидетельствуют цсл. *лѣтъ* «как», вр. диал. *лѣало* «форма, образ».

Источником алб. *поуавѣх* «род обрядового хлеба» наш автор склонен считать слав. **боговник* (стр. 186), но мне кажется, что его не следовало бы отделять от семьи слав. *pogata*.

Алб. *gamúl* f. «куча, холм», вопреки автору, является потомком не *mogyla* (стр. 187), а **gomyla*, гесп. **gomula* (ср. др.-р. *гомуля* «ком»), происхождение которого не имеет ничего общего с первым (ср. РФВ. LXIII. 340).

Автор с недоверием относится к гипотезе ЈОКЛ'я, что алб. *l'emiste* «кустарник» заимствовано из слав. **lomiste* (стр. 189), — и напрасно: на семасиологическую возможность этой этимологии указывает и диал.

п. *lomaz* «хворост», а на морфологическую — наличие в слав. языках образований от корня на ступени *-e-*, ср. вл. *lemic'* «ломать», обшеслав. *lemeš* и пр.

Алб. *keris'en'* «кричать» проф. СЕЛИЩЕВ сближает с *kričati* (стр. 192), но я бы не отделял его от б. *kърцамъ* «скриплю».

Алб. *bol'be* «несчастный случай» производится из слав. *bolъ* (стр. 193), но как в таком случае объяснить суфф. алб. слова? Да и семантически оба слова сильно расходятся друг с другом.

Алб. *plotni* «полнота» выводится из слав. **plokъ* «плотный» (стр. 193), но едва-ли это так; ведь р. *плотный* невозможно отделить от *плътъ*.

Трудно допустить, чтобы алб. *karkal'ets* «кузнечик» вышло из б. *скакалец* (стр. 198); его истинным источником, вероятно, послужило какое-то болг. слово, родственное *kърклица* «насекомое *bruchus pisi*».

Не только алб. *ligavets* «слизняк», но и б. *лигавец* проф. СЕЛИЩЕВ считает ром. словом (стр. 198); ср. ит. *lolligine* «каракатца»; но корень *lig-*, точнее *(s)lig-* хорошо засвидетельствован в слав. языках; ср. б. *лига* «слюна», п. *z-ligac'* «скленть», *lgnac'* «прилипать, лнуть» (из *lgnati*) и нек. др.

Алб. *kъpje*, *kъpise* «моль» автор натянуто сближает со слав. *копица* «бугорок» в смысле «гнезда моли» (ib). Не лежит-ли в основе первого недошедшее болг. имя, образованное от известного корня *(*s*)*kъp-* «резать, точить»?

Алб. *garđ*, *daltë* проф. СЕЛИЩЕВ выводит фонетически непосредственно из слав. *gradъ*, *dlato*, а не из **garđe*, **daltë* (стр. 319); но не говоря уже о фонетических трудностях такого словопроизводства, против их правильности косвенно говорят известные дцс. образования типа *золатъ*, *кал'тина*, а также славянские предки румынских слов типа *bală*.

Г. Ильинский (Moskva).

I. Прага 1931. р. XXI+192. 16 таблиц. I в красках.

Жизненное дѣло патриарха византийской археологии и истории искусств покойного академика НИКОДИМА ПАВЛОВИЧА КОНДАКОВА увидѣло свѣтъ уже послѣ его смерти. Над ним он работал много лѣтъ, но все же не успѣлъ дать ему окончательной обработки. Подготовку русского изданія взяли на себя нѣкоторые изъ учеников Кондакова и А. П. КАЛИТИНСКІЙ. Этот труд в сокращенном видѣ вышел нѣсколько лѣтъ тому назад в англійском переводѣ Е. Н. MINNS'a; *The Russian Icon* by N. P. Kondakov. Oxford 1927. At the Clarendon Press.

Теперь, благодаря поддержкѣ Министерства Иностранных Дѣл Чехословацкой республики, *Seminarium Kondakovianum* издает полный текст с двумя богатыми альбомами, служащими иллюстраціями к нему.

I роскошный альбом с 65 репродукціями в красках, посвященный чешскому народу, с предисловіем А. П. Калитинскаго и с описаніем таблиц, составленным Н. М. БѢЛЯЕВЫМ. Этот альбом не является собственно частью труда Кондакова, а дополнен редакціей. Прекрасно исполненные таблицы, независимо от их нѣсколько случайнаго в сочиненія общаго характера подбора, создают представленіе о русской иконописи и в особенности о колоритѣ ея, чему Кондаков удѣлил особое вниманіе в отдѣльной главѣ своей книги; впрочем как раз в ней он пользуется главным образом другими образцами. Матеріал в альбомѣ располагается слѣдующим образом: I—XV. Новгородская школа. Примитивы XIV—XVI вв.; таб. XVI—XXIV. Московско-Суздальская школа XV в.; Традиція Андрея Рублева; табл. XXV—XXXIX. Смѣшанная манера (Московская и Новгородская группа). Традиція мастера Діонисія. Конец XV и начало XVI вѣка; таб. XL—LV. XVI вѣк. Новгород. Москва. Ранняя Строгановская школа. Провинціальныя письма; LVI—LX. VXVIII в. Строгановская школа и царскіе иконописцы.

Н. П. КОНДАКОВ, РУССКАЯ ИКОНА. I. Альбом. 65 цвѣтных таблиц. 1928 г.; II. Альбом. 136 таблиц. 1928; III. Текст. Часть

П альбом с 136 таблицами фототипий. В предисловии Калитинский указывает, что цель этого альбома служебная, т. е. репродукция служит на этот раз иллюстрациями к сочинению Кондакова. Ядром их являются воспроизведения фотографий, подобранных покойным ученым. Число их несколько дополнено — с вновь открытых памятников. Список таблиц сдѣлан Н. М. Бѣляевым. Материал распределен по шести группам: I. Древнѣйшая русская иконопись XII—XIV вв., таб. 1—13; II. Новгородская школа, таб. 14—53; III. Иконопись XV—XVII вв., таб. 54—92; IV. Мистико-дидактическія иконы, таб. 93—104; V. Московская иконопись конца XVI и XVII вв., таб. 105—120; VI. Греческія иконы, которыя могли служить ориенталом русских, таб. 121—136.

Предисловіе к I-му тому написано Л. НИДЕРЛЕ, знавшим лично и цѣнившим покойнаго ученаго. Исторію возникновенія рукописи и ея изданія дает редакція Семинарія имени Н. П. Кондакова. От редакціи же приложен список трудов по исторіи русской иконы (составлен недостаточно полно и систематично). Слѣдует пожалѣть, что обзор изученія в послѣднее время русской иконы, который предполагал составить Н. М. Бѣляев остался ненаписанным.

Текст Кондакова начинается с Предисловія, посвященнаго исторіи изученія русской иконы. В нем дается опредѣленіе и самой русской иконы, как «наиболѣе значительному художественному явленію русской старины, ... которое по своим декоративным достоинствам и необычайной характеристикѣ композиціи, строгости типов, идеальности и духовной глубинѣ религіозных замысловъ стоит наравнѣ с ранним средневѣковым религіозным искусством европейскаго запада». Русская икона являлась переживаніем высшей художественной традиціи и дальше развилась самостоятельно и достигла высшей степени мастерства. В связи с этим опредѣленіем Кондаков в Введеніи обращается к изученію прототипа русской иконописи византійскаго и греко-

восточнаго, но предварительно останавливается на происхожденіи иконы вообще. Таким образом исторія иконы начинается с египетскаго погребальнаго портрета. Портрет а затѣм и типическое изображеніе святого в дальнѣйшем продолжают быть основой иконописи. Иконныя композиціи возникли также на реальной основѣ (паломническія иконы). Затѣм слѣдует очерк иконопочитанія в Византіи. Автор особо останавливается на размѣрах древнѣйших византійских икон и высказывает догадку об отсутствіи в Византіи «моленной» иконы.

Глава I. «Иконопочитаніе в Россіи. Икона в религіозном обрядѣ и в быту». Кондаков подчеркивает особое развитіе обрядовой стороны молитвы иконопочитанія в Россіи. В связи с этим и благопріятными природными условіями (обиліе дерева) получили особое значеніе иконостасы и умножилось число икон, между ними и «моленных». Кондаков подробно останавливается на различных видах икон и на их богатом убортѣ.

Глава II. «Современное состояніе иконопочитанія, иконописи и изученія икон». В XVII и XIX вв. иконопочитаніе находилось в забвеніи; новый интерес к нему проявился в серединѣ XIX-го вѣка. Он выразился в расчисткѣ древних икон. Далѣе слѣдует очерк о мастерах иконописанія, правительственных мѣр (начиная с Стоглаваго Собора), направленных к поддержанію на должной высотѣ мастерства, матеріальном положеніи иконописцев, отношеніи духовенства и позднѣйшей духовной цензуры.

Глава III. «Переводы и рисунок в русской иконописи» посвящена изученію техники иконописи, именно, умѣнію «знаменить», т. е. переводить рисунок, частью по прописям. Источником русскаго искусства было по преимуществу греческое провинціальное, а не византійское столичное. В общем древне-русская иконопись усвоила два пошиба: «в одном, усвоив себѣ самую строгія, сухопластическія схемы византійскаго стиля XI—XII вѣков, и в другом, работая в древнѣйшей простой манерѣ, выработанной еще

в грековосточном искусствѣ доиконоборческаго періода». С XIV-го вѣка увеличивается разнообразіе влияній, но несмотря на это самый рисунок начинает приобретать національный характер. Кондаков останавливается так-же на чудотворных иконах, как на способствующих установленію опредѣленнаго иконографическаго типа, напр. Николая Чудотворца. Постепенно наступает и измѣненіе в сторону націонализации иконописных типов.

Глава IV. «Краски». Иконопись, хотя по существу ремесленная, но всеже сохраняет в себѣ творческую возможность превратиться в живопись. В иконописи краски играют особенную роль, по колориту различаются отдѣльныя школы. В связи с этим, охарактеризовавъ эллинистическую живопись, автор переходит к подробному изученію правил окрашиванія «Иконописнаго Подлинника», а затѣм и к отдѣльным колоритам — декоративной стѣнной живописи, греко-восточных икон, письма корсунскаго и византійскаго, итаलो-критскаго и новгородскаго. Большое вниманіе удѣляется двучвѣтным рефлексам и «пробѣлам». Русская иконопись выработала свою палитру красок и в этом проявила большую творческую свободу. Слѣдует подробный разбор примѣненія отдѣльных красок и разсмотрѣніе вопроса освѣщенія изображаемаго предмета.

Глава V. «Памятники византійской иконописи». Они имѣют большое значеніе, как образцы послужившіе для созданія русской иконы. Разсматривая памятники, Кондаков стремится установить опредѣленные признаки византійской иконописи. С этой цѣлью он начинает изученіе с древнѣйших грековосточных икон, затѣм дает очеркъ положенія иконописанія в иконоборческий період и переходит к сохранившимся византійским памятникам, при этом особо останавливается на иконах Спаса; в концѣ главы он дает характеристику колорита византійских икон.

Глава VI. «Древнѣйшая иконопись Кіевской Руси и Суздальской области». В этой

главѣ автор переходит к разсмотрѣнію памятников русской иконописи. Начинает с извѣстій о иконописи в Кіевской Руси, а затѣм переходит к Суздальской, при этом касается сначала архитектурных памятников. Одна из древнѣйших икон свв. Бориса и Глѣа, поэтому ей удѣляется особое вниманіе. Далѣе разсматриваются другія иконы, как напр. св. Димитрія Солунскаго, арх. Михаила и Гавріила, Николая Чудотворца.

Глава VII. «Древнѣйшая иконопись Новгородскаго». В основѣ древнѣйших новгородских росписей лежат греко-славянскіе образцы. В иконописаніи Новгород по своему воспринял и перетворил византійскіе образцы. Для опредѣленія характера школы важно остановиться на многочисленных чудотворных иконах Новгородской области, как напр. икона Знаменія Божей Матери; к древнѣйшим принадлежит также икона св. Георгія Побѣдоносца; иконографія этого святого удѣлено большое вниманіе. Разсмотрѣвъ иконы, относящіяся к русско-византійскому періоду, Кондаков переходит к иконам ранняго новгородскаго письма, упомянув предварительно и о церковных росписях XIV-го вѣка. Среди икон этой группы он отмѣчает различные типы Божей Матери. Повидимому, в это время чувствовалось сильное греко-восточное влияніе, перешедшее в Новгород с балканскими мастерами. Из других иконографических тем разбирается Покров Божей Матери и Рождество Бя.

Глава VIII. «Черты иконописи греко-итальянской, итало-критской и русской корсунскаго стиля». XIV вѣк, по словам Кондакова, является періодом общаго европейскаго возрожденія в области культуры и національнаго искусства. Автор останавливается на возникших тогда школах, как итало-византійской, существовавшей до половины XV-го вѣка и итало-критской, возникшей с половины XIV-го столѣтія, она же греко-итальянская. В критской школѣ Кондаков различает три періода, в послѣдній забывается византійскій стиль и появляется

фразъ. Слѣдуетъ разсмотрѣніе греко-итальянскихъ икон, хранящихся в итальянскихъ и русскихъ музеяхъ. На основаніи его дается характеристика стиля, красок, колорита, манеры письма, роли «пробѣловъ» и рефлексов и т. д. Особо выдѣляетъ Кондаковъ группу т. наз. корсунскихъ икон, пошибъ, которыхъ трудно различимъ от новгородскаго. Онъ м. пр. отличается живописной мягкостью и темнымъ охреніемъ; повидимому в происхожденіи его сыгралъ важную роль греко-восточный стиль. Приводится описаніе цѣлаго ряда корсунскихъ иконъ.

Окончаніе капитальнаго труда Н. П. Кондакова должно послѣдовать в слѣдующемъ и послѣднемъ томѣ. Но уже краткій обзоръ содержанія первой части показываетъ насколько книга представляетъ интересъ для занимающихся, какъ русскимъ, такъ и византійскимъ искусствомъ. В ней подвергнуты критическому обзорѣнію и разбору со стороны техники исполненія и стиля многочисленные памятники русскаго, византійскаго и греко-итальянскаго происхожденія и намѣчены главнѣйшія теченія русскаго иконописанія пока что для древнѣйшаго времени.

М. Андреева.

ДР. ЛАЗАРЪ МИРКОВИЧЪ, СТАРИНЕ ФРУШКОГОРСКИХЪ МОНАСТИРА. *Историко Друштво в Новом Саду. Посебна изданіа. Книге III. Београд. 1931. р. 78. in 4°. tab. LXIX.*

Описаніе драгоцѣнныхъ предметовъ, хранящихся в ризницахъ фрушкогорскихъ монастырей, составленное Л. МИРКОВИЧЕМЪ, является единственно полнымъ и, главное, снабженнымъ альбомъ с воспроизведеніемъ большинства предметовъ.

До сихъ поръ кромѣ инвентарной записи 1753 года, изданной в началѣ нашего столѣтія Д. РУВАРАЦЕМЪ, эти предметы были только описаны М. ВАЛТРОВИЧЕМЪ притомъ только тѣ изъ нихъ, которые побывали на выставкѣ в Будапештѣ.

Мирковичъ приводитъ описаніе предметовъ по двѣнадцати отдѣльнымъ монастырямъ, рас-

положеннымъ в алфавитномъ порядкѣ. (Двое изъ фрушкогорскихъ монастырей не имѣютъ достопримѣчательностей.) Эти монастыри слѣдующіе: Беочин, Бешеново, Великая Рамета, Гергетъ, Іазака, Крушедолъ, Кувейдинъ, Прибина, Глава, Раваница, Раковацъ, Хопово, Шишатовъ. Изъ нихъ особенно извѣстна Раваница съ старинною церковью XIV-го вѣка, основанной княземъ Лазаремъ и его супругой Милицей, гдѣ хранились его мощи.

Предметы, находящіеся в монастыряхъ принадлежатъ почти всѣ къ церковному обиходу и относятся ко времени XIV—XVIII вѣковъ; особенно богато представленъ XVI и XVII вѣкъ.

Изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ сохранился радъ Четвероевангелій, богато переплетенныхъ в кованые переплеты в моментъ ихъ написанія или позднѣе в XVII—XVIII вѣкахъ. Фотографіи съ досокъ оклада даются в альбомѣ. Большинство Четвероевангелій было написано в XVI-омъ вѣкѣ и украшено миниатюрами. Извѣстны и имена художниковъ: Цвѣтка священника, Іована Сербина изъ Кратова, попа Петра Земунскаго (Миніатюры послѣднаго воспроизведены въ цвѣтахъ); благодаря этому получается возможность ближе познакомиться съ сербскимъ церковною живописью XVI-го вѣка.

Сохранившіяся иконы также относятся къ болѣе позднему времени. Такъ иконы в Великой Раметѣ (св. Николая, св. Іоанна Предтечи, Богородицы) — работа сербскихъ мастеровъ конца XVII-го вѣка. Имѣются также иконы XVIII-го вѣка, мѣстные и привозныя, напр., греко-итальянская Пантократора; другія Божей Матери Одигитрии, Елеусы и т. д. восходятъ къ XVI и XVII вѣкамъ. Наконецъ хорошей работы, вѣроятно греческой, икона Благовѣщенія относится къ XV-му вѣку. Старыя алтарныя врата XVI и XVII вѣка особаго интереса не представляютъ.

Въ значительномъ количествѣ сохранились кресты, рѣзные, изъ дерева и слоновой кости, чеканные или литые. Обычно они украшены цикломъ Господнихъ праздниковъ и изготовлены в XVII—XVIII-ыхъ вѣкахъ. Детали на

таблицах трудно различимы. Имѣется также много церковной утвари работы мѣстных мастеров XVI—XVIII-ых вѣков. Об окладах Евангелій было упомянуто выше. Это — чаши для причастія, диски, пятихлѣбники, рапиды и т. д. Нѣкоторые предметы имѣют большую художественную цѣнность.

Но особенно интересен отдѣл тканей, в котором сохранились отдѣльные предметы, восходящіе к XIV-му вѣку и отличающіеся художественностью своего исполненія. В первую очередь слѣдует упомянуть, идущую под первым номером церковную завѣсу из монастыря Беочина. Миркович, согласно иконографическим данным, датирует ее XIV-ым вѣком. На завѣсѣ сохранилась только греческая надпись с именем дарительницы или исполнительницы работы: ἀντὶ μοναχῆ. Миркович принимает ее за монахиню славянскаго происхожденія, жившую в одном из южносербских монастырей. Национальность ея, конечно, опредѣлять невозможно, но несомнѣнно, что исполнительница пользовалась хорошим византийским образцом времени Палеологов. На завѣсѣ изображен посрединѣ крест и Благовѣщеніе (фигуры Ангела и Дѣвы Маріи находятся по сторонам его), цикл праздников и наверху и по бокам ветхозавѣтные пророки. Интересна также плащаница хорошей работы. В надписи, вышитой, повидимому, позднѣе, указывается, что она дарована Милутином Урошем. Насколько это справедливо, как говорит сам Миркович, трудно установить.

Исключительный интерес представляет кусок одежды-туники кн. Лазаря, павшаго в 1389 году на Косовом полѣ. По преданію монахи вынули ее из раки святого. Мирковичу на основаніи анализа узора матеріи (попарно поставленные львы и т. д.) и также герба на пуговицѣ — шлем с рогами быка, удалось доказать, что это действительно так. В церкви же в Раваницѣ хранится покров с лица князя Лазаря с вышитой на нем золотом похвалою и молотвою, работы из-

вѣстной монахини Евфиміи, вдовы деспота Углеша.

Из других вышитых предметов слѣдует отмѣтить митрополичью митру, пожертвованную Кантакузиной, дочерью Юрія Бранковича. К XV и XVI вѣкам относятся нѣкоторыя части облаченія, напр. набедренник, епитрахиль, фелонь и т. д., частью греческой работы.

В каталогѣ Миркович дает подробное описаніе предметов, по возможности их датировку, оцѣнку с художественной стороны и также указаніе таблицы и рисунка, к сожалѣнію не на всѣх таблицах послѣднее бывает означено. Каталог является цѣнным вкладом в изученіе исторіи искусств, как сербскаго, так и византийскаго, и знакомит читателя с рядом интересных памятников.
М. Андреева.

CORIOLAN PETRANU: DIE KUNSTDENKMÄLER DER SIEBENBÜRGER RUMÄNEN IM LICHTE DER BISHERIGEN FORSCHUNG — *Cluj 1927 (str. 69 + 33 ilustraci v textu)*. — TÝŽ: BISERICILE DE LEMN DIN JUDEȚUL ARAD. *Sibiu 1927 (s franc. resumé) str. 56 + 55 celostránkových ilustraci*. — TÝŽ: MONUMENTELE ISTORICE ALE JUDEȚULEI BIHOR I. BISERICILE DE LEMN. — *Sibiu 1931 (s angl. resumé) str. 68 + 123 celostránkových ilustraci a barevným frontispicem*.

Umění poválečné části Rumunska, Sedmihrad, má svého věrného a horlivého badatele v profesoru dějin umění na clujské universitě, Coriolanu PETRANU. V prvé shora zmíněné publikaci, informativní brožurě, dokazuje autor, že dosavadní mínění historiků umění, jakoby Sedmihrady patřily do sféry umění německého a maďarského, je nesprávné, poněvadž národní rumunská většina obyvatelstva se obrází i v umění země. Třebáže sedmihradští Rumuni byli v stálém, za příznivých dob i čilém, styku s Rumuny v knížetství, přece poměry politické a hlavně kulturní, kde velmi často

docházelo k ostrému pronásledování pravoslavi, nedopouštěly vznik velikých monumentálních architektonických projevů.

Památek monumentální *architektury* sedmihradské není mnoho; autor je dělí na tři skupiny: byzantsko-rumunskou, západní a konečně na stavby, jejichž sloh je výslednicí působení obou prvních skupin. Toto rozdělení souvisí s příslušností donátorů těchto chrámů. Charakteristickým pro sedmihradské architektonické památky nejsou stavby kamenné, nýbrž *dřevěné*. Celkem Sedmihradsko má ještě 1274 dřevěných chrámů, kterých však rapidně ubývá, zjev, opakující se i u chrámů podkarpatských. Rozšířeny jsou tyto chrámy hlavně v krajích aradském, bihorském, satmarském a maramurském, tedy v krajích západních, lesnatých. Původ dřevěných chrámů sedmihradských je třeba hledati výlučně v sedmihradské architektuře kamenné, jmenovitě v pevnostních chrámech sedmihradských Sasů. Vlivy této architektury byly velmi silné a jeví se i u četných chrámů v Potisí v naší republice. Hledati v nich nějaký primární typ nemá smyslu. Je to přesné, dřevu přizpůsobené napodobení kamenného chrámu gotického. Zajímavé a do jisté míry osobité jest vnitřní nástěnná výzdoba těchto chrámů. Jsou to ovšem malby lidové, v pravém slova toho smyslu a budou zajímati spíše kulturního historika, než historika umění. Všechny tyto malby nejsou asi starší XVIII. stol., kdy dřevěné chrámy vznikaly. Pokud se týče *nástěnných maleb* kamenných chrámů, ty souvisí s malbami bukovinsko-valašskými. Nejstarší přesné datum se vztahuje k malbám v klášterním chrámu v Streiu-Săngiorgiu z r. 1409, které ovšem byly opraveny roku 1743. Z roku 1411 jsou malby v Criscior. Největšího rozkvětu dosáhlo nástěnné malířství ve stol. XVIII. Zachované *ikony* jsou poměrně pozdní. Jako jeden z nejkrásnějších exemplářů uvádí autor ikonu sv. Mikuláše z r. 1531, chovanou v řím.-

kat. katedrále v Alba-Iulia. *Dřevorytectví* jako ilustrační metoda, rozšířené v XVII. a XVIII. stol. na Ukrajině zasáhlo i do Rumunska a zachovalo četné exempláře označené i jmény autorů, které však nezanechávají pochybnosti, že původ jejich třeba hledati na Ukrajině.

Dřevěným chrámům v kraji aradském věnoval Petranu celou monografii. Jak již shora řečeno, jsou všechny dřevěné chrámy stavěny pod bezprostředním vlivem kamenné architektury sedmihradských Sasů, což se jeví jak v půdorysu, který tvoří obdélník se čtvercovou či polygonální absidou, tak ve valené klenbě, sedlové střeše a neorganickém včlenění věže, jejíž křížová, laťová konstrukce spočívá na plochem stropu narthexu. Individualisace chrámu spočívá v dekoraci, a to hlavně v různé profilaci věžové báně. Ve vnitřním zařízení chrámu jsou pozoruhodny zejména práce *řezbářské*, které však ani zdaleka nedosahují úrovně řezbářských prací v chrámech podkarpatských, tím méně pak haličských a ukrajinských, ač původ jich všech je stejný, totiž baroko se svým akantem, rollwerkem, roceillem a jinými ornamentálními prvky.

Na sever od kraje aradského rozprostírá se území nejbohatší dřevěnými chrámy; *kraj bihorský*, jemuž věnoval Petranu třetí publikaci. Zatím co kraj aradský má 55 dřevěných chrámů, zachovalo se jich v bihorském 150. Přesto, že jsou i bihorské chrámy v základě stejného půdorysu i tvaru s aradskými, přece vykazují určité odchylky. Tak na příklad věže jsou v některých případech představeny chrámové lodi (tak jako v aradském kraji), začasť se však vyskytují i věže t. zv. jezdcové. U mnohých staveb obklopen je narthex po případě i boční stěny otevřenou galerií, věž chrámová má obyčejně profilaci jehlanovitou, napodobení to gotiky; někdy k střednímu, značně vysokému jehlanci druží se čtyři nízké vedlejší věžičky a celá střecha věže spočívá na otevřené, nízké arkádě.

Vchod chrámový je ve většině případů nikoliv ze západu, nýbrž z jihu, a sice do narthexu. Portály vchodu jsou — a to je sedmihradskou zvláštností — bohatě vyřezávány. Ornament vychází z prvků geometrických a rozrůstá se často v znamenité projevy lidového řezbářství, charakteru domáciho, lidového (na příklad Čabești si Corbești, Surduc și Brădet). Také interieury zdobí řezbářské práce velmi příbuzné podkarpatským (akant, vinný hrozen atd.) a jsou v provedení o mnoho dokonalejší, než řezby aradské. O nástěnných malbách nutno říci jen to, co shora o aradských.

Po formální stránce lze vytknouti oběma posléze uvedeným publikacím jejich formát a vnější úpravu, jež spíše odpovídají cestovnímu nebo obchodnímu prospektu, než vědecké publikaci. J. Myslivec.

O. WULFF — M. ALPATOV: DENKMÄLER DER IKONENMALEREI. *Avalun-Verlag in Hellerau bei Dresden 1925. Stran 302, + 111 ilustrací v textu.*

Profesor na universitě berlínské Oskar WULFF a asistent archeologického ústavu v Moskvě Michael ALPATOV spojili se v této práci; Wulff převzal dějiny řecké a Alpatov ruské ikony. Práce jejich není stejnoměrná, Alpatov podává vlastně jen dodatky k textu Wulffovu.

V první kapitole nadepsané »Vznik ikon v starokřesťanském umění« přidrží se Wulff dnes již běžného názoru DIEHLEM formulovaného, o vzniku ikony z posmrtných portretů hellenisticko-egyptských, přechází ke známé skupině ikon kyjevského musea duchovní akademie přivezených metropolitou P. Uspenským ze Sinaje, popsaných už vícekrát, a to portretů dvou mučedníků a sv. Sergia a Bakcha, k nimž přidružuje dvojportret z musea císaře Bedřicha, portret mučednice a sv. Theodora a koptský obraz biskupa Abrahama (tamtéž), obraz sv. Lukáše a Marka

v bibliotéce Washingtonské, portret sv. Jana Předchůdce ze zmíněné kyjevské sbírky a jiné. Stilistickým rozbořením těchto památek přechází ke studiu vývoje charakteristických typů křesťanského umění, jež dle něho se koření v antickém portretu. Pojednání končí popisem známé ikony-relikviáře z Capelly Sancta Sanctorum v Lateráně.

Druhou kapitolou: »Byzantské malířství ikonné na počátku a vrcholu středověku« uvádí Wulff pojednáním o historických, tradičních a náboženských předpokladech existence ikon v době předobrazoborecké a rozvádí hypoteticky vývoj ikonografie Krista a Bohorodičky, přechází pak k historii ikonoklasmu v první (Lev III., Konstantin V.) i druhé (Lev V., Michael II. a Theofilos) periody zajímavou větou: »Přibývajícím zvrhlost v uctívání obrazů stála v příkrém odporu k duchu prvotního křesťanství tak, že nebylo myslitelné, aby nenastala jednou reakce« (str. 43). Přes to dále přiznává, že Lvovi III. nešlo jen o cíle náboženské, nýbrž i politické, jmenovitě o podřízení církve moci císařské (str. 44). Usnesením synody nikejské r. 869 byla ikona »postavena na ještě vyšší stupeň, než stála dříve« (str. 46) a proto bylo umění byzantské postaveno před nový úkol: »Oduševnění lidské tváře a vytvoření vyprávějího obrazu jako symbolu významného dění«. (Ibid.) A proto se příliš lidské typy vylučují, třebaže ze starších výtvarů bylo něco vybráno. To se týče temat a ikonografie. Nový sloh ikon, tak odlišný od staršího realistického, odvozuje Wulff z vlivu monumentálního malířství, neboť již »dříve používalo malířství mosaikové linie jako nositelky výrazové a nakládalo volně s hodnotami barevnými« (str. 47), nejtěsněji pak se oba druhy malby střetly dle autora při »templonu« oltární přehradě (o ikonostasu nedá se ještě dobře mluvit).

Na tyto vývody navazuje Alpatov

popisem nejstarších památek ikonných této periody: sv. Panteleona a blah. Daniele v kyjevské sbírce duchovní akademie. V dalším století existují jenom ikony pracované mosaikou na voskovém podkladě, z nichž celou řadu Wulff popisuje. Na to navazuje Alpatov stilistickým rozбором vladimírské Bohorodičky, stavěje se při tom proti známému názoru KONDAKOVU o vlivu italské renesance na typ »Eleusa«. V závěru této kapitoly praví Alpatov, že při vši slohové různosti probraného materiálu lze v něm shledati jedno společné, co přesně ohraničuje byzantské od západního i ruského umění, což však je obsaženo i v malířství monumentálním a miniaturním, ovšem jenom, co se týče stránky výtvarné; jinak náladový obsah ikony je zvláštní, poněvadž byla především předmětem kultovým (str. 77). Tak jako illusionismus byl dědictvím antiky, tak expressionismus vyvěrá z orientálního proudu uměleckého, jenž i v Byzantsku roste (str. 79). Z tohoto dvojího proudu nepovstává dle autora povrchní konglomerát, ale teprve ze vzájemného jich působení povstává tento úplně jedinečný sloh.

Třetí kapitolu: »Staroruské malířství ikonné XIII. a XIV. stol., která je prací Alpatovovou, uvádí autor upozorněním na známou okolnost, že totiž, třeba ikonného materiálu je dostatek, přece jeho klasifikace a zejména určení jednotlivých škol je těžké, poněvadž krom nahodilých a přirozeně i nesoustavných poznámek v kronikách není nijakého vodítka pro zařazení jednotlivých ikon. Proto, praví autor, že nám chybějí památky XIV. a XV. stol. v městech jako Kyjev, Pskov, Tver a Ustjug, nelze s vědeckou jistotou předpokládati existenci škol v těchto městech, ačkoliv ze stanoviska obecně kulturně historického by se tak souditi dalo (str. 83).

V tom, co bychom od Alpatova očeká-

vali, že totiž západní vědě zpřístupní studium nových ikon, objevených, resp. očištěných v porevoluční době, v tom nás zklamal. Z celé řady těchto nových památek uvádí toliko ikonu sv. Michaela s Josuem a »Klanění se kříži«; nezná ani jednu z t. zv. »zlatovlasých ikon«, ani sv. Dimitrije z Dimitrova, »Veliké Panagie« z kláštera Proměnění v Jaroslavli, Svensko-Pečerskou Bohorodičku, ani »Znak Matky Boží« z Novgorodu, ač celá řada z nich pochází zaručeně ze stol. XII. a XIII. Ani slovem se dále nedotkl otázky sporné, ale velmi důležité, kam druhou část těchto ikon — pro jichž původ není historických dat — klásti, zda do oblasti ruského či ještě byzantského malířství ikonného. Nemluví dále o skupině ikon, které dle stilistických známek lze více méně bezpečně připisovati štětcí ruskému, jako: ikona sv. Mikuláše z novgorodského kláštera sv. Ducha, sv. Jana, Blažeje a Jiří z vesnice Krivoje, sv. Jiří s jeho životem a j.

Čtvrtá kapitola, »Byzantské ikonné malířství za doby Palleologů«, je z většiny prací Wulffovou. Na počátku rozebírá autor příčiny vzniku nového slohu, »jehož vznik jest úplně zahalen temnem« (str. 99), ale který již v plném svém obsahu vyzařuje ze slavných fresek Kachrije-Džami (1303). Pro objasnění vzniku nového slohu vychází autor z úvahy, že po dobu mezi l. 1204—1261, následkem obsazení Cařihradu Křižáky, je činnost mosaicistů a malířů fresek na domácí půdě přerušena. Oni pracují toliko za omezených prostředků mimo říši byzantskou a proto obnovením říše Paleology jsou postaveni před nové úkoly. Zatím však tendence realistické vzrostly, jmenovitě v malířství knižním, kde přísná komposice v ploše ztrácí již svou sílu a ponenáhlu vzniká pojmání trojrozměrné se všemi vedlejšími zjevy: odpozorování přírody v malbě krajinné, smysl pro správnost osvětlení a hledání perspektivy v architektuře. Všechny tyto

zjevy jeví se v mosaikách Kachrije-Džami. Předzvěsti a ponenáhle stupňování nového slohu jeví se dle autora, v řadě mosaikových ikon, z nichž uvádí na prvním místě Bohorodičku Hodigitria v Chilandaru. Připouští sice mínění KONDAKOVŮ a Porf. USPENSKÉHO o příbuznosti barevné škály této ikony s koloritem srbsko-orientálních rukopisů, ale přes to je pokládá za dílo byzantské, a to na základě řeckého nápisu a především jistoty techniky. (Str. 102.) Další stupně slohové vývoje shledává autor na ikoně Proměnění Páně v Louvre, Ukřižování v muzeu cis. Bedřicha a Zvěstování v Kensington. Muzeu v Londýně, všechny techniky mosaiky na voskovém podkladě a jako poslední dílo této techniky uvádí známé dyptichon z domského musea ve Florencii, představující »12 svátků«. Další vývoj pozdněbyzantské ikonomalby sleduje Alpatov (str. 114 a sl.) na ikonách temperové techniky stol. XIV. a XV., a to na zajímavé ikoně »Sbor apoštolů« (Historické museum v Moskvě), a na »Zesnutí Panny Marie« (XIV. stol. v Ruském muzeu v Petrohradě). Jako příklady rozšíření slohu toho na počátku XIV. stol. do kulturních provincií byzantských uvádí autor ikonu Zvěstování v Trojicko-Sergievské lavře.

Ikona sv. Euthymia (obr. 48) a sv. Sávy s Bohorodičkou (obr. 49), obě v kyjevském muzeu duchovní akademie, svědčí jen o tom, že realistický sloh se nekončí obrazoborectvím, nýbrž žije dále jako spodní proud nejen v ikoném, nýbrž i v nástěnném malířství.

Ikona sv. Jiří Διοσκοῦρης v Historickém muzeu moskevském dává Alpatovu podnět k pojednání o změně slohu ikony pro pobožnost určené za doby Paleologů, již spatřuje ve změně vnitřního poměru mezi ikonou a modlícím se, v novém nazírání na vnější svět, »ovládaném radostí z hodnot zření, již nelze odvozovati z italského naturalismu« (str. 128); nazírání

toto způsobilo, že každé zobrazení bylo chápáno jako jednání i když šlo o jedinou postavu. V ikoně Zvěstování u sv. Klementa v Ochridě, kterou objevitel její Kondakov datuje XII.—XIII. stol., Wulff však ji klade až do konce středověku spatřuje stejně tak jako v ikoně sv. Trojice v petrohradském muzeu, jakousi zpětnou vlnu, která navazuje na XII.—XIII. stol. V těchto a několika dalších ikonách spatřuje autor díla škol centrálních. V XV. a XVI. stol. vystupují však po pádu Cařihradu do popředí i školy provinciální, z nichž zvláště vyniká škola krétská. V dílech jejích vedle vlivu slohu hlavního města lze pozorovati již ustrnutí umění přežilého, zejména tam, kde se stýká s uměním čistě západním, jako na př. na ikoně Zesnutí Panny Marie se sv. Dominikem a Františkem (v moskevském muzeu výtvarných umění).

Recepcí paleologovského umění v Rusku obírá se Alpatov v II. kapitole: »Ruské malířství ikonné od XIV. do XVI. století«. Vývoj této recepcce není v celém Rusku stejný; Moskva díky svým stálým stykům s Byzancí má v tom směru přímát; nezachovalo se ovšem z této ranné periody moskevské ničeho, čehož příčinou jsou pozdější »restaurece«. Byzantský typus XIV. stol. docházel v Rusku procítění zidealisováním, což dosvědčuje nejlépe jediná zachovaná ikona A. Rubljeva »Sv. Trojice« a celá řada ikon, která bývá označována společným názvem školy tohoto umělce. Jím dosahuje také moskevská škola již v první polovině XV. století vrcholu. Znakem jejím je podle Wulffa snaha po idealisování byzantských předloh; zřiká se při tom iluzionismu a tím vysvětluje se záliba v přísné tektonice a ostrých liniích. Novgorod dosahuje této lyričnosti základní nálady až v XVI. stol. V Novgorodu však paleologovské umění narazilo na starou tradici neredickou. Teprve v XV. století proráží tradice paleologovské (»Proměnění« ve sbírce Morosovově).

Autor přechází poté k hledání »ruského« rázu v ikonách malovaných již pod vlivem slohu paleologovského; studium provádí správně na námětu, který v Rusku byl vytvořen, Řecku však byl úplně cizí, totiž na známé ikoně: »Boj Suzdalců s Novgorodci« (»Zázrak obrazu Znak Matky Boží«) v Novgorodském museu. Osobitost slohu této ikony spočívá: ve vymýcení, resp. absenci třetího prostoru, v přímé symetrii všech skupin a pojmání pohybu v dekorativním, rytmickém smyslu, bez jakékoliv dramatické akce. Ještě větší zdůraznění symetrie a jednotnosti pohybu až do geometrické pravidelnosti jdoucí pozorovati lze na známém »Snímání s kříže« ve sbírce Ostrouchové. Staré tradice žily ještě dále v ruském severském umění, kde nové směry paleologovské ještě později pronikají; »zatím co v moskevském malířství dominují malířská stránka, sever zdůrazňuje tektoniku« (str. 193). Souběžně v ruském umění probíhají dva procesy: od obrazu jedné postavy ke kompozici skupinové na jedné a od barvitosti — často různorodé k subordinaci jednomu základnímu tonu.

V XVI. stol. se rozdíl mezi moskevskou a novgorodskou školou stírá; je to způsobeno vzájemnou výměnou umělců, vzniká jednotný ruský sloh s určitými rozdíly diktovanými spíše příkazy donátorovými, než krajo­vou vázaností. Tak stroga­novské ikony prozrazují bezprostřední závislost na Novgorodu, v dalším vývoji však se blíží umění moskevskému (str. 195). Nové pojmání obrazu s jedinou postavou představuje známý obraz sv. Jana Vojína v Ruském museu, dílo Prokopije Čirina, ovládaný čirým vertikalizmem; již v dřívější době vypracovaný kanon prodlouženého těla stupňuje zde malíř zeslabením a možno říci, vyhladověním údů.

Na ikoně »Vjezdu do Jerusalema« ve sbírce Ostrouchové srovnáním s ikonou téhož námětu o století starší, dochází autor k přesvědčení, že proniká zde nový proud,

jehož cílem je návrat k předpaleologovskému umění, který však zůstává bezvýsledným: postavám schází výraznost těchto středobyzantských předloh a snaha po zbavení se perspektivy je marná.

Další vývoje Alpatovy a vzniku a vývoji dvou druhů ikonostasů nelze nazvat jinak, než konfusními. Vznik ruského ikonostasu je již dnes, po prozkoumání systému nástěnné výzdoby jasný; je to prostě náhražka za nástěnnou výzdobu, na kterou nebylo po tatarském vpádu prostředků; proto také staré ikonostasy recipují vše to, co obsahovala stará nástěnná výzdoba. Z toho důvodu nezná Byzanc ani slovan­ský Balkán až do XVII. století ikonostas té formy jako Rusko a Alpatovem tvrzený byzantský původ *ruského* ikonostasu nedá se ani jednou památkou dokázat.

V kapitole VI. zabývá se Wulff školou italo-byzantskou a pokazuje v prvé řadě na známou okolnost LICHACEVEM a KONDAKOVEM probranou, totiž vzniku nového typu Bohorodičky za současného působení Itálie a Byzantska. Vlivy renesance v XV. a XVI. stol. spatřuje Wulff v ikoně života sv. Efrema v Pynakothece Vatikánské, již MUÑOZ věnoval celou studii.¹

Autor tohoto díla Emanuel Zanfurnari je starším druhem známého benátského malíře kněze Emanuela Zane, Krešana, který opustiv svoje rodiště, od roku 1646 pracoval v Benátkách. Umělec ten, přes to že přijal úplně trojrozměrné pojmání renesančního malířství, že jeho obrazy mají pozadí krajinná a architektury vysloveně renesanční ráz, přece u postav zachovává jejich tradiční držení těla a řasení draperií. Přirozené, že takovéto smíšení dvou naprosto rozdílných slohů plodí díla ztrnulá, bezživotná. Stejně tak jako italo-byzantská škola, tak také školy provinciální na sebe odkázané, neboť vztahy

¹ A. Muñoz: Le espressioni nella letteratura bizantina e i loro rapporti con l'arte figurata. — Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague 1926. str. 139 a sl.

k jiným centrům byly tureckým panstvím přerušeny, mísí různé slohy a jen některé ze škol zachraňují se navazováním lépe řečeno kopírováním, starých ikon. Příkladem takového směru je kopie Panagia Portaitissa zhotovená r. 1648, v Novoděvičím klášteře v Moskvě. V tomto úpadku má o něco lepší postavení Rusko, jak dokazuje autor na datovaném »Mandiliu« z r. 1632 (v soukromém majetku petrohradském) a o něco mladší kopii Bohorodičky Vladimírské v Real Galleria v Parmě, poněvadž ruské umění opírá se s větší tradičností o staré vzory. V XVII. stol. ztrácí i ruské umění smysl pro uzavřenou jednotnost obrazu, obrazy, které dříve vyplňovaly rám ikony jsou vtahovány do centra, vedle hlavní scény seskupena celá řada vedlejších, aniž by hlavní scéně zachováno bylo její dominantní postavení.

Toto prolomení tektoniky v ruském malířství odvozuje autor jednak z italo-byzantské školy, ale hlavně ve změně pojmání ikony vůbec; zatím co do poloviny XVI. stol. ovládal ruské malířství byzantsko-hellenistický historismus, proniká nyní ze západu obrazový symbolismus; dokladem toho jsou hymnické ikony. K tomu přistupuje novotářství stylistické, »frjažské«. Zajímavá je autorova snaha po rehabilitaci S. Ušakova, »jehož význam v posledních letech neprávem snížil slepý obdiv památníků, které nevykazují žádný vliv západu« (str. 251). Autor praví o něm, že »předstihl daleko svou dobu, postaviv si za úkol to, co teprve náboženské umění XIX. stol. vyřešilo«.

Ku konci knihy připojeny jsou kritické poznámky k ilustracím, vztahující se hlavně ke slohu reprodukováných památek a k jejich klasifikaci.

Toto dílo má dvojí přednost: předně poprvé se zde pojednává jednotně o ikonomalbě řecké a ruské, druhá, již přičisti hlavně Wulffovi, spočívá v probírání materiálu, přístupného vědeckým pracovníkům v mimoruských museích a sbírkách.

Alpatov však chápal svou práci příliš exklusivně, což způsobuje, že zanedbává srovnání s malířstvím nástěnným; zejména v Rusku je vliv nástěnného malířství na ikonu a opět obráceně tak významný, že není možno nepovšimnouti si ho. Příznačné je pro Alpatova, jako vůbec pro mladé pracovníky ruské,² předčasné tvoření závěrů. Přes to, že theorie Alpatovova o moskevském umění koncem XIV. a zač. XV. století není neopodstatněná, přece jenom je na pováženou, poněvadž materialu je příliš málo, takže nemůžeme s bezpečností předpokládati vynikající umělecké postavení Moskvy v uvedené době. Stejně zajímavý, ale přece jenom ne dosti výřehodný je názor Alpatovův o zpětné vlně v moskevském malířství v XVI. stol.

Po formální stránce dlužno litovati, že hodnota reprodukcí není právě nejlepší, což tím více kontrastuje s téměř bibliofilskou úpravou knihy; to ovšem jde spíše na účet nakladatele, než autorů.

Přes tyto a některé jiné menší nedostatky dlužno říci, že kniha je velmi dobrá; to, co je DIEHLOVO »Manuel« pro informaci, to je pro bedlivější studium byzantského malířství tato kniha. Již shora jsme řekli, že hodnota knihy spočívá i ve zpracování materiálu mimoruského, jenž pro západního badatele je dnes takřka jediné přístupným. K tomu přistupuje, Wulffovi vlastní, preciznost analýzy a jemný smysl při výběru z často dosti nepřehledného množství památek. Zvláštní hodnotu mají i údaje o barvách v »kritických poznámkách«, jež jsou dobrým surrogátem za barevné reprodukce. Celkem lze říci o knize, jež není instruktivní, nýbrž vyžaduje již předběžného vzdělání, že je důležitým literárním pramenem, který vážný pracovník nemůže opomenouti. *Josef Myslivec.*

W. R. ZALOZIECKY: GOTISCHE UND BAROCKE HOLZKIRCHEN IN

² Názory Alpatovovy rozvádí ku př. Жидков: Московская живопись середины XIV. века. Москва 1926.

DEN KARPATHENLÄNDERN. — *Wien* 1926.

Autor známý již několika menšími pracemi z oboru dřevěného stavitelství karpatoruského vydává zde za spolupracovníků arch. V. MENCLA systematický přehled dřevěných chrámů Podkarpatské Rusi a vých. Slovenska.

O karpatoruských chrámech psáno bylo mnoho (polsky, německy, ukrajinsky i česky), ale obvykle — s výjimkou prací ukrajinských — jen folkloristicky, ba začasť nevědecky. O východoslovenských dřevěných chrámech psal toliko VYDRA («Lidové dřevěné stavitelství na Slovensku»), ale z jeho práce — vlastně folkloristické causerie — může vědecký pracovník upotřebiti toliko reprodukce. V tom má tedy ZALOZIECKY primát, že po prvé shrnuje ve své práci obojí zmíněnou architekturu.

K četným, někdy dosti kuriosním, názorům na dřevěnou architekturu rusínskou přistupuje nyní nový. Zaloziecky totiž dělí dřevěné stavby na typy centrální kopulové, axiální kupolové, basilikální gotické a basilikální barokní, vedle typů smíšených.

Jak k tomuto způsobu nazírání autor došel, vykládá v úvodní části (str. 9—23). Podle něho *v každém* případě dřevěné architektury lze konstatovati úzký vztah k monumentální architektuře Západu a Východu, který je regulován vzdáleností center oné architektury monumentální od místa vzniku. Výsledek této perifernosti dřevěných staveb je dvojí: jednak mísení typů východních a typů západních, jednak pozdní výskyt slohových znaků u architektury dřevěné. (Autor tu zřejmě míní potiské gotické dřevěné chrámy z druhé poloviny XVIII. století a verchovinské quasi-gotické chrámy dokonce ze začátku XIX. stol.). Z tohoto názoru nelze ovšem dále vyvoditi nic jiného, než že dřevěná architektura nemá vlastní vývojovou linii, nýbrž že jednotlivé vývojové stupně jsou jen odrazem vývojového procesu, který se ode-

hrává v architektuře monumentální. Podle tohoto svého anticipovaného názoru posuzuje autor i stavební techniku, která, podle něho, není dřevu vlastní, poněvadž formy, ve kterých se staví, promyšleny byly ve stavbách ze zcela jiného materiálu. Autor to vyjadřuje obrazně: »mezi materiál a jeho provedení v dřevěné architektuře vsunuje se předloha monumentální architektury. Zatím co v kamenné architektuře se »myslí« v kameni, tu u dřeva »myslí« se přes zděný materiál monumentálních předloh« (str. 11). Tak horizontální řazení klad je, podle autora, odrazem blokové »těžké, tíživé, statické« kupolové stavby byzantské; zato v krytí stavby vertikálně kladenými prkny spatřuje autor vliv gotických a barokních tendencí dynamických a výškových (str. 12). Rozpor, který by se mohl autoru namítnouti, že právě chrámy potiské, vyslovené gotické, nemají tohoto vertikálního krytí, hledí autor již předem objasniti tím, že zde řazení klad je do té míry těsné, že tvoří hladkou stěnu, což prý vyniká zejména při odstupu (str. 13). Další vertikalismus převzatý z gotiky a baroka spatřuje autor v konstrukci těch částí (které jsou pro ony slohy charakteristické), jež nejsou provedeny v dřevěné technice, nýbrž latové pomocí rámové nebo křížové konstrukce.

Názory tyto, na nichž jsou zbudovány další vývody autorovy, nemůžem přijmouti. Základní chybou autorovou je jeho úzký rozhled. Treba si především uvědomiti, že určité typy nejsou ani za mák vázány na politické teritoriální celky (což snad autor myslí — soudě podle mapky připojené ke knize —), nýbrž jsou vázány s osídlením kmenovým. Proto také právem se užívá ustáleného názvu chrám »bojkivský«, »huculský«, »lemkivský« atd. Bojkové a Huculové sídlí ovšem i na území haličském, a proto nutno posuzovati architekturu jejich kmenu v celku. Pak ovšem je vysvětlitelné, proč u nás jsou jen dva chrámy huculského typu, jeť rachovský okres nejjiž-

nějším sídlišťem Huculů; proto také velká většina chrámů tohoto typu je rozseta na území Haliče (Oslav Bilij, Kosmač, Nazirna, Lučka, Kobylec, Ceněva, Kolomyja, Šnatyn, Akrešory a j.) a chrámů bojktivského typu je na půdě ČSR. jen šest, kdežto v Haliči osmnáct. Totéž platí o chrámech v Potisi, které jsou posledními exempláři rumunského chrámu sedmihradského (ještě před válkou bylo v Sedmihradech přes dvě stě chrámů tohoto typu, kdežto v ČSR. je jich sotva dvacet). Kdyby byl autor přihlédal i k ostatní dřevěné architektuře slovan-ské, byl by zjistil, že bloková architektura je dřevěnému chrámu vlastní a rozšířena je jak v chrámech severoruských, tak jiho-ruských vůbec, byl by dále zjistil, že verti-kální krytí prkny není odrazem vertikali-smu gotiky, nýbrž vyskytuje se všude tam, kde zima je krutější a chlad proniká vazbou břeven, t. j. v Bukovině, Podněpří i Podněstří.

Na základě tohoto prvního zjištění padá hlavní zásada autorova, že *všechny* dřevěné chrámy jsou v určitém vztahu ke kamenné architektuře a to ve vztahu *závislosti*. Je-li užíváno bloků («klecí») ze dřeva sroube-ných v tak samostatných odvětvích dřevěné architektury jako je severoruská a velko-ukrajinská, jež samy živily architekturu ka-mennou, první za vzniku moskevské archi-tekturny, druhá za Petra Mohyly a Jana Ma-zepy, kdy se rodilo «ukrajinské baroko», pak nezbyvá než říci, že všechny blokové (klecové) stavby dřevěné nemají nic spo-lečného s architekturou kamennou, neboť «klec» je základním přirozeným prvkem dřevěné architektury, rovněž tak pyrami-dální střecha. Tímto způsobem byly jistě už stavěny ony dva dřevěné chrámy kyjevské, připomínané r. 882. Na další vývoj, vzni-kající řazením jednotlivých klecí (3, 5, 9, 13) nemá kamenná architektura vlivu.

Dále je třeba si uvědomiti, kdo tyto chrámy stavěl. Byli to domácí tesaři, kteří stavěli bez plánů, kteří třeba za svého ži-vota ani kamenný chrám západní neviděli,

a viděli-li jej, pak viděli na něm jen to, co na něm vidí každý povrchní divák, deko-raci a vnějškovost, a *to* potom napodobili ve svých výtvorech. Je naprosto nemožné, chtítí těmto tesařům subponovati prosto-rové citění gotiky nebo baroka. Cítil-li ně-ktý tesař gotickou potřebu hloubky, proč neseřadil za sebe čtyři nebo pět podobných klecí, proč právě jen tři? Vždyť tím by se bylo dosáhlo jistě zvýšení oné gotické hloubkovosti prostoru. V žádném případě však nenajdeme podobnou stavbu, a to proto, že tesaři asi měli místo prostorového citění to, co je hybnou silou veškerého umění lidového: smysl pro symetrii. To, co tento tesař na kamenném chrámu se-znal, to k základnímu stavebnímu typu jen přidal. Ke změně a přizpůsobení *techniky* kamenné architektury došlo jen u rumun-ských sedmihradských chrámů. Zde, aby bylo docíleno jednoduchého prostoru, ne-jdou klády vázány v zubu, nýbrž konce dvou klad ve stejném směru položených jsou zapuštěny do vertikální klády, stojící uprostřed jedné stěny. Tak vznikl jediný prostor, který je i valeně sklenut, čímž do-končena byla transformace techniky dře-věné. To je však případ jediný, všechny ostatní stavby i když mají sedlovou střechu a věž v průčelí, zachovávají stále trojko-morovost v půdorysu a spodní stavbě.

V důsledku toho musíme — když již chceme prováděti typisaci — tříditi jednot-livé stavby podle způsobu, jakým jsou řa-děny jednotlivé základní formy dřevěné stavby, t. j. komory ve spodní stavbě, je-hlance v horní stavbě. Že názor autorův, jakoby řazení komor v ose východozápadní bylo odrazem prostorového citění gotiky, je nesprávný, lze dokázati poukazem na stavby v Podolí a na Kijevštině; zde stály a dodnes stojí první byzantské stavby na půdě ruské a i pozdější ukrajinské baroko zachovává půdorys čtvercový, či vůbec cen-trální, takže o nějakém vlivu basilikálních staveb nemůže býti řeči, a přece zde valná většina chrámů je složena ze tří komor,

čili, jsou to podle autora »axiální stavby centrálně-kupolové«.

Rovněž terminus »kupolový« nevolí autor správně. Stanové střechy dřevěných chrámů rusínských nemají nic společného s kupolí; je to přirozené krytí pravoúhlého prostoru, které se vyskytuje stejně tak v severním Rusku. Vnitřní zrcadlový strop nemá rovněž s kupolí nic společného, je to prostě dřevem pobitá vazba krovu, která mění svou podobu ne se vztahem ke kamenné architektuře, nýbrž k této vazbě. Stačí v tom ohledu srovnati »kupoli« podkarpatského a podolského chrámu. Kupole skutečná, podle kamenné architektury napodobená, vyskytuje se toliko v dřevěné architektuře rusínské a to u cerkví kolem Lvova (Košeliv, Stare Selo, Hrijada, Čerepyn, Novij Jaživ, Kurniki a j.) a u jediného exempláře na území čs. republiky, v Husně.

Názory tyto rozvádí autor při popisu jednotlivých kategorií a to nejprve: »Centrální kupolové stavby«. Příliš detailní pozorování obou jasinských cerkví (strukivské a lazeščínské) přivádí jej k zajímavým závěrům: strukivská cerkev má všechna čtyři ramena stejně dlouhá (272 cm), kdežto lazeščínská dvě boční kratší (230 cm) oproti osovým ramenům (330 a 280 cm); z toho vyvozuje autor, že v poslední cerkvi lze spatřovati již vliv baroka s jeho hloubkovostí, které přepracovává harmonickou rovnováhu cerkve strukivské, jež se mu jeví dřevěným zpracováním byzantské stavební formy chrámové. Dokonalé proniknutí tohoto barokního nazírání prostoro- vého vidí autor v horní cerkvi ve Vyzněm Studeném, krásném exempláři jednoduchého typu bojkivského; poněvadž v trojkomornosti vyznačené zejména v šířce stavby tak silně odporuje autorovu názoru o souvislosti s barokem, hledá paralely v kamenné architektuře domácího původu a to valašské (správně bratrské) cerkve ve Lvově a kaple Tří světů (správně sv. Trojice); ale právě tento chrám je staven pod vlivem dřevěné architektury, což zde ovšem

blíže rozváděti nemůžeme, vyžadovalat by otázka ta celé monografie.

V další kapitole pojednává autor o gotických basilikálních stavbách, a to nejprve o skupině potisské (Saldoboš, Sokyrnica, Šandrovo, Dulovo atd.) k nimž připojuje i verchovinské chrámy, v nichž uvádí toliko Majdan (ač v okolí je celá řada staveb výraznějších: Repennoje, Rička, Suchá, Vučkovoje a j.). Správně praví autor, že »vznik naší dřevěné gotiky je bez vlivů sedmihradských prostě nemyslitelný« (str. 37). Nelze však souhlasiti s názorem autorovým, že sem patří i východoslovenské dřevěné chrámy (Dara a Jalová, Topola, Plavja), neboť všechny mají (s výjimkou Jalové) půdorys tří čtverců a ku gotickým stavbám potiským přibližuje je jen sedlová střecha a jezdcovitá věž.

V druhé skupině, v níž správně autor vidí zcela jiné vlivy, než u skupiny předchozí, t. j. navazování na dřevěné stavitelství slovenské, slezské a i české, popisuje autor kostel v Hervartově, Bujakově a Topole. Známý Trojčanský kostel, ač typicky tímto blízký, vylučuje autor a řadí do skupiny další.

V další kapitole, nadepsané »Smíšené typy«, pojednává o barokních typech basilikálních a správně vystihuje, že rozdíl mezi nimi a gotickými spočívající spočátku jedině v tom, že jezdcovitá věž nesla barokní helmu, tedy čistě dekorativní, později se mění v konstruktivní, věž stává se masivnější a přechod věže k sedlové střeše maskován z průčelí pultovou střechou. Barokisaci lze však podle autora pozorovati i u typů tříkomorových, neboli podle něho »axiálně-kupolových«. Dokazuje to na cerkvi v Kostryňách, kde věž nad babin- cem je, ne sice o mnoho, ale přece jenom vyšší, než věž nad střední lodí, což je pravidlem u bojkivského typu, ku kterému i tato cerkev náleží. Zde však ještě je průčelní věž roubena až téměř k vrcholu, kde na ni nasazena otevřená, nízká arkáda, krytá jehlanovitou střechou, která odpovídá krytu ostatních dvou chrámových ko-

mor. Cerkve tuto zařazuje autor spolu s jinými, kde ještě věž není samostatná a organicky je spjata s trojkomorovou stavbou (Zboj, Novos elica, Obava, Plosko, Šelestovo) do jedné skupiny, do druhé pak stavby, kde věž je konstruktivně oddělena od ostatních dvou komor, vybudována jsoucne z roubených klad, nýbrž latovou konstrukcí rámovou nebo křížovou. Reprezentanty tohoto typu jsou vesměs cerkve šarišské a zemplinské (Trojčany, Ladomírová, Krajná Bystrá, Niklová, Nižný Orlík, Kružlová). Zajímavé však u těchto staveb je, jak těžko proniká barokisace do ustálené formy trojkomorového chrámu. V Trojčanech, Ladomírové a Krajné Bystré jsou zachovány tři sroubené komory, ale komora západní, která nemá svůj kryt, je vsunuta do konstrukce věžní. Správně vystihuje zde autor, že při konstrukci vykonává vliv chrám hervartovský a bujákovský, kde věž je úplně představena vlastní prostotě chrámové.

Rozdíl ve formě střechy, který u těchto chrámů se vyskytuje, autor pomíjí mlčením, ač za zmínku stojí, že prosté jehlanovitě střechy vyskytují se u staveb starších (Bodružal, Korejovce, Kružlová, Komárník, Dobroslav, Jedlinka), kdežto barokně profilované helmy (Ladomírová, Hunkovce, Mirola, Orlík, Varadka, Ondavka, Kožuchovce a j.) u pozdějších.

Až potud možno s autorem souhlasiti; další jeho vývody (str. 80—83), nadespané »Vyrožené formy barokní«, jsou zřejmě tendenční. Považovati cerkev šelestovskou (nyní v Mukačevě) a ploskovskou (nyní v Kanoře) za vyložený barokní typ, jest naprosto neodůvodněné.

Obě dvě mají spodní stavbu trojkomorovou a ve svrchní stavbě nelze ani u první ani druhé nalézti zaokrouhlování střech, jež autor považuje za znak vrcholné barokisace. Cerkve ve Venecii pak je na první pohled hrubé, podle dřeva soudě, nedávno přestavěna s tendencí získati větší chrámový prostor. Původní její forma byla

beze vší pochyby shodná s kostelem trojčanským. Dokonce pak nelze spatřovati nějaké barokisační tendence v restauraci ondavské a malopoljanské cerkve, poněvadž obě dvě přestavoval za války ruský zajatec, takže vlivy domácí byly zde vyloučeny.

Tím jest dotvrzeno jenom to, co jsme shora autoru vytkli, a potvrzeno naše protitvrzení, že recepce vlivů kamenné architektury zasáhla toliko dekoraci a konstrukci jen způsobem případkovým. Vylučovati vlivy kamenné architektury na dřevěnou bylo by extrémem zrovna tak, jako je jím autorovo tvrzení, že »dřevěné stavitelství ve všech svých základních formách má vzory v monumentální architektuře; její úloha vyčerpává se v kombinaci a spojování těchto, často dosti různorodých slohových prvků« (str. 82).

Po stránce formální dlužno autoru vytknouti nehorázné komolení místních jmen a názvů, kterého by se měl vážný autor vystříhati, zejména má-li možnost nahlédnouti do úředních seznamů míst. Tak píše: Sokyrnycia místo Sokernica, Herwarto místo Herwartov, Neresnycia místo Nerešnica, Ložansko místo Lozanskoje, Huklywa místo Huklyvij, Czornoholowa místo Černoholova a j.

Kniha je ukončena krátkou statí arch. J. MENCLA o konstrukci dřevěných staveb. Autor její doprovodil knihu řadou plánů, půdorysů a průřezů cerkví. To, co Zalozičky (v pozn. 17.) neprávem vyčítá Syčinskému, že totiž jeho plány jsou nepřesné, lze odůvodněně vytknouti Menclovi; kdežto Syčinskýj měří vždy s přesností do dvou centimetrů, Mencl jen do deseti a nezakresluje vůbec úhly.

Obrazová část má po určité stránce velkou cenu (cerkev v Ondavce a Vyžné Poljance dnes úplně přestavěné ve Varadce, zničené požárem, ve Vyž. Studeném pobité dnes plechem a j.). Litovati jest jen, že obrazy jsou reprodukovány hlubotiskem, jež se pro svou hrubost nehodí pro publikace vědecké.

Josef Myslivec.

ZPRÁVY — CHRONIQUE.

ВЫСТАВКА ВИЗАНТИЙСКАГО ИСКУССТВА В ПАРИЖѢ.

Мысль об устройствѣ выставки произведений византийскаго искусства возникла во время послѣдняго конгресса по византиновѣдѣнію в Афинах. Встрѣтив всеобщее сочувствіе, она была, как видим, в очень короткій срок осуществлена. Проведеніем ея в жизнь был занят особый французскій организационный комитет, во главѣ котораго находились — в качествѣ президента СН. DIENL, а в качествѣ вице-президентов проф. G. MILLET, J. CAIN, Управляющій Национальной Библіотекой и J. MARQUET de VESSELOT, Консерватор Отдѣла произведений искусств Луврскаго музея. Секретарем Комитета и распорядителем выставки был G. DUTHUIT. Для выбора предметов, имѣвших быть представленными на выставкѣ и для облегченія трудностей, связанных с вопросом об их отправкѣ в Париж, особые комитеты из специалистов и из музейных хранителей были составлены в Австріи, Англіи, Бельгіи, Венгріи, Германіи, Голландіи, Греціи, Испаніи, Италиі и в Соединенных Штатах Сѣверной Америки. Выставка открылась в залах павильона Марсана Луврскаго дворца 28-го мая 1931 и имѣла очень большой успѣх не только в узких кругах специалистов, но и в жизни всего художественнаго Парижа: толпы посѣтителей заполняли ея залы каждый день вплоть до 9-го іюля, дня ея закрытія. И это не удивительно, так как на ней, можно с полным правом сказать, впервые с такой полнотой и с таким разнообразіем были собраны разсѣянные по всему міру произведенія византийскаго и восточнохристианскаго искусства, обыкновенно хранящіеся в государственных музеях, церковных ризницах и частных, часто очень трудно доступных для обозрѣнія коллекціях. Цѣлью выставки была попытка на мно-

гочисленных, в хронологическом порядкѣ расположенных памятниках показать и богатство форм этого искусства и картину развитія этих форм, чтобы еще раз этим доказать ошибочность и предвзятость укоренившагося и до сих пор еще живого в широкой публикѣ убѣжденія в том, что это искусство было мертвым, однообразным и, как обыкновенно любят выражаться, іератическим, в том, что это искусство будто бы в теченіе вѣков занималось лишь безконечным повтореніем того, что было когда то, в лучшіе времена, создано.

Подобная задача, однако, представляется дѣлом чрезвычайно трудным и прежде всего уже потому, что византийское искусство свое наиболѣе яркое выраженіе получило в произведеніях искусства монументальнаго — в архитектурѣ храмов и дворцов и в украшеніи их стѣн мозаиками, стѣнописями, мраморными облицовками и инкрустациями. Памятники такого рода искусства могут быть показаны на выставкѣ либо в снимках, чертежах и копіях, что не может дать вполне яснаго представленія о них, либо во фрагментах тѣх архитектурных, скульптурных и живописных декорацій, которые по каким либо причинам были сняты со своих мѣст — отдѣленные от ансамбля они также теряют большую долю своей художественной значительности. Другая трудность заключается в том, чтобы из разсѣянных по всему свѣту предметов составить такой подбор, который бы не производил впечатлѣнія случайности. Первую из этих трудностей по ея неизбѣжности не удалось преодолѣть и устроителям парижской выставки, со второй им удалось в болѣе мѣрѣ справиться успѣшно: надо им отдать справедливость — если на выставкѣ были лакуны, зачастую совершенно неиз-

бѣжныя, то лишняго на ней почти что не было ничего.

Одна попытка подобнаго же рода была уже однажды сдѣлана болѣе 25-ти лѣтъ тому назад на выставкѣ византійскаго искусства в Гроттаферратѣ. Эта выставка заключала в себѣ только произведенія, хранившіяся в Италіи, и имѣла значительно болѣе случайный характер. Все же, не смотря на совершенно инныя времена и на другое совѣм отношеніе к византійскому искусству, вкус к которому тогда был значительно менѣе развит, чѣм теперь, и она имѣла успѣхъ, не ограничившійся только узкими кругами ученаго міра. Воспоминанія о ней еще не исчезли, а посвященная ей книжка проф. А. МУНЬОСА не потеряла ни своего интереса, ни извѣстной доли своего значенія. Она не может, конечно, итти в сравненіе с выставкой в Луврѣ, настолько послѣдняя была богаче, разнообразнѣе и полнѣе. На качествѣ состава парижской выставки отразились совершенно иные научные горизонты ея устроителей, а на количествѣ его то обстоятельство, что на ней были представлены не только предметы, хранящіеся во Франціи, но и доставленные из многих заграничных собраній. Не смотря, однако, на такую сравнительную полноту свою, и парижская выставка по своему составу в сущности не была выставкой «византійскаго искусства», а лишь выставкой образцов нѣкоторых отраслей этого искусства. К тому же, далеко не всѣ области, входившія в круг распространія этого искусства были представлены. Истинной сущности искусства Византіи нельзя себѣ представить без самых значительных его произведеній, без константинопольской св. Софіи, без равеннских мозаик, без храмов Салоник, Дафни и монастыря св. Луки Фокидскаго, без мозаик Кахріз-Джами, без фресок Нереза. С другой стороны, византійское искусство, понимаемое в широком смыслѣ слова, не является только искусством византійской имперіи — ея столицы, Константинополя, ея греческой части и народов, в разное время и на раз-

личный срок входивших в ея состав и сохранявших при этом все разнообразіе своих расовых и племенных особенностей, вкусов и традицій. Оно охватывает также и творчество народов, заимствовавших так или иначе, непосредственно или через общих сосѣдей у Византіи основы своей собственной культуры — с одной стороны русских, сербов, болгар и румын, с другой — армян и грузин. О византійской живописи XII вѣка нельзя говорить, не упоминая о мозаиках кіевскаго храма св. Софіи, о фресках новгородской церкви Спаса Нередицы или о росписи болгарской церкви в Бачковѣ. Византійская живопись XIII-го вѣка может быть представлена почти исключительно только памятниками Сербіи и Болгаріи. Многія особенности византійской архитектуры XII—XIV вѣков находят себѣ объясненіе лишь при сравненіи с произведеніями строительства Арменіи и Грузіи. Эмалевое производство, достигшее такой утонченности в Византіи, такой же высоты и таких же качеств мы находим в то же время и в Грузіи. Примѣров того, что термин «византійское искусство» есть понятіе чрезвычайно широкое, и что в таком смыслѣ он и должен пониматься, можно привести огромное количество.

Отлично сознавая, что выставка лишь в том случаѣ может быть выставкой «византійскаго» искусства, если она не пройдет ни мимо памятников монументальных, ни мимо произведеній творчества народов, связанных с Византіей общностью культурных основ, устроители ея дали на ней мѣсто извѣстному числу чертежей, слѣшков, фотографій и копій в красках. Этот отдѣлъ, однако, не исчерпывал того, что могло бы быть выставленным, а представлял, к сожалѣнію, довольно случайный подбор того, что оказалось под руками. Здѣсь можно было видѣть большой разрѣз храма св. Софіи в Константинополѣ в реставрированном по проѣкту Проста видѣ, развѣшенные по стѣнам таблицы из изданія константинопольскихъ церквей Эберзольта и Тьера,

копію одной из недавно очищенных мозаик мечети Омейядов в Дамаскѣ, иногда недурныя, подчас же ужасающія по грубости исполненія копій мозаик Равенны, Салоник и Сициліи, нѣкоторыя копій фресок Мистры, листы новаго изданія в красках миниатюр Вѣнскаго Кодекса Библии, разложенныя в витринах, и случайныя фотографіи памятников Грузіи, Арменіи, Египта и Сиріи. Ни в оригиналѣ, ни в копіях, ни в снимках не был выставлен ни один памятник искусства русскаго, болгарскаго и румынскаго; а все разнообразіе искусства сербскаго было представлено только пятью копіями в красках сербских фресок и нѣсколькими фотографіями из собранія проф. Миллэ.

Выставка, таким образом, отразила монументальное искусство Византіи, только в очень немногочисленных снимках, и если бы не было разрывъ св. Софіи, величайшій памятник этого искусства совершенно на ней не фигурировал бы, что случилось с другим замѣчательнѣйшим памятником Константинополя — мозаиками мечети Кахріэ-Джами. И если был нѣкоторый намек на то, что существовало «византійское» искусство в Арменіи, Грузіи и Сербіи, то относительно Россіи, Болгаріи и Румыніи и такого намека не было.

Послѣднее, конечно, не было ни в какой мѣрѣ игнорированіем искусства русскаго, болгарскаго и румынскаго, а было вызвано очень существенным обстоятельством — недостатком мѣста. Но в то же время, это не означало, что выставка, как предполагалось, ограничилась только греческим ядром Византіи, так как иначе мы не видѣли бы здѣсь чрезвычайно многочисленных произведеній искусства сирійскаго, коптскаго и персидскаго. Эти послѣднія относились главным образом к древнѣйшему времени и тѣм самым пріобрѣтали особенное значеніе для освещенія вопросов, связанных с происхожденіем многих форм искусства византійскаго.

Благодаря всѣм этим обстоятельствам, выставка составила в значительной своей

части из мелких и «портативных» памятников, часто больше относящихся к художественной промышленности, чѣм к «большому» искусству, но собрано их было так много и притом предметов столь значительных и по своему художественному достоинству и по научному интересу, что в нѣкоторых отраслях, как в мелкой скульптурѣ и в тканях, образовались исключительно полныя и разнообразныя, единственныя в своем родѣ сочетанія, дававшія возможность иногда увидѣть хорошо знакомый памятник, благодаря его сопоставленію с другими, в совершенно новом свѣтѣ. Значительность выставленнаго еще болѣе увеличивалась от того, что кромѣ предметов искусства церковнаго, было очень много произведеній свѣтскаго искусства, остатков котораго вообще сохранилось мало и которое сравнительно менѣе извѣстно.

Наибольшее количество выставленных предметов относилось к области скульптуры, как крупной, так и мелкой, и из самаго разнообразнаго матеріала — мрамора, порфира, алебастра, известняка, дерева, кости, стеатита, хрусталя, полудрагоценных камней и металлов. Здѣсь мы видѣли цѣлый ряд поздне-эллинистических портретных бюстов и рельефов еще языческаго содержанія, нѣсколько древне-христіанских саркофагов и между ними фрагмент замѣчательнаго саркофага из Псаматіи, изображающій юнаго Христа и двух апостолов и хранящійся в берлинском музеѣ; рѣзное дерево из Каира и знаменитую египетскую деревянную группу, представляющую крѣпость, осажденную врагами; почти всѣ извѣстнѣйшіе консульскіе диптихи и оклады Евангелій из слоновой кости, между которыми первое мѣсто занимали луврскій (Барберини) с изображеніем коннаго императора и равеннскій (из Мурано), на котором представлен юный Христос и чудеса им творимыя; многочисленныя складныя иконки из слоновой кости с изображеніями Деисуса и святых (Гарбавильскій триптих), Христа, возлагающаго короны на импера-

торов, Распятія, Успенія Богородицы, Апостолов и т. д.; всѣ болѣе извѣстныя шкапулки, украшенныя пластинками слоновой кости с мифологическаго и христіанскаго содержанія сценами и фигурами, а между ними двѣнадцатигранный ларецъ X вѣка из ризницы собора в Сансѣ с подробной иллюстраціей исторіи прекраснаго Іосифа; замѣчательныя по тонкости исполненія таблетку слоновой кости из музея Клюни с изображеніемъ женщины, держащей два опрокинутые факела, и ажурную крышку переплета так называемаго Беренгаріева Евангелія из собора в Монцѣ; много раз издававшуюся дощечку слоновой кости с портретомъ императрицы из музея Баржелло во Флоренціи; стеатитовыя иконки собранія Шлюмберже и ряд драгоцѣннѣйшихъ камей, среди которыхъ общее вниманіе привлекала большая камея собранія Ротшильда с портретами императора Гонорія и императрицы Маріи (IV в.). Сюда же относятся издѣлія из металлов. В первомъ же залѣ, среди древнѣйшихъ памятниковъ, на особомъ постаментѣ возвышалась столь интригующая всѣхъ «антіохійская чаша», ни глубокая древность, ни, какъ кажется, даже подлинность которой не могутъ до сихъ пор считаться вполнѣ доказанными (таб. I). Тут же было выставлено хранящееся в Мадридѣ знаменитое блюдо с портретомъ императора Θεодосія I, а рядомъ с нимъ два серебряныхъ и позолоченныхъ блюда с изображеніемъ причащенія Христомъ апостоловъ под двумя видами и рядъ прекрасныхъ серебряныхъ сосудовъ сирійскаго происхожденія. Среди болѣе позднихъ памятниковъ этого рода привлекала вниманіе луврская серебряная позолоченная тисненная доска с изображеніемъ святыхъ Жен у гроба Христа. Рядъ витринъ заключалъ въ себѣ произведенія ювелирнаго и золотыхъ дѣлъ мастерства — золотыя ожерелія, бусы, фибулы, серьги, браслеты, кольца, всевозможныя подвѣски и нашивныя бляшки, которыми украшали свои одежды византійцы. Тутъ же можно было познакомиться с золотыми наборами кон-

скихъ сбруй и с драгоцѣнными украшениями оружія — рукоятокъ мечей и колчанов. К ювелирному же дѣлу в извѣстной мѣрѣ могутъ быть отнесены и эмали, которыхъ также на выставкѣ было довольно много: нѣсколько извѣстныхъ реликваріевъ, крестъ из Козенцы, подаренный Фридрихомъ II, дощечки с изображеніями танцовщицъ из короны Константина Мономаха будапештскаго (таб. V и VI₂) и лондонскаго музеевъ, большая эмалевая фигура Христа из палаццо Венеція в Римѣ и нѣсколько дощечекъ из бывшаго собранія Боткина в Петербургѣ, двѣ-три из которыхъ едва ли могутъ считаться подлинными. Лучшими, блестящими по technikѣ, по рисунку и по краскамъ были двѣ эмали, нѣкогда принадлежавшія Звенигородскому, перешедшія в собственность Моргана, а затѣмъ подаренныя послѣднимъ Луврскому музею: одна представляетъ св. Димитрія в медаліонѣ, (таб. VI₁), другая является кускомъ орнаментальнаго фона несохранившейся большой эмалевой иконы Богородицы.

Вторымъ по количеству предметовъ былъ на выставкѣ отдѣлъ тканей. Изъ нихъ только нѣсколько было такихъ, которыя с полнымъ правомъ могли быть сочтены византійскими. В большинствѣ это были коптскія ткани, нѣкоторое число было прекрасныхъ древнихъ персидскихъ матерій, а затѣмъ были ткани, изготовлявшіяся уже в XII вѣкѣ по древнимъ образцамъ в палермскихъ мастерскихъ. Громадное большинство было доставлено на выставку изъ парижскаго музея Гимэ и изъ ризницы собора в Сансѣ, затѣмъ изъ музея тканей в Ліонѣ, изъ Лувра, Клюни и изъ берлинскаго Шлюсс-Музеума. Нѣсколько интереснѣйшихъ кусковъ принадлежали частнымъ собраніямъ — Блиссу в Вашингтонѣ (таб. III) и Джону Рокфеллеру.

Живопись была представлена нѣсколькими мозаиками, небольшимъ количествомъ рукописей с миниатюрами, расписными тканями и небольшимъ количествомъ икон. Тѣ нѣсколько фрагментовъ стѣнныхъ мозаикъ, которые происходили изъ частныхъ собраній и неизвѣстно откуда туда попали, свидѣтель-

ствовали о такой грубости исполненія, что вызывали справедливыя сомнѣнія в подлинности, но за то пять мозаическихъ икон, выставленныхъ рядомъ, были настоящимъ украшеніемъ выставки. Двѣ изъ нихъ, изображающія св. Георгія и Преображеніе, принадлежатъ, какъ извѣстно, Лувру, одна с изображеніемъ Распятія на серебряномъ фонѣ музею импер. Фридриха в Берлинѣ, а двѣ с изображеніемъ двѣнадцати праздниковъ — шедевры мозаического искусства — музею Опера дель Дуомо во Флоренціи.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе цѣнныхъ экспонатовъ выставки было знаменитое россанское Евангеліе. На оригиналѣ можно было убѣдиться с какой исключительной роскошью и мастерствомъ оно было исполнено. Серебро, которымъ написанъ его текстъ на тончайшемъ пурпурномъ пергаментѣ, до настоящаго времени не почернѣло, а его миниатюры сохранили удивительную свѣжесть красокъ. За предоставленіе этой рѣдчайшей рукописи для выставки надо быть особенно благодарнымъ италіанцамъ, принимая во вниманіе трудности, связанныя для большинства интересующихся византійскимъ искусствомъ с поѣздкой в отдаленную Калабрію, а также и то обстоятельство, что, какъ извѣстно, до сихъ поръ это Евангеліе ни разу еще не покидало мѣста своего постоянного храненія. Очень рѣдкій памятникъ былъ присланъ неаполитанской Національной Библіотекой — восемь листовъ, сохранившихся изъ коптской рукописи книги Іова, VII-го вѣка; на одномъ изъ этихъ листовъ изображены перомъ императоръ Іраклій и его дѣти. Изъ Италіи же былъ присланъ и единственный памятникъ, имѣвшій отношеніе къ Россіи — извѣстный кодексъ архіепископа трирскаго Экберта, иначе называемый псалтирю Гертруды и хранящійся в Чивидале. Среди миниатюръ этой псалтири дважды изображена русская княжеская семья — князь Ярополкъ Изяславовичъ (погибшій в 1087 г.), его жена Ирина и его мать Гертруда, бывшая польская княжна, заказчица рукописи. Нѣсколько прекрасныхъ ру-

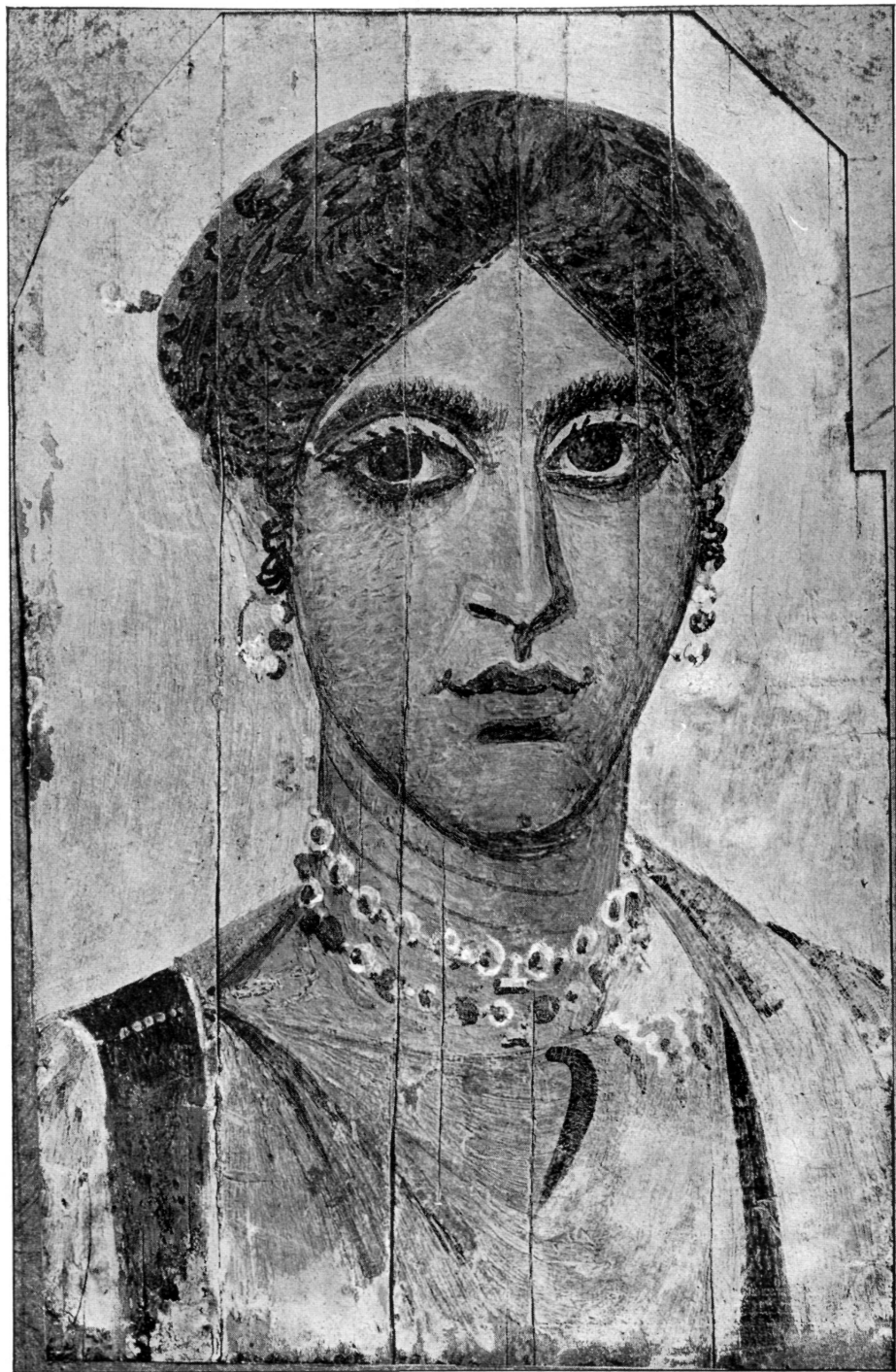
кописей с миниатюрами были предоставлены библіотекой св. Марка в Венеціи и берлинской государственной библіотекой. Администрація парижской Національной Библіотеки не нашла возможнымъ предоставить на выставку принадлежащія ей рукописи, но, в качествѣ особаго отдѣла выставки, в самой библіотекѣ изъ всего ея богатства были выставлены 20 лучшихъ рукописей. Къ сожалѣнію, эти рукописи, все время, пока выставка была открыта, лежали в витринахъ раскрытыми на одной и той же миниатюрѣ, в цѣломъ рядѣ случаевъ на наименѣе интересной и хуже всего сохранившейся. Во всякомъ случаѣ, хоть издали можно было посмотрѣть в обыкновенное время никому недоступныя Синопскій отрывокъ Евангелія VI в., Проповѣди св. Григорія Назіанзина № 510, Псалтирь № 139, Проповѣди монаха Іакова Кокиновафскаго и т. д.

Расписныхъ тканей на выставкѣ было всего двѣ. Одна изъ нихъ, датируемая III-имъ вѣкомъ, происходитъ изъ Антинои и представляетъ собою погребальную пелену с замѣчательнымъ портретомъ молодой женщины, другая, не менѣе интересная, относится къ XI—XII вв. и обыкновенно хранится в ризницѣ собора св. Юста в Триестѣ. Это длинный кусокъ шелка, на которомъ во весь ростъ изображенъ молодой мученикъ, св. Юст. Рѣдкая тонкость письма и удивительно нѣжныя краски ставятъ этотъ памятникъ в рядъ съ лучшими произведеніями византійской живописи Комненовскаго времени (таб. IV).

Живопись на деревѣ представлена была двумя эллинистическими портретами изъ Файума (таб. II), нѣсколькими извѣстными коптскими иконами и рядомъ греческихъ икон XIV—XVIII вв. изъ аѳинскаго византійскаго музея и изъ собранія Д. Лавердо в Аѳинахъ. Послѣднія давали возможность наглядно убѣдиться в томъ, что греческое искусство иконописанія находилось в этотъ періодъ в состояніи упадка. В то время какъ в Россіи, исходя изъ древнихъ греческихъ образцовъ иконописи достигаетъ высокаго стиля, изумитель-

Антиохійская чаша. Собрание Ф. Кушаки в Нью-Йоркѣ.

Портрет из Файума. Собрание Самбона в Парижѣ.

Шерстяная ткань из Египта. Собрание Р. Блисс в Вашингтонѣ.

Св. Юст. Живопись на шелкѣ. Триест. Собор.

Части короны Константина Мономаха. Будапешт. Національний музей.

1

2

1. Св. Димитрій. Эмалевый медаліон. Париж. Лувр.
2. Эмалевые медаліоны из короны Константина Мономаха.
Будапешт. Національний музей.

ной тонкости письма и совершенной гармонии колорита, в Греции она не подымается, повидимому, над уровнем ремесленного производства. Художественные достоинства сохраняют только древнейшие произведения этого периода, как можно было судить по большой иконѣ Распятія из Салоник, принадлежащей афинскому музею, и замѣчательному складню-мошехранительницѣ с изображеніем Христа, Богородицы с Младенцем и 28-ми святых, мощи которых складень в себѣ заключает. Складень этот был изготовлен в концѣ XIV столѣтія для эпирскаго деспота Ѳомы Прелюбовича и его жены Маріи Ангеллины. Хранится он теперь в Испании, в ризницѣ собора города Куенки.¹

Кромѣ всего вышеуказаннаго, выставка заключала еще нѣкоторое количество керамических издѣлій и стеклянных предметов и один предмет, представляющій совершенно новый, до сих пор неизвѣстный род византійскаго искусства. Это бѣлая мраморная доска, найденная недавно в Константинополѣ турецкими археологами при раскопках древней церкви Панахранты. В этой доскѣ из кусочков разноцвѣтнаго мрамора инкрустировано изображение святой Евдокии, представленной в царских одеждах и в позѣ оранты. Хотя инкрустація всякаго рода была очень распространѣнным видом декоративнаго искусства в Византии, но содержаніем ея всегда был исключительно орнамент, здѣсь же впервые становится извѣстной и фигурная инкрустація; надо, однако, отмѣтить, что инкрустаціей собственно исполнены только одежда и орнаментальная рама, лицо же слѣлано врѣзанными чертами и довольно грубо.

Таково было содержаніе парижской византійской выставки. Уже из бѣглаго его обозрѣнія видно, что выставлено было довольно много и что среди выставленнаго

было много первоклассных произведений средневѣковаго искусства, которыя могли привлечь к себѣ вниманіе не только специалистов, но и всякаго художественно воспитаннаго чловѣка. Общее впечатлѣніе, оставляемое ею на посѣтителя, однако, было таково, что при ея обозрѣніи как-то забывалось, что существовал Константинополь, могучій культурный центр, по которому равнялось искусство в теченіе вѣков. Было, конечно, много предметов константинопольскаго происхожденія, но главной массой своих экспонатов выставка как-то проходила мимо византійской столицы, захватывая больше периферію государства, и обращаясь в особенности в сторону восточных его предѣлов; иными словами, она создавала впечатлѣніе, что византійское искусство было по преимуществу восточным, все болѣе и болѣе забывавшим свои эллинистическія основы. Способствовало этому то обстоятельство, что на выставкѣ не были представлены равномѣрно отдѣльныя отрасли искусства и отдѣльныя эпохи. Очень богат был отдѣл тканей, а онѣ всѣ были или восточнаго происхожденія или повторяли восточные мотивы. То же можно сказать и относительно мелкой скульптуры, торевтики и золотых дѣл мастерства. С другой стороны, лучше всего было показано древнѣйшее время, начальный період византійскаго искусства, хуже — період X—XII столѣтій и слабѣе всего — XIII—XVI вѣка.

То именно обстоятельство, что наиболѣе древніе памятники были лучше всего представлены, получило для обозрѣвателей выставки особенное значеніе, так как они являлись для него наглядной иллюстраціей того, как возникало византійское искусство в результатѣ новаго столкновенія античнаго міра с Востоком, на этот раз христіанским. Новая религія, быстро распространившаяся на Востокѣ в глубоких народных

¹ См. G. Ostrogorsky und Ph. Schweinfurth. Das Reliquiar des Despoten von Epirus. «Seminarium Kondakovianum», IV, Prague, 1931, 165—172, Taf. V. u. VI;

тѣ же, El relicario de los déspotas del Epiro. «Archivo Español de Arte y Arqueología», N 18, Madrid, 1930, 213—220, 2 таблицы.

слоях, отразилась прежде всего в искусствѣ этихъ слоевъ, остававшихся вѣрными старымъ мѣстнымъ вкусамъ и чуждыхъ заносимому съ Запада античному духу. Побѣждая, христіанство проникало изъ нижнихъ общественныхъ слоевъ въ верхніе, гдѣ этотъ духъ царилъ, и несло съ собою искусство, начавшее развиваться на основѣ сохранившихся въ народной средѣ

древнихъ восточныхъ формъ. Взаимное про- никновеніе, сочетаніе и сопочиненіе двухъ художественныхъ теченій, западнаго, эллинистическаго и языческаго съ восточнымъ и христіанскимъ, аристократическаго съ народнымъ, и вызвало къ жизни то искусство средневѣковья, которое принято называть византийскимъ. *Н. Окунев (Прага).*

NAJSTAREJŠI GLAGOLSKI SPOMENIK IN LITURGIJA SV. CIRILA IN METODA: Под такимъ названіемъ поместилъ очень интересную статью DR. FR. UŠENIČNIK въ Люблянскомъ «Bogoslovni Vestnik» (1930 г. 235—253). Поводомъ къ ней послужилъ открытый недавно MOHLBERG'OM Падуанскій текстъ римскаго миссала, точнее сакраментарія Григорія В., — текстъ, хотя и не тождественный съ недошедшимъ до насъ латинскимъ оригиналомъ Киевскаго миссала, но, все-таки, очень близкій къ нему. Сравнивая отдельные его молитвы и «префации» съ соответствующими мѣстами глаголическаго отрывка, авторъ отметилъ въ послѣднихъ целый рядъ такихъ неточностей и ошибокъ, которые, по его мнѣнію, неопровержимо доказываютъ, что славянскому переводчику былъ чуждъ духъ римской литургіи, и что онъ, по всей вероятности, былъ священникомъ восточнаго обряда. Въ доказательство UŠENIČNIK указываетъ фактъ, надъ которымъ действительно стоитъ задуматься. Въ одной «префации» Киевскихъ листковъ встречаются строки: *тъ ѿи животоу нашѣу, гдѣ, отъ небытія до въ бытіе сътворитъ ны ѿи, и отъпадѣшиа въскрѣси пакы.* Ничего похожего на эти слова до сихъ поръ не найдено ни въ одномъ изъ латинскихъ сакраментаріевъ, и это понятно, такъ какъ они явно заимствованы изъ греческой литургіи Іоанна Златоустаго: *Σὺ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἡμᾶς παρ' ἡμᾶς καὶ παρὰ τοὺς ἀνέστητας πάλην.* Изъ этого факта UŠENIČNIK съ полнымъ правомъ заключаетъ, что славянскому переводчику миссала была знакома литургія Златоустаго въ первоначальномъ слав-

янскомъ переводѣ. А такъ какъ творцомъ этого перевода былъ Константинъ, то авторъ видитъ въ указанномъ обстоятельстве подтвержденіе догадки MOHLBERG'А, что оригиналъ Киевскихъ листковъ былъ переведенъ Кирилломъ во время его пребыванія въ Римѣ въ 868 г.; въ послѣдствіи предсмертный трудъ своего брата ввелъ въ богослужебную практику Мефодій. Но не говоря уже о томъ, что такой тонкій знатокъ языковъ, какимъ былъ Константинъ, едва-ли могъ допустить въ своемъ переводѣ те неточности въ славянскомъ переводѣ, какіе приписываетъ ему UŠENIČNIK, противъ его гипотезы свидѣтельствуетъ предсмертная молитва Кирилла (приведенная *in extenso* въ его пространномъ житіи), которая *психологически* исключаетъ у него всякую мысль о переводѣ латинской богослужебной книги. А что на это дело не могъ пойти Мефодій доказываютъ его связи съ византийскимъ дворомъ, непрекращавшіеся чуть не до послѣдняго дня его жизни. Если все это такъ, то вернее думать, что оригиналъ Киевскихъ листковъ былъ переведенъ не солунскими братьями, а однимъ изъ ихъ учениковъ, который, ради спасенія славянскаго языка и богослуженія, подвергшихся такимъ жестокимъ гоненіямъ по смерти Мефодія, рѣшился замѣнить восточный обрядъ римскимъ. Былъ-ли это Гораздъ, какъ известно, одинаково свободно владевшій и греческимъ, и славянскимъ, и латинскимъ языкомъ, или кто-либо другой, — остается пока неяснымъ. *Г. Ильинскій (Москва).*

СХІДНО-СЛОВ'ЯНСЬКА РЕЦЕНЗІЯ
ЦЕРКОВНО-СЛОВ'ЯНСЬКОЇ МОВИ. Цер-

ковно-слов'янська мова, як відомо, з найдавнішого часу ділиться на окремі «ізводи» чи рецензії, в залежності від того, які місцеві діалектичні риси пробиваються в ній. Розрізняємо ізводи: південно-слов'янський (болгарський, сербський, словінський), західно-слов'янський (рідкий) і східнослов'янський.

В науці (головно російській) дуже часто не роблять діалектичного розрізнення східно-слов'янської рецензії церковно-слов'янської мови, звичайно називаючи її російською чи «русскою». Таке трактування вважаю зовсім ненауковим, бо вже з пам'яток XI віку можна виділити пам'ятки «київські» чи південно-східно-слов'янські (по теперішній термінології — українські); пам'ятки ж північні, XIV—XVII віків, дуже легко можна поділити на російські та українські, почасти білоруські, а пам'ятки російські можна ділити на менші діалектичні групи. У своїй праці: *«Наголос яко метод означення місця виходу стародруківаних книжок»* («Записки Наукового Товариства ім. Шевченка», Львів, 1925 р., т. 136 ст. 197—224) я докладно показав, що наголос (акцент) являється найкращим засобом для означення ізводу того чи іншого рукопису.

Пражський Слов'янський Інститут оце випустив нову працю Ю. А. ЯВОРСЬКОГО: *«Новыя рукописныя находки въ области старинной Карпаторусской письменности XVI—XVIII вѣковъ»*, 1931 р., 135 ст. + 5 знімків, в котрій описано 14 карпато-руських рукописів. Опис скрізь дуже докладний, цінний ще тим, що коло видатніших статей автор подає багату літературу про них.

На жаль тільки, описуючи той чи інший рукопис, автор зовсім не зазначає наголосів в пам'ятках акцентованих. Кажу на жаль, бо опис акценту відразу кинув би певне світло на рецензію (ізвод) рукопису¹ Так,

на стр. 9 автор пише про Тереблянський Пролог XVI віку: «Редакція Пролога — русская... Языкъ церковно-славянскій *рускаго* (підкреслення моє, І. О.), но съ многими, болѣе или менѣе яркими чертами мѣстнаго карпаторусскаго нарѣчія». Які саме ознаки дають право авторові звати цей ізвод «русскимъ», не знаю, бо він того не зазначив, але сама мова дуже виразно свідчить проти такого окреслення.

До книжки додано фотографічні знімки, з них № 1—3 Тереблянського Прологу. Знімок цей подає такі акценти: ѿ *стрѣны*, *вспокѣдѣше*, *кѣровати*, *свѣзанъ*, — усе це старі типові українські наголоси (російські XVI віку були б: ѿ *стрѣны*, *вспокѣдѣше*, *кѣровати*, *свѣзанъ*), які виразно окреслюють ізвод пам'ятки.

Як знати з добрих фотографічних знімків, доданих до книги, описані рукописи акцентовані. На жаль тільки, автор зовсім знехтував їхні акценти, хоч вони в описаних пам'ятках надзвичайно цікаві; на ст. 101—131 дано більші уривки текстів, — але без зазначення акцентів. Взагалі тексти видано методом не філологічною, чого в наш час варто було б не робити. *Ів. Огієнко.*

ÚVOD DO ČTENÍ PRÁVNÍCH TEXTŮ. Že církevněslovanské právní texty jsou důležité nejen pro právního historika, nýbrž i pro filologa, ukázala v neposlední řadě, ke konci minulého století, na př. i polemika mezi A. Pavlovem a S. Suvorovem o západokatolické vlivy ve slovanském právu a její důsledky pro hodnocení a literární zařazení i zpovědního nomokanonu Sinajského euchologia, kladoucího problém spleťtého vlivu východu a západu na nejstarší zpovědní a církevněprávní texty slovanské (srv. V. VONDRÁK, *Zachodnio-europejskie postanowienia pokutne v języku cerkiewno-słowiańskim*, Kraków 1904). Slovanskému filologovi a vůbec každému neprávnikovi, který se zabývá se svého stanoviska těmito texty, přijde tedy asi vhod stručný a hutný úvod do čtení jejich sta-

¹ Напр. Д-р Яр. Гординський в своїй праці: «Рукописи бібліотеки монастиря св. Онуфрія ЧСВВ у Львові», 1927 р., (див. «Записки чину св. ВВ») скрізь звертає пильну увагу на акценти, а це йому відразу свідчить про місце написання пам'яток.

rých latinských zkratk a odkazů, který studentům a neodborníkům napsal kanonista štrasburské university G. MOLLAT: *Introduction à l'étude du droit canonique et du droit civil* (Paris, Beauchesne, 1930, 71 str.). G. Mollat dělí svůj spisek na tři kapitoly. V prvních dvou popisuje jednotlivé složky v *Corpus iuris canonici* a justiniánském *Corpus iuris civilis*, zaznamenává stručně jejich původ a osudy a zejména podává seznam šifer (sigl) a zkratk, jichž je v nich užíváno při odkazech. V největší, třetí kapitole, jsou pak shrnuty značky ze spisů kanonických a občanskoprávních vůbec, zaznamenané již zčásti, ale právě jen zčásti v rejstřících paleografických, jako *Manuel de Paléographie latine et française du Ve au XVIIe siècle* (Paris 1924) od M. PROU, a *Dizionario di abbreviature latine et italiane* (Milano 1912) od A. CAPPELLIHO; zde jsou tyto značky podány v počtu mnohem hojnějším, z největší části na základě ve středověku velmi hojně rozšířeného slovníčku sepsaného v XV. st. pod názvem *Modus legendi abbreviaturas in utroque iure*. Ten G. MOLLAT upravil, opravil a rozšířil podle výsledků vědecké práce ve st. XIX. a XX. Přes to, že se Mollatův spisek týká jen spisů latinských, má svůj praktický význam i pro problémy byzantsko-slovanské, a sice právě vzhledem k dotčené již spletnosti právních vlivů mezi západem a východem v nejstarší době literatury církevněslovanské.

Jan Frček.

MICHAEL KMSKO: DAS RÄTSEL DES PSEUDOMETHODIUS. (*Vortrag gehalten am VI. deutschen Orientalistentage in Wien, 13. Juni 1930.*) *Byzantion VI* (1931), str. 273—296.

V literatuře slovanské je tato apokryfní apokalypsa známa zejména z vydání Istri-nova z r. 1897, obsahujícího téměř všechny řecké, církevněslovanské a ruské její texty, ne však daleko cennější překlad latinský. Kmsko vychází z dosud nepouží-

tého syrského textu, dochovaného v Cod. Vat. Syr. 58 (A. D. 1584) a podává na jeho základě rozbor díla, hledá jeho původ, dobu vzniku a autora. Potvrzuje nejprve názor, který r. 1917 vyslovil F. Nau, že totiž řecko-latinský text této apokalypsy je teprve pozdějším jejím zpracováním a dodává, že původně byla zcela určité se-psána syrsky; tento původní text, bohužel dosti zanedbaný, je dochován právě v jmenovaném již rukopise vatikánském. Kmskovy závěry jsou tyto:

Autor tohoto spisu byl původem Syr z východu, tedy poddaný říše Sasanidů, a vystěhoval se ke konci první třetiny VII. stol. do Palestiny. Žil v klášteře sinajském, kde se soustřeďovala velmi pestrá společnost mnichů nejrozumnějších národností a konfessí a kde také žil nějaký čas asi s Anastasiem Sinaitou. Oba mniši vzájemně na sebe působící byli fanaticky záníceni pro byzantský císařský ideál, jež chtěli ve své době a ve svém kraji zachrániti tím, že syrskému obyvatelstvu, rozmrzelému daňovými břemeny a šikánami, a obrazejícím své zraky k Arabům, připomínali, že patří do církve Kristovy. Anastasius to učinil svým spisem *Contra Judaeos* (PG. 89), Pseudomethodius napsal pro neznalé mnichy syrských laur politickou brožuru pod pláštěm apokalypsy. Z obou spisů největšího rozšíření dosáhla prostomyslná apokalypsa.

J. F.

D. ANASTASIJEVIČ: LA CHRONOLOGIE DE LA GUERRE RUSSE DE TZIMISCÈS. *Byzantion VI* (1931), str. 337—342.

Pro Cimiskovu výpravu do Bulharska proti ruskému kijevskému knížeti Svjatoslavovi byla dosud udána 3 data (Du Cange-Skylitzes, rus. kronika Nestorova a arabský kronikář Yahya: 971; Pagi: 971—973; Hase-Leon Diakonos: 972). Anastasijevič ukázal již dříve, že Lev Diakon a Yahya byli špatně vyloženi, sám pak z kontradikcí Lva Diakona vybírá na základě údajů Yahyových

a Skylitzových pro Cimiskovu výpravu datování 971—973 či 974. Pro opačné tvrzení Lvovo hledá vysvětlení v tom, že si asi špatně vykládal časové údaje svého pramene, jenž byl současně pramenem Skylitzovým. Nestor pak, jak praví, zkrátil trvání výpravy tím snadněji, že vynechal všechny boje mezi Cimiskem a Svjatoslavem na Balkáně.

J. F.

V. MOŠIN: LES KHAZARES ET LES BYZANTINS D'APRÈS L'ANONYME DE CAMBRIDGE. *Byzantion VI* (1931), str. 309—325.

Tento anonym je zlomek opisu z XI. až XII. stol. hebrejského listu, psaného asi r. 950 chazarským židem, poddaným krále Josefa. Zlomek vypráví dějiny židů v Chazarsku, je však cenný pro chazarské dějiny té doby vůbec, stejně jako je významný pro hebraisty, turkology, historiky východní Evropy a byzantology. Styků byzantsko-slovanských se týká jeho zmínky o Rusích a jejich králi Helgu. Kokovcev viděl v tomto králi kijevského knížete Olega, kdežto Bruckus a j. v něm vidí knížete Igora a události Igorovy doby spojují s válkou chazaro-byzantino-ruskou. V. Mošin myslí, že ani tato hypotéza není správná. Podle něho nejde v tomto textu vůbec o knížetství kijevské, nýbrž o kolonii Varegů na břehu Černého moře s hlavním městem Tmutorokanem.

J. F.

N. BĂNESCU: EIN ETHNOGRAPHISCHES PROBLEM AM UNTERLAUF DER DONAU AUS DEM XI. JAHRHUNDERT. *Byzantion VI* (1931), str. 297—307.

N. Bănescu se zde vrací ke dvěma svým dřívějším pracím, v nichž ukazoval, že v pohraničním byzantském vévodství Paristrii, ležícím při Černém moři a na Dunaji, města s vlastními vůdci, připomínaná Annou Komnénou v Dristře, Vitzině a jinde, při líčení bojů Alexia I. Komnénova

s Pečeněgy, mohou býti připsána jen autochtonnímu obyvatelstvu této krajiny, totiž Rumunům, potomkům starých římských kolonistů.

Proti této thésí ozvaly se námitky se dvou stran: od P. Mutaščieva v *Byz. Zeitschr.* XXV (1925), upozorňujícího na odchýlné stanovisko Vasiljevského (ŽMNPr., list.-pros. 1872) a Kulakovského (Viz. Vrem. IV, 319—336), kteří obyvatelstvo těchto měst v oné době pokládali za ruské, a v *Echos d'Orient* XXVII (1924), kde byly vysloveny otázky, jak by pak bylo možno, aby v Paristrii byly existovaly nezávislé rumunské útvary pod skutečným panstvím byzantským, a jak byzantský historik, o něhož se Bănescu opíral a jenž musil znát balkánské Valachy, mohl je nazvat Skythy.

Polemizuje s těmito námitkami, dokazuje B. proti námitce první, že Vasiljevského prameny jsou buď neprůkazné nebo že je jim rozuměti jinak (zde výklad o jménu Dunaj jako ruském obecném označení řek; o významu výrazu γένος τι Σκυθικόν; αὐτόμολοι = nikoliv »sbězi«, nýbrž »dobrovolníci«; ἀρειμαῖνοι není označení cizinců), studie Kulakovského pak že je dnes již zastaralá. Proti námitkám E. O. pak vykládá, že odrážení ustavičných nájezdů Pečeněgů a Kumánů do Paristria způsobovalo Byzanci takové nesnáze, že bylo možno, aby se v určitých chvílích byla města Paristria bouřila. Ostatně nebyly autonomní útvary v rámci Byzantska zjevem docela neobvyklým, jak jsou toho doklady z dějin byzantských Vlachů. Název »Skythové« pro Valachy vysvětluje archaisující nomenklaturou byzantských dějepisců této doby, již nachází i u M. Psella. Bănescu tedy setrvává na svém stanovisku, jež shrnuje takto:

»Obyvatelstvo měst Paristria, mající v rámci císařství své vlastní vůdce — k čemuž docházelo i jinde — jež se vzbouřilo proti doléhajícímu fisku Michala VII. Du-

kase a později si hledalo spojení proti císařství v Pečenězích a Kumánech, tehdy právě se tlačících přes Dunaj, mohlo být složeno po národnostní stránce jen z Rumunů. Paristřiští »Skythové« u Attaliata a Anny Komneny musí být ztotožnění s domorodými obyvateli, potomky starých římských kolonistů z krajín po levé i pravé straně Dunaje.« J. F.

KODIFIKACE VÝCHODNÍHO KANONICKÉHO PRÁVA. *Revue d'histoire ecclésiastique* referuje ve svém letošním ročníku XXVII (1931), str. 74, o zprávě, kterou vydal Mgr. A. G. Cicognano, asesor Sv. Kongregace pro východní církev, o přípravách této kongregace za účelem kodifikace východního kanonického práva [*Codificazione canonica orientale* (Roma, 1931), in — 8°, 16 str.]. Kodifikace je připravována zvláštní komisí ustanovenou Piem XI., jejíž někteří členové chystají odborné práce o jednotlivých otázkách. Tak abbé C. Korolevsky vydá brzy listiny vydané Sv. Stolicí a týkající se východních církví, P. Vosté chystá *Synodicon orientale*, atd. J. F.

STYKY POLSKO-BYZANTSKÉ V XI. STOL. *Journal des savants* zaznamenává ve svém čísle z dubna 1931, str. 185—186, výklad, který dne 27. března t. r. podal v pařížské Académie des Inscriptions et Belles-Lettres O. Halecki, děkan filosofické fakulty varšavské university, o dějinách styků, jež existovaly od XI. st. mezi Polskem a Byzantskem a jež byly zvlášť důležité za posledních Palaeologů a prvních Jagellonců. Polsko, posílené spojením s Litvou, mělo zájem zejména na boji proti Turkům a na otázce sjednocení církví. O. Halecki vložil také důsledky pádu Cařihradu na pozdější osudy Polska. J. F.

H. GRÉGOIRE: L'OPINION BYZANTINE ET LA BATAILLE DE KOSSOVO.

Byzantion VI (1931), str. 247—251.

Grégoire doplňuje a částečně opravuje studii N. Radojčiče v *Glasniku Skopskog Naučnog Društva* (1930, 3—4, str. 163—175; článek byl Radojčičem shrnut německy v témž čísle *Byzantionu*, str. 241—246) o řeckých pramenech k bitvě na Kosím poli.

Doplňuje R. studii tím, že ukazuje, jak Demetrios Kydones aspoň v jednom případě (r. 1371) doporučoval prozíravě a marně spojenectví se srbským králem Vukašinem a despotou Uglješou (bylo to krátce před bitvou u Drinopole, na Marici). Opravuje R. na základě kánonu mnicha Maxima Mazarisa [vyd. Sp. Lambrosem v *B. Z.*, V, (1896), str. 67—70], a jehož R. nepoužil. Vykládá strofu ψ tohoto kánonu odchylně od Lambrose, Grégoire dochází k závěru, že duch tohoto byzantského textu, obsahujícího rovněž zmínky o bitvě na Kosím poli, řadí se do kategorie řeckých pramenů Srbům přátelských a posunuje tudíž dále do minulosti časovou hranici řecko-srbského bratrství, jehož je prvním projevem, jako je první zmínkou o slavné srbské porážce. J. F.

N. RADOJČIČ: DIE GRIECHISCHEN QUELLEN ZUR SCHLACHT AM KOSSOVO POLJE. *Byzantion VI* (1931), str. 241—246.

Byzantské prameny k bitvě na Kosím poli, důležité pro informaci historiografie středověké Evropy, neschopné hledat poučení v pramenech srbských, jsou psány v dvojím duchu. Starší z nich, s výjimkou Konstantina Porfyrogenneta, jsou pohrdavé a Srbům nepřátelské, mladší, z doby po bitvě na Kosím poli, se však stávají nejen vlídnějšími, nýbrž dosahují až k nelíčené vřelosti. To platí zejména o Dukasovi a Chalkondylesovi (Dukasovo líčení shoduje se s citěním srbským do té míry, že interpolace, kterou v XVII. st. do svého benátsko-italského překladu Dukase vložil ne-

známý Srbochorvat, úplně a k nerozeznání splynula s ostatním textem psaným ve stejném duchu). Kriterium tohoto stanoviska je v líčení smrti Muradovy. Křesťané tvrdili, že Miloš, vojvoda knížete Lazara, se obětoval, aby zbavil celé křesťanstvo jeho největšího nepřítele: před bitvou nebo po jejím zahájení hrdinsky sultána Murada probodl. To je verse Chalkondylesova, který Miloše nazývá ἀνδρα γενναϊότατον a jeho čin ἀγῶνα κάλλιστον διὰ τῶν πώποτε γενομένων a ὁρμὴν πασῶν διὰ καλλίστην ὧν ἡμεῖς ἴσμεν. Turci naproti tomu tvrdili opak, ujišťující, že vítězem na Kosím poli nebyl Bajazid, nýbrž Murad sám, kterého Miloš zavraždil úskočně a teprve po skvěle získaném vítězství. — Změna stanoviska byzantských annalistů byla způsobena tureckým nebezpečím, jež bývalé nepřátele sráželo do jednoho šiku a spojovalo je společnou vírou, společným cítěním a společným utrpením. Skupina těch, kdož i pak nezapomínali na vše, co dělilo Řeky od Slovanů a oddávali se marné a neplodné orientaci západní, měla nejohrovenějšího mluvčího v osobě Demetria Kydona. Tato skupina byla však úplně osamocena, neboť Řekové stále jasněji cítili sílu pouta, jež mezi nimi a sousedními Slovany tvořila společná víra, pro kterou je západ stejně nenáviděl a pokud jim sliboval pomoc, činil tak jen aby dosáhl sjednocení církví.

J. F.

Π. ΒΟΡΒΙΤΣ: ΤΡΠΝΙ ΓΛΑΓ. ΠΡΙΔΕΒ ΠΡΟШЛОГ ВРЕМЕНА У СТАРОСЛОВЕНСКОМ ЈЕЗИКУ, ГРЧКОМ И ЛАТИНСКОМ ТЕКСТУ. *Јужн. фил. IX (1930)*, str. 273—278.

Je to syntaktický příspěvek k otázce, posledně opět vyslovené V. Pogorelovem (*Bratislava III*, 109—116), o vlivu latinské vulgáty na staroslověnský překlad evangelií. Autor tu zkoumá tuto možnost pomocí způsobu, jímž je v stsl. překladu evangelií (z největší části v Mar.) užíváno přičestí minulého trpného. V úvahu bere

jen případy mimo pasivní vazby finitní. Ukazuje nejprve, že staroslověnština má proti třem řeckým tvarům, totiž part. perf. med., part. aor. pas. a adj. verb., k dispozici jen jediné part. praet. pas. V tom ohledu se staroslověnština shoduje s latinou, která má rovněž jen jeden ekvivalent zmíněných tvarů řeckých, totiž sloves. adj. -us s významem ovšem ještě širším a obecnějším, než participium stsl., protože může v latině nastoupiti i za řec. part. praes. pas. Za těchto okolností vliv latinské vulgáty na stsl. překlad evangelií by se mohl dobře projevit; průkazně by se mohl projevit ovšem jen v těch místech, kde je rozchod mezi vazbou řeckou a latinskou. Autorův materiál však ukazuje, že v těchto místech se přes formální podobnost výrazových prostředků staroslověnských a latinských staroslověnský překlad buď shoduje s vazbami řeckými nebo se vyjadřuje stylisticky samostatně. Vůbec i Ё. zdůrazňuje samostatnost prvních slovanských překladatelů, kteří neváhali odchýliti se od řeckého originálu tam, kde jejich jazykové cítění vyžadovalo osobitého vyjádření slovanského. Ё. tak v tomto zvláštním bodě potvrzuje obecné poznámky Meilletovy v RES VI, 39—41, jehož cituje, aby s ním souhlasil, že o vlivu vulgáty v stsl. překladu evangelií je možno mluvit jen ve slovníku.

J. F.

P. SKOK: BYZANCE COMME CENTRE D'IRRADIATION POUR LES MOTS LATINS DES LANGUES BALKANAIQUES. *Byzantion VI (1931)*, str. 371—378.

Některá latinská slova dostala se do balkánských jazyků nikoliv přímo, nýbrž prostřednictvím byzantským. Do příchodu Slovanů kolem VII. st. měl Balkán dva civilizační jazyky: od Dunaje po čáru Škumbi na Jaderském moři—Presidio na jih od Skopje—Serdica—Haemimons—Černé moře to byla balkánská latina, hlavní pramen nejen rumunštiny a staré dalmátštiny, ný-

brž i latinských prvků albánštiny, částečně i byzantské a moderní řečtiny a balkánské slovanštiny; na jih od této čáry pak byla civilizačním jazykem řečtina. Mezi oběma sférami byly styky a vzájemné vlivy. Tak došlo k proniknutí některých latinských slov do byz. řečtiny, kde tato slova podlehlá některým zvláštním, charakteristickým změnám, jež je možno sledovati v balkánské latině v takových případech jako lat. *fasciolum*, -a, které do rumunštiny dalo pravidelně *fașioara*, kdežto v schr. *poculica* a alb. *fë'oe* se objevuje bez *s* stejně jako je bez *s* v byz. φαμίλιον atd., tam asi pod vlivem podobného slova φάκελος. V rumunštině, kde latinské předposlední nepřizvučné slabiky jsou pravidelně zachovávány, jsou tyto slabiky ve slovech latinského původu přijatých prostřednictvím byzantským synkopovány stejně jako v byzantské řečtině. Tak lat. *stabulum* > στάβλος, rum. *staul* »stáj«; lat. *subula* > σουβλα, rum. *sulă* »kopí« a j.

U řady slovanských slov latinského původu, přejatých do jihoslovanských jazyků až po tureckém vpádu na Balkán, je třeba mezi formou byzantsko-latinskou a formou slovanskou předpokládati ještě zprostředkující formu tureckou. Tak je tomu v případě slova *gjumruk* »celnice« [*gjum(u)rukčija* »celník«], jež se do schr. dostalo z latiny prostřednictvím byzantským a tureckým [tur. *gümrlük* »celnice« < byz.-řec. κομμερκιον < lat. *commercium*]. Podobně bosenšské *furuna* »kamna« < tur. *furun* < φοῦρνος; *štemlija*, *skemlija* »židlička« < tur. *iskemle* < σκαμνίον, dim. od σκάμνος < lat. *scamnum*; schr. *skela* »trajectus« < σκάλα prostřednictvím tur. *isk'ele*.

V jiných případech autor nepokládá toto turecké prostřednictví za prokázané a řadu dalších slov spojuje přímo s tvary řeckými. Tak schr. *pasulj* »fazole« má zřejmě blíže k řec. φασόλι než k lat. *phaseolu* [lat. *sj* > schr. (i)š, na př. *sanctus Cassianus* > *Sukošan*, *Sukojišan*]; bulh., alb. a

schr. *klisura* »soutěska« < κλεισοῦρα (κλειώ); schr. *judar* »kapesník« < σουδάριον < lat. *sudarium*; schr. *gu(r)sar* < ἱ. κουρσάρις a nikoliv bezprostředně lat. *cursarius*.

»Někdy,« praví autor, »slovanský tvar latinismu opravňuje nás k předpokladu, že v byzantské řečtině byl i jiný tvar než je ten, který je doložen v textech.« Tak pro schr. slovo *magjurac* »kuchař pravoslavných klášterů« předpokládá vedle μάγυρη, μάγυρις, μάγυριςσσι a tvar μάγυρη.

J. F.

БУСЛАЕВ, Ф., СОЧИНЕНИЯ. Т. III. Ленинград 1930. - Издательство Академии Наук СССР, 239 стр.

Очередной том полного собрания сочинений Ф. И. БУСЛАЕВА, вышедший с запозданием почти на 15 лет, целиком посвящен трудам по истории искусства и церковной археологии. Почти все вошедшие в состав его статьи были задуманы первоначально как рецензии разных печатных работ в области указанных двух дисциплин, но благодаря привлеченному автором огромному, совершенно новому и свежему материалу и обилию рассыпанных в них оригинальных и светлых мыслей, они превратились на многих своих страницах в целые самостоятельные исследования, глубиной и меткостью своих наблюдений далеко превосходящие рецензируемые сочинения. Такова уже первая самая обширная статья «Русское искусство в оценке французского ученого» (стр. 1—74). Вызванная известной монографией VIOLLET LE DUC о русском искусстве в его историческом развитии (*L'Art russe ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir Paris 1877*), она неопровержимо доказывает, что те «индо-татарские элементы», которые знаменитый французский архитектор и реставратор Собора Парижской Богоматери открыл в орнаменте русской средневековой живописи и архитектуры, на самом деле представляют довольно обычные мотивы византийского ис-

кусства, перешедшие на Русь через посредство южных славян, особенно болгар. — Менее полемический характер имеет вторая статья «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» (стр. 75—143). Поводом к ней послужило известное монументальное издание образцов славянского и восточного орнамента В. В. СТАСОВА (Спб. 1884), но автор, не удовлетвоствовавшись огромным материалом этого великолепного издания, бросил в котел научной обработки еще множество других произведений художественной фантазии южных и восточных славян, почему-либо ускользнувших из кругозора СТАСОВА, и таким образом значительно дополнил нарисованную им картину развития славянского орнамента. Всегда изучая последний на фоне византийского искусства, БУСЛАЕВ с особенной любовью следит за малейшими проблесками самостоятельного художественного творчества у слав. народов, при чем пальму первенства в этом отношении он без колебания отдает болгарскому искусству: «Сербский орнамент, говорит он, по внешнему изяществу превосходит все прочие славянские, но в оригинальности и внутренних качествах далеко уступает этому последнему. Как явление уже позднее, он должен быть возводим к своим началам по рукописям болгарским и по нашим XI и XII в., и при том представляет в своих школах уже в XII в. неожиданную примесь западного элемента в довольно чувствительных размерах» (стр. 122). — Не мало остроумных замечаний содержит и следующая статья «Новости русской литературы по церковному искусству и археологии» (стр. 144—157). Знакома русскую публику с только что вышедшими «Христианскими древностями» ПРОХОРОВА, трактатом гр. Уварова о древнерусских монетах и с капитальным изданием еп. САВВЫ «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московск. Синодальной Библиотеки», БУСЛАЕВ всюду подчеркивает теснейшую связь русского искусства с византийским, но не видит

в этом ничего ужасного. В частности, он указывает, что в некоторых византийских миниатюрах можно найти много такого, чем бы не побрезгал сам Рафаэль (стр. 151) и просит оставить «застарелый предрассудок, будто бы сущность древне-христианского и старинного русского искусства состоит в изможденных, костлявых фигурах, на подобие мумий с зачаделыми, страшными лицами» (ib.) — Четвертая статья характеризует «Образцы письма и украшений из Псалтыри с воследованием по рукоп. XV в.» (стр. 158—210). Эта единственная в своем роде рукопись (в свое время с исключительной роскошью изданная Обществом Любителей Древней Письменности) была написана в Московском государстве каким-то южно-славянским эмигрантом, хорошо знакомым с греческим искусством, но в то же время не боявшимся в своих украшениях проявлять и самостоятельный, вполне новый дух, «о котором до тех пор в нашей старине и намека не бывало, да и потом не осталось от него никакого следа» (стр. 189). — Более беглый характер имеют наблюдения БУСЛАЕВА в последних трех статьях сборника: «Из Рима. Письма на имя председателя Общества древне-русского искусства» (стр. 210—224), «Для иконографии души» (стр. 225—230) и «Несколько заметок при чтении одного церков.-археолог. труда» (стр. 231—239). В первой автор описывает, главным образом, миниатюры одной греческой псалтыри в библиотеке Барберини, во второй знакомит с интереснейшими изображениями «души» по русским рукописным житиям Василия Нового и Андрея Юродивого XVII—XVIII в.; а в последней предлагает несколько ценных поправок и дополнений к капитальному труду Н. В. ПОКРОВСКОГО «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (Спб. 1892).

С внешней стороны книга издана прекрасно. Она напечатана на хорошей бумаге, в большое Q, четким, красивым шрифтом и украшена двумя сотнями слишком иллюстраций и разного рода изображений. Жаль толь-

ко, что редакция не сочла возможным присоединить к ней указатель, по крайней мере, упоминаемых в книге предметов. А библиографы несомненно посетуют еще на отсутствие в книге хронологических дат составления статей и мест их первоначального опубликования. Г. Ильинский (Москва).

Е. ШМУРЛО, КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ. *Том первый. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.* (816—1462). *Прага Чешская 1931, стр. II-535.*

Только что появившееся руководство по русской истории — результат многолѣтняго изучения предмета извѣстным специалистом Е. Ф. ШМУРЛО, представляет особый интерес для читателей этого журнала вниманіем удѣленным византийско-русским взаимоотношениям. Предмет этой книги, по словам автора (р. 6) — «переход из небытія государственнаго в государственное бытіе». Главное вниманіе удѣлено исторіи культуры.

Книга раздѣлена на двѣ части — собственный текст, состоящій из введения и пяти глав, с дополненіем о наиболѣе замѣчательных памятниках духовной культуры, и отдѣла многочисленных приложений — числом 36, касающихся специальных вопросов.

Уже в Введеніи, повѣствуя о сосѣдах русскаго народа и о незначительности вліянія античнаго міра, автор отмѣчает, что это в нѣкоторой степени возмѣщалось близостью Византіи, передавшей Руси кое что из римской государственности и приобщившей ее к христіанству.

В I-ой главѣ «Начатки русской государственности» автор подробнѣе останавливается на культурных сношеніях с Византіей. Он объясняет тяготѣніе молодого народа к югу, как результат географических условий (Днѣпр); торговля же сношенія давали возможность соприкоснуться с болѣе старой и высокой византийской культурой. Поход Святослава в Болгарію объясняется желаніем создать опорный пункт для торговли

между удаленными друг от друга Киевом и Константинополем. В выборѣ между латинской и восточной вѣрой Владиміра Святого, Шмурло усматривает акт политической мудрости. (Дается очерк принятія христіанства и перечисляются ближайшія послѣдствія этого событія).

Во II-ой главѣ: «Единство русской земли. Время вѣчевого порядка и отчинно-родовых отношеній», указывается на ослабленіе торговых сношеній с Византіей из-за появленія половцев и на дѣятельныя сношенія с греческой церковью на литературной почвѣ. В III-ей главѣ «Раздробленіе русской земли. Время татарскаго ига и вотчиннаго порядка» к вопросам византийско-русским принадлежит Флорентійская Унія, по этому случаю дается интересная характеристика митрополита московскаго Исидора. Приводимыя в той же главѣ данныя, характеризующія татарское вліяніе на церемоніал приѣма послов, могли бы быть вполнѣ объяснимы приемами выработанными византийскими дипломатами.

В IV-ой главѣ «Просвѣщеніе. Культура и общественность в древней Руси» Византіи удѣлено значительно больше мѣста. Глава начинается с попытки намѣтить высоту культурнаго уровня русскаго народа в половинѣ IX-го вѣка, затѣм дается характеристика того особаго отпечатка, который был наложен пріятіем христіанства в греко-восточной формѣ на русскую культуру. Затѣм Шмурло переходит к разсмотрѣнію того, что дала греческая церковь в особенности в области просвѣщенія и разбирает отдѣльныя категоріи литературных произведеній, отмѣчая сочиненія переводныя и оригинальныя. Отмѣчается также византийское вліяніе в созданіи монашества и в особенности в области искусства: архитектуры, живописи и прикладнаго.

В V-ой главѣ «Национальная идея. Идея общественности» автор отмѣчает, как фактор вызвавшій вмѣстѣ с другими рост русскаго національнаго духа высокоуміе греков. В дополненіи перечислены также нѣ-

сколько памятников византийского искусства, как напр. Менологій Василія II Болгаробойцы. Досадная опечатка вкралась в примѣчаніе о Номоканонѣ — р. 338, гдѣ слова *xavovex* и *vopoi* стоят не на своих мѣстах: должно было быть наоборот.

В приложениях нѣсколько номеров непосредственно касаются вопросов византийско-русских, другіе затрагивают их отчасти, как напр. о варягах-руси (6, 7), о славянских поселениях на Черноморском побережьи (8), о походѣ Святослава на Восток (10). К первой категоріи относятся: 11 — О достовѣрности договоров русских с греками в X вѣкѣ; 14 — Когда и гдѣ крестился Владимір Святій; 15 — По какому обряду вводилось христианство на Руси по восточному или по западному; 34 — Когда в дѣйствительности началось отчужденіе Древней Руси от Римской церкви. М. А.

Б. ФИЛОВЪ. СТАРОБЪЛГАРСКАТА ЦРКОВНА АРХИТЕКТУРА. *Отдѣльный оттиск из «Списание на Българската Академия на Наукитѣ», книга XLIII. София, 1930. Стр. 59, 40 рис. в текстѣ и XX автоилических таблиц.*

Современная наука постепенно отказывается от общераспространеннаго прежде убѣжденія в том, что славянскіе народы, связанные с Византіей общностью вѣроисповѣданія, находились от нея и в тѣсной культурной зависимости, занимавша в византийском искусствѣ образцы для своего собственного художественнаго творчества. Начавшееся в послѣднее время болѣе пристальное изученіе сохранившихся и вновь открытых памятников искусства болгар и сербов, показывает с несомнѣнностью, что искусство этих народов в нѣкоторых отраслях и в извѣстные періоды не только развивалось совершенно самостоятельно, но что и основы для этого развитія оно находило внѣ греческаго культурнаго міра. С особенной ясностью это может быть прослѣжено в области архитектуры, гдѣ исследователь почти всегда имѣет дѣло

с вполне опредѣленными объективными данными. Именно такую задачу себѣ и ставит в указанном выше сочиненіи извѣстный болгарскій историк искусства, предлагая в нем читателю заслуживающее самаго пристального вниманія обзорніе сохранившихся на поверхности земли и обнаруженных раскопками памятников древняго болгарскаго церковнаго водчества.

Памятники эти он разбивает на три группы: на возникшіе в эпоху до образованія болгарскаго государства, на относящіяся ко времени перваго болгарскаго царства и на построенные во время втораго болгарскаго царства. Только в этот послѣдній період, по вполне понятным причинам, усиливаются на болгарской почвѣ византийскія вліянія, но и тогда они не достигают повсемѣстнаго распространенія и полной исключительности. В первые же два періода господствуют архитектурныя формы или издавна укорѣнившіяся в странѣ или проникающія в нее непосредственно с востока, минуя сосѣдній могущественнѣйшій художественный центр — Константинополь. Эти то два періода и привлекают к себѣ особенное вниманіе.

В древнѣйшем из них, предболгарском, автор констатирует преобладаніе базиличной формы храма, в видѣ ли базилик с деревянным покрытіем, или базилик сводчатых — купольных и безкупольных. Эта архитектурная форма, как мы знаем по новѣйшим изслѣдованіям греческих ученых (Сотириу и Ксюнгопулос), имѣла вплоть до иконоборческаго времени почти повсемѣстное распространеніе на балканском полуостровѣ, но в Болгаріи она существует на ряду с другими формами, чрезвычайно рѣдкими в иных мѣстах полуострова. Так в Джанагар-тепе, около Варны, была открыта в развалинах церковь в видѣ однефной базилики с апсидой, не выступающей наружу, с притвором и с четырьмя выступающими квадратными помѣщеніями по сторонам апсиды и притвора, повторяющая этим древніе образцы архитектуры сирійской и копт-

ской. Планы церквей в Килиссе-кей и в Иваниянах находятся в близкой связи с крестообразными планами церквей Малой Азии, а конструкция громаднаго, заключеннаго в круглыя стѣны четырехконховаго храма в Перуициѣ имѣет образцами конструкцію древнѣйших армянских храмов, возведенных католикосом Нерсесом Айрапетом в VII столѣтіи в Вагаршапатѣ (Звартноц), в Банѣ и в Ишханѣ, так же, как и их копии — храма Гагика I в Ани (конец X в.).

Чрезвычайно важной особенностью болгарской архитектуры перваго царства является то обстоятельство, что основной церковной формой продолжает оставаться базилика, в то время как в Византіи вырабатывается получившій затѣм столь значительное распространѣніе план в видѣ вписаннаго в прямоугольник креста. Базилики восточнаго типа возводятся и в центральной Болгаріи (Абоба-Плиска) и на окраинах (остров Ахил, Охрида, Мессемврія). Кромѣ того строятся церкви и столь оригинальных архитектурных форм, что им очень трудно найти аналогіи в средневѣковой архитектурѣ. Сюда относятся недавно раскопанные замѣчательные храмы в Преславѣ и в Патлейнѣ, около Преслава. Преславская церковь, ближайшее знакомство с которой мы можем получить из работ Миятева¹, представляет собою ротонду, купол которой лежал на круглой стѣнѣ, опиравшейся на 12 стоявших по кругу колонн. Эта центральная конструкція заключена внутрь зданія, имѣющаго круглую форму, причем внѣшніе стѣны образуют внутри 11 полукруглых ниш и одну болѣе глубокую и болѣе широкую апсиду. Снаружи стѣны отражают это внутреннее устройство-трехгранными выступами каждой ниши со вставленными в промежутки пилястрами. С запада к церкви примыкает притвор с двумя круглыми башнями и обширный атриум, стѣны

котораго своими нишами и колоннадой повторяют строительныя формы самого храма. Еще болѣй интерес вызывают остатки внутренней декораціи этого единственнаго в своем родѣ памятника. Он был богато украшен мозаикой на золотом фонѣ, мраморной облицовкой и рельефной мраморной декораціей, инкрустированной мрамором же других цвѣтов, мозаическими кубиками, цвѣтными камнями и керамическими расписными дощечками. Поливная и расписная керамика играет особую важную роль во всей декораціи зданія, повторяя в своей орнаментациі стилизованные растительные элементы сассанидских образцов. Еще болѣе богатая керамическая декорація стѣн была обнаружена, как извѣстно, при раскопках церкви в Патлейнѣ. Автор, к нашему удивленію, ограничивается только упоминаніем об этом интереснѣйшем памятникѣ, послужившем темой для прекрасной работы А. Н. Грабаря.² Его умолчаніе мы можем объяснить только тѣм, что архитектурныя особенности патлейнской церкви не были раскопками в достаточной степени выяснены.

Из обзора памятников втораго царства мы видим, что базиликальная форма продолжает жить, не смотря на усилившееся византійское вліяніе. Об этом свидѣлствует и главный храм Тырнова, церковь 40 Мучеников, и многочисленныя церковки на Трапезицѣ, внутреннее пространство которых сведено обыкновенно к одному нефу. В соединеніи с куполом такіа восточнаго характера однефныя базилики, снабженныя притвором с возвышающагося над ним башней-колокольней и троечастным расчлененіем предъалтарнаго пространства, как это мы видим на примѣрѣ церкви в Асеновой крѣпости близъ Станимаки, дают архитектурную схему зданія, подобную той, которая лежит в основѣ одновременно возникающих сербских памятников древнѣйшей

¹ К. Миятевъ. Симеоновата църква въ Преславъ и нейниятъ епиграфичен материалъ. — «Българ. Прегледъ», I, 1929, 100—124; К. Миятевъ. Die Rundkirche

von Preslav. «Byzant. Zeitschrift», XXX, 1929—30, 561, 567.

² А. Грабар. Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Paris. 1928.

группы. Византійскія конструкціі ім'яють успіхъ по преимуществу на югѣ и на черно-морскомъ побережжі, в Мессемвріи.

Избѣгая подробностей и придерживаясь сжатой манеры изложенія, автор тѣм самым с большим еще успѣхом достигает поставленной себѣ цѣли: показать особенности древней болгарской архитектуры, независимость ея развитія от вліяній Константинополя и ея солидныя связи с культурой Востока. *Н. Окунев.*

PAUL MURATOFF. TRENTE-CINQ PRIMITIFS RUSSES. *Collection Jacques Zolotnitzky. Préface de Henri Focillon, professeur à la Sorbonne. Paris. «A la vieille Russie», 1931. 108 стр., XX автотипическихъ таблицъ.*

Интерес к древнему русскому искусству, особенно к иконописи, в западной Европѣ постепенно возрастает. Он особенно усилился послѣ выставки, устроенной три года тому назад в Берлинѣ и в рядѣ других городов совѣтскимъ правительством и впервые показавшей европейцамъ оригиналы. Изумительный колорит древних русских икон, и в смыслѣ глубины и чистоты тонов и в смыслѣ гармоничности их сочетаній, произвел соответствующее впечатлѣніе. Их красочному сіянію трудно было найти аналогіи в европейской живописи. Это было откровеніемъ, так как за малыми исключениями европейскіе музеи и частныя собранія русских икон не заключаютъ, а тѣ иконы, которыя можно въ некоторыхъ из них видѣть, обыкновенно бывают не высокаго качества. В связи с этимъ, многіе музеи в послѣднее время выражают охоту к приобрѣтенію икон, а многіе частные любители начали и собираніе. Послѣднее является, однако, дѣломъ очень не легкимъ, так как за границей найти настоящую древнюю русскую икону очень трудно, а потому такое собраніе, какое образовалось послѣднее время у извѣстнаго парижскаго антиквара Я. А. Золотницкаго, имѣет совершенно исключительную культурную и художественную цѣну.

Настоящая, просто, но со вкусом издан-

ная книжка представляет каталог и описаніе собранія Я. А. Золотницкаго. Обстоятельно и популярно составленный П. П. Муратовымъ текст сопровождается прекрасно исполненными иллюстраціи. Вниманіе читателя особенно привлекает ряд древнѣйших икон, с полнымъ, повидимому, правомъ относимыхъ авторомъ к XIV—XV вв., как Рождество Христово, Сошествіе св. Духа и маленькая иконка Божіей Матери «Умиленіе». Прекрасный образец иконописи XVI в. представляет переносный иконостасъ с изображеніемъ Богородицы — Знаменія, Пророковъ, Праздниковъ и Деисуса, а также очень изящное изображеніе Благовѣщенія на фрагментѣ царскихъ врат. Кромѣ цѣлаго ряда икон Праздниковъ и единоличныхъ святыхъ коллекція заключает и нѣсколько икон многофигурныхъ, как «Достойно есть...», «Единородный Сыне...», «О Тебѣ радуется...», «Страшный Судъ» и т. д. Среди них ест и прекрасные образчики письма Строгоновской школы. Икона св. Екатерины с житіемъ отражает в этомъ житіи вліянія древне-русской книжной миниатюры.

Любопытнымъ является в книгѣ и предисловіе, написанное извѣстнымъ профессоромъ Сорбонны, Н. Focillon'омъ, как выраженіе взгляда на древнюю русскую икону историка западнаго искусства. *Н. Окунев.*

СТ. СТАНОЈЕВИЋ, БЕЛЕШКИ О НЕКИМЪ СТАРИМЪ ИКОНОМА. Београд 1931.

В небольшомъ содержательномъ очеркѣ извѣстный сербскій историкъ СТ. СТАНОЈЕВИЋ дает сводку литературныхъ извѣстій о древнѣйшихъ иконахъ, извѣстныхъ в Сербіи и в другихъ земляхъ современной Югославіи, как напр. Далмаціи и в частности в Дубровникѣ. Авторъ начинает с указаній о томъ, что иконоборчество отразилось и в сербской литературѣ в рядѣ житій святыхъ; вопросъ былъ рѣшенъ в благопріятномъ для иконопочитанія смыслѣ. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе литературныхъ извѣстій о различныхъ иконахъ, принадлежавшихъ церквямъ, монастырямъ, частнымъ лицамъ и в особенности о

чудотворных. Свѣдѣнія об иконах встрѣчаются в первых же христіанских произведеніях, как в житіи Нѣмани, составленном св. Саввой, что указывает на быстрое распространение икон одновременно с принятіем христіанства в Сербіи.

Недавно вышедшая в Америкѣ в двух томах исторія Византіи (A. Vasilev, History of the Byzantine Empire, v. I, II. Madison. 1929—30) извѣстнаго русскаго византиниста А. А. ВАСИЛЬЕВА должна в ближайшем времени также появиться в французском переводѣ с предисловіем ШАРЛА ДИЛЯ. Изданіе будет снабжено картами и иллюстраціями, по десяти на том. М. А.

DOCUMENTS D'ENLIMINURE ROUMAINE publiés sous la direction de M. Constantin Moisil, directeur général des archives de l'Etat. I. *Initiales, lettres ornées, vignettes et ornements fleuronnés tirés des documents valaques et moldaves du XVIIe et XVIIIe siècle* par MADELAINE N. IORGA. 1928—1929. Scrisul Românesc S. A. Craiova.

Небольшой изящный альбом—шесть таблиц с 49 рисунками в красках, снятыми с ряда молдавских и валашских грамот XVII—XVIII вв. является работой дочери извѣстнаго румынскаго византиниста Н. ЮРГИ.

Рисунки воспроизводят кресты, ставящіеся в началѣ грамот, богато изукрашенныя заглавныя буквы, заставки, отдѣльные орнаменты. На особой таблицѣ отмѣчаются: № рисунка и таблицы, дата, мѣсто гдѣ выпущена была грамота, имя от лица котораго она была выдана, каллиграф и теперешнее

мѣстонахождение рукописи. Что касается каллиграфа, то под этой рубрикой ставится имя секретаря подписавшагося на грамотѣ, т. к. проф. Іорга предполагает, как на это указывает в предисловіи, что секретарь был и каллиграфом. Там же Іорга дает в общих чертах характеристику развитія этого искусства в Румыніи. Оно заимствовало свои мотивы из вышивок румынских дам, впрочем отмѣчает Іорга эта область тоже недостаточно изучена. Должно все же замѣтить, что «каллиграфическое» искусство той эпохи было уже настолько развито и имѣло такой запас готовых образцов в рукописях и печатных книгах, что едва ли за исключеніем единичных случаев к этому прибѣгал каллиграф. Точно также мог он заимствовать и из украшеній по дереву свѣтских и церковных предметов той эпохи, (напр. мотивы в 39, 40, 41). Кромѣ того нѣкоторые рисунки показывают большо сходство с работами ближайших сосѣдей, напр. заглавное и и заставка (37, 38) из грамоты 1695 года господаря Молдавіи Константина Дуки по стилю могут быть сопоставлены с аналогичными рисунками сербских рукописей XV-го вѣка.

Другое Введение С. MOISIL'A дает ряд свѣдѣній о заставках и буквах, о примѣненіи этих украшеній только в особо торжественных грамотах со второй половины XVI-го вѣка, чѣм объясняется их небольшое количество, об изданіях Румынской Академіи в этой области. Предполагается и в дальнѣйшем продолжать это весьма полезное начинаніе.

М. А.

CONFÉRENCES DE M. HENRI GRÉGOIRE À PRAGUE. M. Henri Grégoire, président de la faculté de Philosophie et Lettres de l'université de Bruxelles, a rendu visite en novembre 1931 sur l'invitation de la faculté des lettres à l'Université Charles à Prague. M. Grégoire, qui

fut présenté au public par M. le recteur J. Pekař, a tenu deux conférences: le 11 novembre « Le problème de la conversion de Constantin », le 12 novembre « La cour de Byzance du Ve siècle et les querelles théologiques ». Le 14 novembre à l'Institut russe de Prague il a parlé sur « L'épopée

byzantine » et a lu ses traductions de poètes russes. À une réunion, arrangée par la faculté des lettres, M. Grégoire fut salué par M. Weingart par les paroles suivantes: « Monsieur le Président, permettez moi que je vous salue au nom de la faculté des lettres de l'Université Charles. Je vous salue avant tout comme un savant éminent, comme un des meilleurs représentants des études byzantines, dont l'activité, l'énergie et les succès scientifiques nous admirons tous. Pardonnez-moi, si je ne mentionne ici, sans parler de vos travaux spéciaux, que la rédaction de votre excellente revue « Byzantion » qui elle seule avec ses six tomes, a un si grand mérite pour le progrès des études byzantines. Votre revue nous est aussi précieuse parce qu'elle a rallié des savants slaves. Il y a encore une grande entreprise scientifique, qui est aussi attachée à votre nom, c'est le Corpus Bruxellense, la réédition des chroniqueurs et historiens byzantins, qui fera véritablement une époque nouvelle dans les études byzantines. Je vous salue, Monsieur, de plus — si vous me permettez de le dire — comme un ami précieux de notre science, qui nous a déjà plusieurs fois honoré de sa présence et qui revient à Prague pour partager avec nous les résultats de ses efforts scientifiques. Et enfin, je vous salue comme président de la faculté des lettres de l'université Bruxelloise, comme un brillant représentant de la science belge, de la science du pays, que nous estimons profondément et que nous aimons. Nous vous remercions pour votre visite et pour vos belles conférences, pleines d'esprit, de tempérament et de science. » Le 17 décembre 1931, M. H. Grégoire fut nommé membre-correspondant de l'Institut Slave de Prague.

W.

† ANTOINE MARTEL. — Francouzská slavistika a studie polské a ukrajinské vůbec byly postiženy letošního podzimu bolestným smutkem nad předčasnou smrtí jednoho ze svých nejmladších pracovníků.

Dne 12. října zemřel v Baume-les-Dames ve Francii maître de conférences (mimořádný profesor) jazyka a literatury polské a jazyka a literatury ukrajinské na université v Lille, Antoine Martel.

Bylo mu dvaatřicet let. Širší slavistickou veřejnost na sebe upozornil před dvěma roky na krakovském sjezdu v počest Kochanowského, jinak známa byla jeho pravidelná spolupráce v Revue des Etudes Slaves a zanedlouho měly být uveřejněny i jeho doktorské práce, které dokončoval. Neúprosná a pozvolná smrt přerвала však nit života, do něhož Martelovi učitelé i přátelé vkládali hojně nadějí.

Antoine Martel se narodil v Baume-les-Dames dne 2. února 1899. Studoval v Besançonu a Paříži, vykonal zkoušky licenciátní a agregací (obdobu naší aprobační pro střední školy) na Sorbonně a jako žák Školy východních jazyků a chovanec dotace Thiersovy, hmotně zajišťující svým chovancům po tři roky přípravu vědecké dráhy, začal své doktorské práce, které řídil prof. A. Mazon. Byl žákem P. Boyera, A. Meilleta, H. Grappina a zejména A. Mazona. Od r. 1925 působil ve zmíněné již funkci na université v Lille, kde obětavý svůj zájem věnoval i věcem československým.

Vlastní pracovní pole A. Martela bylo ve věcech ruských a polských. Prostudoval zejména Lomonosovův vliv na spisovný ruský jazyk, ale jeho osobitým oborem, v němž si získal znalosti mimořádné, byly polsko-ukrajinské styky v XVII. st. a osud polštiny na Ukrajině v téže době. Těmto otázkám jsou věnovány jeho doktorské práce, jež snad vyjdou posmrtně. Jinak při jeho mládí po něm zůstávají ještě jeho příspěvky do Revue des Etudes Slaves a v protokolech sjezdu v počest Kochanowského.

Tento tichý a skromný pracovník, přímý a spolehlivý druh, byl člověk zlatého srdce, nezištný a obětavý, jehož dobročinnost a účinná pomoc nejobožším kreslila zvlášť charakteristický rys v jeho mravním

profilu věřícího katolíka. Těm, kdož měli štěstí poznat A. Martela zblízka, jeho tak předčasný odchod zanechává v srdci prudký smutek a lítost nad vypjatou tragikou osudu toho, jenž vysílen klesl těsně před cílem.

Jan Frček.

† ALEKSEJ LEONIDOVICH PETROV, profesor slovanských dějin na petrohradské universitě v. v., zemřel v Praze dne 5. ledna 1932. A. L. Petrov se narodil v Petrohradě dne 16. (4.) listopadu 1859. Studoval v Petrohradě, a již ve studijních letech se začal vlivem svého učitele prof. *Lamanského* zabývat dějinami tehdejší uherské Rusi, nynější Podkarpatské Rusi. Pro toto pole, které nepřizní tehdejších politických poměrů nemělo téměř odborně vyskolených pracovníků, bylo štěstím, že se k němu obrátil mladý učenec širokého vědeckého rozhledu, pronikavého kritického smyslu, který šel vždy jen za střizlivým poznáním faktu, nedávaje se másti romantickými představami a legendami, a který šel vždy přímo za historickými prameny. Již svou první větší prací, t. j. kritickým výkladem Herbordova životopisu biskupa Otty Bamberského (1882/83), ukázal Petrov, že přísná kritika historických pramenů je vynikajícím rysem jeho badatelské osobnosti. Tento criticismus, ale stejně i vytrvalá vědecká láska jej vedly při studiu dějin Podkarpatské Rusi, jemuž věnoval více než čtyři desetiletí. R. 1890, za zahraniční komandirovky, po prvé navštívil území uherské Rusi, a v pozdějších letech až do světové války tam pravidelně v létě zajížděl a tak sbíral materiál k řadě svých výborných monografií, nazvaných *Материалы для истории угорской Руси*, jichž vyšlo v letech 1905—1923 osm svazků. Petrov dobře poznal, že těžiště dějin Podkarpatské Rusi není v událostech

politických, nýbrž v otázkách církevních, sociálních a hospodářských, a právě k jejich řešení vydatně přispěl. Boj mezi pravoslávím a uniatictvím, literární památky z dob náboženských bojů, otázka kolonizace Podkarpatské Rusi, národopisné hranice ruského a slovenského obyvatelstva a jejich historický vývoj — to jsou předměty, které byli Petrovovi obzvláště blízké a které jím byly nově osvětleny. Ponechávajíc podrobné ocenění veškeré jeho činnosti do Ročenky Slovanického ústavu, připomínáme zde jen tolik, že menší část jeho rozsáhlého vědeckého díla se vztahuje také k programu, danému heslem »Byzantinoslavica«. Za prvé je to jeho edice a rozbor »Njahovského poučeníja na evangelie«, pozdního výběžku církevně slovanského odvětví knih řečí nábožensky výchovných (postill); vydání vyšlo jako VII. číslo »Materiálů« ve Sborníku, odděl. rus. jaz. i slov. (v Petrohradě 1914, resp. 1921), rozbor jako č. VIII. téže řady ve Věstníku K. Č. Společnosti nauk (1923). Za druhé je to byzantská listina cařihradského patriarchy Antonia ze srpna 1391, kterou na prosbu rumunských vojvodů patriarcha povýšil klášter sv. archanděla Michaela u Mukačeva na patriarchální stauropigii. Petrov tuto listinu historicky rozebral a vydal ve své poslední knize Древнѣйшія грамоты по исторіи карпато-русской церкви и іерархіи 1391—1498 гг., která vyšla s albem facsimilí listin jako I. sv. Knihovny Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanickém ústavě (v Praze 1930, str. XIX a 229; text byzantské listiny na str. 151 n.). Úvodem k této knize Petrov nastínil jasný a přesný program příštích prací k dějinám Podkarpatské Rusi. Kež další badatelé splní tento program a následují jasného příkladu A. L. Petrova!

M. W.

VÝTANY Z ČASOPISŮ.

ГЛАСНИК СКОПСКОГ НАУЧНОГ ДРУШТВА. - Одељење друшт. наука. Т. III. V. VI. (1927—1930).

Dr. ВЛ. Р. ПЕТКОВИЋ: Једна српска сликарска школа XIV. века. Одељење друшт. наука књига III. - 1928. - Стр. 51—66).

Popis fresek v chrámu sv. Ondřeje na řece Tresce, založeného r. 1389 Ondřejem, druhým synem krále Vukašina; autoři těchto fresek jsou, dle podpisu v chrámu, metropolita Jan a mnich Řehoř a Cyril Kallest. Z té okolnosti, že v nadpise kláštera v Zrze u Prilepa se praví, že byl zbudován za králů Vukašina a Marka na náklad metropolitu Jana Zografa a bratra jeho Makarije Zografa, dovozuje autor, předpokládaje identitu obou metropolitů Janů — že existovala určitá srbská mnišská malířská škola, jejíž hlavou byl metropolita Jan, dle přízviska sám malíř, a to škola značné vyspělosti technické.

Л. МИРКОВИЋ: Нејасне фреске из циклуса чуда Св. Арханђела Михаила у Леснову. Од др. наука књига III. 1928. — (Стр. 67—70.)

Autor popisuje několik fresek z cyklu zázraků sv. arch. Michaela v klášteře Lesnovo (1349), jichž smysl však nerozluštil. Blíže k rozluštění je Okunev, který v nich právem hledá ilustrace legend domácí, mnišské proveniencie. Rozhodně však nelze hledati jich původ a smysl v západní hagiografické literatuře, která se staví i vůči zázraku v Chonech, s nímž tyto obrazy beze vši pochyby souvisí, odmítavě.

ПЕТАР ЈОВАНОВИЋ: Модрички манастир. Од др. наука. Књ. III. (Стр. 277—280.)

Krátká zmínka o architektuře a freskách modričského kláštera (18 km od Jižního Brodu), pocházejícího ze XIV. stol. Jak ze dvou malých ukázek možno souditi, jsou fresky po stránce ikonografické velmi zajímavé.

Н. ОКУЊЕВ: Грађа за историју

српске уметности. 1. Црква светог Ђорђа у Старом Нагоричину. Од др. наука. Књ. V. (Стр. 87—120.)

Popis architektury a malířské výzdoby chrámu ve Staro-Nagoričino u Skoplje; architekturní úprava starého chrámu z XI. stol. provedena byla Milutinem r. 1313, malířská výzdoba datována 1318.

РАД. М. ГРУЈИЋ: Дрворез св. Спаса и св. Богородице и Скопљу. Од др. наука. Књ. V. (Стр. 156—201.)

Prvá — a doufejme ne poslední — práce publikující řezbářské práce školy debarské. Jsou to řezby v chrámu Spasitele a P. Marie ve Skoplji, datované r. 1824 a 1838, jichž autorem je řezbář Malorečani.

Dr. ЂИРО ТРУХЕЛКА: Археолошке белешке из Јужне Србије. Од др. наука. Књ. III. (Стр. 71—82.)

Popis vykopávek ve Stobi (Градско), a sice katedrální třílodní basiliky z konce V. neb poč. VI. stol., basiliky a memoria supra corpus martyris a dodatkem popis basiliky v Palukiru (nedaleko od Stobi dle popisu jejího objevitele dra Halda).

Pokračování ibid. књига V. (1929), стр. 89—85.

Popis dalších 10 památek z doby předhistorické, raně historické (mykénský hrob) a antické (z nich jedna datována r. 253).

АЛ. ДЕРОКО: Нов прилог за рестаурацију из гледа Сопоћана. Од др. наука. Књ. III. (Стр. 97/8.)

Pokus o rekonstrukci poměru věže k narthexu a chrámu v Sopočanech zal. Urošem I. v 2. pol. XIII. stol., připínající se k restauraci tohoto chrámu r. 1927 provedené.

Ж. ТАТИЋ: Два остатка византијске архитектуре у струмишком крају. Од др. наука. Књ. III. (Стр. 83—96.)

Заслужný, protože nejvýše potřebný, po-

pis dvou architekturních památek v Srbsku (u Strumice) z doby vlády byzantské; Vodoče a Veluše (Eleusa zal. r. 1080). Vodočský chrám dnes v ubohých zříceninách je přechodní tvar z basiliky v centrální kopulový chrám, kde kopuli nedrží pilíře ani sloupy, nýbrž úseky zdí dělících postranní lodi od hlavní; Veluša pak typ centrálního chrámu o půdorysu pravidelného řeckého kříže, jehož všechna ramena ukončena jsou apsídami.

Ж. ТАТИЋ: Базилика у Псаџи. Од. др. наука. Књ. VI. (Str. 121—130.)

Popis, mezi srbskými chrámy, jediné basiliky zal. r. 1358 v Psači; vliv sv. Sofie ochridské je zde bezesporný.

B. С. РАДОВАНОВИЋ: Култ просто-народних црквених ктитора у Јужној Србији. Од. др. наука. Књ. III. (Str. 99—104.)

Zatím co ve velikých středověkých chrámech srbských malovány portréty zakladatelů a jejich rodin, u malých srbských chrámů venkovských udržel se do nejnovější doby zvyk umístiti vně nad vchod kamenný relief zakladatele, který ovšem si nemůže činiti pretence na portrét. To dokazuje autor na kostelíku sv. Mikuláše u Bzoviče (Malijovo) zal. r. 1862.

SEMINARIUM KONDAKOVIANUM. Recueil d'études. IV. (1931).

G. OSTROGORSKY und PHILIP SCHWEINFURTH: Das Reliquiar

der Despoten von Epirus. (Str. 165 až 172.)

Popis reliквиáře chovaného v katedrále v Cuenca ve Španělsku, dvoudílné to ikony Krista a Bohorodičky v bohatém rámcí, s řadou malých obrazů svatých. U nohou Bohorodičky klečí postava donátorky, jejíž jméno uvádí nápis: »Maria Angelina Dukaina Palailogina«; u nohou Spasitele pak klečí druhá donátorská figura, zobrazující prvního manžela donátorky Tomáše Preljuboviče, despotu epirského, který vládl v l. 1367—1384. — K tomuto popisu se přimyká Ostrogorského pojednání o vládě tohoto despoty. — Pro dějiny byzantského umění má datování ikony veliký význam, poněvadž tak přesně datovaných — a při tom zachovalých — je velmi málo.

Н. М. БЪЛЯЕВЪ: Серебряный крестъ изъ собранія Н. Г. Солда-тенковой. (Str. 211—213.)

Popis příručního stříbrného kříže, datovaného r. 1623, ruské provenience.

А. ГРАБАРЪ: Памятники греко-восточной миниатюры. (Str. 215—225.)

Prvá část práce, která má v úmyslu publikovati dosud neznámé miniatury řeckých rukopisů s vlivy východními (syrskými, mezopotámskými, maloasijskými a perskými) z konce prvního tisíciletí. — Prvým popsáním rukopisem je čtyřevangelium vatikánské knihovny (gr. 354).

J. Myslivec.

BIBLIOGRAPHIE.

AVANT-PROPOS.

De nombreux amis de notre Recueil ont proposé à la rédaction de la « Byzantinoslavica », qu'à chaque tome de la revue soit jointe une bibliographie des travaux byzantino-slaves, qui pourrait être plus complète que la partie relative des Zprávy (Bibliographie et Chronique). Nous en présentons ici un premier essai. Nous ne voulons nullement répéter ce qu'est déjà dans la bibliographie fameuse de la « Byzantinische Zeitschrift » et nous ne trouvons pas même possible de faire place dans notre revue à toute la bibliographie byzantinologique. Mais nous pensons que c'est de notre devoir de tirer des revues slaves et de faire connaître aux savants non-slaves les travaux qui rentrent dans le programme même de notre Recueil. De plus nous enregistrons aussi ceux des articles publiés dans des revues non slavistiques de l'Europe Occidentale, qui appartiennent à notre programme et qui pourraient possiblement passer inaperçus pour un slaviste. D'après la demande de nos amis de l'étranger nous donnons cette bibliographie en français. Pour la commodité d'aperçu nous avons partagé les extraits en des groupes selon les matières traitées, suivant de près les modèles de la « Byzantinische Zeitschrift ». La liste des revues dont on a tiré parti suit. Les articles et critiques, parus jusqu'ici dans la « Byzantinoslavica » n'y sont pas entrés. À la fin de chaque information se trouve le chiffre de celui qui l'a rédigée: (A) — Andreeva; (F) — Frček; (M) — Myslivec. Nous nous proposons de présenter dorénavant une bibliographie pareille dans le second volume (décembre) de chaque tome suivant. M. W.

LISTE DES PÉRIODIQUES.

- Annalecta Bollandiana, t. 49, fasc. I, II. 1930 (AB).
 Arhiva, t. XXXIII. 1930, fasc. 3—4.
 Archiv für Religionswissenschaft, 1930.
 Archivium Franciscanum Historicum, t. 24 (1931), fasc. 1—2.
 Bratislava, t. IV (1930), V (1931) 1—2.
 Български Преглед. Списание за славянска филология. (Revue bulgare), t. I₁₋₃. 1929—1930. (Бълг. Прег.)
 Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorie. Anul XXIII, fasc. 63—66. București 1931.
 Bulletin International de l'Académie Yougoslave des sciences et des beaux arts. Classe: d'histoire et de philosophie — de philosophie et de droit — des beaux arts et des belles lettres, t. II. 1931. (Bul. Inter. Acad. Youg.)
 Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, t. VI, 3—4 (1929); t. VII (1930); t. VIII (1931). (Byz.-neugr. Jahrb.)
 Byzantinische Zeitschrift, t. XXX (1930); t. XXXI₁ (1931). (Byz. Zeit.)
 Byzantion, t. V (1930); t. VI₁ (1931).
 Центральная Европа, t. IV. (1931) fasc. 1-11.
 Croatia Sacra. Arhiv za cirkevni povjest, t. I (1931).
 Časopis Matice Moravské, t. LIV (1930). t. LV (1931), 1—2 (ČMM).
 Časopis Národního Musea. Oddíl duchovnědný, t. CIV (1930); CV, 1—2 (1931) (ČNM).
 Český Časopis Historický, t. XXXVI (1930), t. XXXVII (1931)₁ (ČČH).
 Доклады Академии Наук СССР. (1930) № 12.
 Échos d'Orient, 32 an. n° 155. Juillet—Septembre (1929); 33 an. (1930)

- n° 160. Octobre—Décembre; 34 an. (1931) n° 161. Janvier—Mars, n° 162. Avril—Juin, n° 163. Juillet—Septembre. (EO.)
- Eurasia Septentrionalis Antiqua; t. V (1930), t. VI (1931).
- L'Europa Orientale, t. X (1930).
- Гласник Историског друштва у Новом Саду, t. III (1930); t. IV (1931) 1-3. (Глас. истор. друш. Нов. Сад.)
- Гласник Скопског Научног друштва. Од друштвених наука, t. VII—VIII₃₋₄ 1930. (Глас. скоп. науч. друш.)
- Гласник Земаљског Музеја у Сарајеву, t. XLII (1930), II ser. (за историју и етнографију).
- Historische Vierteljahrschrift, t. 26 (1931).
- Historische Zeitschrift, t. 144, 1—2 (1931).
- Irénikon, t. VII (1930); t. VIII (1931), 1—3.
- Известия Академии Наук СССР. VII ser. 1930.
- Известия на историческото дружество в София, t. X (1930).
- Известия по рускому языку и словесности, t. III (1930) (Изв. по рус. яз. и слов.).
- Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. VI (1930), VII₁ (1931).
- Journal des savants, 1931. Avril.
- Јужнословенски филолог, IX (1930) (Južn. fil.)
- Lud Słowiański, t. II₁ (1931).
- Македонски Прегледъ. Списание за наука, литер. и обществен живот. t. VI (1930).
- Mélanges d'archéologie et d'histoire (École Française de Rome), t. 47, fasc. 1—5 (1930).
- Narodna Starina. Zagreb 1930, 1931, n°16—22.
- Národopisný Věstník Českoslovanský, t. XXIII, 1930.
- Naše věda, XI (1930), XII (1931) 1—6.
- Научовый Сборник Товариства «Просвѣта» Užgorod, t. VII, 1930.
- Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, t. X (1930).
- Przewodnik Historyczno-Prawny, t. II, fasc. 2/3. Lwów 1931.
- Rad Jugoslovanske Akademije znanosti i umjetnosti, t. 239 (1930), t. 240 (1931) (Rad Jugosl. Akad.).
- Razprave izdaje Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani, 1930, t. V, VI.
- Revista Istorică Română, t. I (1931), fasc. 1.
- Revue d'histoire ecclésiastique, t. 25 (1929); t. 27 (1931), n° 1—3 (RHR).
- Revue d'histoire des religions, t. 101, n° 1—3 (1930) (RHE).
- Revue des sciences religieuses, t. 10 (1930); t. 11 (1931), n° 12 (RES).
- Rivista de literature Slave, t. V (1930), VI (1931).
- Сборникъ на Българската Академия на наукитѣ, t. XLIII, клонъ историко-филолог.-обществен. 21. 1930 (Сбор. на Бълг. Акад.).
- Seminarium Kondakovianum, t. IV (1931) (Sem. Kond.).
- Slavia, t. VIII (1929—1930), IX (1930—1931). X 1—2 (1931).
- Списание на Българската Академия, t. XII (1930).
- Sprawozdania z czynności i posiedzeń polskiej Akademiji Umiejętności, t. XXXV (1930), XXXVI₁₋₅ (1931).
- Училищенъ Прегледъ, t. XXIX (1930), XXX (1931) 1-8 (Учил. Прег.).
- Ungarische Jahrbücher, X (1930), X₁₋₂ (1931).
- Věstník Královské České Společnosti Nauk, tř. fil.-hist.-jazykozpytná (1930) (VČS).
- Wiadomości archeologiczne (Bulletin archéologique polonais), t. X (1929).
- Записки Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ, t. II (1930).
- Записки Наукового Товариства им. Шевченка, t. XCIX (1930). С—II Праці історичні (1930).
- Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena, t. XXVII, 2 (1930).
- Zeitschrift für slavische Philologie, t. VII, 1—2 (1930).

I. Littérature et légende.

A. Littérature scientifique.

S. SALAVILLE, *De l'hellénisme au byzantinisme. Essai de démarcation* — le byzantinisme est la continuation de l'hellénisme chrétien, dont la floraison tombe sur le IVe siècle; de ligne de démarcation peut servir l'époque de la victoire du christianisme après la mort de Julien l'Apostat. — *Echos d'Orient*. 34 an. 1931. N° 161. p. 28—64. (A)

Б. АНГЕЛОВЪ, *Книгата въ стара България и нейната сждба презъ вѣковѣтъ (IX—XVIII в.)* — aperçu popularisé de l'histoire de la littérature bulgare avec d'assez nombreuses remarques bibliographiques. Au début l'auteur caractérise l'influence de Byzance et de sa civilisation, par excellence de la littérature, sur le commencement de la littérature paléoslave. Après il parle des alphabets et de la langue paléoslave, des circonstances extérieures de la vie de la littérature ancienne bulgare et du sort des vieux manuscrits bulgares dès le moyen âge jusqu'au XVIII siècle. — *Учил. Прегл.* т. XXIX (1930). неоф. отд., p. 1—29. (F)

CAROLUS SILVA-TAROUCA, S. I.: *Fontes historiae ecclesiasticae medii aevi in usum scholarum selegit C. S.-T. Pars prima: Fontes saec. V—IX. In 8°, XVI—542 str. Romae 1930.* — l'auteur s'occupe aussi des légendes panoniennes. — *A. B.*, 49 (1931). p. 123. (F)

A. CRONIA, *Di un frammento glagolico* — l'auteur décrit et publie un fragment glagolique (Ponto) de l'Évangile de St. Jean du XV-me siècle. — *Rivista di Letterature slave*. t. VI. 1931. fasc. 1—3. p. 32—52. (A)

М. ПОПРУЖЕНКО, *Изъ историята на старобългарската проповѣдническа лите-*

ратуре — sur le rôle de St. Clément d'Ochride et de Cosmas le Presbytre dans la formation des sermons. — *Български Прегледъ*. т. I. fasc. 3. p. 345—353. (A)

М. Г. ПОПРУЖЕНКО: *Козма Превитеръ* — étude sur la personnalité et l'oeuvre littéraire de Cosmas le Presbytre, homme de lettre bulgare de l'époque du tzar Syméon, mais qui a été aussi le témoin des malheurs du règne suivant. — *Български Прегледъ*. т. I. 1929. fasc. 1. p. 22—38. (A)

С. П. РОЗАНОВ, «Никоновскій» летописный свод и Иосаф, как один из его составителей. — М. Rozanov date les «Annales de Nikon» du milieu du XVIme siècle et émet la thèse, que leur rédacteur était le métropolite Josaf, ami de Maxime le Grec. — *Известия по рус. яз. и слов.* т. III. 1930. p. 269—287. (A)

В. М. ИСТРИН: *Книгъ временнымъ и икразнымъ Георгия мниха.* — Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград. Изд. Ак. Н. СССР, 1930. L+348 стр. — *Rec.: N. Durnovo, Slavica* IX (1930—31), p. 805—815. (F)

М. В. ШАХМАТОВЪ, *Платон в Древней Руси* — aperçu des citations de Platon et des informations sur ce philosophe, contenues dans les ouvrages vieux russes. — *Зап. Русс. Ист. Общ.* т. II. 1930. p. 49—70. (A)

Д. И. ЧИЖЕВСКИЙ, *Платон в Древней Руси* — l'auteur détermine ce que la littérature ancienne russe savait du vrai Platon. — *Зап. Рус. Ист. Общ.* т. II. 1930. p. 71—81. (A)

ЮРД. ТРИФОНОВЪ, *Иоаннъ Екзархъ*

Български и неговото описание на човешкото тѣло. — Dans la première partie de l'article l'auteur raconte la vie de Jean l'Exarche et vient à la conclusion, que Jean n'avait pas étudié le grec dans la capitale de l'Empire, et s'il savait le grec couramment il ne le connaissait pas tout de même en philologue. La II partie est consacrée à l'étude du traité sur le corps humain; une traduction en langue bulgare moderne est adjointe. — *Български Прегледъ.* t. I. 1929. fasc. 2. p. 165—202. (A)

Д-р. ВЛАДИМИР РОЗОВ, *Поп Юван из Синајске горе* — l'activité littéraire de Jean de Sion peut servir de lien entre la littérature médiévale serbe et russe. — *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор.* t. X. fasc. 1. 1930. p. 53—56. (A)

NIKOS A. BEES, *Manassios der Metropolis von Naupaktos, ist identisch mit dem Schriftsteller Konstantinos Manassis* — d'après le manuscrit de Tübingen et l'information fournie par Jean Apokaukos, Constantin Manassis fut métropolitaine de Naupacte et mourut vers l'an 1187. — *Byzant.-neugr. Jabrb.* t. VII₁₋₂. 1930. p. 119—130. (A)

B. Littérature populaire.

В. Н. ПЕРЕТЦ, «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг — l'auteur démontre l'influence stylistique de la traduction slave du XIme siècle de la Bible sur le « Slovo o polku Igorevè ». — *Известия по русс. яз. и слов.* t. III₁. 1930. p. 289—309. (A)

Н. М. КАРИНСКИЙ, *Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XIV.* — étude d'un Alphabetaire paléoslave du IX—X siècle, qui a été traduit en prose d'un original grec rimé. Les deux textes sont donnés. — *Известия по рус. яз. и слов.* t. III₁, 1930, p. 259—268. (A)

H. GRÉGOIRE, *Le tombeau et la date de Digenis Akritas (Samossate, vers 940 après J. C.). La plus ancienne rédaction du poème* — la rédaction la plus ancienne du poème se trouve dans le Cryptoferratensis. Le poème original a été rédigé dans les quarantièmes années du X siècle sous l'influence de la Légende Basilienne. — *Byzantion.* t. VI. 1931. p. 481—507. (A)

H. GRÉGOIRE, *Michel III et Basile le Macédonien dans les inscriptions d'Ancyre. Les sources historiques de Digenis Akritas et le titre de Μέγας βασιλεύς* — la source historique de l'épopée est l'oeuvre de Génésios, surtout dans sa partie qui traite du temps de Michel III, mais le personnage même d'Akritas paraît légendaire. — *Byzantion.* t. V. fasc. 1. 1930. p. 327—346. (A)

М. А. ШАНГИН, *О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний* — l'auteur souligne l'importance des manuscrits astrologiques pour « la science populaire » et donne un aperçu des travaux d'édition entrepris en Occident et à entreprendre à Leningrad. — *Известия Академии Наук СССР.* VII ser. 1930. No 5. p. 307—318. (A)

C. Légende. Folklore.

Др. Р. ГРУЈЋ, *Црквени елементи Крсе славе.* — L'auteur déclare que le rituel de la « slava » est national et religieux. Il a été reformé par Saint-Sava. Mais son caractère général est tout de même plus national que religieux. — *Гласник Скоп. науч. друштва.* t. VII—VIII. 1930. p. 35—76. (A)

Проф. А. СЕЛИЩЕВ, *К изучению «службы» и «славы»* — l'auteur après un examen minutieux des sources et coutumes grecques et slaves, entre autres de la vie de St. Ventzslav, vient à la conclusion que la « sloužba » bulgare et la « slava » serbe ont été introduites sous l'influence d'une céré-

monie byzantine. — *Македонски Прегледъ*. VI₄. p. 1—22; 151—152. (A)

— *Македонски Прегледъ*. VI₃. p. 1—10; 165—166. (A)

Л. МИЛЕТИЧЪ, *Къмъ вопроса за българската семейна «служба» и сръбската «слава»* — l'auteur trouve une analogie pour la cérémonie serbe «slava» dans la «sloužba» bulgare. Les deux cérémonies ont une origine ecclésiastique commune.

Д-р. БИРО ТРУХЕЛКА, *Ларизам и крсне слава* — sur l'origine de la krsna slava, qui d'après l'auteur est un dérivé du larrisme romain. — *Гласник Скопског научног друштва*. t. VII—VIII. 1930. p. 1—34. (A)

II. Manuscripts et Bibliographie.

A. Manuscripts et Bibliographie.

PAUL KRETSCHMER, *Zu dem geplanten Wörterbuch des Mittelaltereichen Griechisch* — sur les principes d'édition du Λεξικὸν τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ. — *Byzantion*. V. 1930. p. 429—433. (A)

ΣΠ. ΛΑΥΡΙΩΤΗΣ, *Ἀναγραφὰι ἑγγράφων τῆς Μεγίστης Λαύρας τοῦ Ἁγίου Ἀθανασίου ἐν Ἀθῶ* — l'auteur publie deux catalogues encore inconnus des actes de la Laura. — *Byz.-neogr. Jahrb.* t. VII₃₋₄. 1930. p. 388—428. (A)

V. LAURENT, *Les manuscrits de l'histoire byzantine de Georges Pachymère* — travaux préliminaires à l'édition de l'oeuvre de Pachymère. L'auteur donne l'histoire des éditions précédentes, la description des manuscrits et leur filiation. Dans l'Appendice il étudie les paraphrases. —

Byzantion. V. 1930. p. 129—205. (A)

B. Bibliographie des savants.

М. Г. ДОЛОБКО, *Труды А. И. Соболевскаго в области старославянского языка и письменности* — de l'oeuvre de Sobolevskij dans le domaine de la littérature paléoslave. — *Известия Акад. Наук СССР*. VII sér. 1930. No 1. p. 45—54. (A)

Е. Ф. КАРСКИЙ, *Труды А. И. Соболевскаго по палеографии и диалектологии* — aperçu des travaux paléographiques et dialectologiques de Sobolevskij. — *Извест. Акад. Наук СССР*. VII ser. 1930. No 1. p. 45—48. (A)

В. Н. ПЕРЕТЦ, *Некролог А. И. Соболевскаго (со списком научных трудов)* — nécrologe de Sobolevskij avec une liste des oeuvres du défunt (de 1914 à 1929). — *Известия Акад. Наук СССР*. VII. ser. 1930. No 1. p. 17—31. (A)

III. Langue, Métrique et Musique.

P. SKOK, *Byzance comme centre d'irradiation pour les mots des langues balkaniques*. Voir Zprávy. — *Byzantion* VI. 1931. p. 371—378. (F)

ST. ROMANSKI, *Нѣкои грѣци думи*

въ българския книжовенъ езикъ — sur quelques mots de provenance grecque, qui sont passés dans la langue bulgare littéraire, comme ела, елате — ἐλα, ἐλάτε; хора, хорò de χώρα etc. — *Български Прегледъ*. t. I. fasc. 2. p. 277—281. (A)

L. MILETIĆ, *Две народни етимологиј.*
2) *Костадину-поле* вмѣсто *Константино-поль* — étymologie populaire du nom de Constantinople. — *Български Преглед*. t. I. 1929. fasc. 1. p. 129. (A)

ST. MLADENOV, *Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache* — étude de l'Étymologie de plusieurs groupes de mots bulgares du point de vue de l'histoire de la civilisation. — *Списание на Българ. Акад.* t. XLIII. 21. 1930. p. 93—128. (A)

Ю. МОРАВЧИК, *Происхождение названія TZITZAKION* — τζιτζάκιον — čiček veut dire en tur.-tat. fleur; c'est aussi un nom de femme. Il paraît possible que ce fut de même le nom de l'épouse khazare de Constantin V et que son nom fut après donné au vêtement khazare, qui est le tzitzakion. — *Sem. Kond.* t. IV. 1931. p. 69—76. (A)

HENRI GRÉGOIRE, *Les sauterelles de Saint Jean Baptiste. Texte épigraphique d'une épître de S. Isidore de Péluse* — de la question, si St. Jean Baptiste a vraiment mangé des sauterelles ou des corubes (ἀκροόδρα). Le Joseph Slave parle de copeaux de bois, qui paraissent remonter aussi au mot ἀκροόδρα. — *Byzantion*. V. 1930. p. 109—128. (A)

H. Н. ДУРНОВО, *Мюнхенскій абecedарій* — l'auteur décrit l'Abecedarium de Munich et fait quelques conclusions sur l'al-

phabet glagolique. — *Известия Акад. Наук СССР*. VII ser. 1930. № 3. p. 211—221. (A)

H. ULASZYN, *Slavisch nētsъ „Deutscher“* — sur l'origine de la dénomination slave des Allemands. — *Zeitschrift für slavische Philologie*. t. VI₃₋₄. 1930. p. 368—372. (A)

П. БОРБИЋ, *Трпин глаг. придев про-шлог времена у старословенском тексту*. — voir *Zprávy*. — *Јужн. фил.* IX (1930). p. 273—278.

M. A. СОКОЛОВА, *К истории русскаго языка в XI веке* — l'auteur fait l'étude de l'Évangile d'Arkhangelsk du point de vue philologique et paléographique. — *Известия по русскому языку и словесности*. III₁. 1930. p. 75—135. (A)

Dr. PETAR SKOK, *Studien aus dem serbo-kroatischen Vokabularium*. (Rad, 222. p. 114—136) — examen de plusieurs mots, entre autres Aptazi (de ἡ ἔκτατή). — *Bull. Intern. Acad. Youg.* t. II. 1931. p. 178—179. (A)

A. GASTOUÉ, *L'importance musicale, liturgique et philologique du ms. Hagio-polites* — description du Ms. gr. 360 de la Bibl. Nat. de Paris de Hagio-polite. C'est le seul traité de chant religieux byzantin antérieur au XVme siècle. — *Byzantion*. t. V. 1930. p. 347—355. (A)

IV. Théologie.

A. Littérature.

V. LAURENT, *Les sources à consulter pour l'établissement des listes épiscopales du patriarchat byzantin* — aperçu des sources principales liturgiques, diplomatiques, littéraires et épigraphiques. — *Echos*

d'Orient. 34 an. 1931. n. 161. p. 65—83. (A)

J. FARGES, *Méthode d'Olympe, Du libre arbitre*. Traduction précédée d'une introduction. In 8°. p. XV+184. Paris. Beauchesne, 1929. — Farges a traduit de l'allemand les parties, qui ne sont conser-

vées qu'en paléoslave (Bonwetsch). A. Vaillant a révisé et corrigé la traduction. — RSR. XI. 1939. p. 103 sq. (F)

J. FARGES, *Les idées morales et religieuses de Méthode d'Olympe*. In 8°, XVI — 266 str. Paris, Beauchesne, 1929. — RSR. XI (1929). p. 103 sq. (F)

M. JUGIE, *Poésies rythmiques de Nicéphore Calliste Xanthopoulos* — l'auteur publie quelques poésies religieuses de Xanthopoulos. — *Byzantion*. V. 1930. p. 357—390. (A)

P. A. LAVROV et A. VAILLANT, *Les Règles de Saint Basile en vieux slave: les Feuilletts du Zograph*. — C'est une édition nouvelle de ce texte, dont en 1926 on ne connaissait que trois pages du nombre de quatre, qui s'était conservé (comp. ReS., VI (1926) p. 5—58). Il a pour sujet les questions 34 et 35 des Règles de St. Basile. Cet article renferme encore des versions postérieures en vieux slave du même texte et son original grec avec un commentaire, qui complète et explique le texte vieux-slave. — ReS. X. 1930. p. 5—35. (F)

M. JUGIE, *Les origines de la méthode d'oraison des hésychastes* — étude des origines de la méthode „physique“ de l'extase. — *Échos d'Orient*. 34 an. 1931. n° 162. p. 179—188. (A)

B. Hagiographie.

H. GRÉGOIRE, *La vie de Saint Blaise d'Amorium* — l'auteur narre la vie du saint d'après le texte grecque; il s'arrête à la question du rapport du texte grec et slave et détermine l'époque, quand l'original fut rédigé. — *Byzantion*. t. V. fasc. 1. 1930. p. 391—414. (A)

D. E. L. et D. P. M., *Vie de Saint Jean d'Ibère et de Saint Euthyme, son fils, écrite*

par le pauvre Hiéromoine Georges — traduction de la vie des fondateurs du monastère d'Ibéron au Mont Athos. — *Irénikon*, t. VII. 1930. N° 1. p. 50—67; N° 2. p. 181—196; N° 3. p. 448—460 (voir VI, 1929. p. 767—784). (A)

V. GRUMEL, *Le miracle de Notre Dame des Blachernes à Constantinople* — étude du récit de ce miracle dans le Liber Virginalis, le manuscrit de Heiligkreuz du XII siècle, chez Michel Pselle et les sources slaves. D'après Grumel l'ikone de la Vierge avec Jésus dans ses bras a été découverte à l'an 1031. — *Échos d'Orient*. 34 an. 1931. n° 162. p. 129—146. (A)

C. Apocryphes.

MICHAEL KMOSKO, *Das Rätsel des Pseudomethodius*. (Vortrag gehalten am VI deutschen Orientalistentage in Wien, 13 Juni 1930.) — Voir Zprávy. — *Byzantion*. VI. 1931. p. 273—296. (F)

W. LÜDTKE, *Die slavischen Texte des Thomas-Evangeliums* — les manuscrits slaves de l'Evangile apocryphe de Thomas remontent tous à un archétype commun, la traduction slave a été vraisemblablement exécutée dans un milieu bogomile. — *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. VI₃₋₄. 1929. p. 490—508. (A)

CAMILLA LUCERNA, *Materialien zum Studium des Apokryphes: Leben und Bussbekenntnis Asseneths, der Tochter des Pantephris, die der überaus schöne Joseph zum Weibe nahm*. (Rad, 224. p. 168—188) — l'analyse de l'écrit du point de vue psychologique, esthétique et littéraire. — *Bul. Intern. Acad. Young*. t. II. 1931. p. 179—180. (A)

D. Dogmatique, Liturgique etc.

V. GRUMEL, *Le „Napisanie o pravěj*

věre de Constantin le Philosophe — M. Grumel polémique avec M. Il'inskij sur l'auteur du « Napisanie ». D'après lui l'écrit a été rédigé au XIIIe siècle par Constantin de Corfou pendant la dispute du « Pater maior me est ». — *Échos d'Orient*. 1929. 32 an. N° 155. p. 283—294. (A)

M. JUGIE, *Theologia dogmatica christianorum orientalium ab Ecclesia catholica dissidentium*. — T. III. Theologiae dogmaticae Graeco-Russorum expositio de Sacramentis seu Mysteriis. T. IV. Theologiae dogmaticae Graeco-Russorum expositio de Novissimis de Ecclesia. In 8°, 510, 666 str. Parisiis, Letouzey, 1930—31. — *E. O.* 34 (1931), p. 243—247. (F)

I. M. HANSRENS, S. I., *Institutiones liturgicae de ritibus orientalibus*. — T. II. De missa rituum orientalium, pars I. In 8°, XI — 514 str. Romae, Pontif. Universitas Gregoriana, 1930. — *A. B.*, 48 (1930), p. 465. (F)

D. F. O., *Le Baptême dans le rit byzantin selon les livres liturgiques paléoslaves* — traduction du vieux slave des prières d'usage à la cérémonie du baptême. — *Irénikon* t. VII. 1930. N° 1. p. 68—72 (suite t. VI. 1929. p. 397—568). (A)

F. PARIS, *La consécration épiscopale dans le rit byzantin, selon les livres liturgiques paléoslaves* — traduction de textes en usage à l'église russe et de quelques textes grecs pour la comparaison. — *Irénikon*. VII. 1930. N° 3. p. 267—308. (A)

N. M. ILJINE, *La fête de la Nativité du Christ* — des particularités liturgiques de l'église orientale et de quelques coutumes russes. — *Irénikon*. t. VII. 1930. N° 6. p. 659—678. (A)

D. P. O., *La pénitence dans le rit byzantin selon les livres liturgiques slaves* — traduction de textes vieux-slaves relatifs à la confession et la pénitence. — *Irénikon*. t. VII. 1930. N° 5. p. 577—588. (A)

V. Histoire.

A. Histoire politique.

Ю. ТРИФОНОВЪ, *Деспотъ Иванъ Александръ и положението на България следъ Велбужската битка* — l'auteur démontre que Jean Alexandre avant de devenir tzar des bulgares portait le titre de despote et tenait Loveč. L'appendice renferme une étude de la bataille de Velboudže. — *Списание на Българ. Акад.* t. XLIII. 21. 1930. p. 61—91. (A)

Н. П. БЛАГОВЪ, *Българскиятъ царъ Ромъанъ*. — L'auteur met Romain, frère de Boris II au nombre des souverains bulgares. D'après Blagov le tzar Romain n'a non seulement rétabli l'État bulgare dans son intégrité, mais l'a encore élargi, cependant

il a trouvé une triste fin. — *Македонски Прегледъ*. VI₃. p. 15—34; 168; VI₄. p. 23—44; 152—154. (A)

ХР. ЧОЧКОВЪ, *Солунъ въ историята на България*. Исторически погледъ — l'auteur étudie les essais des Slaves bulgares de s'emparer à différentes époques de Salonique. Pendant le règne de Jean Assen II Salonique fut quelque temps vassale des Bulgares. — *Македонски Прегледъ*. VI₃. p. 35—58; 168—169. (A)

FR. HÝBL, *Dějiny národa bulharského*. d. I. a II. Praha. 1930 par JUR. TRIFONOV. — *Известия на историческото дружество въ София*. t. X. 1930. p. 139 à 151. (A)

FR. HÝBL, *Dějiny národa bulharského*. t. I. et II. par L. MILETIČ. — *Македонски Прегледъ*. t. VI. fasc. 1. 1930. p. 123—126; 161—162; VI₂. p. 142—149; 179—182. (A)

JULIUS MORAVCSIK, *Zur Geschichte der Onoguren* — histoire du peuple onogoure, qui avec d'autres peuplades a formé le Grand État bulgare de Koubrate. Sous le pression des Khazares les Onogoures se sont divisés: une partie est passée en Bulgarie; une autre — les Hongrois futurs, est restée sous le joug des Khazares; le dernière est allée plus tard habiter les bords du Volga. — *Ung. Jahrb.* t. X. fasc. 1/2. 1930. p. 53—90. (A)

Prof. N. P. BLAGOV, *Критиченъ погледъ върху известията на Львъ Дяконъ за болгаритѣ* — L'auteur examine les informations fort importantes de Léon le Diacre relatives aux guerres byzantino-bulgares de la seconde moitié du X siècle. Il les compare aux informations d'autres auteurs byzantins et présente un récit détaillé des événements. — *Македонски Прегледъ*. 1930. t. VI. fasc. 1. p. 25—48; 155; VI₂. p. 23—40; 161. (A)

П. МУТАФЧИЕВ, *Русско-болгарскія отношения при Святославъ* — l'auteur conteste le point de vue généralement exposé, que Sviatoslav avait fortifié sa position par la terreur; au contraire les Bulgares ont été les alliés de Sviatoslav et n'ont changé de parti que pendant l'expédition glorieuse de Jean Tzimiscès. — *Sem. Kond.* t. IV. 1931. p. 77—92. (A)

D. ANASTASIJEVIĆ, *La Chronologie de la Guerre russe de Tzimiscès* — examen des sources byzantines, arabes et russes. L'auteur date l'expédition de Tzimiscès contre les russes de 971—973. — *Byzantion.* t. VI. 1931. p. 336—342. (A)

C. A. MACARTNEY, *The Attak on Valandar* — le récit de Massudi peut être mis en rapport avec les événements byzantino-bulgares des années 913—914. — *Byz-neugr. Jahrb.* t. VIII₁₋₂. p. 159 à 170. (A)

F. DÖLGER, *Johannes VII, Kaiser der Rhomaer 1390—1408* — histoire de l'empereur Jean VII, qui était connu jusqu'ici dans la science comme le seigneur de Selimvrie et régent de l'Empire byzantin de 1399 à 1403. — *Byzantinische Zeitschrift.* t. XXXI. fasc. 1. 1931. p. 21—36. (A)

V. MOŠIN, *Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge* — analyse de la source et de ses données; l'auteur date cette source à peu près de l'an 950. — *Byzantion.* t. VI. 1931. p. 309—325. (A)

DR. STJEPAN SAKAČ, *Ugovor pape Agathona I Hrvata proti navalnom rati* (ok. G. 679) — étude consacrée à l'essai du pape Agathon de faire conclure la paix entre les Croates et l'empereur Constantin V Copronyme. L'auteur donne à cette occasion un aperçu des données de Constantin le Porphyrogénète sur les Croates et de la littérature de la question. — *Croatia sacra.* t. I. 1931. p. 1—84. (A)

DR. JELENIĆ, *Križari osvajaju Zadar i Carigrad. God 1202—1204* — l'auteur vient à la conclusion, que les croisés attaquent Zara et Constantinople contre la volonté du pape, l'initiateur de ces événements était le doge vénitien Henri Donola. — *Croatia sacra.* t. I. 1931. p. 85—100. (A)

O. HALECKI, *Styky polsko-byzantské v XI. st.* — voir Zprávy. — *Journal des savants.* 1931. Avril. p. 185—186. (F)

B. Histoire intérieure. (Civilisation, administration, économie.)

J. MACŮREK, *Vlivy byzantsko-slovanské v dějinách rumunského národa — analyza státního zřízení, literatury a umění rumunského* — analyse de l'organisation de l'état, littérature et art roumains. L'arrivée des émigrés slaves du Balkan en Roumanie vers la fin du XIV et le début du XV siècle a renforcé l'influence byzantino-slave sur la civilisation roumaine. — *Časopis Národního Musea*. 1930. od. duchov. t. CIV. 1930. p. 178—190. (A)

FR. TUESCHNER, *Georgios Gemistos Plethon, ein Vermittler zwischen Morgenland und Abendland zu Beginn der Renaissance* — Byzance du point de vue de la civilisation forme un lien entre l'Orient et l'Occident. Le moment principal de ce mouvement est l'Union Florentine et l'acteur principal — Gémisthe Pléthon. — *Byz.-neugr. Jahrb.* t. VIII₁₋₂. 1931. p. 100—120. (A)

Д-р. НИКОЛА РАДОЈЧИЋ, *Грчки навори за Косовску битку* — aperçu des informations des sources grecques sur la bataille de Kosovo Pole, les historiens Doukas et Chalkokondyle sont extrêmement favorables aux serbes. — *Глас. Скоп. научн. друш.* t. VII—VIII₃₋₄. 1930. p. 163—174. (A)

NIKOLA RADOJČIĆ, *Die griechischen Quellen zur Schlacht am Kosovo Polje* — les informations les plus importantes sur cette bataille se trouvent chez les historiens byzantins, qui à cette époque postérieure se montrent favorables au peuple serbe. — *Byzantion*. t. VI. 1931. p. 241—246. (A)

H. GRÉGOIRE, *L'opinion byzantine et la bataille de Kossovo* — l'auteur donne un supplément à l'article de Radojčić — ce

sont quelques vers du poème de Maxime Masaris. — *Byzantion*. t. VI. 1931. p. 246—251. (A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИЙ, *Устройство Болгарии и положение болгарского народа в первое время покорения их Василием II Болгаробойцей* — le territoire bulgare après la conquête byzantine a formé une seule unité administrative; ceci est aussi démontré par le fait, que l'église bulgare resta autonome. — *Sem. Kond.* t. IV. 1931. p. 49—67. (A)

СТ. РОМАНСКИ, *Симеоновата титла цѣсарь* — l'auteur démontre que dans l'ancien bulgare цѣсарь = βασιλεύς et que les Bulgares comprennent de cette manière le titre byzantin de καῖσαρ. — *Български Прегледъ*. t. I. fasc. 1. 1929. p. 125—128. (A)

МИХ. ДИНИЋ, *Јован Ангел, »dominus Syrmiae«* — du titre de Kaloïannos Ange, fils de Isaak Ange et de Margueritte de Hongrie, qui tenait Srème après la mort de sa mère. — *Гласник историског друштва у Новом Саду*. t. IV. fasc. 2. 1931. p. 301. (A)

Д-р. АЛЕКСАНДАР СОЛОВЈЕВ, *Судије и суд по градовима Душанове државе* — commentaire à l'article 176 du Code de Doušan. Le tribunal mixte, composé de laïques et des cléricaux, a été formé d'après la coutume byzantine, fort typique pour le XIV siècle. — *Глас. Скоп. научн. друш.* t. VII—VIII. 1930. p. 147—162. (A)

G. CZEBE, *Studien zum Hochveratsprocesse des Michael Paläologos im Jahre 1252* — I. aperçu des données des sources; II. étude du côté juridique du procès. M. Czebe explique à l'aide des Assises de Jérusalem les particularités du procédé. — *Byz.-neugr. Jahrb.*, t. VIII. fasc. 1—2. 1931. p. 59—98. (A)

GEORG OSTROGORSKY, *Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter* — l'auteur constate le changement survenu au VIIe siècle dans le système financier byzantin; ainsi l'on sépare de l'iugatio — συνωνή le capitatio — καπνικόν. L'auteur présente une explication nouvelle aux termes επιβολή et ἀλλήλεγγιον. — *Byzantion*. t. VI. 1931. p. 229—240. (A)

TH. SATURNIK, Γουβελαιτικόν. *Byzantinoslavica*. II, par F. DÖLGER. — *Byzantinische Zeitschrift*. XXXI. 1. 1931. p. 172—174. (A)

G. I. BRATIANU, *La question de l'approvisionnement de Constantinople à l'époque byzantine et ottomane* — étude sur les mesures administratives pour subvenir au ravitaillement de la capitale. Un rôle important pour l'achat de blé ont joué les pays environnant la Mer Noire. — *Byzantion*. t. V. fasc. 1. 1930. p. 83—107. (A)

K. DIETRICH, *Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels* — étude de l'expansion commerciale slave dans les pays slaves des Balkans. Le commerce a eu un rôle civilisateur important, car il a renouvelé l'ancienne civilisation hellénistique-romaine des villes sur le territoire envahi par les Slaves. — *Byz. Zeitschr.* t. XXXI. fasc. 1. 1931. p. 37—57. (A)

C. Histoire de religion.

KARL BIHLMEYER, *Kirchengeschichte auf Grund des Lehrbuches von F. X. Funk*. — 2. Teil: Das Mittelalter. In—8°, XII—384 str. Paderborn 1930 (8. Aufl.) — l'auteur s'occupe aussi du bogomilisme. — *A. B.*, 49 (1931). p. 126—127. (F)

ANTUN S. DABINOVIC, *Kada je Dalmacija pala pod jurisdikciju carigrad-*

ske patrijaršije? — l'auteur vient à la conclusion, que la Dalmacie fut mise en subordination au patriarche de Constantinople non en 732, mais après la paix d'Aix la Chapelle, elle revient à Rome en 829 et de nouveau à Constantinople en 868. — *Rad. Jugosl. Akad.* t. 239/105. 1930. p. 151—244. (A)

Г. А. ОСТРОГОРСКИЙ, *Отношение церкви и государства в Византии* — les rapports de l'église et de l'empereur ne sont pas stables: au début c'est le primat de l'empereur; après sa place prend la théorie de diarchie; l'époque des Paléologues est caractérisée par la floraison de la vie ecclésiastique. — *Sem. Kond.* t. IV. 1931. p. 123—132. (A)

Д-р. ФИЛАРЕТ ГРАНИЧ, *Акт основања манастира у грчким областима позноримског царства у V и VI веку* — au V et VI siècles n'existaient pas encore les lois et règles relatives à la fondation d'un monastère, cependant les circonstances indispensables à cet acte peuvent être déjà formulées. — *Глас. Скон. науч. друш.* t. VII—VIII₃₋₄. 1930. p. 77—82.

F. GRANIC, *Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung des Kaiser Leons des Weisen* — Léon VI a modifié la réglementation justinienne concernant les moines et les cloîtres, mais il ne l'a pas accompli systématiquement. — *Byz. Zeitschr.* t. XXXI. fasc. 1. 1931. p. 61—69.

V. GRUMEL, *Un problème littéraire. L'authenticité de la lettre de Jean Vatzatzès, empereur de Nicée au Pape Grégoire IX* — l'auteur démontre que la lettre, tenue pour un falsificat du XVIIe siècle par A. Heisenberg, est authentique. — *Échos d'Orient*. 33 an. N° 160. 1930. p. 450—458. (A)

S. SALAVILLE, *Le titre ecclésiastique*

de προέδρος dans les documents byzantins — de la signification de ce titre à différentes époques. — *Échos d'Orient*. 33 an. 1930. n° 160. p. 416—436. (A)

V. GRUMEL, *Le fondateur et la date de fondation du monastère thessalonicien d'Acapnion* — le monastère a été fondé dans le premier tiers du XIe siècle par St. Photio de Thessalie. *Échos d'Orient*. 34 an. n. 161. p. 91—95. (A)

D. Chronologie. Varia.

N. DE BAUMGARTEN, *Chronologie ecclésiastique des terres russes du Xe au XIIIe siècle*. — In 8°, 180 str. Roma, Pontif. Inst. Orientalium Studiorum, 1930.

(Orientalia christiana, XVII, 1.) — (AB. 48 (1930), p. 464). (F)

GEORG OSTROGORSKY, *Die Chronologie des Theophanes im 7 und 8 Jahrhundert* — conclusions de l'auteur: 1. chaque date doit être révisée d'après les autres sources; 2. les dates les plus précises chez Théophane sont celles d'après l'avènement et la mort des empereurs byzantins, des khalifes et des patriarches de Constantinople. — *Byzant.-neogr. Jahrb.* t. VII₁₋₂. 1930. p. 1—56. (A)

SL. ŠILOVIĆ, *Obitelj Laskaris u Trogiru* — des descendants de la famille impériale des Lascaris, qui habitaient à Trau. — *Narodna Starina*. N° 22. 1930. p. 216—217. (A)

VI. Géographie, Topographie, Ethnographie.

C. KOROLEVSKIJ, *Athos*. — Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques, fasc. 21—30, col. 449—1402, 1—1390. Paris, Letouzey, 1929—1931, in 4°. — *A. B.*, 49 (1931), p. 120. (F)

A. M. TALLGREN, *Biarmia* — de la position géographique de la Biarmia: elle ne se trouvait pas dans le gouvernement de Perme mais dans le territoire kareli près du lac Ladoga et à l'Est vers Vologda. — *Eurasia Septentrionalis antiqua*. t. VI. 1931. p. 100—120. (A)

Dr. FREDO ŠIŠIĆ, *La formation du terme géographique actuel de „Dalmatie“* — dans la IIe partie „Au Moyen Âge“ l'auteur parle de la signification de ce terme géographique à l'époque de la domination byzantine. — *Narodna Starina*. N° 21. 1930. p. 1—9. (A)

JURD. ТРИФОНОВЪ, *Плѣвнѣ въ трако-римско и старобѣлг. време*. — Histoire de

la ville de Plevno des temps plus anciens, thraces, romains, byzantins et slaves-bulgares. — *Известия на историческото дружество в София*. kn. X. 1930. p. 20—48. (A)

СТ. РОМАНСКИ, *Имената на нѣкои македонски градове. 4. Скопие* — de la forme slave du nom de la ville Skopje, qui vient de Scupi — Σκουπίον. L'auteur atteste que la forme Skopie — Skopje soit la plus juste. — *Македонски Прегледъ*. VI₂. p. 1—6; 159—161. (A)

Д-р. Н. ВУЛИЋ, *Срем у нејстарије доба* — principalement d'après les découvertes archéologiques. — *Гласн. истор. друш. Нов. Саду*. t. III. fasc. 1. 1930. p. 1—9. (A)

М. ДИНИЋ, *Средновекови Срем* — histoire et géographie de la province de Srem au moyen âge. — *Глас. ист. друш. Нов. Саду*. t. IV. fasc. 1. 1931. p. 1—12. (A)

Б. С. РАДОЈЧИЋ, *Дукљанин о Срему*

— analyse des données de Dukljanine, Constantin Porphyrogénète et de Nicétas Acominate. — *Гласн. истор. друш. Нов. Саду*. t. III. fasc. 1. 1930. p. 22—29. (A)

Dr. PETAR SKOK, *Beiträge zur Erforschung serbokroatischer Ortsnamen*. (Rad, 224. p. 98—167) — résultats d'un voyage scientifique dans la région de Zara, Benkovac et Split. — *Bul. Inter. Acad. Young*. t. II. 1931. p. 179—180. (A)

M. БУДИМИР, *Антички становници војводине. II. Breuci* — étude sur les Breuci (entre autres d'après Étienne de Byzance). — *Глас. истор. друш. Нов. Саду*. t. III. fasc. 1. 1930. p. 10—21. (A)

C. A. MACARTNEY, *On the Black Bulgars* — l'auteur identifie les Bulgares noirs aux Bulgares du Volga. — *Byz. neugr. Jahrb.* t. VIII₁₋₂. 1931. p. 150—158. (A)

B. A. МОШИН, *Варяго-русский вопрос* — aperçu de la littérature, traitant la question de l'origine des Russes. — *Slavia*. t. X. fasc. 1. p. 109—136; fasc. 2. p. 343—379. (A)

СТ. РОМАНСКИ, *Славяни на Дунава* — aperçu des différentes théories de l'apparition des Slaves sur le Danube. D'après

l'auteur les Slaves y arrivèrent après la chute de l'Empire d'Attila. — *Българ. Прегл.* t. I. fasc. 1. 1929. p. 80—99. (A)

L. NIEDERLE, *Účes starých Slovanů* — étude sur la coiffure des Slaves — les tresses ont apparu plus tard sous l'influence turco-tatare. — *Národopisný Věstník Československý*. 1930. t. XXIII. n. 1. p. 1—5. (A)

N. BĂNESCU, *Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau aus dem XI Jahrhundert* — d'après l'auteur les Skythes du Paristrion dont il est question chez Attaliote et Anne Comnène ne sont pas des Russes, mais des autochtones (polémique principalement contre Vasilevskij). — *Byzantion*. t. VI. 1931. p. 297—307. (A)

Д-р. САУЛЪ МЕЗАНЪ, *Еврейство въ Македония* — exposé de l'histoire de la population juive de la Macédoine depuis les temps anciens jusqu'à nos jours. — *Македонски Прегледъ*. t. VI₁. p. 82—100; 158—160; VI₂. p. 57—80; 162—165. (A)

R. JANIN, *Les Turcs Vardariotes* — de l'origine, nationalité, service à la cour byzantine, religion chrétienne et église des Turcs-Vardariotes. — *Echos d'Orient*. 33 an. 1930. n. 160. p. 437—449. (A)

VII. Histoire de l'Art.

A. Questions générales. Varia.

H. П. КОНДАКОВЪ, *Чтения по истории античного быта и культуры* — aperçu général principalement de l'évolution des habitations — maisons, sépulcres et temples. — *Seminarium Kondakovianum*. t. IV. 1931. p. 3—32. (A)

O. WULFF, *Das Raumerlebnis des Naos im Spiegel der Ekphrasis* — comparaison

des impressions différentes sur les dimensions et fonctions impressives des églises, renfermées dans les descriptions (ἔκφρασις). — *Byz. Zeitschr.* t. XXX. 1929/30. p. 531—539. (M)

D. THOMAS BECQUET, *Les „saintes icônes“* — principalement de l'icône russe, qui est venue de Byzance, et de son évolution postérieure. — *Irénikon*. t. VII. 1930. N° 4. p. 428—447. (A)

DOM. TH. BECQUET, *Les Monastères des Météores en Thessalie. Récit de voyage* — sur le groupe des monastères des Météores en Thessalie, qui ont été fondés au XIVme siècle, et qui à cause de leur position sur des falaises forment un „petit Mont-Athos“. — *Irénikon*. VIII. 1931. N° 3. p. 373—383. (M)

VASILE GRECU, *Die Hermeneia τῆς ζωγραφικῆς τέχνης im rumänischen* — description de deux traductions roumaines de la fameuse Herménie de Denis d'Agraphe, conservées dans des manuscrits de 1805 en possession du prof. Al. Tzigara-Samurcaș, et comparaison avec l'original grec. — *Byz. Zeitschr.* t. XXX. p. 619—626. (M)

B. Architecture.

Б. ФИЛОВЪ, *Старобългарската църковна архитектура* (avec XX tab.) — aperçu général des principaux monuments d'architecture bulgare ancienne et de l'évolution du style. L'article renferme 3 chapitres: 1. Époque paléobulgare; 2. Époque du premier Empire bulgare; 3. Époque du deuxième Empire bulgare. — *Списание на българската Академия на Науките*. t. XLIII. 21. 1930. p. 1—59. (A)

KRSTO MIATEV, *Die Rundkirche von Preslav* — description de l'Eglise circulaire de Preslav, qui a été excavée en 1928. L'auteur place sa construction aux années 893—969, c'est à dire à l'époque, quand Preslav pendant le règne de Symeon et de son fils Pierre fut la capitale. L'auteur place l'église au rang des constructions du genre de baptistère. — *Byz. Zeitschr.*, t. XIII. p. 561—567. (M)

NIK. BRUNOV, *Die Gül-Djami von Konstantinopel* — analyse des restes d'une construction ecclésiastique de la 2 moitié

du XIII siècle, qui a été rebâtie d'une basilique à coupole du VII—VIII siècle, ainsi qu'ils se sont conservés après les plus récentes reconstructions dans la mosquée de Gul. — *Byz. Zeitschr.* t. XXX. p. 554—560. (M)

AN. ORLANDOS, *Eine unbeachtete Kuppelform* — description de l'église de St. Jean le Théologien près du village de Sulés en Doride, env. du XVI siècle. Cette église a un plan en forme de croix et une coupole en forme carrée avec une voûte en berceau au lieu de la coupole habituelle (cylindrique ou polygonale). Une comparaison avec d'autres constructions grecques de cette espèce termine l'article. — *Byz. Zeit.* t. XXX. p. 577—582. (M)

Ж. ТАТИЋ, *Сихастерија (поснице) св. Саве у Кареји* — analyse de l'architecture de la „posnice“ (chapelle avec un tombeau), fondée par St. Save, le premier archevêque serbe, à Kareia au Mont Athos. — *Глас. скуп. науч. друш.* t. VII—VIII. p. 135—140. (M)

Н. ОКУНЕВ, *Грађа за историју српске уметности. 2. Црква св. Богородице-Матенч* — deuxième partie du travail de l'auteur sur les monuments d'art serbe (première partie ibid. 1929). Description de l'architecture et de la peinture murale de l'église Mateič, que M. Okunev date de la deuxième moitié du XIV siècle. — *Глас. скуп. науч. друш.* t. VII—VIII. 1930. p. 89—119. (M)

АЛ. ДЕРОКО, *Црква св. апостола Петра у Бијеломе пољу* — description de l'église de St. Pierre à Belo Polje, qui a été fondée par Miroslav, frère du grand župan Nemanja à la fin du XII siècle. Cette construction est intéressante à cause de sa grande tour, qui a l'air d'une fortification. — *Глас. скуп. науч. друш.* t. VII—VIII. 1930. p. 141—146. (M)

N. GHIKA-BUDEȘTI, *Evoluția arhitecturii în Muntenia și în Oltenia. Partea a doua. Vichiul stil românesc din vechiul al XVI-lea* — étude systématique de l'architecture roumaine de Valachie au XVIe siècle — c'est à dire de l'évolution du style valaque, de ses origines, description de chaque monument à part. C'est la suite de l'ouvrage publié par l'auteur (voir 1927 dans BCMI, fasc. 53—54) sur l'architecture valaque du XIV et XV ss. Le texte (roumain et français) est suivi de 146 tables de photographies et de dessins. — *Buletinul Comisiunii Monumentelor istorice. Anul XXIII. fasc. 63—66. București 1931.* (M)

C. Sculpture.

GJURO SZABÓ, „*Diptychon*“ *zagrebačke kapitolske riznice* — histoire de la disparition du diptyque de Zagreb, retrouvé en Amérique. — *Narodna Starina. fasc. 20. 1930.* (A)

D. Peinture.

ANDRÉ PROTIČ, *Света Гора и българското изкуство. I. Светогорски влияния. II. Датуване светогорската стенопис от XIV в. с оглед към българската от 1317 до 1500 г.* — L'art bulgare — architecture, peinture et sculpture — s'est développé dès le début du XIVe siècle sous une forte influence athonite. M. Protič après avoir donné un aperçu des travaux chronologiques sur les peintures murales de la Sainte Montagne, se prononce pour la date donnée par G. Millet et dresse un tableau chronologique des peintures murales athonites et bulgares. — *Български Преглед. t. I. fasc. 2. p. 243—276.* (A)

H. ŽIDKOV, *Ein Wandmosaikfragment aus Konstantinopel* — description d'un fragment de mosaïque murale, découverte par l'auteur en 1927 dans l'é-

glise de St. Nikolas près Gul-Džami à Constantinople, que l'auteur date du VIIe siècle. — *Byz. Zeitschr. t. XXX. p. 601—607.* (M)

G. DE JERPHANION, *Icône du musée chrétien d'Athènes* — description d'une icône à sujets multiples se trouvant au Musée Chrétien d'Athènes, que l'auteur date du XIVe siècle et attribue à une école anatolienne, ou tout au moins à un artiste, qui travaillait dans la manière iconographique des fresques murales de Cappadoce. — *Byz. Zeitschr. XXX. p. 608—612.* (M)

G. GEROLA, *L'effigie del despota Giovanni Cantacuzeno* — description du portrait de Jean Cantacuzène sur l'icône de la Vierge, se trouvant à l'église de St. Samouel à Venice, qui y est parvenue en 1540. — *Byzantion. VI. 1931. p. 379—387.* (M)

ВЛ. ПЕТКОВИЧ, *Један циклус слика из Дечана* — description de l'un des 14 cycles de la grande église à Dečane (1348), de celui des faits des apôtres. — *Гласник скуп. науч. друш. t. VII—VIII, 1930. p. 83—88.* (M)

Д-р. ФРАНЦИ МЕСЕЧЕЈ, *Најстарији слој фреска у Нерезима* — description générale et analyse des fresques du monastère de Nerez (1164), qui ont été découvertes et mises au jour en 1923—26 par le Prof. N. Okounev. — *Гласник скуп. науч. друш. t. VII—VIII, 1930. p. 119—134.* (M)

DR. VLAD. R. PETKOVIĆ, *Portreti iz Psače* — description des portraits du donateur de l'église de Psač le despote Vlatko et de sa famille (du XIVe siècle). — *Narodna Starina. fasc. 20. 1930. p. 202—203.* (M)

¹ ВСЕВ. САХАНЕВ, *Карпаторусская ико-*

нописъ — le premier travail dans le domaine de la peinture ecclésiastique subcarpathique, qui ne traite que de l'art populaire. Cet art a été influencé par les branches périphériques de l'art byzantin (de Boucovine et de Galič). — *Центральная Европа*. t. IV. fasc. 10. p. 588—597. (M)

E. Arts mineurs. Archéologie.

DR. N. RADOJČIĆ, *Plaštanica u monastiru Pakri* — description de l'épithaphos

présenté au monastère de Mileševo en 1567 par Roxande, l'épouse du voévode moldave Jean Alexandre, qui est parvenu au monastère de Pacri; comparaisons avec d'autres broderies roumaines contemporaines à l'épithaphos. — *Narodna Starina*. t. 17. p. 193—197. (M)

G. DE JERPHANION, *Bulletin d'archéologie chrétienne, byzantine et slave*. — Roma, 1930, in 8°. (*Orientalia Christiana*, XX, 2.) — *A. B.*, 49 (1931). p. 237. (F)

VIII. Numismatique, Sigillographie, Héraldique

G. I. BRĂȚIANU, *Originale stemelor Moldavi și Tarii Românești* — entre autre de l'usage de mettre le blason sur les monnaies byzantines, lithuaniennes et moldaves. — *Revista Istorică Română*. 1931. t. I. fasc. 1. p. 50—62. (A)

H. Т. БЪЛЯЕВЪ, *О царской сумерійской мнѣ, о дарикѣ и о алатникѣ* — du poids et valeur de la monnaie en or perse, byzantine et slave. — *Sem. Kond.* t. IV. 1931. p. 179—203. (A)

N. P. LICHACHEV, *Materialien zur Geschichte der byzantinischen und russischen Siegelkunde* (rus.) I. Lieferung. Arbeiten des paläographischen Museums. Leningrad. 1928. t. I. p. 175. 81 des. par Kurt Regling. — *Byzantinische Zeitschrift*. XXXI. 1. 1931. p. 116—117. (A)

V. LAURENT, *Une nouvelle collection de légendes sigillographiques — étude sur le travail de Konstantinopoulos* (Question des origines du patriarchat bulgare). — *Echos d'Orient*. 34 an. n. 163. 1931. p. 355—362. (A)

V. N. ZLATARSKI, *Моливдовультъ на Алусияна* — A propos du molybdobulle

d'Alousinian Zlatarski reconstruit l'histoire de ce prince bulgare et de sa famille. Le molybdobulle semble dater de 1039—1041, quand Alousinian ne se trouvait pas au service byzantin, mais était en Bulgarie. De cette manière s'explique l'absence du titre. Il paraît possible, que le nom de baptême d'Alousinian soit Michel. — *Известия на историческото дружество въ София*. t. X. 1930. p. 49—63. (A)

V. LAURENT, *Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamatéros. Contribution à la prosopographie byzantine*. I. Sceau de Basile Kamatéros Doukas. II. La famille des Καματηροί. Appendice sceau du consul Bardanès — le propriétaire du sceau paraît être Basile Kamatéros, protonotaire, qui a été plus tard logothète du drome (XII). — *Byzantion*. t. VI. 1931. p. 253—273. (A)

V. LEBEDEVA, *Les trois nouveaux sceaux de plomb byzantins — trois sceaux de dignitaires byzantins du VI—XII siècles*. — *Byz. Zeitschr.* t. XXXI. fasc. 1. 1931. p. 58—66. (A)

СТ. СТАНОЈЕВИЋ, *О српском грбу* — les parties du blason serbe, reproduit par

Orbini, peuvent être retrouvées dans les anciens monuments serbes et sont d'origine byzantine. — *Гласник истор. друш. Нов. Саду*. t. III. fasc. 1. 1930. p. 98—101. (A)

Н. РАДОЈЧИЋ, *О штиту на српском грбу* — de quelques éléments byzantins dans le blason serbe. — *Гласник истор. друш. Нов. Саду*. t. III. fasc. 1. 1930. p. 101—104. (A)

IX. Épigraphie.

КР. МИЯТЕВЪ, *Симеоновата църква въ Преслав и найниятъ епиграфичено материалъ* — information sur les excavations archéologiques à Preslav et les matériaux épigraphiques trouvés dans l'Église Ronde. — *Българ. Прегл.* t. I. fasc. 1. 1929. p. 100—124. (A)

споменници у Јужне Србије — de deux inscriptions, dont l'une nous informe sur des faits relatifs à l'histoire des fils de Constantin le Grand. — *Гласник Скоп. науч. друш.* t. VII—VIII₃₋₄. 1930. p. 293—302. (A)

ИВ. ГОШЕВЪ, *Керамичниятъ старобългарски надписъ отъ кржглата цръква въ Преславъ* — restitution du texte d'un fragment, d'une plaque céramique provenant de l'Église Ronde de Preslav. — *Българ. Прегл.* t. I. fasc. 3. 1930. (A)

V. GARDTHAUSEN, *Zur Lösung griechisch-byzantinischer Monogramme* — le monogramme byzantin renferme toutes les lettres du mot; il se distingue de l'hellénistique en ce qu'il est plus déffus et qu'une croix lui sert de base. — *Byzant.-neugr. Jahrbücher*. t. VIII₃₋₄. 1931. p. 233—244. (A)

Д-р. БАЛДУИН САРИЈА, *Епиграфски*

X. Sciences spéciales.

G. TRIANTOPHYLLOPOULOS, *Die Novelle des Patriarchen Athanasius über die τιμορία* — d'après l'auteur la loi du tiers de l'héritage a été instituée sous l'influence du code syriaque-romain. — *Byz.-neugr. Jahrb.* t. VIII₁₋₂. 1931. p. 136—146. (A)

huit dixièmes du Code Moldave ont été extraites du Code Autrichien de 1811, et le reste seulement provient de la législation byzantine. — *Revista Istorică Română*. 1931. t. I. fasc. 1. p. 32—49. (A)

G. D. TRIANTOPHYLLOPOULOS, *Sur les sources du Code Callimaque* —

Codificazione canonica orientale. Rome 1931. Voir Zprávy. — *Revue d'histoire ecclésiastique*. XXVII. (1931.) p. 74. (F)

VÝMĚNOU DOŠLY

V DOBĚ OD 31. XII. 1930 DO 31. XII. 1931 TYTO ČASOPISY:

- Archiv orientální*: (Praha) III. (1931) 2, 3.
Bratislava (Časopis Uč. spol. Šafaříkovy v Bratislave) V. (1931).
Bulletin international de l'Académie Yougoslave des sciences et des beaux arts: (Beograd) L. II.
Bulletin of the New York Public Library: (New York) 35 (1931).
B'lgarski pregled: (Sofia) T./I. t. 3.
Byzantinische Zeitschrift: (München, Leipzig) XXXI./1—2.
Byzantion: (Bruxelles) VI. (1931) 1—2.
Central'naja Evropa: (Praha) G. IV. (1—12).
Croatia sacra: (Zagreb) I. (1931).
Časopis Matice moravské: (Brno) R. 53.
Časopis Muzeálnej sloven. spoločnosti: (T. S. Martin) R. XXIII. č. 1—4.
Časopis Národního musea: (Praha) C IV (1930), 3—4, C V (1931), 1—2.
Časopis pro moderní filologii: (Praha) R. XVII., R. XVIII./1.
Časopis za zgodovino in narodopisje: (Maribor) R. XXVI.
Československo-jihoslovanská revue: (Praha) R. I. (1930) 6—10, R. II. (1931) 1—4.
Český časopis historický: (Praha) R. 37 (1931).
Dom in svet: (Ljubljana) R. 44, č. 1—9.
Échos d'Orient: (Cañhrad) R. 34, č. 163.
Eurasia septentrionalis antiqua: (Helsinki) (1931) VI.
L'Europa orientale: (Roma) R. XI.
Glasnik istoriskog društva u Novom Sadu: 1929 (Kn. II.), 3, 1930 (Kn. III.) 2—3, 1931 (Kn. IV.) 4, 2.
Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu: G. XLII./2.
Irénikon: (Priuré d'Amay sur Meuse) (1931) T. VIII.
Izvestija Akademii nauk SSSR: (Leningrad) VII./3—6,
Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven: (Breslau) (1931) VII./1—2.
Knižnaja letopis: (Moskva) (1931) XXV. 9—63.
Kwartalnik historyczny: (Warszawa) (1931) R. XLV./T. I./1—2.
Letopis Matice Srpske: (Novi Sad) (1931) CV.—330/1—3.
Lusty filologické: (Praha) (1931) R. LVIII.
Lud Słowiański: (Kraków) II./1.
Le monde slave: (Paris) VIII. (1931) T. II./1—3, T. III./1—3, T. IV./1—2.
Narodna starina: (Zagreb) Knjiga II. (1923), III. (1924), IV. (1925), V. (1926), VI. (1927), VII. (1928), VIII. (1929), IX. (1930).
Národopisný věstník československý: (Praha) (1930) XXIII./4, XXIV./1—2.
Naše řeč: (Praha) (1931) R. XV.
Naše věda: (Praha, R. XII. (1931) 1—6.
Naukovyj zbornik Tovar. »Prosvita«: (Užhorod) (1929) VI.
Nové Čechy: (Praha) (1931) XIV./1—9.
Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor: (Beograd) (1931) kn. XI.
Przewodnik historyczno-prawny: (Lwów) (1931) R. II./1—3.
Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti: (Zagreb) (1931) R. VIII./Kn. 240.
Razprave Znanstvenog Društva za humanistične vede: (Ljubljana) (1930) V.—VI.
Revista istorică Română: (București) VI./1—3.
Revue des études slaves: (Paris) (1931).
Rivista di letteratura slave: (Roma) (1931) R. VI. f. 4—5.
Rodna Reč: (Kazanlik) V. (1931) 1—2, IV. (1930) 3—5.
Ruch literacki: (Warszawa) (1931) R. VI./1—9, 10.

- Ruski arhiv:* (Beograd) (1931) 14—15.
Der russische Gedanke: (Bonn) (1931) R. II. s. 2.
Sbornik filologický: (Praha) (1931) sv. IX.
Sbornik na B'lgarskata Akademija na naukite: (Sofia) XXV./11.
Seminarium Kondakovianum: (Praha) (1931) IV.
Slavia: (Praha) IX./4, X./1—3.
Slavia occidentalis: (Poznań) (1931) T. X.
Slavische Rundschau: (Praha) (1931). R. III.
The Slavonic Review: (London) (1931) Vol. IX./27.
Slovanská knihovněda: (Praha) (1931) I./1—2.
Slovanský přehled: (Praha) (1931) R. XXIII.
Slovenské pohľady: (T. Sv. Martin) (1931) R. 47.
- Spráwozdania Polskiej Akademji Umiejętności:* (Kraków) (1931) T. 36/1—5.
Učilišten Pregled: (Sofia) XXX./2—10.
Ungarische Jahrbücher: (Berlin) (1931) XI./3—4.
Věstník České Akademie: (Praha) (1931) R. XL.
Věstník Král. české společnosti nauk: (Praha) (1930).
Wiadomości archeologiczne: (Warszawa) (1929) T. X.
Zapysky naučnaho Towarystva im. Ševčenka: (Lviv) (1930) T. XCIX.
Zapiski Russkago istoričeskago obščestva: (Praha) (1930) Kn. II.
Zapiski Russkago naučnago instituta: (Beograd) (1931) 5.
Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena: (Zagreb) 28/I. (1931).
-

OPRAVY — ERRATA.

(Větší číslice znamená stránku, menší — řádek.)

Misto — Au lieu de: — Čti — lisez:

p. 71 adn. 2 ₁ питања — питања	p. 234 ₈ dole (vlevo) Franko — Franco
p. 93 ₆ dole наваждения — навождения	p. 234 ₇ dole (vlevo) (110) — (Цо)
p. 97 ₇ dole адрианопољскій — адрианопољскій	p. 246 ₈₀ (vpravo) Стефана — Петра
p. 105 ₃ dole 970 — 969	p. 258 ₂₈ (vpravo) le droit — l'art
p. 106 adn. 9 ₄ IV (1930) — VI (1931)	p. 260 ₁₅ dole (vpravo) Varèques — Varègues
p. 139 ₈ ξωαρχικοῦ — ζωαρχικοῦ	p. 261 ₂₈ (vpravo) serbe — russe
p. 182 ₂ Blemydès — Blemmydès	p. 261 ₃₂ Saint Marc — Marko
p. 185 ₉ (vpravo) Cantazuzène — Cantacuzène	p. 261 ₃₅ Dečany — Nerezi
p. 189 ₇ dole (vlevo) XVI — XIV	p. 262 ₈ dole (vpravo) oon — on
p. 201 ₁₈ Krsko — Krsto	p. 262 ₁₃ vynecháno — Andreeva, Sur l'élément
social et politique des livres byzantins de
mantique.
p. 220 ₆ (vpravo) Vasil — Vasilij	p. 268 ₇ (vlevo) 1679 — 1649
p. 220 ₅ dole (vlevo) Арефа — Ареѳа	p. 276 ₅ dole (vlevo) Keramens — Kerameus
p. 221 ₃ dole (vlevo) 134 — 134	p. 282 ₈ (vlevo) Κωνπόλεως — Κωνσταντινου-
πόλεως
p. 223 _{16, 21, 27} тирран — тиранн	
p. 223 ₆ dole (vpravo) / — / zpravidla	
p. 234 ₁₁ (vpravo) оmyлѧ — оmyлу	
-

REJSTŘÍKY

k III. ročníku sborníku Byzantinoslavica (1931).

Sestavila M. A. ANDREEVA (Praha).

REJSTRÍK OSOBNÍ.

- Aaron (Avan), syn Jana Vlad. 404, 405,
 406, 407, 408, 409, 410, 411, 413
 Aaron, z rodu Aronů 420, 413
 Abdul 3
 Abraham, sv. 125, 233, 481, 485
 Abraham, bisk. koptský 527
 Abramič, M. 261, 266
 Acocus, kníže bulharský 267
 Acominates viz Akominatos
 Adam 79, 87, 233, 473, 474, 478, 486
 Adam Bremský, dějepisec 40, 287
 Adler, Leo 254
 Adrien I, papež 185
 Adrien II, papež 185
 Adulb, Audulfr, vyslanec 38, 39
 Afanasij viz Athanasios
 Afet 317
 Agapit, diakon 222, 223, 271
 Agathon I, papež 567
 Aigran, R. R. P. 513—515
 Ajnalov, D. V. 244
 Akila, komentátor bible 94
 Akominatos, Niketas, dějep. byz. 189, 571
 Akritas (Akrit), Digénis 263, 442, 562
 Akropolis, Georgios, spisov. byz. 182,
 222, 224
 Aktevu, vyslanec 38
 Akulian, A. 409
 Al Aufi, spisov. arabský 293, 294
 Al Bekri, spisov. arab. 293, 294
 Albizatos 262
 Aldan, Halfdand, vyslanec 38
 Aleksandr viz Alexander
 Aleksej viz Alexis
 Alexander Battenberský, kn. bulharský 214
 Alexander Dobrý (le Bon), vévoda mol-
 davský 245, 501
 Alexander Veliký (Makedonský) 191, 233,
 334
 Alexis, »boží«, sv. 233
 Alexis I (Aleksi) Komnen (Comnène),
 cí. byz. 411, 413, 501, 511, 545
 Alexis (Aleksej) Michajlovič, car ruský
 268
 Al Harawy, spis. arab. 191
 Alpatov, M. 201, 527—531
 Alusian, syn Jana Vlad. 404, 405, 411,
 413, 574
 Alvad, Halwaldr, vyslanec 38
 Amantos, Konst. 262, 282
 Amartol viz Georgios
 Aminodav 39
 Amplios, sv. apoštol 3, 9
 Amund, Aminde, vyslanec 38, 39
 Anagnostopoulos, G. 277, 281
 Anastasia (Anastasija), sv. 123, 126, 132,
 133
 Anastasia Černorizica 110, 111, 112, 113,
 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 123,
 125, 127, 129, 130, 131, 132
 Anastasia Egyptská, sv. 118
 Anastasia Rimľanka, sv. 118
 Anastasijevič, D. 103—109, 184, 259—260,
 266, 544—545, 567
 Anastasios I, cí. byz. 29
 Anastasios Bibliotekář (Anastase le biblio-
 thécaire) 20, 64
 Anastasios Sinaita 544
 Anáš, velekněz žid. 580
 André (Andrej) viz Ondřej
 Andréadès, A. 191—192
 Andreeva, M. A. 220—223, 244—247,
 257, 270—272, 274—276, 430—461,
 500, 515—517, 521—524, 524—525,
 550—551, 553—554, 559, 561—575
 Andronik, sv. apoš. 325
 Andronik II Paleolog, cí. byz. 188, 224,
 279, 444, 513
 Andronik (Andronic) III Paleolog, cí.
 byz. 224, 444, 513
 Ange, Kaloiannos 568
 Angelov, B. 561
 Angelovci (Anges) 192
 Ani, mniška 525
 Anisimov, A. 241
 Anna, sv. 152, 177
 Anna (Anne) de Constantinople 190—191
 Anonym kambridžský 260, 545, 567
 Anonym perský 293
 Anonym tumanský 293

- Ansgarij (Anascarius), bisk. 289, 290, 303, 304
 Antioch, spisov. 76
 Antonescu, P. 256
 Antonios (Antonij) Novgorodský, spis. ruský 118
 Antonios, patr. cařihradský 556
 Antonovyč, D. 249, 252
 Apokaukos, Jan, bisk. naupakt. 562
 Apollon 341
 Arefa Kesarijský (Arethas v. Caesarea), bisk. 97, 98, 99, 102, 220, 276
 Areopagita, Diviš, sv. (Dénys l'Aréopagite) 139, 145, 150, 175, 176, 221
 Archangel'skij, A. 452
 Arisdaguès de Lasdiverd, spis. armen. 406, 408, 410
 Aristoteles, filosof 221
 Arius, kacíř 197, 464, 479, 480
 Arkir 233
 Arnaud, L. 514
 Arnhard, von C. 515
 Arnim, von B. 228—231
 Aron, velekněz 482, 490
 Aronii, rodina bulh. 410, 411
 Arsenij I, arcib. srbský 267
 Arsenev'skij 248
 Artaxerxes, car perský 435
 Artemjev 42
 Arvanitopoulos, A. S. 278
 Arvantinos, P. P. 280
 Asan, emir turecký 406
 Asén I, car bulh. 505
 Askold, Höskulder, kn. varjažský 38, 41, 292, 297, 298, 305, 311, 317
 Asmund — Asmundr, varjag 38
 Asparuch (Isperich), chán bulh. 15, 31, 372, 384
 Assemani, J. A. 515
 Athanasios Aleksandriský, sv. 85, 479, 494
 Athanasios, patriar. cařihr. 188, 575
 Athénagoras, metrop. Paramythia a Perga 279, 280, 281
 Attila, chán hunský 571
 Attaliat, Michal, dějep. byz. 546, 571
 Auda, norman 48
 Audunn, vyslanec 38
 Bagrat IV, král iberský 409
 Bajazet I (Bajazid), sultán turecký 547
 Bajazet II, sultán turecký 267
 Bakchos, sv. 527
 Bakuvi, dějepisec 39, 293
 Balaam, prorok 157
 Balanos, D. S. 282
 Baláščev, G. D. 257, 271
 Bals, G. 256
 Balsamon, Theodor, bohosl. byz. 272
 Balša, panovník Skodra 224
 Bamichas, Th. 282
 Bănescu, M. N. 184, 185, 256, 262, 545—546, 571
 Bardas, kesar 60, 64, 65, 66, 67
 Bar-Hebreus, spisov. 292
 Barić, H. 224
 Barlaamites, Christoforos 277, 278
 Baržello 539
 Basarab, panov. Dobrudže 208
 Basil Veliký, sv. (Vasilij) 439, 483, 487, 491, 519, 565
 Basil Nový, sv. 121, 122, 123, 131, 132, 312, 484, 549
 Basil, Basileos I (Vasilij Makedonjanin), cis. byz. 107, 121, 122, 220, 279, 280, 562
 Basil (Basile) II (Vasilij Bolgarobojca) 220, 224, 227, 405, 551, 568
 Basil, syn Alusiana 404, 413
 Basmadjan 406
 Batatzes 220
 Baudoin, cis. latinský 512
 Baumgarten, N. de 570
 Becquet, Thomas D. 571, 572
 Bedřich I, cis. něm. 492, 527
 Bedřich II, cis. něm. 539
 Bees, Nikos A. 277, 278, 279, 562
 Belane, syn Šišmanův 208
 Běljaev, N. M. 257, 261, 276, 521, 522, 558
 Běljaev, N. T. 51, 303, 574
 Bellini, G. 251
 Beneševič, Vl. 275, 406, 407
 Beric, král gothský 46
 Bernker 231
 Bežeškian 406

- Bianu, I. 234
Bidlo, Jaroslav 202—220, 266
Bidulfosta, vyslanec 38
Bihlmeyer, Karel 569
Bizilli, P. M. 266
Bjerne, varjag 41
Bjorn, konung švédský 903
Björn, vyslanec 38
Blagov, N. P. 566, 567
Blachos, Spyridion, arcibiskup janinský 277, 278, 279
Blažej, sv. (Blaise d'Amorium) 528, 565
Blemmydēs Nicéphore (Vlemmid, Niki-for) 182, 221
Bliss 539
Bobčev, St. 266, 267
Bogdan, Ivan 423, 501, 504, 505
Bogdan, Petr 383, 387
Bogreus 234
Bahali, D. I. 299
Bonwetsch, N. 517
Borg, varjag 298
Borgias 195
Borič, vyslanec 38
Boris, sv. 523
Boris I Michail, car (kníže) bulharský 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 206, 226, 341, 361, 366, 369, 370, 387, 388, 505
Boris II, car bulharský 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 566
Boris III (Borila), car bulharský 505
Boris Kolomanovič, kralév. uherský 269
Botev, Christo 220
Botkin 535
Bousquet 202
Boyer, P. 555
Branas, Kortiosios 280
Bratianu, G. I. 191, 265, 569, 574
Braun, F. 35, 56
Bravlin, Bravallin, kníže 51
Bréhier, L. 59, 197, 256, 262, 266, 267
Brim 35
Brockhaus 464
Brosset 406, 407
Bruckus 545
Bruni, vyslanec 38
Brunov, Nik. 572
Bryennios, Josef 189, 190
Bryennios, Nicéphore (Bryenne), spisov. byz. 189, 411
Budimir, M. 266, 267, 571
Büchner, Ludwig 277, 279, 280
Bulan, chán chazarský 260
Bulgakov, Sergej 495
Bulgarin, F. 42
Bulgaris, Eugène 190
Bury, J. B. 60, 275, 276, 379
Buslaev, F. I. 548—550
Cabasilas, Alexis 278
Cain, J. 536
Calliste II, patr. cařihr. 186
Calliste Xanthopoulos, Nicéphore, spis. byz. 565
Camblak, Grigorij, spisov. 227
Cameniate 270
Cantaçusino 265
Cappelle, A. 544
Carolidēs, P. 278
Cartoian, N. 232—234, 265
Casel, O. 514
Cellini, Benvenuto, umělec 274
Cicognano, A. G. Mgr. 546
Cimabue, malíř 469, 497
Collinet, C. 191, 192, 256
Columna, M. A. 515
Comnēnes viz Komneni
Constantin viz Konstantin
Creangă, Ion. 234
Cronia, A. 561
Crusius, Martin 280
Cvětke, kněz 524
Cyrill viz Kyrill
Czartoriski, kn. 218
Czebe, G. 568
Čajkanovič 266
Čirin, Prokop, malíř 530
Čiževskij, D. I. 271—272, 561
Čoki (Tukas), hodnostář bulh. 372
Čockov, Chr. 566
Čorović, V. 224, 266, 267
Dąbrowski, J. 266

- Dalassène 413
 Dallas, Chr. 282
 Daniel, prorok 85, 157, 528
 Dante, Alighieri, spisov. 111, 112
 Darko, E. 257, 258
 Darman, Drman 219
 Daskalov, Chr. 7
 David, prorok 157, 434, 435, 464, 482, 488, 490, 492, 494
 Dabinović, Antun S. 569
 D. E. L. 565
 Delatte, A. 430
 Demetrios (Démétrius, Dmitrij Solunský) sv. 259, 523, 523, 539
 Demetrios, arcib. bulharský 272
 Dendias, Michel 187—188, 278
 Densusianu 224
 Denzinger, H. 515
 Deroko, Al. 557, 572
 D. F. O. 566
 Diakon, Jan, dějep. benátský 36, 306
 Diakon, Lev, dějep. byz. 106, 107, 108, 272, 296, 437, 544, 567
 Diana 237, 240
 Diehl, Charles 181, 184, 244, 256, 258, 260, 263, 404, 527, 531, 536, 554
 Dietrich, K. 569
 Dimeški, Abul Abbas Achmed, dějep. arab. 39, 293, 294, 296
 Dinić, Mich. 568, 570
 Dionis 235
 Dionis (Denis) z Agrafy, spisov. 467, 476, 572
 Dir, Dury, kníže varjaž. 38, 40, 298, 305, 311, 317
 Djačenko, D. 248
 Djordjić, P. 266, 547, 564
 Dmitrievský, A. 515
 Dobromir, djak 508
 Dogel 421
 Dölger, Franz 182, 198, 256, 262, 374, 375, 500—510, 511—513, 567, 569
 Dolobko, M. G. 563
 Dominik, sv. 529
 Dondola, Henri, dóže benátský 567
 Dositheos, metrop. ochridský 281
 Doxov, Tudor, mnich 395
 D. P. M. 565
 D. P. O. 566
 Drăgan 234
 Drăseke, I. 111
 Drinov, M. S. 103, 104, 109, 113
 Du-Cange 103, 410, 411
 Ducas viz Dukas
 Dudo, děkan s. kentenský, dějep. 40
 Dukas, dějep. byz. 546, 547, 568
 Đukas, Andronik 413
 Dukljanin, kněz 267, 570—571
 Dulaurier, E. 409
 Duret, P. G. 514
 Durnovo, Nikolaj 68—78, 561, 564
 Dušan viz Stefan Dušan
 Duthuit, G. 256, 536
 Dvorník, František 59—67, 181—183, 184—197, 226, 256—264, 264—266, 269—270, 273—274, 344, 369
 Dvořák, M. 274
 Dyggve, E. 266
 Dyovonitès, C. J. 278
 Džejchani 296
 Ebersolt, J. 184, 191, 192, 197, 537
 Edmund, král anglický 42
 Edrisi, spisov. byz. 51
 Efrem, sv. 530
 Egger, R. 266
 Egile, norman 55
 Eimund, varjag 37
 Eisenmann, L. 266
 Eitre 256
 Eymund, norman 303
 Eymund, králevic 42
 Ekbert, bisk. trierský 520
 Ekblom 35, 285
 Eksarch, Jan, spisov. bulh. 517, 561—562
 El Balchi, spisov. 296
 Elena, sv. 117, 127
 Elena Angelina Dukajna 278
 Elisaveta, dcera Jar. M. 42
 Eliáš, prorok 462
 Eneios Gazský, filosof 221
 Enoch, praotec 111, 123, 125, 131, 132
 Epifanios, hégumenos 281
 Erhard, Mgr. 119, 182

- Erik, syn Ejmunda 303
 Erik, konung dátský 303
 Ernst, F. 248, 251
 Étienne viz Stefan
 Eudokia, sv. 541
 Eulogie, sv. 464
 Eustratiadès, S. 278, 279
 Eutychios (Evtichij), bisk. 39
 Euthymia (Evfimija), choť Ugleši 525
 Euthymios, sv. 529, 565
 Euthymios, bisk. Rusie 98, 102
 Euthymios Trnovsky, patriar. bulh. 200, 209, 227, 429
 Eva 233, 473, 474, 478
 Evangélidès, D. 282
 Evagri, dějep. byz. 222
 Evfimij viz Euthymios
 Ezdra, prorok 434, 435, 436
 Ezechiel (Ezeikiil, Jézéchiel), prorok 131, 132, 157, 464, 465, 466, 475, 476
 Fancev, F. 266
 Farges, J. 564—565
 Farlof-Farul, vyslanec 38
 Fehér, G. 205
 Feodotian viz Theodotian
 Fergani, dějep. 39
 Ferrari, G. 256
 Fil, Manuil (Phile, Manuel) 22, 24, 25, 27, 32
 Filaret, arcib. 51
 Filimer, král gothský 46
 Filimonov, G. D. 473, 477, 486, 496, 498, 499
 Filip, sv. apoštol 484
 Filip, metrop. moskevský 490
 Filip, jáhen 484
 Filipik Vardan, cis. byz. 371
 Filon, spisov. 272
 Filothej 275, 276
 Filov, B. 193, 194, 200, 257, 261, 551—553, 572
 Florovskij, A. V. 299
 Focillon, H. 553
 Fost-Fasti, vyslanec 38
 Fotios (Photios), patriar. cařihr. 59, 63, 64, 65, 66, 186, 199, 487
 Fotios, sv. (Photio de Thessalie) 570
 Fougères, Gustave 277
 Franko, I. 234
 František z Asisi, sv. 210, 529
 Franz 287
 Fraser 237
 Frasten, Freysteinn, vyslanec 38
 Frček, Jan 198—202, 273, 513—515, 543—548, 555—556, 559, 561, 563, 564—566, 567, 569, 570, 575
 Fredegarius, dějep. 300
 Freia 287
 Frelaf, vyslanec 38
 Fren 295
 Frey, Freyer 238
 Friedrich viz Bedřich
 Frudy, vyslanec 38
 Frutan, vyslanec 38
 Fursten, vyslanec 38
 Gabriel (Gavriil), archanděl 474, 525
 Gabriel Lesnovský, sv. 227
 Gabriel Radomir, syn Samuela 412
 Gagik I, král arménský 552
 Galindo, Prudentius, dějep. 36
 Gamall, vyslanec 38
 Ganczyniec, R. 112, 119
 Gardisi, dějep. arab. 39, 40, 293
 Gardthausen, V. 575
 Gaster, M. 232, 234
 Gastoué, A. 564
 Gay, J. 186
 Gédéon, soudce 157
 Gedeonov, S. A. 37, 38, 42, 295
 Gegbiarn, varjag 37, 52
 Geitler, L. 515, 517
 Genesios, dějep. 66
 Gennadios, J. 279
 Georgiádes, Arsenios 280
 Georgiádes, Eliáš 280
 Georgios, sv. (Georgij Pobědonosec) 236, 238, 239, 240, 523, 528, 529, 540
 Georgios Amastridský, sv. 51
 Georgios (Georges l'Hagiorite), sv. 409
 Georgios Hamartolos (Amartola Georgij, Georges le Moine), dějepisec byz. 65, 271, 310, 311, 312, 313, 315, 316, 320,

- 321, 322, 331, 436, 437, 438, 461, 517, 561
 Georgios, hieromnich 565
 Germanarik, král gothský 47
 Germanos, patr. cařihr. 190
 Gerola, G. 256, 573
 Gerstinger 256
 Gertruda, ruská kněžna 540
 Gesemann, G. 266
 Ghika-Budești, N. 573
 Giannopoulos, N. 271, 282
 Giffard, A. 256
 Giotto, malíř 165, 179
 Giurescu 256
 Glěb, sv. 523
 Glykas, Michal (Glik, Glycas), dějep. byz. 190, 435, 439, 461
 Goar, J. 515
 Godefridus, král dánský 286
 Golubinskij, E. E. 81, 295, 296
 Gorazd, žák Methodův 542
 Gordinskij, Jar. Dr. 543
 Gospodinov, Ju. S. 389
 Gošev, Ivan 392, 393, 575
 Grabar, A. N. 140, 146, 195, 256, 552, 558
 Grabar, Igor 197
 Graffin, Mgr. 184
 Grammatik, Lev (Léon le Grammairien) 437, 461
 Granić, F. 192, 257, 262, 569
 Grappin, H. 555
 Grecu, Vasil 257, 572
 Grégoire viz Řehoř
 Grégoire, Henri 59, 180, 188, 256, 258, 259, 263, 264, 546, 554—555, 562, 565, 568
 Gregoras, Metrofanos 279
 Gregoras, Nik., dějep. byz. (Grigora) 187, 360, 373, 375
 Grek, Maxim, spisov. 561
 Grigorij viz Řehoř
 Grigorij, starec 111, 112, 123
 Grim, Grmr, vyslanec 38
 Grivec, Fr. 198, 199
 Grujić, Rad. M. 557, 562, 564
 Grumel, V. 257, 565, 566, 569, 570
 Grünwald, A. 257
 Gudy, vyslanec 38
 Guillard, R. 184, 188—189
 Guimet 539
 Gunar, vyslanec 38
 Gunastr, Gunnfastr, vyslanec 38
 Gutzeit 37
 Habsburkové 212
 Hadjimichalis, A. 282
 Hadrian, patr. cařihr. 492
 Hagiopolite 564
 Hajdeů 415, 416
 Hakon, král 287
 Hakun, Jakun, varjag 38, 41
 Hakun, vyslanec 38
 Halda, Dr. 557
 Halecki, O. 266, 546, 567
 Halphen, L. 189
 Handelsmann, M. 266
 Hansrens, I. M. 566
 Harald (Garaľd Gaardrade), králov. norský 34, 42
 Harald Prekrasnovolosý 303
 Hasdeu 224
 Hase, B. 110, 111
 Hatzidakis, G. N. 258, 262, 270, 277, 279
 Haumant, E. 266
 Hauptmann 266
 Hauscherr 256
 Hegrievlisk, vyslanec 38
 Heisenberg, August 181—183, 198, 199, 201, 256, 258, 263, 569
 Helgu 545
 Helsing, varjag 298
 Hemingr, vyslanec 38
 Henry, Paul 195, 244—247, 468, 472
 Heraklios (Iraklij), cis. byz. 320, 431, 434, 436, 443, 540
 Herbigny, d'Mgr. 261
 Herbord 556
 Herodes 125
 Hertzberg, G. 281
 Hieremie, metrop. pilepský 281
 Hilferding, A. F. 199
 Hodinka, A. 266, 267
 Hoeg, C. 256, 263

- Holub, J. 266
 Holubec, M. 248, 249, 250
 Homburg, R. 111, 112, 113, 114, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 131, 132
 Homer, básník 59, 519
 Honorius (Gonorij), císař římský 535
 Hopf, K. 281
 Hroaldr, vyslanec 38
 Hroerek, král dánský 48
 Hrozný 270
 Hruševskij, M. 250, 251, 299
 Hunstein, norman 55
 Hus, Jan 210
 Hýbl, František 202—220, 566, 567
 Chalkokondylos, Laonikios, dějep. byz. 546, 547, 568
 Charlampij, prorok 394
 Charlotte de Lusignan 191
 Chevtchenko, T. 248, 254
 Chianiadès, Grégoire 190
 Chomatianos, Demetrios, bisk. ochridský 509
 Choriv, zaklad. Kyjeva 317
 Chozroe, car perský 436
 Chrabr, mnich, spisov. 73, 74, 227, 228
 Christ, Christos viz Kristus
 Christodulos, admirál 501, 511, 512
 Christofor, syn Rom. Lekap. 97, 102
 Chrysostome, Mgr. 257
 Chrysostome, Dion, spisov. 220, 221
 Chvoňson, D. A. 295
 Ibn el Vardi, dějep. arab. 39, 296
 Ibn Fodlan, dějep. arab. 39, 40, 50
 Ibn Chaukal, spisov. arab. 51, 291, 296
 Ibn Chordadbech, dějep. arab. 40, 51, 302
 Ibn Jakub, dějep. arab. 39
 Ibn Miskaveicha, dějep. arab. 292
 Ibn Rostech, (Ibn Dast) 39, 50, 293, 294
 Ibrahim-ibn-Jakub, spisov. arab. 39, 288
 Ibrahim Inal, bratr Togrul-bega 406
 Idrisi, spisov. arab. 296
 Igelfd, Ingjalder, vyslanec 38
 Igor (Ingvarr), kníže kyjevský 36, 37—38, 40, 95, 290, 296, 301, 303, 304, 305, 311, 312, 545
 Ilešić, Fr. 266
 Ilinskij, G. A. prof. 72, 79—88, 228—231, 231—232, 268—269, 276, 503, 504, 517—519, 519—521, 542, 548—550, 566
 Iljine, N. M. 566
 Illarion, metrop. kyjev. 330
 Illarion Moglenský 227
 Illovajskij, D. I. 37, 295, 299
 Inegefď, vyslanec 38
 Ingigerda, chof Jarosl. M. 41
 Ingivald, vyslanec 38
 Inglingi 48
 Ingo, kníže korutanský 39
 Ingwar (Ingling), norman 48
 Ioannes viz Jan
 Ioannikios, kněz 281
 Ioil, prorok 394
 Iordan, dějep. gothský 46, 47, 298
 Iorga, Madelaine N. 554
 Iorga, N. 196, 256, 258, 263, 264, 265, 266, 534
 Iosif viz Josef
 Iov 94
 Ippolit, sv. 85
 Iraklij viz Heraklios
 Irène, císař. byz. 185, 341
 Irène, chof Alexisa I 411, 413
 Irène (Irina), chof Jar. Izjasl. 540
 Isaak II Angel, císař byz. 568
 Isaiáš (Isaja, Isaie), prorok 94, 125, 131, 132, 157, 303, 464
 Isak, sv. 485
 Isbul, kavchán 373, 374
 Isidor, metrop. moskevský 550
 Isidor z Peluzy, sv. 564
 Iskusevi, vyslanec 38
 Isperich viz Asparuch
 Istarchi 296
 Istr, Istur, vyslanec 38
 Istrin, V. M. 308—332, 517, 544, 561
 Iudaš, apoš. 130
 Ivan viz Jan
 Ivanov, Jordan 226—228, 401
 Ivor, Ivarr, vyslanec 38
 Jacimirskij, A. 454, 501

- Jagelonci 201, 546
 Jagić, V. 430, 445
 Jachja Antiošský, spisov. arab. 106
 Jakub (Jacques, frère du Seigneur), sv. 138, 139, 145, 176, 485
 Jakub, malíř 462
 Jakub Kokinobafský, spisov. 540
 Jakuško, malíř 462
 Jakut, dějep. arab. 39
 Jan Bohoslovec, sv. apoš. (Jean, Ioannis) 135, 136, 137, 138, 140, 141, 143, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 176, 177, 234, 260, 464, 473, 474, 475, 476, 528, 561
 Jan Damašský (Jean Damascène), sv. 146, 168, 171, 176, 481, 492, 493, 494
 Jan, sv. (d'Ibère) 565
 Jan Předchůdce (Ioann Predteča, Krestitel, Jean Baptiste), sv. 236, 462, 473, 475, 477, 482, 483, 488, 490, 492, 524, 527, 564
 Jan (Ivan) Rylský, sv. 227
 Jan Vojín, sv. 562
 Jan Zlatoústý (Chrysostome), sv. 410, 471, 487, 542
 Jan (Jean le Grammairien), patr. cařihr. 61, 62, 64
 Jan Klimaka, sv. patr. cařihr. 464
 Jan VIII, papež 185, 186, 369
 Jan I Tzimiskes (Cimischi, Cimiskes, Tzimisces, Zimischi), cis. byz. 2, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 112, 116, 121, 122, 128, 184, 220, 269, 334, 336, 337, 338, 511, 544, 545, 567
 Jan II Komnen, cis. byz. 511
 Jan III Vatatzès, cis. byz. 224, 569
 Jan V Paleolog (Paléologue), cis. byz. 185, 208, 444, 513
 Jan VI Kantakuzen (Ioann Kantakuzin, Jean Cantacuzène), cis. byz. 185, 208, 278, 282, 444, 512, 573
 Jan VII Paleolog, cis. byz. 513, 567
 Jan Alexandr (Ivan Al.), car bulh. 2, 209, 268, 434, 503, 508, 566
 Jan Alexandr, vévoda moldavský 574
 Jan Asěn II (Ivan), car bulh. 200, 201, 207, 208, 227, 259, 503, 504, 507, 509, 566
 Jan (Ivan) Hrozný, car ruský 195, 462
 Jan (Ivan) Kalita, vel. kn. moskev. 112
 Jan (Ivan) Mirči Veliký, vévoda valašský 415—429
 Jan (Ivan) Sracimir, car bulh. 227, 503, 506
 Jan (Ivan) Šišman, car bulh. 201, 508
 Jan (Jean) Vladislav, syn Samuila 404, 405, 411, 412, 413
 Jan (Jean), mnich 194
 Jan, bisk. birthský 139
 Jan Efesský 222
 Jan (Pseudojohannes) 123, 125, 233
 Jan Sionský, spisov. 562
 Jan (Ioann), strateg 371
 Jan z Thessaloniky, arcib. 135, 137, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 154, 157, 160, 161, 164, 176, 177, 178
 Janin, R. 514, 571
 Janselme, E. 192, 193
 Jarník, H. 232—235
 Jaropolk Izjaslavovič, kníže ruský 540
 Jaropolk Svjatoslavovič, kn. ruský 41
 Jaroslav Vladimirovič (Moudrý), v. kn. kyjevský 41, 42, 269, 312, 313, 314, 318, 328, 329, 331, 332
 Jašvilova, N. kn. 496, 499
 Jatvjag, vyslanec 38
 Javorskij, Jul. A. 543
 Jean viz Jan
 Jelenić, Dr. 567
 Jefrosinije, sv. 492
 Jelačić, A. 261, 266
 Jéphonias, žid 136, 151, 152, 153, 160, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 171, 172, 176, 177, 179
 Jeremiáš, vévoda moldavský 467
 Jérothée, sv. 139, 145, 150, 176
 Jerphanion, G. de 135, 140, 197, 256, 262, 269—270, 573, 574
 Jevfimij, malíř 468
 Jireček (Ireček), K. 7, 8, 27, 32, 104, 202, 203, 204, 215, 219, 224, 259, 334, 335, 336, 500, 505, 507, 509
 Jiří (Juri) Brankovič, despot srbský 525

- Jiří Mohyla, vévoda mold. 467
 Jiří viz Georgios
 Joachim, sv. 152, 177
 Johann viz Jan
 Jokl 224, 520
 Jonáš, sv. metrop. moskev. 490
 Josaf, metrop. moskev. 561
 Josef, sv. 474, 480
 Josef z Arimathie, sv. 143, 144, 155, 156, 157, 177, 178
 Josef Flavius, dějep. žid. 302, 564
 Josef, kagan chazarský 545
 Josef (Překrásný) 539
 Josue, vůdce židov. 528
 Jovanović, Petar 557
 Jovanović, Sl. 266
 Jugie, M. 199, 565, 566
 Julien l'Apostat, cí. řím. 561
 Junme 359, 371
 Just, sv. 540
 Justin II, cí. byz. 222
 Justinian I (Justinien), cí. byz. 187, 192, 223
 Justinian II, cí. byz. 54, 262, 341, 371

 Kacarov, G. J. 363
 Kaifáš, velekněz žid. 480
 Kairophylas, C. 281
 Kaldimarr 41
 Kalitinskij, A. P. 275, 521, 522
 Kallest, Cyril 557
 Kallothet (Calothète), Jan 513
 Kalužnjac'ký, E. 227, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423
 Kamatéros, Basil, hodnostář byz. 574
 Kambouroglou, D. Gr. 280
 Kampanias, Theofilos 278, 279
 Kamas, dějep. 39
 Kandaka, králov. etiopská 484
 Kanic 7
 Kanizar, vyslanec 38
 Kantakuzina, dcera Jiří Bran. 525
 Kapetingové 193
 Karaman, L. 257, 266, 267
 Kardam, kn. bulh. 336
 Karel Veliký, cí. franský 45, 205
 Karinskij, N. M. 268, 562

 Karl, vyslanec 38
 Karli, norman 55
 Karn, Karni, vyslanec 38
 Karp, sv. apoštol 3, 9
 Karskij, E. F. 276, 563
 Karš, vyslanec 38
 Kary, Kari, vyslanec 38
 Kateřina (Katarzyna), sv. 238, 493
 Kateřina (Catherine), choť Isaaka Kom. 407, 411, 413
 Kateřina II (Ekaterina), cí. ruská 223
 Kedrenos, Georgios (Cédrénus, Kedrin), dějep. byz. 66, 106, 108, 435, 436, 437, 438, 461
 Kekauménos, Katakalon, spis. byz. 405, 406
 Khaireddin pacha, vojevůdce turecký 224
 Khanenko 250
 Khatehig, katolikos 409
 Kij, zaklad. Kyjeva 317, 319
 Kirpičnikov, prof. 92
 Klement (Clemens Alexandrinus), sv. 90
 Klement (Kliment) Ochridský (Slověnský), sv. 84, 85, 104, 227, 517, 522, 561
 Klinger, Witold 234—240, 256
 Ključevskij, V. O. 300
 Kmosko, Michael 544, 565
 Knut Veliký, král anglický 42
 Kocel, kníže 227
 Kochanowský 555
 Kokalas, Démétrius 513
 Kokovcev 545
 Kolesnikov, J. 268
 Kollklek, vyslanec 38
 Komnena, Anna, spisov. byz. 189, 410, 411, 412, 545, 546, 571
 Komneni (Comnènes) 192, 201, 224, 280, 437
 Kondakov, N. P. 142, 229, 242, 274, 275, 276, 402, 465, 466, 467, 468, 469, 494, 495, 497, 498, 521—524, 528, 529, 530, 571
 König 35
 Konif, A. 234
 Konrad Hohenstaufen, cí. něm. 269
 Konstantin Filosof viz Kyrill
 Konstantin I Veliký, cí. byz. 4, 9, 116,

- 127, 182, 195, 266, 479, 554, 575
 Konstantin V Kopronymos (Constantin Copronyme), cí. byz. 19, 31, 54, 94, 205, 269, 337, 341, 441, 527, 567
 Konstantin VI, cí. byz. 336, 337
 Konstantin VII Porfyrogennetos (Bagrjanorodnyj, Porfirorodnyj), cí. byz. 36, 52, 53, 92, 93, 94, 95, 96, 220, 258, 259, 260, 272, 276, 295, 301, 305, 435, 438, 442, 546, 567, 571
 Konstantin VIII, cí. byz. 107, 121, 405
 Konstantin IX Monomachos (Monomaque), cí. byz. 408, 409, 539
 Konstantin X Dukas (Doucas), cí. byz. 413
 Konstantin XI Paleolog, cí. byz. 511, 512
 Konstantin, bisk. (presviter) 79, 81, 85, 86, 87, 88
 Konstantin, spisov. 72
 Konstantin Duka, vévoda moldav. 554
 Konstantin z Korfu 566
 Konstantin Tich, car bulh. 208
 Kontopanos, Alkibiades 277
 Kopitar, B. 272
 Köprili, Mohamed, vel. vizir 212
 Kordiles, stratilat 360, 373, 375
 Korolevský, C. 564, 570
 Kornemann, E. 256
 Kos, Milko 257, 266, 267, 504, 509
 Kosma Maïumský (Cosmas de Maïouma), sv. 146, 168, 171, 176, 493, 494
 Kosma (Presbytre) 561
 Kostić, M. 266
 Kostomarov, N. I. 38
 Kostrenčić, M. 266
 Kougeas 408
 Kourgeas, S. B. 256, 276
 Kourilas, Eulogios 279, 281, 282
 Kovats 257
 Krajek, Jakub 211
 Kratchkowski 184
 Kremmida, epirot. rodina 280
 Kretschmer, Paul 563
 Krez, car lydský 436
 Kristus (Ježíš Krist, Iesus Christos, Christe, Emmanuel) 3, 9, 115, 127, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 177, 179, 188, 188, 195, 197, 291, 392, 393, 421, 462, 463, 464, 468, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 487, 490, 492, 493, 494, 507, 523, 524, 527, 538, 539, 541, 558, 565
 Křižanić, Jurij, spisov. 271
 Krug 295
 Krum, chán bulh. 7, 8, 205, 341, 363, 365, 377, 378, 380
 Krumbacher, Karl 111, 112, 131, 133, 181, 516
 Kruse 303
 Kubrat, chán bulh. 567
 Kulakovskij, Jul. 545
 Kulbakin, St. M. 68, 69, 70, 71, 74, 75, 76, 77, 229
 Kulin, ban 70, 71, 74
 Kunik, A. A. 35, 37, 45, 295, 303
 Kurkuas, Roman, vojevůdce byz. 413
 Kurtz, E. 515
 Kussi, vyslanec 38
 Kydones, Demetrios, spisov. byz. 546, 547
 Kyriakos z Ankonu 277, 278, 280
 Kyrik, sv. 488
 Kyrill, sv. (Kirill, Konstantin Filosof, Constantin le Philosophe, Cyrille) 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 75, 79, 80, 81, 86, 87, 88, 90, 91, 185, 186, 198, 199, 227, 260, 325, 329, 517, 542, 566
 Kyrill Alexandrinský, sv. 494
 Kyrill Jerusalemský, sv. 73, 75, 76
 Kyrill Filosof, t. zv. 123
 Kyrill Turovský, spisov. ruský 330
 Kyriotes Geometros, Ioannes, spis. byz. 273, 274, 515—517
 Laichter, J. 202
 Lamanskij, V. I. 556
 Lambin, N. P. 269
 Lambrino, Scarlat 265, 266
 Lambros (Lampros), Sp. 408, 546
 Lascaris, rodina 570
 Lascaris, M. 186—187, 266, 278, 404—

- 413, 500—510, 511—513
 Laskin 92
 Laurent, V. R. P. 189, 257, 262, 404, 409, 505, 563, 564, 574
 Lauriotes, Sp. 563
 Laverdo, D. 540
 Lavrov, P. A. 227, 228, 565
 Lavrovskij 92
 Lazar 279
 Lazar, despot srbský 507, 524, 525, 547
 Lebedeva, V. 574
 Lefèbvres des Noettes 193
 Leger, Louis 79
 Legrand 279
 Leib, B. 189
 Leon III (Lev Isavr, Léon l'Isaurien), cís. byz. 54, 59, 64, 94, 190, 269, 527
 Leon V Armen, cís. byz. 371, 378, 381, 527
 Leon (Lev VI) Moudrý, cís. byz. 192, 262, 434, 435, 442, 443, 502, 569
 Leon, bisk. 194
 Leon, mnich 134
 Leon Matematik, bisk. solunský 59, 60, 62, 63, 64, 66
 Leon, strateg 368
 Leon, strateg 346, 359, 368
 Leon (Lev) Ostiský 298
 Le Quien 262
 Lesky 256
 Lev viz Leon
 Lhéritier, M. 189
 Libor 237, 240
 Libiar, vyslanec 38
 Lichačev, N. P. 473, 477, 496, 499, 530, 574
 Likhoudis, Stef. 405
 Liparit 406
 Liutprand, bisk. cremonský, spis. 36
 Ljubarskij, S. 254
 Ljubavskij, M. K. 300
 Ljubić 503
 Lola, bulh. jméno 402
 Lomonosev, M. V. 555
 Longin, sv. 474
 Lucerna, Camilla 565
 Lütke, W. 565
 Lukian (Lucien), spisov. 110, 111, 112, 131, 132
 Ludolf 515
 Ludvík Pobožný, cís. franský 44
 Lukáš, sv. apoš. 393, 527
 Lukinich, ěm. 266
 Lydos, Ioannes (Lid) 433, 434, 436, 437, 442, 444, 445, 446, 447, 449
 Macartney, C. A. 567, 571
 Macler, Fr. 196
 Maculevič, L. A. 241
 Macůrek, J. 568
 Magnus, syn Olafa sv. 42
 Mahomet 188
 Mahomet II, sultán tur. 195
 Majnarić, M. 266
 Makabejští 482
 Makarenko, M. 250, 252, 253
 Makarij, metrop. moskev. 462, 465
 Makedonius, kacíř 483
 Makres, Bessarion 282
 Malalas, Jan, dějep. byz. 310
 Malamir, kn. bulh. 7, 282, 354, 361, 362, 363, 364, 366, 367, 369, 373, 374, 375, 376, 379, 380, 381, 382, 387, 388, 396
 Mâle, E. 156
 Manasses (Manassès, Manassia), dějep. byz. 227, 261, 268, 437, 562
 Manfred, král sicilský 187, 188
 Manojlovič, G. 257
 Manuel I Komnenos (Manuil), cís. byz. 190, 269
 Manuel, regent za Mich. III 61
 Marc, Paul 500
 Marcus Lucullus 341
 Margueritte de Hongrie 568
 Marie, Panna (Bohorodička, Sainte Vierge) 2, 3, 9, 111, 123, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 195, 197, 233, 237, 240, 393, 462, 464, 466, 468, 470, 473, 474, 475, 477, 480, 482, 484, 488, 492,

- 493, 494, 495, 517, 523, 524, 527, 528,
529, 530, 531, 539, 541, 558, 565
- Marie Egyptská, sv. 488
- Marie Nová, sv. 371
- Marie, choť Honoria 539
- Marie, choť J. Vlad. 405, 413
- Marie, dcera Konst. X. 413
- Marie (Maria) Angelina 541, 558
- Marinatos, S. 262
- Marinescu, C. 256
- Mark, syn kata 268
- Marmais, vojev. bulh. 373
- Marquardt, J. 35, 293, 295
- Marquardus, bisk. 287
- Marquet de Vesselot, J. 536
- Mars 237, 238, 239, 240
- Martel, Antoine 555—556
- Martha (Marie), dcera Bagrata IV 409
- Martinov, P. J. 515
- Martyn, sv. (Marcin) 237, 238, 240
- Marulić, M. 267
- Masudi, dějep. arab. 39, 50, 51, 52, 294,
567
- Matavčev 257
- Matfej viz Matouš
- Mathasuil 517
- Matič, St. 452
- Matilda, královna 44
- Matl, J. 266
- Matouš, sv. evang. 79, 90, 421, 484
- Matouš Corvin, král uherský 195
- Matouš Edesský (Matthieu d'Edesse) 408,
409
- Matouš, metrop. janinský 279
- Matrona, sv. 118
- Matthias viz Matouš
- Maurikios, cí. byz. 439
- Maximos (le Confesseur), sv. 139
- Maximos z Peloponnesu, hierom. 280
- Mazaris, Maxime, spis. byz. 111, 112, 541,
568
- Mazepa, Jan, hejtman 533
- Mazon, A. 555
- Meillet, A. 226, 273, 547, 555
- Melich, J. 266, 267
- Melitor, bisk. sardský 154, 160, 164, 177,
178
- Menandros, dějep. byz. 257, 258
- Mencel, V. 532, 535
- Mercati, Ch. 256, 263
- Merežkovskij, D. 495
- Merlier, m-me 236
- Mesesnel, Franz 573
- Metafrast (Métaphraste), Symeon, hagiogr.
118, 119, 131, 132
- Metod (Methoděj, Méthode, Méthodios,
Mefodij), sv. 75, 79, 80, 81, 82, 83,
85, 90, 91, 185, 186, 198, 199, 325,
329, 517, 542
- Metod, patr. cařihr. 61, 62
- Metod (Methodios) z Olympu, bisk. 273,
517—519, 564—565
- Metod (Pseudo-Methodus) 544, 545
- Metochit, Theodor 220
- Meyer, C. H. 272
- Mezaritès, Nicolas, spis. byz. 65, 182
- Mezun, Saul 571
- Michajlo, malíř 462
- Michal (Michael, Michail, Michel), arch.
114, 136, 137, 145, 148, 175, 176, 195,
274, 471, 492, 494, 523, 528
- Michal II, cí. byz. 60, 280, 371, 527
- Michal III, cí. byz. 61, 122, 311, 317, 562
- Michal IV Paflagonský, cí. byz. 222
- Michal VI, cí. byz. 407, 511
- Michal VII Dukas, cí. byz. 409, 413, 545
- Michal VIII Paleolog, cí. byz. 224, 271,
568
- Michal IX, cí. byz. 513
- Michal I Asěn, car bulh. 434
- Michal II, car bulh. 208
- Michal III Šišman, car bulh. 2
- Michal II, despot epirský 224
- Michal, syn J. Al. 405
- Michal, bisk. děvolský 405
- Michov 224
- Mijatev (Miatev), Kristo 257, 261, 383—
403, 552, 572, 575
- Mikkola 205
- Miklosich, Fr. 82, 224, 225, 226
- Mikuláš (Nikolaj Čudotvorec), sv. 237,
238, 240, 523, 524, 526, 528
- Mikuláš (Nicolas le Mystique), patr. cařihr.
98, 102, 186

- Mikuláš I, papež 185
 Miletič, L. 203, 224, 415, 416, 417, 419, 423, 425, 563, 564, 567
 Milica, choť Lazarova 524
 Milič 210
 Miller, O. F. 256
 Millet, Gabriel 197, 256, 263, 274, 464, 536, 538, 573
 Miloš, vojevůdce srbský 547
 Minus, A. H. 521
 Mirchond 293, 294, 295, 296, 302
 Mirković, Lazar 257, 261, 524—525, 557
 Miroslav, bratr Št. Nem. 509, 572
 Miskolczy, J. 266
 Mitard, M. 192, 276
 Mjasoědov, V. K. 240
 Mladenov, St. 224, 226, 372—373, 564
 Mlquē, král. arm. 196
 Moavia, kalíf 439
 Mohila, Petr (Mahyla, Mogila), metrop. kyjev. 222, 515, 533
 Mohlberg 542
 Moisl, C. 554
 Moiziš (Moise, Moisej), prorok 157, 434, 435
 Molé, Wojsław 200—201, 274
 Mollat, G. 544
 Mony, Manni, vyslanec 38
 Moravczik, Julius 201, 257, 260, 564, 567
 Morellus, F. 274, 516
 Morgan 539
 Morhilevs'kij 248, 250, 251, 252
 Mošin, V. A. 33—58, 260, 285—307, 545, 567, 571
 Mousselimis, S. 279
 Mstislav Vladimirovič, kn. ruský 41, 301
 Mukaddesi, spisov. 293
 Muñoz, A. 530, 537
 Murad I, sultán tur. 210, 224, 547
 Muratov, P. P. 241, 553
 Murko, M. 33
 Murzakevič 415, 417, 418, 421
 Muslim ben Abu Muslim al Djarmi, spisov. 39, 293, 294, 295
 Mustafa, vel. vizir 212
 Mušmov, N. A. 4, 6, 10, 201
 Mutafčiev, P. 199—200, 218, 510, 545, 567
 Mutur, vyslanec 38
 Myslivec, Josef 462—499, 525—535, 557—558, 559, 571—574
 Mystakidēs, B. A. 280
 Nachtigall, R. 72, 73, 77, 78
 Narsas Ajrapet, katolikos 551
 Nau, F. 544
 Naum, sv. 84, 227
 Nekrasov, O. 253
 Nemaníči (Nemanjides) 269, 504, 509
 Nemanja viz Stefan N.
 Nemezios, filos. 221
 Nestor, letopisec 34, 106, 315, 321, 330, 544, 545
 Niebuhr (Nibur) 92, 96
 Nicolaidēs, Cl. 277
 Nicolas viz Mikuláš
 Niederle, Lubor 201, 259, 268, 272, 522, 571
 Nifont, sv. 464
 Nikazij, sv. 238
 Nikefor (Nikifor), patr. cařihr. 79, 81, 82, 85, 86, 87, 88
 Nikefor I, cís. byz. 337
 Nikefor II Fokas, cís. byz. 107, 112, 116, 121, 122, 124, 127, 128, 131, 132
 Nikefor (Nicéphore) II, desp. epir. 281, 282
 Nikeforos 220
 Niketas, Sv. 171
 Niketas Paflagonský, spis. byz. 123
 Nikodim Tismjanský, kněz 416
 Nikolaj viz Mikuláš
 Nikolaj, bulh. komit 105
 Nikol'skij, N. K. 82, 308—332, 464
 Nikov, Petr 208, 257, 259, 333—382 (344—382)
 Nikuliza, spisov. byz. 222
 Norwin, W. 256
 Novak, Grga 257, 259, 260, 261, 266
 Novak, V. 266
 Novakovič, St. 452
 Odde, varjag 41
 Oeconomos, L. 189, 190
 Oertel, G. 256, 515

- Ohienko, Ivan 228, 231—232, 273, 415—429, 542—543
- Oistain, varjag 37
- Okunev, N. 134—180, 194, 195, 240—244, 257, 261, 464, 470, 536—542, 551—553, 557, 572, 573
- Olaf, král švéd. 290, 303
- Olaf Svatý, král norský 41, 55
- Olaf Triggiason, král norský 41
- Oléb, Oleifr, vyslanec 38
- Oleg, v. kníže kyjev. (Helgi) 37, 38, 40, 268, 300, 303, 317, 320
- Oleg Svjatoslavovič, kníže ruský 268
- Olga, v. kn. kijev. (Helga) 37, 290, 304, 326
- Olwer, d' L. N. 256
- Omeiadové 538
- Omont, H. 111, 408
- Omortag, chán bulh. 5, 7, 10, 15, 31, 205, 206, 341, 361, 362, 365, 366, 367, 369, 370, 373, 374, 375, 376, 377, 379, 380, 381, 382, 387, 388, 396
- Ondřej, sv. apoštol (Andrej) 138, 146, 153, 164, 166, 238, 324
- Ondřej z Kréty (André de Crète), sv. 134, 139, 156, 178
- Ondřej (Jurodivij, l'Innocent), sv. 163, 549
- Ondřej, syn Vukašinův 557
- Onund, král švédský 303
- Onund Lessorub, norman 48
- Orbini, M. 267, 575
- Orlandos, A. 257, 278, 281, 282, 572
- Orlov, A. S. 268
- Osmar 218
- Ostaño, malíř 462, 463
- Ostrogorskij, G. 190, 262, 558, 569, 570
- Otto Bamberský 556
- Otton I, císař něm. 103, 108, 109
- Otton II, císař něm. 103, 108, 109
- Pace, B. 256
- Pagi 103
- Pachymère, Georges, dějep. byz. 563
- Paisij, mnich 213, 227, 434
- Palamas, Gregorios, bohoslov. 258
- Paleolog, Jiří 413
- Paleologové (Paléologues) 197, 440, 444, 446, 461, 525, 526, 528, 546, 569
- Paliourites, Georgios 279
- Palladij, mnich 124
- Panaiteacu, P. 256, 261, 265
- Panas, I. O. 257
- Panteleon, sv. 528
- Papaconstantinou, Th. Ph. 223—224
- Papadimitriou 263
- Papadopoulos, J. B. 109
- Papadopoulos-Kerameus, A. 276, 509
- Papacharissios, A. 282
- Papandréou 258
- Paparrigopoulos, Constantin 280
- Papaspyrou, P. B. 281
- Pappulias, D. 262
- Paraskeva (Petka-Vineri), sv. 233, 493
- Parcevič, Petr 212
- Parchomenko 295, 305
- Paris, F. 566
- Parthenios, bisk. 282
- Pasvan Oglu, vojevůdce tur. 213
- Patricios (Patrizij), Petr 221, 222
- Pavel (Paul), sv. apoš. 111, 123, 125, 131, 132, 135, 137, 138, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 161, 164, 170, 173, 174, 175, 179, 233, 325, 488
- Pavel, chartophylax 211, 386, 387, 390, 391, 396, 397, 398
- Pavlov, A. 198, 199, 543
- Pavlucky, P. 248, 253
- Peeters, R. P. 256, 409, 410, 411
- Pekař, J. 554
- Perdikkas 363
- Peretec, V. 431, 440, 443, 455, 461, 562, 563
- Pernot, H. 190, 286
- Peruggino, malíř 250, 469, 497
- Peščansk'kyj, V. 250, 253, 254
- Petit, L. 515
- Petka viz Paraskeva
- Petkov, ministr bulh. 218
- Petkovič, Vl. R. 194—195, 257, 266, 557, 573
- Petr (Pierre), sv. apoš. 135, 136, 137, 138, 139, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 158, 159, 161, 165, 166, 167,

- 168, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 179,
473, 475, 481, 483, 484, 488, 493
Petr, sv. metr. moskev. 462, 490
Petr Alexandrijský 197, 464, 466, 479
Petr Deljan (Pierre Deleanos), car bulh.
280, 405
Petr Simeonovič, car bulh. 10, 85, 97, 102,
105, 107, 200, 365, 366, 572
Petr (Pierre), archont dioklejský 506
Petr, patricios 120, 121
Petr (Pavel), protospatharios 112
Petr Rareš, vévoda moldavský 276
Petr Zemunský, kněz 524
Petr, zurgu voila 369, 370
Petranu, Carolian 525—527
Petrov, Aleksěj Leonidovič 426, 556
Petrov, Rača, minist. bulh. 218
Peutinger 30
Philanthropénos, Georgios 278, 280
Philanthropénos, Manuel 280
Philanthropenové 281
Philiponos 188
Philitis, O. 280
Philos, Manuel, spisov. byz. 516
Phiripidès, N. 282
Photiadès, E. P. 278
Photios viz Fotios
Phourikis, P. 279, 280, 281—282
Pierre viz Petr
Pilát Ponský 480
Pius X, papež 513
Pius XI, papež 546
Piscator, malíř 477, 485, 486, 498
Platon, filosof 221, 271, 272, 561
Platonov, Th. 285, 295
Plethon, Georgios Gemistos filos. 568
Plooy, D. 90, 91
Pogodin, A. 35
Pogodin, M. 300, 303, 305
Pogorělov, V. 89, 547
Pokrovskij, N. V. 241, 549
Pokrovskij, S. I. 402, 464, 477, 493
Pokryškin, M. 253
Politis, L. 452
Popov, N. 92—96
Popović 266
Popović, Pavle 266
Popović, Pero 266
Popruženko, M. G. 561
Poulitsas, P. 282
Pouqueville, konsul fran. 281
Pozzi, Jan 404
Predslava, vyslanec 38
† Prelog, M. 266
Presian (Presiam, Presjan), chán bulh. 7,
226, 361, 362, 369, 370, 374, 387
Prochorov 549
Proklos Cařihradský 515
Prokofiev 248
Prokopios, dějep. byz. 272, 300, 437
Protasov, N. 268
Protić, A. 193, 194, 257, 573
Prou, M. 544
Prusian, syn J. Vlad. 405, 413
Psachos, C. 263
Psalida, Athanasios 280
Psellos, Michal, spis. byz. 545, 565
Pseudokyrill, Konstantin Filosof 227
Psyché 150, 176
Ptašnik, J. 266
Ptolomaïos, zeměp. 47, 51
Pub'skar', vyslanec 38
Puig J. Cadafalch, J. 196, 256
Punieta, P. de 514
Pușcariu 224
Rabotin, P. H. 514
Rabula, mnich 196
Radbar, konung 48, 49
Radermacher, L. 111, 112, 119
Radojčić, Nikola 259, 266, 267, 272—273,
546—547, 568, 570—571, 574, 575
Radomir, syn J. Vlad. 412, 413
Radomir Aaron, proedros 404—413
Radonić, A. 257
Radoslav, král srbský 509
Radswill, varjag 37
Radziwil 232
Rafael, malíř 549
Rafn, varjag 37, 52
Ragivald, jarl 41
Rach, sv. (Dismas) 485, 488, 493
Rambaud, Alf. 276
Rasmunsen 295

- Rastic (Rostislav mor.) 227
 Ratais, voila kachvan 358, 360, 373, 374, 375, 380
 Raul 229
 Reisch 256
 Reiske, K. 276
 Rembelis, Chr. 278, 282
 Rembrandt, malíř 251
 Repnikov, N. 268
 Reřé, epir. rodina 280
 Rich, N. V. 275
 Rieger 219
 Riegl 274
 Ritor, Zacharias 302
 Rjabušinskij 201
 Rjurik, vel. kn. kyjevský (Hroerekr) 33, 34, 37, 38, 40, 44, 290, 297, 298, 299, 303, 306, 307, 318
 Rogněda 38
 Rogvold, kníže var. 57, 290
 Rogvold, Rungvaldr, varjag 38
 Rohlf, G. 515
 Rookfeller, Jonn 539
 Romanos I Lekapenos (Romain Lecapène), cí. byz. 97, 98, 99, 102, 280, 311
 Romanos III Argir, cí. byz. 438
 Romanos IV Diogen, cí. byz. 413
 Romanos, bratr Borisa II 105, 556
 Romanski, St. 224, 563, 568, 570, 571
 Romanůl, Ion 234
 Rorik, konung jutský 303, 304
 Rosetti 265
 Rotschild 539
 Rouët de Journal, P. 504
 Rouillard, Germaine 192, 256, 262
 Rovinskij, D. A. 463, 469, 497
 Roxanda, vévodkyně mold. 574
 Rozanov, S. P. 561
 Rozov, Vl. 77, 78, 90, 234—240, 426, 562
 Ruaf, Hroaldr, vyslanec 38
 Rubens, malíř 251
 Rubljov, Ondřej, malíř 462, 521, 529
 Rudanovskij 38
 Rujar, Hróarr, vyslanec 38
 Rulav, vyslanec 38
 Ruvarac, D. 524
 Řehoř, mnich 485
 Řehoř, mnich 557
 Řehoř I Veliký, papež 542
 Řehoř II, papež 190
 Řehoř IX, papež 569
 Řehoř, magistr 406, 408, 409
 Řehoř, metrop. efesský 97, 98, 99, 102
 Řehoř Bohoslovec, sv. 75, 76, 487, 491
 Řehoř Nazianzin (Grégoire de Naziance), sv. 273, 516, 518, 540
 Řehoř (Grigorij) Sinait, sv. 334
 Sabias Radoslavos 513
 Sachanov, Vsev. V. 573—574
 Sajdak, Jan 256, 273, 274, 515, 517
 Sakač, Štěpán 567
 Sakson Grammatik, dějep. 45
 Salač, A. 257, 261, 262
 Salaville, S. 257, 262, 514, 515, 561, 569—570
 Samo, náčelník Čechů 300
 Samon, Pavel, protospatharios 121, 129
 Samuel, syn Alusiana 404, 413
 Samuel (Samuil), car bulh. 103, 104, 105, 200, 223, 226, 386, 389, 390, 396, 397, 402, 411, 412
 Sandfeld, Kr. 224—226
 Sarija, Balduin 261, 266
 Sarros, D. 278, 279, 280
 Sasanidové 544
 Sata 256
 Saturník, Th. 569
 Savramis, E. J. 282
 Savriel Ovadia, chán chazar. 260
 Savva, sv. (Sava) 170, 227, 529, 554, 562, 572
 Savva, bisk. 549
 Savva Chilandarec 219
 Sclaomir, kníže Obodritů 286
 Sébastien, metrop. janinský 279
 Sederich, Sigtruggr 287
 Selim II, sultán turecký 212
 Seliščev, A. M. 224, 519—521, 562—563
 Semen Vysoký hlas, malíř 462
 Serafeim II, patr. cařihrad. 282
 Serbin, Iovan z Kratova 524
 Sergios, sv. 464, 527

- Seton-Watson, R. W. 266
 Sever'janov 228
 Seymour de Ricci 190
 Sfandra, vyslanec 38
 Sfirk, vyslanec 38
 Scharfenberger 232
 Schissel 256
 Schlumberger, Gustave 103, 184, 276, 407, 506, 539
 Schmid, H. F. 255, 261, 266
 Schmidt-Annaberg, archit. 194
 Schneeweiss, E. 266
 Schneider 287
 Schramm, P. E. 256
 Schweinburg, K. 256
 Schweinfurth, Phil. 240—244, 256, 558
 Sibbe, varjag 298
 Sičyns'kyj, Vl. 249, 252, 253—254 (247—255), 535
 Sidéridès, X. A. 280
 Sigrida 53
 Sigrida Storrada, králov. švéd. 42
 Silin, A. I. 493, 496, 499
 Silva-Tarouca, Carolus 561
 Silvestr, patr. antiošský 282
 Silvestr, kněz 462, 463, 464
 Silvestr, hegumenos 315, 316, 320
 Simeon viz Symeon
 Simon-Polikarp, spis. rus. 330
 Sineus, bratr Rjurikův (Signiutr) 37, 291, 293
 Sinesios, spisov. byz. 220, 221
 Sinkell viz Synkellos
 Sin'ko, vyslanec 38
 Sirach 94
 Sirin, Efrem, hymnograf 73, 516
 Sisinnios, sv. 293, 464
 Skablanovič, N. 408, 409
 Skalagrim, varjag 55
 Skanderberg 267
 Skjoldungové 48
 Skok, P. 224, 257, 258, 266, 547—548, 563, 564, 571
 Skorina, Fr. 232
 Skylitzēs (Skiliza), Jan, dějep. byz. 106, 108, 405, 406, 407, 544, 549
 Skyllosofos, Dionysios 280
 Slav, desp. bulh. 510
 Slavík, Jan 218
 Sloňski 89
 Sludy, vyslanec 38
 Smirnov, J. I. 251
 Smirnov, P. 302
 Snegarov, I. 257, 259
 Snorri 303
 Sobolevskij, A. I. 328, 330, 452, 519, 563
 Sofronios, spisov. 136
 Sofronios Jerusalemský, sv. 514
 Sofronios Vračanský, bisk. 213
 Sokolova, M. A. 564
 Soldatenkovâ, N. G. 558
 Soliman (le Seldjoucide) 189
 Solomon, prof. 434, 435
 Solovjev, A. V. 259, 261, 266, 267, 568
 Solovjev S. M. (Solov'ev) 92, 96
 Sommerard 472
 Sotériou, G. 197, 258, 271, 278, 551
 Soulis, Chr. 278, 279, 280, 281, 282
 Sourlas, Eur. 281
 Soyter, G. 256
 Spanos, Alexios, spis. byz. 278
 Speranskij, M. 110—113, 452, 454
 Spinelli, Matea 187
 Srezněvskij, I. 42, 82
 Stanev, N. 202
 Stanislavov, Filip 211, 272
 Stanojevič, Stanoje 207, 273, 500, 501, 503, 504, 506, 507, 509, 553—554, 574—575
 Stasov, V. V. 549
 Staurikios, cís. byz. 337, 371
 Stefan Byzantský, spisov. 571
 Stefan, diakon 97, 98, 99, 101, 102
 Stefan Dušan, (Štěpán, Étienne), cís. srb. 186, 187, 200, 224, 259, 278, 281, 282, 509, 512, 568
 Stefan Nemanja, král srb. 505, 509, 554, 572
 Stefan Pervověncáný (le Premier Couronné), král srb. 505, 509
 Stefan Surožský, bisk. 51
 Stefan Uroš I, král srb. 557
 Stefan Uroš II Milutin, král srb. 152, 525, 557

- Stefan Veliký, vévoda moldav. (Ștefan cel Mare) 195, 245, 246, 501
 Ștefănescu, I. D. 195, 472
 Steggieton, vyslanec 38
 Stein, E. 256
 Steinwenter, A. 256
 Stélé, F. 257, 261, 266
 Stemid, vyslanec 38
 Stepanov 79
 Stergiopoulos, K. 280
 Stojanović, L. B. 113—114
 Stojić, Vera 273
 Strabon, spisov. 92
 Strez, panov. bulh. 121
 Stroganov 139, 142, 498
 Strzygowski, J. 135, 140, 196, 248
 Suleiman II, sultán turecký 211
 Suvorov, S. 543
 Svein, varjag 53
 Svěn, vyslanec 38
 Svěnc'kyj, J. 254, 274
 Sveneľd, archont ruský 95
 Svěněľjd, Sveinaldr, varjag 38
 Svjatopolk-Četvertinskaja, E. K. 275
 Svjatoslav, vyslanec 38
 Svjatoslav Igorevič, v. kn. kijevský 103, 104, 105, 106, 107, 108, 301, 305, 448, 544, 545, 550, 551, 567
 Sybel 274
 Sybila 233
 Sykourtes 262
 Symeon (Simeon), car bulh. 7, 8, 31, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 97, 98, 99, 102, 103, 104, 188, 194, 200, 206, 226, 267, 270, 280, 330, 335, 341, 366, 371, 373, 383, 387, 388, 397, 440, 500, 517, 518, 561, 572
 Symeon, logofet, dějep. byz. 36
 Symeon, vestes, katapan 267
 Symeon, bratr St. Dušana 278
 Symeonidové 103, 104, 105, 108, 109
 Symmachos, koment. bible 94
 Symokattas, Theophylaktos, dějep. byz. 220, 222
 Synkellos, Georgios, dějep. byz. 310, 314
 Synodinos, P. 279, 282
 Syrjiannis, vojevůdce 224
 Syrku, I. 501
 Syromjatinikov 42
 Szabo, Gjuro 573
 Šabanharej 293, 294
 Šafarik, P. J. 89, 259, 270, 440, 452
 Šachmatov, A. A. 35, 81, 295, 299, 308, 309, 315
 Šachmatov, M. V. 271—272, 561
 Šalamoun, Salamon, prorok 157, 488, 490, 494
 Šangin, A. 562
 Šarmua 295
 Šček, zaklad. Kijevu 317
 Šeptic'kyj 284
 Šestakov, S. P. 97—102, 276
 Šibrid, Sigfrid, vyslanec 38
 Šichbern, Sigbjörn, vyslanec 38, 39
 Šilović, Sl. 570
 Šimon, kníže varjaž. 42
 Šišić, Ferdinand 266, 267, 570
 Šišman, car bulh. 209
 Škorpil, Herman 4, 339, 349, 358, 359
 Škorpil, Karel 1—10, 11—32, 333—382 (333—343)
 Štěpán, sv. 493
 Štěpán viz Stefan
 Šmit, F. 248
 Šmurlo, E. F. 550
 Šyroc'kyj, Konstantin 247, 248
 Tafrali, O. 195
 Tallgren, A. M. 570
 Tarabrin, J. M. 485
 Taranovskij 42
 Taranovskij, F. 266
 Tarchaneiotes, Manassès 513
 Tatianus 90
 Tatić, J. 557—558, 572
 Telec, chán bulh. 341
 Temperley, H. 266
 Teniševa, M. K. kn. 274
 Tervel, chán bulh. 341
 Teubner 182
 Thallóczy, v. L. 201
 Thémistius, filosof 220, 221
 Théoctiste, logothète 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66

- Theodor, sv. 527
 Theodor I Laskaris, cí. byz. 512
 Theodor II Laskaris, cí. byz. 221, 512
 Theodor Svetislav (Todor Svetoslav), car bulh. 2, 208
 Theodor, syn Aaarona 410, 413
 Theodor, z rodu Aronů 410, 413
 Theodora, cí. byz. 60, 63
 Theodora, cí. byz. 405, 407
 Theodora, dcera Konst. X 413
 Theodora (Feodora) 111, 121, 123
 Theodosius I Veliký, cí. řím. 483, 539
 Theodosius II, cí. byz. 511
 Theodosius (Theodosij) Pečerský, sv. 330
 Theodosius (Theodosij), spis. srb. 227
 Theodotian, koment. bible 94
 Theophanes, dějep. byz. (Teofan, Théophane l'Homologète, Continuator), dějep. byz. 8, 20, 54, 62, 65, 259, 334, 340, 375, 437, 438, 461, 570
 Theophano, císařov. byz. 108
 Theophilos (Theophile, Feofil), cí. byz. 60, 61, 62, 64, 66, 263, 378, 527
 Theophilos, tajemník 410
 Theophylaktos (Theofilakt), bisk. bulh. 220
 Thomas viz Tomáš
 Thompson 256
 Tchamatchian 409
 Tiberios, Tiverij, cí. byz. 222
 Tiers 537
 Tigib, bulh. 201
 Tichonravov, N. S. 431
 Tilena, vyslanec 38
 Timothée, sv. bisk. 139, 150, 164
 Titien, malíř 251
 Titmar Merseburgský, dějep. 41
 Tocco, Charles, desp. artský 277
 Togrul beg, sultán 406
 Tomáš (Thomas), ap. 136, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 172, 177, 178
 Tomáš, proticís. 438
 Tomáš (Thomas Archidiaconus) 259
 Tomáš Preljubovič, panov. Janiný 278, 279, 280, 282, 541, 558
 Tomáš, Pseudo 565
 Tomić 268
 Tomsen 35, 37, 43
 Tor 287
 Torgni, lagman 303
 Torir, norman 55
 Tornikios, Petr 121
 Torolf, norman 55
 Trautmann R. 230
 Triantophyllopoulos, G. D. 575
 Trifonov, Jurd. 202, 561—562, 566, 570
 Trojan, syn J. Vlad. 411, 413
 Truan, vyslanec 38
 Trubeckoj, kn. 226
 Truhelka, B. 266
 Truhelka, Djuro 557, 563
 Truvor, kníže 33, 34, 37, 57, 290, 298, 299
 Tsopotos, D. K. 258, 259, 270—271
 Tudko, vyslanec 38
 Tudor, mnich 295
 Tudor viz Doxov
 Tueschner, Fr. 568
 Tuk, zurgu voila 359, 368, 369, 370, 371, 374, 375
 Tur, kn. varjaž. 292
 Turbern, vyslanec 38, 39
 Turbid, vyslanec 38
 Turd, vyslanec 38
 Tymieniecki, K. 266
 Tzamlakos (Zamblacus, Samblacus), Arsenios 184, 185
 Tziovas, Con. 282
 Ugleša, despot 503, 509, 525, 546
 Ułaszyn, H. 564
 Ulěb, Ulfr, vyslanec 38
 Ulita, sv. 488
 Uljanickij, V. 415, 418, 421, 422, 423
 Upir' Lichoj. kněz 87
 Uroš, car srb. 509, 512
 Uspenskij, Porf. 527, 529
 Uspenskij, Th. I. 7, 8, 184, 269, 281
 Ustin, Austein, vyslanec 38
 Ušeničnik, Fr. Dr. 542
 Uvarov, hr. 549
 Vaçag, armen 406, 408
 Václav, sv. (Ventzeslav) 562
 Vahram, duka mesopot. 408, 409
 Vaillant, André 273, 517—519, 565

- Vajs, Jos. 89, 257, 276
 Valdenberg, V. E. 220—223, 272
 Valtrovič, M. 524
 Valvasor, J. W. 272
 Van Dyck, malíř 251
 Van Vejk viz Wijk, van
 Vardan 359, 371
 Vari, R. 257, 262
 Varlaam 233
 Vasil'ev, A. A. (Vasiliev, Vasiljev) 184, 191, 205, 234, 554
 Vasil'evskij, G. V. 51, 222, 268—269, 516, 545, 571
 Vasilij viz Basileos
 Vasmer, Max 224, 230
 Velmud, vyslanec 38
 Veniamin, mnich 271
 Venelin, Jiří 213, 415, 416
 Veselovskij, A. N. 110
 Vespasian, císař římský 341
 Vestberg 294, 295
 Viollet le Duc, E. E. 548
 Virgilius 272
 Visivaldr, Vsevolod Vladimirovič, kníže 42
 Viskovatý, ďjak 462, 463, 464, 465, 468, 478, 486, 497
 Vissarion Nikajský 230
 Vitalis, Ordericus, mnich s. evrulský 287
 Vitold, v. kn. litevský 112, 416, 424
 Vladimír, sv. (Valdimarr), vel. kn. kyjevský 41, 294, 301, 305, 312, 314, 319, 325, 328, 329, 550, 551
 Vladimír, bratr cara Sym. 80
 Vladislav II, král český 190, 267
 Vladislav IV, král polský 2, 9
 Vladislav Jagailo, král polský 201, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 426
 Vladislav, vyslanec 38
 Vlachlidès, G. 281, 282
 Vlatko, despot srb. 573
 Vodan 237, 239, 287
 Vogiatzidès, J. C. 262, 277
 Vojko, vyslanec 38
 Vojnović, L. 266
 Vondrák, V. 543—544
 Vosté, P. 546
 Vrékosis, A. 280
 Vuefast, vyslanec 38
 Vukašin, král srb. 546, 557
 Vulić, N. 570
 Vulić, V. 187, 257, 262, 266
 Vuzljev, vyslanec 38
 Vydra, B. 532
 Vyzikides, Perikleos 277, 278, 279, 280
 Wallneus, kníže 267
 Walter, O. 256
 Warnier, R. 266
 Wegner 262
 Weigand, Gustav 224, 270, 274
 Weingart, M. 79, 201, 224—226, 226—228, 257, 266—267, 271, 272—273, 274, 276, 554—555, 556, 559
 Wenger, L. 182
 Westerfeld, van A. 251
 Wickhof 274
 Wifil, varjag 37
 Wijk, van N. 89—91, 228—232
 Wilamowitz, v. Ul. 277
 Wilpert, J. 274
 Wobbermin, G. 515
 Wolf, J. 452
 Wratislaw-Mitrowic, Ludmila 134—180
 Wulf, O. 256, 261, 262, 527—531, 571
 Wünsch, R. 430, 432, 445
 Xenofon, spis. řecký 193
 Xyngopoulos, A. 277, 278, 551
 Yachia d'Antioche, spisov. arab. 184, 544
 Zabělin, I. E. 42
 Zachariáš 482
 Zachos, A. 280
 Zakynthinos, D. A. 223—224, 270, 277—283
 Zaloziecky, W. R. 249, 253, 254, 531—535
 Zane, Emanuel 530
 Zarfurnari, Efrem 530
 Zapletal, Fl. 254
 Zečević, M. 452
 Zeiller, J. 187, 266
 Ziebarth, Er. 277—278

-
- Zlatarski, V. N. 8, 79, 80, 81, 82, 83, 84,
86, 87, 88, 104, 107, 186, 202, 206, 208,
215, 219, 257, 266, 267, 345, 369, 377,
408, 409, 411, 568, 574
Zograf, Jan, metrop. 557
Zograf, Makarij 557
Zoé, císař byz. 405
Zois, L. 282
Zolotnickij, Ja. A. 553
Zonaras, Jan, dějep. byz. 436, 461
Zonev (Conev), B. 113, 224
Zoroaster 434, 435
Zosima, papež 185
Zummer, V. 252
Zvenigorodskij 539
Zvonimir, král chrvat. 261
Židkov, H. 531, 573
-

с коѣ 124 свѣтааго 391; сатааго 390 словъ 506 смѣша, сметеніе 449 сосѣджт'сж 124 срѣдѣцемъ 393 събирайтъ 89 съблзаятъ 89 Gŕmānīe-kŕmāne 445	ч 71, 72, 73, 398 чет'цы 124 чѣротвор'ци 124
т 75, 76 тѣ 72 тигнѣ 384 ткар'нищи 124 т'ми 124 то҃ѹдора-то҃ѹдр черноризец до҃ѡвъ 395 тък'мо 124	ш 73; шт 75, 85; шч 72 ѣ 73, 77, 78, 85, 396, 398; ѣл 72; ѣмь 71; ѣр 72 ы 390, 397 ь 85, 124, 390, 392, 395, 397, 398; ьмь 72; ьр 71, 72 ѳ 70, 71, 76, 77, 78, 85, 390, 397
оу 70, 71, 72; оумоу(юмя), оуоумоу 71, 77, 78	ю 71, 72, 75, 76, 78
ф 73, 77, 78, 390 фрѣзи 444	ѵ 71, 77, 78, 507 ѥ 71, 398 исмѣ 395, исм 398
х 75, 77, 388 хартофѷла҃гомъ 386 хѣалж бѣздаѣще богови 89 хлѣмъ 77 хрисовоуль 504, 506	ѧ 70, 85, 229; ѧ, а, ѧ 388, 389, 390, 392, 395, 397 ж 70, 71, 72, 85, 124, 229
вр нзмѡ 504	Ѧ 71
ш 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78 штюдн 73	Ѣ 71, 72
ц 75, 390, 392	Ѥ 390
	ћ 70, 72, 74, 75, 76, 77, 78

II. ŘECKÝCH.

α 388	ἀρχηγὸς τῆς χώρας 448
ἅγιος, ὁ 122, 395; ἁγίου, τοῦ 394, 403	ἄρχων 360, 361, 366
Ἐδριανούπολις 315, 349	Ἀρῶνιοι 410
Ἀειφάρ 37	
ἄ λέγεται 93	βασιλεὺς 366
ἀναστασία 118	βασιλικόν 502
ἀποδημία 94	Βεράχασα 343
Ἀπόλλωνι 334; Ἀπολλωνία ἐν τῷ Πόν- τῳ 341	Βερζιτιαν, τὴν 54
	Βεριγάβον, Βεριγάβα, Βεριγάβων τῶν

- 16, 31, 335, 337
 Βερούτζη 37
 βίβλοι 82
 Βορούφορος 37
 Βουλνηπράχ 37
 βοηλᾶς 370, Βοηλὰ κουλουβρὸς 370, βο-
 λῆας 371
 βοῦκα-μπούκονω 449

 γ 74
 Γελανδρί 37
 Γοῦκος 372
 γράμμα 82, 505
 γυρός, γύρα, γυρόθεν 93, 94, 96

 Δεβελτός, Δηβελτός, Διβιλτός 335, 341,
 363
 δεύτερον 346
 Διαβαίνα 27, 32

 ἔδωκα 356
 ἔθνος, τὸ νεοφώτιστον 98
 εἰ 78, 92
 εἰς τὸ λεγόμενον πέραμα 93
 εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται γύρα 92, 93,
 96
 ἐκ Θεοῦ ἀρχων, ὁ 347, 360, 361
 *Ἐκθεσις νέα 186
 ἐκλέγειν, ἐκλέγεσθαι 90
 ἐκλογὴ νόμων 94
 ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων 275, 276
 *Ἐλγα 37
 ἐν 346
 ἐν ἀλλήλοις 89
 ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστός 502, 507
 ἔξ 362
 ἔξουσιαρχός 448
 ἐπανομαζόμενον 93
 ἐπιλεγόμενον 93
 ἐπιούσιος 89
 *Ἐσουπή 37
 εὐχαριστήσαντος τοῦ κυρίου 89
 ἕως τοῦ Τζίκας 337, 343

 ζ 76
 Ζουργοὺ βοηλὰ 368, 369; ἡτσιργοὺ 356,
 357, 366; Κολοβρὸς 369

 ἡδικτον 502

 θ 73, 76
 Θεοφυλάκτον 22, 32
 θέσισμα 502
 θλέω 270

 ι 75
 *Ἰγγωρ, *Ἰγγορ 37
 ἸΟΥΛ 394

 καὶ ἔφυγαν 364
 καλούμενον 93
 Καστορία 223
 κάστρον 7; *Αγχιαλέων 7, 340, 341; *Αρ-
 καδιονπόλεως 8; Βιζύης 8; Βούκελ-
 λον 8; Βουρδίζον 8; Διδυμοτείχον 8;
 Θεοδοσπόλεως (Θεοδωρονπόλεως) 8;
 Μεσημβρίας 7; Νικίον 8; *Ρεδεστοῦ
 8; Σκουτάρεως 8; Σοζοπόλεως 7, 340,
 341, 342
 κεφαλῇ, κεφαλῆας, κεφαλῇ, κεφαλὰς
 atd. 358, 359, 374, 375
 Κοζιάκος 25, 30, 32
 κράτος 502
 κύκλος, κύκλοθεν 94
 Κυριακή 119
 κωδῖκελλος 502, 511, 512

 λαγγάδι 270
 Λαρδέας 336, 342
 Λεάντι 37
 Λέων 346
 λείπω 225
 λόγος 502, 506
 λύσις 502

 Μαλαμήρ, ὁ 361
 Μαρκέλλαι 336, 342, 343
 Μαρμαῆς 373
 Μεσοποταμίας 408
 μεταβολή 79, 82
 μετάθεσις 82
 μετάστασις 156
 Μήλεωνων, ἀπὸ 334
 ΜΗΧ 3, 9
 Μισίρι, το 441

- μοναχή 118
 Ναπρέζη 37
 νεαρά 502
 Νεασήτ 37
 Νομουγαρδάς, ἀπὸ τοῦ 52
 Ὅμουρετὰν 361
 ὄρισμός 504
 Ὅστροβουνίπραχ 37
 ου 392
 Οὐλβορσί 37
 Παίονες, Παννόνιοι 201
 παρακοιμώμενος, ὁ 121
 Παρορία 333, 342
 Παρασκευή 119
 ΠΑΥΛΟΣ 391
 Περισθάβα, ἡ Μεγάλη 335
 Πετροβούνος 24, 32
 πηγὴ τῆς ζωῆς, ἡ 466
 πολείδιον 92
 πόλεμος 7; τῆς Σέρας 8; τ. Τοῦτζα 8
 Πόλις 92, 443
 πολύδια 93
 πρὸς ἑαυτούς 89
 Πρόσης Βεΐθου 334
 Προβάτου, τοῦ 339
 πρόσταγμα 502, 503, 504, 509, 511, 512
 πρῶτος 371
 Πύλαι τοῦ Αἵμου 31; Σιδηραῖ, Σιδηρά
 31, 335, 337, 343
 ῥοῦσιοι 36; ῥουσία χελάνδια 54;
 ῥῶς, οἱ Δρομίται 36; ῥωσίας 52; ῥω-
 σιστὶ καὶ σκλαβινιστί 36, 93
 σαμβατάς 93
 σάρακτον, τὸ 368, 372
 Σεβάρεις 31
 σημείωσις 502
 σιγίλλιον 502, 510
 † σίγγον μάρτυρος N. N. 509
 στρατηγός 346
 στρατηλάτης Κορδύλης 375
 Στρούβουν 37
 συνέλεξαν 90
 σχῆμα 73
 ταραχή, ταραγμός 449
 Τετράδη 119
 Τζίκας, ἕως τοῦ 20, 31
 τόπος, ὁ κάτου 363
 τοῦ 394, 403
 τρόπος 73
 Τζύκος, Τζόκος 369
 υ 92
 ὕβρηγ 360, 361, 366
 ὑπὸ 346
 ὑποκάτω αὐτοῦ 371
 χαλασμός 450
 χρυσόβουλλος λόγος 502; χρ. ὄρισμός 502;
 χρυσόβουλλον 504; χρ. προκουρατικὸν
 511; χρ. σιγίλλιον 502, 511, 513
 ὥς ἐτῶν δώδεκα 225

III. LATINSKYCH.

- alligo 89
 Anchialus 336, 340
 Burgus 341
 colligo 89
 Dei gratia 507
 Deultus, Deultum, Colonia Flavia Pacis
 Deultensium 335, 336, 341, 363
 inter semet ipsos 89
 inter vos 89
 invocatio symbolica 503, verbalis 503, 506, 507
 ligimus 502
 Lerdica 363
 mutatio 79
 Naulochos 30
 poena spiritualis, temporalis 508
 rusios 36
 supersubstantialis 89
 virgo 118

REJSTŘÍK VĚCNÝ.

Albanie: 519—521

apokryfy: Apokalypsis Barucha 125, Jana 122, 125; bogomilské 124—125; Epistolie o týdnu 119—120, 131, 132; Homilie o Nanebevzetí P. M. Jana Solunského 135—136, 137, 141, 142, 144, 148, 149, 154, 157, 160, 161, 164, 167, 177, 178; Homilie sv. Jana 141, 154, 157; Choždenie Bogorodicy po mukam 111, 123, 131, 132; Kniha Enochova 111, 119, 123, 125, 131, 132; o Nanebevzetí 149, 153; Militona Sardského 154—155, 160, 164, 177, 178; o Panně Marii Jos. Arim. 154—155, 157, 177; koptsko-egypt. 178; palestinský 136, 177; περί τῶν κολάσεων 123; περί τῶν οὐρανίων 123; Slovo Kyrilla Fil. 123; Palladia Mnicha 123—124; Vidění Teodořino 111, 121, 123; Isaiášovo 123, 125, 131, 132; Pavlovo 111, 123, 131, 132; Petra Alexandr. 197; v Rumunsku 233

Arabové: cesty do Byz. 191; vpády do říše byz. 438, 439, 442, 444, 446; zprávy dějepisců o Rusech 39, 40, 49, 51—52, 106, 291, 293—296

architektura: rotundy 254

archivy: Głównie ve Varšavě 415, 417, 429; Korunní v Krakově 415; Min. zahr. věcí v Moskvě 415, 417, 418, 420

Arménie: Armeni 406; nápis z Ani 406 až 407; překlad sv. Jana Chrys. 410 až 411; umění 552; Velká Arménie 408, 409; vliv na Rusko 252; zprávy spisovatelů 409, 410—411

astrologie viz věštba

Athos viz Byzantsko

Bible slovanská 232

bibliografie: kompendium balk. linguistiky 224—226; prací F. Buslaeva 548—550; N. Iorgy 264; E. F. Karského 276; A. Martela 555—556; A. L. Petrova 556; Revista Istorică Română 265—266; sborník na počest Šišicovu 266—267; sb. Gorodcovův 268—269

bogomilství: viz apokryfy; o vzniku bog. 200; v Rumunsku 233; význam v dějinách Bulh. 206—207

Bulharsko: Bibliografie: prací o dějinách Bulh. 202—203; prací Hýblových 202—220. Starožitnosti: vykopávky v Preslavi 383—393, 403; zříceniny kláš. Teke-Koraač 1—4; epigrafika: nápisy z doby prvního bulharského carství z černomořského pobřeží 1—6, 8—10, 333—343; nápisy: Boilův 372; Borisův 387, 388; čatalarský 360; chamberlijský, popis, chronologie a historický význam 339—343, 344—382; chánské 389, 390, 398, 402; maďarský 345, 385; z Makedonie 226—227; Malamirův 361, 387, 388, 396; Omortagův 360, 388, 396; Presianův 357, 361, 370, 387; z Preslavě: na zdech Kruhlého chrámu 383, 391, 403; na keramických deskách 391 až 403; nadhrobní deska 395, 398, 403; hliněná deska 398—402, 403; prjaslo 402, 403; Samuilův 383, 386, 389, 390, 392, 396, 397, 398, 402; sulejmanovský 363, 366, 373, 377, 379, 382; Symeonův 387, 388; šumenský 362, 363, 382; temnišský 390; trnovský 345, 360; řecké nápisy 387, 392, 394—395, 398 až 402; tradice bulh. epigr. 387, 388; numismatika 2, 201; sygillografie: pečeť Borise Michala 2—5; cara Petra 6; diplomatika: vliv d. byz. 500, západní 501; 2 skupiny listin b. 504—505; změny v byz. dipl. 505—508, 509—510. Dějiny: počátky státu bulharského, VIII a IX st. 205—206; válka Krumova s Byz. 365, 377; mír Omortagův 361—362, 377—379; poměry za Malamira 362—364; bulharsko-byzantská komise 368 až 376; 379—380; 381—382; vláda Borisova a Symeonova 4, 206, 365, 1—5, 369—370; poměry v Byzantsku v 30. letech X. st. 97—102; viz Byz. Adrianopol; úpadek a zánik I. státu bulharského 206—207; události 973. r. 103—104;

184, 259—260; západní B. cara Samuila 103—105; B. pod panstvím byzant. 206—207; potomci cara J. Vlad. ve službě byz. 404—413; povstání Petra Deljana 405; II. stát bulharský 207 až 209; vliv byz. kultury 199—200; titul bulharského cara 347, 354, 360—361, 366; úředníci: itsurgu 356; kefali 358 až 359, 374—375; kachvan (voila) 360, 370, 373—374, 382; zurgu 356, 357, z. kolobros 359, 368—371, 382; Bulhaři 442—443. C í r k e v: přijetí křesťanství 3—4, 206; chartophylax 386—387; o vzniku bulharského patriarchátu 259. J a z y k: prabulharský 367—368; оуѣхтов 372; viz onomastika; používání slovanského jazyka 366; b. j. ve valašské kanceláři 416, 424, 425—426, 429; onomastika 412; ženská jména 402; turecko-bulharská jména 384; řecký j. v nápisích 344 až 345; 366. L i t e r a t u r a: lit. doby cara Symeona 383; jazyková reforma r. 893 79—80, 87, 88; spolupráce Konst. Presv. 85—87; poměr k reformě Klem. Ochr. 84; literární památky z Makedonie 227—228; pověst o křtu 312; překlady Metoda Olymp. 517—519; vidění sv. Anastasie 124—125, 132, 133; věštební knihy 434, 440; vliv. I. b. na Rusko 326, 329; letopis Nikiforův viz Rusko; bulharisny v moravských památkách 330. U m ě n í: původ u. 200; byzant. a sasanid. prvky 169, 193—194; starobulharská architektura 551—553; viz ikonografie Nanebevz. P. M.; malířství 465. Z e m ě p i s: z. poloha 203 až 204; Bulhaři v Albanii 526; strategické stavby na černomořském pobřeží: str. čára od ř. Elešnice do Slivenského průchodu 11—28, 31—32; Markova přehrada 24—25; do Bojlar 13; Kodža Kapu 14—15; Kajrjaktka Kale 15; Veregava 15—17; Kale-Pupče 17; Japondžik kale a Demir Kapu 18, 22, 25—27; Verbišský průchod (Sidera) 18—20; Zavojat 21; Sejman konak 22; Germeto 23

až 24; Asenovce 27; počet balkánských průchodů 27—28, 32; hlavní strategická čára východobalkánská 29—30; Erkesia 334—335, 337, 341, 342, 363, 377; cesta od ústí Dunaje k ústí Marice do Adrianopole 335—339; 342, 343; pevnosti na cestě: Karnobatski Chisar (Lardeas) 335—336, 342; Doruklijsko Kale (Markelli) 336—337, 343; kleisury Verigavská a Sidera 337—343; Vaniški Bakadžik 337—343; Taštepe 337, 343; Baladža 337, 343; Pašakojsko Kale 337, 343; Chisarlyk 338, 343; Turfalijsko Kale 338, 343; Běgala 338, 343; Šakir baba 338, 343; Provadia 338, 343, 380; pevnosti: Anchialos 340—341, 343, 358, 360, 373, 380; Debelt (Deultus) 334, 335, 341, 343, 351, 354, 358, 360, 363, 365, 366, 372, 373, 377, 380, 382, 405; Dristra 106, 108; Chamberlij 333 až 334, 342; Konstancia 354, 365, 377, 378, 382; Panov 340, 343, 358; Pliska 341, 342; Preslav 103, 107, 261, 337, 338; Ranua 360, 372, 380; Sozopolis 340, 341—342, 343, 360, 366, 372, 373, 380; okresy a země: Borajská 368; Dolní (Plovdivský) 351, 354, 362, 363, 364, 366, 380, 382; Thrakie 364; Makedonie 363; Skopské území 261, 363

byzantinoslavica: vliv byzantské diplomatiky na slovanskou 500—510; překlady kroniky Manasseovy 261; vidění Anastasiovo viz Byzantsko, věsteb. knihy; viz věstba; právo 261, 269; umění 261 až 262, 551

byzantologie: Corpus scriptorum historiae byzantinae a jiná vydání 263—264; práce Ch. Diehla 184; práce o diplomacie 500; A. Heisenberga 181—183; Valdenbergovy o politických myšlenkách 220 až 223; A. Vasilěva 554; V. Vasilěvského 268—269

Byzantsko: (Empire byzantin, Romejskaja imperia, Romania, Vizantia). S t a r o ž i t n o s t i: vykopávky v Novém Anchialu-Thébách 271; koňský postroj 193; numismatika 336; sygilografie: pečeti

Aarona 404; Alusia 404; Radomira Aarona 404—413; Samuila s. Alus. 404; diplomatika: doba Lva VI. 502; chrysobullos 502—503, 504, 508, 511; prostagma 502, 503, 504, 509, 511, 512; přechodní tvary 502, 504; kodikellos 502, 511; paleografie: unciální písmo XI. stol. 345—347, 366, 376. Dějiny: poměr k říši římské 189; revoluce Nika a Tomášova 438; politické názory VI. st. 436—437, 445, 446, 448, 449; ikonoklasmus: politika Theodory 60—62; vzdělání za Lva Is. 59, 64; Theofila 64, 66; reforma Theoktista a Bardy 60, 64, 66, 67; kariéra Fotiova 59, 63; Konst. Fil. 59—67; Lva Matematika 59, 60, 62—63; B. a Rusko: styky s Varjagorusy 50—51, 52—54; kulturní vlivy na Rusko 305, 308; tažení Rusů 294, 296, 311—312; smlouva 945 r. 296, 301; B. a Bulharsko v 30 letech X. st. 97 až 102; Adrianopol 97—98, 349, 354, 362, 363, 364, 365, 377, 380, 382; Arkadio-pol 377; politika Nik. Foky 107; Jana Cimis. 102, 106—109, 544—545; Basila II 405; vliv na Bulh. 205—206; politický význam Mik. Mystika 186; XI. st.: genealogie a prosopografie 368, 371, 411, 413; boje s Turky Seldžukovci 405—406, 408, 410, 411; povstání Isaaka Komnena 407; B. a Západ ve XII. st. 189, 269; bitva u Pelagonie 187—188; politické názory IX.—XI. st. a doby Paleologů 437—439; zeměpis podle věštebních knih 440—445; předpovědi rázu obecného 445; o poměrech vnějších 445—446; vnitřních 447 až 450; ekonomických 450; mravních 450—451; poměr k Srbům 546—547; doba Paleologů 184, 444; renaissance 196—197; B. a perští Mongolové ve XIV. st. 190. Administrace: Finance: clo v době Komnenů a Angelů 192; postavení Židů 191; zlaté mince ve XIII. st. 191; titul císaře 502, 507; vestiař 192, 433; adm. zájizdky 94—95; temy: Edessa 407; Iberie 405, 406, 407;

Mesopotamie 408, 410, 411; Paristrion 545—546; Vaspouragan 405; vojsko 191—192. Úředníci: duka 375, 407, 408, 409; ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων 275—276; ἐπὶ τοῦ κανικλείου 502; katepan 375; kefalie 358—359, 374 až 375, 449—450; logothète 508; magister 103, 405, 406, 407, 408, 409; patrikios 405; praktor 449—450; proedr 407 až 408; protonobelissimos 501, 502; stratilates 375; stratigos 359, 360, 368, 371; vestes 405. Právo: 262; senátu 221 až 222; císaře v době Lva VI 192. Církev: Athos, vliv na církev podolskou a polskou 249, 250; byz.-bulh. mysticism 209; byz. církev v době bulh. okupace v thracké temě 79—99, 102; počátky ikonoklasmu 190; poměr k pečskému patriarchátu 186—187; úředníci: chartofylax 386—387; zápas o Illyrskou diecési v IX. st. 185—186; založení klášterů v VI. st. 192. Jazyk: latinismy 547—548; význam jména Geometrova 516; slova γυρος 93—96; πολύδια 92. Literatura: Alexeiada 189, 410 až 411; hymny Jana Geometra 273—274, 515—517; kroniky: Hamartolova 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 320, 321, 322; Malalova 310; Synkellova 311, 314; Konst. Porf. de admin. imp. 52—53, 92—96; zprávy o Rusech 36—37, 295, 301, 305; korespondence patr. Anastasia 188—189; poema Glykovo 190; političtí spisovatelé 221—222; Mazariovo Putování do pekla 111, 112; spis Jos. Bryennia 189—190; Metoda Olymp. 273; věštebné knihy, otázka autorství 434, 435, 436; vidění Anastasiovo a slovanské překlady: obsah 111—114; srovnání textů řec. a slov. 114—115; redakce 115—118; doba vzniku a prameny slov. překladů 119—126, 131—133; vidění Theodotino 121; věda: filosofie IV.—V. st. 220 až 221; lékařství 192—193. Umění: Cařihrad a jeho tradice 162—163, 167, 168—169, 171, 551, 553; Kappadokie 269—270; starokřesťanské a byz. u. 274;

- malířství 527—531, 539, 540, 541; skulptura 197, 538—539; inkrustace 541; šperky 539; tkaniny 539, 540; styky italobyz. 196; vlivy na ruské malířství 249, 465—466, 468, 497; na Západě 196. *Zeměpis*: Cařihrad (Konstantinopol, Vizantija) 102, 108, 441, 436, 443, 448; Kastoria 223—224; Mesembria 441; Romania 443; Trapezuntská říše 442; terminologie 441, 442; Egypt-Misiri 441, 442, 444, 449; poloha města Justiniana Prima 187
- církev*: názor na otázku nanebevzetí P. M. 155—156, 178; poměr k věštebním knihám 439; právo východní kanonické 546
- církevní slovanština*: jazyk: původ j. a literatury 68—78; normy literár. jazyka 68 až 69; dialektologické zvláštnosti 68 až 69, 70; východně-slovanské dialekty 542 až 543; jazyk listin moldavských a valašských 426, 429; vydání památek 423 až 424, 429; j. Sinajského žaltáře 229 až 232; překlad sv. Písma Kyrilla a Methoda a jejich žáků 79—82, 86; význam slova *книги* 82; vliv Vulgaty na překlad 89—91, 547; pověst o Nik. Fokovi 122; slovanské texty vidění Anastasiova 110—133; rukopisy 113—114; překlady jihoslovanské 124—126; kniha Enochova 119; viz Byzantsko; právní texty 543—544
- Čechy*: dialekt st.-slov. jazyka 70; jazyk *Chronicae Bohemorum* 331; původ Kyjevských listů 70—72; užívání júsů 72; vliv na Rusko 330
- Dalmácie* 259
- deklinace*: užívání koncovek *аро, ааро* 71, 77, 78, 391; *ро, мо* 70—71, 72, 77, 78; *амъ* a *амъ* v Instrum. sing. 71, 72.
- Dubrovnik* (Ragusa): diplomatika 500, 504, 508, 511
- email*: dějiny emailu a inkrustace 274 až 275; Pala d'oro 146
- eschatologie*: literatura 110—111, 131, 132
- Euchologium Sinajské* 396, 513
- Ethiopové* 444—445
- evangelium*: archangelské 69, 71, 77, 78; Assemanovo 385, 386, 396; čivadelské 369; jenské 260; Miroslavovo 70, 71; osorské 261; rosanské 540; řecké 835 r. 389, 390; řecké 980 r. 389; syrské 476; učitelné 81, 85; zografské 385, 386, 396
- Finové* 290—291, 292; jména Rusů a Švédů 35—36; styky se Skandinavci 45—46
- Frankové* 443, 444
- fresky*: Agres 164—165, 178; Arilje 149 až 150; v arménské církvi ve Lvově 249 až 250; Bačkovo 145, 146, 147, 168, 174, 180; Boiana 143, 146, 147, 152, 154, 171, 174, 180; Berendé 164, 168, 170, 171, 172, 179; Brontochion v Mistře 163—164, 174, 178, 180; Dečany 159—160, 171, 178, 179, t. XI, XII; Deir es Sourjani 134, 174; Dobrovět 195; Gradac 149, 150; Gračanica 157, 158—159, 173, 179, t. VIII, IX; jaroslavský okruh 469, 471—472, 477, 479, viz kostely; Kalotino 171; Karyés 170; Kremikevci 171; Lesnovo 157, 166 až 167, 169, 173, 179, t. XIV₁; Ljuboten 159, 173, 179, t. X; Matejč 160 až 161, 164, 170, 171, 172, 173, t. XIII; Markov kl. 167, 173, 179, t. XV; Michajlovský Zlatoverchý kl. 240; Mileševo 147, 173, 179, t. II; Mirož. kláš. 144, 145, 147, 174, 180; Neredica 241; sv. Nikita u Čučer 171, 172, 173, 179, t. XIV₂; Nivica 170—171; Peč 166, 173; Peribleptos 167, 173, 179, t. XVI; Poganovo 171, 172; Protaton na Athosu 171; Qouchlouq de Qeledjar 134, 136, 137, 140, 174, 180; Scrovegni (kaple) v Padoui 165, 172; sv. Sofie Kyjevská 240; sv. Sofie Ochridská 134, 140, 141, 173, 175, 179, t. V₂, 194; Sopočany 147—149, 150, 171, 173, 179, t. III; Staro-Nagoričino 153—154, 156—157, 159, 160, 164, 168, 170, 171, 173, 177, 178; Studenica 152—153, 154, 157, 173, 177, 179, t. VI; sv. Theodor

- v Mistře 167; Toquale Kilissé 135, 140, 141, 142, 173, 175, 176, 179, t. I; Tyrnovo: Petra a Pavla 170, 171, 173, 177, 179, t. XIX; 40 mučedníků 146, 153 až 154, 174, 180; Volotovo 167—168, 174, 180; Zemen 168; Ziča 150—151, 152, 153, 171, 179, t. IV
- Georgie* 406, 409
- Gothové*: říše v Jižním Rusku 46—47
- bagiografie*: životopis Anastasiův 118, 119; Anscaria 289—290, 303, 304; Basila Nového 121—123, 131, 132, 312; Jiřího Amastridského 51; Jiřího Hagiority 409; Konstantina Fil. 59, 63—66, 67; Stefana Surožského 51; h. bulh. z Makedonie 227
- blabolice*: abeceda: užívání *h* a *u* 72—74, 77, 78; nosovky 72; *χ* 77; 26 písmeno 72, 73, 77, 78; *h* s kroužkem 76; poměr hl. ke kyrillici 85; *k* řecké minuskulí 76; hl. bulharská 383, 384—386, 391, 403; v Makedonii 85; Sakramentář Řehoře Vel. 542; záměna hl. kyrillicí 83 až 84
- Chazari*: poměr k Byzantsku v X. st. 260, 545; misie Konst. Fil. 66; k Poljanům 50, 53, 324; k Normanům 295, 301, 305
- ikony*: Boží Mateře Donské 169—170, 173, t. XVIII; Eleousy 393; kol. Rjabušinského 201; keramické z Patlejnu 393; kol. Lichačevovy 477, 478, 479, 481, 482, 483, 484, 485; musea Bedřichova 492; britského 170; Rogožského hřbitova 477, 478, 479, 480, 481, 483, 484, 485; ruská 169—170, 171, 172, 253—254; Věřím XVII. st. 473, 474—476
- ikonografie*: Kristus (Spasitel) 4, 135, 136, 137, 138, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 156, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 179, 462, 470, 471, 472—475, 477, 479, 480, 481, 483, 484; Emmanuel 157, 393, 465, 487; Duch sv. 470, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 484, 486; Hospodin Sabaoth 468, 470, 472, 473, 474, 476, 478, 480, 481, 483; Bohorodička viz rejstřík osobní; apoštolové 135, 138, 140, 141, 148, 150, 151, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 175, 176, 473, 475, 483, 484; evangelisté 145, 147, 470, 475; Jan, Ondřej, Pavel, Petr, Tomáš viz r. o.; praotci 473, 485; Abraham, Adam, Eva, Gedeon; proroci 157, 178, 462, 468, 473, 476, 482, 483; Balaam, David, Eliáš, Ezechiel, Isaiáš, Jan Předchůdce, Mojžiš, Šalamoun viz r. o.; svatí 473, 476, 485; biskupové 138, 139, 144, 145, 147, 149, 150, 152, 154, 161, 164, 165, 170, 479; metropolitové moskevští 490; Athanasios V., Basil V., Diviš Areopagita, Jan Damašský, Jan Chrys., Jérothee, Kosmas Maioumský, Řehoř V., Timothée viz r. o., sv. Jakub, Josef, Konstantin, Marie Egyptská viz r. o.; andělé 136, 137, 140, 141, 142, 145, 147, 148, 151, 152, 154, 157, 160, 161, 164, 165, 166, 167, 171, 173, 175, 176, 466, 472, 478; archandělé 136, 137, 145, 148, 175, 176, 468, 471, 472, 481, 485; cherubíni 169, 171, 471, 472, 480; serafíni 470, 472; ďáblové 471, 472, 474; duše 135, 137, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 153, 158, 159, 161, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 473, 485; ženy 144, 148, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 165, 166, 171, 475. *Komposice*: svátky: Narození Páně 464, 473, 476, 480. Obřezání 464; Křest 393, 476, 480, 483, 484—485; Zvěstování 470, 474, 476, 477, 480, 492; poslední večeře 137—138, 143, 492; mytí nohou 492; soud Pilátův 480; bičování Kr. 480; ukřižování 147, 470, 473, 474, 476, 480; snětí s kříže 473, 480; položení do hrobu 473, 474, 476, 480; cesta Marie ke hrobu 480; zmrtvýchvstání (Anastasis, sestoupení do pekla) 147, 462, 464, 473, 474, 476,

478, 480, 492; vítězství Krista nad smrtí 471, 472; nanebevstoupení 474, 476, 480; proměnění Páně 143; svátky Bohorodičky: Nanebevzetí Panny Marie 134—180; nejstarší zobrazení 134—135; komposice XI. st. 135—141, 172, 175—176; vlivy apokryfů 135 až 136, 154—155, 157—158, 159, 162, 174—175; otců církevních 138—139; komposice XII. st. 141—147, 176; XIII. st. 146—152, 176—178; XIV. st. srbské kom. 152—161, 166—167; tří cyklů jiných 161—164, 176—178; v západním umění 165—166, 167—170; pozdější kom. 170—172; vlivy na formu komposice 172—173; Pokrov 488, 493; korunovace P. M. 165; komposice didakticko-moralistní: liturgické hymny jako náměty ruských ikon 462 až 469; literární zprávy 462—463; klasifikace 463—464, 469, 497; původ nového ikon. hnutí 464—468; ikony s náměty hymnů 463, 497; vidění svatých 464, 497; dogmatické 464, 497; moralistní 464, 497; biblických textů 464; didaktická skupina 468, 469, 470—495; mystická 496, 498; Akathist 463, 465, 466, 467, 488, 494, 495; apokalypsis 466, 467, 471—472; archa úmluvy 465; Bohorodička všem rmoutícím radost 464; Co ti přineseme 466; čistá duše 464; Da molčit vsjakaja ploť 463, 469, 487 až 491, 496, 498, 499, t. IX, X; Den přeseď pěsnoslavlju tja Spase 463; Dobré plody učení velikých učitelů církve 464; Důstojno jest 462, 463, 493—495, 496, 498, 499, t. XII; ejhle beránek Boží 464; Hetimasie 481; Jednorozený syn Slovo Boží 462, 463, 467, 468, 469, 496, 498, 499, t. I, II; kanon na ischod duši 463; na Velikou sobotu 465; keř nespálitelný 464, 465, 467; křížové války 195; liturgie 465, 466, 487—491; neplač nade mnou, matko 470—471, 472; neusínající oko 466, 467, 469; obnovení chrámu 462; odpočinul Hospodin na den sedmý 462, 464, 470—472; otecstvo 492;

o tebe radujetsja 463, 467, 468, 469, 490, 491—493, 496, 498, 499, t. XI; plody Kristova utrpení 464, 472; pojdte lidé, pokloňte se trojbytnému Božstvu 462, 463, 464; poslední soud 462, 466, 467, 485; původ kněžstva 469; sbor archanděla Michaela 492, 493; sněmy církevní 478—480, 486; Sofia přemoudrost Boží 462, 468, 482; Šestodnev 492; věřím v jednoho Boha 462, 463, 469, 473—487, 496, 498, 499, t. III—VIII; vidění Eulogiovo 464; Ezechielovo 464, 465, 466, 475—476; Isaiášovo 464, 473, 478; sv. Jana Boh. 464, 476; sv. Jana Klim. 464; Nifontovo 464; Panny Marie 464; Petra Aleks. 464, 466, 479; Řehořovo 485; Sergiovo 464; Sesiniovo 464; v hrobě tělem 462, 463; Podlinniky 467; Dionisa z Agrafy 476; filimonovský 473, 477, 486, 487, 497, 498; stroganovský 473, 475, 477, 486, 487, 497, 498; nápisy 399, 394—395

islam: poměr k monofysitismu 188

Jerusalém: Golgota 471, 480; Sion 136, 140, 155, 158, 175

Jihoslavie: příručka chronologická 273

keramika: v Preslavi 391—395, 401

klasičká literatura: filosofie Diona Chrysostoma 220—221; Nekromantia Lucia nova 111, 112, 131, 132

kláštery: Athos: Dionisiati 465, 479; Dochiariu 465, 479; Chilandar 505; Kotlumuš 465; Lavra 479, 495; Pantelejmon 468; sv. Pavla 465, 466; Vatopedi 504; Zographou 508; Bačkov 465, 476, 485, 491; Blacherny 163; Ferapontov 468; Frušna hora 524—525; Kučetský 416; Lesnovo 466, 469, 497; Markov 466, 495; Orěchovo 508; Pantelejmonův u Preslavě 85; Parotiský 333—334, 342; Pečerský v Kyjevě 250, 309; Rylský 508; Struglievský 416; Sučeviča 195; Tismjanský 416; Vodický 416

Kongres III. mezinárodní pro byzantino-

- logii 256—264
konjugace: δίδωμι s accusat. 345; infin. τᾷ 71, 72; přičestí minulého trpného 547
konsonantismus: ч, з, шч, ш pro tj, dj, stj, š 71, 72; ж—dj 71; ѡр—ѡт 71; ѡ z tj, kt 71; ѡр, ѡр, ѡл mezi konsonan. 72; дл—dl 72; ш v základě кш
kostely: v Ani 406; Arborea 467, 495; Badauc 245; Balinești 246, 467; Berestovo 253, 254; Botoșany 246; Cetățuia 467; Dafni 485; Dorohoe 245; Drahoirna 246; Džanavar-tepe 551; Euboia 466; Halič 254; 246, 247, 467, 468, 495, 497; Horžany 254; Chersones 254; Cholm 254; sv. Ilija 245; Jaroslavl: sv. Eliáše 489, 490; sv. Jana v Korovnikách 492; Mikuláše Mokrého 477, 479, 480, 491; Narození Páně 491; Pozdvížení sv. Kříže 492; Spasitelův v Rostově 491; Zjevení Páně 492; Zesnutí P. M. 491; Krakov 254; Lavrov 254; Matejič 466, 495; Mlado Nagoričino 195; Moskva: Blagověščenský 462, 463, 464; Rogožský hřbitov 471, 473, 477; Řehoř Neokésarijský 473, 474; Uspenský 462; Voskresenský 489; Mukačevo 254; Neamč 245; Neredice 485; Novgorod (Spas) 491—492; Papouc 246; Patleir 552; Patrauc 245; Peč 194—195; Pobrata 246; Preslav 201, 383, 391, 403, 552; Putna 245, 249; Romanovo 491; Storchorodek 252; Suceava 246, 467, 495; Sucevița 246, 247, 467, 468, 472, 497, 498; Tolčkovo 471—472, 492; Torcelli 485; Tyrnovo, 40 mučed. 65, 552; Uvruč 252; Vatra Moldavița 246, 247, 467, 495; Vladimír Volynský 252, 253; Vologda 291; Volotovo 243; Voronež 245, 467; viz fresky
kříž: z nápisů v Preslavi 384, 401; Zazchi v Gruzii 134, 140
Křtíkáci 411
Kurmanové 320, 545—546
Kuronsko 55
kyrillice: album písma 273; k. bulharská 383; nápisy z Preslavě 383, 386, 392 až 393, 395—398, 398—402, 403; listiny Iv. Mirči 415, 416, 417; paleografie: vliv epigrafiky 387—388; lehkost psaní 75; užívání ѡ 388—389, ѣ 76, 78, ѡ 76, 78, ѡ 76—77, 78; otázka zámeny hlaholice k. 79—88; sestavení k. Konst. Presb. 85—88
kyrillo-metodějská otázka: k. m. škola 325 až 326, 329; autorství 2 scholií 198 až 199; poměr Říma k K. a M. 185—186; překlad diatessary a vliv vulgaty 90, 91; latinské liturgie 542
latinský jazyk: listiny Ivana Mirči 421; latinismy u Slovanů 547, 548; transkripce řeckého evang. Janova 260 až 261
lexika: moravských a ruských pramenů 330—331
listiny: Antonia, patriarchy 556; byz. císařů 511—513; Ivana Alexandra 508; Ivana Asěna II 504; Ivana Mirči Velikého: vydání 415, 416, 423—424, 429; seznam l. 416; l. králi Vladislavu z 10. srpna 417—420; l. z r. 1403. 420 až 423; jazyk listin 424—426; slovníček 427—428; Ivana Šišmana 508; Jana VIII., papeže 369; Kulina, bana 70, 71, 74; kodikelloso Christodula 500, 501; Miroslavova 509
Litva: vliv na mold. diplomatiku 501; viz Normanové
liturgika: byzantino-slovanská 513—515; bohoslužba na počest sv. Anastasie 123; hymny viz Byzantsko, ikonografie
Makedonie: dějiny Kastorie 223—224; otázka makedonská 216—218, 270; starožitnosti viz Bulharsko
malířství: obraz Giottův 172, 179
miniatury: armenské ruk. kr. Mlqê 196; evangelia No 1 Iverského kl. na Athosu 134, 136, 137, 138, 174, 180; Harley 1810—142, 143, 144, 145, 154, 174, 180; Montecassino 138, 147, 175; Rabula 196; řeckého Bibl. Ambr. 151, 177
Morava: moravsko-pannonské legendy 325

- až 326; vliv na Rusko 329, 330; postavení Moravanů v Skazanii o preložení knig 325—326
- mosaiky*: Daphni 134, 138, 139, 144, 175; Kachrie Djami 168—169, 173, 179, t. XVII; Martorana v Palermě 143, 174, 180; Opera di Duomo ve Flor. 154, 164
- museum*: Bedřichovo v Berlíně 492; Britské 140; Cluny 472; Ruské 472
- Německo*: poselství k Ottovi I. a Ottovi II. do Quedlinburgu 103, 104, 108 až 109
- Normani*: ve východní Evropě a kolonizace 33—58, 285—308; n. kol. v západní Evropě 45, na Baltickém moři 45, 286—287; styky s Finy 45—46; s Gothy 46—47; styky se Slovy a Řeky 48 až 49; 50—51; v Polsku 287—289; na Litvě 289—290, v Rusku 290—293; styky s Chazary 50. Viz Rusko
- oděv*: himation 151; císařská dalmatika 144, 176; červené boty 167, 175; moforion 144; pás 155, 156, 157, 159, 161, 178; slovanský podle bulharských miniatur 268; thorakion 197
- ornamenty*: rukopisů haličských XVI a XVII. st. 248, rumunských 554; or. slovanský 549; ukrajinský 253
- Pečenězi* 411, 438, 545—546
- Persové* 435, 442, 444
- Podkarpatská Rus*: práce A. L. Petrova 556; otázka jazyková 543; dřevěné chrámy 531—535; rotundy 255
- Polsko*: byzantské studie 273—274; styky s Byz. v XI. st. 546; vlivy Byz. v XV., XVI. st. 249—250; byz. ruská malířská škola 200—201; vliv na diplomatiku litevskou 501; styky Vlad. Jag. s vévodou valašským 415, 420—422; p. vlivy ve Valachii 424—425, 426, 429; otázka normanského původu státu 287—288
- rukopisy*: abecedarium bulharské 74; mni- chovské 74, 76; apoštol 74; apoštol Krechovský 231—232; kodexy: Ambr. E. 81, XV. st. 432; Atheniensis No 221—433; No 462—431; No 778—433; No 1275—431, 434; No 1350—431, 432, 434; coisilianus 263, 408; Marianus 90; de administrando imperio 260; viz euchologium, evangelium; kniha Savvina 389, 393, 397, 399; listky: chilendarské 396, 397, 402; kyjevské 70—71, 72, 74, 77, 78; makedonský kyril. listek 390, 392, 397; pogodinské 397, 400; pražské 70, 71, 72, 74; Undolského 397, 400; minea supraslská 389, 390, 396, 397, 398, 399; Skazanie Chrabra 74; sborníky Českého Nár. Musea No 23—433, 445, 449; No 70—431, 451—454; Mosk. Synod. Bibl. XV. st. 395; Rumjancev. musea No 1735—432, 433, 454 až 460; vidění Anast.: Bělehr. Nár. Bibl. No 738—113, 114, 130—131, 132, 133; Sof. Nár. Bibl. No 629—113, 127 až 130, 132, 133; viz žaltář
- Rumunsko*: Valachové v Paristrii 545, 546; vláda Štěpána Velikého 195; Gurgevo 416, 420, 421, 426; diplomatika: chrisobull 503; změny v byz. diplomatie 505—507, 508, 509; vlivy západní a litevské 501, 507, 509; Moldavci 421, 500; Valaško: kancelářský jazyk 416, 424, vlivy západoruského j. 425—426, 429; listiny vévody Ivana Mirči V. 415 až 429; lidová literatura 232—235; umění: architektura v Bukovině 245 až 246, Sedmihradsko 526—527; malířství: fresky bukovinské XV., XVI. st. 246 až 247, Sedmihradsko 526; podobizny rumunských panovníků 264—265; scholastická themata a vliv na Rusko 465, 467—468, 472, 497; vliv byzant. umění 169
- Rusko*: bibliografie: kritika prací Nikolského o ruských letopisech 309 až 332; studie ruského umění 240—242; jihoruského (ukrajinského) umění 247 až 255; theorie o původu Rusů 33, 34 až 35, 42—43; dějiny: počátky Rusů

33—58; 285—308; 317—318; účastenství Normanů v utvoření ruského státu 35; totožnost Rusů a Normanů 35—44; cesty Normanů do Černého moře 51 až 54, 300; skandinávské osady v Rusku 56—57; knížetství normanské 292 až 301; Kyjev 292, význam v starší době 323; Berdaa 292, na Černém moři 292 až 293, 301; Tmutorakan' 268; Biarmie 55, 291—292; Izborsk 290, 300; Pskov 290; Rogvoldovo 290, 300; Turovo 292, 300; Sineusovo 291, 300; příchod Rjurika 298, 299, 300; Svjatoslav Igorevič v Bulharsku 102, 105—109; rok smrti 269; doba Vladimíra Sv. 305, 308, 314, 328, 329; R. a Byzantsko — smlouvy 97, 268, 550—551; viz Byzantsko; poljudie a jeho význam, zpráva Konst. Porf. 92, 95—96, 303; Moskva požár 1547 r. 462, 464, 467; 468, 469, 473 viz kostely; stohlavý sobor 464, 481, 497; proces djaka Viskovatého 462—463, 464, 465; Novgorod 297—298, 299—300, 462, 469, 497, 498; Pskov 462, 469, 497, 498; Dimitrov 462, Troicko-Sergievska lavra 464, Smolensk 462, Zvenigorod 462. **Jazyk:** rusismy v církl. slov. 71; jižní, ruský literární jazyk 231—232. **Literatura:** I. činnost doby Jarosl. M. 312—313, 314, 328—329, 332; prameny ruského letopisu 308—332; otázka chronologie 310; poměr ruské kroniky k Pověsti vremen. let 311—315; 2. redakce 315—316, název 316—317; interpolace 320—322, 331; Skazanie o preložení knig 314, 315, 322—327; rusofilství pověsti 327—331, 332; Chronograf po velikomu izloženíju 317, 327, 329; Chronografická palea 311, 312, 313; Letopisec ellinský 311, 312, 313; letopisec patr. Nikifora (překlad) 78 až 80, 85, 86, 87, 88; vlivy byz. 233, 309 až 315, 331; vlivy západoslovanské 309 až 332; překlad Agapita 222—223; znalost Platona 271—272. **Umění:** staroruské malířství ikonné 240—244, 521 až 524, 528; XIV—XVI st. 529—530,

531; malíři moskevští 462, novgorodští 462, 465, 497; pskovští 462, 465, 497; ikonografie: Nanebevzetí P. M. 167—168, 169—170; románské vlivy v staroruském umění 248, 252, 254; Černihov 250, 251, 252; Kyjev 248, 249, 251—252; Tmutorakan' 243

Řím: numismatika 336; vliv na Slované 239—240

Sicilie 501

skulptura: ikonostas ze sv. Jiří z Gallisty 197; z Malého Gradu 197; dyptich Brit. musea 140; kapituly z Diarbekiru 196; tabula ze South Kensingtonu 134, 137, 138, 174, 175, 180; tabula z Toleda 146, 147; reliefy: z Athosu 142, bronzové dveře v Suzdalě 151, 156, 161 až 163, 173, 177, 178, 197, t. V₂; br. dveře vasiljevské 170; reliquiář stroganovský 142; tympan chrámu sv. Petra v Puellier 165—166

Skythové 545—546

Slované: otázka balkánské skupiny jazykové 225—226; slovanský jazyk Kyr. a M. 75; lokalisace prarodiny Slovanů 265; původ Antů 258; Velegezitové 258—259; Sl. v Illyricu 185—186; v Thessalii 270—271; kolonie v Albanii 519—521; starožitnosti 402; paleografie: poluustav 387—388; ligatura 391; vodní značky na papíru 452; myšlenka Skaz. o prelož. knig 322—323; 326—327; náboženství: prameny 272; vliv řecko-římské mythologie 235—240; zeměpis věštebných knih 433—434

Srbsko: starožitnosti Frušnohorských klášterů 524—525; Makedonie 227; diplomatika: vliv byzant. dipl. 500, 503, 508; změny v srbské kanceláři 505—507, 508 až 509; užívání prostagmatů 512; byzantinism v době Dušanově 200; zprávy o bitvě na Kosím poli 546—547; Abagar z Lublan 272—273; srbské texty vidění Anastasiova 125—126; umění: zprávy o starších ikonách 553—554; ma-

- lířství XIII—XIV st. 464, 465, 466, 468, 469, 497, 498; pečský malíř XIV. st. 194—195; viz Ikonogr. Nanebevzetí P. M.; tkaniny 525
- Turecko*: líčení smrti sul. Murada 547; Osmanové 442
- Turci Seldžukové*: počátky sultanátu 189; na černomořském pobřeží 271; viz Byzantsko
- Uhry*: název Uhrů u byzantských autorů 201; poměr k Byzantsku v X. st. 97; zprávy ruského letopisu 320
- Ukrajina* viz Polsko, Rusko
- Unie florentská* 550
- věšība*: věštebné knihy byzantské 430 až 434; novořecké 430, 431, 461; slovan-ské 430, 431, 445, 446, 451—461; t. zv. autoři knih 434—436, 461; doba vzniků knih 440—441, 461; vývoj věšt. knih 451, 461; Gromniky 430—434, 443, 444, 445, 446, 450, 451—461; Koljad-niky 435, 443; Lunniky 434; Seismolo-gie 484, 442, 443
- vokalismus*: užívání η místo ι 345; užívání ογ místo α a ω 71; ι a ε v evang. arch. 71; ογ, ιο místo α, ω 71, 72; ια místo ω 71, 78; α v bulharštině 388 až 389; zvláštnosti st. slov. pramenů 68; užívání κ pro č a ja 70, 77, 78; λ a ρ a 71
- výstava byzantského umění* v Paříži 536 až 542; v Grottaferratě 537
- Západní umění* 156; vlivy v XII.—XIII. st. 162, 172—173; vlivy na ruské malíř-ství 465, 469, 472, 474, 486—487, 497, 498; vliv piscatorův 477, 485—486, 487, 498
- zeměpis*: metoda užívání jmen topogra-fických 285—286
- Žaltář* Gertrudin 540; řecký 476; sinajský 228—232, 396; slucký 397.